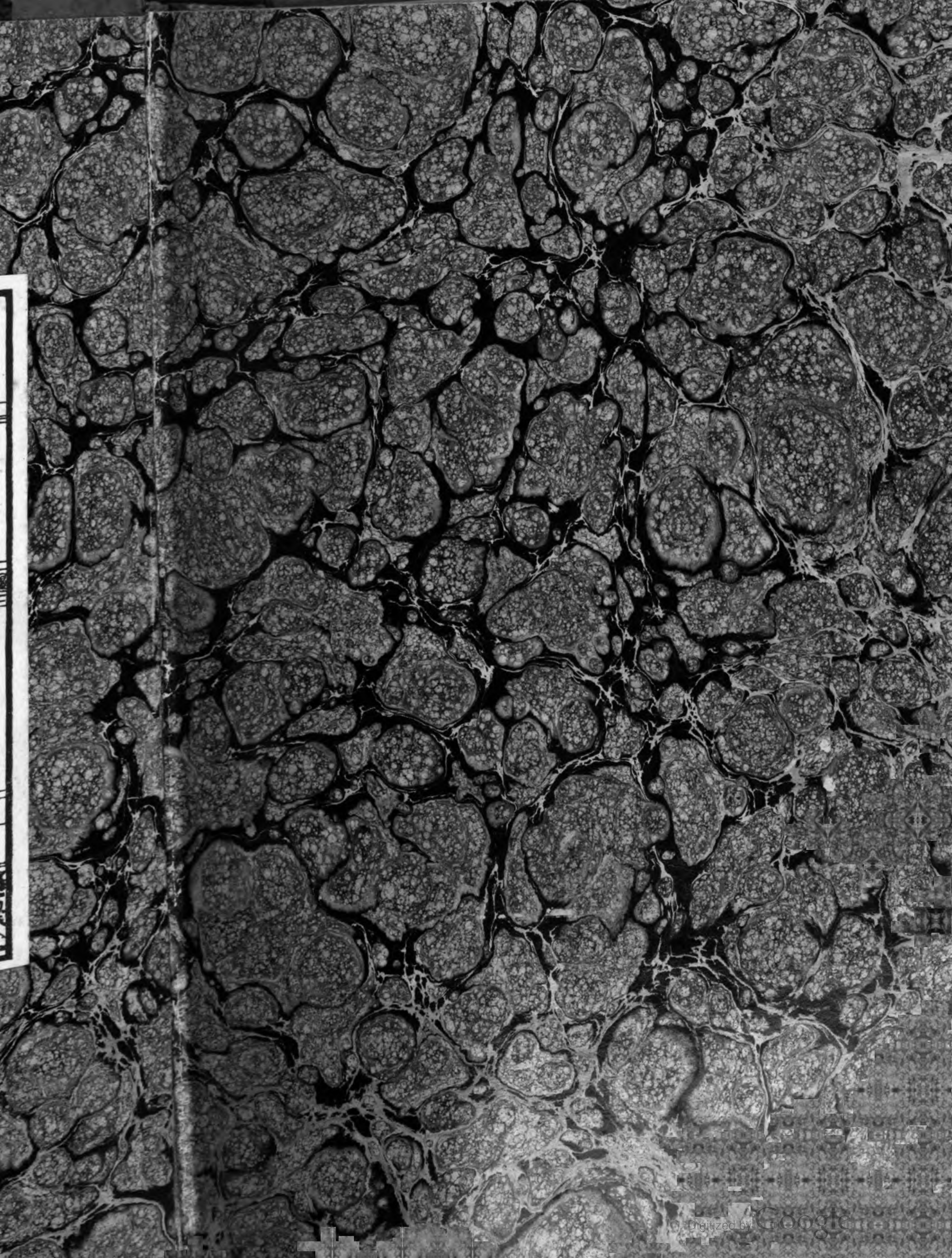

Русская старина

Ex Libris
W.E.D. Allen

Digitized by Google

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXIV-й. ІЮЛЬ. 1893 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

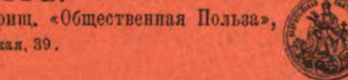
ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ **А. И. Михайловскаго-Данилевскаго.** Гравировалъ К. Адтъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. «Общественная Польза», Большая Подъяческая, 39.

1893.

VII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го іюля 1893 г.

Saxe et Moscou. Un médecin diplomate. Laurent Rinhuber de Reinufer par P. Pierling.

Paris. 1893. 8° 160.

Саксонецъ Лаврентій Рингуберъ—одинъ изъ тѣхъ нѣмцевъ-авантюристовъ, которые во множествѣ заявлялись въ Московское государство поискать себѣ счастія, съ тѣмъ развѣ отличіемъ отъ главной ихъ массы, что онъ не обладалъ практической сноровкой. Медикъ по образованію, прибывшій въ Москву въ первый разъ (1668 г.) съ докторомъ Блюментростомъ, онъ, въ качествѣ учителя школы въ Нѣмецкой Слободѣ, помогалъ пастору Грегори въ постановкѣ театральной пьесы «Артаксерксово дѣйство», удачно сыгранной предъ Алексѣемъ Михайловичемъ нѣмецкими школьниками. Положеніе второстепеннаго лица въ этомъ дѣлѣ не удовлетворяло Рингубера. Его уже охватывали все разроставшіяся въ немъ мечты сыграть видную дипломатическую роль въ сношеніяхъ Россіи съ западноевропейскими государствами и съ Китаемъ, Персіей и Абиссиніей, причемъ его въ особенности занимали отношенія вѣроисповѣдныя, затѣмъ культурныя, экономическія, политическія. «Этотъ импровизованный дипломатъ и хитроумный докторъ—пишетъ о немъ о. П. Пирлингъ—мечталъ о фантастическихъ путешествіяхъ и посольствахъ въ Азію и Африку, до границъ свѣта. Пока предлагалъ свои услуги Саксоніи, Австріи, Риму и Франціи. Его предпріимчивость не знала границъ, ярый протестантъ въ Германіи, онъ былъ въ Италіи не менѣе ярымъ католикомъ, и, смотря по обстоятельствамъ, мечталъ присоединить Россію или къ лютеранству, или къ папству. Преслѣдуя эту идеальную цѣль, онъ никогда не терялъ изъ виду матеріальныхъ интересовъ». Понятно, что всѣ его предпріятія, одно другаго рискованнѣе, на которыя пускался онъ, не увѣнчивались успѣхомъ, и онъ померъ на своей родинѣ, не видя ни выполненія своихъ фантазій и не пріобрѣтя себѣ ни матеріальныхъ богатствъ, ни почетнаго положенія.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

основанное 1-го января 1870 г.

1893 г.

ІЮЛЬ. АВГУСТЪ. СЕНТЯБРЬ.

ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

ТОМЪ СЕМЬДЕСЯТЪ ДЕВЯТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. „Общественная Польза", Бол. Подъяч., 39.
1893.

Дозволено цензурою. Спб., 17 Іюня 1893 г.   Тип. тов. „Общ. Польза“, Б. Подъяч., 39.

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ

МИХАЙЛОВСКІЙ-ДАНИЛЕВСКІЙ

род. 1790 † 1848.

Изъ историческихъ записокъ Іоанна-Альберта Эренстрема [1]).

После кончины действительнаго статскаго советника Эренстрема, въ Упсальскій университетъ въ теченіе курсоваго 1847—1848 года переданъ былъ ящикъ съ следующею надписью: «ящикъ этотъ содержитъ въ себе мемуары, заметки, переписку и т. п. бумаги покойнаго действительнаго статскаго советника Іоанна-Альберта Эренстрема; документы эти, согласно его распоряженію, передаются въ даръ Упсальскому университету. Ящикъ не долженъ быть вскрытъ раньше 15-го апреля 1872 года, после чего мемуары могутъ быть напечатаны». Когда, по истеченіи назначеннаго срока, ящикъ былъ открытъ, и библіотекарь университета, г. Стюффе (C. G. Styffe) вошелъ въ соглашеніе съ издателемъ г. Шульцемъ о напечатаніи мемуаровъ, то редакція ихъ поручена была доценту Упсальскаго университета С. И. Боетіусу (S. J. Boëthius), и въ 1882 году они были напечатаны.

Эренстремъ былъ современникъ блистательнаго, тревожнаго и богатаго интригами, злоумышленіями и заговорами періода, близко предшествовавшаго началу настоящаго государственнаго строя Швеціи,— современникъ Густава III, Армфельта и Рейтергольма; и хотя онъ, занимая второстепенное служебное место, не можетъ быть причисленъ къ главнымъ деятелямъ политическихъ событій того времени; но, пользуясь особымъ доверіемъ короля Густава III, онъ темъ не менее имелъ случай знать о всехъ скрытыхъ деятеляхъ, действовав-

---

1) Statsrådet Johan Albrekt Ehrenströms efterlemnade historiska anteckningar utgifna af S. J. Boëthius, Docent vid Upsala universitet.—Upsala. 1882. (Историческія записки действительнаго статскаго советника Іоанна-Альберта Эренстрема, изданныя доцентомъ Упсальскаго университета С. И. Боетіусомъ.— Упсала. 1882.—Две части). Ред.

шихъ въ послѣдніе тревожные годы царствованія этого короля; а потому записки его, хотя къ нимъ и слѣдуетъ относиться съ осмотрительностію, могутъ принести не малую пользу при историческихъ изслѣдованіяхъ событій той эпохи, тѣмъ болѣе, что авторъ былъ дѣятельнымъ участникомъ въ интригахъ Армфельта и г-жи Руденшельдъ, для низверженія власти Рейтергольма.

Печатая только извлеченіе изъ записокъ Эренстрема, считаемъ не лишнимъ вкратцѣ изложить его біографію.

Іоаннъ-Альбертъ Эренстремъ родился 28-го августа 1762 года въ Гельсингфорсѣ. Отецъ его, Нилъ-Альбрехтъ Эренстремъ, былъ въ то время подпоручикомъ артиллеріи, а впослѣдствіи комендантомъ Ваксгольмской крѣпости, гдѣ и умеръ въ 1799 году. Первые 23 года жизни Эренстремъ провелъ въ Финляндіи, гдѣ рано вступилъ въ военную службу, и 17-ти лѣтъ былъ опредѣленъ кондукторомъ инженернаго вѣдомства. Уже въ этомъ раннемъ возрастѣ онъ пришелъ въ соприкосновеніе съ политическими дѣятелями того времени и увлекся идеями, волновавшими тогда умы. Въ это самое время Густавъ III началъ терять общее къ нему расположеніе, и со стороны дворянства противъ него возникла сильная оппозиція. Всему этому виною отчасти былъ самъ король. Его расточительность, его обширные военные замыслы, его склонность дѣйствовать самовластно, вовсе не согласовались съ конституціоннымъ государственнымъ строемъ Швеціи. Его стремленіе—превратить шведское дворянство въ царедворцевъ тревожило и раздражало не безосновательно многихъ, достойныхъ уваженія и преданныхъ отечеству, членовъ этого сословія. Но въ этой оппозиціи дѣйствовали еще и другія силы. Въ Швеціи, какъ и въ остальной Европѣ, молодежь, особенно дворянскаго сословія, восхищалась теоріями французскихъ философовъ, и особенно Руссо. Мечтали въ теоріи о равествѣ, хотя быть можетъ на практикѣ и были самыми гордыми аристократами. Не уясняя себѣ сущности ученія Руссо, увлеклись его ниспровергающими общественный строй ученіями; и осуждать безъ разбора дѣйствія правительства сдѣлалось модой, средствомъ показать себя просвѣщеннымъ и самостоятельнымъ гражданиномъ. Нѣкоторые, возставшіе во имя свободы, противъ дѣйствій короля, разумѣли въ сущности подъ именемъ свободы, уничтоженные революціей 1772 года: мздоимство, подкупность и власть дворянскихъ партій. Другихъ подстрекало къ оппозиціи уязвленное самолюбіе, или неудовлетворенные честолюбивые замыслы. Ненормальныя же отношенія, въ періодъ такъ называемаго времени свободы, до того исказили политическія понятія, что многіе изъ этихъ патріотовъ, ни мало не смущаясь, искали для своихъ замысловъ поддержки русской самодержицы. Вмѣстѣ съ тѣмъ о королѣ распространяли самыя возмутительныя злословія, а недовольные съ злорадствомъ повторяли эти

слухи. Въ Финляндіи эта дворянская оппозиція приняла особенно опасный характеръ и наконецъ съ силою проявилась въ преступныхъ дѣйствіяхъ членовъ Аньяльскаго союза. Душою этихъ мятежныхъ предпріятій въ Финляндіи былъ, столь печально прославившійся, Георгій Магнусъ Спренгтпортенъ. Щедро одаренный умомъ и силою воли, Спренгтпортенъ неоспоримо принадлежалъ къ выдающимся личностямъ того времени; обладая способностью привлекать къ себѣ людей и руководить умами, онъ сталъ сильнымъ организаторомъ задуманнаго имъ плана. Въ началѣ онъ посвятилъ свои способности на благо своего отечества и, при содѣйствіи старшаго своего брата Якова, энергично принялъ участіе въ революціи 1772 года, театромъ которой была Финляндія; а когда, въ 1775 году, былъ назначенъ королемъ командиромъ Саволакской бригады, то дѣятельно и съ особеннымъ пониманіемъ выгодъ страны устроилъ пограничныя оборонительныя силы Финляндіи, чѣмъ пріобрѣлъ тамъ многочисленный кругъ почитателей, особенно среди молодыхъ офицеровъ изъ дворянъ. Но уже тогда началъ проявляться его подозрительный и безпокойный нравъ, а когда ему, въ 1779 году, во время командировки, не дали такого большаго содержанія, какое требовалось для его роскошнаго образа жизни, и король принялъ, поданное имъ вслѣдствіе его неудовольствія этимъ, прошеніе объ отставкѣ, то Спренгтпортенъ возненавидѣлъ за это Густава III и, чтобы отомстить ему, а также удовлетворить свое безграничное властолюбіе, рѣшился съ помощью Россіи отторгнуть Финляндію отъ Швеціи. Возвратясь въ Финляндію въ 1781 году, онъ началъ приводить въ исполненіе эти свои замыслы; но ему, повидимому, удалось вполнѣ втянуть въ нихъ только очень незначительное число дворянъ. Однако, по словамъ Эренстрема, происки Спренгтпортена не остались совсѣмъ безъ вліянія на другіе слои общества. Стараясь возбудить ихъ неудовольствіе противъ короля, пользовались всякимъ случаемъ распускать о немъ дурные слухи, и основанный въ 1780 году. такъ называемый орденъ Валгалла (Valhalls-orden), состоявшій изъ молодыхъ дворянъ и руководимый преданнымъ приверженцемъ Спренгтпортена, капитаномъ Андреемъ-Іоанномъ Егергорномъ, вѣроятно имѣлъ главною цѣлью въ свое время осуществить планы Спренгтпортена. Въ этотъ орденъ былъ принятъ и молодой Эренстремъ, который въ то время, какъ истый почитатель новаго ученія французскихъ свободомыслителей, былъ проникнутъ анти-монархическими идеями, и его жизнеописаніе заключаетъ въ себѣ много интересныхъ разъясненій о дѣятельности ордена и выработавшихся въ немъ взглядовъ на вещи. Эренстремъ еще болѣе проникся ими, когда, въ 1785 году, пріѣхалъ въ Стокгольмъ, гдѣ намѣревался искать мѣста по дипломатической части, и въ началѣ слѣдующаго года былъ опредѣленъ экстраординарнымъ канцеляристомъ

*

въ канцелярію Его Королевскаго Величества. Тогда-то ему и пришлось стать въ болѣе близкія отношенія къ Спренгтпортену, который, чтобы присутствовать на сеймѣ 1786 года, вернулся въ Швецію послѣ пребыванія своего въ Голландіи, въ теченіе котораго онъ вошелъ въ переговоры съ Россіею о своихъ планахъ отторгнуть Финляндію отъ Швеціи. Когда же Спренгтпортенъ захотѣлъ, чрезъ Финляндію, поѣхать въ Россію, на службу которой теперь открыто перешелъ, то пригласилъ Эренстрема сопутствовать ему въ Финляндію. Эта поѣздка представляетъ странный эпизодъ въ жизни Эренстрема и бросаетъ двусмысленный свѣтъ на его образъ мыслей. По возвращеніи изъ нея въ 1787 году, Эренстремъ подалъ Густаву III записку, въ которой заявлялъ, что поѣхалъ съ Спренгтпортеномъ исключительно и единственно съ цѣлью раскрыть, для блага короля и государства, средства, которыя Спренгтпортенъ намѣревался употребить для достиженія своего замысла: отторгнуть Финляндію отъ Швеціи. На основаніи этого доклада и распространилось мнѣніе, что Эренстремъ, по приказанію короля, поѣхалъ въ качествѣ шпіона. Между тѣмъ, въ жизнеописаніи своемъ Эренстремъ даетъ совершенно иное объясненіе своему образу дѣйствій, а именно, что онъ, подъ впечатлѣніемъ выработавшихся у него въ Финляндіи взглядовъ на вещи, сталъ воспріимчивъ къ подобному вліянію, отчего, вполнѣ отдавшись чарующему обаянію Спренгтпортена, по приглашенію его, поѣхалъ съ нимъ въ Финляндію, а затѣмъ далъ себя уговорить безъ отпуска послѣдовать за нимъ въ Россію. Что ему въ теченіе этой поѣздки разъяснились темныя стороны въ характерѣ Спренгтпортена и преступные его замыслы, что ему только съ большимъ трудомъ удалось вырваться изъ-подъ его власти и вернуться обратно; что онъ по возвращеніи намѣренъ былъ дѣйствовать, сообразно съ новыми своими воззрѣніями; но притомъ, изъ боязни подпасть немилости короля, самъ на себя наговорилъ, что въ качествѣ шпіона послѣдовалъ за Спренгтпортеномъ. Которое изъ этихъ объясненій вѣрно, трудно рѣшить съ полною достовѣрностію, такъ какъ оба они основаны на показаніяхъ самого же Эренстрема; но послѣднее все же болѣе вѣроятно и естественно. Чтобы Эренстремъ предпринялъ поѣздку по повелѣнію короля,—невѣроятно, такъ какъ онъ въ докладѣ своемъ королю говоритъ, что по собственному побужденію рѣшился такъ поступить, чтобы добыть свѣдѣнія о планахъ Спренгтпортена, а также выражаетъ свои опасенія, что сдержанность и осторожность, которыя, въ виду своего шпіонства, онъ долженъ былъ соблюдать въ отношеніяхъ съ шведскимъ посольствомъ въ Россіи, могутъ быть дурно истолкованы. Однако, чтобы Эренстремъ безъ приказанія короля, по собственному лишь побужденію взялся за такое опасное и двусмысленное дѣло, тоже трудно допустить въ юношѣ, только-что пріѣхавшемъ въ столицу, чтобы составить себѣ карьеру.

Впрочемъ, по крайней мѣрѣ въ одномъ пунктѣ имѣется возможность подтвердить справедливость заключающагося въ запискахъ Эренстрема описанія его отношеній къ Спренгтпортену. А именно въ жизнеописаніи говорится, что Спренгтпортенъ въ Кіевѣ принудилъ Эренстрема выдать ему свои бумаги, а также что въ нихъ между прочимъ заключались не совсѣмъ лестные отзывы о Спренгтпортенѣ, и оказывается, что въ числѣ бумагъ Спренгтпортена, хранящихся въ Гельсингфорской библіотекѣ, есть записка, писанная рукою Спренгтпортена, которая составляетъ какъ бы отвѣтъ на эти замѣчанія о немъ Эренстрема, но о которой тотъ, повидимому, не имѣлъ свѣдѣнія. Однако, что бы ни побудило Эренстрема къ этой поѣздкѣ и какая бы ни была у него цѣль, то онъ все же чрезъ нее имѣлъ случай собрать крайне интересныя свѣдѣнія, для разъясненія личности и плановъ Спренгтпортена.

По возвращеніи въ Швецію, въ жизни Эренстрема началась новая эпоха. Теперь онъ сталъ вполнѣ и беззавѣтно преданнымъ королю человѣкомъ, и какъ предъ тѣмъ онъ былъ глубоко посвященъ въ планы козней, предпринимаемыхъ извѣстными кружками противъ короля, такъ теперь имѣлъ возможность близко и хорошо ознакомиться съ личною дѣятельностію и стремленіями короля и могъ шагъ за шагомъ слѣдить за ними.

Послѣ того какъ Эренстремъ, по повелѣнію короля, совершилъ поѣздку въ Остзейскія провинціи и въ Пруссію, чтобы, между прочимъ, по случаю предполагавшейся противъ Россіи войны, развѣдать о настроеніи умовъ въ этихъ мѣстностяхъ, въ 1788 г. онъ былъ назначенъ вторымъ секретаремъ при кабинетѣ Е. К. В. по заграничной перепискѣ и вслѣдствіе этого находился при главной квартирѣ въ теченіе 1788, 1789 и 1790 гг., въ достопамятную войну этихъ годовъ.

Въ слѣдующемъ году онъ сопровождалъ короля въ Аахенъ, и ему, повидимому, теперь предстояла блистательная карьера; но внезапная смерть Густава III сразу уничтожила всѣ его надежды на блестящую будущность. Недовольный новымъ правительствомъ, онъ вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ имѣніи въ Дьюрэ, вблизи Стокгольма, и здѣсь-то вступилъ въ злосчастную для него переписку съ Армфельтомъ. По раскрытіи этого, онъ былъ приговоренъ къ лишенію имущества, чести, дворянства, къ выставкѣ у позорнаго столба въ кандалахъ и къ смертной казни чрезъ отсѣченіе головы. 23-го сентября 1794 года состоялась выставка его у позорнаго столба; но на лобномъ мѣстѣ онъ былъ помилованъ отъ смертной казни, и она была замѣнена заключеніемъ въ Карлстенскую крѣпость. По достиженіи Г у с т а в о м ъ IV А д о л ь ф о м ъ совершеннолѣтія, Эренстремъ въ декабрѣ 1796 года былъ перемѣщенъ въ Ваксгольмскую крѣпость, гдѣ комендантомъ былъ его отецъ, а въ 1799 году получилъ разрѣшеніе жить въ Дьюрэ, и только въ

1800 году возстановлено было его честное имя и возвращено ему дворянство. Тогда онъ отправился путешествовать за границу и, послѣ государственнаго переворота 1809 г., былъ пожалованъ совѣтникомъ правленія. Въ 1811 г. Эренстремъ поѣхалъ въ Финляндію и, получивъ отъ шведскаго правительства разрѣшеніе тамъ остаться, поселился въ Гельсингфорсѣ, гдѣ, какъ предсѣдатель строительной коммисіи, дѣятельно содѣйствовалъ перестройкѣ города послѣ бывшаго тамъ въ 1808 году опустошительнаго пожара. Въ 1812 году, послѣ свиданія Эренстрема съ императоромъ Александромъ I, онъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра Ш степени; въ 1814 г. получилъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника; въ 1818 г. былъ награжденъ орденомъ св Анны 1-й степени, а въ 1819 году ему пожалована была табакерка съ портретомъ императора Александра I. Въ 1825 г. Эренстремъ вышелъ въ отставку и 15-го апрѣля 1847 года скончался 85 лѣтъ отъ роду.

Изъ этого біографическаго очерка видно, что Эренстремъ жилъ въ самое интересное время прошлаго столѣтія; былъ, какъ оказывается, свидѣтелемъ выдающихся историческихъ событій и принималъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ дѣятельное участіе. Ниже мы изъ его интересныхъ записокъ приведемъ тѣ мѣста, которыя касались встрѣчъ съ историческими личностями Россіи или описываютъ событія наиболѣе интересныя русскому читателю.

Начнемъ съ выдержки изъ описанія путешествія на югъ императрицы Екатерины II, въ свитѣ которой находился генералъ Спренгтпортенъ, а его, какъ сказано было выше, сопровождалъ Эренстремъ.

Наступилъ 1787 годъ. Императрица Екатерина II еще по зимнему пути собиралась предпринять свое знаменитое путешествіе въ южные края своего необъятнаго государства, съ тѣмъ, чтобъ остаться нѣсколько мѣсяцевъ въ Кіевѣ, древнѣйшей столицѣ Россіи, тамъ помолиться въ Печерской лаврѣ, слѣдующей весной по Днѣпру спуститься до пороговъ, а оттуда сухимъ путемъ во вновь выстроенный городъ Херсонъ, гдѣ назначена была встрѣча ея съ императоромъ Іосифомъ II, который потомъ долженъ былъ сопровождать ее въ Крымъ. Приготовленія къ этому путешествію были чрезвычайно дороги и великолѣпны, составляя всеобщій предметъ разговоровъ и возбудивъ любопытство всей Европы. Всѣ иностранныя газеты были переполнены описаніями

этого и догадками на счетъ цѣли путешествія и встрѣчи двухъ могущественныхъ коронованныхъ лицъ. . . . . .

. . . .

Мы ѣхали черезъ Порховъ, Великія Луки, Смоленскъ, Оршу, Шкловъ въ Могилевъ. Въ Шкловѣ тогда жилъ генералъ Зоричъ, бывшій первый генералъ-адъютантъ императрицы и ея фаворитъ въ то время, когда Густавъ III посѣтилъ Петербургъ. Онъ жилъ на широкую ногу, имѣлъ собственный оркестръ и содержалъ на собственный счетъ кадетскій корпусъ, въ которомъ 100 дворянскихъ мальчиковъ получали даровое воспитаніе. Онъ самъ показывалъ всѣ свои учрежденія и не забывалъ во время пребыванія у него шведовъ надѣвать командорскую ленту съ большимъ крестомъ шведскаго ордена Меча. . . . . . .

. . . .

Генералъ Зоричъ, должно быть, въ молодости былъ очень красивъ, но онъ не имѣлъ никакихъ познаній и говорилъ прескверно по-французски. Онъ очень откровенно разсказывалъ о своихъ прежнихъ отношеніяхъ къ императрицѣ и не скрывалъ своей злобы противъ князя Потемкина. . . . .

. . . .

Въ Могилевѣ генералъ Спренгтпортенъ остался на нѣкоторое время, чтобъ ознакомиться съ вновь пріобрѣтеннымъ, близлежащимъ имѣніемъ (Кулашевка), познакомиться съ управляющимъ, бѣднымъ польскимъ дворяниномъ, но, главнымъ образомъ, чтобы выпытать у него денегъ, въ которыхъ онъ постоянно очень нуждался. Заполучивъ немного и во всякомъ случаѣ гораздо меньше, чѣмъ предполагали, мы продолжали путь черезъ Черниговъ и Нѣжинъ въ Кіевъ, гдѣ онъ въ началѣ остановился у князя Дашкова, который предложилъ ему это еще въ Петербургѣ.

Этотъ князь былъ молодой, образованный человѣкъ, воспитанный отчасти въ Швейцаріи, отчасти въ Англіи и Франціи; путешествовавшій также въ Испаніи и Германіи. На языкахъ всѣхъ этихъ странъ онъ говорилъ съ замѣчательнымъ совершенствомъ; при возвращеніи изъ своихъ заграничныхъ путешествій, онъ немедленно получилъ полкъ, расположенный въ Кіевѣ. Чтобъ во время пребыванія здѣсь императрицы быть достаточно хорошо устро-

ённымъ, онъ купилъ два рядомъ лежащіе деревянные дома, такъ какъ другихъ не было въ этомъ скверномъ городѣ. Онъ привезъ съ собой маленькую отборную библіотеку, портфели съ чертежами и гравюрами; у него была многочисленная прислуга, французскіе и русскіе повара и камердинеры, два серебряные сервиза, оркестръ изъ музыкантовъ его полка, одѣтыхъ въ красные кафтаны съ золотымъ шитьемъ и подъ управленіемъ чрезвычайно искуснаго капельмейстера, и все прочее соотвѣтственно этому.

Этотъ князь, мать котораго играла такую видную роль во время революціи 1762 года въ Россіи, а теперь была президентша академіи наукъ въ Петербургѣ, оказалъ мнѣ много добра, какъ иностранцу, и вниманія, котораго не удостоивались подполковникъ и маіоры его полка, хотя эти послѣдніе были князья, какъ онъ, и гораздо старше лѣтами. Когда онъ мнѣ указывалъ мѣсто на диванѣ рядомъ съ нимъ, эти штабъ-офицеры должны были стоя вести съ нимъ разговоръ. Спустя нѣкоторое время, генералъ Спренгтпортенъ нанялъ собственную квартиру одного греческаго семейства, жившаго въ Кіевѣ. . . . .

. . . .

По прибытіи императрицы, жившей въ домѣ генералъ-губернатора Украйны, графа Румянцева-Задунайскаго, который себѣ теперь выстроилъ новый деревянный домъ, она ѣздила каждодневно молиться въ Печерскую лавру; по буднямъ съ соблюденіемъ нѣкотораго инкогнито, но по воскресеньямъ и другимъ большимъ праздникамъ съ императорской роскошью и большой свитой. Въ началѣ моего пребыванія здѣсь, я часто выходилъ съ молодымъ Спренгтпортеномъ и адъютантомъ генерала, Парфенекъ; прекрасный молодой человѣкъ, очень меня полюбившій; подъ защитой его русскаго мундира, я могъ даже подъ глазами часовыхъ срисовать тѣ виды, которые мнѣ нравились. Мы часто дѣлали большія прогулки вмѣстѣ по городу и въ окрестностяхъ. Городъ состоитъ собственно изъ трехъ отдѣльныхъ частей съ различными названіями, изъ которыхъ двѣ лежатъ на большой горѣ на правомъ берегу Днѣпра, а третья—глубоко внизу этой горы у самой рѣки. Здѣсь большое множество церквей и монастырей, всѣ каменные; между послѣдними Печерская лавра пользуется большимъ зна-

ченіемъ по святости; она чрезвычайно богато одарена, и обширное ея строеніе съ многими куполами производитъ большое впечатлѣніе. Петръ I у этой Лавры выстроилъ колокольню, очень большую, въ благородномъ стилѣ и съ позолоченнымъ куполомъ. Но большинство жилыхъ домовъ этого города въ то время были убогія избы, выстроенныя по украинскому способу изъ плетня, снаружи и изнутри облѣпленныя глиной. Улицы были не мощены и вслѣдствіе этого зимою до невозможности глубоки и грязны. Очень смѣшна была разница между этими улицами, съ ихъ жалкими лачужками, и множествомъ блестящихъ экипажей, великолѣпныхъ мундировъ и снующихъ взадъ и впередъ многочисленныхъ, въ золотыхъ ливреяхъ, придворныхъ лакеевъ. Утонченная роскошь Европы и простота образа жизни и бѣдность украинскихъ казаковъ ежедневно боролись другъ съ другомъ. Во всѣхъ губерніяхъ, по которымъ императрица должна была проѣхать, генералъ-губернаторъ принималъ необыкновенныя мѣры для ея удобствъ, въ особенности для улучшенія дорогъ, но генералъ-губернаторъ Украйны упустилъ это, вслѣдствіе чего она при въѣздѣ въ этотъ край ощущала многія ей чуждыя неудобства. Она даже замѣтила графу Румянцеву, встрѣтившему ее на границѣ Украйны и ѣхавшему оттуда въ ея каретѣ, что дороги въ этомъ краѣ плохи, но онъ отвѣтилъ: «Madame! vos sujets Ukraniens sont trop pauvres pour que j'ai pû prendre sur moi de les vexer extraordinairement dans une occasion, où ils ne doivent sentir que le bonheur de voir leur souveraine» [1]).

Далѣе авторъ описываетъ свои личныя отношенія къ Спренгтпортену и какъ они все болѣе и болѣе обострялись. Затѣмъ продолжаетъ:

Въ это время выяснилось, что онъ вслѣдствіе своего дурнаго хозяйства оказался совершенно безъ денегъ. Его нѣмецкій поваръ требовалъ денегъ для закупки съѣстныхъ припасовъ, но средствъ не было. Потомъ узнали, что генералъ занялъ небольшую сумму у князя Дашкова и что онъ по такому же поводу письменно обращался къ графу Безбородко; графъ находилъ этотъ шагъ въ высшей степени безтактнымъ и не счелъ нужнымъ ему даже отвѣтить,

[1]) Ваше Величество! Ваши Украинскіе подданные слишкомъ бѣдны для того, чтобы я могъ взять на себя чрезмѣрно притѣснить ихъ въ то время, когда они должны испытывать только счастье лицезрѣть свою государыню

но онъ о просьбѣ его доложилъ императрицѣ, изъявившей поэтому свое особое неудовольствіе, тѣмъ болѣе, что она только нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ такъ щедро его наградила [1]). Прибывъ въ Кіевъ, оберъ-гофмаршалъ его запросилъ, какимъ образомъ онъ желалъ пользоваться правомъ всѣхъ лицъ, принадлежавшихъ къ свитѣ императрицы: ежедневно получать изъ придворной кухни готовые обѣды на столько лицъ, сколько пожелаетъ, или съѣстные припасы для приготовленія таковыхъ. Изъ гордости онъ отказался принять и то и другое предложеніе, но теперь, когда денегъ не было, онъ вынужденъ былъ просить разрѣшенія пользоваться первымъ предложеніемъ. Этимъ поступкомъ онъ также навлекъ на себя невыгодныя замѣчанія. Между тѣмъ просьба его была уважена, и ежедневно потомъ его прислуга приносила изъ кухни императрицы пять хорошо приготовленныхъ блюдъ: супъ въ мискѣ, а все прочее на серебряныхъ блюдахъ и столько французскихъ булокъ, сколько было столующихся лицъ; кромѣ того, двѣ бутылки меду, краснаго и бѣлаго. Столъ всегда накрывался въ комнатѣ, занимаемой молодымъ Спренгтпортеномъ и мною. Генералъ каждый день обѣдалъ внѣ дома, большею частью у оберъ-гофъшталмейстера графа Нарышкина.

Вскорѣ послѣ этого Спренгтпортенъ опасно заболѣлъ.

Императрица послала къ нему одного изъ своихъ докторовъ, который ежедневно его навѣщалъ. Но наилучшее лѣкарство, имѣвшее на больнаго удивительное дѣйствіе, было личное посѣщеніе князя Потемкина. Пріѣхавъ въ Кіевъ изъ своей Тавриды и узнавъ о болѣзни Спренгтпортена, онъ рѣшилъ,—чтобы показать, что покровительствуетъ ему противъ выказаннаго графомъ Румянцевымъ недоброжелательства,—осчастливить его визитомъ. Разъ послѣ обѣда я услышалъ большой шумъ въ домѣ. Камердинеръ, вбѣжавъ запыхаясь въ комнату, кричалъ: «Le prince!» [2]). Подъ этимъ

[1]) Пожалованіемъ вышеупомянутаго имѣнія близъ Могилева – Кулашевскій, вѣрнѣе Кулашевка.

[2]) Князь.

названіемъ этотъ могущественный человѣкъ былъ извѣстенъ въ странѣ, переполненной принцами и князьями. Сейчасъ послѣ этого я черезъ большую щелку въ дверяхъ видѣлъ, какъ онъ вошелъ въ комнату больнаго, приблизился къ его кровати, и слышалъ, какъ онъ спросилъ, какъ онъ поживаетъ. По полученіи отвѣта, онъ сѣлъ и между прочимъ разсказывалъ, что когда онъ чувствовалъ себя не хорошо, то другаго средства не употреблялъ, какъ молоко. Посидѣвъ съ четверть часа, онъ уѣхалъ.

Уже на другой день генералъ вышелъ изъ постели, но еще долго не вполнѣ оправился.

Описавъ затѣмъ свои непріятныя столкновенія съ Спренгтпортеномъ, свою поѣздку въ Могилевъ за деньгами, обратное путешествіе въ Кіевъ по Днѣпру въ маленькой лодкѣ и т. д., онъ переходитъ къ описанію свиданія въ Херсонѣ.

Когда я пріѣхалъ въ Херсонъ, гдѣ по счастію досталъ отдѣльную квартиру, императрица еще не прибыла, такъ какъ по дорогѣ заѣхала въ Екатеринославъ, но императоръ Іосифъ уже прибылъ и поѣхалъ къ ней на встрѣчу. Для него приготовили и меблировали хорошій каменный домъ съ надписью: «L'hôtel de Vienne», но онъ остановился въ маленькомъ деревянномъ домикѣ австрійскаго консула, жена котораго была больна послѣ родовъ; здѣсь ему отвели двѣ комнаты, которыми онъ объявилъ себя довольнымъ. Онъ путешествовалъ подъ именемъ графа фонъ-Фалькенштейна, съ небольшой свитой, въ которой генералъ графъ фонъ-Кинскій былъ первымъ лицомъ. Наконецъ, прибыла, подъ громомъ пушекъ и при парадированіи войскъ, великая и могущественная императрица, «La Semiramis du Nord» [1]), въ сопровожденіи своего союзника, австрійскаго императора, его посланника графа Кобенцеля, министровъ Франціи и Англіи, графа Сегюра и лорда Фицъ-Герберта (впослѣдствіи лордъ С-тъ Геленсъ), князя Потемкина, разыгравшаго роль хозяина въ этой своей губерніи, и многочисленнаго двора. Она была въ восторгѣ отъ своего новаго пріобрѣтенія,

---

[1]) Сѣверная Семирамида.

которое она видѣла въ первый разъ. Отъ природы пустыя степи, по которымъ она проѣзжала, были распоряженіями Потемкина населены людьми, на большомъ разстояніи видны были дерёвни, но онѣ были намалеваны на ширмахъ; люди же и стада пригнаны фигурировать для этого случая, чтобы дать самодержицѣ выгодное понятіе о богатствѣ этой страны. На ночлегахъ въ этихъ пустыняхъ она для себя находила большое множество великолѣпныхъ шатровъ, въ видѣ домовъ, богато меблированныхъ. Вездѣ видны были магазины съ прекрасными серебряными вещами и дорогими ювелирными товарами, но магазины были все одни и тѣ же и перевозились съ одного ночлега на другой. Разсказывали, что владѣльцевъ этихъ магазиновъ выписали изъ Москвы, и что они получили плату за свой трудъ сдѣлать все это путешествіе и выставлять свои товары на показъ. Въ городахъ, черезъ которые слѣдовала императрица, она зато находила болѣе существенные предметы для удовольствія глазъ, а именно прекрасныя тріумфальныя ворота, широкія улицы, много красивыхъ домовъ и между ними настоящіе деревянные дворцы, выстроенные нарочно для нея. Въ Херсонѣ она увидѣла красивую крѣпость, три военные корабля на верфи, каменную церковь хорошаго стиля, большой арсеналъ, около 900 пушекъ, гаубицъ и бронзовыхъ мортиръ съ принадлежащими къ нимъ запасами ядеръ и бомбъ. Домъ адмиралтейства устроенъ былъ для ея помѣщенія.

Тамъ въ числѣ множества другихъ иностранцевъ и я былъ представленъ этой государынѣ графомъ Безбородко. До высочайшаго выхода генералъ Спренгтпортенъ представилъ меня князю Потемкину, который вообще былъ особенно любезенъ со всѣми иностранцами. Между прочимъ онъ освѣдомился, имѣю ли я въ виду ѣхать въ Константинополь. Я отвѣтилъ: «можетъ быть». На томъ же выходѣ и передъ тѣмъ, какъ дверь кабинета императрицы раскрылась, я слышалъ также, что кто-то сказалъ графу Фанкельштейну, что послѣ совершеннаго имъ длиннаго, утомительнаго путешествія было бъ непріятно вернуться, не побывавъ въ Константинополѣ, такъ какъ онъ теперь былъ такъ близко отъ этой столицы. «C'est vrai» отвѣтилъ онъ; mais l'appetit vient toujours en mangeant; ayant vû Constantinople, on voudrait voir Smyrne, puis le grand

Caire, et puis je ne sais quoi. Il vaut mieux s'arrêter» [1]). Когда императрица была готова къ выходу, къ ней въ кабинетъ приглашены были всегда первымъ австрійскій посланникъ, послѣ него французскій министръ, потомъ англійскій, и послѣднимъ графъ Фалькенштейнъ, который входилъ съ глубокимъ поклономъ. Послѣ этого двери были растворены, и императрица выходила въ сопровожденіи своего генералъ-адъютанта, въ то время Мамонова, блѣдной фигуры; только теперь начались представленія, послѣ чего обходила собравшихся. Она выступала съ достоинствомъ, говорила громкимъ мужскимъ голосомъ. Разъ у нея была въ рукахъ маленькая табакерка изъ корельской березы, про которую разсказывала, что сама ее выточила. Прическа ея была проста. Уже посѣдѣвшіе волосы собраны были въ низкій тупей, соединенный съ косой, сложенной на задней части головы. Сверху все было покрыто какъ бы короной изъ большихъ брильянтовъ, на черномъ бархатѣ. Въ ушахъ у нея была пара брильянтовыхъ серегъ. Поверхъ платья —голубая лента, и на одной сторонѣ три звѣзды, одна подъ другой, Св. Андрея, Св. Георгія и Св. Владиміра, изъ которыхъ двѣ послѣднія ею же учреждены. Нѣмецкій императоръ во время своего инкогнито одѣвался, напротивъ, съ величайшей простотой. Онъ былъ всегда въ формѣ: бѣлый мундиръ и штаны, красный жилетъ съ галунами, бѣлые шелковые чулки, въ башмакахъ; но безъ орденовъ. Въ своемъ обхожденіи съ императрицей онъ соблюдалъ изысканную вѣжливость, какъ тò подобало кавалеру противъ дамы; когда онъ гулялъ рядомъ съ ней, онъ всегда шелъ съ непокрытой головой. Когда онъ шелъ сзади нея и она съ нимъ заговаривала, онъ спѣшилъ впередъ, нагнувшись и съ шляпой въ рукахъ. Когда онъ присутствовалъ на обѣднѣ въ церкви, онъ падалъ на колѣни на голый полъ, когда императрица преклоняла колѣна на бархатной подушкѣ.

Это время было для Екатерины II навѣрно самое блестящее изъ всего ея продолжительнаго царствованія. Во время путешествія изъ

---

[1]) Это правда, отвѣтилъ онъ, но чѣмъ больше ѣшь, тѣмъ больше хочется: увидѣвъ Константинополь, захочется видѣть Смирну, затѣмъ великій Каиръ и мало ли еще что. Лучше остановиться.

Кіева къ порогамъ, въ Каневѣ ей представлялся польскій король, послѣ длиннаго, утомительнаго и дорогаго путешествія; послѣ обѣда на великолѣпной императорской галерѣ, онъ въ честь императрицы приказалъ сжечь блестящій фейерверкъ на берегу. Его вызвали къ этому свиданію, котораго онъ, можетъ быть, охотно хотѣлъ бы избѣгнуть, чтобъ не показать свое ничтожество въ противуположность русской гордости.

Во время пребыванія императрицы въ Херсонѣ, тотъ день для нея былъ особенно пріятнымъ, когда она съ своимъ союзникомъ присутствовала на спускѣ двухъ военныхъ кораблей, одинъ съ 80-ю, другой съ 70-ю пушками и одного фрегата, для усиленія своего флота въ Черномъ морѣ. Въ день спуска, на предъобѣденномъ выходѣ, она показалась одѣтой въ адмиральскую форму: бѣлый мундиръ съ зеленымъ воротникомъ и отворотами, зеленый жилетъ. Ея мундиръ и жилетъ были скроены и шиты какъ для мужчины, но вмѣсто брюкъ у нея была бѣлая суконная юбка, нижняя часть которой была богато вышита, равно какъ воротникъ, отвороты и жилетъ. Голова убрана была, какъ всегда. Послѣ выхода, она отправилась съ своимъ дворомъ къ берегу, шествуя съ испанскою тростью въ рукѣ, сквозь длинную шпалеру войскъ, по досчатой настилкѣ, обитой зеленымъ сукномъ, подъ военную музыку и громъ пушекъ. Берегъ былъ высокъ; съ верхняго гребня лѣстница, обитая сукномъ, вела внизъ къ выстроенному для этого случая парому, отдѣланному съ восточною роскошью; отсюда она должна была дать сигналъ и смотрѣть на спускъ судовъ. Этотъ паромъ былъ открытъ со всѣхъ сторонъ, но имѣлъ крышу, поддерживаемую высеребренными и вызолоченными колоннами, соединенными богатыми занавѣсями и сверху на самой крышѣ украшенными какъ бы коронами съ громаднымъ количествомъ страусовыхъ перьевъ всевозможныхъ цвѣтовъ. Внутри большая зала была раздѣлена на два отдѣленія, такъ что внутреннее отдѣленіе, предназначенное для императрицы, только на одну ступень возвышалось надъ внѣшнимъ, отъ котораго отдѣлялось лишь открытой колоннадой. Надъ внутреннимъ отдѣленіемъ крыша снаружи нѣсколько возвышалась, имѣя посрединѣ большую императорскую корону. По сторонамъ залы стоялъ диванъ, обитый золотымъ глазетомъ и персидскими

коврами. Удивлялись расходамъ, потраченнымъ на устройство этого парома, который всего на всего былъ въ употребленіи два или три часа. Но князь Потемкинъ, распорядившійся всѣмъ этимъ, располагалъ государственной казной и хотѣлъ, такъ какъ безпрепятственно могъ, самымъ широкимъ образомъ удовлетворить страсть императрицы и свою собственную къ восточной роскоши. До сигнала къ спуску перваго корабля, на палубу онаго взошелъ австрійскій посланникъ графъ Кобенцель и читалъ тамъ депеши, привезенныя курьеромъ только-что передъ тѣмъ изъ Вѣны, и оставался здѣсь до тѣхъ поръ, пока корабль не бросилъ якорь въ рѣкѣ; это обстоятельство я ему напомнилъ 16 лѣтъ спустя въ Вѣнѣ, что̀ доставило ему большое удовольствіе.

Это судно получило названіе «Св. Іосифа», но русскія имена другихъ судовъ не припомню. Послѣ спуска каждаго корабля входилъ строитель и получалъ, по постановленію Петра I, изъ рукъ государыни на серебряномъ блюдѣ, преклонивъ колѣно, извѣстную сумму серебряныхъ рублей въ зависимости отъ величины судна и числа его орудій. Потомъ разсказывали, что всѣ три корабля, выстроенные съ неимовѣрною быстротою изъ сыраго матеріала, не выдержали болѣе одной или двухъ кампаній въ Черномъ морѣ.

На этомъ паромѣ я увидѣлъ удивительную черту въ рвеніи русскихъ вельможъ принесть свою жертву счастію и царской милости. Теперешній любимецъ Мамоновъ былъ мало замѣтный адъютантъ фельдмаршала графа Салтыкова, когда, какъ говорили, князь Потемкинъ избралъ его замѣстителемъ любимца Ермолова, употребившаго свое вліяніе у императрицы, чтобы интриговать противъ князя, и чуть было его не свергнулъ; за это впалъ въ немилость и удаленъ. Въ нѣсколько мгновеній Мамоновъ теперь изъ адъютантовъ графа Салтыкова перемѣщенъ первымъ генералъ-адъютантомъ императрицы и этимъ возведенъ въ одинъ изъ высшихъ сановниковъ государства, на котораго взоры всѣхъ были обращены.

Въ одномъ углу внѣшняго отдѣленія парома накрытъ былъ столъ съ холодной закуской, которою князь Потемкинъ предложилъ всѣмъ присутствующимъ пользоваться. Мамоновъ, всегда находясь рядомъ съ императрицей въ внутреннемъ отдѣленіи, воспользовался случаемъ, когда она заговорила съ графомъ фонъ-Фалькенштейнъ, что-

бы потихоньку выйти и идти къ столу, у котораго я случайно стоялъ. Когда онъ положилъ шляпу подъ мышку, чтобы обѣими руками отрѣзать кусокъ дичи, кокарда его оборвалась и упала на полъ, незамѣтно для него самого. Стоя ближе всѣхъ, я поднялъ ее и передалъ ему; за любезность эту онъ очень благодарилъ, но въ это самое время я видѣлъ, что нѣсколько знатныхъ господъ, сидѣвшихъ на противуположномъ диванѣ, между ними графъ Чернышевъ, съ голубой лентой, бывшій посланникомъ въ Парижѣ и Лондонѣ, и замѣтившихъ, какъ и я, паденіе кокарды, вскочили съ своихъ мѣстъ и были теперь въ согнутомъ положеніи, чтобъ поднять ее съ пола, и съ завистью смотрѣли, что въ исполненіи своего рвенія они были предупреждены молодымъ шведскимъ офицеромъ. Мои размышленія по этому поводу не были въ пользу этихъ господъ.

По спускѣ всѣхъ трехъ судовъ, императрица съ тою же торжественностью отправилась обратно въ домъ адмиралтейства, названный теперь дворцомъ. Здѣсь она опять принимала до обѣденнаго стола. Князь Потемкинъ стоялъ одинъ у окна, кусая свои ногти и погруженный въ глубокія размышленія. Императрица замѣтила это и совершенно громко сказала ему: Pourquoi si pensif, mon prince? il me semble que lorsqu' on a créé des villes, bati une flotte, et tout cela au mieux, on a raison d'être bien content [1]». Онъ тотчасъ же отвѣтилъ: «Madame! Toutes ces choses sont faciles à exécuter quand on a un souveraine qui les veut, qui les ordonne et les paye [2].» Этотъ отвѣтъ чрезвычайно понравился и заслужилъ также одобреніе императора Іосифа.

Пріемы у князя Потемкина были обыкновенно многолюднѣе, чѣмъ у самой императрицы. Эти послѣдніе посѣщались изъ вѣрноподданническаго долга, но первые изъ желанія искать счастья, такъ какъ здѣсь къ тому были источники и начало. Я уже упомянулъ, что этотъ сильный человѣкъ былъ очень снисходителенъ съ иностранцами и наоборотъ—безъ вниманія къ своимъ землякамъ, даже самымъ высокимъ и знатнымъ.

Когда дверь къ внутреннимъ комнатамъ его отворилась, онъ оки-

---

[1]) Что такъ задумчивъ, князь? Мнѣ кажется, что, создавъ города, соорудивъ флотъ и исполнивъ все это какъ нельзя лучше, можно быть вполнѣ довольнымъ.

[2]) Ваше Величество! Всѣ эти вещи легко исполнить, когда имѣешь государыню, которая ихъ желаетъ, повелѣваетъ ихъ созидать и оплачиваетъ.

нулъ толпившуюся въ его залѣ массу взглядомъ сознательнаго превосходства и съ нѣсколькими словами обращался къ близъ стоящимъ. Разъ онъ, выходя, замѣтилъ въ другомъ концѣ комнаты, у стѣны, польскаго еврея въ своемъ національномъ нарядѣ. Быстрыми и легкими шагами онъ сейчасъ черезъ всю толпу направился къ нему и завязалъ длинный разговоръ, по окончаніи котораго и пріемъ кончился. Я узналъ, что этотъ еврей былъ его банкиръ и очень богатъ.

Въ Херсонъ собралось большое число иностранцевъ: французовъ, англичанъ, поляковъ, италіанцевъ, грековъ и турокъ изъ Константинополя и т. д. Изъ болѣе замѣчательныхъ были князь де-Линь, принцъ Нассаускій и три вышеупомянутые министра изъ столицы Турціи, съ которыми я предполагалъ туда отправиться при ихъ возвращеніи, чтобы такимъ образомъ избавиться отъ моего долгаго плѣна [1]).

Это собраніе иностранцевъ, при невозможности всѣхъ знать, давало часто поводъ къ весьма страннымъ случаямъ. Послѣ прогулки разъ днемъ въ обществѣ племянника австрійскаго посланника графа Пергена, мы при возвращеніи въ городъ рѣшили отобѣдать вмѣстѣ въ одной гостиницѣ за «table d' hôte» [2]); здѣсь мы нашли собраніе обвѣшанныхъ орденами русскихъ штабъ-офицеровъ, изъ которыхъ мы съ нѣсколькими были знакомы, но также много другихъ лицъ намъ совершенно неизвѣстныхъ. За столомъ мнѣ не пришлось сидѣть рядомъ съ графомъ Пергеномъ, а случайно досталъ мѣсто между двумя незнакомыми, изъ которыхъ одинъ былъ въ шелковомъ фракѣ. Противъ насъ сидѣлъ господинъ въ черномъ фракѣ, приличной наружности, который говорилъ охотно, говорилъ легко и хорошо. По выговору слышно было, что это былъ природный французъ. Онъ разсуждалъ о политическихъ, государственно-экономическихъ и военныхъ вопросахъ съ видомъ знатока и не безъ ума. Изъ любопытства узнать, кто онъ такой, я спросилъ своего сосѣда въ шелковомъ фракѣ, съ которымъ онъ черезъ столъ много разго-

---

[1]) Изъ предъидущаго видно, что авторъ былъ не въ ладахъ съ Спренгтпортеномъ. Отношенія ихъ особенно обострились въ Кіевѣ, такъ что послѣ выѣзда оттуда Эренстремъ только и мечталъ о томъ, чтобъ вернуться домой. Слово „плѣнъ" относилось къ его зависимости отъ Спренгтпортена. Г. С.

[2]) За общимъ столомъ.

варивалъ, и получилъ неожиданный отвѣтъ: «C'est le cuisinier du prince de Nassau» [1]). Теперь я больше не разспрашивалъ, но узналъ послѣ обѣда, что сосѣдъ, къ которому я обратился съ вопросомъ, былъ «le valet de chambre secrétaire du prince de Nassau» [2]).

Этотъ принцъ, съ разстроенными дѣлами, но жившій широко, теперь прилежно ухаживалъ за императрицей и княземъ Потемкинымъ; вскорѣ послѣ этого онъ поступилъ на русскую службу и во время вспыхнувшей войны съ турками сперва получилъ начальствованіе надъ малымъ флотомъ въ Черномъ морѣ, а послѣ, въ войну со шведами—надъ русскимъ шхернымъ флотомъ въ Финскомъ заливѣ. Онъ былъ безразсудной храбрости, но, говорятъ, не обладалъ хладнокровіемъ и разсудительностью, которыя требуются для успѣшнаго командованія.

Теперь я имѣлъ случай собственными глазами убѣдиться въ тѣхъ отношеніяхъ, въ которыхъ генералъ Спренгтпортенъ находился къ той монархинѣ, на службу которой поступилъ и которая осыпала его сначала такими большими милостями. На вечернихъ пріемахъ во дворцѣ нѣсколько красивыхъ дамъ сперва танцовали для развлеченія графа фонъ-Фалькенштейна русскіе танцы; затѣмъ императрица садилась играть въ карты, обыкновенно съ графомъ Кобенцель, графомъ Сегюръ и какимъ-нибудь русскимъ вельможей. Вокругъ этого стола тогда образовался кругъ изъ всѣхъ жаждавшихъ быть удостоенными милостивымъ взглядомъ и имѣть возможность отвѣтить на это глубокимъ поклономъ. Императрица Екатерина II обладала чрезвычайнымъ талантомъ раздавать эти взгляды, смотря по большей или меньшей степени милости, въ которой находился тотъ, котораго она такимъ образомъ привѣтствовала. Знаменитый Суворовъ, прислонившись къ стулу игрока напротивъ императрицы, получилъ однажды, когда и я присутствовалъ, такой взглядъ съ выраженіемъ благоволенія, довѣрія и удовольствія, который видимо его осчастливилъ. Другіе при этомъ же случаѣ тоже удостоились выраженія ея милостиваго расположенія. Генералъ Спренгтпортенъ стоялъ вытянувшись, ожидая быть въ свою очередь замѣченнымъ, но ему пришлось долго ждать. Императрица ласково

[1]) Это поваръ принца Нассаускаго.

[2]) Лакей и секретарь принца Нассаускаго.

кланялась лицамъ, стоящимъ направо и налѣво отъ него, но взглядъ ея всегда избѣгалъ его. Я стоялъ такъ, что могъ наблюдать за этой игрой глазъ. Наконецъ, она взглянула на него, но не кланялась, и быстро перевела взоръ съ него внизъ на свои карты, нахмуривъ страшно брови. Онъ понялъ этотъ нѣмой языкъ, покраснѣлъ, какъ огонь, и оглянулся, чтобъ увидѣть, замѣтилъ ли кто-нибудь этотъ для него удручающій случай; тутъ онъ увидѣлъ меня слѣдящимъ съ напряженнымъ вниманіемъ за произведеннымъ впечатлѣніемъ; дольше онъ не выдержалъ этого мучительнаго положенія и отошелъ къ стулу, въ самомъ отдаленномъ мѣстѣ большой залы, на который опустился въ глубокихъ и тяжкихъ размышленіяхъ. Признаюсь, что я не безъ радости былъ свидѣтелемъ этой его неудачи, которая должна сбить его спѣсь и доказать, что перемѣна имъ отечества не доставила ему всѣхъ тѣхъ выгодъ, на которыя онъ разсчитывалъ, или того уваженія, котораго считалъ себѣ въ правѣ ожидать. Немилость императрицы была по всей вѣроятности слѣдствіемъ разсказовъ о его денежныхъ затрудненіяхъ и позаимствованіяхъ незначительныхъ суммъ у князя Дашкова, графа Безбородко и вѣроятно многихъ другихъ придворныхъ. Его выставили навѣрно пропавшимъ человѣкомъ, ведущимъ въ безпорядкѣ свои дѣла. Ничтожность суммъ, одолженныхъ имъ, особенно вредила ему въ странѣ, гдѣ привыкли обращаться съ большими капиталами.

Время отъѣзда императрицы въ Крымъ приближалось. Путешествіе это предпринималось съ весьма ограниченной свитой въ виду недостатка въ этомъ краѣ лошадей, хотя баронъ Т о т т ъ въ своихъ запискахъ говоритъ, что когда татарскій ханъ получилъ приказаніе отъ султана начать войну, онъ могъ выступить въ походъ съ 80.000 конныхъ татаръ, съ 1 или 2 подручными лошадьми, кромѣ назначенныхъ для хана и его свиты. Теперь съ трудомъ могли выставить столько, сколько потребовалось на каждой станціи для императрицы, которую сопровождали императоръ Іосифъ, князь Потемкинъ, графъ Безбородко, австрійскій посланникъ, французскій и англійскій министры, три министра изъ Константинополя, князь де-Линь и принцъ Нассаускій, необходимые придворные и прислуга.

Генералъ Спренгтпортенъ былъ, къ великому своему огорче-

нію, исключенъ изъ списка лицъ, избранныхъ для участія въ этомъ путешествіи. Во избѣжаніе возможнаго наплыва любопытныхъ, выставленъ былъ у Днѣпра караулъ съ обязанностью не пропускать черезъ рѣку другихъ лицъ кромѣ министерскихъ курьеровъ.

. . . .

. . . .

Далѣе авторъ описываетъ затрудненія, съ которыми сопряженъ былъ его отъѣздъ изъ Кіева въ С-Петербургъ, такъ какъ Спренгтпортенъ весьма неохотно отпустилъ его, самую дорогу, пріѣздъ въ Петербургъ, выѣздъ изъ этой столицы и пріѣздъ домой, въ Гельсингфорсъ, откуда онъ при первой возможности отправился въ Стокгольмъ. Здѣсь онъ, какъ вернувшійся изъ заграничнаго отпуска офицеръ, былъ своимъ начальствомъ представленъ королю, который очень интересовался его путешествіемъ, много о немъ разспрашивалъ и наконецъ приказалъ подать себѣ о немъ письменное описаніе. Нѣсколько времени спустя, онъ снова былъ совершенно секретнымъ образомъ принятъ королемъ.

Камердинеръ открылъ дверь маленькой великолѣпной и хорошо освѣщенной комнаты. Это былъ совѣщательный кабинетъ короля, сидѣвшаго тутъ же, въ креслѣ, недалеко отъ двери. Онъ мнѣ сказалъ приблизительно слѣдующее: «Благодарю васъ за описаніе «вашего путешествія. Я имъ очень доволенъ. Вы пишете хорошо, «и въ томъ затруднительномъ положеніи, въ которомъ находились, «выказали много ума. Я еще разъ хочу испытать его. Вы сами «видѣли, что въ Европѣ все готовится къ войнѣ. Неизвѣстно, мо«жетъ ли Швеція избѣгнуть быть втянутой въ нее. При такой не«извѣстности, осторожность требуетъ заранѣе принять мѣры и поль«зоваться возможными благопріятными обстоятельствами. Меня съ «разныхъ сторонъ увѣдомили, что въ Лифляндіи и Эстляндіи дворян«ство очень недовольно потерею ненарушимо сохраненныхъ со вре«менъ Петра I привилегій. Я хотѣлъ бы узнать достовѣрно, въ чемъ «дѣло и такого ли оно рода, чтобы Швеція, въ случаѣ войны съ «Россіей, могла извлечь изъ него какую-нибудь пользу. Я на«значилъ васъ добыть это важное для меня и для государства свѣ«дѣніе, и я увѣренъ, что никто лучше васъ не можетъ исполнить мое «желаніе въ этомъ отношеніи. Черезъ нѣсколько дней я ѣду въ Ско«не. Хочу, чтобъ вы тамъ встрѣтили меня въ Мальме, и тамъ я окон-

«чательно съ вами переговорю и дамъ необходимыя средства на «дорогу».

Порученіе это очень не понравилось Эренстрему, но отказаться было невозможно. Какъ условлено было. онъ въ Мальме опять былъ принятъ Густавомъ III и опять секретнымъ образомъ.

Король тогда выразился яснѣе на счетъ своихъ воинственныхъ намѣреній. «Я готовъ»,—сказалъ онъ, - «встрѣтить, если «нужно, своихъ враговъ. Мой флотъ въ хорошемъ состояніи, армія «въ полномъ комплектѣ, и въ магазинахъ припасовъ въ изобиліи; «въ орудіяхъ, порохѣ и снарядахъ недостатка нѣтъ. На счетъ «денегъ не такъ благополучно, но, чтобы достать ихъ, средства всегда «найдутся. Форма правленія не представляетъ препятствій; мнѣ было «24 года, когда ее приняли; она могла быть въ нѣкоторыхъ мѣстахъ «менѣе двусмысленна, но моя неопытность благопріятствовала нѣко«торымъ предложеніямъ, которыя теперь дѣлаютъ затрудненія. «Все-таки надѣюсь на наилучшее. Поѣзжайте вы завтра. Пи«шите мнѣ подъ адресомъ Варендарфа» (тестя министра финансовъ барона Ружа). На мой вопросъ, какъ мнѣ адресовать письма, онъ отвѣтилъ «Графу въ Сконе» и прибавилъ: «вотъ вамъ малень«кій шифръ, составленный по моему приказанію фонъ-Аспомъ, а «вамъ и деньги нѣсколько сотъ золотыхъ и» (сколько помнится) «600 талеровъ. Желаю вамъ счастливаго пути», при чемъ протянулъ мнѣ руку для цѣлованія. Во время этого разговора дверь въ залу отворили, и Армфельтъ высунулся посмотрѣть, кто былъ въ комнатѣ. Кажется это не понравилось королю, такъ какъ онъ сказалъ: «Это не хорошо; баронъ Армфельтъ уменъ; онъ угадаетъ причину, «почему вы здѣсь. Прощайте!»

На другой же день Эренстремъ отправился въ Берлинъ, гдѣ онъ встрѣтился съ камергеромъ барономъ Шернфельдомъ, пріѣхавшимъ въ Берлинъ изъ Петербурга.

По его собственнымъ словамъ, онъ тамъ былъ принятъ съ большими отличіями; имѣлъ длинный частный разговоръ съ императрицей въ одной изъ комнатъ Эрмитажа, гдѣ она какъ-будто случайно находилась; она приказала одному изъ своихъ придворныхъ съ широкой, красной лентой, сопровождать его повсюду; во время своего пребыванія въ Петербургѣ, онъ имѣлъ очень близкія

сношенія съ генераломъ Спренгтпортеномъ. Утверждали потомъ, и это очень правдоподобно, что этотъ баронъ былъ шведскими аристократами нарочно отправленъ сообщить русскому двору о побѣдѣ оппозиціи надъ королевской властью на сеймѣ предъидущаго 1786 года и условиться съ императрицею о принятіи нѣкоторыхъ мѣръ къ слѣдующему сейму. Королю были извѣстны эти планы, усердно поддерживаемые дѣятельными интригами съ шведскимъ дворянствомъ тогдашняго русскаго министра въ Стокгольмѣ Моркова. Извѣстность эта была по всей вѣроятности однимъ изъ самыхъ сильныхъ поводовъ къ войнѣ, вспыхнувшей въ 1788 году, между Швеціею и Россіею, такъ какъ король, кажется, нашелъ, что открытую вражду, раскрывающую навѣрное многіе тайные планы, слѣдуетъ предпочесть скрытному военному положенію, которое могло окончиться страшнымъ взрывомъ для государства и престола.

Изъ Берлина Эренстремъ отправился въ Ригу и въ Ревель. Уже весною 1788 года начались упорные слухи о предстоящей войнѣ. Не рискуя дольше оставаться, онъ на маленькой шведской почтовой лодкѣ, случайно занесенной въ Ревель, отправился въ Гельсингфорсъ, а оттуда немедленно въ Стокгольмъ.

По пріѣздѣ, я отдалъ королю отчетъ о моемъ порученіи. Я дѣйствительно нашелъ, особенно между эстляндскимъ дворянствомъ, симпатію къ Швеціи, основанную на старинныхъ отношеніяхъ и родственныхъ чувствахъ между обѣими странами и ихъ жителями; я примѣтилъ сильное неудовольствіе русскимъ правительствомъ вслѣдствіе его насильственныхъ мѣръ, для лишенія страны ея старинныхъ, гарантированныхъ и такъ долго сохраненныхъ привилегій и образа правленія; я также слышалъ горькія замѣчанія противъ личности императрицы, ея расточительности, дорого стоющей страсти къ любимцамъ, противъ правилъ правленія и множества ея распоряженій; но всѣ эти чувства и мысли были въ отношеніи вспыхнувшей войны между Россіею и Швеціею совершенно нейтрализованы страхомъ передъ собственными ихъ крестьянами или рабами, которые, изъ ненависти къ своимъ господамъ и недовольные настоящимъ своимъ положеніемъ, безъ сомнѣнія, при видѣ высадившихся шведскихъ войскъ, примкнули бы къ нимъ, какъ одинъ

человѣкъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ набросились бы на своихъ господъ, убили бы ихъ и ограбили бы и сожгли бы ихъ помѣстья. Убѣжденные въ такомъ печальномъ результатѣ, эстляндскіе и лифляндскіе дворяне должны были, хотя неохотно, но изъ чувства самосохраненія, въ случаѣ войны, принять сторону Россіи и словомъ и дѣломъ показать свое враждебное расположеніе противъ Швеціи, чтобы избѣгнуть подозрѣній собственнаго правительства. Нѣкоторые изъ жителей этого края, правда, объявили мнѣ еще до начала слуховъ о войнѣ, что если шведы высадятся на берега Эстляндіи, то они со своими крестьянами присоединились бы къ нимъ, но это было сказано, вѣроятно или чтобъ узнать мое мнѣніе, или же фантазерами, обѣщавшими больше, чѣмъ въ состояніи были выполнить и къ пустымъ словамъ которыхъ нельзя было имѣть малѣйшаго довѣрія. Все это я подробно изложилъ королю, который, узнавъ изъ этого, что часть его плановъ, основанныхъ на содѣйствіи со стороны эстъ- и лифляндскаго дворянства, не выполнима, все-таки изъявилъ свое удовольствіе исполненнымъ мною порученіемъ. . . . .
. . . .

Объ этой поѣздкѣ Эренстремъ также долженъ былъ подать королю письменное донесеніе. Затѣмъ онъ еще разъ былъ отправленъ королемъ въ Берлинъ, по возвращеніи оттуда, онъ уже не засталъ короля въ Стокгольмѣ. Густавъ III съ галернымъ флотомъ отбылъ въ Финляндію, куда и Эренстремъ немедленно отправился.

Пріѣхавъ въ Гельсингфорсъ, Эренстремъ представился королю на его яхтѣ «Амфіонъ».

Когда я вошелъ на яхту, герцогъ Карлъ вышелъ изъ помѣщенія короля на палубу и, узнавъ, что я курьеръ изъ Стокгольма, спросилъ меня, когда я оттуда выѣхалъ, и, получивъ отвѣтъ, снова спросилъ, видѣлъ ли я русскаго министра графа Разумовскаго. Я отвѣтилъ, что видѣлъ его разъ гуляющимъ въ королевскомъ саду съ графиней Вреде. Его братъ, герцогъ Фридрихъ-Адольфъ, спросилъ меня о томъ же и получилъ тотъ же отвѣтъ. Оба засмѣялись. Вслѣдствіе поданной шведскому министерству ноты, въ которой графъ Разумовскій какъ будто сдѣлалъ воззваніе націи по поводу военныхъ приготовленій короля, ему было объявлено, что онъ уже

не признается русскимъ министромъ; вмѣстѣ съ тѣмъ ему предложено было выѣхать, что́ онъ все-таки отказался исполнить до полученія о томъ повелѣнія своей государыни; это основаніе было причиной вопросовъ, сдѣланныхъ мнѣ герцогами. Всѣмъ было извѣстно, что графиня Вреде, рожденная во Франціи подъ фамиліей Спарре, была въ самыхъ интимныхъ отношеніяхъ съ русскимъ министромъ, не старавшимся ихъ скрывать; это обстоятельство было причиной смѣха герцоговъ.

Когда я былъ принятъ королемъ, сдалъ мои депеши и доложилъ мое порученіе, онъ мнѣ также сдѣлалъ тотъ же вопросъ и когда я, отвѣчая, упомянулъ фамилію графини Вреде, онъ сказалъ, улыбаясь: «Ce sont les crimes l'amour» [1]).

Въ подобныхъ обстоятельствахъ другой монархъ безъ сомнѣнія съ бо́льшею строгостью судилъ бы поведеніе этой дамы, возбудившее въ обществѣ большое негодованіе. . . . .

. . . .

При этомъ же случаѣ рѣшенъ былъ окончательный переводъ Эренстрема изъ военной службы въ дипломатическій корпусъ секретаремъ канцеляріи короля.

Несмотря на то, что онъ теперь находился на самомъ театрѣ войны, Эренстремъ все еще не вѣрилъ въ возможность таковой, предполагая, что всѣ эти приготовленія имѣютъ лишь демонстративный характеръ. Многіе другіе въ главной квартирѣ короля были того же мнѣнія.

Но вскорѣ онъ убѣдился въ своемъ заблужденіи.

Я увидѣлъ, что война была окончательно рѣшена, что союзный трактатъ съ турецкимъ султаномъ заключенъ, съ обѣщаніемъ субсидій, что Франція, въ виду внутреннихъ своихъ неурядицъ, и хотѣла предупредить войну на сѣверѣ, но что зато Англія и Пруссія, желая ловить рыбу въ мутной водѣ, ничего противъ нея не имѣли. Обѣ эти державы были недовольны Россіею и хотѣли, для собственныхъ своихъ выгодъ, увеличить ея заботы. Финскіе полки, на командировъ которыхъ король больше всего полагался, выступили къ границѣ, а шведскіе медленно слѣдовали за ними. Гельсингфорская гавань была переполнена громаднымъ числомъ транс-

---

[1]) Это любовныя проказы.

портныхъ судовъ, нагруженныхъ съѣстными и другими припасами для арміи.

Король отправился къ границѣ для инспектированія. Во время его отсутствія шведскій и русскій флоты встрѣтились у Гогланда.

Въ началѣ страшной канонады, которая довольно ясно была слышна въ Гельсингфорсѣ, герцогъ Фридрихъ поспѣшилъ, окруженный бывшими въ городѣ генералами, па Ульрикасборгскую гору. Туда прибылъ и начальникъ шхернаго флота, полковникъ Анкарсвердъ. Герцогъ желалъ, чтобъ онъ вышелъ съ своимъ флотомъ на помощь брату, герцогу Карлу, съ тѣмъ чтобъ взять на буксиръ и привести въ финляндскую гавань разстроенныя въ горячей битвѣ шведскія и непріятельскія суда, но полковникъ доказывалъ, что шхерный флотъ не могъ рисковать выйдти въ открытое море и не могъ оказать сопротивленія линейнымъ кораблямъ и фрегатамъ. Война теперь началась и была въ полномъ разгарѣ. Никто не могъ предвидѣть, какъ и когда она окончится. Множество недобрыхъ примѣтъ случилось. Большой флотъ прибылъ въ Свеаборгскую гавань. Отслужили молебенъ по случаю одержанной надъ врагомъ побѣды, и большія награды раздавались королемъ начальству флота. Непріятельскій линейный корабль былъ взятъ, но шведскій былъ въ рукахъ противника; другой сталъ на мель при входѣ въ гавань, и его должны были сжечь; непріятельскій флотъ блокировалъ гавань и отрѣзалъ сообщеніе шведскаго флота съ Швеціею. Офицеры шведскихъ полковъ, перевезенныхъ въ Финляндію, были вообще противъ войны. Множество маленькихъ билетиковъ, одинаковой формы и величины, написанныхъ буквами изъ квадратовъ и прямыхъ линій, были разосланы съ цѣлью дѣйствовать преимущественно на унтеръ-офицеровъ и солдатъ. Они содержали: предостереженіе не слушаться, если имъ прикажутъ перейти государственную границу съ Россіею; зачинщики незаконной и несправедливой войны, особенно генералъ Толь, будутъ при слѣдующемъ сеймѣ привлечены къ отвѣтственности и присуждены къ смертной казни. Денщикъ моего брата нашелъ 9 — 10 такихъ билетовъ на одномъ дворѣ, разбросанныхъ между экипажами шведскихъ генераловъ, квартировавшихъ въ этомъ домѣ. Я передалъ ихъ на улицѣ генералу Толю, отправлявшемуся на «Амфіонъ». Улы-

баясь, онъ мнѣ сказалъ, что у него въ шкатулкѣ уже болѣе 100 такихъ билетиковъ. Существованіе ихъ доказывало, между тѣмъ, опасное настроеніе. Командировъ финскихъ полковъ, перешедшихъ границу, напугивали всевозможными средствами и дѣлали отвѣтственными передъ сеймомъ за нарушеніе формы правленія и за участіе въ наступательной войнѣ.

Далѣе авторъ описываетъ немилость генерала Толя, человѣка чрезвычайной дѣятельности и способнаго оборудовать дѣло не только въ обширномъ смыслѣ, но и до малѣйшихъ подробностей, и безупречной честности, его удаленіе изъ арміи въ Сконе, замѣну его барономъ Клинспоромъ и начало всеобщаго неудовольствія распоряженіями короля.

Канцелярія оставалась въ Ловизѣ.

Эренстремъ продолжаетъ:

Долго я оставался въ глубокомъ невѣдѣніи о настоящемъ состояніи арміи. Зловѣщее молчаніе о положеніи сначала указывало, что оно не благополучно; потомъ слышны были сплетни, передаваемыя съ выраженіями удовольствія. Наконецъ громко заговорили объ ошибочныхъ распоряженіяхъ для осады Фридрихгамна, вслѣдствіе чего предположенное нападеніе на эту крѣпость совершенно не удалось; о негодованіи войскъ по поводу этихъ распоряженій и нерѣшительности короля говорили, что онъ окончательно упалъ духомъ, и что раскаивается въ этой войнѣ; требовали созыва сейма, какъ единственнаго средства для спасенія Швеціи.

Ожесточеніе противъ короля росло съ каждымъ днемъ. За кавалерскимъ столомъ, гдѣ я обѣдалъ, предсѣдательствовалъ шталмейстеръ Оттонъ Брусе. Онъ самъ и его братья были облагодѣтельствованы королемъ, тѣмъ не менѣе его тонъ былъ острый и съ упреками. Однажды, въ концѣ обѣда, онъ особенно потѣшался разсказами, дошедшими до насъ изъ главной квартиры. Мой сосѣдъ за столомъ, секретарь военнаго вѣдомства Лагербрингъ, сидѣвшій противъ Брусе, отвѣчалъ на его нападки упреками, но когда они не могли остановить шталмейстера, Лагербрингъ всталъ изъ-за стола и вышелъ изъ комнаты. Я послѣдовалъ за нимъ и нашелъ его на лѣстницѣ, опершись о перила. Полагая, что ему нездоровится, я спросилъ, какъ онъ себя чувствуетъ, на что онъ ничего не отвѣ-

тилъ, но когда я ближе присмотрѣлся, замѣтилъ, что онъ обливался слезами. Теперь я настаивалъ узнать причину его горя. Наконецъ онъ отвѣтилъ, что не могъ дольше быть свидѣтелемъ подлой неблагодарности за милости короля и радости, съ которой смотрѣли на его неудачи. До тѣхъ поръ я зналъ Лагербринга очень мало, но съ этой минуты, когда его чувства показались въ такомъ хорошемъ свѣтѣ, я почувствовалъ къ нему привязанность, которая никогда не прекращалась и на которую онъ всегда отвѣчалъ дружбой и довѣріемъ. . . . .
. . . .

Нѣсколько времени спустя къ Эренстрему зашелъ графъ Шверинъ. Онъ разсказывалъ:

Тайны теперь начинаютъ раскрываться. Финская армія отказывается подчиняться королю; ея командиры заключили между собой союзъ [1]), съ цѣлью настаивать на мирѣ и созывѣ сейма; они открыли прямыя сношенія съ русской императрицей и отправили къ ней маіора Егергорна [2]), плѣнъ котораго слѣдовательно вымыселъ, съ подписанной ими всѣми нотой, содержаніе которой я не знаю; но о чемъ «безъ затрудненія можно догадаться».

Крайне удивленный, я у него спросилъ, какъ и откуда онъ узналъ эти новости, въ правдивости которыхъ я сомнѣвался. Онъ отвѣтилъ, что хорошо знающій это дѣло гвардейскій офицеръ, изъ его друзей, прибывшій изъ главной квартиры, передалъ ему довѣрительно о всемъ случившемся.

Виды на будущее были страшно мрачны, и все угрожало близкой революціей. Умы разгорячались все больше и больше, и дерзость, поддержанная случившимися обстоятельствами и надеждой на успѣхъ, превышала всякія границы умѣренности. Нѣсколько офицеровъ шведскихъ полковъ подали въ отставку и были уволены.

По пріѣздѣ въ Стокгольмъ, они подверглись оскорбленіямъ толпы, какъ трусливые воины; говорили, что это устроено было королемъ и приведено въ исполненіе полиціймейстеромъ Лиліен-

---

[1]) Извѣстный союзъ въ Аньялѣ.
[2]) Передался во время рекогносцировки казакамъ.

спарре, и этимъ ожесточеніе противъ короля еще больше усилилось. Финскій офицеръ былъ посланъ въ Стокгольмъ для тайныхъ совѣщаній со многими членами государственнаго совѣта, о принятіи необходимыхъ мѣръ, но ему приказано было немедленно вернуться. На площади въ Ловизѣ, одинъ изъ моихъ старыхъ друзей, почтенный финскій офицеръ, человѣкъ, отличавшійся большимъ умомъ и умѣренностью, когда говорилъ о королѣ, сказалъ мнѣ: «Онъ съ ума сошелъ; его нужно посадить, какъ Эрика XIV, въ Абовскій замокъ, откуда никогда не слѣдуетъ его выпустить». Если умный и спокойный человѣкъ могъ употребить такія выраженія, что̀ тогда было ожидать отъ толпы безумныхъ крикуновъ? Я думаю, что никогда царствующая особа не подвергалась такимъ невыгоднымъ сужденіямъ и тяжкимъ обвиненіямъ, какъ Густавъ III въ это время. Ему все это было извѣстно. Въ своей же главной квартирѣ и отъ ближайшихъ окружающихъ его лицъ онъ встрѣчалъ холодность и нерасположеніе, а когда внѣ оной гулялъ верхомъ или пѣшкомъ, его избѣгали, офицеры не желали кланяться ему. Онъ ожидалъ, что это настроеніе умовъ готовитъ цареубійство; когда начальникъ артиллеріи, генералъ баронъ Синклеръ, не принимавшій участія въ мятежныхъ дѣйствіяхъ, пріѣхалъ представляться и нашелъ его въ комнатѣ съ окномъ близъ земли, противъ котораго стояла его кровать, король сказалъ ему, описавъ печальное настроеніе въ арміи: «я ожидаю участь Карла XII, и вы видите, какъ имъ легко черезъ окно совершить это». Несмотря на томительное состояніе, въ которомъ король находился благодаря измѣнѣ арміи, онъ все-таки выказывалъ, какъ говорятъ,—я его во все это время не видѣлъ,—по внѣшности удивительную стойкость. Въ это время произошелъ случай, который какъ полагали недовольные, быстро приведетъ ихъ къ цѣли, но наоборотъ и сверхъ ожиданія послужилъ къ спасенію короля. Получено было извѣстіе, что вспомогательныя войска, которыя Данія, какъ союзница Россіи, должна была выставить согласно трактатамъ, въ ея распоряженіе, стягивались въ Норвегіи подъ начальствомъ принца Карла Гессенскаго, сопровождаемаго кронпринцемъ, для вторженія въ Швецію. Это ожидаемое нападеніе послужило для короля благопріятнымъ поводомъ уѣхать изъ Финляндіи для принятія мѣръ къ обо-

ронѣ западной границы государства. Онъ объявилъ о своемъ рѣшеніи уѣхать, за двѣ недѣли до отъѣзда. Хотя вопросъ и возникъ между заговорщиками изъ финскихъ офицеровъ о насильственномъ воспрепятствованіи этому отъѣзду, но предложеніе объ этомъ было отвергнуто. Онъ такимъ образомъ уѣхалъ, приказавъ своему брату, герцогу Карлу, блокированному съ флотомъ въ Свеаборгской гавани русской эскадрой, принять командованіе надъ арміею. Въ Ловизѣ, гдѣ множество офицеровъ было собрано, состоялся пріемъ во время смѣны лошадей. Я не былъ на этомъ пріемѣ, но послѣ узналъ, что между другими, изъявившими желаніе представиться отдѣльно, былъ также подполковникъ Нюландскаго драгунскаго полка Эрикъ-Абрамъ Леіонхувудъ. Когда близъ стоящіе спросили его, подаетъ ли какое-нибудь прошеніе, онъ отвѣтилъ: «Нѣтъ, мнѣ только нужно передать письмо». Вошедши къ королю, онъ передалъ письмо, заявляя, что оно было отъ финскихъ полковыхъ командировъ, которые, узнавъ, что онъ собирался въ Ловизу, поручили ему это письмо для передачи. На вопросъ короля, знаетъ ли онъ его содержаніе, онъ отвѣтилъ «да» и что оно касалось оправданія ихъ предпріятія, и въ немъ заключается просьба о созывѣ сейма. Король принялъ письмо не распечатывая его и просилъ его вмѣсто этого объявить этимъ командирамъ, что онъ проститъ ихъ поведеніе, если они, подписаннымъ ими прошеніемъ, изъявятъ откровенное раскаяніе въ ономъ, попросятъ прощенія и обѣщаютъ впредь, съ должнымъ повиновеніемъ и послушаніемъ, стараться изгладить воспоминаніе объ этомъ. Такъ какъ Леіонхувудъ заявилъ, что онъ совершенно точно не упомнитъ всего, что король ему сказалъ, то попросилъ это письменно. Король тогда карандашемъ написалъ на конвертѣ, лежавшемъ на столѣ, то, что сказалъ на словахъ; Леіонхувудъ сунулъ конвертъ въ боковой карманъ и вышелъ въ залу, гдѣ онъ довольно громко и смѣясь разсказалъ о полученномъ порученіи, надъ которымъ подтрунивалъ. Но, по выходѣ короля изъ кабинета, онъ уже больше не смѣялся, такъ какъ его величество подошелъ къ нему и, отдавъ публично нераспечатанное письмо, сказалъ строго: «Отвезите это письмо обратно къ тѣмъ, отъ которыхъ вы его получили; я съ бунтовщиками не переписываюсь. Что же касается «до васъ, принявшаго на себя, несмотря на то, что знали содер-

«жаніе письма, передачу его мнѣ, то вы заслужили, чтобы вашу «голову положили у вашихъ ногъ», и съ этимъ онъ повернулъ ему спину. По окончаніи пріема, король сѣлъ въ коляску и поѣхалъ черезъ Гельсингфорсъ, гдѣ онъ видѣлся съ братомъ, герцогомъ Карломъ, и далѣе черезъ Або въ Стокгольмъ. . . .
. . . .

Объ извѣстномъ заговорѣ въ Аньялѣ и участвовавшихъ въ немъ лицахъ Эренстремъ, приписывая генералу Спренгтпортену главную подпольную работу, говоритъ слѣдующее:

Зная, въ какой высокой степени генералъ баронъ Карлъ Армфельтъ, баронъ Гастферъ, полковники Монтгомери, Анкарсвердъ, Гестеско и фонъ-Оттеръ были лично преданы королю, трудно понять, какъ они могли, по какой бы то ни было причинѣ, войти въ близкіе переговоры съ открытымъ его врагомъ Спренгтпортеномъ; но поведеніе финскихъ начальниковъ въ этомъ случаѣ объясняется главнымъ образомъ страхомъ передъ расправой сословій сейма, при первомъ ихъ созывѣ, съ зачинщиками войны. Они опасались, что королю, противъ котораго господствовало такое сильное неудовольствіе, никоимъ образомъ не удастся удержаться на престолѣ и, такимъ образомъ, онъ не будетъ въ состояніи защищать ихъ противъ злобы сейма, направленной противъ лицъ, увлекшихся начатіемъ войны. Слѣдовательно, для спасенія своихъ головъ отъ сейма, они рисковали ими въ началѣ кампаніи. Опасность изъ-за отвѣтственности за преступленіе противъ формы правленія имъ казалась гораздо большею и болѣе грозной, чѣмъ преступленіе, совершаемое ими противъ военныхъ законовъ, требующихъ безусловнаго повиновенія высшему начальству арміи. За то и не упущено было никакихъ средствъ встревожить ихъ умы относительно первой опасности; анонимныя письма, пасквили, тревожные слухи, разсказы о состояніи въ Швеціи, угрозы и пр. и пр — все въ совокупности дѣйствовало на матеріально разстроеннаго, королю вѣрнаго, но увлекающагося и слабаго барона Гастфера, попавшаго вслѣдствіе этого подъ губительное вліяніе Спренгтпортена. Старый благонамѣренный генералъ баронъ Карлъ Армфельтъ, хотя и окруженный своимъ тестемъ маіоромъ Кликъ и маіоромъ Іоанномъ-

Андреемъ Егергорномъ, мечтавшими о перемѣнѣ правленія или отторженіи Финляндіи отъ Швеціи, думалъ, вслѣдствіе наущеній барона Оттона Клингспора, что онъ предпринятыми имъ мѣрами способствовалъ благу короля, устраивая возможность возстановленія мира, и воображалъ, что Густавъ III въ тайнѣ былъ доволенъ его дѣйствіями. Узнавъ, что его обманули, онъ былъ въ отчаяніи, но, какъ честный человѣкъ, хотѣлъ, чтобъ не выдать своихъ товарищей, завлекшихъ его, взять всю вину на себя одного. Герцогъ Карлъ принялъ командованіе надъ арміею въ Финляндіи отъ короля и расположилъ свою главную квартиру въ Ловизѣ. Во время этого командованія онъ велъ себя съ обычной двойственностью. Видя шаткое положеніе своего брата на тронѣ, онъ вѣроятно думалъ о способѣ пользоваться его предстоящимъ паденіемъ. Въ виду этого, онъ обходился съ финскими командирами-заговорщиками, особенно съ полковниками Монтгомери и Анкарсвердомъ, крайне благосклонно и старался пріобрѣсти ихъ довѣріе, что́ ему и удалось. Будущему времени суждено узнать, какъ далеко онъ велъ свои тайные переговоры съ ними, но уже теперь извѣстно, что эти начальники пока имъ очень довольны, и что пока король находился въ двусмысленномъ положеніи, онъ ему не сообщалъ секретовъ, полученныхъ отъ нихъ. Только когда буря миновала и власть короля была утверждена, онъ раскрылъ ихъ, желая при этомъ, какъ баронъ Гастферъ въ Саволаксѣ, дать дѣлу такой видъ, будто онъ притворялся этимъ лицамъ въ благосклонности и приверженности къ нимъ только съ цѣлью открыть ихъ планы. Но королю была извѣстна роль, съигранная его братомъ, а также его настоящія намѣренія.

Такъ какъ императрица въ отвѣтѣ на ноту къ ней финскихъ командировъ, отвѣтѣ, къ удивленію ихъ, не подписанномъ ни ею самой, ни кѣмъ-нибудь изъ ея министровъ, настаивала на отступленіи шведскихъ войскъ черезъ границу, ставя это первымъ условіемъ для возстановленія мира, то герцога теперь заставляли исполнить это требованіе. Герцогъ, получивъ рѣшительное приказаніе короля отстаивать позицію у Гегфорса, не могъ взять, въ виду этого, на свою собственную отвѣтственность оставленіе ея, а потому собралъ большой военный совѣтъ для обсужденія этого

вопроса, принявшаго теперь болѣе политическій, чѣмъ военный, характеръ. Онъ очень хорошо предвидѣлъ результатъ этого совѣщанія, но считалъ себя оправданнымъ передъ королемъ, когда уступилъ необходимости исполнить единогласное рѣшеніе членовъ совѣта. Рѣшеніе это однакожъ не было такимъ единогласнымъ, какъ онъ предполагалъ. Три члена совѣта: генералъ Платенъ, полковники Лиліегорнъ и Клеркерсъ, разсматривая вопросъ съ военной точки зрѣнія, имѣли мужество воспротивиться господствовавшему мнѣнію и подвергнуться неудовольствію партіи, считавшейся тогда побѣдоносной. Въ хорошо составленныхъ письменныхъ заявленіяхъ они подавали голосъ за отстаиваніе позиціи, но большинство рѣшило отступленіе, и оно было исполнено.

Описавъ затѣмъ энергическія дѣйствія Густава III противъ датчанъ, миръ съ ними, созывъ сейма въ началѣ 1789 года и бурныя сцены во время преній, Эренстремъ переходитъ къ описанію событій во время кампаніи 1789 и 1790 годовъ и мира въ Верелѣ. 3-го іюня 1789 года Густавъ III отправился въ Финляндію, 8-го числа онъ прибылъ въ главную квартиру въ Борго, откуда она была перенесена въ Пейполо. Сюда прибылъ съ донесеніемъ о битвѣ при Поросальми 13-го іюня маіоръ Георгъ Егергорнъ, принятый весьма милостиво королемъ и по предложенію котораго армія немедленно должна была перейти рѣку Кюмень у Вереля, съ тѣмъ чтобы быстрымъ наступленіемъ черезъ Уттисъ и Кайпіайсъ на Давидстатъ угрожать тылъ противника, наступающаго противъ С-тъ Михеля. 25-го іюня армія дѣйствительно перешла черезъ рѣку и расположилась въ окрестностяхъ дер. Ковало, откуда черезъ три дня, т. е 28 іюня выступила къ Уттису. Послѣ пяти-часовой перестрѣлки русскія войска въ порядкѣ отступили къ Кайпіайсу, шведскія—вернулись въ лагерь у Ковалы.

Когда они вечеромъ прибыли, я вышелъ на встрѣчу короля; онъ слѣзъ съ лошади и, отдавъ приказанія о заботливомъ уходѣ за ранеными и попеченіи о плѣнныхъ, подошелъ ко мнѣ, видимо довольный этой своей первой побѣдой, съ которой я его поздравилъ, но при этомъ выразилъ свое удивленіе, что ею не воспользовались для дальнѣйшаго наступленія, согласно утвержденному плану, по дорогѣ на Давидстатъ, безъ чего одержанный успѣхъ мнѣ казался безполезнымъ и безцѣльнымъ. Выслушавъ благосклонно это замѣчаніе, король приблизился ко мнѣ на шагъ

и сказалъ какъ будто шопотомъ: «Дѣло въ томъ, что у насъ «хлѣба только на три дня, и съ такимъ запасомъ мы не можемъ «далеко удалиться отъ нашихъ магазиновъ и пекарень». Тогда я не могъ удержать вопроса: «Что же кригскоммиссаріатъ дѣлалъ во всю зиму и весной и на что употреблены выданныя деньги? Видно плохо для успѣха кампаніи, если въ срединѣ лѣта недостаетъ хлѣба на 1.500 человѣкъ для экспедиціи въ нѣсколько десятковъ верстъ». Король какъ-будто сознавалъ истину высказаннаго, но отвѣтилъ только движеніемъ плечъ. . . . . . .

. . . .

Составленъ былъ новый планъ, по которому генералъ графъ Мейерфельтъ долженъ былъ перейти Кюмень у Абборфорса и наступать къ Гегфорсу, а генералъ Платенъ изъ Коволы черезъ Віала на Ликола, чтобъ угрожать тылъ противника, дѣйствующаго противъ Мейерфельта. По выпечкѣ и доставкѣ достаточнаго количества хлѣба, генералу Каулбарсу слѣдовало преслѣдовать непріятельскія войска, разбитыя у Уттиса, къ Кайнбайсу и Давидстату.

Всѣ эти операціи и комбинаціи совершенно не удались, вслѣдствіе неспособности короля управлять движеніями войскъ. Одно безтолковое распоряженіе смѣнялось другимъ, еще болѣе безцѣльнымъ. Въ высшей степени неудачны были также вмѣшательства короля въ дѣйствія флота. Начальникъ шхерной флотиліи, полковникъ графъ Эренсвердъ, расположился съ нею у Свенскзунда. Отсюда онъ донесъ королю, что принцъ Нассаускій прибылъ съ превосходными силами, въ виду чего просилъ разрѣшенія отступить къ Свартгольму, какъ удобному опорному пункту, и тамъ ждать другую часть шхерной флотиліи.

Эренстремъ объ этомъ говоритъ слѣдующее:

Король прочелъ рапортъ на какомъ-то дворѣ; окончивъ чтеніе, онъ приказалъ поставить себѣ столъ въ тѣни сарая и тутъ написалъ отвѣтъ. Когда все было готово, онъ подозвалъ меня, прочелъ сперва рапортъ Эренсверда, а потомъ и свой отвѣтъ. Писалъ онъ по-французски, выставляя всѣ причины, по которымъ онъ не хотѣлъ разрѣшить отступленія. Я припоминаю изъ конца этого письма нѣсколько строкъ слѣдующаго, приблизительно, содержанія: «Si les raisons, que je viens d'alléguer, ne vous determinent pas à rester là où vous êtes, pour livrer bataille à l'ennemi, vous pouvez vous

retirer jusqu'à Sveaborg; mais sachez que l'ombre de votre père, des remparts de cette forteresse vous reprochera d'y être venû chercher un refuge avec la flotille qu'il a créé, avant que vous l'ayez mise en état de faire sa première preuve de valeur pour la défense de la patrie» [1]) . . . .

. . . .

Понятно, что Эренсвердъ, по полученіи этого письма, остался у Свенскзунда, гдѣ 24-го августа и былъ на-голову разбитъ принцемъ Нассаускимъ. За три дня до этой битвы, т. е. 21-го августа, Эренстремъ утромъ зашелъ къ королю, котораго нашелъ сидящимъ въ кровати съ только-что оконченнымъ письмомъ въ рукахъ. Онъ сказалъ:

«Je viens de faire un coup de ma tête. Voici une lettre que j'ai écrite au prince de Condé, pour l'inviter de venir au Suède» [2]).

Затѣмъ онъ прочелъ это письмо Эренстрему, въ которомъ выражался слѣдующимъ образомъ:

«Offrir à un Bourbon et à un Condé un asile dans mon camp, c'est y appeller la victoire. Vous proposer de chercher une retraite dans mes états, c'est moins vous témoigner l'intérêt que je prends à vous, que ce n'est satisfaire à mes sentiments les plus doux, etc., etc.» [1]).

Эренстремъ продолжаетъ:

«Французскіе принцы не могли приблизиться къ шведскому королю во время войны съ русской императрицей, не шокируя ее; благорасположеніе ея они, во что бы то ни стало, принуждены были

---

[1]) „Ежели приведенные мною доводы не побудятъ васъ остаться тамъ, гдѣ вы находитесь, чтобъ дать сраженіе непріятелю, то вы можете отступить къ Свеаборгу; но знайте, что тѣнь вашего отца будетъ укорять васъ съ валовъ этой крѣпости за то, что вы искали въ ней убѣжища съ флотиліей, имъ созданной, не давъ ей предварительно возможности выказать впервые свою доблесть при оборонѣ отечества".

[2]) „Я принялъ важное рѣшеніе, ни съ кѣмъ не посовѣтовавшись. Вотъ письмо, написанное мною принцу Конде, съ приглашеніемъ пріѣхать въ Швецію".

[3]) „Предложить принцу изъ дома Бурбоновъ, человѣку, носящему имя Конде, убѣжище въ моемъ лагерѣ, значитъ призвать въ него побѣду. Предлагая вамъ найти убѣжище въ моемъ государствѣ, я этимъ не столько доказываю мое участіе къ вамъ, какъ удовлетворяю самымъ сокровеннымъ моимъ чувствамъ" и т. д.

сохранять. Два года спустя, 20 января 1792 года, за два мѣсяца до своей смерти, король возобновилъ приглашеніе этого принца, письмомъ изъ Гага [1]). Въ этомъ письмѣ онъ писалъ: «J'espère que Votre Altesse se souviendra qu'il se trouve en Allemagne un duché de Poméranie, acquis à la Suède par les armes de Gustave-Adolphe et affermi sous le sceptre de sa fille par les victoires du grand Condé! C'est, je crois, vous en dire assez, et nous devons reciproquement nous attendre» [2]). Принцъ отвѣтилъ письмомъ изъ Бингена, отъ 28-го марта того же 1792 г., т. е. за день до смерти короля.

Выше было сказано, что 24 августа шведскій шхерный флотъ былъ разбитъ русскимъ при Свенсксундѣ. Сраженіе началось въ 9 ч утра. Король поспѣшно одѣлся и поѣхалъ на одинъ изъ острововъ, откуда съ горы слѣдилъ за боемъ. Въ 6 часовъ вечера онъ вернулся въ главную квартиру въ Кюменегородъ. Принявъ отъ Эренстрема полученныя съ курьеромъ изъ Стокгольма бумаги, онъ съ ними вошелъ въ палатку.

Свита осталась на дворѣ; собираясь въ кучки, они шопотомъ толковали о событіяхъ дня, стараясь угадывать вѣроятныя послѣдствія. Изъ услышанныхъ мною выраженій я заключилъ, что считали все окончательно погибшимъ; въ высшей степени они осуждали упрямство короля не разрѣшить предложенное отступленіе къ Свартгольму. Наконецъ король открылъ окно палатки и призвалъ меня къ себѣ; когда я подошелъ, онъ сказалъ тихо, чтобъ другіе не слышали: «Все шло хорошо; флотъ дрался съ мужествомъ; эскадра «изъ Аспе [3]) была сильно разстроена и уже спустила свои флаги, «когда русскимъ [4]) удалось уничтожить загражденія и прорваться «черезъ проливъ. Тогда я далъ приказъ отступить и съѣхалъ на бе«регъ. Изъ продолжающейся канонады, звуки которой удаляются, «видно, что отступленіе продолжается». Это была надежда короля, но ея никто въ его главной квартирѣ не раздѣлялъ. Полагали, что весь флотъ взятъ непріятелемъ, и ожидали, что армія, правый флангъ

[1]) Загородный дворецъ близъ Стокгольма.

[2]) Ваша свѣтлость припомнитъ, надѣюсь, что въ Германіи существуетъ герцогство Померанское, пріобрѣтенное Швеціей войнами Густава Адольфа и закрѣпленное подъ скипетромъ его дочери побѣдами великаго Конде. Этимъ, кажется, сказано довольно, и мы должны полагаться другъ на друга.

[3]) Русская эскадра адмирала Крузе.

[4]) Отряду принца Нассаускаго.

которой теперь не былъ прикрытъ, уже на другой день будетъ атакована какъ съ фронта, такъ и съ фланга, со стороны моря высадками съ побѣдоноснаго флота противника, который также, овладѣвъ Кварнбю и Пюттисъ въ тылу арміи, отрѣзалъ бы ей отступленіе на Абборфорсъ. Горячились, зачѣмъ король не приказывалъ немедленно начать отступленіе, и упрекали его въ томъ, что онъ хотѣлъ рисковать арміею такимъ же образомъ, какъ уже пожертвовалъ шхернымъ флотомъ.

Положеніе дѣйствительно было отчаянное. Поздно вечеромъ вернулся полковникъ Клеркеръ, передавшій флоту приказаніе короля отступить, съ первыми печальными извѣстіями. Немного спустя въ лагерь прибылъ со словами: «Me voilà; je suis battu» [1]) графъ Эренсвердъ, въ сопровожденіи своего флагъ-капитана, маіора Кронстета О прибытіи этихъ лицъ Эренстремъ счелъ долгомъ доложить королю; онъ былъ этимъ крайне удивленъ и приказалъ позвать къ себѣ графа Эренстремъ отправился къ нему и сказалъ: «Король, узнавъ, что вы, графъ, здѣсь, проситъ васъ къ себѣ». Онъ сейчасъ всталъ и со словами: «Скоро же онъ узналъ это» отправился къ королю. Эренстремъ изъ любопытства сталъ у палатки короля и слышалъ слѣдующій разговоръ:

«— Добрый вечеръ, графъ Эренсвердъ, какъ обстоитъ съ моимъ флотомъ?

«— Вашему величеству извѣстно, что онъ разбитъ?

«— Да, я знаю, что, въ виду превосходства силъ противника, онъ проигралъ сраженіе, но сколько изъ него осталось?

«— Мало или ничего.

«— Отступленіе началось уже въ 6 часовъ, когда я уѣхалъ.

«— Ваше величество забываете, что оно должно было совершиться сквозь эскадру изъ Аспе.

«— Эта эскадра въ началѣ битвы вѣдь была разбита.

«— Она потомъ имѣла время исправить свои аваріи.

«— И такъ вы, графъ, думаете, что ничего не могло спастись?

«— Можетъ быть нѣсколько канонерскихъ шлюпокъ могутъ спастись, въ темнотѣ войдя въ рѣку Кюмень, откуда онѣ все-таки не могутъ уйти, а должны быть сожжены при отступленіи арміи».

---

[1]) „Вотъ и я, я разбитъ"

Во время этого разговора король вынулъ морскую карту, на которой адмиралъ объяснялъ движенія. Разговоръ окончился слѣдующими словами: «Доброй ночи, графъ Эренсвердъ! Вы устали и должны отдохнуть. Попросите ко мнѣ Кронстета». Когда графъ вернулся въ палатку барона фонъ-Эссена, онъ сказалъ: «Теперь тебѣ (Кронстету) идти къ королю. Онъ мнѣ не вѣритъ, а воображаетъ, что у него есть еще флотъ»; присутствовавшіе въ палаткѣ этому очень смѣялись.

Кронстету король задавалъ тѣ же вопросы, что́ и Эренсверду, и получилъ одинаковые отвѣты.

Эренстрему стало такъ жаль короля, сидѣвшаго однимъ въ своей палаткѣ, оставленнаго своими придворными, относившимися совершенно равнодушно къ его тяжелому положенію, что рѣшился пойти къ нему,

«чтобъ хоть въ моемъ лицѣ представить его глазамъ вѣрноподданнаго, откровенно раздѣлявшаго его заботы».

Посмотрѣвъ на меня нѣсколько минутъ, онъ сказалъ съ благосклонной улыбкой: «Понимаю; вы хотѣли видѣть мое настроеніе въ настоящемъ положеніи. Во-первыхъ, я вамъ скажу, что уже испыталъ такъ много неудачъ, что выучился не терять отъ таковыхъ своего мужества, а когда онѣ случаются, то только обдумывать средства, какъ ихъ исправить. Во-вторыхъ, я все еще не могу увѣрить себя, что несчастіе такъ велико, какъ оно представлено, такъ какъ мнѣ кажется невозможнымъ, чтобы большая часть флота не спаслась».

Успокоивъ Эренстрема на счетъ положенія дѣлъ вообще, онъ его отпустилъ.

Замѣчательнѣе всего, что въ главной квартирѣ въ этотъ самый вечеръ и при такихъ тревожныхъ обстоятельствахъ, совершенно не было, въ присутствіи короля, разговоровъ или объясненій по поводу только-что окончившейся битвы. Эренстремъ по крайней мѣрѣ разсказываетъ слѣдующее:

Въ Кюменегородѣ король обѣдалъ и ужиналъ, въ залѣ, стѣны которой были убраны свѣжимъ ельникомъ. Въ этотъ вечеръ король приказалъ подать ужинъ нѣсколькими часами позже обыкновеннаго,

такъ какъ хотѣлъ кончить чтеніе депешъ и интересныхъ газетъ, привезенныхъ курьеромъ.

Ужинъ былъ печальный. Король больше всего говорилъ о событіяхъ во Франціи. Его разсказы о нихъ выслушивались равнодушно и молчаливо. На его вопросы отвѣчали односложно, но онъ какъ будто не замѣчалъ общаго неудовольствія, высказываемаго минами и жестами присутствовавшихъ. Послѣ ужина, т. е. по полуночи, я его еще видѣлъ въ его палаткѣ, раньше чѣмъ онъ легъ. Онъ не казался недовольнымъ непривѣтливыми физіономіями, которыя онъ видѣлъ за ужиномъ. Онъ объяснялъ это чертою національнаго характера и придерживался убѣжденія, что большая часть шхернаго флота спаслась.

На дѣлѣ такъ и оказалось. Около 34 судовъ спаслись и отступили къ Свортгольму для исправленія аварій. Всѣми работами завѣдывалъ полковникъ Клеркеръ, но съ какими затрудненіями, можно судить по слѣдующему его разсказу:

Выходя разъ, послѣ одного совѣщанія у короля, вмѣстѣ съ графомъ Эренсвердомъ, я ему сказалъ: «Графъ, постараемся теперь «соединенными силами и для пользы отечества исполнить планы «короля, такъ какъ другое отношеніе къ дѣлу равносильно измѣнѣ»; на это Эренсвердъ отвѣтилъ: «Не думаешь ли ты, что отечеству, «пожалуй, было бы лучше, если они не будутъ приведены въ ис«полненіе и что способствовать этому скорѣе равносильно измѣнѣ?»

Эренстемъ къ этому прибавляетъ:

И все-таки не слѣдуетъ по этимъ выраженіямъ слишкомъ строго судить графа Эренсверда. Онъ былъ человѣкъ рѣдкихъ достоинствъ, величайшей личной храбрости, любилъ отечество и былъ дѣйствительно преданъ королю: но онъ былъ недоволенъ войною, недоволенъ результатами послѣдняго сейма; въ этомъ отношеніи онъ раздѣлялъ мнѣніе своего дворянскаго сословія, и его политическія убѣжденія шли иногда въ разрѣзъ съ прочими его обязанностями. Хотя король и зналъ объ этомъ, все-таки не выказывалъ ему ни малѣйшаго нерасположенія.

Выше было упомянуто, въ какомъ плачевномъ состояніи находилась интендантская часть финской арміи. Баронъ Армфельтъ, прибывъ съ

подкрѣпленіями изъ Швеціи въ сентябрѣ мѣсяцѣ, подалъ о замѣченныхъ имъ злоупотребленіяхъ и неурядицахъ подробное донесеніе королю. Когда Эренстремъ окончилъ чтеніе этой записки, король сказалъ:

«Я убѣжденъ, что все это вѣрно, но я также убѣжденъ, что то же самое происходило бы при какомъ угодно начальникѣ коммиссаріата. Съ этимъ, по крайней мѣрѣ, выгода та, что онъ слушается, не ставитъ всему затрудненій, и что дѣла идутъ.

На возраженія Эренстрема король отвѣтилъ миной,

«ясно выразившей укоренившееся недовѣріе ко всѣмъ управляющимъ казенными средствами».

Далѣе Эренстремъ говоритъ:

Можетъ быть, царствующія особы, вслѣдствіе пріобрѣтенной ими опытности, болѣе другихъ принуждены имѣть такое недовѣріе. .

. . . .

Въ этомъ году король остался въ Финляндіи до декабря. Необыкновенно хорошая осень благопріятствовала этому пребыванію, о причинѣ котораго король писалъ графу Гильденстолне[1]) изъ Або 29-го ноября 1789 г. слѣдующее:

«Etant heureusement à couteau tiré avec toute ma société depuis la dernière diète, rien ne me donne de l'impatience de retourner. Je dis heureusement, car c'est un service que ces telles dames m'ont rendu. Je devrai ma reputation à leur inimitié».

Mon bonheur m'eut perdu. Mon âme toute entière
Se doit aux grands objets de ma vaste carrière,

«et je n'aurais jamais supporté avec autant de patience l'ennui de ce pays, si j'avais eu à regretter les douceurs de cette société de femmes charmantes et d'hommes aimables, dont j'étais entouré, et dont par une illusion aussi douce que trompeuse je croyais être aimé. Leur haine et leur injuste dechainement m'ont rendu mon devoir

---

[1]) Воспитатель кронпринца Густава-Адольфа.

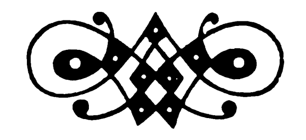

doux et aisé à supporter en me faisant du travail une nécessité et un asile contre l'ennui. Ne pouvant vivre agréablement dans cette vie, j'ai souhaité de vivre honorablement dans l'histoire, et tous mes efforts s'y sont tendus» [1]) . . . .

. . . .

Сообщилъ Г. Ѳ. Сюннербергъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Находясь, къ счастью, въ смертельной враждѣ со всѣмъ моимъ обществомъ, со времени послѣдняго сейма, я не имѣю причинъ ожидать съ нетерпѣніемъ возвращенія домой. Я говорю „къ счастью", такъ какъ прелестныя дамы оказали мнѣ въ этомъ случаѣ услугу. Ихъ непріязни я буду обязанъ своею славою. Я долженъ всею душою предаться важнымъ дѣламъ моего великаго поприща, но я не могъ бы переносить такъ терпѣливо скучное пребываніе въ этой странѣ, ежели бы мнѣ пришлось скорбѣть объ утратѣ милаго общества очаровательныхъ дамъ и любезныхъ кавалеровъ, окружавшихъ меня, которыми, вслѣдствіе пріятной и обманчивой иллюзіи, я полагалъ себя любимымъ. Ихъ ненависть и несправедливая злоба облегчили и скрасили мнѣ исполненіе долга, сдѣлавъ трудъ для меня необходимостью и единственнымъ убѣжищемъ отъ скуки. Не имѣя возможности проводить въ сей жизни время пріятно, я возъимѣлъ желаніе занять почетное мѣсто въ исторіи, къ чему и были направлены всѣ мои усилія.

ИЗЪ ДНЕВНИКА БЕРНГАРДИ.

Бесѣды съ принцемъ Евгеніемъ Виртембергскимъ.

Прусскій совѣтникъ посольства, Бернгарди, скончавшійся въ 1887 году, извѣстный военный писатель и историкъ, оставилъ весьма интересный дневникъ, веденный имъ въ теченіе сорока лѣтъ, который нынѣ подготовляется къ изданію его сыномъ, маіоромъ прусскаго генеральнаго штаба.

Врядъ-ли кто-либо изъ современниковъ имѣлъ случай встрѣчаться въ жизни съ такими выдающимися личностями своего времени, какъ Бернгарди, авторъ «Достопамятныхъ событій изъ жизни графа Толя», «Исторіи Россіи и европейской политики», «Фридрихъ Великій, какъ полководецъ» и др. Какъ племянникъ Людвига Тика и сынъ филолога, А. Ф. Бернгарди, онъ вращался съ дѣтства въ средѣ выдающихся личностей, каковы, напримѣръ, братья Шлегель, Шеллингъ, г-жа Сталь и Беттина фонъ-Арнимъ; студентомъ онъ былъ удостоенъ знакомства съ Гёте, а во время пребыванія своего, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ Россіи, считался своимъ человѣкомъ въ петербургскомъ обществѣ, въ которое онъ былъ введенъ своимъ отчимомъ Кнорингомъ и будущимъ тестемъ, мореплавателемъ, адмираломъ Крузенштерномъ. Въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ Бернгарди пользовался довѣріемъ и расположеніемъ тогдашняго принца прусскаго, будущаго императора Вильгельма 1-го, а равно и герцога Саксенъ-Кобургъ-Готскаго, Эрнста Мольтке, Узедома и парламентскихъ дѣятелей: Винке, Ауерсвальда и др., а на закатѣ дней своихъ, съ 1866 по 1871 годъ, былъ военно-уполномоченнымъ въ Италіи и Испаніи; такимъ образомъ, покойный писатель съ дѣтства многое видѣлъ, рано научился наблюдать, получилъ разностороннѣйшее образованіе и могъ отнестись къ выдающимся событіямъ своего времени, коихъ онъ былъ свидѣтелемъ, какъ человѣкъ въ высшей степени развитой и просвѣщенный.

Въ ряду современниковъ Бернгарди занимаетъ безспорно мѣсто одного изъ образованнѣйшихъ людей нашего вѣка; онъ владѣлъ, кромѣ древнихъ, шестью новыми языками и считается не только самымъ выдающимся изъ современныхъ военныхъ писателей, но вмѣстѣ съ тѣмъ превосходнымъ историкомъ и столь глубокомысленнымъ писателемъ по части политической экономіи, что его смѣло можно причислить къ представителямъ новаго направленія нѣмецкой исторической и политико-экономической школы.

Замѣтимъ здѣсь еще, что записки Бернгарди были писаны не для печати, т. е. авторъ отнюдь не заботился о впечатлѣніи, которое онѣ могли произвести на читателя. Онъ писалъ ихъ исключительно для самого себя, такъ что въ первой, напримѣръ, части этихъ записокъ, доведенной до половины пятидесятыхъ годовъ, описываются событія столь интимнаго, чисто личнаго характера, что онѣ по большей части даже не пригодны полностью для печати; но, именно по этой-то причинѣ, дневникъ Бернгарди можетъ служить весьма достовѣрнымъ источникомъ при изученіи новѣйшей исторіи. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ авторъ передаетъ факты ошибочно, онъ сообщаетъ ихъ на основаніи дошедшихъ до него невѣрныхъ слуховъ, причемъ онъ всегда указываетъ, откуда извѣстныя свѣдѣнія имъ получены; то же, что́ онъ самъ видѣлъ и слышалъ, передается имъ дословно. При этомъ интересъ записокъ возрастаетъ съ каждымъ десятилѣтіемъ, съ каждымъ томомъ, и достигаетъ высшей степени, когда въ нихъ говорится о событіяхъ 1866—1870 годовъ.

Бернгарди, возвратясь на родину, въ Германію, въ 1851 году, послѣ многихъ лѣтъ отсутствія, провелъ затѣмъ нѣсколько лѣтъ почти въ совершенномъ уединеніи. Достигнувъ извѣстности, благодаря своему сочиненію о графѣ Толѣ, открывшему ему доступъ во вліятельные кружки германскаго и прусскаго общества, онъ получилъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, возможность наблюдать весьма близко великія событія того времени и могъ повѣрять своему дневнику такія тайны, которыя, по самой ихъ сущности, были достояніемъ только самаго ограниченнаго кружка лицъ.

Въ журналѣ «Deutsche Rundschau» (1893 года, февраль) появился отрывокъ изъ этихъ обширныхъ записокъ, а именно дневникъ о свиданіи Бернгарди съ принцемъ Евгеніемъ Виртембергскимъ, славнымъ участникомъ войнъ 1812, 1813 и 1814 годовъ и побѣдителемъ при Кульмѣ, скончавшимся въ 1857 году, и котораго Бернгарди посѣтилъ въ его Силезскомъ имѣніи въ 1856 году. Скажемъ здѣсь нѣсколько словъ о личности принца Виртембергскаго.

Принцъ Евгеній Виртембергскій, въ качествѣ племянника императрицы Маріи Ѳеодоровны, супруги императора

Павла I, былъ вызванъ въ 1800 году, тринадцати лѣтъ отъ роду, въ Петербургъ; своимъ умомъ и открытымъ, чистосердечнымъ характеромъ онъ снискалъ такъ быстро расположеніе государя, что тотъ съ перваго же свиданія заявилъ: «Savez vous bien que ce petit drôle a fait ma conquête»[1]). Со временемъ расположеніе императора Павла къ его молодому родственнику перешло въ настоящую манію. Онъ назначилъ юношу-подростка командоромъ Мальтійскаго ордена, отдавалъ ему честь на парадѣ и, когда разговоръ происходилъ на нѣмецкомъ языкѣ, называлъ его не иначе, какъ «gnädigster Herr» [2]). Въ то же время императоръ выражалъ желаніе сочетать молодаго принца бракомъ съ любимой своей дочерью, великой княжною Екатериной Павловною (впослѣдствіи королева Виртембергская),—а когда великіе князья Александръ и Константинъ Павловичи навлекли на себя, въ 1801 году, немилость своего отца, то онъ высказалъ даже намѣреніе лишить наслѣдства сыновей и назначить себѣ преемникомъ своего будущаго зятя!

Наслѣдникъ престола, впослѣдствіи императоръ Александръ I, всю жизнь не могъ отдѣлаться отъ тяжелаго впечатлѣнія, которое произвела на него эта странная фантазія отца, а императрица Марія Ѳеодоровна, послѣ кончины своего супруга, сочла за лучшее отправить принца обратно въ Силезію, и только въ 1807 г. ей удалось вновь опредѣлить его на службу въ Россіи.

Принцъ Евгеній Виртембергскій, служа въ рядахъ русскаго войска, дѣйствовалъ не разъ съ такимъ отличіемъ, что императоръ Александръ Павловичъ не могъ не признавать его заслугъ, но, находясь подъ впечатлѣніемъ событій 1801 года, онъ не рѣшился открыто отдавать должное подвигамъ принца, и такимъ образомъ его имя не пользовалось извѣстностью и не было упомянуто даже въ оффиціальномъ донесеніи о Кульмской битвѣ (выигранной принцемъ Виртембергскимъ, который принялъ командованіе вмѣсто графа Остермана-Толстаго). «Je sais tout ce que nous vous devons, mais la résignation est la plus belle des vertus» [3]) — было сказано ему императоромъ на полѣ битвы. Въ сочиненіи Бернгарди о графѣ Толѣ, истинное положеніе дѣлъ и выдающіяся заслуги, оказанныя принцемъ въ сраженіи при Кульмѣ, были выставлены въ ихъ настоящемъ свѣтѣ.

Въ связи съ этимъ обстоятельствомъ находилось приглашеніе, полученное писателемъ, посѣтить принца Евгенія въ его Силезскомъ имѣніи Карлсруэ.

---

1) Знаете ли, этотъ маленькій проказникъ очень полюбился мнѣ.

2) Милостивый государь.

3) Я знаю, насколько мы вамъ обязаны, но покорность лучшая изъ добродѣтелей.

Вотъ чтò разсказываетъ Бернгарди о своемъ пребыванiи въ Карлсруэ съ 10-го по 14-е iюня 1856 года. Разсказъ его въ высшей степени интересенъ для характеристики людей того времени и ихъ взаимныхъ отношенiй. Ред.

10-го iюня. Мѣстоположенiе Карлсруэ весьма своеобразно. Это мѣстечко лежитъ среди довольно болотистаго хвойнаго лѣса и мѣстоположенiемъ нѣсколько напоминаетъ городъ Карлсруэ великаго герцогства Баденскаго.

Посреди мѣстечка возвышается довольно большой, четыреугольный замокъ, съ небольшими закругленными дверьми по угламъ, по срединѣ увѣнчанный куполомъ; къ крыльцу ведетъ проѣзжая дорога, а около нея извиваются межъ кустовъ маленькiя дорожки.

Замокъ занимаетъ средину осьмиугольной площади, отъ которой лучеобразно расходятся въ разныя стороны восемь просѣкъ. Между ними находится восемь, совершенно похожихъ одинъ на другой, павильоновъ, которые образуютъ стороны этой площади: всѣ павильоны одноэтажные, съ чердачнымъ помѣщенiемъ (мансарда). Эти восемь просѣкъ образуютъ улицы мѣстечка; но дома по большей части такъ низки и лежатъ такъ разбросанно, скрытые межъ садовъ и кустарниковъ, что трудно себѣ представить, гдѣ собственно обрѣтаются тѣ 2.300 жителей, которыхъ насчитываютъ въ этомъ мѣстечкѣ. Такимъ образомъ, въ общемъ, Карлсруэ смотритъ весьма оригинально и походитъ не столько на мѣстечко, какъ на уединенный охотничiй замокъ съ нѣсколькими пристройками.

Лакей принца провелъ меня въ замокъ, который нынѣ никѣмъ не обитаемъ и гдѣ мнѣ были отведены двѣ обширныя комнаты и уборная. Я велѣлъ спросить, когда я могу представиться принцу?— «Передъ самымъ обѣдомъ», былъ отвѣтъ; слѣдовательно, я буду приглашенъ къ столу.

Принцъ занимаетъ, со своимъ семействомъ, одинъ изъ восьми павильоновъ. Помѣщенiе у нихъ довольно тѣсное. Прямо изъ сѣней входишь направо въ небольшое зало, позади котораго виднѣется кабинетъ (Можетъ быть, въ одномъ изъ флигелей, на сосѣдней улицѣ, кромѣ кухни и другихъ службъ, находится еще нѣсколько жилыхъ комнатъ, но онѣ не предназначаются для посѣтителей).

Влѣво отъ сѣней находится столовая, прихожей нѣтъ: жилыя комнаты и спальни находятся на верху, въ мансардѣ.

Домашній бытъ принца также довольно оригиналенъ. Прежде онъ имѣлъ характеръ маленькаго двора; при принцѣ состояли два русскихъ офицера, Вахтинъ и Молоствовъ, жившіе здѣсь въ качествѣ его адъютантовъ, придворный врачъ, надворный совѣтникъ Баллюсекъ и домоправитель, полковникъ Бекельбергъ. При дамахъ также состояла одна особа—нѣчто въ родѣ фрейлины; въ настоящее время всѣ эти люди исчезли, одни изъ нихъ умерли, другіе уѣхали, не будучи замѣнены новыми лицами. Принцъ живетъ, какъ помѣщикъ, весьма непритязательно; кромѣ членовъ семьи у него въ домѣ живетъ только француженка среднихъ лѣтъ, замѣчательно некрасивая, бывшая гувернантка его дочерей. Всѣмъ домомъ завѣдуетъ надворный совѣтникъ Рибель, сдѣлавшійся мало-по-малу для принца необходимымъ, но, какъ человѣкъ семейный, онъ не живетъ въ квартирѣ принца, а занимаетъ одинъ изъ остальныхъ семи павильоновъ и только иногда появляется «при дворѣ». Рибель ведетъ дѣла принца и въ случаѣ надобности разыгрываетъ роль придворнаго, такъ какъ жизнь здѣшнихъ обитателей все же нельзя сравнить съ жизнію частныхъ лицъ. Тутъ все-таки соблюдается хоть тѣнь придворнаго этикета, что́ при чрезвычайно скромной, вообще, обстановкѣ производитъ довольно курьезное впечатлѣніе.

Принцъ принялъ меня въ залѣ; это человѣкъ средняго роста, скорѣе низкій, нежели высокій, широкоплечій, коренастый и нѣсколько дородный, сообразно своимъ лѣтамъ; лицо его не выразительное, но живые, голубые глаза довольно блестящи; странное впечатлѣніе производитъ взглядъ этихъ глазъ, всегда неподвижно устремленныхъ на одинъ какой-нибудь предметъ, при чемъ глаза эти, отъ природы большіе, неимовѣрно расширяются. Парикъ каштановаго цвѣта напоминаетъ прежнія пышныя кудри принца; локоны ниспадаютъ спереди на виски и на лобъ. Принцъ былъ въ черной парѣ, съ орденскою лентою Виртембергскаго дома на шеѣ. Онъ представилъ меня дамамъ, которыя стояли въ глубинѣ залы. Принцесса, рожденная княгиня Гогенлоэ-Лангенбургская, женщина лѣтъ пятидесяти двухъ, по всей вѣроятности была прежде красави-

цей; ея сестра, вдовствующая графиня Эрбахъ, также была навѣрно очень миловидна и привлекательна; въ ней замѣтна юмористическая жилка, она частенько подтруниваетъ надъ принцемъ. Обѣ сестры говорятъ по-нѣмецки съ довольно рѣзкимъ швабскимъ акцентомъ. Старшая дочь принца была больна и не показывалась; младшая, принцесса Анна, весьма добродушная, хорошенькая дѣвушка, произвела бы пріятное впечатлѣніе даже и тогда, когда она была бы простой смертной, а не принцессой. При пріемѣ присутствовалъ надворный совѣтникъ Рибель, который забылъ представить меня молодой принцессѣ, и фрейленъ Луиза фонъ Бекельбергъ, разъ навсегда приглашенная, на время моего присутствія, къ обѣду и на вечернія собранія. Принцесса пошла къ столу подъ руку со мною. Принцъ повелъ Луизу фонъ Бекельбергъ; мнѣ было указано мѣсто между принцессой и графиней Эрбахъ, но принцъ, нѣсколько глуховатый на ухо и съ которымъ у насъ завязался вскорѣ оживленный разговоръ, помѣнялся къ концу обѣда мѣстомъ съ графиней. Когда мы перешли обратно въ залу, онъ продолжалъ оживленно бесѣдовать со мною; дамы удалились.

Разговоръ вертѣлся все время на одномъ предметѣ, который, повидимому, особенно интересуетъ принца, именно на вопросѣ о восшествіи на престолъ императора Николая Павловича и о петербургскихъ событіяхъ 14-го декабря. Принцъ вполнѣ сознаетъ, какъ несправедливо къ нему отнеслись въ то время, и его разсказы принимаютъ вскорѣ характеръ весьма интимный и поражаютъ меня своею откровенностью.

Много бѣдствій произошло въ то время отъ скрытности, такъ какъ ни императоръ Николай, ни его мать, состоявшіе одни только въ перепискѣ съ цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ, никому не говорили всей правды и никто не зналъ достовѣрно, безъ всякой утайки, о чемъ собственно велись переговоры и въ какомъ положеніи были дѣла. Это повело къ всеобщей, пагубной неизвѣстности..... Въ эти тревожные дни, когда повсюду царила полнѣйшая неизвѣстность, двое министровъ обратились къ принцу Евгенію Виртембергскому съ вопросомъ: «что̀ бы онъ сдѣлалъ, ежели бы вдовствующая императрица была объявлена самодержавной правительницей?»

— Одинъ изъ нихъ былъ человѣкъ мнѣ очень близкій, сказалъ принцъ; вы вѣроятно догадаетесь, кто были эти господа!

Вскорѣ онъ назвалъ ихъ прямо: это были, какъ оказалось, принцъ Александръ Виртембергскій и графъ Канкринъ [1]). Принцъ Евгеній отдѣлался отъ нихъ очень скоро, сказавъ, что онъ, какъ иностранецъ, какъ человѣкъ не русскій, не имѣетъ или не признаетъ за собою, въ этихъ дѣлахъ, никакого голоса.

Сцена, происшедшая въ придворной церкви, когда было получено извѣстіе о кончинѣ Александра I, была передана принцемъ подробно, точно также и событія 14-го декабря.

Принцъ присягнулъ императору Николаю Павловичу рано утромъ, въ малой дворцовой церкви, вмѣстѣ съ maison militaire, и затѣмъ удалился въ свои комнаты, чтобы написать нѣкоторыя письма и выждать начало молебствія. Вдругъ онъ замѣтилъ, что въ дверяхъ стоитъ его адъютантъ Молоствовъ, на видъ крайне смущенный, и какъ-то странно на него смотритъ. Отъ него принцъ узналъ о происходившемъ. (Событія этого дня были разсказаны принцемъ въ главныхъ чертахъ точно такъ, какъ они описаны въ его мемуарахъ. Я приведу далѣе, въ видѣ примѣчаній, нѣкоторыя подробности, не находящіяся въ этихъ запискахъ и которыя онъ передалъ мнѣ лично).

Принцъ отзывается крайне недружелюбно о Дибичѣ [2]). Вначалѣ императоръ Николай Павловичъ оказывалъ принцу величайшее довѣріе, разсчитывалъ, повидимому, имѣть въ немъ поддержку и намѣревался возлагать на него важнѣйшія порученія. Но все это измѣнилось, какъ только Дибичъ вернулся въ Петербургъ. Онъ самъ желалъ играть первую роль при новомъ императорѣ, не терпѣлъ никого на своемъ пути и, разумѣется, сдѣлалъ все возможное, чтобы поселить въ молодомъ императорѣ недовѣріе къ принцу.

---

[1]) Принцъ Александръ Виртембергскій—главноуправляющій путями сообщеній въ Россіи, особенно прославился сооруженіемъ канала его имени. Графъ Канкринъ (род. въ 1774 г. въ Гессенѣ), министръ финансовъ въ Россіи съ 1821—1844 г., пользовался особымъ довѣріемъ императора Николая I.

[2]) Извѣстный фельдмаршалъ, графъ Дибичъ-Забалканскій (уроженецъ Силезіи), присутствовалъ при кончинѣ императора Александра I; онъ отличился крайне осторожнымъ образомъ дѣйствія во время такъ называемаго междуцарствія. Принцъ Евгеній Виртембергскій прибылъ въ 1800 г. въ Россію, въ сопровожденіи отца Дибича.

Я узналъ, съ большимъ удивленіемъ, что первою мыслію императора Николая была война съ Турціей. Уже въ январѣ мѣсяцѣ 1826 года, государь предложилъ принцу Евгенію составить планъ военныхъ дѣйствій для занятія Придунайскихъ княжествъ, и когда принцъ замѣтилъ, что для оккупаціи ихъ нѣтъ надобности въ операціонномъ планѣ, то государь потребовалъ, чтобы онъ составилъ планъ рѣшительной войны съ Турціей. Тогда принцъ заявилъ, что ему будетъ необходимо познакомиться съ нѣкоторыми подробностями: для того чтобы его планъ имѣлъ подъ собою почву, ему необходимо знать, напримѣръ, сколько войска и какія именно части государь предназначаетъ для этого предпріятія, гдѣ они расположены, какъ подраздѣляется армія вообще, какъ велико ея укомплектованіе и пр., гдѣ находятся артиллерійскіе и иные склады и какими они располагаютъ вспомогательными средствами. Обо всемъ этомъ принцъ просилъ уполномочить его потребовать справку у начальника главнаго штаба генерала Дибича.

«Oh! avec celui-là pas un mot» [1]) отвѣчалъ императоръ. Такимъ образомъ, принцъ началъ вырабатывать свой планъ, не переговоривъ предварительно съ Дибичемъ. Каково же было его удивленіе, когда послѣдній зашелъ къ нему однажды и объявилъ, что ему извѣстно, чѣмъ занятъ принцъ, что онъ также вырабатываетъ операціонный планъ дѣйствій, и вслѣдъ затѣмъ изложилъ свои взгляды, которые оказались, приблизительно, во всемъ сходны съ мыслями принца; ему не пришла въ голову только мысль объ экспедиціи моремъ на Бургасъ и эту подробность (впрочемъ, весьма важную) онъ включилъ впослѣдствіи въ свой планъ, заимствовавъ ее изъ проекта принца и замѣнивъ только «Бургасъ» Сизополемъ.

Когда принцъ высказалъ императору свое удивленіе по поводу того, что генералу Дибичу все было извѣстно, то Николай Павловичъ отвѣчалъ равнодушно: «Mais, c'est une chose connue!» [2]), подразумѣвая подъ этимъ свое намѣреніе начать войну съ Турціей, что́ не было тайною для его ближайшихъ совѣтниковъ.........

---

[1]) О, съ нимъ объ этомъ ни слова.
[2]) Но вѣдь это вещь извѣстная!

Вечеръ начался оригинальнѣйшимъ образомъ съ ужина, поданнаго въ 7 часовъ, да и самый ужинъ былъ необыкновенный: сначала подали кислое молоко, затѣмъ супъ, мясное блюдо, сладкое и наконецъ чай. Наша бесѣда съ принцемъ вертѣлась все на одномъ и томъ же предметѣ. Въ одиннадцатомъ часу вечера всѣ разошлись. Нѣсколько времени спустя, ко мнѣ явился лакей съ вопросомъ, не желаю ли я, чтобы кто-нибудь ночевалъ въ замкѣ? въ такомъ случаѣ, въ передней можно тотчасъ раскинуть походную кровать, на которой ляжетъ кто-нибудь изъ слугъ. Я отказался отъ этого предложенія, сказавъ, что я здоровъ и привидѣній не боюсь, но такимъ образомъ я узналъ, что буду ночевать въ обширномъ замкѣ одинъ-одинешенекъ. Впрочемъ, въ особой комнаткѣ, у входа, стоялъ, кажется, часовой; по крайней мѣрѣ онъ находился тутъ днемъ.

11-го іюня. Великолѣпное утро. Я посѣтилъ надворнаго совѣтника Рибеля, заставъ его въ кругу семьи, въ одномъ изъ восьми павильоновъ, гдѣ ему отведена квартира. Карьера этого господина довольно оригинальная. Онъ—французскій эмигрантъ, по всей вѣроятности эльзасецъ; въ молодости онъ танцовалъ на сценѣ Бреславльскаго театра, гдѣ его увидѣлъ принцъ, или, кажется, отецъ принца, предложившій ему у себя мѣсто учителя танцевъ и скрипача. Съ теченіемъ времени, когда всѣ болѣе значительныя должностныя лица мѣстечка умерли, не будучи никѣмъ замѣщены, онъ вступилъ мало-по-малу въ исполненіе ихъ обязанностей, вмѣстивъ наконецъ въ своемъ лицѣ должности управляющаго замкомъ, гофмаршала и придворнаго, а для того чтобы онъ могъ съ честью нести всѣ эти обязанности, принцъ озаботился доставить ему чинъ виртембергскаго надворнаго совѣтника. Рибель придаетъ себѣ, разумѣется, большое значеніе — «у него масса хлопотъ», говоритъ онъ, «на утро ему надобно ѣхать въ Бреславль по дѣламъ», онъ жалуется на арендаторовъ земель принца, которые предъявляютъ слишкомъ большія требованія относительно построекъ и т. д.

Остальную часть утра принцъ провелъ у меня въ замкѣ. Надобно же ему было взглянуть, какъ меня помѣстили, было ли у меня все необходимое, и т. п. Принца, какъ человѣка весьма откровеннаго, понять не трудно. Онъ обладаетъ довольно хорошими, но не

выдающимися способностями, онъ добродушенъ, доброжелателенъ, въ высшей степени честенъ и благороденъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ вспыльчивъ и раздражителенъ, и въ немъ замѣтны нѣкоторыя противорѣчія, отъ которыхъ, впрочемъ, никто не избавленъ.

Лицамъ высокопоставленнымъ обыкновенно никто не указываетъ на эти противорѣчія; окружающіе преклоняются предъ всѣмъ, что̀ они говорятъ и дѣлаютъ, ихъ прихоти исполняютъ, возводя ихъ чуть не на степень какихъ-то особыхъ достоинствъ. Отъ природы скромный и благородный, принцъ не любитъ, чтобы его черезъ-чуръ превозносили, въ особенности ежели это можетъ коголибо обидѣть. Такъ напр. онъ возмущенъ брошюрою полковника Гельдорфа [1]) потому, что въ ней говорится совершенно прямо, что Остерманъ-Толстой, во время Кульмской битвы, былъ помѣшанъ. Мнѣ пришлось неоднократно успокоивать принца, увѣряя его, что восьмидесятилѣтній Остерманъ, живя въ Женевѣ, по всей вѣроятности не узнаетъ о брошюрѣ Гельдорфа. Вообще, принцъ до извѣстной степени боится гласности, какъ всѣ истинно благородные и чувствительные люди, выросшіе въ уединеніи и поэтому весьма самолюбивые.

Въ то же время принцъ не чуждъ и честолюбія, ему весьма прискорбно, что онъ не достигъ въ жизни того положенія, на которое онъ разсчитывалъ и о которомъ мечталъ. Ему обидно, что о нѣкоторыхъ подвигахъ, имъ дѣйствительно совершенныхъ, умышленно умалчивали, вслѣдствіе недоброжелательства къ нему со стороны императора Александра, съ тою цѣлью, чтобы объ нихъ говорили какъ можно меньше, и что истина грубо искажалась для того только, чтобы не упоминать объ немъ. Для принца было бы весьма важно, чтобы истина выяснилась и чтобы ему была отдана должная справедливость.

Принцъ—олицетворенная скромность; между тѣмъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, онъ слишкомъ высокаго мнѣнія о себѣ, оцѣнивая

---

[1]) Полк. Гельдорфъ издалъ впослѣдствіи: „Aus dem Leben des Herzogs Eugen von Württemberg“ (1861) въ 4 т., а ген. Гобе:—„Мемуары“ принца.

свои поступки и намѣренія съ точки зрѣнія того, что̀ бы онъ могъ совершить при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ.

Это черезъ-чуръ высокое, такъ сказать, о себѣ мнѣніе приводитъ его, между прочимъ, къ удивительному и ни на чемъ не основанному заключенію, будто бы отступленіе русскихъ войскъ въ 1812 г. было произведено по его плану. Оказывается, что ему дѣйствительно пришло на мысль, что съ Наполеономъ слѣдуетъ вести войну именно такимъ способомъ, и онъ хотѣлъ провести эту мысль чрезъ Вольцогена[1]), но всѣ его хлопоты имѣли результатомъ только одно, что его идея была примѣнена въ операціонномъ планѣ, составленномъ Пфулемъ. Принцъ не даетъ себѣ вполнѣ ясно отчета въ томъ, что отъ подобной идеи, которую онъ тщетно старался довести до свѣдѣнія высшаго начальства, до настоящаго операціоннаго плана и притомъ до плана, одобреннаго и приведеннаго въ исполненіе — еще очень далеко. Къ тому же, его тогдашняя идея имѣетъ, въ сущности, только кажущееся сходство съ планомъ, который на самомъ дѣлѣ былъ приведенъ въ исполненіе. Принцъ составлялъ планъ оборонительной войны, сущность котораго состояла въ отступленіи концентрическими кругами, но онъ вовсе не считалъ эту систему дѣйствій примѣнимою къ Россіи, въ виду огромнаго протяженія этого государства, а считалъ ее только, въ общемъ смыслѣ, наиболѣе подходящимъ способомъ войны съ Наполеономъ, и, исходя изъ этой мысли, какъ изъ основнаго положенія, онъ пытался примѣнить ее, чисто въ видѣ предположенія, на мнимомъ театрѣ военныхъ дѣйствій, въ восточной Пруссіи,—ясное доказательство, что онъ не придавалъ при этомъ обширности территоріи значенія рѣшающаго фактора и что его идеи были, слѣдовательно, неимовѣрно далеки отъ плана военныхъ дѣйствій, выполненнаго въ 1812 г. Принцъ сослался при этомъ на записку, составленную въ Карлсруэ въ 1809 г., и авторомъ которой считаютъ Вольцогена, между тѣмъ какъ она написана, какъ я теперь узналъ, болѣе принцемъ, нежели

---

[1]) Генералъ-отъ-инфантеріи прусскихъ войскъ Юстъ Лудвигъ фонъ-Вольцогенъ, скончавшійся въ Берлинѣ въ 1845 г., былъ въ 1810 г. флигель-адъютантомъ императора Александра I, участвовалъ въ кампаніи 1812 г., состоя въ штабѣ генерала (впослѣдствіи фельдмаршала) Барклая-де-Толли, и сопровождалъ императора въ походахъ 1813 и 1814 годовъ.

Вольцогеномъ. Но записка эта свидѣтельствуетъ какъ разъ противъ него, такъ какъ рѣшающее значеніе придается въ ней вовсе не пространству, а совершенно другимъ условіямъ. Принцъ согласенъ съ тѣмъ, что Вольцогенъ, при обработкѣ этой статьи, все испортилъ, намѣтивъ для отступленія слишкомъ близкую цѣль; онъ согласенъ также, что Вольцогенъ не могъ бы дѣйствовать съ успѣхомъ въ открытомъ полѣ и что «онъ слишкомъ педантиченъ».

Непослѣдовательность во взглядахъ принца обнаруживается и по другому поводу. Ему, собственно говоря, не повезло въ Россіи, къ нему относились тамъ не хорошо, присутствіе его не считали желательнымъ—ему не довѣряли, всѣ его планы и надежды не удались и разлетѣлись въ прахъ, заслуги его умышленно не были признаны и даже приписывались оффиціально другимъ; въ душѣ, принцъ озлобленъ противъ императоровъ Александра и Николая Павловичей и противъ Россіи вообще, онъ часто выражается весьма язвительно обо всемъ строѣ тамошней жизни, описывая ее безо всякихъ прикрасъ,—такъ, какъ она есть на самомъ дѣлѣ, и въ то же время онъ несомнѣнно преданъ Россіи, въ особенности бѣда, ежели кто-нибудь станетъ нападать на Россію—онъ этого не выноситъ и тотчасъ же энергично ополчается противъ враговъ и клеветниковъ Россіи, называя ихъ безъ церемоніи санкюлотами, крайними революціонерами и возмущаясь тѣмъ, что люди хотятъ умалить признательность, которой Европа обязана Россіи. Принцъ также очень возмущенъ сочиненіемъ маіора Бейцке [1]) и находитъ, что авторомъ руководило только одно враждебное чувство къ Россіи. Конечно, я утратилъ бы его довѣріе, ежели бы онъ заподозрилъ во мнѣ противника Россіи!

Принцъ—ярый защитникъ новѣйшей политики Россіи, политики императора Николая, его поступка по отношенію къ Пруссіи въ 1850 г.; онъ не только думаетъ, что это послужило на пользу Пруссіи, но что императоромъ руководила въ этомъ случаѣ единственно забота о благѣ Пруссіи, а между тѣмъ въ состояніи ли онъ судить о русской политикѣ? Онъ никогда не принадлежалъ къ числу лицъ, посвященныхъ въ тайны Петербургскаго кабинета, те-

---

[1]) „Geschichte des russischen Krieges 1812“. Berlin 1856 г.

перь же и подавно, съ 1828 г., почти 30 лѣтъ, онъ не имѣетъ никакого сношенія съ Россіей и ея властителями.

Вообще, принцъ защищаетъ Россію, совершенно ее не зная. Онъ плохо понимаетъ по-русски, во время своего пребыванія въ Россіи провелъ большую часть времени въ походахъ, а въ настоящее время въ этой странѣ для него все стало чуждо. Его очень огорчаетъ, что объ немъ не вспомнили въ Россіи въ 1831—1849 гг. и даже по случаю теперешней войны, и что ему приходится жить въ бездѣйствіи тутъ, въ Карлсруэ. Его желаніе жить въ Карлсруэ и надежда, которую онъ лелѣетъ, въ то же время, втайнѣ, играть со временемъ роль въ Россіи, также доказываетъ, что принцъ совершенно не знаетъ этой страны, гдѣ важно только личное присутствіе человѣка; тотъ, кто хочетъ что-нибудь совершить въ Россіи или чего-нибудь добиться, долженъ всегда быть на лицо, долженъ безпрерывно принимать участіе въ кипучемъ водоворотѣ русской государственной дѣятельности. Человѣкъ, однажды выброшенный волною изъ этого водоворота, немедленно забывается и исчезаетъ безслѣдно, въ особенности, ежели онъ не принадлежитъ къ числу кумировъ русской партіи, какимъ былъ напр. Ермоловъ[1]); однажды забытый человѣкъ врядъ-ли можетъ когда-нибудь выступить снова въ рядахъ дѣятелей.

Принцъ живетъ совершенно въ прошломъ. Современныя событія, конечно, могутъ сильно интересовать его въ данную минуту, но они не въ состояніи занимать его продолжительное время, и всѣ его сужденія о нихъ, разумѣется, весьма неосновательны и слишкомъ субъективны. Въ вопросѣ о только-что оконченной войнѣ онъ рѣшительно принялъ сторону Россіи противъ западныхъ державъ,— но въ сущности были ли ему извѣстны всѣ обстоятельства дѣла?

Пруссія для него, по чувству, страна—въ полномъ смыслѣ слова чужая, несмотря на то, что онъ въ ней родился и живетъ постоянно. Ему и въ голову не приходитъ считать ее своею родиною. Можетъ быть, для лицъ царскаго происхожденія понятіе о родинѣ не что

---

[1]) Генералъ Ермоловъ, одинъ изъ участниковъ отечественной войны, бывшій въ немилости у императора Николая за свой якобы либеральный образъ мыслей, считался въ либеральныхъ и національныхъ кружкахъ того времени военнымъ геніемъ.

иное, какъ пустой звукъ? можетъ быть, вся система воспитанія пріучаетъ ихъ смотрѣть на себя, какъ на средоточіе вселенной, а государства и народы считать лишь основою ихъ личнаго существованія?

Старшій сынъ принца состоитъ на службѣ Пруссіи и преданъ ей, оба младшіе сына служатъ въ Австріи и преданы Австріи такъ же, какъ и дочери его, въ особенности принцесса Матильда, а самъ принцъ не жалуетъ Австріи за ту роль, которую она играла въ послѣднее время по отношенію къ Россіи. Поэтому въ семейномъ кругу принца Виртембергскаго никогда нѣтъ рѣчи о политикѣ.

Императоръ Павелъ, въ послѣднее время своей жизни, имѣлъ мысль — сослать свою супругу и дѣтей, ... а принца Евгенія обвѣнчать со своей любимой дочерью, великой княжною Екатериной Павловной, и объявить его наслѣдникомъ престола. Принцу очень хотѣлось знать, извѣстно ли мнѣ это обстоятельство, вѣроятно для того, чтобы сообразно съ этимъ вести свой собственный разсказъ.

За столомъ я снова увидѣлся съ дамами; этотъ разъ меня посадили возлѣ принца, который завелъ со мною рѣчь о странномъ недовѣріи, съ какимъ относился къ нему постоянно императоръ Александръ; принцъ находилъ это непонятнымъ и просилъ меня объяснить, какая могла быть причина подобнаго недовѣрія и нерасположенія. «Понимаете ли вы это?» говорилъ онъ, «извѣстно ли это вамъ? объясните мнѣ это». Не могъ же я, въ самомъ дѣлѣ, коснуться сокровеннѣйшей тайны его собственной жизни, поэтому я отвѣчалъ: «Вамъ, конечно, извѣстно, ваша свѣтлость, чѣмъ именно былъ вызванъ заговоръ . . . . и какія причины пришлось выставить графу Палену, чтобы склонить къ болѣе энергическому образу дѣйствій?» — «Но вѣдь не моя вина, отвѣчалъ принцъ уклончиво, ежели императоръ Павелъ имѣлъ сумасбродные планы! Я былъ въ то время тринадцатилѣтнимъ мальчикомъ, судьбою котораго распоряжались, не спрашивая его!»

Изъ дальнѣйшаго разсказа можно было заключить, что . . . . постоянно лелѣяла честолюбивые замыслы и можетъ быть дѣйствительно думала избрать орудіемъ своихъ плановъ принца Евгенія Виртембергскаго, который казался

подходящимъ для этой цѣли по его извѣстности и популярности въ арміи, какъ боеваго генерала, и что императоръ Александръ безъ сомнѣнія подозрѣвалъ эти планы и относился поэтому къ принцу крайне недоброжелательно.

Императоръ Николай Павловичъ выказалъ принцу вначалѣ величайшее довѣріе и хотѣлъ даже назначить его главнокомандующимъ войсками въ Турціи. Но какъ только пріѣхалъ Дибичъ, все измѣнилось; въ отношеніи государя къ принцу проявились холодность и недовѣріе. Принцъ полагаетъ, что Дибичъ (знавшій всѣ обстоятельства дѣла отъ своего отца и самъ желавшій получить командованіе войсками) сообщилъ государю намѣренія императора Павла и тѣ подозрѣнія, какія имѣлъ Александръ Павловичъ . . . . Поэтому-то принцъ и относится къ Дибичу весьма недружелюбно.

Послѣ обѣда была сильная гроза; я переждалъ ее въ своихъ комнатахъ. Вечеромъ я присутствовалъ на концертѣ, который бываетъ обыкновенно каждую среду; но этотъ разъ, вслѣдствіе болѣзни принца, онъ состоялся послѣ довольно большаго промежутка времени. Прежде у принца былъ полный хоръ музыкантовъ, но со временемъ многіе изъ нихъ умерли и поразъѣхались, остался только одинъ капельмейстеръ съ нѣсколькими музыкантами, такъ что отсутствующихъ артистовъ теперь замѣняютъ по мѣрѣ силъ любители. Самъ принцъ играетъ на віолончели, надворный совѣтникъ Рибель—на скрипкѣ, а бургомистръ мѣстечка Карлсруэ бьетъ на литаврахъ. Большое участіе принимаютъ въ этихъ концертахъ сельскіе учителя окрестныхъ школъ, въ качествѣ скрипачей, а иной разъ и пѣвцовъ. Въ хорѣ поютъ многія молодыя дѣвушки Карлсруэ, но между ними, кажется, ни одного альта. Тутъ уже выручаютъ ученики сельскихъ школъ.

Принца привѣтствовали его собственнымъ произведеніемъ; концертъ начался увертюрою изъ его оперы «Die Geisterbraut». Квартетъ, написанный также принцемъ, былъ спѣтъ принцессой Анною, двумя сельскими учителями и однимъ ученикомъ сельской школы, очень бѣдно одѣтымъ: на немъ была не первой свѣжести курточка и очень помятыя брюки изъ небѣленаго полотна.

Съ артистической точки зрѣнія, все здѣсь исполненное было не особенно замѣчательно. По окончаніи концерта, всѣ разошлись по домамъ въ совершенныхъ потемкахъ, одна только семья принца уѣхала въ своей парадной каретѣ.

12-го іюня. Прекрасная погода. Принцъ заѣхалъ за мною въ дрожкахъ съ цѣлью совершить большую прогулку. Мы проѣхали по англійскому саду, прилегающему къ замковому парку, отдѣляясь отъ него только полемъ ржи. На холмѣ, прозванномъ «Der Weinberg» (виноградникъ), нѣкогда усаженномъ виноградными лозами, находятся искусственныя развалины и небольшой павильонъ о трехъ комнатахъ. Близъ него (нѣсколько въ сторонѣ) находится питейный домъ—увеселительное мѣсто жителей Карлсруэ. Въ другомъ мѣстѣ возвышается статуя Фридриха II, неизвѣстно изъ какого матеріала; принцъ говоритъ, что цоколь ея деревянный, а коса свита изъ веревки и что то и другое часто похищаютъ. Эту статую видно издалека чрезъ лѣсныя просѣки.

У насъ съ принцемъ шла оживленная бесѣда. Предоставленный самому себѣ, онъ говорилъ постоянно объ извѣстныхъ моментахъ его жизни, которые его особенно интересуютъ. Таковы: кончина императора Павла, сраженіе при Кульмѣ, смуты, сопровождавшія восшествіе на престолъ императора Николая I, Турецкая кампанія 1828 г. и въ особенности битва при Куртепэ. О другихъ предметахъ приходится его разспрашивать, и онъ отвѣчаетъ довольно односложно. Сегодня много говорили о Турецкой войнѣ 1828 г. и о вторичномъ появленіи принца при русскомъ дворѣ въ 1807 году.

Нѣкоторыя вещи просто непонятны. Принцъ считаетъ себя обиженнымъ, что онъ не былъ назначенъ, 14-го декабря, генералъ-адъютантомъ, вмѣстѣ съ прочими генералами, окружавшими императора Николая; но вѣдь, онъ уже состоялъ въ то время «при особѣ Его Величества», что составляетъ высшее назначеніе maison militaire и считается выше генералъ-адъютанта, слѣдовательно, онъ не могъ получить этого назначенія. Да ежели бы онъ и не считался «состоящимъ при особѣ Его Величества», то, всячески, онъ былъ генераломъ-отъ-инфантеріи, а въ этомъ высшемъ военномъ чинѣ уже не назначаютъ генералъ-адъютантами, которые назначаются только изъ генералъ-лейтенантовъ. Ежели кто-нибудь былъ произ-

веденъ въ генералъ-отъ-инфантеріи, не будучи генералъ-адъютантомъ, и въ этомъ чинѣ причисляется къ придворному штату государя, то онъ только можетъ быть назначенъ состоящимъ «при особѣ Его Величества». Просто невѣроятно, что русскій генералъ этого не знаетъ! Я пытался разъяснить принцу все это, чтобы успокоить его по крайней мѣрѣ относительно этой обиды, но это мнѣ не удалось, такъ какъ онъ не особенно повѣрилъ мнѣ.

Обѣдъ. Этотъ разъ были приглашены къ обѣду капитанъ Нейманъ и отставной капитанъ Освальдъ, обучающій здѣшній ландверъ втораго призыва, вдова надворнаго совѣтника Баллюсека, уроженка Карлсруэ, сестра Освальда, бывшая замужемъ за русскимъ лейбъ-медикомъ принца. Принцъ говорилъ съ большимъ озлобленіемъ объ Австріи и о той роли, которую она играла въ послѣднее время по отношенію къ Россіи. Онъ чрезвычайно сожалѣетъ, что его младшіе сыновья находятся на австрійской службѣ. Поступить на службу Австріи въ 1848 г. было весьма естественно, говоритъ онъ, въ настоящее время положеніе дѣлъ измѣнилось, и ему приходится объ этомъ сожалѣть. Онъ намекаетъ, что теперь этого измѣнить не возможно потому, что его сыновья въ короткое время совершенно прониклись австрійскимъ духомъ. Австрія играетъ теперь большую роль, «но она кончитъ дурно», предсказываетъ онъ.

Принцъ также возмущенъ поведеніемъ и поступками въ Парижѣ Орлова [1]), который, въ самомъ дѣлѣ, непозволительно пресмыкался передъ Наполеономъ III (??). Принцъ разсказываетъ, будто Орловъ поцѣловалъ, по славянскому обычаю, императора французовъ въ рукавъ, какъ самый жалкій польскій шляхтичъ, который что-либо выпрашиваетъ (?!).

---

[1]) Графъ, впослѣдствіи князь Орловъ, много лѣтъ бывшій управляющимъ III отдѣленіемъ, извѣстенъ какъ человѣкъ въ высшей степени надменный. Будучи посланъ въ 1856 г., по случаю заключенія мира, въ Парижъ, въ качествѣ чрезвычайнаго посланника, онъ употребилъ всевозможное стараніе къ тому, чтобы вызвать сближеніе между Россіей и Франціей. При проѣздѣ въ Парижъ, Орловъ останавливался въ Берлинѣ и своимъ высокомѣрнымъ обхожденіемъ вызвалъ къ себѣ всеобщее неудовольствіе.

Принцесса видѣла императора Александра II (при проѣздѣ его, въ Берлинѣ) на завтракѣ въ Оппельнѣ, на которомъ она присутствовала въ качествѣ родственницы государя, живущей вблизи отъ Оппельна. Принцъ былъ боленъ или сказался больнымъ и не могъ быть на завтракѣ. Онъ говоритъ, что императоръ имѣлъ видъ нездоровый и сильно кашляетъ. Это меня безпокоитъ.

13-го іюня. Мы обѣдали у принца совершенно en famille; онъ извинялся, ссылаясь на нездоровье, что онъ оставилъ меня все утро одного.

Принцъ многое разсказывалъ. Когда онъ былъ въ 1811 г. въ Вильно, за нимъ очень ухаживала одна польская княгиня, задавшаяся цѣлью навязать свою сестру ему въ любовницы; Кутузовъ очень поощрялъ эту связь, такъ какъ онъ благоволилъ къ принцу (подобные безнравственные старички находятъ наслажденіе въ томъ, чтобы молодые люди вступали въ незаконныя связи); онъ уговаривалъ принца согласиться на это, но тотъ имѣлъ уже, какъ видно, въ это время серьезную привязанность, держалъ себя далеко и дорожилъ своей свободою. На одномъ балу у Кутузова, принцъ потерялъ солитеръ изъ осыпанной брильянтами шпаги, полученной имъ за храбрость. Этотъ алмазъ легко было отличить отъ всякаго другаго, такъ какъ въ оправѣ, съ задней стороны, находился маленькій винтикъ, посредствомъ котораго камень привинчивался къ чашкѣ. Несмотря на тщательные поиски на полу, въ которыхъ дѣятельное участіе принимала княгиня, державшая въ рукахъ восковую свѣчу, камень не отыскался. Нѣсколько времени спустя, къ одному закладчику былъ принесенъ алмазъ. По существовавшимъ въ то время правиламъ, приносимые въ закладъ драгоцѣнные камни надобно было предъявлять полиціи. Закладчикъ послалъ камень, куда слѣдуетъ, и онъ былъ тотчасъ признанъ за утерянный алмазъ принца Виртембергскаго. Оказалось, что онъ былъ присланъ въ закладъ той самой княгинею, о которой было говорено выше! При этомъ она имѣла безстыдство написать принцу, что она купила этотъ камень за триста рублей, и что ежели онъ признаетъ его своею собственностью и желаетъ получить обратно, то долженъ возвратить ей эти деньги. Принцъ отвѣчалъ коротко, что онъ давно считаетъ камень потерян-

нымъ и не предъявляетъ на него никакихъ правъ. Но генералъ Вольцогенъ отправился къ этой дамѣ и энергично потребовалъ у нея объясненія. Подъ конецъ она упала къ его ногамъ, прося пощады.

Послѣ обѣда, мы гуляли съ дамами въ тѣхъ мѣстахъ парка, гдѣ мы еще не были, прошли къ пруду, среди котораго находится «островъ розъ», возвышающійся террасами, обсаженными шпалерникомъ изъ розъ, и увѣнчанный круглымъ храмомъ; въ куполѣ этого храма изображена, по повелѣнію принца, его первая жена, въ видѣ genius loci. Удивительно, какъ откровенно принцъ высказываетъ, что первая супруга была его первою любовью, и что она для него незабвенна; и какъ теперешняя его супруга мирится со своей второстепенной ролью!

Такъ какъ рѣчь зашла о ихъ молодомъ родственникѣ, князѣ Гогенлоэ, то я доставилъ имъ большое удовольствіе, сообщивъ, что всѣ считаютъ его примѣрнымъ молодымъ человѣкомъ.

По этому случаю выказалась снова нѣкоторая неустойчивость во взглядахъ. Принцесса хвастала тѣмъ, что не только одинъ ея племянникъ флигель-адъютантъ прусскаго короля, но что другой Гогенлоэ, имъ близкій родственникъ, занимаетъ подобное же положеніе при русскомъ императорѣ, а третій—при королѣ виртембергскомъ, не говоря о двухъ Гогенлоэ-Лангенбургахъ, служащихъ въ генеральскихъ чинахъ въ Австріи!!!

Мы пили кофе и ѣли кислое молоко на ближайшей фермѣ, куда пріѣхалъ и принцъ на своихъ дрожкахъ. Я вернулся съ нимъ въ его экипажѣ, проѣхавъ черезъ звѣринецъ (въ которомъ теперь не болѣе 40 штукъ звѣрей) на шоссе, идущее въ Оппельнъ.

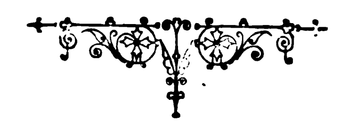
Принцъ разсказывалъ много интереснаго и убѣдительно совѣтовалъ мнѣ, окончивъ біографію Толя, приняться за болѣе обширный и обстоятельный трудъ, «который касался бы не одной только личности»,—словомъ написать чуть-ли не исторію нашего вѣка!

За ужиномъ, всѣ сожалѣли о томъ, что я такъ скоро уѣзжаю, выражали надежду и желаніе вновь увидѣть меня въ Карлсруэ. Дамы разсказывали много интересныхъ анекдотовъ, между прочимъ

о Талейранѣ и Львѣ Нарышкинѣ [1]). Мы разстались въ одиннадцать часовъ въ прекраснѣйшемъ настроеніи. При прощаньи, принцъ подарилъ мнѣ два тома своихъ «литературныхъ замѣтокъ», предоставляя мнѣ воспользоваться ими по моему усмотрѣнію. Ровно въ полночь я выѣхалъ изъ Карлсруэ.

В. В. Т.

[1]) Къ числу извѣстнѣйшихъ анекдотовъ, характеризующихъ наивность Нарышкина, относится вопросъ, съ которымъ онъ обратился къ Талейрану, во всеуслышаніе, въ одномъ большомъ обществѣ, въ Вѣнѣ: «Mon oncle! Napoléon—qu'a-t-il donc voulu faire en Russie?« (Дядюшка, чего собственно искалъ Наполеонъ въ Россіи?) «La manie des voyages, mon cher». (Страсть къ путешествіямъ, мой другъ), отвѣчалъ Талейранъ, хладнокровно продолжая играть въ карты.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ВИЛЕНСКАГО СТАРОЖИЛА.

Два эпизода изъ жизни Виленской гимназіи въ 1861 году.

I.

Сожалѣю, что записываю эти два эпизода несвоевременно, не подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ минуты, а нѣсколько лѣтъ спустя, когда острота первыхъ ощущеній притупилась и подробности затерялись въ памяти. А записать ихъ надо: первый эпизодъ, кромѣ двухъ-трехъ лицъ учебнаго вѣдомства да генералъ-губернатора В. И. Назимова, едва-ли кому извѣстенъ, а второй особенно памятенъ только инспектору и тогдашнимъ ученикамъ гимназіи. Оба случая прошли незамѣтно. Въ самомъ дѣлѣ, кому какое дѣло до того, что̀ происходило въ стѣнахъ гимназіи, если только происшедшее не сопровождалось ни скандаломъ, ни катастрофой? Въ то время вниманіе правительственной власти и общества занимали болѣе крупныя, со дня на день все сильнѣе разгоравшіяся, событія; на мелочныхъ явленіяхъ, не имѣвшихъ серьезныхъ послѣдствій, не останавливались, — и это совершенно справедливо, хотя слѣдуетъ замѣтить, что тѣ же самыя мелочи пріобрѣли бы большое значеніе, если бы привели къ другому, печальному концу, а такая развязка — сказать по правдѣ — была вполнѣ возможна. Не хотѣлось бы мнѣ умолчать объ этихъ случаяхъ и потому еще, что въ нихъ встрѣчаются характеристическія черты лицъ и времени. Итакъ, заношу ихъ въ свою лѣтопись, не безъ мысли, что когда-нибудь она найдетъ читателя.

Но необходимо сказать нѣсколько предварительныхъ словъ о тогдашнихъ обстоятельствахъ.

То было время полнаго развитія подготовительныхъ работъ къ вооруженному возстанію, когда Вильна, въ подражаніе Варшавѣ, облеклась въ трауръ и запѣла польскія революціонныя пѣсни: «Боже, цусь польска» и «съ дымэмъ пожарувъ». Вильна облеклась въ трауръ—это картинное выраженіе встрѣчалось въ польскихъ газетахъ, но оно преувеличено: не всѣ носили трауръ и притомъ далеко не всѣ добровольно, а многіе по принужденію или во избѣжаніе оскорбленій, а то и просто изъ тщеславнаго желанія примкнуть къ «панству». Трауръ затѣяли немногія аристократки, за ними потянулись чиновницы, шляхтянки, костельныя дѣвотки, «моднярки» [1]), «швачки» [2]) и всякаго рода панскія и ксендзовскія приспѣшницы. Въ мужскихъ и женскихъ костюмахъ, въ видѣ украшеній, появились революціонныя эмблемы: булавки съ бѣлымъ одноглавымъ орломъ, пряжки съ соединеннымъ гербомъ Польши и Литвы, переломанные металлическіе кресты въ терновомъ вѣнкѣ, въ знакъ того, что вѣра римско-католическая въ Россіи сломана, попрана, терпитъ мученія, и желѣзныя цѣпочки, какъ наглядное напоминаніе, что Польша теперь въ цѣпяхъ, въ невыносимомъ рабствѣ у москалей—это какъ разъ въ то время, когда въ западныхъ губерніяхъ и во всей Россіи совершался величайшій актъ нашего вѣка—освобожденіе крестьянъ, до котораго носители своеобразной свободы—поляки не могли додуматься въ теченіе всей своей исторіи [3]). Русскихъ дамъ, не носившихъ траура, оскорбляли на улицахъ дерзостями, ругательствами, плевками, а платья ихъ обливали чернилами и сѣрною кислотой. При встрѣчахъ дамъ, черной и свѣтлой, иногда происходили перебранки въ такомъ родѣ (задирала всегда черная): «А, ты, пшеклента москевка!» На такое привѣтствіе нѣкоторыя бойкія русскія дамы отвѣчали подобною же учтивостію: «А, ты, проклятая полячка» или «чернявка». Русскіе чиновники нерѣдко сопровождали своихъ женъ съ толстыми палками въ рукахъ, для самообороны, ибо искать управы на получаемыя оскорбленія было не у кого: мѣстная власть была безсильна наложить

---

[1]) Содержательницы модныхъ магазиновъ.

[2]) Швеи.

[3]) Порой, среди толпы, можно было увидѣть и молодца, нарядившагося повстанцемъ—въ чамаркѣ, конфедераткѣ и длинныхъ сапогахъ.

наказаніе на провинившихся: ей безпрестанно твердили изъ Петербурга о необходимости дѣйствовать помягче, не раздражать населеніе крутыми мѣрами. Агитаторы знали это очень хорошо и весьма искусно пользовались нашими унизительными уступками и потворствомъ для усиленія всяческихъ демонстрацій. Безнаказанность поощряла къ дальнѣйшимъ наглостямъ, и дѣло наконецъ дошло дотого, что нашъ достойнѣйшій архипастырь, епископъ Александръ, на главной улицѣ днемъ оскорбленъ былъ заплеваніемъ отъ какой-то «чернявки». И эта возмутительная дерзость прошла безнаказанно, равно какъ и оскорбленіе дочерей генералъ-губернатора, у которыхъ свѣтлыя платья облили кислотою. Пѣніе революціонныхъ гимновъ стало дѣломъ обыкновеннымъ. Пѣснь, «Боже, цусь польска» впервые была пропѣта въ каѳедральномъ соборѣ св. Станислава поляками-студентами Московскаго университета. Я знавалъ одного изъ студентовъ-запѣвалъ: личность самая заурядная, сынъ отставнаго, бѣднаго и малограмотнаго учителя французскаго языка, служившаго нѣкогда въ великой арміи Наполеона барабанщикомъ, и образованіемъ и кускомъ хлѣба, всѣмъ обязанный русскому правительству; онъ прельстился дешевыми лаврами уличнаго пѣвуна, а потомъ пошелъ и дальше, на гибель себѣ. Изъ каѳедры пѣніе перешло и въ другіе костелы; видятъ, дѣло обошлось благополучно,—тогда запѣли на площадяхъ и на улицахъ; всего чаще пѣли въ узкомъ проулкѣ у Остробрамской часовни и передъ статуей Спасителя, за Зеленымъ мостомъ. Соберется толпа—гимназисты и другіе кавалеры въ серединѣ, а вокругъ черныя женщины съ раскрытыми зонтиками, чтобы скрыть мужчинъ отъ глазъ полиціи, которая, хотя подобныхъ сборищъ не разгоняла, но, къ свѣдѣнію и для порядка, иногда записывала пѣвуновъ—и поютъ со всеусердіемъ, подзадориваемые молодечествомъ, страхомъ и искусственно раздутыми страстями. Но вожаки, распаляя толпу, добивались бо́льшаго: имъ нужно было довести дѣло до столкновенія, имъ нужны были жертвы, убитые, чтобы имѣть случай прокричать на всю Европу о нестерпимомъ варварствѣ русскихъ, стрѣляющихъ въ невинныхъ, молящихся женщинъ и дѣтей, и—какъ мнѣ достовѣрно извѣстно—они сильно горевали, что жертвъ въ Вильнѣ не было. Каждый день приносилъ новую исторію, новый скандалъ; вѣстямъ, слухамъ, толкамъ, иногда

самымъ нелѣпымъ, конца не было, и всякой нелѣпости, лишь бы она была направлена противъ русскихъ, охотно вѣрили потерявшія здравый смыслъ польскія головы. Періодъ польскихъ манифестацій, широко развернувшихся вслѣдствіе нашего потворства, съ обидами и оскорбленіями русскихъ, проходившими безнаказанно, былъ для насъ самымъ тяжелымъ временемъ. Полагаю, такъ было не только въ Вильнѣ, но и въ другихъ городахъ края.

Въ числѣ пѣвуновъ находились и гимназисты. Могло ли гимназическое начальство, почти сплошь состоящее изъ поляковъ (да и желало ли оно?), удержать учащихся отъ уличныхъ пѣснопѣній, въ которыхъ принимали участіе ихъ матери, сестры, родственники и знакомые? А вожаки, сами почти все молодые люди, хорошо знали, какъ обработывать незрѣлую юность: они дѣйствовали на чувство, играли на чуткихъ благородныхъ струнахъ юношескаго сердца; любовь къ отечеству и свободѣ, братство Литвы съ Польшею, обязанность приносить жертвы, честь и слава націи, которой удивляется Европа, трескъ подобныхъ словъ и фразъ раздавался въ ушахъ бѣдняковъ неумолкаемо, а тутъ, въ случаѣ какой-нибудь удачной штуки противъ москаля, милый, благодарный взглядъ паненки въ награду, булавка съ бѣлымъ орломъ, приколотая къ шейному платку ея хорошенькой ручкой, а то, пожалуй, и поцѣлуй—не скупятся и на него, въ случаѣ надобности—чего еще больше? Затуманились, завертѣлись головы у мальчугановъ. Безбоязненно пропѣвъ польскую революціонную пѣсню на площади, мальчуганъ уже считалъ себя героемъ, спасающимъ «ойчизну». Помню одного гимназиста 6-го класса: красивый, способный, ловкій, онъ готовъ былъ броситься, очертя голову, во всякую демонстрацію и, по своей пылкости, легко могъ пропасть ни за что. Пригласивъ къ себѣ его отца, я просилъ его поберечь горячаго юношу отъ увлеченій, которыя могли быть для него гибельными; но отецъ оказался взбалмошнѣе сына. Къ удивленію моему, онъ выслушалъ о продѣлкахъ своего сына съ великимъ удовольствіемъ и, радостно улыбаясь, воскликнулъ: «О-то зухъ [1])-хлопецъ! Узнаю въ немъ свою кровь!». Впослѣдствіи оба пропали въ водоворотѣ мятежа.

---

[1]) Молодецъ.

Однако, пора и къ дѣлу, т. е. къ разсказу перваго эпизода.

Едва-ли не усерднѣе гимназистовъ распѣвали въ уличныхъ сборищахъ воспитанники бывшаго виленскаго дворянскаго института, въ которомъ обучались дѣти лучшихъ польскихъ фамилій. Директоръ института, изъ иностранцевъ, знакомый В. И. Назимову еще по Москвѣ, находился въ наилучшихъ къ нему отношеніяхъ и пользовался съ его стороны большимъ довѣріемъ и уваженіемъ, такъ что полиція побаивалась представлять генералъ-губернатору списки пѣвуновъ изъ института; директоръ съумѣлъ бы вступиться за своихъ благородныхъ питомцевъ, считавшихся вполнѣ благонадежными, и полиція легко могла получить нагоняй за яко бы неправильное донесеніе, и потому на институтцевъ полиція благоразумно махнула рукой, внося въ свои пѣвческіе списки только гимназистовъ, на нихъ же порой взваливая и другія продѣлки институтцевъ. Однажды полиціймейстеръ представляетъ генералъ-губернатору донесеніе о происходившемъ въ городѣ пѣніи возмутительныхъ гимновъ, съ указаніемъ и поименованіемъ болѣе двадцати учениковъ гимназіи двухъ старшихъ классовъ (6-го и 7-го), принимавшихъ въ томъ участіе. Генералъ-губернаторъ положилъ на донесеніи свою резолюцію, и бумагу немедленно препроводили въ управленіе учебнаго округа для надлежащаго исполненія. За отсутствіемъ попечителя, князя Ширинскаго-Шихматова, округомъ временно управлялъ тогда окружный инспекторъ фонъ Тр., чиновникъ нѣмецкаго происхожденія. Дѣло было нужное, спѣшное, и г. фонъ Тр. тотчасъ же самъ лично направляется съ генералъ-губернаторскою бумагою къ директору гимназіи (полякъ), затѣмъ оба безъ малѣйшаго отлагательства устремляются къ инспектору гимназіи (русскій) и предъявляютъ ему означенную бумагу «для немедленнаго приведенія въ исполненіе резолюціи его высокопревосходительства».

Инспекторъ просматриваетъ списокъ учениковъ, замѣченныхъ полиціей въ пѣніи, и читаетъ слѣдующую лаконическую резолюцію генералъ-губернатора: «наказать тѣлесно».

Инспекторъ пришелъ въ ужасъ. Какъ! онъ долженъ пересѣчь розгами больше двадцати человѣкъ, учениковъ старшихъ классовъ, горячихъ юношей, находящихся въ возбужденномъ настроеніи. Задумался инспекторъ.

— Извольте привести въ исполненіе резолюцію его высокопревосходительства, напоминаетъ ему первый начальникъ-нѣмецъ.

— Распорядитесь немедленно, добавляетъ второй начальникъ-полякъ.

— Что же я долженъ дѣлать? восклицаетъ злополучный русскій инспекторъ.

— Какъ что? удивляются разноплеменные начальники,—высѣчь виновныхъ розгами.

— По скольку ударовъ каждому?

— По скольку ударовъ—этого не сказано. Вы только потрудитесь исполнить резолюцію генералъ-губернатора.

— Да какъ же мнѣ исполнить?

— Это ваше дѣло.

— Въ гимназіи всего три сторожа, а нужно наказать больше двадцати молодыхъ людей, которые мечутся теперь, какъ въ горячкѣ, и готовы на все, въ классы ходятъ съ ножами въ карманѣ; они не допустятъ произвести наказаніе: и меня и сторожей выбросятъ за окно, или будетъ свалка и, Богъ знаетъ, чѣмъ все это кончится.

— Все это справедливо, г. инспекторъ, соглашается благоразумный начальникъ изъ нѣмцевъ, но позвольте, прочитайте, что здѣсь написано.

И онъ беретъ изъ рукъ инспектора генералъ-губернаторскую бумагу и указываетъ на подпись, добавивъ: извольте читать.

Инспекторъ читаетъ: «Генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ В. Назимовъ».

— А теперь прочитайте тутъ.

Указывается пальцемъ резолюція генералъ-губернатора.

Инспекторъ читаетъ: «наказать тѣлесно».

— Вотъ это и надо исполнить, и больше ничего, рѣшилъ довольный своей находчивостью первый начальникъ, внушительно поглядывая на инспектора и кивая головой директору, какъ бы желая сказать: разсуждать нечего, а извольте исполнять.

— Это я очень хорошо понимаю; но есть ли для меня возможность исполнить резолюцію? Дайте средства, дайте совѣтъ, научите, какъ мнѣ поступить? Тутъ и полицейскіе не помогутъ, явится толпа гимназистовъ и постороннихъ, будетъ большая бѣда.

Напрасно волновался инспекторъ; онъ слышитъ въ отвѣтъ одно холодное, безучастное: «это ваше дѣло, извольте распорядиться поскорѣе».

Оба начальника ушли, инспекторъ остался одинъ съ страшной для него генералъ-губернаторской бумагой, о которой самъ генералъ-губернаторъ, вѣроятно, и не думалъ, какъ о вещи мелочной, не заслуживающей вниманія. Въ самомъ дѣлѣ, перепороть десятокъ-другой мальчишекъ—дѣло самое пустое, заурядное. Отчего и не посѣчь школьниковъ? Церемониться нечего. Но дѣйствительность заявляла иное. Хорошо вамъ, думалъ инспекторъ, пришли, ткнули бумагу, свалили съ себя отвѣтственность и скрылись, а я исполняй. Ни добраго совѣта, ни малѣйшаго желанія вникнуть въ затруднительное положеніе, только одно деревянное: «извольте исполнить», а сами подальше, умыли руки. Что же, однако, дѣлать? Исполнить резолюцію нельзя, не исполнить также невозможно. Какъ выйти изъ такого положенія?

Записи пѣвуновъ-гимназистовъ полиціей не были для нихъ секретомъ; при польскомъ чиновничествѣ канцелярскихъ тайнъ для поляковъ не существовало: обо всемъ, что̀ было для нихъ нужно, они знали заблаговременно. Ученики знали и о настоящемъ случаѣ и были на-сторожѣ, ждали, что̀ будетъ.

Изложенный разговоръ происходилъ по окончаніи уроковъ въ гимназіи. Теперь инспекторъ одинъ въ своемъ кабинетѣ сидитъ съ горькою думою за письменнымъ столомъ, облокотясь на обѣ руки; многое приходило ему въ голову, но законнаго, благополучнаго выхода изъ представленной ему дилеммы нѣтъ. Помимо того, что инспектору, по своимъ убѣжденіямъ не расположенному къ тѣлеснымъ наказаніямъ, крайне тяжело было распоряжаться экзекуціей. оставивъ безъ вниманія и то, что въ данномъ случаѣ нельзя было ручаться по совѣсти, что запись полиціей сдѣлана вѣрно, безъ ошибокъ, безъ пристрастія, что въ числѣ виновныхъ не попались и невиновные, будемъ имѣть въ виду одно—необходимость безпрекословно и безъ разсужденій исполнить распоряженіе высшей мѣстной власти. Но какъ это сдѣлать и гдѣ средства къ исполненію? Вотъ главный пунктъ, вотъ суть вопроса. У генералъ-губернатора есть полиція, солдаты, власть; никто, однако, изъ уличнаго сброда

*

не былъ наказанъ за пѣніе розгами при полиціи, даже наглые оскорбители архіерея и генералъ-губернаторскихъ дочерей остались безнаказанными; а инспектору гимназіи за то же пѣніе, такъ легко всѣмъ сходящее съ рукъ, приказываютъ пересѣчь чуть не полные высшіе два класса. — Чиркать перомъ резолюціи не мудрено, съ душевной тревогой разсуждалъ инспекторъ, а я вотъ бьюсь, бьюсь и, хоть лбомъ стѣну расшиби, ничего путнаго придумать не могу. Ну, что же? Какъ приступить къ дѣлу, къ исполненію резолюціи? Призывать провинившихся по одному и пороть каждаго втихомолку? Положимъ, что съ однимъ еще удастся продѣлать такую штуку, а остальные не дадутся, — это вѣрно: мгновенно пронесется по всей Вильнѣ вѣсть, по мѣстному обыкновенію, преувеличенная и разукрашенная разными вымыслами, что въ гимназіи сѣкутъ непощадно дѣтей за пѣніе молитвъ — да мало ли что̀ придумаютъ — явится толпа гимназистовъ, женщинъ и праздныхъ людей всякаго рода, поднимется плачъ, крики, потребуется полиція — и столкновеніе произойдетъ неизбѣжно. Можно опасаться, что явятся и жертвы, а это какъ разъ на руку коноводамъ, имъ только того и нужно. Можетъ, я преувеличиваю? Нѣтъ, я знаю ихъ. Вѣдь наводнила же генералъ-губернаторскій дворъ цѣлая толпа черныхъ женщинъ, когда полиція арестовала нѣсколькихъ пѣвуновъ. Если за арестованіе сдѣлали громадный скандалъ, то сѣченіе молодыхъ людей развѣ можетъ пройти спокойно? А что будетъ со мной? размышляетъ бѣдный инспекторъ, мнѣ, по меньшей мѣрѣ, порядкомъ помнутъ бока, съ одной стороны, а съ другой — чего добраго, будутъ судить за нераспорядительность, за допущеніе подобнаго скандала. Нѣтъ, сѣчь невозможно, рѣшительно невозможно.

Но надо на что-нибудь рѣшиться. Ужь не захворать ли? или даже просто подать въ отставку? Но болѣзни не повѣрятъ и отставки не примутъ; скажутъ: исполните сначала резолюцію его высокопревосходительства, а потомъ можете подавать въ отставку.

Мучительныя минуты переживалъ инспекторъ: проходитъ часъ и два; скоро придутъ начальники освѣдомиться, приводится ли въ исполненіе резолюція, а дѣло между тѣмъ не двинулось ни на волосъ.

Вдругъ инспекторъ съ сіяющимъ лицомъ вскочилъ съ своего

кресла и чуть не запрыгалъ по комнатѣ, радостно потирая себѣ руки: голову его озарила спасительная мысль. Свободно и глубоко вздохнулъ онъ, перекрестился и прошепталъ: слава тебѣ, Господи! А тутъ — легки на поминѣ — явились и ожидаемые начальники. Спрашиваютъ:

— Какія приняты мѣры къ исполненію резолюціи генералъ-губернатора?

— Никакихъ.

— Возможно ли? Почему? Отчего до сихъ поръ еще ни одинъ ученикъ не высѣченъ?

— Сѣчь не буду, не могу и не долженъ.

— Что это значитъ? Вы отказываетесь исполнить распоряженіе генералъ-губернатора?

— Ни мало. Позвольте.

Теперь инспекторъ, въ свою очередь, но уже съ бодрымъ видомъ, предъявляетъ начальникамъ бумагу генералъ-губернатора и проситъ ихъ прочитать резолюцію и вникнуть въ ея смыслъ.

Читаютъ: «наказать тѣлесно».

— Что жъ, говорятъ, смыслъ ясенъ: надо высѣчь.

— Извините, совсѣмъ не то: если бы требовалось учениковъ высѣчь, то въ резолюціи было бы сказано прямо: «наказать розгами», а тутъ стоитъ: «наказать тѣлесно», другими словами, посадить ихъ въ карцеръ на хлѣбъ и на воду—это тоже тѣлесное наказаніе. По моему мнѣнію, генералъ-губернаторъ такъ именно и думалъ.

— Почему вы такъ полагаете?

— А вотъ почему: по гимназическому уставу, Высочайше утвержденному, ученики высшихъ классовъ не подлежатъ наказанію розгами—это всѣмъ извѣстно. Уставъ этотъ не отмѣненъ, онъ дѣйствуетъ нынѣ во всей силѣ; отмѣнить его можетъ только Высочайшая власть. Сѣчь не буду и не долженъ. Развѣ можетъ генералъ-губернаторъ двумя словами своей резолюціи отмѣнить Высочайшее повелѣніе?

— А, вы вотъ какъ разъясняете резолюцію его высокопревосходительства.

— Не иначе. Всякое другое разъясненіе было бы невѣрно.

— Хорошо, пожалуйте бумагу, я сейчасъ пойду къ генералъ-губернатору и доложу ваше объясненіе.

Съ этими словами первый начальникъ вышелъ изъ кабинета, а второй съ инспекторомъ стали ожидать его возвращенія. Дворецъ генералъ-губернатора близехонько, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ гимназіи, черезъ улицу. Вскорѣ возвратился и первый начальникъ.

— Его высокопревосходительство, сообщилъ онъ съ довольною улыбкою, по разъясненіи мною дѣла, изволилъ сказать: «ну, пусть тамъ дѣлаютъ, какъ у нихъ въ уставѣ написано».

Превосходно. Рѣшили посадить провинившихся гимназистовъ въ карцеръ, на хлѣбъ и на воду, кажется, на сутки. Это сдѣлать было легко. Пѣвуны аккуратно отсидѣли свой срокъ, и все кончилось благополучно.

Какъ легко, просто и законно рѣшался вопросъ! А сколько мучился бѣдный инспекторъ, ломая надъ нимъ голову. Впрочемъ, не ломай онъ головы, и дѣло, можетъ быть, окончилось бы не столь благополучно.

II.

Осенью того же года, тому же злополучному инспектору Виленской гимназіи, пришлось разыгрывать дѣятельную роль въ другомъ, еще болѣе мучительномъ для него, событіи. Дѣло происходило такъ:

16-го ноября, позднимъ вечеромъ, является къ инспектору разсыльный изъ попечительской канцеляріи съ приглашеніемъ отъ тогдашняго попечителя округа, князя Ширинскаго-Шихматова, пожаловать къ его сіятельству немедленно, по весьма нужному дѣлу. Пользуясь особымъ довѣріемъ со стороны князя и работая съ нимъ по устройству народныхъ училищъ въ округѣ — дѣло, которому князь отдавался съ сердечнымъ увлеченіемъ и замѣчательной энергіей, инспекторъ часто получалъ подобныя приглашенія; потому и въ настоящемъ случаѣ онъ спокойно отправился къ попечителю, въ той мысли, что, вѣроятно, рѣчь будетъ о народной школѣ. Но съ

первыхъ же словъ князя, принявшаго его съ весьма озабоченнымъ видомъ, для инспектора стало ясно, что онъ ошибся въ своей догадкѣ. Попечитель сообщилъ ему слѣдующее: «по имѣющимся у генералъ-губернатора достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, завтра польскіе агитаторы предполагаютъ устроить большую домонстрацію, по случаю годовщины польскаго возстанія въ 1830 г. Демонстрація начнется богослуженіемъ во всѣхъ костелахъ Вильны; между ними первое мѣсто займетъ костелъ св. Яна. Генералъ-губернаторомъ уже приняты надлежащія мѣры, даны приказанія войскамъ и полиціи, чтобы предупредить демонстрацію на улицахъ. Съ нашей стороны крайне важно и необходимо воздержать учениковъ гимназіи и прогимназіи отъ участія въ демонстраціи. Никто изъ нихъ завтра не долженъ быть въ костелѣ. Командиру полка (при этомъ князь назвалъ имя полковаго командира, но оно мною забыто) дано приказаніе занять гимназическій дворъ ротою солдатъ съ заряженными ружьями. Когда соберутся гимназисты на уроки, не выпускайте ихъ изъ классовъ отъ перваго урока до послѣдняго и прикажите запереть ворота и всѣ входы въ гимназію. А сегодня ночью отправляйтесь къ полковому командиру, онъ будетъ васъ ожидать къ двумъ часамъ. Вы съ нимъ условитесь относительно времени вступленія войска на гимназическій дворъ и укажете наиболѣе удобный входъ для солдатъ. Знаю, какъ непріятно и тяжело это порученіе, но теперь всѣмъ намъ не легко. Отправляйтесь съ Богомъ и прошу васъ—никому ни слова».

Съ поникшею головой возвращался инспекторъ по темнымъ виленскимъ улицамъ въ свою квартиру. Въ назначенное время пошелъ онъ къ командиру полка, переговорилъ и условился съ нимъ обо всемъ, что̀ было нужно. Спать въ эту ночь онъ не могъ. Что-то будетъ завтра? Эта мысль не давала ему покоя. Виленская гимназія, съ параллельными классами—самая многолюдная въ округѣ: въ ней до 500 учащихся, православныхъ между ними ничтожная горсть. Пять съ половиною часовъ надо продержать всѣхъ учениковъ взаперти въ классахъ и корридорахъ! Какъ усмотрѣть за ними, и кто ему поможетъ въ этомъ трудномъ дѣлѣ, при польскомъ педагогическомъ составѣ? Русскихъ было всего: законоучитель, двое учителей и одинъ младшій надзиратель за приходящими учениками, человѣкъ недалекій и маловліятельный. На директора нѣтъ надежды:

онъ полякъ, живетъ въ отдѣльномъ зданіи, гимназію посѣщаетъ рѣдко, ссылаясь на обиліе канцелярскихъ занятій; завтра, конечно, онъ не появится.

Что-то будетъ завтра?

Слѣдуетъ замѣтить, что рѣшено было поставить роту солдатъ на гимназическомъ дворѣ потому, что костелъ св. Яна, въ которомъ предполагалась служба съ пѣніемъ революціоннаго гимна, выступалъ одною стороною съ большими дверями на этотъ дворъ. Въ костелъ вели два входа—съ улицы и со двора. Прямо противъ костела, во второмъ этажѣ, окнами во дворъ, помѣщались 5-й, 6-ой и 7-ой классы гимназіи, въ третьемъ этажѣ—прогимназія; боковыя стороны, также окнами во дворъ, занимали библіотека и корридоръ низшихъ классовъ; въ нижнемъ этажѣ были расположены служительскія помѣщенія, шинельная и отдѣльная комната, гдѣ находится кубъ съ водой. Со всѣхъ сторонъ изъ гимназіи были выходы на дворъ. Всѣ ученики гимназіи и прогимназіи, изъ оконъ своихъ классовъ и корридоровъ, могли видѣть все происходящее на дворѣ, передъ костеломъ.

Кончилась томительная ночь, наступило 17-ое ноября. На гимназической башенкѣ въ обычное время, какъ и всегда, зазвонилъ колоколъ на сборъ учениковъ. Мало-по-малу, съ разныхъ сторонъ, черезъ дворъ потянулись въ шинельную гимназисты и преподаватели. Инспекторъ съ тревожно бьющимся сердцемъ ходитъ по корридору, посматривая на часы. Пробило девять часовъ, сторожъ далъ звонокъ, ученики и преподаватели заняли свои мѣста, и начались уроки. Только теперь инспекторъ могъ распорядиться о закрытіи всѣхъ входовъ въ гимназію, у нѣкоторыхъ поставлены сторожа съ приказаніемъ никого, кромѣ директора и учителей, не впускать и не выпускать, а къ главнымъ воротамъ, ведущимъ во дворъ со стороны костела, посланъ расторопный человѣкъ, которому приказано запереть ворота и отворить ихъ только для впуска ожидаемой роты солдатъ. Все это сдѣлано. Инспекторъ быстро переходитъ отъ одного окна къ другому и смотритъ на дворъ—пока кромѣ сторожа у воротъ, тамъ нѣтъ еще никого. Прошло нѣсколько минутъ, инспекторъ глазъ не спускаетъ съ того пункта, гдѣ стоитъ сторожъ, и вотъ—распахнулись ворота на обѣ

половины, послышались мѣрные, тяжелые шаги, сверкнули штыки — и рота солдатъ вступила на гимназическій дворъ. Ворота закрылись, раздалась команда, солдаты выстроились по двумъ сторонамъ двора. Ученики высшихъ трехъ классовъ вскакиваютъ со скамеекъ и съ любопытствомъ смотрятъ на дворъ, пораженные неожиданнымъ зрѣлищемъ. Кончился первый урокъ. Преподаватели, какъ ни въ чемъ не бывало, пошли въ инспекторскую, — вѣдь, не ихъ дѣло наблюденіе за учениками внѣ классовъ, нѣкоторые даже улыбаются, директоръ не показывается. И въ классахъ, и въ корридорѣ ученики не отходятъ отъ оконъ, многіе шепчутся между собою. Инспекторъ старается поспѣвать вездѣ, озабочиваясь, чтобы ученики, особенно старшихъ классовъ, не собирались въ кучки для сговора на какое-нибудь общее дѣйствіе. Такъ прошло пять минутъ; тотчасъ же пробилъ классный звонокъ, и начался второй урокъ; онъ прошелъ спокойно. Но передъ третьимъ урокомъ ученики 6-го и 7-го классовъ вдругъ хлынули въ пятый классъ, наиболѣе другихъ помѣстительный: о чемъ-то горячо толкуютъ, на что-то рѣшаются, нѣкоторые уже отворили окна. Вбѣгаетъ инспекторъ.

— Что вы тутъ дѣлаете? Зачѣмъ отворены окна?

— Мы хотимъ пропѣть гимнъ, г. инспекторъ.

— Глупо, глупо! никогда въ гимназіи не пѣли гимна, этого и быть не должно. Ничему своимъ пѣніемъ вы не поможете, а себѣ повредите. Гимназіи нѣтъ дѣла до того, что̀ происходитъ на улицѣ; для васъ будетъ больше чести, если вы съумѣете сдержаться, это будетъ умнѣе. Вамъ надо учиться и ничего больше. Запирайте окна, ступайте по классамъ!

Твердое слово, сказанное увѣренно, заставило учениковъ опомниться; они разошлись по классамъ, — снова пробилъ звонокъ, начался третій урокъ.

Промежутки между первыми тремя уроками продолжались не болѣе пяти минутъ; инспекторъ не давалъ засиживаться учителямъ въ инспекторской и послѣ звонка тотчасъ же приглашалъ ихъ занять классы, такъ что ученики не имѣли достаточно времени, чтобы сговориться въ массѣ на какую-нибудь общую выходку. Но вотъ, послѣ третьяго урока, наступила большая перемѣна, продолжавшаяся полчаса. Обыкновенно, на это время, ученики, жившіе вблизи

гимназіи, уходили домой позавтракать, другіе выбѣгали за ворота, чтобы купить булокъ у стоящихъ здѣсь торговокъ; въ классахъ не оставалось никого. Но въ настоящемъ случаѣ нельзя было выпустить изъ классовъ и корридоровъ гимназіи ни одного ученика; гимназисты, попавшіе такъ нечаянно въ заключеніе, обступили инспектора съ разными просьбами: однимъ нужно взять дома книги на слѣдующіе два урока, другимъ — позавтракать, иные жалуются на головокруженіе, просятъ отпустить ихъ на свѣжій воздухъ, хотя бы на нѣсколько минутъ. Инспекторъ всѣмъ твердитъ одно: «нельзя, нельзя, подождите, потерпите». Двѣ корзины булокъ, предусмотрительно купленныя имъ раннимъ утромъ этого дня, розданы были проголодавшимся ученикамъ; но жара и духота въ классахъ и корридорахъ отъ присутствія пяти сотъ живыхъ существъ, при запертыхъ дверяхъ и окнахъ, давала себя чувствовать всѣмъ крайне тяжело. Ученики трехъ старшихъ классовъ еще крѣпились, но въ младшихъ слышались стоны дѣтей отъ изнеможенія, нѣкоторые сидѣли на полу съ блѣдными лицами, другіе лежали въ забытьи; въ тѣснотѣ и переполохѣ одного мальчика толкнули, онъ ударился о стѣну, расшибъ голову въ кровь и отъ испуга упалъ въ обморокъ. Заболѣвшихъ немедленно отводили въ квартиру инспектора, находившуюся тутъ же, по сосѣдству съ инспекторской: тамъ они получали помощь и уходъ; гофманскія капли и нашатырный спиртъ, всегда бывшіе у инспектора въ запасѣ, теперь очень пригодились, а для другихъ было достаточно стакана холодной воды или чашки чаю да подышать свѣжимъ воздухомъ, и они снова отправлялись въ классъ. Большая перемѣна все еще не кончилась, минуты тянутся безконечно долго; слѣдуютъ еще два урока, но звонить въ классы рано, а тамъ, на дворѣ, все еще стоятъ солдаты подъ ружьемъ; когда же они уйдутъ? а что̀ дѣлается внѣ стѣнъ заведенія—никому неизвѣстно. Вдругъ большая толпа учениковъ трехъ высшихъ классовъ побѣжала по корридору и ринулась по лѣстницѣ въ нижній этажъ, въ комнату, гдѣ стоялъ кубъ съ водою, съ намѣреніемъ прорваться на дворъ. Инспекторъ за ними; давка страшная, нѣкоторые ученики стоятъ уже на подоконникахъ. Пробиваясь сквозь толпу, инспекторъ внѣ себя кричитъ: «назадъ, назадъ, что̀ вы дѣлаете?» — «Мы выскочимъ на дворъ, мы пробьемся черезъ солдатъ».— «Не-

счастные, вы погибнете, вы лѣзете на штыки, назадъ, Бога ради, назадъ!» Что еще говорилъ инспекторъ, какими словами убѣждалъ возбужденную толпу — онъ не помнитъ. Но, благодареніе Богу! толпа опомнилась, отвернулась отъ оконъ и двинулась вверхъ по лѣстницѣ въ корридоръ, инспекторъ не отстаетъ отъ нихъ, кстати подвернулся сторожъ со звонкомъ: «звони скорѣе въ классы!» Понеслись бойкіе, повелительные звуки хорошо знакомаго всѣмъ класснаго колокольчика, усталые ученики заняли свои мѣста, и начался четвертый урокъ. Чѣмъ занимались учителя въ классахъ, какъ преподавались уроки въ этотъ день, когда всѣмъ было не до ученья, понятно само собою; лишь бы ученики высидѣли положенное время безъ скандала—больше ничего не требовалось. Идетъ четвертый урокъ, а солдаты все еще на дворѣ, значитъ, за стѣнами гимназіи нѣтъ полнаго спокойствія. Какъ медленно тянется время! Кажется, конца не будетъ этому безтолковому дню. Предстоитъ еще пятый урокъ; начался благополучно и этотъ урокъ, слава Богу, послѣдній. Не прошло и половины урока, какъ вдругъ — о, радость!—инспекторъ видитъ: распахнулись ворота настежь, до слуха его доносятся команда и затѣмъ мѣрные шаги пѣхоты, колонна солдатъ двинулась къ воротамъ, вотъ они уходятъ, и съ каждымъ уходящимъ штыкомъ на сердцѣ у инспектора становилось легче, вотъ скрылись за воротами послѣдніе ряды солдатъ—и какъ гора свалилась съ его плечъ! Теперь можно начать и роспускъ учениковъ, но выпустить ихъ всѣхъ разомъ, послѣ слишкомъ пяти-часоваго заключенія въ душныхъ стѣнахъ заведенія, неудобно: на радостяхъ, пожалуй, поднимутъ крикъ и произведутъ скандалъ, надо это предупредить; самое лучшее къ тому средство—распускать классы по-одному. Инспекторъ входитъ въ седьмой классъ, наименьшій по числу учащихся. «Читайте молитву, уроки окончены, можете выходить». Гимназисты рады-радешеньки, что освободились, поспѣшно удаляются. Такъ слѣдовали классъ за классомъ, ученики разошлись безъ всякаго шума, и все кончилось благополучно.

Когда классы опустѣли, инспекторъ стоялъ въ недоумѣніи; онъ не могъ дать себѣ отчета въ происшедшемъ, не вѣрилъ самъ себѣ: неужели все кончено, и ему уже нечего больше дѣлать? Но минувшая ночь, проведенная безъ сна, и безпрерывное возбужденное со-

стояніе, въ какомъ находился онъ днемъ, теперь, когда уже не было никакой надобности въ его энергіи, сказались въ немъ полнымъ упадкомъ силъ: какъ былъ, въ вицъ мундирѣ, такъ, весь измученный, и повалился онъ въ своемъ кабинетѣ на широкій диванъ и заснулъ глубокимъ сномъ, ничего не помня, какъ его раздѣвали и прикладывали холодные компрессы къ его головѣ.

Бездарный директоръ, жалкая посредственность во всѣхъ отношеніяхъ, но хитрый полякъ, устранявшійся отъ всѣхъ затруднительныхъ и щекотливыхъ дѣлъ, остался вѣренъ своей тактикѣ и въ настоящемъ, изъ ряду выходящемъ, случаѣ: онъ не показался въ гимназіи ни на минуту. Объ учителяхъ и говорить нечего, въ междуурочныя перемѣны они спокойно засѣдали въ инспекторской, покуривая папиросы и нимало не считая себя обязанными помочь инспектору и надзирателямъ въ наблюденіи за учениками, хотя всѣ знали, что эти надзиратели (всего два) были люди маловліятельные, въ особенности, одинъ изъ нихъ, престарѣлый полякъ, котораго держали изъ милости, ради куска хлѣба.

День прошелъ, какъ всякій обыкновенный учебный день,—въ глазахъ всѣхъ иначе и быть не должно. А что̀ вытерпѣлъ бѣдный инспекторъ, принимая на себя весь трудъ и всю отвѣтственность этого дня, а что, быть можетъ, предупреждено было большое несчастіе—до того никому не было дѣла. Только для одного инспектора этотъ мучительный день остался памятнымъ на всю жизнь. Онъ нашелъ въ немъ и урокъ, не первый, впрочемъ, и не послѣдній, убѣдившій его въ томъ, что педагогъ, любящій дѣтей и юношей, всегда къ нимъ справедливый, умѣющій тронуть ихъ благородныя чувства, дѣйствующій открыто, въ трудныхъ случаяхъ можетъ смѣло опереться на силу своего нравственнаго авторитета.

Предполагавшаяся въ городѣ демонстрація, благодаря принятымъ генералъ-губернаторомъ мѣрамъ, не удалась.

III.

Пріѣздъ М. Н. Муравьева въ Вильно, первые дни его пребыванія и прекращеніе сборовъ на повстанцевъ.

14-го мая 1863 года, въ 3 часа пополудни, съ вокзала желѣзной дороги, по улицамъ Вильны, проѣхала карета и остановилась у генералъ-губернаторскаго дворца; кого привезла карета, едва-ли многимъ было извѣстно; большинство населенія только черезъ два дня узнало изъ «Виленскаго Вѣстника», что въ Вильну прибылъ новый начальникъ края, генералъ-отъ-инфантеріи Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ. Общаго представленія чиновниковъ, рѣчей, объявленія программы дѣйствій,—ничего подобнаго не было. Характеръ городской жизни на первыхъ порахъ ни въ чемъ не измѣнился, все идетъ по-прежнему, каждый занятъ своимъ дѣломъ, городъ спокоенъ въ томъ смыслѣ, что нѣтъ уличныхъ демонстрацій, не поютъ больше и польскихъ возмутительныхъ гимновъ ни по костеламъ, ни въ другихъ мѣстахъ, ибо время манифестацій уже миновало: польская справа закончила приготовительный періодъ и съ новаго года вступила въ новый фазисъ, перешла въ вооруженное возстаніе, собралась въ банды и скрылась въ лѣса, производя по пути разнаго рода неистовства въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не было войскъ. По-прежнему «Виленскій Вѣстникъ», подъ редакціей почтеннаго г. Адама Киркора, въ оффиціальной части, сообщаетъ на двухъ языкахъ — русскомъ и польскомъ — правительственныя извѣстія о разбитіи бандъ и о вѣрноподданнѣйшихъ адресахъ, а въ неоффиціальной — на одномъ польскомъ языкѣ—широко разглагольствуетъ о дѣлахъ французскихъ, англійскихъ, итальянскихъ и прусскихъ, дополняя свою политику разными извѣстіями изъ Варшавы, Кракова, Познани и изъ другихъ мѣстъ бывшей Рѣчи Посполитой; но о томъ, что̀ у всѣхъ на умѣ, чѣмъ взволнованъ весь край, т. е., о мятежѣ — ни слова: объ этомъ предметѣ политики «Вѣстника» почему-то хранятъ упорное молчаніе. Однимъ словомъ, все, какъ и прежде, въ послѣдніе дни управленія В. И. Назимова. 16-го мая Владиміръ Ивановичъ уѣхалъ въ Петербургъ. Перемѣнъ никакихъ нѣтъ; только поляки, играющіе

видную роль въ мѣстномъ обществѣ, замѣтно пріуныли. А трауръ и сборы на повстанцевъ, какъ при Владимірѣ Ивановичѣ, такъ и теперь, продолжаются. Сборы эти многимъ порядочно надоѣли; ими занимаются дамы высшаго польскаго общества, располагаясь въ костелахъ съ серебряными тарелочками или обходя частныя квартиры. Дѣлаютъ онѣ свои визиты очень нецеремонно, подчасъ даже назойливо: обыкновенно, двѣ красивыя аристократки, всѣ въ черномъ, въ сопровожденіи двухъ такихъ же траурныхъ джентльменовъ, входятъ чуть не насильно въ квартиру, знакомую и незнакомую, холостаго или семейнаго человѣка, русскаго, поляка, еврея—имъ все равно—и немедленно преподносятъ хозяину серебряную тарелочку, съ просьбою, равносильною требованію, «на доброчинность» (на доброе дѣло). Всѣ знаютъ, какого рода эта «доброчинность», но даютъ, лишь бы отвязаться, лишь бы ушли скорѣе надоѣдливыя попрошайки.

21 мая. Прошла недѣля со времени прибытія Муравьева. Въ городѣ тихо, никакихъ перемѣнъ не видимъ. Муравьевъ никуда не выходитъ, не выѣзжаетъ; кромѣ приближенныхъ и чиновниковъ, управляющихъ отдѣльными частями, никто его не видитъ; всѣ однако тревожно ждутъ проявленія новой власти; поляки уже начали распускать о новомъ начальникѣ края разныя небылицы.

Сегодня вечеромъ, пользуясь отличною погодою, вышли мы съ семьею на прогулку и посѣтили лютеранское кладбище, расположенное на возвышенности и содержимое въ отличномъ порядкѣ. Здѣсь встрѣтили мы двухъ раненыхъ солдатъ Финляндскаго полка, вышедшихъ изъ госпиталя, находящагося невдалекѣ, подышать свѣжимъ воздухомъ. Одинъ изъ нихъ на костыляхъ, другой съ сильно распухшею щекою, повязанною платкомъ. Мы разговорились съ ними. Ходившій на костыляхъ раненъ въ ногу, ниже колѣна, навылетъ, а другой молодецъ—двумя пулями въ щеку и пулею въ грудь. Оба разсказываютъ о дѣлѣ, въ которомъ участвовали, просто и спокойно, безъ хвастовства и безъ всякой ненависти къ своимъ врагамъ. «Вѣдь, наша-то пуля, говоритъ одинъ, трехъ сразу положитъ, а ихтія-то вотъ двѣ въ щеку попали, да, слава Богу, живъ; а наша-то, если въ голову попадетъ—размозжитъ. Да и что это за война: дадутъ выстрѣлъ, да и въ лѣсъ, а тамъ сзади стоятъ косинеры,

дожидаются, пока мы имъ голову протянемъ. А какъ главнаго-то ихъ предводителя свалили, панки-то и побѣжали прятаться за косинеровъ, а тѣ ихъ не пускаютъ, а мы-то крошимъ да крошимъ». О генералѣ Ганецкомъ отзываются съ благодарнымъ чувствомъ и восхищеніемъ. «Это истинный герой! Мы его съ большимъ восторгомъ благодарили». Мы спросили, не нуждаются ли они въ чемъ? «То-есть, это насчетъ пищи, спрашиваете вы?» отвѣчали они—«нѣтъ, благодаримъ покорно; слава Богу, у насъ всего довольно; пища хорошая, есть и чай и сахаръ. Наша княгиня Александра Петровна (супруга великаго князя Николая Николаевича) всего намъ присылаетъ». Въ числѣ присланныхъ предметовъ, между прочимъ, находятся образа, крестики и книги. За ранеными ухаживаютъ пріѣхавшія изъ Петербурга сестры милосердія. Дай Богъ, чтобы и въ другихъ мѣстахъ раненые пользовались такимъ попечительнымъ уходомъ и такими удобствами, какъ здѣсь въ Вильнѣ.

22 мая . . . Всколыхнулась вся Вильна. Съ ранняго утра по улицамъ, базарамъ и площадямъ бьетъ барабанъ: объявляютъ о смертной казни,—она будетъ сегодня же. На улицахъ необыкновенное движеніе—всѣ стремятся въ одну сторону, на предмѣстье Лукишки, гдѣ должна совершиться казнь. Съ толпой народа бѣгу туда же. Вотъ и площадь съ роковымъ столбомъ—вся залита народомъ; на окружающихъ ее высотахъ виднѣются многочисленныя группы траурныхъ женщинъ. Послышались крики: «ведутъ, ведутъ!» Наступили страшныя минуты. Сердце бьется учащенно, тяжело дышется. Читаютъ приговоръ; многотысячная толпа какъ бы онѣмѣла. Раздался залпъ выстрѣловъ, за нимъ стоны женщинъ... Здѣсь, въ 10 часовъ утра, по приговору военнаго суда, былъ разстрѣлянъ одинъ изъ зачинщиковъ мятежа, викарный ксендзъ Желудскаго костела, Лидскаго уѣзда, Станиславъ Ишора.

Ужасъ объялъ польское общество. Давно ли съ такою наглою надменностью относилось оно къ распоряженіямъ русской власти въ краѣ, какъ бы не признавая ея существованія, и такъ сладко мечтало о воскрешеніи своей злосчастной Рѣчи Посполитой, и вдругъ, среди этихъ обаятельныхъ фантазій, тутъ же, на самомъ мѣстѣ дѣйствія, заявляетъ о себѣ какая-то страшная, никому невѣдомая и

никѣмъ невидимая сила и наноситъ среди бѣлаго дня тяжкій ударъ въ самое темя мятежа. Затрепетала Вильна.

23 мая. Заношу на эти страницы двѣ характеристическія черты. Одинъ мой знакомый, бывшій вчера на Лукишкахъ, стоялъ подлѣ двухъ польскихъ женщинъ, одѣтыхъ въ черное. Когда раздались выстрѣлы, обѣ онѣ, обратясь къ стоявшимъ вблизи солдатамъ и указывая на страшный столбъ, злобнымъ голосомъ проговорили: «радуйтесь теперь, радуйтесь!» На это одинъ солдатъ отвѣчалъ: «чего тутъ радоваться? Радоваться нечего: вѣдь человѣческая душа погибаетъ». Какъ хорошо сказался въ этихъ словахъ простой, добрый, незлобивый русскій солдатъ, готовый оказать помощь первому своему врагу, если онъ несчастливъ. А вотъ слова, слышанныя мною мимоходомъ отъ одной черной дамы; нѣсколько дней тому назадъ хоронили солдата, убитаго въ стычкѣ съ мятежниками. Пожилой еврей, спѣша догнать печальное шествіе, по тѣснотѣ тротуара, слегка толкнулъ какую-то старушку, одѣтую весьма прилично въ черное платье и принадлежащую несомнѣнно къ образованному классу. Она громко сдѣлала еврею замѣчаніе, разумѣется, по-польски, изложивъ свою мысль въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «куда торопишься? Еще успѣешь догнать эту собаку». Кстати, вотъ еще два случая въ томъ же родѣ, происшедшіе тоже недавно. Идутъ мимо Свентоянскаго костела два солдата, останавливаются и молятся по-православному, осѣняя себя крестомъ трижды.

— Что вы молитесь, замѣчаетъ имъ какой-то прохожій, вѣдь это не православная церковь, а католическій костелъ, тутъ поляки.

— А что они тамъ дѣлаютъ? отвѣчаютъ солдаты, развѣ не Богу молятся?

Коротко и ясно.

Рядомъ съ этимъ здравымъ смысломъ и терпимостью простаго русскаго человѣка, вотъ картинка изъ другаго, шляхетскаго лагеря: мимо Николаевскаго православнаго собора идутъ двѣ старушки, весьма порядочно одѣтыя, какъ видно, шляхтянки, давно не бывавшія въ Вильнѣ.

— Проше, пани, спрашиваетъ одна изъ нихъ тутъ же проходившую русскую даму, чи то кóстелъ свентэго Станислава? (Не это ли костелъ святаго Станислава?)

— Нѣтъ, это православный соборъ св. Николая, получаетъ старушка въ отвѣтъ, на русскомъ языкѣ.

— Ай, Езусъ-Марія, въ ужасѣ восклицаетъ старушка, а я пшежэгналэмъ се! (а я перекрестилась).

Въ самомъ дѣлѣ, какой страшный грѣхъ совершила бѣдная католичка на старости лѣтъ: перекрестилась передъ православною церковью! придется горько каяться передъ ксендзомъ.

Также коротко и ясно.

Мѣстная дѣйствительность представляетъ не мало подобныхъ фактовъ. Правда, эти факты мелки, но они очень характеристичны и хорошо рисуютъ, съ одной стороны, нашу русскую терпимость— плодъ православія и, съ другой—польское изувѣрство, выросшее на латинствѣ.

Сегодня хоронили солдата Павловскаго полка, умершаго отъ ранъ, и батальоннаго адъютанта Всеволода Арбузова, истекшаго кровью отъ раны, на мѣстѣ боя. При отпѣваніи присутствовало чуть ли не все виленское православное духовенство. Множество народа слѣдовало за гробами до самаго кладбища. И тутъ не обошлось безъ проявленія польской злобы. Одна русская дама, провожавшая дорогихъ русскому сердцу покойниковъ, по настоятельнымъ нуждамъ своей семьи, вернулась домой съ полпути; проходя черезъ Острыя ворота, она встрѣтила здѣсь толпу черныхъ женщинъ, которыми тогда это мѣсто не оскудѣвало, бросавшихъ на нее наглые, презрительные взгляды. Одна изъ нихъ, участница всѣхъ уличныхъ польскихъ манифестацій, ничтожная шляхтянка, жена лакея, служившаго въ конторѣ «Виленскаго Вѣстника», постоянно преслѣдовавшая на улицахъ эту даму насмѣшками и ругательствами за то, что она не носила траура, теперь обратилась къ ней съ такими словами: «Москевка! Чи не моглэсь свóе падло до цментажа допровадзиць?» (Москевка! Развѣ ты не могла свою падаль проводить до кладбища!..). Если бы это не былъ живой фактъ, сейчасъ во всей точности переданный мнѣ русскою дамой, о которой идетъ рѣчь, я никогда не повѣрилъ бы, чтобы нашлась женщина, хотя бы самая грубая и развратная, къ какой бы религіи она ни принадлежала,

которая рѣшилась бы произнести такія гнусныя слова объ умершемъ человѣкѣ; но нашлась полячка.

Сегодня же напечатано въ «Виленскомъ Вѣстникѣ» (№ 55) интересное объявленіе отъ виленскаго полицiймейстера, и вотъ по какому случаю.

На прошедшей недѣлѣ въ костелѣ св. Яна, при стеченіи многочисленной публики, происходило богослуженіе. У выходныхъ дверей въ костелѣ сидѣли рядомъ четыре элегантныя траурныя дамы съ серебряными тарелочками и серебряными колокольчиками въ рукахъ—это были сборщицы пожертвованій на повстанцевъ. На тарелочкахъ лежали порядочныя кучки бумажекъ и серебра. Звонкіе колокольчики каждому выходящему изъ костела настойчиво напоминали о его обязанности «офярóвацъ» (пожертвовать) что-нибудь, какъ водится «на доброчинность». Въ это время входитъ въ костелъ полицiймейстеръ и вѣжливо освѣдомляется о предметѣ сбора; весьма неохотно и даже съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ пренебреженія дамы едва процѣживаютъ сквозь зубы: «на доброчинность». Но любознательный маіоръ не довольствуется такимъ неопредѣленнымъ сообщеніемъ и настаиваетъ на точномъ отвѣтѣ, для какой именно благотворительной цѣли собираются деньги. Ему повторяютъ то же самое: «на доброчинность», но уже съ раздраженіемъ въ голосѣ. Это однако не останавливаетъ навязчиваго полицiймейстера; напротивъ, онъ идетъ еще дальше въ своихъ требованіяхъ и прямо уже проситъ передать ему всѣ собранныя деньги, увѣряя, что онѣ немедленно будутъ употреблены для благотворительной цѣли. Грозно сверкнули на него глазами повстанскія сборщицы, но при этомъ находчивый маіоръ тихо упоминаетъ имя новаго начальника края. Это имя возымѣло надлежащее дѣйствіе. Смутились и крѣпко поморщились траурныя дамы, но, дѣлать нечего, весь сборъ передали съ серебряныхъ тарелочекъ полицiймейстеру. А сегодня въ «Виленскомъ Вѣстникѣ», въ двухъ текстахъ, русскомъ и польскомъ, читаемъ по этому поводу слѣдующее объявленіе:

«Отъ виленскаго полицiймейстера.

Княгиню Марію Огинскую, княжну Эмилію Огинскую, г-жъ Валерію Вейсенгофъ и дѣвицу Станиславу Якубовскую, отъ лица

сельскихъ обывателей, разграбленныхъ мятежническими шайками, усерднѣйше благодарю за сборъ по костеламъ денегъ, прося продолжать доброе дѣло и въ будущемъ.

И. д. виленскаго полиціймейстера,

Маіоръ Саранчовъ» [1]).

Разумѣется, и посѣщеніе полиціймейстеромъ костела, и объявленіе благодарности произошло не по личному почину маіора Саранчова, а по распоряженію М. Н. Муравьева. Послѣ такой чувствительной благодарности, поборы на повстанцевъ по виленскимъ костеламъ и частнымъ квартирамъ, противъ которыхъ безсильны были строжайшія предписанія В. И. Назимова, окончательно прекратились,—какъ рукой сняло.

В. П. Кулинъ.

---

[1]) „Od wileńskiego policmejstra.

Księżnej Maryi Ogińskiej, księżniczce Emilyi Ogińskiej, p.p. Walerji Wejsenhoff i pannie Stanisławie Iakubowskiej, w imieniu obywateli wiejskich, zrabowanych przez bandy powstańcze, najgorliwiej dziękuję za zbieranie po kosciolach pieniędzy, prosząc, aby i na przyszłość wykonywały dobry uczynek.

P. ob. wileńskiego policmejstra

maior Saranczow".

Дѣло о подложной просьбѣ объ увольненіи отъ службы пензенскаго губернатора Филиппа Лаврентьевича Вигеля.

(1807—1809 г.).

Въ Пензѣ сохранилось преданіе, что губернаторъ Вигель подписалъ просьбу о своей отставкѣ, которую ему подсунулъ чиновникъ Тезиковъ. Мнѣ разсказывали лица, которыя слышали отъ самого Тезикова эту исторію, что онъ, недовольный губернаторомъ за придирки, написалъ отъ его имени просьбу объ отставкѣ, а тотъ ее подписалъ. Въ № 1 «Русскаго Архива» за 1892 г. сынъ губернатора, Ф. Ф. Вигель, въ своихъ запискахъ разсказываетъ эту исторію такъ: министръ внутреннихъ дѣлъ получилъ (отъ губернатора) собственноручное письмо, въ коемъ, съ тономъ оскорбленнаго самолюбія, жалуется онъ на претерпѣваемыя имъ несправедливости и проситъ исходатайствовать ему увольненіе отъ службы. Графъ Кочубей отвѣчалъ ему, что онъ не замедлилъ бы его просьбу представить на Высочайшее усмотрѣніе, но что государь отправился къ арміи; а онъ, между тѣмъ, надѣясь, что отецъ мой перемѣнитъ мысли, будетъ ожидать повторенія его требованія, чтобы препроводить его въ главную квартиру (стр. 229 и 230). Ф. Ф. говоритъ далѣе, что отецъ его и не думалъ подавать въ отставку, а что эту просьбу, по наущенію прокурора Бекетова, написалъ чиновникъ Тезиковъ. Болѣе 1½ года шло слѣдствіе и, по словамъ Ф. Ф. Вигеля, Тезиковъ сознался и былъ сосланъ въ Сибирь на поселеніе. Тезиковъ, пишетъ Ф. Ф., твердо стоялъ на томъ, что Бекетовъ въ этомъ дѣлѣ не принималъ участія. Такъ разсказываетъ эту исторію сынъ губернатора, но на самомъ дѣлѣ его разсказъ не совсѣмъ правиленъ. Въ архивѣ Пензенскаго губернскаго правленія намъ удалось найти дѣло 1807 года, озаглавленное «О подложно составленномъ письмѣ государю императору отъ имени пензенскаго гражданскаго губернатора о увольненіи отъ должности». Въ этомъ дѣлѣ изложена исторія объ увольненіи Ф. Л. Вигеля, и самое дѣло очень инте-

ресно. На основаніи этого дѣла, мы можемъ указать на невѣрности разсказа Ф. Ф. Вигеля объ исторіи увольненія его отца. Прежде всего укажемъ на то, что подложное письмо не было написано министру внутреннихъ дѣлъ (какъ говоритъ Ф. Ф.), во-вторыхъ, что министръ и не спрашивалъ губернатора, стоитъ ли онъ на своей отставкѣ и т. д.; можно сказать, что весь разсказъ не вѣренъ.

Въ виду оригинальности найденнаго нами дѣла, мы изложимъ его подробно. Дѣло начинается бумагою, отъ 5 апрѣля 1807 г. за № 2060, въ которой министръ внутреннихъ дѣлъ пишетъ Ф. Л. Вигелю слѣдующее: «честь имѣю ваше превосходительство увѣдомить, что г-нъ тайный совѣтникъ Муравьевъ доставилъ ко мнѣ по Высочайшему повелѣнію, присланное отъ васъ къ Государю Императору прошеніе о увольненіи васъ по слабости здоровья отъ службы, на которое и послѣдовало уже Высочайшее Его Величества соизволеніе, но не приведено токмо въ исполненіе единственно потому, что не избранъ еще вамъ преемникъ». Получивъ 16-го апрѣля отъ графа Кочубея такую бумагу (конечно, она какъ громомъ поразила губернатора, такъ какъ онъ просьбы не подавалъ), Ф. Л. Вигель только 23 апрѣля могъ на нее отвѣтить. Отвѣтъ его очень интересенъ, и мы приведемъ изъ него нѣсколько мѣстъ. Высказавъ глубокое удивленіе и прискорбіе къ такому факту, Ф. Л. Вигель пишетъ, что онъ просьбы не подавалъ, и добавляетъ къ этому: «причемъ долгомъ поставляю удостовѣрить вновь ваше сіятельство, что въ теченіе шестилѣтняго почти служенія моего въ званіи губернатора, хотя не имѣлъ я счастья получить какое-либо поощреніе, но влекомъ будучи безпрерывнымъ и патріотическимъ усердіемъ ко всемилостивѣйшему государю и отечеству, не могъ и подумать въ нынѣшнее особенное время оставить службу, продолжая оную слишкомъ 55 лѣтъ». Далѣе Ф. Л. пишетъ о непріятностяхъ, дѣлаемыхъ ему «за мое кроткое, впрочемъ приличное начальнику губерніи, поведеніе». Желая себя оправдать, Ф. Л. старается очернить Пензу и вотъ какую характеристику даетъ о ней министру внутреннихъ дѣлъ: «Вотъ доказательство самое убѣдительнѣйшее (что просьба подложна) той истины прежнихъ неоднократныхъ донесеній моихъ, что я не обинуясь вынужденъ былъ упоминать, что здѣсь довольное число людей порочныхъ, безпокойныхъ, развратныхъ и совершенно необузданныхъ и что столько надобно начальнику губерніи имѣть осторожности, чтобы уклониться отъ напрасныхъ, но несносныхъ злословій ихъ. Свойство сего рода буйныхъ людей всегда одинаково, чтобъ видѣть частую перемѣну въ начальникахъ, назидающихъ за ихъ непотребными поступками». Въ заключеніе своего объясненія (отъ 23 апрѣля 1807 г.), Ф. Л. говоритъ, что у него «истинныя чувствованія ко всевозможному продолженію службы, которой я посвятилъ себя еще съ 10-лѣтняго возраста», и про-

ситъ Высочайшаго разрѣшенія разслѣдовать это дѣло. Министръ внутреннихъ дѣлъ (17 августа 1807 г.) препроводилъ къ Вигелю просьбу объ его отставкѣ и по Высочайшему повелѣнію поручилъ ему вмѣстѣ съ губернскимъ прокуроромъ произвести разслѣдованіе этого дѣла. Прокурора объ томъ же увѣдомилъ министръ юстиціи. Началось дѣло. Прежде всего губернаторъ потребовалъ у почтовой конторы свѣдѣнія о томъ, послано ли было тайному совѣтнику Муравьеву 29 января 1807 г. письмо. Контора увѣдомила, что послано было 2 письма, но, кто подалъ ихъ, ей неизвѣстно. Затѣмъ въ губернское правленіе были собраны секретари и приказные служители присутственныхъ мѣстъ, учителя гимназіи и семинаріи для опредѣленія по почерку, кто писалъ эту просьбу. Эта экспертиза не дала результатовъ, и дѣло прекратилось бы, еслибы не доносъ канцелярскаго служителя Добринова, что просьба составлена чиновниками Токаревымъ, Тезиковымъ, Яковомъ Поповымъ и Данилевскимъ, а подписана Тезиковымъ. Излагая все дѣло на 20 листахъ министру внутреннихъ дѣлъ, 26 января 1808 г. (№ 516), губернаторъ жалуется на прокурора, что онъ препятствуетъ веденію дѣла. Прокуроръ требовалъ допросить Тезикова раньше, чѣмъ губернаторъ могъ открыть подозрѣніе на него, чтобы просьба объ отставкѣ хранилась у него, прокурора, а не у совѣтника губернскаго правленія; губернаторъ не удовлетворилъ просьбы прокурора, и тогда тотъ донесъ министру юстиціи, что не были спрошены чиновники канцеляріи губернатора и приказа общественнаго призрѣнія и что просьбу объ отставкѣ онъ требовалъ для сличенія съ другими бумагами, такъ какъ тамъ есть буквы, написанныя другими чернилами. Жалоба прокурора возбудила еще больше губернатора, съ которымъ онъ находился не въ хорошихъ отношеніяхъ, и губернаторъ въ губернскомъ правленіи обратился къ прокурору съ требованіемъ объясненія его поступковъ. На что «губернскій прокуроръ съ приличною одному ему вспыльчивостью и неблагопристойнымъ въ отношеніи къ начальнику губерніи видомъ отвѣтствовалъ мнѣ, что онъ во всѣхъ дѣйствіяхъ сихъ обязанъ дать отчетъ не иному кому, какъ одному только своему начальству», пишетъ губернаторъ министру внутреннихъ дѣлъ. Далѣе Вигель жалуется, что прокуроръ покровительствуетъ Тезикову, который у него служитъ. Доказательства покровительства прокурора весьма слабы. Прокуроръ заявилъ, что онъ былъ у Тезикова по дѣлу, и тотъ былъ боленъ и лежалъ, и не можетъ явиться въ губернское правленіе. Губернаторъ обвиняетъ прокурора во лжи, говоря: «но едва лишь успѣлъ прокуроръ кончить сіи слова, какъ полиціймейстеръ ввелъ Тезикова въ присутствіе хотя и слабаго нѣсколько, но не тяжко больнаго» (донесеніе министру внутреннихъ дѣлъ, отъ 26 января 1808 г.).

Изъ этихъ обвиненій прокурора видно, что губернаторъ былъ про-

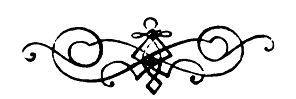
тивъ него возбужденъ, и потому законныя требованія считалъ придирками. Сынъ Ф. Л. Вигеля, Ф. Ф. голословно обвинилъ прокурора Бекетова въ подстрекательствѣ Тезикова написать просьбу объ отставкѣ его отца. Изъ дѣла не видно ни одного факта пристрастія прокурора. Желая представить чиновниковъ Тезикова и К°, участвовавшихъ въ составленіи просьбы объ его отставкѣ, въ самомъ гадкомъ видѣ, губернаторъ Вигель въ своемъ представленіи министру внутреннихъ дѣлъ, отъ 26-го января 1808 г., дѣлаетъ ихъ характеристику и сообщаетъ, какія у нихъ были дѣла. Для характеристики чиновниковъ того времени мы приведемъ изъ донесенія губернатора нѣкоторыя изъ этихъ обвиненій. Тезикова обвинялъ губернаторъ въ томъ, что онъ, служа у него въ канцеляріи, укралъ печать и распечатывалъ пакеты, прочитывалъ бумаги и затѣмъ снова ихъ запечатывалъ. Кромѣ того, Тезиковъ намѣревался убить кирпичемъ краснослободскаго исправника и хвалился, что онъ хочетъ это сдѣлать для губернатора. Далѣе губернаторъ обвиняетъ Тезикова въ дерзкихъ проступкахъ не только противъ лицъ, но и противу даже присутственныхъ мѣстъ. Къ сожалѣнію, Ф. Л. Вигель не указываетъ, въ чемъ заключались эти проступки. Переходя къ Токареву, губернаторъ говоритъ, что онъ, въ 1791 г., былъ присужденъ палатою, за кражу изъ конвертовъ пересылаемыхъ черезъ почту денегъ, къ лишенію всѣхъ чиновъ и дворянскаго достоинства, къ наказанію на мѣстѣ преступленія кнутомъ, къ вырѣзанію ноздрей и сдѣланію ему на лбу и на щекахъ знаковъ и къ ссылкѣ въ каторжную работу. Самъ губернаторъ говоритъ, что Токаревъ Сенатомъ «хотя и освобожденъ отъ наказанія, но все же подвергнутъ оштрафованію за неисполненіе и упущеніе должности». Къ чему было приводить приговоръ палаты несправедливый и неправильный къ Токареву, какъ къ чиновнику, о наказаніи кнутомъ и отмѣненный Сенатомъ, если бы губернаторъ не хотѣлъ очернить Токарева. По словамъ Вигеля, Токаревъ называлъ себя напрасно потомственнымъ дворяниномъ, когда онъ и отецъ его положены въ подушный окладъ, и что Токаревъ, какъ и Тезиковъ, самаго строптиваго и буйнаго характера. Другіе участники заговора противъ губернатора— Поповъ обвинялся въ разныхъ преступленіяхъ (но изъ донесеній губернатора не видно, былъ ли онъ осужденъ) и между прочимъ въ неправильномъ толкованіи Высочайшаго указа 1797 года—о ищущихъ вольности, а Даниловъ— въ томъ, что не явился изъ отпуска. По Высочайшему повелѣнію дѣло объ отставкѣ тайнаго совѣтника Ф. Л. Вигеля передано министру юстиціи, и подсудимые: губернскій секретарь Михаилъ Токаревъ, коллежскій регистраторъ Дмитрій Тезиковъ, губернскій регистраторъ Яковъ Поляковъ и канцеляристъ Иванъ Поляковъ были преданы въ 1809 г. суду Саратовской уголовной палаты.

На этомъ оканчивается дѣло Пензенскаго губернскаго правленія, и мы не знаемъ приговора палаты. Изъ разсказа Ф. Ф. Вигеля (стр. 230 «Русск. Арх». 1892 г. № 1) видно, что Тезиковъ сознался и былъ сосланъ въ Сибирь на поселеніе. Изъ разсмотрѣнія дѣла Пензенскаго губернскаго правленія видно, что противъ остальныхъ подсудимыхъ, кромѣ Тезикова, свидѣтели не могли привести серьезныхъ доказательствъ. Да и самъ Тезиковъ обвинялся, потому что эксперты признали, что нѣсколько буквъ въ просьбѣ объ отставкѣ губернатора написаны такъ, какъ онъ ихъ пишетъ. Доносчикъ Добриновъ, увѣрявшій, что онъ былъ свидѣтелемъ составленія Тезиковымъ и К° бумаги объ отставкѣ губернатора, не былъ преданъ суду. Вообще имѣющееся у насъ дѣло не разрѣшаетъ вопроса, была ли просьба объ отставкѣ подписана губернаторомъ Ф. Л. Вигелемъ, или вмѣсто него подъ его руку подписалъ Тезиковъ. Мы болѣе довѣряемъ разсказу, что Ф. Л. Вигель самъ подписалъ просьбу, и вотъ почему: въ своемъ донесеніи министру внутреннихъ дѣлъ отъ 26 января 1808 г., губернаторъ говоритъ, что эксперты, секретари, чиновники и учителя признали въ текстѣ просьбы объ отставкѣ нѣсколько буквъ схожими съ почеркомъ Тезикова, «но не могутъ догадаться, кто подписалъ подъ руку мою».

Во всѣхъ своихъ подробныхъ донесеніяхъ министру внутреннихъ дѣлъ Ф. Л. Вигель не объясняетъ причинъ, почему Тезиковъ, Токаревъ и др. могли съ нимъ сдѣлать такую исторію. Самое дѣло, къ сожалѣнію, не даетъ намъ никакихъ фактовъ, такъ какъ нѣтъ въ дѣлѣ показаній обвиняемыхъ на судѣ. Покуда дѣло производилось въ Пензѣ, они рѣшительно опровергали всѣ обвиненія въ составленіи этой просьбы. Весьма желательно, чтобы въ Саратовѣ было розыскано дѣло объ Тезиковѣ, Токаревѣ и др., тогда бы могла выясниться причина этого дѣла. Какъ показано выше, причины и самое дѣло объяснены Ф. Ф. Вигелемъ неправильно.

Имѣющееся же у насъ подъ рукою дѣло, къ сожалѣнію, не даетъ данныхъ къ рѣшенію этого вопроса.

А. Ѳ. Селивановъ

Кавказъ съ 1841 по 1866 годъ.

IV [1]).

О происхожденіи, образѣ жизни, нравахъ и обычаяхъ чеченцевъ. Нашъ способъ веденія съ ними войны.

О происхожденія и названіи чеченцевъ вотъ какая существуетъ легенда [2]):

Въ горахъ, не въ дальнемъ разстояніи отъ настоящаго Веденя, жилъ богатырь Нохчэ, у котораго было двѣнадцать сыновей, такихъ же крѣпкихъ и сильныхъ, какъ онъ самъ.

Когда Нохчэ дожилъ до глубокой старости, то его потомство, состоящее изъ внуковъ и правнуковъ, оказалось столь великимъ, что, во избѣжаніе распрей и неудовольствій, онъ далъ совѣтъ своимъ сыновьямъ разселиться по горамъ, и не ближе, какъ на день пути одинъ отъ другаго. Приэтомъ заповѣдалъ имъ не спускаться съ горъ и беречь свои лѣса, потому что въ тѣхъ и другихъ заключалось ихъ согласіе и спокойствіе.

Раздѣлившись на двѣнадцать отдѣльныхъ семей, сыновья Нохчэ,

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1893 года, іюнь.

[2]) Все, что читатель прочтетъ въ этой главѣ о чеченцахъ въ легендарномъ и историческомъ отношеніяхъ, а равно о ихъ нравахъ, обычаяхъ, наклонностяхъ, образѣ жизни и веденіи имъ войны съ нами, то всѣ свѣдѣнія, относящіяся до этого, собраны мною въ 1844 и 1845 годахъ, въ первое время моего знакомства съ Чечнею. Въ четырехъ-лѣтнее же пребываніе мое на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи, а именно съ 1849 по 1850 годъ, я убѣдился еще болѣе въ прежнемъ своемъ мнѣніи на счетъ чеченцевъ. Измѣнился только мой взглядъ на образъ веденія войны въ Чечнѣ съ того времени, когда начались полезныя зимнія экспедиціи, состоящія въ прорубкѣ просѣкъ и проложеніи дорогъ черезъ чеченскіе лѣса, - экспедиціи, начатыя Р. К. Фрейтагомъ въ зимы 1845 и 1846 годовъ, систематически продолжавшіяся генералами Нестеровымъ и кн. Барятинскимъ до 1857 года доведшія Чечню въ 1857 и 1858 годахъ до ея паденія. М. О.

мѣста своего водворенія назвали по своимъ именамъ, и съ того времени образовались общества, извѣстныя намъ и понынѣ: Ичкери, Аухъ, Чабирли, Шубути, Шато, Дзумсо, Кисти, Цори Галашъ, Галгай, Джерахъ и Ингушъ.

Такимъ образомъ, разселившіеся по горамъ на юго-западъ и востокъ, потомки Нохчэ долго жили въ горахъ спокойно и въ довольствіи. Но, встрѣчая недостатокъ въ землѣ, въ прошломъ столѣтіи, начали занимать изобильное пажитями, полями и водою плоское пространство между такъ называемыми Черными горами, Качалыковскимъ хребтомъ и Сунжею.

Когда же, по мѣрѣ приближенія потомковъ Нохчэ къ Тереку, они сдѣлались извѣстны своими хищничествами и разбоями, то кизлярскіе и моздокскіе армяне дали имъ прозвище «чаченъ», что̀ на ихъ языкѣ значитъ головорѣзъ, разбойникъ. Мы же перекрестили потомковъ Нохчэ въ чеченцевъ, назвавъ все затерекское пространство Чечнею; узнавъ же о существованіи аула Большаго Чеченя, находившагося на Аргунѣ, по ту сторону Ханкальскаго ущелья, и принимая аулъ Алды за Малый Чечень, раздѣлили Чечню рѣкою Аргуномъ на Большую и Малую

Такое предположеніе, хотя основанное на преданіи и разсказахъ стариковъ, заслуживаетъ однако вѣроятія, тѣмъ болѣе, что и настоящіе жители не называютъ себя чеченцами и какъ бы стыдятся этого имени. Они называютъ себя или по имени своего родоначальника Нохчэ, или по имени его сыновей.

— Мы Нохчэ, мы народъ Божій, отвѣчали мнѣ всегда съ нѣкоторымъ озлобленіемъ старики, когда въ разговорѣ съ ними приходилось ихъ называть чеченцами.

Да и молодое поколѣніе недолюбливаетъ, когда ихъ называютъ чеченцами. Они назовутъ себя или по имени того общества, къ которому принадлежатъ, или по имени того аула, въ которомъ живутъ. Именовать же себя Нохчэ они перестали.

Нѣтъ сомнѣнія, что чеченцы составляли самобытный народъ. Лучшимъ этому доказательствомъ служитъ ихъ языкъ, содержащій много шипящихъ и гортанныхъ словъ, который рѣзко отличается отъ языковъ прочихъ обитателей Кавказа. Не только письменъ, но и азбуки чеченскаго языка не существуетъ [1]).

Все образованіе чеченца заключается въ изустномъ затверженіи текстовъ корана, однако и такихъ людей между чеченцами немного,

---

[1]) Въ шестидесятыхъ годахъ генеральнаго штаба генералъ-маіоръ Усларъ,—въ настоящее время умершій,—пытался составить азбуку для кавказскихъ горцевъ, въ томъ числѣ и чеченскую, но только мнѣ неизвѣстно на чемъ остановилось это дѣло. М. О.

даже муллы не твердо знають коранъ и толкують его тексты вкривь и вкось; чаще же всего по своему усмотрѣнію, или въ свою пользу. Такихъ же ученыхъ, которые знали бы письмена татарскаго. а тѣмъ болѣе арабскаго языка, между чеченцами не было во время моего знакомства съ ними.

Да и могли ли быть такіе люди въ такомъ народѣ, который по недавности не могъ укрѣпиться въ мусульманствѣ, начавшемъ распространяться между чеченцами только въ концѣ прошлаго столѣтія, съ появленіемъ между ними Шейхъ-Мансура. До того же времени они пребывали въ безвѣріи, хотя и считали себя народомъ Божіимъ.

Чеченцы не любятъ нововведеній, а придерживаются старины. Такъ Шамиль, несмотря на свое стараніе, не могъ укоренить въ нихъ строгихъ понятій о шаріатѣ, какъ ученіи, основанномъ на коранѣ, потому что они и до сего времени придерживаются «адата, закона, основаннаго на нравахъ и обычаяхъ».

Въ образѣ внутренняго управленія между чеченцами существуетъ тотъ же порядокъ, какъ они управлялись при своихъ праотцахъ.

Какъ тогда, такъ и теперь, у нихъ не существовало никакихъ сословныхъ подраздѣленій. Не было ни князей, ни старшинъ или почетныхъ людей, пользующихся особыми правами и преимуществами, или облеченныхъ властію. Между чеченцами всѣ были равными. Даже между родителями и дѣтьми не сохранялось должной покорности и почтенія. Не было должнаго уваженія даже и къ умной и опытной старости.

Но при такомъ равноправіи были между чеченцами такія несчастныя существа, съ которыми обращались они хуже скотовъ,—это были «лаи» или плѣнники, собственность и жизнь которыхъ была въ полномъ безграничномъ распоряженіи того чеченца, въ руки котораго попадался плѣнникъ при захватѣ, или поступалъ во владѣніе послѣ продажи.

Лая держали въ смрадной ямѣ на цѣпи и подвергали страшнѣйшимъ истязаніямъ и тяжелѣйшимъ работамъ, не обращая вниманія, былъ ли то христіанинъ или мусульманинъ. Одно только спасало лая отъ предстоящихъ страшныхъ мученій, если онъ могъ дать за себя требуемый выкупъ, или жениться на чеченкѣ. Послѣднее случалось крайне рѣдко, а изъ-за перваго, то-есть выкупа, претерпѣвались плѣнникомъ еще большія страданія, если его владѣлецъ узнавалъ, что онъ имѣетъ возможность дать за себя хорошій выкупъ. Тогда негоціаціямъ не было конца, и зачастую случалось, что плѣнникъ, не выдерживая мученій и страданій, умиралъ.

Съ плѣнницами, даже христіанками, чеченцы обходились человѣколюбивѣе и сострадательнѣе. Онѣ по преимуществу дѣлались наложницами своихъ хозяевъ, а иногда ихъ женами, въ томъ однако случаѣ,

если соглашались быть магометанками. Разительнымъ примѣромъ служитъ самъ Шамиль, у котораго любимой женой, между другими, была Улуханова, дочь моздокскаго армянина, взятая въ плѣнъ Ахверды-Магомою въ 1842 году.

Вообще нужно сказать, что у чеченцевъ женскій полъ пользуется несравненно большей свободой, нежели у ихъ сосѣдей. Не только дѣвушки, но и замужнія женщины не прятались, не закрывались покрывалами и не стыдились присутствія мужчинъ. Несмотря на свою лѣность и праздность, мужчины старались по возможности дѣлить съ ними свой трудъ и ни въ какомъ случаѣ не считали ихъ своими рабынями, какъ это дѣлалось у ихъ сосѣдей.

У чеченцевъ по закону допускалось многоженство, но оно не было общепринятымъ. Если же были случаи многоженства, то это было скорѣе исключеніемъ. То предположеніе, что многоженству препятствовала бѣдность или неимѣніе средствъ содержать по нѣскольку женъ, отчасти справедливо.

Чеченцевъ, какъ своихъ враговъ, мы старались всѣми мѣрами унижать и даже ихъ достоинства обращать въ недостатки. Мы ихъ считали народомъ до крайности непостояннымъ, легковѣрнымъ, коварнымъ и вѣроломнымъ потому, что они не хотѣли исполнять нашихъ требованій, не сообразныхъ съ ихъ понятіями, нравами, обычаями и образомъ жизни. Мы ихъ такъ порочили потому только, что они не хотѣли плясать по нашей дудкѣ, звуки которой были для нихъ слишкомъ жостки и оглушительны.

Чеченцы обвинялись нами въ легковѣріи и непостоянствѣ за то, что они отрекались отъ своихъ обѣщаній и даже измѣняли намъ. Да были ли ясно истолкованы наши требованія и были ли поняты ими какъ слѣдовало? Въ свою очередь, не имѣли ли права чеченцы обвинять насъ за то, что мы, русскіе, сами были нарушителями заключаемыхъ съ ними условій.

Чеченцы укорялись нами въ коварствѣ и вѣроломствѣ, доходившихъ до измѣны. Но имѣли ли мы право укорять цѣлый народъ за такія дѣйствія, о которыхъ мы трактовали не со всѣмъ чеченскимъ населеніемъ, а съ десяткомъ чеченцевъ, не бывшихъ ни представителями, ни депутатами. Обратимся напримѣръ къ описанной мною майской экспедиціи. Въ Червленную пріѣзжаютъ нѣсколько чеченцевъ, положимъ даже самыхъ вліятельныхъ, и увѣряютъ, что если наши войска явятся въ Малой Чечнѣ, то все населеніе, недовольное Шамилемъ, покорится намъ. Мы идемъ туда, но вмѣсто покорности мало-чеченское населеніе встрѣчаетъ насъ вооруженной рукой. Имѣемъ ли право укорять весь чеченскій народъ за это? Вѣдь мы вели переговоры не со всѣмъ народомъ, а только съ избранными. Почему знать, можетъ быть, эти избран-

ные дѣйствовали такъ изъ своихъ личныхъ выгодъ и поступили вѣроломно противъ своихъ же.

По дикости своего характера и изъ страсти къ удальству и наѣздничеству чеченцы склонны къ хищничеству и воровству. Да и съ какимъ искусствомъ и терпѣливостью совершали они эти свои хищничества, какимъ лишеніямъ и опасностямъ подвергались они въ нихъ!

Чтобы пробраться на хищничество небольшой пѣшей партіи, нужно было первоначально прослѣдовать съ праваго берега Терека за отправленіемъ кордонной службы; а чтобы высмотрѣть, гдѣ кладутся секреты и когда производятся разъѣзды, требовались не однѣ сутки. Чтобы приготовиться къ переправѣ черезъ Терекъ по мѣсту, заблаговременно избранному и гдѣ нѣтъ сильнаго теченія, нужно засвѣтло раздѣться и, уложивъ одежду, чуреки, пистолетъ, кинжалъ и патроны въ бурдюки [1]), а также приладивъ къ нимъ шашку и ружье, дожидаться нагишемъ подъ пронзительнымъ вѣтромъ или дождемъ наступленія мрака, потому что, для того, чтобы не быть замѣченнымъ и не слышно было бы плеска воды, избирались темныя и притомъ вѣтреныя или дождливыя ночи.

Опасная переправа кончается. Хищники достигаютъ лѣваго берега Терека, но бдительный секретъ открылъ ихъ. Раздались выстрѣлы и, по тревогѣ, казаки спѣшатъ съ сосѣднихъ постовъ къ мѣсту переправы хищниковъ. Нужно искать спасенія въ обратномъ плаваніи подъ пулями казаковъ. Счастье, если ни одна изъ нихъ не задѣнетъ, а то смерть неминучая, такъ и пойдешь ко дну.

Но положимъ, хищники совершили переправу благополучно и незамѣченные никѣмъ скрылись въ чащу лѣса, которымъ покрытъ лѣвый берегъ Терека. Въ немъ они безопасны, но въ лѣсу нѣтъ добычи, за которой они пришли. Вотъ они въ продолженіе дня высматриваютъ изъ лѣса, какъ сычи изъ своихъ норъ, нѣтъ ли отдѣлившейся отъ стада скотины или пасущейся отдѣльно лошади, или нельзя ли заарканить одиночнаго путника.

Къ вечеру они становятся смѣлѣе, такъ что, имѣя впереди ночь, они подползаютъ къ почтовой дорогѣ, съ цѣлью захватить проѣзжающаго.

---

[1]) Подъ бурдюками вообще разумѣется обращенная шерстью внаружу и сшитая козлиная, баранья, бычачья, буйволиная кожа съ отверстіемъ, оставляемымъ у ноги или шеи, черезъ которое онъ надувается или вливается въ него жидкость. Въ бурдюкахъ перевозится вино, вода, нефть и другія жидкости. Перевозка совершается по плоскости на арбахъ въ буйволиныхъ и бычачьихъ, черезъ горы вьюками на верблюдахъ, мулахъ, лошадяхъ - преимущественно въ бараньихъ, козьихъ и другихъ небольшихъ бурдюкахъ. Послѣдніе же небольшіе бурдюки употреблялись чеченцами и другими горцами и при переправахъ черезъ рѣки, изъ коихъ одинъ пустой, но надутый привязывался къ животу, а другой съ вещами и оружіемъ къ спинѣ. М. О.

Но на бѣду нѣтъ никакой добычи. Не возвращаться же назадъ съ пустыми руками, послѣ перенесенныхъ опасностей.

Такимъ образомъ укрываясь днемъ въ лѣсу и питаясь чуреками, а иногда ягодами и кореньями, выходятъ снова къ вечеру на ловлю проѣзжающихъ, что̀ и повторяется до тѣхъ поръ, пока это несчастіе не постигнетъ кого-либо изъ нихъ. Послѣ этого хищники какъ можно скорѣй спѣшатъ переправиться черезъ Терекъ.

Такимъ образомъ занимались хищничествомъ въ нашихъ предѣлахъ бойгуши-чеченцы, то-есть—бѣдняки, у которыхъ не было не только верховой лошади, но и вола, чтобы вспахать землю для проса и кукурузы. Конные же чеченцы отличались еще большею смѣлостію, предпріимчивостію и удальствомъ.

Пѣшія партіи по обыкновенію ограничивались хищничествами не въ дальнемъ разстояніи отъ Терека, тогда какъ конныя удалялись отъ этой рѣки на сто и болѣе верстъ,—если имъ удавалось только прокрасться незамѣченными черезъ кордонъ.

Такъ въ октябрѣ 1850 года конная партія въ пятнадцать человѣкъ, переправившись черезъ Терекъ между Червленною и Щедриномъ и на Кумѣ разграбивъ ставку калмыцкаго султана, съ огромной добычей возвратилась въ свои предѣлы черезъ Кизлярскій полкъ, сдѣлавъ въ нѣсколько сутокъ болѣе четырехсотъ верстъ. Около того же времени другая партія ограбила почту и сожгла станцію на астраханскомъ трактѣ.

Но случалось, что и конныя партіи претерпѣвали пораженіе и даже совершенно истреблялись. Такъ въ 1851 году въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Щедрина была окружена казаками партія въ восемь человѣкъ и вся истреблена; причемъ и съ нашей стороны была немалая потеря, потому что чеченцы въ такихъ случаяхъ не умирали даромъ.

Несмотря на такую страсть чеченцевъ къ хищничеству въ нашихъ предѣлахъ, къ чести ихъ нужно сказать, что воровства не существуетъ между ними. Кража не только у своего одноаульца, но и соплеменника, почиталась позорною. Если же чеченецъ совершалъ такое воровство, то онъ или дѣлался «абрекомъ» и, скитаясь по лѣсамъ, не давалъ пощады ни своимъ, ни чужимъ, или переходилъ къ намъ. По этой причинѣ всѣ первоначальныя чеченскія поселенія у нашихъ крѣпостей состояли по преимуществу изъ воровъ, или такихъ людей, которые спасались отъ преслѣдованія за проступки, противные адату и обычаямъ. Были между ними и такіе чеченцы, которые спасались отъ «канлы» или кровомщенія, за убійство и вообще за пролитіе крови, иногда доходившее до того, что не только родственники убитаго и раненаго, но цѣлые аулы дрались между собою и мстили за пролитую кровь. Даже строгія мѣры и постановленія Шамиля не могли искоренить канлы.

Несмотря на такой, повидимому, вредный составъ чеченскихъ поселеній въ нашихъ предѣлахъ, изъ нихъ извлекалась та польза, что мы имѣли въ средѣ ихъ хорошихъ лазутчиковъ и проводниковъ.

Впрочемъ, лазутчиковъ и проводниковъ можно было всегда находить не только между «мирными чеченцами», то-есть жившими возлѣ нашихъ укрѣпленій, но и среди непріятеля, охотно посѣщавшаго наши укрѣпленія.

Сначала нѣкоторые изъ чеченскихъ смѣльчаковъ рѣшались на это посѣщеніе изъ любопытства, чтобы посмотрѣть на наши укрѣпленія, и, развѣдавъ, что̀ у насъ дѣлается, передать своимъ собратамъ въ преувеличенномъ и искаженномъ видѣ о видѣнномъ и слышанномъ ими. А что чеченцы крайне любопытны и большіе охотники до новостей и небывалыхъ выдумокъ,—какъ вообще всякій неразвитый и дикій народъ,—въ томъ не можетъ быть сомнѣнія. Послѣ того начали являться чеченцы къ намъ въ большомъ числѣ, изъ недовѣрія, чтобы повѣрить разсказы своихъ собратій, явившихся къ намъ первыми.

Наконецъ, посѣщенія чеченцевъ увеличились и участились, когда узнали, что русскіе не только ихъ ласково принимаютъ и угощаютъ, но и даютъ имъ деньги.

Увлекаясь такими корыстными видами, они дошли или, правильнѣе сказать, мы, соблазняя ихъ деньгами, довели этихъ дѣтей природы до того, что подъ опасеніемъ смерти они доставляли самыя положительныя свѣдѣнія о намѣреніяхъ своихъ собратій и были самыми надежными проводниками для нашихъ отрядовъ, при нападеніи не только на сосѣдніе аулы, но и на тѣ изъ нихъ, въ которыхъ жили ихъ друзья и даже близкіе родственники.

Можетъ быть, они и не сознавали того, что въ такихъ ихъ дѣйствіяхъ скрывалось столь страшное преступленіе, какъ измѣна. Да и кто могъ карать ихъ въ то время, когда не было никакой власти, когда каждый чеченецъ дѣйствовалъ самостоятельно. Когда же явился карателемъ Шамиль, тогда было поздно исправлять ихъ, несмотря на то, что они подвергались за измѣну самымъ страшнымъ казнямъ и истязаніямъ, ради алчности къ нашимъ деньгамъ.

Вотъ, по моему мнѣнію, главныя характеристическія черты того народа, съ которымъ мы, войдя въ столкновеніе, кромѣ другихъ и по географическимъ причинамъ, принуждены были вести почти столѣтнюю кровопролитную борьбу.

Много было употреблено усилій, много было пролито крови съ обѣихъ сторонъ, пока вмѣстѣ съ Дагестаномъ совершилось паденіе Чечни, въ 1859 году. Причины столь продолжительной борьбы заключались не только въ свойствахъ чеченцевъ, съ которыми я по возможности ознакомилъ читателя, но въ характерѣ той мѣстности, на которой они обитали, а равно въ средствахъ и способѣ веденія нами войны.

Хотя наше знакомство съ чеченцами начинается съ того времени, когда начала устраиваться и заселяться Кавказская линія кизлярскими, гребенскими и моздокскими казаками, но земля, на которой они обитали до назначенія на Кавказъ генерала Ермолова, была terra incognita.

До 1806 года, по крайней мѣрѣ сколько мнѣ извѣстно изъ письменныхъ документовъ, если и происходили встрѣчи и столкновенія съ чеченцами, то они ограничивались отраженіемъ ихъ отъ нашихъ предѣловъ, и преслѣдованіе далѣе Сунжи не простиралось. Въ этомъ году генералъ Булгаковъ въ первый разъ переправился за Сунжу, но послѣ упорнаго сопротивленія, оказаннаго чеченцами—въ Ханкале, долженъ былъ вернуться назадъ.

Но съ 1818 года Чечня перестаетъ быть terra incognita. Занявъ съ боя Ханкале и пройдя съ одной стороны до Гехи, а съ другой до Басса и прорубивъ просѣки черезъ Гойтинскій и Шалинскій лѣса, генералъ Ермоловъ навелъ на чеченцевъ такой страхъ, что они, выдавъ ему аманатовъ, принесли полную покорность и дали зарокъ не безпокоить насъ своими хищничествами. А чтобы держать въ большемъ страхѣ и повиновеніи чеченцевъ, были заложены: на Сунжѣ—Грозная, Страшный окопъ и впослѣдствіи Ума-ханъ-юртъ; на Аксаѣ—Герзель-аулъ; на Акташѣ—Внезапная. Сверхъ того были построены укрѣпленія: на сообщеніи Грозной съ Терекомъ—Горячеводское, а на сообщеніи Внезапной и Герзель-аула съ Терекомъ же—Ташъ-Кичу и Амиръ-аджи-юртъ.

Чеченцы, устрашенные дѣйствіями Алексѣя Петровича по страсти своей къ хищничеству и по безначалію, послѣ трехъ лѣтъ спокойствія, съ большимъ увлеченіемъ начали нападать и безпокоить наши поселенія на Терекѣ. Въ 1825 году, подстрекаемые извѣстнымъ своимъ джигитомъ Бій-Булатомъ, оказали неповиновеніе, окончившееся убійствомъ въ Герзель-аулѣ генераловъ Лисаневича и Грекова. Увлекаемые же фанатизмомъ и успѣхами Кази-Муллы въ Дагестанѣ, они вышли изъ всякаго повиновенія, и ихъ неистовства дошли до крайнихъ предѣловъ.

Нужны были самыя энергическія, рѣшительныя и настойчивыя мѣры и дѣйствія. Такимъ дѣятелемъ и карателемъ неугомонныхъ чеченцевъ является генералъ Вельяминовъ, дѣйствія котораго заключаются въ безпощадномъ истребленіи ауловъ, преимущественно Большой Чечни, а также въ проложеніи дорогъ и просѣкъ по разнымъ направленіямъ. Такія дѣйствія снова привели чеченцевъ къ повиновенію, которое съ нѣкоторыми вспышками и колебаніями сохранилось до 1840 года.

Возбужденные къ возстанію Шамилемъ, чеченцы оставили свои прежніе большіе аулы, сгруппированные на проложенныхъ Ермоловымъ и Вельяминовымъ дорогахъ и просѣкахъ, и разселились хуторами по горамъ и лѣснымъ трущобамъ.

Съ этого времени и начинается съ ними самая тяжелая для насъ борьба, стоившая большихъ усилій и огромныхъ потерь, и вотъ по какимъ причинамъ.

До 1840 года у чеченцевъ не было единства въ дѣйствіяхъ, потому что не было власти и главы. До этого времени у нихъ не было понятія о единствѣ дѣйствія противъ насъ. Если одинъ изъ ауловъ подвергался нападенію нашихъ войскъ, то другіе ближайшіе мало думали о поданіи помощи; да и не знали, что дѣлается у ихъ сосѣдей, пока не постигала и ихъ та же участь. Шамиль обязалъ наибовъ охранять свои наибства отъ нечаяннаго нападенія постоянными караулами, подавать другъ другу помощь и непремѣнно выставлять то число пѣшихъ или конныхъ чеченцевъ, которое отъ нихъ требовалось. Въ крайнихъ же случаяхъ они должны были поголовно ополчаться противъ врага.

До 1840 года за чеченцами, жившими большими аулами, на указанныхъ открытыхъ и извѣстныхъ намъ мѣстахъ, легко было намъ наблюдать, а въ случаѣ надобности и подвергать ихъ наказаніямъ. Теперь же, съ разселеніемъ ихъ по горамъ и лѣсамъ небольшими аулами и хуторами, доступъ къ нимъ сдѣлался для насъ несравненно труднѣе, потому что мы не только должны были преодолѣвать большія естественныя препятствія, но и дѣйствовать въ мѣстности, намъ вовсе незнакомой. Если же при этомъ взять во вниманіе то искусство, съ которымъ чеченцы умѣли обороняться и нападать на насъ въ лѣсахъ, да къ этому добавить дальность и мѣткость ихъ выстрѣловъ, то не будетъ поразительно, что борьба наша съ ними была столь продолжительна и стоила намъ такихъ огромныхъ потерь.

Наши дѣйствія противъ чеченцевъ заключались или въ кратковременныхъ набѣгахъ небольшимъ числомъ войскъ, или въ продолжительныхъ экспедиціяхъ самостоятельными отрядами. Первые имѣли цѣлію нападеніе и разореніе отдѣльныхъ ауловъ, угонъ скота, уничтоженіе посѣвовъ и сожженіе сѣна. Скрытность и быстрота въ исполненіи были главными условіями въ такихъ дѣйствіяхъ, потому что преждевременное открытіе насъ непріятелемъ, а также малѣйшее промедленіе увеличивало нашу потерю. Выступленіе войскъ изъ укрѣпленій для такихъ набѣговъ производилось всегда ночью и съ такимъ разсчетомъ, чтобы предмета дѣйствія достигать на разсвѣтѣ. По совершеніи же предпріятія, слѣдовало думать о скорѣйшемъ отступленіи черезъ густой лѣсъ и топкія рѣчки, на которыхъ непріятель, задерживая насъ, могъ болѣе наносить вреда.

Экспедиціи самостоятельными отрядами производились съ цѣлью или прорубки просѣкъ и проложенія дорогъ, или для истребленія хуторовъ и ауловъ на значительномъ пространствѣ. Такія экспедиціи производились по преимуществу зимою, и вотъ по какимъ причинамъ.

Въ лѣсу, когда на деревьяхъ нѣтъ листьевъ, какъ бы онъ ни былъ густъ, каждое движеніе виднѣе и замѣтнѣе, чего въ особенности нужно было стараться достигнуть при дѣйствіи съ чеченцами, въ лѣсной войнѣ, столь искусно умѣющими укрываться за завалами и дѣйствовать изъ-за нихъ. По легкости одежды и въ особенности обуви, состоящей изъ чевякъ, сшитыхъ безъ подошвы изъ козлиной кожи и надѣваемыхъ на босую ногу, чеченцы не могли переносить долго холода, а тѣмъ болѣе — стоять продолжительное время въ снѣгу. Впрочемъ, если бы были устранены недостатки, происходящіе отъ неимѣнія теплой одежды и обуви, то и въ такомъ случаѣ чеченцы не могли быть продолжительное время въ сборѣ по неимѣнію продовольствія; тогда какъ для нашего солдата недостатка въ продовольствіи не могло быть, потому что начальство раціонально заботилось объ обезпеченіи отряда провіантомъ и фуражемъ, а на время экспедицій назначалось улучшенное довольствіе, заключающееся въ прибавочномъ отпускѣ мясной порціи и лишней чаркѣ вина. Что же касается мороза, иногда доходившаго до 25 градусовъ, и большаго снѣга, то русскому человѣку не привыкать-стать При томъ по изобилію въ лѣсѣ такіе огромные костры пылали, что любо-дорого было смотрѣть на такую прекрасную даровую иллюминацію, а тѣмъ болѣе — грѣться на ней.

Всѣ наши движенія въ виду непріятеля совершались по обще-принятому правилу продолговатымъ четыреугольникомъ, длина котораго зависѣла отъ величины обоза и другихъ обстоятельствъ. По бокамъ этого четыреугольника располагались войска, которыя и двигались въ одну опредѣленную сторону, смотря по тому, производилось ли наступленіе или отступленіе.

Если отрядъ наступалъ, то войска, идущія впереди, составляли авангардъ, двигающіяся же позади—арріергардъ; при отступленіи же получали обратное наименованіе. Войска же, двигающіяся на извѣстномъ разстояніи вправо и влѣво отъ авангарда и арріергарда, назывались «боковыми прикрытіями». Разница первыхъ отъ послѣднихъ заключалась въ строѣ ихъ; авангардъ и арріергардъ двигались фронтомъ, боковыя же прикрытія слѣдовали всегда рядами и только тогда поворачивались направо и налѣво, когда останавливались для боя съ непріятелемъ или по другимъ причинамъ.

Стройность движенія такого четыреугольника состояла въ томъ, чтобы боковыя прикрытія, не отдѣляясь отъ авангарда и арріергарда, не разрывались между собою, дабы не могло образоваться пустое пространство, черезъ которое непріятель могъ бы войти безпрепятственно въ четыреугольникъ, внутри котораго слѣдовали: кавалерія обозъ, больные, раненые и все то, что не составляло, въ извѣстный моментъ движенія, прямую боевую силу колонны. Сверхъ того, боковыя

прикрытія должны были находиться на такомъ разстояніи отъ дороги, по которой слѣдовалъ обозъ, и вообще главная колонна, чтобы таковая не могла быть обезпокоиваема непріятельскими выстрѣлами.

Изъ этого оказывается, что на боковыхъ прикрытіяхъ лежала самая трудная и опасная обязанность, въ особенности въ томъ случаѣ, когда приходилось слѣдовать густымъ лѣсомъ, занятымъ непріятелемъ, и притомъ если черезъ этотъ лѣсъ протекала топкая рѣчка, черезъ которую нужно было переправляться отряду. Непріятель, занимая такія мѣста и устраивая завалы, дрался на нихъ съ ожесточеніемъ. А потому, двигаясь черезъ такіе лѣса, требовалось не мало соображеній и искусства отъ начальника отряда, чтобы провести свои войска съ наименьшею потерею, и вотъ какія соблюдались при этомъ правила.

Если лѣсъ, сообразуясь съ численностью войскъ, могъ быть занятъ боковыми прикрытіями одновременно во всю его широту, то, по расположеніи такихъ прикрытій неподвижно, начиналось движеніе кавалеріи и обоза, которые и выстраивались на другой сторонѣ лѣса, позади авангарда. По мѣрѣ же прохожденія чрезъ лѣсъ кавалеріи и обоза, стягивались къ авангарду и боковыя прикрытія, а вмѣстѣ съ тѣмъ совершалъ свое движеніе и арріергардъ. Если же боковыя прикрытія, сообразуясь съ численностію войскъ отряда и величиною самаго лѣса или по другимъ причинамъ, не могли занять лѣса во всю его широту, то въ такомъ случаѣ кавалерія и обозъ стягивались къ авангарду на избранную позицію внутри лѣса, а вмѣстѣ съ тѣмъ смыкались къ той же позиціи боковыя прикрытія и арріергардъ. По мѣрѣ же сближенія между собою всѣхъ частей отряда, дѣлалось новое распоряженіе къ наступленію авангарда и боковыхъ прикрытій, что̀ и повторялось до тѣхъ поръ, пока отрядъ не выходилъ совершенно изъ лѣса. Такія правила соблюдались для сохраненія стройности и непрерывности движенія боковыхъ прикрытій.

Не меньшимъ трудностямъ и опасностямъ подвергался и арріергардъ, при продолжительномъ отступленіи лѣсомъ, отъ насѣдающаго на него непріятеля. Въ такомъ случаѣ требовалось отъ него не меньшей стройности, осторожности и неразрывности въ дѣйствіи, какъ и отъ боковыхъ прикрытій, — и самымъ лучшимъ строемъ было отступленіе пѣхоты «перекатными цѣпями» съ непрерывнымъ огнемъ артиллеріи. Отступленіе перекатами производилось въ такомъ порядкѣ: шагахъ въ тридцати отъ первой линіи располагалась скрыто вторая линія, пѣхота которой встрѣчала непріятеля сначала залпами, а потомъ штыками, если же были орудія, то и картечью, въ то время, когда первая линія отбѣгала за нее. Чѣмъ чаще и неожиданнѣе производились такія встрѣчи, тѣмъ сильнѣе онѣ дѣйствовали на нравственное состояніе непріятеля и отбивали у него охоту на преслѣдованіе.

Что касается авангарда, то дѣйствія его становились серьезными только въ такомъ случаѣ, если на пути слѣдованія встрѣчались завалы, а и того хуже—топкія рѣчки и канавы съ испорченными на нихъ переправами.

Для овладѣнія завалами употреблялись обыкновенно обходы. Устраненіе же препятствій на топкихъ ручьяхъ и канавахъ заключалось въ поспѣшномъ устройствѣ мостовъ, для чего полезно было возить съ собою готовые складные мосты.

Для лучшаго изъясненія и уразумѣнія нашихъ дѣйствій, остается очертить дѣйствія чеченцевъ противъ насъ въ трехъ главныхъ случаяхъ: 1, при защитѣ ихъ во время нападенія нашихъ небольшихъ отрядовъ на ихъ жилища и скотъ, при уничтоженіи засѣянныхъ полей и сожженіи сѣна; 2, при истребленіи ихъ ауловъ самостоятельными отрядами. и 3, во время прорубки просѣкъ и проложенія путей внутри ихъ лѣсовъ и главнаго ихъ населенія.

Самое ожесточенное сопротивленіе оказывали чеченцы при защитѣ своихъ жилищъ, въ томъ случаѣ, если семейство и имущество находились въ опасности. Это доказывалось большими потерями въ нашихъ войскахъ при нападеніи на ихъ аулы. Происходило же это оттого, что мы должны были дѣйствовать на мѣстности трудно доступной и мало извѣстной.

Чеченцы, захваченные врасплохъ, если не успѣвали спасти свое семейство и имущество, запершись въ своихъ сакляхъ и поражая насъ мѣткимъ огнемъ черезъ окна, погибали подъ развалинами своихъ жилищъ. Если же они успѣвали спасти свои семейства и имущества, то, оставляя свои жилища на нашъ произволъ, начинали ожесточенное преслѣдованіе при нашемъ отступленіи, и тутъ-то они показывали полное искусство въ лѣсной войнѣ.

Нужно было удивляться той изумительной быстротѣ, съ которой они окружали отступающій отрядъ. То преградятъ путь отступленія на топкой рѣчкѣ или канавѣ; то ударятъ на арріергардъ на такой же затруднительной переправѣ; то бросятся съ гикомъ въ шашки на боковое прикрытіе. А между тѣмъ мѣткіе ихъ выстрѣлы поражаютъ то здѣсь, то тамъ. Боже упаси, если при этомъ произойдетъ малѣйшее замѣшательство или оплошность отъ нераспорядительности начальника, тогда мгновенно увеличится число раненыхъ и убитыхъ. Съ изумительной быстротой собирались чеченцы по крикамъ и выстрѣламъ пастуховъ и караульщиковъ при угонѣ ихъ скота, уничтоженіи полей и стоговъ сѣна, а во время преслѣдованія дрались съ неменьшимъ ожесточеніемъ и искусствомъ.

Здѣсь кстати замѣтить, что чеченцы съ большою смѣтливостью и искусствомъ вредили намъ, если они дѣйствовали вразсыпную и по

собственному побужденію и увлеченію. Дѣйствуя въ массахъ и подъ предводительствомъ своихъ наибовъ, а тѣмъ болѣе Шамиля, какъ это бывало при проложеніи просѣкъ и дорогъ, а также при истребленіи ауловъ самостоятельными отрядами, въ чеченцахъ не только не видно было искусства, ловкости и энтузіазма, но они становились трусами. Иначе и не могло быть; вѣдь они не привыкли стѣсняться чѣмъ-нибудь и повиноваться приказаніямъ другихъ; а тутъ ихъ ставили въ строй при орудіяхъ и угрожали смертью въ случаѣ потери таковыхъ, или въ томъ же строѣ вели ихъ въ лѣсъ и, поставивъ въ засаду, приказывали стоять тихо до тѣхъ поръ, пока не будетъ данъ сигналъ.

— Зачѣмъ наибы строятъ насъ, какъ русскихъ, и запрещаютъ намъ драться, когда мы желаемъ. Мы лучше ихъ знаетъ, гдѣ и какъ съ ними драться,—шептались между собою съ явнымъ неудовольствіемъ чеченцы, находясь въ засадѣ. Зачѣмъ имамъ заставляетъ беречь эти проклятыя русскія орудія и зачѣмъ за потерю ихъ будетъ «сѣкимъ башка»? Мы—джигиты и привыкли сражаться съ русскими лицомъ къ лицу, а не быть отъ нихъ за версту и болѣе, —говорили между собою, горячась, конные чеченцы, охраняя артиллерію.

— У насъ не будетъ болѣе джигитовъ, — прибавляли со вздохомъ старые чеченцы.

И они были совершенно правы, потому что боязнь изъ-за потери орудій сдѣлала ихъ до того робкими, что, завидя издали нашу кавалерію, немедленно снимались съ позиціи, даже защищенной естественными препятствіями.

Для полноты очерка дѣйствій чеченцевъ остается сказать о тѣхъ рѣшительныхъ моментахъ, когда они бросались на наши войска въ шашки. Это они дѣлали всегда неожиданно для насъ, преимущественно производя такой ударъ въ лѣсу изъ-за заваловъ или во время разрыва и замѣшательства въ боковыхъ прикрытіяхъ и арріергардѣ.

Этотъ ударъ совершался съ неимовѣрной быстротой и съ неистовымъ гикомъ, въ которомъ звучала самая смерть. Но, несмотря на ловкость и искусство, съ которымъ вообще чеченцы умѣли владѣть холоднымъ оружіемъ, несмотря на остроту лезвія шашки, соединенной съ другими ея достоинствами, рѣдко когда они торжествовали въ рукопашномъ бою.

Это происходило какъ оттого, что штыкъ, насаженный на ружье, былъ болѣе длиннымъ оружіемъ, нежели шашка, такъ и по той причинѣ, что каждый изъ нашихъ преземистыхъ егерей, не говоря уже о рослыхъ мушкатерахъ и могучихъ гренадерахъ, былъ физически сильнѣе каждаго чеченца; а потому случалось, что прикладъ и даже кулакъ повергалъ чеченца на-земь замертво.

— О урусъ крѣпкій человѣкъ, большой рука у него, — говорили чеченцы, поднимая вверхъ сжатый свой кулакъ.

— О, урусъ умѣетъ баранъ и лошадь корабчить (захватывать) и шалтай-балтай дѣлать (говорить),—прибавляли они, покачивая головой и причмокивая.

V.

Переѣздъ за Терекъ.—Методическое движеніе отряда по Кумыкской плоскости.—Ермоловская Внезапная во время блокады Кази-Муллою.—Настоящая Внезапная.—О кумыкахъ.

По возвращеніи изъ Грозной, мнѣ пришлось опять скучать отъ бездѣлья около десяти дней въ Червленной и, притомъ, слушать брань моей новой, морщинистой хозяйки.

— Переведись твое коренье, чортово зелье,—ворчала она, когда я по вечерамъ, куря трубку или сигару, выходилъ изъ избы, чтобы посидѣть на крыльцѣ или завалинѣ.

Однажды я спросилъ у нея нарочно, что значатъ эти слова и къ кому они относятся.

- Тебя. нехристь, потому такъ величаю, что куришь эту поганую траву,- отвѣчала она, со злобой указывая на трубку.

— А если я перестану курить, то полюбишь меня, хозяюшка, отвѣчалъ я полушутя.

— Отойди, варваръ, а не то ударю,—отвѣчала она, поднявъ кулакъ и грозно сверкая глазами.

Вишь, злючка какая, подумалъ я, и съ тѣхъ поръ для меня было особеннымъ удовольствіемъ сердить ее, и я нарочно выкуривалъ лишнюю трубку или сигару въ ея присутствіи. Вѣдь, припомни, читатель, что это происходило въ мои молодыя лѣта и, притомъ, въ минуты мучительнаго бездѣлья и скуки.

Иногда отправлялся я одинъ или съ товарищами въ сады побалагурить и пошалить съ молодыми казачками, усердно тамъ работавшими надъ виноградниками, и чтобы посмотрѣть на Терекъ, который по-прежнему не унимался и бушевалъ. Такія прогулки предпринимались обыкновенно подъ вечеръ, когда спадалъ жаръ, доходившій до 25 градусовъ. Проводить же время въ садахъ въ жаркій день не составляло удовольствія, потому что не было тѣнистыхъ деревьевъ; виноградъ же только-что начиналъ виться по «таркаламъ». Въ станицѣ и того было

хуже—страшная духота и зловоніе отъ испареній, поднимающихся изъ вѣчно грязныхъ переулковъ

По этимъ причинамъ большую часть дня приходилось проводить переваливаясь съ боку на бокъ на своей походной кровати, въ костюмѣ гоголевскаго Ивана Ивановича, и молить Бога о томъ, чтобы поскорѣй оставить Червленную. Наконецъ наступило это время.

Въ послѣднихъ числахъ мая генералъ-адъютантъ Нейдгардъ съ генераломъ Гурко переѣхали въ Щедринъ, а за ними перебрались туда же штабы главный и чеченскаго отряда, а съ ними переѣхалъ и я двадцати-верстное разстояніе на почтовыхъ казачьихъ лошадяхъ.

Въ станицѣ Щедринской, ничѣмъ не отличавшейся отъ Червленной, мы пробыли около недѣли. Объ этой новой остановкѣ разсуждали различно. Меньшинство, состоящее изъ болѣе умѣренныхъ или, правильнѣе сказать, политичныхъ чиновъ штаба, свалило вину на Петербургъ, замедлявшій нѣкоторыми окончательными отвѣтами и разрѣшеніями. Но большинство этому не вѣрило, положительно приписывая такую медленность нерѣшительности корпуснаго командира, вовсе не знакомаго съ образомъ веденія здѣшней войны, и котораго видимо смущала грандіозная кавказская природа.

Пребываніе мое въ Щедринѣ разнообразилось служебными поѣздками, между прочимъ и въ отрядъ, расположенный на правомъ берегу Терека у Амиръ-аджи-юрта и состоящій изъ десяти баталіоновъ навагинцевъ, тенгинцевъ, замосцевъ и любинцевъ, двадцати пѣшихъ, конныхъ и горныхъ орудій и шести сотенъ казаковъ.

Всѣ эти войска состояли подъ временнымъ начальствомъ генерала Полтинина, который во время командованія своего Навагинскимъ полкомъ обратилъ на себя вниманіе какъ своими оригинальными выходками, такъ храбростью и ранами. Про него разсказывалось много анекдотовъ въ родѣ такихъ, что кто-то изъ великихъ міра сего спросилъ у него: «сколько онъ разъ раненъ?» и онъ не запинаясь отвѣчалъ «семь разъ раненъ и контуженъ, но ни разу не сконфуженъ».

Навагинскій полкъ, которымъ довольно долго командовалъ Полтининъ, не слылъ на Кавказѣ за боевой полкъ единственно по той причинѣ, что онъ имѣлъ несчастіе чаще подвергаться неудачамъ, сравнительно съ другими полками. Самъ же Николай Петровичъ не слылъ за распорядительнаго генерала, и ему въ первый разъ пришлось завѣдывать отдѣльнымъ отрядомъ. Но и это временное командованіе обошлось для него не вполнѣ удачно, какъ можно убѣдиться изъ слѣдующаго происшествія, доказывающаго молодечество и удальство чеченцевъ.

Какъ уже извѣстно, на правомъ берегу Терека у Амиръ-аджи-юрта, съ начала апрѣля, для приготовленія сухарей, сосредоточены были пять баталіоновъ навагинцевъ и тенгинцевъ. Эти войска при восьми

орудіяхъ, будучи расположены лагеремъ въ одну линію тыломъ къ Тереку, имѣли на правомъ флангѣ прилегающій къ Умаханъ-юрту лѣсъ, связывающійся съ лѣсомъ, растущимъ по Качалыковскому хребту и Сунжѣ.

Чеченцы, безпрепятственно слѣдившіе изъ этого лѣса (оставленнаго съ нашей стороны безъ наблюденія) за нашими дѣйствіями, нападаютъ на артиллерійскихъ и подъемныхъ лошадей, пасшихся впереди лагеря въ то время, когда отрядъ, приготовляясь къ инспекторскому смотру, чистилъ ружья и аммуницію. Это нападеніе, исполненное нѣсколькими сотнями джигитовъ, было столь неожиданно, что когда генералъ Полтининъ со своими навагинцами собрался въ погоню за непріятелемъ, то на мѣстѣ пастьбы, кромѣ нѣсколькихъ изрубленныхъ и израненныхъ ѣздовыхъ не осталось ни одной лошади. Только отдаленный, движущійся по направленію къ Качалыковскому хребту, столбъ пыли указывалъ на чеченцевъ, быстро скакавшихъ за лошадьми, запуганными выстрѣлами и гиканьемъ.

Но какъ въ нашемъ мірѣ всему есть конецъ, то наступилъ конецъ и нашему пребыванію на Терекѣ. 10 іюня, переправившись рано утромъ у Амиръ-аджи-юрта на паромѣ черезъ эту, по-прежнему бушевавшую, рѣку, мы двинулись съ отрядомъ на Ташъ-Кичу.

Переходъ былъ не великъ—въ восемнадцать только верстъ, но войска расположились на ночлегъ у Ташъ-Кичу,— этого небольшаго укрѣпленія, построеннаго Ермоловымъ, съ сумерками. Такая медленность въ движеніи произошла отъ слишкомъ большаго и неумѣстнаго методизма. Требовалось, чтобы при переходѣ черезъ мосты и гати отрядъ стягивался, а такъ какъ на Кумыкской плоскости бездна канавъ, проведенныхъ для орошенія полей, то и приходилось авангарду безпрестанно останавливаться. Притомъ много было возни при расположеніи отряда на ночлегъ. Приказано было расположить его правильнымъ четыреугольникомъ, тогда какъ не было для этого мѣста. Такія педантическія распоряженія были совершенно безполезны и до крайности утомительны для войскъ, тѣмъ болѣе, что былъ очень жаркій день.

Переходъ отъ Ташъ-Кичу до Внезапной въ двадцать пять верстъ совершенъ былъ еще съ бо́льшими предосторожностями, какъ будто бы мы двигались въ виду непріятеля, тогда какъ о немъ не было и слуху; притомъ на Кумыкской плоскости жили преданные намъ кумыки.

Сколько было хлопотъ для меня и другихъ офицеровъ генеральнаго штаба, чтобы обезпечить переправы на Яманъ-су и Ярыкъ-су, а также слѣдованіе отряда черезъ лѣсистое пространство между Аманъ-су и Акташемъ и по крутому спуску къ этой рѣкѣ. Платье мое было изорвано въ нѣсколькихъ мѣстахъ, лошадь моя искалѣчена колючкой или дерезой. Сильно пострадали отъ этого, въ изобиліи ра-

стущаго, кустарника обувь и платье нижнихъ чиновъ, слѣдовавшихъ въ боковыхъ прикрытіяхъ.

Не мало хлопотъ было и при разстановкѣ лагеря на правомъ берегу Акташа, возлѣ деревни Андреевой.

—Нужно расположить войска какъ можно правильнѣе и притомъ сообразно съ мѣстностью. Вѣдь здѣсь будетъ дневка, а можетъ быть простоимъ сутокъ двое и болѣе. Вѣроятно, Александръ Ивановичъ, осматривая окрестности, заѣдетъ и въ лагерь. Нужно, чтобы въ немъ все было въ порядкѣ.

Такъ разсуждало начальство штабовъ главнаго и чеченскаго отрядовъ, окруженное офицерами генеральнаго штаба. Между тѣмъ войска съ нетерпѣніемъ ожидали указанія тѣхъ мѣстъ, на которыхъ, расположившись, могли бы приступить къ разбитію своихъ палатокъ и варенію пищи. «Вотъ, подумаешь, настало какое тяжелое время. Идешь по своей землѣ и думаешь, что по непріятельской, такъ цѣпи строго держи. Вотъ сколько времени пришли, а не разставляютъ лагеремъ: кажись, можно было бы и палатки разбить, и кашицу сварить. А тутъ ранецъ сильно жметъ не то что наши мягкіе мѣшки».

Такъ разсуждали между собою старые кавказскіе усачи, стоя опершись на ружья, въ ожиданіи, когда мы, офицеры генеральнаго штаба укажемъ имъ мѣста для ночлега. И совѣстно было подъѣзжать къ этимъ усачамъ-кавалерамъ, понимая и сочувствуя ихъ правому неудовольствію, происходящему отъ неумѣстнаго педантизма.

Пользуясь двухъ-дневнымъ отдыхомъ, я съ нѣкоторыми изъ моихъ штабныхъ товарищей, въ сопровожденіи достаточнаго эскорта, осмотрѣлъ окрестности Внезапной. Ѣздилъ на Чумлы, гдѣ былъ расположенъ Кази-Мулла въ 1831 году, во время восемнадцати-дневной блокады старой Внезапной. Осматривалъ мѣсто прежней Ермоловской крѣпости, прославленной мужественной защитой ея во время этой блокады. Былъ на Воровской балкѣ, гдѣ происходилъ кровавый бой скопищъ Кази-Муллы съ баталіономъ 40 егерскаго полка, ведомымъ полковникомъ Шумскимъ на спасеніе Внезапной. И тогда же у меня явилось желаніе собрать подробности о геройскихъ подвигахъ и самоотверженіи защитниковъ этой крѣпости И. къ полной радости моей, я достигъ этого, собравъ свѣдѣнія не столько изъ архивныхъ и письменныхъ документовъ, сколько изъ разсказовъ современниковъ и участниковъ.

Читатель не осудитъ меня, если я обращусь къ прошлому времени, не касающемуся въ прямомъ смыслѣ моихъ записокъ. Надѣюсь, что это отступленіе не будетъ для него безъинтересно.

Кази-Мулла уроженецъ Гимры, первый имамъ и проповѣдникъ въ горахъ Дагестана мюридизма и газавата или войны противъ гяуровъ, послѣ неудачъ, встрѣченныхъ имъ подъ Дербентомъ и Бурной, съ пол-

чищами свыше 10 т. конныхъ и пѣшихъ тавлинцевъ, шамхальцевъ и только-что возставшихъ противъ насъ кумыковъ, 7 іюня 1831 года. приступаетъ къ блокадѣ Внезапной.

Эта крѣпость, построенная генераломъ Ермоловымъ въ 1819 году, находилась на нагорномъ лѣвомъ берегу Акташа, въ полуверстѣ отъ самаго русла этой рѣки, и, какъ большая часть укрѣпленій на Кавказѣ, имѣла четыреугольную фигуру, обнесенную землянымъ валомъ, обложеннымъ колючкою и рвомъ, слабыхъ профилей.

Изъ крѣпости вилась, по крутому берегу Акташа, дорога къ блокгаузу, обезпечивающему воду. Далѣе эта дорога вела черезъ рѣку въ деревню Андреево, находящуюся на противоположномъ берегу.

Гарнизонъ Внезапной въ день начала блокады состоялъ изъ четырехъ ротъ [1]), и числительность его не превышала 650 штыковъ. Воинскимъ начальникомъ былъ подполковникъ Ковалевъ.

Кромѣ этихъ войскъ, нѣсколькихъ офицерскихъ и солдатскихъ женъ, а также маркитантовъ, другихъ жителей не было. Все живущее во Внезапной помѣщалось въ турлучныхъ строеніяхъ и землянкахъ. Вооруженіе крѣпости состояло изъ одиннадцати разной величины и конструкціи пушекъ и единороговъ.

Вотъ окрестности Ермоловской Внезапной. Съ фасада, обращеннаго къ Акташу, открывалось широкое ложе этой рѣки, пробѣгающей нѣсколькими протоками, по бѣлѣющимъ камнямъ известковаго свойства. За Акташемъ, прямо противъ крѣпости, пестрѣлась съ своими земляными крышами, бѣлыми трубами и такими же турлучными стѣнами, деревня Андреево, растянутая болѣе чѣмъ на версту. Далѣе зеленѣлись Дылымскія высоты, получившія это названіе отъ аула, позади ихъ находящагося. Направо отъ фаса, обращеннаго къ Акташу, виднѣлось живописное ущелье этой рѣки, поросшее лиственнымъ лѣсомъ, съ бѣлѣющимися саклями Ауховскаго аула Акташъ-ауха. Налѣво та же рѣка съ обрывистыми лѣсистыми своими берегами, а вдали дымящіеся аулы Темиръ-аулъ, Костекъ и Султанъ-янги-юртъ. Къ сѣверному фасу примыкалъ лѣсъ и густой кустарникъ, состоящій преимущественно изъ колючаго терна, боярышника и кизиля.

Сообщеніе Внезапной съ Терекской линіей производилось по той же дорогѣ, по которой слѣдовали мы въ 1844 году, а именно: изъ Амиръ-аджи-юрта на Аксай-Баташъ-юртъ и Хасавъ-юртъ.

Первымъ дѣломъ Кази-Муллы, по прибытіи къ Внезапной съ своими огромными полчищами, было отрѣзать гарнизонъ этой крѣпости отъ Акташа и лишить его всякой помощи съ Терека. Для достиженія

---

[1]) Эти роты принадлежали къ одному изъ сороковыхъ егерскихъ полковъ, въ то время на Кавказской линіи находящихся.

этого, были назначены двѣ трети всего бывшаго съ нимъ ополченія. На остальную же треть было возложено, подъ защитою лѣса и кустовъ, постоянно тревожить гарнизонъ крѣпости.

Съ занятіемъ блокгауза и дороги, ведущей къ нему, а также съ устройствомъ заваловъ въ Воровской балкѣ, находящейся на дорогѣ изъ Внезапной въ Хасавъ-юртъ, Кази-Мулла былъ вполнѣ убѣжденъ, что крѣпость принадлежитъ ему.

Хотя съ занятіемъ блокгауза и дороги, ведущей къ Акташу, гарнизонъ дѣйствительно былъ отрѣзанъ отъ воды, въ первый же день блокады; но онъ обманулся во второмъ своемъ предположеніи, несмотря на то, что и въ этомъ случаѣ разсчетъ его былъ вѣренъ, судя по малочисленности войскъ, находившихся въ то время на лѣвомъ флангѣ. Кази-Мулла позабылъ главное,—что онъ имѣлъ дѣло съ русскими войсками.

Однакоже вѣрно то, что въ описываемый періодъ лѣвый флангъ былъ весьма слабъ войсками. Кромѣ незапненскаго гарнизона находились: двѣ роты—въ Ташъ-Кичу, одна рота въ Амиръ-аджи-юртѣ, одинъ баталіонъ—въ Червленной, одна рота въ укрѣпленіи Горячеводскомъ и полтора баталіона—въ Грозной. Кавалеріи кромѣ моздокскихъ, гребенскихъ и семейно-кизлярскихъ казаковъ, едва могущихъ содержать кордонъ по Тереку,—другой не было. Подвижная артиллерія состояла только изъ десяти орудій.

Ослабить Ташъ-Кичу нельзя было, потому что на гарнизонѣ этого укрѣпленія держалась вѣрность сильно колеблющихся аксаевцевъ. Грозненскій гарнизонъ также не могъ быть уменьшенъ, по той причинѣ что чеченцы разъѣзжали сильными партіями въ виду крѣпости. Слѣдовательно, только и можно было двинуть на выручку блокированной Внезапной баталіонъ 40-го егерскаго полка, расположенный въ станицѣ Червленной.

11 іюня,—на четвертый день блокады Внезапной, этотъ баталіонъ въ составѣ съ небольшимъ семисотъ штыковъ, при четырехъ орудіяхъ, выступилъ изъ Червленной подъ начальствомъ своего командира, полковника Шумскаго.

Въ Ташъ-Кичу были узнаны всѣ подробности о дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ непріятеля. Положеніе было крайне затруднительное. Горсть русскихъ должна была преодолѣть и сильнаго непріятеля, и устроенныя имъ препятствія.

Полковникъ Шумскій передъ выступленіемъ изъ Ташъ-Кичу обратился къ своему баталіону съ слѣдующими словами:

«Братцы! сегодня намъ предстоитъ много дѣла. Кромѣ частыхъ заваловъ, устроенныхъ по дорогѣ въ Внезапную, мы должны пробиться черезъ непріятеля, несравненно насъ сильнѣйшаго. Насъ немного, но

зато съ нами четыре пушки. На квартирахъ за невычищенный штыкъ васъ наказывали; сегодня же чѣмъ болѣе штыковъ будетъ обагрено кровью непріятеля, тѣмъ радостнѣе будетъ для меня, тѣмъ будетъ славнѣе для васъ. - Умремъ, но побѣдимъ»!

Громкое, радостное русское «ура!» было отвѣтомъ на слова храбраго и любимаго начальника.

— И такъ, съ Богомъ и съ молитвой впередъ, братцы. Насъ ждутъ товарищи, уже не пившіе трое сутокъ.

И баталіонъ въ четыре часа утра 12 іюня выступилъ изъ Ташъ-Кичу, будя своими пѣснями аксаевскихъ жителей, испуганно выглядывавшихъ изъ оконъ своихъ сакель, и изумленно провожавшихъ нашихъ героевъ, столь весело шедшихъ на явную смерть.

Чистое, ясное, безоблачное небо предвѣщало знойный день. Переходъ предстоялъ не менѣе 25-ти верстъ.

До Хасавъ-юрта непріятеля не было видно. Съ переправой же черезъ Ярыкъ-су у этого аула, густыя толпы непріятельской кавалеріи показались въ виду колонны и, смѣло джигитуя, открыли по ней ружейный огонь; но наши храбрецы въ безмолвіи двигались впередъ. Имъ нельзя было терять свои заряды по одиночнымъ всадникамъ.

Такимъ образомъ провожалъ конный непріятель нашихъ воиновъ до Воровской балки, такъ сказать, наводненной пѣшими его толпами. Сотни винтовокъ, ярко освѣщаемыхъ лучами полуденнаго солнца, высовывались изъ-за канавъ, которыми въ нѣсколько рядовъ перерѣзанъ былъ спускъ въ балку. Ряды папахъ пестрѣлись въ боковыхъ завалахъ, устроенныхъ на подошвѣ балки. За каждымъ кустомъ, на каждомъ деревѣ скрывалось и сидѣло по нѣскольку человѣкъ.

Такъ была укрѣплена и занята непріятелемъ Воровская балка, когда подошелъ къ ней полковникъ Шумскій съ своимъ баталіономъ, встрѣченнымъ убійственнымъ залпомъ изъ ружей. Отвѣтомъ на это былъ батальный огонь пѣхоты и картечные выстрѣлы изъ четырехъ орудій. Непріятель не выдержалъ этого огня и началъ поспѣшно оставлять переднія канавы и боковые завалы.

Пользуясь этимъ замѣшательствомъ, полковникъ Шумскій двинулъ впередъ двѣ роты. Послѣ кровавой рукопашной схватки, непріятель былъ выбитъ изъ заднихъ канавъ и, поражаемый картечью, отступилъ къ прочимъ своимъ толпамъ, двигавшимся по южной вершинѣ балки. Это были тавлинцы, ведомые на бой извѣстнымъ своею храбростью въ горахъ Оздеміромъ.

Мигомъ были сдѣланы переѣзды черезъ канавы, и уже наши двѣ роты съ двумя орудіями переходили подошву балки, какъ были встрѣчены тавлинцами, съ гикомъ бросившимися на нихъ съ длинными кинжалами. Картечь хотя поколебала, но не остановила тавлинцевъ. За-

сверкали штыки въ рукахъ егерей, и они ринулись въ толпу непріятеля.

Минутами должно было считать этотъ кровавый бой. Уже много пало бездыханныхъ тавлинскихъ труповъ, уже много не досчитывалось и въ нашихъ рядахъ. Здѣсь палъ геройски послѣ пятой раны, закаленный въ бояхъ штабсъ-капитанъ Смирновъ. Тутъ же былъ убитъ юный царскій слуга, прапорщикъ Танской. Еще трудно было опредѣлить, на чьей сторонѣ будетъ перевѣсъ. Наконецъ егеря, подавляемые силою, начали отступать. Непріятель уже обѣгалъ наши орудія, какъ въ этотъ рѣшительный моментъ, ударившіе во флангъ шестьдесятъ егерей, поведенные самимъ полковникомъ Шумскимъ, измѣнили ходъ дѣла: тавлинцы дрогнули и обратили тылъ, оставя на мѣстѣ боя груды тѣлъ убитыхъ своихъ товарищей.

Единовременно съ этимъ не менѣе упорный бой вели и другія двѣ роты съ непріятельскими толпами, скрыто пробравшимися по подошвѣ балки и ударившими во флангъ. Передніе завалы, обагренные кровью и заваленные трупами убитыхъ, уже въ третій разъ были заняты храбрыми егерями. Замѣтно уменьшились ихъ ряды. Любимый ихъ ротный командиръ, капитанъ Кирьяковъ былъ убитъ. Взводный командиръ, подпоручикъ Толпыга, былъ тяжело раненъ, но не оставлялъ своего мѣста. Его же примѣру слѣдовали и всѣ раненые егеря. Никто изъ нихъ и не думалъ оставлять товарищей въ столь опасныя минуты.

Непріятель снова загичалъ. Новый ударъ шашекъ и штыковъ, и новыя жертвы обагрили землю своею кровью. Но этотъ ударъ былъ послѣдній. Непріятель отступилъ, поражаемый картечью. А это дало возможность Шумскому ударить на тавлинцевъ, съ остатками этихъ двухъ ротъ, и тѣмъ довершить бой въ нашу пользу.

Потеря наша въ этомъ кровавомъ дѣлѣ состояла: кромѣ поименованныхъ офицеровъ, изъ 87 убитыхъ нижнихъ чиновъ; раненыхъ же было болѣе 200 человѣкъ, въ томъ числѣ четыре офицера. Потеря непріятеля превышала нашу болѣе, чѣмъ въ четыре раза.

Теперь обратимся къ тому, что происходило въ Внезапной въ то время, когда храбрый баталіонъ 40-го егерскаго полка дрался съ непріятелемъ въ Воровской балкѣ.

Осажденные, убѣдясь по первымъ выстрѣламъ о идущей къ нимъ помощи и пользуясь отсутствіемъ большей половины непріятеля, произвели вылазку къ Акташу за водой, въ которой ужь третій день имѣлся совершенный недостатокъ. Въ этотъ разъ дѣйствія гарнизона были успѣшнѣе, чѣмъ въ двѣ прежнія вылазки. Двѣ роты не только успѣли пробиться къ Акташу и набрать воды, но и возвратились обратно безъ особенной потери.

Сдѣлавъ это, другія двѣ роты были двинуты изъ крѣпости къ Воров-

ской балкѣ. На третьей верстѣ произошло соединеніе, и въ три часа по полудни полковникъ Шумскій съ своимъ баталіономъ вступилъ въ крѣпость.

Велика была радость войскъ, какъ составлявшихъ гарнизонъ, такъ и пришедшихъ на помощь. Товарищескимъ обниманіямъ и горячимъ разсказамъ о совершенныхъ подвигахъ, повидимому, не было конца. Господствовавшее въ продолженіе трехъ сутокъ безмолвіе, нарушаемое только выстрѣлами, замѣнилось всеобщимъ говоромъ и суетливой дѣятельностью.

Однако недолго продолжалось это радостное увлеченіе. Гости, томимые жаждою отъ похода, двухъ-часоваго кровопролитнаго боя и юньскаго зноя, попросили воды. Имъ отдана вся имѣющаяся въ крѣпости вода, но ея оказалось недостаточно. Нужно было опять драться, и вода снова была добыта безъ большихъ жертвъ.

16-го іюня опять оказался совершенный недостатокъ въ водѣ. Нѣсколько разъ дѣлались ночныя вылазки къ Акташу, но сильный и бдительный непріятель не допускалъ нашихъ войскъ до этой рѣки.

19-го іюня передъ разсвѣтомъ полковникъ Шумскій самъ выступилъ съ пятью ротами къ Акташу, но послѣ жаркаго боя, стоившаго и намъ и непріятелю огромной потери, вода добыта была въ самомъ ограниченномъ количествѣ.

Знойный жаръ, простиравшійся на солнцѣ до 35 градусовъ, увеличивалъ отчаянное положеніе гарнизона. Хотя бы прохладный вѣтерокъ подулъ и освѣжилъ спертый и зараженный воздухъ крѣпости. Хотя бы тучка набѣжала и оросила запекшіяся уста храбрыхъ воиновъ.

Наконецъ, 21-го числа, на великую радость осажденныхъ, подулъ западный вѣтеръ, сначала легкій, а потомъ порывистый. Набѣжали тучи, и небо разразилось сильнымъ нежданнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ столь ожидаемымъ дождемъ. Вся крѣпость огласилась криками неизъяснимой радости, и все въ ней ожило и засуетилось. Дождь, ливмя шедшій болѣе часа, далъ возможность гарнизону не только освѣжиться и утолить жажду, но и запастись водою сутокъ на двое.

Между тѣмъ Кази-Мулла, недовольный отказомъ на дважды сдѣланное предложеніе о сдачѣ крѣпости, на которое ему отвѣчалось пальбой изъ орудій, а также желая прекратить ропотъ и неудовольствія, возникшія въ его станѣ, рѣшился взять Внезапную штурмомъ.

22-го іюня, передъ разсвѣтомъ, часовые услышали шорохъ ползущихъ и идущихъ людей. Ружейные выстрѣлы, соединенные съ криками, мгновенно поставили на ноги бдительный гарнизонъ. Несмотря на всю поспѣшность, съ которой осажденные заняли опредѣленныя имъ мѣста, несмотря на сильный картечный и ружейный огонь, непріятель со всѣхъ сторонъ успѣлъ окружить крѣпость густыми массами, и уже передо-

выя толпы были во рву и на валу. Штыкъ и шашка опять пошли въ дѣло. Но не долго продолжался бой. Опрокинутый непріятель не рѣшался повторить штурмъ, и восходящее солнце озарилось кровавой картиной. Много жертвъ освѣтилось его лучами.

Несмотря на такую неудачу и усилившійся ропотъ, Кази-Мулла продолжалъ упорствовать и убѣждать себя, что Внезапная не устоитъ и покорится. Но онъ не зналъ, что были сдѣланы всѣ приготовленія къ взрыву крѣпости и что во время штурма къ пороховому погребу былъ приставленъ унтеръ-офицеръ съ зажженнымъ фитилемъ, чтобы поджечь пятьдесятъ пудовъ пороха въ ту минуту, когда непріятель овладѣетъ крѣпостью.

Однако Провидѣнію не угодно было подвергать дальнѣйшему томленію и испытанію храбрыхъ защитниковъ. 24-го іюня Кази-Мулла получилъ извѣстіе, что командующій въ то время войсками на Кавказской линіи генералъ Э м м а н у е л ь спѣшитъ съ отрядомъ къ осажденной крѣпости и что уже находится въ Ташъ-Кичу. По этому случаю, онъ снялъ ночью блокаду Внезапной и отступилъ къ Акташъ-ауху гдѣ и имѣлъ дѣло съ вновь прибывшими войсками.

Въ продолженіе восемнадцати-дневной славной защиты Ермоловской Внезапной вся потеря наша состояла: изъ 158 убитыхъ, болѣе 400 раненыхъ и до 100 человѣкъ, умершихъ отъ болѣзней и лишеній.

Миръ праху вашему, переселившіеся въ царство небесное. Честь и слава храбрымъ воинамъ, оставшимся въ живыхъ!

Если не ошибаюсь, то въ концѣ того же 1831 года Ермоловская Внезапная была перенесена на то самое мѣсто, гдѣ она находилась въ 1844 году, когда я съ нею познакомился, и гдѣ и по настоящее время находится.

Прежняя Внезапная возвышалась надъ Андреевой, грозно слѣдила за всѣми дѣйствіями вѣроломныхъ ея жителей и, въ случаѣ измѣны, могла подвергнуть эту большую деревню бомбардированію и разрушенію.

Такое возвышенное положеніе старой Внезапной, удалявшее ее болѣе чѣмъ на полверсты отъ воды, ставило гарнизонъ этой крѣпости въ такое же отчаянное положеніе, въ которомъ онъ находился во время описанной блокады Кази-Муллою. Притомъ то же возвышенное положеніе препятствовало ей обстрѣливать ущелье Акташа

Между тѣмъ настоящая Внезапная, будучи построена надъ обрывистымъ правымъ берегомъ Акташа, но имѣя воду отъ себя только въ нѣсколькихъ саженяхъ, не могла встрѣчать въ ней недостатка. Сверхъ того, она могла съ удобствомъ обстрѣливать какъ верхнюю часть ущелья, обращеннаго къ Ауху, такъ, въ случаѣ надобности, дѣйствовать противъ Андреевой, отъ которой она отстояла саженъ на полтораста.

Что же касается фигуры, величины и вооруженія, то новая Внезапная не отличалась отъ прежней. Только небольшой красивенькій форштадтъ, а также болѣе дѣятельная и веселая жизнь въ новой крѣпости доказывали, что въ составѣ ея гарнизона произошла перемѣна. И такая перемѣна совершилась съ нею съ того времени, когда она сдѣлалась штабъ-квартирой Кабардинскаго полка. А этотъ боевой полкъ былъ переведенъ изъ Кабарды на Кумыкскую плоскость въ концѣ 1842 года.

Однако какъ бы весело ни жилъ Внезапненскій гарнизонъ, а такого веселья и многолюдства онъ не слыхалъ и не видѣлъ, какъ со времени прибытія въ крѣпость чеченскаго отряда во главѣ съ корпуснымъ командиромъ генералъ-адъютантомъ Нейдгардомъ, окруженнымъ многочисленнымъ штабомъ и конвоемъ. Число однихъ генераловъ, князей, графовъ, адъютантовъ и другихъ штабныхъ чиновъ равнялось комплектной ротѣ.

Да и сами кабардинцы не видѣли себя въ такомъ сборѣ. Вѣдь кромѣ двухъ ротъ всѣ на лицо. Вотъ лагерь между крѣпостью и Андреевой тѣхъ трехъ съ половиною баталіоновъ кабардинцевъ, которые поступили въ составъ чеченскаго отряда.

Любо-дорого было смотрѣть на закаленныхъ въ походахъ и трудахъ кавказской боевой жизни усачей-кабардинцевъ, когда они, выстроенные впереди своихъ палатокъ, привѣтствовали громкимъ «ура!» подъѣхавшаго къ нимъ корпуснаго командира. Даже задумчивое и озабоченное лицо Александра Ивановича просвѣтлѣло отъ ихъ молодецкаго вида и привѣтствія, и какъ будто бы онъ въ то время думалъ: «съ такими молодцами и въ горахъ не пропадешь».

Тутъ же находились бывшій и настоящій командиры Кабардинскаго полка: генералъ-маіоръ Лабынцовъ и полковникъ Козловскій, не замѣчательные по своей наружности, не обращавшіе на себя вниманія ни по воспитанію и образованію, но зато пріобрѣтшіе извѣстность за свою мужественную неустрашимость и опытность въ кавказской войнѣ. И тотъ и другой много пережили опасностей и всегда съ честью выводили изъ нихъ своихъ кабардинцевъ, за что́ нижніе чины если не любили, то уважали своихъ храбрыхъ командировъ.

Глава оказывается довольно длинною, а только мимоходомъ упомянуто о деревнѣ Андреево, вокругъ которой не я одинъ, а цѣлый отрядъ, вертится третьи сутки; о кумыкахъ же, землю которыхъ мы попираемъ седьмыя сутки. и того менѣе сказано.

Между прочимъ, какъ видно изъ заглавія этой главы, я имѣлъ въ виду сказать что-нибудь объ этомъ народѣ, не касаясь отдѣльно ни Андреевой, ни другихъ ауловъ, къ чему теперь и приступаю.

Сколько извѣстно, кумыки съ шамхальцами одного начала и судя по языку—татарскаго происхожденія.

По историческимъ фактамъ мнѣ не извѣстно, была ли заселена первоначально Кумыкская плоскость или шамхальскія владѣнія. По преданіямъ же оказывается, что Кумыкская плоскость, т. е. почти квадратное пространство, ограниченное Каспійскимъ моремъ, Сулакомъ, Качалыковскимъ хребтомъ и Терекомъ, поступила въ удѣлъ «чанки» или побочнаго сына одного изъ шамхальскихъ владѣтелей.

Какъ бы то ни было, но кумыки дѣлаются намъ извѣстными въ царствованіе Алексѣя Михайловича, со временъ похода русскихъ въ Дагестанъ подъ начальствомъ воеводъ Бутурлина и Хворостинина. Со временъ же Петра Великаго кумыкскіе князья ищутъ нашего покровительства и даже считаются нашими подданными. Доказательствомъ этого служитъ отказъ Петра I на требованія андреевскихъ князей на право владѣнія землею въ окрестностяхъ деревни Андреево, выраженный въ слѣдующей резолюціи: «не могу согласиться, понеже та земля изстари принадлежитъ гребенскимъ казакамъ».

Кумыки, сколько извѣстно, отличались миролюбивыми наклонностями и, если бы не сосѣдство столь воинственно хищническаго народа, какъ чеченцы, то тишина и спокойствіе не нарушались бы между ними.

Ихъ любимымъ занятіемъ было земледѣліе, чему въ особенности способствовала и та мѣстность, на которой они поселились, какъ богатая и изобильная водою. Сулакъ, Акташъ, Ярыкъ-су, Яманъ-су и Аксай до такой степени обильны водою, что канавы, проводимыя изъ нихъ, вполнѣ достаточны для орошенія ихъ полей, обработываемыхъ подъ «чалтыкъ» или сорочинское пшено, просо, кукурузу, пшеницу и марену. Достаточно было и покосныхъ мѣстъ для прокормленія лошадей, рогатаго скота и овецъ. Не было недостатка и въ лѣсѣ, окружающемъ Кумыкскую плоскость съ юго-запада и сѣвера.

Кумыки по миролюбивому своему характеру не выражали своего явнаго неудовольствія и тогда, когда начали ихъ стѣснять въ поземельной собственности: съ одной стороны чеченцы, селившіеся по Качалыковскому хребту, съ другой стороны мы, русскіе—строившіе наши крѣпости и поселенія. Кумыки продолжали миролюбиво заниматься обработкой своихъ полей, не обращая особеннаго вниманія на треволненія, происходившія въ горахъ при Кази-Муллѣ и Шамилѣ, и только по необходимости покорялись сильнѣйшему, какъ это случилось съ ними въ 1831 году, при появленіи на Кумыкской плоскости Кази-Муллы.

Кумыки управлялись тремя княжескими фамиліями: Хасаевыми изъ кабардинскаго рода (по женскому колѣну) Бековичей, Казаналиповыми и Хамзиными. Изъ нихъ первые жили въ Аксаѣ, вторые—въ Андреевой, а послѣдніе - въ Костекѣ. Эти три аула по мѣстожительству въ нихъ князей считались первостепенными и многолюдными.

За князьями слѣдовали «узденя», жившіе въ однихъ съ ними ау-

лахъ, или отдѣльно, какъ напримѣръ Темировы, по имени которыхъ и то мѣсто, въ которомъ они жили, называлось Темиръ-ауломъ.

За узденями слѣдовалъ самый многочисленный классъ «свободнаго кумыкскаго народа», обязанный за право владѣнія землею, исключительно принадлежащею князьямъ, отбывать разнаго рода повинности, или платить десятинную подать. На этихъ основаніяхъ существовали Баташъ и Энгель-юрты, заселенные одними чеченцами.

Если не ошибаюсь, то и узденя обязаны были нѣкоторою повинностію: такъ напримѣръ сопутствовать князьямъ въ ихъ поѣздкахъ, въ извѣстныхъ случаяхъ посылать барановъ.

У кумыкскихъ князей и узденей имѣлся классъ рабовъ обоего пола, называвшихся «кулами». Они составились, какъ и у чеченцевъ «лаи», изъ плѣнныхъ, захваченныхъ въ былое время и переходящихъ изъ рода въ родъ.

На кулахъ хотя лежала самая тяжелая домашняя работа и хотя они составляли неотъемлемую принадлежность владѣльца, но все-таки жизнь ихъ была не въ примѣръ легче прозябанія чеченскаго лая. Это происходило отъ болѣе добраго и человѣколюбиваго направленія характера кумыковъ.

Кумыки—строгіе мусульмане, чтутъ коранъ и исполняютъ съ точностію въ немъ предписанное. Не только эфенди и муллы, но князья и узденя знаютъ изустно коранъ и читаютъ если не по-арабски, то по-татарски. Между ними много «хаджей», то-есть ходившихъ на поклоненіе гробу Магомета.

VI.

Движеніе Чеченскаго отряда черезъ Салатавію.—Встрѣча съ Шамилемъ у Бортуная.—Занятіе Черкея и истребленіе этого аула.

Подъ Салатавіей разумѣлось и разумѣется гористое пространство между Сулакомъ, отъ Чиръ-юрта до Ашильты, хребтами Мичикалъ и Суукъ-Булакъ, отдѣляющими ее отъ Андіи и Гумбета, и отрогомъ, отходящимъ у верховьевъ Акташа отъ Андійскаго хребта, и сначала составляющаго правый берегъ этой рѣки, а потомъ круто упирающагося въ Сулакъ между Чиръ-юртомъ и Міатлы.

Салатавія получила свое названіе отъ горы Салатау, которою оканчивается хребетъ Суукъ-Булакъ надъ Сулакомъ между Міатлами и Евгеніевскимъ.

Населеніе Салатавіи принадлежитъ къ лезгинскому племени, которыхъ мы, русскіе, называемъ такъ же, какъ и прочихъ жителей Дагестана, «тавлинцами», переиначенными нами изъ таули. Это слово происходитъ отъ тау—гора, а потому «таули» значитъ «горецъ», какъ и называютъ сами себя лезгины и ихъ сосѣди.

Салатавія сдѣлалась намъ болѣе извѣстна съ 1839 года, когда генералъ Граббе, выступивъ съ Чеченскимъ отрядомъ изъ Внезапной, двинулся въ Гумбетъ и далѣе въ Ахульго черезъ аулы: Болтугай, Зурамакентъ, Инчхэ, Кастала, Хубары и Бортунай. Спустя два года, этимъ же путемъ двигался генералъ Головинъ, повернувъ отъ Бортуная на Гертме и Черкей. Спустя еще три года, по этимъ опустошеннымъ мѣстамъ, пришлось дѣйствовать и нашему отряду.

Только разница была въ предшествовавшихъ и нашихъ дѣйствіяхъ. Тѣ были грозны и быстры, тогда какъ наши—медленны и методичны.

Чеченскій отрядъ, выступивъ 10-го іюня изъ Внезапной въ составѣ $15^1/_2$ баталіоновъ, 24 орудій и 6 сотенъ казаковъ, слѣдовалъ до Чипчака на разстояніи шестнадцати верстъ въ предѣлахъ Кумыкской плоскости.

Спустившись съ Чипчака къ Сулаку по крутому спуску и пройдя еще нѣсколько верстъ по лѣвому берегу этой рѣки, отрядъ расположился лагеремъ у разореннаго аула Болтугая, и нужно добавить, скоро и безъ всякихъ мудрствованій со стороны начальства, отъ котораго зависѣло это расположеніе. Впрочемъ, нечего было и мудрствовать, потому что ровное мѣсто, занятое лагеремъ, примыкало съ лѣвой стороны къ Сулаку, а спереди и справа было окружено на дальній ружейный выстрѣлъ отвѣсными скалами, изрѣдка поросшими лѣсомъ.

Правда, и здѣсь предполагалось перемѣщать нѣкоторыя части, уже разбившія палатки только потому, что не доставало мѣста въ фасахъ четырехугольника одному или двумъ баталіонамъ, бывшимъ въ арріергардѣ. Однако, къ счастью, это уладилось безропотно со стороны войскъ тѣмъ, что предложено было помѣстить эти части внутри лагеря, въ видѣ резерва и прикрытія главной квартиры въ случаѣ тревоги.

Слѣдующій ночлегъ, согласно маршруту, составленному въ Внезапной, назначенъ былъ въ Зурамакентѣ, отстоящемъ отъ Болтугая не далѣе пяти верстъ.

Имѣя въ виду столь недалекій переходъ, рѣшено было ареопагомъ, состоящимъ изъ предсѣдателя, корпуснаго командира, и членовъ Гурко, Бутурлина, Герасимова и непосредственнаго моего начальника, Ивана Ивановича Норденстама, сдѣлавъ утромъ фуражировку, выступить въ три часа пополудни. Но ареопагъ упустилъ изъ виду, что въ горахъ самое непредвидѣнное и ничтожное обстоятельство можетъ сильно замедлить движеніе. Такъ случилось и въ настоящемъ случаѣ.

Кромѣ крутаго подъема въ полуверстѣ отъ Болтугая на высокую гору и такого же спуска къ Зурамакенту, а равно неумѣнья артиллерійскихъ и подъемныхъ лошадей, принадлежащихъ войскамъ пятаго пѣхотнаго корпуса, ходить по горамъ,—завылъ вѣтеръ, набѣжали густыя облака, и небо разразилось страшнымъ ливнемъ и грозой.

Вотъ въ какомъ положеніи находился отрядъ, когда, вскорѣ послѣ разразившейся грозы, наступила непроницаемая темнота. Вся кавалерія, пять баталіоновъ и десять орудій окружали палатки главнаго и чеченскаго штабовъ, имѣя впереди себя на лѣсистыхъ высотахъ караулы. Шесть баталіоновъ, восемь орудій и обозъ, растянутые отъ Болтугая до Зурамакента, остались тамъ, гдѣ ихъ застигла темнота, потому что продолжать слѣдованіе по узкой, проложенной извилинами надъ страшною пропастью, дорогѣ и еще болѣе испорченной проливнымъ дождемъ было совершенно невозможно. Притомъ нельзя было удостовѣриться, въ какомъ состояніи находился мостъ, переброшенный надъ разщелиной на вершинѣ горы. Остальные затѣмъ четыре съ половиною баталіона и шесть орудій, составлявшіе арріергардъ, оставались на позиціи у Болтугая.

Такое разобщенное положеніе отряда дотого встревожило и озадачило нашего корпуснаго командира, что онъ не раздѣвался и не ложился цѣлую ночь. Ему вообразилось, что́ не только салатовцы, но даже Шамиль сдѣлаетъ на насъ съ разсвѣтомъ нападеніе. То и дѣло, посылались разныя лица повѣрять передовые посты, расположенные на трудно доступныхъ высотахъ, что̀ по темнотѣ не легко было исполнять.

Въ такомъ же напряженномъ состояніи провели ночь и войска, находящіяся въ Зурамакентѣ. Кавалерія не разнуздывала, а артиллерія не распрягала своихъ лошадей; пѣхота дремала съ ружьями въ рукахъ; даже не всѣ вьючныя лошади были облегчены отъ своей тяжелой ноши, а тѣмъ болѣе разсѣдланы.

Не только разсвѣтъ, но и тихій восходъ яркаго солнца не успокоилъ нервнаго разстройства Александра Ивановича... Старикъ, заложа руки назадъ, молча продолжалъ ходить взадъ и впередъ возлѣ своей палатки, по временамъ съ безпокойствомъ, то оглядывая окрестныя лѣсистыя высоты, то вперяя свой тревожный взглядъ въ вершину горы, по которой двигались наши войска, казавшіяся Гулливеровыми пигмеями.

Только къ полудню окончилось, и притомъ безъ особенныхъ приключеній, сосредоточеніе всего отряда на Зурамакентской полянѣ, а какъ оно стоило большихъ безпокойствъ и треволненій для начальства и требовало отдыха и успокоенія, то дальнѣйшее наступленіе было отложено до слѣдующаго дня.

Дневка на Зурамакентской полянѣ, гдѣ до 1839 года находился не-

большой аулъ, извѣстный своими садами, въ особенности же превосходными виноградниками, была великолѣпная. Палатки нашего штаба были разбиты подъ обремененными плодами яблонями и грушами или развѣсистыми грецкими орѣшниками. Вода и лѣсъ подъ бокомъ, только вода въ Сулакѣ немного мутна, да по глубинѣ и быстротѣ теченія этой рѣки она неудобна для купанья. Правда, былъ недостатокъ въ травѣ, потому что кругомъ отвѣсныя скалы, лишенныя всякой растительности, или горы, покрытыя каштаномъ, чинаромъ, дубомъ, ясенью, кленомъ, кизиломъ и боярышникомъ.

Впереди нашей позиціи, между лѣсистыми горами, просвѣчивалось ущелье, по которому вилась журча по камнямъ небольшая рѣчка и проходила дорога въ глубь Салатавіи. Съ башни, построенной на правомъ берегу Сулака и называемой Міатлинской, по имени бывшаго тутъ аула, это ущелье наблюдалось небольшимъ гарнизономъ и обстрѣливалось орудіемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ извѣщающимъ своими выстрѣлами и о появленіи непріятеля.

На другой день, съ разсвѣтомъ, нашъ отрядъ выступилъ далѣе по этому ущелью. Мнѣ приказано было находиться при генералѣ Лабынцовѣ, начальству котораго поручено было правое прикрытіе, состоящее изъ двухъ баталіоновъ кабардинцевъ и двухъ баталіоновъ замосцевъ, при четырехъ горныхъ орудіяхъ.

Эти войска, ведомыя опытнымъ генераломъ, и притомъ по мѣстности, знакомой съ 1839 года, занимая съ быстротой одну высоту послѣ другой и тѣсня передъ собой непріятеля, достигли наконецъ самаго возвышеннаго гребня. Двигаясь вдоль этого гребня, не только можно было видѣть дѣйствія нашего отряда, но съ удобствомъ слѣдить за непріятелемъ и наказать его за покушеніе преградить намъ путь.

Однако, къ сожалѣнію, непріятель этого не сдѣлалъ, а ограничился одной только жаркой перестрѣлкой, продолжавшейся во все время слѣдованія нашего по горамъ на протяженіи 8—10 верстъ, несмотря на то, что въ двухъ мѣстахъ имъ были устроены завалы, нами уничтоженные. Ничего особеннаго не случилось и въ прочихъ частяхъ отряда.

Къ полудню отрядъ расположился лагеремъ, при сліяніи небольшихъ рѣчекъ Ахъ-су и Татлы-су, на обширной и живописной полянѣ. Мы были окружены лѣсистыми, но менѣе высокими и болѣе отлогими горами, сравнительно съ Зурамакентскими.

Фруктовыя деревья, виноградники и ямы, заросшія высокимъ бурьяномъ, гдѣ были сакли, заявляли о существованіи на этомъ мѣстѣ жилья,—и притомъ давно оставленнаго. И дѣйствительно, до 1839 года здѣсь находились не въ дальнемъ разстояніи одинъ отъ другаго аулы Кастала и Инчхэ.

Наоборотъ множество балагановъ, а равно большія пространства

только-что скошенной и вытоптанной травы доказывали пребываніе, и притомъ недавнее, огромнаго числа людей и лошадей. Это былъ станъ Шамиля, оставленный накануне нашего прихода.

Послѣ безпокойнаго ночлега, по причинѣ частыхъ тревогъ, дѣланныхъ съ разныхъ сторонъ непріятелемъ, отрядъ выступилъ далѣе.

Частые завалы доказывали о намѣреніи Шамиля сопротивляться, однако все ограничилось живой перестрѣлкой, какъ во время слѣдованія къ Хубарамъ, такъ и занятія высотъ, на которыхъ находился этотъ разоренный въ 1840 году аулъ.

На живописныхъ Хубарскихъ высотахъ, обильныхъ травой, лѣсомъ, ключевой водой, и съ которыхъ виднѣлись Аухъ и Кумыкская плоскость, множество балагановъ и большое пространство скошенной травы доказывали и здѣсь недавнее пребываніе непріятеля. И дѣйствительно, Шамиль съ своими скопищами оставилъ Хубарскія высоты почти одновременно съ приходомъ туда нашего отряда и на этотъ разъ не надолго скрылся отъ насъ.

Не успѣли мы пройти отъ Хубаръ и четырехъ верстъ, какъ осязательно почувствовали присутствіе Шамиля: нѣсколько ядеръ и гранатъ, пролетѣвшихъ и разорвавшихся надъ нашими головами, были яснымъ тому доказательствомъ. Встревожился корпусный командиръ, засуетился весь ареопагъ, а съ нимъ и весь штабъ; оживились войска, утомленныя методически скучнымъ походомъ.

— Ну, слава Богу, что ты, Шамиль Ивановичъ, опомнился, а то безъ тебя намъ скучненько и тяжеленько было идти,—говорили кабардинцы, покручивая усы и осматривая ружья, хотя, правда, плохія кремневыя, но острыя штыками.

Съ громкими пѣснями, бубнами и плясунами прошелъ отрядъ подъ выстрѣлами непріятеля и въ виду его расположился лагеремъ.

Шамиль съ пятью орудіями и ополченіемъ, простиравшимся свыше 6 тыс. конныхъ и пѣшихъ тавлинцевъ, занялъ позицію за лѣсистымъ, чрезвычайно глубокимъ и крутымъ оврагомъ, по дну котораго журчала рѣчка Теренгулъ, передавшая и ему свое названіе.

Несмотря на такое трудно-доступное препятствіе, лѣвая сторона Теренгульскаго оврага была увѣнчана большихъ размѣровъ брустверомъ, изъ-за амбразуръ котораго выглядывало пять орудій.

Этотъ окопъ устроили плѣнные или добровольно находившіеся у непріятеля поляки, подъ руководствомъ начальника артиллеріи и казначея Шамиля Ягья-Хаджи, слывшаго въ горахъ за искуснаго инженера.

Изъ стана Шамиля путь отступленія лежалъ черезъ Бортунай на Суукъ-Булакъ въ Гумбетъ—черезъ перевалъ Кыркъ, и въ Андію — черезъ Мичикалъ. Этотъ путь, извѣстный съ 1839 года, хотя считался

весьма труднымъ, но былъ возможенъ для прохода легкой артиллеріи. Можно было отступить въ Андію и черезъ аулъ Гуне. Слѣдовательно, съ занятіемъ Бортуная и Гуне нашими войсками, посланными въ обходъ ночью, непріятель, будучи отрѣзанъ отъ Гумбета и Андіи, или долженъ былъ пробиваться съ огромными для себя потерями, или, бросивъ свою артиллерію, разсѣяться по горамъ и лѣсамъ. Но если бы мы не успѣли отрѣзать Шамилю пути отступленія, то, занимая фланговую позицію, могли бы нанести ему огромныя потери дѣйствіемъ нашей артиллеріи, а кавалеріею—настойчиво его преслѣдовать.

Такой планъ былъ возможенъ, потому что онъ былъ приведенъ въ исполненіе, но только несвоевременно и нерѣшительно. Вотъ если бы шесть баталіоновъ, вся кавалерія и 8 орудій, выступившіе изъ лагеря подъ начальствомъ генерала Клюки-фонъ-Клугенау съ разсвѣтомъ, были двинуты въ обходъ на Бортунай ночью, то Шамилю не такъ легко было бы отступить за Суукъ-Булакъ.

А такое предположеніе имѣлось въ виду, потому что сдѣланы были всѣ распоряженія къ выступленію обходной колонны въ полночь. Инипіатива этого, кажется, принадлежала генералу Лидерсу, и она была вполнѣ достойна его боевыхъ способностей. Кто же изъ ареопагитовъ подалъ противную мысль, положительно не знаю.

Прежде чѣмъ приступлю къ описанію маневровъ слѣдующаго дня, употребленныхъ нами къ выжитію Шамиля изъ его крѣпкой Теренгульской позиціи, упомяну о прибытіи въ нашъ отрядъ командира 5-го пѣхотнаго корпуса.

Одновременно съ нашимъ выступленіемъ изъ Амиръ-аджи-юрта, предложено было генералу Лидерсу, находившемуся въ Темиръ-ХанъШурѣ, озаботиться возстановленіемъ переправы черезъ Сулакъ у Евгеніевскаго укрѣпленія. Это не легко было исполнить какъ по естественнымъ препятствіямъ, такъ въ виду большаго и воинственнаго Черкеевскаго аула; а потому, не желая подвергать отвѣтственности когolибо изъ подчиненныхъ, Александръ Николаевичъ принялъ на себя исполненіе этой трудной операціи, тѣмъ болѣе, что ему безотлагательно было нужно переговорить съ генераломъ Нейдгардомъ.

Несмотря на огромныя затрудненія, противупоставленныя природой и непріятелемъ, переправа была совершена черезъ Сулакъ у Ашильты, что̀ ниже Черкея въ пяти верстахъ, съ весьма незначительной потерей нѣсколькихъ храбрыхъ, погибшихъ отъ пуль и утонувшихъ въ Сулакской пучинѣ.

По совершеніи этой переправы, для отважнаго Александра Николаевича уже не считалось опаснымъ проѣхать двадцативерстное разстояніе, раздѣлявшее его отъ генерала Нейдгарда, что̀ онъ и исполнилъ съ двумя баталіонами, четырьмя орудіями и наличной кавалеріей. Но

Александръ Ивановичъ счелъ такой поступокъ своего собрата крайне неблагоразумнымъ, и по этому случаю будто бы между тезками былъ крупный разговоръ. Ареопагиты же, желая и въ этомъ случаѣ поддѣлаться подъ своего предсѣдателя, когда рѣчь заходила о Лидерсѣ, всегда съ саркастической улыбкой уподобляли его или неистовому Роланду, или безстрашному Баярду.

Что же касается большинства, то явный перевѣсъ былъ на сторонѣ Александра Николаевича. Даже солдатики, стоявшіе толпою, вотъ какъ объ немъ разсуждали въ то время, когда онъ, подъѣхавъ къ ставкѣ Александра Ивановича, слѣзалъ съ лошади.

— Кто этотъ генералъ? спрашивали кавказцы.

— Это нашъ корпусный, генералъ Лидрицъ,—отвѣчали люблинцы и замосцы.

— Молодецъ же вашъ корпусный жаль только, что онъ не нашъ,— отвѣчали на это кабардинцы и куринцы, отдѣляясь изъ толпы.

Но оставимъ и мы въ покоѣ Александра Николаевича, а послѣдуемъ за дальнѣйшими дѣйствіями Чеченскаго отряда.

Согласно диспозиціи, отданной около полуночи, въ десять часовъ утра 16-го іюня войска Чеченскаго отряда дѣйствовали противъ непріятеля, поспѣшно отступавшаго съ Теренгульской позиціи на Суукъ-Булакъ, на двухъ, хотя видимыхъ, но отдѣльныхъ пунктахъ.

На Теренгулѣ, возлѣ лагеря, одновременно съ тѣмъ, какъ четырнадцать орудій, преимущественно батарейныхъ, посылали въ догонку свои выстрѣлы одиночнымъ всадникамъ и громили непріятельскія укрѣпленія, шесть баталіоновъ съ четырьмя горными орудіями поднимались на противуположную крутую покатость оврага. Спѣшили они туда въ потѣ лица, не съ тѣмъ, чтобы помѣряться съ непріятелемъ, а для того, чтобы развѣ взглянуть на оставленныя имъ укрѣпленія.

На другомъ пунктѣ, удаленномъ верстъ на шесть отъ лагеря, такое же число баталіоновъ спѣшило въ гору, довольно пологую, но длинную, въ надеждѣ если не отрѣзать непріятелю путь отступленія на Суукъ-Булакъ, то ударить ему во флангъ. Но Шамиль, отправивъ орудія впередъ и повернувъ свое ополченіе вправо, предупредилъ и здѣсь нашу пѣхоту. Кавалерія же, предводительствуемая генераломъ Безобразовымъ [1]) и состоящая изъ казаковъ и милиціонеровъ, не видя позади себя пѣхоты, дѣйствовала крайне нерѣшительно, ограничась нѣсколькими выстрѣлами изъ казачьихъ конно-артиллерійскихъ орудій.

Такимъ образомъ кончилась встрѣча нашихъ войскъ съ Шамилемъ на Бортунайскихъ высотахъ.

Вникая со всею подробностію въ сущность описанныхъ мною дѣй-

---

[1]) Нынѣ умершій генераломъ-отъ-кавалеріи и генералъ-адъютантомъ.

ствій, нужно сказать, что неуспѣхъ нашъ произошелъ не отъ одной только неизъяснимой нерѣшительности главнаго начальства. Допустимъ, что нерѣшительность была причиной отмѣны выступленія обходной колонны къ Суукъ-Булаку ночью; но въ такомъ случаѣ зачѣмъ мы такъ неизъяснимо медленно дѣйствовали днемъ?

Не упоминая о колоннѣ генерала Клюки-фонъ-Клугенау, дѣйствовавшей, какъ мы видѣли, медленно и нерѣшительно, обратимся къ главной массѣ отряда. Съ семи часовъ начинаютъ выдвигаться войска изъ лагеря къ Теренгульскому оврагу, въ восемь часовъ артиллерія открываетъ канонаду изъ четырнадцати орудій, и только въ половинѣ девятаго колонна, назначенная для перехода черезъ оврагъ, начинаетъ въ него спускаться. Неужели цѣлью такой медленности было то, чтобы, занявъ непріятеля съ фронта, дать возможность обходной колоннѣ совершить незамѣтнѣе свое назначеніе? Если это дѣйствительно было такъ, то мы крайне ошиблись, считая до такой степени глупымъ нашего противника.

По отступленіи Шамиля за Суукъ-Булакъ, командиръ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, предполагая, что онъ—побѣдитель своего противника, отправился съ большимъ эскортомъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру, въ сопровожденіи генерала Лидерса и огромнаго штаба. Чеченскій же отрядъ расположился лагеремъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Теренгула, на высотахъ Ибрагимъ-Дада, на которыхъ и простоялъ въ бездѣйствіи двѣ недѣли.

Только одинъ разъ нарушились обиходныя занятія войскъ этого отряда, состоящія въ посылкѣ на фуражировки и за дровами, движеніемъ особой колонны къ Зубуту—небольшому аулу, находящемуся на Сулакѣ противъ нашего лагеря. Лазутчики дали знать, что Салатавскій наибъ вознамѣрился переселить жителей этого аула въ горы. Но это дерзкое намѣреніе въ виду нашего отряда не состоялось и ограничилось незначительной перестрѣлкой, причемъ съ нашей стороны два-три человѣка было ранено.

Что касается служебныхъ моихъ занятій, совмѣстно съ другими офицерами генеральнаго штаба, то они преимущественно состояли въ ежедневной повѣркѣ денныхъ пикетовъ, разставленныхъ по горамъ, и ночныхъ секретовъ, располагаемыхъ вокругъ лагеря. Не знаю почему, но вѣроятно подъ обаяніемъ прошлаго, все думалось о Шамилѣ, о которомъ, послѣ ухода его за Суукъ-Булакъ, не было ни слуху, ни духу.

Съ высотъ Ибрагимъ-Дада Чеченскій отрядъ двинулся черезъ разоренный еще въ 1841 году аулъ Гертме къ Черкею.

Болѣе шести верстъ мы слѣдовали все подъ гору, и хотя, по обѣимъ сторонамъ дороги, во множествѣ засѣянныя поля доказывали близкое

и большое населеніе, но впереди себя кромѣ бѣло-желтыхъ, песчано-известковыхъ горъ ничего не видѣли. Вотъ вошли въ ущелье, обставленное такими же горами, составляющими лѣвый берегъ Сулака; кажется, и самая эта рѣка должна быть не далеко, а жилья все не видно. Только начались, расположенные террасами по правую сторону, сады.

Взгляните, какіе великолѣпные виноградники и сколько фруктовыхъ деревьевъ съ рдѣющими на нихъ черешнями, абрикосами и несозрѣлыми персиками, грушами и яблоками!

Посмотрите на эти развѣсистыя вѣковыя орѣховыя и каштановыя деревья. И гдѣ же все это взрощено? на террасахъ, устроенныхъ въ безплодной скалѣ, гдѣ и былинка не росла до того времени, пока не коснулась къ ней рука человѣческая и не оживила ее водопроводами.

Вотъ ручей и фантанъ жизни прекрасныхъ черкеевскихъ садовъ. А вотъ скученныя, сложенныя изъ камня и лѣпящіяся одно надъ другимъ жилья создателей фонтана и садовъ.

Изъ прежнихъ жильцовъ остались только тощія собаки и кошки, да скрывающіеся въ норахъ и между камнями тарантулы, скорпіоны и фаланги, людей же нѣтъ. Они скрываются вмѣстѣ съ волками и шакалами по окрестнымъ горамъ и лѣсамъ. На мѣсто же людей-созидателей явились люди-разрушители. За что же постигло созидателей такое страшное несчастіе?

Черкеевцы наказываются такъ жестоко за свое вѣроломство и непостоянство, неоднократно выраженныя въ нарушеніи своего слова и обѣщаній. Ихъ политика была двойственна съ того времени, когда по военнымъ обстоятельствамъ мы заставили ихъ признавать нашу власть и покоряться намъ.

Такъ при Кази-Муллѣ черкеевцы возстаютъ противъ насъ; но, устрашенные смертію своего перваго имама, а въ особенности послѣ построенія въ 1834 году Темиръ-Ханъ-Шуры, снова являются покорными, какими они остаются, по крайней мѣрѣ по наружности, до 1840 года.

Въ этомъ году черкеевцы дѣлаются уже явными нашими врагами, потому что не только силой противодѣйствуютъ пройти генералу Клюки-фонъ-Клугенау черезъ свой аулъ съ транспортомъ военныхъ запасовъ въ Салатавію, въ главный отрядъ, но и овладѣваютъ двумя орудіями, которыя только тогда съ покорностію возвращаются, когда сила грозитъ разрушеніемъ ихъ аула.

Не проходитъ и года, какъ новое неповиновеніе черкеевцевъ заставляетъ генерала Головина двинуться на Сулакъ и построить противъ непокорнаго аула укрѣпленіе, названное по его имени — Евгеніев-

скимъ. Однако и это не помогаетъ, и не заставляетъ опомниться черкеевцевъ.

Въ 1843 году, при общемъ возстаніи Дагестана, возбужденнаго Шамилемъ, черкеевцы разрушаютъ мостъ на Сулакѣ, несмотря на то, что на ихъ обязанности лежало охраненіе этой единственной и важной переправы, и тѣмъ подвергаютъ себя новой и справедливой опалѣ. Это-то и было причиной истребленія ихъ богатаго и населеннаго аула, начавшагося бомбардированіемъ изъ орудій Евгеніевскаго укрѣпленія и окончившагося разрушеніемъ сакель и истребленіемъ садовъ въ 1844 году частью войскъ Чеченскаго отряда.

Такая двойственность черкеевцевъ и вѣроломство въ ихъ дѣйствіяхъ происходили сколько отъ демократическаго ихъ образа управленія, столько же отъ неяснаго пониманія нашей силы и большой вѣры въ недоступность ихъ аула.

У черкеевцевъ, какъ и у другихъ горцевъ, не было единства въ идеяхъ и дѣйствіяхъ, потому что не было главы власти, которая обуздывала бы своеволіе; а такое единство по многолюдству ихъ аула было имъ въ особенности необходимо.

По этой причинѣ всѣ возстанія черкеевцевъ, какъ затѣваемыя буйною молодежью, были случайныя, противныя желаніямъ большинства, къ которому принадлежало благоразуміе и старость.

— Зачѣмъ идутъ къ намъ русскіе? Кто ихъ просилъ, вѣроятно, не наши старики? Покажемъ имъ, что мы ихъ не боимся, а напротивъ заставимъ насъ бояться!

Такъ кричала черкеевская молодежь, открывъ убійственный огонь по двумъ баталіонамъ апшеронцевъ, вступавшихъ въ 1840 году въ ихъ аулъ, тѣмъ болѣе, что о такомъ движеніи нашихъ войскъ черезъ Черкей были предварены его жители. Слѣдствіемъ такого вѣроломнаго поступка черкеевской молодежи было поспѣшное и безпорядочное отступленіе за Сулакъ апшеронцевъ съ значительною потерею въ людяхъ и оставленіемъ въ аулѣ двухъ орудій. Но старики черкеевскіе, не обрадованные, а напротивъ, устрашенные такимъ неожиданнымъ трофеемъ, поспѣшили явиться съ повинной и орудіями въ отрядъ къ генералу Граббе на Хубарскія высоты.

Постоянныя подстрекательства Шамиля къ явному возстанію противъ насъ усиливали несогласія и неурядицы между черкеевцами. Еще въ 1842 году, когда дошла до нихъ вѣсть о претерпѣнномъ нами пораженіи въ лѣсахъ Ичкеріи, черкеевская молодежь зашумѣла пуще прежняго.

— Уничтожимъ мостъ и разрушимъ башню на Сулакѣ, а аулъ окружимъ завалами, и тогда русскіе не пожалуютъ къ намъ вторично.

Если же они придутъ къ намъ, то и мы ихъ побьемъ, какъ вездѣ ихъ бьетъ нашъ благословенный имамъ!

Такъ бушевала черкеевская молодежь, и много труда и усилій стоило старикамъ, чтобы унять ее на этотъ разъ. Но послѣ успѣховъ Шамиля въ 1843 году въ Аваріи, черкеевцы привели въ исполненіе то, что они хотѣли сдѣлать послѣ пораженія нашего въ Ичкеріи. Мостъ на Сулакѣ уничтоженъ. Три башни какъ находившіяся у моста, такъ и на противоположномъ концѣ аула, разрушены; слабому же гарнизону дана свобода отступить въ укрѣпленіе Евгеніевское.

Съ уничтоженіемъ моста на Сулакѣ, доступъ къ Черкею со стороны Темиръ-Ханъ-Шуры сдѣлался совершенно невозможенъ, потому что бродовъ на этой рѣкѣ не существуетъ, а переправляться вплавь нельзя по отвѣснымъ берегамъ и быстротѣ ея теченія, въ особенности на томъ мѣстѣ, гдѣ находился разрушенный мостъ. Здѣсь Сулакъ съ страшнымъ ревомъ прорывается между высокими плитняковыми скалами, удаленными одна отъ другой самое большее на три сажени.

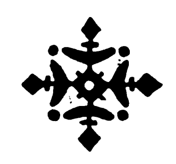
Изъ этого оказывается, что разсчетъ черкеевцевъ съ этой стороны былъ вѣренъ. Притомъ командующему войсками въ Сѣверномъ Дагестанѣ было не до Черкея; его занимали болѣе важныя событія. Дѣло шло о сохраненіи Аваріи. Да и самая Темиръ-Ханъ-Шура находилась въ опасности.

Но черкеевцы не обратили вниманія на болѣе близкую опасность: на ядра и гранаты укрѣпленія Евгеніевскаго, которыя ни днемъ, ни ночью не давали имъ покоя, производя разрушенія въ ихъ жильяхъ.

О наказаніи же въ будущемъ со стороны Гертме, которое ихъ постигло почти черезъ годъ, они въ то время не думали потому, что послѣ пораженій, понесенныхъ нами въ послѣдніе годы, считали власть нашу совершенно уничтоженною. Впрочемъ, такъ думали не одни черкеевцы, а всѣ горцы.

М. Ольшевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

РОССІЙСКАГО

УНТЕРЪ-ОФИЦЕРА,

КОТОРЫЙ НЫНѢ ПРАПОРЩИКОМЪ,

ДЕВЯТИЛѢТНЕЕ СТРАНСТВОВАНІЕ

И

ПРИКЛЮЧЕНІЯ

ВЪ БУХАРІИ, ХИВѢ, ПЕРСІИ и ИНДІИ

И

возвращеніе оттуда чрезъ Англію въ Россію,

ПИСАННОЕ ИМЪ САМИМЪ

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

1784 года.

Его Превосходительству

Господину Тайному Совѣтнику и Кавалеру и разныхъ мѣстъ начальнику

Александру Андреевичу Безбородко

Всенижайше подноситъ и посвящаетъ сихъ мѣстъ самовидецъ и описатель,

Прапорщикъ **Филипъ Ефремовъ.**

Въ 1774 году, служа сержантомъ въ Нижегородскомъ пѣхотномъ полку, а по учрежденiи изъ онаго баталiоновъ, въ 1-мъ баталiонѣ, въ Оренбургѣ, который городъ, какъ всѣмъ извѣстно, возмущенною государственнымъ злодѣемъ черныо не малое время содержанъ былъ въ осадѣ, и въ iюнѣ мѣсяцѣ командированъ я былъ на заставу, такъ называемую дорогу Илецкой защиты, съ двадцатью человѣками военныхъ людей, а именно: десятью солдатами и десятью казаками. При командѣ нашей состояла одна пушка. И какъ утренняя заря стала только воспрiять свое начало, тогда напали на насъ изъ ватаги бунтовщиковъ около пятисотъ человѣкъ.

Противился я имъ по возможности до половины дня, доколь стало у насъ пушечнаго и ружейнаго пороху, а когда въ ружьяхъ осталось у насъ по одному заряду, взялъ я у казака лошадь, велѣлъ всѣмъ садиться и прочимъ на своихъ лошадей. И злодѣи, узнавъ, что не стало у насъ пороху, не имѣя никакой опасности, ударили прямо на насъ. Я хотѣлъ въ нихъ выпалить изъ ружья и какъ, къ несчастiю моему, ружье осѣклось, одинъ изъ мятежниковъ ударилъ по ружью саблею, отрубилъ въ лѣвой рукѣ моей большой палецъ, отчего изъ рукъ оно выпало; другой же ударилъ по головѣ, выше праваго уха, саблею же; третiй копьемъ по головѣ же, повыше лба, послѣ чего взяли насъ и въ плѣнъ увезли на ночлегъ. Оные злодѣи, бѣгавши по степи, въ полуночи призаснули, а я съ двумя солдатами отъ нихъ ушелъ. Прибѣжали къ находящейся на киргизской степи рѣчкѣ Донгусъ.

На разсвѣтѣ утренней зари, спрятались подъ нанесенную траву, лежали до половины дня, а съ того времени пошли въ Оренбургъ, который не въ далекомъ оттуда былъ разстоянiи. Не болѣе 15 верстъ погони за собою не видали. Отъ онаго мѣста отошли 3 версты; вдругъ изъ-за горы выѣхали киргизцы, до двухъ сотъ человѣкъ, взяли насъ и, посадя на лошадей, подвязавъ ноги на брюхо лошадиное, увезли въ свои улусы. Держали у себя два мѣсяца.

Оные киргизцы имѣютъ употребленiе пищи въ дорогѣ: творогъ сушеный лепешками, который называютъ крутъ; кладутъ его въ турсукъ,

а тотъ турсукъ такимъ дѣлается образомъ: снявъ у задней лошадиной ноги кожу, шьютъ мѣшкомъ; въ мѣшокъ, положа крутъ, наливаютъ воды, привязывая къ сѣдельнымъ тарокамъ. Оное отъ ѣзды размочится, растрясется и будетъ густое молоко, кое и пьютъ. Въ домахъ же—пареную баранину и мясо крошатъ мелко, наливъ оное тою водою, въ коей варится мясо. Ѣдятъ руками. Пьютъ кумысъ, т. е. кобылье молоко.

Ѣздятъ за охотою съ беркутами, оными ловятъ лисицъ, дикихъ козъ и лошадей, такъ же и всякихъ звѣрей. Имѣютъ ружья, сабли, а по большей части пики и стрѣлы.

А какъ навозили не малое число россійскихъ людей и отвезли иныхъ въ Бухарію, а другихъ въ Хиву, продали въ разныя мѣста. Меня въ Бухаріи купилъ хожа Гафуръ; держалъ у себя одинъ только мѣсяцъ, потомъ подарилъ тестю своему Даніаръ-беку, кой въ Бухаріи полновластенъ и оный родомъ узбекъ, то-есть дворянинъ и правитель всѣмъ бухарскимъ владѣніемъ. Называется аталыкъ, такъ что и самъ ханъ ему подвластенъ. Хану имя Абулъ-Газы, имѣетъ одну жену и двѣ побочныя, одна изъ послѣднихъ калмычка, а другая персіянка; и отъ нихъ родились три сына. Аталыкъ имѣетъ четыре жены и шесть наложницъ, послѣднія калмычки и персіянки купленныя. Отъ всѣхъ вообще десять сыновъ и десять дочерей.

Оный аталыкъ опредѣлилъ меня къ своимъ ордынскимъ или серальскимъ дверямъ, гдѣ его жены и наложницы, стражемъ. Я былъ у сей должности, доколь узнать могъ говорить ихъ языкомъ, а какъ узналъ, то аталыкъ пожаловалъ меня дабашею, то-есть капраломъ; далъ въ команду 10 человѣкъ.

И въ одно время пришелъ ко мнѣ аталыковъ служитель, сказывая, что требуетъ меня аталыкъ. Пришедши я къ нему, говоритъ онъ, что пріѣхалъ изъ Россіи мой посланникъ, мулла Ирназаръ и привезъ посольское письмо: «возьми и прочти». Взявши я оное письмо, увидя титулъ всемилостивѣйшей государыни, снявъ шапку, не могъ зрить сухими глазами, безъ слезъ. Прочитавъ оное, спрашиваетъ меня аталыкъ: «что это такое? Отвѣчай!» Я: «Посланниковъ паспортъ то»,—сказалъ. Онъ: «для чего жъ приложена печать ниже письма?» На то я вторично ему отвѣчалъ, что титулъ россійской государыни пишутъ вверху, а печать прикладывается внизу, для того титулъ значитъ болѣе, нежели печать. Онъ сказалъ, что неправда, тѣмъ Россія имѣетъ противу насъ униженіе, потому что мы истинной вѣры магометанской. Потомъ вопрошалъ, для чего я плакалъ. «Состоишь въ рукахъ моихъ, то что хочу съ тобою сдѣлаю». Сказалъ я, что Россія не вѣруетъ лживому пророку Магомету, а вѣруетъ Единому Создателю неба и земли, истинному Богу, и нельзя сему статься, чтобъ россійская монархиня дѣлала тому,

кому не слѣдуетъ, униженія, отъ руки коей трепещутъ многія государства. Плакалъ же я для того, что во-первыхъ обрадованъ былъ титуломъ россійской государыни; во-вторыхъ, тѣмъ, что увидѣть могъ россійское письмо. Сверхъ того сказалъ я ему, что по долгу своему, далъ я обѣщаніе всемогущему Богу и нашей августѣйшей монархинѣ служить вѣрно и послушно до истеченія послѣдней капли крови и, что, по причинѣ несчастной судьбины, которая заставила оплакивать Россійское государство и ввергла въ руки того, кому я не долженъ жертвовать своею службою. А тотъ еще, кому я не могъ бы быть, безъ той несчастной судьбы, подвластнымъ, обѣщается сдѣлать изъ меня все то, что ему угодно.

Потомъ уговаривалъ меня аталыкъ къ принятію магометанскаго закона и обѣщалъ имѣть въ милости; но какъ я на то не согласился, для чего приказалъ мучить меня и пытать по-тамошнему, то-есть, поить солью по три дня. Тамъ же ничѣмъ другимъ не мучатъ, чтобъ человѣкъ повинился или бы къ чему былъ склоненъ. Мученіе жъ то происходитъ симъ образомъ: положатъ въ большую деревянную чашу пудъ соли, наливаютъ въ нее воды горячей и, когда соль разойдется и вода простынетъ, тогда свяжутъ въ утку и кладутъ въ ротъ деревянную палку; человѣка повалятъ затылкомъ на ту чашу и соль льютъ въ ротъ. Ежели не пожалѣютъ, то чрезъ сіе мученіе, чрезъ день, другіе умираютъ, для того, что соль у человѣка животъ весь переѣстъ. А если захотятъ кого сберечь, тому, послѣ каждаго мученія, даютъ пить топленое теплое овечье сало по три чашки, кое сало соль всю вберетъ въ себя и тамъ верхомъ и низомъ животъ очиститъ, и будетъ живъ.

Въ другихъ же винахъ аталыкъ приказываетъ виновнаго повалить во всей одеждѣ и бить палками, коего бьютъ человѣкъ десять и болѣе. И тѣхъ, кои бьютъ, называютъ есаулами, то-есть употребляющіеся вмѣсто разсыльщиковъ.

Меня же не хотя умертвить за мою службу, давали, послѣ каждаго мученія, по вышеоглавленной мѣрѣ, сала. Видя онъ, что всѣ его мученія недѣйствительны, то просилъ меня по крайности ему присягнуть, чтобъ служить вѣрно. Ту присягу я сдѣлалъ только изъ пристрастія языкомъ, а не душею, ибо душа моя болѣе въ себѣ ощущала ревности единственно къ службѣ всероссійской императрицы. Потомъ пожаловалъ меня пензибашею, то-есть сержантомъ. Препоручилъ въ команду 50 человѣкъ и такъ находился подъ его предводительствомъ. Былъ въ походахъ и всѣ тамошніе городки и дороги узналъ. И въ одно время были подъ городомъ, именуемымъ Самаркандомъ. Взялъ на сраженіи въ плѣнъ самаркандца. Оный аталыкъ, видя столь ревностную мою службу, пожаловалъ юзбашею, то-есть капитаномъ, и землею, съ коей собиралось въ годъ доходу до трехъ сотъ червоныхъ; ввѣ-

рилъ въ команду разныхъ людей сто человѣкъ, въ числѣ коихъ имѣлось 20 русскихъ. Потомъ съ сыномъ его, Шамратъ-бекомъ, ѣздилъ я съ его войскомъ въ Персію, въ городъ Мавръ [1]); и при томъ его сынѣ было до 2.000 человѣкъ. Отъ Бухаріи одинъ день ѣзды до городка Каракула, отъ онаго до рѣки Аму-Дарьи ѣзды три дня. По рѣкѣ той камышу довольно; отчасти и мелкаго тальника. Рѣка шириною полверсты, а мѣстами есть и безмала съ версту; не весьма глубокая. За рѣкою городокъ Чаржуй, отъ коего дорога песчаная и по горамъ малые есть кустарники соксоуль и трава пелынь. До города персидскаго, именуемаго Мавромъ, ѣзды шесть дней. Хану маврскому имя Байрямали Шамратъ-бекъ. Выигрыша никакого не получилъ, почти бѣжалъ; на побѣгѣ въ его войскѣ дорогою не мало померло людей и пало лошадей. Въ Персіи имѣется: Испагань, Ширазъ, Тавризъ, Дербентъ и Ормусъ.

По возвратѣ моемъ въ Бухарію, влюбилась въ меня невольница аталыкова, ключница, коя всячески старалась, чтобъ я носилъ имя ея мужа, на что̀ я не согласился. Она послѣ изъявляла прямое и усердное къ тому желаніе со мною уйти, куда бъ я ни пожелалъ. Она же родомъ персіянка и, еще молода будучи, также у нихъ, по несчастію, въ плѣну. Но какъ я и обѣщалъ, когда найду свободный случай къ уходу, всеконечно ее не оставлю. Послѣ двухъ лѣтъ, командированъ былъ я въ Хиву съ войскомъ, котораго было 1.500 человѣкъ. Приономъ войскѣ находился главнокомандующій Бадалъ-бекъ. Отъ Чаржуя, внизъ по рѣкѣ Аму-Дарьѣ, живутъ кочевые трукмяна, коихъ два рода, первые называются тяка (текэ?), другіе салоръ. Въ ихъ урочищахъ, по рѣкѣ Вязу, тальнику и травы довольно. Ѣхали до хивинской границы, до городка Пятняку, 8 дней, въ коемъ одни городовыя ворота. Отъ онаго ѣзды одинъ день до городка Сезарресту, а отъ сего ѣзды половина дня — городокъ Богаткола, въ коемъ одни ворота. Подалѣе сего городка было сраженіе съ хивинскими ямудами. Одинъ хивинскій юзбекъ, наѣхавши, выстрѣлилъ въ меня изъ ружья, отчего опалило у меня правую щеку и ухо порохомъ. Я въ горячности поскакалъ немедленно за нимъ, съ коимъ и сразился; отрубилъ притомъ у него правую руку и взялъ его въ плѣнъ; привезъ его къ главнокомандующему Бадалъ-беку, за что̀ пожаловалъ онъ мнѣ аргамака и кармазинный кафтанъ. Послѣ послалъ въ Бухарію съ письмомъ къ аталыку, для требованія еще войска; притомъ мои заслуги выхвалилъ. Оный аталыкъ за ту службу жаловалъ еще землею и деньгами; приказалъ быть въ готовности къ его войску обратно въ Хиву, кое повелѣніе сдѣлалось мнѣ тогда способомъ уходу отъ нихъ. То въ семъ размышленіи учинилъ одному писарю свою просьбу, дабы онъ написалъ мнѣ посольскую грамоту въ такомъ разумѣ, яко бы

[1]) Надо полагать Мервъ.

послалъ меня посломъ аталыкъ въ городъ Куканъ (Коканъ), за что̀ я, по разсужденію своему, и обѣщался за тотъ его, столь для меня полезный трудъ, наградить деньгами, который и написалъ, за что̀ и получилъ отъ меня, тамошняго курса, 100 червоныхъ, а на россійской счетъ—триста рублей. И то письмо вышерѣченной ключницѣ показалъ; просилъ ее при томъ, чтобы дала ханской печати, кою и обѣщала дать съ тѣмъ только, чтобы ее взять съ собою, то я побожился ей, что не оставлю, почему она и исполнила просьбу мою. А какъ аталыкъ имѣлъ привычку всегда въ половину дня спать, то ключница, доставъ, принесла мнѣ печать, кою я и приложилъ. Чрезъ два дня аталыкъ далъ мнѣ письмо, приказалъ ѣхать въ Хиву, обратно въ его войско. Я и поѣхалъ, яко бы въ его войско, а вмѣсто того, съ двумя русскими, отправился въ Куканъ. Дорогою жъ, признавая меня за посла, давали провизіи и лошадямъ корму.

Въ Бухаріи, близъ рынку, посреди самаго города, кой рынокъ подъ названіемъ чарцу, имѣется поставленный, каменный, круглый столбъ, вышиною 50 (?), толщиною 3 сажени. Съ утра до полудня торгъ бываетъ въ чарцахъ. Въономъ мѣстѣ имѣется караванъ-сараевъ каменныхъ 4, а съ того времени оный торгъ бываетъ уже у ханскаго двора кой рынокъ называютъ регистань. Въ ономъ же рынкѣ поставлены ирели (?). Въ городѣ каменныхъ о двухъ этажахъ монастырей 8, кои называются медресами. Въ каждой кельѣ по 2 человѣка домулла, то-есть старецъ. Во оныхъ большая часть молодыхъ мальчиковъ; есть и женатые. Днемъ въ медресахъ учатся, а ночью уходятъ къ женамъ въ домы. А въ тѣ медресы женскій полъ никакъ входить не можетъ. И въ нихъ, по обѣщанію, даютъ вкладу землю. У тѣхъ домулловъ есть старшій, подъ названіемъ такимъ же; оный отдаетъ земледѣльцамъ исполу и дѣлитъ прочимъ домулламъ, чѣмъ и кормятся. Мечети—большею частію мазанки, а малое число есть и каменныхъ. Оныхъ въ каждой улицѣ по одной.

Бань собственныхъ никто не имѣетъ, а есть торговыя, каменныя; построены въ землѣ, только одинъ внаружу верхъ; съ верху окошко; внутри жъ бани—полъ изъ большихъ сдѣланъ каменныхъ плитъ. Съисподи эти плиты нагрѣваются соромъ, а не дровами; моются теплою и холодною водою: мыломъ же не моются для того, будто оно погано и грѣхъ мыться, а по большей части въ баню ходятъ для того, чтобъ грязь отпотѣла. Тѣхъ же бань въ цѣломъ городѣ четыре. Мыломъ моютъ одно только платье, а умершихъ одною теплою водою.

Городовыхъ воротъ 11. Пушекъ девятифунтовыхъ 5; лежатъ на регистанѣ для одной только славы; никуда не употребляются. Пятифунтовыхъ—2; трехфунтовыхъ—8; мортиръ 5. Артиллеріею жъ дѣйствовать не знаютъ, не довольно изъ пушекъ попадать въ стѣну, или изъ

мортиръ на стѣну, но и въ городъ попадать не умѣютъ, а только держатъ все оное, какъ выше означено, для славы, затѣмъ, что въ одной Бухаріи имѣются пушки Если жъ кто изъ сосѣдей сдѣлается непріятелемъ, тогда аталыкъ выѣзжаетъ со всѣмъ войскомъ своимъ, коего собирается до 10.000; онымъ жалованья производится: каждому рядовому деньгами по 2 червонца, или по 6 рублей въ годъ, да сверхъ того хлѣба, по 4 батмана пшеницы и 4 жугари, а каждый батманъ—по 8 пудъ. Въ наурусъ, то-есть, въ новый годъ, на шапки обвиваютъ кисею, длиною по 8 аршинъ, халаты бумажные; капраламъ—кафтаны суконные, хлѣба, по 4½ батмана пшеницы и по 4½ жугари; жалованья по 2½ червоныхъ или 7 р. 50 коп. Сержантамъ · кафтаны полукармазинные, жалованья по 3½ червоныхъ, или по 10 р. 50 к., хлѣба 6½ батмановъ пшеницы и 6½ жугари. Капитанамъ—кафтаны кармазинные, кушаки шелковые, жалованья 20 червоныхъ или 60 рублей; вмѣсто хлѣба - землю. Войско жъ все конница, а пѣхоты не имѣется. Оружіе имѣютъ ружья, сабли, а по большей части пики и стрѣлы. Старшинамъ главнымъ, по ихъ чинамъ—кафтаны шелковые, съ травами (?) шелковыми жъ, серебряными и золотыми, и сіе дается тѣмъ старшинамъ въ состоящіе въ году три праздника, коимъ имена: первый—наурусъ, второй—курванъ, третій—гулисурхъ. Имъ же сверхъ того дается вмѣсто хлѣбнаго и денежнаго жалованья - земля.

И, приближаясь къ непріятельскому городу, велитъ палить изъ всѣхъ пушекъ и мортиръ, и тамъ отъ одного звуку страшатся, идутъ въ подданство и платятъ дань и такимъ образомъ всѣ тамошніе города—подъ владѣніемъ Бухаріи пришли.

Строеніе называютъ амаратъ, на подобіе огороднаго тыну, съисподи и сверху брусья, оные называютъ завара; между тыну кладутъ сырые кирпичи, называютъ хыштъ; сырые—хамъ; жженые—пухта; глину называютъ лай. Съ глиною мелкую солому мѣшаютъ, потому что солома глину вяжетъ и бываетъ глина чрезвычайно крѣпка, оною глиною внутри и снаружи стѣны обмазываютъ. Стѣна называется дѣвалъ; верхъ—тамъ. Внутри горницы обмазываютъ алебастромъ, расписываютъ красками; сверху кладутъ по 5, 7 и 9 брусьевъ, оные называютъ—баларъ На брусья—выстроганныя палочки, съ одной стороны горбоватыя, а съ другой стороны ровныя, оныя называютъ васа; горбоватой стороной кладутъ на брусья во внутрь горницы, а гладкой кверху. Брусья и палочки расписываютъ красками. На палочки кладутъ рогожи, плетеныя изъ камышу, кои называютъ бурья. Сверху кладутъ землю; потомъ обмазываютъ глиной. На одну сторону немного покато. Деревянный жолобъ, длиною одинъ аршинъ, обмазываютъ глиной, для стеченія воды, кой называютъ нава. Въ горницахъ же постилаютъ лѣтомъ ковры, кои называютъ гилимъ, а въ холодное время—войлоки, которые называютъ

кiизъ. Посреди горницы четыреугольная яма, шириною аршинъ и болѣе, глубина аршинъ и менѣе; въ оную кладутъ жаръ и называютъ ее танурча, а жаръ—оловъ; на оную яму ставятъ, на подобіе скамейки, оное называютъ сандали; сверху накрываютъ одѣяломъ, на хлопчатой бумагѣ, оное называютъ курпя; подъ оное одѣяло садятся ногами къ жару. Прочія внутри и снаружи обмазываютъ глиною; покрываютъ, кладутъ тоненькія бревешки, на тѣ бревешки прутья. На одной сторонѣ стѣны двери входныя—одни, да двое дверей поменѣ лѣтнимъ временемъ отворяютъ, чтобъ входилъ вѣтеръ, а зимнимъ—затворяютъ и замазываютъ глиною. Двери именуютъ ишикъ; вѣтеръ—бадъ. Надъ дверьми вставляютъ рѣшетки, слитыя изъ алебастру для свѣту, а зимою—рѣшетку обмазываютъ бумагою. Рѣшетку называютъ панчора; бумагу—кагазъ. Во всѣхъ тамошнихъ мѣстахъ кушанья по большей части варятъ въ водѣ. Брынчь, т. е. сорочинское пшено, какъ поспѣетъ въ половину варенія, изъ котла вынутъ, процѣдятъ, обольютъ холодною водою. Сваривши говядину или баранину, положатъ въ порожній котелъ потомъ накрошатъ морковь и муку, смѣшаютъ съ изюмомъ и съ шафраномъ; положатъ на говядину и потомъ положатъ сорочинское пшено. Растопивши овечьяго сала, нальютъ на верхъ сорочинскаго пшена; покроютъ крышкою, чтобъ не выходилъ духъ; надъ вольнымъ жаромъ когда упрѣетъ, то кладутъ въ блюда; блюда называютъ табакъ. Одно блюдо ѣдятъ два человѣка руками, а не ложками. Посуды кромѣ глиняной и муравленой не имѣютъ, а у знатныхъ только палевая. Говорятъ, что изъ другой ѣсть погано и грѣшно. Свадьбы бываютъ татарскимъ обыкновеніемъ.

Казнь бываетъ въ воровствѣ за малость; мужескъ полъ вѣшаютъ, а женскій окапываютъ по груди въ землю и убиваютъ каменьями; а ежели въ душегубствѣ или ранѣ, аталыкъ отдаетъ виновнаго тѣмъ, кто есть родственники онаго умершаго или раненаго, то они чинятъ съ виноватымъ соотвѣтственно ихъ проступкамъ: если зарѣзалъ, то и его; если ранилъ, то зубъ за зубъ, глазъ за глазъ. А кто за женою примѣтитъ, буде увидитъ свою жену обращающеюся съ постороннимъ, то сихъ обѣихъ мужъ убьетъ и потомъ скажетъ ихъ родственникамъ о томъ ихъ дурномъ поступкѣ; возьмутъ умершихъ сродники и похоронятъ, тѣмъ и рѣшится, а суда никакого не даютъ. Мущины и женщины ѣздятъ на лошадяхъ верхомъ, ходятъ и пѣшія. Женщины сверхъ платья надѣваютъ фараджи, то-есть женскій халатъ, у коего съ головы до пятъ рукава узкіе, вмѣстѣ сшитые и пущенные назадъ, длиною ниже икоръ. На голову уборъ надѣваютъ, на подобіе лукошка, вышиною въ четверть, кое называютъ кагава; назадъ по оному привязываютъ двѣ штуки изъ холста, вышитыя шелкомъ, сверху шириною 2 вершка, концы полвершка, длиною до пятъ. Двѣ косы такими же штуками обвиваютъ и вьютъ ихъ

веревкою, свитою въ серединѣ, а двѣ распущенныя по краямъ; привязываютъ концы къ оной свитой; итакъ, длина будетъ ниже икоръ. Оное именуется моибовъ. Изъ коневыхъ волосъ въ три ряда свита веревка, на концахъ снурки, оную кладутъ подъ шею, сверху лукошка. Концы привязываютъ, чтобъ лукошко не могло спасть съ головы, кою называютъ зульфъ. По лукошку, на головѣ, повязываютъ разные платки, на лицо надѣваютъ волосяныя сѣтки, оныя называютъ чашманъ. Дутыя пуговки золотыя надѣваютъ на снурокъ по 20 и болѣе, навязываютъ на шею, кое называютъ чавакъ. Снурки повязываютъ черезъ плеча, на оныхъ такія жъ золотыя дутыя пуговки, на грудяхъ на снуркахъ же по круглому камешку, чтобъ оттягивало на низъ; оное называютъ бандаика. У рубашки, передъ вырѣзываютъ почти до пупа; въ то мѣсто вшиваютъ самую рѣдкую кисею. У грудей повязываютъ однѣ соспы маленькими кошелечками, вышитыми шелкомъ. Вся грудь и почти до пупа видна Дѣлаютъ кисти серебряныя о 0-ти цѣпочкахъ, на концахъ утверждаютъ прониски, оныя привязываютъ къ кисеѣ, противъ пупа, коя кисть виситъ ниже брюха, которую называютъ пешовисъ. Женскій кафтанчикъ называютъ мунисакъ. Ниже брюха пола на полу связываютъ завязками, а грудь и пешовисъ вся на виду. Имѣютъ штаны узкіе до пятъ; на ногахъ башмаки, а въ холодное время на ноги надѣваютъ бахилы, шитыя изъ кожи и изъ сукна съ туфлями; оныя называютъ масы, а башмаки—каушъ. Старухи лица не покрываютъ. Дѣвки отмѣну имѣютъ: волосы плетутъ косъ по 10; концы свиваютъ такъ же, какъ и у женщинъ моибовомъ, длиною до поясницы; на голову надѣваютъ, на подобіе жидовской скуфьи, лукошко, вышиною четверть; по лукошку повязываютъ разными платками. У нихъ женщинъ и дѣвицъ посторонніе люди видѣть не могутъ. Они имѣютъ по двѣ, по три жены, а богатые и болѣе и наложницъ по скольку можно по своему капиталу. Ихъ законъ повелѣваетъ, что должно содержать и по 70-ти; жену называютъ зань, а наложницу—гумма. У каждой жены и наложницы имѣются особливыя комнаты. Мужья спятъ съ ними по очереди; къ другой же никакъ приступить не можетъ. Любители приходятъ къ нимъ въ женскомъ платьѣ, а иногда ходятъ женщины, сказывая мужьямъ своимъ, яко бы въ гости, а вмѣсто онаго, къ другимъ людямъ которые сводятъ, гдѣ любители приходятъ и съ ними веселятся. Мужескъ же полъ чрезвычайно склоненъ къ молодымъ........., въ чемъ не имѣютъ отъ начальниковъ своихъ никакого и запрещенія.

Въ той же Бухаріи родится всякихъ фруктовъ довольно, и именно: винограду, изюму, дынь, арбузовъ, яблокъ, замуча, шафталу, алю, кое на подобіе черносливу; джигда на подобіе финиковъ, и прочаго. Не малое число шелку, хлопчатой бумаги, табаку. Изъ шелку ткутъ всякія матеріи; изъ хлопчатой бумаги—на халаты, пестредь; бязь—холстъ.

Шелкъ называется абрышимъ, а хлопчатая бумага—пахта. Какъ же сіе родится, о томъ изъясняется, а именно: о шелкѣ: крестьяне принимаются за шелковыя яйца (или назвать сѣмена) послѣ зимняго поворота солнечнаго, нѣсколько дней спустя. Сѣмена родятся отъ бабочекъ; прилипаютъ, какъ мелкія крапинки, къ толстой бумагѣ и къ хлопчатой. Сперва кропятъ сѣмена холодною водою, дважды четыре дня сряду, потомъ бумагу съ сѣменами свертываютъ и держатъ 25 дней и болѣе въ холодноватомъ мѣстѣ и потомъ кладутъ въ муравленую корчагу, закупоря. Въ каждой недѣлѣ одинъ разъ выносятъ на солнце для обогрѣванія. Когда на тутовыхъ деревьяхъ появятся листья, въ то время бумагу съ сѣменами изъ корчагъ вынимаютъ, грѣютъ на солнцѣ, наблюдая, чтобъ не очень горячо нагрѣлись. Отъ нагрѣванія сѣмена видъ свой перемѣняютъ: оказываютъ пепельный цвѣтъ; а какъ онымъ образомъ цвѣтъ появился, бумагу съ сѣменами свертываютъ и кладутъ въ корчагу, закупоря крѣпко. Чрезъ сутки вынимаютъ, разстилаютъ на камышевыхъ рогожахъ и грѣютъ въ полуденное время на солнцѣ съ часъ и менѣе. Потомъ вносятъ въ покой или подъ кровлю; чрезъ полчаса сѣмена перерождаются въ черные червячки. Въ то самое время даютъ червячкамъ тутовые листья, рубятъ мелко. Отъ корму будутъ червячки выростать. Отъ рожденія въ 4-й или 5-й день—сдѣлаются бѣлыми а въ 9-й или 10-й день—желтыми и засыпаютъ. Спятъ сутки и болѣе, вверхъ поднявши головы. По семъ черви начинаютъ гнѣзда вить, выпуская изъ рта, на подобіе илу, безпрерывно пятеры и четверы сутки. Сверху сдѣлается плена. Тѣ гнѣзды, кои надобны для сѣмянъ, вносятъ въ особые покои, на прохладный вѣтеръ; чрезъ семеры и восьмеры сутки выходятъ изъ гнѣзда бабочки мужескаго и женскаго рода. Вышедши, попарно совокупляются. Отъ женщинокъ родятся сѣмечки (яички). Бабочки ничего не ѣдятъ и прочь отъ своего мѣста не летаютъ: не высоко попархиваютъ; живутъ не болѣе пяти и шести сутокъ. Сѣмена ихъ—желтоватыя крапинки. Изъ сѣмянъ отъ пары бабочекъ родится червей вѣсомъ съ золотникъ и болѣе, а отъ золотника червей—шелку выходитъ два фунта съ половиною и болѣе, черви будутъ съ большой дубовый желудокъ.

Тѣ гнѣзда, кои для шелку, кладутъ въ корчагу. На гнѣзда для заниванія, чтобъ бабочки не родились, кладутъ соли небольшую часть. Обертываютъ въ тутовый листъ; у корчаги горло замазываютъ глиною. Итакъ морятъ восемь и девять сутокъ, а потомъ сдѣлается сверху тонкая плена—въ серединѣ желта. Изъ корчагъ вынимаютъ, варятъ въ котлахъ, а изъ котла вьютъ на колесо, очень тонко, по пяти и шести человѣкъ. Послѣ сего бываетъ сѣрый, потомъ варятъ въ разныхъ красках—и будетъ шелкъ.

НАБЛЮДЕНІЕ:

Когда червячки появились—чтобъ было большее тепло; когда заснули—чтобъ малое тепло; послѣ сна—чтобъ прохолодновато. Черви любятъ чистоту, сухость, чтобъ не было дыму или сырости, вони.

Черви, когда черны, то голодны и много ѣдятъ; бѣлы—менѣе ѣдятъ; желты—сыты; смотря притомъ, чтобъ листья не были сухіе, вонючіе, мокрые, холодные, горячіе; кормятъ червей на камышевыхъ рогожкахъ; постилаютъ сверху одѣяла холстъ, чтобъ червямъ было мягко. Рогожи постилаютъ на сухое мѣсто, гдѣ не бываетъ сырыхъ паровъ.

Смотрятъ, чтобъ червямъ не тѣсно было, а буде тѣсно, берутъ не руками, а лопаточками и кладутъ на другія мѣста. Когда черви созрѣютъ и начнутъ для свиванія гнѣздъ искать мѣста, въ то время берутъ лопаточками и кладутъ въ клѣтки, плетеныя изъ таловыхъ прутиковъ, на подобіе лукошка; во оныхъ черви вьютъ гнѣзда, кои становятъ на высокія мѣста, гдѣ нѣтъ сырости и зною.

Гнѣзда бываютъ бѣлыя и желтыя; бѣлыя почитаются лучшими. По гнѣздамъ узнаютъ, изъ коего бабочка выдетъ мужескаго рода и изъ коего женскаго. Мужескія гнѣзда бываютъ наверху островатыя и толстокожныя; женскія—на низу кругловатыя и толстокожныя.

Смотрѣть, чтобъ на гнѣзда не попала мокрота, пыль, копоть и сверхъ того на кои-либо не попала нечистота. Тѣ въ клѣткахъ гнѣзда хорошія, которыя ближе къ солнцу. Для бабочекъ собираютъ гнѣзда, кладутъ на рогожи, сверху холсты, порознь, по одному, не стѣсняя гнѣздо гнѣздомъ. Предъ выходомъ бабочекъ гнѣзда шевелятся. Бабочекъ сажаютъ попарно на толстую бѣлую бумагу и на хлопчатую; хорошихъ отбираютъ, кои на себѣ никакого страннаго виду не имѣютъ. Умершихъ и уродовъ бабочекъ зарываютъ въ землю, для того птицамъ и скоту бываетъ вредно. О хлопчатой бумагѣ: родиться зерна могутъ, смѣшавши съ золою; сѣютъ на песчаныхъ мѣстахъ; выростаютъ тонкія, съ листьями, вѣтвія, вышиною слишкомъ аршинъ; на нихъ яблоковъ по 6-ти и болѣе, а какъ станетъ поспѣвать, скорлупа сдѣлается сѣра и будетъ съ большой грецкій орѣхъ. Сверху расколется на четыре части и видна будетъ въ срединѣ бумага, кою называютъ гуза. Послѣ бумагу изъ тѣхъ орѣховъ выбираютъ и зерна отъ бумаги отдѣляютъ.

Аладжи, то-есть станокъ, на немъ положены двѣ палочки круглыя, одна къ другой близко. Бумаги приложивъ къ палочкамъ, верхнюю вертятъ, отчего бумага уходитъ межь палочекъ, а зерна остаются. Прутья жъ тратятъ на печеніе хлѣба. Траву сѣютъ, называютъ юрунчка, коя однажды сѣется, выростаетъ и плодится повсегодно, чрезъ

5 лѣтъ и болѣе, кою жнутъ серпами въ лѣто по три раза. Лѣсъ саженой. Званія фруктамъ: дыня—харбуза, арбузъ—тарбузъ, яблоко—серпъ, изюмъ—узюмъ.

Дрова привозятъ издалеча на верблюдахъ и на ишекахъ. Верблюду имя шутуръ. Хлѣбы пекутъ, прилѣпляя къ сторонамъ печи, толщиною полвершка и тоньше. Хлѣбъ—нанъ. Печь—тандуръ. Лѣсъ же тамъ бываетъ. Тутъ на деревѣ-тутѣ родятся ягоды два рода, на подобіе яжовики; бѣлыя—тѣ сладкія; черныя—сладки и кисловаты. Бѣлыя называются ширинтутъ, а черныя—шатутъ.

Листьями жъ кормятъ шелковыхъ червей. Осина тамъ—гучмъ; соксоуль—тыканъ, на подобіе можжевельнику. Скотину кормятъ лѣтомъ юрунчкою, а зимою рубятъ ее мелко и мѣшаютъ съ соломою. Солому мнутъ валами и бываетъ очень мелка и даютъ ячмень и чувару. Деревенскіе мужики и бабы ѣздятъ по большей части на ишекахъ. Купцы пріѣзжаютъ въ Бухарію изъ Индіи и Персіи и изо всѣхъ тамошнихъ мѣстъ и татары, въ Россіи живущіе: становятся въ караванъ-сараяхъ, гдѣ и бываетъ торгъ. Золото и серебро привозятъ изъ Индіи, Персіи, а больше серебро изъ Китая. Тамъ дождя случается мало; воду берутъ каналомъ отъ города Сапкенту, кой разстояніемъ отъ Бухаріи ѣзды 1 день, или 30 верстъ. Изъ того канала проводятъ канавки и наполняютъ пруды для питья людямъ и скоту и на пашню пущаютъ. Изъ прудовъ берутъ кожаными мѣшками, кои дѣлаются: снимаютъ съ козла кожу, подобно мѣшку, и выдѣлываютъ, какъ сзади, такъ и у ногъ зашиваютъ, а гдѣ была шея, въ то мѣсто наливаютъ воду лейками, сдѣланными изъ кожи телячей. Мѣшку имя—машкъ, а лейкѣ—дулча, что̀ носятъ на себѣ плѣнные ихъ слуги. Вода приходитъ въ пруды мутная. Лѣтнее время домуллы въ прудахъ купаются и моютъ рубашки; отъ нечистоты на водѣ бываетъ зелень и множество вшей. Отъ оной нечистоты у человѣка въ тѣлѣ зарождаются ришты, на подобіе волосатиковъ. Въ которомъ мѣстѣ зародится, то мѣсто будетъ жестоко свербѣть; потомъ будетъ пузырекъ. Какъ время будетъ приходить, чтобъ ей изъ тѣла выходить вонъ, то пузырекъ лопнетъ, выйдетъ съ вершокъ, въ самую тонкую нитку языкъ. Въ то время на тутовомъ листу постное масло прикладываютъ къ ранѣ. У меня первой годъ вышло 15, на другомъ 22, на третій 30, изъ всѣхъ мѣстъ: изъ языку, даже и изъ естества, потянувши выдетъ съ вершокъ и болѣе, а какъ почувствую, что больно, то оберну на хлопчатую бумагу, чтобъ не уходила назадъ въ тѣло. И прикладывалъ тутовые листья съ постнымъ масломъ, которая выходитъ чрезъ 15 и 20 дней въ самую толстую нитку, длиною аршинъ и болѣе. Въ одно время у меня порвалась, и такъ нога распухла, никакимъ образомъ ходить невозможно. Бываетъ жаръ и ломъ. Лѣтомъ почти всякій человѣкъ ходятъ на костыляхъ, они за счастье признаютъ,

ежели она будетъ лѣтомъ, потому что она любитъ тепло, а холодъ очень вредно. И подъ осень лежатъ много въ постеляхъ, коихъ слугъ плѣнныхъ жестоко мучатъ и опредѣляютъ къ тяжкимъ работамъ и ругаются неподобно. Если отъ нихъ кто уйдетъ, то, поймавъ, рѣжутъ уши и носъ, а другихъ и убиваютъ до смерти. А пища имъ дается: въ жугарную муку, въ пудъ, кладутъ пшеничной фунта 4 или 5—для связи хлѣбовъ. Въ день одинъ хлѣбъ, вѣсомъ фунтъ и меньше.

Снѣгъ бываетъ самый большой въ 2 вершка и то, когда солнце взойдетъ, весь растаетъ. Съ 1774 году, какъ у тѣхъ бухарцевъ стали быть христіана, снѣгъ уже сталъ выпадать въ половину аршина и болѣе. Бухарцы же примѣчаютъ, что, конечно, ихъ городамъ быть въ россійскомъ владѣніи: когда не было русскихъ, то не видали снѣгу и холоду.

Въ Хиву жъ изъ Россіи былъ посолъ Александръ Бекичъ (Бековичъ), а какимъ образомъ онъ тамо утраченъ, о томъ извѣстно всѣмъ, читавшимъ журналъ Петра Великаго, и изъ состоящихъ при немъ, россійскихъ войскъ 100 человѣкъ, Хивинскій хожа сохранилъ скрытнымъ образомъ, отослалъ въ Бухарію, къ бывшему тамъ хану. Оный ханъ имѣлъ ихъ въ милости, вручилъ имъ ханскій дворъ; кои содержали караулъ на томъ дворѣ и оный ханъ безъ русскихъ никуда не выходилъ и не отъѣзжалъ, для того что далъ имъ большую довѣренность; одного пожаловалъ изъ нихъ топчи башею, то-есть полковникомъ; далъ ему наименованіе капланъ. Приходящіе въ Бухарію татара, чуваши и прочіе просили каплана, чтобъ ихъ называлъ русскими и такъ подъ россійскимъ именемъ ихъ было около 500 человѣкъ. И въ одно время имѣли войну киргизцы съ бухарцами; стояли близъ города Бухаріи и изъ города имъ выѣзжать воли не давали и почти помирали голодомъ, а сколько ни выѣзжали на вылазку, всегда оставались въ немаломъ уронѣ. Капланъ, топчи-баши объявилъ хану: ежели бухарцы дадутъ россійскимъ половину Бухаріи во владѣніе, то обѣщали отъ киргизцевъ учинить свободность. Оный ханъ желалъ отдалить отъ себя русскихъ, но напослѣдокъ остался принужденъ своему народу объявить, что старшины, хожи и чернь были согласны. Близъ того города былъ камышъ. Оный топчи-баши приказалъ русскимъ 500 человѣкамъ надѣвать кольчуги, сабли и исправить ружья. На восходѣ солнца вышелъ онъ изъ камыша, тайно подошелъ, искуснымъ образомъ, къ спящимъ киргизцамъ, сдѣлалъ залпъ ружейныхъ выстрѣловъ. Оные киргизцы не могли справиться, обратились въ бѣгъ. Капланъ, топчи-баши, сѣвъ съ войскомъ на лошадей, гнался трои сутки за ними. Киргизцевъ было 5.000 человѣкъ, а убѣжало не болѣе 1.000 человѣкъ; прочихъ же побилъ. Бухарцы же сбирали только киргицкой экипажъ. Абалфаисъ-ханъ послалъ токсабая, то-есть князя, просить каплана о возвратѣ въ

Бухарію. Бухарцы же встрѣчали его съ почтеніемъ и вручили трактатъ; отдали одинъ городокъ Ваткентъ съ пригородами уѣздными, во владѣніе русскимъ. Оные россійскіе сдѣлали въ Ваткентѣ каменный, круглый столбъ, такой же, что̀ и въ Бухаріи.

Послѣ того пріѣзжалъ персидскій Надыръ-шахъ въ Бухарію; женился на дочери Абалфаисъ-хана и въ городъ свой увезъ не малое число узбековъ и прочихъ. При немъ же артиллеріи было довольно, а для лучшаго облегченія, ѣдучи дорогою, оставилъ часть артиллеріи въ пескахъ. И, будучи въ Персіи, шахова жена, то-есть дочь Абалфаисъ-хана, сдѣлалась нездорова; отпросилась у мужа своего въ Бухарію для поклоненія могилѣ магометанскаго святаго, именуемаго Боговадинъ и для свиданія съ ея отцомъ и матерью. Шахъ и отпустилъ ее съ войскомъ, при коемъ главнокомандующій былъ Р а х и м ъ-бекъ. Пріѣхавъ къ оставленной отъ шаха артиллеріи, взялъ онъ себѣ. Не доѣзжая жъ до Бухаріи, получилъ письмо, что того шаха персидскаго убили. Послѣ сего извѣстія, онъ войско свое жаловалъ деньгами и ласкалъ содержать въ милости, а какъ они сдѣлались тѣмъ обрадованы и къ нему усердны, тогда онъ написалъ ложное посольское письмо, яко бы шахъ отправилъ его въ Бухарію посломъ. Другое жъ письмо такое, яко бы шахъ, за непорядки, Абалфаисъ-хана велѣлъ лишить жизни, на ханство посадить сына его, а ему жъ, Рахимъ-беку, въ Бухаріи быть аталыкомъ. Пріѣхавши туда, расположился съ войскомъ своимъ въ ханскомъ саду. Оный садъ называютъ джизманду. И потомъ, чрезъ посольное къ Абалфаисъ-хану письмо, требовалъ его къ себѣ, яко бы для какой думы. То примѣтя, Абалфаисъ, что Рахимъбекъ пріѣхалъ съ войскомъ и артиллеріею въ Бухарію. И такимъ образомъ Абалфаисъ-ханъ поѣхалъ къ нему съ небольшимъ числомъ людей. Пріѣхавши къ Рахиму, пошелъ въ покои, гдѣ, взявъ его, отвели въ особую комнату и отрѣзали ему голову, а тѣхъ его людей прирубили. Услыша капланъ, топчи-баши, несчастія, городъ заперъ, противился имъ недѣлю. Оный Рахимъ-бекъ послалъ письмо старшинамъ и черни, по коему яко бы шахъ велѣлъ, за непорядки, Абалфаисъ хана убить, а на мѣсто его сдѣлать ханомъ сына; ему же, Рахимъ-беку, въ Бухаріи быть аталыкомъ. То старшины и чернь говорили каплану, чтобъ отдать ему городъ. Рахимъ же бекъ обѣщалъ каплана сдѣлать токсабаемъ, яко бы княземъ, а русскихъ содержать въ такой же милости, въ коей и у Абалфаисъ-хана были. Отдавши капланъ городъ, въѣзжалъ онъ ханской дворъ и сдѣлалъ Абалфаисова сына ханомъ, а самъ остался аталыкомъ.

Каплана жъ пожаловалъ токсабаемъ, то-есть, княземъ, послалъ его въ городъ Шарсаусъ, а русскихъ въ Апкентъ; при себѣ жъ оставилъ малое число. Потомъ спознали бухарцы, что шаха убили, а Рахимъ-

бекъ оное учинилъ подложно, чего отомстить ему было никакъ нельзя, потому что имѣлъ полную власть. Чрезъ годъ молодаго хана удушилъ, а народу объявилъ, что своею смертью умеръ; и втораго сына Абалфаисова сдѣлалъ ханомъ. Чрезъ короткое время велѣлъ его бросить въ колодезь, а сказалъ, будто, гонявши голубей, самъ упалъ туда. Потомъ женился на шаховой женѣ, дочери Абалфаисъ-хана, и сдѣлался ханомъ. Абалфаисъ же былъ ханомъ 40 лѣтъ. Рахимъ-ханъ, съ токсабаями и прочими обѣдалъ, въ кое время его жена, а дочь Абалфаисова, хотя отмстить ему смерть своего отца, провертѣвъ стѣну, выпалила ружьемъ и у Рахимъ-хана сшибла шапку. Кто жъ сіе сдѣлалъ, не отыскали и думалъ онъ сіе, что русскіе хотятъ отмстить ему смерть Абалфаиса-хана. Потомъ призвалъ каплана-токсабая, сказывалъ, будто въ Бухарію пріѣхалъ изъ Россіи посолъ. Капланъ, токсабай, прибывши въ Бухарію, въѣхалъ на ханскій дворъ, сталъ слѣзать съ лошади. Тутъ его зарѣзали, а прочихъ русскихъ въ Бухаріи и Ваткентѣ побили, а другіе разошлись. Послѣ того Рахимъ-ханъ заболѣлъ, въ 3 й день лопнуло у него брюхо и померъ. На ханствѣ былъ только одинъ годъ. Даніаръ-бекъ, родной его племянникъ, въѣхалъ на ханскій дворъ, жаловалъ войско, чтобъ наклонялись къ его сторонѣ, и потомъ объявилъ народу, что ханъ померъ. Погребя его, остался самъ аталыкомъ. На ханство посадилъ изъ хожей мальчика, бывшаго прежде пастухомъ. Имя ему Абулъ Газы, кой и по нынѣ состоитъ ханомъ. Но оный аталыкъ свѣдалъ, что выпалили изъ ружья не русскіе, а дочь Абалфаисъ-хана, который хотя русскихъ и отыскивалъ, но не всѣхъ отыскать могъ. а отыскалъ 5 человѣкъ, изъ коихъ 2 имѣли по 105, а трое по 98 лѣтъ, которые мнѣ разсказывали о несчастіи Абалфаисъ-хана и русскихъ. А отъ русскихъ тамъ рожденныхъ множество. Отъ 1774 году, какъ въ Хивѣ, такъ и въ Бухаріи, навожено киргизцами весьма довольно.

Въ бытность же мою въ Бухаріи, пріѣзжали изъ Майшлака (Мангишлакъ) трукмяне (туркмены); сказывали мнѣ, что желаютъ въ россійское подданство; дали челобитную бухарскому послу муллѣ Ирназару, для поднесенія нашей россійской государынѣ и просятъ, чтобы на ономъ Майшлакѣ соизволила высочайше приказать построить городъ россійскаго владѣнія, которую челобитную подалъ или нѣтъ – неизвѣстно. По примѣчанію трукмяновъ, кажется, что запрещаютъ муллѣ хивинцы за тѣмъ, чтобъ не было Хивѣ отъ Россіи какого притѣсненія, потому что Хива отъ Майшлаку разстояніемъ ѣзды 13 дней. А Майшлакъ при Каспійскомъ морѣ; во ономъ пристани; чрезъ сіе мѣсто ѣздятъ купцы изъ Бухаріи, изъ Хивы въ Астрахань. Отъ Бухаріи городъ Самаркандъ, ѣзды 5 дней; въ немъ городовыхъ воротъ 3-е и видно, что прежде былъ городъ немалой, а нынѣ разоренъ. Травы довольно и вода въ небольшой рѣчкѣ проточная. Лѣсъ саженой. Всякаго винограду, грецкихъ орѣховъ и со-

рочинскаго пшена довольно. Отъ Самарканду ѣзды до города Уртепи (Уратюбе) три дня, въ немъ городовыхъ воротъ 4. Вода проведена каналомъ изъ рѣки Сыръ-Дарьи. Оный каналъ проведенъ изъ города въ городъ и по всей тамошней области города, даже до самой Бухаріи. Во ономъ державецъ узбекъ роду юзъ, имя ему Худояръ-бекъ. Отъ онаго города владѣніе Коканское, а не бухарское. Отъ Уратепи ѣзды 2 дни до города Хожанту [1]), въ немъ городовыхъ воротъ 4; рѣчка Сыръ-Дарья. Отъ Хожанту ѣзды одинъ день до мѣстечка Кукану, при вершинѣ Сыръ-Дарьи; въ немъ державецъ узбекъ, роду юзъ. Имя ему Нарбо-Табекъ, а съ китайской стороны именуется ханомъ, потому что оный имѣетъ съ китайцами союзъ, а съ Бухаріею имѣетъ распрю. Отъ Кукану ѣзды 1 день до мѣстечка Маргиляну, въ которомъ складенъ у рынку каменный, круглый столбъ, вышиною 40 саженъ (?), толщиною 2½ сажени. Во ономъ ткутъ всякаго цвѣту трипъ, а изъ Маргиляну стали сбираться купцы въ городъ Кашгаръ и я, такожъ, купилъ товару, какимъ они торгуютъ и поѣхалъ въ видѣ купца съ ними. Отъ онаго ѣзды 3 дни до города Ушу, въ немъ городовыхъ воротъ 2. Отъ Ушу въ горахъ живутъ кочевые киргизцы. Дорога лежитъ по горамъ и по косогорью. Горы очень высокія, лѣсу малое число; травы довольно. У одной горы воздухъ весьма тяжелый: пѣшаго человѣка захватываетъ духъ, отчего умираютъ. Тутъ мой товарищъ, одинъ русскій, померъ; и такъ погребъ я его ночью по христіанскому закону, потому что днемъ хоронить было не можно, опасаясь мусульманъ. Не доѣзжая до Кашгару за 2 дни, имѣется въ горахъ свинцовая руда, тутъ же и заводъ подъ веденіемъ кашгарцевъ. Ѣхали до Кашгару 13 дней, въ коемъ городовыхъ воротъ 4. Въ небольшой рѣчкѣ вода проточная; которой во владѣніи китайскомъ. Въ немъ же бываетъ торгъ, привозятъ товары изъ Бухаріи и Кукана и изъ всѣхъ тамошнихъ мѣстъ, а изъ Россіи пріѣзжаютъ находящіеся здѣсь татары. Китайцы привозятъ чай, фанзы, фарфоровую и палевую посуду и серебро, кою продаютъ и на товары мѣняютъ. Пошлину берутъ китайцы: съ тридцати вещей—одну.

А дорогою, ежели случалось, кто меня спроситъ, я назывался ногаемъ, потому что въ Россіи живущихъ татаръ въ таможнихъ мѣстахъ называютъ ногаями. Во ономъ Кашгарѣ дѣлаютъ всякимъ цвѣтомъ крашенины и добротою немного ниже здѣшней китайки. Изъ Кашгара ѣздилъ въ городъ Аксу, хотѣлъ какъ-нибудь попасть въ Россію, а какъ способу не нашелъ, то возвратился въ Кашгаръ, который разстояніемъ ѣзды 12 дней. Въ немъ воротъ 3 и небольшая рѣчка проточная. Живутъ въ немъ китайцы съ женами и дѣтьми. Дорога песчаная. Отъ Кашгара до города Ярканту ѣзды 5 дней, въ немъ воротъ 5. У рынку

[1]) Ходжентъ.

круглый, каменный столбъ, вышиною 40 саженъ, толщиною $2^1/_2$ сажени и небольшая рѣчка проточная.

Оныхъ басурманскихъ 6 городовъ во владѣніи китайцевъ. Возлѣ тѣхъ городовъ построены еще и особые, а въ нихъ только одни живутъ китайцы. Какъ въ Бухаріи, такъ и во всѣхъ того владѣнія мѣстахъ, сидятъ вино изъ чернаго, сухаго изюму, всякій для себя и на продажу. И изъ проса дѣлаютъ брагу, а особливо кашгарцы, во всегдашнемъ находятся пьянствѣ.

И буде жена не полюбится мужу, то скажетъ: «мнѣ тебя совсѣмъ не надобно», а буде домъ собственный его, то женъ изъ него выгоняютъ, послѣ чего дни черезъ два или три женится на другой. И ежели въ томъ несогласіи дойдетъ до суда, то и судъ скажетъ, что ежели жена не полюбилась, можно жениться на другой. И женщины съ мужьями обходятся также. Буде любитъ ее мужъ и сверхъ чаянія увидитъ ея съ любителемъ обращающеюся, то и говорить не смѣетъ, опасаясь, чтобъ не отошла прочь. Тамъ женска пола больше, нежели мужскаго.

По пріѣздѣ моемъ въ Яркантъ, купцы стали сбираться черезъ мѣсяцъ въ мѣстечко Тевадъ [1]) покупать товаровъ, коего и я купилъ тамъ же и слугу чернаго арапа. Во образѣ купца поѣхалъ съ ними. Дорога лежитъ между горами по косогорью; на срединѣ горъ рѣка, называется Атакъ. Дровъ и травы малое число, а ночлегъ бываетъ, гдѣ есть поляна. Дорогою ѣдятъ: сваря чаю и кладутъ въ него пшеничное толокно. И лошадямъ кормъ возятъ съ собою, потому что во ономъ мѣстѣ жилья не имѣется. Не доѣзжая за 15 дней есть гора весьма высокая; во оной воздухъ тяжелый и всегдашній туманъ человѣку и лошадямъ захватываетъ духъ, отъ чего и умираютъ. Тутъ мой товарищъ померъ, коего по-христіански похоронилъ. Ѣхали 35 дней до мѣстечка Тевату. Товаръ свой чрезъ томачей продалъ, а лошади пали; остался съ однимъ я слугою арапомъ. Тамъ же люди вѣры китайской. Носятъ платье обоего пола суконное, на ногахъ поршни изъ лошадиной сырой кожи; рубашекъ и постелей не имѣютъ; лица и рукъ не моютъ; покои въ косогорѣ изъ дикаго камня, однѣ двери; посреди покоя ставятъ котелъ, сдѣланный изъ того жъ камня; пищу имѣютъ: въ чайную воду кладутъ толокно; каждый имѣетъ особое судно, изъ коего и ѣдятъ; пшеницы родится тамъ очень мало, потому что тепла бываетъ не болѣе двухъ мѣсяцевъ. Оное мѣстечко въ горахъ и съ оныхъ снѣгъ никогда не сходитъ. Державца называютъ Раджа-Ламы, то-есть попы, носятъ платье суконное желтое и шапки такія жъ, на подобіе жидовской скуфьи. Погребеніе бываетъ у нихъ симъ образомъ: мертваго положатъ ламѣ на спину, привязавъ, по-

[1]) По всей вѣроятности, здѣсь говорится не объ мѣстечкѣ, а о Тибетѣ. Ред.

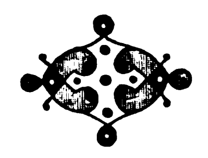
кроютъ чернымъ сукномъ; за шею ламѣ привяжутъ веревку; другой лама возьметъ ее и ведетъ съ мертвымъ. Прочіе ламы идутъ впереди и поютъ, а народъ позади мертваго; поютъ же и играютъ на всякихъ инструментахъ. Взнеся на высокую гору, сажаютъ мертваго на землю, вокругъ окладутъ его дровами, на голову нальютъ масла; послѣ этого провожатый народъ возвратится во-свояси, а ламы мертваго одни сожигаютъ и сжегши надъ пепломъ складутъ могилу, среди коей сооружаютъ глиняный, побѣляемый алебастромъ, столбъ, вышиною въ сажень, а если богатый, то и выше. Ламы по семъ возвратятся въ домъ умершаго, гдѣ пьютъ и веселятся. А вино сидятъ каждый для себя изъ пшеницы. Жилъ я въ томъ мѣстѣ 25 дней. Пришли 3 человѣка нищихъ мусульманъ, которые шли къ поклоненію въ Мекку къ Магометову гробу, и я сказалъ, что туда иду, и, сообщаясь съ ними, надѣлъ такую же нищенскую одежду. Изъ Тевату пошли пѣшкомъ, потому что горы высокія и на лошадяхъ тамъ не ѣздятъ; есть такія между каменьями мѣста, что едва можно человѣку пройти, и товаръ носятъ на спинахъ. Отъ Тевату до рѣки Джилимъ ходу 8 дней, отъ сей рѣки до мѣстечка Кашемиру ходу 7 дней. Воономъ протекаетъ небольшая рѣчка Нилабъ, а вокругъ мѣстечка того болото, въ коемъ родится шафранъ. На волахъ шерсть мягкая, какъ шелкъ, коихъ воловъ называютъ ковмешъ, ту ихъ шерсть прядутъ тонко и ткутъ кушаки, шириною болѣе аршина. Въ тамошнихъ мѣстахъ хановъ называютъ сардаръ, а въ Кашемирѣ— овганъ-мосулманъ, имя ему Карымъ-Датъ. Хоромное строеніе изъ мелкихъ досокъ въ двѣ стѣны; конопатятъ пенькою; покрываютъ соломой. Платье носятъ обоего пола суконное бѣлое; шьютъ кафтаны на подобіе русской крестьянской рубашки: косой воротъ, покроемъ длинные до пятъ, спустивши съ одной руки рукавъ. Подъ платьемъ держатъ съ жаромъ горшокъ, оплетенный таловыми прутиками, съ рукояткой, отъ коего жару брюха у нихъ пѣгія; а буде сядутъ, поставятъ между ногами. Пищу ѣдятъ: вареное сорочинское пшено; для духу кладутъ чеснокъ. Сіе мѣстечко Кашемиръ стоитъ въ горахъ, отъ онаго до рѣки Джанопу ходу 5 дней. По одну сторону рѣки Кашемирское владѣніе, а по другую индѣйская граница. На обѣихъ сторонахъ рѣчки поставлены столбы, за которые утвержденъ толстый канатъ, на оный положена деревянная дуга; по концамъ дуги привязана изъ веревокъ сидѣлка, по обѣ стороны дуги жъ на канатѣ деревянныя кольца; къ кольцамъ съ обоихъ береговъ подвязана толстая веревка, концами за большую дугу. И сажаютъ на сидѣлку человѣка, кладутъ товаръ, привязываютъ веревками, чтобъ въ воду не упали, и тянутъ воротомъ съ берегу на другой. Для того сіе сдѣлано, что та рѣка, стремясь съ превысокихъ горъ, очень быстра, и никакъ мосту сдѣлать и ѣздить на лодкахъ не можно. Отъ рѣки дорога по горамъ; травы мало, а лѣсу и совсѣмъ не

имѣется. До мѣстечка Джаннани ходу 3 дни и отъ сего дорога по горамъ до мѣстечка Джамбу, ходу 2 дни, въ немъ рѣка Рави. Отъ него дорога и города на ровныхъ мѣстахъ; лѣсъ саженой, травы малое число. До городу, коему прежде званіе было Чакикру, а нынѣ во владѣніи у другихъ, коихъ называютъ Сикъ, которые городъ именуютъ Амбарсанъ, ходу до него 8 дней Въ немъ водою пользуются колодезною. Отъ него до городу Вару-вару ходу 2 дни. Въ немъ рѣка Біянады. Отъ него ходу до Пиляуру 3 дни, въ коемъ рѣка Сатлучь. Отъ Пиляуру до города Малеру ходу 3 дни, въ немъ вода колодезная. Отъ онаго ходу до городу Патыалу 2 дни; вода колодезная. Отъ него до города Карнагалу 3 дни; вода колодезная. Вышесказанныя мѣстечки и города въ тѣхъ мѣстахъ называютъ Панджопъ. Державцевъ называютъ сардарами, а не ханами. Городъ съ городомъ всегда имѣютъ вражду и часто бываютъ ссоры и сраженія. А отъ Карнагалу города состоящіе называютъ Индустанъ. Отъ коего ходу до города Панипату 1 день. Отъ сего жъ до столичнаго города Дели, а другое имя Шаиджановатъ, ходу 3 дни; въ немъ рѣка Джанопъ. Индѣйцы называютъ Дели, а мусульмана Шаиджановатъ. И прежде городъ былъ не малый, а нынѣ разоренъ противу того уже въ половину. Державецъ Бадша; имя ему Али-Кавчаръ; магометанскаго закона, имѣющій полную власть, персіянецъ, имя ему Начапханъ-Ибадша, подъ его властью. Въ городѣ Дели артиллеріи довольно; люди малосильные и робкіе. Въономъ городѣ нищіе отъ меня скрылись безвѣстно куда. Остался я со слугою своимъ арапомъ и куда идти не зналъ. Воспомянувъ Бога, проговорилъ по-персидски. Мимоидущій человѣкъ остановился со мною и говорилъ: «какой ты человѣкъ?» Я сказалъ — россійскій. Взялъ онъ меня къ себѣ въ домъ, и у него я обѣдалъ и спалъ. Родомъ же онъ армянинъ, именемъ Симіонъ. На другой день спрашивалъ, какимъ я образомъ попалъ въ тамошнее мѣсто? Я отвѣчалъ, какою несчастною судьбою попалъ въ полонъ и въ оное пришелъ мѣсто. Оный армянинъ отправилъ меня съ купцами въ городъ Лякнауръ, далъ письмо къ англійскому священнику, природному голстинцу, сказалъ, что онъ ему пріятель; дорогу мнѣ покажетъ и буду въ Россіи. Ѣхали на лошадяхъ верхами до города Акбиравату 7 дней; въ немъ рѣка Джонопъ. Отъ онаго до города Шупуравату 1 день. Отъ сего города владѣніе англичанъ. До города Карнаучу ѣзды 3 дни; въ немъ рѣка Гангъ. До города Лякнауру 4 дни, въ немъ рѣка Гумти, гдѣ стали въ караванъ-сараѣ. Данное мнѣ армяниномъ письмо вручилъ я священнику. Оный обѣщалъ отправить меня въ Англію. На другой день прислалъ за мною слугу, почему я и пришелъ въ домъ къ нему. Говорилъ онъ, яко бы узналъ обо мнѣ тамошней комендантъ Медлитомъ и хочетъ-де взять въ свою службу. Я, услыша оное, просилъ его о избавленіи комендантской наглости. Священникъ

далъ мнѣ изъ жалости пару платья и башмаки съ чулками, совѣтуя сказаться, что родомъ я изъ Петербурга, а ежели спросятъ знаетъ ли кто меня, то сказать, что-де знаетъ жившій въ Петербургѣ и Ораніенбаумѣ голстинскій священникъ такой-то. Возвратился я отъ священника въ караванъ-сарай, тогда взяли и держали меня подъ карауломъ 2 дни. Потомъ спросилъ комендантъ, что я за человѣкъ. Я отвѣчалъ по приказанію священника. Комендантъ призвалъ и его, обо мнѣ спрашивалъ. Она сказалъ, что я честной фамиліи, а именно: графа Чернышева родственникъ. Услыша, комендантъ меня немедленно освободилъ и далъ мнѣ письмо для врученія его пріятелю мистру Чамберу въ городѣ Калкатѣ, чтобъ онъ отправилъ меня въ Англію, и такимъ случаемъ освободился я отъ втораго плѣну. Изъ Лякнаура ѣхалъ въ индѣйской коляскѣ, подобно чухонской телѣгѣ, съ зонтикомъ, въ кою впрягаютъ 2 вола. До города Кампу ѣзды 2 дни; въ немъ рѣка Ганга. Во ономъ мѣстѣ нанялъ я лодку; плылъ рѣкою до города Илебашу 6 дней. Подъ Илебашемъ рѣчка Джамна; ниже Илебашу Ганга пала въ Джамну. Отъ онаго до городу Банареса 6 дней до Патны, а другое имя Азимоватъ—5 дней. Отъ него до деревни Муангенчу 7 дней. Оная рѣка подъ деревнею разбилась на-двое: въ лѣвую руку, въ городъ Мадрасъ, а въ правую—въ городъ Калкату. Отъ той деревни до города Максудовату 2 дни; отъ него до Калкаты плаванія 6 дней. Тѣ города, которые во владѣніи англичанъ, въ тамошнихъ мѣстахъ называютъ Бенголь или Бенгала. Та Бенголь изобильнѣе всей Индіи золотомъ, серебромъ, брилліантами, жемчугомъ, шелкомъ и прочими вещами и матеріями. Во всей же Индіи люди черные отъ величайшихъ жаровъ. Индѣйцы ходятъ наги; спереди и сзади подпоясываютъ кушаками. Головы обертываютъ кушаками жъ. Имѣютъ на ногахъ туфли. А женщины на головы накидываютъ платки; рубашки имѣютъ самыя короткія, кои покрываютъ однѣ только груди; рукава длиною 2 вершка; юбки длинныя; носятъ башмаки, а богатыхъ примѣчаютъ по тому: мущины на подобіе перловъ повязываютъ на шею, сдѣланное изъ золота украшеніе; въ одномъ ухѣ кольцо; на рукѣ перстень—золотые жъ. У женщинъ въ ушахъ и ноздряхъ кольца и на руки надѣваютъ по одному кольцу золотому жъ. Ѣздятъ тамъ на слонахъ и кладутъ на нихъ сдѣланные ящики съ зонтиками; во ономъ коверъ и подушка, обитая сукнами по зонтику; вокругъ ящика подзоры, вышитые шелкомъ съ бархатами, серебряными, золотыми и шелковыми, а прочіе дѣлаютъ портшезъ или носилки, то-есть ящикъ, вышина $^1/_4$, длина 2 аршина, ширина $1^1/_2$ аршина съ золотниками жъ; обиваютъ всякими сукнами, съ подзорами и бархатами. Впереди у ящика утверждено дерево, выгнутое на подобіе ослиной шеи, сзади прямое, выкрашенное краскою. Если сядетъ человѣкъ здоровый, то сзади и спереди по 4 человѣка

или по 5, носятъ на себѣ поперемѣнно. Впереди жъ одинъ ходитъ съ тростью для распространенія дороги. Другіе дѣлаютъ портшезъ или четыреугольную будку, ширины и длины $1^1/_2$ аршина, вышиною безъ мала 2 аршина; обиваютъ кожею; съ обѣихъ сторонъ двери; на дверяхъ и впереди стекла; внутри бесѣдка. Такимъ же подобіемъ носятъ на себѣ. Оные портшезы именуютъ палки. Лошадей имѣютъ, за дороговизною, мало для того, что ихъ приводятъ на продажу изъ другихъ земель, кормъ дорогой, и сходнѣе имѣть людей 20, нежели одну лошадь. По всей же Индіи родится сладкій тростникъ или камышъ, который называется найшакаръ, и изъ него дѣлается сахаръ, леденецъ и прочіи сладкія закуски. Вино сидятъ изъ того камышу и изъ пшеницы, всякій про себя и на продажу. Родятся же всякіе фрукты, кромѣ винограду, изюму, дынь, арбузовъ; и все сіе привозятъ изъ другихъ земель. Индѣйцы разныхъ вѣръ, вѣруютъ въ солнце, мѣсяцъ, звѣзды, скотину, въ болвановъ и во всякую гадину и имъ жертвы приносятъ, а именно: вѣрующіе въ солнце на восходѣ онаго входятъ въ рѣку по колѣно и глядятъ на солнце, читаютъ и послѣ плещутъ на солнце водою 3 раза; въ мѣсяцъ на восходѣ онаго также глядятъ и читаютъ, бросаютъ землю на мѣсяцъ 3 раза; въ корову—ежели кто изъ иновѣрныхъ станетъ бить оную, то покупаютъ, а если купить не на что, тогда весьма плачутъ. Говядины не ѣдятъ, а держатъ для молока.... Въ то время варки пищи къ сему мѣсту никто подойти не можетъ. Потомъ приходя къ болванамъ, обливаютъ имъ головы масломъ и разведенною въ водѣ краскою, а другіе водою. И въ домахъ варятъ пищу такъ же. Въ то время если кто, не вѣдая, придетъ чего просить, тогда имъ своя пища уже сдѣлается погана; отдаютъ ее тому приходящему; будутъ съ него требовать за пищу денегъ, чего она имъ стоитъ, и если не отдастъ, то и судъ прикажетъ заплатить. Мертвыхъ у рѣки сжигаютъ; сожегши, пепелъ и кости сметаютъ въ рѣку, а другіе больнаго человѣка, не имѣющаго движенія и кой безъ языка, который уже при концѣ жизни, приносятъ къ къ рѣкѣ, сажаютъ на землю, близъ воды. Буде есть жена, дѣти или родственники, а если никого нѣтъ, то старый человѣкъ возьметъ больнаго за голову, окунетъ въ рѣку, а какъ захлебнется, тогда столкнутъ совсѣмъ его въ рѣку, коихъ утопшихъ уноситъ въ море, а другихъ съѣдаютъ псы. Въ Индіи: Агра, Сурата, Гоа Португальская и Каликутъ Голландскій. Азія къ востоку, съ Восточнымъ океаномъ, или Тихимъ моремъ, а къ западу съ Чернымъ и Средиземнымъ морями и съ тѣми границами, которыми отдѣляется отъ нея Европа; къ югу же—съ Индѣйскимъ океаномъ.

Прибывши я въ городъ Калкату, данное отъ коменданта Медлитона письмо вручилъ я мистру Чамберу, кой въ моемъ дѣлѣ совсѣмъ было отказалъ; при мнѣ былъ купленный слуга арапъ, коего подарилъ я мистру, то просилъ онъ одного капитана, чтобъ свезъ меня до Англіи. Изъ Калкаты плыли до деревни Инджири 5 дней, коя стоитъ на взморьѣ по Индѣйскому морю, бѣжали по морю тому 2 мѣсяца и 6 дней. Поверстались противъ Африки, острова были видны. Отъ оныхъ бѣжали до острова Санталина 19 дней. Тотъ островъ вѣдѣнія англичанъ, съ коего въ корабль брали прѣсной воды. Отъ Санталина бѣжали до Ирландіи до мѣстечка Каслегивнъ 1 мѣсяцъ и 19 дней. Отъ Каслегивна до мѣстечка Кантиси 1 день, изъ коего ѣхалъ я сухопутно до мѣстечка Корька (Корка) часовъ 8. Изъ Корька ѣхалъ въ наемной каретѣ до мѣстечка Довлена (Дублина) 5 дней. Изъ Довлена переѣзжали въ суднѣ морской заливъ до англійской границы, до мѣстечка Ливерпуру—2 дня и одна ночь. Изъ Ливерпура ѣхалъ въ каретѣ по почтѣ до Лондона—2 дни и 2 ночи, гдѣ и явился къ россійскому министру господину генералу Симолину, который снабдилъ меня паспортомъ, и отправленъ былъ россійскимъ консуломъ и находившимся тогда въ Лондонѣ его сіятельствомъ, графомъ Иваномъ Петровичемъ Салтыковымъ моремъ въ Петербургъ къ его превосходительству г-ну тайному совѣтнику и кавалеру Александру Андреевичу Безбородку. Явился я въ 1782 году, августа 26 числа. По именному повелѣнію, въ Царскомъ Селѣ пожалованъ я прапорщикомъ 1 мая 1783 года и опредѣленъ въ государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ по знанію бухарскаго, персидскаго и другихъ азіатскихъ языковъ.

Эта статья напечатана съ имѣющагося въ архивѣ нашего журнала подлинника, писаннаго авторомъ въ 1784 году. При напечатаніи исправлены только нѣкоторыя ороографическія ошибки безъ измѣненій слога. Ред.

ЗАПИСКИ Н. В. ВЕРИГИНА.

Род. 1796 г., † 1872 г.

XXIII [1]).

Въ Уфу привезъ я съ собой тридцать двѣ тысячи рублей ассигнаціями, сбереженныхъ мной въ теченіе 12 лѣтъ отъ ежегодно получаемаго мной вознагражденія за трудъ 6.000 р. ассигнаціями, при не бѣдномъ положеніи на столовое содержаніе. Уже выше было мной замѣчено, что всѣмъ моимъ деньгамъ велся приходъ и расходъ въ Земецкой конторѣ; я хотѣлъ, чтобы и самый базаръ не толковалъ о моихъ правилахъ по своимъ правиламъ. Этотъ порядокъ отчетливости о собственныхъ моихъ деньгахъ былъ удержанъ мной въ теченіе почти сорока лѣтъ въ сложности управленія моего огромными чужими имѣніями.

Я дотащился въ Уфу на 20-й день моего выѣзда изъ Земечины, проѣхалъ безъ всякихъ бѣдъ 1.200 верстъ. Книги, которыхъ было со мной болѣе тысячи томовъ русскихъ и нѣмецкихъ, были моими собесѣдниками не только на стоянкахъ то у ручья въ полѣ, то въ грязныхъ нашихъ постоялыхъ дворахъ, но и въ самой моей крытой во всю длину фурѣ. Перекочовка пожилаго холостяка не сопряжена съ хлопотами семейнаго бѣдняка. Не рѣдко приходило мнѣ на умъ мое годичное пребываніе въ Варшавской тюрьмѣ,—гдѣ тоже книги спасали меня отъ тоски, но въ тюрьмѣ я читалъ книги и днемъ съ огнемъ, а на пути въ Уфу дышалъ свѣжимъ воздухомъ.

---

[1]) См. „Русскую Старину" изд. 1892 г., т. LXXVI, октябрь, стр. 45—80, ноябрь, стр. 294—314; изд. 1893 г., т. LXXVII, февраль, стр. 405-447, мартъ, стр. 579—615, т. LXXVIII, апрѣль, стр. 107—146.

На пути въ Уфу я вспоминалъ свою жизнь въ Моршанскомъ уѣздѣ, свои встрѣчи въ разныхъ мѣстахъ другихъ уѣздовъ и губернскомъ городѣ Тамбовѣ, и одно воспоминаніе о домѣ помѣщика Моршанскаго уѣзда въ десяти верстахъ разстоянія отъ села Земечины было для меня утѣшительнымъ воспоминаніемъ. Сосѣдъ мой, покойный Корнилій Андреевичъ Нил овъ, былъ со всѣмъ своимъ семействомъ, по нравственнымъ своимъ качествамъ, исключеніемъ почти изъ числа всѣхъ моихъ прочихъ знакомствъ. Не буду описывать нашествій уѣздныхъ чиновъ на чужое достояніе, ссоры ихъ при этихъ нашествіяхъ за добычу при дѣлежѣ, не буду говорить о тѣхъ городскихъ пирахъ и часто очень роскошныхъ, которые давались на грязно-пріобрѣтенныя деньги, умолчу о нашемъ базарномъ купечествѣ, которое наживаетъ сотни тысячъ рублей обвѣшиваніемъ, обмѣриваніемъ, обсчитываніемъ, словомъ, косвеннымъ воровствомъ, за которое платятъ городскимъ и уѣзднымъ властямъ. Но придетъ, наконецъ, можетъ быть, время, когда измѣнятся наши нравы на всѣхъ ступеняхъ нашего общества, прекратятся, можетъ быть, наконецъ, взятки съ высшихъ ступеней правительства до сельскаго десятника, а до 1860 года эта язва отравляетъ еще жизнь честныхъ людей.

Въ Уфу я пріѣхалъ въ іюнѣ мѣсяцѣ и остановился въ особомъ передъ домомъ флигелѣ, довольно помѣстительномъ, зятя моего, уфимскаго полиціймейстера Игнатьева. Съ мѣсяцъ прожилъ я въ томъ городѣ, гдѣ, какъ и въ большей части нашихъ губернскихъ городовъ, образуется новая такъ называемая губернская аристократія послѣ каждыхъ десяти лѣтъ, и для меня все было ново, кромѣ родственныхъ двухъ, трехъ домовъ. Изъ числа новыхъ аристократовъ одинъ былъ замѣчательнымъ лицомъ, и этотъ новый аристократъ былъ откупщикъ Иванъ Ѳедоровичъ Б—скій. Старый мой товарищъ по воспитанію и совмѣстной поѣздкѣ моей съ своими двумя братьями въ 1815-мъ году изъ Уфы въ С.-Петербургъ, Иванъ Васильевичъ Жуковскій, котораго я нашелъ въ Уфѣ золотопромышленникомъ, напомнилъ мнѣ о аристократѣ-откупщикѣ, — кто онъ и чѣмъ онъ былъ въ моихъ дѣтскихъ годахъ. Дядя мой, Иванъ Михайловичъ Аничковъ, зажиточный помѣщикъ, взялъ изъ семинаріи священническаго сына въ учителя русской грамотѣ къ 6-ти-лѣтнему сыну своему Николаю, платя этому учителю по 5 р. ассигнаціями въ

мѣсяцъ, и, кажется, къ этому жалованью были прибавлены кафтанъ и сапоги. Когда двоюродный мой братъ выучился у своего учителя кой-какъ читать и писать, то дядя помѣстилъ учителя въ канцелярію губернатора Наврозова писцомъ. Въ одну изъ своихъ поѣздокъ по губерніи, Наврозову секретарь подалъ какую-то бумагу, довольно красиво и четко написанную. Губернаторъ, узнавъ, что бумага переписана писцомъ, взятымъ въ свиту его для разныхъ послугъ, приказалъ секретарю представить писца ему, и это представленіе было началомъ счастія будущаго уфимскаго, а впослѣдствіи и столичнаго вельможи-откупщика. Наврозовъ приказалъ представленному ему писцу переписывать всегда тѣ бумаги, которыя приходилось читать ему самому. Кажется, какъ мнѣ говорили, чрезъ годъ или два — секретарь померъ, и своего писца губернаторъ назначилъ въ свои секретари. Новый секретарь въ теченіе 3-хъ или 4-хъ лѣтъ нажилъ обыкновеннымъ ремесломъ нашихъ секретарей 15 т. р. ассигнаціями. По какимъ-то дѣламъ губернаторъ своего секретаря отправилъ въ Москву, гдѣ онъ выигралъ 100 т. р. ассигнаціями. Это былъ такой шулеръ, который въ канцеляріи, бывъ еще ничтожнымъ между другими писцомъ, обыгрывалъ другихъ мальчиковъ сначала въ горку, а потомъ въ банкъ, и этимъ мастерствомъ еще въ канцеляріи до своего секретарства составилъ себѣ капиталъ въ 100 р. ассигнаціями. Возвратясь изъ Москвы со 100 т. р., смѣльчакъ, получавшій у моего дяди по 5 р. ассигнаціями въ мѣсяцъ, оставилъ при губернаторѣ службу и пустился въ винный откупъ. Въ уѣздномъ городѣ Оренбургской губерніи снялъ на откупъ кабаки и отъ переселенцевъ изъ другихъ губерній пріобрѣлъ въ теченіе 4-хъ лѣтъ болѣе 500 т. р. Послѣ такого пріобрѣтенія—приступилъ къ откупу кабаковъ въ большихъ размѣрахъ и отъ этого, а равно и золотыхъ промысловъ, нажилъ милліоны и вмѣстѣ съ ними чины, которые, т. е. милліоны, породнили его по бракамъ его дочерей съ такими фамиліями, у которыхъ онъ едва-ли въ первобытномъ своемъ положеніи могъ быть даже и простымъ служителемъ.

Въ числѣ другихъ моихъ знакомствъ съ чинами г. Уфы со мной познакомился предсѣдатель казенной палаты Константинъ Аѳанасьевичъ —кій. Предсѣдатель пригласилъ меня при первомъ знакомствѣ къ себѣ на вечеръ. Въ большой залѣ —каго я ходилъ

взадъ и впередъ съ моимъ товарищемъ Иваномъ Жуковскимъ. Хозяинъ дома нѣсколько разъ подходилъ ко мнѣ и говорилъ, что онъ ожидаетъ пріѣзда одного лица, которое составляетъ въ числѣ другихъ его партію въ вистъ, и просилъ меня быть членомъ этого виста. Чрезъ нѣсколько времени я увидалъ, что двери передней въ залъ растворились лакеями съ большой суетливостію, и въ залъ входитъ коренастый господинъ, а за нимъ старикъ въ поношеномъ фракѣ, на лѣвой сторонѣ котораго была генеральская звѣзда. Хозяинъ встрѣтилъ коренастаго господина съ величайшей предупредительностію, а старикъ-генералъ едва былъ имъ замѣченъ. Я спросилъ Жуковскаго, что это за лицо? Жуковскій громко мнѣ отвѣчалъ такъ: «развѣ ты не узналъ того, кто у твоего дядя Аничкова училъ твоего брата Николая за 5 р. въ мѣсяцъ, а за нимъ идетъ бывшій губернаторъ Наврозовъ, у котораго онъ былъ на кухнѣ писаремъ». Я отказался отъ виста съ бывшимъ учителемъ моего брата и сѣлъ за игру съ несчастнымъ бывшимъ губернаторомъ, который предложилъ игру въ такую цѣну, чтобы достало выигрыша только на уплату за карты. Послѣ узналъ я о всѣхъ потеряхъ и по службѣ, и по имѣнію Наврозова, котораго пригласилъ къ себѣ на житье бывшій его писецъ и назначилъ ему ежегодной пенсіи въ 2 т. р. ассигнаціями. Не личныя достоинства, которыя имѣютъ право и изъ крестьянскаго сословія достигать своими заслугами до высшихъ государственныхъ чиновъ, вознесли и въ богатство и чины Б—скаго и многихъ ему подобныхъ, а кабаки, отъ которыхъ разорились наши кормильцы-пахари и будутъ разоряться, отъ которыхъ сотни тысячъ преждевременно умерли, сотни тысячъ присуждены въ Сибирь. Больно видѣть, что отъ такого промысла возвышаются Б—скіе. Прочитайте семейство Холмскихъ и ознакомьтесь съ ремесломъ Б—скихъ, Рюминыхъ, Устиновыхъ, Тулиныхъ, Атрыганьевыхъ и прочей аристократіи изъ кабака, вы съ омерзѣніемъ будете слѣдить за ихъ пріобрѣтеніями и съ болію увидите, что тѣ, на кого вы смотрите, какъ на хищныхъ звѣрей, пока еще они только простые цѣловальники въ кабакѣ, явятся предъ вами чрезъ короткое время хотя и смѣшными по своимъ кабацкимъ движеніямъ, на богатыми барами и на васъ смотрятъ со спѣсью.

Безъ дѣла—нельзя было, по привычкѣ къ дѣлу, оставаться

въ Уфѣ. Я предложилъ товарищу моему Ивану Васильевичу Жуковскому, который былъ однимъ изъ первыхъ лицъ въ Уфѣ, товарищество для закупки ржаной муки съ поставкой въ Нижній-Новгородъ и даже Рыбинскъ, глядя, гдѣ будетъ предстоять болѣе выгодъ. На съѣздѣ у Жуковскаго, новые знакомцы мои вошли по подпискѣ въ товарищество со мной для заготовленія, по моему усмотрѣнію, хлѣба — на сплавъ, куда будетъ признано мной выгоднымъ. Предсѣдатель казенной палаты —кій подписалъ ассигнаціями 25 т. р., Жуковскій 25 т. р., я 25 т. р., а исправляющій должность оренбургскаго губернатора вице-губернаторъ Григорьевъ объявилъ, что онъ и радъ не отстать отъ своихъ товарищей, но у него и 2 т. р. нѣтъ. Впрочемъ, прибавилъ добрякъ, обратясь ко мнѣ, — я буду вамъ помогать моимъ мѣстомъ и все-таки подписываюсь на 2 т. р. Правила заготовленія хлѣба, — сплавъ на своихъ судахъ, были мной предварительно до составленія нашего торговаго общества написаны, оставалось только получить съ товарищей часть денегъ и оправиться въ хлѣбныя мѣста громадной Оренбургской губерніи. Скажу коротко, что товарищество наше рушилось, кромѣ —каго ни у кого не было и десятой доли тѣхъ денегъ, которыя я видѣлъ на подписи. Въ г. Стерлитамакѣ, гдѣ братъ мой Егоръ былъ судьей и куда я переѣхалъ къ нему для приведенія въ исполненіе моихъ торговыхъ оборотовъ, объяснилось, что все мною составленное товарищество введетъ меня въ однѣ денежныя потери, а потому и начались мои торговыя дѣла съ однимъ моимъ родственникомъ, подполковникомъ Капитономъ Косьмичемъ Тимашевымъ, хотя тоже не денежнымъ, но уже искусившимся въ хлѣбныхъ закупкахъ для казны. Заготовленіе мной ржи съ перемоломъ на нанятыхъ мельницахъ началось по разнымъ деревнямъ, разбросаннымъ по степямъ Оренбургской губерніи. Сотни верстъ переѣзжалъ я изъ деревни въ деревню, записывалъ мордву, чувашъ поименно въ реэстръ, выдавалъ почти всѣ деньги впередъ, договорясь въ цѣнѣ и въ поставкѣ по зимнему пути къ назначеннымъ срокамъ. Спутникомъ моимъ былъ числившійся въ уѣздномъ судѣ канцелярскимъ служителемъ Монетовъ, бойкій, смѣтливый, честный и всему простонародію извѣстный по своимъ небольшимъ торговымъ оборотамъ, а еще болѣе по постоялому его двору въ Стерлитамакѣ. Монетовъ бойко го-

ворилъ по-татарски, понималъ мордву, чувашъ и своимъ языкознаніемъ вводилъ меня въ сдѣлки съ тѣмъ народомъ, которому на слово можно было повѣрить въ исполненіи обязательствъ. Три лѣта и три зимы я искрестилъ нѣсколько уѣздовъ моей родины, ознакомился съ нравами разнороднаго населенія Оренбургской губерніи. Не буду описывать ни чувашъ, ни мордвы, ни башкиръ, словомъ, всѣхъ видовъ народнаго склада, — все это уже давно многими описано, но сознаюсь, что русскій мужичекъ въ сдѣлкахъ вездѣ опаснѣе нерусскаго человѣка. Не буду разсматривать, почему чувашанинъ, мордвинъ, мещерякъ честнѣе на дѣлѣ татарина, башкирца, почему русакъ-раскольникъ вѣрнѣе въ своемъ словѣ русака-православнаго; этотъ вопросъ разрѣшается исторіей каждаго народа и самой его вѣрой, а для разъясненія нравовъ отъ такихъ ссылокъ требуется и много знанія, и много бумаги.

Въ Стерлитамакѣ съ моимъ товарищемъ Тимашевымъ мы выстроили двѣ барки, каждую на 2.500 кулей, и двѣ купили заводскихъ, въ которыя погрузили по 2 т. кулей и съ этимъ караваномъ поплыли внизъ по рѣкѣ Бѣлой въ устье Камы для сдачи въ казну 6 т. кулей, проданныхъ нами повѣренному г-на Бенардаки, купцу Иконникову, съ полученіемъ всѣхъ денегъ впередъ. Г-нъ Бенардаки снялъ поставку всего хлѣба съ казанскихъ пристаней въ 1840 году въ казну, и мы съ Тимашевымъ отъ продажи нашихъ 6 т. кулей, въ 9 п. куль, имѣли въ виду получить барыша болѣе 40 т. р. ассигнаціями, такъ было удачно наше заготовленіе муки и продажа нашего хлѣба, но сплавъ избавилъ насъ отъ столь огромнаго барыша.

Я устроилъ себѣ въ каютѣ большой барки помѣщеніе, запасся книгами и отправился внизъ по Бѣлой для наблюденія за сплавомъ и ознакомленія съ береговыми мѣстностями Оренбургской губерніи.

Отвалъ, по нагрузкѣ хлѣба въ Стерлитамакскомъ затонѣ, гдѣ строились двѣ наши барки, показалъ уже намъ, что и то и другое на нашихъ баркахъ устроено неладно, но, исправивъ кой-какъ и то и другое, поплылъ я между извилистыхъ береговъ рѣки Бѣлой, которая въ весеннее время несется, какъ быстрый ручей. Безпрестанные проносы грозили намъ втянуть барки въ себя и посадить ихъ на мель, карши, то-есть свалившіяся деревья и пни, угрожали раз-

бить бока барокъ, но, исправляя безпрестанно и то и другое, все-таки плылъ я до того мѣста, гдѣ наконецъ ту барку, на которой я хозяйничалъ, втянуло въ проносъ, и я сѣлъ на мель. Шумъ, суета, безтолковщина показали мнѣ, что не сняться намъ съ мели, при безпрестанной убыли воды, которая обыкновенно до города Уфы накопляется отъ снѣговъ съ начала весны, а еще болѣе отъ спуска заводскихъ громадныхъ прудовъ въ верхахъ рѣки Бѣлой. Здѣсь испыталъ я всѣ муки судохозяевъ, у которыхъ, при неудачномъ сплавѣ, вся бурлацкая рабочая сила выходитъ изъ повиновенія и наконецъ разбѣгается, если судохозяинъ имѣлъ неосторожность значительную часть денегъ выдать бурлацкому сброду впередъ. Мимо сѣвшей на мель моей барки летѣли легкія заводскія барочки съ грузомъ желѣза, мой кормчій говорилъ мнѣ, что если мы въ теченіе 3-хъ дней не снимемся съ мели, тогда затонъ останется безъ воды и будетъ сухъ, какъ берегъ; теперь прошелъ послѣдній заводскій караванъ, пруды запрутъ, и Бѣлая сдѣлается въ бродъ рѣка. И точно, на третій день, барка сидѣла на островѣ, бурлаки разошлись, мнѣ съ большимъ трудомъ пришлось нанять за 10 и болѣе верстъ рабочихъ для выгрузки на берегъ кулевой муки, а кончивъ эту хлопотливую и убыточную работу, отправился я по болотамъ, береговымъ лѣсамъ въ телѣгѣ, гдѣ въ одну лошадь, гдѣ парой, какъ случалось нанять, и, протаскавшись по проселочнымъ дорогамъ болѣе 200 верстъ, наконецъ притащился въ Уфу. Не буду описывать всѣхъ нашихъ предположеній о исполненіи нашего обязательства въ сдачѣ повѣренному г. Бенардаки Иконникову проданнаго нами хлѣба; кончилось все тѣмъ, что недостатокъ купили, хлѣбъ сдали и барыша, за всѣми потерями, намъ осталось только 6 тыс. р. ассигн. Сдачу хлѣба производилъ Тимашевъ, какъ дѣлецъ въ сдѣлкахъ съ казенными коммиссіонерами, я же остался въ Стерлитамакѣ для хлопотъ съ сѣвшей баркой на мели около мѣдно-плавильнаго завода Ив. Вас. П.

Когда Тимашевъ возвратился съ устья Камы, то передалъ мнѣ мою часть барыша, и мы снова принялись за хлѣбную работу, но уже для Оренбургскаго казачьяго полка, а не въ казну, куда поставка хлѣба на 1842 годъ была взята не г-мъ Бенардаки. Не буду описывать и этой работы, столь же хлопотливой, при передачѣ рот-

нымъ командирамъ права закупки для ихъ эскадроновъ муки ими самими, сколько и при сдачѣ имъ купленнаго нами небольшаго количества хлѣба; зло у насъ вездѣ и во фракѣ, и въ мундирѣ, и въ придворной ливреѣ, слѣдовательно, зло это приходится удовлетворять по требованію ихъ высокопревосходительствъ, ихъ превосходительствъ, ихъ высокородій, высокоблагородій и ихъ благородій, иначе явный убытокъ для того, кто будетъ настаивать на честной сдѣлкѣ. Разскажу про Уфимское губернское присутствіе.

Гражданскій губернаторъ Гижицкій былъ переведенъ на ту же должность въ Симбирскую губернію, а вмѣсто его поступилъ иркутскій вице-губернаторъ Талызинъ, бывшій нѣкогда на Кавказѣ адъютантомъ при Алексѣѣ Петровичѣ Ермоловѣ и товарищемъ предсѣдателя Уфимской казенной палаты —каго, тоже служившаго на Кавказѣ, кажется, по гражданской части. Уфимская молва передавала во всевѣдѣніе, что императоръ Николай I, бывъ въ Москвѣ, спросилъ о Талызинѣ Ермолова, какихъ онъ свойствъ, и будто бы Ермоловъ отвѣчалъ государю то же, какъ говорилъ Наполеонъ I о своемъ маршалѣ Вандамѣ: «съ большими способностями, но если бы у меня было два Талызина, то одного пришлось бы повѣсить» и еще прибавилъ, что Талызинъ, при неутомимой дѣятельности—кутила. И дѣйствительно, съ пріѣздомъ въ Уфу Талызина—начались поперемѣнно, то у него, то у —каго, то у Б—скаго и Жуковскаго ежедневно обѣды и картежная игра, которая продолжалась до ранняго утра. Кутежъ шелъ съ 5 часовъ по полудни и нерѣдко до 5 часовъ утра, а между тѣмъ Талызинъ въ 9 часовъ утра былъ уже въ губернскомъ правленіи и своимъ крикомъ, своими толчками, наводилъ ужасъ на взяточниковъ совѣтниковъ, секретаря и другой составъ этого высшаго губернскаго правленія.

Въ губернскомъ правленіи было два совѣтника: Р—скій и Л—въ, оба изъ духовнаго званія. Люди, привыкшіе съ дѣтскихъ лѣтъ со своими отцами обирать своихъ прихожанъ всевозможными взятками, доползши до высшихъ мѣстъ губернскаго правленія, смѣло налагали подати на исправниковъ, городничихъ и вообще всякаго рода просителей, и этимъ ремесломъ составили себѣ большую деньгу, особенно Л—въ, у котораго была луч-

шая часть въ губернскомъ правленіи по части взятокъ. Талызинъ объявилъ этимъ двумъ молодцамъ, что съ этого времени руки у нихъ связаны, но молодцы губернскаго правленія что-то снова нагрѣшили, и ихъ губернаторъ призвалъ въ свой кабинетъ, гдѣ ругалъ ихъ такъ громко, что ожидавшіе въ залѣ разныхъ родовъ просители слышали, какъ послѣ объяснилось, отборную брань губернатора и видѣли, какъ обоихъ совѣтниковъ вытолкнулъ онъ изъ кабинета пинками. Совѣтникамъ было объявлено губернаторомъ, чтобы они подавали въ отставку, если не хотятъ навязать себѣ на шею такого слѣдствія, которое откроетъ всѣ средства ихъ пріобрѣтеній. Совѣтники повиновались и приготовились къ отставкѣ, но покудова писали они прошеніе, Талызинъ пріобрѣлъ себѣ болѣе сильнаго врага въ своемъ старомъ по Кавказу товарищѣ, —комъ. Предсѣдатель казенной палаты, очень любезный въ обхожденіи, былъ также большой грѣшникъ по всѣмъ дѣламъ казенной палаты. Талызинъ и ему объявилъ, чтобы онъ, старый его другъ, прекратилъ дальнѣйшія пріобрѣтенія тѣми способами, какими до него составилъ себѣ большое состояніе, и —кій, какъ человѣкъ умный, не сердился до случая на предостереженіе того, съ кѣмъ былъ обоюдно на «ты». Случай —кому и другимъ, кому препятствовалъ губернаторъ къ беззаконіямъ, не замедлилъ явиться. Талызинъ устроилъ пикникъ за городомъ на берегу р. Бѣлой, не въ дальнемъ разстояніи отъ большаго селенія казенныхъ крестьянъ. На пикникъ пріѣхали —кій, Жуковскій, полковой командиръ Казачьяго полка, баронъ Корфъ съ женой и еще, не помню, кто-то со своими женами. Музыка гремѣла, вино лилось, подчиванье обносилось, а кругомъ этого веселья крестьянскія дѣвушки и женщины стояли, любовались весельемъ господъ и, по призыву господъ, пѣли веселыя пѣсни. Талызинъ въ порывѣ веселья взялъ одну дѣвушку за руку, вывелъ ее предъ своими гостями, крикнулъ музыкантамъ, чтобы играли «барыню» и пустился въ присядку съ такимъ усердіемъ, что свалился съ ногъ. Гости губернатора подняли, посадили въ карету, и вся веселая компанія разъѣхалась по домамъ. Пляска на берегу р. Бѣлой была въ іюлѣ мѣсяцѣ, я пріѣхалъ въ сентябрѣ въ Уфу, гдѣ обыкновенно, какъ уже сказалъ, останавливался въ кабинетѣ дома Тимашева. На другой день я отправился къ старому товарищу Жуков-

скому и довольно рано утромъ нашелъ у него въ кабинетѣ двухъ совѣтниковъ, Р—скаго и Л—ва, у которыхъ въ рукахъ была какая-то бумага. Слово за слово, дошло и до разсказа о пляскѣ губернатора, и откровенный мой товарищъ объявилъ мнѣ, что такое неприличіе дойдетъ до свѣдѣнія государя. Я имѣлъ довольно вліянія на моего Жуковскаго и въ рѣзкихъ словахъ объяснилъ ему, что такой доносъ можетъ пойдти только съ базара, а вѣрно не изъ его кабинета. Совѣтники, услыхавъ такой приговоръ съ приготовленнымъ уже безъименнымъ доносомъ въ рукахъ, и какъ послѣ сдѣлалось извѣстнымъ, подъ редакціей сговорчиваго Жуковскаго, раскланялись со мной и отправились въ свои норы. Въ 12-ть часовъ пополудни я сидѣлъ въ кабинетѣ, ко мнѣ вошелъ Тимашевъ съ —кимъ. Послѣ взаимныхъ любезностей, —кій началъ мнѣ разсказывать о пляскѣ на р. Бѣлой, описывалъ Талызина, какъ человѣка буйнаго, пьянаго, недостойнаго быть въ обществѣ порядочныхъ людей, и во время его разсказа о всѣхъ неприличіяхъ стараго своего кавказскаго товарища вошелъ ко мнѣ Жуковскій. Разговоръ продолжался о Талызинѣ, и всѣмъ описаніямъ разнородныхъ проступковъ его —кимъ были свидѣтелями Тимашевъ и Жуковскій, который не разъ мнѣ указывалъ на —каго, какъ на безпристрастнаго судію своего кавказскаго товарища. Я отправился назадъ въ Стерлитамакъ, и чрезъ нѣкоторое время молва огласила, что надъ губернаторомъ будетъ произведено по Высочайшему повелѣнію слѣдствіе сенаторомъ. Когда былъ отправленъ безъименный доносъ о Талызинѣ государю императору, въ то время, за отсутствіемъ государя за-границу, исправлялъ царскую тяжелую обязанность государь наслѣдникъ Александръ Николаевичъ. Цесаревичъ, получивъ доносъ, приказалъ шефу жандармовъ, графу Бенкендорфу, узнать чрезъ уфимскаго жандармскаго штабъ-офицера: насколько можно дать вѣры доносу. Въ доносѣ были доказываемы и насилія губернатора надъ мѣщанскими дѣвушками, и его буйное пьянство, и его оскорбленія служащимъ по разнымъ вѣдомствамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ описана во всей подробности пляска на берегу р. Бѣлой. Штабъ-офицеръ корпуса жандармовъ, подполковникъ Краевскій, противникъ губернатора, донесъ графу Бенкендорфу о дѣйствительной пляскѣ Талызина на р. Бѣлой, а о про-

чихъ его поступкахъ не доносилъ ясно, за неимѣніемъ положительныхъ на нихъ доказательствъ. По возвращеніи государя изъ-за границы, было повелѣно отправиться сенатору Пещурову въ Оренбургскую губернію для произведенія слѣдствія надъ губернаторомъ Талызинымъ и его управленіемъ губерніей. Сенаторъ, кажется, въ октябрѣ или ноябрѣ пріѣхалъ въ Уфу; на столъ поставлено было зерцало, слѣдствіе о пляскѣ началось. Свидѣтели пляски показали подъ присягой и самыя дамы, что пляски совсѣмъ не было, крестьянская дѣвушка на очной ставкѣ съ губернаторомъ тоже объявила, что она даже его не видала и не знаетъ, одинъ Жуковскій настаивалъ на справедливости доноса о пляскѣ, а въ доказательство своего показанія приводилъ, наконецъ, разсказъ —каго мнѣ, въ присутствіи его и Тимашева, о пляскѣ и всѣхъ неприличіяхъ губернатора и просилъ письменно дать мнѣ очную ставку съ предсѣдателемъ казенной палаты, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ —кимъ. Прошеніе сенатору Жуковскимъ объ очной ставкѣ со мной —каго было подано за два дня до моего пріѣзда изъ Стерлитамака въ Уфу въ декабрѣ мѣсяцѣ. Показаніе мое сильно могло повредить —кому, и всѣмъ было извѣстно, что я лгать не буду, но случай,—эта выручка многихъ неправдъ,—помогъ сенатору устранить меня отъ очной ставки съ предсѣдателемъ казенной палаты. Въ Уфѣ былъ клубъ, гдѣ я никогда не былъ, ко мнѣ пріѣхалъ другъ Жуковскаго, предводитель уфимскаго дворянства, упросилъ меня отправиться съ нимъ въ клубъ, и я рѣшился посмотрѣть на собраніе клуба. При входѣ въ залъ, я увидалъ передъ собой сидящимъ, кажется, на стулѣ высокаго старика съ огромнымъ горбомъ на спинѣ, съ двумя звѣздами на груди, и около его съ одной стороны откупщика Б—скаго, съ другой едва-ли не жену его — это былъ сенаторъ Пещуровъ. Нѣсколько моихъ знакомыхъ окружили меня, а кто-то довольно громко доложилъ сенатору—это г. Веригинъ. Чтобы не быть выставкой любопытства, особенно дамъ, которыхъ я не зналъ, да и знать не считалъ нужнымъ, я перешелъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ составился для меня преферансъ, и игра продолжалась до разъѣзда клубнаго собранія. Предводитель во время моей игры отправился къ Жуковскому, котораго я не нашелъ въ клубѣ. Къ

концу игры моей въ преферансъ я увидалъ предъ собой огромный подносъ съ кондитерскими сластями всѣхъ родовъ, а сзади Жуковскаго, который, потрепавъ меня по плечу, сказалъ громко такъ, чтобы и сенаторъ слышалъ: «я для тебя пріѣхалъ, Веригинъ, бери, это для тебя». Замѣчу, что добрые знакомые изъ сострадапія къ его семейству нерѣдко старались удержать дома золотопромышленника, когда же не могли въ этомъ успѣть и Жуковскій являлся въ клубъ, то не было конца его подчиванью всѣхъ и каждаго, и такое подчиванье стоило гостепріимному моту нерѣдко отъ 200 до 300 р. Жуковскій и общій нашъ пріятель, маіоръ Казачьяго полка Верстовскій, братъ извѣстнаго музыканта, тоже мнѣ нѣкогда не чужой, настояли, чтобы я остался на заказанный ужинъ 12-ю пріятелями, въ число которыхъ по заказу включили и меня, въ увѣренности, что я не откажусь отъ тѣхъ, кто меня любитъ. Я согласился, пиръ начался и продолжался до 6-ти часовъ утра. Я никогда не видалъ, чтобы шампанское въ теченіе 6-ти часовъ могло быть вылито въ такомъ количествѣ бутылокъ, какое увидалъ я на другой день въ поданномъ мнѣ счетѣ; на одну мою часть досталось заплатить 60 руб., включая сюда и самый ужинъ. Расходчикъ буфета объявилъ мнѣ, что Иванъ Васильевичъ изволилъ проподчивать своимъ благопріятелямъ — господамъ, музыкантамъ и кучерамъ, слишкомъ тридцать бутылокъ одного шампанскаго; музыканты, кучера, лакеи — всѣ пили шампанское, кромѣ другихъ винъ. Жуковскій, напившись до-пьяна, дѣлался до того буйнымъ, что никакая власть не могла удержать его въ иномъ случаѣ отъ самой драки, въ другихъ случаяхъ отъ самыхъ шумныхъ ссоръ, и отъ того этотъ человѣкъ былъ всегда жертвой тѣхъ пройдохъ, которые пользовались щедростью пьянаго буяна. Мнѣ разсказывали, что онъ десятками раздавалъ въ пьяномъ своемъ видѣ паи своимъ льстецамъ, а паи эти приносили десятки тысячъ рублей отъ открытаго Жуковскимъ въ Оренбургской губерніи золотаго промысла, и между его льстецами, которые угощали въ первыхъ порахъ его золотопромышленности роскошными пирами, были по мѣсту и чинамъ очень значительные люди, начиная отъ Оренбурга до Петербурга. Уже и въ мою бытность въ Уфѣ этому золотопромышленнику не было ссудъ и подъ самые векселя,

а картъ ему не предлагали; онъ долговъ не платилъ, проигрывалъ въ карты сколько угодно, а для расплаты всегда бумажникъ его былъ пустъ. На третій день нашей шумной пирушки сдѣлалось извѣстнымъ, что —кій устранилъ меня отъ свидѣтельства, ссылаясь на нашъ кутежъ, на которомъ какъ-будто хотѣли задобрить меня для несправедливаго показанія противъ —каго. Противная сторона Жуковскаго была рада пирушкѣ, которою я устранялся отъ свидѣтельства; я былъ очень доволенъ, что избавляюсь отъ правдивой для себя, для —каго лживой присяги, а потомъ непріятно было уличать въ неправдѣ человѣка, съ которымъ я былъ до сенаторскаго слѣдствія въ хорошихъ отношеніяхъ, Жуковскій же не настаивалъ болѣе на очной ставкѣ со мной его противника; онъ убѣдился, сколь унизительно для меня быть на этой судебной выставкѣ, гдѣ добивались одной неправды. По слѣдствію сенатора Пещурова, все оказалось или ложью, или клеветой, или злобой взяточниковъ, которыхъ истреблялъ губернаторъ, и это слѣдствіе кончилось тѣмъ, что Талызинъ получилъ Станислава 1-й степени, жандармскій штабъ-офицеръ Краевскій былъ отставленъ, два взяточника-совѣтника вышли въ отставку, а Жуковскаго хотя и грозились перевести на жительство въ другую губернію за неспокойный его характеръ, но, зная его отвѣтную угрозу разрубить Талызину лобъ топоромъ, оставили кутилу, чтобы онъ снова сдружился съ собутыльникомъ своимъ Талызинымъ. Въ зиму сенаторскаго слѣдствія я получилъ за карточнымъ столомъ у Тимашева въ Уфѣ три письма: одно отъ Льва Кирилловича, другое отъ Эммануила Дмитріевича Нарышкиныхъ и третье отъ Ивана Ѳедоровича Похвиснева. Всѣ эти лица приглашали меня, кромѣ Льва Кирилловича, для управленія ихъ имѣніями, а Левъ Кирилловичъ предлагалъ мнѣ управленіе его саратовскими степями на условіяхъ, какія мнѣ угодны, съ своей же стороны готовъ былъ согласиться со мной на всѣ посѣвы и сдачи участковъ громадной его степи для раздѣла барышей. Левъ Кирилловичъ былъ мнѣ коротко знакомъ и всегда былъ ко мнѣ дружески расположенъ; Похвиснева я зналъ, какъ въ комедіи Грибоѣдова Фамусова, а письмо Э. Д. Нарышкина наполнено было такой откровенностію о его разстроенныхъ

по всѣмъ имѣніямъ дѣлахъ, такой довѣрчивостію къ моимъ правиламъ и умѣнью моему возстановлять разстроенныя имѣнія, что я рѣшился принять его огромныя имѣнія въ свое управленіе. Я не отвѣчалъ на письма ни Льва Кирилловича, ни Похвиснева, а написалъ Эммануилу Дмитріевичу, чтобы онъ мнѣ выслалъ довѣренность на управленіе его тамбовскими и саратовскими имѣніями въ гор. Стерлитамакъ, а на проѣздъ до села Тараксы 1 тысячу р. ас. Вскорѣ послѣ отправленія моего отвѣта Э. Д. Нарышкину, въ Стерлитамакъ пріѣхалъ братъ жены моего брата, подполковникъ Аѳан. Григорьев. Скрябинъ, съ предложеніемъ отъ новаго начальника Оренбургской губерніи, военнаго губернатора, генералъ-лейтенанта Обручева, нѣкогда бывшаго сослуживцемъ Скрябина, принять мнѣ на себя поставку яровыхъ сѣмянъ на всѣ башкирскіе кантоны для обсѣмененія ихъ полей, чѣмъ хотѣли пріучить къ осѣдлости кочующихъ въ лѣтнее время по степямъ башкирцевъ. Предложеніе было очень выгодно, мнѣ выдавалось впередъ безъ всякаго залога 200 тысячъ руб, но боязнь отъ поздняго заготовленія (предложеніе дѣлалось въ началѣ марта) не отвѣтить ожиданіямъ благороднаго и до фанатизма честнаго Обручева заставила меня уклониться отъ поставки башкирцамъ сѣмянъ, а еще болѣе данное мной слово Э. Д. Нарышкину принять его дѣла на свою шею. Впослѣдствіи я узналъ, что бывшій моимъ повѣреннымъ по покупкѣ у татаръ хлѣба. ловкій и бойкій татаринъ Вядзяповъ, принялъ заготовленіе башкирцамъ сѣмянъ и отъ этой хлѣбной операціи пріобрѣлъ барыша болѣе ста тысячъ руб. асс. Судьба, которую римляне называли Fatum, не выдвигала вообще родъ Веригиныхъ, какъ замѣтилъ одинъ изъ моихъ однофамильцевъ, въ теченіе 600 лѣтъ, т. е. со времени въѣзда изъ Польши въ Россію предка и родоначальника нашего Дементія Ермолаевича, на ту ступень, которая возвышаетъ роды или чинами, или богатствомъ, хотя предокъ нашъ явился къ великому князю Дмитрію Переяславскому не простымъ шляхтичемъ, какъ видно изъ нашей родословной. Дементій Ермолаевичъ, какъ видно изъ прошенія Ивана Веригина, поданнаго при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ для внесенія рода Веригиныхъ въ бархатную книгу, былъ похороненъ въ Новгородѣ у Софіи Премудрости, а у Софіи

*

Премудрости хоронили только самыхъ почетныхъ лицъ. Впрочемъ, можетъ быть, дѣти Дементія Ермолаевича духовенству много дали денегъ, чтобы прахъ ихъ отца лежалъ у Софіи Премудрости; вѣдь у насъ не было и едва-ли будутъ векфильдскіе священники.

XXIV.

23-го марта я выѣхалъ изъ Стерлитамака, взявъ съ собой 42 тысячи руб. асс., 24-го приготовился въ Уфѣ въ дорогу, а 25-го отправился въ Моршанскій уѣздъ, Тамбовской губерніи. Помощникъ губернскаго почтмейстера, двоюродный братъ мнѣ, Мисайловъ, пріятель мой Жуковскій удерживали меня отъ поѣздки въ столь дальній путь до весны; одинъ говорилъ, что третій день почта опоздала, другой ссылался на дорожныя бѣдствія пріѣхавшихъ изъ Бугульмы, но мной было рѣшено, если благополучно проѣду первую станцію, тогда хотя пѣшкомъ доберусь до того имѣнія, гдѣ предстоятъ весенніе посѣвы и множество приготовительныхъ работъ къ дальнѣйшимъ работамъ, но если буду тонуть на каждой верстѣ, тогда ворочусь въ Уфу, отправлю Э. Д. Нарышкину обратно довѣренность и путевыя одну тысячу руб. съ извѣстіемъ, что судьба указала мнѣ на Уфу, а не на Тараксу. До первой станціи я добрался по льду р. Бѣлой безъ бѣдъ. Здѣсь объявилъ мнѣ станціонный смотритель, что нѣтъ возможности проѣхать одинъ оврагъ, гдѣ вчера въ ночь утонуло два монаха на пути въ Уфу, и что вообще повсюду страшныя зажоры до самой Бугульмы, до которой мнѣ слѣдовало ѣхать 180 верстъ. Имѣя отъ брата Мисайлова записку ко всѣмъ станціоннымъ смотрителямъ о дачѣ мнѣ безостановочно лошадей сколько мнѣ потребуется, лошади мнѣ были даны, и я пустился въ путь ночью въ объѣздъ того страшнаго оврага, гдѣ утонули монахи; бѣды грозили почти на каждой верстѣ, но коекакъ добрался я и до второй станціи. Наконецъ дотащился до Бугульмы, гдѣ было мнѣ объявлено, что до Казани почтовое сообщеніе прекратилось, а между тѣмъ замѣчу и то, что мной не была взята

подорожная; я получалъ лошадей, несмотря ни на какія путевыя опасности, только по запискѣ грознаго помощника губернскаго почтмейстера Алексѣя Андр. Мисайлова, гроза же эта прекращалась съ въѣздомъ въ Казанскую губернію. Я рѣшился ѣхать прямымъ на Симбирскъ путемъ, который лежалъ на Мелихаскій казенный винокуренный заводъ, и гдѣ на саняхъ, гдѣ на телѣгѣ, съ угрозой при каждой перемѣнѣ лошадей, что ѣду по казенной надобности, наконецъ пріѣхалъ къ старому своему по казанской гимназіи товарищу, уѣздному предводителю дворянства Михаилу Никол. Кирееву, съ которымъ обнялись мы, какъ друзья нашего минувшаго дѣтства. Киреевъ удерживалъ меня остаться у него въ прекрасномъ его помѣщеніи до весны, объявивъ мнѣ, что нѣтъ возможности переѣхать чрезъ Волгу, а въ доказательство приводилъ мнѣ одно дѣло, по которому онъ долженъ ѣхать на слѣдствіе съ двумя присланными къ нему жандармами, и что, несмотря на всю важность дѣла, онъ не рѣшается утонуть въ зажорѣ. Два дня жилъ я у словоохотливаго Киреева въ разсказахъ другъ другу о нашей жизни, на третій посланный его объявилъ мнѣ, что противъ какого-то селенія въ затонѣ Волги рѣка отъ льда очистилась, а по затону на салазкахъ версты полторы довозятъ до рѣки, гдѣ для перевозки приготовлена рыбачья лодка. Сколь ни страшенъ былъ такой путь, я отправился въ телѣгѣ на такъ называемый курганъ передъ затономъ р. Волги. Въ Уфѣ я оставилъ своего служителя по неимѣнію мѣста даже и на козлахъ, а взялъ съ собой молодаго учителя моего племянника, котораго обѣщалъ довезти до Моршанска, а оттуда отправить въ Петербургъ. Этотъ молодой человѣкъ, не болѣе 20-ти лѣтъ, былъ истиннымъ для меня въ дорогѣ мученіемъ; ничего не испытавшій, вялый, боязливый, связывалъ меня, какъ говорится, по рукамъ и ногамъ. Чемоданъ мой два отчаянныхъ рыболова уложили на салазки, и я съ моимъ менторомъ пошелъ за салазками пѣшкомъ по зимней дорогѣ на затонъ. Когда мы прошли уже съ версту, я увидалъ, что по обѣ стороны дороги въ отверстіяхъ выскакиваетъ вода; на мой вопросъ, отчего это показывается вода въ дырахъ, возница отвѣчалъ такъ: «ишъ она дышетъ, ту-та по сторонамъ не ледъ, а ужь каша-кашей, вотъ она и дышетъ, а зимникъ еще ничего». При-

знаюсь, этотъ отвѣтъ указывалъ мнѣ смерть, а мой сопутникъ едва могъ быть стащенъ съ мѣста, чтобы дойти до лодки, воротиться же назадъ было и дальше, и небезопаснѣе. На лодку спустили насъ по doскамъ, и мы поплыли рѣкой къ Симбирску болѣе 2-хъ верстъ; одинъ рыбакъ на кормѣ, другой съ 2-мя веслами, и тотъ и другой отталкивали набѣгавшія льдины или обплывали слишкомъ большія и такимъ образомъ доплыли къ крутому въѣзду города Симбирска отъ берега р. Волги. Въ Симбирскѣ сѣлъ я въ почтовую телѣгу и уже вплоть до села Тараксы г. Нарышкина ѣхалъ, гдѣ на почтовыхъ, гдѣ на вольныхъ въ телѣгѣ въ такую распутицу, когда и мужикъ перестаетъ навѣщать сосѣдній кабакъ. При самомъ въѣздѣ въ моршанское имѣніе Э. Д. Нарышкина, я въ поляхъ его увидалъ несвязанныя осенью копны ржи и овса, и это тянулось по всему имѣнію на протяженіи 80-ти верстъ. Въ с. Тараксу я пріѣхалъ 14-го апрѣля на другой день Святой недѣли, и чрезъ два дня отправился чрезъ Моршанскъ въ село Канобеево, гдѣ было главное управленіе всѣми имѣніями моего новаго и еще очень молодаго довѣрителя. Предмѣстникъ мой, Никол. Никол. фонъ-Штемпель, принялъ меня, какъ ожидаемаго своего преемника. Штемпель, огромнаго роста, тучный, необыкновенно сильный, до того сильный, что отъ щелчка его падалъ на землю провинившійся предъ нимъ, во всей силѣ слова благородный, честный до бѣшенства, былъ несчастливъ въ теченіе своего 3-хъ-лѣтняго управленія всѣми имѣніями Э. Д. Нарышкина.

Штемпель, въ душѣ нѣмецъ, замѣщалъ должностныхъ лицъ только тамъ русскими, гдѣ нѣмецъ не былъ способенъ къ дѣлу, и отъ того во всѣхъ участкахъ въ 1.000 душъ были начальниками поставлены нѣмцы, а отчетность ввѣрена была крѣпостнымъ писарямъ. Штемпель въ русскомъ гражданскомъ чиновничествѣ и даже въ са̀момъ военномъ зналъ по собственному опыту одно мошенничество, ложь, обманы, кражу, утайки, но не хотѣлъ сознаться, что нѣмцы точно честны у насъ въ Курляндіи, Эстляндіи, словомъ, на своей родинѣ, а въ русской службѣ они то же, что̀ и русскіе, даже счастливѣе и безопаснѣе русскихъ въ своихъ пріобрѣтеніяхъ, подъ покровительствомъ нашего правительства. Русскій мужикъ безъ ро-

пота ненавидитъ нѣмца, и отъ того барщина съ нѣмцемъ идетъ еще хуже, чѣмъ при русскомъ надзорѣ. Странно было для меня, что болѣе честный человѣкъ, какъ Штемпель, хлѣбъ въ Тамбовскомъ имѣніи продавалъ не самъ, а поручалъ это участковымъ управляющимъ, изъ которыхъ иные были слишкомъ глупы для нашихъ смѣтливыхъ купчиковъ, а другіе имъ на плутни съ руки. Моршанское имѣніе, подъ названіемъ Тараксинская вотчина, состояло изъ 6 тысячъ душъ крестьянъ и до 60 тысячъ десятинъ земли пашенной и лѣсной, и по числу душъ изъ небольшаго числа луговъ, большей частію въ лѣсахъ. Не столько такъ называемый для Тараксинской вотчины голодный 1842-й годъ, какъ распоряженіе управленіемъ селеніями были причиной, что до 400 тяголъ были въ отлучкѣ, или, лучше сказать, въ бѣгахъ, и до 1.000 тяголъ изъ числа 2.700 совершенно безъ лошадей, которыя большей частію издохли отъ безкормицы. Безлошадность по Тараксинской вотчинѣ породила толки, что вмѣсто лошадей по двѣ бабы запрягаютъ въ оглобли крестьянской сохи и этимъ способомъ обработываютъ поля, на которыхъ къ моему пріѣзду большая часть ржаныхъ копенъ и часть яровыхъ находилась на тѣхъ десятинахъ, съ которыхъ должно было убрать копны, потомъ вспахать ихъ и засѣять. Толки о пашнѣ на бабахъ была базарная клевета, столь свойственная базарному обществу, но эти толки разнеслись по Москвѣ и Петербургу, и они заставили терпѣливаго помѣщика Тараксинской вотчины согласиться со взглядомъ своихъ родныхъ на неудачное управленіе г. фонъ-Штемпелемъ. Послѣ этихъ толковъ, я былъ приглашенъ для управленія Тамбовскими и Саратовскими имѣніями съ вознагражденіемъ 12 тысячъ руб. асс. и достаточной провизіей для стола. Неясность въ чемъ-либо у повѣреннаго съ своимъ довѣрителемъ всегда ведетъ къ размолвкѣ и даже у честнаго съ честнымъ. Впрочемъ, не одни толки о пашнѣ на бабахъ и побѣгахъ въ большихъ размѣрахъ отъ нищеты заставили пригласить меня, но накопившіеся и частные и казенные долги отъ ничтожныхъ со всѣхъ имѣній доходовъ наиболѣе были причиной грошовыхъ ко мнѣ во всемъ любезностей.

Во время моихъ поѣздокъ изъ Моршанскаго въ Шацкое имѣніе

старое мое знакомство въ Моршанскѣ обняло меня по-старому, безъ всякихъ видовъ на занятое мной мѣсто, но надъ старымъ моимъ знакомствомъ нависла гроза. Послѣ отъѣзда тамбовскаго губернатора Корнилова въ Петербургъ для того, чтобъ его мѣсто занялъ другой, былъ присланъ изъ Петербурга, для обревизованія всѣхъ присутственныхъ по уѣздамъ мѣстъ, чиновникъ министерства внутреннихъ дѣлъ, статскій совѣтникъ Булгаковъ. Чиновникъ министерства пріѣхалъ въ Тамбовскую губернію не для взятокъ, а для того, чтобы за свои открытія разныхъ злоупотребленій по уѣздамъ получить впослѣдствіи мѣсто губернатора, которое и получилъ по Симбирской губерніи. Булгаковъ сдружился съ моршанскимъ откупщикомъ, подполковникомъ Николаемъ Васильевичемъ П—вымъ, а П—въ считалъ своимъ главнымъ врагомъ перваго уѣзднаго судью, Б. В—ра, бывшаго по Моршанскому уѣзду 12 лѣтъ исправникомъ и очень смѣлаго, подъ покровительствомъ губернскаго правленія, на всѣ грабежи, другаго врага исправника, штабсъ-капитана артилеріи К—ва. Надобно ознакомиться со всѣми кабаками во время продолжительнаго откупа сенатора К. въ товариществѣ съ П—вымъ, чтобы оцѣнить всю гибель для нравственности и имущества нашихъ крестьянъ, а П—въ былъ изъ числа тѣхъ, которые всѣ средства считаютъ позволительными, только бы нажить милліонъ. При разговорѣ со мной о нищенствѣ крестьянъ отъ нашихъ винныхъ откуповъ, онъ не постыдился заключать свои оправданія о закладахъ въ его кабакахъ крестьянскихъ зипуновъ, кушаковъ и другой крестьянской необходимости такимъ восклицаніемъ: «Николай Викторовичъ, дайте мнѣ милліонъ, передъ милліономъ все склоняется, а чтобы пріобрѣсти милліонъ, я готовъ подвести мою родную дочь . . . . Судьи и исправникъ, служившіе по выборамъ дворянства и подъ покровительствомъ такихъ секретарей губернскаго правленія, какъ г. Б—нъ, смѣло окладывали откупщика большими требованіями, но зато и откупщикъ ловко воспользовался падкимъ на шампанское ревизоромъ. Булгакову не тяжело было раскрыть всѣ гадости нашего судьи и исправника, чтобы упечь ихъ, какъ онъ мнѣ, при свиданіи со мной, выразился,—въ Сибирь. Между множествомъ смѣлыхъ дѣйствій на чужую собствен-

ность исправника, была нападка его на Моршанское имѣніе моего довѣрителя Э. Д. Нарышкина. Еще до моего пріѣзда въ с. Тараксу, К—въ описалъ овесъ и гречу помѣщика за большую недоимку подушныхъ податей на его крестьянахъ и продалъ сѣменной хлѣбъ съ торговъ; это было сдѣлано безъ разсмотрѣнія губернскаго правленія, и въ этомъ самовольствѣ былъ главный проступокъ исправника, поссорившагося съ своимъ бывшимъ другомъ, моимъ предшественникомъ г. фонъ-Штемпелемъ. Предшественникъ мой приготовилъ просьбу въ губернское правленіе о поступкѣ К—ва и для подачи передалъ мнѣ эту просьбу. Я не считалъ полезнымъ для столь разстроеннаго имѣнія, какъ Тараксинская вотчина, въ числѣ ея 6 тысячъ душъ крестьянъ, давать ходъ просьбѣ г. Штемпеля и вооружать противъ себя К—ва, бывшаго со мной въ хорошихъ отношеніяхъ. Рѣшеніе мое было извѣстно врагу К—ва, откупщику П—ву, и онъ убѣдилъ ревизора Булгакова свидѣться со мной для убѣжденія меня къ подачѣ просьбы. Въ 4 часа утра служитель мой вошелъ ко мнѣ въ спальню и объявилъ, что ко мнѣ пріѣхалъ ревизующій Тамбовскую губернію статскій совѣтникъ Булгаковъ. При самомъ началѣ нашего разговора объявлено было ревизору, что просьба не будетъ подана и на замѣчаніе Булгакова о вредѣ на будущее время для имѣнія отъ чиновниковъ земскаго суда, при снисходительности моей къ ихъ беззаконнымъ дѣйствіямъ, было мной рѣзко отвѣчено, что мое дѣло отвращать всякое зло отъ ввѣренныхъ мнѣ въ управленіе имѣній и, если не съумѣю побороть зло, съ какой бы оно ступени ни сходило, тогда оставлю имѣнія и возвращусь къ той жизни, гдѣ не буду встрѣчаться ни съ нахальствомъ, ни съ взяточничествомъ нашихъ подъячихъ. Разговоръ окончился такимъ уваженіемъ къ моему образу мыслей о всякаго рода правительственной власти, что ревизоръ Тамбовской губерніи прочиталъ мнѣ секретное наставленіе министра внутреннихъ дѣлъ, дѣйствія свои по обревизованію уѣздовъ, объ открытіяхъ своихъ разныхъ злоупотребленій чиновниковъ земскаго суда и кончилъ предсказаніемъ, что К—въ и Б. В—ръ будутъ въ Сибири. И, дѣйствительно, впослѣдствіи Б. В—ръ, по справедливому настоянію во всѣхъ высшихъ правительствен-

ныхъ мѣстахъ вновь прибывшаго тамбовскаго губернатора, Петра Алексѣевича Булгакова, былъ приговоренъ къ лишенію чиновъ и ссылкѣ въ Сибирь, но по ходатайству всесильнаго —га и Б—хъ оставленъ былъ при императорѣ Николаѣ на жительство въ Моршанскѣ, а при вступленіи на престолъ нынѣшняго императора Александра Николаевича возвращены были ему чины, но съ тѣмъ, чтобы не допускать его ни къ какимъ правительственнымъ мѣстамъ, К—въ же былъ только удаленъ отъ должности исправника и тоже безъ правъ на поступленіе въ какую-либо государственную службу. Б. В—ръ былъ женатъ на побочной дочери моршанскаго помѣщика П—ва, случайно женатаго на дочери богатаго помѣщика, также моршанскаго по жительству своему уѣзда, П., и когда жена П—ва, наслѣдовавъ половину имѣнія своего отца, бросила своего до пошлости глупаго стараго мужа и переѣхала на житье въ Петербургъ, въ то время дочери ея, готовившіяся, по своему положенію, для моршанскихъ жениховъ, вышли замужъ. . . . Послѣ этого немудрено, что нашъ бывшій исправникъ и судья Б. В—ръ за всѣ свои проказы, столь гибельныя для многихъ жителей Моршанскаго уѣзда, былъ помилованъ и продолжалъ жить въ Моршанскѣ, но уже не съ тѣми деньгами, какія имѣлъ во время своей службы; уголовная палата и сенатъ очень облегчили его карманъ, а онъ возилъ его съ собой и въ Тамбовъ, и Москву, и Петербургъ. Какихъ чудесъ не творили при Людовикѣ XV Помпадуръ, Дюбарри, а гдѣ ихъ нѣтъ?

Но, къ дѣлу.

Во всѣхъ имѣніяхъ петербургскаго рода Нарышкиныхъ было одинаковое зло: въ огромныхъ селеніяхъ, гдѣ пахатныя поля тянулись на десятки верстъ, зажиточный крестьянинъ, а тѣмъ болѣе богатый въ барщинныхъ селеніяхъ часто и не несъ барщины или посылалъ на господскія работы мальчика и съ самой плохой лошадью; бѣдный крестьянинъ всегда съ изнуренной и, какъ говорится, грошовой лошаденкой, обработывалъ помѣщичьи поля соотвѣтственно и своему голоду, и своей лошаденкѣ съ приличной всему этому сбруей, и отъ того въ самыя хорошія уроси были у Нарышкиныхъ

плохіе урожаи. Въ оброчныхъ имѣніяхъ біднота, и часто безлошадная, не платила оброка, зажиточные крестьяне для пополненія душеваго оброка окладывались бо̀льшими повинностями противъ тѣхъ, съ кого нечего было взять. Слѣдовало рѣшить: какъ довести бѣдняка до исполненія своихъ повинностей сообразно и своей, и помѣщика выгодѣ, и какъ зажиточнаго отвратить отъ вреда, какому и самъ онъ повергался отъ излишнихъ въ оброчныхъ имѣніяхъ окладовъ, и наносилъ своими дешевыми покупками участка земли у бѣдняка, наймами его на свои рабо̀ты за ничтожныя ссуды хлѣба и другихъ необходимыхъ бѣдняку потребностей. На эти вопросы уже былъ сдѣланъ на дѣлѣ отвѣтъ по управленію моему имѣніями бывшаго моего довѣрителя Льва Александровича Нарышкина, о чемъ уже было мной сказано, когда я говорилъ объ устройствѣ Тамбовскаго и Саратовскаго имѣній Льва Александровича. Итакъ, во всѣхъ имѣніяхъ Эммануила Дмитріевича рѣшено было мной: бѣдныхъ выселить въ особыя деревни, а зажиточныхъ оставить въ старыхъ селеніяхъ, и въ оброчныхъ селеніяхъ бѣдныхъ переселенцевъ въ новыхъ деревняхъ обратить на барщину, оказавъ имъ безплатно пособіе какъ въ устройствѣ ихъ помѣщеній, такъ и въ средствахъ къ обработкѣ собственныхъ и помѣщичьихъ полей. Уже въ имѣніяхъ Льва Александровича данъ былъ мной отвѣтъ, что разселенія дѣлаются по состояніямъ крестьянъ не только для пользы помѣщика, но и для возстановленія какъ вещественныхъ, такъ и нравственныхъ силъ крестьянина, и потому мнѣ не нужно уже было доказывать новому моему довѣрителю, совершенно согласному съ моими взглядами на устройство разстроенныхъ имѣній, пользу разселеній. Распорядитель имѣній съ всѣми правами своего довѣрителя долженъ себѣ дать отвѣтъ на свои мѣстные вопросы, что̀ дастъ помѣщику доходъ и что̀ дастъ крестьянину хлѣбъ, и по отвѣту своему устраивать имѣнія, но все-таки свои вопросы и отвѣты долженъ представить своему довѣрителю на разсмотрѣніе. Поля даютъ хлѣбъ—помѣщику на прожитокъ, крестьянину - для прокормленія себя съ семьей и частію на уплату разныхъ государственныхъ и своихъ обществественныхъ повинностей, слѣдовательно, какъ доходъ, такъ и прокормленіе должно устроить такъ, чтобы и волки были сыты, и овцы цѣлы. Уже говорено было мной, что въ

большихъ селеніяхъ отъ 1 т. до 2 т. душъ поля были за 10, 12 и даже за 20 верстъ отъ селенія, и отъ того ходьба на работы, возка хлѣба въ гумна производилась вмѣсто одного дня нѣсколько дней и при томъ съ такими отъ потравъ, кражи, дурной уборки потерями, которыя трудно было и отвратить. Отвѣты мои были въ теченіе 10 лѣтъ приведены такъ: по Моршанскому имѣнію изъ 5-ти большихъ селеній, по предварительно составленнымъ планамъ, какъ для поселеній, такъ и для полей, устроено 22, а по Шацкому болѣе 30. Старыя селенія со всѣми своими безпорядочно разбросанными дворами, часто по колѣно въ грязи, были всѣ перестроены съ промежутками въ 10 саж. между двумя дворами и изъ топей выселены на возвышенныя мѣста. Поля около селеній были раздѣлены на двѣ половины, изъ которыхъ противъ усадьбы помѣщика одна половина — для 3-хъ полей помѣщика, а другая — для крестьянъ противъ ихъ дворовъ или за ихъ дворами, глядя по расположенію дворовъ. Не буду описывать барщинныхъ повинностей крестьянъ, которыя отбывались каждымъ тягломъ по 2 д. казенной мѣры для помѣщика и по 5 саж. на всѣ казенныя и общественныя повинности; отсылаю любопытнаго какъ по устройству усадьбъ, такъ и повинностей крестьянъ, къ описанію принадлежащей мнѣ деревни Нарядной, о чемъ говорилось въ началѣ этихъ записокъ. Скажу одно, что при устройствѣ барщинныхъ селеній было въ виду не великолѣпіе гуменныхъ построекъ, конторъ и другихъ къ хозяйству необходимостей. Всѣ необходимыя хозяйственныя постройки возводились спѣшно и безъ всякихъ денежныхъ расходовъ, вся забота была обращена на то, чтобы поля давали хлѣбъ и чтобы хлѣбъ поступилъ въ гумна тотчасъ по снятіи его съ корня, а отъ такого рода хозяйства и помѣщикъ съ деньгами, и крестьянинъ съ хлѣбомъ. Не умны тѣ такъ называемые агрономы, которые не понимаютъ желаній своихъ богатыхъ довѣрителей при самомъ разстройствѣ ихъ имѣній. Отцы Нарышкиныхъ и имъ подобныхъ, при громадныхъ жалованныхъ имъ, а не самими нажитыхъ, имѣніяхъ, жили, какъ въ древности Лукуллы, и все-таки еще оставляли долги; дѣти ихъ, при постепенномъ уменьшеніи имѣній отъ раздѣловъ, не хотѣли отказаться отъ того общественнаго положенія, которое наиболѣе

зависитъ отъ съѣздовъ, баловъ и другихъ проказъ, и потому-то такого рода барство не думаетъ о послѣдствiяхъ своего мотовства для ихъ дѣтей, оно хочетъ само насладиться жизнiю и ждетъ изъ имѣнiй денегъ въ текущемъ году, а не отъ послѣдствiй отъ тѣхъ заведенiй, которыя приносятъ прибыль чрезъ нѣсколько лѣтъ. Вотъ отвѣтъ знаменитаго остряка и хлѣбосола Александра Львовича Нарышкина, когда ему было замѣчено, что отъ его роскошныхъ угощенiй не останется его дѣтямъ ничего: «пусть они сами наживаютъ». Мой предшественникъ, подобно многимъ и иногда очень свѣдущимъ лицамъ, занимающимся честно управленiемъ чужими имѣнiями, увлекался постройками или съ значительными расходами денегъ, или своими силами, отрывая ихъ въ самое необходимое время отъ сохи, косы, серпа, возки въ гумна хлѣба, и отъ такого хозяйства довелъ своего довѣрителя до такого положенiя, что онъ вынужденъ былъ разстаться съ честнымъ Николаемъ Николаевичемъ фонъ-Штемпелемъ, а при неподвижности чрезъ мѣру тучнаго въ душѣ нѣмца и помѣшаннаго на барствѣ (особенно, жена его, урожденная Кожина), не видѣлъ, что хлѣбъ у него идетъ подъ зиму, и имѣнiе его довѣрителя готовится подъ молотокъ.

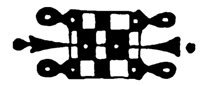
Я уже испыталъ, что разселенiе крестьянъ во вновь заводимомъ селенiи, перестройка старыхъ селенiй по планамъ съ опредѣленной усадьбой для каждаго семейства ведутъ къ ропоту, ослушанiямъ, оскорбительнымъ для преобразователя доносамъ со всѣми гадкими клеветами, по не испыталъ нападокъ отъ высшей губернской власти, т. е. губернаторовъ, въ имѣнiи Эммануила Дмитрiевича, и это было мной испытано. Дѣятельный, честный, свѣдущiй, умный, до лишенiй безкорыстный и врагъ всѣхъ взяточниковъ, Петръ Алексѣевичъ Булгаковъ, въ одинъ годъ со мной прибывшiй въ Тамбовскую губернiю—онъ для громадныхъ занятiй, я для ничтожныхъ по сравненiю съ его занятiями, но съ одинаковымъ желанiемъ—исполнить свой долгъ честно, и этотъ во всей силѣ слова благородный человѣкъ едва не сдѣлался причиной перерыва всѣхъ моихъ по Тамбовскимъ имѣнiямъ перемѣнъ и оставленiя управленiя всѣми имѣнiями моего благороднаго довѣрителя. Вотъ исторiя доносовъ на меня довѣренныхъ, поповскихъ и крестьянскихъ, и послѣдствiя ихъ.

Я разговариваю и очень долго разговариваю и потому нерѣдко могу повторить уже сказанное, а возвращаться къ справкамъ въ этихъ запискахъ о сказанномъ не имѣю охоты; слишкомъ въ 70 лѣтъ нѣтъ терпѣнія для справокъ и переправокъ.

Вотъ исторія моей моршанской славы и временнаго паденія въ кругу людей, которые руководились не своимъ жалкимъ умомъ, а болтовней подобныхъ пьяному и въ душѣ развратному гостиному и трактирному остряку Николаю Александровичу Х—в у. Не разъ замѣтимъ, что Гоголь списалъ своего Ноздрева — съ этого Х—ва.

Н. В. Веригинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Опечатки.

Въ статьѣ „А. А. Котляревскій, какъ преподаватель“ замѣчены слѣдующія опечатки: на стран. 615-й 14-я стр. сверху: россійской — слѣдуетъ: Россійской; на 616-й 4-я стр. снизу: раздѣляется — слѣдуетъ: раздѣляла; на 618-й 13-я стр. снизу: чувствительностью — слѣдуетъ: чувственностью; на 619-й 2-я стр. сверху: личности — слѣдуетъ: личностей; на 621-й послѣдняя строка: и генерала — слѣдуетъ: у генерала; на 626-й 14-я стр. снизу: безобразій, — слѣдуетъ: безобразій, о; на 629-й 3-я стр. сверху: волненія — слѣдуетъ: волненій; на 630-й 12-я стр. снизу: 15 іюня — слѣдуетъ: 15 іюля.

ЗАПИСКИ
А. И. Михайловскаго-Данилевскаго.
1829 годъ.

I.

Я оставилъ свой журналъ въ 1826 году [1]), когда изъ арміи удалился въ деревню, гдѣ я провелъ три года въ совершенномъ уединеніи и почти никогда не ѣздилъ въ города. Сначала я не могъ безъ грусти привыкнуть къ сельской жизни, но впослѣдствіи я оную страстно полюбилъ; я пользовался полною независимостію и имѣлъ увѣреніе, что я былъ полезенъ правительству. Дѣти мои найдутъ въ деревнѣ слѣды моего существованія. Что же касается до меня, то слишкомъ пространно бы было описывать мои мечтанія,

---

[1]) См. „Русскую Старину“ 1890 года (т. 58-й ноябрь) „Вступленіе на престолъ императора Николая I; журналъ 1826 года“. Припомнимъ здѣсь, что 1825 годъ засталъ Данилевскаго въ Кременчугѣ, въ скромной должности начальника 4-й бригады 7-й пѣхотной дивизіи. „Со смертію Александра“, пишетъ Данилевскій, „рушились всѣ мои мечты и надежды: тайный голосъ говорилъ мнѣ, что служба моя должна была кончиться, и я ожидалъ,—чтобы выйти въ отставку,—только прекращенія мятежей, которые волновали на нѣкоторое время мое отечество. Весною сего года дѣла начали приходить въ надлежащій порядокъ; твердость новаго монарха ручалась за спокойную будущность, и какъ ничто не препятствовало моему намѣренію, то я подалъ прошеніе объ отчисленіи меня по арміи“. Въ это время жена Данилевскаго, Анна Павловна (рожденная Чемоданова) подарила ему Нижегородской губерніи село Юрьево. „Первая собственность сія меня несказанно обрадовала“, пишетъ Данилевскій, „ибо съ нею совокуплялась мысль, что, въ случаѣ треволненій жизни, у меня есть пріютъ, котораго я такъ давно и такъ страстно желалъ имѣть“. Въ маѣ мѣсяцѣ 1829 года Данилевскій получилъ Высочайшее соизволеніе состоять по арміи и, въ томъ же мѣсяцѣ, выѣхалъ изъ Кременчуга въ деревню. Н. Ш.

представлявшіяся мнѣ въ теченіе трехъ-лѣтняго удаленія моего отъ свѣта; я часто обращался мысленно къ прошедшему, обнимая въ воображеніи будущее, и избралъ девизомъ слѣдующій стихъ, въ которомъ заключается изображеніе чувствъ, оставленныхъ на всегда во мнѣ пребываніемъ въ деревнѣ:

„Тотъ счастливъ, кто своимъ
Доволенъ уголкомъ".

Въ исполненіе сей неоспоримой истины, я украшалъ свой уголокъ, прекрасное Юрьево — всѣмъ, что только состояло въ моихъ силахъ, и обратилъ свой домикъ въ одно изъ красивѣйшихъ жилищъ, какое находится во всемъ Низовомъ Краю. Виды Геттингена и тѣхъ мѣстъ, гдѣ я бывалъ въ Германіи, въ Швейцаріи, во Франціи и въ Италіи, картины сраженій, въ которыхъ находился, портреты особъ мнѣ любезныхъ или тѣхъ, съ коими я былъ въ сношеніяхъ, для меня занимательныхъ, украшаютъ мой домикъ, гдѣ я собралъ все, что приводитъ на память разныя происшествія бурной и кочевой жизни моей. Тутъ проводилъ я незабвенные часы и слѣдилъ внимательно за политическими событіями, не имѣя ни малѣйшаго желанія въ оныхъ участвовать.

Такимъ образомъ я смотрѣлъ хладнокровно на Персидскій походъ и не завидовалъ множеству назначеній, дѣлаемыхъ новымъ монархомъ, но когда я прочиталъ въ 1828 году манифестъ объ объявленіи туркамъ войны и увидѣлъ, что война сія обратилась въ дѣло народное, въ дѣло всей Россіи, тогда я почелъ неприличнымъ оставаться болѣе въ деревнѣ и вмѣнилъ себѣ въ святую обязанность предложить мои услуги.

Я по сему поводу написалъ письмо къ бывшему тогда начальникомъ штаба государева, графу Дибичу.

На сіе письмо я получилъ слѣдующій отвѣтъ.... [1]).

Послѣ таковаго отзыва, я имѣлъ, кажется, полное право полагать, что политическое мое поприще окончено, хотя при чтеніи онаго письма взволновалась душа моя: неужели, думалъ я, мнѣ, бывшему адъютанту Кутузова и Александра, нѣтъ въ русской арміи мѣста

[1]) Къ сожалѣнію, Данилевскій не успѣлъ вписать въ журналъ содержаніе этого отвѣта. Въ бумагахъ же его не удалось мнѣ отыскать ни письма Данилевскаго, ни отвѣта графа Дибича. Н. Ш.

Происшествія похода 1828 года скоро обнаружили, что неопытность и самонадѣянность управляли дѣйствіями онаго. Больно было мнѣ, видѣвшему россійское оружіе торжествовавшимъ во всей Европѣ, слышать, что оно утратило славу свою въ борьбѣ противъ презрѣнія достойной Порты, и я рѣшился поѣхать въ Петербургъ, если не для того, чтобы опять предлагать свои услуги, по крайней мѣрѣ появленіемъ моимъ показать, что я не прячусь въ деревнѣ. Я даже почелъ долгомъ побывать въ столицѣ, потому что я до того времени не имѣлъ еще случая представиться новому монарху нашему и желалъ узнать, какими глазами будутъ на меня смотрѣть при новомъ дворѣ, чтобы вслѣдствіе того принять свои мѣры, ибо въ монархическомъ правленіи есть нѣкоторыя приличія, которыми частному человѣку безразсудно пренебрегать.

Я провелъ въ Петербургѣ только дней съ десять и нашелъ большую во всемъ перемѣну; тѣхъ, которые имѣли вліяніе на дѣла при Александрѣ, большею частію не стало, и мѣста ихъ заняты были другими. Посредственность сихъ послѣднихъ меня поразила и, разсматривая лица, управлявшія въ сіе время дѣлами, я не могу вообразить причины, отчего Россія такъ бѣдна государственными людьми. Болѣе всего поразило меня вообще господствовавшее подозрѣніе и шпіонство. Нѣсколько старинныхъ пріятелей, съ которыми я тотчасъ послѣ моего пріѣзда увидѣлся, убѣждали меня быть въ рѣчахъ и въ письмахъ моихъ сколь можно осторожнѣе и скромнѣе. Сего рода увѣщанія на все время пребыванія моего въ столицѣ распространили какую-то мрачную завѣсу, ибо мнѣ никогда не приходило въ голову, чтобы я въ отечествѣ моемъ могъ сдѣлаться предметомъ какихъ-либо подозрѣній.

По долгу службы я явился къ нѣкоторымъ лицамъ, которыя приняли меня съ гордостію: покойный государь избаловалъ насъ на счетъ обращенія; при немъ одинъ Аракчеевъ позволялъ себѣ только надменные пріемы.

Черезъ два дня я представился государю при разводѣ, который спросилъ меня: «ты за своимъ дѣломъ пріѣхалъ сюда?». «Я только хотѣлъ имѣть счастіе представиться Вашему Величеству», сказалъ я, и благосклонная улыбка была отвѣтомъ.

Впрочемъ, я былъ предупрежденъ слѣдующимъ случаемъ, что

государь ко мнѣ не былъ дурно расположенъ. За нѣсколько времени передъ тѣмъ являлись къ Его Величеству гвардейскіе юнкера, въ числѣ ихъ мой однофамилецъ. Императоръ спросилъ у него, не родня ли онъ мнѣ, а когда сей молодой человѣкъ отвѣчалъ, не знаю по какому поводу, что я ему дядя, то Государь совѣтовалъ ему взять меня за образецъ и служить такъ же, какъ я служилъ.

Государь велъ образъ жизни самый трудолюбивый. Въ 8 часовъ утра онъ принималъ министровъ военнаго или иностранныхъ дѣлъ, что́ продолжалось полтора часа. Съ половины десятаго онъ занимался бумагами, а въ 12-ть принималъ военнаго губернатора съ комендантомъ, бывалъ потомъ на разводѣ, а послѣ посѣщалъ какое-либо заведеніе, не предупреждая никого, что въ оное будетъ, отчего во всѣхъ сихъ заведеніяхъ, гдѣ ежедневно ожидали государя, царствуетъ отличнѣйшій порядокъ. Въ три часа императоръ обѣдалъ; раза два въ недѣлю бываютъ званые обѣды особъ на двѣнадцать. Послѣ стола императоръ нѣкоторое время проводитъ съ семействомъ своимъ, а потомъ онъ ходитъ въ кабинетъ, гдѣ работаетъ до ночи. Трудолюбіе его такъ велико, что каждый получаетъ непремѣнно въ тотъ же самый день рѣшеніе на свой докладъ, въ который онъ ихъ представляетъ.

На другой день я явился къ императрицѣ; нѣсколько французскихъ вопросовъ были удѣломъ моимъ и тѣхъ генераловъ, которые со мною вмѣстѣ представлялись. Ко мнѣ были обращены слѣдующіе французскіе вопросы:

«D'où arrivez Vous? Vous n'avez donc pas fait la guerre? Vous ai-je vu quelque part ou est-ce la première fois que je Vous vois?»

«J'ai eu l'honneur», отвѣчалъ я, «de Vous être présenté à Berlin et à Pétersbourg par l'Empereur Alexandre».—«Où serviez Vous alors?»—«J'étais aide de camp de feu l'Empereur».—«Ah, oui» и при сихъ словахъ, при которыхъ имя Александра послужило мнѣ эгидой, Ея Величество какъ будто смягчилась. Подлѣ меня стоялъ генералъ Бутурлинъ, отправлявшійся въ армію генералъ-квартмейстеромъ; разговоръ съ нимъ былъ не ласковѣе, нежели со мною. Наконецъ дошла очередь до послѣдняго представлявшагося; это былъ камеръ-юнкеръ баронъ Офенбергъ, съ которымъ императрица

говорила по-нѣмецки. Сей пріемъ происходилъ въ комнатахъ покойной Елисаветы Алексѣевны, которая бывало въ сихъ мѣстахъ очаровывала своею любезностію.

Я не могъ выйти изъ Зимняго дворца, не посѣтивъ кабинета императора Александра Павловича; тамъ, какъ и прежде, стояли два грудныхъ изображенія Петра Великаго, фортепіано и нѣсколько столовъ, покрытыхъ зеленымъ сукномъ. На одномъ изъ нихъ лежали книги, между коими я замѣтилъ Прадта посольство въ Варшаву и Вѣнскій конгрессъ и романы Вальтеръ-Скотта.

Черезъ недѣлю послѣ сего я откланивался государю, который спрашивалъ меня, куда я ѣду, долго ли пробуду въ деревнѣ, и пожелалъ мнѣ счастливаго пути.

Я выѣхалъ изъ Петербурга въ мартѣ мѣсяцѣ и по прибытіи въ деревню былъ твердо увѣренъ, что проведу жизнь, какъ частный человѣкъ, посреди семейства и сельскихъ занятій; успокоенный такимъ образомъ на счетъ будущаго, я дѣлалъ предположенія, чтобы провести пріятно лѣто, какъ вдругъ 1-го мая получаю оффиціальное извѣстіе, что меня назначили командиромъ 2-й бригады 4-й пѣхотной дивизіи и повелѣніе немедленно отправиться въ главную квартиру 2-й арміи, дѣйствовавшей противъ турокъ и находившейся тогда въ Валахіи. Внезапность моего назначенія сдѣлала для меня еще труднѣе обыкновеннаго переходъ отъ сельской жизни къ войнѣ.

II.

21-го мая съ растерзаннымъ сердцемъ я простился съ семействомъ, и если что мнѣ приносило отраду въ горькую минуту разлуки, то это была чистѣйшая любовь къ отечеству; я хотѣлъ исполнить долгъ мой съ возможнымъ рвеніемъ, надѣялся, что отблескъ дѣлъ моихъ осѣнитъ благотворною тѣнью дѣтей моихъ, и что имя, которое я имъ передамъ, будетъ уважено. Съ сими мыслями, составлявшими все мое утѣшеніе, я пріѣхалъ въ Москву, гдѣ на нѣсколько дней остановился и гдѣ, мнѣ казалось, вѣяло какимъ-то

роднымъ духомъ, потому что я находилъ людей, которые знали моихъ домашнихъ и объ нихъ говорили. Всѣ тѣ изъ военныхъ, съ которыми мнѣ случилось въ столицѣ разговаривать, изъявляли мрачныя предчувствія на счетъ предстоявшаго похода; это меня тѣмъ болѣе поразило, что я видалъ до того времени русскихъ генераловъ и въ войнахъ, несравненно опаснѣйшихъ турецкой, никогда не сомнѣвавшихся въ успѣхѣ. Можетъ быть, сіи невыгодные отзывы происходили и отъ оскорбленнаго самолюбія, потому что нѣкоторые изъ генераловъ, о коихъ я упомянулъ, просили позволенія въ прошломъ году участвовать въ войнѣ и подобно мнѣ получили тогда отказы.

Между прочимъ видѣлся съ графомъ Орловымъ-Денисовымъ, который покрылъ себя славою въ войнѣ съ французами; онъ мнѣ сказывалъ, что государь, разговаривая съ нимъ о прошлогоднемъ походѣ, объявилъ, что онъ на войну не поѣдетъ, присовокупя: «при мнѣ все идетъ дурно, я не хочу болѣе лично мѣшаться въ дѣла, а потому я въ армію не поѣду».

Изъ Москвы я отправился на Калугу, Орелъ, Кіевъ и Яссы. Я избралъ дорогу на Калугу для того, чтобы видѣть Малый-Ярославецъ, гдѣ по стеченію чрезвычайныхъ обстоятельствъ два великихъ полководца Наполеонъ и Кутузовъ сдѣлали въ одинъ и тотъ же день необыкновенныя погрѣшности, первый, что не рѣшился удвоить свои усилія и прорваться чрезъ Малый-Ярославецъ, а второй, что безъ нужды отступилъ назадъ. Малый-Ярославецъ останется навсегда тѣмъ достопримѣчательнымъ мѣстомъ въ военныхъ лѣтописяхъ, что, начиная съ онаго, Наполеонъ пересталъ маневрировать и помышлялъ только о спасеніи дотолѣ непобѣдимой своей арміи и гдѣ, съ другой стороны началось настоящее торжество Россіи. Хотя я не участвовалъ въ семъ сраженіи, но не безъ удовольствія вспомнилъ, что я слышалъ пушечную пальбу въ ономъ, производимую въ то время, какъ меня везли раненаго въ Тулу.

Въ Бѣлевѣ я посѣщалъ домъ, гдѣ скончалась императрица Елисавета Алексѣевна, являвшая на престолѣ примѣръ добродѣтелей. Въ комнатѣ, гдѣ она испустила духъ, поставлена церковь.

Въ Козельцѣ, по случаю имѣвшаго быть смотра расположеннаго тамъ кавалерійскаго корпуса, я нашелъ много знакомыхъ ге-

нераловъ, которые сказали мнѣ, будто бы меня назначили генералъ-квартирмейстеромъ первой арміи и что они сіе слышали отъ главнокомандующаго сею арміею, фельдмаршала графа Сакена.

Въ городѣ Васильковѣ, гдѣ въ 1825 г. Муравьевъ-Апостолъ взбунтовалъ Черниговскій полкъ, мнѣ сказывали, что всѣ солдаты были въ совершенно въ пьяномъ видѣ, что по сему уже одному обстоятельству предпріятіе его не могло имѣть успѣха.

Отъ Москвы до Кіева не примѣтно было, чтобы существовала война; жители занимались отправленіемъ обыкновенныхъ работъ своихъ, на дорогахъ и въ городахъ не видно было войскъ, но едва я миновалъ Кіевъ, какъ уже показались признаки войны, въ городахъ учились резервные баталіоны, а на дорогахъ часто встрѣчались подводы, нагруженныя разными потребностями для арміи. Для хлѣбопашества малороссійскихъ губерній турецкія войны очень пагубны истребленіемъ воловъ, на которыхъ производятъ сельскія работы. Мнѣ сказывалъ кіевскій губернаторъ Катериничъ, что въ походѣ 1828 г. погибло 70.000 воловъ.

Единственный предметъ разговоровъ былъ прошлогодній походъ въ Турціи. Всѣ единодушно соглашаются, что не было принято никакихъ мѣръ для обезпеченія продовольствія и приготовленія снарядовъ и лазаретныхъ вещей. Порту считали въ такомъ разслабленіи, что считали двухъ корпусовъ достаточными для веденія войны. При открытіи военныхъ дѣйствій, турки повсюду отступали и, казалось, были поражены страхомъ россійскаго оружія; но когда они увидѣли малочисленность нашу, они ободрились и заняли крѣпкую позицію въ Шумлѣ и завели гибельную для насъ партизанскую войну. Партіи ихъ окружали нашу армію до такой степени, что графъ Витгенштейнъ принужденъ былъ черезъ посредство маркитантовъ получать свѣдѣнія о томъ, что происходило подъ Варною. Наѣздники турецкіе наводили такой страхъ, что часто по ночамъ происходила въ лагерѣ нашемъ ужасная тревога. Однажды цирюльникъ пѣхотнаго полка побился съ товарищами своими объ закладъ, что они встревожатъ всю нашу армію, и дѣйствительно сіе случилось. Проказникъ этотъ въ глубокую ночь вдругъ закричалъ: «Турки рѣжутъ!» и все въ величайшемъ смятеніи встрепенулось.—

Конница наша потеряла почти всѣхъ своихъ лошадей, до такой степени, что первую конно-егерскую дивизію принуждены были сопровождать двумя эскадронами жандармовъ. Это напомнило мнѣ анекдотъ, что Наполеонъ, сформировавъ въ Голландіи полкъ изъ евреевъ, приказалъ ему вступать въ какой-то городъ.—Полкъ пошелъ, но, приближаясь къ лѣсу, на него нашла такая робость, что командиръ полка послалъ въ близъ лежащее мѣстечко просить нѣсколькихъ жандармовъ для безопаснаго препровожденія полка черезъ лѣсъ.

Соображая непріятныя обстоятельства прошлогодняго похода, я почитаю самою великою потерею упадокъ чувства непобѣдимости въ войскахъ, которымъ въ прежнія войны преисполнена была русская армія.

8-го іюня я переправился близъ Могилева черезъ Днѣстръ, который составляетъ настоящую границу между просвѣщеннымъ міромъ и полудикими странами, лежащими на правомъ берегу онаго. Крутые и излучистые берега Днѣстра даютъ ему нѣкоторое сходство съ Рейномъ только съ тою разницею, что на Рейнѣ нѣтъ ни аршина земли не воздѣланной, между тѣмъ какъ рука человѣческая почти никогда еще не прикасалась до земель, вдоль Днѣстра лежащихъ. Не успѣлъ я переѣхать сію рѣку, какъ представились мнѣ люди полунагіе, съ звѣрскими лицами, праздные, говорящіе языкомъ еще чуждымъ для музъ, и необозримыя степи, которыми я ѣхалъ до самаго Прута. На семъ пространствѣ я не встрѣтилъ ни одного дерева, ни одного порядочнаго домика, нижѐ проѣзжихъ. Вдали отъ дороги мелькали иногда бѣдныя селенія, имѣвшія видъ унылый и пустынный, ибо около нихъ не было посажено ни одного дерева. Въ замѣнъ здѣсь изобильнѣйшіе луга, испещренные цвѣтами, какіе у насъ ростутъ только въ садахъ; я тутъ видѣлъ желтыя лилеи, геліотропы и тюльпаны. Надъ сими неизмѣримыми пустынями носились хищныя птицы, ястребы и орлы и, слѣдуя за полетомъ ихъ, я разсѣивалъ грустныя мысли мои. Я 11-ть лѣтъ тому назадъ былъ въ Бессарабіи, но съ тѣхъ поръ не нашелъ никакихъ усовершенствованій; можетъ быть, улучшенія произведены въ гражданскомъ управленіи, но по наружности все осталось въ прежнемъ

хаосѣ, какъ будто бы страна сія теперь только вышла изъ рукъ природы [1]).

Ночью того же дня я переѣхалъ границу въ Скулянахъ на Прутѣ и простился съ отечествомъ, а на другой день прекраснѣйшаго утра я пріѣхалъ въ Яссы. Это уже не европейскій городъ, какъ по образу своего построенія, такъ равно и по виду жителей, которые ходятъ въ азіатскомъ платьѣ; многіе изъ нихъ вооружены кинжалами и пистолетами, чтò служитъ доказательствомъ, сколь мало законы защищаютъ частныхъ людей, которые сами должны помышлять о собственной своей оборонѣ.

Меня сперва привезли въ какой-то трактиръ, я сѣлъ на высокое крыльце и долго любовался пестрыми толпами народа, волновавшагося на тѣсныхъ улицахъ города, гдѣ я былъ совершенно чуждый, какъ вдругъ благовѣстъ колоколовъ потрясъ душу мою знакомымъ привѣтомъ и напомнилъ Россію; я узналъ, что это былъ звонъ къ молебну по случаю побѣды, одержанной при Кулевчѣ. Я поѣхалъ въ соборъ, гдѣ нашелъ всѣхъ русскихъ, служащихъ въ Яссахъ. По окончаніи службы, митрополитъ пригласилъ меня на завтракъ, гдѣ было много молдаванскихъ бояръ, изъ которыхъ нѣкоторые мнѣ представлялись и говорили со мною довольно чистымъ французскимъ языкомъ. За мѣсяцъ передъ симъ графъ Дибичъ, выступая изъ Яссъ, чтобы открыть военныя дѣйствія за Дунаемъ, служилъ молебенъ въ соборѣ; когда онъ подходилъ къ кресту, то митрополитъ, не предваря его, попросилъ у него шпагу его. Графъ вынулъ оную изъ ноженъ, и благословилъ ее. Главнокомандующій, который это мнѣ разсказывалъ, присовокупилъ, что онъ былъ глубоко тронутъ сею неожиданностью. Шпага сія есть та самая, которую носилъ государь и которую онъ снялъ съ себя, подарилъ своему новому полководцу, когда передъ отъѣздомъ его изъ Петербурга съ нимъ прощался.

Одинъ изъ русскихъ, служившихъ въ Яссахъ, пригласилъ меня обѣдать; хозяйка дома его, природная молдаванка, лежала на пребольшомъ диванѣ поджавши ноги. Молдаванскія барыни въ этомъ

---

[1]) Въ 1818 году Михайловскій-Данилевскій, будучи флигель-адъютантомъ, сопровождалъ императора Александра Павловича во время поѣздки его на югъ Россіи. Н. Ш.

положеніи проводятъ большую часть дня. Онѣ встаютъ часовъ въ десять, пьютъ, ѣздятъ въ гости или у себя принимаютъ посѣщенія, въ два часа обѣдаютъ и до пяти часовъ спятъ. Вставши, бѣлятся, румянятся и ѣздятъ часа съ два кататься по большой улицѣ, а когда возвратятся домой, то остаются однѣ, потому что собраній въ частныхъ домахъ почти вовсе не бываетъ. Мнѣ случилось видѣть это гулянье; всѣ экипажи, изъ коихъ ни одного не было щегольскаго, запряжены въ двѣ лошади въ шорахъ, и шагомъ тянулись одни за другимъ по улицѣ. Кучера были въ пребольшихъ круглыхъ шляпахъ, подобныхъ тѣмъ, которыя употребляются у насъ на похоронахъ; шляпы сіи испещрены были разноцвѣтными лентами; въ колягкахъ важно сидѣли молдаванскіе бояре, въ халатахъ, подпоясанныхъ богатыми шалями, и въ огромныхъ бараньихъ шапкахъ, а подлѣ нихъ, какъ будто для совершенной противоположности, рисовались жены ихъ въ красивыхъ нарядахъ, выписываемыхъ ими изъ Вѣны.

Въ Яссахъ мнѣ отвели домъ у боярина Димитраки Бельдемана; первая встрѣча моихъ хозяевъ состояла въ томъ, что мнѣ принесли на подносѣ склянку варенья и стаканъ воды; это называется «dulcazza», а потомъ подали трубку и чашку чернаго кофею. Вслѣдъ за симъ явились сыновья моихъ хозяевъ, образованные молодые люди, воспитаніемъ своимъ превосходящіе нашихъ великороссійскихъ дворянъ, живущихъ въ губерніяхъ, хотя и мои молдаване имѣютъ постоянное пребываніе въ своихъ помѣстьяхъ. Они объяснялись очень хорошо по-французски и по-нѣмецки и судили о вещахъ такъ здраво, что бесѣда ихъ была для меня весьма пріятна.

Молдаванскіе бояре вовсе не упражняются въ оружіи. Турки даже не берутъ изъ княжествъ рекрутъ для своей арміи, а потому молдаване, будучи народъ совершенно мирный, должны безпрекословно повиноваться своимъ повелителямъ и надежду свою избавиться когда-либо отъ турецкаго ига возлагать не на могущее случиться возстаніе народное, а на содѣйствіе Россіи. Я полагаю, что въ нѣкоторомъ отношеніи политика Порты не давать оружія побѣжденнымъ народамъ достойна подражанія, и намъ не слѣдовало бы поляковъ и литовцевъ пріучать къ военному ремеслу или поз-

волить имъ участіе въ войнахъ, ведомыхъ Россіею. Тогда бы мало-по-малу и постепенно исчезалъ въ сихъ народахъ воинскій духъ. Наполеонъ презрѣлъ сіе правило и былъ жестоко наказанъ за то, что онъ обучалъ военному ремеслу земли, принадлежавшія къ Рейнскому союзу, которыя при первыхъ его неудачахъ на него же возстали. Покоривши Германію, лучше бы ему было оставить нѣмцевъ при мирныхъ и ученыхъ занятіяхъ ихъ, чѣмъ образовать ихъ по примѣру французской арміи. Ежели бы теперь мы нашли въ Молдавіи войско или людей, служившихъ въ турецкой арміи, то намъ легко бы было употребить ихъ противъ Порты, и мы нашли бы въ нихъ надежныхъ союзниковъ, но такъ какъ въ княжествахъ никого нѣтъ кромѣ мирныхъ жителей, то мы и не можемъ сдѣлать изъ нихъ никакого военнаго употребленія.

III.

Я въ Яссахъ навѣрное узналъ, что моя бригада расположена при блокадѣ Журжи и слѣдовательно имѣетъ не блистательное назначеніе, ибо я полагалъ справедливо, что главная армія на Дунаѣ будетъ пожинать лавры, между тѣмъ какъ мнѣ суждено стоять въ бездѣйствіи и можетъ быть изрѣдка отбивать вылазки турецкаго гарнизона. Я не роптал на сіе назначеніе, будучи въ полной увѣренности, что въ продолженіе войны, конечно, представится обширнѣйшее поприще дѣятельности. Предчувствіе мое оправдалось впослѣдствіи.

Я прожилъ въ Яссахъ два дня, купилъ упряжныхъ лошадей и много разнаго рода вещей и припасовъ, ибо въ турецкомъ походѣ долженъ имѣть съ собою все хозяйство и разные запасы, потому что случается находиться большею частію въ степяхъ или въ такихъ мѣстахъ, гдѣ покупкою ничего нельзя пріобрѣсти. Сверхъ того, я вооружилъ людей своихъ пистолетами и саблями, ибо разбойничьи шайки, составленныя изъ арнаутовъ и другихъ бродягъ, дѣлаютъ большія шалости по дорогамъ и на сихъ дняхъ въ окрестностяхъ Яссъ ограбили трехъ русскихъ офицеровъ. Опаснѣе разбойниковъ

была чума, которая обнаружилась въ разныхъ городахъ княжествъ, какъ-то въ Бырлатѣ, въ Фокшанахъ, въ Галацѣ и въ Слободзеѣ. Черезъ нѣкоторые изъ сихъ городовъ пролегалъ путь мой, и слѣдовательно мнѣ предстояла не только война съ турками, но и наказанія разбойниковъ, моровая язва и гибельный климатъ. Такимъ образомъ странствованіе мое по Молдавіи являлось мнѣ въ самомъ мрачномъ видѣ, но надлежало повиноваться судьбѣ.

Навѣстившіе меня въ Яссахъ офицеры подтвердили единогласно все слышанное о неудачахъ послѣдней войны. Артиллерійскій полковникъ Ильинъ разсказывалъ, что ему велѣно было перевезти изъ Шумлы до 40 орудій, и что для сего онъ поступалъ слѣдующимъ образомъ: всѣхъ лошадей, по причинѣ изнуренія ихъ, онъ подпрягалъ подъ половину орудій; перевезя ихъ, онъ отправлялъ опять всѣхъ же лошадей за другой половиною; но и при всемъ томъ едва не растерялъ орудія.

12-го іюня я выѣхалъ изъ Яссъ въ Бухарестъ на своихъ лошадяхъ; это было первое мое путешествіе на долгихъ, но это была необходимость, ибо княжества до такой степени истощены послѣдствіями бунта князя Ипсиланти и прошлогодняго похода, что за Яссами нельзя было купить лошадей, а въ Бухарестѣ по причинѣ заразы опасно было останавливаться. Меня сопровождали два вооруженныхъ проводника, и въ гористыхъ, и лѣсныхъ мѣстахъ я шелъ пѣшкомъ. Въ нѣсколькихъ верстахъ ко мнѣ присоединились двое студентовъ медицины Московскаго университета, которые такъ были напуганы разсказами о разбойникахъ, что они почти дрожали отъ страха и просили позволенія ѣхать вмѣстѣ со мною. Сіи молодые люди, еще не окончившіе курса наукъ, были посланы въ армію лѣчить—или морить—солдатъ. Къ вечеру мы прибыли въ селеніе Унгешти, гдѣ и расположились ночевать. Я занялъ шалашъ, сплетенный изъ камыша, около меня стояли табуны лошадей и толпы молдаванъ и цыганъ; шумъ, отъ сего табора происходившій, и невнятные для меня разговоры ихъ продолжались до глубокой ночи. Не этимъ однимъ сонъ мой былъ прерываемъ; безпрестанно проѣзжали курьеры то изъ главной квартиры, то въ оную, и прибытіе каждаго изъ нихъ возвѣщаемо было пронзительнымъ крикомъ молдаванскихъ ямщиковъ. Подорожныя отбираемы были у проѣзжаю-

щихъ станціонными смотрителями не руками, а желѣзными клещами изъ опасенія чумы; ихъ окуривали надъ костромъ, сложеннымъ изъ конскихъ костей. Костеръ сей во всю ночь пылалъ передъ моимъ шалашемъ.

На другой день въ три часа прекраснѣйшаго утра я отправился въ Бырлатъ по прекраснымъ мѣстоположеніямъ. Дорогою я встрѣтилъ молодаго Дунаевскаго, который сдѣлалъ мнѣ драгоцѣнный по обстоятельствамъ подарокъ, заключающійся въ нѣсколькихъ кускахъ чесноку и бутылкѣ уксусу, настоеннаго чеснокомъ. То и другое служитъ предохраненіемъ отъ чумы, которая составляетъ главный разговоръ между проѣзжающими.

Къ вечеру я подъѣхалъ къ Бырлату, гдѣ думалъ провести покойно ночь, но какъ великъ былъ ужасъ мой, когда, въѣхавъ въ городъ, я нашелъ улицы совершенно пустыми, домы и ворота накрѣпко запертыми и на площадяхъ, дворахъ и улицахъ курившіеся костры; словомъ сказать, въ Бырлатѣ за пять дней появилась чума. Я поѣхалъ къ коменданту 70-ти-лѣтнему полковнику Платонову, котораго я нашелъ въ трепетѣ, ибо къ опасенію чумы присоединилось въ немъ чувство родительской любви: къ нему только-что пріѣхала изъ Россіи жена и четыре дочери. Можно легко себѣ представить положеніе сего несчастнаго человѣка. Онъ мнѣ показалъ домъ какого-то боярина, гдѣ я расположился ночевать, велѣлъ запереть ворота и никого не впускать на дворъ, а часовому отдалъ приказъ стрѣлять по тѣмъ, которые бы покусились въ оный войти. Въ Бырлатѣ умирали ежедневно по два человѣка отъ заразы. Такимъ образомъ впервые привелось мнѣ ночевать въ чумномъ городѣ; перваго впечатлѣнія ужаса, на меня симъ произведеннаго, я никогда не забуду, но, собравшись съ духомъ, я положился на благое Провидѣніе; указаніе на него успокоило меня болѣе, нежели всѣ предосторожности, которыя въ подобныхъ случаяхъ употребляются, т. е. треніе чеснокомъ, куреніе уксусомъ. Я подумалъ, что Провидѣніе никогда меня не оставляло, и съ сими мыслями легъ спать совершенно успокоенный.

14-го числа, въ четвертомъ часу утра, я выѣхалъ съ радостію изъ Бырлата, откуда взяли проводника. Къ несчастію, онъ не зналъ твердо дороги, и мы заблудились. Сколь это ни было непріятно, од-

нако же представило мнѣ случай, бродя по проселочнымъ дорогамъ, видѣть много селеній, которыя почти не встрѣчаются на столбовой дорогѣ. Строенія въ нихъ совсѣмъ не похожи на наши крестьянскія избы; домики разбросаны во множествѣ по косогорамъ, и около каждаго находится огородъ, обнесенный плетнемъ, гдѣ насажены виноградныя лозы.

Къ обѣду я пріѣхалъ къ городу Текучу, а какъ и въ немъ оказалась чума, то я расположился въ верстѣ отъ заставы на полѣ, близъ колодца. Черезъ полчаса подъѣхала ко мнѣ прекрасная вѣнская коляска, запряженная восемью лошадьми. На козлахъ сидѣлъ въ богатомъ нарядѣ арнаутъ, имѣя за плечами ружье, а за кушакомъ кинжалъ и четыре пистолета, въ рукѣ у него былъ предлинный чубукъ. Въ коляскѣ сидѣлъ молдаванскій бояринъ; это былъ окружный исправникъ или лучше сказать повелитель всего уѣзда, ибо, какъ я отъ него узналъ, онъ управляетъ исполнительною и судебною властью и распоряжается сборомъ казенныхъ доходовъ. Его звали Николеско и привѣтствовалъ меня чистымъ французскимъ языкомъ, и на вопросъ, у кого онъ учился оному, онъ мнѣ отвѣчалъ, что у него въ молодости перебывало пять французскихъ гувернеровъ. Онъ мнѣ привезъ въ подарокъ большой кувшинъ вкуснаго молдаванскаго вина; вино составляло нѣсколько дней уже мое питье, потому что намъ, пріѣзжающимъ съ сѣвера, запрещаютъ употребленіе воды, подъ тѣмъ предлогомъ, будто она, равно какъ и плоды, производитъ лихорадку. Я не знаю, справедливо ли это, по крайней мѣрѣ во весь походъ не пилъ воды и не ѣлъ фруктовъ и, можетъ, сему воздержанію обязанъ, что избавился лихорадокъ, чѣмъ немногіе могутъ похвастаться.

Изъ Текучъ мнѣ надобно было ѣхать на Фокшаны, но такъ какъ въ семъ городѣ свирѣпствовала толь сильная чума, что изъ 3.000 жителей третья часть сдѣлалась уже жертвою заразы, то я изъ Текучъ поворотилъ влѣво на мѣстечко Фундени, проселочною дорогою, которая шла вдоль рѣчки Барлада; на крутыхъ берегахъ ея находится множество селеній, виноградниковъ и плодовыхъ садовъ. Темнота вечера не дозволила мнѣ доѣхать до Фундени, и я остановился неподалеку отъ онаго на почтовой станціи: передъ камышевымъ шалашемъ моимъ пылалъ огонь, и я легъ спать на

сѣнѣ столь ароматномъ, какое только въ благорастворённѣйшихъ странахъ Европы находить можно.

15-го числа я съ разсвѣтомъ выѣхалъ изъ Фундени, и чтобы миновать чумнаго города Фокшаны и Рымникъ, принужденъ былъ сдѣлать огромный кругъ на Пуцо, Аричъ и Градижекъ и уже въ темнотѣ прибылъ въ деревню Челабію, гдѣ и остановился для ночлега въ камышевомъ шалашѣ безъ оконъ и безъ дверей. Во всемъ селеніи не могли найти для меня стола, и наконецъ въ замѣнъ онаго мнѣ принесли доску и придѣлали къ ней ножки изъ четырехъ полѣнъ. Я въ этотъ день оставилъ Молдавію и ѣхалъ по Валахіи верстъ восемьдесятъ. Взору ничего не представляется кромѣ неизмѣримыхъ степей, которыя, подобно пространному морю, кажутся безпредѣльными. Глубокое молчаніе въ оныхъ перерывается только жужжаніемъ милліона насѣкомыхъ, обитающихъ на тучныхъ сихъ равнинахъ, которыя только ожидаютъ руки... чтобы вознаградить его сторицею за трудъ его. Изрѣдка встрѣчалъ пасущіеся (?) или проходящаго валаха, и это производило во мнѣ удовольствіе, равное тому, которое ощущаемъ, когда во время продолжительнаго морскаго плаванія видимъ вдалекѣ бѣлѣющіеся паруса. Нѣсколько деревень, мимо которыхъ я ѣхалъ, заражены были чумою, и въ нихъ курились костры для очищенія воздуха, но я уже въ теченіе нѣсколькихъ дней такъ привыкъ къ сему зрѣлищу, что оно на меня уже не дѣлало болѣе вліянія.

Изъ Челабіи я продолжалъ путь мой по большой Бухарестской дорогѣ и по причинѣ усталости лошадей остановился ранѣе обыкновеннаго для ночлега, недалеко отъ деревни Которки. Въ этотъ день однообразный видъ степей началъ прерываться большими изъ камня высѣченными могильными крестами и курганами, которые, можетъ быть, суть памятники обитавшихъ здѣсь вдревле народовъ, погибшихъ во мракѣ вѣковъ. На дорогѣ я встрѣтилъ нѣсколько отдыхавшихъ пѣшеходовъ съ европейскими лицами,—явленіе въ Валахскихъ пустыняхъ радостное, и на вопросъ мой, кто они таковые, они отвѣчали, что странствующіе нѣмецкіе ремесленники. — Откуда родомъ? продолжалъ я.—Ганноверскаго королевства изъ города Геттингена, отвѣчалъ одинъ изъ нихъ. — Слова сіи имѣли надо мною какое-то магическое дѣйствіе и пробудили вооб-

раженіе мое, дремавшее въ знойныхъ степяхъ. Поговоривши съ нимъ нѣсколько минутъ о Геттингенѣ, о его улицахъ, о его окрестностяхъ и о нѣкоторыхъ лицахъ мнѣ дорогихъ, а ему извѣстныхъ по имени, я съ нимъ простился и, прибывши къ шалашу, гдѣ я намѣренъ былъ ночевать, мною сильно овладѣло воспоминаніе о прошедшемъ. Могъ ли я думать, мечтая въ университетѣ о безсмертіи въ наукахъ и полагая провести дни мои въ безвѣстности въ какомъ-нибудь уголку земли, что судьба дастъ жизни моей совсѣмъ другое направленіе, нежели то, которому я себя готовилъ, и что мнѣ суждено будетъ предаваться симъ размышленіямъ въ степяхъ Валахіи? Окрестъ меня неизмѣримые луга, можетъ быть, не воздѣланные рукою человѣка отъ самаго міросозданія, а можетъ быть нѣкогда населенные, но теперь совершенно пустынные; вдали мелькали нѣсколько шалашей, по сторонамъ паслись табуны лошадей и лежали на травѣ безпечно валахи, передо мною на землѣ стоялъ чай, и я сидѣлъ подъ открытымъ небомъ, готовясь черезъ нѣсколько дней, можетъ быть, увидѣть кровавый бой и сказать съ поэтомъ:

Жизнь какъ молнія сверкала,
Гдѣ ты, призракъ дорогой?
Буря смертная подула,
Громъ гремитъ — онъ роковой!

17-го іюня я пріѣхалъ въ Бухарестъ, гдѣ провелъ два дня. Это не европейскій городъ, улицы узки и смрадны, и покрыты народомъ съ азіатскими физіономіями и говорящихъ языкомъ, для меня не понятнымъ. Мнѣ отвели огромный домъ какого-то боярина,—ворота онаго не иначе отворялись, какъ со всякою предосторожностію по причинѣ свирѣпствующей въ городѣ чумы.

Истинною отрадою было для меня открытіе книжной лавки, въ которой я нашелъ большую часть сочиненій, запрещенныхъ въ Россіи, напр. «Mémoires de Michel Oginski», Las Cases: «Memorial de Sainte Hélène», «Memoires d'un homme d'État» и др. Увидя себя посреди книгъ, я началъ дышать какъ будто знакомымъ воздухомъ. Казалось, что я переселился въ Европу, ибо двѣ недѣли странствовалъ по степямъ Бессарабіи, Молдавіи и Валахіи и, видя повсюду непросвѣщеніе и варварство, я почиталъ себя внѣ Европы.

Я встрѣтилъ здѣсь нѣсколько русскихъ, которые всѣ единогласно говорятъ, что нельзя себѣ вообразить, до какой степени развратны женщины; цѣломудріе есть добродѣтель неизвѣстная. Конечно, сему причиною не однѣ женщины, но и мужья ихъ, проводящіе жизнь въ совершенной праздности и лѣни; они не занимаются ни службою, ни науками, а начинаютъ и оканчиваютъ жизнь на мягкихъ диванахъ, окруженные табачною атмосферою; единообразіе жизни ихъ прерывается только по временамъ войнами, ведомыми между Россіею и Оттоманскою Портою. Въ это время открывается для происковъ ихъ обширное поле; обыкновенно при вступленіи русскихъ войскъ въ княжествахъ смѣняютъ господарей и многихъ другихъ чиновниковъ, мѣста коихъ бояре стараются занимать или изъ корысти, другіе изъ честолюбія. При началѣ каждой войны, они надѣются, что Молдавія и Валахія останутся за Россіею, и для того истощаютъ передъ нами всякаго рода угожденія и подлости, не зная, что льстивыя обѣщанія нашего кабинета имѣютъ только цѣлью поощрять къ скорѣйшему снабженію нашей арміи разными продовольственными припасами. Нынѣ правительство наше, движимое духомъ времени и возрастающимъ повсемѣстно просвѣщеніемъ, имѣетъ намѣреніе улучшать управленіе княжествъ, въ которыхъ существуютъ вѣковыя злоупотребленія, и оно имѣетъ въ виду склонить Порту, при заключеніи мира, утвердить сіи нововведенія. Для сего предмета учрежденъ въ Букарестѣ комитетъ подъ предсѣдательствомъ нашего генеральнаго консула М и н ч і а к и. На вопросъ мой, въ чемъ примѣрно будутъ заключаться перемѣны, онъ отвѣчалъ мнѣ, что въ особенности надобно увеличить власть и вліяніе россійскихъ консуловъ въ княжествахъ. Можно ему было возразить съ Мольеромъ: «Vous êtes orfèvre monsieur Josse».

Я обѣдалъ у генерала А н д р ж е й к о в и ч а, на сестрѣ коего былъ женатъ графъ Б е н н и г с е н ъ, и узналъ слѣдующія подробности объ участи записокъ сего полководца, заключающихъ въ себѣ любопытную исторію нашего времени. По кончинѣ его, парижскіе книгопродавцы предлагали за нихъ вдовѣ его 60.000 талеровъ, но она не хотѣла продавать ихъ, не испрося предварительно согласія нашего правительства на обнародываніе оныхъ, и для того обратилась къ

нашему посланнику, находящемуся въ Ганноверѣ. Вскорѣ послѣ того графиня Беннигсенъ получила отъ нашего министра иностранныхъ дѣлъ письмо съ просьбою отправить въ Петербургъ рукопись своего мужа, съ обѣщаніемъ въ скорости оную возвратить. Она выполнила сіе требованіе, и вотъ проходитъ уже четвертый годъ, что ей не возвращаютъ рукописи и лишаютъ тѣмъ ее значительной суммы, обѣщанной книгопродавцами, а ученый свѣтъ — одного изъ любопытнѣйшихъ сочиненій.

Встрѣтивъ графа Беннигсена въ 1818 году (16-го сентября) въ Ахенѣ, онъ, въ ожиданіи аудіенціи, долго разговаривалъ со мною съ откровенностію, свойственною знаменитому мужу. Вотъ примѣчательнѣйшее изъ сказаннаго графомъ Беннигсеномъ: «Записки мои (Mémoires de mon temps), заключавшіяся въ семи частяхъ, начинаются съ 1763 года. Я полагаю, что сраженіе подъ Пултускомъ есть мастерское мое произведеніе (mon chef d'oeuvre), потому что я маневрировалъ въ присутствіи Наполеона, точно такъ, какъ бы на учебномъ мѣстѣ; я перемѣнилъ даже фронтъ праваго моего крыла. Непріятель былъ бы совершенно разбитъ, если бы графъ Буксгевденъ, находившійся отъ меня въ семи верстахъ, пришелъ ко мнѣ на помощь вопреки фельдмаршалу графу Каменскому, который велѣлъ ему отступить. Сей послѣдній сошелъ тогда съ ума, бывали минуты, въ которыя онъ не зналъ, что говорилъ и что дѣлалъ. Увѣрясь, что Бонапарте перешелъ Вислу и принудилъ отступить съ большою потерею передовые наши отряды, Каменскій до того потерялся, что бралъ меня три раза за руку, говоря: «дайте мнѣ совѣтъ, скажите, какъ мнѣ поступать». Онъ не хотѣлъ, чтобы я встрѣтилъ непріятеля подъ Пултускомъ, и, давъ мнѣ письменное повелѣніе не принимать сраженія, уѣхалъ изъ арміи прежде начатія сей битвы; по прибытіи своемъ въ Гродно, онъ поселилъ тамъ всеобщій страхъ и донесъ оттуда государю, что все потеряно и что я разстроилъ армію, которую онъ приказалъ мнѣ вести обратно въ наши границы. Въ Петербургѣ, по полученіи сихъ извѣстій, смятеніе было общее, къ счастію успокоило донесеніе мое о побѣдѣ подъ Пултускомъ, которое пришло двѣнадцать часовъ послѣ донесенія фельдмаршала Каменскаго. Вскорѣ послѣ сего онъ прибылъ опять въ армію, но принужденъ былъ ее оставить, по полученіи рескрипта

отъ императора. Впрочемъ, вы увидите всѣ подробности сего происшествія въ запискахъ, которыя я вамъ сообщу».

Говоря о князѣ Кутузовѣ, Беннигсенъ, извѣстный своимъ хладнокровіемъ, выходилъ изъ себя и краснѣлъ нѣсколько разъ отъ злобы. Вотъ собственныя его слова: «Кутузовъ одаренъ былъ чрезвычайнымъ природнымъ умомъ, но не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о военномъ искусствѣ, я его зналъ очень хорошо, потому что знакомство наше продолжалось сорокъ три года. Онъ ничего не читалъ и совсѣмъ не умѣлъ писать, что̀ я могу засвидѣтельствовать множествомъ ничтожныхъ записокъ его женѣ моей, въ то время, когда мы жили вмѣстѣ въ Вильнѣ; стыдно ихъ читать: онъ былъ не свѣдущъ въ географіи и не имѣлъ ни малѣйшей совѣсти, но былъ великій царедворецъ. Государь никогда не имѣлъ къ нему довѣренности и назначилъ его главнокомандующимъ въ 1812 году потому, что надобно было занимать степень сію русскому, и что никого кромѣ него нельзя было избрать на сіе мѣсто. Боковое движеніе около Москвы есть одно изъ отважнѣйшихъ, какія можно себѣ вообразить; но неужели вы думаете, что Кутузовъ на оное бы рѣшился, если бы зналъ, съ какими опасностями оно сопряжено, потому что двадцать тысячъ французовъ, которые бы напали на насъ во время нашего марша, были бы достаточны, чтобы насъ совершенно разбить и уничтожить армію. Я предлагалъ въ военномъ совѣтѣ, собранномъ въ деревнѣ Филяхъ 1-го сентября, идти на непріятеля и напасть на него для того, что Наполеонъ отрядилъ два корпуса, одинъ вице-короля Италіанскаго, чтобы обойти насъ справа, а другой, чтобы отрѣзать насъ съ лѣвой стороны. Французская армія, ослабленная множествомъ бѣглыхъ, число коихъ, какъ я узналъ послѣ, простиралось до шестидесяти тысячъ, была бы неминуемо разбита, а два корпуса, отряженные съ тою цѣлію, чтобы насъ обойти, были бы сами отрѣзаны. Когда не согласились на мое мнѣніе, то я предложилъ не идти черезъ Москву, но соединить всѣ наши силы влѣво къ Смоленской и Калужской дорогамъ, чтобы имѣть позади насъ Воробьевы горы; мы бы ожидали въ сей позиціи движенія непріятеля.

«Всѣ дѣянія Барклая, съ самаго начала похода до Смоленска, которымъ я былъ свидѣтель, до того мнѣ опротивѣли, что я оставилъ

армію и никакъ бы не возвратился, если бы князь Кутузовъ, съ которымъ я встрѣтился на дорогѣ, въ то время, какъ онъ ѣхалъ изъ Петербурга, не упросилъ меня на то самымъ убѣдительнымъ образомъ именемъ государя, отъ коего онъ привезъ мнѣ письмо.

«Для моего личнаго счастія», сказалъ Беннигсенъ со вздохомъ, «мнѣ не должно было бы возвращаться, но я не знаю, что̀ бы произошло съ Россіею безъ меня».

Потомъ просилъ я его сказать мнѣніе свое о нѣкоторыхъ изъ нашихъ генераловъ. Вотъ отвѣтъ его: «Я не зналъ во всей Европѣ подобнаго князю Багратіону, чтобы начальствовать авангардомъ или арріергардомъ, но ни ему, ни Милорадовичу, я бы ни за что не ввѣрилъ арміи. Въ военное время я бы не желалъ имѣть у себя лучшаго генерала подъ командою, какъ Милорадовича. Его хладнокровіе спасло армію, или по крайней мѣрѣ большую часть войска, въ то время, когда проходили Москву, но Кутузовъ въ донесеніяхъ своихъ не сказалъ объ этомъ ни слова. Дохтуровъ былъ чрезвычайно храбръ, я не могу нахвалиться поведеніемъ его въ прусскую войну. Что касается до Барклая, то я вывелъ его въ люди, я былъ полковникомъ и командовалъ Изюмскимъ полкомъ, въ которомъ онъ былъ поручикомъ. Онъ тогда уже отличалъ себя хорошимъ поведеніемъ: я рекомендовалъ его принцу Ангальту, который взялъ его къ себѣ въ адъютанты, а послѣ смерти его, Барклай почти во всѣхъ походахъ находился подъ моимъ начальствомъ. Онъ хорошій исполнитель, но не имѣлъ ни малѣйшихъ военныхъ способностей, «il n'avait pas le moindre génie militaire». Въ началѣ войны 1812-го года, государь приказалъ мнѣ находиться при главной квартирѣ, я былъ свидѣтелемъ всѣхъ военныхъ совѣтовъ, но никогда не слыхалъ, чтобы Барклай имѣлъ собственное свое мнѣніе. Надобно отъ природы получить даръ начальствовать арміею; ученіемъ способности сей пріобрѣсти нельзя. Я полагаю, что Ермоловъ въ состояніи предводительствовать войсками. Объ немъ разсказываютъ, что онъ неоднократно отзывался остро и колко насчетъ Барклая. Нѣкто удивлялся въ его присутствіи, что Барклай достигъ до чина генералъ-фельдмаршала, не одержавъ ни одной побѣды. — «Прибавьте, сказалъ Ермоловъ, что онъ и не проигралъ ни одного сраженія, то-есть онъ нигдѣ не командовалъ».

«Когда мы были расположены на Калужской дорогѣ, то французы находились передъ Москвою въ томъ самомъ положеніи, въ которомъ мы были перваго и втораго сентября. Посему я предложилъ атаковать ихъ, ибо, говорилъ я, если мы для того отступали, что боялись быть разбитыми въ сей позиціи, то непріятели имѣютъ противъ себя всѣ тѣ невыгоды, отъ которыхъ мы старались уклониться, но Кутузовъ не внималъ моему совѣту»...

Къ крайнему сожалѣнію, позвали его въ сію минуту къ государю, отчего нашъ разговоръ прекратился [1]).

IV.

Я провелъ два дня въ Букарестѣ и отправился подъ Журжу, но для выѣзда изъ города надобно было имѣть свидѣтельство, что я и люди мои не заражены чумою. Стоило только поѣхать къ коменданту за симъ свидѣтельствомъ, которое тотчасъ и выдали; въ

---

[1]) Въ журналѣ 1818 года, Данилевскій приводитъ еще слѣдующій разговоръ съ графомъ Беннигсеномъ (30-го апрѣля), послѣ смотра корпуса генерала Сабанѣева: „Мы обѣдали въ Тирасполѣ у генерала Беннигсена, съ которымъ я нѣсколько времени могъ поговорить, пріѣхавши нарочно ранѣе всѣхъ. Вотъ нѣкоторыя изъ словъ его: „Вы не можете себѣ представить невѣжества нашихъ офицеровъ и дурнаго устройства арміи въ войну 1806 и 1807 гг.; въ этомъ походѣ у меня все было, кромѣ трехъ вещей: денегъ, продовольствія и войскъ. При началѣ похода, корпусъ мой состоялъ на бумагѣ изъ пятидесяти трехъ, а корпусъ графа Буксгевдена, тоже на бумагѣ, изъ тридцати шести тысячъ человѣкъ. Во всѣхъ сраженіяхъ Бонапартъ былъ гораздо сильнѣе меня; подъ Эйлау было у него двадцатью тысячами болѣе. Я бы его совершенно разбилъ, ежели бы мнѣ удалось стать на линіи его сообщеній. Я три раза видѣлся съ Наполеономъ, однажды насъ было только двое. Увидя меня въ Тильзитѣ изъ окна, онъ меня позвалъ къ себѣ и сказалъ: „зачѣмъ вы не посѣтите меня, проѣзжая мимо моего дома?“ потомъ прибавилъ, что неоднократно удивлялся моимъ дарованіямъ и моему благоразумію“.

Слово благоразуміе Беннигсенъ произнесъ гораздо громче; примѣтно, что ласкательныя выраженія доброму старику очень нравились. На вопросъ мой о мнѣніи Наполеона о семъ походѣ, онъ отвѣчалъ, что кромѣ вышеупомянутыхъ словъ ничего не говорилъ, на что генералъ Бертранъ, раздѣлявшій съ нимъ заточеніе на островѣ святой Елены, сказалъ ему: „что это былъ необыкновенный походъ для французовъ, потому что во всѣхъ прежнихъ войнахъ французы били непріятелей, идучи впередъ, занимали столицы ихъ и заключали миръ“.

*

немъ сказано было, что медикъ насъ лично осматривалъ, и что не нашелъ на насъ никакихъ признаковъ моровой язвы. Это была сущая ложь, потому что ко мнѣ даже докторъ и не приходилъ; но такого рода снисхожденія къ чиновнымъ особамъ могутъ имѣть самыя вредныя послѣдствія, ибо нельзя ручаться, чтобы подъ покровомъ онаго кто-нибудь изъ зараженныхъ сею болѣзнью не выѣхалъ изъ города и не распространилъ ее въ другихъ мѣстахъ.

Вечеромъ того же дня пріѣхалъ я наконецъ къ своей бригадѣ, которую засталъ въ лагерѣ при селеніи Даіѣ, верстахъ въ 6-ти отъ турецкой крѣпости Журжи. Войска, оставленныя на лѣвомъ берегу Дуная, раздѣлены были на два отряда; одинъ находился въ Малой Валахіи подъ начальствомъ генерала Гейсмара, а другой подъ командою генерала Лошкарева, долженъ былъ наблюдать за Журжею.

Сей отрядъ составленъ былъ изъ двухъ бригадъ, одной конно-егерской и одной пѣшей, а именно моей. Въ 12-ти верстахъ за нами по Букарестской дорогѣ стояла еще одна бригада нашей 4-й дивизіи, при которой находился дивизіонный начальникъ, генералъ Штегманъ. Онъ хотя былъ гораздо старше Лошкарева, но по неспособности его не довѣряли ему команду блокаднаго отряда; представляется вопросъ, отчего не отлучали отъ арміи генераловъ негодныхъ для войны, каковыхъ, къ сожалѣнію, у насъ есть довольно.

Первые два дня я посвятилъ на осмотръ окрестностей нашего лагеря, чтобы имѣть понятіе о мѣстоположеніи въ случаѣ дѣла съ турками. Въ первый я объѣзжалъ гористую сторону, съ одного кургана видѣлъ ясно Рущукъ и Журжу, теченіе Дуная и укрѣпленія, сооруженныя турками на правомъ берегу сей рѣки. Я могъ даже различить амбразуры крѣпостей и ясно видѣлъ три палатки, передъ воротами Журжи находившіяся. Вправо—Слободзея и равнины, на которыхъ въ 1811 году Кутузовъ взялъ въ плѣнъ армію верховнаго визиря. Я долго любовался сею картиною, украшенною послѣдними лучами заходящаго солнца, къ тому же вечеръ былъ прелестный, послѣ сильнаго зноя наставала благодѣтельная прохлада. Часовъ въ 8 раздался гулъ турецкой вѣстовой

пушки, и я возвратился въ свою палатку, близъ которой музыканты обоихъ полковъ играли вечернюю зорю.

На другой день послѣ обѣда, я осматривалъ непріятельскую крѣпость со стороны Дуная. Сперва я пріѣхалъ на нашу передовую казачью цѣпь, а миновавъ оную, приближался на весьма недальнее разстояніе къ турецкимъ ведетамъ, которые однакоже не сдѣлали никакого движенія. Тутъ подъѣхалъ я къ самому Дунаю и вышелъ на такъ называемый Масловъ курганъ, откуда ясно видны Журжа, Рущукъ, острова, между сими крѣпостями лежащіе, и турецкая флотилія, стоявшая подлѣ Рущука. Дунай протекалъ медленно; на немъ не было ни одной лодки, въ окрестностяхъ не видно было ни одного плуга, который бы воздѣлывалъ землю, война разогнала мирныхъ жителей; на Масловомъ курганѣ казаки варили кашу, а подлѣ гласиса крѣпости турки въ разноцвѣтныхъ одеждахъ косили сѣно.

Уже было поздно, когда я возвращался къ своему лагерю и начинали разставлять ночную цѣпь. Я бы не повѣрилъ, если бы самъ не видалъ, до какой степени наши офицеры несвѣдущи въ семъ дѣлѣ; офицеръ, который въ этотъ день располагалъ цѣпь, поступалъ не только вопреки военнымъ правиламъ, но даже вопреки здравому разсудку. Ему надобно было стать версты съ двѣ позади казаковъ, чтобы, въ случаѣ нападенія на сихъ послѣднихъ, ихъ подкрѣплять, слѣдственно ему надобно было поставить эскадронъ свой взводами, а отъ сихъ послѣднихъ высылать патрули, но вмѣсто того онъ весь эскадронъ свой разбилъ въ одну цѣпь, такъ что людей некѣмъ было смѣнить и имъ приходилось сидѣть на лошадяхъ отъ 8-ми часовъ вечера до 4-хъ часовъ утра, и сверхъ того они должны были по возможности подкрѣплять казаковъ, ежели бы надобность того востребовала.

Это невѣжество тѣмъ болѣе меня удивило, что отрядъ нашъ уже близъ трехъ мѣсяцевъ стоитъ противъ Журжи и что по сихъ поръ не умѣютъ расположить ночную цѣпь. На другой вечеръ я принялъ на себя привести эту часть въ порядокъ и видѣлъ еще нѣкоторыя явленія, которыя заставили меня улыбаться, напр. подлѣ коннаго пикета поставленъ былъ пѣхотный часовой, у конныхъ ведетовъ не были заряжены пистолеты, а около одной артиллерійской роты, рас-

положенной на правомъ флангѣ лагеря, забыли поставить передовую цѣпь, такъ что рота сія въ ночное время находилась безъ всякаго прикрытія. Причину таковыхъ упущеній надобно искать въ томъ, что со времени Парижскаго мира обратили вниманіе исключительно на церемоніальный маршъ и на всѣ мелочи фрунтовой службы, для войны вовсе безполезныя, и что не старались удерживать въ службѣ много опытныхъ офицеровъ, которую оные оставили, потому что взысканія по фрунтовой части сдѣлались отмѣнно строги.

Въ слѣдующіе затѣмъ дни я осматривалъ полки моей бригады Костромской и Галицкій, которые нашелъ въ отличной исправности. Къ сожалѣнію, только мало опытныхъ офицеровъ; уже на рѣдкомъ баталіонномъ командирѣ видна медаль 1812 года. Я велѣлъ рекрутъ. присланныхъ недавно изъ Россіи, поставить особо и удивился, что изъ резервовъ отправляютъ въ дѣйствующую армію людей, которые едва умѣютъ владѣть ружьемъ и изъ коихъ рѣдкій стрѣлялъ пулями. Такимъ образомъ мы принуждены учить ихъ стрѣлять въ цѣль въ виду непріятелей. Страннѣе всего, что въ таковыхъ обстоятельствахъ намъ еще казна не отпускала пороха для ученій. Къ окончанію обоихъ моихъ смотровъ, пріѣзжалъ дивизіонный начальникъ, который заставилъ полки по нѣскольку разъ проходить мимо себя церемоніальнымъ маршемъ; страсть сія не покидала его даже въ шести верстахъ отъ турецкой крѣпости, хотя очевидно было, что маршъ сей ни къ чему не былъ полезенъ въ военное время.

Послѣ смотровъ, я дѣлалъ нѣсколько разъ бригадные маневры, приноравливаясь сколько можно къ военнымъ дѣйствіямъ, употребляемымъ противъ турокъ, особенно противу конницы ихъ, которая до сего времени пользовалась заслуженно въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій славою, которую она однакоже въ походѣ 1829 года утратила. Для сего я строилъ изъ баталіоновъ кареи, которыя поддерживали взаимно другъ друга перекрестнымъ огнемъ, или лучше сказать примѣромъ или видомъ огня, потому что пороху не было для маневровъ. При сихъ случаяхъ нельзя было не жалѣть, что въ мирное время на большихъ маневрахъ, производимыхъ ежегодно, готовили войска только къ европейской войнѣ и вовсе не учили тактикѣ, употребляемой съ азіятцами, упуская изъ виду, что Рос-

сія на великомъ пространствѣ граничитъ съ азіятскими народами. Такимъ образомъ построеніе полубаталіоновъ, столь необходимое противу турокъ, даже не существуетъ въ нашемъ воинскомъ уставѣ, равнымъ образомъ, не было рѣшено, какъ ставить орудія при построеніи войскъ въ кареи, подлѣ ли оныхъ или внутри, то-есть между фасами. Это также происходитъ и отъ того, что съ 1812 года мы такъ страстно прилѣпилися къ сочиненіямъ Жомини, что пренебрегли изученіемъ походовъ Румянцева и Суворова.

Генералъ Лошкаревъ сдѣлалъ справедливое замѣчаніе, что одною изъ причинъ разстройства арміи нашей недостатокъ хорошихъ унтеръ-офицеровъ, ибо въ послѣдніе годы выбирали въ сіе званіе не изъ надежныхъ рядовыхъ, но людей видныхъ собою и умѣющихъ хорошо маршировать.

26-го іюня, генералъ Киселевъ пригласилъ меня ѣхать съ собою верхомъ, и мы верстъ съ 20-ть проѣхали.

Онъ былъ въ прошлогоднемъ походѣ начальникомъ штаба арміи и многое мнѣ разсказывалъ.

Вотъ любопытнѣйшее:

«Графъ Витгенштейнъ требовалъ 140.000 войскъ, чтобы дѣйствовать ими за Дунаемъ; 40.000 онъ намѣревался оставить въ Болгаріи для блокады крѣпостей, а съ остальными ста тысячами хотѣлъ идти на Бургасъ; онъ также требовалъ, чтобы княжества были заняты третьими баталіонами его арміи. Вмѣсто того походъ начали съ 500.000 войска и безъ запасовъ. Изъ сихъ войскъ отрѣзали сверхъ того значительную часть для овладѣнія крѣпостями: Браилова, Мачина, Исакчи и другими. Императоръ былъ увѣренъ, что едва русскіе перейдутъ Дунай, какъ турки будутъ просить мира, и мысль сія столь сильно въ немъ поселилась, что онъ три раза приказывалъ Киселеву по переходѣ черезъ Дунай посылать въ авангардъ справляться, не пріѣзжалъ ли парламентеръ отъ визиря. До Траянова вала шло благополучно, но тутъ жары, недостатокъ въ продовольствіи лошадей и множество непріятностей, происходящихъ отъ климата, сдѣлали, что войною начали скучать. Пришли къ Шумлѣ, и всѣ были того мнѣнія, чтобы тотчасъ атаковать ее, но партія двора: Васильчиковъ, Потоцкій, Бенкендорфъ съ симъ не согласились. Начали строить редуты и помѣстили въ нихъ всю

армію, такимъ образомъ, что въ резервѣ оставался только одинъ баталіонъ Саратовскаго полка. Тутъ армія остановилась въ совершенномъ бездѣйствіи на три мѣсяца, и можно по сему продолжительному времени посудить, сколь она должна была много претерпѣть отъ недостатка въ фуражѣ, ибо за нимъ ѣздили сперва за 15, потомъ за 20, наконецъ за 35 верстъ. Между тѣмъ турки съ своей стороны укрѣпились и начали гибельную для насъ партизанскую и народную войну. Курьеры, конвои и больные были ими атакованы; больныхъ наконецъ до того умножилось, что подводы, на которыхъ привозили продовольствіе къ арміи, были недостаточны для отвоза больныхъ.—Варну сначала не атаковали, по той причинѣ, что флотъ пошелъ къ Анапѣ, и когда по взятіи ея возвратился къ арміи князь Меншиковъ, то онъ увѣрилъ, что Варну удобно взять можно, тогда на нее обратились. Государь говоритъ, что его одного и никого другаго слѣдуетъ винить за сію войну».—Это все слова Киселева.

Въ сихъ занятіяхъ прошелъ іюнь мѣсяцъ; по окончаніи моихъ смотровъ, я былъ совершенно свободенъ. Турки пребывали въ полной бездѣятельности и насъ ни разу не тревожили; да и неумѣстно было бы имъ что-либо предпринимать въ то время, когда для нихъ не было уже тайною, что главная армія наша устремилась къ сердцу Оттоманской имперіи.

И мы скоро получили извѣстіе, что графъ Дибичъ пошелъ за Балканы. Оставивъ корпусъ Красовскаго подъ Шумлою, онъ взялъ съ собою 52 баталіона пѣхоты, изъ коихъ въ каждомъ едва по 400 человѣкъ, шесть полковъ резервной конницы и нѣсколько казаковъ, такъ что всѣ войска его показать можно тысячъ въ двадцать.

Къ нимъ должна была еще присоединиться 12-я пѣхотная дивизія, которой назначено было слѣдовать изъ Крыма въ Сизополь.

Онъ раздѣлилъ ихъ на три колонны; лѣвая подъ начальствомъ Рота, пойдетъ вдоль морскаго берега и состоитъ изъ 14-ти баталіоновъ, правая—изъ 17-ти баталіоновъ, подъ командою Ридигера, а средняя, подъ командою графа Палена, изъ 21-го баталіона. При сей колоннѣ слѣдуетъ и главнокомандующій. Всѣ обозы оставлены на Камчикѣ и, кромѣ вьючныхъ лошадей, экипажей въ горы брать запрещено; на людяхъ находится провіанта на восемь дней.

Такимъ образомъ долженъ совершиться переходъ Балкана, почитавшагося до сего времени неприступнымъ. Честь и слава Дибичу, рѣшившемуся на сей подвигъ, онъ пріобрѣлъ себѣ безсмертіе и вписалъ имя свое въ исторію. Пожелавъ возможныхъ успѣховъ нашимъ сослуживцамъ, двинувшимся на высоты древняго Гемуса, намъ, стоявшимъ на Дунаѣ, оставалось только мысленно слѣдовать за торжественнымъ шествіемъ ихъ, и съ сокрушеннымъ сердцемъ повиноваться судьбѣ, приковавшей насъ, такъ сказать, къ Журжѣ.

29-го іюня мы весь день провели въ большой разсѣянности. Въ двухъ полкахъ были праздники, въ обоихъ молебствія и обѣды. Музыка гремѣла, солдаты пѣли пѣсни.—Киселевъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе вмѣсто бригаднаго командира быть начальникомъ штаба войскъ, расположенныхъ на лѣвомъ берегу Дуная, но я сказалъ, что ничего не желаю, какъ возвратиться домой—я отжилъ для честолюбивыхъ видовъ.

1-го іюля у насъ опять было молебствіе по случаю дня рожденія императрицы Александры Θеодоровны. Въ теченіе недѣли у насъ было пять молебствій; поэтому выходитъ, что священникамъ болѣе занятій, чѣмъ военнымъ, ибо Кучукъ-Ахметъ и Гуссейнъ-паша столь спокойно сидятъ, первый въ Журжѣ, второй въ Рущукѣ, что объ нихъ нѣтъ никакого слуха.

2-го іюля я былъ на кавалерійскомъ ученіи двухъ полковъ 1-й конно-егерской дивизіи, полки сіи: Дерптскій и Черниговскій, при началѣ прошлогодняго похода имѣли по 700 лошадей, а къ осени у нихъ оставалось только по сту пятидесяти, да и то большая часть такихъ, которыя уже и рысью не были въ состояніи ходить. При сей необыкновенной потерѣ, должно еще принять въ уваженіе, что полки сіи, находясь подъ Шумлой, ни одного раза не были въ атакѣ или въ дѣлѣ съ непріятелемъ. Командиръ этой бригады, генералъ Зоборинскій, сказывалъ мнѣ, что онъ даже самъ, лишась лошадей своихъ, принужденъ былъ идти пѣшкомъ отъ Шумлы до Валахіи.

7-го іюля. Я обѣдалъ у генерала Киселева. Разсказывая о покойномъ императорѣ, онъ говорилъ, что Его Величество намѣревался, въ случаѣ неуспѣшнаго похода герцога Ангулемскаго въ Испаніи, послать въ Кадиксъ 100.000 войска.

8-го іюля. Когда смерклось, я пошелъ къ генералу Киселеву и просидѣлъ у него до полуночи. Разговоръ касался большею частію до прошлогодняго похода. Вотъ нѣкоторыя изъ рѣчей его:

Въ Базарджикѣ былъ собранъ совѣтъ, чтобы рѣшить, куда идти: на Варну или на Шумлу. Варною можно было бы завладѣть, ежели бы содѣйствовалъ черноморскій флотъ, но онъ находился тогда въ Анапѣ, для овладѣнія которой достаточно было отрядить два или три фрегата; по сей причинѣ пошли на Шумлу, въ твердомъ намѣреніи овладѣть ею. Считано было, что армія должна будетъ прибыть къ Шумлѣ 8-го іюля, 9-го положили ей дать отдохновеніе, а на слѣдующій день хотѣли идти на приступъ, для чего диспозиція была составлена. По прибытіи же къ Шумлѣ, намѣреніе это вдругъ измѣнилось, предпріятіе показалось слишкомъ опаснымъ; двое изъ самыхъ близкихъ къ государю особъ сказали: «на приступъ идти нельзя, потому что съ нами не было брильянтовъ императрицы Екатерины I, коими въ случаѣ неудачи можно бы было выкупить государя». На такой доводъ, конечно, трудно найти возраженіе.

Прошлаго года въ мартѣ мѣсяцѣ велѣно было Киселеву пріѣхать въ Петербургъ. Когда онъ явился, ему сказали, что вторая армія, которой онъ былъ начальникомъ штаба, должна будетъ 15-го апрѣля перейти Прутъ и открыть военныя дѣйствія. На представленія его, что въ арміи не было ни денегъ, ни воловъ, ему отвѣчали, что только стоитъ перейти Дунай, и тогда турки потребуютъ мира. Киселевъ говорилъ, что въ Петербургѣ были столь увѣрены въ несомнительномъ успѣхѣ войны, что даже разсуждали, что сдѣлать съ Константинополемъ по взятіи его, оставить ли его за Россіею, или отдать какой-либо другой державѣ? Ослѣпленію сему, вѣроятно, было причиною счастливое окончаніе персидской войны.

9-го іюля былъ нестерпимый зной. Не желая проводить весь день въ бездѣйствіи, я ѣздилъ верхомъ по утру и въ вечеру; во время вечерней прогулки, я встрѣтился съ генераломъ Киселевымъ; мы разговорились съ нимъ о дворѣ. Вотъ нѣчто отъ него слышанное:

Во время коронаціи въ 1826 году, цесаревичъ Константинъ Павловичъ, будучи въ Москвѣ, сказалъ императору при Киселевѣ, слѣдующее объ исторіи Карамзина, о которой зашла рѣчь:

«Я былъ недавно въ Эмсѣ, гдѣ мнѣ было такъ скучно, что я прочиталъ всю исторію Карамзина отъ первой части до послѣдней, и удивился, какъ покойный братъ позволилъ ее напечатать и отличалъ сочинителя, потому что книга его наполнена якобинскими поученіями, прикрытыми витіеватыми фразами. По моему мнѣнію, въ исторіи надобно помѣщать одни числа, годы, имена и происшествія безъ дальнихъ объ нихъ разсужденій».

Московскіе жители встрѣчали цесаревича съ восторгомъ: при появленіи его кричали «ура!». Ѣдучи вдвоемъ съ Киселевымъ, онъ приказывалъ сердитымъ видомъ, чтобы они перестали кричать, употребляя даже бранныя слова. На возраженіе Киселева, что жителей незачто бранить, ибо они не имѣютъ другой возможности изъявлять свою преданность, цесаревичъ отвѣчалъ: «Когда Кромвель въѣзжалъ въ Лондонъ, народъ его привѣтствовалъ громкими восклицаніями. Кромвель, обратясь къ окружавшимъ его, сказалъ: слышите крики сіи, но ежели меня поведутъ на висѣлицу, то крики сіи тогда будутъ еще сильнѣе».

Въ 1819 императоръ Александръ Павловичъ возвращался изъ Варшавы; его провожалъ нѣсколько станцій цесаревичъ, который самъ слѣдующее обстоятельство разсказывалъ Киселеву, что̀ и я помѣщаю здѣсь въ видѣ разговора.

Александръ. Я долженъ сказать тебѣ, братъ, что я хочу абдикировать; я усталъ и не въ силахъ сносить тягость правительства; я тебя предупреждаю—для того, чтобы ты подумалъ, что тебѣ надобно будетъ дѣлать въ семъ случаѣ.

Константинъ. Тогда я буду просить у васъ мѣсто втораго камердинера вашего; я буду вамъ служить и, ежели нужно—чистить вамъ сапоги. Когда бы я теперь это сдѣлалъ, то почли бы подлостью, но когда вы будете не на престолѣ, я докажу преданность мою къ вамъ, какъ благодѣтелю моему.

При сихъ словахъ государь поцѣловалъ меня такъ крѣпко, присовокупилъ цесаревичъ, какъ еще никогда въ 45 лѣтъ нашей жизни онъ меня не цѣловалъ.

Александръ. Когда придетъ время абдикировать, то я тебѣ дамъ знать, и ты мысли свои напиши къ матушкѣ.

Слѣдовательно, догадка моя объ отреченіи Александра, которую

я помѣтилъ въ журналѣ моемъ 1817 года, была справедлива. Государю хотѣлось передъ отреченіемъ издать новые гражданскіе и уголовные законы и еще нѣсколько коренныхъ постановленій, тѣмъ и намѣревался заключить свое царствованіе [1]).

13-го іюля. Сегодня въ прекрасное утро, я поѣхалъ на передовую цѣпь; меня обогналъ адъютантъ корпуснаго командира (генералъ-адъютанта Киселева) князь Урусовъ, посланный съ письмомъ къ Гуссейну-пашѣ. Я отправился съ нимъ, чтобы поближе посмотрѣть на турокъ. Мы ожидали съ часъ турецкаго начальника. Онъ выѣхалъ въ сопровожденіи семи человѣкъ и остановился между нашею и своею передовою цѣпью. Онъ очень вѣжливо принялъ адъютанта, спрашивалъ о здоровьѣ корпуснаго начальника и просилъ ему кланяться. Я въ это время стоялъ подлѣ казачьей цѣпи и въ зрительную трубу ясно видѣлъ турокъ, которые были въ посредственной одеждѣ, на лошадяхъ незавидныхъ. Возвратившійся князь Урусовъ сказывалъ мнѣ, что онъ слышалъ отъ сестры своей, находившейся въ прошломъ году съ императрицею въ Одессѣ, что государь, говоря при ней о графѣ Витгенштейнѣ, сказалъ: «Я не думалъ, чтобы графъ былъ такой колпакъ, какимъ въ продолженіе похода

---

[1]) Въ 1817 году во время пребыванія въ Кіевѣ императора Александра, флигель-адъютантъ Данилевскій записалъ въ своемъ журналѣ слѣдующее:

8-го сентября. Обѣдъ былъ въ кабинетѣ у государя, за которымъ насъ находилось семеро, а именно Его Величество, генералъ-адъютанты князь Волконскій и графъ Ожаровскій, статсъ-секретарь Марченко, лейбъ-медикъ Вилліе и флигель-адъютанты Орловъ и я. Сначала говорили о бывшемъ наканунѣ балѣ.... Потомъ начали говорить объ обязанностяхъ людей различныхъ состояній, равно и монарховъ. Государь произнесъ твердымъ голосомъ слѣдующія слова, за точность коихъ я ручаюсь, потому что я ихъ записалъ тотчасъ послѣ обѣда:

„Quand quelqu'un a l'honneur d'être à la tête d'une nation comme la notre, il doit au moment du danger être le premier à l'affronter. Il ne doit rester à sa place qu'aussi longtemps que ses forces physiques le lui permettent, ou pour le dire en un mot, aussi longtemps qu'il peut monter à cheval. Passé ce terme il faut qu'il se retire". При сихъ словахъ на устахъ государя явилась улыбка выразительная, и онъ продолжалъ: „Quant à moi je me porte bien à présent, mais dans dix ou quinze ans, quand j'aurai cinquante ans, alors»... Тутъ нѣсколько изъ присутствовавшихъ прервало императора, и какъ не трудно догадаться, увѣряли, что и въ шестьдесятъ лѣтъ онъ будетъ здоровъ и свѣжъ. „Неужели, подумалъ я, государь питаетъ въ душѣ своей мысль объ отреченіи отъ престола, приведенную въ исполненіе Діоклетіаномъ и Карломъ V? Какъ бы то ни было, но сіи слова Александра должны принадлежать исторіи".

Н. Ш.

я нашелъ его; ознакомившись съ нимъ коротко на войнѣ, я постигнулъ, отчего покойный императоръ его не любилъ».—Мнѣ во всякомъ случаѣ жаль графа Витгенштейна, потому что онъ въ нашей арміи есть одинъ изъ представителей и героевъ отечественной войны, а ихъ уже остается такъ немного.

Я провелъ весь вечеръ съ генераломъ Киселевымъ. Онъ разсказывалъ, что покойный государь жаловался ему однажды на недостатокъ государственныхъ людей въ Россіи, и когда Киселевъ отвѣчалъ ему, что между сорока милліонами жителей можно найти таковыхъ, императоръ спросилъ, кого бы напр. назначить министромъ иностранныхъ дѣлъ: «Морковъ», отвѣчалъ Киселевъ, «пользуется огромною репутаціей». Государь сказалъ, «не взирая на эту репутацію, онъ самый пустой человѣкъ. Если бы я тебѣ показалъ проектъ, который онъ мнѣ подалъ передъ войною 1812 года, какимъ образомъ Россіи надлежитъ поступить и въ какія дипломатическія связи ей входить, то ты согласился бы со мною, что его надобно бы было посадить въ домъ сумасшедшихъ; я мало читалъ глупостей подобныхъ тѣмъ, коими наполнена была его записка, son mémoire».

14-го іюля. Я обѣдалъ у генерала Киселева. Послѣ стола показывалъ намъ разныя бумаги, полученныя имъ изъ главной квартиры. Графъ Дибичъ пошелъ 5-го іюля за Балканы и симъ отважнымъ движеніемъ положилъ основаніе своему безсмертію и пріобрѣлъ имя въ исторіи.

Вотъ нѣкоторые разсказы о покойномъ государѣ Александрѣ Павловичѣ, касающіеся до недовѣрчивости и какой-то робости, составляющихъ черты его характера.

М. А. Н. сказывала, что онъ былъ очень робокъ, а кто лучше могъ это знать... она увѣряла, что наканунѣ, такъ называемыхъ при дворѣ, выходовъ, онъ бывалъ грустенъ, даже говаривалъ: «частному человѣку въ публикѣ нечего робѣть, mais c'est autre chose, quand un souverain parait en public, tous les regards sont tournés vers lui et les neuf dixièmes sont des malveillants qui cherchent à découvrir en lui des défauts».

Однажды, генералъ-адъютанты Киселевъ, Орловъ и Кутузовъ, стоя въ дворцѣ, разсказывали другъ другу забавные анекдоты и

хохотали. Вдругъ приходитъ императоръ, и они перестаютъ смѣяться, но появленіе было столь внезапно, что на чертахъ ихъ лицъ видны были еще слѣды смѣха. Черезъ нѣсколько минутъ, государь посылаетъ за Киселевымъ, который застаетъ его стоящимъ противъ зеркала. Императоръ нѣкоторое время смотрѣлъ въ зеркало, то съ одной стороны, то съ другой, и, наконецъ, подзывая Киселева, спрашиваетъ его: что бы могло быть въ его особѣ смѣшнаго? Удивленный или, лучше сказать, пораженный симъ вопросомъ, Киселевъ отвѣчаетъ, что онъ его не понимаетъ. «Скажи мнѣ правду», продолжаетъ государь, «можетъ быть, сзади моего мундира есть что-нибудь, или отстегнулась пуговица, или что-либо подобное, подавшее поводъ, что я видѣлъ, какъ ты съ двумя своими товарищами надо мною забавлялись». Можно легко представить себѣ изумленіе Киселева, который сказалъ рѣшительно императору, что онъ до тѣхъ поръ не выдетъ изъ кабинета, пока императоръ не убѣдится въ несправедливости своего обвиненія. «Пошлите», сказалъ онъ, «за Кутузовымъ и Орловымъ, пусть они Вашему Величеству разскажутъ, о чемъ мы смѣялись». По долгомъ преніи, наконецъ, онъ успѣлъ убѣдить императора въ своей невинности.

Императоръ Александръ сказалъ однажды одной особѣ: «On m'accuse de méfiance, mais sait-on que depuis l'époque où j'ai commencé à réflechir, je n'ai vu autour de moi que des malheurs; tout ce que j'ai entrepris a tourné en malheur contre moi».

Вотъ другой разсказъ, который душу его показываетъ въ полномъ блескѣ:

Въ Парижѣ, въ 1814 году, онъ обѣдалъ вдвоемъ съ графомъ Аракчеевымъ, который предложилъ учредить въ воспоминаніе чрезвычайныхъ происшествій того времени новый орденъ съ пенсіономъ, или присоединить пенсіоны къ орденамъ св. Георгія и Владиміра, и пенсіоны сіи назначить тѣмъ, кто отличились въ послѣднихъ походахъ, или во время сихъ войнъ были изувѣчены. «Но гдѣ мы возьмемъ деньги?» спросилъ императоръ.—«Я объ этомъ думалъ», отвѣчалъ Аракчеевъ; и полагаю обратить на сей предметъ въ казну имѣнія тѣхъ поляковъ, которые служили непріятелю въ 1812 году и, не взирая на дарованное имъ прощеніе, не возвратились въ Россію, какъ напримѣръ князей Радзивиловъ».—«То-есть,

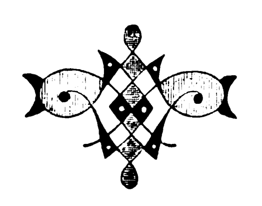
конфисковать ихъ?» прервалъ государь.—«Такъ точно», отвѣчалъ Аракчеевъ.—«Я конфискацій не люблю», возразилъ императоръ, «можно объ нихъ писать, это легко, но приводить ихъ въ исполненіе—жестоко, и ежели мы возьмемъ пенсіонъ для предлагаемыхъ тобою орденовъ съ конфискованныхъ имѣній, то пенсіоны сіи будутъ заквашены слезами».—Это собственныя слова императора, или лучше—ангела добра, котораго память не довольно чтится.

Въ первые годы царствованія императора Александра Павловича, онъ являлся въ частныхъ обществахъ и заставилъ любезнымъ обращеніемъ забывать высокій санъ свой. Нѣкоторые до такой степени употребляли сіе во зло, что на гуляньи въ Лѣтнемъ саду, гдѣ въ то время собиралась лучшая публика, сами къ нему подходили и начинали съ нимъ разговоръ, чтò, какъ всякій видитъ, неприлично, и императоръ до того сими неблагопристойными поступками былъ выведенъ изъ терпѣнія, что онъ вынужденнымъ находится перемѣнить свое обращеніе.

Я съ особеннымъ удовольствіемъ или лучше сказать наслажденіемъ записываю слышанное объ государѣ Александрѣ Павловичѣ, потому что я его любилъ отъ всей души и любилъ безкорыстно, ибо мало получалъ онъ него наградъ, между тѣмъ какъ другой, на моемъ мѣстѣ, могъ бы вѣроятно болѣе меня успѣть по службѣ, но спрашиваю я самъ себя, стоитъ ли свѣтъ и всѣ отличія его, чтобы отдать за нихъ независимость?

Н. К. Шильдеръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Къ портрету А. И. Михайловскаго-Данилевскаго.

Приложенный къ этой книгѣ «Русской Старины» портретъ А. И. Михайловскаго-Данилевскаго исполненъ съ гравированнаго портрета Райта. Въ то время, когда этотъ портретъ былъ написанъ, писатель Леопольдъ Васильевичъ Брантъ прислалъ Данилевскому слѣдующіе стихи:

Къ портрету воина и исторіографа.

Высокое чело, спокойный строгій взоръ;
Вся грудь покрытая, щитомъ заслугъ, крестами;
Въ израненной рукѣ—мечъ съ вѣщими листами [1]);
Великимъ браннымъ днямъ правдивый приговоръ!
Временъ на вѣки незабвенныхъ
Онъ намъ дѣянія героевъ разсказалъ,
И на страницахъ неистлѣнныхъ
Судьбы вселенскихъ битвъ достойно начерталъ.
Онъ намъ повѣствовалъ годину испытаній,
Годину торжества и день побѣдный тотъ,
Какъ русскій и съ мечомъ и съ миртою во длани
Законъ Парижу далъ съ Монмартровскихъ высотъ.
А тамъ, на сѣверѣ далекомъ,
Гдѣ дрался финнъ на льду глубокомъ,
Была безвѣстная война,
Гранитъ и лѣсъ и мракъ кругомъ:
И онъ коснулся къ нимъ перомъ—
И стала славною она.

19-го августа 1842 года [2]). Н. Ш.

Замѣтка.

Помѣщенная въ іюньской книгѣ статья: „Письма Ишимовой и Извединовой по поводу сочиненій Гоголя“ сообщена В. И. Шенрокомъ.

---

[1]) Въ подлинной гравюрѣ Данилевскій держитъ въ рукахъ золотую шпагу, алмазами украшенную, полученную имъ за участіе въ сраженіи при Гроховѣ, 13-го февраля 1831 года, въ которой онъ былъ контуженъ въ лѣвое плечо съ переломомъ кости. Н. Ш.

[2]) Въ „Сынѣ Отечества“ 1849 года, Л. В. Брантъ помѣстилъ біографическій очеркъ Михайловскаго-Данилевскаго, послѣ кончины его, послѣдовавшей 9-го сентября 1848 года.

ТОВАРИЩЕСТВО „ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА."
ПРІОБРѢЛО ПРАВО НА ИЗДАНІЕ И ПРИСТУПИЛО КЪ ПЕЧАТИ
ИСТОРІИ РОССІИ
съ
ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ
СОЧИНЕНІЕ
Сергѣя Михаиловича Соловьева

Стоитъ при подпискѣ **15** руб., съ перес. **18** руб.

Полное сочиненіе безъ всякихъ сокращеній и измѣненій въ **29** томахъ, къ нимъ будетъ приложенъ указатель и гравированный на деревѣ портретъ автора съ факсимиле (чего до сихъ поръ при изданіи не было).

Всѣ **29** томовъ и указатель около 5000 страницъ или до 10000 столбцевъ будутъ помѣщены въ **6**-ти книгахъ четкой убористой, большаго формата въ два столбца, печати, въ каждой книгѣ по **пять** томовъ въ послѣдней книгѣ **четыре** тома и указатель.

Всѣ **29** томовъ и указатель по подпискѣ стоятъ **15** руб. съ пересылкою **18** руб. (*вмѣсто нынѣ существующей цѣны* за **29** томовъ **58** р. *безъ перес.*) По выходѣ же въ свѣтъ всего изданія подписка прекратится и въ отдѣльной продажѣ будетъ стоить **25** руб.

Подписка принимается только на все изданіе, которое выйдетъ въ теченіи **2**-хъ лѣтъ.

Подписывающіеся на полученіе всего изданія **29** том. въ **6**-ти книгахъ при подпискѣ высылаютъ **3** р., при высылкѣ каждой книги будетъ наложенъ платежъ на 1-ю, 2-ю, 3-ю, 4-ю и 5-ю по **3** р. и за наложенный платежъ, а также и за заказъ по **20** к., а **6**-я книга будетъ выслана безплатно. Высылающіе же при подпискѣ **18** руб. сполна, при полученіи книгъ, какъ за наложенный платежъ такъ и за заказъ ничего не платятъ.

Чтобы еще болѣе облегчить каждому пріобрѣсти знаменитое сочин. **ИСТОРІИ РОССІИ СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ** Серг. Михаил. Соловьева въ **29** том., Товарищество допускаетъ также подписку и съ меньшими взносами, а именно: можно подписываться на полученіе всего изданія выпусками, въ каждомъ выпускѣ будетъ до **15** печатныхъ листовъ. При подпискѣ на полученіе выпусками вносятъ **1** р. **50** к. при высылкѣ первыхъ **одиннадцати** выпусковъ будетъ наложенъ платежъ по **1** р. **50** к. и за наложенный платежъ, а также и за заказъ по **15** к. на выпускъ, а остальные выпуски и указатель будутъ высланы безплатно.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ исключительно въ Товариществѣ «Общественная Польза», СПБ., Б. Подъяч., 39.

☞ Будутъ изготовлены прочные переплеты и крышки на всѣ **6**-ть книгъ одинаковаго вида; за каждую книгу приплачиваютъ по **1** р. съ пересыл. по **1** р. **25** к., кромѣ Азіатской Россіи и заграничн. подписчик., каковымъ пересылка производится за ихъ счетъ. ☜

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, 14 Мая 1893 года.

Типографія Высочайше утвержденнаго Товарищества „Общественная Польза", Большая Подъяческая, 39

Нѣкоторыя свѣдѣнія объ этой интересной личности впервые сообщены были въ исторической наукѣ Рихтеромъ, въ его «Исторіи медицины въ Россіи»; послѣдующіе писатели (Beck, Fechner, проф. Н. С. Тихонравовъ и др.) касались жизни Рингубера, когда говорили о происшествіяхъ, въ которыхъ онъ принималъ участіе, или о лицахъ, съ которыми была связана его дѣятельность. Въ 1883 году были опубликованы въ Берлинѣ матеріалы Готскаго архива, подъ заглавіемъ «Relation du voyage en Russie fait en 1684 par Lavrent Rinhuber». Разбирая это собраніе документовъ, любопытное по содержанію, но крайне дилеттантское по выполненію, и представляя біографію Рингубера, проф. А. Г. Брикнеръ присоединилъ нѣсколько дополненій изъ Дрезденскаго архива («Журн. минист. народн. просвѣщ.», 1884 г. ч. CCXXXI; «Historische Zeitschrift», 1884 г. V). Мы, въ свою очередь, сообщили новыя данныя, хранящіяся въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ («Сношенія съ Абиссиніей въ XVII вѣкѣ», въ «Русскомъ Архивѣ», 1888 г. II; «Протестантство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованій». М. 1890 г., 227—228, 230, 711 и др.). Извѣстное доселѣ о. П. Пирлингъ дополняетъ новыми существенными свѣдѣніями изъ архивовъ Ватикана и Парижа, и на основаніи всего этого создаетъ округленный и цѣльный біографическій очеркъ жизни и дѣятельности Рингубера. Въ концѣ книги приложены историко-критическія примѣчанія и новые документы, изъ которыхъ, между прочимъ, узнаемъ, что и Яковъ Рейтенфельсъ, авторъ извѣстнаго сочиненія «De Rebus Moschoviticis», готовился къ религіозной пропагандѣ папства въ Россіи. Помимо данныхъ о Рингуберѣ, сочиненіе Пирлинга должно быть принято во вниманіе при уясненіи вопросовъ объ отношеніи католическаго и протестантскаго міровъ къ Россіи второй половины XVII вѣка и при характеристикѣ различныхъ тогдашнихъ русскихъ видныхъ дѣятелей.

Дм. Цвѣтаевъ.

Редакторы-издатели: **Н. Шильдеръ** и **С. Зыковъ.**

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXIV-й. АВГУСТЪ. 1893 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ **графа Н. П. Румянцова.** Гравировалъ И. И. Матюшинъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. «Общественная Польза», Большая Подъяческая, 39.

1893.

VIII-я книга „Русской Старины" вышла 1-го августа 1893 г.

Періодическая печать и книжное дѣло въ Россіи въ 1892 году. Сост. Л. Н. Павленковъ. Спб. 1893. 8°.

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ съ 1886 г. г. Павленковъ составляетъ годовые обзоры успѣховъ періодической печати и книжнаго дѣла у насъ въ Россіи и представляетъ рядъ цифръ и фактовъ, довольно краснорѣчиво говорящихъ объ этихъ успѣхахъ, особенно при сопоставленіи между собою данныхъ за весь разсмотрѣнный имъ періодъ времени.

Въ обзорѣ за прошлый 1892 годъ авторъ замѣчаетъ, что до настоящаго времени нашимъ частнымъ спеціальнымъ изданіямъ положительно не везло, и они, обыкновенно, какъ скоро нарождались, такъ же скоро и прекращали свое существованіе. Причину этого зауряднаго явленія, по его мнѣнію, надо искать не въ неудовлетворительности самаго изданія, не въ незнаніи дѣла руководящихъ имъ лицъ и даже не въ недостаткѣ спеціалистовъ, для которыхъ изданіе предназначается, а скорѣе въ отсутствіи у послѣднихъ живаго интереса къ своему дѣлу. Тѣмъ не менѣе въ послѣднее время наша періодическая печать начинаетъ оказывать склонность къ спеціализаціи, причемъ нѣкоторые спеціальные журналы, для большей устойчивости, постепенно вводятъ въ свою программу беллетристическій отдѣлъ. Въ этомъ послѣднемъ явленіи г. Павленковъ не только не видитъ ничего дурнаго, а напротивъ того мирится съ нимъ, какъ съ явленіемъ вполнѣ нормальнымъ и раціональнымъ. Мы не можемъ съ нимъ согласиться: во 1-хъ, спеціальные журналы по разнымъ отраслямъ практическихъ знаній не въ состояніи дать хорошую беллетристику на пожарной, фармацевтической, бухгалтерской и иной подкладкѣ; во 2-хъ, давая посредственную беллетристику, они этой частью программы, разумѣется, не заинтересуютъ читателей, и въ 3-хъ, отвлекаясь въ сторону, легко могутъ упустить изъ виду главную цѣль своего существованія и понизить уровень спеціальной части своей программы.

Обращаясь къ цифрамъ, мы видимъ изъ книжки г. Павленкова, что въ 1892 г. было разрѣшено 31 новое періодическое изданіе (менѣе противъ 1893 г. на 11), которыя распредѣлялись—по мѣсту изданія: въ Петербургѣ—12, въ Москвѣ—5 и въ провинціальныхъ городахъ—14; по языкамъ: русскихъ—29, польско-французскихъ—1 и латышскихъ—1; по условіямъ изданія: безцензурныхъ—7 и подцензурныхъ—24. Къ 1893 году имѣло выходить въ 113 городахъ 743 періодическихъ изданій на разныхъ языкахъ, изъ нихъ на русскомъ языкѣ—589 и на разныхъ другихъ языкахъ—154, безцензурныхъ—248 и подцензурныхъ—495. По городамъ наибольшее число изданій замѣчается: въ Варшавѣ—70, въ Казани—11, въ Кіевѣ—22, въ Москвѣ—84, въ Одессѣ—18, въ Ригѣ—23, въ С.-Петербургѣ—221, въ Тифлисѣ—16, въ Харьковѣ—11; въ остальныхъ городахъ число изданій не превосходитъ 10 въ каждомъ, въ большинствѣ же случаевъ насчитывается ихъ отъ 1 до 3-хъ.

Послѣ этихъ цифръ г. Павленковъ даетъ подробный перечень всѣхъ изданій, вновь разрѣшенныхъ въ 1892 году, съ указаніемъ ихъ программъ; кромѣ того, онъ отдѣльно разсматриваетъ случаи: возобновленія изданій; измѣненія въ программахъ, въ срокахъ выхода и т. п.; прекращенія изданій; утвержденія новыхъ лицъ редакторами и издателями.

Что касается книжнаго дѣла, то оно сдѣлало незначительные успѣхи, сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ. Такъ въ 1892 г. въ предѣлахъ Россіи, за исключеніемъ Финляндіи, было напечатано 9.588 сочиненій разныхъ наименованій, которыя были изданы въ количествѣ болѣе 30.639.530 экземпляровъ; сравнительно съ 1891 годомъ число сочиненій возросло на 535. Эти сочиненія были напечатаны: на русскомъ языкѣ 7.188 (въ 24.819.933 экз.) и на иностранныхъ и инородческихъ языкахъ—2.400 (въ 5.819.597 экз.). Сравнительно, съ 1891 г. оказывается: въ группѣ русскихъ сочиненій увеличеніе на 600, а въ группѣ иностранныхъ и инородческихъ сочиненій уменьшеніе на 65. По содержанію сочиненія на русскомъ языкѣ преобладаютъ слѣдующія: духовно-богословскія 910 сочиненій, справочныя 707 соч., беллетристическія 644 соч., медицинскія 635 соч., учебныя 621 соч., отчеты 370 соч., историческія 340 соч., драматическія 243 соч., дешевыя и народныя 229, юридическія 219, по естествознанію 205, дѣтскія 195, техническія 193, статистическія 174, сельско-хозяйственныя 172, біографическія 168, смѣсь 164, по военному дѣлу 127, лубочныя 127; далѣе слѣдуютъ 20 отдѣловъ, въ которыхъ число сочиненій опредѣляется не болѣе 100 въ каждомъ, причемъ самыми бѣдными оказываются отдѣлы: политической экономіи (9 соч.), филологіи и морскаго дѣла (по 3 соч.). Вслѣдъ за этими данными г. Павленковъ подробно разсматриваетъ каждый отдѣлъ, сравниваетъ развитіе его въ 1892 г. съ предшествовавшимъ годомъ и отмѣчаетъ наиболѣе крупныя сочиненія или въ какомъ-либо отношеніи замѣчательныя.

Въ заключеніи любопытны свѣдѣнія о типографіяхъ. Г-нъ Павленковъ насчитываетъ ихъ всего 1.418, въ числѣ которыхъ собственно частныхъ будетъ только 610. Основываясь на фамиліяхъ ихъ владѣльцевъ, онъ предполагаетъ принадлежащими: несомнѣнно русскимъ 220 типографій, нѣмцамъ 143 тип., евреямъ 116 тип., полякамъ, армянамъ и грузинамъ 131 тип. Слѣдовательно, 390 типографій находятся во владѣніи людей не русской національности. Обращая вниманіе на распредѣленіе типографій по городамъ и на размѣры ихъ книжной производительности, авторъ замѣчаетъ, что только 14 городовъ съ ихъ 458 типографіями выпустили почти все количество отпечатанныхъ въ 1892 году книгъ (30.630 732 экз.), и, слѣдовательно,

Дозволено цензурою. Спб., 7 Іюля 1893 г. Тип. Тов. „Общ. Польза", Б. Подъяч., 39.

Государственный Канцлеръ

Графъ Николай Петровичъ Румянцовъ.

р. 1754 † 1826.

Изъ историческихъ записокъ Іоанна-Альберта Эренстрема [1].

Зимою 1789—1790 годовъ Швеція энергически готовилась къ продолженію войны, стараясь всѣми мѣрами искоренить злоупотребленія и довести какъ сухопутную армію, такъ и флотъ до возможно лучшаго состоянія. Съ своей стороны король продолжалъ дѣятельно вести переговоры съ Англіею и Пруссіею о болѣе существенной поддержкѣ со стороны этихъ державъ въ будущей кампаніи противъ Россіи. Знаменитый Сидней Смитъ находился въ это время въ Стокгольмѣ и имѣлъ частыя совѣщанія съ королемъ. Онъ очень желалъ, чтобъ его правительство оказало помощь Швеціи, и вызвался отправиться въ Англію для ускоренія снаряженія англійской эскадры въ Балтійское море. Съ нимъ Густавъ III отправилъ письмо къ министру Питтъ.

Кампанія 1790 года началась довольно рано, и король уже въ мартѣ отправился въ Финляндію, гдѣ присутствовалъ при стычкахъ войскъ саволакской бригады при Кернакоски и Суоменіеми.

При возвращеніи изъ Саволакской экспедиціи въ главную квартиру въ Борго, король собственноручно написалъ своему двоюродному брату, королю прусскому, письмо съ прекраснымъ изложеніемъ всѣхъ тѣхъ политическихъ причинъ, которыя должны были принудить этого монарха болѣе дѣятельнымъ образомъ, чѣмъ до тѣхъ поръ, принять участіе въ оборонѣ Швеціи. Прусскій министръ въ Стокгольмѣ, получивъ копію съ этого письма, былъ восхищенъ имъ и твердо полагалъ, что оно въ Берлинѣ будетъ имѣть рѣшающее значеніе. Но Фридрихъ-Вильгельмъ слишкомъ глубоко погрузился въ объятія сладострастія, чтобъ можно было его разбудить; онъ предоставилъ спустя рукава своимъ министрамъ управленіе

---

[1]) См. „Русскую Старину“, т. LXXIX, іюль.

внѣшними и внутренними дѣлами своего государства. Политика графа Герцберга была, къ несчастію державъ, довѣрявшихъ ей: какъ Швеція, Польша и Турція, основана на обманѣ, и всѣ онѣ были обмануты.

Въ это время испанскій дворъ предложилъ свое посредничество для возстановленія мира между Швеціею и Россіею. Испанскій посланникъ въ Петербургѣ, графъ Гальвецъ, въ апрѣлѣ отправилъ молодаго человѣка, состоявшаго при испанской миссіи въ русской столицѣ, дона Луи дель-Кастелло, въ Борго, съ предложеніемъ посредничества, съ заявленіемъ, что оно принято императрицей и что первое условіе было немедленное прекращеніе военныхъ дѣйствій. Король этимъ былъ поставленъ въ большое затрудненіе. Онъ уже принялъ посредничество Англіи и Пруссіи, отвергнутое императрицею, самъ все еще надѣясь на ихъ участіе въ войнѣ. Онъ хотѣлъ выждать отвѣта короля прусскаго на его письмо, но вмѣстѣ съ тѣмъ не желалъ вызвать неудовольствія Испаніи отказомъ на ея предложеніе, сдѣланное съ благородствомъ и откровенностью, свойственными до того времени испанскому кабинету. Войска уже были двинуты къ Периле, чтобъ тамъ перейти рѣку Кюмень и отбросить непріятеля отъ Валькіала; одновременно онъ хотѣлъ разными правдоподобными предлогами задержать дона Луи, скрыть отъ него предполагаемое нападеніе, которое не согласовалось съ мирными предложеніями, и пріобрѣсть какія-нибудь военныя преимущества раньше, чѣмъ отвѣтить испанскому министру. Въ виду этого онъ въ концѣ апрѣля уѣхалъ изъ Борго, поручивъ мнѣ поддерживать хорошее расположеніе духа молодаго испанца. Мнѣ приказано было объяснить ему, что король поѣхалъ на нѣсколько дней инспектировать войска, что его величество не хотѣлъ отправить его безъ подходящаго подарка, что таковой въ Финляндіи невозможно было найти, что его выписали изъ Стокгольма, что король, кромѣ того, желалъ узнать мнѣніе своихъ министровъ относительно шага испанскаго двора и т. д. Этимъ онъ старался выиграть время. Я имѣлъ ежедневныя бесѣды съ дономъ Луи, который былъ интеллигентный юноша; онъ свои дни проводилъ у меня, сообщая многія подробности о положеніи дѣлъ въ С.-Петербургѣ. Все это я письменно передавалъ королю, который отвѣ-

тилъ мнѣ длиннымъ письмомъ изъ Секярви, отъ 27-го апрѣля: Je vous suis obligé des nouvelles intéressantes que vous me mandez. Faites encore causer votre courier [1]).

Онъ серіозно думалъ о мирѣ и въ это путешествіе взялъ съ собой мирные договоры, заключенные въ Теусинѣ въ 1595, Столбовѣ въ 1617 и Кардисѣ въ 1661 годахъ, но отослалъ ихъ мнѣ обратно изъ Секярви. Онъ писалъ: Ils sont d'un style si rebutant qu'il est presque impossible de retenir leur contenu. Si vous vouliez bien vous donner la peine de mettre un sommaire pour chaque article, cela soulagerait beaucoup le travail qu'il faudra faire pour rediger le projet de traité. Je souhaite aussi que vous fassiez le même travail pour les traités d'Abo et de Nystadt. Je vois par celui de Cardis, qu'on en cite un autre de Wibourg que je ne connais pas; il faut qu'on me l'envoie de Stockholm. Si je ne me trompe, ce sera non un traité de paix, mais le traité fait entre Michael Schouski et Jacob de la Gardie, en vertu duquel le connétable marcha au secours du Czar et vint jusqu'à Moscou. Cependant il est également intéressant à connaitre» [2]). Письмо кончалось такимъ образомъ:

«Nous marchons cette nuit pour passer à Pörile avec 3.000 hommes» [3]). Въ другомъ маленькомъ письмѣ отъ того же числа онъ писалъ: «Vous enverrez à Hangö Udd tout ce que les déserteurs vous rapportent relativement à la grande flotte, et vous écrirez à mon frère, que c'est par mes ordres» [4]).

---

[1]) Я весьма обязанъ вамъ за интересныя свѣдѣнія, которыя вы мнѣ сообщаете. Заставьте вашего посланца еще разговориться.

[2]) Они написаны такимъ отвратительнымъ слогомъ, что почти невозможно запомнить ихъ содержаніе. Ежели бы вы потрудились изложить вкратцѣ каждую статью, то это облегчило бы значительно трудъ по составленію проекта мирнаго договора. Я желаю также, чтобы вы сдѣлали подобное извлеченіе изъ Абовскаго и Ништадскаго договоровъ. Я усматриваю изъ Кардисскаго трактата существованіе еще одного договора—Выборгскаго, который мнѣ неизвѣстенъ; пусть мнѣ пришлютъ его изъ Стокгольма. Ежели я не ошибаюсь, это будетъ не мирный трактатъ, а договоръ, заключенный между Михаиломъ Шуйскимъ и Яковомъ де ля Гарди, въ силу котораго коннетабль двинулся на помощь царю и дошелъ до Москвы. Все же съ нимъ интересно познакомиться.

[3]) Мы выступаемъ сегодня въ ночь съ цѣлью переправиться у Периле съ 3.000 человѣкъ.

[4]) Сообщите въ Гангудъ всѣ свѣдѣнія, которыя доставятъ вамъ дезертиры о большомъ флотѣ, и напишите моему брату, что это дѣлается по моему приказанію.

Военныя дѣйствія такимъ образомъ все продолжались. У дер. Вальківла шведы атаковали и оттѣснили русскихъ, но въ свою очередь русскіе атаковали ихъ, хотя потерпѣли значительное пораженіе при Кернакоски. Объ этомъ король сообщилъ Эренстрему слѣдующимъ письмомъ:

«Je viens d'avoir la réponse de Stockholm. M-r. de Borch a été enchanté de ma démarche. On a envoyé le courier de cabinet à Berlin. Vous pouvez annoncer à don Louis, que dans quelques jours il sera expedié, que je vous avais marqué que je vous enverrais ma réponse pour la mettre au net, et vous ajouterez que je vous avais marqué, que je commençais à croire que la condescendance imprévue de l'impératrice aux avis du comte d'Osterman, n'était qu'une ruse pour nous endormir. Vous ajouterez que la veille de l'arrivée de don Louis, j'avais reçû des avis de mes espions d'une attaque générale projettée, et que c'est sur cela que je partis de Borgo et pris la résolution de prévenir avant d'être prévenû; que mon opération vigoureuse prévint l'attaque de l'aile gauche et me valut la victoire, mais que l'attaque faite par le prince d'Anhalt Bernbourg, qui (n'ayant pû être averti à temps de la défaite de Denisoff à Walkiala) attaqua le vendredi matin Kernakoski, prouva assez la verité du dessein que des officiers prisonniers m'ont confirmé, ne soupçonnant pas de quel poids était cet aveu; que dans ces circonstances, il était indispensable de poursuivre avec vigueur, et que cela m'empêcherait encore un jour de retourner à Borgo; mais qu'au fond la défaite des russes à Kernakoski accélérerait les négociations sans y nuire, quoique ce succès ne laisserait pas d'autoriser mes prétentions à une frontière raisonnable; que de l'aveu même du general d'Igelström les russes avaient perdû beaucoup de monde, et que comme 30 officiers des regiments de gardes avaient été tués et blessés, cela devait repandre un deuil et une consternation dans Pétersbourg et à la cour, qui ne nuirait pas aux souhaits pacifiques. Le prince d'Anhalt Bernbourg est blessé à mort. Ils ont perdu 3 canons, deux pris, le troisième noyé; 500 hommes de tués. Voilà une terrible déconfiture. Monsieur de Borch a été enchanté de ma lettre au roi de Prusse, et les nouvelles de Berlin disent que ses ministres ont toutes les peines du monde pour le retenir. Voici mes dépêches de Londres que vous copierez et enverrez à mon frère. J'ecris à Klerker de hater

la sortie de la flotte. Je m'y embarquerai à Lovise ou à Pellinge en cas que je n'aie pas le temps d'aller à Borgo. Je vous prie alors d'avoir soin que mes bureaux et tous mes livres soient transportés à bord. Je m'impatiente d'y être, car ce sera un moment de repos, et j'en ai besoin. Je vous envoie des lettres que j'ai eu pour vous et une lettre du baron de Nolcken, que je vous prie de copier pour l'envoyer à mon frère, et de nommer à Klerker les deux officiers anglais destinés pour la petite flotte. Adieu».

Walkiala, ce 4 Mai 1790. «Gustave».

«J'ai eu une contusion au bras, très légère qui est déjà passée. Je nai plus de papier. Nous manquons de tout ici excepté du manger, du fourage et des punaises» [1]).

Валькіала, 4 мая 1790.

[1]) Я только-что получилъ отвѣтъ изъ Стокгольма. Г-нъ Борхъ въ восторгѣ отъ моего поступка. Въ Берлинъ посланъ курьеръ изъ кабинета. Вы можете объявить дону Луи, что онъ будетъ отправленъ чрезъ нѣсколько дней, что вы узнали изъ моего письма, что я пришлю вамъ отвѣтъ для того, чтобы переписать его на-бѣло; вы прибавите отъ себя, что я высказалъ вамъ свое подозрѣніе по поводу того, что неожиданная снисходительность императрицы къ совѣтамъ графа Остермана была только хитростью, пущенною въ ходъ для того, чтобы обмануть нашу бдительность. Прибавьте еще, что наканунѣ пріѣзда дона Луи, я получилъ отъ моихъ шпіоновъ извѣстіе о предположенной генеральной атакѣ, вслѣдствіе этого отправился въ Борго и рѣшился предупредить атаку нападеніемъ со своей стороны, что мои смѣлыя дѣйствія предупредили нападеніе на лѣвый флангъ и доставили мнѣ побѣду, но что атака, произведенная принцемъ Ангальтъ-Бернбургскимъ, который (не получивъ своевременно увѣдомленія о пораженіи Денисова при Валькіалѣ) началъ въ пятницу утромъ на Кернакоски, доказываетъ довольно ясно справедливость замысла, существованіе котораго подтвердили плѣнные офицеры, не подозрѣвая всей важности, которую имѣло это сообщеніе, что при подобныхъ обстоятельствахъ необходимо преслѣдовать непріятеля энергично, и это задержитъ мое возвращеніе еще на день, но что, въ сущности, пораженіе русскихъ при Кернакоски ускоритъ переговоры о мирѣ, нисколько ихъ не нарушая, хотя эта удача и даетъ мнѣ право настаивать на болѣе желательной для меня пограничной линіи; что, по сознанію самого генерала Игельстрома, русскіе понесли значительный уронъ и что такъ какъ у нихъ убито и ранено 30 офицеровъ изъ гвардіи, то это обстоятельство должно распространить печаль и уныніе въ Петербургѣ и при дворѣ, что́ не будетъ во вредъ миролюбивымъ пожеланіямъ. Принцъ Ангальтъ-Бернбургскій смертельно раненъ. Они потеряли 3 пушки, изъ коихъ двѣ взяты нами, третья утонула, и 500 человѣкъ убитыми. Это страшное пораженіе. Г-нъ Борхъ былъ въ восторгѣ отъ моего письма къ королю прусскому и, судя по извѣщеніямъ изъ Бер-

Теперь уже нельзя было больше задерживать испанскаго курьера,—продолжаетъ Эренстремъ въ своихъ запискахъ. Его отправили съ отвѣтнымъ письмомъ къ испанскому министру въ Петербургѣ, съ выраженіемъ благодарности за предложеніе посредничества и съ цѣлью поддерживать этимъ путемъ переговоры о мирѣ.

Далѣе слѣдуетъ описаніе дѣйствія флотовъ, дѣло при Фридрихсгамѣ, пораженіе при Ревелѣ и блокада шведскаго флота русскими у Выборга. Все это время Густава III не покидали мысли о мирѣ. Эренстрему онъ писалъ:

«J'ai eu réponse d'Armfelt et du comte Soltikoff. Armfelt est blessé d'une balle, qui lui a traversé l'épaule droite, sans lui casser l'os. Il m'écrit de sa propre main. Paine a aussi été blessé. Voilà tout ce que je sais. N'avez vous pas des nouvelles du petit espagnol? Mandez moi ce que vous savez. La tempête nous a arrêté dans nos opérations. Je crois que nous pourrons bientôt agir. Smith (Sidney) a emporté une batterie de canons de bronze ce matin à 2 heures à Achtis Capell. Dès que ceci est fait, nous partirons, car je m'ennuie de ne savoir ce qui se passe en Europe. Adieu. Si l'espagnol vient, n'oubliez pas en l'amenant de porter tous les papiers avec vous. Rade interieure de Wibourg ce 16 Juin 1790, à 6 heures du soir» [1]).

«G.»

лина, министры съ трудомъ сдерживаютъ его. Вотъ депеши, полученныя мною изъ Лондона; снимите съ нихъ копію и отправьте моему брату. Я пишу Клеркеру, чтобы онъ ускорилъ выходъ въ море флота. Я сяду на одинъ изъ судовъ въ Ловизѣ или Пеллингѣ, ежели не успѣю съѣздить въ Борго. Въ такомъ случаѣ, прошу васъ позаботиться, чтобы мои канцелярскія принадлежности и всѣ мои книги были перевезены на судно. Я ожидаю съ нетерпѣніемъ той минуты, когда я буду въ морѣ, такъ какъ это будетъ минута отдыха, въ которомъ я сильно нуждаюсь. Посылаю вамъ письма, полученныя мною на ваше имя, и письмо барона Нолькена, съ котораго прошу снять копію, для пересылки ея моему брату; назовите Клеркеру фамиліи тѣхъ двухъ англійскихъ офицеровъ, которые предназначаются во флотилію. Прощайте.

Густавъ.

Я слегка ушибъ руку, но она уже зажила. У меня болѣе нѣтъ бумаги. Мы терпимъ здѣсь недостатокъ во всемъ, исключая ѣды, фуража и клоповъ.

[1]) Я получилъ отвѣтъ отъ Армфельда и отъ гр. Салтыкова. Армфельдъ раненъ пулею, которая насквозь пробила ему правое плечо, не раздробивъ кости. Онъ пишетъ мнѣ собственноручно. Пэнъ также раненъ. Вотъ все, что

Отъ испанскаго министра между тѣмъ отвѣта не послѣдовало. Въ это время, взятый въ плѣнъ денщикъ русскаго генерала разсказалъ что императрица во время морскаго сраженія у Кронштадта, 3-го или 4-го іюня, лично посѣтила эту крѣпость, но уѣхала оттуда въ Москву, въ сопровожденіи графовъ Остермана, Безбородко, Моркова и другихъ и что послѣ ея отъѣзда «tout était en confusion à Pétersbourg» [1]). Объ этомъ король сообщилъ Эренстрему въ письмѣ съ помѣткой:

«Rade de Wibourg ce samedi matin à 2 heures le 19 Juin 1790» [2]) и затѣмъ прибавилъ: «Voyons maintenant comment nous renouerons la négociation. Je crois que le général de Pollett écrive une nouvelle lettre, que nous enverrons avec un parlementaire à Wibourg, où il dit simplement qu'ayant eu promesse de l'arrivée de l'espagnol dans quelques jours, et plus de huit s'étant écoulés, il était embarassé de quoi mander à m-r de Coral d'autant plus qui apparement il supposait que la matière sur laquelle roulait la dépêche devait être une chose intéressante pour les deux nations, ou quelque chose d'approchant. Dites m'en vos idées. Je vous envoie en même temps les lettres du comte Soltikoff et d'Armfelt. Bonsoir, ou plutôt bonjour».

«Gustave».

«Si vous trouvez cela bon, dites le au général de Pollett. Faites moi le plaisir de lui faire mes excuses de ce que je ne lui écris pas moi-même» [3]).

мнѣ извѣстно. Не имѣете ли вы свѣдѣній о маленькомъ испанцѣ? Сообщите мнѣ то, что вы знаете. Буря задержала наши военныя дѣйствія. Я полагаю, что мы скоро можемъ ихъ возобновить. Смитъ (Сидней) овладѣлъ сегодня, въ 2 часа утра, батареей съ мѣдными орудіями въ Ахтисъ-Капелѣ. Послѣ этого мы уѣдемъ, такъ какъ я соскучился, не имѣя извѣстій о томъ, что дѣлается въ Европѣ. Прощайте. Ежели испанецъ пріѣдетъ, не забудьте привезти вмѣстѣ съ нимъ всѣ бумаги. Внутренній Выборгскій рейдъ.

16 іюня 1790 г., 6 часовъ вечера.

[1]) Всѣ были въ большомъ замѣшательствѣ въ Петербургѣ.

[2]) Выборгскій рейдъ. Суббота, 19 іюня 1790 г., 2 часа утра.

[3]) Посмотримъ, какимъ образомъ мы возобновимъ теперь переговоры. Мнѣ кажется, что генералъ Поллетъ долженъ вторично написать письмо, которое мы пошлемъ въ Выборгъ съ парламентеромъ, сказавъ въ немъ просто, что такъ какъ пріѣздъ испанца былъ обѣщанъ черезъ нѣсколько дней, а между тѣмъ прошло уже болѣе восьми сутокъ, то онъ затрудняется, что

Генералъ Поллетъ письмо написалъ, но эта вторая попытка завести переговоры имѣла не больше успѣха, чѣмъ первая. Русскій флотъ блокировалъ шведскій, а русская шхерная флотилія готовилась къ немедленному отплытію изъ Кронштадта; въ виду этого императрица льстила себя надеждой скоро завладѣть всѣмъ шведскимъ флотомъ, съ королемъ и его братомъ, и имѣть возможность по своему усмотрѣнію предписать мирныя условія. Разсказъ плѣннаго денщика объ отъѣздѣ императрицы въ Москву былъ не вѣренъ и не болѣе, какъ пустая болтовня. По возвращеніи короля въ Свенскзундъ, онъ узналъ изъ депеши своего министра въ Берлинѣ, что эта монархиня, характера высокаго и мужественнаго, отправилась, при шумѣ канонады между шведскимъ флотомъ и эскадрой адмирала Крузе, отъ которой окна въ ея столицѣ дрожали, въ Кронштадтъ, для личнаго осмотра крѣпости и батарей. Прочитавъ это, король былъ очень доволенъ мужествомъ и рѣшимостью, высказанными императрицею, и выразился слѣдующимъ образомъ: «Voilà bien ma cousine. Cela lui fait un grand honneur» [1]). Несмотря на войну, онъ относился къ этой государынѣ съ большимъ почтеніемъ и хотѣлъ избѣгать всего, чтó могло ее оскорбить. Она же съ своей стороны вовсе его не щадила. Изъ многихъ печатныхъ сочиненій, распространенныхъ о немъ въ это время русскимъ дворомъ, одно было особенно оскорбительнымъ; изъ слова «etrange» [2]), очень часто употребляемаго императрицею, король вывелъ заключеніе, что она въ немъ сама приняла участіе. Необходимо было опроверженіе; король приказалъ мнѣ написать это, но при провѣркѣ онъ вычеркнулъ многое, что ему казалось слишкомъ рѣзкимъ, при чемъ сказалъ: «Нельзя забывать, что императрица дама, коронованное «лицо, и что мы однажды должны заключить миръ между собою.

именно сообщить г. Коралю, тѣмъ болѣе, что депеша должна заключать, какъ онъ предполагалъ, несомнѣнно, что-либо интересное для обѣихъ націй,— или что-нибудь въ этомъ родѣ. Сообщите мнѣ ваше мнѣніе по этому поводу. Съ симъ вмѣстѣ посылаю вамъ письма графа Салтыкова и Армфельда. Доброй ночи, или скорѣе добраго утра. Густавъ.

Ежели вы это одобрите, то сообщите генералу Поллету. Сдѣлайте одолженіе, извинитесь передъ нимъ за меня въ томъ, что я не пишу ему лично.

[1]) Видно, что она дѣйствительно мнѣ двоюродная сестра. Это дѣлаетъ ей большую честь.

[2]) Странно.

«Если она забывается, то я не долженъ забыть собственное и ея «достоинство».

Между тѣмъ положеніе блокированныхъ на Выборгскомъ рейдѣ шведскихъ флотовъ становилось изо дня въ день все болѣе критическимъ. Частыя совѣщанія герцога и адмираловъ у короля ясно указывали всѣмъ на безвыходное, почти безнадежное положеніе. Предметъ этихъ совѣщаній хранился въ строгомъ секретѣ, и только долгое время спустя узнали, что въ этихъ разговорахъ вопросъ былъ возбужденъ о необходимости для короля начать переговоры о мирѣ съ русскимъ адмираломъ Чичаговымъ, и еслибъ они не удались, то передать на капитуляцію флоты, для спасенія короля и личнаго состава флота, но это предложеніе было рѣшительно отвергнуто королемъ. Согласно другимъ планамъ, король долженъ былъ высадиться со всѣми войсками, бывшими на шхерномъ флотѣ, сжечь корабли и сухимъ путемъ пробиться для соединенія съ арміей у Кюменя, или наконецъ большому флоту сняться съ якоря и пробиться черезъ южный проходъ Біерке-Зунда, а шхерному— добраться до Свенсксунда

Послѣ одного посѣщенія герцога на «Амфіонѣ» [1]), я вошелъ къ королю, гулявшему по каютѣ и казавшемуся противъ обыкновенія очень взволнованнымъ. Съ привѣтливымъ выраженіемъ онъ спросилъ: «Что говорятъ по поводу пріѣзда на «Амфіонъ» герцога и «адмираловъ?»—«Ничего не говорятъ, ваше величество, потому что не знаютъ причинъ этихъ посѣщеній, только предполагаютъ, что они означаютъ что-то серьезное».

Послѣ этого отвѣта король еще нѣсколько разъ прошелся по каютѣ, заложивъ на спину руки и погруженный въ глубокія размышленія. Наконецъ, желая облегчить себя отъ удручающихъ мыслей, онъ остановился прямо противъ меня и сказалъ: «Какой мой «братъ слабый и перемѣнчивый! Когда пріѣзжаетъ ко мнѣ со своими «командирами судовъ, онъ говоритъ то же самое, что они, и раздѣ«ляетъ ихъ мрачные взгляды. Когда же съ нимъ говорю наединѣ и «указываю на то, чего отъ насъ требуетъ слава Швеціи и честь швед«скаго имени, я воспламеняю его къ благороднымъ и мужественнымъ «рѣшеніямъ, которыя однакожъ быстро исчезаютъ, какъ только онъ

---

[1]) Яхта короля.

«пріѣдетъ на свой корабль и очутится въ своей обыкновенной «средѣ».

Изъ этихъ выраженій легко было заключить,—продолжаетъ Эренстремъ,—что какія-то предложенія были сдѣланы начальствомъ флота, которыя въ высшей степени не нравились королю. Я сдѣлалъ видъ, будто не понимаю этого, и только сказалъ: «Для незнающихъ ближе вашего величества и вашего брата кажется, что герцогъ съ своимъ открытымъ взглядомъ, своими усами, саблей на отвѣсъ и воинственной походкой, именно тотъ, который отъ природы одаренъ рѣшительнымъ характеромъ и большой нравственной силой, тогда какъ ваше величество, съ вашимъ добрымъ лицомъ и кроткимъ обхожденіемъ, кажется, совсѣмъ не имѣете этихъ качествъ».

«— Ахъ, отвѣчалъ онъ,—какъ публика ошибается въ этомъ своемъ мнѣніи. Тѣ, которые имѣли болѣе близкій доступъ ко мнѣ и моему брату, особенно въ важныхъ случаяхъ, навѣрно не раздѣляютъ этого мнѣнія». Затѣмъ онъ еще подробнѣе распространялся объ этомъ предметѣ, то слѣдя съ своей зрительной трубой, положенной на мое плечо, за возвращавшеюся на флотъ шлюпкой герцога, то продолжая гулять по каютѣ. Наконецъ, онъ сталъ на колѣни на подоконникъ окна, обращеннаго къ шлюпкѣ и большому флоту, оперся на локти и, продолжая разговоръ, сказалъ, обратившись ко мнѣ лицомъ, съ видомъ и голосомъ, которые никогда не забуду: «Ну вы его еще испытаете». Хотя это выраженіе должно было имѣть, какъ я предполагаю, только отношеніе къ положенію государства вообще, въ случаѣ кончины короля и регентства герцога, но оно на меня произвело такое дѣйствіе, какъ будто касалось меня лично и содержало предсказаніе о будущихъ моихъ несчастіяхъ. Взволнованный этимъ чувствомъ и тронутый до слезъ, я взялъ руку короля, поцѣловалъ ее и сказалъ: «Надѣюсь, съ Божіею помощью, что не придется сдѣлать такое испытаніе. Ваше величество еще въ лучшихъ годахъ, хорошаго здоровья и имѣете сына, который можетъ унаслѣдовать своего отца». Тогда онъ всталъ, взглянулъ на меня со слезами на глазахъ и прибавилъ: «Помните, что я вамъ «теперь сказалъ». На этотъ разъ онъ былъ очень взволнованъ, безъ сомнѣнія вслѣдствіе недавняго совѣщанія съ своимъ братомъ, содер-

жаніе котораго онъ не хотѣлъ передать. Но высказанное имъ при этомъ случаѣ содержало пророчество, которое два года спустя должно было для государства вообще и для меня въ особенности исполниться такимъ печальнымъ образомъ.

Затѣмъ Эренстремъ подробно описываетъ критическое положеніе и дѣйствія Густава III во время прорыва блокады 3-го іюля; о дѣйствіяхъ русскаго флота онъ говоритъ слѣдующее:

Трудно объяснить поведеніе русскаго адмирала Чичагова въ этотъ день. Съ своимъ флотомъ онъ оставался нерѣшительнымъ зрителемъ горячаго боя у Криссфорта, совершенно близко отъ него. Только сигналы его были въ живомъ движеніи; они отдавались, измѣнялись, повторялись. Иногда русскіе матросы какъ-будто заняты были снятіемъ съ якоря, иногда постановкой парусовъ, которые однакожъ немного спустя опять были убраны. Наконецъ, когда весь нашъ большой флотъ пробился до открытаго моря, за исключеніемъ погибшихъ кораблей, онъ оставилъ свою позицію для преслѣдованія, которое и продолжалъ вплоть до входа у Свеаборга, куда шведскій флотъ, потерявшій во время этого слѣдованія еще одинъ корабль подъ начальствомъ полковника (впослѣдствіи адмирала) Леіонанкора, отступилъ и былъ блокированъ русскимъ. Такъ какъ враги короля, при радостномъ для нихъ извѣстіи о томъ, что онъ блокированъ на Выборгскомъ рейдѣ, считали невозможнымъ его освобожденіе, то они теперь объяснили это тѣмъ, что онъ съ русскимъ адмираломъ завелъ переговоры, сопровождавшіяся денежной жертвой со стороны короля, но этотъ слухъ былъ совершенно невѣренъ. Русскій адміралъ былъ такъ увѣренъ въ захватѣ всего блокированнаго шведскаго флота, что онъ съ большой гордостью отказывался принять высланныхъ шведскими начальниками парламентеровъ, которыхъ никогда не пускали на бортъ его корабля и которые не были приняты имъ для разговоровъ, а ихъ всегда встрѣчалъ на полпути его сынъ (впослѣдствіи адмиралъ и морской министръ), чтобъ узнать ихъ порученіе.

Послѣ прорыва съ Выборгскаго рейда, большой флотъ ушелъ въ открытое море, а шхерный—направился къ Свенскзунду для соединенія съ расположенными у этого пункта подкрѣпленіями. Эренстремъ во время этого слѣдованія находился на королевской яхтѣ «Амфіонъ». Онъ разсказываетъ слѣдующее:

Слѣдованіе это однакожъ было сопряжено съ большими опасностями, такъ какъ у Питкенаса стояли три русскіе флота, между ними быстроходный, новый, красивый шведскій фрегатъ «Венусъ», взятый русскими на берегу Норвегіи въ нейтральной гавани. Эти фрегаты стояли на мѣстѣ, пока еще какой-нибудь шведскій корабль большаго флота былъ вблизи и могъ защищать шхерный, но когда этотъ послѣдній остался одинъ на большомъ заливѣ у Питкенаса, фрегаты снялись съ якорей и направились къ длинной линіи шведскихъ судовъ, прошли ее съ залпами въ обѣ стороны, шли потомъ вдоль линіи, обстрѣливая каждое судно, снова прошли насквозь съ тою же пальбою, продолжая затѣмъ свой курсъ по другую сторону линіи. Въ этомъ быстромъ и хорошо исполненномъ маневрѣ, которому благопріятствовали хорошій ходъ и свѣжій вѣтеръ, особенно отличился фрегатъ «Венусъ», подъ командой англичанина Кроунса. Всѣ галеры, канонерскія шлюпки и другія шхерныя суда, мимо которыхъ проходилъ «Венусъ», обстрѣливая ихъ, принуждены были спустить свои флаги, заявляя этимъ, что сдаются. Фрегатъ также съ замѣчательной быстротой приближался къ галерѣ «Серафимъ», на которой находился король. Не безъ большихъ затрудненій удалось наконецъ уговорить его оставить галеру и спастись на шлюпкѣ. Какъ только онъ оставилъ галеру, и она должна была спустить флагъ. Все это мы видѣли съ «Амфіона» и разсчитали уже, что не болѣе какъ черезъ 10—15 минутъ «Венусъ» и насъ настигнетъ, какъ вдругъ, къ величайшему нашему удивленію, мы увидѣли сигналъ русскаго адмирала, которымъ онъ призвалъ всѣ три фрегата къ себѣ. Приказаніе это они должны были исполнить, и такъ какъ они такимъ образомъ не могли занять всѣ суда, спустившія передъ ними флаги, эти совершенно основательно считали себя въ правѣ снова поднять ихъ и, съ напряженіемъ всѣхъ силъ, искать свое спасеніе въ шхерахъ. Впослѣдствіи я въ Финляндіи видѣлся съ старымъ адмираломъ Кроунсомъ, который все еще съ крайнимъ негодованіемъ говорилъ о приказаніи, отданномъ при этомъ случаѣ адмираломъ Чичаговымъ; приказаніе это онъ называлъ глупымъ и безсмысленнымъ; имъ вырвана была у него побѣда надъ цѣлымъ шведскимъ шхернымъ флотомъ. Русскіе потомъ, въ оффиціальныхъ бумагахъ, обвинили шведскихъ начальниковъ въ томъ, что дѣйствовали про-

гивъ законовъ войны и чести, когда они не передали своихъ судовъ послѣ спуска флаговъ, въ знакъ того, что они побѣждены, но имъ отвѣтили, что судно, чтобъ считаться взятымъ, должно имѣть по крайней мѣрѣ одного непріятельскаго офицера на борту, которому офицеры корабля могли бы передать свои сабли и тѣмъ объявить себя его плѣнниками, но такъ какъ такого пріема не было, начальники и экипажи судовъ имѣли совершенное право считать себя свободными,—право, которымъ русская эскадра изъ Аспе въ сраженіи при Свенскзундѣ, годъ передъ тѣмъ, при такихъ же обстоятельствахъ и такимъ же образомъ воспользовалась.

Шведская шхерная флотилія расположилась у Свенскзуда. Здѣсь она 9-го іюля была атакована русскимъ шхернымъ флотомъ, но стойко выдержала всѣ атаки; русскіе вечеромъ отошли къ Аспе. Побѣда эта впрочемъ нисколько не измѣнила затруднительное положеніе короля, который теперь больше чѣмъ когда-нибудь желалъ мира.

Эренстремъ говоритъ:

Желаніе это поддерживалось размышленіями о вліяніи французской революціи на политику европейскихъ государствъ и справедливымъ негодованіемъ по поводу бездѣятельности Англіи и въ особенности Пруссіи. Онъ рѣшился сдѣлать первый шагъ къ примиренію съ императрицей и для этой цѣли пользовался однимъ плѣнникомъ при Свенскзундѣ, русскимъ офицеромъ, по фамиліи Мюллеръ, прикомандированнымъ къ департаменту иностранныхъ дѣлъ. Онъ его освободилъ на честное слово и вручилъ ему письмо вице-канцлеру Остерману, въ которомъ, по поводу плѣна графа Карла Левенгельма, онъ ходатайствовалъ о снисходительномъ обхожденіи съ этимъ молодымъ офицеромъ. «Vous avez séjourné trop longtemps en Suède, monsieur le comte», писалъ король, «pour ignorer les motifs de l'interêt que je prends au sort de ce jeune homme» [1]).

Эта фраза,—продолжалъ Эренстремъ, — какъ будто подтверждаетъ общее мнѣніе, поддерживаемое наружностью графа, что онъ былъ сынъ герцога Карла. Настоящая цѣль письма все-таки была

---

[1]) Вы прожили слишкомъ долго въ Швеціи, графъ, чтобы не знать причинъ, въ силу которыхъ я принимаю участіе въ судьбѣ этого молодаго человѣка.

дать понять склонность короля къ миру, почему онъ также съ нетерпѣніемъ ожидалъ отвѣта графа Остермана, чтобъ изъ него судить, раздѣляетъ ли императрица эту склонность. Зная характеръ императрицы, онъ опасался, что эта гордая дама, послѣ нанесеннаго ея флоту пораженія, менѣе, чѣмъ когда-либо, согласится на открытіе мирныхъ переговоровъ. Въ концѣ іюля мѣсяца король поѣхалъ въ лагерь у Вереле и въ это время онъ получилъ долго ожидаемый отвѣтъ графа Остермана. Какъ потомъ узнали, отвѣтъ этотъ былъ замедленъ тѣмъ, что принцъ Нассаускій, подозрѣвая причину освобожденія Мюллера и желая продолженія войны, задержалъ его на нѣсколько дней въ Фридрихсгамѣ. 29-го іюля король мнѣ написалъ письмо слѣдующаго содержанія: «Je retourne coucher à Peipola ce soir, et je viendrai demain ou après demain à la flotte. J'ai eu la réponse du comte Osterman. Elle est très-polie, mais le statu quo: aucune augmentation de frontière. Cela ne me convient pas; en attendant, les ministres (англійскій и прусскій) sont très allarmés à Stockholm, et cela est très bien» [1]). Между тѣмъ русскій генералъ Игельстремъ и баронъ Армфельтъ открыли между собой переписку, которая, начавшись съ обоюдныхъ вѣжливостей, могла подать надежду на болѣе существенныя послѣдствія, въ виду того, что русскій генералъ не могъ поддерживать эти близкія сношенія съ барономъ безъ уполномочія на то своей монархини. Уже на другой день по полученіи письма отъ 29-го іюля, т. е. 30-го іюля, я получилъ отъ короля новое письмо изъ Пейпола, съ приказаніемъ составить и скрѣпить pleins-pouvoirs [2]) для Армфельта, назначеннаго уполномоченнымъ короля для возстановленія мира; предписано было помѣтить эти бумаги: «Свенскзундъ, на яхтѣ «Амфіонъ» 25-го іюля». Онъ также прислалъ мнѣ длинный списокъ титуламъ барона, между которыми меня удивили слѣдую-

[1]) Я возвращаюсь сегодня вечеромъ ночевать въ Пейпола, а завтра или послѣ завтра возвращусь къ флоту. Я получилъ отвѣтъ отъ гр. Остермана. Онъ написанъ очень вѣжливо, но его statu quo (непремѣнное условіе)—никакого измѣненія въ границахъ. Это условіе для меня не подходящее. Между тѣмъ въ Стокгольмѣ посланники (англійскій и прусскій) чрезвычайно встревожены, что̀ весьма хорошо.

[2]) Полномочія.

щіе: baron de Worentacko, seigneur d'Aminno et Fuskila» [1]). Я тотчасъ же отправилъ вытребованныя pleins-pouvoirs [2]), но такъ какъ второпяхъ, не желая заставить курьера ждать, кое-что упустилъ, мнѣ ихъ на другой день, т. е. 31-го іюля, вернули, съ замѣчаніемъ, что я позабылъ дать императрицѣ титулъ Soeur [3]). Король не былъ увѣренъ, не слѣдовало ли тоже употребить слово très aimée [4]), а потому писалъ: «Voyez pour vous en assurer la ratification du traité de St. Barthelemy qui se trouve sur ma table; vous verrez, si le roi de France et moi, nous ne nous donnons pas réciproquement ce titre. Franc, ne vous a-t-il pas envoyé des modèles de pleins-pouvoirs? Je lui en avait écrit au mois d'Avril. Aujourd'hui à 3 heures se fera, à ce que je crois, entre les avant-postes de Werele l'entrevue entre les barons d'Armfelt et d'Igelström. Je suis encore incertain, si je reviendrai avant la nuit. Peipola ce 31 Juillet 1790».

«Gustave».

«Il faut ajouter une copie, car c'est la copie qui est montrée, et on n'échange les pleins-pouvoirs que lorsque les copies sont approuvées» [5]).

Начатая между баронами Армфельтомъ и Игельстремомъ переписка свела наконецъ къ личному свиданію между ними. Король извѣстилъ меня объ этомъ въ слѣдующей запискѣ: «La conférence a eu lieu, et je vous ordonne de venir sur le champ vous rendre ici. Il faut vous munir de tous vos papiers et des habits convenables. Vous direz «mysterieusement», qu'il ne s'est agi que du

---

[1]) Баронъ Ворентацко, владѣлецъ Аминно и Фускилы.

[2]) Полномочія.

[3]) Сестра.

[4]) Возлюбленная.

[5]) Посмотрите, для вѣрности, ратификацію договора Сенъ-Бартелеми, лежащую у меня на столѣ; вы увидите, называемъ ли мы съ королемъ французскимъ другъ друга подобнымъ именемъ. Развѣ Франкъ не прислалъ вамъ полномочій? Я писалъ ему объ этомъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Я думаю, что сегодня, въ 3 часа дня, произойдутъ между аванпостами свиданія между баронами Армфельтомъ и Игельстремомъ. Я не знаю еще, вернусь ли я къ ночи.
Пейпола, 31 іюля 1790. Густавъ.

Надобно приложить копію, такъ какъ показывается копія, а полномочіями обмѣниваются тогда уже, когда одобрены копіи.

cartel des prisonniers et d'aucune autre chose. On a exigé cela. Au camp de Werele ce 1 Août 1790».

«Gustave».

«Dites à Möllersvörd, à Griet et à Runge [1]), ainsi qu'au petit Turc qu'ils viennent» [2]).

Когда я пріѣхалъ въ Вереле, мирные переговоры уже начались и король уже отъ барона Армфельта получилъ письменный рапортъ о первой его конференціи съ барономъ Игельстремомъ. Густавъ III тогда написалъ Армфельту слѣдующее письмо, доказывающее, съ какими намѣреніями съ его стороны переговоры эти начались. Я нашелъ это письмо въ томъ собраніи писемъ его величества, которое хранится у старшаго сына барона Армфельта.

«Au Camp de Werele, ce 2 Août 1790, à 6 h. et $^1/_4$ apr. m. J'arrive dans ce moment et j'ai trouvé les papiers que vous m'avez laissé. Comme vous êtes à la conférence, je me hâte de vous écrire ces lignes. Je ne m'arrête pas sur les mots, qui contiennent l'acte que vous m'avez envoyé. Je vous parlerai plus au long. Je vous dirai simplement, que j'y trouve omis trois articles essentiels, celui des turcs, celui de la frontière et celui des déserteurs et traitres. Je ne vous parlerai pas de la frontière; vous savez sur cela mes intentions, et je suis trop fatigué de la course que l'algarade du prince de Nassau m'a fait faire, pour me donner cette peine. Vous avez d'ailleurs sur cela mes instructions. Mais ce

---

[1]) Меллерсвердъ и Гриль — чиновники военно-походной канцеляріи короля: Рунге — лейбъ-хирургъ его.

Маленькій турокъ Мегемедъ былъ взятъ въ плѣнъ при Свенскзундѣ на командирскомъ суднѣ принца Нассаускаго. Русскими же онъ былъ взятъ во время морскаго дѣла подъ Очаковомъ. Послѣ мира онъ былъ зачисленъ въ пажи короля, но сохранилъ турецкій костюмъ; потомъ отправленъ въ Упсалу, но къ ученію не имѣлъ никакой склонности и наконецъ отправленъ въ Константинополь съ 60 другими турками, взятыми въ плѣнъ русскими въ Черномъ морѣ и высланными въ Петербургъ служить гребцами на шхерномъ флотѣ Финскаго залива.

[2]) „Конференція состоялась, и я приказываю вамъ немедленно явиться сюда. Вы должны захватить всѣ ваши бумаги и запастись приличнымъ платьемъ. Скажите таинственно, что переговоры касались только размѣна плѣнныхъ и ничего инаго. Отъ насъ этого требуютъ. Лагерь при Верели, 1 августа 1790 года. Густавъ. Скажите Меллерсверду, Грилю и Рунге, а также и маленькому турку, чтобы они прибыли сюда“.

sont les turcs, dont il est question, puisque c'est sur eux que se fonde la base du traité. Je ne puis faire la paix qu'en rappellant leur interêt, et quelque envie que j'en ai, mon honneur me le défend, la bonne foi le défend, la sainteté de l'observation de ma parole le défend, enfin l'interêt, que j'ai de convaincre l'impératrice de la rigidité que j'ai à tenir mes engagements, le défend. Vous savez ce que je pense d'eux, mais j'aime mieux qu'on dise un jour dans l'avenir: «Gustave III fut abandonné, trahi même de son allié après avoir tout fait pour lui», qu'on dise: «Gustave III, après avoir exposé sa vie et son trône pour la Porte sans avoir de traité, abandonna les Ottomans, quand il leur avait engagé sa parole». J'ai trop fait pour ne pas achever, et lorsque je me prête autant que je le puis aux desirs de l'impératrice en arrangeant l'article, comme je l'ai proposé, je dois m'attendre si elle veut sincérement la paix, qu'elle se prête à son tour. Vous avez vû vous même, que le ministre d'Espagne l'avait obtenu au mois de Juin. Pourquoi ne le veut on pas au mois d'Août? Enfin cela est tellement nécessaire que c'est sine qua non. Je sais fort bien le prix, que je dois mettre à l'amitié de ces marabouts, mais aussi c'est le terme de mes engagements avec eux, et après cela je m'en crois quitte. Mais dussai-je (?) périr, fussai-je (?) aux mêmes termes où j'étais en 1788, je me laisserais détroner, plutôt que de rien faire qui serait contre mon honneur. Je suis sûr que l'impératrice penserait dans le même cas comme moi, et je vous assure, que je suis bien son cousin. D'ailleurs ma situation est bien différente de ce qu'elle était en 1788, et vous avez gardé un papier que je vous laissais à mon depart, qui vous prouve, que je suis en tout en état de continuer la guerre, si véritablement je n'avais une extrème envie de la paix, surtout après ce que vous m'avez dit des sentiments particuliers de l'impératrice. Je suis las d'avoir à faire avec de ministres gouvernants et des rois plus faibles qu'eux, et vous savez, que j'ai toujours souhaité d'avoir pour alliée une parente, que j'ai aimé et admiré; mais rien ne me fera desister des points où mon honneur et ma gloire sont attachés, et les turcs sont malhereusement inséparables. Je vous écris ces lignes pour vous dire, non pas de ne point céder sut cet article, mais d'y insister comme essentiel et préliminaire à tous les autres. L'article des déserteurs et traitres est éga-

lement essentiel. Je ne vois pas, pourquoi on ne veut pas l'y mettre. Il se trouve dans tous les traités, dans celui de Stolbovo de 1617, de Cardis du règne de Charles XI (j'ai oublié l'année) de Neustadt, et même d'Abo. Je vous parlerai de frontières après. Cela est inutile dans ce moment; car le premier est l'article des turcs. Sans cela point de moyen de s'approcher, puisque les affaires d'honneur sont au dessus des affaires d'interêt. Heureusement l'honneur de l'impératrice n'est pas compromis en m'acceptant pour médiateur, mais le mien l'est beaucoup en abondonnant et oubliant les turcs».

«Gustave» [1]).

---

[1]) Лагерь при Вереле, 2 августа 1790 г., 6 1/4 часовъ по полудни. Я сейчасъ только пріѣхалъ и нашелъ бумаги, оставленныя вами. Такъ какъ вы находитесь на конференціи, то я спѣшу написать вамъ нѣсколько строкъ. Я не останавливаюсь на словахъ, въ коихъ изложена вами сущность присланнаго вами акта. Я еще поговорю съ вами объ этомъ пространно. Скажу только, что, по моему мнѣнію, въ немъ пропущены три существенные пункта: статья о туркахъ, о границѣ и о дезертирахъ и измѣнникахъ. Не буду говорить о границѣ, вамъ извѣстны мои желанія по этому поводу, и я слишкомъ утомленъ поѣздкою, которая была вызвана безразсуднымъ поступкомъ герцога Нассаускаго, чтобы взять на себя этотъ трудъ. Къ тому же, вы имѣете на этотъ предметъ мои инструкціи. Дѣло идетъ о туркахъ, такъ какъ этотъ вопросъ является основаніемъ всего трактата. Я могу заключить миръ не иначе, какъ поддержавъ ихъ интересы и, несмотря на все мое желаніе заключить этотъ миръ, мнѣ не позволяетъ это сдѣлать моя честь, моя добросовѣстность, святость, съ которою я долженъ соблюдать свое слово, и наконецъ желаніе убѣдить императрицу, что я намѣренъ строго исполнять мои обязательства. Вы знаете, что я думаю о туркахъ, но я предпочитаю, чтобъ со временемъ сказали: „союзникъ, для котораго Густавъ III сдѣлалъ все, отъ него зависѣвшее, бросилъ его, или хотя бы даже измѣнилъ ему", нежели скажутъ: „Густавъ III, подвергшій ради Порты опасности свою жизнь и престолъ, не будучи связанъ никакимъ трактатомъ, покинулъ турокъ тогда, когда онъ далъ имъ слово поддерживать ихъ". Я сдѣлалъ уже слишкомъ много, чтобъ не довести дѣло до конца, и ежели я соображаюсь по мѣрѣ возможности съ желаніями императрицы, составивъ эту статью въ томъ видѣ, какъ она мною предложена, то я въ правѣ ожидать, что и она, въ свою очередь, сдѣлаетъ какія-нибудь уступки, ежели она искренно желаетъ заключенія мира. Вы сами видѣли, что испанскій посланникъ получилъ согласіе на эту статью въ іюнѣ мѣсяцѣ. Почему же ее не хотятъ принять въ августѣ? Словомъ, это до того необходимо, что оно составляетъ мое непремѣнное условіе. Я знаю очень хорошо, какую цѣну слѣдуетъ придавать дружбѣ этихъ марабутовъ (магометанскіе священники), на за то это уже мое послѣднее обязательство по отношенію къ нимъ, послѣ этого мои счеты будутъ съ ними покончены. Но теперь, хотя бы мнѣ пришлось погибнуть, хотя бы я былъ поставленъ въ такое же положеніе, какъ въ 1788 г., я позволю скорѣе низложить себя, нежели сдѣлаю что-либо противное чести. Я убѣжденъ, что императрица думала

Императрица вовсе не хотѣла допустить шведскаго короля вмѣшиваться въ ея распри съ Турціею, а король не хотѣлъ отказаться отъ намѣренія быть посредникомъ для возстановленія мира между Россіею и Оттоманской Портой. Эти другъ другу противоположные интересы, которые невозможно было соединить, почти что прервали переговоры. Король 12-го августа все еще настаивалъ въ секретной инструкціи барону Армфельду на принятіи сдѣланнаго условія, но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ дорожилъ возстановленіемъ мира и такъ опасался перерыва переговоровъ, что въ 4-мъ пунктѣ этой инструкціи выразился слѣдующимъ образомъ: «Le roi recommande definitivement au baron d'Armfelt, de la manière la plus expresse de ne point rompre la négociation, et s'il ne peut rien obtenir de tous les points ci-dessus detaillés, de se reserver une conférence ulterieure demain, pour sauver la rupture entière des négociations» [1]). Но хотя шведскій переговорщикъ дѣйствительно

бы точно также, ежели бы она находилась въ подобныхъ обстоятельствахъ; могу васъ увѣрить, что я не даромъ ея двоюродный братъ. При томъ мое положеніе далеко не то, какимъ оно было въ 1788 году; у васъ сохранилась бумага, которую я оставилъ вамъ уѣзжая; она доказываетъ, что я вполнѣ могъ бы продолжать войну, ежели бы я, дѣйствительно, до крайности не желалъ мира, въ особенности послѣ того, что вы сообщили мнѣ личныя желанія императрицы. Я усталъ имѣть дѣло съ министрами-правителями и съ королями, еще болѣе слабыми, нежели эти министры, и вамъ извѣстно, что я всегда желалъ имѣть союзницей родственницу, которую я любилъ и которой удивлялся, однако ничто не заставитъ меня отказаться отъ тѣхъ статей, съ которыми связаны моя честь и моя слава; турки же, къ несчастью, связаны съ ними нераздѣльно. Я пишу вамъ все это для того, чтобы сказать вамъ, что вы должны не только не дѣлать никакихъ уступокъ по этой статьѣ, но должны настаивать на ней, какъ на статьѣ самой важной, которая должна быть принята предварительно передъ всѣми другими. Статья о дезертирахъ и измѣнникахъ также необходима. Я не понимаю, почему ее не хотятъ включить. Она находится во всѣхъ договорахъ, въ Столбовскомъ 1617 года, въ Кардисскомъ, заключенномъ въ царствованіе Карла XI (я забылъ, въ которомъ году), въ Ништадтскомъ и даже въ Абовскомъ. О границахъ я поговорю съ вами впослѣдствіи, въ настоящее время это излишне, такъ какъ самая главная статья—о туркахъ. Безъ нея не можетъ быть соглашенія, такъ какъ дѣла чести стоятъ выше матеріальныхъ выгодъ. Къ счастью, честь императрицы не будетъ скомпрометтирована, ежели она приметъ меня въ посредники, но моя честь очень пострадаетъ, ежели я оставлю турокъ и позабуду о нихъ. Густавъ.

[1]) Король приказываетъ барону Армфельту окончательно и самымъ рѣшительнымъ образомъ не прерывать переговоровъ, и ежели онъ не можетъ добиться согласія ни на одинъ изъ перечисленныхъ выше пунктовъ, то выговорить себѣ на завтра еще одну конференцію, дабы предотвратить окончательный разрывъ переговоровъ.

показалъ видъ, что хочетъ прервать переговоры и уже удалился изъ конференціи, этотъ угрожающій шагъ не привелъ къ уступчивости барона Игельстрема, имѣвшаго точныя инструкціи, вслѣдствіе чего король, желавшій непремѣнно заключить миръ безъ посредничества другихъ державъ, долженъ былъ разрѣшить подписать трактатъ уже два дня спустя, т. е. 14-го августа, согласно съ русскимъ контръ-проектомъ, въ которомъ все-таки сдѣланы были нѣкоторыя измѣненія первоначальнаго предложенія. До сихъ поръ переговоры ведены были секретно и устно между двумя уполномоченными, изъ которыхъ шведскій ежедневно доносилъ о результатѣ таковыхъ своему монарху и получалъ его приказанія на счетъ способа и условій для дальнѣйшаго ихъ веденія, но теперь, когда относительно всѣхъ пунктовъ достигнуто было соглашеніе, окончательное рѣшеніе принято было съ занесеніемъ въ двойной протоколъ, веденный съ одной стороны мною, въ качествѣ секретаря мирныхъ переговоровъ, и съ другой—секретаремъ русскаго департамента иностранныхъ дѣлъ асессоромъ де-Коде.

Король подписалъ мирный трактатъ 19-го августа. На другой день, 20-го августа, состоялся съ большой торжественностью обмѣнъ ратификацій. Для этой цѣли шведы и русскіе сообща выстроили между обоими лагерями красиво убранный, открытый круглый павильонъ съ 8 отдѣльными колоннами и четырьмя ступеньками. Павильонъ этотъ изображалъ храмъ согласія и дружбы; къ карнизу прибиты были щиты съ соединенными иниціалами именъ императрицы и короля. По обѣимъ сторонамъ храма-павильона разбиты были большіе шатры, одинъ для шведскаго, другой для русскаго уполномоченнаго [1]). Изъ шатровъ оба уполномоченные

[1]) На пріемъ короля въ этотъ день явился, въ сопровожденіи русскаго генералитета, генералъ Игельстремъ въ орденѣ Св. Андрея, присланномъ ему императрицей и надѣтомъ имъ теперь въ первый разъ. Генераловъ пригласили къ обѣду, во время котораго баронъ Игельстремъ сидѣлъ по правую руку короля. За тремя другими столами обѣдали адъютанты генераловъ и прочіе русскіе офицеры. Въ половинѣ пятаго послѣ обѣда баронъ Армфельтъ, въ коляскѣ, запряженной тремя парами лошадей, отправился въ свой шатеръ у храма, съ конвоемъ изъ 100 всадниковъ. Примѣчаніе Эренстрема.

вышли одновременно съ одинаково многочисленной свитой изъ адъютантовъ и посольскихъ кавалеровъ; изъ послѣднихъ одинъ несъ передъ каждымъ уполномоченнымъ мирный трактатъ, въ бархатномъ переплетѣ, съ большою государственною восковою печатью въ серебряномъ ларчикѣ. По прибытіи въ храмъ, трактаты были переданы несшими ихъ кавалерами обоимъ секретарямъ, передавшимъ въ свою очередь ихъ уполномоченнымъ, производившимъ самый размѣнъ, при чемъ по сигнальной ракетѣ въ обоихъ лагеряхъ салютовали изъ пушекъ и мушкетовъ. Безчисленное множество зрителей окружало храмъ; сюда же пришелъ и самъ король, инкогнито, въ коричневомъ сюртукѣ и круглой шляпѣ съ широкими полями. Затѣмъ русскій уполномоченный пригласилъ шведскаго съ его свитой осмотрѣть выстроенныхъ калмыковъ, башкирцевъ, казаковъ, гусаръ и пѣхоту, составлявшихъ охрану уполномоченнаго, послѣ чего оба уполномоченные вмѣстѣ слѣдовали черезъ русскій шатеръ въ шведскій, гдѣ баронъ Игельстремъ роздалъ высланные по этому случаю подарки императрицы; всѣ они были снабжены ярлыками, указывавшими, для кого именно назначены. Баронъ Армфельтъ получилъ табакерку, осыпанную брильянтами, съ портретомъ императрицы, и 3.000 золотыхъ; я—такую же богато украшенную табакерку, но безъ портрета, и 1.000 золотыхъ. Генералъ-маіоръ Паули, полковникъ Георгъ Егергорнъ, полковникъ баронъ Стремфельтъ, полковникъ баронъ Ливенъ, каждый по табакеркѣ съ брильянтами, камеръ-юнкеръ Меллерсвердъ—брильянтовый перстень и адъютанты барона Армфельта капитаны: баронъ Сталь фонъ-Голштейнъ и Мейергельмъ каждый по перстню и золотой табакеркѣ. Для раздачи свитѣ и прислугѣ барона Армфельта передано 1.000 золотыхъ. Баронъ Армфельтъ заявилъ, что въ виду нахожденія короля вдали отъ Стокгольма его величество не могъ теперь же выдать свои подарки, но что они вытребованы и должны немедленно прибыть. Затѣмъ шведскій уполномоченный съ своей свитой тотчасъ же отправился съ отвѣтнымъ визитомъ въ русскій шатеръ. Въ этотъ день послѣ обѣда русскіе офицеры чуть не задушили насъ своими объятіями. Въ шведскомъ лагерѣ радовались окончанію войны не менѣе, чѣмъ въ русскомъ. Настроеніе это раздѣлялось даже русскими солдатами, приходившими толпа-

ми въ палатки шведскихъ солдатъ. Оба лагеря теперь казались однимъ. Народная антипатія какъ будто совсѣмъ исчезла [1]).

На слѣдующій день назначенъ былъ, въ присутствіи короля, парадъ шведскимъ войскамъ, на которомъ также присутствовали русскіе генералы и высшіе начальники. Послѣ объѣзда войскъ, отслуженъ былъ, торжественно передъ фронтомъ, благодарственный молебенъ съ салютаціонной пальбой. По окончаніи парада, всѣ русскіе офицеры, бывшіе на смотру, были приглашены къ обѣденному столу короля. Итакъ, миръ былъ заключенъ; 23-го августа поздно вечеромъ король отправился изъ Вереле черезъ Тавастгусъ и Або въ Швецію. За нимъ и Эренстремъ уѣхалъ въ Стокгольмъ. Въ его запискахъ теперь слѣдуетъ описаніе событій послѣднихъ годовъ царствованія Густава III, его убійства, послѣ котораго вышелъ въ отставку, и сближенія съ барономъ Армфельтомъ, имѣвшаго для него такія роковыя послѣдствія. Онъ подробно описываетъ свое арестованіе, содержаніе въ тюрьмѣ, слѣдствіе и судъ надъ нимъ и другими обвиненными, казнь, пребываніе въ крѣпости и, наконецъ, помилованіе съ возвращеніемъ ему въ 1800 году чести и дворянства.

Перевелъ съ шведскаго и сообщилъ **Г. Ө. Сюннербергъ.**

Перейдемъ затѣмъ къ повѣствованію автора о событіяхъ 1802 и дальнѣйшихъ годовъ.

Прибытіе въ Швецію мистика Богемана и его арестованіе.—Споръ съ Россіею изъ-за Аббарфорскаго моста.—Смерть Баденскаго наслѣднаго принца.—Эренстремъ уѣзжаетъ за границу съ порученіемъ короля.—Прибытіе въ Петербургъ.

Сколько помню, баронъ Армфельтъ въ 1802 году былъ назначенъ чрезвычайнымъ королевскимъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при вѣнскомъ дворѣ и отправился на этотъ постъ. Въ зиму съ 1802 на 1803-й годъ, въ Стокгольмѣ случилось событіе, которое обратило на себя всеобщее вниманіе и послужило поводомъ ко множеству странныхъ толковъ. Шведъ, по имени Боге-

---

[1]) См. подробности о заключеніи Верельскаго мира въ статьѣ: „Екатерина II и Густавъ III". (Сообщилъ Н. К. Шильдеръ)—„Русская Старина" 1876 года, томъ XVII.—Ноябрь. Ред.

манъ (Boheman), много лѣтъ жившій за границею и въ теченіе этого времени пріобрѣвшій тамъ значительное состояніе неизвѣстными ни для кого путями, прибылъ въ Стокгольмъ и объявилъ нѣкоторымъ изъ высшихъ масоновъ, что обладаетъ новыми, до того времени еще неизвѣстными, знаніями. Герцогъ Карлъ, всегда склонный къ мистицизму, принялъ этого авантюриста съ благосклонностью и довѣріемъ и сдѣлался членомъ основаннаго Богеманомъ Азіатскаго союза, выдаваемаго имъ за высшую степень масонскаго ордена. Учредитель привлекъ въ этотъ союзъ и другихъ особъ мужскаго и женскаго пола, и въ числѣ послѣднихъ герцогиню (супругу герцога Карла), графиню Ульрику Браге и мн. друг., которые, подчиняясь его уставу, стоя на колѣняхъ передъ Богеманомъ, принимали изъ рукъ его родъ причастія, въ подраженіе таинству св. причащенія. Всѣ эти продѣлки происходили въ покояхъ герцога, и большею частію по ночамъ. Такъ какъ Богеманъ окружалъ себя таинственностью и самое положеніе его было двусмысленно, то онъ навлекъ на себя подозрѣніе въ томъ, что онъ не что иное, какъ тайное орудіе для выполненія извѣстныхъ политическихъ плановъ, задуманныхъ или якобинцами, или иллюминатами, или же врагами короля. Это подозрѣніе усилилось отъ того, что онъ долгое время прожилъ въ Даніи, гдѣ пріобрѣлъ себѣ земельную собственность, и теперь прямо прибылъ оттуда. Поэтому-то однажды поздно вечеромъ онъ и былъ арестованъ въ то самое время, когда изъ квартиры своей, въ улицѣ Стора Киркобринкенъ, намѣревался идти къ герцогу. Бумаги его опечатали, и для разъясненія его дѣйствій назначено было слѣдствіе. Но къ аресту его приступили съ слишкомъ большой поспѣшностью, потому что, если у него и дѣйствительно были какіе-нибудь преступные замыслы, то онъ не успѣлъ еще ихъ развесть, а поэтому не могъ быть по суду подвергнутъ наказанію. Найденныя у него бумаги однако не уничтожили возникшихъ противъ него подозрѣній, но скорѣе въ нѣкоторомъ отношеніи усилили ихъ: почему онъ былъ высланъ изъ государства, съ запрещеніемъ когда-либо туда возвращаться.

Объ открытіяхъ, сдѣланныхъ въ этихъ бумагахъ, относительно Азіатскаго союза и многихъ, имѣющихъ къ нему отношеніе, на-

чинаніяхъ, безъ сомнѣнія давшихъ поводъ къ предположенію, что въ нихъ заключаются политическія цѣли, баронъ Лагербіельке составилъ подробную докладную записку, которую король рѣшилъ сообщить дворамъ С.-Петербургскому и Вѣнскому. Къ моему великому изумленію я былъ назначенъ передать обоимъ дворамъ содержаніе этого документа. Баронъ Угласъ вызвалъ меня въ Стокгольмъ, чтобы сообщить мнѣ объ этомъ, и сдѣлалъ это, истинно тому радуясь. Баронъ Лагербіельке подтвердилъ потомъ это увѣдомленіе фонъ-Угласа и сообщилъ мнѣ содержаніе депешъ, которыя я долженъ былъ передать. При моемъ представленіи королю, его величество съ особою милостью сказалъ мнѣ, что онъ этимъ порученіемъ хотѣлъ доставить мнѣ случай позабыть о перенесенныхъ мною несчастіяхъ и дать мнѣ возможность въ Вѣнѣ увидѣться съ другомъ, который въ настоящее время находился въ блестящемъ положеніи сравнительно съ тѣмъ, въ которомъ былъ въ предшествующіе годы.

Была уважена вмѣстѣ съ тѣмъ милостиво и безъ всякаго затрудненія моя просьба взять съ собою въ Петербургъ моего пріемнаго сына, который, къ сожалѣнію, возъимѣлъ непреодолимое влеченіе къ морской службѣ и котораго я хотѣлъ оттуда отправить въ Англію. Неоспоримо, что въ то время король, въ частномъ разговорѣ съ кѣмъ-нибудь, имѣлъ еще пріятное обращеніе, говорилъ непринужденно и по временамъ даже съ оживленіемъ, а также обнаруживалъ зрѣлость сужденія и особенно высоко-нравственный и справедливый образъ мыслей. По крайней мѣрѣ, что касается меня, то не могу, опираясь на личный опытъ, не высказать этого мнѣнія, что̀, впрочемъ, нисколько не противорѣчитъ странному обстоятельству, что этотъ же вѣнценосецъ, въ тотъ же день и спустя только нѣсколько часовъ послѣ такого разговора, могъ, въ присутствіи двадцати или тридцати человѣкъ, выказать ту отталкивающую холодность и суровость нрава, которыя не безосновательно ставились ему въ упрекъ. Въ этомъ отношеніи въ немъ были соединены какъ бы два, противорѣчащія другъ другу, существа.

Во время этой моей аудіенціи, на меня возложено было королемъ пріятное для меня порученіе — передать всемилостивѣйшій его поклонъ моему бывшему начальнику, генералу фонъ-Клер-

керу, который, несмотря на преклонныя свои лѣта и на то, что еще не вполнѣ выздоровѣлъ отъ тяжкой болѣзни, принялъ, въ отсутствіе генералъ-аншефа, барона Клингспорра въ Стокгольмѣ, начальство надъ финскими войсками, стянутыми къ границѣ Финляндіи, по поводу нелѣпаго спора Швеціи съ Россіей о правѣ владѣнія однимъ изъ пограничныхъ мостовъ близъ Аббарфорса, возникшаго во время поѣздки короля съ королевой въ Финляндію, лѣтомъ 1802 года, и который, чрезъ непреклонную настойчивость короля, едва не повелъ къ войнѣ съ этимъ сильнымъ государствомъ. Выходка молодаго монарха возбудила въ Швеціи много безпокойства и опасеній, а также дала поводъ предполагать въ будущемъ возможность столь же неразумныхъ и опрометчивыхъ начинаній, черезъ которыя могли возникнуть большія бѣдствія какъ для него самого, такъ и для государства. Основательность этихъ опасеній уже тогда какъ бы подтвердилась многими неудачами, постигшими короля, которыя какъ бы указывали на то, что онъ не рожденъ для счастья. Въ концѣ 1802 г. его посѣтили родители его супруги, наслѣдный принцъ и наслѣдная принцесса Баденскіе, съ ихъ дочерью и сыномъ. Они прибыли изъ Петербурга и пробыли нѣкоторое время въ Стокгольмѣ, откуда ихъ, при возвращеніи въ Германію, король и королева сопровождали до Грипсгольма, гдѣ должно было послѣдовать окончательное прощаніе.

Во время ихъ пребыванія тамъ въ декабрѣ мѣсяцѣ наступили морозы, но безъ снѣга. При такихъ обстоятельствахъ, слѣдовало ожидать, что король уговоритъ гостей своихъ повременить отъѣздомъ до тѣхъ поръ, пока путь установится, и что онъ прикажетъ, чтобы экипажи поставлены были на полозья. Это было даже предложено королю, и со стороны августѣйшихъ его гостей такая задержка, конечно, не встрѣтила бы возраженій, такъ какъ они не имѣли причины торопиться возвращеніемъ. Но король отвергъ это предложеніе, ссылаясь на то, что время открытія сейма уже назначено. Поговаривали, что онъ сдѣлалъ это потому, что не желалъ, чтобы гости его провели у него наступающіе праздники, во избѣжаніе необходимости истратиться на рождественскіе подарки для нихъ. Поэтому они выѣхали изъ Грипсгольма въ своихъ большихъ, нѣмецкихъ, лѣтнихъ экипажахъ; послѣдствіемъ чего было то, что

вслѣдствіе гололедицы коляска, въ которой ѣхалъ наслѣдный принцъ, опрокинулась, и принцъ ушибся при паденіи. Когда извѣстіе объ этомъ несчастіи получено было въ Грипсгольмѣ, куда наслѣдной принцессѣ все же пришлось возвратиться съ своими дѣтьми, то король, со слезами на глазахъ, сказалъ своему лейбъ-хирургу, Рунжъ: «Согласитесь, что я родился подъ несчастной звѣздой». Однако несчастное вліяніе этой звѣзды могло быть смягчено, если бы король захотѣлъ переломить свой желѣзный нравъ, обуздалъ бы свое упрямство и былъ бы болѣе склоненъ принимать и исполнять разумные совѣты.

Вообще считали крайне бѣдственнымъ для короля, что онъ, поддавшись дурнымъ совѣтамъ, удалилъ изъ своего совѣта генералъ-адъютанта надъ флотами—адмирала Кронштедта. Послѣдствія этого необдуманнаго шага были весьма гибельны какъ лично для короля, такъ и для государства. Удаленіе Кронштедта было дѣло интриги, имѣвшей цѣлью доставить въ совѣтѣ короля мѣсто генералу барону Седерстрему, понравившемуся королю во время маневровъ въ лагерѣ въ Сканіи. Кронштедтъ не нравился многимъ высокопоставленнымъ лицамъ своимъ положительнымъ образомъ дѣйствій и неуступчивостью. Не предчувствуя ожидавшей его немилости, онъ велѣлъ уложить свои вещи, готовясь сопутствовать королю въ Грипсгольмъ, при поѣздкѣ его туда съ баденскими гостями. Не получивъ приказанія участвовать въ ней, онъ полагалъ, что это случилось вслѣдствіе ошибки или забывчивости, и пришелъ въ немалое недоумѣніе относительно такого исключенія, когда король, при прощальномъ выходѣ, бывшемъ утромъ въ день отъѣзда, ни однимъ словомъ не упомянулъ объ этомъ, несмотря на то, что Кронштедтъ, вмѣстѣ съ бывшими на выходѣ, провожалъ короля до экипажа. Лишь только король прибылъ въ Грипсгольмъ, загадка разрѣшилась. Адмиралу послано было приказаніе безотлагательно отправиться въ Свеаборгъ, чтобы принять тамъ должность коменданта отъ генерала фонъ-Клеркера, который увольнялся отъ нея съ сохраненіемъ получаемаго имъ содержанія. Для занятія послѣ Кронштедта должности генералъ-адъютанта надъ флотами, уже заранѣе секретно былъ вызванъ губернаторъ Готланда, простодушный и сговорчивый адмиралъ Роя-

линъ. Баронъ Седерстремъ тоже не замедлилъ прибыть въ Стокгольмъ, ликуя вслѣдствіе пріобрѣтенной милости короля, которую онъ употреблялъ для поддержанія и усиленія склонности короля къ мелочамъ и деспотическимъ дѣйствіямъ, а также для возбужденія въ немъ подозрѣнія къ честнымъ намѣреніямъ другихъ служащихъ и преданности ихъ къ его особѣ.

Такъ какъ общество имѣло высокое понятіе объ умѣ и талантахъ адмирала Кронштедта, то на удаленіе его изъ совѣта смотрѣли съ тѣмъ бо̀льшимъ неудовольствіемъ, что о способностяхъ и твердости характера замѣнившихъ его личностей имѣли не особенно выгодныя понятія. Настоящая причина удаленія Кронштедта осталась тайной, хотя и надо полагать, что баронъ фонъ-Угласъ былъ не безучастенъ въ этомъ изгнаніи. Отъ послѣдняго я слышалъ жалобу на адмирала за то, что онъ будто-бы любилъ вмѣшиваться въ дѣла, не подлежащія кругу его дѣятельности; изъ чего я могъ заключить, что соперничество о первенствѣ въ милости короля было одною изъ главныхъ причинъ, побудившихъ соперниковъ Кронштедта домогаться и достигнуть его немилости. Въ Стокгольмѣ знали, что я ѣду за границу, но куда,—было неизвѣстно. Поэтому, когда я явился къ генералу Клингспорру, выѣхавшему дня за два передо мною изъ Стокгольма и только-что прибывшему въ Або, то мой неожиданный пріѣздъ въ Або привелъ его въ сильное и смѣшное изумленіе. По выраженію его лица я ясно могъ прочесть, что мое появленіе вызвало въ немъ страхъ, что я могу быть посланцемъ не совсѣмъ благопріятнаго для него высочайшаго рѣшенія, такъ какъ совѣсть вѣроятно подсказывала ему, что онъ того заслуживаетъ. Не скоро оправился онъ отъ своего смущенія.

Для моихъ родныхъ въ Свеаборгѣ и Гельсингфорсѣ мой пріѣздъ былъ тоже совершенною неожиданностью. Прежде чѣмъ рапортъ о моемъ прибытіи въ Свеаборгъ достигъ отъ крѣпостныхъ воротъ до коменданта, я уже лично былъ у него и не мало изумилъ его своимъ появленіемъ. Я привезъ ему дружеское письмо отъ барона Лагербіельке, который сохранилъ хорошія съ нимъ отношенія, несмотря на неудовольствія, возникшія между отцомъ барона и адмираломъ. Когда я спросилъ адмирала Кронштедта, извѣстна ли ему

самому достовѣрно причина постигшей его немилости, то онъ на вопросъ мой отвѣтилъ тѣмъ, что изъ запертаго на ключъ ящика въ письменномъ столѣ вынулъ бумагу, которую просилъ меня прочитать.

Я увидѣлъ, что она заключаетъ въ себѣ всеподданнѣйшій докладъ, въ которомъ съ силою возражалось противъ проектировавшагося тогда и затѣмъ черезъ четверть столѣтія опять возникшаго предложенія о сокращеніи большаго военнаго флота. Когда я окончилъ чтеніе, то Кронштедтъ сказалъ мнѣ, что ему неизвѣстенъ никакой другой поводъ къ удаленію его изъ столицы и совѣта, кромѣ неудовольствія, вызваннаго этимъ его докладомъ въ тѣхъ, которые настаивали на необходимости такого сокращенія. Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что помянутая немилость къ Кронштедту ограничилась только перемѣщеніемъ его изъ столицы. Всѣ внѣшніе знаки благорасположенія остались неизмѣнными. Адмиралу Кронштедту дано было значительное денежное вспомоществованіе, для покрытія его издержекъ по перемѣщенію. Полагаю, что оно дано было изъ денегъ, полученныхъ при продажѣ Висмара, и кромѣ того онъ получилъ пай въ водолазной компаніи, дававшій ему значительный годовой доходъ. Передавъ, въ имѣніи Трескэнда генералу фонъ-Клеркеру возложенное на меня къ нему королемъ порученіе, я продолжалъ мое путешествіе. На послѣдней станціи передъ Выборгомъ въ моей коляскѣ сломалась задняя ось, такъ что я только съ большимъ затрудненіемъ, при помощи нѣсколькихъ финскихъ крестьянъ, могъ добраться до города, гдѣ была возможность починить мой экипажъ. Это было въ субботу вечеромъ. Императоръ Александръ I въ этотъ же вечеръ имѣлъ въѣздъ въ Выборгъ и на слѣдующій день выѣхалъ въ Абборфорсъ, чтобы оттуда объѣхать границу къ сторонѣ Финляндіи, вплоть до Мендухарью. Въ воскресенье утромъ, на площади передъ окнами дома, гдѣ я квартировалъ, былъ парадъ войскъ Выборгскаго гарнизона; причемъ я въ первый разъ увидѣлъ молодаго русскаго императора; и тогда я, конечно, не могъ представить себѣ возможности того положенія, въ которое, девять лѣтъ спустя, мнѣ суждено было стать къ этому монарху. Прибывъ въ Петербургъ, я остановился въ гостиницѣ «Демутъ»; но на слѣдующій же день переселился къ шведскому

посланнику, барону — Карлу Бонде, который, предупрежденный о моемъ пріѣздѣ, велѣлъ приготовить для меня помѣщеніе въ занимаемомъ имъ домѣ.

Предубѣжденный противъ него со времени короля Густава III, и особенно вслѣдствіе его короткихъ отношеній съ Рейтергольмомъ въ первые годы царствованія короля, я въ первое время былъ очень осторожень въ рѣчахъ съ нимъ; тѣмъ болѣе, что баронъ фонъ-Угласъ сообщилъ мнѣ свои подозрѣнія относительно честности его настоящаго политическаго образа мыслей, подозрѣнія, которыя вѣроятно фонъ-Угласу удалось внушить и королю. Очень скоро я убѣдился, что это, невыгодное для барона Бонде, мнѣніе имѣло основаніемъ только личнаго нерасположенія фонъ-Угласа, потому что изъ всего, что я могъ узнать объ его образѣ дѣйствій въ Петербургѣ и его распоряженіяхъ, какъ посланника, о которыхъ онъ откровенно говорилъ со мною, я не могъ не вывести заключенія, что онъ дѣйствовалъ разумно и съ усердіемъ.

Нерасположеніе же, съ которымъ относилось къ нему русское министерство, вѣроятно возникшее и поддерживаемое врожденнымъ у барона «air de finesse» [1]), не внушавшимъ къ нему довѣрія, служитъ полнымъ доказательствомъ того, что онъ добросовѣстно исполнялъ возложенныя на него обязанности. Это я счелъ долгомъ засвидѣтельствовать въ моихъ донесеніяхъ какъ самому королю, такъ равно и барону фонъ-Угласу. Доброжелательство ко мнѣ барона Бонде тоже доставило мнѣ не мало пріятныхъ минутъ, а равно и дружба, оказываемая мнѣ секретаремъ посольства Веттерстедомъ (въ настоящее время графъ и министръ иностранныхъ дѣлъ), и гвардіи поручикомъ Карломъ-Генрихомъ Анкарсвердомъ (въ настоящее время зять барона Бонде, отставной полковникъ и одинъ изъ главныхъ руководителей оппозиціи противъ нынѣшняго правительства). Оба эти молодые шведа были въ то время самыми искренними друзьями, и Анкарсвердъ въ особенности былъ самый ревностный приверженецъ Густава-Адольфа, низверженію котораго съ престола онъ шесть лѣтъ спустя такъ энергично содѣйствовалъ. Онъ часто говорилъ мнѣ, что этотъ госу-

---

[1]) Лукаво проницательнаго вида.

дарь былъ самый честный и добродѣтельный юноша въ своемъ государствѣ, что ни одинъ шведъ его лѣтъ не имѣлъ болѣе него правъ носить шведскую корону, и что для каждаго честнаго вѣрно-подданнаго должно быть пріятною обязанностью жертвовать кровью и жизнью королю, съ такимъ благороднымъ и возвышеннымъ образомъ мыслей.

Стедингъ назначенъ посланникомъ въ Петербургѣ.—Расположеніе къ Стедингу русскаго двора. — Офицеры фрегата „Тетисъ“ представляются императору Александру.—Посѣщеніе государемъ фрегата „Тетисъ“.

Подозрѣнія, которыя удалось внушить королю противъ барона Бонде, были причиною возвращенія въ Петербургъ посланника Стединга, для смѣны барона Бонде. Тѣ, которые присовѣтовали эту мѣру, имѣли цѣлью,—чрезъ личный кредитъ этого посланника при русскомъ дворѣ, его опытность и доказанную способность, — окончательно уладить несогласія, возникшія между обоими государствами, такъ какъ полагали,—основательно или неосновательно, — что баронъ Бонде, если и безъ умысла, то по крайней мѣрѣ по недостатку должнаго вліянія, скорѣе продлитъ, чѣмъ устранитъ эти несогласія. Посланникъ Стедингъ прибылъ въ Петербургъ, въ бытность мою тамъ, и поселился сначала въ загородномъ домѣ по Петергофской дорогѣ. Я тотчасъ же поѣхалъ къ нему, былъ вполнѣ милостиво имъ принятъ и затѣмъ почти ежедневно бывалъ у него. Онъ прибылъ на шведскомъ фрегатѣ «Тетисъ» (Thetis), командиромъ котораго былъ полковникъ при адмиралтействѣ—Торнквистъ. Во время прибытія посланника въ Петербургъ, государь еще не возвращался съ поѣздки своей вдоль финской границы, но вскорѣ прибылъ въ столицу и назначилъ слѣдующее воскресенье для вступительной аудіенціи посланника, которая должна была быть въ Каменноостровскомъ дворцѣ, причемъ имѣла быть и прощальная аудіенція барона Бонде. Оба вмѣстѣ съ тѣмъ въ этотъ день были приглашены Его Величествомъ къ Высочайшему столу. Въ виду послѣдующихъ событій, не безполезно сохранить память о происшедшемъ въ эти аудіенціи. По прибытіи обоихъ посланниковъ въ загородный Каменноостровскій

дворецъ, о посланникѣ Стедингѣ было сперва доложено, и онъ немедленно былъ принятъ. Посланникъ полагалъ, что государь приметъ его одинъ, но государыня была тутъ же. Стедингъ сочинилъ и выучилъ наизусть рѣчи къ обоимъ Высочайшимъ особамъ, и теперь же началъ съ рѣчи къ императору; но успѣлъ лишь произнести: «всемилостивѣйшій государь!» какъ государь, дружески обнявъ его, прервалъ рѣчь его слѣдующими словами: «Voilà comme je reçois non seulement l'ambassadeur du roi de Suède, mon beau frère, mon ami et mon allié, mais encore l'ami de mes parents, de mon père, de ma mère, de ma grand'mère et de toute ma famille, qui m'a vu, ainsi que mes frères et soeurs depuis notre enfance, et qui de tout temps a joui de toute notre estime et amitié! C'est avec une vraie satisfaction et aussi avec beaucoup de reconnaissance, monsieur l'ambassadeur, que je vois, qu'à votre âge vous vous êtes donné la peine de revenir au milieu de nous. Soyez le bien venu».

Затѣмъ государь спросилъ посланника объ его путешествіи, о здоровьѣ шведскаго королевскаго семейства, просилъ его еще побыть съ нимъ и велѣлъ пригласить барона Бонде, который не мало изумился, видя, что посланникъ стоитъ подлѣ государя и государыни, такъ что барону пришлось въ его присутствіи произнести свою прощальную рѣчь августѣйшей четѣ. Послѣ того, какъ баронъ Бонде удалился, вновь прибывшій посланникъ былъ точно также принятъ, и ему также пришлось произнести свою рѣчь. Когда обѣдъ былъ поданъ, государь и государыня вошли въ столовую вмѣстѣ съ посломъ, который за обѣдомъ сидѣлъ подлѣ нихъ. Этотъ милостивый пріемъ былъ столь же лестенъ лично послу, какъ и служилъ хорошимъ предзнаменованіемъ сохраненія дружественныхъ отношеній между обѣими державами. Да и никто не могъ съ бо̀льшимъ успѣхомъ содѣйствовать къ сохраненію ихъ, чѣмъ по-

---

[1]) Вотъ какъ я принимаю не только посланника шведскаго короля, моего шурина, моего друга и союзника, но и друга моихъ родныхъ, моего отца и моей матери, моей бабки и всего моего семейства, который зналъ какъ меня, такъ и братьевъ моихъ и сестеръ съ самаго нашего дѣтства, и который всегда пользовался нашимъ полнымъ уваженіемъ и дружбой. Я съ истиннымъ удовольствіемъ и полною признательностью вижу, что вы, г. посланникъ, въ ваши лѣта не поставили себѣ въ трудъ возвратиться къ намъ. Добро пожаловать.

сланникъ Стедингъ, потому что ни одинъ изъ иностранныхъ пословъ при русскомъ дворѣ не пользовался равнымъ съ нимъ вліяніемъ. Его возвращеніе вызвало всеобщее удовольствіе, даже и внѣ придворной среды, чему онъ получилъ не мало пріятныхъ для него доказательствъ.

При аудіенціи въ Павловскѣ у вдовствующей императрицы Маріи, ему оказано было самое изысканное вниманіе, и государыня въ этотъ же день вечеромъ сказала своимъ придворнымъ дамамъ, что она столь же рада была снова увидѣться съ посланникомъ, какъ если бы онъ былъ членомъ собственнаго ея семейства. Во время обѣда въ Каменноостровскомъ дворцѣ, Стедингъ просилъ у государя позволенія представить ему офицеровъ шведскаго фрегата, и представленіе это было назначено въ слѣдующее воскресенье, по окончаніи парада. Полковникъ Торнквистъ за нѣсколько дней раньше прибылъ въ городъ съ своими офицерами, которымъ назначилъ прибыть въ домъ главнаго консула—Шенбома, жившаго вблизи дворца, и гдѣ они должны были дожидаться прибытія посланника. Тотъ опоздалъ приходомъ, и офицеры видѣли, какъ войска возвращались съ парада; поэтому, когда посланникъ наконецъ прибылъ, они сказали ему, что часъ, назначенный для представленія, уже прошелъ; онъ сталъ это оспаривать, ссылаясь на свои часы, которые однако отстали на цѣлый часъ. Когда они тѣмъ не менѣе прибыли на Дворцовую площадь, то парадъ давно уже окончился, и государь возвратился въ свои покои. Шведскіе офицеры очень опечалились неосуществившейся надеждой быть представленными государю; но посланникъ сдѣлалъ то, что никакой изъ иностранныхъ посланниковъ не рѣшился бы сдѣлать. Онъ повелъ съ собою все общество офицеровъ по маленькой, ему извѣстной, лѣстницѣ, ведущей въ собственные покои государя, и не мало изумилъ находившихся тамъ генераловъ, флигель-адъютантовъ и другихъ военныхъ лицъ, никогда не видавшихъ, чтобы этимъ ходомъ проводили иностранцевъ для представленія императору. Посланникъ требовалъ, чтобы о немъ доложили, и сказалъ, что самъ государь назначилъ этотъ день для представленія ему шведскихъ офицеровъ, которымъ теперь скоро надлежитъ возвратиться въ Швецію, и что не ихъ была вина, если посланникъ не прибылъ во-время за ними. Не рѣшались

исполнить его требованія и намекнули, что оно необычайно и неприлично; но посланникъ настаивалъ на его исполненіи, и результатомъ было то, что докладывавшій возвратился съ приказаніемъ провести иностранцевъ чрезъ множество комнатъ въ посольскій покой, гдѣ онъ затѣмъ и оставилъ ихъ.

— Вотъ, видите ли, господа,—сказалъ посланникъ,—вы все же будете представлены, несмотря на то, что я опоздалъ.

Спустя нѣсколько времени вошелъ государь, и представленіе произошло. Государь сказалъ полковнику Торнквисту: «Вашъ фрегатъ стоитъ у Кронштадта; въ будущій вторникъ я намѣренъ посѣтить мой флотъ, и тогда я къ вамъ заѣду». Торнквистъ выразилъ государю свою благодарность за эту честь.

Въ этотъ же день посланникъ былъ вмѣстѣ съ офицерами фрегата на обѣдѣ у барона Бонде. За столомъ Торнквистъ сообщилъ о предполагаемомъ посѣщеніи государя и сказалъ, что намѣревается употребить вечеръ воскресенья и утро понедѣльника для устройства роскошнаго завтрака для императора и его свиты. Я предложилъ тогда, чтобы посланникъ—баронъ Бонде, секретарь посольства—Веттерстедтъ, Анкарсвердтъ и я поѣхали на фрегатъ, чтобы быть тамъ при встрѣчѣ государя императора. Это предложеніе было принято, и его нашли соотвѣтствующимъ требованіямъ такого случая; но мое предложеніе—поѣхать въ Ораніенбаумъ еще въ понедѣльникъ вечеромъ и тамъ ночевать, чтобы имѣть возможность какъ можно раньше прибыть во вторникъ на фрегатъ, было отвергнуто посланникомъ, какъ влекущее за собою слишкомъ большія для него неудобства. Вмѣсто этого онъ предложилъ въ 6 ч. утра быть готовыми къ отъѣзду, почему полковникъ Торнквистъ обѣщалъ сдѣлать распоряженіе, чтобы къ этому времени баркасъ ожидалъ насъ у Ораніенбаумской пристани, для доставленія насъ на фрегатъ. Такъ какъ я не привезъ съ собою мундира, потребнаго для подобнаго случая, то кабинетъ-секретарь—Веттерстедтъ предложилъ мнѣ одинъ изъ своихъ мундировъ, вполнѣ пригодный для этого. На этотъ разъ посланникъ былъ готовъ къ назначенному времени. Прибывъ къ его загородному дому, мы нашли экипажъ его уже поданнымъ, и тотчасъ же отправились въ путь. Но, пріѣхавъ

въ Ораніенбаумъ, мы узнали, что императоръ тамъ ночевалъ и еще рано утромъ отплылъ къ своему флоту.

Дѣйствительно, мы увидѣли его шлюпку крейсирующею по заливу и поспѣшили отплыть на баркасѣ.

Дулъ свѣжій сѣверный вѣтеръ, и мы не скоро подвигались впередъ при сильномъ волненіи, особенно близъ берега, идя на веслахъ. Послѣ долгаго лавированія, при неблагопріятномъ вѣтрѣ, государь, наконецъ, прибылъ на русскій адмиральскій корабль, причемъ, вслѣдствіе отданнаго имъ приказанія, ему не салютовали. Пробывъ тамъ недолго, государь отплылъ къ шведскому фрегату, который расцвѣченъ былъ разными флагами. Лишь только императоръ вступилъ на палубу, ему салютовали изъ всѣхъ орудій и на гротъ-мачтѣ подняли императорскій россійскій флагъ, который полковникъ Торнквистъ позаимствовалъ у командующаго русскою эскадрою адмирала. Мы начали побуждать нашихъ гребцовъ употребить всѣ силы, чтобы достигнуть фрегата, но они уже устали, и вѣтеръ былъ слишкомъ силенъ. Насъ поэтому постигло неудовольствіе видѣть, какъ императоръ снова сѣлъ въ шлюпку и отплылъ къ англійскому судну, недавно прибывшему и тоже стоявшему на рейдѣ. При отплытіи императора снова загремѣли всѣ пушки фрегата, а англійское судно встрѣтило его салютомъ изъ всѣхъ орудій. Вскорѣ по отплытіи государя, мы, наконецъ, достигли фрегата. Командиръ его и офицеры были въ восторгѣ отъ привѣтливости монарха. Онъ самымъ тщательнымъ образомъ осмотрѣлъ все на фрегатѣ, на палубѣ и внутри, и съ большою похвалою отозвался о порядкѣ и чистотѣ, всюду господствовавшихъ тамъ; по-русски же, кромѣ того, выразилъ своей свитѣ нѣкоторое изумленіе этому, нисколько не подозрѣвая, что Торнквистъ, бывшій въ теченіе послѣдней войны нѣкоторое время въ плѣну у русскихъ, выучился немного понимать этотъ языкъ.

Онъ былъ удивленъ изяществомъ каютъ, назначенныхъ для капитана судна и посланника, изъ числа которыхъ одна была обита травчатой шелковой матеріей, и всѣ онѣ украшены картинами въ прекрасныхъ рамахъ, а въ одной еще имѣлась библіотека, книги которой были въ прекрасныхъ переплетахъ. Командиръ подвелъ государя къ столу, уставленному всевозможными холодными блюдами,

и просилъ его сдѣлать имъ честь и позавтракать. Государь посмотрѣлъ на кушанья, сказалъ, что все очень аппетитно, но что, къ сожалѣнію, онъ уже позавтракалъ въ Ораніенбаумѣ. Тогда полковникъ сказалъ, что онъ льститъ себя надеждою, что Его Величество по крайней мѣрѣ не уѣдетъ съ фрегата, не выпивъ хоть рюмки вина, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, полковникъ Торнквистъ подалъ государю два списка—одинъ винамъ, а другой ликерамъ, имѣвшимся на фрегатѣ, который недавно возвратился изъ плаванія на Средиземномъ морѣ. Императоръ посмотрѣлъ списки и спросилъ рюмку вина. Прежде чѣмъ выпить вино, онъ сказалъ: «Je bois à la santé de mon beau frère, mon ami et mon allié, en souhaitant que l'amitié qui règne entre nous puisse durer éternellement» [1]). Полковникъ Торнквистъ отвѣчалъ на этотъ тостъ тостомъ за благоденствіе императора, послѣ чего Его Императорское Величество уѣхалъ съ фрегата.

Мы пообѣдали приготовленнымъ для государя завтракомъ и потомъ провели нѣсколько часовъ на фрегатѣ, послѣ чего, при попутномъ вѣтрѣ и хорошей погодѣ, вернулись въ Ораніенбаумъ, гдѣ насъ ожидали наши экипажи. Доѣхавъ оттуда до западнаго входа въ Петергофскій садъ, посланникъ остановился и спросилъ насъ, не желаемъ ли мы пройти садъ пѣшкомъ и поставить экипажи къ выходу съ противуположной стороны. Предложеніе это было принято съ радостью, такъ какъ вечеръ былъ очень хорошъ, и прекрасный садъ заслуживалъ того, чтобы его не разъ осмотрѣть.

Посѣщеніе Петергофа и встрѣча съ императоромъ Александромъ.

Когда мы приблизились къ дворцу, я увидѣлъ толпу людей, собравшихся близъ входа, и вдругъ всѣ фонтаны были спущены. Я спросилъ посланника, не сдѣлано ли это въ честь его посѣщенія? Онъ явно былъ изумленъ и отвѣчалъ: «нѣтъ»; но высказалъ предположеніе, что, вѣроятно, прибылъ кто-нибудь изъ членовъ царской фамиліи, хотя и не замѣтно было никакого движенія ни въ дворцѣ, ни въ саду. Вскорѣ затѣмъ, когда я случайно взглянулъ назадъ, я

[1]) Пью за здоровье моего шурина, моего друга и союзника, и желаю, чтобы дружба, существующая между нами, продолжалась вѣчно.

*

увидѣлъ, что позади насъ, по аллеѣ, парою ѣдетъ коляска. Тогда я опять обратился къ посланнику съ вопросомъ, дозволена ли ѣзда по саду, на что̀ онъ отвѣчалъ, что, разумѣется, не дозволена. А когда я ему указалъ, что это теперь все же случилось, то онъ сказалъ, что невозможно, чтобъ ѣдущій былъ кто-либо иной, какъ императоръ, въ чемъ мы и убѣдились, когда коляска приблизилась къ намъ. Теперь мы спѣшили сбросить съ себя верхнюю одежду и отдать ее нашимъ лакеямъ. Государь самъ правилъ, и съ нимъ ѣхалъ только одинъ человѣкъ. Съ обнаженными головами стали мы вдоль аллеи. Государь остановился и вступилъ въ разговоръ съ посланникомъ, который, какъ онъ полагалъ, пріѣхалъ съ своими земляками въ Петергофъ, чтобы погулять въ саду. Но когда посланникъ сообщилъ, что цѣль нашей поѣздки было желаніе встрѣтить императора на фрегатѣ, но что, задержанные противнымъ вѣтромъ, мы опоздали, то императоръ сказалъ: «Ah, si j'avais su, monsieur l'ambassadeur, que vous eussiez été à bord de la fregatte, je vous aurais prié de me faire l'honneur de manger ma soupe à Cronstadt»[1]). Это: «de me faire l'honneur»[2]) несказанно изумило меня. Я въ первый разъ тогда слышалъ разговоръ императора, и мнѣ казалось, что въ устахъ могущественнаго монарха такое выраженіе, обращенное къ частному человѣку, было до крайности доведенная вѣжливость. Затѣмъ государь съ большою похвалою отозвался о порядкѣ, господствующемъ на шведскомъ фрегатѣ; а посланникъ въ свою очередь сообщилъ, какъ тамъ восхищены были добротою и привѣтливостью государя, и что полковникъ Торнквистъ объявилъ, что рюмка, изъ которой пилъ императоръ, будетъ, какъ драгоцѣнное воспоминаніе, сохраняться въ его семействѣ, «tant qu'il y avait un Tornkvist au monde»[3]). Государь на это отвѣтилъ: «Ah! il est bien bon»[4]). Надо замѣтить, что во время этого разговора государь не позволилъ намъ оставаться съ обнаженною головою. Сперва онъ просилъ посланника одѣть шляпу, что̀ тотъ исполнилъ лишь послѣ

---

[1]) О, еслибы я зналъ, господинъ посланникъ, что вы будете на фрегатѣ, то я просилъ бы васъ сдѣлать мнѣ честь отобѣдать у меня въ Кронштадтѣ.

[2]) Сдѣлать мнѣ честь.

[3]) Доколѣ будетъ на свѣтѣ хоть одинъ Торнквистъ.

[4]) Это очень любезно съ его стороны.

настоятельнаго требованія. Затѣмъ императоръ сказалъ барону Бонде: «Monsieur le baron de Bondé! couvrez vous, je vous prie»[1]), что тотъ и сдѣлалъ послѣ вторичнаго напоминанія. Послѣ этого стояли еще безъ шляпъ: секретарь посольства—Веттерстедтъ, Анкарсвердтъ и я. «Messieurs!»—сказалъ намъ государь,—«faites moi le plaisir de vous couvrir, sans cela vous me forcerez d'ôter aussi mon chapeau»[2]), и съ этими словами онъ взялся рукою за пряжку ремешка, придерживавшаго его большую треугольную шляпу, какъ будто намѣреваясь его разстегнуть. Намъ пришлось поэтому исполнить его приказаніе и одѣть шляпы. Поговоривъ еще немного, государь поѣхалъ дальше, а мы отправились къ нашимъ экипажамъ. На слѣдующій день посланникъ получилъ записку отъ графа Толстого, который, по приказанію императора, просилъ прислать ему именной списокъ господъ офицеровъ фрегата, а также сообщить ему о численности экипажа. Спустя одинъ день, ему присланъ былъ запертый сундукъ,—ключъ отъ котораго былъ запечатанъ въ конвертѣ,—заключавшій въ себѣ истинно царскіе подарки для командира фрегата и его господъ офицеровъ, съ обозначеніемъ на каждомъ изъ нихъ имени того, кому онъ назначался. Полковникъ Торнквистъ получилъ перстень съ прекраснымъ солитеромъ, а прочіе офицеры—перстни, золотыя табакерки, золотые часы; причемъ не были забыты подлѣкарь и карабельный писарь. Для раздачѣ командѣ приложено было 1.000 червонцевъ. Всѣ были изумлены такою щедростью, безпримѣрной еще въ то время, въ царствованіе императора Александра I.

Баронъ Бонде возвратился въ Швецію на фрегатѣ «Тетисъ», въ сопровожденіи капитана Анкарсвердта. При отъѣздѣ ихъ изъ С.-Петербурга, секретарь посольства Веттерстедтъ и я проводили ихъ довольно далеко по петергофской дорогѣ. Окончательное прощаніе между Веттерстедтомъ и Анкарсвердтомъ было трогательно. Они въ слезахъ бросились въ объятія другъ друга и долго такъ оставались. Ни одинъ изъ нихъ не могъ тогда предчувствовать, что черезъ нѣсколько лѣтъ они будутъ находиться въ враждебныхъ

[1]) Господинъ баронъ Бонде, покройтесь, прошу васъ.
[2]) Господа! сдѣлайте мнѣ удовольствіе, одѣньте шляпы; иначе вы вынудите меня снять и мою.

другъ къ другу отношеніяхъ, возникшихъ отъ различія политическихъ убѣжденій и цѣлей.

Я не представлялся русскому двору, чтò отняло бы у меня много времени; но употреблялъ нѣсколько недѣль пребыванія въ Петербургѣ, чтобы осмотрѣть, сколько позволяло время, достопримѣчательности этого города, и въ числѣ ихъ особенно драгоцѣнныя собранія Эрмитажа, Казанскаго собора, Таврическаго дворца и Михайловскаго, въ которомъ императоръ Павелъ I окончилъ тревожную свою жизнь.

Приключенія во время проѣзда по Литвѣ.—Встрѣча въ Краковѣ.

Простившись съ посланникомъ и съ большимъ сожалѣніемъ разставшись съ кабинетъ-секретаремъ Веттерстедтомъ, постоянно оказывавшимъ мнѣ дружеское расположеніе и довѣріе, я выѣхалъ въ Вѣну и поѣхалъ на Нарву, Дерптъ, Ригу, Митаву, Ковно, Вильно и Брестъ-Литовскъ, пограничный городъ между Россіей и Австріей. Предоставляю пишущимъ путешествія разсказывать о дурныхъ дорогахъ въ Литвѣ, о поляхъ съ богатыми жатвами, о жалкихъ деревушкахъ, городкахъ и гостиницахъ, о кишащихъ тамъ толпахъ оборванныхъ жидовъ, о бѣдности крестьянъ и затрудненіи для путешествующаго получить тамъ что-либо другое съѣстное, кромѣ вареныхъ яицъ. Мои затрудненія во время этого пути увеличились еще тѣмъ, что мнѣ пришлось часто чинить мой экипажъ, оттого что его постоянно дурно чинили. Изъ моихъ путевыхъ приключеній я разскажу только о двухъ, такъ какъ этого достаточно, чтобы разъяснить, въ какомъ состояніи находилась тогда эта страна. Въ теченіе цѣлыхъ двухъ сутокъ я не могъ купить ничего съѣстнаго, чтò было бы пригодно для моей пищи; а потому очень обрадовался, когда ямщикъ въ обѣденное время сообщилъ мнѣ, что находящійся на пригоркѣ большой, двухъ-этажный, каменный домъ, съ виду походящій на дворецъ, есть почтовая станція, гдѣ мнѣ придется перемѣнять лошадей, и гдѣ я, судя по наружности, могъ надѣяться получить хорошій обѣдъ, столь же

необходимый для меня самого, какъ и для моего слуги. Доѣхавъ до мѣста, я увидѣлъ просторный дворъ, обстроенный кругомъ кирпичными сараями, конюшнями и прочими службами. Я поспѣшилъ во второй этажъ дома, чтобы заявить о своемъ желаніи пообѣдать; прошелъ длинную амфиладу комнатъ, въ которыхъ не было ни одного стула, стола, кровати и другой мебели. Всѣ двери стояли настежь, были топорной работы и безъ замковъ. Въ большинствѣ оконъ стекла были или съ трещинами, или совсѣмъ выбиты, и во всемъ этомъ громадномъ помѣщеніи я не встрѣтилъ ни души. Тогда я спустился въ нижній этажъ, но нашелъ тамъ то же разореніе. Наконецъ, въ кухнѣ, въ которой не было и признака посуды, я встрѣтилъ старуху; она стояла у очага и раздувала огонь, подкладывая сухую лучину. На вопросъ мой, что̀ у нихъ можно имѣть къ обѣду, она отвѣчала мнѣ, что у нихъ ровно ничего нѣтъ, даже и яйца не найдется, такъ что мнѣ пришлось уѣхать оттуда столь же голоднымъ, какъ я и пріѣхалъ. Итакъ, домъ этотъ могъ быть пригоденъ только для тѣхъ проѣзжающихъ, которые везли съ собой все для нихъ необходимое.

Другой случай, о которомъ я намѣренъ упомянуть, произошелъ въ дрянномъ городишкѣ Слонимѣ, который, между тѣмъ, уѣздный городъ. Я прибылъ туда поздно вечеромъ, и такъ какъ коляска моя снова требовала починки, то мнѣ пришлось остаться тамъ до слѣдующаго дня. Поэтому на почтовой станціи я спросилъ, нельзя ли мнѣ получить комнату съ кроватью. Содержатель станціи отвѣтилъ мнѣ утвердительно, и я пожелалъ взглянуть на назначаемую мнѣ комнату; черезъ совсѣмъ пустую большую комнату онъ ввелъ меня въ меньшую, въ которой стояла кровать, на которую онъ и указалъ мнѣ. Въ одномъ углу комнаты навалено было множество сѣделъ; но изъ мебели тамъ было всего одинъ деревянный стулъ, да и тотъ былъ весь заваленъ разнымъ мужскимъ платьемъ. Когда я приблизился къ кровати, чтобы посмотрѣть, какова она, то на ней поднялся человѣкъ съ лицомъ темнаго цвѣта и отталкивающей физіономіей. Разбуженный нашимъ приходомъ, онъ, вытаращa глаза, глядѣлъ гнѣвно на меня. Меня собирались помѣстить для ночлега на одну кровать съ этимъ человѣкомъ. Само собою разумѣется, что я охотнѣе согласился бы провести ночь на улицѣ, чѣмъ въ обществѣ

такого человѣка. Я спросилъ, нѣтъ ли въ городѣ другаго помѣщенія, гдѣ пріѣзжій могъ бы пріютиться. Юркій жиденокъ, послѣдовавшій за моимъ экипажемъ, сказалъ мнѣ, что въ городѣ есть еще нѣмецкая гостиница, и предложилъ указать туда дорогу. Когда я остановился передъ этимъ домомъ, то послалъ туда разбудить хозяина и освѣдомиться, есть ли свободная комната? Послѣ нѣкотораго времени ожиданія, я получилъ желанный отвѣтъ, что таковая имѣется; но въ то же время услышалъ, что среди ночи начали мести полъ. Наконецъ, мнѣ сказали, что я могу войти, и вещи мои могутъ быть внесены въ домъ. Меня ввели въ большую угловую комнату, трое оконъ которой были закрыты ставнями, у четвертаго же окна ихъ не имѣлось. Она была совершенно пуста. Я потребовалъ столъ, стульевъ и кровать. Тогда внесли дрянной столъ, два стула и кровать, днище которой состояло изъ перекрещивающихся веревокъ съ большими узлами. На мой вопросъ о постельныхъ принадлежностяхъ мнѣ отвѣчали, что таковыхъ не имѣется. Мнѣ пришлось поэтому устроить себѣ постель изъ экипажныхъ подушекъ и—худо ли, хорошо ли, улечься на отдыхъ. Такъ какъ, вслѣдствіе отсутствія замка̀, дверь нельзя было запереть, то мнѣ пришлось взять съ собою въ комнату моего слугу, чтобы присмотрѣть за вещами. Его постель состояла изъ рогожи и стараго мѣшка, разостланныхъ на полу.

Усталость отъ пути и безъ сна проведенныхъ ночей помогли намъ заснуть. Проснувшись утромъ, я открылъ причину метенія комнаты ночью. Такъ какъ дверь въ эту комнату оставалась обыкновенно незапертою, то свиньи и куры забирались въ нее на ночлегъ. Ихъ-то надо было сперва удалить и вымести ихъ нечистоты, прежде чѣмъ меня можно было тамъ помѣстить. Но успѣли, и то кое-какъ, подмести полкомпаты, полъ же въ другой половинѣ ея былъ сплошь покрыть нечистотами этихъ животныхъ.

У двухъ оконъ ставни потому были закрыты, что въ нихъ почти всѣ стекла были перебиты. Къ счастью, въ городѣ былъ нѣмецъ-кузнецъ, взявшійся починить къ послѣ-обѣда экипажъ, такъ что я избѣжалъ необходимости провести еще ночь въ этой отвратительной канурѣ. Я спросилъ себѣ кофе, но мнѣ подали такую бурду, что я не въ состояніи былъ ее пить. Заказанный мною обѣдъ тоже

такъ изготовили, что въ ротъ ничего нельзя было взять. Супъ имѣлъ ужасающій видъ: въ немъ плавали какіе-то островки, повидимому состоявшіе изъ сала; на жаркое подали старѣйшаго пѣтуха, котораго не только ѣсть, но и разрѣзать было невозможно. Когда же вносили къ нему салатъ, то едва показались съ нимъ въ дверяхъ, какъ завоняло прогорклымъ масломъ, такъ что пришлось скорѣй отправить его обратно. На третье блюдо подали тоже что-то совершенно несъѣдобное. Мой слуга досталъ мнѣ изъ булочной пару сносныхъ французскимъ хлѣбовъ, которые и послужили мнѣ вмѣсто обѣда. Когда экипажъ былъ доставленъ изъ кузницы, запряженъ и вещи въ него снесены, то я велѣлъ позвать хозяйку, говорившую по-нѣмецки, чтобы узнать, что̀ мнѣ слѣдуетъ уплатить за комнату и столъ.

Самоувѣреннымъ тономъ, точно она была хозяйка гостиницы въ западной Германіи, и въ ея домѣ помѣщенія, столъ и услуга были въ наилучшемъ порядкѣ, она спросила два червонца. Изумленный ея наглостью, я вычиталъ ей о всѣхъ безпорядкахъ въ ея домѣ, конечно, вполнѣ ей извѣстныхъ, о неопрятности отведенной мнѣ комнаты, о данной мнѣ кровати, поданномъ кофе и обѣдѣ, которые были возвращены нетронутыми и т. д. Но хозяйка осталась при своемъ и настаивала, что не можетъ взять меньше двухъ червонцевъ. Чтобы не продолжать спора и скорѣе вырваться изъ этого отвратительнаго логовища, я вынулъ два червонца и бросилъ ихъ передъ нею на полъ, гдѣ они легко могли попасть въ щели, шириною въ палецъ, но она ухитрилась схватить ихъ, и я уѣхалъ. Надо замѣтить, что въ городѣ этомъ былъ расквартированъ русскій керасирскій полкъ, офицеры котораго ежедневно обѣдали въ этой гостиницѣ. Если эти господа могли довольствоваться такимъ столомъ, то они по истинѣ не были взыскательны насчетъ ѣды.

Войдя въ станціонный домъ, близъ границы, я не мало изумился, увидя въ углу комнаты, въ которой почмейстеръ сидѣлъ за письменнымъ столомъ, на пьедесталѣ бюстъ Густава IV Адольфа. Я громко сказалъ по-шведски: «Ну, не ожидалъ здѣсь, на границѣ Россійскаго государства, увидѣть бюстъ шведскаго короля». Почмейстеръ всталъ и на томъ же языкѣ отвѣчалъ мнѣ: «Это станетъ вамъ вполнѣ понятнымъ, когда вы узнаете, что я родился его под-

даннымъ и привезъ сюда этотъ бюстъ, при переселеніи моемъ изъ Петербурга». Этотъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, называвшійся, сколько помню, Адлербаумъ, находился сперва въ шведской военной службѣ, а затѣмъ перешелъ въ русскую, въ которой дослужился до чина капитана, послѣ чего, по собственной просьбѣ, переведенъ въ эту гражданскую должность.

Я продолжалъ путь чрезъ Люблинъ до Кракова, гдѣ мнѣ снова пришлось остановиться и чинить свою коляску, и гдѣ я, при прогулкахъ по городу, съ цѣлію его обозрѣть, войдя во время обѣдни въ безлюдную церковь, встрѣтилъ тамъ незнакомца, который очень учтиво обратился ко мнѣ и сказалъ, что такъ какъ онъ предполагаетъ, что я въ первый разъ нахожусь въ Краковѣ, то, если мнѣ будетъ пріятно, онъ охотно будетъ сопровождать меня, укажетъ и объяснитъ мнѣ достопримѣчательности города, какъ болѣе, чѣмъ я, знающій ихъ.

Я поблагодарилъ его за вниманіе, и онъ съ большимъ знаніемъ дѣла исполнилъ принятую на себя обязанность. Во время разговора онъ спросилъ меня, откуда я пріѣхалъ и куда ѣду; я отвѣчалъ: «Я ѣду изъ Стокгольма, черезъ С.-Петербургъ, въ Вѣну».

Тогда онъ сказалъ: «Vous êtes sans doute celui des compatriotes du baron d'Armfelt, dont il parle tous les jours et qu'il attend avec beaucoup d'impatience. —Comment, monsieur, vous connaissez le baron d'Armfelt?—Je viens de Vienne, où il a été de notre societé journalière; j'ai eu le malheur de verser avec ma voiture qui s'est cassée, ce qui m'a arrêté ici, jusqu'à ce que j'en reçois une autre, que j'attends aujourd'hui de ma terre. Et comme ma fille, la comtesse Lanskaronzka, demeurant à Vienne, aura pu apprendre mon malheur et s'en est effrayée, je vous prie de permettre, que je vous charge d'une lettre pour elle, afin de la consoler, et de vouloir bien lui dire de vive voix, que vous m'avez trouvé parfaitement bien portant.—A qui ai-je l'honneur de parler?—Au comte Rzevuski. —Pardonnez, monsieur le comte, que je vous demande le degré de parenté que vous avez avec le comte de ce nom, qui était un des moteurs de la fameuse confédération de Targovicz.—Ah! celui là était mon cousin»[1]).

---

[1]) Вы, безъ сомнѣнія, тотъ изъ соотечественниковъ барона Армфельта, о которомъ онъ постоянно говоритъ, и пріѣздъ котораго ожидаетъ съ боль-

Графъ, повидимому, считалъ не особенною для себя честью это родство.

Когда мы, по окончаніи прогулки по городу, дошли до гостиницы, гдѣ я остановился, и которая была насупротивъ той, гдѣ помѣтился графъ, къ ней подъѣхала ожидаемая имъ коляска, и прибывшіе съ нею слуги выразили искреннюю радость, увидѣвъ своего господина. Онъ немедленно пошелъ къ себѣ, чтобы написать тѣ письма, которыя намѣревался мнѣ передать; но когда принесъ ихъ мнѣ, то просилъ меня при въѣздѣ въ Вѣну спрятать ихъ у себя въ боковомъ карманѣ въ виду того, какъ онъ объяснилъ мнѣ, что письма и табакъ подлежатъ тамъ конфискаціи, такъ какъ провозъ частнымъ образомъ первыхъ лишаетъ почтовое вѣдомство дохода, а провозъ втораго нанесъ бы вредъ казеннымъ табачнымъ фабрикамъ.

Пріѣздъ въ Вѣну.—Разговоръ Эренстрема съ эрцгерцогомъ Карломъ.—Знакомства въ Вѣнѣ.—Отзывъ Эренстрема объ австрійской арміи.

Продолжая путь, я поѣхалъ черезъ Тешенъ, Ольмюцъ и Брюнъ въ Вѣну, восхищался проѣзжаемою мною прекрасною, богатою, хорошо обработанною и густо населенною страною. Въ Вѣну я прибылъ поздно вечеромъ и поѣхалъ въ квартиру барона Армфельта, въ предмѣстьѣ Landstrasse. Самого его не было дома; но для меня приготовлены были двѣ комнаты, и для встрѣчи меня побочный сынъ его, Клерфельтъ, оставался дома. На слѣдующее утро, лишь

шимъ нетерпѣніемъ.—Какъ, милостивый государь, вы знаете барона Армфельта? Я ѣду изъ Вѣны, гдѣ онъ былъ постояннымъ членомъ нашего кружка; по несчастію, экипажъ мой въ дорогѣ опрокинулся и изломался, и это принудило меня остановиться здѣсь въ ожиданіи высылки сюда изъ моего имѣнія другаго экипажа, прибытіе котораго я ожидаю сегодня. И такъ какъ дочь моя, графиня Ланскаронская, живущая въ Вѣнѣ, могла узнать о моемъ несчастіи и испугаться случившагося, то прошу васъ, не откажите мнѣ въ услугѣ доставить ей отъ меня письмо, чтобы успокоить ее; а также не поставьте себѣ въ трудъ лично у нея побывать и передать ей, что вы видѣли меня въ полномъ здоровьи.—Съ кѣмъ я имѣю честь говорить? — Съ графомъ Ржевускимъ. — Извините, господинъ графъ, за мой вопросъ, въ какой степени родства находитесь вы съ графомъ того же имени, который былъ однимъ изъ зачинщиковъ знаменитой Тарговицкой конфедераціи?—О, этотъ-то былъ мой двоюродный братъ.

только я успѣлъ встать, баронъ пришелъ ко мнѣ. Наша встрѣча при настоящихъ обстоятельствахъ, послѣ тяжкихъ несчастій, перенесенныхъ обоими нами, не могла не быть столь же трогательна, какъ и достопамятна. Отдавъ графу привезенныя мною депеши, я передалъ ему и письмо къ графинѣ Ланскаронской, полученное въ Краковѣ отъ ея отца для того, чтобы графиня немедленно могла получить извѣстіе о томъ, что постигшее ея отца несчастіе не имѣло никакихъ дурныхъ послѣдствій. Графиня тотчасъ же отвѣтила барону Армфельту запискою, въ которой приглашала меня, въ этотъ же день вечеромъ, къ себѣ на ужинъ въ Пратерѣ, по окончаніи имѣющаго быть тамъ большаго фейерверка. Такъ какъ баронъ Армфельтъ въ этотъ день былъ приглашенъ на большой министерскій обѣдъ, то я этотъ день избралъ для того, чтобы поѣхать обѣдать въ загородный ресторанъ и такимъ образомъ имѣть случай осмотрѣться въ этой обширной, древней императорской резиденціи. Клерфельтъ вмѣстѣ со мною поѣхалъ въ Аугартенъ, устроенный императоромъ Іосифомъ II, и на входныхъ воротахъ котораго начертана надпись: «Gevidmet an alle Menschen von ihrem Freund Ioseph»[1]). Огромный залъ былъ уже заставленъ большими и меньшими столами, вокругъ которыхъ сидѣли веселые люди и удовлетворяли свой аппетитъ, который у вѣнцевъ вообще очень хорошъ. Для насъ двоихъ въ залѣ не нашлось уже свободнаго мѣста; и намъ для обѣда накрыли небольшой столикъ въ самомъ саду, подъ тѣнью отъ большой залы, въ отворенныя окна которой мы могли видѣть многочисленное общество обѣдающихъ. Въ продолженіе обѣда мы наслаждались хорошею музыкою на духовыхъ инструментахъ, раздававшеюся съ эстрадъ, окружавшихъ большую просторную площадку впереди салона. Намъ подали обѣдъ, состоявшій изъ двухъ перемѣнъ, по четыре блюда въ каждой, дессерта и двухъ бутылокъ туземнаго вина: краснаго и бѣлаго, поставленныхъ въ вазы, наполненныя льдомъ. Обѣдъ этотъ стоилъ въ то время по три флорина съ особы, а тогда голландскій червонецъ ходилъ по шести флориновъ и нѣсколько крейцеровъ; цѣна этого обѣда была половинная противъ той, за какую можно было бы получить такой же обѣдъ въ какомъ-нибудь ресторанѣ въ окрестностяхъ Стокгольма.

[1]) Посвящается всѣмъ людямъ ихъ другомъ Іосифомъ.

Вечеромъ мы поѣхали въ Пратеръ, гдѣ на прекрасный фейерверкъ смотрѣли у эстрады, занимаемой императорскимъ дворомъ, дипломатическимъ корпусомъ и представленными ко двору иностранцами. По окончаніи фейерверка, я вмѣстѣ съ барономъ Армфельтомъ пошелъ черезъ паркъ къ тому мѣсту, гдѣ приготовленъ былъ заказанный графинею Ланскаронскою ужинъ. Мы пришли туда ранѣе графини и ея общества, и нашли назначенный для ея ужина столъ накрытымъ на полянѣ впереди ресторановъ, подъ громадными дубами, освѣщенными множествомъ разныхъ лампъ. Послѣ непродолжительнаго ожиданія пришла и сама графиня, дама очень красивая. Меня ей представили, и она горячо поблагодарила меня за доставленіе письма. Ее сопровождалъ курфюрстъ Виртембергскій, тогда генералъ австрійской службы, теперь же король, графъ-де-ла Маркъ (de la Marque), убившій въ Парижѣ на дуэли камеръ-юнкера Пейрона, бывшаго тогда въ свитѣ короля Густава III, маркизъ де-Бонне, въ то время эмигрантъ, но послѣ реставраціи — посланникъ Людовика XVIII въ Берлинѣ, корсиканскій дворянинъ, тоже эмигрантъ, атлетическаго тѣлосложенія, и еще многія другія лица. За ужиномъ я имѣлъ честь сидѣть подлѣ хозяйки. Это общество, къ которому принадлежали принцъ и принцесса де-Линь, русскій посланникъ Разумовскій и его супруга, рожденная фонъ-Тунъ, хотя они въ этотъ вечеръ и отсутствовали, безъ сомнѣнія было въ то время одно изъ самыхъ избранныхъ въ Вѣнѣ. Господствующій въ немъ духъ, какъ это весьма понятно, былъ антиреволюціонный и антибонапартическій, а поэтому, разумѣется, вполнѣ согласовался съ моимъ образомъ мыслей. Во время ужина баронъ Армфельтъ, сидѣвшій по лѣвую мою руку, былъ углубленъ въ продолжительный, тихій разговоръ съ сосѣдомъ своимъ — курфюрстомъ. Вдругъ онъ обратился ко мнѣ и сказалъ: «Que direz vous de l'insolence de Buonaparte, quand vous saurez,ce que je viens d'apprendre dans le moment, qu'il a fait proposer à monseigneur d'épouser sa soeur Pauline, veuve du général Leclerc, mort à St-Domingue?»[1]).

[1]) Что вы скажете о дерзости Бонапарта, когда узнаете то, о чемъ я теперь услышалъ, а именно, что онъ предложилъ Его Высочеству жениться на его сестрѣ Полинѣ, вдовѣ генерала Леклерка (Leclerc), умершаго въ Санъ-Доминго?

Такъ какъ первый консулъ тогда не вступилъ еще на тотъ путь, который довелъ его до такой высоты величія, чтобы паденіе его было тѣмъ ниже, то я изумился этому сообщенію и спросилъ принца, неужели это дѣйствительно такъ было, на что̀ получилъ подтвержденіе его высочества. Этотъ принцъ, который десять лѣтъ спустя, во время войны за освобожденіе, отличился замѣчательною храбростью и затѣмъ, какъ король съ либеральнымъ образомъ мыслей, находился въ то время въ разладѣ съ своимъ отцомъ—курфюрстомъ, а также въ дурныхъ отношеніяхъ съ австрійскимъ дворомъ, особенно съ эрцгерцогомъ Карломъ, почему онъ, къ всеобщему удивленію, нѣсколько мѣсяцевъ спустя уѣхавъ въ отпускъ изъ Вѣны, прислалъ съ границы прошеніе объ отставкѣ и уѣхалъ въ Парижъ, чтобы черезъ того же Бонапарта, зятемъ котораго онъ не захотѣлъ быть, искать примиренія съ своимъ отцомъ.

Послѣ того, какъ мундиръ мой былъ готовъ, я былъ представленъ императору, императрицѣ, эрцгерцогамъ Карлу и Іоанну, а также и тремъ младшимъ эрцгерцогамъ: Райнеру, Людовику и Рудольфу. Императоръ, прямодушный, обходительный и привѣтливый по характеру, былъ очень любимъ своимъ народомъ и доступенъ для всѣхъ своихъ подданныхъ, безъ различія сословій. Императрица, дочь Неаполитанскаго короля, вторая супруга императора, всѣ дѣти котораго были отъ нея, была нехороша собою и, повидимому, не пользовалась всеобщимъ расположеніемъ.

Эрцгерцогъ Карлъ былъ небольшаго роста, но имѣлъ благородныя черты лица, большіе, выразительные, голубые глаза и много скромности въ рѣчахъ и манерахъ. Я дозволилъ себѣ смѣлость сказать ему, что на далекомъ сѣверѣ, откуда я прибылъ, его подвиги, какъ полководца, хорошо извѣстны, и что его прибытіе въ армію главнокомандующимъ всегда было предвѣстникомъ искусныхъ тактическихъ движеній и побѣды. Онъ отвѣчалъ: «Les succès que j'ai eû, je les dois entièrement aux excellentes troupes, que j'ai eu l'honneur de commander» [1]).

Затѣмъ онъ повелъ съ барономъ Армфельтомъ разговоръ о войнѣ вообще и сказалъ: «D'après l'expérience que j'ai pu acquérir, j'ai

[1]) Успѣхами моими я вполнѣ обязанъ храбрымъ войскамъ, которыми я имѣлъ честь командовать.

trouvé que le gain d'une bataille dépend essentiellement du choix judicieux du point où les principaux efforts doivent se concentrer, et du moment de les employer» [1]).

Полагаю, что заключающееся въ этихъ словахъ содержитъ въ себѣ всю тайну военной науки, по отношенію ея къ сраженіямъ. Эрцгерцогъ Іоаннъ былъ тоже молодой принцъ благородной наружности, уважаемый за свою энергію и образъ мыслей, а равно и за свою ревность къ наукамъ. Проигрышъ впослѣдствіи сраженія при Гогенлинденѣ не можетъ быть ему приписанъ, такъ какъ начальство его было только номинальное; генералъ Лауеръ въ сущности командовалъ арміей, а противникомъ его былъ Моро. Три младшіе принца, жившіе вмѣстѣ и которые для представленія меня имъ вышли изъ внутреннихъ покоевъ, идя рядомъ, были, какъ и старшій братъ ихъ Антонъ, повидимому, очень стѣснены и смущены этимъ представленіемъ. Послѣдній во время аудіенціи цѣлыхъ три раза спросилъ меня, видѣлъ ли я уже Дорнбахъ, загородный домъ, принадлежавшій прежде генералу Ласси. Въ послѣдній разъ присутствовавшій при представленіи гувернеръ его, 80-лѣтній генералъ Спонкъ,—такъ, помнится, его звали,—съ досадою сказалъ: «Monseigneur! vous avez bien entendu déjà deux fois, que monsieur n'y a pas été encore» [2]). Послѣ представленія императорской фамиліи, я былъ представленъ герцогу Альберту Саксенъ-Тешенскому, который былъ женатъ на дочери императрицы Маріи Терезіи, эрцгерцогинѣ Христинѣ. Онъ былъ достойный уваженія принцъ, и впослѣдствіи я осматривалъ его громадное собраніе гравюръ.

Баронъ Тугутъ, такъ долго управлявшій политикою Австріи, жилъ теперь на покоѣ, и графъ Кобенцель, столько лѣтъ бывшій австрійскимъ посланникомъ при прусскомъ дворѣ, въ царствованіе Екатерины II, управлялъ департаментомъ иностранныхъ дѣлъ. Онъ былъ очень доволенъ, когда я сказалъ ему, что 16 лѣтъ тому

---

[1]) Изъ пріобрѣтеннаго мною опытомъ, я нахожу, что одержаніе побѣды главнымъ образомъ зависитъ отъ искуснаго выбора пункта, на который должны быть сосредоточены всѣ боевыя силы, и выбора момента, чтобы употребить ихъ въ дѣло.

[2]) Ваше высочество! Вы уже два раза слышали, что monsieur тамъ не былъ.

назадъ я имѣлъ случай видѣть его, въ бытность его посланникомъ въ Россіи; онъ же напомнилъ мнѣ анекдоты того времени, которое считалъ самымъ пріятнымъ временемъ своей жизни. Онъ былъ человѣкъ, далеко не отличающійся красивою наружностью, былъ очень уменъ, но съ слабымъ характеромъ, чѣмъ Бонапартъ съ выгодою пользовался, чтобы привлечь его на сторону французскихъ интересовъ. Вліянію Кобенцеля на императора сильно противодѣйствовало вліяніе графа Коллоредо; этотъ послѣдній былъ воспитателемъ императора, пріобрѣлъ съ того времени рѣшительное вліяніе на него и сумѣлъ его удержать. Хотя вліяніе это и не оправдывалось ни высокимъ умомъ, ни особенными талантами. Графъ Коллоредо рѣдко появлялся въ обществѣ, и наружность его обличала его посредственность.

Въ числѣ интересныхъ знакомствъ, сдѣланныхъ мною въ Вѣнѣ, были изъ числа лицъ дипломатическаго корпуса: папскій нунцій, молодой еще епископъ, но очень уже вліятельное лицо, съ которымъ я часто видѣлся, но имя его позабылъ; французскій посланникъ Шампаньи, въ настоящее время герцогъ Кадорскій, достойный уваженія человѣкъ, относившійся ко мнѣ очень доброжелательно, болѣе всего потому, что я былъ шведъ, такъ какъ онъ, будучи капитаномъ корабля въ теченіе американской войны, познакомился со многими шведскими офицерами, служившими тогда во французскомъ флотѣ, и о которыхъ онъ всегда вспоминалъ съ дружескимъ расположеніемъ и преданностью; жена его, дочь торговца сукномъ въ Муленѣ, на которой онъ женился во время революціи, была добрая и скромная дама, болѣе стѣсняющаяся, чѣмъ обрадованная неожиданнымъ своимъ возвышеніемъ въ жену посланника; испанскій посланникъ—принцъ Кастель-Франко, почтенный и честный воинъ, хотя и не съ особеннымъ успѣхомъ сражавшійся въ началѣ революціонныхъ войнъ, въ восточныхъ Пиринеяхъ, противъ республиканцевъ; баденскій посланникъ—баронъ Геммингенъ, человѣкъ ученый, который, вслѣдствіе своего долгаго пребыванія въ Вѣнѣ, вполнѣ изучилъ австрійскій кабинетъ и направленіе тѣхъ изъ министровъ, которые, въ тотъ или другой моментъ, пользовались особеннымъ вліяніемъ; австрійскій посланникъ при Дрезденскомъ дворѣ, въ то время графъ, а впослѣдствіи принцъ Меттер-

нихъ, находившійся тогда въ отпуску въ Вѣнѣ и не скрывавшій своего нерасположенія къ политической систѣ графовъ Коллоредо и Кобенцеля, почему онъ и не пользовался особеннымъ расположеніемъ, и еще многія другія лица. Не столь хорошо былъ я знакомъ съ датскимъ посланникомъ С. Сафоринымъ (St. Saphorin), хотя нѣсколько разъ былъ имъ приглашаемъ къ обѣду; а также и съ секретаремъ датскаго посольства Нисcеномъ, который съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ за всѣмъ происходящимъ въ шведскомъ посольствѣ. Охотно избѣгалъ я тоже общества лигурійскаго посланника Боккарди, хотя мнѣ часто приходилось встрѣчаться съ нимъ и съ служащими при этомъ посольствѣ лицами въ домѣ французскаго посланника. Все это посольство имѣло видъ революціонеровъ, отталкивающія манеры и раболѣпствовало передъ французскимъ посольствомъ. Лигурійскій посланникъ, подлѣ котораго мнѣ однажды случайно пришлось сидѣть за столомъ, отравилъ мнѣ все удовольствіе обѣда разсказомъ о личномъ своемъ знакомствѣ въ Парижѣ съ извергомъ Робеспьеромъ. Я имѣлъ тоже удовольствіе познакомиться съ знаменитымъ историческимъ писателемъ—Іоанномъ Мюллеромъ, бывшимъ въ то время библіотекаремъ при прекрасной императорской библіотекѣ, гдѣ я часто его посѣщалъ. Онъ былъ тогда рьянымъ противникомъ Бонапарта и, конечно, не могъ предполагать, что нѣсколько лѣтъ спустя будетъ находиться на службѣ у этого узурпатора и умереть въ его государствѣ.

Съ Генцемъ, пользовавшимся извѣстностью и имѣвшимъ одинаковый со мною антибонапартійскій образъ мыслей, я часто видѣлся; онъ не скрывалъ своего жестокаго неудовольствія на тогдашнюю политику австрійскаго кабинета, отличавшуюся крайнею слабостью, трусливою осторожностью и уступчивостью всѣмъ требованіямъ французскаго перваго консула. Не рѣдко приходилось мнѣ тоже встрѣчаться въ обществѣ съ княземъ Долгоруковымъ, генералъ-лейтенантомъ русской службы, посланнымъ императоромъ въ Вѣну съ особеннымъ порученіемъ покончить съ вѣнскимъ дворомъ разсчеты по поводу обоюдныхъ требованій и долговъ, возникшихъ во время общей кампаніи армій, русской и австрійской, въ Италіи подъ предводительствомъ Суворова. Онъ былъ въ разгово-

рахъ со мною очень откровененъ и сообщилъ мнѣ о своемъ отечествѣ множество замѣчательныхъ анекдотовъ.

Генералъ Аминовъ, который, отъ послѣдствій своего заточенія въ Карлстенской крѣпости, вынужденъ былъ поѣхать лѣчиться на Карлсбадскія воды, пріѣхалъ, по окончаніи тамъ курса лѣченія, въ Вѣну, въ бытность мою тамъ. Наше свиданіе, въ домѣ Армфельта, послѣ претерпѣнныхъ нами несчастій, было для всѣхъ насъ троихъ равно достопамятно. Французскій живописецъ—Бертонъ нарисовалъ насъ всѣхъ вмѣстѣ на картинѣ, награвированной впослѣдствіи, и на которой, по данной мною мысли, я изображенъ сидящимъ съ планомъ Карлстенской крѣпости въ рукахъ и разсказывающимъ о томъ, что мы тамъ перенесли; между тѣмъ какъ баронъ Армфельтъ, тоже сидя, а Аминовъ стоя, прислонясь къ столу, слушаютъ мой разсказъ. Мы пользовались нашимъ досугомъ, чтобы вмѣстѣ осматривать окрестности Вѣны. Мы ѣздили въ маленькій, хорошенькій городокъ Баденъ; въ Лаксенбургъ, гдѣ рыцарскій замокъ обратилъ на себя особое наше вниманіе, такъ какъ онъ былъ построенъ по строгому образцу древнихъ рыцарскихъ замковъ, и вся, находящаяся въ немъ, мебель была дѣйствительно той эпохи и собрана туда изъ упраздненныхъ монастырей и древнихъ замковъ; въ числѣ ея была и такая, которой было лѣтъ двѣсти; въ Шенбрунъ, богатая оранжерея котораго, заключающая въ нѣсколькихъ отдѣленіяхъ растенія самыхъ жаркихъ поясовъ земнаго шара, есть одна изъ замѣчательнѣйшихъ оранжерей Европы, и гдѣ звѣринецъ тоже заслуживаетъ того, чтобы быть осмотрѣннымъ; въ Дорнбахъ, гдѣ мы провели цѣлый день и куда пріѣхали верхами черезъ высокій Куленбергъ, съ котораго открывается обширный видъ на Вѣну, съ ея двадцатью предмѣстьями и прилегающими полями, близъ которыхъ разбросаны хорошо обстроенныя, многолюдныя деревни и мѣстечки, на величественный Дунай; ѣздили въ городъ Клостеръ-Неубургъ у подошвы горы и до башенъ Пресбурга. На этой горѣ принцъ де-Линь построилъ небольшую виллу, въ турецкомъ вкусѣ, гдѣ часто живалъ, чтобы наслаждаться прекраснымъ видомъ. Дорнбахъ справедливо считается однимъ изъ красивѣйшихъ мѣстъ въ окрестностяхъ австрійской столицы. Маршалъ, графъ Ласси, для украшенія его

употребилъ многіе годы жизни и погребенъ тамъ въ концѣ прекраснаго цвѣточнаго сада. Наружный видъ дома непригляденъ, но паркъ, по обширности своей, разнообразію, возвышенностямъ и лощинамъ, смѣняющимъ въ немъ другъ друга, и обилію въ немъ воды, необыкновенно хорошъ и привлекателенъ. Мы осматривали императорскую картинную галлерею во дворцѣ Бельведерѣ, построенномъ принцемъ Евгеніемъ Савойскимъ, жившимъ въ немъ; дворецъ принца Лихтенштейна, заключавшій въ себѣ богатое собраніе картинъ и книгъ, и прекрасную меблировку; а также осматривали множество другихъ общественныхъ и частныхъ заведеній и зданій.

Такъ какъ генералъ Аминовъ не имѣлъ съ собою мундира, и въ видѣ его не было обозначено, что онъ генералъ, то онъ и не могъ просить о томъ, чтобы быть представленнымъ къ императорскому двору. Но онъ все же не хотѣхъ уѣхать изъ Вѣны, не представившись эрцгерцогу Карлу, который, на просьбу объ этомъ барона Армфельта, тотчасъ разрѣшилъ Аминову явиться къ нему во фракѣ и принялъ его съ изысканною предупредительностью.

Мы уже много осмотрѣли изъ того, что̀ въ Вѣнѣ стоитъ видѣть; но намъ оставалось еще осмотрѣть множество военныхъ учрежденій, военныхъ школъ при казармахъ, военную академію императрицы Маріи Терезіи и т. п., для чего требовалось особое разрѣшеніе. Баронъ Армфельтъ случайно упомянулъ объ этомъ на вечерѣ и спросилъ, къ кому слѣдуетъ обратиться для полученія такого разрѣшенія. Ему отвѣчали, что слѣдуетъ просить объ этомъ принца Фердинанда Виртембергскаго, губернатора Вѣны, къ которому баронъ Армфельтъ между тѣмъ упустилъ изъ виду явиться, почему онъ былъ въ недоумѣніи, какъ ему поступить, чтобы исполнить желаніе своихъ пріѣзжихъ соотечественниковъ. О томъ, что̀ говорено было въ этомъ обществѣ, неизвѣстно, какъ дошло до свѣдѣнія принца, и послѣдствіемъ этого было то, что на слѣдующее утро въ шведское посольство явился полковникъ, баронъ Циганъ, кавалеръ ордена Маріи Терезіи, съ увѣдомленіемъ, что онъ получилъ приказаніе принца сопровождать шведскихъ путешественниковъ всюду, куда они намѣрены ѣхать, и что уже всѣмъ начальникамъ послано приказаніе—показать имъ все, что̀ они пожелаютъ осмотрѣть.

Невозможно изысканнѣе этого быть вѣжливымъ къ иностранцамъ. Поэтому мы на слѣдующій же день приступили къ нашимъ прогулкамъ и были безпредѣльно довольны нашимъ умнымъ и услужливымъ провожатымъ, а также учтивостью и предупредительностью, повсюду намъ оказываемыми. Мы нашли большую часть учрежденій въ прекрасномъ состояніи и были особенно изумлены познаніями, распространенными въ артиллеріи, даже и между солдатами. Мы присутствовали при ученіи конной артиллеріи, съ пальбою ядрами и бомбами, производившемся въ Зиммерингѣ, большомъ полѣ внѣ города. Чтобы засвидѣтельствовать наше уваженіе принцу, бывшему тогда въ отсутствіи, мы, въ теченіе нашихъ экскурсій, отнесли въ его домъ наши визитныя карточки, намѣреваясь, по окончаніи экскурсій, лично къ нему явиться; но были предупреждены полученіемъ отъ него приглашенія къ обѣду, которымъ однако генералъ Аминовъ не могъ воспользоваться въ виду его отъѣзда, день котораго былъ уже назначенъ. Поэтому я одинъ, въ сопровожденіи Клерфельта, отправился къ принцу, чтобы принести ему нашу общую благодарность за оказанную благосклонность, передать извиненія Аминова и засвидѣтельствовать ему нашу признательность за неутомимое вниманіе, которое баронъ Циганъ, бывшій тоже въ числѣ присутствующихъ, выказалъ намъ во время нашихъ прогулокъ по городу и внѣ его, продолжавшихся ежедневно въ теченіе болѣе, чѣмъ недѣли времени. Къ этому обѣду приглашены были многіе австрійскіе генералы, и въ числѣ ихъ принцъ Іоаннъ Лихтенштейнъ, въ то время молодой кавалерійскій генералъ, отличившійся своею храбростью во время итальянской войны, противъ французовъ, и за то награжденный высшею степенью ордена Маріи Терезіи. Послѣ обѣда онъ спросилъ меня, видѣлъ ли я маневры, производившіеся въ большомъ лагерѣ близъ Лаксенбурга, гдѣ 37.000 войска было собрано подъ начальствомъ принца Фердинанда Виртембергскаго. Я отвѣчалъ, что былъ тамъ нѣсколько разъ. Онъ сказалъ:—мнѣ извѣстно, что вы въ молодости были военнымъ; каковыми вы нашли эти упражненія?—Я съ большою похвалою отозвался о стройности дѣйствій пѣхоты, превосходной маршировкѣ и вѣрной стрѣльбѣ, особенно же о превосходномъ состояніи кавалеріи и артиллеріи; но при этомъ выразилъ и мое изумленіе, что такъ

хорошо обученныя войска были такъ часто разбиваемы французами, даже и тогда, когда французскія войска состояли изъ однихъ юношей конскриптовъ. «Ah, monsieur,—сказалъ онъ,—quoique je suis général autrichien moi-même, je ne fais aucune difficulté de vous avouer, que la cause de ces défiates n'a jamais pu être attribuée à ces bonnes et braves troupes, mais qu'elle a toujours été celle de leurs généraux» [1]). Эта откровенность не могла не изумить меня.

Король въ это время съ супругою своею былъ въ Баденѣ, въ гостяхъ у ея родныхъ; но пребываніе его тамъ было слишкомъ продолжительно, и это не мало озаботило государя этой страны, дѣда королевы—стараго маркграфа, который, въ виду своего положенія, былъ вынужденъ тщательно избѣгать всего того, что могло непонравиться могущественному его сосѣду, первому консулу Франціи. У короля въ то время уже возникло противъ Бонапарта сильное негодованіе, которое, въ сущности справедливое и вполнѣ согласующееся съ его нравственными убѣжденіями, все же противорѣчило требованіямъ здравой политики, и непомѣрность проявленія котораго должна была принести много бѣдствій его государству и наконецъ повести къ его паденію. Не принимая въ разсчетъ недостаточность своихъ средствъ, онъ хотѣлъ, при бездѣйствіи великихъ континентальныхъ державъ, выступить защитникомъ самостоятельности Европы, и въ особенности Германіи, такъ какъ онъ, какъ герцогъ верхней Помераніи, былъ членомъ германскаго союза. Поэтому онъ, своевременно и несвоевременно, посылалъ ноты нѣмецкому рейхстагу въ Регенсбургѣ, заявляя этимъ о своихъ цѣляхъ, но вызывалъ такими дѣйствіями только изумленіе, относительно его плохо разсчитанной смѣлости, и возбуждалъ противъ себя ожесточеніе Бонапарта, мстительность котораго исключала всякую возможность примиренія съ нимъ, послѣ такого посягательства—помѣшать осуществленію его честолюбивыхъ замысловъ, хотя бы оно и было безсильно.

---

[1]) О, милостивый государь, хоть я и самъ австрійскій генералъ, но нисколько не стѣсняюсь признаться вамъ въ томъ, что причину этихъ пораженій никогда нельзя было приписывать этимъ хорошимъ и храбрымъ войскамъ, но что виноваты въ нихъ всегда были ихъ генералы.

Отъѣздъ Эренстрема изъ Вѣны.—Императоръ Павелъ и Спренгтпортенъ.—Посѣщеніе Гете.—Пребываніе въ Касселѣ.

Было предположено, чтобы поѣздка моя простерлась до Константинополя; но потомъ мнѣ разрѣшено было возвратиться въ Швецію; вмѣстѣ съ тѣмъ я получилъ приказаніе собрать по пути свѣдѣнія объ образѣ мыслей въ Германіи, относительно вторженія французовъ въ курфюршество Ганноверское, произведеннаго послѣ нарушенія кратковременнаго Аміенскаго мира съ Англіей. Прощальную аудіенцію у императора я имѣлъ близъ Лаксенбурга, на полѣ во время маневровъ, по окончаніи которыхъ императоръ, сидя на конѣ, принялъ меня въ то время, какъ войска дефилировали мимо него. Съ сожалѣніемъ оставилъ я Вѣну, гдѣ, въ теченіе почти двухъ мѣсяцевъ, такъ пріятно провелъ время. На возвратномъ пути въ Швецію я поѣхалъ чрезъ Прагу, Теплицъ, Дрезденъ, Лейпцигъ, Веймаръ, Эрфуртъ, Гота, Эйзенахъ, Кассель, Гёттингенъ, Ганноверъ, Целле и Люнебургъ въ Гамбургъ; а оттуда черезъ Шлезвигъ и Копенгагенъ въ Стокгольмъ, куда я прибылъ въ первыхъ числахъ декабря. Въ Дрезденѣ я познакомился съ французскимъ эмигрантомъ—графомъ д'Антрегомъ (d'Antraigues), человѣкомъ замѣчательнаго ума; онъ былъ воспитанъ Жанъ Жакомъ Руссо, и у него сохранилось много статей Руссо, написанныхъ въ формѣ писемъ къ д'Антрегу; письма эти еще до сихъ поръ не напечатаны, но онъ читалъ мнѣ многія изъ нихъ. Врагъ французской революціи, и особенно Бонапарта, въ плѣну у котораго онъ былъ во время итальянской кампаніи и изъ котораго ему удалось спастись бѣгствомъ, д'Антрегъ былъ извѣстенъ множествомъ рѣзкихъ статей противъ предмета своей ненависти. Послѣ своей эмиграціи, онъ сперва пользовался пенсіей отъ испанскаго короля Карла IV, потомъ пенсіей отъ императора Павла I, въ службу котораго онъ поступилъ; а затѣмъ перебрался на житье въ Англію, гдѣ, въ то время какъ садился въ экипажъ, чтобы ѣхать въ Лондонъ съ дачи, гдѣ провелъ лѣто, онъ вмѣстѣ съ женою своею былъ убитъ лакеемъ итальянцемъ, по имени Лоренцо; и такъ какъ Лоренцо, по совершеніи убійства, тотчасъ лишилъ себя жизни, то никогда достовѣрно не могли узнать о причинѣ такого злодѣйства. Такъ какъ убійца былъ любим-

цемъ графа, то поводомъ къ его преступленію не могла быть личная месть. Поэтому полагали, что, для совершенія этого ужаснаго злодѣйства, онъ былъ подкупленъ или самимъ Бонапартомъ, или же однимъ изъ его эмиссаровъ. Такъ какъ графъ этотъ имѣлъ много сношеній съ императоромъ Павломъ I и его министрами, то я однажды спросилъ его, не извѣстна ли ему причина, по которой выборъ императора Павла I палъ на Спренгтпортена, когда имъ посланъ былъ въ Парижъ посланецъ, чтобы выразить первому консулу свою признательность за его образъ дѣйствій противъ взятыхъ въ плѣнъ въ Голландіи русскихъ офицеровъ и солдатъ, которые, по приказанію Бонапарта, были вновь обмундированы въ русскую форму и отосланы въ свое отечество. Тогда графъ сообщилъ мнѣ то, что слышалъ отъ графа Панина, бывшаго министромъ иностранныхъ дѣлъ и послѣ немилости своей долго жившаго въ Дрезденѣ, гдѣ онъ ежедневно видѣлся съ графомъ д'Антрегомъ.

Разумными дѣйствіями своими противъ русскихъ плѣнныхъ Бонапартъ достигъ той цѣли, для которой это было сдѣлано, а именно, онъ возбудилъ признательность императора и такимъ образомъ сдѣлалъ его особенно склоннымъ къ болѣе тѣсному сближенію съ французскимъ правительствомъ, тѣмъ болѣе, что императоръ тогда уже находилъ, что имѣетъ достаточно причинъ быть недовольнымъ своими союзниками—Англіей и Австріей. Поэтому-то императоръ рѣшилъ послать въ Парижъ особаго посланца, чтобы выразить первому консулу свою признательность за его благородный образъ дѣйствій въ этомъ случаѣ; и, желая съ этимъ порученіемъ послать генерала, государь обратился къ графу Панину съ вопросомъ, кто, по его мнѣнію, изъ генераловъ способнѣе всего для исполненія этого порученія. Тогда графъ назвалъ многихъ генераловъ, но противъ назначенія каждаго изъ нихъ государь сдѣлалъ какое-нибудь замѣчаніе и окончилъ тѣмъ, что сказалъ, что самъ объ этомъ подумаетъ. Когда же графъ Панинъ черезъ нѣсколько дней опять явился къ государю съ докладомъ, то тотъ сказалъ ему: «Теперь я рѣшилъ, кого изъ генераловъ послать въ Парижъ; угадайте, кто это?» Графъ называлъ многихъ; но при каждомъ имени государь качалъ головой и говорилъ: «Vous n'y êtes pas» [1]). Наконецъ государь сказалъ:

[1]) Вы не угадали.

«Вамъ не угадать, поэтому лучше я скажу вамъ: я избралъ генерала Спренгтпортена». Услыша это имя, графъ попятился, и на лицѣ его выразилось крайнее изумленіе. Императоръ засмѣялся и сказалъ: «Vous êtes étonné! N'est il pas vrai que vous ne l'aurez jamais deviné? Vous trouvez mon choix singulier, mais moi je trouve, que je suis dans la règle, lorsque j'envoie un traître a un usurpateur» [1]).

Графъ д'Антрегъ былъ очень предубѣжденъ противъ герцога Карла, какъ вообще иностранцы, особенно французскіе эмигранты, и раздѣлялъ ихъ убѣжденіе, что герцогу извѣстенъ былъ замыселъ объ убійствѣ его брата,—убѣжденіе, которое я старался опровергнуть. Графъ д'Антрегъ былъ въ Вѣнѣ, когда, послѣ восшествія на престолъ короля Густава-Адольфа, герцогъ съ своею супругою пріѣзжалъ туда, и утверждалъ, что, встрѣчаясь нѣсколько разъ съ герцогомъ въ салонѣ графа Кобенцеля, онъ видѣлъ, какъ всѣ явно избѣгали этого принца; и былъ свидѣтелемъ ужаса, вызываемаго его присутствіемъ въ тѣхъ, которые подозрѣвали, что ему извѣстенъ былъ замыселъ противъ жизни короля. Императоръ Францъ-Іосифъ просилъ графа Траутмансдорфа оказать пріѣзжему принцу вниманіе приглашеніемъ его къ себѣ на обѣдъ. Но графъ, не получавшій отъ двора столовыхъ денегъ, просилъ, чтобы, въ виду его вѣрной службы императору, онъ былъ избавленъ отъ такого униженія, и предложилъ, чтобы на графа Кобенцеля, получавшаго столовыя деньги и поэтому обязаннаго дѣлать оффиціальные пріемы, возложено было это приглашеніе. За такія позорныя мнѣнія о его характерѣ и образѣ мыслей, герцогъ Карлъ былъ обязанъ совѣтамъ барона Реутергольма и собственной своей слабости—слѣпо имъ слѣдовать.

Въ Веймарѣ я посѣтилъ великаго германскаго поэта и писателя Гёте. Онъ съ большою похвалою отозвался о королѣ, съ которымъ имѣлъ продолжительный разговоръ, во время котораго король обнаружилъ большое знакомство съ твореніями Гёте. Гёте особенно хвалилъ величественную осанку короля и его истинно царскія манеры. Сначала я думалъ, что Гёте говорилъ это въ виду того, что я шведъ; но потомъ я увѣрился, что онъ говорилъ это по убѣжденію.

---

[1]) Вы изумлены. Не правда ли, что вы никогда бы не угадали? Вы находите выборъ мой страннымъ, но я поступаю именно такъ, какъ слѣдуетъ, когда посылаю измѣнника къ узурпатору.

Въ бытность мою въ Касселѣ, я познакомился со многими французскими офицерами расположенной въ Ганноверѣ французской арміи; они путешествовали, съ цѣлью осмотрѣть страну и ея достопримѣчательности, и только недавно возвратились съ поѣздки въ Гарцскія горы. Между ними былъ артиллерійскій капитанъ, адъютантъ генерала Дюлолуа, г. Сиридо, даровитый молодой человѣкъ, съ большими достоинствами, который просилъ меня, чтобы я, по прибытіи моемъ въ Ганноверъ, извѣстилъ его объ этомъ. Такъ какъ для того, чтобы проѣхать через Ганноверскія владѣнія, занятыя французами, надо было имѣть на паспортѣ надпись, сдѣланную французскимъ резидентомъ того государства, откуда ѣхалъ проѣзжающій, то я утромъ въ день моего отъѣзда послалъ своего наемнаго лакея къ господину Биньонъ (въ настоящее время барону), занимавшему тогда этотъ постъ, съ моимъ паспортомъ, взятымъ мною въ Вѣнѣ и подписаннымъ барономъ Армфельтомъ. Такъ какъ это имя не нравилось резиденту, то онъ отказался подписать паспортъ и отослалъ его обратно подъ предлогомъ, что на немъ не имѣется подписи посланника въ Вѣнѣ—Шампаньи.

Разсерженный этой придиркой, я собралъ всѣ мои паспорты и самъ отправился къ резиденту, человѣку еще молодому. Сперва я показалъ ему паспортъ на Петербургъ, выданный мнѣ въ Стокгольмѣ изъ канцеляріи оберъ-штатгальтера; затѣмъ паспортъ на Вѣну, отъ посланника при русскомъ дворѣ, Стединга; а потомъ уже раньше предъявленный паспортъ за подписью резидента въ Вѣнѣ, на обратный путь въ Швецію, и наконецъ большой паспортъ на латинскомъ языкѣ, за собственноручною подписью короля. Когда г. Биньонъ увидѣлъ его, то изъявилъ готовность его подписать и для этой цѣли разложилъ его на письменномъ столѣ. Но я тотчасъ же взялъ его со стола, свернулъ и сказалъ: «Je ne puis pas permettre, monsieur, que vous mettez votre nom sur un passeport signé par mon roi. Vous devez vous même sentir toute l'inconvenance d'une telle signature de votre part» [1]). Онъ согласился съ справедливостью моего замѣчанія,

---

[1]) Я не могу допустить, милостивый государь, чтобы вы подписали ваше имя на паспортѣ, подписанномъ моимъ королемъ. Вы и сами должны чувствовать все неприличіе подобной подписи съ вашей стороны.

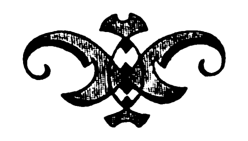
сталъ очень вѣжливъ, приглашалъ меня напиться съ нимъ шоколаду, отъ чего я отказался, и безъ всякихъ уже возраженій подписалъ паспортъ, выданный барономъ Армфельтомъ. Этотъ господинъ (Биньонъ) получилъ впослѣдствіи, во время французской имперіи, титулъ барона, былъ въ большой милости у Бонапарта, не забывшаго назначить ему въ своемъ завѣщаніи сумму денегъ; послѣ же реставраціи онъ явился ярымъ противникомъ бывшаго правленія. Въ бытность мою въ Касселѣ, мой наемный лакей разсказалъ мнѣ, что, незадолго до моего пріѣзда туда, онъ служилъ у одного иностранца, прибывшаго вмѣстѣ съ женою своею изъ Голландіи, въ богатомъ экипажѣ, и имѣвшаго при себѣ очень богато одѣтую прислугу. Въ теченіе пребыванія своего въ Касселѣ, иностранецъ этотъ былъ очень занятъ обмѣномъ у жидовъ червонцевъ на серебряную монету. Однажды, прочитавъ полученное имъ по почтѣ письмо, онъ вскочилъ и радостно воскликнулъ: «Шведскій король умеръ въ Карлсруэ, и тѣло его, по пути въ Стокгольмъ, скоро провезутъ здѣсь». Имя этого человѣка было П о л о н ъ, и онъ выдавалъ себя за маіора шведской службы и кавалера ордена меча; между тѣмъ это былъ никто иной, какъ бывшій камердинеръ барона Реутергольма; ему удалось, скрывъ настоящее свое званіе, жениться на засидѣвшейся въ дѣвицахъ, некрасивой, единственной дочери голландскаго купца. Я счелъ нужнымъ извѣстить барона Лагербіельке, бывшаго въ свитѣ короля въ Карлсруэ, объ наглости этого камердинера—выдавать себя за штабъ-офицера шведской службы.

Въ Геттингенѣ я встрѣтился съ бывшимъ тогда маіоромъ (теперь генералъ-лейтенантъ и баронъ), Франкомъ С п а р р е, жившимъ тамъ для ученыхъ занятій и пользовавшимся всеобщимъ уваженіемъ. Я былъ ему много обязанъ за участіе, оказанное мнѣ въ 1794 году, когда я былъ приговоренъ къ смерти; тѣмъ болѣе, что этимъ онъ подвергалъ себя большой опасности, и кромѣ того, въ то время онъ даже не зналъ меня лично. Какъ эта встрѣча обрадовала меня, легко себѣ представить. Тамъ же я съ глубокою грустью и сожалѣніемъ посѣтилъ могилу друга моего—Георга П о л л е т а. Усердно стремясь увеличить немалыя уже свои познанія, онъ въ этомъ университетѣ достигъ цѣли своей недолгой жизни и оставилъ по себѣ добрую память какъ у профессоровъ своихъ, такъ равно и

у своихъ товарищей. Такъ какъ я читалъ нѣкоторыя изъ сочиненій профессора **Мейнерца**, то пожелалъ и лично съ нимъ познакомиться. Съ полною откровенностью говорилъ онъ мнѣ—шведскому путешественнику, о положеніи страны въ теченіе французской оккупаціи, о тяжелыхъ реквизиціяхъ, и подтвердилъ уже слышанное мною, а именно общую преданность жителей англійскому королю, ихъ курфюрсту, который однакоже никогда не посѣщалъ своихъ германскихъ владѣній.

Сообщила и перевела **Н. С. Иванина**.

(Продолженіе слѣдуетъ).

МНѢНІЯ ИНОСТРАНЦЕВЪ-СОВРЕМЕННИКОВЪ
О
ВЕЛИКОЙ СѢВЕРНОЙ ВОЙНѢ.

Съ 1701-го года во Фрейштадтѣ сталъ выходить періодическій листокъ, подъ заглавіемъ: «Geheime Brieffe so zwischen curiösen Personen über notable Sachen der Staats und gelehrten Welt gewechselt werden, bestehend in zwölf unterschiedenen Posten, über das 1701 Jahr, nebenst einem vollkommenen Register». Freystadt. 1701. («Секретныя письма серьезныхъ людей о замѣчательныхъ предметахъ государственнаго и ученаго міра, состоящія изъ двѣнадцати различныхъ почтъ, на 1701. Съ приложеніемъ полнаго указателя»). Фрейштадтъ [1]). 1701.—8". 1084 стр. Листокъ этотъ выходилъ ежемѣсячно, и каждый номеръ назывался почтой: первый номеръ назывался «первая почта», второй—«вторая почта» и т. д. Сообразно съ этимъ названіемъ, вверху каждаго номера помѣщена виньетка, изображающая скачущаго верхомъ на лошади и трубящаго въ рогъ почтальона. Каждый номеръ состоялъ изъ нѣсколькихъ писемъ и отвѣтовъ на нихъ, но подписей ни подъ однимъ письмомъ нѣтъ; сверхъ того, къ нему прилагался листокъ съ каррикатурами, сюжетъ которыхъ объяснялся въ текстѣ.

Содержаніе писемъ было довольно разнообразно и состояло изъ

---

[1]) Существуетъ пять городовъ съ этимъ именемъ: въ Австріи, Баваріи, западной Пруссіи, Силезіи и Моравіи. Въ которомъ изъ нихъ издавался этотъ листокъ, рѣшить трудно, ибо на самомъ изданіи никакихъ указаній на это не имѣется. А между тѣмъ тонъ предлагаемыхъ писемъ таковъ, что было бы не безъинтересно знать, какому именно уголку Германіи онъ принадлежитъ.

разсужденій о политическихъ событіяхъ, политическихъ новостей, политическихъ эпиграммъ, географическихъ описаній (напр.: «О прекрасномъ и плодородномъ англійскомъ островѣ св. Елены»), астрологическихъ разсужденій (напр.: «О томъ, что великое солнечное затменіе уже различнымъ образомъ обнаружило свое пагубное вліяніе»; или «О продолжительномъ дѣйствіи нѣкоторой кометы»), разсужденій изъ области естествознанія (напр., о томъ, «почему у животныхъ самцы красивѣе самокъ, а у людей обыкновенно женщины обладаютъ преимуществомъ въ красотѣ передъ мужчинами», или о томъ, «кто болѣе достоинъ похвалы за свое пѣніе: соловей или жаворонокъ?»), разсужденій литературныхъ (напр.: «О нѣкоторыхъ предметахъ, относящихся къ литературѣ и библіотечному дѣлу»), разсужденій богословскихъ (напр., о томъ, «что ересіархи по большей части горестный конецъ имѣютъ и еще въ здѣшнемъ мірѣ несутъ часть заслуженнаго ими наказанія») [1]).

Въ концѣ книги «къ свѣдѣнію благосклоннаго читателя сообщается, что эти письма будутъ, если Богу угодно, продолжаться и въ будущемъ году съ тѣмъ же серьезнымъ содержаніемъ».—Исполнили издатели свое обѣщаніе — не знаю, такъ какъ продолженія этихъ писемъ за слѣдующіе годы у меня въ рукахъ не было. Изъ изданія же 1701 г. предлагаю здѣсь въ переводѣ нѣсколько писемъ, касающихся только-что начавшейся тогда войны со шведами. Несмотря на враждебный тонъ, которымъ они проникнуты, и на пристрастность и фактическую невѣрность заключающихся въ нихъ сужденій, они не лишены нѣкотораго для насъ интереса, съ одной стороны—какъ живой голосъ тогдашней дѣйствительности, свидѣтельствующій о томъ вниманіи, съ которымъ наши западные сосѣди слѣдили за тогдашними событіями на сѣверѣ, съ другой—по содержащимся въ нихъ взглядамъ на Сѣверную войну и на

---

[1]) Въ этомъ письмѣ къ числу ересіарховъ отнесенъ также погибшій въ въ Москвѣ въ 1689 году Квиринъ Кульманъ, про котораго сказано: „Извѣстный энтузіастъ и врагъ истиннаго пророческаго слова, Квиринъ Кульманъ разносилъ свои мечты по разнымъ странамъ, пока не пришелъ въ Москву, гдѣ и былъ сожженъ». Посѣтивъ многіе города Европы и Азіи, Кульманъ вездѣ выдавалъ себя за «сына сына Божія», пророка и духовидца. Въ Москвѣ, впрочемъ, онъ нашелъ себѣ только одного послѣдователя, тоже нѣмца, Нордермана.

русскихъ.—Слышать этотъ живой голосъ и знать эти взгляды далеко не безполезно при сужденіи о тогдашнихъ событіяхъ, потому что самая пристрастность и враждебность предлагаемыхъ писемъ есть уже фактъ, который приходится принимать въ разсчетъ при историческомъ изслѣдованіи тогдашней эпохи.

Ф. В.

Письмо 20-е.

О пораженіи москвитянъ подъ Нарвой и почему они никогда не станутъ въ Лифляндіи твердой ногой и не въ состояніи будутъ ничего сдѣлать противъ Польши.

Милостивый Государь!

Всякаго по справедливости до крайности удивляетъ пораженіе москвитянъ подъ Нарвой, что такая большая армія, состоявшая болѣе, чѣмъ изъ 80.000 человѣкъ [1]), не только не могла, послѣ почти девятимѣсячной осады [2]), овладѣть Нарвой, не особенно сильно укрѣпленной, но даже, захваченная 20 ноября врасплохъ въ своемъ лагерѣ гораздо слабѣйшимъ шведскимъ войскомъ, подъ предводительствомъ Карла XII, была разбита, и весь лагерь, со всею артиллеріею изъ 150 орудій, 30 мортиръ, весь багажъ и 25 оберъ-офицеровъ (генераловъ и другихъ начальниковъ), между коими находился самъ генералъ-фельдмаршалъ Крои [3]), достался шведамъ въ плѣнъ и добычу. Если бы это были все только одни москвитяне, то никто бы, знакомый съ храбростью и военнымъ искусствомъ шведовъ, этому не удивился; но такъ какъ офицеры были большею частію нѣмцы, шотландцы, датчане и изъ другихъ извѣстныхъ своею храбростію націй, то это еще удивительнѣе и скорѣе должно почесться за дѣло божеское, чѣмъ человѣческое [4]). По поводу этого происшествія мнѣ пришло много серьезныхъ и замѣчательныхъ мыслей, между прочимъ то, что не безъ основанія можно сказать, что это пора-

---

[1]) Русскихъ подъ Нарвой было 35–40.000, шведовъ – 8.500. Ф. В.

[2]) Осада Нарвы продолжалась съ 23 сентября по 19 ноября, когда русскіе были разбиты шведами, слѣдовательно не 9 мѣсяцевъ, а менѣе двухъ мѣсяцевъ. Ф. В.

[3]) Знатныхъ русскихъ плѣнниковъ подъ Нарвой было 79 человѣкъ, между ними 10 генераловъ. Ф. В.

[4]) Въ дѣйствительности же, присутствіе иностранныхъ офицеровъ въ русскомъ войскѣ—было одною изъ причинъ пораженія русскихъ, потому что солдаты не довѣряли иностранцамъ и неожиданное появленіе шведовъ приписали ихъ измѣнѣ. Ф. В.

женіе обошлось москвитянамъ дороже, чѣмъ прежнія, потому что они переступили границы, назначенныя самимъ Богомъ ихъ государству, и поэтому не могутъ имѣть никакой удачи, ибо опытомъ доказано, что всякому государству самимъ Богомъ назначены извѣстныя границы, черезъ которыя они не могутъ переступить, какіе бы труды и усилія они ни употребляли, и если они поступятъ вопреки божественному опредѣленію, то будутъ наказаны за это стыдомъ и позоромъ. Это подтверждаетъ и ап. Павелъ, постигшій божеское и человѣческое, въ Дѣян. ап. XVII, 27, гдѣ онъ пишетъ: «отъ одной крови Богъ произвелъ весь родъ человѣческій, для обитанія по всему лицу земли, назначивъ предъопредѣленныя времена и предѣлы ихъ обитанію». Эти, Богомъ назначенные, предѣлы или границы можно видѣть какъ въ древнихъ, такъ и новыхъ государствахъ: всякій разъ, какъ только ассиріяне и персы хотѣли распространить свои границы за Геллеспонтъ, они терпѣли только пораженія; для древнихъ римлянъ такой роковой границей была на востокѣ Евфратъ, а на западѣ—Эльба, за которыя они тщетно старались распространить свои владѣнія, какъ объ этомъ можно прочесть у Рихтера въ «Аксіомахъ». Также, когда Тиверій, въ правленіе Августа, осмѣлился со своими римскими легіонами перейти черезъ Эльбу, нѣкій духъ въ женскомъ образѣ навелъ на него ужасъ и приказалъ ему возвратиться назадъ. Въ виду этого предопредѣленія, Траянъ приказалъ прекратить попытки распространить римскіе предѣлы за Евфратъ. Подобнымъ же образомъ доказано, что рѣка Танаисъ и гора Кавказъ были въ древности столь же роковыми для всѣхъ царей и монарховъ, и они не могли переступить этихъ границъ. Съ существующими въ настоящее время государствами случилось то же самое: почему турки, несмотря на все ихъ могущество и свирѣпость, не могли утвердиться на западѣ, за Венгріей, и два раза тщетно осаждали Вѣну? Потому, отвѣчу я, что этого не дозволяли Богомъ назначенныя для нихъ границы. Французы до сихъ поръ, послѣ многократныхъ, тщетныхъ усилій, не могли утвердиться за Альпами въ Италіи, и въ будущемъ исполнить это будетъ имъ еще труднѣе, равно какъ, съ другой стороны, Рейнъ представляется роковою для нихъ границею относительно Германіи. По всѣмъ соображеніямъ такою роковою границею представляется Лифляндія и Ливонія для Московскаго государства, котораго царь владычествуетъ далеко на востокѣ и распространилъ свою власть надъ половиной великой Азіатской Татаріи, на пространствѣ 500 миль, до огромнаго государства Китая, какъ это можно видѣть изъ описанія путешествія въ Китай русскаго посланника Избрандта; но на западѣ, въ Лифляндіи и Ливоніи, московскіе монархи, въ теченіе двухъ столѣтій, не могли пріобрѣсти ни одной мили; въ прошломъ столѣтіи московскій тиранъ Иванъ Васильевичъ какія ни употреблялъ (для этого) усилія,

но все напрасно; въ нынѣшнемъ столѣтіи царь Михаилъ Ѳедоровичъ, дѣдъ нынѣшняго великаго князя, думалъ, что съ надлежащаго пункта начинаетъ дѣло, осадивъ городъ Ригу въ 1656 г.[1]), въ то время, какъ шведы впутались въ опасную и тяжелую войну съ поляками, но долженъ былъ со стыдомъ и позоромъ уйти назадъ. Точно также и съ нынѣшнимъ предпріятіемъ царя не могло быть иначе, потому что онъ захотѣлъ поступить вопреки опредѣленію Божію, да еще къ тому же и противъ вѣрности и вѣры, какъ нарушитель мира, да и впредь не можетъ быть лучше, если онъ не запомнитъ этого опредѣленія и не обратитъ своей, отъ Бога полученной, власти съ бóльшимъ правомъ въ другую сторону, противъ турокъ и татаръ. Засимъ остаюсь и проч.

6 января 1701 г. N.

Письмо 22-е.

О томъ, что осада и освобожденіе Нарвы во многомъ похожи на осаду Вѣны турками и что побѣда шведовъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ важнѣе для христіанъ побѣды ихъ подъ Вѣною.

Милостивый Государь!

Осада Вѣны турками въ 1683 г. и блестящая побѣда христіанъ, которую они одержали при ея освобожденіи, есть, безъ сомнѣнія, одно изъ самыхъ замѣчательныхъ событій этого вѣка и одна изъ самыхъ достохвальныхъ побѣдъ христіанъ, какую только они одерживали, въ теченіе долгаго времени, надъ своими исконными врагами. Эта осада Вѣны и побѣда христіанъ подъ ея стѣнами во многомъ похожи, по моему мнѣнію, на осаду Нарвы москвитянами и на побѣду надъ ними шведовъ при ея освобожденіи, только шведская побѣда еще важнѣе. Вѣна была тогда оплотомъ христіанства противъ турокъ, тѣмъ же самымъ служитъ Нарва въ Лифляндіи съ шведской стороны противъ Москвы; турки были убѣждены, что если они овладѣютъ Вѣной, то вся Германія будетъ лежать у ихъ ногъ, вслѣдствіе чего они оба раза употребляли всѣ усилія, хотя и напрасно, чтобы овладѣть этимъ городомъ. Москвитяне не менѣе убѣждены, что отъ завоеванія крѣпости Нарвы зависитъ обладаніе всей Лифляндіей и даже болѣе, вслѣдствіе чего они и прежде и теперь, предполагая, что выбрали самое удобное время, тщетно нападали на этотъ городъ. Турки нарушили миръ съ императоромъ изъ-за самаго ничтожнаго предлога; подобное же сдѣлали и москвитяне и нару-

---

[1]) Осада Риги предпринята была не Михаиломъ Ѳедоровичемъ, скончавшимся въ 1645 г., а отцомъ Петра, Алексѣемъ Михайловичемъ. Ф. В.

шили миръ, который они незадолго передъ тѣмъ утвердили большимъ посольствомъ къ шведскому королю. Спасеніе обоихъ осажденныхъ городовъ зависѣло отъ храбрости освобождавшихъ, оба города были осаждены огромными арміями, изъ которыхъ турецкая состояла изъ 200.000, а московская болѣе, чѣмъ изъ 80.000 человѣкъ; турецкою арміею предводительствовалъ великій визирь, между тѣмъ какъ султанъ находился по близости въ Бѣлградѣ, московскою арміею предводительствовалъ самъ царь [1]); въ обоихъ мѣстахъ былъ употребленъ въ дѣло сильный огонь; какъ христіане подъ Вѣной, полагаясь на свое правое дѣло, съ веселіемъ и необычайною храбростью напали на турокъ, точно также и шведскій король не испугался великой опасности, но сказалъ, что онъ надѣется на свое правое дѣло, полагается на Бога и готовъ подвергнуть опасности свою жизнь за благо своихъ подданныхъ, убѣжденный, что Богъ скорѣе поможетъ при малочисленности силъ, чѣмъ при ихъ многочисленности. Наконецъ, еще и въ томъ сходны оба осажденные города, что оба имѣли храбрыхъ комендантовъ: Вѣна—графа Штаренберга, Нарва—графа Горна, и оба храбро выдержали осаду. До сихъ поръ обѣ осады были одинаковы; но въ освобожденіи отъ нихъ и въ одержанныхъ при этомъ побѣдахъ заключается та разница, что турецкая армія не обезопасила себя укрѣпленіями, а московская защитила себя хорошими ретраншаментами; турецкая армія состояла изъ однихъ только турокъ, и поэтому христіанамъ легче было разсѣять этихъ варваровъ, не могущихъ твердо стоять въ сраженіи, и обратить ихъ въ бѣгство; между тѣмъ какъ московская армія имѣла настоящихъ христіанскихъ оберъ-офицеровъ, опытныхъ въ войнѣ и умѣвшихъ противупоставить непріятелю остріе своего меча; христіанское войско подъ Вѣной состояло болѣе, чѣмъ изъ 60.000 челов., шведское же едва изъ 25.000; подъ Вѣной христіане овладѣли почти всѣмъ турецкимъ лагеремъ, турецкую же армію обратили въ бѣгство; подъ Нарвою шведы захватили не только весь московскій лагерь, состоявшій изъ артиллеріи, аммуниціи, провіанта и багажа, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣмъ генералитетомъ, большею частію оберъ и унтеръ-офицеровъ и почти всею

[1]) Выше были уже отмѣчены нѣкоторыя фактическія неточности этихъ писемъ. Здѣсь опять надо вспомнить, какъ было дѣло. Русскихъ подъ Нарвой было не 80.000, а 35.—40.000. Сначала осадой распоряжался, дѣйствительно, самъ Петръ. Но вскорѣ у осаждавшихъ оказался недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ и военныхъ снарядахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружилась необходимость усилить армію новыми полками. Для личнаго распоряженія всѣмъ этимъ, Петръ уѣхалъ 18 ноября 1700 г. въ Новгородъ, поручивъ главное начальство надъ войскомъ бывшему генералу австрійской службы, герцогу фонъ-Крои. На другой день по отъѣздѣ царя, 19 ноября, Карлъ XII появился неожиданно подъ стѣнами Нарвы, и слѣдовательно, самая Нарвская битва происходила въ отсутствіе Петра. Ф. В.

арміею и положили на мѣстѣ болѣе 20.000 чел. И такъ какъ эта только-что начавшаяся московско-шведская война похожа по своему началу на бывшую турецко-венгерскую, то желательно, чтобы она не была похожа на нее по продолжительности и кровопролитію, но скорѣе пришла бы къ своему окончанію...

9 января 1701 г.

Письмо 24-е.

О томъ, что въ предпринимаемой войнѣ весьма много значитъ, имѣетъ ли государь счастливыхъ или несчастливыхъ генераловъ; также о томъ, какое значеніе имѣютъ въ войнахъ justiciae causae (оправдательныя причины) и когда самъ государь долженъ принимать участіе въ военныхъ предпріятіяхъ.

Милостивый Государь.

Эти примѣчаемыя при освобожденіи шведами Нарвы необыкновенныя обстоятельства навели меня, въ свою очередь [1]), на нѣкоторыя размышленія, такъ что я почти готовъ сказать, что пораженію москвитянъ не мало способствовала замѣченная неудача на войнѣ герцога фонъ-Крои, какъ генералъ-фельдмаршала, такъ что я могу этого, все-таки храбраго, человѣка присоединить къ числу несчастливыхъ генераловъ. Въ 1690 г., когда турки осаждали Бѣлградъ, былъ онъ посланъ Его Императорскимъ Величествомъ въ этотъ городъ, въ которомъ впрочемъ былъ комендантъ генералъ Аспермонтъ; но когда этотъ городъ, несмотря на все свое сопротивленіе, былъ взятъ штурмомъ турками, герцогъ фонъ-Крои, вмѣстѣ съ немногими оставшимися, едва успѣлъ спастись на судахъ. Въ 1693 г. императорскія войска рѣшились, подъ начальствомъ помянутаго герцога, снова завоевать Бѣлградъ, но принуждены были, при приближеніи турецкаго войска, со стыдомъ отступить. Такимъ образомъ, этотъ, все-таки храбрый, князь есть одинъ изъ несчастливыхъ генераловъ этого вѣка и можетъ быть сравненъ съ покойнымъ княземъ фонъ-Вальдекъ, тоже отличавшимся замѣчательными военными неудачами, какъ это показываютъ примѣры, бывшіе съ нимъ во время польскихъ и нидерландскихъ войнъ. И какъ, съ одной стороны, весьма много значитъ, чтобы государь, предпринимая войну, имѣлъ счастливыхъ генераловъ, такъ, съ другой стороны, весьма опасно, если, по Божьей волѣ, его постигнетъ неудача.

---

[1]) Письмо это служитъ какъ-бы отвѣтомъ на предъидущія и писано какъ-бы отъ того лица, къ которому предъидущія письма адресованы Ф В.

(Засимъ идутъ разсужденія автора письма о значеніи счастія въ войнѣ, съ цитатами изъ Флора и Цицерона, которыя я выпускаю).

Далѣе я примѣтилъ, что для офицеровъ и простыхъ солдатъ имѣетъ большое значеніе справедливость войны, которую они ведутъ, Мудро сказалъ языческій поэтъ:

Frangit et attolit vires in milite causa,

Quae nisi justa subest, excutit arma pudor [1]).

И нигдѣ яснѣе не обнаружилась справедливость этого изреченія, какъ при освобожденіи шведами города Нарвы. Шведскій король, несмотря на всѣ убѣжденія императорскихъ (т. е. австрійскихъ) и французскихъ посланниковъ, съ неописанною храбростію рѣшился на освобожденіе (Нарвы), сказавъ, что онъ полагается на свое правое дѣло и надѣется на Бога, послѣ чего обратился къ своему войску съ рѣшительнымъ вопросомъ: хотятъ ли они вмѣстѣ съ нимъ положить жизнь свою въ предстоящемъ сраженіи, и когда они отвѣтили на это утвердительно, онъ двинулся со своимъ несравненнымъ войскомъ впередъ и напалъ на огромное и занимавшее выгодную позицію московское войско, окончательно струсившее и растерявшееся, и при всеобщемъ смятеніи разбилъ его и захватилъ въ плѣнъ, такъ что къ нему очень хорошо можно примѣнить побѣдное изреченіе Юлія Цезаря: Veni, vidi, vici. Одержанная имъ побѣда ясно выразилась въ его боевомъ, истинно христіанскомъ лозунгѣ: «съ помощію Христа!» такъ что здѣсь исполнилось то, что говоритъ Липсіусъ: altus animus Deoque fisus per obstantes catervas explicuit sua victor arma [2]).

Наконецъ, должно считать большою мудростью со стороны этого самаго короля (Карла XII) также и то, что онъ самъ лично предпринялъ освобожденіе (Нарвы) и не поручилъ этого дѣла кому-либо изъ своихъ генераловъ, потому что въ дѣлахъ первостепенной важности, каковымъ было это освобожденіе, крайне необходимо присутствіе верховнаго главы или князя, потому что если бы сраженіе было проиграно, то Нарва и даже, безъ сомнѣнія, нѣчто и большее, были бы потеряны, тогда какъ теперь дѣло приняло совсѣмъ другой оборотъ, ибо московское войско совершенно разбито, но было бы иначе, если бы освобожденіе не удалось или непріятель былъ бы принужденъ только отступать.

Побѣда эта, при которой столько офицеровъ попало въ плѣнъ, по-

---

[1]) Причина войны возвышаетъ или уменьшаетъ силы въ войнѣ, и если она несправедлива, то отъ стыда выпадаетъ оружіе. Ф. В.

[2]) Великій и преданный Богу духъ собственнымъ оружіемъ побѣдоносно прологаетъ себѣ дорогу чрезъ противустоящія ему толпы (непріятелей). Ф. В.

хожа на ту, которую одержало баварское войско надъ французско-веймарскою арміею, при Дютлингенѣ, въ 1643 г., потому что тогда попали въ плѣнъ главнокомандующій веймарскою арміею, генералъ-лейтенантъ Ранцау, 4 фельдмаршала, генералъ-маіоръ Шёнбокъ, 7 оберъ-офицеровъ, 8 оберъ-лейтенантовъ, 4 маіора, 90 капитановъ и ритмейстеровъ, 98 лейтенантовъ, 52 фендриха и корнета. Такимъ образомъ, можно сказать, что подъ Нарвой остался цвѣтъ московскаго войска, и впредь, если захотятъ изобразить несчастную осаду, то будутъ называть ее нарвскою и про потерпѣвшаго пораженіе будутъ говорить, что съ нимъ случилось то же, что съ москвитянами подъ Нарвой, какъ въ старину говорили: «Съ ними случилось то же, что съ швабами подъ Лукой».

(Воспоминаніемъ объ этомъ сраженіи подъ Лукой и оканчивается письмо). 12 января 1701 г.

Письмо 33-е.

О томъ, что московско-шведская война послѣ этого (нарвскаго) пораженія не кончится и сдѣлается еще ожесточеннѣе.

Шведская побѣда подъ Нарвой есть событіе, поистинѣ достойное великой славы, и заслуживаетъ удивленія потомства и должна быть отнесена къ числу знаменитѣйшихъ героическихъ подвиговъ всѣхъ временъ. Однакоже не слѣдуетъ думать, что этимъ оканчивается дѣло и что Московское государство окончательно уничтожено; это только какъ-бы отрицательное доказательство правоты дѣла со стороны шведовъ, такъ что москвитянамъ будетъ тѣмъ труднѣе выступить съ доказательствомъ будущей побѣды, говоря юридическимъ языкомъ. Съ шведской же стороны этимъ проложена хорошая дорога къ будущимъ успѣхамъ, но еще много встрѣтится препятствій и затрудненій, прежде чѣмъ будетъ достигнута предположенная цѣль, и огромное Московское государство будетъ унижено и принуждено къ приличному миру. Вступающій въ борьбу съ такимъ могущественнымъ варварскимъ государствомъ похожъ на человѣка, желающаго свалить огромное и старое дерево: онъ наноситъ ему многочисленные удары, но долгая и постоянная работа должна, наконецъ, свалить дерево; или государь, принужденный имѣть дѣло съ варварскимъ государствомъ, похожъ на человѣка, намѣревающагося убить дикаго звѣря: онъ наноситъ ему одинъ за другимъ жестокіе удары, но животное, почувствовавъ раны, свирѣпѣетъ еще болѣе и старается всѣми силами отмстить своему врагу, который, такимъ образомъ, находится въ это время въ бóльшей опа-

сности, чѣмъ до нанесенія раны животному. Хотя извѣстно, что счастливое начало подаетъ надежду и вѣроятность на хорошее и побѣдоносное окончаніе; но царь московскій, чтобы отмстить шведамъ, подниметъ все свое государство, и такъ какъ извѣстно, сколь обширно это государство и сколько сильныхъ варварскихъ племенъ оно въ себѣ заключаетъ, то, поэтому, должно полагать, что какъ только онъ дѣйствительно это предприметъ, Лифляндія сдѣлается театромъ многихъ кровавыхъ дѣлъ и, какъ таковая, будетъ наводнена громадною толпою татаръ и другихъ восточныхъ народовъ. Однако, должно предполагать, что шведы своимъ храбрымъ и правильно устроеннымъ войскомъ побѣдятъ это множество и съ честію окончатъ войну, что́ уже и предсказано хорошимъ началомъ, ибо Тацитъ говоритъ: ut belli est initium, ita fama in coeteras [1]), особенно если шведы не впадутъ въ гордость и не будутъ презирать врага.

(Далѣе авторъ письма разсуждаетъ объ измѣнчивости счастія на войнѣ и, приведя примѣры этой измѣнчивости изъ только-что окончившейся войны Австріи съ турками, заканчиваетъ письмо такими соображеніями):

На эту турецкую войну во многомъ похожа теперешняя шведско-московская, такъ что, по всей вѣроятности, много будетъ потрачено труда и пролито крови, прежде чѣмъ достигнутъ примиренія, ибо справедливо говорится, что легко начать войну, но трудно ее окончить: въ то время, какъ начало ея зависитъ отъ воли всякаго, миръ находится въ рукахъ побѣдителя, который даруетъ его, когда и какъ онъ хочетъ, чѣмъ я и оканчиваю, etc. 24 января 1701 г.

Письмо 34-е.

Отвѣтъ на предъидущее и о томъ, что понесенное московскимъ царемъ пораженіе есть Божіе наказаніе за его высокомѣріе и дерзость, порожденныя въ немъ сопровождавшимъ его до сихъ поръ счастіемъ.

Милостивый Государь!

Въ полученномъ мною 24 числа сего мѣсяца письмѣ справедливо сказано, что высокомѣріе и самоувѣренность суть такіе пороки, которые могутъ, говоря вообще, человѣка съ высоты счастія повергнуть въ величайшее несчастіе. Высокомѣріе предшествуетъ паденію, и люди, ослѣпленные высокомѣріемъ и надменностью, могутъ пренебрегать предусмотрительностью, необходимою во всѣхъ человѣческихъ поступ-

---

[1]) Каково начало войны, такова и слава объ ней. Ф. В.

кахъ, и если они отъ природы одарены необходимымъ разумомъ, то пренебрегаютъ имъ и считаютъ его лишнимъ, а непріятеля считаютъ незаслуживающимъ большаго вниманія. Это доказываютъ безчисленные примѣры древней и новой исторіи.

(Въ примѣръ приведено презрительное отношеніе персовъ къ Александру Македонскому и австрійцевъ къ шведамъ въ тридцатилѣтнюю войну, печально окончившееся для тѣхъ и другихъ).

Самый же новый примѣръ того, что высокомѣріе и самоувѣренность порождаютъ несчастіе, представляетъ теперешній царь, который успѣлъ пріобрѣсти себѣ великую въ свѣтѣ славу, побѣдивъ во многихъ сраженіяхъ татаръ и завоевавъ у нихъ большую область, также турецкую крѣпость Азовъ и распространивъ свои владѣнія отъ Бѣлаго моря до Чернаго. Но когда онъ сдѣлался отъ такого ласкательства счастія высокомѣрнымъ и разсердился на еще юнаго шведскаго короля, какъ будто сей послѣдній долженъ былъ переносить все, чтó бы царь ему ни сдѣлалъ, то и счастіе его претерпѣло столь сильный переворотъ, и этотъ храбрый король (т. е. Карлъ XII) доказалъ, что не всегда верхъ остается за старшимъ и что борода дѣлаетъ мужа, но не героя, главный двигатель котораго есть сердце, скрытое въ груди, которое можно познать только изъ прекрасныхъ дѣлъ. Наступившее для царя несчастіе происходитъ также и отъ его жестокости, которую онъ обнаружилъ въ казняхъ, когда онъ, два года назадъ, велѣлъ казнить нѣсколько тысячъ подданныхъ, обвиненныхъ въ бунтѣ, изъ которыхъ нѣсколько сотъ умертвилъ самъ, какъ палачъ. Этимъ онъ еще больше отвратилъ отъ себя сердца своихъ подданныхъ: за подобныя жестокости были изгнаны Діонисіи, противъ Калигулы, Нерона, Домиціана и многихъ другихъ было поднято оружіе. Трагикъ Сенека справедливо сказалъ: violenta imperia nemo tenuit diu, moderata durant [1]). Царь могъ имѣть передъ глазами примѣры древнихъ и новыхъ тирановъ, жестокость которыхъ повсюду доводила ихъ до позорнаго конца. Въ этомъ случаѣ мнѣ никогда не нравились извиненія, подобныя тому, что царю приходится имѣть дѣло съ народомъ, который только подобными мѣрами можетъ быть удержанъ въ повиновеніи; подобныя объясненія ничего не значатъ.

(Здѣсь авторъ письма приводитъ подходящія цитаты изъ Сенеки и Тацита, которыя, какъ не интересныя для насъ, я выпускаю).

Поэтому, царь этотъ находится въ опасности потерять свою репутацію въ дѣлахъ съ внѣшними врагами и свое царство и жизнь въ дѣлахъ съ внутренними. Однако, я ему этого не желаю, но, напротивъ,

---

[1]) Никто не сохраняетъ (за собою) долго насильственной власти, умѣренная (власть) продолжается долго.

желаю, чтобы онъ былъ въ лучшихъ обстоятельствахъ и, вмѣстѣ съ ними, получилъ бо́льшее счастіе. Засимъ etc. 26 января 1701 г.

Письмо 56-ое.

О томъ, что москвитяне, изъ политическихъ видовъ, скрываютъ свои громадныя потери подъ Нарвой и стараются ихъ умалить, однако скорѣе слѣдуетъ вѣрить не имъ, а шведамъ.

Милостивый Государь.

Я могу ему повѣрить, что ему кажется страннымъ [1]), что москвитяне и другіе, держащіе ихъ сторону, утверждаютъ, будто ихъ потери убитыми подъ Нарвой немногимъ больше, чѣмъ потери шведовъ, и не превосходятъ 4.000 челов., тогда какъ до сихъ поръ число убитыхъ съ русской стороны полагали въ 20.000 челов. Но такъ какъ существуетъ постыдное мнѣніе, что въ политикѣ ложь дозволительна, то обыкновенно случается, что о потеряхъ въ сраженіи, значитъ и о потеряхъ москвитянъ подъ Нарвой, нельзя получить вѣрныхъ извѣстій, потому что частью изъ политическихъ разсчетовъ, чтобы неособенно смутить союзниковъ, а также и подданныхъ, потери эти представляются всегда въ гораздо меньшемъ видѣ, чѣмъ были въ дѣйствительности. Особенно французы умѣютъ скрывать свои потери, такъ что о потеряхъ, понесенныхъ ими въ сраженіяхъ обѣихъ послѣднихъ войнъ ихъ, съ Германіей и Нидерландами, ничего нельзя сказать вѣрнаго, потому что надменность самой націи такъ велика, что заставляетъ ихъ передъ глазами всѣхъ людей отрицать то, что кажется имъ хоть сколько-нибудь предосудительнымъ для нихъ. О шведахъ въ прошлой нѣмецкой (30-лѣтней войнѣ, также какъ и о нѣмцахъ вообще должно судить иначе, такъ какъ они, по своей природной откровенности и простотѣ, заслуживаютъ въ подобныхъ случаяхъ довѣрія. Вообще же, при одинаковыхъ остальныхъ условіяхъ, скорѣе надо вѣрить побѣдителю, чѣмъ побѣжденному, потому что побѣдитель уже достаточно вознагражденъ побѣдою и не имѣетъ нужды ронять ее и дѣлать сомнительною невѣрными сообщеніями, тѣмъ болѣе, что побѣда, доставшаяся послѣ сильнаго кровопролитія, приноситъ болѣе чести побѣдителю, чѣмъ когда непріятель плохо сражался и побѣда скорѣе была подарена, чѣмъ завоевана. Москвитяне, хорошо умѣющіе разглагольствовать о своихъ дѣлахъ, не противорѣчатъ своимъ природнымъ качествамъ, когда уменьшаютъ понесенныя ими потери, но я полагаю, что для нихъ было еще постыднѣе, что они, безъ большой потери.

---

[1]) Изъ писемъ не видно, о комъ здѣсь говорится. В. Ф.

людей, бросили свой лагерь и, какъ малодушные трусы, допустили уничтожить свою и своего царя репутацію, тѣмъ болѣе, что съ шведской стороны съ большими клятвами стараются увѣрить, что шведовъ, овладѣвшихъ лагеремъ, было не болѣе 9.000 человѣкъ. И такъ какъ московское войско, свыше 80.000 [1]), находилось въ укрѣпленномъ лагерѣ, подъ предводительствомъ храбрыхъ иностранныхъ офицеровъ, разрушеніе же моста лишило ихъ возможности бѣжать и они позволили разбить себя и цѣликомъ захватить въ плѣнъ 9.000-мъ (непріятеля), то я не могу понять, какъ могутъ москвитяне утверждать, безъ всякаго для себя стыда и позора, что съ ихъ стороны пало не болѣе 4.000 человѣкъ, когда даже шведы доводятъ свою потерю до 3.000 человѣкъ.

Что же касается до того, вслѣдствіе какихъ причинъ католическое духовенство завидуетъ блестящей побѣдѣ шведовъ, о чемъ находится извѣстіе въ сообщеніи изъ Регенсбурга, то тутъ дѣйствуетъ или ненависть къ протестантской религіи, или старинная злоба послѣ нѣмецкой (т. е. тридцатилѣтней) войны. Засимъ остаюсь, etc. 26 февраля 1701 г.

(Къ этому письму приложено и упоминаемое въ немъ сообщеніе изъ Регенсбурга, помѣченное 12-мъ февраля 1701-го года, для насъ любопытно только начало этого сообщенія):

Нѣсколько дней тому назадъ появился здѣсь одинъ францисканскій монахъ, вздумавшій открыто говорить, что шведы, еслибы они были честные люди, не должны были нападать на москвитянъ съ тылу, но должны были бы, какъ честные солдаты, сойтись съ ними лицомъ къ лицу, и что крестьянинъ, проведшій короля въ тылъ русскаго лагеря, былъ не человѣкъ, а воплощенный дьяволъ, нагнавшій шведовъ на русскихъ.

(Далѣе помѣщена молитва, сложенная католиками противъ лютеранъ, въ которой первые просятъ у Божіей Матери защиты «отъ этихъ бранденбургскихъ церберовъ» и «англійскихъ нехристей»).

---

[1]) Число шведовъ подъ Нарвой показано приблизительно вѣрно (ихъ было 8.500), но число русскихъ увеличено вдвое. Авторъ или авторы этихъ писемъ пользовались, очевидно, не какими-либо достовѣрными источниками, а ходившими въ то время слухами. Ф. В.

Письмо 107-е.

О полезномъ намѣреніи датскаго короля учредить постоянное земское ополченіе (ляндъ-милицію).

(По поводу этого авторъ письма дѣлаетъ краткій обзоръ различныхъ видовъ военной службы въ разныхъ государствахъ Европы. При этомъ о Московскомъ государствѣ онъ говоритъ):

Въ Москвѣ, въ случаѣ войны, сельскій народъ сгоняется, какъ скотъ, и бояре или дворяне должны, по повелѣнію царя, являться на коняхъ, но такъ какъ это народъ неопытный и къ войнѣ несклонный, то и заслуживаетъ, по большей части, плохую славу въ этомъ дѣлѣ.

Далѣе говорится о войскѣ турецкомъ и венгерскомъ. Про венгровъ авторъ говоритъ, что это «воинственный, храбрый народъ, тогда какъ москвитяне, напротивъ, представили плохое доказательство своей храбрости... На этотъ счетъ я привожу двѣ слѣдующія эпиграммы, направленныя, впрочемъ, болѣе противъ нарушенія мира царемъ». Впрочемъ, остаюсь навсегда etc. 24 мая 1701 г.

Засимъ помѣщены двѣ вышеупомянутыя эпиграммы:

Нарва въ анаграммѣ Варна.

Nomine froedifragis fatalia bina notantur
Varna quidem antiquo nomine, Narva novo.
Hungare ut ad Varnam perjuria foeda luisti,
Ad Narvam prorsus sic tua Mosche luis.

Или:

Varna Jagellonidi Moscho sed Narva Tyranno
Nomine fatal; cladis origo fuit,
Par in utraque scelus, divos contemsit uterque,
Et modo juratam rupit uterque fidem,
Exitus haud dispar, ferra cadit ille cruento
Evadit celeri turpius iste fuga
Atqui funeribus potuit superesse suorum
Innumeras patitur verius ipse neces [1]).

---

[1]) Двѣ судьбы связаны съ именемъ нарушителей договоровъ,
Варна съ именемъ древнемъ, съ именемъ свѣжимъ Нарва.
Какъ ты, венгерецъ, за нарушеніе клятвы собой заплатилъ подъ Варной,
Такъ точно ты, москаль, подъ Нарвой.
Роковымъ для Ягелона—стало имя Варны,
А московскому царю—Нарвы: начало пораженія,

Письмо 162-е.

О томъ какъ, по всему вѣроятію, будетъ вестись война въ нынѣшнюю кампанію въ Лифляндіи.

Не должно удивляться, что походъ въ Лифляндію начинается такъ поздно, такъ какъ въ этихъ странахъ весна начинается тогда, когда она у насъ уже кончается, и что еще въ маѣ лежитъ ледъ и снѣгъ, и такъ какъ армію нельзя вывести въ поле раньше, чѣмъ будетъ готовъ для лошадей подножный кормъ, что̀ бываетъ обыкновенно не раньше конца іюля, то, конечно, нéчему удивляться, что въ Италіи можно начинать кампанію въ мартѣ или, самое позднее, въ апрѣлѣ, такъ какъ тамъ весна наступаетъ нѣсколькими мѣсяцами раньше, чѣмъ въ этихъ сѣверныхъ странахъ, къ которымъ принадлежитъ и Лифляндія. Что же, затѣмъ, касается до сдѣланнаго мнѣ вопроса, которая изъ двухъ сторонъ, шведы или ихъ враги, будетъ дѣйствовать въ этомъ году наступательно, то, по соображеніи обстоятельствъ, я того мнѣнія, что шведы не иначе могутъ дѣйствовать, какъ противъ польскаго короля—наступательно, противъ Москвы оборонительно, тогда какъ, напротивъ, Москва будетъ дѣйствовать наступательно, польскій же король принужденъ будетъ дѣйствовать оборонительно. Къ такому мнѣнію побуждаютъ меня слѣдующія соображенія: шведскій король сильнѣе польскаго и долженъ стараться возвратить потерянное прежде, чѣмъ дѣлать завоеванія въ московскихъ областяхъ; король польскій слабѣе шведскаго, вслѣдствіе чего долженъ дѣйствовать оборонительно, тѣмъ болѣе, что ожидаемые изъ Саксоніи полки еще не прибыли. Москва, по причинѣ превосходства своихъ силъ и изъ желанія возстановить потерянную репутацію, будетъ дѣйствовать наступательно. Однако, еще вопросъ, не нападутъ ли шведы, какъ и въ прошломъ году, при благопріятныхъ обстоятельствахъ и побуждаемые необходимостью, первые на москвитянъ, хотя бы послѣдніе и превосходили ихъ числомъ. Засимъ etc. 20 іюля 1701 г.

Одинаковое преступленіе: оба презрѣли Всевышняго
И недавно данную клятву вѣрности нарушили оба.
Да и конецъ одинаковъ: тотъ палъ подъ ударомъ окровавленнаго меча,
Этотъ избѣжалъ смерти болѣе постыднымъ бѣгствомъ.
И хотя онъ могъ пережить смерть своихъ людей,
Но самъ весьма справедливо терпитъ безчисленныя бѣды.

Письмо 178-е.

Куда направились вышедшіе изъ Готенбурга шведскіе корабли?

Милостивый Государь.

Повидимому, весьма трудно отвѣтить на сдѣланный мнѣ вопросъ, именно: куда направились вышедшіе изъ Готенбурга пять шведскихъ кораблей, такъ какъ въ открытомъ морѣ много дорогъ.

Приведя затѣмъ нѣсколько примѣровъ того, какъ трудно угадать направленіе судна въ открытомъ морѣ, авторъ письма продолжаетъ:

Однако, несмотря на все это, можно догадываться, куда отправились пять вышеупомянутыхъ шведскихъ кораблей, именно — не въ другое какое мѣсто, какъ въ лежащіе на сѣверѣ московскіе приморскіе и торговые города св. Михаила архангела, на великой рѣкѣ Двинѣ, и св. Николая; это два знаменитыхъ торговыхъ города, особенно первый, въ который пріѣзжаютъ европейскіе народы—голландцы, англичане, датчане и другіе – и пріобрѣтаютъ московскіе товары, привозя, взамѣнъ ихъ, разные другіе товары и, въ числѣ ихъ, запрещенные, какъ-то: оружіе, порохъ и свинецъ, какъ и было уже положительно заявлено, что оружіе, которое имѣли недавно появившіеся въ саксонской арміи москвитяне, было настоящее голландское оружіе. Поэтому шведы весьма благоразумно стремятся къ тому, чтобы разрушить помянутые города своихъ враговъ, москвитянъ, и этимъ нанести вредъ тамошней торговлѣ. Какую это принесетъ пользу шведамъ, можно видѣть изъ того, что москвитяне все свое богатство видятъ въ выгодной торговлѣ, которая, конечно, сильно пострадаетъ, когда оба ихъ сѣверные, при такъ называемомъ Бѣломъ морѣ лежащіе города св. Николая и св. Михаила архангела будутъ разрушены. Вышеупомянутые шведскіе корабли должны направиться на сѣверъ, мимо береговъ Норвегіи и Лапландіи, и затѣмъ повернуть къ востоку, въ Бѣлое море, при которомъ лежатъ эти московскіе города подъ 64° с. ш. Знаменитый французскій географъ дю-Валь описываетъ ихъ, и именно Архангельскъ, иначе называемый городомъ св. Михаила архангела (ч. 2-я, стр. 340), «что это знаменитый торговый городъ и складочное мѣсто всѣхъ товаровъ, идущихъ въ Москву и изъ Москвы. Таможенной пошлины собирается здѣсь ежегодно болѣе 600.000 рейхсталеровъ. Онъ лежитъ на Бѣломъ морѣ, при устьѣ Дувины или Двины, имѣетъ порядочный за́мокъ и хорошую гавань, въ которой обыкновенно пристаютъ корабли англичанъ, голландцевъ и другихъ народовъ. Прежде корабли направлялись черезъ Зундъ, въ Остъ-Зее, къ гавани города Нарвы въ Лифляндіи, откуда товары перевозились далѣе сухимъ путемъ. Но послѣ того какъ наложено было много разныхъ тяже-

лыхъ пошлинъ, избрали дорогу прямо въ Архангельскъ. Городъ св. Николая, который тоже лежитъ при устьѣ рѣки Двины, недалеко отъ Архангельска, тоже производитъ нѣкоторую торговлю. Обоими этими городами владѣетъ великій князь, обладатель Бѣлаго моря и Великаго океана».

Въ теченіе шести недѣль мы услышимъ, куда направился этотъ флотъ, и узнаемъ, что цѣлью его служатъ, по всей вѣроятности, не что другое, какъ именно два помянутые московскіе города. Въ ожиданіи новостей изъ Лифляндіи и поручая себя покровительству и защитѣ Божіей милости, остаюсь etc. N. 17 августа 1701 г. [1]).

Письмо 110-е.

О новомъ возстаніи венгровъ.

Въ этомъ письмѣ, по поводу возстанія венгровъ, авторъ излагаетъ слѣдующую теорію классификаціи европейскихъ народовъ:

Постоянно бываетъ, что одна нація болѣе склонна къ возстаніямъ, чѣмъ другая. Теперешніе европейскіе народы представляютъ двѣ различныя племенныя группы и суть или кельтскаго или скиѳскаго происхожденія. Къ кельтамъ принадлежатъ испанцы, португальцы, французы, англичане и другія британскія племена, германцы, итальянцы, датчане и шведы. Къ скиѳамъ принадлежатъ, вмѣстѣ съ богемцами (чехами), также венгры, поляки, казаки, литовцы, москвитяне, кроаты, жители Семиградской области, валахи, молдаване, турки и татары, также живущіе въ Германіи остатки древнихъ сербовъ и вендовъ. Хотя при случаѣ и у народовъ кельтскаго происхожденія бывали возстанія и возмущенія, какъ напр., у итальянцевъ, нидерландцевъ, англичанъ, французовъ и нѣмцевъ, но они далеко не столь обыкновенны и не бываютъ столь жестоки, какъ у народовъ скиѳскаго происхожденія. Исторія среднихъ вѣковъ по Р. Хр. въ Германіи повѣствуетъ о безчисленныхъ и жестокихъ возстаніяхъ вендовъ про-

---

[1]) Это предположеніе о направленіи шведской эскадры не оправдалось. Извѣстный намъ приходъ шведскихъ судовъ (которыхъ было, однако, не пять, а семь) къ Архангельску былъ въ іюнѣ 1701 года, а такъ какъ письмо писано въ августѣ, то въ немъ, конечно, говорится не объ этихъ судахъ. Съ весны 1702 года ожидали вторичнаго прихода шведовъ къ Архангельску, вслѣдствіе чего Петръ провелъ тамъ все лѣто, однако шведы не явились.

Ф. В.

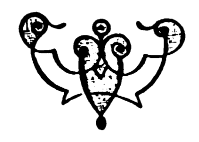

тивъ нѣмецкихъ императоровъ и другихъ областныхъ князей въ VIII, IX, X и двухъ послѣдующихъ столѣтіяхъ, вслѣдствіе чего Каролинги принуждены были приводить ихъ къ покорности открытою войною, но они вскорѣ снова нарушали миръ, пока, наконецъ, были усмирены въ X стол. Генрихомъ Птицеловомъ, и ихъ столица Грунэ, на р. Молдавѣ, была разрушена и, наконецъ, при двухъ Генрихахъ, герцогахъ Саксонскихъ, Гордомъ и Львѣ, отцѣ и сынѣ, въ Бранденбургской маркѣ, въ странѣ нынѣшняго княжества Ангальтскаго, въ Мекленбургѣ и Помераніи, они были окончательно уничтожены или обращены въ христіанскую вѣру. Однако между жителями этихъ областей еще попадается немало остатковъ вендовъ (Wenden-Köpffe), а такъ же кое-гдѣ между Эльбой и Богеміей, какъ, напр., въ Мейссенѣ, и особенно между крестьянами, живущими въ селахъ княжества Альтенбургъ, и въ Лаузицѣ, и правительству, вслѣдствіе ихъ упрямства и непокорности, приходится испытывать немало безпокойства. Что-за тяжелый и къ возстаніямъ склонный народъ поляки, литовцы и казаки, какіе жестокіе бунты произошли въ Москвѣ! Богемцы своими частыми возстаніями, особенно продолжительнымъ и почти для всей Германіи опаснымъ революціоннымъ движеніемъ гусситовъ, также безпорядками въ 1617 г., повлекшими за собою 30-лѣтнюю войну, доказали свое вендское и скиѳское происхожденіе. Турки и татары также своею невѣрностью и частыми возмущеніями обнаруживаютъ свое скиѳское происхожденіе и, наконецъ, венгры, своими многократными возстаніями и кровожадными замыслами противъ ихъ нѣмецкихъ королей, особенно противъ нынѣ царствующаго Императорскаго Величества, достаточно ясно доказали, что они суть отрасль скиѳовъ, пользующихся уже съ древнѣйшихъ временъ дурною славою, прирожденныя качества которыхъ суть разбой, убійство, вѣроломство, дерзость и наглость. Изъ разбойничества, грабежа, хищничества и опустошенія они сдѣлали ремесло, что все, вмѣстѣ съ вышепомянутыми качествами, какъ бунтъ и измѣна, вытекаетъ изъ одного и того же источника, именно — изъ нечестиваго, забывающаго Бога и честь и лишеннаго любви сердца, почему эти скиѳскіе народы и причиняютъ опустошеніе и разореніе обширнымъ странамъ, какъ это доказывается примѣромъ гунновъ, вендовъ, турокъ и татаръ, отчего греческій историкъ Епифаній называетъ *скиѳствомъ*, когда считаютъ дозволеннымъ, не объявляя войны, грабить и разорять чужія страны. Однако Богъ, имѣющій въ своемъ покровительствѣ благочестивыхъ монарховъ, поможетъ истребить эту измѣну и воздастъ должное виновнымъ, исполненія чего мы и будемъ ожидать. Засимъ остаюсь etc. N. 28 мая 1701 г.

Хотя письмо это и не заключаетъ въ себѣ ничего, относящагося

къ Великой Сѣверной войнѣ, но я перевелъ его ради изложенной въ немъ оригинальной теоріи, служащей нѣкоторымъ объясненіемъ тому враждебному тону, съ какимъ говорится въ предъидущихъ письмахъ о русскихъ. Полемизировать съ этимъ тономъ, доказывать его пристрастность и неосновательность, по моему мнѣнію, не представляется необходимости. Какъ ни слабо развито въ насъ чувство собственнаго достоинства, тѣмъ не менѣе можно заранѣе быть увѣреннымъ, что тонъ вышеприведенныхъ писемъ никого не введетъ въ заблужденіе. Что же касается послѣдняго письма, то, кромѣ изложенной въ немъ теоріи, оно интересно по заключающемуся въ немъ указанію на существованіе остатковъ вендскаго (т. е. славянскаго) племени въ такихъ областяхъ Германіи, которыя въ настоящее время считаются чисто нѣмецкими.

Ф. Витбергъ.

Кавказъ съ 1841 по 1866 годъ.

VII [1])

Темиръ-Ханъ-Шура.—Шамхальскія владѣнія.—Несостоявшаяся экспедиція въ Аварію.

Слѣдуя хронологическому порядку описываемыхъ военныхъ событій, я попрошу читателя отправиться не лично со мною, а со штабомъ Чеченскаго отряда, отъ котораго я не имѣлъ права отдѣлиться, въ Темиръ-Ханъ-Шуру. Переселеніе же Владиміра Осиповича Гурко со штабомъ и шестью баталіонами изъ Черкея, гдѣ мы, съ отрядомъ, на славу хозяйничали надъ разрушеніемъ сакель и уничтоженіемъ садовъ этого богатаго аула,—послѣдовало по иниціативѣ корпуснаго командира, вслѣдствіе особаго плана, составленнаго для дѣйствій въ Дагестанѣ. Но какъ изъ Темиръ-Ханъ-Шуры мы выступили послѣ нѣсколькихъ дней пребыванія въ ней, то приступлю къ описанію этой крѣпости и шамхальскихъ владѣній.

Существованіе Темиръ-Ханъ-Шуры начинается съ 1834 года. Побужденіемъ къ устройству такого опорнаго для войскъ и складочнаго для военныхъ запасовъ пункта было возстаніе Дагестана, а вмѣстѣ съ тѣмъ и шамхальскихъ владѣній, возбужденное дѣйствіями Кази-Муллы. Для этого слѣдовало избрать такой передовой пунктъ, съ котораго не только можно было бы наблюдать за шамхальцами и охранять ихъ селенія отъ вторженія непріятеля, но, предупреждая вторженія лезгинъ движеніемъ нашихъ войскъ по прямымъ путямъ, имѣть вмѣстѣ съ тѣмъ возможность производить наступательныя дѣйствія во внутрь горъ.

Темиръ-Ханъ-Шура безспорно выполняла всѣ эти требованія. Она, находясь на центральномъ передовомъ полукружіи, образованномъ Кизильярскимъ отрогомъ, Койсубулинскимъ хребтомъ и Сулакомъ, на-

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1893 г. т. LXXIX, іюль.

блюдала за шамхальцами. Находясь на узлѣ дорогъ, отходящихъ отъ нея на Кизляръ и Дербентъ, въ Салатавію и Аварію, войска, въ ней расположенныя, дѣйствуя по прямымъ путямъ, могли охранять шамхальцевъ отъ вторженія лезгинъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствовать наступательно въ горы. Сверхъ того, находясь отъ Каспійскаго моря съ небольшимъ въ сорока верстахъ и сообщаясь по хорошей дорогѣ съ низовымъ укрѣпленіемъ, замѣнившимъ собою Бурную, Темиръ-Ханъ-Шура могла съ удобствомъ снабжаться съ моря, какъ продовольственными, такъ и военными запасами.

Однако такія вполнѣ благопріятныя обстоятельства для Темиръ-Ханъ-Шуры въ стратегическомъ отношеніи шли совершенно въ разладъ съ потребностями гигіеническими и санитарными. Она была гнѣздомъ лихорадокъ и тифа, отъ которыхъ страшно болѣли и умирали войска и жители.

Это относили къ дурному качеству воды въ рѣчкѣ Озени и въ особенности зловредному небольшому озеру Ак-куль, находящемуся возлѣ самой Шуры. Но къ этому нужно добавить, что сырыя, тѣсныя и душныя казармы и лазаретныя помѣщенія, а равно поразительная нечистота внутри и внѣ крѣпости, сильно увеличивали болѣзненность между здоровыми и убивали смертію страждущихъ. Ужасны были цифры смертности. Такъ съ іюля и по конецъ 1842 года умерло 4 офицера и 540 нижнихъ чиновъ.

Темиръ-Ханъ-Шура, несмотря на десятилѣтнее свое существованіе, мѣстопребываніе въ ней командующаго войсками и сѣвернымъ и нагорнымъ Дагестаномъ и помѣщеніе штабъ-квартиръ Апшеронскаго полка, линейнаго баталіона и горной батареи,—не отличалась своими постройками. Даже дома, въ которыхъ жили командующій войсками и командиръ полка, куда нерѣдко проникали дождь и вѣтеръ, не обращали на себя вниманія.

Изъ казенныхъ строеній бросались въ глаза, единственно по величинѣ своей, сравнительно съ другими постройками, полковой лазаретъ и казармы, но и въ этомъ отношеніи они не удовлетворяли своему назначенію по числу больныхъ и величинѣ гарнизона. Еще бросались въ глаза пороховой погребъ изъ дикаго камня и казачій постъ по своей красивой вышкѣ.

Затѣмъ, если къ этому добавимъ съ сотню домиковъ, или, правильнѣе сказать, лачужекъ, сплѣпленныхъ изъ «самана или турлука» [1]) съ пло-

[1]) Въ саманныхъ постройкахъ стѣны выводили изъ землянаго, смѣшаннаго съ соломой и высушеннаго на солнцѣ кирпича. Въ турлучныхъ же постройкахъ стѣны состояли изъ плетня, обмазаннаго съ внутренней и наружной сторонъ глиною, смѣшанной съ коровьимъ каломъ.

скими земляными крышами, принадлежавшихъ офицерамъ, солдатамъ, торговцамъ изъ армянъ или евреевъ, то вотъ вамъ вся Темиръ-Ханъ-Шура 1844 года.

Нельзя сказать, чтобы оборона и вооруженіе Темиръ-Ханъ-Шуры были надежны, несмотря на то, что во время блокады ея Шамилемъ въ 1843-мъ году были употреблены на это самыя энергическія мѣры.

Земляной валъ, хотя былъ возобновленъ и возвышенъ, но все-таки онъ не вполнѣ обезпечивалъ Темиръ-Ханъ-Шуру, тѣмъ болѣе, что ровъ не вездѣ обстрѣливался, да и не было перекрестной обороны. Не существовало же ея какъ по устройству самаго вала, такъ и по значительному недостатку орудій. Да и у наличныхъ орудій лафеты были не вполнѣ исправны, не было платформъ, а въ артиллерійской прислугѣ оказывался большой недостатокъ.

Если въ такомъ незавидномъ положеніи, относительно своей защиты, находился главный пунктъ края, въ которомъ сосредоточивалась вся администрація, тѣмъ болѣе послѣ возобновленія обороны во время блокады, то можно судить о печальномъ состояніи укрѣпленій, взятыхъ Шамилемъ.

Скорѣй нужно удивляться не тому, что укрѣпленія Аваріи и Койсубу пали, а какимъ образомъ устояла не только сама Темиръ-Ханъ-Шура, но Низовое укрѣпленіе.

Это укрѣпленіе, замѣнившее Бурную, какъ главный складочный пунктъ продовольственныхъ и военныхъ запасовъ, доставлявшихся изъ Астрахани, находилось въ отчаянно жалкомъ положеніи. Валъ былъ до того разрушенъ, а ровъ засыпанъ землею и поросъ травою, что ихъ какъ будто бы не существовало; съ окрестныхъ высотъ, отстоящихъ на ружейный выстрѣлъ, было видно все укрѣпленіе, какъ на ладони. Такъ какъ не было въ укрѣпленіи ни казармъ, ни лазарета, вслѣдствіе трудности работъ по выгрузкѣ и перевозкѣ провіанта на трехъ-верстномъ разстояніи отъ рейда, и по причинѣ дурнаго качества климата и вредныхъ свойствъ воды тамошняго родника, смертность была поразительнѣе, нежели въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ. Изъ 430 человѣкъ, составлявшихъ гарнизонъ укрѣпленія, въ 1841 году съ августа по конецъ декабря умерло 127 человѣкъ. Несмотря на это, не было обращено вниманія на улучшеніе состоянія Низоваго укрѣпленія, или о перенесеніи его въ другое болѣе удобное и здоровое мѣсто, и только по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ оно было замѣнено Петровскимъ.

Для полноты обзора, кстати взглянемъ и на остальныя два укрѣпленія сѣвернаго Дагестана: Казіюртовское и Евгеніевское.

Первое, прикрывавшее переправу черезъ Сулакъ, находилось на главномъ и единственномъ въ то время сообщеніи Темиръ-Ханъ-Шуры съ Кизляромъ, а слѣдовательно Дагестана съ Кавказскою линіею; а

потому важность его въ то время была несомнѣнна. Между тѣмъ по слабой профили вала и рва, а также по ничтожному своему вооруженію оно не вполнѣ соотвѣтствовало своему назначенію; въ Казіюртовскомъ же укрѣпленіи находились хотя ветхія, но помѣстительныя и сухія казармы, а потому гарнизонъ не болѣлъ такъ сильно, какъ въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ и въ Низовомъ, несмотря на то, что нижне-сулакская мѣстность не отличается здоровымъ климатомъ.

Евгеніевское укрѣпленіе, какъ возведенное въ 1841 году, по новизнѣ своей и здоровому климату могло вполнѣ соперничать съ Темиръ-Ханъ-Шурою, Низовымъ и Казіюртомъ.

Всѣ описанныя укрѣпленія находились по эту сторону Койсубулинскаго хребта, отроги котораго образуютъ правый берегъ Аварскаго Койсу и Сулака и извѣстнаго: въ Мехтулѣ подъ именемъ Кизиль-ярскаго, противъ Казанищъ—Тавлинскаго, противъ Гимръ—Каранайскаго, между же укр. Евгеніевскимъ и Міатлами—Худумбаша. Слѣдовательно, если мы и могли вліять, то только на шамхальскія и мехтулинскія владѣнія, которыя въ дѣйствительности и остались намъ покорными послѣ катастрофы, совершившейся въ 1843-мъ году.

За Койсубулинскимъ же хребтомъ со времени этой катастрофы деспотически властвовалъ Шамиль, и было анахронизмомъ, что мы продолжали называть генерала Клюки-фонъ-Клугенау командующимъ войсками въ сѣверномъ и нагорномъ Дагестанѣ. Въ дѣйствительности, онъ былъ только командующимъ войсками сѣвернаго Дагестана, то-есть пространства, лежащаго по сѣверо-восточную сторону Койсубулинскаго хребта.

Взглянемъ нѣсколько подробнѣе на мѣстность, занимаемую шамхальскими и мехтулинскими владѣніями, а также очертимъ обитателей этого пространства.

Шамхальство, или владѣнія шамхала Тарковскаго, населено тѣмъ же народомъ, какъ и Кумыкская плоскость. Не касаясь происхожденія и исторіи, скажу только, что шамхальцы съ своими повелителями отличались болѣе миролюбивыми, нежели воинственными наклонностями.

Сколько извѣстно, политика ихъ была шаткая, неопредѣленная. Въ одно и то же время они платили дань шахамъ персидскимъ и искали покровительства у царей русскихъ, не разъ взывая къ нимъ о помощи.

Безропотно покоряясь сильнѣйшему, шамхальцы при малѣйшемъ колебаніи силы и власти, ими управлявшей, безразсудно отступались отъ нея, не видя опоры въ будущемъ. Такъ они поголовно ополчались противъ насъ при Кази-Муллѣ. Такими же малодушными являются они въ 1843 году, когда Шамиль вторгается въ ихъ землю. Шамхальцы вполнѣ могутъ быть названы малодушными, потому что при вторженіи Шамиля въ ихъ владѣнія ни одинъ изъ ауловъ не оказывалъ

сопротивленія, несмотря на то, что они хорошо знали и понимали лучше всѣхъ горцевъ, что русскіе не оставятъ ихъ земли и что это только временное торжество Шамиля.

Шамхалы назывались «Тарковскими» по имени аула Тарки, гдѣ они съ незапамятныхъ временъ имѣли свое мѣстопребываніе. Изъ нашей отечественной исторіи извѣстно, что воевода Бутурлинъ, посланный въ 1603 году съ войскомъ къ берегамъ Каспія, по просьбѣ шамхала построилъ крѣпость для защиты его резиденціи, селенія Тарковъ.

Шамхаловъ величали также «Валіями Дагестана», то-есть владыками горъ. Такой титулъ они получили отъ шаховъ персидскихъ, хотя, сколько извѣстно, никогда не повелѣвали въ истинномъ смыслѣ Дагестаномъ. Скорѣй, наоборотъ, лезгины властвовали надъ шамхальствомъ. Можетъ быть, шамхалы принимали за дань ту плату, которую давали горцы за пастьбу стадъ своихъ зимою на ихъ землѣ.

Шамхалы, состоя на особыхъ правахъ въ подданствѣ Россіи, числились въ военной службѣ. Такъ Абу-Муселинъ-ханъ былъ генералъ-адъютантомъ, княземъ имперіи и получалъ отъ правительства огромное содержаніе.

Прежде шамхалы Тарковскіе, по примѣру прочихъ повелителей востока, управляли своими подданными деспотически, такъ что жизнь и смерть каждаго шамхальца была въ ихъ рукахъ. По мѣрѣ же утвержденія нашей власти, самоуправіе ихъ постепенно уменьшалось и наконецъ дошло до того, что шамхалъ не имѣлъ права располагать произвольно жизнію своего подданнаго. Безъ сомнѣнія, это не нравилось шамхаламъ, и со стороны ихъ возникали многія неудовольствія; но пенсіи, чины и звѣзды, даваемые правительствомъ, успокоивали ихъ мягкую и изнѣженную натуру.

Все населеніе шамхальскихъ владѣній, исповѣдывавшее магометанскую религію суннитскаго толка, простиралось свыше 20 тыс. душъ обоего пола. Оно жило, за исключеніемъ ногайцевъ, кочующихъ по прибрежью Каспійскаго моря, отдѣльными селеніями, которыхъ насчитывалось до двадцати. Изъ нихъ болѣе населенныя и извѣстныя были: Тарки, Большія и Малыя Казанищи, Губдень, Карабудахкентъ, Дургели, Каранай и Эрпили.

Всѣ эти селенія управлялись беками и старшинами. Чрезъ нихъ собиралась десятинная подать для шамхала и отбывалась повинность, заключавшаяся въ выставленіи подводъ: для перевозки провіанта и другихъ тяжестей, для крѣпостныхъ работъ и устройства штабъ-квартиръ, равно во время прохода частей войскъ и нештатныхъ командъ. Эта повинность, какъ отбывавшаяся въ безпорядкѣ и съ злоупотребленіями, порождала много неудовольствій, надолго не изгладившихся изъ памяти шамхальцевъ. Сверхъ того, беки и старшины обязаны были со-

держать въ исправности и охранять милиціею дороги отъ Буйнакъ до Темиръ-Ханъ-Шуры, а отъ этой крѣпости — до Низоваго и Казіюрта.

За исключеніемъ уголовныхъ преступленій, судимыхъ по военнымъ законамъ, всѣ дѣла разбирались преимущественно муллами и кадіями по шаріату. Первыхъ находилось по нѣскольку въ каждомъ селеніи, тогда какъ, наоборотъ, послѣднихъ имѣлось весьма немного. Всѣ муллы, если не читали и не писали по-арабски, чтобы разбирать коранъ, то знали его изустно; объ кадіяхъ же нечего и говорить; они были верхомъ учености. Вообще нужно сказать, что шамхальцы считались далеко образованнѣе прочихъ обитателей Дагестана. Тѣ изъ нихъ, которые не знали по-арабски, писали и читали по-татарски; притомъ многіе говорили и по-русски. Между ними много было хаджей, то-есть ходившихъ на поклоненіе гробу Магомета, а слѣдовательно видѣвшихъ свѣтъ.

По сословіямъ шамхальцы раздѣлялись на бековъ, узденей и рабовъ.

Беки составляли высшій классъ или шамхальское дворянство. Они были потомками тѣхъ вассаловъ, которые пришли изъ Сиріи съ первымъ шамхаломъ и которымъ были даны въ удѣлъ разныя земли. Беки вмѣстѣ съ старшинами назначались съ согласія начальника Дагестана правителями ауловъ.

Главное населеніе состояло изъ узденей, то-есть вольныхъ людей, имѣющихъ право жить тамъ, гдѣ угодно, и обязанныхъ нашему правительству нѣкоторою повинностію, въ томъ числѣ и подводною для войскъ.

Наконецъ, рабы составляли самый низшій и вполнѣ зависимый отъ своего владѣльца классъ народа. Владѣльцами рабовъ, какъ плѣнниковъ или пріобрѣтаемыхъ покупкою, могли быть беки и узденя. Составляя наслѣдственную собственность, рабы могли быть перепродаваемы, впрочемъ, не иначе, какъ съ разрѣшенія шамхала. На рабахъ и рабыняхъ хотя лежали всѣ самыя грубыя и тяжелыя работы въ домашнемъ быту ихъ владѣльцевъ, однако положеніе ихъ было несравненно лучше «лаевъ» чеченцевъ и «іессырей» другихъ обитателей Кавказа.

Кромѣ того, въ шамхальствѣ были еще «чанки», происходящіе отъ брачныхъ союзовъ дворянъ и даже самого шамхала съ крѣпостными или рабынями. Рожденные отъ такихъ браковъ уподоблялись нашимъ незаконнорожденнымъ дѣтямъ.

Перейдемъ къ Мехтулинскому ханству, находившемуся до 1843 года, — смерти Ахметъ-хана, — подъ управленіемъ особой ханской династіи.

По составу своего населенія, простиравшагося до 12 тыс. душъ обоего пола и состоявшаго изъ двѣнадцати ауловъ, Мехтула можетъ быть раздѣлена на двѣ части. Нижняя половина ханства, прилегающая къ шамхальству, отдѣленная отъ верхней Кизиль-ярскимъ хребтомъ и гдѣ находится Большой Дженгутай, бывшее пребываніе хановъ, была

населена кумыками. Слѣдовательно, населеніе этой части ханства ни въ чемъ не отличалось отъ шамхальцевъ, какъ своихъ соплеменниковъ. Верхняя половина Мехтулы, находящаяся за Кизиль-ярскимъ хребтомъ, была населена лезгинами, по этой причинѣ будетъ не лишнимъ коснуться главныхъ характеристическихъ чертъ этого дикаго и воинственнаго народа, что тѣмъ болѣе я нахожу необходимымъ въ виду предстоящей экспедиціи въ Аварію.

Лезгины мало искусны въ хищничествѣ. Имъ не извѣстна та отважность, рѣшительность и предпріимчивость въ набѣгахъ, которыми отличались вообще чеченцы. Иначе и не могло быть, потому что между лезгинами не являлось удалыхъ предводителей. Одинъ только Хаджи-Мурадъ способенъ былъ совершать лихіе наѣзды. Да и не могли образоваться лихіе наѣздники въ такой гористой странѣ, какъ Дагестанъ; а по скудости природы и неимѣнію пастбищъ не было возможности вскармливать и содержать лошадей.

Но зато лезгинъ болѣе самостоятеленъ, твердъ и непоколебимъ въ защитѣ своихъ ауловъ. Здѣсь онъ являлся вполнѣ героемъ. Гергебиль, Чохъ, Салты и другіе служатъ тому разительнымъ примѣромъ. Такой безотчетной храбрости и самоотверженія чеченцы уже не оказывали даже при оборонѣ Дарго и Веденя; да и не могло быть иначе, судя по природѣ и сооруженію самихъ лезгинскихъ ауловъ.

Много труда и усилій стоитъ лезгину построить саклю, обработать ниву, взростить нѣсколько виноградныхъ лозъ или фруктовыхъ деревьевъ, по причинѣ большаго недостатка въ плодоносной землѣ и лѣсныхъ матеріалахъ. Вѣдь все скалы, а потому камня хотя много, но лѣсу нѣтъ даже для балокъ и потолка.

Для лезгина лишиться сакли, даже въ томъ случаѣ, если его имущество въ безопасности—большое наказаніе. Чеченецъ же въ такомъ случаѣ безъ сожалѣнія разстается съ своимъ жильемъ и нивами, потому что, имѣя избытокъ въ лѣсѣ, можетъ быстро построить себѣ новую саклю и найдетъ въ другомъ мѣстѣ удобную землю для посѣва пшена или кукурузы.

Лезгинъ рѣзко отличается отъ шамхальца, даргинца, акушинца, кубанца и вообще жителя плоскости. Эти послѣдніе изнѣжены, раболѣпны и слабы тѣломъ и душою; лезгинъ же, напротивъ, крѣпокъ физически, силенъ духомъ и высоко цѣнитъ свободу и независимость, умѣя стойко защищать себя.

Лезгинъ хотя грубѣе, дичѣе шамхальца или кумыка, но онъ не уступитъ имъ въ здравомысліи, дальновидности, наблюдательности и хитрости; не лишенъ способности узнавать людей по первому взгляду или слову.

По мужественной непоколебимой храбрости и вообще по быстротѣ соображенія, лезгинъ нельзя сравнить съ шамхальцами и кумыками;

поэтому большая разница существовала въ милиціи нижней и верхней Мехтулы. Первые, подобно шамхальцамъ, оказывали болѣе малодушія, нежели стойкости, при защитѣ своихъ ауловъ или въ дѣлахъ съ непріятелемъ, тогда какъ послѣдніе были непоколебимы даже въ такихъ случаяхъ, когда имъ приходилось драться съ своими соплеменниками, а можетъ быть и съ родными. Съ такою же стойкостію и непоколебимостію дралась лезгинская милиція, находившаяся въ составѣ нашихъ отрядовъ. Она съ честью исполняла свой долгъ, и мы съ бóльшею увѣренностію могли полагаться на лезгинъ, нежели на шамхальцевъ, кумыковъ и даже чеченцевъ.

Очертивъ, такимъ образомъ, лезгинъ, съ которыми мы вели болѣе полустолѣтія борьбу, въ особенности упорную и кровавую въ послѣднія тридцать лѣтъ, когда Кази-Мулла фанатизмомъ, а Шамиль умомъ своимъ возбуждали ихъ къ единодушному сопротивленію противъ насъ, я коснусь предѣловъ Аваріи.

Движеніе въ Аварію было предпринято генераломъ Гурко съ частію Чеченскаго отряда, вслѣдствіе особыхъ соображеній, или новаго плана для овладѣнія ею. Одновременно съ тѣмъ, какъ генералъ Лидерсъ съ особымъ отрядомъ долженъ былъ проникнуть въ Аварію со стороны Карадахскаго моста, мы, перейдя Койсубулинскій хребетъ и переправившись черезъ Койсу у Зырановъ, должны были туда дебушировать по Балаканскому ущелью.

Однако и это предположеніе такъ же не удалось, такъ и всѣ другія въ кратковременное начальствованіе надъ Кавказомъ генерала Нейдгарда. Вѣроятно, такъ предопредѣлено было въ книгѣ судебъ.

Сколько мнѣ помнится, отрядъ нашъ выступилъ изъ Темиръ-Ханъ-Шуры, въ составѣ шести баталіоновъ, двѣнадцати орудій и значительной шамхальской милиціи. Положительно припоминаю, что въ числѣ пѣхоты были два баталіона куринцевъ съ ротою саперъ и что отрядъ былъ обремененъ огромнымъ обозомъ, на которомъ везлось сухарей на двадцать дней по числу 5/т. человѣкъ, а также складные мосты и блокгаузы, которыми страстно увлекались инженеры, въ особенности глава этого вѣдомства на Кавказѣ, генералъ Постельсъ, любимецъ корпуснаго командира.

Путь изъ Темиръ-Ханъ-Шуры на Койсубулинскій хребетъ, именуемый здѣсь «Тавлинскимъ», пролегалъ между обширными полями, засѣянными пожелтѣвшей пшеницей, зеленѣющимъ просомъ, кукурузой и такими же бахчами, принадлежащими жителямъ богатыхъ ауловъ Большихъ и Малыхъ Казанищъ.

На одиннадцатой верстѣ отъ Темиръ-Ханъ-Шуры начался подъемъ на Койсубулинскій хребетъ по дорогѣ, изгибающейся по обѣимъ сторонамъ быстрой рѣчки, текущей между вѣковыми деревьями и побли-

зости отъ которой находилось урочище Чумкескентъ. Это было то самое урочище, гдѣ въ тѣхъ же вѣковыхъ лѣсахъ имѣлъ свое пребываніе Кази-Мулла въ продолженіе 1831 года, куда стекались въ его лагерь жители всего Дагестана, откуда онъ производилъ экспедиціи на Внезапную, Дербентъ, Бурную и Кизляръ, и которое онъ оставилъ послѣ пораженія, нанесеннаго ему полковникомъ Миклашевскимъ, запечатлѣвшимъ эту побѣду своею смертію.

Миновавъ сплошную полосу вѣковаго лѣса и продолжая еще слѣдованіе нѣсколько верстъ, между рощами по зицакамъ, хорошо въ свое время разработаннымъ, отрядъ стянулся къ закату солнца на ночлегъ у небольшаго озера.

Живописенъ былъ видъ и пріятенъ былъ переходъ отъ томительнаго іюльскаго жара къ горной прохладѣ. Оазисы сочной травы, чинаровыя, дубовыя и осиновыя рощи окружали нашъ лагерь. Впереди между такими же оазисами и рощами, переходя съ одной террасы на другую, вилась на неопредѣленную высоту дорога. У ногъ нашихъ сначала чернѣлъ пройденный нами лѣсъ, потомъ желтѣли поля шамхальцевъ, далѣе пестрѣли Казанищи, Темиръ-Ханъ-Шура, Кафыръ-Кумыкъ и Муселимъ-аулъ, а еще далѣе—Тарки и Низовое, и наконецъ широкой полосой синѣли воды Каспія.

На другой день съ разсвѣтомъ отрядъ двинулся далѣе въ гору. Чѣмъ выше поднимались, тѣмъ дорога становилась хуже, по причинѣ частыхъ рытвинъ и мѣстъ, размытыхъ родниками. Много было работы шедшимъ впереди саперамъ. Часто приходилось останавливаться въ ожиданіи исправленія дороги.

Наконецъ послѣ пяти-часоваго труднаго, въ особенности для упряжныхъ лошадей, подъема, отрядъ стянулся на перевалѣ Гиркасъ. Подъ ногами отвѣсная пропасть; вправо и влѣво отвѣсныя скалы; вдали впереди тѣ же скалы, но еще громаднѣе, чернѣе и безжизненнѣе. Нигдѣ не видно ни жилья, ни деревца, только подъ ногами, на днѣ пропасти, зеленѣется кустарникъ и чахлыя деревца.

— Куда мы пойдемъ, здѣсь не видно дороги,—спросилъ я у знакомаго мнѣ милиціонера, немного понимающаго по-русски.

— Пошелъ вотъ здѣсь, урусъ давно ходилъ здѣсь; генералъ Феза сдѣлалъ эта дорога,—проговорилъ мой знакомецъ, подводя меня къ баррикадѣ, сложенной изъ камней.

За грудами камней виднѣлся узкій, крутой спускъ, высѣченный въ скалѣ. Онъ велъ къ Бурундукъ-Кальской башнѣ.

Пользуясь тѣмъ временемъ, пока разбирался саперами и другими назначенными отъ войскъ рабочими непріятельскій завалъ, я узналъ отъ моего знакомца, что эта дорога та самая, которую устроилъ генералъ Фези въ 1837 году, по занятіи Аваріи со стороны Гоцатля. Этотъ же

милиціонеръ мнѣ указалъ, что впереди башни въ глубокой пропасти течетъ Аварское Койсу, на которомъ находятся оставленные жителями аулы Ирганай и Зиряны, что за обнаженными скалами лѣваго берега Койсу находятся: южнѣе — Аварія, а западнѣе Койсубулинскія деревни Унцукуль и Гимры.

По спускѣ съ Койсубулинскаго хребта, отрядъ расположился на ночлегъ возлѣ Бурундукъ-Кальской башни, построенной для охраненія такъ называемыхъ «Волчьихъ воротъ» или пробитаго узкаго прохода въ скалѣ и крутаго спуска къ Аварскому Койсу.

Несмотря на то, что эта башня была вооружена однимъ только орудіемъ, что гарнизонъ состоялъ не болѣе, какъ изъ 25—30 человѣкъ, она охраняла этотъ важный пунктъ до 1843 года. Правда, такое назначеніе эта башня выполняла только потому, что какъ противъ нея, такъ и противъ другихъ, подобныхъ ей укрѣпленныхъ и занятыхъ нами пунктовъ непріятель ничего не предпринималъ. Но когда случилась печальная катастрофа 1843 года, то вмѣстѣ съ прочими одиннадцатью пунктами, занятыми нашими войсками въ Аваріи и Койсубу,—палъ и Бурундукъ-Кале.

Въ ожиданіи извѣстій о дѣйствіяхъ генерала Лидерса, мы простояли у Бурундукъ-Кале трое сутокъ. Душна и скучна была эта стоянка. Не на чемъ остановить и потѣшить взора. Все голыя скалы да страшныя пропасти,—напримѣръ та, которая въ полуверстѣ отъ башни надъ Аварскимъ Койсу, обращенная къ Гимрамъ. Сердце такъ и ёкнетъ, когда взглянешь по отвѣсу въ нѣсколько сотъ саженей на пѣнящуюся рѣку.

Каково же было гарнизону жить въ такой башнѣ, въ особенности зимою, когда отъ мятелей и снѣжныхъ сугробовъ прекращается сообщеніе и когда по недѣлямъ не видишь посторонняго человѣка и не знаешь, что́ дѣлается на бѣломъ свѣтѣ. Вѣдь это барсучья жизнь съ тою только разницею, что тотъ въ извѣстное время года усыпляется природой, а запертый въ башнѣ человѣкъ по-неволѣ проводитъ большую часть времени въ снѣ, сидя или лежа. Самая башня такъ мала и тѣсна, что въ ней не разгуляешься; выглянуть же за двери нельзя; тамъ страшная метель и вьюга. Да и въ хорошую погоду опасно выходить изъ башни: или голодные звѣри растерзаютъ, или лезгины, какъ плѣнника, уведутъ въ горы.

А такихъ мѣстъ, какъ Бурундукъ-Кале, на Кавказѣ было много, въ Дагестанѣ же до излишества много. Были башни: Моксокская, Черкеевская (притомъ не одна, а три), Зубудская, Міатлинская, Чонтъ-аульская и Султанъ-янги-юртовская. Были такія мѣста, какъ Цатаныхъ, Гоцатль, Ахальчи, Хорачи, которыя, считаясь укрѣпленіями, не были вовсе искусственно укрѣплены. Считались же укрѣпленіями потому, что

въ такихъ пунктахъ находилось по взводу или ротѣ при одномъ или двухъ орудіяхъ.

При такой безпечной и крайне раздробительной системѣ расположенія войскъ, неудивительно, что при общемъ возстаніи жителей Дагестана, возбужденномъ въ 1843 году умомъ Шамиля, наша власть мгновенно рухнула.

Не будемъ удивляться, что при такой отпѣтой жизни явился юный негодяй, прапорщикъ З—въ, сдавшій Хаджи-Мураду безъ малѣйшаго сопротивленія аулъ Ахальчи. Скорѣй будемъ благоговѣть передъ такими слугами царскими, какъ капитаны: Апшеронскаго полка Деме нтьевъ—защитникъ Цатаныха, и Тифлисскаго полка Кузьменко—защитникъ Гоцатля, явившіе себя истинными героями. Скорѣй будемъ удивляться тому, что при такой отпѣтой жизни не всѣ еще пропивали и залеживали свою энергію и способности.

8-го іюля, оставивъ у Бурундукъ-Кале подъ надежнымъ прикрытіемъ весь обозъ, отрядъ выступилъ совершенно на-легкѣ къ Ирганаю и, пройдя съ незначительной перестрѣлкой черезъ узкое ущелье, находящееся впереди этого аула, расположился бивуакомъ между виноградниками, персиковыми, абрикосовыми и орѣховыми деревьями.

Верстахъ въ двухъ впереди находился аулъ Зиряни, тотъ самый, въ которомъ въ декабрѣ 1843-го года былъ запертъ полковникъ Пассекъ съ своимъ отрядомъ, послѣ отступленія изъ Аваріи, и гдѣ, не имѣя продовольствія, войска наши питались лошадинымъ мясомъ. Зиряни расположены надъ самымъ Аварскимъ Койсу въ углу той площади, на которой стоитъ въ центрѣ Ирганай. Койсубулинскій хребетъ, отстоящій, противъ Ирганая, отъ Койсу болѣе, чѣмъ на версту, у Зиряни составляетъ съ отрогами Бетлинскаго хребта узкое ущелье, изъ котораго вырывается эта рѣка, хотя не глубокая, но чрезвычайно быстрая.

За Аварскимъ Койсу виднѣлась расщелина; это — Балаканское ущелье, по которому мы должны были пролѣзть въ Аварію. Но это не исполнилось. Нашимъ отрядомъ получено было предписаніе отъ генерала Нейдгарда возвратиться въ Темиръ-Ханъ-Шуру. Это было слѣдствіемъ медленныхъ дѣйствій генерала Лидерса, со стороны Гергебиля, отчего Шамиль успѣлъ предупредить насъ у Карадахскаго моста, сильно занявъ своимъ ополченіемъ эту единственную переправу. Притомъ въ нашихъ войскахъ оказался недостатокъ въ продовольствіи.

Зная Александра Николаевича, нельзя предположить, чтобы это произошло отъ нерѣшительности; нельзя допустить, чтобы и онъ смутился передъ суровой, грандіозной дагестанской природой. Правда, онъ вовсе не былъ знакомъ съ мѣстностію, на которой дѣйствовалъ; но у него въ отрядѣ были такіе генералы, какъ князь Аргутинскій-

Долгоруковъ, Клюки-фонъ-Клугенау и Пассекъ. Молва же приписывала всю эту неудачу интригамъ. Просто старымъ кавказскимъ воинамъ не хотѣлось дѣлить своей славы съ пришельцами.

Отступленіе наше отъ Зиряни до Бурундукъ-Кале, на разстояніи 8—9 верстъ, сопровождалось ожесточеннымъ преслѣдованіемъ со стороны непріятеля, простиравшагося до нѣсколькихъ сотенъ.

Куринцы, бывшіе въ арріергардѣ, не разъ принуждены были удерживать натиски лезгинъ не только картечью, но и штыками. Во время же слѣдованія черезъ Ирганайское ущелье, куринцамъ досталось какъ отъ мѣткихъ выстрѣловъ лезгинъ, такъ и камней, которые они скатывали съ отвѣсовъ ущелья, такъ что, когда отрядъ стянулся на ночлегъ у Бурундукъ-Кале, то оказалось болѣе ста раненыхъ и убитыхъ.

Черезъ двое сутокъ мы были въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, а черезъ мѣсяцъ, именно 14-го августа, разъединенный Чеченскій отрядъ снова сосредоточился въ крѣпости Грозной. На него возлагалось построеніе на Аргунѣ крѣпости Воздвиженской.

VIII.

Чечня во второй половинѣ 1844 года.—Построеніе крѣпости Воздвиженской

Человѣкъ живетъ воспоминаніями и притомъ живетъ ими такимъ образомъ, что одни лица, мѣстности и дѣйствія пріятно и рѣзко запечатлѣваются въ его воображеніи, тогда какъ другія безслѣдно проходятъ, несмотря на то, что совершались при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ.

Такія же противуположныя впечатлѣнія толпились въ моемъ воображеніи, когда мнѣ приходилось вспоминать о Чечнѣ и Дагестанѣ. Чечня производила на меня, какъ въ дѣйствительности, такъ и по воспоминаніямъ, самое пріятное чувство, тогда какъ Дагестанъ съ перваго моего знакомства съ нимъ произвелъ на меня мрачное впечатлѣніе, сохранившееся и по настоящее время. Между прочимъ замѣчу, что я подвергался бо́льшимъ лишеніямъ, невзгодамъ и опасностямъ въ Чечнѣ, нежели въ Дагестанѣ.

Да и не могло быть иначе. Богатая пажитями, пастбищами, лѣсами, водою—могла ли Чечня производить иное впечатлѣніе, какъ не самое пріятное, тогда какъ Дагестанъ могъ только поражать, удивлять своей грандіозной природой. Побывавъ въ его безжизненныхъ, обнаженныхъ горахъ, подышавъ спертымъ, жгучимъ воздухомъ его

ущелій, вамъ дѣлается до изнеможенія тяжело и, хорошо еще, если вашъ организмъ поборетъ это бремя; хорошо также, если вы не схватите лихорадки, въ то время, когда васъ пронижетъ струя холоднаго воздуха съ горъ. Въ Чечнѣ же и этого не можетъ случиться, потому что климатъ тамъ довольно ровенъ и пріятенъ.

Послушаемъ, какъ отзывались о Дагестанѣ солдаты, служившіе въ Чечнѣ. Во время бивуакированія нашего подъ Ирганаемъ я пошелъ посмотрѣть на расположеніе передовыхъ постовъ и, проходя невидимкою между камнями позади трехъ куринцевъ, общипывавшихъ руками рѣдкіе стебельки травы, подслушалъ вотъ какой ихъ разговоръ:

— Ну, ужь чортова сторонка, ни лѣсу, ни травы; все голь да камень.

— А теплынь-то какая, хуже самой жаркой бани. Тамъ выпаришься да отъ грязи отмоешься, а тутъ съ пóтомъ грязи наберешься.

— Да и рѣки-то здѣсь больно холодны и быстры. Попробуй купаться, или снесетъ, или трясучку схватишь.

— Сказано, что проклятая земля, а потому и не можетъ быть въ ней ничего путнаго.

— Стòитъ ли за такую поганую землю драться. Отдали бы ее Шамилю, да и покончили съ нею.

— Вотъ за Чечню такъ стòитъ подраться.

— Еще бы не подраться за Чечню, гдѣ и лѣсъ славный, и травы много, и воды вдоволь.

На этомъ остановился ихъ разумный и правдивый разговоръ, потому что они, нарвавъ по нѣскольку пучковъ травы, возвратились къ себѣ на бивуакъ; я же, продолжая свой путь къ передовымъ постамъ, невольно повторялъ слова куринцевъ.

«На чтó намъ драться за эту поганую землю. Оставить бы ее Шамилю до тѣхъ поръ, пока время и обстоятельства не угомонятъ безпокойныхъ лезгинъ; тогда и безъ боя мы сдѣлаемся властелинами Дагестана. И безъ того много пролито крови изъ-за него».

Такъ думалъ я, не зная того, что сама судьба устроила такимъ образомъ, что мы въ этотъ разъ не могли овладѣть Аваріей. Впослѣдствіи же по благоразумію, или руководимые другими причинами, мы и не стремились къ этому, а старались только отбросить нашего непріятеля въ горы, разореніемъ его крѣпкихъ передовыхъ ауловъ: Салтовъ, Чоха, Гергебиля. Такимъ образомъ Аварія уже не была занимаема до окончательнаго покоренія Восточнаго Кавказа въ 1859 году.

«Вотъ Чечня дѣло другое, за нее стòитъ подраться,—думалъ я, припоминая разговоръ тѣхъ же куринцевъ подъ Ирганаемъ въ то время, когда, стоя на валу крѣпости Грозной, смотрѣлъ на колонну, возвращавшуюся съ фуражировки».

Посмотрите на эти огромные возы прекраснаго душистаго сѣна,

взятаго нами у чеченцевъ на Тепли-Кичинской полянѣ. Вѣдь въ Дагестанѣ, чтобы полакомить лошадокъ, трава собирается по стебелькамъ; въ Чечнѣ же, пользуясь чужимъ трудомъ, мы забираемъ готовое сѣно. А вотъ идетъ колонна изъ Ханкальскаго ущелья. Посмотрите на этотъ лѣсъ, который везется оттуда на вареніе пищи, печеніе хлѣба и топку бань. Въ Дагестанѣ дрова возятся издалека небольшими вьюками на ишакахъ, или носятся вязанками на людскихъ плечахъ.

Да, Чечня не чета Дагестану, за нее стóитъ подраться,—и 20-го августа Чеченскій отрядъ выступилъ подъ начальствомъ Владиміра Осиповича Гурко изъ Грозной драться съ чеченцами и отнимать у нихъ завѣтные лѣса и богатыя поля.

Составъ Чеченскаго отряда по численности своей пѣхоты и артиллеріи не измѣнился; произошли же съ нимъ перемѣны только въ частностяхъ. Такъ мѣсто люблинцевъ и замосцевъ заступили прагцы и модлинцы; прибавилось полтора баталіона куринцевъ, но зато уменьшилось на баталіонъ кабардинцевъ. Горныя орудія замѣнились батарейными и легкими. Кавалеріи же увеличилось сотенъ на пять, потому что въ продовольствіи лошадей не могло встрѣтиться ни малѣйшаго затрудненія. Травы много, да и какой травы, сочной, душистой.

Въ первый разъ изъ Грозной выступило такое огромное число войскъ. Въ первый разъ начальника отряда сопровождала такая громадная свита. Кромѣ адъютантовъ, ординарцевъ, безсмѣннаго конвоя, Владиміра Осиповича окружало шесть генераловъ и три флигель-адъютанта. Хотя почти всѣ они болѣе или менѣе намъ знакомы, но не будетъ излишнимъ, если я коснусь еще разъ нѣкоторыхъ объ нихъ подробностей, а равно взгляну и на другихъ начальниковъ частей.

Вотъ этотъ средняго роста, крѣпкаго сложенія съ толстою шеей, съ простоватымъ, ничего не выражающимъ, лицомъ, ѣдущій на маленькой довольно плохой лошадкѣ, въ засаленномъ сюртукѣ, ситцевой рубашкѣ и курящій отвратительную сигару, которая васъ одуряетъ,—это герой Кавказа, генералъ Лабынцовъ. Онъ очень скупъ, а потому у него и лошадь плохая, и засаленный сюртукъ, и ситцевая грязная рубашка, и куритъ онъ одуряющую сигару. Генералъ Лабынцовъ грубый брюзга, всегда угрюмый, недовольный, насупившійся, вѣчно ругающійся. Но если онъ нелюбимъ посторонними и подчиненными, то уважаемъ ими за мужественную храбрость и неустрашимость. Солдаты его боятся и недолюбливаютъ, но охотно идутъ съ нимъ въ бой, потому что знаютъ, что съ нимъ не попадутъ въ бѣду; а если и случится бѣда, то знаютъ, что Иванъ Михайловичъ постоитъ и за себя и за нихъ. И дѣйствительно много опасностей пережилъ генералъ Лабынцовъ во время продолжительной своей службы на Кавказѣ, но, кромѣ контузіи камнемъ

при штурмѣ Сурхаевой башни подъ Ахульго, не былъ ни разу раненъ. Не даромъ солдаты считали его заговореннымъ отъ пуль и ядеръ.

Вотъ другой генералъ, пользующійся тоже боевой репутаціей, тоже крѣпкій тѣлосложеніемъ, но противуположныхъ качествъ характера съ Лабынцовымъ,—это Михаилъ Петровичъ Полтининъ. Онъ всегда одѣтъ щеголемъ; носитъ бѣлье чистое и тонкое, ѣздитъ если не на бойкой, то красивой лошади съ наборной уздечкой. Полтининъ очень подвиженъ, много говоритъ, если не вслухъ, то бормочетъ про себя; безпрестанно повторяется и заговаривается до-смѣшнаго и даже неприличнаго, въ особенности, если лишній разъ закуситъ. А это онъ любилъ дѣлать ради хлѣбосольства и потребности своего желудка, или, какъ онъ выражался, «pour l'estomac».

Взгляните на высокаго, худощаваго генерала,—это начальникъ Кавказскаго жандармскаго округа Викторовъ; въ отрядѣ же онъ начальникъ кавалеріи. Это тотъ самый Викторовъ, который, спустя годъ, палъ смертію храбрыхъ въ Даргинской экспедиціи. Хотя онъ здѣсь недавно, но его добрая благородная физіономія располагаетъ въ его пользу.

А вотъ рядомъ съ Викторовымъ ѣдетъ такой же рослый мужчина, но только полнѣе, румянѣе, а пожалуй и красивѣе его,—это Петръ Петровичъ Нестеровъ, знакомый намъ по Майской экспедиціи. Онъ вызванъ изъ Владикавказа по служебнымъ дѣламъ и отправляется съ Чеченскимъ отрядомъ по приглашенію генерала Гурко, но положительно можно сказать, что противъ своего желанія, потому что предпочитаетъ покойный домашній очагъ суетливой бивуачной жизни.

Всмотритесь пристальнѣе въ коренастаго небольшаго, съ умнымъ и выразительнымъ лицомъ генерала, съ которымъ начальникъ отряда ведетъ рѣчь — это мѣстный начальникъ Робертъ Карловичъ Фрейтагъ. Онъ если и находится въ отрядѣ, то безъ всякаго сомнѣнія не по собственному желанію, потому что Робертъ Карловичъ по своимъ способностямъ заслуживалъ и самъ быть начальникомъ отряда, тѣмъ болѣе тамъ, гдѣ онъ самъ хозяинъ. Нуженъ былъ твердый и хладнокровный характеръ Фрейтага, чтобы не прорваться и не высказаться, тѣмъ болѣе, что онъ не принадлежалъ къ ловкимъ дипломатамъ или искуснымъ куртизанамъ, которымъ если и наступятъ на хвостъ, то умѣютъ вывернуться. Однако нельзя было не замѣтить, что Робертъ Карловичъ былъ мрачнѣе и скучнѣе обыкновеннаго съ того времени, какъ началъ собираться въ Грозной Чеченскій отрядъ, а его бачѣ пришлось перенести нѣсколько лишнихъ ударовъ плетью, со времени выступленія отряда изъ Грозной.

Умалчивая о покорномъ и трудящемся Иванѣ Ивановичѣ Норденстамѣ, котораго я уже достаточно очертилъ, упомяну о начальникѣ ар-

тиллеріи отряда, полковникѣ Ковалевскомъ, замѣчательномъ по своимъ способностямъ, оригинальности и наружности. Вотъ этотъ полный человѣкъ съ узкими глазами, выдавшимися скулами, поднятыми кверху ноздрями, длинными опущенными книзу усами — онъ и есть. Петръ Петровичъ былъ младшій братъ Евграфа и Егора Ковалевскихъ, изъ коихъ первый былъ министромъ народнаго просвѣщенія, а послѣдній генераломъ горныхъ инженеровъ, путешествовалъ по Востоку и былъ извѣстенъ какъ литераторъ.

Для полноты разсказа не могу пройти молчаніемъ еще о полковникѣ баронѣ Меллерѣ-Закамельскомъ. Онъ, за отсутствіемъ полковника Витторта, уѣхавшаго въ Пятигорскъ лѣчиться отъ раны, начальствовалъ надъ куринцами, а вскорѣ затѣмъ сдѣлался и настоящимъ ихъ командиромъ. Это былъ худенькій, рыженькій, осыпанный веснушками, съ глазами альбиноса, крикливый гвардеецъ; мастеръ играть въ карты, обдѣлать дѣло въ свою пользу, а подчасъ оговорить и ѣдко подтрунить надъ ближнимъ.

О полковыхъ командирахъ Кабардинскаго и Навагинскаго полковъ не упоминаю, потому что ихъ не было въ отрядѣ. Полковникъ Козловскій остался во Внезапной для управленія Кумыкской плоскостію и для устройства новой штабъ-квартиры въ Хасавъ-юртѣ. Неизвѣстный полковникъ Каревъ не явился въ отрядъ по болѣзни; да и былъ бы совершенно безполезенъ; притомъ навагинцы имѣли защитника въ бывшемъ своемъ полковомъ командирѣ, генералѣ Полтининѣ.

Между тѣмъ Чеченскій отрядъ, пройдя Ханкальское ущелье, двигался по знакомой намъ полянѣ, но только въ противуположную отъ Гойтинскаго лѣса сторону, а именно къ Аргуну.

За исключеніемъ одиночныхъ всадниковъ, неожиданно появлявшихся и быстро исчезавшихъ, непріятеля не было видно. Причиною этому было не неожиданное наше появленіе, а сильное разлитіе рѣкъ не столько отъ таянія снѣга на главномъ хребтѣ, сколько отъ продолжительныхъ и сильныхъ дождей.

Въ Аргунѣ была вода столь высока и онъ такъ сильно бушевалъ, что переправы не существовало даже для самыхъ смѣлыхъ и лихихъ наѣздниковъ. Всѣ спуски и переѣзды были дотого подмыты или оборваны быстротою теченія, что нужно было бросаться съ обрыва въ воду. Но еще страшнѣе и опаснѣе были огромныя карчи и цѣлыя вѣковыя деревья, несомыя быстрою рѣкою, противустоять которымъ не было искусства и силы человѣческой.

Отрядъ остановился на ночлегъ надъ мутно-пѣнящимся Аргуномъ на мѣстѣ бывшаго аула Большая Атага, разореннаго вслѣдъ за возстаніемъ Чечни и находящагося верстахъ въ двадцати отъ Грозной на главномъ продольномъ сообщеніи всей Чечни.

Пока стягивался обозъ, разбивались палатки и наставляли котлы для варенія пищи, была предпринята усиленная рекогносцировка со всей кавалеріей, четырьмя баталіонами и десятью орудіями вверхъ по Аргуну къ ущелью, извѣстному своею недоступностію, по страшнымъ обрывамъ, поросшимъ вѣковымъ лѣсомъ.

Въ пяти верстахъ отъ Атаги и въ трехъ верстахъ отъ ущелья, находился другой разоренный аулъ Чахкеры. Обрѣтенный возлѣ этого аула въ густомъ орѣшникѣ крестъ, высѣченный изъ бѣлаго песчаника, былъ поводомъ къ избранію этого мѣста для крѣпости и названія ея Воздвиженской.

На другой день отрядъ передвинулся на мѣсто, избранное для новой крѣпости, а на третій, съ заложеніемъ фундамента, началось ея существованіе.

Несмотря на то, что жители Большой и Малой Чечни были временно разъединены бушевавшимъ Аргуномъ, но и послѣ заложенія крѣпости Воздвиженской они не переставали насъ безпокоить.

Конные и пѣшіе малочеченцы, дѣйствуя на лѣвомъ берегу Аргуна, сначала тревожили наши войска, охранявшія рабочихъ, воздвигавшихъ валъ вокругъ крѣпости. Но послѣ потери, понесенной ими во время нападенія въ числѣ 2 тыс. человѣкъ конныхъ, внезапно бросившихся съ шашками наголо изъ Гойтинскаго лѣса на наши передовые посты и караулы, они обратили весь свой гнѣвъ на колонны, посылаемыя изъ лагеря. Зорко слѣдя за нашими дѣйствіями, малочеченцы не упускали ни одного случая вредить намъ; въ особенности же тревожили наши колонны, ходившія въ лѣсъ не только за дровами, но за строевымъ лѣсомъ, потребнымъ въ большомъ количествѣ для равныхъ построекъ; такія колонны возвращались иногда съ ранеными и даже убитыми.

Одновременно съ тѣмъ, какъ малочеченцы не давали намъ покоя внѣ лагеря, Шамиль съ большечеченцами тревожилъ нашъ станъ выстрѣлами изъ трехъ орудій, поставленныхъ на правомъ берегу Аргуна.

Каждый день около полудня начиналась канонада, которая иногда продолжалась часа два, три. Цѣль была огромная, потому что по двумъ уступамъ Аргуна нашъ лагерь занималъ около квадратной версты. Слѣдовательно, рѣдкій выстрѣлъ былъ для насъ безвреденъ: если не первымъ паденіемъ, то рикошетомъ задѣнетъ человѣка или лошадь, раздробитъ повозку, сорветъ палатку, разнесетъ шалашъ или кухонный навѣсъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ щи или кашица пропадутъ; вари снова или оставайся на сухарномъ продовольствіи.

Но такъ какъ канонада изъ непріятельскихъ орудій, кромѣ опустошеній, причиняла много безпокойства и раздраженія слабонервнымъ, которыхъ, какъ и вездѣ, было не мало и въ нашемъ отрядѣ, то съ первымъ выстрѣломъ начиналась въ лагерѣ лихорадочная дѣятельность. Одинъ изъ

нихъ, выбѣжавъ изъ палатки блѣдный, какъ полотно, произноситъ дрожащимъ голосомъ:

— Вишь проклятое ядро прожужжало надъ моей головой, такъ и ищетъ моей смерти!

Въ дѣйствительности же ядро пролетѣло далеко въ сторонѣ.

Вотъ другой слабонервный бросается въ сторону отъ просвистѣвшей гранаты и споткнувшись падаетъ, тогда какъ разрывъ гранаты послѣдовалъ отъ него въ такомъ отдаленіи, что и отъ осколковъ нельзя было ожидать ни малѣйшаго вреда.

А вотъ еще слабонервный субъектъ натыкается на моего товарища Грамотина, въ то время, когда непріятельское ядро въ нѣсколькихъ шагахъ дѣлаетъ рикошетъ. Столкновеніе же происходитъ оттого, что слабонервный не только бѣгомъ, но зажмурясь, совершаетъ свой путь. А это и на руку моему товарищу-юмористу, больно не долюбливавшему петербургскихъ франтовъ, пріѣзжавшихъ на Кавказъ за чинами и крестами и которыхъ онъ называлъ «фазанами».

— Куда это вы такъ торопитесь, графъ; переведите духъ и прозрите, проговариваетъ Грамотинъ, улыбаясь и принимая въ объятія своего противника.

— Mille pardons, тороплюсь на завтракъ къ барону Меллеру-Закамельскому,—отвѣчаетъ въ замѣшательствѣ графъ, освобождаясь изъ случайныхъ объятій моего юмориста.

— Помилуйте, Меллера нѣтъ дома; черезъ меня его потребовалъ генералъ Гурко для нѣкоторыхъ объясненій, возражаетъ Грамотинъ.

Но графъ не слушаетъ и бѣжитъ къ Меллеру, потому что его палатка, по расположенію Куринскаго полка, которымъ онъ командуетъ, находится на самомъ отдаленномъ мѣстѣ отъ Аргуна, а слѣдовательно и отъ непріятельскихъ выстрѣловъ.

Нельзя сказать, чтобы и крѣпконервные относились вполнѣ равнодушно къ непріятельскимъ выстрѣламъ: и они прекращали свои занятія, и, оставляя палатки, выходили на открытый воздухъ. Но только крѣпконервные дѣлали это съ медленною важностію, не суетясь, съ достоинствомъ и притомъ не удаляясь на задніе фасы лагеря, какъ поступали слабонервные. Напротивъ, они выходили на передній уступъ, гдѣ находилась наша главная батарея, служившая цѣлью для непріятельскихъ выстрѣловъ, какъ расположенная въ центрѣ лагеря.

Здѣсь каждый изъ крѣпконервныхъ встрѣчалъ генерала Гурко или смотрѣвшимъ въ зрительную трубу, или безсознательно глядѣвшимъ на лѣсъ, изъ котораго производились непріятельскіе выстрѣлы. Можетъ быть, и невозмутимо-хладнокровному Владиміру Осиповичу было пріятнѣе быть внѣ палатки въ то время, когда Шамиль начиналъ пальбу изъ своихъ орудій?

Несмотря на то, что наша артиллерія не жалѣла своихъ зарядовъ, отвѣчая десятью выстрѣлами на одинъ непріятельскій, но его орудія не переставали дѣйствовать.

Сначала артиллеристы пріуныли; начальникъ артиллеріи то бѣсновался, то приходилъ въ отчаяніе; посторонніе же выражали полное свое неудовольствіе на такое неудачное дѣйствіе нашей артиллеріи. Но это неудовольствіе миновало, и даже не приказано было стрѣлять нашей артиллеріи, когда черезъ лазутчиковъ было узнано, что, кромѣ огромныхъ деревьевъ, непріятельскія орудія прикрываются толстыми эполементами съ навѣсами, изъ-за которыхъ и производится пальба черезъ амбразуры, что кромѣ шести человѣкъ, откатывающихъ въ сторону и тамъ заряжающихъ орудія, нѣтъ ни прикрытія, ни лошадей.

Однако воспрепятствовать такъ дѣйствовать Шамилю нельзя было до тѣхъ поръ, пока не угомонится Аргунъ и пока не будетъ возможно занять правый берегъ этой рѣки. Наконецъ Чеченскій отрядъ дождался этого съ нетерпѣніемъ ожидаемаго времени.

Въ концѣ августа была постоянно хорошая погода. По этой причинѣ Аргунъ постепенно стихалъ, и вода въ немъ спадала, а потому въ недальнемъ разстояніи выше строющейся крѣпости началъ образовываться бродъ, находящіеся же на обоихъ берегахъ съѣзды доказывали, что здѣсь и прежде существовала переправа на арбахъ, почему этотъ пунктъ и былъ избранъ для перехода главной колонны.

Для отвлеченія вниманіи непріятеля отъ главной переправы, были избраны двѣ второстепенныя: одна у входа въ Аргунское ущелье, а другая у бывшаго аула Атага. Сверхъ того были заготовлены матеріалы для двухъ мостовъ, которые и должны были быть немедленно устроены по занятіи нами праваго берега Аргуна.

30-го августа въ полдень генералъ Полтининъ съ навагинцами, а баронъ Меллеръ-Закамельскій съ куринцами выступили вверхъ и внизъ по Аргуну. Спустя же два часа, подъ покровительствомъ огня съ батарей строющейся крѣпости, генералъ Лабынцовъ началъ настоящую переправу черезъ эту рѣку съ тремя баталіонами кабардинцевъ и дивизіономъ артиллеріи, предшествуемымъ четырьмя сотнями казаковъ и съ посаженною на крупахъ казачьихъ лошадей пѣхотою, въ количествѣ 150 человѣкъ [1]).

---

[1]) При переправахъ черезъ рѣки, въ особенности такія быстрыя и широкія, какъ Аргунъ, всегда посылались впередъ казаки съ проводниками, не только для опредѣленія точнаго направленія брода и вообще переправы, но и для оцѣпленія болѣе глубокихъ и быстрыхъ мѣстъ, на которыхъ казаки, умѣющіе хорошо плавать и на крѣпкихъ лошадяхъ, становились въ двѣ линіи противъ теченія по обѣ стороны переправы. Это дѣлалось какъ для уменьшенія быстроты теченія, такъ и для спасенія нижнихъ чиновъ, сносимыхъ водою. Отправленіе впередъ казаковъ съ посаженною на ихъ лошадяхъ пѣхотою имѣло

Обманутый и разъединенный непріятель, движеніемъ двухъ первыхъ колоннъ, хотя спѣшилъ поправить свою ошибку, но было поздно, какъ потому, что главная колонна уже совершила свою переправу, такъ и оттого, что весь правый берегъ, лежащій противъ крѣпости, сильно обстрѣливался огнемъ нашей артиллеріи. Поэтому не было сдѣлано рѣшительнаго отпора со стороны непріятеля, а занятіе нами праваго берега Аргуна, могшее стоить огромныхъ потерь, ограничилось, если не ошибаюсь, не болѣе, какъ двумя десятками убитыхъ и раненыхъ и то собственно въ то время, когда занятая позиція противъ середины лагеря ограждалась засѣками.

По занятіи праваго берега Аргуна, намъ слѣдовало прочно на немъ утвердиться. А это зависѣло отъ устройства моста, хотя только пѣшеходнаго. Но по высотѣ воды и быстротѣ теченія этой рѣки, легко устраиваемый мостъ на арбахъ оказался неудобопримѣнимымъ, потому что арбы, хотя нагружались каменьями, оказались легкими и непрочными; —ихъ безпрестанно сносило и ломало; поэтому нужно было прибѣгнуть къ устройству болѣе прочнаго моста, хотя требующему большихъ усилій и средствъ, и на третьи сутки былъ устроенъ мостъ на козлахъ, сначала пѣшеходный, а потомъ и для повозокъ. До того же времени, одни кабардинцы должны были сражаться съ Шамилемъ и его огромнымъ ополченіемъ, не дававшимъ имъ покоя ни днемъ, ни ночью, такъ что, начиная съ генерала Лабынцова до послѣдняго солдата въ эти трое сутокъ никто не думалъ о снѣ, безпрестанно ожидая нападенія.

Наконецъ, 4-го сентября, Шамиль, огорченный неудачею, уѣхалъ въ Дарго, а съ нимъ разъѣхались и разошлись по домамъ жители Большой Чечни. Въ окрестностяхъ строющейся Воздвиженской настала тишина, изрѣдка только нарушаемая перестрѣлками въ лѣсу, куда посылались колонны ежедневно по два раза.

Много было рабочихъ рукъ и перевозочныхъ средствъ при постройкѣ Воздвиженской, но много чего въ ней нужно было и сдѣлать. Кромѣ устройства на огромномъ протяженіи и большихъ профилей землянаго вала и треугольной каменной цитадели, нужно было сдѣлать землянки для шести баталіоновъ, восьми подвижныхъ орудій и двухъ сотенъ казаковъ, которыя предполагалось имѣть въ продолженіе зимы въ этой крѣпости. Нужно было устроить госпиталь для больныхъ и обезпечить продовольствіемъ людей и фуражомъ лошадей.

Несмотря на такія сложныя занятія, внутри крѣпости производились разныя движенія. Такъ 1-го октября было предпринято генера-

---

и ту цѣль, чтобы, по переправѣ на правый берегъ Аргуна, можно было занять лѣсъ и, тѣмъ предупредивъ непріятеля, держаться въ немъ до прибытія другихъ переправляющихся частей.

ломъ Гурко движеніе на Гойту, ниже той дороги, по которой мы проходили Гойтинскій лѣсъ въ маѣ. Цѣлью этого движенія было истребленіе Геленъ-Гойтинскихъ хуторовъ, жители которыхъ славились своимъ хищничествомъ. Но этотъ набѣгъ былъ не вполнѣ удаченъ, потому что стоилъ намъ большой потери. Въ числѣ сильно раненыхъ находился и генералъ Полтининъ: пуля пробила ему грудь. Однако по крѣпости своего организма онъ не только пережилъ и эту тяжелую рану, но черезъ двѣ недѣли былъ на ногахъ и по-прежнему съ ранняго утра начиналъ закусывать.

Между тѣмъ Шамиль вторично употребилъ въ дѣло отнятыя у насъ орудія, дѣйствуя изъ нихъ въ Ханкальскомъ ущельи по войскамъ Чеченскаго отряда въ то время, когда они возвращались изъ Грозной съ повозками, тяжело нагруженными продовольственными и военными запасами.

Соображенія его по выбору мѣста и времени были вѣрны. Поросшая густымъ лѣсомъ и изрытая глубокими оврагами гора Ханкальскаго ущелья, возвышающаяся надъ Аргуномъ, обезпечивала поставленныя на ней непріятельскія орудія отъ нечаяннаго нападенія нашихъ войскъ. Огромное количество тяжело нагруженныхъ повозокъ, замедляя движеніе колонны, заставляло наши войска продолжительное время подвергаться непріятельскимъ выстрѣламъ. Вслѣдствіе этого, вмѣстѣ съ транспортомъ продовольственныхъ и военныхъ запасовъ привозились въ Воздвиженскую десятками съ изможженными членами тяжело раненые. Но и такія непріятельскія дѣйствія прекратились, когда начала выдвигаться изъ крѣпости къ аулу Большой Чечень кавалерія съ нѣсколькими баталіонами.

Только къ концу октября эта крѣпость была вооружена какъ слѣдуетъ, снабжена въ опредѣленномъ количествѣ боевыми снарядами и патронами, обезпечена на цѣлую зиму провіантомъ и фуражемъ по величинѣ оставляемаго въ ней гарнизона, и окончены работы по постройкѣ землянокъ.

29-го октября Чеченскій отрядъ выступилъ изъ Воздвиженской, въ ней же остались зимовать: Прагскій полкъ, командиромъ котораго былъ полковникъ Бельгардъ, два баталіона куринцевъ, линейный баталіонъ, прибывшій изъ Владикавказа, восемь орудій и три донскихъ сотни.

Начальство надъ этими войсками было поручено генералъ-маіору Патону [1]), а старый кавалерійскій полковникъ Витовскій былъ назначенъ ему помощникомъ. Я же былъ оставленъ при войскахъ, составляющихъ гарнизонъ крѣпости, какъ офицеръ генеральнаго штаба.

---

[1]) Бывшему впослѣдствіи сенаторомъ, а нынѣ умершему.

Впрочемъ, изъ слѣдующихъ словъ, сказанныхъ мнѣ Владиміромъ Осиповичемъ наканунѣ выступленія Чеченскаго отряда, оказывается, что я лично подлежалъ не малой отвѣтственности.

— Очень радъ, что вы сами изъявили желаніе остаться въ Воздвиженской. Зная васъ, я надѣюсь, что здѣсь не случится ничего недобраго и что о сбереженіи войскъ будетъ приложена возможная заботливость. По инструкціи, данной генералу Патону, вамъ разрѣшается дѣлать поиски и набѣги на окрестные хутора, но только слѣдуетъ производить ихъ съ осторожностію и осмотрительностію, чтобы не было большихъ потерь. Въ такихъ набѣгахъ нужно имѣть хорошихъ и надежныхъ проводниковъ. Старшины здѣшняго аула, Хайдакай и Зурмай, будутъ вамъ хорошими помощниками.

— Помните, дорогой,—прибавилъ Владиміръ Осиповичъ, обнимая меня,—что если случится съ крѣпостію что-нибудь недоброе, то вы тоже будете подлежать не малой отвѣтственности.

Изъ слѣдующей главы читатель увидитъ, чтó дѣлалось въ Воздвиженской въ первую зиму ея существованія.

IX.

Крѣпость Воздвиженская съ ноября 1844 по августъ 1845 года.

Помня слова добраго, высокоблагороднаго и глубокочтимаго Владиміра Осиповича, я поставилъ себѣ за правило какъ можно чаще обходить крѣпость и заглядывать во всѣ ея закоулки и тайники. Днемъ я посѣщалъ больныхъ и раненыхъ въ лазаретѣ, заходилъ въ солдатскія землянки, пробовалъ ихъ пищу и бесѣдовалъ съ ними. По ночамъ зачастую повѣрялъ караулы и посты.

Одни удивлялись моей дѣятельности, другіе подтрунивали надъ моею излишнею заботливостію и безпокойствомъ, наконецъ, третьи сердились на меня за то, что я вмѣшивался, по ихъ понятіямъ, не въ свое дѣло; а это вмѣшательство состояло въ томъ, что я заботился о хорошемъ содержаніи и продовольствіи больныхъ и здоровыхъ нижнихъ чиновъ, соединенномъ съ нѣкоторымъ излишнимъ расходомъ для начальниковъ частей. Но я, не обращая вниманія на скрытое неудовольствіе послѣднихъ, продолжалъ слѣдить за хорошимъ содержаніемъ нижнихъ чиновъ, потому что, при отвратительномъ ихъ помѣщеніи, это одно могло сохранить ихъ здоровье.

Все живущее въ Воздвиженской, за исключеніемъ впрочемъ лазарета, размѣщалось по землянкамъ. Однако и въ землянкѣ тепло и не

сыро, если въ ней есть полъ, если стѣны хорошо обмазаны, а еще лучше, если онѣ обиты досками, да и крыша съ потолкомъ, а потому нѣтъ течи. Чѣмъ, напримѣръ, худо жить въ такой землянкѣ, въ которой я перезимовалъ съ Петромъ Ивановичемъ Патономъ, и въ которой жилъ до роспуска Чеченскаго отряда Владиміръ Осиповичъ? Въ ней свѣтло, тепло, сухо и просторно. Пожалуй, можно жить и въ любой офицерской землянкѣ, несмотря на то, что не въ каждой свѣтло и имѣется полъ. Но милости просимъ прожить въ такой землянкѣ, гдѣ помѣщается не менѣе ста человѣкъ, стѣны которой ничѣмъ не обмазаны, подъ ногами грязь, сверху сыплется земля, съ боковъ вѣетъ сыростью и холодомъ, воздухъ густъ и тяжелъ, какъ будто-бы она наполнена дымомъ или туманомъ; а въ такихъ землянкахъ, расположенныхъ вокругъ крѣпостнаго вала, пришлось зимовать Воздвиженскому гарнизону. Заглянешь въ одну, другую землянку, да и чувствуешь, какъ тяжелѣетъ дыханіе. Грустно и ужасно становится за существованіе живущихъ въ нихъ.

Какъ тутъ не развиться тифу и цынгѣ. А чтобы предупредить эту заразу, нужно, чтобы нижніе чины болѣе были на открытомъ воздухѣ, да не залеживались бы въ своихъ отвратительныхъ землянкахъ. Вотъ или фальшивую тревогу сдѣлаешь, или отдашь приказаніе, чтобы съ вечера не раздѣваться людямъ, а грѣться возлѣ костровъ. Иногда затѣешь ночной поискъ или набѣгъ.

Въ ноябрѣ и даже въ декабрѣ въ совершеніи такихъ набѣговъ не встрѣчалось особеннаго затрудненія, потому что въ окрестныхъ лѣсахъ находились небольшіе аулы и хутора. Бывало, придетъ Хайдакай или Зурмай—старшины двухъ ауловъ, образовавшихся по обѣ стороны крѣпости изъ выходцевъ, и черезъ переводчика объясняетъ, что, дескать, пришли кунаки съ желаніемъ переселиться къ намъ, но только наибъ Дуба слѣдитъ за ними, а потому нужна помощь съ нашей стороны.

— А тутъ на пути хуторокъ есть со скотинкой и баранами, которыхъ легко можно захватить,—добавляетъ переводчикъ Пензулаевъ, послѣ непродолжительнаго объясненія съ Зурмаемъ.

Иной разъ зайдетъ въ землянку полковникъ Витовскій, одинъ или съ достойнымъ командиромъ Прагскаго полка, Галеріаномъ Александровичемъ Бельгардомъ [1]), какъ будто бы сыграть пульку въ преферансъ, а у него набѣгъ на умѣ.

— Залежались больно,—отвѣтятъ они на привѣтствіе хозяина,—да и солдатикамъ нужно промяться, ваше превосходительство.

— А вотъ можно сходить на тотъ хуторокъ, о которомъ вы мнѣ говорили, отвѣтитъ на это Патонъ, обращаясь ко мнѣ.

[1]) Въ настоящее время генералъ-отъ-инфантеріи и членъ Александровскаго комитета о раненыхъ.

— И у меня есть на примѣтѣ аульчикъ; требуетъ наказанія; большіе мошенники тамъ живутъ,—прибавляетъ Витовскій.

— Ну, что же, въ добрый путь, только чтобы не попасть въ трущобу, а то потеря будетъ большая. Поразспросите получше проводниковъ,—добавляетъ Петръ Ивановичъ, обращаясь ко мнѣ, держа въ рукахъ карты.

Изъ этого разговора оказывается, что набѣги производились съ осторожностію, которая даже была излишнею вначалѣ. Но когда небольшіе аулы и хутора, гнѣздившіеся въ лѣсахъ, растущихъ по горамъ, которыя образуютъ Аргунское ущелье, и по теченію Гойты, были истреблены, а жители или перешли къ Воздвиженской, или ушли далѣе въ горы, то набѣги становились болѣе опасными. Нужно было или далеко углубляться въ лѣса, или начать дѣйствовать на правой сторонѣ Аргуна.

Между тѣмъ, судя по одобрительнымъ отзывамъ изъ Ставрополя, нужно было продолжать набѣги и поиски. А чтобы не попасть въ просакъ и не потерпѣть пораженія гдѣ-нибудь въ лѣсныхъ трущобахъ, нужно было вступать съ чеченцами въ утомительные и непріятные разспросы.

Такіе разспросы были утомительны главное потому, что велись не иначе, какъ через переводчика, въ объясненіяхъ котораго часто происходили огромныя противорѣчія и неясности, касающіяся одного и того же предмета.

Это не происходило отъ неспособности Пензулаева [1]), которому я предварительно объяснилъ мой взглядъ и требованія на разспросы, и что онъ хорошо понялъ,—а бѣда заключалась въ томъ, что чеченцы не имѣли понятія не только о мѣрѣ протяженія и времени, но и считать далѣе десяти не умѣли.

Поэтому при разспросахъ приходилось прибѣгать къ разнымъ уловкамъ. Такъ напримѣръ измѣреніе широты лѣсовъ и глубины овраговъ, черезъ которые пролегали дороги, производилось лазутчиками посредствомъ предварительно сочтенныхъ камешковъ, бросаемыхъ ими изъ рукъ черезъ каждые десять шаговъ, какъ число, выше котораго они не могли считать. На такихъ и тому подобныхъ разспросахъ были составлены мною описанія дорогъ по Аргунскому ущелью, а также на Алистанджи и по Хухулау на Ведень [2]).

---

[1]) Пензулаевъ былъ штатный переводчикъ чеченскаго языка, хорошо говорившій по-русски, вполнѣ намъ преданный и честный. Онъ былъ штабъ-ротмистръ милиціи.

[2]) Собранныя мною о Чечнѣ свѣдѣнія были представлены по командѣ и хранились въ архивѣ главнаго штаба Кавказской арміи. Когда начались военныя дѣйствія въ 1859 году по Аргунскому ущелью, а также на Алистанджи къ Веденю, то собранныя мною въ 1845 году объ этихъ путяхъ свѣдѣнія оказались достаточно вѣрными, а слѣдовательно полезными.

Такія бесѣды съ чеченцами, пока я не привыкъ, были крайне непріятны по тому одуряющему запаху, который присущъ имъ. Это происходитъ какъ отъ острой пищи, ими употребляемой, такъ главное отъ неопрятности въ одеждѣ.

Чеченцы, подобно другимъ горцамъ, весьма умѣренны въ пищѣ и питьѣ. Чуреки или кукурузный хлѣбъ, намазанный бараньимъ жиромъ, а также пшенная похлебка съ тѣмъ же жиромъ,—вотъ ихъ всегдашняя пища; вода—обыкновенное питье. Но такъ какъ они пожираютъ съ большимъ наслажденіемъ лукъ, рѣдьку, а въ особенности черемшу или дикій чеснокъ, появляющійся на поляхъ съ раннею весною, и носятъ одежду безъ перемѣны, пока она не обратится въ лохмотья, то и неудивительно, что съ своимъ появленіемъ распространяютъ такой одуряющій запахъ.

Въ лазутчикахъ не было недостатка. Кромѣ тѣхъ, которые доставляли намъ свѣдѣнія, во время построенія крѣпости явились новые. Одни, преимущественно старики, являлись ради знакомства, другіе подсылались наибами, чтобы разузнать, что̀ у насъ дѣлается, наконецъ, большинство являлось изъ любопытства и ради денегъ.

Чеченецъ, какъ и другой горецъ, весьма любопытенъ и для собранія «хабаръ», то-есть новостей, не полѣнится сдѣлать верхомъ, или пѣшкомъ, десятокъ верстъ. Изъ-за денегъ же, исключительно серебряной монеты, чеченецъ, преимущественно передъ другими горцами, готовъ на все, не поколеблется продать своего одноаульца, кунака и даже роднаго.

Я не пренебрегалъ бесѣдовать какъ съ прежними, такъ и съ новыми лазутчиками, потому что такимъ образомъ легче было повѣрять и сличать доставляемыя ими свѣдѣнія.

Такія бесѣды всегда происходили по вечерамъ и даже ночью, въ особой землянкѣ, называемой «кунацкой», потому что лазутчики не иначе являлись въ крѣпость, какъ съ наступленіемъ темноты. Это дѣлалось изъ предосторожности съ ихъ стороны, чтобы не быть узнанными и замѣченными своими же собратами, а съ нашей стороны,—чтобы они не могли ничего видѣть въ крѣпости.

Лазутчики у воротъ обезоруживались, снимая съ себя какъ огнестрѣльное, такъ и холодное оружіе; если же были конные, то оставляли подъ надзоромъ караула и своихъ лошадей. Такой порядокъ существовалъ не исключительно въ одной Воздвиженской, а былъ заведенъ издавна на всемъ Кавказѣ.

Не ограничиваясь разговорами съ лазутчиками или немирными чеченцами, я разспрашивалъ мирныхъ чеченцевъ, живущихъ отдѣльными группами по обѣимъ сторонамъ Воздвиженской.

Эти аулы, за исключеніемъ Хайдакая, Зурмая и еще нѣсколькихъ

жильцовъ, бывшихъ Атаги и Чахкери [1]), составились изъ разныхъ выходцевъ «байгушей» или бѣдняковъ, Малой и даже Большой Чечни.

Между ними происходили частыя драки, доходившія до оружія и кончавшіяся иногда даже смертоубійствомъ. Не разъ посылались, по просьбѣ старшинъ, вооруженныя команды для захвата виновныхъ; но рѣдко когда заставали ихъ, потому что они ночью уходили, бросивъ свою убогую землянку, да на прощанье обворовавъ своего сосѣда, несмотря на то, что воровство у одноаульцовъ считалось крайне безчестнымъ.

Слѣдующій разсказъ рельефнѣе очертитъ безнравственность, звѣрство, а вмѣстѣ съ тѣмъ безстрашіе мирныхъ чеченцевъ, жившихъ у Воздвиженской. Было около полуночи очень морозной, но ясной декабрьской ночи, когда два часовыхъ болѣе выдающихся и ближайшихъ къ русскому кладбищу батарей, сойдясь, вели между собой приблизительно слѣдующій разговоръ.

— Прислушайся, Парфенъ, кажись, чакалы или волки пришли на кладбище глодать кости нашихъ мертвецовъ.

— Я тоже слышалъ какъ будто стукъ желѣза о камень, но думалъ, что это мнѣ померещилось. Теперь же прислушаемся вмѣстѣ.

И оба часовые, наклонясь къ кронѣ бруствера, обратились въ слухъ и зрѣніе.

— Нѣтъ, это не чакалы и волки, а просто люди.

— И я тоже вижу, что люди. Вѣрно, чеченцы выкапываютъ того офицера, котораго вчера похоронили, чтобы снять съ него одежду.

— Выстрѣлимъ, Парфенъ.

— Не надо, тревогу подымемъ, и то наши недавно улеглись.

— Ну, такъ закричимъ на нихъ.

И Парфенъ заревѣлъ: «шайтанъ, бусурманъ, чеченъ, что дѣлаешь!!» да такъ громко, что всполошилъ не только ближайшій караулъ, но и тѣхъ, которыхъ онъ не хотѣлъ будить выстрѣломъ. Разсказу же Парфена и его товарища не только не повѣрили по той причинѣ, что на кладбищѣ все было тихо, но ихъ обругали, назвавъ трусами, и притомъ пристращали наказаніемъ, если на кладбищѣ ничего не окажется завтра утромъ. Но, къ удивленію всѣхъ, кто ходилъ на кладбищѣ, оказалась могила офицера, наканунѣ похороненнаго, до половины разрытою.

Для наказанія святотатства, если оно повторится, приказано было навести на могилу этого офицера съ ближайшихъ перекрестныхъ батарей

[1]) До возстанія Чечни въ 1840 году Атаги и Чахкери были большіе чеченскіе аулы, находившіеся на Аргунѣ; первый—сѣвернѣе, а послѣдній—южнѣе крѣпости Воздвиженской. Въ 1841 году они были уничтожены нашими войсками, и жители этихъ ауловъ разселились хуторами по лѣсамъ и горамъ.

два орудія, заряженныя картечью, и когда будетъ замѣчено присутствіе людей, то выстрѣлить одновременно.

На третьи сутки за полночь послѣдовали два выстрѣла, а утромъ на могилѣ, снова разрытой, нашлись папаха и бурка, а кровавый слѣдъ велъ къ Аргуну.

По объявленіи объ этомъ старшинамъ, оказалось, что двѣ землянки, похожія скорѣй на норы звѣрей, нежели на жилище людей, были пусты. Жившіе въ нихъ байгуши-чеченцы отличались буйствомъ и звѣрствомъ. Оба были одинокіе. Жена одного изъ нихъ задушилась, а другая была лишена жизни своимъ мужемъ.

Для обузданія чеченцевъ, живущихъ возлѣ Воздвиженской, отъ без началія и своеволія, а равно для возстановленія между ними хотя нѣкотораго порядка, было предложено имъ удалить изъ своихъ ауловъ всѣхъ ненадежныхъ людей. Сверхъ того, имъ объявлено было, что за смертоубійство и нанесеніе ранъ они будутъ судиться по нашимъ законамъ.

Но, какъ на бѣду, недѣли черезъ двѣ случилось такое кровавое происшествіе, въ которомъ замѣшаны были, начиная съ старшинъ, лучшія семейства обоихъ ауловъ.

На дочери родственника атагинскаго старшины, Зурмая, хотѣлъ жениться чахкеринецъ, племянникъ Хайдакая. Родители и родственники невѣсты, хотя были согласны на этотъ бракъ, но свадьба откладывалась только потому, что женихъ не въ состояніи былъ дать «калымъ», то-есть выкупъ за невѣсту.

По адату или закону, основанному на обычаяхъ, часть калыма, состоящаго изъ денегъ, лошадей, скотины, оружія и другихъ вещей, брали себѣ родители, а другая часть обращалась на приданое невѣстѣ, и хотя эта послѣдняя часть возвращалась въ домъ мужа, но это совершалось съ нѣкоторою обрядною торжественностію.

По этой причинѣ неудовольствіе таилось въ сердцахъ родственниковъ Хайдакая на родственниковъ Зурмая, а къ этому примѣшивалось и общее нерасположеніе чахкеринцевъ къ атагинцамъ. Первые завидовали послѣднимъ, что русскіе берутъ у нихъ чаще проводниковъ, за что̀ и даютъ имъ болѣе денегъ. Это отчасти было справедливо, потому что атагинцы вели себя честнѣе и между ними было менѣе буйства и ссоръ.

Но чтобы отъ искры неудовольствія вспыхнулъ пламень раздора, достаточно грубаго слова, упрека, въ особенности, если головы отуманены винными парами. Такъ было и въ настоящемъ случаѣ.

Въ Атагинскомъ аулѣ праздновалась свадьба. Атагинка выходила замужъ за чахкеринца. Въ такихъ случаяхъ чеченцы любятъ угощаться

не менѣе русскихъ. Баранина и водка или, правильнѣе сказать, наша сивуха, истребляются въ огромномъ количествѣ.

И нужно сказать, что чеченцы, какъ и другіе горцы, очень любятъ нашу водку, и хотя пьютъ много, но никогда не напиваются ею до такой степени, чтобы на ногахъ не стояли. Если же спросишь у чеченца: «зачѣмъ онъ пьетъ водку, коранъ запрещаетъ,» то онъ только улыбнется и ничего не скажетъ или отвѣтить, что это «араки». Мулла же или ученый мусульманинъ отвѣтитъ, что пророкъ запретилъ пить вино изъ винограда, а не водку и араки, которыя дѣлаются изъ хлѣбнаго зерна и притомъ варятся.

Но не въ томъ дѣло, какъ толкуютъ мусульмане въ пользу крѣпкихъ напитковъ, дѣлаемыхъ не изъ винограда, а скажемъ только, что на свадебномъ пиру въ Атагинскомъ аулѣ нѣкоторые изъ чахкеринцевъ черезъ мѣру хлебнули сивушки, и, въ чаду винныхъ паровъ, одинъ изъ нихъ сначала упрекнулъ, а потомъ ругнулъ брата той дѣвушки, на которой хотѣлъ жениться племянникъ Хайдакая.

Мгновенно сверкнули въ правыхъ рукахъ выхваченные изъ-за пояса кинжалы (съ которыми чеченцы, какъ равно и прочіе горцы никогда не разстаются) сначала у обиженнаго, а потомъ у обидѣвшаго; а это было сигналомъ къ общей кровавой свалкѣ атагинцевъ съ чахкеринцами, какъ находившихся въ землянкѣ, такъ и внѣ.

Внезапно раздавшіеся выстрѣлы, смѣшанные съ криками мужчинъ, воплями женщинъ и лаемъ собакъ, невольно заставили подумать: не подвергся ли Атагинскій аулъ непріятельскому нападенію, тѣмъ болѣе, что это случилось съ наступленіемъ сумерекъ.

Къ счастію, все это ограничилось десятками двумя раненыхъ и ни одною смертію. Сотня казаковъ, производившая въ этотъ вечеръ, по заведенному порядку, объѣздъ вокругъ крѣпости, подъѣхала къ аулу въ то время, когда начался этотъ кровавый безпорядокъ. Сотенный командиръ такъ былъ распорядителенъ, что въѣхалъ съ казаками въ аулъ и не только успѣлъ разогнать сражающихся, но, захвативъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, привезъ съ собою въ крѣпость.

Въ числѣ арестованныхъ находился и племянникъ Хайдакая, чему я обрадовался, видя, что этому дѣлу можно дать благопріятное направленіе, то-есть помирить чахкеринцевъ съ атагинцами, ни мало не компрометтируя нашей администраціи и не отрицаясь отъ угрозъ, произнесенныхъ имъ двѣ недѣли тому назадъ. Наказывать же за происшедшіе въ Атагинскомъ аулѣ кровавые безпорядки тѣмъ болѣе не слѣдовало, что они основаны были на нравахъ, обычаяхъ и характерѣ чеченцевъ и вообще горцевъ.

Тамъ, гдѣ не было силы закона и власти, тамъ не могло существовать другой защиты, какъ естественной, то-есть силы мести индиви-

дуальной и общественной, которыя были между собою неразлучны. Отъ этого зачастую происходило, что не только изъ-за смерти, раны и даже обиды, нанесенной одному лицу, возникала вражда или «канлы» между родственниками и цѣлыми аулами, продолжавшаяся безконечно. Если искорененіе этого нравственнаго и общественнаго зла не вполнѣ было достигнуто Шамилемъ, то намъ тѣмъ труднѣе было этого достигнуть.

Дабы не развить дальнѣйшей мести и чтобы не повторилось подобнаго кроваваго происшествія, сконфуженнымъ старшинамъ было объявлено, что если они не желаютъ, чтобы арестованные пострадали, то бракъ между ихъ родственниками долженъ устроиться. При этомъ переводчикъ долженъ былъ предупредить старшинъ враждебныхъ ауловъ, что если свадьба, желаемая русскими, состоится, то женихъ съ невѣстой получатъ 25 рублей серебромъ. Такъ какъ сумма, предложенная въ залогъ мира, по тогдашнимъ понятіямъ чеченцевъ была значительна, то все уладилось, и миръ между чахкеринцами и атагинцами возстановился.

Вотъ какъ жилось въ Воздвиженской въ продолженіе холодной, но не особенно снѣжной зимы. Со стороны непріятеля не было никакихъ покушеній, несмотря на то, что лазутчики не разъ давали знать, что Шамиль намѣревается сдѣлать нападеніе на крѣпость и что однажды было отдано приказаніе наибамъ Чечни быть готовыми къ поголовному ополченію. Такія же свѣдѣнія получались и отъ генерала Гасфорда [1]), который, за отъѣздомъ Роберта Карловича въ отпускъ, жилъ въ Грозной и управлялъ лѣвымъ флангомъ Кавказской линіи. Если же Шамиль ограничился одними покушеніями и сборами, то, безъ сомнѣнія, ему извѣстно было о существующемъ въ крѣпости порядкѣ и строгости отбываемой службы. Притомъ чеченцы не охотники и не мастера драться во время холодной зимы. А морозы въ декабрѣ и январѣ доходили до 20 градусовъ Реомюра.

Въ началѣ февраля прибылъ на смѣну Прагскаго — Модлинскій полкъ, командиромъ котораго былъ полковникъ Б о г а е в с к і й. Пользуясь этимъ, былъ произведенъ смѣлый набѣгъ за Аргунъ на Мезеинскіе хутора подъ начальствомъ неизмѣннаго полковника Витовскаго. Смѣлымъ я называю этотъ набѣгъ потому, что Мезеинскіе хутора, отстоя на нѣсколько верстъ отъ Басса и аула Шали, находились среди густаго населенія Большой Чечни. Предметомъ же дѣйствія были избраны эти хутора, а не другіе, по той причинѣ, что къ нимъ вели двѣ дороги, изъ которыхъ по одной можно было незамѣтно подойти къ хуторамъ, а

[1]) Въ то время генералъ-лейтенантъ и начальникъ 14-й пѣхотной дивизіи, а впослѣдствіи генералъ-отъ-инфантеріи и генералъ-губернаторъ Западной Сибири.

по другой удобно отступить. Старшина Зурмай, доставившій самыя подробныя и точныя свѣдѣнія о дорогахъ и ручавшійся за успѣхъ, былъ проводникомъ.

Въ ночь того дня, когда прибыли модлинцы, колонна, составленная изъ трехъ баталіоновъ, четырехъ орудій и казаковъ, выступила изъ Воздвиженской. Сверхъ того два баталіона, съ двумя орудіями переправившись черезъ Аргунъ, должны были къ восьми часамъ утра расположиться частію по правому верхнему уступу этой рѣки, а частію выдвинуться впередъ версты на двѣ, по той дорогѣ, по которой двинулась колонна въ набѣгъ.

На разсвѣтѣ войска наши, никѣмъ не замѣченныя, были у предмета дѣйствія, гдѣ ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало медлить. Предавъ огню ближайшія сакли и захвативъ нѣсколько десятковъ лошадей и до двухъ сотъ барановъ, войска наши начали отступать.

Непріятель, встревоженный пожарищемъ и выстрѣлами, началъ сбѣгаться съ ближайшихъ хуторовъ на ту дорогу, по которой мы наступали, въ томъ предположеніи, что по ней будемъ и отступать. Казаки двинулись по этому направленію и еще болѣе убѣдили чеченцевъ въ этомъ. Но имъ приказано было, пройдя съ версту, повернуть направо и, слѣдуя на рысяхъ перелѣсками, соединиться съ пѣхотой.

Такія дѣйствія казаковъ были вполнѣ успѣшны, и мы имѣли дѣло съ небольшою толпою чеченцевъ, преслѣдовавшею насъ съ фронта, да съ конными шалинцами, прискакавшими уже въ то время, когда мы подходили къ Аргуну. Поэтому потеря съ нашей стороны была самая незначительная. Непріятель же понесъ не только матеріальное, но и нравственное пораженіе. Какъ русскіе не только осмѣлились такъ далеко зайти въ Большую Чечню, но и захватить столь значительный призъ! Взбѣшенный Шамиль смѣнилъ наиба и снова грозилъ уничтожить Воздвиженскую, но и на этотъ разъ ограничился только однѣми угрозами

Несмотря на то, что въ февралѣ было еще довольно холодно, гарнизонъ былъ выведенъ изъ мрачныхъ, душныхъ, сырыхъ землянокъ въ свѣтлыя палатки. Этимъ нужно было поспѣшить, чтобы не дать развиться тифу и цынгѣ, и такая мѣра оказалась вполнѣ благою.

Въ мартѣ, съ наступленіемъ теплой погоды, когда чеченская природа, богатая растительностію, начала быстро возрождаться, вновь заболѣвающихъ тифомъ уже не было. Начали крѣпнуть и тѣ, которые поражены были цынгою, потому что начались разныя работы въ крѣпости, а съ ними не нужно было ради моціона дѣлать тревоги и изобрѣтать набѣги; и безъ этого нижніе чины весь день проводили въ трудѣ и дѣятельности.

Съ наступленіемъ благодатной весны и съ приближеніемъ праздника Воскресенія Христова, явились у насъ въ крѣпости жены служащихъ, и

между ними двѣ, три очень миленькихъ и хорошенькихъ. Начались ухаживанья, прогулки пѣшкомъ и верхомъ, и даже однажды составился пикникъ, на которомъ танцовали подъ открытымъ небомъ на муравѣ. Завелись интрижки, а съ ними сплетни.

Въ маѣ посѣтилъ Воздвиженскую новый главнокомандующій, графъ Воронцовъ. Съ нимъ, кромѣ множества адъютантовъ и разныхъ другихъ чиновниковъ, прибыли генералы Лидерсъ и Гурко; первый—чтобы посмотрѣть на модлинцевъ, входящихъ въ составъ его корпуса, а вмѣстѣ съ тѣмъ взглянуть и на Чечню; послѣдній же—какъ начальникъ главнаго штаба.

Владиміръ Осиповичъ выразилъ полную радость и удовольствіе, увидѣвшись со мною, и душевно благодарилъ меня за службу. При этомъ онъ предложилъ мнѣ участвовать въ дѣйствіяхъ съ главнымъ отрядомъ, присовокупивъ, что я могу не стѣсняться въ выборѣ. Но я, взглянувъ на многочисленность свиты, окружавшей начальство, и припомнивъ пословицу, что лучше быть первымъ въ деревнѣ, нежели послѣднимъ въ городѣ, безъ колебанія согласился по-прежнему остаться въ Воздвиженской.

Много было хлопотъ, чтобы размѣстить, успокоить, накормить и напоить требовательныхъ разночинцевъ, пріѣхавшихъ съ графомъ Воронцовымъ. Но какъ пребываніе ихъ въ Воздвиженской было непродолжительное, то скоро миновали и забылись хлопоты и безпокойства, причиненныя этимъ пріѣздомъ.

Миновали скоро, и притомъ тихо и спокойно во всѣхъ отношеніяхъ, май и іюнь. Какъ будто бы и забыли о существованіи Воздвиженской. Даже Шамиль съ чеченцами пересталъ думать объ этой крѣпости, которая до того времени сильно его озабочивала. Имамъ долженъ былъ бороться съ главнымъ нашимъ отрядомъ, который сначала допекалъ его въ Гумбетѣ и Андіи, а въ Дарго, попавшись самъ на удочку къ Шамилю, едва не былъ окончательно имъ истребленъ.

Но если дѣйствія главныхъ силъ въ Даргинскомъ походѣ отвлекали вниманіе чеченцевъ собственно отъ Воздвиженской, то нельзя сказать, чтобы войска этой крѣпости находились въ бездѣйствіи. Напротивъ, не только Воздвиженскій гарнизонъ, а вообще войска лѣваго фланга Кавказской линіи оказывали содѣйствіе главному отряду, сначала отвлекая отъ него чеченцевъ, а затѣмъ подавъ ему помощь.

Такъ 3 іюля генералъ Фрейтагъ съ восемью баталіонами, двѣнадцатью орудіями и шестью сотнями, несмотря на трудную переправу у Большаго Чечня черезъ Аргунъ, по причинѣ его разлитія, двинулся къ Шали. Это движеніе (въ которомъ участвовали три баталіона, четыре орудія и три сотни, взятыя изъ Воздвиженской) совершалось по предписанію главнокомандующаго, съ цѣлью отвлечь чеченцевъ отъ Дарго вслѣдъ за занятіемъ графомъ Воронцовымъ этой резиденціи Шамиля.

Однако, получивъ извѣстіе о печальныхъ результатахъ такъ называемой «сухарной экспедиціи» и опасаясь за свои собственныя сообщенія, потому что вода въ Аргунѣ не убывала, а прибывала, Робертъ Карловичъ, послѣ трехъ-дневнаго пребыванія въ Большой Чечнѣ, возвратился въ Грозную, и хорошо сдѣлалъ, потому что отъ него потребовалось вслѣдъ за симъ болѣе важное предпріятіе. Ему пришлось спасать отъ погибели главнокомандующаго съ отрядомъ.

Чтобы понять, какъ это случилось, необходимо взглянуть на дѣйствія главныхъ силъ въ Даргинскомъ походѣ.

Послѣ ряда побѣдъ, одержанныхъ надъ Шамилемъ на Анчимеерѣ, у Андійскихъ воротъ, на Азалтау и у аула Анди, предпринято было движеніе, въ видѣ рекогносцировки, на Андійскій хребетъ. Когда же съ перевала Речель открылась Ичкерія съ своими вѣковыми лѣсами и Кумыкская плоскость—съ укрѣпленіями и аулами, а до Дарго такъ сказать рукой подать, то главнокомандующій, увлекшійся такимъ близкимъ, повидимому, нахожденіемъ предмета дѣйствій и такимъ легкимъ достиженіемъ своей славы, обратилъ рекогносцировку въ дѣйствительное наступленіе. Двѣнадцать баталіоновъ съ десятью орудіями быстро спускаются съ Речельскаго перевала, съ боемъ проходятъ черезъ лѣсъ, укрѣпленный многими завалами, и вечеромъ побѣдителями вступаютъ въ Дарго.

Но тутъ-то и конецъ побѣдамъ. Съ слѣдующаго же дня 7-го іюля начинается рядъ пораженій и громадныхъ потерь, которыя продолжаются до 18-го іюля, когда является спасителемъ Фрейтагъ съ своимъ отрядомъ.

Такъ какъ войска, занявшія Дарго, выступили изъ Анди на перевалъ Речель для производства рекогносцировки, то имѣвшагося въ ранцахъ продовольствія могло хватить только на нѣсколько сутокъ; а потому первой заботой было обезпеченіе отряда сухарями. На другой день по прибытіи въ Дарго, была сформирована оригинальная по своему составу колонна: отъ каждой части была отдѣлена половина людей съ пустыми ранцами. Это было сдѣлано съ тою цѣлью, чтобы каждая часть позаботилась принести поболѣе сухарей не только для себя, но и для своихъ товарищей.

Такъ странно сформированная колонна, ввѣренная начальству Клюки-фонъ-Клугенау, прошла въ Анди съ незначительнымъ боемъ. Но зато на обратномъ пути она потерпѣла совершенное пораженіе, что̀ отчасти произошло отъ того, что при частяхъ не было прямыхъ ихъ начальниковъ, которые остались въ Дарго.

Пока были живы генералы Пассекъ и Викторовъ, назначенные въ помощь Клугенау, то, несмотря на потери, порядокъ еще сохранялся; со смертію же ихъ наступило полное безначаліе. Одни гибли отъ пуль и шашекъ, другіе сдавались плѣнными, третьи спасались бѣгствомъ.

Послѣ «сухарной экспедиціи», окончившейся такъ печально, нельзя было оставаться долѣе въ Дарго. Въ продовольствіи оказывался совершенный недостатокъ. Заряды и патроны болѣе чѣмъ на половину были израсходованы. Рѣшено было пробиваться на Герзель-аулъ черезъ лѣса, занятые торжествующимъ непріятелемъ, и по дорогѣ, укрѣпленной множествомъ заваловъ.

Одновременно съ выступленіемъ изъ Дарго главнокомандующій предписалъ карандашомъ на лоскуткѣ бумаги генералу Фрейтагу, чтобы онъ, двинувъ всѣ свободныя войска къ Герзель-аулу, выступилъ съ ними навстрѣчу главному отряду.

Съ неслыханной быстротой, такъ что нѣкоторыя части (какъ напримѣръ вытребованныя изъ Воздвиженской) сдѣлали въ полторы сутки болѣе ста верстъ, Робертъ Карловичъ сосредоточиваетъ у Герзель-аула къ вечеру пять баталіоновъ, восемь орудій и четыре сотни, а на другой день двигается къ Шамхалъ-берды и выручаетъ изъ неминуемой бѣды главнокомандующаго.

Заслуга въ этомъ случаѣ Фрейтага была велика. Запоздай онъ сутками, можетъ быть послѣдовало бы совершенное истребленіе отряда, изнуреннаго голодомъ, совершенно разстроеннаго и не имѣющаго на позиціи у Шамхалъ-берды ни одного заряда и патрона. Можетъ быть, мнѣ не пришлось бы знать многихъ будущихъ дѣятелей Кавказа и разсказывать о нихъ въ этихъ моихъ запискахъ.

Отъ чего же все это произошло? Отъ дурнаго исполненія предначертаннаго плана, непониманія духа непріятеля и веденія съ нимъ войны. То, что было хорошо въ горахъ Дагестана, то неподходяще въ лѣсахъ Чечни. Дѣйствуя противъ чеченцевъ, требовалось болѣе осторожности, нежели опрометчивой рѣшительности.

Примѣромъ могли служить Ермоловъ и Вельяминовъ, которые никогда не дѣйствовали столь опрометчиво-рѣшительно, чтобы въ одинъ переходъ перешагнуть огромный хребетъ и лѣсъ шириною въ нѣсколько верстъ, и притомъ имѣя только четырехъ-дневное сухарное продовольствіе. Если же Ермолову или Вельяминову пришлось совершить такой гигантскій скачокъ, то, занявъ Дарго, они, безъ сомнѣнія, не остановились бы въ этой резиденціи Шамиля, а разоривъ этотъ аулъ, продолжали бы безостановочно слѣдовать на Герзель-аулъ, по той же дорогѣ, по которой началъ отступленіе графъ Воронцовъ, спустя шесть дней послѣ перехода изъ Анди въ Дарго.

М. Ольшевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВОСПОМИНАНІЯ ВАЛЕРІАНА АЛЕКСАНДРОВИЧА ПАНАЕВА [1]).

I.

Съѣздъ для раздѣла. — Затѣи стараго времени. — Характеристика двухъ Страховыхъ.

Въ концѣ апрѣля 1839 г., матушка, со мною и съ меньшимъ братомъ моимъ, Кронидомъ, поѣхала изъ дер. Городокъ въ дер. Нармонку, Тетюшскаго уѣзда, Казанской губ., куда должны были съѣхаться всѣ наслѣдники дѣда нашего, Александра Васильевича Страхова (племянника поэта Державина), для раздѣла движимаго и недвижимаго имущества, оставшагося послѣ его смерти. Страховъ былъ не родной нашъ дѣдъ, а дядя моего отца, который и былъ однимъ изъ сонаслѣдниковъ. Отецъ не поѣхалъ самъ на раздѣлъ, а далъ довѣренность матушкѣ. Онъ былъ человѣкъ нервный, раздражительный, привыкшій къ извѣстному образу жизни, и ему прожить нѣсколько мѣсяцевъ не у себя дома, вмѣстѣ съ другими лицами, изъ коихъ многіе были, сверхъ того, ему не по нутру, представлялось подвигомъ немыслимымъ, несчастіемъ, даже пыткой. Независимо отъ нарушенія порядка жизни и лишеній, которымъ онъ долженъ былъ подвергнуться внѣ своего дома, его останавливало еще и другое соображеніе: раздѣлъ обѣщалъ быть очень бурнымъ.

Надо сказать, что наслѣдники, которыхъ было 8 человѣкъ, уже два раза съѣзжались прежде, но, не придя къ согласію, разъѣзжа-

---

[1]) Небольшая часть этихъ интересныхъ записокъ была напечатана въ одномъ изъ мало распространенныхъ изданій. Нынѣ редакція пріобрѣла отъ автора всю рукопись. Ред.

лись. На этотъ разъ, такъ или иначе, надо было покончить, ибо срокъ, установленный закономъ для раздѣла, истекалъ.

Имѣніе дѣда А. В. Страхова должно было быть раздѣлено сначала на двѣ половины: одна шла въ родъ Панаевыхъ, другая—въ родъ Синельниковыхъ; и затѣмъ въ Панавскомъ родѣ его половина должна была дѣлиться на 5 частей, а въ Синельниковскомъ—на 3 части.

А. В. Страховъ никогда не былъ женатъ; во времена императрицы Екатерины онъ служилъ въ Петербургѣ, въ гвардіи. Онъ былъ богатъ и потому вращался въ высшемъ кругу общества, чему способствовало и близкое родство его съ Державинымъ.

Въ концѣ прошедшаго столѣтія Страховъ уѣхалъ въ отпускъ, въ Казанскую губернію, и съ тѣхъ поръ оттуда не возвращался, при чемъ не позаботился оформить свою неявку изъ отпуска и потому былъ исключенъ изъ службы.

Неоднократно Державинъ вызывалъ Страхова въ Петербургъ для того, чтобы имѣть возможность исправить его оплошность, а также помочь ему въ борьбѣ съ бывшимъ тогда губернаторомъ, который, будучи сосѣдомъ по одному изъ большихъ имѣній Страхова, называющемуся «Крестниково», захватилъ и оттягалъ у Страхова всю землю, по самыя усадебныя изгороди, такъ что крестьяне были буквально обезземелены.

Не разъ Страховъ собирался ѣхать въ Петербургъ и не разъ бралъ уже подорожныя на поѣздку, но съ мѣста не двигался.

Одинъ разъ, въ 1805 году, въ то самое время, когда мой отецъ поступалъ въ университетъ, Страховъ отправилъ уже большой обозъ въ Петербургъ. Обозъ этотъ на нѣсколькихъ подводахъ везъ произведенія Казани, предназначавшіяся для подарковъ знакомымъ и роднымъ въ Петербургѣ, какъ-то: халаты, ичетки—мужскія и дамскія шитыя серебромъ и золотомъ—татарскія чеплашки, залитыя тоже золотою вышивкою и кажущіяся какъ бы изъ литаго металла, китайскія матеріи, получавшіяся въ Казани чайными оптовыми торговцами, многіе цибики разныхъ сортовъ чаевъ, крупчатый казанскій медъ, полотна, безчисленное количество разныхъ вареній и проч. Обозъ отправился на собственныхъ лошадахъ, съ достаточнымъ количествомъ людей, и при немъ нѣсколько отличныхъ лошадей

собственнаго завода, тоже назначавшихся для подарковъ въ Петербургѣ. Заводъ этотъ считался въ Казанской губерніи самымъ обширнымъ: всего въ немъ насчитывалось болѣе 250 головъ.

Этому обозу повелѣно было поѣхать въ одно изъ имѣній, называвшихся подмосковными, и тамъ ожидать его пріѣзда.

Затѣмъ, послѣ отправки обоза, Страховъ опять взять подорожную, но все-таки не выѣхалъ.

Вотъ участь этого обоза.

Въ 1808 году, отецъ мой, окончивши курсъ въ университетѣ, отправился на службу въ Петербургъ. Великій князь Константинъ Павловичъ взялъ его въ свой лейбъ-уланскій полкъ. Въ 1812 г. отецъ находился къ кампаніи; однажды, послѣ Малоярославецкаго дѣла, деревня, гдѣ стоялъ уланскій полкъ, загорѣлась, и отецъ едва только могъ самъ выскочить изъ избы, такъ что остался даже безъ запаснаго бѣлья, безъ всякой теплой одежды, и, кромѣ того, въ предшествовавшемъ дѣлѣ и лошадь его была ранена. Словомъ сказать, отецъ находился въ крайне бѣдственномъ положеніи. Въ это время является къ нему личность, имѣющая видъ прикащика или бурмистра, называетъ отца по имени и спрашиваетъ: не имѣетъ ли онъ въ чемъ-нибудь надобности? Сначала отецъ не узналъ этого человѣка, но тотъ пояснилъ ему, что онъ тотъ самый человѣкъ, котораго дядюшка А. В. отправилъ старшимъ при обозѣ, что обозъ ожидаетъ дядюшку въ подмосковной деревнѣ 7-й годъ и что, чѣмъ гнить вещамъ и дохнуть лошадямъ, будетъ лучше, если отецъ мой воспользуется тѣмъ, что̀ ему нужно.

Читатель, вѣроятно, не мало удивится, если я скажу, что обозъ и люди ожидали Страхова въ подмосковной до самой его смерти, т. е. до 1836 г., и люди были возвращены наслѣдниками лишь въ 1837 г. вмѣстѣ со всѣмъ обозомъ, кромѣ, конечно, лошадей, которыя переколѣли, и что я былъ свидѣтелемъ вскрытія сундуковъ, составлявшихъ знаменитый обозъ, и самаго дѣлежа вещей, въ нихъ находившихся.

Я очень хорошо помню, что при вскрытіи сундуковъ халаты, ичетки и проч. представлялись сохранившимися, но поблекшими, когда же ихъ стали вынимать, то они разваливались. Менѣе всего подверглись тлѣнію китайскія матеріи, называемыя канчею, такъ

что нѣсколько кусковъ этой матеріи поступили въ раздѣлъ. Изъ предметовъ же, шитыхъ серебромъ и золотомъ, сдѣлана была выжига, которая не миновала раздѣла.

Помню тоже, что медъ, называющійся крупчатымъ липовымъ и имѣющій бѣлый цвѣтъ, сохранился, обратившись чуть не въ камень. И такъ какъ его оказалось не такое количество, чтобы каждому наслѣднику могло достаться по цѣлой кадушкѣ, то надо было разрубать кадушки и, затѣмъ, разрубать топоромъ самый медъ. То же произошло и съ вареньями. Изъ числа ихъ, имбирное варенье оказалось годнымъ и какъ бы выиграло отъ времени; но чтобы достать его изъ фарфоровыхъ банокъ, надо было разбивать ихъ, затѣмъ раскалывать варенье для употребленія. какъ раскалываютъ сахаръ.

Сборы и подготовленія, безъ приведенія намѣреній въ исполненіе, были вообще чертою характера Страхова. Впрочемъ, судя по многимъ примѣрамъ, этою болѣзнію страдало большинство помѣщиковъ той эпохи. Такъ напримѣръ, дѣдъ всю жизнь собирался построить великолѣпный домъ въ Казани и такой же въ деревнѣ, но не выстроилъ ни тамъ, ни сямъ и прожилъ всю жизнь въ весьма невзрачномъ деревянномъ домѣ. Еще до пожара 1815 года, истребившаго чуть не всю Казань, Страховъ купилъ тамъ домъ, съ тѣмъ чтобы на его мѣстѣ воздвигнуть палаццо; но послѣ пожара продалъ это мѣсто и купилъ другое, откуда былъ самый живописный видъ на весь городъ. На вновь купленномъ мѣстѣ стояли два обгорѣвшихъ въ 1815 году дома, въ видѣ руинъ. Въ одной изъ означенныхъ руинъ устроено было кое-какъ нѣсколько комнатъ для пріѣзда — и такъ это и осталось до смерти Страхова. Одинъ изъ означенныхъ обгорѣлыхъ домовъ находился не въ дальнемъ разстояніи отъ помѣщенія Дворянскаго собранія, и во время пріѣзда наслѣдника Александра Николаевича, въ 1837 году, въ этомъ обгорѣломъ домѣ устроена была обширная зала, для чего домъ Дворянскаго собранія былъ соединенъ съ нимъ длинной, висячей деревянной крытой галлереей, убранной внутри въ видѣ сада. Между тѣмъ, ежегодно выписывались изъ Петербурга и изъ-за границы разныя принадлежности для двухъ предполагаемыхъ къ постройкѣ домовъ. Я помню, какъ Страховъ показывалъ нашимъ родителямъ: великолѣпные бронзовые замки для дверей и такіе же шпинголеты во всю

величину оконъ—чтó было тогда невидалью,—огромныя зеркальныя для оконъ стекла и много другихъ предметовъ; выставленъ былъ кирпичъ, который ко времени раздѣла представлялъ уже на половину груду мусора, поросшаго во многихъ мѣстахъ травой: домашніе столяры заготовляли двери, окна и паркетъ; для храненія всѣхъ этихъ вещей выстроенъ былъ въ деревнѣ, поодаль отъ жилья, каменный большой сарай, крытый желѣзомъ, въ предотвращеніе отъ пожара. Наконецъ, въ деревнѣ, въ саду, была выстроена такой величины каменная оранжерея, какой я послѣ того нигдѣ не встрѣчалъ. Оранжерея занимала до 100 саженъ длины, съ рядомъ залъ во второмъ этажѣ во всю длину оранжереи, которыя не были, конечно, отдѣланы, но предназначались въ будущемъ для музыкальныхъ концертовъ и другихъ представленій. Несмотря на все это, постройка домовъ не начиналась и, конечно, никогда и не началась бы, ибо подготовленія и сборы длились болѣе 25 лѣтъ, то-есть почти столько же, сколько длились сборы къ поѣздкѣ въ Петербургъ.

Первый разъ я увидалъ дѣда, когда мнѣ былъ только девятый годъ; но, несмотря на это, я живо помню нашъ первый къ нему пріѣздъ.

Онъ жилъ верстахъ въ 120 отъ насъ. Родители наши поѣхали къ нему на праздникъ Рождества и взяли съ собою четырехъ своихъ сыновей, въ томъ числѣ и меня. Мы пріѣхали къ дѣду наканунѣ Рождественскаго сочельника, часовъ въ 7 или 8 вечера. Когда мы пріѣхали, дѣдъ насъ не встрѣтилъ: прислуга сказала, что онъ молится Богу; насъ проводили на особую половину, гдѣ подали намъ чай и ужинъ, и мы такъ и не видѣли дѣда въ этотъ вечеръ.

На другой день намъ подали чай тоже на нашей половинѣ, и дѣдъ не показывался, а сидѣлъ запершись въ кабинетѣ. Мы недоумѣвали, чтó это значитъ, и въ то же время страшно голодали, ходили по всѣмъ комнатамъ, разсматривали картины, но голода заморить этимъ не могли. Настали сумерки; тогда начали подъѣзжать сани и кибитки, и наѣхали разные господа (это были чиновные люди близъ лежащаго уѣзднаго города Тетюшъ). Въ числѣ пріѣхавшихъ прибылъ и священникъ съ причтомъ. Вслѣдъ за его

пріѣздомъ отворились двери изъ гостиной въ прилегающую къ ней комнату, которой мы еще не видали. Стѣна въ этой комнатѣ, противоположная двери въ гостиную, была вся деревянная, филенчатая и представляла какъ бы широкія ворота, покрытыя аркой. Спустя нѣсколько минутъ, эта стѣна исчезла отъ невидимой руки, т. е. раздвинулась въ обѣ стороны, и нашимъ глазамъ представился иконостасъ, залитый свѣтомъ отъ свѣчей.

Такъ какъ мы устройства этого не знали и ничего подобнаго не ожидали, то, весьма естественно, мы, дѣти, пришли въ неописанный восторгъ.

Вслѣдъ за этимъ пришелъ дѣдъ, котораго мы и увидали въ первый разъ. На насъ, дѣтей, онъ произвелъ весьма пріятное впечатлѣніе. Онъ былъ отлично одѣтъ, раздушенъ и ничѣмъ не походилъ по внѣшнему виду, такъ же, какъ и нашъ отецъ, на деревенскаго жителя. Въ то время дѣду было лѣтъ 75; несмотря на это, онъ былъ очень бодръ, прямъ, строенъ, тонокъ и имѣлъ живую походку. Усовъ и бакенбардъ не носилъ и былъ выбритъ щегольски.

Когда насъ представляли ему, то мы, конечно, по тогдашнему обычаю, стали подходить къ рукѣ, но онъ руки не давалъ, а цѣловалъ насъ. Поздоровавшись затѣмъ быстро съ наѣхавшимъ людомъ, онъ приказалъ служить всенощную, которая длилась чуть-ли не три часа, такъ что я не могъ выстоять.

Въ это время въ залѣ накрывали большой столъ для обѣда.

Всенощная кончилась часовъ въ 9; послѣ этого сѣли за столъ. Обѣдъ былъ постный, блюдъ было безконечное число, и притомъ такихъ, какихъ я уже съ тѣхъ поръ не встрѣчалъ. Помню только, что многія кушанья подавались въ горшкахъ, обернутыхъ салфеткой. Но что̀ всего болѣе поразило насъ, это то, что послѣ каждаго блюда шелъ человѣкъ съ подносомъ рюмокъ, а другой—съ особымъ всякій разъ виномъ. Всѣ рюмки были одного фасона и отличались только размѣромъ. Когда и намъ, дѣтямъ, стали подавать вино за виномъ, то матушка встревожилась и не приказала человѣку подавать намъ вина. Дѣдъ, который сидѣлъ подлѣ матушки, отмѣнилъ это приказаніе и, улыбаясь, сказалъ матушкѣ, чтобы она позволила ему угощать своихъ гостей, т. е. чтобы человѣкъ отнюдь не обносилъ насъ виномъ. Само собою разумѣется, что мы, во исполненіе

воли матушки и по собственному соображенію, едва прикасались губами къ рюмкамъ, но намъ было ужасно пріятно, что насъ не обходили; намъ забавно было, въ особенности, выстраивать наши рюмки около своихъ приборовъ по ранжиру. Когда дѣло дошло уже до девятой или десятой рюмки, то, выпивая хотя бы по нѣскольку капель изъ каждой, я, вѣроятно, опьянѣлъ, заснулъ за столомъ, и меня увели спать. Такимъ образомъ, я не помню конца этого сочельническаго обѣда послѣ звѣзды, и на другой день чуть не плакалъ отъ стыда, что не досидѣлъ, какъ большіе, до конца, да и братья, конечно, меня за это поддразнивали.

На другой день утромъ намъ подали чай опять на нашей половинѣ, и дѣдъ не показывался. Часу въ 11-мъ вытянули въ залѣ длинный столъ, и мы подумали, что приготовляютъ завтракъ или ранній обѣдъ. Между тѣмъ столъ скатертью не покрывался. Вскорѣ стали появляться, одинъ за другимъ, люди, всѣ одинаково одѣтые, съ музыкальными инструментами, нотами и пюпитрами. До этихъ поръ я никогда не слыхалъ оркестра и никогда не видѣлъ другихъ музыкальныхъ инструментовъ, кромѣ фортепіано, скрипки и віолончели, и потому любопытство мое страшно возбудилось при видѣ волторнъ, трубъ, фаготовъ, кларнетовъ, флейтъ, чекановъ, литавръ, турецкаго барабана, тарелокъ и контрабасовъ. Весь оркестръ состоялъ изъ 40 человѣкъ. Вслѣдъ затѣмъ явился капельмейстеръ; это былъ обрусѣвшій нѣмецъ, по фамиліи, если не ошибаюсь, Мюллеръ. Впослѣдствіи мы узнали, что онъ былъ отличный музыкантъ и очень хорошій артистъ на скрипкѣ. Послѣ смерти дѣда, онъ создалъ не одинъ въ тамошнемъ краю оркестръ, въ томъ числѣ и оркестръ Толстаго, славившійся въ свое время въ Казани.

По прибытіи капельмейстера, музыканты заняли свои мѣста, и началась настройка. Нетерпѣніе мое росло дотого, что у меня захватывало духъ въ ожиданіи, когда начнется игра. Между тѣмъ, послѣ настройки инструментовъ, ихъ положили опять на столъ, и игра все-таки не начиналась.

Не помню, сколько времени, но болѣе часа всѣ ожидали чего-то, не расходясь; прислуга, въ числѣ не менѣе 15 человѣкъ, стояла въ передней, не садясь на лари.

Дѣдъ находился въ своемъ кабинетѣ, и никто ему не докладывалъ, потому что безъ зова никто не смѣлъ къ нему входить. Наконецъ, двери изъ кабинета въ переднюю растворились, прислуга махнула музыкантамъ, и оркестръ грянулъ маршъ. При звукѣ марша дѣдъ прошелъ залу и направился въ гостиную, куда и мы послѣдовали за нимъ. Поздоровавшись со всѣми нами, онъ возвратился въ залу, далъ знакъ прекратить игру, и затѣмъ сталъ пускать по столу, горсть за горстью, цѣлковые, вынимая ихъ изъ кармановъ панталонъ и сюртука. Послѣ того подошелъ къ капельмейстеру, далъ ему кучку золотыхъ, и еще, особо, одинъ золотой мальчику лѣтъ 17, игравшему первую скрипку.

Потомъ мы узнали, что это былъ его любимецъ. Послѣ смерти дѣда этотъ мальчикъ, по имени Митя, сдѣлался извѣстенъ въ Казанской и Симбирской губерніяхъ и долгое время содержалъ самъ оркестръ въ Казани.

Затѣмъ дѣдъ приказалъ сыграть нѣсколько небольшихъ пьесъ и скоро отпустилъ музыкантовъ. Въ это время подали въ гостиной завтракъ. Дѣдъ былъ, какъ и наканунѣ, щегольски одѣтъ и раздушенъ. Онъ былъ очень веселъ и разсказывалъ про свое житье-бытье въ Петербургѣ. Въ гостиной, надъ диваномъ, гдѣ онъ сидѣлъ, висѣлъ извѣстный портретъ Державина: въ бархатномъ халатѣ и бѣломъ колпакѣ. Портретъ этотъ былъ подлиннымъ, т. е. былъ списанъ съ самого Державина, а не съ другаго портрета, и былъ подаренъ Державинымъ своему племяннику Страхову [1]. Сходство между племянникомъ и дядей бросалось въ глаза, съ тою разницею, что дѣдъ казался менѣе обрюзглымъ, чѣмъ Державинъ на портретѣ, и вмѣсто бѣлаго колпака на дѣдѣ была надѣта синяя бархатная шапочка, которую онъ носилъ, какъ говорилъ, отъ боли въ головѣ, но, всего вѣроятнѣе, для прикрытія очень рѣдкихъ волосъ.

Во время закуски дѣдъ захлопалъ въ ладоши и крикнулъ «Демка!» Явился человѣкъ большаго роста и очень полный. Это былъ дворецкій. «Вели запрягать лошадей и ѣхать за тетюш-

---

[1]) Этотъ портретъ достался, по раздѣлу, моему отцу, и теперь находится у старшаго моего брата.

скою сволочью», сказалъ дѣдъ. Конечно, вслѣдъ затѣмъ раздался общій хохотъ; сначала я не взялъ въ толкъ этихъ словъ, но послѣдующій разговоръ объяснилъ, въ чемъ дѣло; означенная характеристика пришлась всѣмъ намъ по нутру, и мы съ нетерпѣніемъ ожидали поѣзда изъ Тетюшъ.

Часа черезъ два стали подъѣзжать сани и кибитки, привозившія изъ Тетюшъ чиновный людъ. Пріѣхали: уѣздный судья, исправникъ, земскіе засѣдатели, докторъ, казначей, почтмейстеръ, смотритель училища и богоугодныхъ заведеній, секретари, письмоводители и нѣсколько мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ, проживавшихъ въ городѣ. Словомъ сказать, все, что̀ носило сюртукъ или фракъ, было вывезено изъ города и доставлено къ обѣденному столу дѣда, за исключеніемъ опальныхъ, ибо нѣкоторыя лица попадали иногда въ это положеніе. Пріѣхавшихъ было несравненно болѣе, чѣмъ наканунѣ.

Въ этотъ день за обѣдъ сѣли, разумѣется, въ обыкновенное время, т. е. часу въ четвертомъ. Во время стола въ передней гремѣла музыка. Обѣдъ былъ, конечно, скромный, и число кушаній было менѣе вчерашняго; все же остальное шло своимъ чередомъ, и за каждымъ блюдомъ подавались особыя вина и рюмки, но не вчерашнія, а такого невиданнаго фасона, который поражалъ своею вычурностью. Очевидно, дѣда забавляло поражать своихъ гостей богатствомъ своего разнохарактернаго хрусталя.

На этотъ разъ я выдержалъ и досидѣлъ до конца. Обѣдъ длился очень долго. Послѣ обѣда, когда убрали посуду, явились музыканты и окружили столъ по-вчерашнему.

Сначала мы сидѣли въ гостиной и слушали музыку оттуда, но потомъ дѣдъ захотѣлъ похвастаться игрою своего любимчика, и всѣ перешли въ залу. Весь же второстепенный людъ изъ гостей увезенъ былъ тотчасъ послѣ обѣда; остались одни избранные, какъ напримѣръ докторъ, исправникъ, судья и нѣкоторые помѣщики.

Тутъ, сидя въ залѣ, дѣдъ самъ назначалъ, что̀ играть и гдѣ могло бы выказаться искусство любимчика, а равно и живая, одушевленная игра капельмейстера, которымъ онъ также хвастался.

Какъ извѣстно, первыя впечатлѣнія бываютъ самыя сильныя, и у меня съ того вечера остались въ памяти названія оперъ, ко-

торыя игрались въ этотъ вечеръ, и даже нѣкоторые мотивы. Эти оперы были: «Семирамида», «Танкредъ», «Робертъ», «Вильгельмъ Тель», «Севильскій цирульникъ» и прежняя «Русалка». Вообще говоря, дѣдъ выписывалъ все, чтó появлялось серьезнаго въ музыкальной области. Мы не могли, конечно, судить о томъ, хорошо или дурно исполнялъ свое дѣло оркестръ, но дѣйствіе оркестра было на насъ магическое: мы приходили въ великій восторгъ. Въ это время рѣшено было немедленно начать учить на скрипкѣ моего старшаго брата, и у капельмейстера Мюллера была куплена отцомъ прекрасная маленькая скрипка, которая и посейчасъ цѣла у брата, и на которой началъ свое ученье и его сынъ, посвященный единственно музыкальному искусству и, несмотря на 16-лѣтній возрастъ, могущій считаться уже артистомъ въ отношеніи совершенства техническаго выполненія игры.

Въ этотъ пріѣздъ мы пробыли у дѣда дня четыре. Остальные дни походили на предъидущіе, за исключеніемъ того, что изъ города привозилось не болѣе 3 или 4 человѣкъ. Музыка играла каждый вечеръ, а по утру выводились напоказъ неистовые жеребцы, стоявшіе на конюшняхъ, но ни въ какую ѣзду, какъ мы узнали послѣ, не употреблявшіеся.

Въ день отъѣзда мы собрались ѣхать съ утра, но, какъ водится, безъ обѣда отпущены не были. По этому случаю обѣдъ былъ назначенъ ранѣе обыкновеннаго. Послѣ обѣда, дѣдъ, вопреки обыкновенію, ушелъ тотчасъ же въ свой кабинетъ, куда, чрезъ нѣсколько минутъ, и позвалъ насъ, дѣтей. При прощаніи, онъ далъ намъ каждому по 5 золотыхъ, блестящихъ, какъ солнце. Можно себѣ представить нашъ восторгъ! Мы выросли въ собственныхъ глазахъ, считая себя уже совершенно большими людьми. По тогдашнему времени, пять императоровъ должны были казаться для дѣтей источникомъ неисчерпаемымъ.

Замѣчу здѣсь, что первымъ расходомъ изъ этихъ денегъ, по возвращеніи нашемъ домой, была покупка нами всѣми книгъ у разъѣзжавшаго по деревнямъ разнощика, возившаго съ собою разные продукты, а также и книги. Помню, что старшій братъ купилъ романъ «Гусситы», второй — повѣсть «Граубинденъ», изъ исторіи борьбы Швейцаріи за независимость, третій — истори-

ческую повѣсть «Битва при Наваринѣ», я же купилъ какую-то повѣсть изъ временъ борьбы Малороссіи съ Польшей, но названія ея не помню.

Въ числѣ многихъ странностей дѣда была еще одна очень рельефная: онъ не терпѣлъ, если не сказать ненавидѣлъ, женщинъ простаго званія, т. е. дворовыхъ и крестьянокъ. Эта нетерпимость была такъ сильна, что не только не было у него въ домѣ ни одной женщины, но имъ, женщинамъ, воспрещалось, подъ опасеніемъ строгаго наказанія, проходить по двору въ то время, когда онъ сидѣлъ утромъ въ кабинетѣ, окна котораго выходили на дворъ, занимавшій болѣе 5 или 6 десятинъ и на которомъ находились людскія и прочія строенія. Домашняя хроника повѣствовала, что ненависть къ женщинамъ поименованной среды явилась у дѣда съ давняго времени, вслѣдствіе испытаннаго имъ обмана той, къ которой онъ питалъ слабость. Я помню, что, при дѣлежѣ масляныхъ картинъ, была принесена одна, найденная на чердакѣ, въ сверткѣ, изображавшая спящую Венеру въ натуральную величину. Говорили, что это былъ портретъ поименованной женщины, и что, послѣ ея проступка, дѣдъ приказалъ вынуть картину изъ рамки и сжечь, но дворецкій спряталъ ее на чердакъ.

Нетерпимость дѣда къ простымъ женщинамъ отражалась весьма чувствительно на участи молодыхъ парней. Въ то время люди, записанные дворовыми, должны были испрашивать у помѣщика разрѣшенія на женитьбу. Кромѣ того, и крестьяне испрашивали на то разрѣшенія въ тѣхъ случаяхъ, когда избранная невѣста находилась не въ той деревнѣ, гдѣ жилъ женихъ. Парни, пріѣзжавшіе изъ дальнихъ деревень, оставались въ ожиданіи разрѣшенія, при дворѣ, въ конюхахъ или другихъ должностяхъ, по нѣскольку лѣтъ, а иные навсегда. По смерти дѣда оказалось во дворѣ около 150 лицъ мужскаго пола, холостыхъ, ихъ коихъ болѣе сотни были немедленно отосланы обратно въ свои деревни. Иные, во избѣжаніе быть задержанными на нѣсколько лѣтъ, обращались къ дѣду съ письмами, въ которыя вкладывались деньги, по пяти или по десяти рублей ассигнаціями, чтобы быть увѣренными, что письмо дойдетъ по назначенію и что оно будетъ распечатано и прочитано. Но, въ послѣднемъ, разсчеты эти оказывались невѣрными. Я самъ былъ сви-

дѣтелемъ того, что во время раздѣла, при разборѣ бумагъ дѣда, которыя были запечатаны послѣ его смерти, нашлось нѣсколько сотъ денежныхъ пакетовъ нераспечатанныхъ. Эти письма касались не однѣхъ просьбъ о разрѣшеніи женитьбы, но многія изъ нихъ требовали отвѣта по хозяйству. Большею частію, какъ я упомянулъ, они заключали или 5-ти или 10-ти рублевыя бумажки. Однѣхъ бумажекъ старой формы, существовавшей до 1812 г., и потому негодныхъ уже въ 1839 г., и вынутыхъ изъ нераспечатанныхъ конвертовъ, насчитано было до 1.500 р. ассигн.

День дѣда, во время его жизни въ деревнѣ, по крайней мѣрѣ, въ послѣдніе годы, былъ расположенъ слѣдующимъ образомъ:

Вставалъ онъ не рано и, помолившись Богу, изъ спальни проходилъ черезъ нѣсколько заднихъ комнатъ въ свой кабинетъ. Подлѣ его спальни была молельня съ иконостасомъ сверху донизу, какъ въ церкви. Въ самой спальнѣ былъ большой полукруглый альковъ, въ которомъ полъ былъ на двѣ ступени выше остальнаго. Альковъ этотъ отдѣлялся балюстрадой. Въ потолкѣ его было вдѣлано круглое зеркало, отъ краевъ котораго спускались до полу кисейныя занавѣси, закидывавшіяся за мягкій диванъ, устроенный вокругъ всего алькова; внутренность алькова изображала собою палатку съ диваномъ кругомъ. Диванъ былъ устроенъ такъ, что на ночь свободное пространство задвигалось и покрывалось особымъ матрасомъ, отъ чего образовывалась постель въ видѣ полукруга во весь альковъ.

Перейдя въ кабинетъ, дѣдъ пилъ чай и оставался тамъ почти до обѣда. Въ это время онъ принималъ докладъ главнаго управляющаго и дворецкаго, отдавалъ имъ приказанія и принималъ просителей. Рѣдко было такъ, чтобы у него не гостилъ кто-нибудь изъ родныхъ или знакомыхъ; за отсутствіемъ же гостей дальнихъ, у него всегда обѣдалъ кто-нибудь изъ городскихъ: или докторъ, или исправникъ, или судья.

Почти каждый день, послѣ обѣда, играла музыка. Затѣмъ, послѣ вечерняго чая, дѣдъ отправлялся въ кабинетъ и запиралъ за собою дверь на ключъ. Тутъ онъ оставался до поздней ночи, иногда часовъ до двухъ, и неизвѣстно чѣмъ онъ занимался въ это время. Уже послѣ его смерти кто-то говорилъ, что дѣдъ занимался

въ это время чисткою щеточкой золотыхъ. Если принять во вниманіе, что исходившіе изъ его рукъ золотые блестѣли, какъ солнце, что они хранились у него въ ящикахъ его бюро въ столбикахъ, наполнявшихъ ящики до самаго верха, и что капиталъ до 100.000, найденный послѣ его смерти въ домѣ, состоялъ весь изъ золотыхъ, то невольно приходится довѣрять разсказу о чисткѣ по ночамъ золотыхъ, хотя всѣ остальныя черты характера дѣда не обнаруживали въ немъ ничего подобнаго: онъ не только не былъ скаредомъ или скупцомъ, но, напротивъ, былъ человѣкомъ тароватымъ и широкимъ въ жизни.

Нерѣдко обычный порядокъ деревенской его жизни нарушался пріѣздомъ разносчиковъ. Разносчики вообще задерживались имъ на нѣсколько дней; но одинъ изъ нихъ, по прозванію Лисицынъ, который посѣщалъ и насъ, оставался иногда болѣе недѣли. Этотъ разносчикъ возилъ всякаго рода товаръ на 7 или 8 подводахъ. Во время его пребыванія, осматривались всѣ товары и продукты, и безъ всякой нужды покупались дѣдомъ. Я помню, что при раздѣлѣ было множество громадныхъ сундуковъ, наполненныхъ одни—вермишелью, другіе—макаронами, третьи—рисомъ и т. п. Этого добра было нѣсколько десятковъ пудовъ.

Другаго сорта былъ братъ дѣда Александра Васильевича, Иванъ Васильевичъ Страховъ, котораго, однако, я никогда не видалъ, но о которомъ сохранились у меня въ памяти нѣкоторые разсказы.

Иванъ Васильевичъ былъ тоже старый холостякъ и отличался такимъ скаредствомъ, что портретъ Плюшкина, когда появились «Мертвыя души», показался намъ, слыхавшимъ о скаредности Ив. Вас. Страхова, снимкомъ съ него.

За долго до появленія «Мертвыхъ душъ», отецъ разсказывалъ о томъ, что Иванъ Васильевичъ самъ пряталъ остатки кушаній въ кладовую, самъ сбиралъ остатки варенья и складывалъ обратно въ банки, и о другихъ проявленіяхъ его скаредства. Онъ жилъ верстахъ въ 30 отъ своего брата, на луговой сторонѣ Волги, въ дер. Танкѣевкѣ [1]).

---

[1]) Эта деревня досталась моему двоюродному брату Ив. Ив. Панаеву, писателю и бывшему издателю и редактору „Современника“. Деревня эта была имъ продана для того чтобы на вырученныя за продажу ея деньги основать „Современникъ“.

Разсказывали, что во время пожара дома, въ которомъ жилъ Иванъ Васильевичъ, онъ не рѣшался указать вынести поскорѣе тотъ шкафъ, гдѣ хранилась у него большая масса денегъ, и не рѣшался, конечно, изъ опасенія дать намекъ людямъ о своемъ хранилищѣ; такимъ образомъ шкафъ этотъ сгорѣлъ. Послѣ пожара выстроенъ былъ новый небольшой домъ, гдѣ Иванъ Васильевичъ прожилъ еще многіе годы. Разсказывали, что онъ сталъ прятать потомъ деньги подъ обойку мебели и въ перины. Когда онъ умеръ, то братъ его, наслѣдникъ Александръ Васильевичъ Страховъ, котораго я описалъ выше и который былъ съ братомъ не въ ладахъ, пріѣхалъ въ домъ, опечаталъ въ немъ все, что̀ нужно, не вывозя оттуда ничего и во всю свою жизнь не былъ болѣе въ этомъ домѣ. Домъ этотъ, никѣмъ не обитаемый, тоже сгорѣлъ, но уже послѣ смерти Александра Васильевича, во время междуцарствія, т. е. до раздѣла. Послѣ пожара, управляющій заявилъ о найденныхъ имъ въ пепелищѣ слиткахъ монетъ мѣдныхъ и серебряныхъ: первыхъ оказалось болѣе 15 пудовъ, а вторыхъ два или три фунта. Одинъ изъ наслѣдниковъ и въ то же время попечитель, получившій извѣстіе о случившемся пожарѣ и о найденныхъ слиткахъ, поѣхалъ въ эту деревню для разслѣдованія пепелища, въ надеждѣ отыскать слитки золотой монеты, но таковыхъ, конечно, не нашелъ. Было сильное подозрѣніе, что изъ дома было вывезено все, что́ было цѣнно, и что затѣмъ отъ былъ подожженъ нарочно во время случившагося пожара въ деревнѣ. Я былъ свидѣтелемъ дѣлежа поименованныхъ слитковъ. Само собою разумѣется, что многія монеты, слѣпившіяся между собою, сохраняли однако свой видъ, и мнѣ помнится, что величина ихъ была, если не ошибаюсь, гораздо болѣе вершка въ діаметрѣ.

Въ памяти моей остался еще одинъ оригинальный эпизодъ, переданный намъ отцомъ. Когда отецъ мой и братъ его Иванъ (отецъ литератора Ив. Ив.) были произведены въ офицеры и оба пріѣхали изъ Петербурга въ отпускъ, то поѣхали, конечно, навѣстить дядю Ив. Вас., который подарилъ имъ 5.000 руб. ассигнаціями. Такое неожиданное проявленіе щедрости поразило ихъ до такой степени, что они подумали, что дядя ихъ рехнулся. Въ минуту полученія ими этихъ денегъ, ни отецъ, ни братъ его не знали, что подаренныя ассигнаціи были стараго образца, и что срокъ на ихъ обмѣнъ

былъ уже пропущенъ; они узнали объ этомъ лишь по пріѣздѣ изъ деревни въ Казань. Между тѣмъ, они попробовали похлопотать объ обмѣнѣ, и, по знакомству и связямъ, деньги эти были приняты отъ нихъ въ казну, вѣроятно потому, что пропущенный срокъ не былъ еще очень великъ. Когда Ив. Вас. узналъ объ этомъ, то, сдѣлавъ видъ, что онъ давалъ деньги только для обмѣна, потребовалъ ихъ назадъ, что́, конечно, и было исполнено. Отецъ говорилъ тоже, что лица, сдѣлавшія снисхожденіе имъ, молодымъ людямъ, очень досадовали, что деньгами воспользовался старый скаредъ, для котораго они, конечно, никогда не сдѣлали бы снисхожденія.

Возвращаюсь теперь къ разсказу о времени пребыванія нашего въ Нармонкѣ, на раздѣлѣ, лѣтомъ 1839 года.

Я сказалъ уже выше, что въ Нармонку должны были съѣхаться наслѣдники или ихъ повѣренные для раздѣла движимаго и недвижимаго имущества покойнаго А. В. Страхова. Я упомянулъ тоже, что всего было 8 наслѣдниковъ: три изъ рода Синельниковыхъ и пять—изъ рода Панаевыхъ. Наслѣдники Синельниковы и Панаевы были дѣти и внуки отъ двухъ сестеръ Страхова, бывшихъ замужемъ, одна—за Синельниковымъ, екатеринославскимъ генералъ-губернаторомъ при Екатеринѣ, а другая—за моимъ прямымъ дѣдомъ, Иваномъ Ивановичемъ Панаевымъ, который былъ извѣстенъ какъ основатель и командоръ масонской ложи въ Перми. Аббатъ Охотскій,—который, по своимъ политическимъ воззрѣніямъ, былъ сосланъ при Екатеринѣ въ Сибирь, въ Туринскъ, и потомъ возвращенъ,—въ своихъ обширныхъ мемуарахъ удѣлилъ нѣсколько теплыхъ страницъ воспоминанію о прадѣдѣ моемъ, Иванѣ Андреевичѣ Панаевѣ, и дѣдѣ моемъ, Иванѣ Ивановичѣ, съ семействомъ. Иванъ Андреевичъ Панаевъ былъ туринскимъ воеводой и основателемъ первой писчебумажной фабрики въ сибирскихъ дебряхъ. Онъ отнесся самымъ задушевнымъ образомъ къ Охотскому, и послѣдній былъ приглашенъ учить дѣтей Ивана Ивановича, въ числѣ коихъ былъ и мой отецъ, французскому и англійскому языкамъ. И это было въ концѣ прошедшаго столѣтія, въ глуши Сибири. Старшая сестра моего отца—Татьяна, успѣла выучиться не только французскому языку, но отлично знала и англійскій—что́ не мало

удивляло всѣхъ и возбуждало къ ней зависть. Она была необыкновенно развита, и умерла, въ цвѣтѣ лѣтъ, дѣвушкой.

Синельниковъ имѣлъ трехъ сыновей: Николая, Василія и Виктора Ивановичей. Въ это время Николая Ивановича не было уже въ живыхъ, но наслѣдникомъ являлся сынъ его, Евдокимъ Николаевичъ, который былъ женатъ и имѣлъ уже 10-ти-лѣтняго сына. Со стороны Синельниковыхъ, лично прибыли къ раздѣлу, изъ Воронежской губерніи, Викторъ Ивановичъ и Евдокимъ Николаевичъ съ женою и сыномъ. Василій же Ивановичъ, обладатель обширныхъ имѣній, по обоимъ берегамъ Днѣпра, начиная отъ Екатеринославля до Ненисситинскихъ пороговъ включительно, проживалъ тамъ и прислалъ повѣреннаго, какого-то мелкопомѣстнаго помѣщика, крючка-повытчика.

У дѣда Ивана Ивановича Панаева было пять сыновей: Николай, Иванъ, Александръ [1]), Владиміръ и Петръ. Одного изъ нихъ, Ивана, не было уже въ живыхъ, но наслѣдникомъ былъ сынъ его, Иванъ Ивановичъ, извѣстный беллетристъ и бывшій редакторъ и издатель «Современника». Къ раздѣлу, лично, пріѣхалъ только Петръ Ивановичъ съ семействомъ, остальные наслѣдники Панаевы дѣйствовали чрезъ повѣренныхъ: отъ Николая Ивановича — тетюшскій докторъ Крамеръ; отъ отца моего — матушка, имѣвшая тоже довѣренность и отъ Ивана Ивановича Панаева; отъ Владиміра Ивановича, который былъ на службѣ въ Петербургѣ,—отставной тетюшскій судья Дрееръ.

Въ срединѣ лѣта пріѣхалъ Иванъ Ивановичъ съ молодою 17-ти-лѣтнею женою, и Николай Ивановичъ, а къ концу раздѣла пріѣхалъ на нѣсколько дней и мой отецъ.

---

[1]) Николай, Иванъ и Александръ были товарищами по университету Сергѣю Тимоѳеевичу Аксакову. Объ Иванѣ и въ особенности объ Александрѣ, моемъ отцѣ, какъ университетскомъ другѣ Аксакова, много говорится въ его семейной хроникѣ.

II.

Характеристика нѣкоторыхъ лицъ, присутствовавшихъ при раздѣлѣ имѣнія А. В. Страхова.

Сдѣлаю очеркъ нѣкоторыхъ личностей, присутствовавшихъ при раздѣлѣ.

Самый оригинальный и возбуждавшій не только общее неудовольствіе, но, буквально, общее отвращеніе, былъ Викторъ Ивановичъ Синельниковъ.

Викторъ Ивановичъ былъ старый холостякъ, лѣтъ 70-ти. Всю свою жизнь онъ прожилъ въ деревнѣ, никогда нигдѣ не служилъ, и только въ 12-мъ году былъ зачисленъ въ милицію, почему, съ тѣхъ поръ, и носилъ постоянно милиціонный форменный сюртукъ. Этотъ сюртукъ, вслѣдствіе скаредства старика, шился не изъ сукна, а изъ шерстяной матеріи травянаго цвѣта, называвшейся тогда камлотомъ. Воротникъ сюртука и выпушки были желтаго цвѣта.

Скаредство Виктора Ивановича могло быть сравнено лишь со скаредствомъ дяди его — Ивана Васильевича Страхова, о которомъ я уже упоминалъ. Между тѣмъ, Викторъ Ивановичъ Синельниковъ былъ вдвое богаче Ивана Васильевича; онъ былъ обладателемъ болѣе 2.500 душъ въ Воронежской губерніи, сосредоточенныхъ въ одномъ мѣстѣ. Большое его имѣніе «Волоконовка» довольно извѣстна въ Бирюченскомъ уѣздѣ. Жилъ онъ въ своей деревнѣ, какъ турецкій султанъ, имѣя громадный гаремъ, занимавшій особое помѣщеніе. Въ концѣ концовъ, спустя нѣсколько лѣтъ послѣ того, какъ я видѣлъ его на раздѣлѣ въ 1839 году, имѣніе Виктора Ивановича Синельникова, за безобразные поступки вопіюще-безнравственнаго характера, было взято, по иниціативѣ мѣстныхъ властей, въ опеку, и самъ онъ былъ удаленъ изъ имѣнія. Вслѣдствіе этого онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ и умеръ вскорѣ очень оригинально, въ банѣ, при чемъ найденъ былъ кожаный мѣшокъ, въ родѣ пояса, вѣроятно имъ на себѣ носимаго, наполненный золотою монетою.

По пріѣздѣ на раздѣлъ, онъ поселился въ г. Тетюшахъ, въ бывшемъ тамъ домѣ А. А. Страхова, и ежедневно пріѣзжалъ въ Нармонку для присутствія при раздѣлѣ движимаго имущества. Не го-

воря о томъ, что характеръ Синельникова отвращалъ отъ него всѣхъ, но и самая наружность его была отталкивающаго свойства: у него были маленькіе и слезящіеся глаза, никогда ни на чемъ не останавливавшіеся, цвѣтъ лица былъ грязный, борода очень часто была не выбрита, длинные сѣдые усы имѣли цвѣтъ желто-коричневый отъ куренія сигаръ; онъ не выпускалъ сигару изо рта, буквально, цѣлый день: кончалась одна, онъ немедленно закуривалъ другую. Курилъ же онъ такія сигары, о существованіи которыхъ, конечно, многіе не имѣютъ никакого понятія. Это были такъ называемыя сарептскія сигары, привозимыя изъ Саратовской губерніи и продававшіяся тогда по 3 рубля ассигнаціями за тысячу. Не было возможности оставаться долго въ той комнатѣ, гдѣ онъ курилъ. Къ счастію, онъ сидѣлъ всегда въ залѣ, гдѣ производилась раскладка движимости, такъ что въ гостиной можно было дышать.

Изъ числа различныхъ оригинальностей Виктора Ивановича Синельникова у меня рѣзко остались въ памяти часы, формы луковицы, въ діаметрѣ не менѣе двухъ съ половиною вершковъ, которые онъ носилъ въ боковомъ карманѣ форменнаго сюртука. Часы эти каждую четверть часа играли гамму и отбивали четверти, подобно тому, какъ дѣлаютъ часы на нѣкоторыхъ колокольняхъ или башняхъ. Викторъ Ивановичъ очень забавлялся тѣмъ впечатлѣніемъ, которое производила неожиданная музыка, неизвѣстно откуда издающаяся, на тѣхъ, которые не знали секрета. Но онъ обыкновенно не довольствовался созерцаніемъ удивленія новаго слушателя, а чтобы окончательно поразить его, проводилъ рукою по сюртуку, нажавъ въ это время сквозь него репетиторъ часовъ, и они вновь принимались играть и звонить.

Общая антипатія къ В. И. Синельникову, предварительно установившаяся, усиливалась еще между всѣми потому, что онъ былъ главною причиною замедленія раздѣла движимаго имущества и такихъ при этомъ явленій, которыя для не видавшихъ ихъ во-очію могутъ показаться баснею; между тѣмъ, есть еще живыя лица, которыя, какъ очевидцы, могутъ засвидѣтельствовать, вмѣстѣ со мною, дѣйствительность этихъ явленій.

Обыкновенно, приступая къ раздѣлу какого-либо рода предметовъ, приносили въ залу сундуки, заключавшіе эти предметы.

Осмотрѣвши цѣлость печатей на сундукахъ, ихъ по очереди вскрывали, выбирали изъ нихъ вещи, осматривали ихъ и переписывали. Эта процедура не всегда могла быть окончена въ одинъ день, и случалось, что она длилась дня три. Когда все было разсмотрѣно и переписано, тогда принимались за раскладываніе предметовъ на двѣ половины. Замѣчу здѣсь, что главное затрудненіе было въ раздѣлѣ на двѣ половины. Что же касается до раздѣла между наслѣдниками Панаевыми, то это совершалось очень быстро. При раздѣлѣ же движимаго имущества между Синельниковыми я не присутствовалъ, такъ какъ это дѣлалось на особой половинѣ. Надо сказать здѣсь, что я постоянно присутствовалъ при раздѣлѣ потому, что матушка не любила бывать при этой операціи, и заявила разъ на всегда, что она уполномочиваетъ меня изъявлять согласіе за нее.

Такимъ образомъ, несмотря на то, что мнѣ было только пятнадцать лѣтъ, я являлся оффиціальнымъ представителемъ наслѣдства, чтò не могло не льстить моему самолюбію, тѣмъ болѣе, что всѣ остальные наслѣдники не могли уже относиться ко мнѣ, какъ къ ребенку.

Въ то время, когда вещи раскладывались на двѣ половины, Викторъ Ивановичъ курилъ свою сигару и не произносилъ ни слова. На вопросы, обращаемые къ нему во время этой раскладки, онъ отвѣчалъ всегда: «какъ знаете, воля ваша». Когда, наконецъ, одного и того же рода предметы были разложены окончательно, тогда спрашивали его: «находитъ ли онъ обѣ половины уравнительными, и согласенъ ли онъ приступить къ жребію?» Я не помню ни одного раза, чтобы онъ отвѣчалъ своимъ согласіемъ. Обыкновенно, послѣ сдѣланнаго ему вопроса о согласіи, онъ вынималъ изо рта сигару, затѣмъ концами пальцевъ другой руки проводилъ попеременно по обоимъ усамъ и торжественно объявлялъ: «не согласенъ!» Начиналась вновь перекладка, при чемъ онъ упорно отказывался давать свои указанія. Не рѣдко случалось, что разложенныя вещи оставались до другаго дня, такъ что вся процедура раздѣла одного только рода предметовъ длилась иногда 4 или 5 дней. Бывало также, что наслѣдники, выведенные изъ терпѣнія, просили Виктора Ивановича распорядиться самому раскладкою вещей, тогда онъ молча вставалъ и уѣзжалъ домой въ городъ.

Подобнымъ образомъ онъ мучилъ всѣхъ около двухъ мѣсяцевъ, и въ это время не раздѣлили и $^1/_4$ доли всего имущества. Вслѣдствіе этого, раздраженіе большей части наслѣдниковъ дошло дотого, что, для ускоренія раздѣла, рѣшились рѣзать, рвать и разбивать пополамъ все, что̀ только могло подлежать такому дѣлежу. Не говоря уже о томъ, что рѣзали пополамъ каждый кусокъ полотна, такъ какъ Викторъ Ивановичъ подозрѣвалъ возможность обмана въ томъ, что одно полотно нѣсколько потолще, другое потоньше, одно пошире, другое поуже; рѣзали пополамъ всѣ матеріи, безъ исключенія.

Между тѣмъ, надо сказать, что у дѣда А. В. Страхова, вслѣдствіе упомянутой выше его слабости покупать для развлеченія ненужные предметы, оказалось громадное количество разныхъ матерій и очень дорогихъ, какъ-то: разноцвѣтныя китайскія канчи, штофы, бархаты и другія мебельныя матеріи, предназначавшіяся для будущихъ домовъ.

Увлеченіе рѣзкою дошло до того, что рвали пополамъ по спинкѣ Екатерининскихъ временъ кафтаны и жилеты, шитые серебромъ и золотомъ, и этого добра было не менѣе 5 или 6 сундуковъ.

Всего интереснѣе, однако, былъ дѣлежъ домашняго серебра. На бѣду оказался одинъ серебряный подносъ, имѣвшій длины около двухъ аршинъ. Если положить его на одну половину, по вѣсу, то на другой половинѣ приходилось убавить много ложекъ. Пробовали и такъ и этакъ, все было тщетно. Викторъ Ивановичъ повторялъ свое слово: «не согласенъ». Тогда кто-то изъ наслѣдниковъ, въ досадѣ и въ шутку, предложилъ распилить подносъ. Всѣ были такъ утомлены, что въ одинъ голосъ подхватили: «распилить!» Но такъ какъ надлежащей для этого пилы не оказалось, то подносъ былъ разрубленъ топоромъ, чему я былъ свидѣтелемъ.

Но апоѳеозою рѣзки надо считать разрѣзку пополамъ турецкой шали.

Дѣйствительно, была одна непомѣрной длины турецкая шаль, очень высокаго, какъ тогда говорили, качества. Она была такъ длинна, что половина ея въ самомъ дѣлѣ могла употребляться въ носку, скрывая, конечно, отрѣзанную сторону, лишенную каймы. Справедливость требуетъ сказать, что разрѣзка этой шали обусло-

*

вилась не однимъ Викторомъ Ивановичемъ, но и одною дамою, о которой будетъ сказано ниже.

Я упомянулъ уже выше, что со стороны Синельниковыхъ однимъ изъ наслѣдниковъ былъ внукъ Страхова, Евдокимъ Николаевичъ, прибывшій на раздѣлъ съ женою и 9-ти-лѣтнимъ сыномъ. Самъ Евдокимъ Николаевичъ не представлялъ ничего оригинальнаго. Это былъ человѣкъ лѣтъ подъ 40, послужившій весьма короткое время въ кавалерійскомъ армейскомъ полку, чтобы получить второй офицерскій чинъ, выйти штабсъ-ротмистромъ въ отставку и, затѣмъ, женившись, поселиться въ деревнѣ. Онъ имѣлъ хорошее состояніе, жилъ открыто и былъ, можно сказать, помѣщикъ-джентльменъ. Но жена его была женщина довольно оригинальная, представлявшая изъ себя помѣсь разныхъ контрастовъ. Клеопатра Григорьевна, какъ ее звали, несмотря на весьма скромное свое состояніе, получила отличное, по тогдашнему времени, свѣтское образованіе въ одномъ изъ харьковскихъ пансіоновъ. Она говорила отлично на двухъ иностранныхъ языкахъ и была очень бойкой піанисткой, въ доказательство чего покрывала иногда клавиши носовымъ платкомъ и разыгрывала по нимъ, безъ фальши, разныя трудныя пьесы. Вышедши замужъ за богатаго человѣка, она стала разыгрывать роль grande дамы, что никакъ не могло совмѣщаться съ ея необыкновенно рѣзкимъ малороссійскимъ жаргономъ, съ ея скупостью и мелочностью, которыя постоянно оскорбляли ея мужа, находившагося, впрочемъ, какъ говорится, подъ ея башмакомъ.

Я помню ее еще тогда, когда она лѣтъ 6 или 7 предъ этимъ пріѣзжала съ своимъ мужемъ изъ Воронежской губерніи въ Казанскую, главнымъ образомъ, къ дѣду Страхову, а затѣмъ и познакомиться съ родственниками Панаевыми. Старикъ Страховъ плѣнился ею и чуть ли не задержалъ ихъ у себя около полугода. Когда Евдокимъ Николаевичъ съ женою гостили въ то время у насъ, то мы, дѣти, очень полюбили его и плѣнялись его молоденькою женою, которая была смолоду очень мила и восхищала насъ пѣніемъ разныхъ малороссійскихъ пѣсенокъ. Изъ числа многихъ оригинальностей этой особы мнѣ помнится, напримѣръ, что она, стригши ногти, собирала ихъ въ коробочку, объясняя это тѣмъ, что на томъ свѣтѣ придется лѣзть въ гору и что всѣ остриженные и сохранен-

ные ногти сростутся и дадутъ возможность цѣпляться и влѣзть на эту гору, гдѣ будетъ спасеніе. Помню также, что во время раздѣла она каждый вечеръ занималась разрѣзкою лоскутковъ и образчиковъ разныхъ матерій пополамъ. Эти лоскутки и образчики были находимы при разборѣ сундуковъ съ матеріями и платьями. Сколько разъ ни говорили ей, что если ее интересуютъ эти образчики матерій, то она можетъ взять ихъ безъ дѣлежа пополамъ; но она, улыбаясь, отвѣчала всегда, что не имѣетъ никакого на то права, и продолжала каждый вечеръ свою работу дѣлежа лоскутковъ пополамъ.

Надо сказать, что Клеопатра Григорьевна, во время дѣлежа, была еще молодою дамой и была беременна. Не знаю, почему, вѣроятно вслѣдствіе впечатлѣнія, сдѣланнаго ею на меня въ самомъ раннемъ дѣтствѣ, но мнѣ пріятно было видѣть ее и проводить время около нея. Подмѣтила ли она это или нѣтъ — утверждать не могу, но она обратила меня въ своего адъютанта, и это мнѣ нравилось. Всякій разъ какъ она шла гулять,—а это совершалось два раза въ день,—она звала меня сопровождать ее. Она любила тоже удить рыбу, для чего мы отправлялись на большой прудъ, около котораго были лавочки. Мы садились на одну изъ нихъ; она читала въ это время какой-нибудь французскій романъ, а я наблюдалъ за поплавками удочекъ и давалъ ей знать, когда начиналось клеваніе. Ловили мы рыбу на шарики хлѣба, потому что я отъ насаживанія червяковъ отказался, за чтò и Клеопатра Григорьевна не замедлила выразить мнѣ своѐ сочувствіе. Наловленную рыбу мы обыкновенно собирали въ ведро, но передъ уходомъ домой пускали опять въ прудъ. Иногда роли мѣнялись, т. е. я долженъ былъ читать ей, а она наблюдала за поплавками. Не отдавая себѣ отчета, но, вообще говоря, мнѣ хотѣлось дѣлать Клеопатрѣ Григорьевнѣ пріятное и хотѣлось нравиться ей. Я упоминалъ уже, что у дѣда былъ большой конскій заводъ. При этомъ былъ очень большой манежъ со всѣми принадлежностями, не исключая и турецкихъ головъ для рубки ихъ саблею. Берейторъ былъ знающій свое дѣло человѣкъ, и я, пользуясь этимъ, сталъ учиться правильной ѣздѣ. Когда я подъучился настолько, что могъ заставлять лошадь дѣлать все то, чтò отъ нея требуется при ѣздѣ, напримѣръ: пліе, траверсы, вольты,

галопъ и брать барьеры, тогда я, первымъ дѣломъ, пригласилъ Клеопатру Григорьевну въ манежъ. Но предъ этимъ, за нѣсколько дней, я упросилъ берейтора дать мнѣ самаго красиваго жеребца «Макбета», слывшаго за неукротимаго звѣря. Дѣйствительно, на немъ можно было ѣздить только въ манежѣ, а на чистомъ воздухѣ онъ дѣлался по истинѣ звѣремъ.

Само собою разумѣется, что я заслужилъ отъ своей дамы названіе молодца и былъ очень доволенъ.

Однажды Клеопатра Григорьевна поѣхала въ Тетюши, за семь верстъ, на татарскій праздникъ — «сабанъ», на которомъ обыкновенно производятся скачки на лошадяхъ. Я поѣхалъ сопровождать свою даму верхомъ, но не на «Макбетѣ», а на другой лошади. Все время, какъ водится, я ѣхалъ рядомъ съ коляскою. Пріѣхавши на «сабанъ», я захотѣлъ принять участіе въ скачкахъ, къ которымъ допускаются всѣ желающіе. Мнѣ поставили, однако, условіемъ скакать безъ сѣдла, какъ обыкновенно скачутъ всѣ татары. Хотя я никогда не ѣздилъ еще безъ сѣдла, но струсить въ присутствіи Клеопатры Григорьевны мнѣ показалось невозможнымъ, и я приказалъ снять сѣдло. Лошадь моя, конечно, обскакала бы далеко всѣхъ татаръ, но такъ какъ я заботился лишь о томъ, чтобы не свалиться, то пришелъ вторымъ, съѣхавъ подъ конецъ на холку лошади, обхвативъ ногами ея шею, такъ что едва усидѣлъ на ней. Коляска, въ которой сидѣла Клеопатра Григорьевна, стояла у конца скачки, и потому она могла видѣть мою неудалую, жалкую фигуру на лошади. Это меня очень огорчило, и я, чтобы поправиться въ ея глазахъ, воспользовался черезъ нѣсколько дней случаемъ, когда она поѣхала кататься въ коляскѣ: я пустился сопровождать ее опять верхомъ, выпросивъ для этого у берейтора неукротимаго звѣря. Долго берейторъ не соглашался дать мнѣ эту лошадь; однако, попробовавъ проѣхать на ней въ полѣ самъ, согласился, но съ тѣмъ, чтобы ему ѣхать вмѣстѣ со мною. Покуда мы ѣхали, удаляясь отъ дома, все шло благополучно; но когда повернули назадъ, лошадь моя начала горячиться, я сталъ ее сдерживать, и отъ этого она принялась сбивать меня съ себя. Видя неминуемую для меня бѣду, берейторъ крикнулъ мнѣ опустить поводья. Я ослабилъ ихъ сполна, и лошадь помчала меня такъ, какъ никогда уже другой разъ я не мчался; объ

управленіи лошадью я и не думалъ; она мчала меня пять верстъ и примчала прямо къ дверямъ конюшни, чего, конечно, Клеопатра Григорьевна не видѣла; слѣдовательно, повидимому, я вышелъ изъ этой прогулки безъ стыда, но далъ себѣ слово впредь подобнаго молодечества передъ моею дамою не разыгрывать.

III.

Пріѣздъ И. И. Панаева. Его женитьба.—А. Ѳ. Р—скій и его странная болѣзнь.

Вскорѣ случилось однако, что я сложилъ съ себя обязанности адъютанта Клеопатры Григорьевны. Въ Нармонку пріѣхалъ изъ Петербурга Иванъ Ивановичъ Панаевъ [1]), только-что женившійся на прелестной молодой дѣвушкѣ 17½ лѣтъ, дочери знаменитаго актера артиста Брянскаго.

Надо замѣтить здѣсь, что женитьба Ивана Ивановича совершилась съ большими препятствіями. Необходимо, хотя вкратцѣ, разсказать условія, при которыхъ онъ женился, иначе нѣкоторыя обстоятельства, о которыхъ будетъ говориться ниже, покажутся непонятными.

Въ 1836 году Иванъ Ивановичъ, начавшій уже появляться въ литературѣ, перевелъ трагедію Шекспира «Отелло» и предложилъ эту пьесу въ бенефисъ знаменитому В. А. Каратыгину. В. А. Каратыгинъ, будучи не только истинно талантливый, но истинно геніальный актеръ [2]), имѣлъ поэтому не мало недоброжелателей и преимущественно въ литературномъ мірѣ. Нѣкоторые изъ этого міра уговорили Ивана Ивановича дать свою пьесу не Каратыгину, а передать ее на бенефисъ Брянскому.

---

[1]) Писатель и впослѣдствіи издатель и редакторъ „Современника“.

[2]) Назвавъ В. А. Каратыгина истинно геніальнымъ актеромъ, я этимъ налагаю на себя обязанность поговорить о немъ въ своемъ мѣстѣ, удѣливъ для этого нѣсколько страницъ, что̀ и исполню съ великимъ удовольствіемъ и какъ долгъ мой передъ этимъ великимъ артистомъ.

Въ это время старшая дочь Брянскаго, очень красивая собою, готовилась начать сценическое поприще, и Брянскій очень обрадовался предоставить своей дочери, въ первый ея дебютъ, роль Дездемоны. Въ то же время Иванъ Ивановичъ познакомился и съ А. А. Краевскимъ, начавшимъ уже свое издательское и редакторское поприще литературными прибавленіями къ «Русскому Инвалиду». Иванъ Ивановичъ и А. А. Краевскій стали посѣщать Брянскаго по поводу постановки «Отелло». А. А. Краевскій заинтересовался будущей прелестной Дездемоной, а Иванъ Ивановичъ влюбился во вторую дочь Брянскаго. Красота этой дѣвушки была очень оригинальна. При весьма красивыхъ чертахъ лица, она отличалась чрезвычайно оригинальнымъ цвѣтомъ, рѣдко встрѣчающимся: смуглость, побѣждаемая нѣжнымъ въ мѣру румянцемъ, но не лоснящимся, какъ это обыкновенно бываетъ у южныхъ жителей и что̀ не особенно красиво, но румянцемъ матовымъ. Я остановился на этомъ характеристичномъ цвѣтѣ лица потому, что онъ, при взглядѣ на него, первый бросался въ глаза и точно такого мнѣ не случалось уже встрѣтить другой разъ.

Мать Ивана Ивановича не хотѣла и слышать о женитьбѣ сына на дочери актера. Два съ половиною года Ив. Ив. разными путями и всевозможными способами добывалъ согласіе матери, но безъуспѣшно; наконецъ, онъ рѣшился обвѣнчаться тихонько, безъ согласія матери, и, обвѣнчавшись, прямо изъ церкви, сѣлъ въ экипажъ, покатилъ съ молодою женой въ Казань и прибылъ въ Нармонку въ половинѣ лѣта. Мать, узнавши, разумѣется, въ тотъ же день о случившемся, послала Ивану Ивановичу въ Казань письмо съ проклятіемъ.

Всѣ родственники Ивана Ивановича, за исключеніемъ одного нашего семейства, не жаловали его по весьма простой причинѣ: онъ былъ молодъ, отлично образованъ и жилъ въ свѣтѣ въ Петербургѣ.

Вслѣдствіе этого, всѣ, за исключеніемъ нашего семейства, взглянули на женитьбу Ивана Ивановича съ злорадствомъ, которое и обрушивалось при всякомъ удобномъ случаѣ, въ отсутствіе Ивана Ивановича, на его молодую жену.

Мать моя встрѣтила Ивана Ивановича и жену его съ искренно

распростертыми объятіями, и я былъ въ полномъ восторгѣ отъ ихъ пріѣзда. Молодая жена Ивана Ивановича, встрѣтивъ теплое, привѣтливое отношеніе со стороны моей матери, полюбила ее, какъ можно любить только родную мать, и мы всѣ сдѣлались въ короткое время друзьями. Весьма естественно, что я, вслѣдствіе малой разницы лѣтъ, сдружился всего ближе съ молодою женою Ивана Ивановича, которая хотя и была на 2½ года старше меня, но въ полномъ смыслѣ слова была по воззрѣніямъ своимъ дитя моложе меня. Кромѣ того, что она никогда не была въ деревнѣ, но вообще она и въ Петербургѣ жила, какъ говорится, въ заперти, подъ самымъ строгимъ режимомъ [1]). А потому, вырвавшись на волю, она похожа была на птичку, выпущенную изъ клѣтки, и рѣзвилась, какъ рѣзвятся маленькія дѣти. Такимъ образомъ, съ пріѣздомъ Ивана Ивановича я бросилъ свое прежнее адъютантствованіе и привязался къ новой молодой и прелестной кузинѣ-ребенку, за что не разъ получалъ сначала саркастическія замѣчанія отъ Клеопатры Григорьевны, въ родѣ того, что она не смѣетъ уже приглашать меня гулять съ нею потому, что гдѣ же ей, провинціалкѣ, тягаться съ петербургскими гостями.

Съ новой кузиной мнѣ было и весело, и легко; мы играли, рѣзвились и бѣгали, какъ дѣти, и едва-ли дѣло не доходило до лошадокъ. Чаще всего мы отправлялись въ садъ, гдѣ была упомянутая уже мною громадная оранжерея. Въ оранжереѣ росли персики, абрикосы и сливы. Я никогда не позволялъ себѣ пользоваться ими по той причинѣ, что они принадлежали всѣмъ наслѣдникамъ, а не намъ. Но когда пріѣхала молодая кузина и когда мы бѣгали съ нею по саду, то я нарушалъ свой принципъ и чуть-ли не всякій разъ приносилъ ей фрукты.

Съ пріѣздомъ въ Нармонку Ивана Ивановича, тамошняя жизнь, начинавшая дѣлаться монотонной и тоскливой, внезапно оживилась. Оживило ее не только появленіе двухъ новыхъ молодыхъ лицъ, и притомъ изъ Петербурга, но и то, что всѣмъ не хотѣлось ударить себя лицомъ въ грязь передъ Иваномъ Ивановичемъ, возникающимъ

---

[1]) О дѣтствѣ ея, болѣе или менѣе, можно судить по повѣсти „Семейство Тальниковыхъ“ подписанной—Станицкимъ. (Псевдонимъ Авд. Як. Панаевой, жены Ивана Ивановича).

талантливымъ литераторомъ и человѣкомъ, живущимъ въ свѣтѣ. Поэтому всѣ стали повзыскательнѣе къ своимъ костюмамъ и повнимательнѣе къ образу жизни вообще. Всѣмъ чувствовалось присутствіе гостя, отъ котораго не ускользнетъ смѣшная или дурная сторона жизни, и всѣ, какъ говорится, подтянулись, насколько это было возможно [1]).

Иванъ Ивановичъ привезъ съ собою много принадлежавшихъ разнымъ авторамъ рукописныхъ стиховъ, которые не были еще напечатаны. Въ числѣ ихъ у меня остались въ памяти стихи на смерть Пушкина и разныя переводныя стихотворенія Павловой. Стихи эти Ив. Ив. не разъ намъ перечитывалъ. Замѣчу здѣсь, что онъ былъ хорошій чтецъ и декламаторъ. Разсказамъ его о петербургской жизни, о литераторахъ, о театрѣ и проч. не было конца, и такимъ образомъ прежняя односторонняя жизнь въ Нармонкѣ исчезла въ особенности для меня.

Къ концу раздѣла пріѣхали мой отецъ и дядя Николай Ивановичъ съ племянникомъ, двоюроднымъ моимъ братомъ, Р—скимъ, молодымъ человѣкомъ, только-что кончившимъ курсъ въ университетѣ, но заболѣвшимъ необъяснимою странною болѣзнію.

Здѣсь я прерву, на время, нить моего повѣствованія, чтобы разсказать исторію жизни двоюроднаго моего брата, Александра Ѳедоровича Р—скаго.

А. Ѳ. Р—скій былъ сынъ сестры моего отца. Семейство ихъ состояло изъ отца, матери, двухъ сыновей и двухъ дочерей. Старшій сынъ Александръ, о которомъ идетъ рѣчь, воспитывался въ Казанскомъ университетѣ въ одно время съ моимъ старшимъ братомъ Ліодоромъ. Братъ мой Ліодоръ жилъ у профессора, имѣвшаго приготовительный пансіонъ, въ которомъ я и учился. Однимъ изъ моихъ товарищей по этому пансіону былъ бывшій профессоръ химіи Петербургскаго университета Бутлеровъ.

---

[1]) Не менѣе того, присутствіе Ив. Ив. на раздѣлѣ не прошло безслѣдно. Тотчасъ по возвращеніи въ Петербургъ, онъ написалъ повѣсть подъ названіемъ „Раздѣлъ имѣнія“. Въ ней онъ обрисовалъ нѣкоторые видѣнные имъ типы, пощадивъ, однако, остальныхъ, и ввелъ лишь одно вымышленное лицо, существеннаго значенія не имѣющее.

Отецъ мой былъ въ ссорѣ съ семействомъ Р—скихъ, и такъ какъ онъ жилъ въ деревнѣ, а Р—скіе въ Казани, гдѣ имѣли два каменныхъ дома, то мы, дѣти, пока не жили въ Казани, совсѣмъ не знали семейства Р—скихъ.

Но молодой Александръ Р—скій такъ сдружился съ братомъ Ліодоромъ, что намъ дозволено было бывать въ ихъ домѣ. Въ скоромъ времени отецъ мой согласился, чтобы молодой Р—скій пріѣхалъ лѣтомъ погостить у насъ въ деревнѣ; отецъ мой и въ особенности мать моя очень полюбили молодаго человѣка, и между нами, т. е. между двоюродными братьями. установилась дружба. Лѣтомъ Р—скіе жили въ деревнѣ, верстахъ въ 30 отъ насъ, называющейся Емельяновкой, гдѣ и мы имѣли собственность. Все время каникулъ мы почти не разставались. Пріѣдетъ бывало Р—скій погостить къ намъ, а потомъ мы поѣдемъ провожать его и погостить у него, а онъ обратно поѣдетъ провожать и погостить у насъ, и такъ далѣе.

У Р—скаго всегда проводилъ лѣто кто-нибудь изъ товарищей, которые и пріѣзжали вмѣстѣ съ нимъ къ намъ; между прочими, помню Даненберга, о которомъ будетъ упомянуто ниже, Евл. Кир. Огородникова, явившагося впослѣдствіи спеціалистомъ по якутскому языку, и нынѣ состоящаго членомъ статистическаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ.

Переѣзды наши другъ къ другу составляли одно изъ самыхъ пріятныхъ препровожденій времени. По дорогѣ, мы должны были переѣзжать черезъ Каму, въ одной изъ самыхъ живописныхъ мѣстностей, напротивъ Шурана, имѣющаго нѣкоторую, хотя и не совсѣмъ взрачную, историческую извѣстность.

Шуранъ былъ мѣстомъ жительства разбойника-помѣщика, гдѣ по сіе время сохранились руины его замка, стоящаго на высокой, неприступной горѣ между двумя оврагами. Подвалы этого замка служили тюрьмами; еще мнѣ удалось видѣть въ нихъ крюки въ стѣнахъ съ обрывками цѣпей. Хроника гласитъ, что помѣщикъ этотъ, откупаясь отъ мѣстныхъ властей, разбойничалъ долго; но наконецъ былъ арестованъ, судимъ, и будто бы Екатерина II положила резолюцію: «привязать его къ бревну и спустить по Камѣ». Разумѣется, бревно должно было вскорѣ перевернуться и разбойникъ погибнуть. Впослѣдствіи, на Волгѣ и Камѣ, вѣроятно въ концѣ прошедшаго

столѣтія, была учреждена флотилія, состоявшая изъ многихъ гардкаутовъ. На каждомъ гардкаутѣ были: офицеръ, военная команда и двѣ пушки. Эта флотилія была учреждена въ предупрежденіе разбоевъ на означенныхъ рѣкахъ; она состояла въ вѣдѣніи министерства путей сообщенія и уничтожена, кажется, въ пятидесятыхъ годахъ.

Кому случалось, въ прежнее время, переправляться чрезъ большія рѣки, на большомъ почтовомъ трактѣ, тотъ долженъ знать, что эти переправы сопровождались часто интересными эпизодами. Въ большей части случаевъ, берегъ передъ переправой представлялъ огромный лагерь: телѣги, кибитки, экипажи, многія сотни людей и лошадей, временные шалаши, импровизованныя изъ чего попало палатки, повсюду костры, зачастую цыганскій таборъ и пр., представляли оригинальную, живую картину. Обозамъ приходилось, по тѣмъ или другимъ причинамъ, а часто и безъ причины, ожидать переправы 3, 4 дня и даже цѣлую недѣлю. То мѣшаетъ вѣтеръ, то дощеники залило водою, то иные изъ нихъ сѣли на мель, то разбѣжались перевозчики, словомъ сказать, кто заупрямится и не захочетъ платить двойной или тройной таксы, живи хоть мѣсяцъ. Дорогой, во время нашихъ путешествій, мы часто останавливались, чтобы погулять въ той или другой рощѣ, посидѣть тамъ, попѣть пѣсни, порвать ягодъ или орѣховъ, а въ одномъ мѣстѣ обязательно пѣли всегда пѣсню: «Среди долины ровныя». Дѣйствительно, мѣстность представляла обширнѣйшую долину, покрытую хлѣбами, окаймленную съ одной стороны вдали лѣсомъ, и среди этой долины, на главной покатости, стоялъ одинъ-одинехонекъ, среди волнующагося пространства хлѣбовъ, громадной величины вѣтвистый дубъ. Онъ и посейчасъ цѣлъ и украшаетъ эту долину.

Прошу у читателей извиненія за эти отступленія, весьма простительныя, когда пишутся воспоминанія.

И такъ, суть въ томъ, что мы были очень дружны съ Ал. Р—скимъ. У него, какъ уже сказано было выше, былъ младшій братъ лѣтъ 12, по имени Владиміръ. Мальчикъ этотъ возбуждалъ во всѣхъ какую-то антипатію какъ своей наружностью, такъ и вообще своими манерами. Причины, отталкивавшія отъ его наружности, заключались не въ чертахъ лица, которыя были очень бла-

гообразны, но въ глазахъ и въ цвѣтѣ лица. Глаза были большіе, на выкатѣ, карезеленоватаго цвѣта и постоянно быстро плавали изъ угла въ уголъ, ни на чемъ ни на секунду не останавливаясь. Память у этого мальчика была необычайная. Онъ читалъ исключительно историческія книги, удерживалъ въ памяти самыя мельчайшія подробности и могъ служить буквально вмѣсто справочной исторической книги.

Я уже сказалъ, что мальчикъ этотъ былъ почти всѣмъ непріятенъ, за исключеніемъ матери и старой, общей всѣмъ дѣтямъ, няни, которая играла въ домѣ великую роль, не по причинѣ оказанныхъ услугъ или какихъ-либо побочнымъ отношеній, но значеніе ея въ домѣ было нѣсколько таинственно.

Ал. Р—скій не жаловалъ тоже своего брата, т. е. не терпѣлъ его присутствія, такъ что, когда тотъ появлялся, то онъ всегда просилъ его уходить и въ крайнемъ случаѣ, просто-напросто, выгонялъ его изъ комнаты.

Въ концѣ 1838 г., мальчикъ Владиміръ заболѣлъ, кажется, скарлатиною, и умеръ. Александръ, бывши до того очень веселаго характера, сталъ грустенъ и задумчивъ. Бывало, когда мы или другіе его товарищи придутъ къ нему, то заставали его сидящимъ у окна, задумчивымъ дотого, что какъ будто онъ не замѣчалъ прихода посторонняго лица. «Саша, что съ тобою?» — скажутъ ему бывало, тогда онъ очнется, отвѣтитъ: «Ничего, такъ», начнетъ принужденно смѣяться и въ концѣ концовъ разговорится, какъ и прежде. Въ это время я и братъ мой уѣхали изъ Казани и оставили его въ сказанномъ сейчасъ положеніи.

Весною 1839 г., Р—скій долженъ былъ держать выпускной экзаменъ. Учился онъ отлично. Почти всегда переходилъ изъ курса на курсъ первымъ. Товарищи, любившіе его, видя его апатію передъ экзаменомъ, стали расшевеливать его и принуждать заниматься съ ними, и онъ выдержалъ экзаменъ, получивъ степень кандидата и золотую медаль.

По окончаніи курса, онъ отправился въ деревню Емельяновку къ жившему тамъ дядѣ Николаю Ивановичу. Тамъ развилась въ немъ болѣзнь, которая выражалась отсутствіемъ воли. Онъ пересталъ мыться, раздѣваться, слѣдовательно, и мѣнять бѣлье. Кромѣ

того, онъ собиралъ со стола, за обѣдомъ, куски хлѣба, остатки говядины и проч. и клалъ себѣ въ карманы. Пересталъ почти разговаривать, сидѣлъ молча, старался удаляться, и тогда съ нимъ случалось то, что случается съ самыми маленькими дѣтьми.

Въ этомъ-то видѣ привезъ его дядя Николай Ивановичъ въ Нармонку. Такое состояніе Р—скаго было для всѣхъ сюрпризомъ, но всего ужаснѣе было то, что отъ него распространялся такой запахъ, который не было силъ выносить. Первые дни какъ-то церемонились, но наконецъ всѣ возмутились, и тогда перестали приводить его къ обѣду, а затѣмъ и увезли къ теткѣ, верстъ за 30 отъ Нармонки, въ деревню Полянки.

Не приступая еще къ продолженію прерваннаго мною разсказа, я долженъ досказать самую главную часть исторіи Р—скаго.

Р—скій жилъ у тетки въ деревнѣ нѣсколько мѣсяцевъ, куда пріѣхала и его мать, потерявшая въ это время своего мужа, отца молодаго Р—скаго.

Въ деревнѣ къ теткѣ пріѣхалъ гостить и братъ ея, дядя мой и Р—скаго, Петръ Ивановичъ Панаевъ. Тетка, женщина разумная и энергичная, въ совокупности съ Петромъ Ивановичемъ, рѣшилась прекратить поблажку Р—скому, тѣмъ болѣе, что его присутствіе заражало весь воздухъ въ домѣ. Обманомъ, Р—скаго затянули въ баню, гдѣ люди силою раздѣли его и вымыли. Но когда операція эта была кончена, Р—скій отказался одѣваться. Раздѣть силою было можно, а одѣть не было никакой возможности. Объ этомъ дали знать дядѣ Петру Ивановичу. Тотъ отправился въ баню, захвативъ собою, на всякій случай, нагайку. Мать, услышавъ, что братъ ея отправился съ нагайкою, прибѣжала въ баню, закричала на брата, называя его извергомъ, злодѣемъ и объявила, что она не допуститъ никого распоряжаться съ сыномъ. Тотчасъ же, по требованію Р—скаго, приказано было запречь возокъ, чтобы уѣхать немедленно отъ тетки. Р—скаго, обернувъ безъ бѣлья въ шубы, положили въ возокъ, и мать повезла его къ себѣ въ деревню Емельяновку, до которой считалось отъ деревни Полянокъ около 120 верстъ, на каковое путешествіе потребовалось около двухъ сутокъ.

Дорогою, Р—скій изъ возка не выходилъ. По пріѣздѣ въ

Емельяновку, Р—скій выскочилъ изъ возка, какъ мать родила, и вбѣжалъ въ первую попавшуюся ему крестьянскую клѣть [1]).

За кого сочтетъ меня читатель, если я скажу, что Р—скій простоялъ въ этой клѣти, голый, согнувшись, не прикасаясь руками до полу, 20 лѣтъ, приказавъ выставить оконныя рамы, снять съ петель двери, и завѣсить тѣ и другія овчинными шкурами; а между тѣмъ это фактъ, котораго не уничтожить никакими сомнѣніями и которому есть еще сотни живыхъ очевидцевъ.

По этому случаю невольно приходятъ на умъ слова Гамлета: «Есть много въ мірѣ, другъ Гораціо, чего и не снилось нашимъ мудрецамъ».

Разскажу здѣсь то, что мнѣ достовѣрно извѣстно, какъ самому очевидцу, такъ и отъ другихъ очевидцевъ.

Весною, въ 1842 году, я былъ произведенъ въ офицеры и поѣхалъ затѣмъ въ отпускъ въ Казань. Въ іюлѣ мѣсяцѣ этого года, т. е. около трехъ лѣтъ послѣ того, какъ я видѣлъ Р—скаго въ болѣзненномъ состояніи, въ Нармонкѣ и въ Полянкахъ, я нашелъ его въ Емельяновкѣ въ слѣдующемъ видѣ:

Онъ стоялъ въ упомянутой клѣти голый, согнувшись такъ, какъ бы четвероногое животное, руки, однако, висѣли и въ полъ не упирались. Волосы изображали кусокъ длиннаго чернаго войлока, висѣвшаго черезъ лобъ, ноги отъ колѣнъ до ступней потеряли уже обыкновенную человѣческую форму и походили на бревна. Глаза были зажмурены, рта онъ не раскрывалъ и говорилъ съ закрытымъ ртомъ, что походило на мычаніе. Около него находились постоянно два дежурныхъ крестьянскихъ мальчика, смѣнявшіеся по нѣскольку разъ въ сутки. Эти мальчики пріучились понимать слова, которыя Р—скій говорилъ съ закрытымъ ртомъ, и служили переводчиками. Этихъ же мальчиковъ онъ заставлялъ дергать волосы изъ своей бороды, и потому у него вмѣсто бороды были какіе-то клочья. Два отверстія оконъ безъ рамъ и отверстіе двери изъ сѣней въ клѣть были завѣшаны овчинами. Когда ему сказали, что я пріѣхалъ и желаю съ нимъ поговорить, то онъ выразилъ удовольствіе, но просилъ, чтобы я въ самую клѣть не входилъ и разговаривалъ съ нимъ

[1]) Клѣтью называется задняя холодная изба.

въ дверь. Пришедши, я усѣлся на стулѣ около двери, при чемъ овчина была приподнята, и я могъ видѣть его все время нашего разговора.

Сначала, разумѣется, я не подымалъ вопроса объ его положеніи, тѣмъ болѣе, что онъ немедленно сталъ разспрашивать меня, черезъ своихъ переводчиковъ, о Петербургѣ и преимущественно объ Иванѣ Ивановичѣ Панаевѣ и о Бѣлинскомъ. Надо сказать, что мать и сестра, поочередно, по нѣскольку часовъ въ день, сидѣли у его дверей и читали ему «Отечественныя Записки», одну изъ газетъ и другія книги. Критическія статьи Бѣлинскаго перечитывали ему по нѣскольку разъ. Чтеніе не прекращалось и въ зимнее время. Мать и сестра одѣвались въ шубы, закутывали ноги въ мѣховыя одѣяла и сидѣли также по нѣскольку часовъ въ сѣняхъ у его дверей. Словомъ сказать, Р—скій былъ постоянно въ курсѣ всего, что̀ дѣлается на свѣтѣ, и обо всемъ разсуждалъ, какъ вполнѣ здоровый умственно и образованный человѣкъ. Все это можетъ казаться невѣроятнымъ, но это неотразимый фактъ.

Я посѣтилъ его не одинъ разъ и наконецъ задалъ ему вопросъ, отчего бы ему не ѣхать въ Петербургъ и не начать иную жизнь? Тогда онъ болѣзненно замычалъ и передалъ черезъ переводчиковъ своихъ, что это не его воля и что онъ своей воли не имѣетъ.

Теперь перейду къ тому, что я знаю отъ другихъ очевидцевъ.

Ѣлъ Р—скій только разъ въ недѣлю. Для ѣды ему приготовляли разные кисели, иногда до 20 сортовъ. Эти кисели накладывали въ плошки, которыя употребляются для иллюминаціи, и разставляли ихъ рядомъ на дворѣ. Когда все было готово, тогда, по его приказанію, на колокольнѣ должны были звонить въ колокола все время, пока онъ ѣлъ. Для ѣды онъ выходилъ, зимой и лѣтомъ, голый на дворъ и лакалъ изъ плошекъ прямо ртомъ, при чемъ немедленно разбивалъ опорожненную имъ плошку, такъ что всякій разъ должны были употреблять новыя плошки.

Часто слышали, что онъ говорилъ или мычалъ: «Володя! Володя! да скоро ли ты отпустишь меня?»

Никто не видалъ, чтобы онъ ложился отдыхать. Но одинъ разъ въ сутки къ нему приходила нянька, о которой я упоминалъ выше,

и тогда всѣ должны были удаляться не только изъ клѣти, но и изъ сѣней. Нянька оставалась у него по нѣскольку часовъ, и есть предположеніе, что Р—скій въ это время ложился отдыхать. За абсолютною секретностью пребыванія няньки у Р—скаго строго слѣдила сама нянька.

По прошествіи, не помню, 5 или 6 лѣтъ стоянія, нянька предоставила Р—скому женщину. Конечно, женщинѣ этой отпущена была извѣстная сумма. Но странно, что женщина эта привязалась къ Р—скому и умерла у его ногъ, придя сама въ ужасное физическое и нравственное состояніе.

Послѣ 12 или болѣе лѣтъ стоянія Р—скаго, нянька умерла, и вслѣдъ затѣмъ онъ открылъ ротъ и глаза, и сталъ говорить обыкновеннымъ образомъ, но оставался въ клѣти въ томъ же положеніи... Въ это время его свели съ другой женщиной, съ которою онъ прижилъ дѣтей.

Послѣ смерти матери, Р—скій вышелъ изъ клѣти, явился въ домъ, одѣлся, принялъ пріѣхавшія власти и исполнилъ всѣ формальности законнаго наслѣдника. Затѣмъ, онъ опять удалился, но пробылъ уже короткое время въ клѣти. Послѣ того онъ обвѣнчался съ означенной женщиной, а теперь живетъ въ домѣ, одѣвается и даже иногда выѣзжаетъ къ роднымъ, живущимъ въ той же деревнѣ[1]). Ходить онъ не можетъ, его возятъ на креслахъ, лицо его имѣетъ видъ мертвенный, но не лишено извѣстной пріятности: смолоду онъ былъ очень недуренъ собою. Въ означенномъ благообразномъ положеніи я видѣлъ его въ послѣдній разъ въ 1883 г. Въ этомъ году я гостилъ у брата въ Казанской губерніи и, пользуясь этимъ случаемъ, поѣхалъ за 30 верстъ спеціально для того, чтобы посмотрѣть Р—скаго, котораго видѣлъ въ 1842 году въ ужасающемъ положеніи, т. е. за 41 годъ предъ тѣмъ. Дочь моя поинтересовалась тоже видѣть эту загадочную личность и поѣхала со мною. Пріѣхавъ въ его деревню, мы послали предупредить Р—скаго о желаніи нашемъ посѣтить его. Когда мы пришли къ нему, его вывезли изъ сосѣдней комнаты на креслахъ. Со мною онъ встрѣтился, какъ бы

---

[1]) Когда писались мною эти воспоминанія, Р—скій и его жена были еще живы. Но нынѣ они оба умерли: сперва умерла жена, а чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ и онъ самъ.

мы видѣлись съ нимъ вчера, когда онъ былъ студентомъ еще въ здоровомъ состояніи. Онъ вспоминалъ лицъ того времени, зналъ объ участи многихъ своихъ товарищей и тогдашнихъ знакомыхъ, интересовался тѣми, которыхъ я могъ встрѣчать въ промежутокъ 44 лѣтъ времени, т. е. со времени его болѣзни, о которой, однако, не заикнулся ни словомъ; разспрашивалъ меня о многочисленныхъ моихъ петербургскихъ родныхъ, которыхъ онъ самъ никогда не видалъ, но о которыхъ почти все зналъ, и даже поздравилъ меня съ тѣмъ, что одинъ изъ нихъ произведенъ въ тайные совѣтники (о чемъ я самъ не зналъ). На вопросъ мой: «откуда ты это знаешь?» онъ отвѣтилъ: «я пристально читаю газеты». Но всего болѣе онъ поразилъ мою дочь. Видимо польщенный ея визитомъ и зная, что она извѣстна своимъ пѣніемъ, онъ явился самымъ любезнымъ кавалеромъ, т. е. счелъ нужнымъ свести разговоръ на музыку, разспрашивалъ ея мнѣнія и выражалъ свои взгляды на разные роды музыки, на разныя оперы и т. д. Оказалось, что, послѣ того, какъ онъ вышелъ изъ клѣти и сталъ жить въ домѣ, онъ по зимамъ ѣздилъ въ Казань и посѣщалъ тамъ театры, куда, разумѣется, могли вносить его только въ ложи. Коротко говоря, онъ дивилъ насъ и памятью, и разумомъ, и своею неотсталостью, какъ-будто бы онъ никогда не стоялъ 20 лѣтъ въ клѣти, скорченный, голый, по зимамъ, на морозѣ.

Я упустилъ сказать, что однажды, года черезъ три или четыре послѣ стоянія въ клѣти, уговорили мать употребить силу и свезти сына ея въ Казань, въ университетскую клинику. Къ худу или къ добру Р—скаго, онъ успѣлъ убѣжать оттуда и пришелъ одинъ въ деревню за 60 верстъ отъ Казани и всталъ на стояніе опять въ ту же клѣть.

Входить здѣсь въ изложеніе разныхъ догадокъ относительно причины болѣзни я считаю лишнимъ. Очевидно, однако, одно, что, кромѣ условій физическихъ, главную роль играла какая-то нравственная причина, покрытая тайной, убившая волю въ Р—скомъ. Но этотъ фактъ возбуждаетъ въ высшей степени интересный научный вопросъ въ области физіологіи или патологіи. Какимъ образомъ голый человѣкъ могъ выносить морозъ? Какимъ образомъ онъ могъ простоять на ногахъ, въ согнутомъ положеніи, 20 лѣтъ? Если и допустить, что, во время посѣщенія Р—скаго няней, онъ и

ложился отдыхать, то ея пребываніе не длилось болѣе двухъ или трехъ часовъ. Стало быть, во всякомъ случаѣ Р—скій стоялъ на ногахъ, въ согнутомъ положеніи, не упираясь руками, не менѣе 20 часовъ въ сутки. Наконецъ, какимъ образомъ человѣкъ можетъ проводить недѣлю безъ ѣды и питья?

Нельзя не пожалѣть, что медицинскій факультетъ Казанскаго университета не обратилъ въ свое время должнаго вниманія на совершавшійся такъ продолжительно подлѣ него въ высшей степени интересный фактъ. Такіе факты не являются быть можетъ и въ 1.000 лѣтъ разъ. Р—скій 20 лѣтъ имѣлъ видъ звѣря, не имѣлъ воли, но разума не терялъ и хотѣлъ знать все, что̀ дѣлается на свѣтѣ.

Валеріанъ Александровичъ **Панаевъ**.

(Продолженіе слѣдуетъ).

*

ЗАПИСКИ
А. И. Михайловскаго-Данилевскаго.
1829 годъ [1]).

V.

28-го іюля. Вотъ нѣкоторыя подробности о назначеніи графа Дибича главнокомандующимъ.

Графъ Витгенштейнъ съ самаго начала похода увидѣлъ, что онъ находится въ непріятномъ положеніи по причинѣ присутствія императора, который какъ монархъ распоряжался самъ, посредствомъ своего начальника штаба Дибича; сначала совѣтовался съ графомъ Витгенштейномъ, а послѣ ему только стали давать свѣдѣнія о предполагаемыхъ дѣйствіяхъ. Сіе положеніе до того огорчило фельдмаршала, что онъ нѣсколько разъ говаривалъ въ сердцахъ, когда къ нему пріѣзжали за приказаніями, что онъ ничѣмъ не командуетъ. Такимъ образомъ сіе продолжалось во весь походъ, а когда взяли Варну, онъ послалъ прошеніе объ увольненіи его отъ званія главнокомандующаго. Было совѣщаніе, кого назначить на его мѣсто, предлагали сперва графа Толстаго и Сакена, о которомъ государь сказалъ: «C'est l'homme qui conviendrait le plus». Но по старости его выборъ не палъ на него,—потомъ Паскевича, который вѣроятно оное бы получилъ, если бы не умеръ тифлисскій военный губернаторъ генералъ-адъютантъ Сипягинъ, коему императоръ хотѣлъ поручить кавказскій корпусъ, въ случаѣ отзыва Паскевича на Дунай. Послѣ сего государю пришла мысль

---

[1]) См. „Русскую Старину“, изд. 1893 г., т. LXXIX, іюль.

раздѣлить армію на двѣ части, одну отъ другой совершенно отдѣльныя, и ввѣрить одну изъ нихъ графу Ланжерону, а другую Роту. О графѣ Воронцовѣ нельзя было въ семъ совѣщаніи и упоминать, ибо знали образъ мыслей объ немъ императора. Между тѣмъ дворскія интриги всѣми силами противодѣйствовали Дибичу и придворные описывали его, какъ человѣка преданнаго пьянству, потому что онъ имѣетъ привычку пить по вечерамъ пуншъ. Они въ сей клеветѣ успѣли до такой степени, что Дибичъ былъ даже дурно принятъ императоромъ, когда онъ явился къ Его Величеству на кораблѣ «Парижъ». Императоръ убѣдился однакоже въ совершенной неосновательности сихъ доносовъ, велѣлъ ему зимою быть въ Петербургѣ, гдѣ и назначилъ его главнокомандующимъ.

Послѣ сего надобно было думать о начальникѣ штаба арміи, въ каковое званіе государю желательно было опредѣлить генерала, который бы старѣе былъ въ чинѣ корпусныхъ командировъ и по старшинству своему былъ бы вторымъ лицомъ въ арміи. Императоръ въ сокровенномъ разговорѣ съ Дибичемъ наименовалъ Толя, но Дибичъ отвѣчалъ, что врядъ-ли онъ согласится быть при немъ начальникомъ штаба, ибо въ прежнихъ походахъ онъ всегда бывалъ старѣе его въ чинахъ. На другой день, однакоже, онъ ему предложилъ сіе мѣсто; Толь просилъ на сутки размыслить о семъ, и когда наконецъ согласился, то Дибичъ предложилъ ему два условія: во-первыхъ, никогда безъ вѣдома его не писать къ государю, а во-вторыхъ, спорить съ нимъ и противорѣчить ему сколько онъ хочетъ въ кабинетѣ, когда они будутъ находиться вдвоемъ, но при постороннихъ лицахъ Дибичъ требовалъ непрекословнаго повиновенія, ибо, присовокупилъ онъ, равенства между ними существовать уже не можетъ. «Ежели я согласился быть вашимъ начальникомъ штаба», — отвѣчалъ Толь, — «то я уже на повиновеніе вамъ рѣшился и меня условія ваши удивляютъ».

При семъ они обнялись, и такимъ образомъ сіи два отличнѣйшіе генерала дѣйствуютъ теперь вмѣстѣ къ одной цѣли для славы Россіи.

31-го іюля. Три дня и вчера, къ прискорбію моему, не могъ писать въ журналѣ моемъ, чтò для меня составляетъ пріятнѣйшее занятіе, потому что не былъ ни минуты свободенъ. Ко мнѣ пріѣхалъ

добрый товарищъ генералъ Шалашниковъ, который у меня гоститъ по тому поводу, что его бригада переходитъ верстъ за сорокъ отсюда. Полки его бригады проходятъ мимо насъ въ самомъ жалкомъ положеніи въ отношеніи къ здоровью. Въ теченіе недѣли изъ сей бригады отправлено въ госпиталь болѣе тысячи пятисотъ человѣкъ. Вчера въ 8-мъ Егерскомъ полку, здѣсь проходившемъ, было подъ ружьемъ только 360 человѣкъ, между коими не находилось не одного имѣвшаго здоровый цвѣтъ лица. Два дня тому назадъ уѣхали въ Букарестъ генералы Киселевъ и Левенштернъ, съ которыми я проводилъ пріятнѣйшее время въ лагерѣ; разговоры наши не прекращались ни на минуту, потому что мы всѣ трое имѣемъ однѣ и тѣ же воспоминанія, ибо жили почти въ одной эпохѣ. Рѣдкій разъ проходилъ, чтобы мы не упоминали объ государѣ Александрѣ Павловичѣ, и всегда съ чувствомъ особеннаго уваженія.

1-го августа. Опять начинаются жары, которыя были тому двѣ недѣли такъ несносны. Съ каждою перемѣною погоды, съ каждымъ новымъ вѣтромъ, который дуетъ, мы надѣемся, что болѣзни начнутъ уменьшаться; до сихъ поръ ожиданія наши остаются тщетными. Люди падаютъ больными, какъ мухи въ осенній день. Въ Костромскомъ полку считается по списку полторы тысячи человѣкъ, а по сегодняшней строевой запискѣ подъ ружьемъ могутъ быть во всемъ полку только 450 человѣкъ, слѣдовательно, менѣе третьей доли противъ того числа, которое значится по спискамъ.

Послѣ обѣда я ѣздилъ верхомъ съ отряднымъ генераломъ Лошкаревымъ по горамъ, откуда видны турецкія крѣпости. Вечеръ былъ безподобный, луна сіяла въ полномъ блескѣ надъ Дунаемъ, который мелькалъ изъ-за крутыхъ береговъ, но, къ несчастію, рѣчь зашла о повсемѣстно распространившемся въ арміи шпіонствѣ, и мысль, что насъ подозрѣваютъ Богъ знаетъ въ чемъ, что негодямъ позволяютъ доложить всякій вздоръ, отравила для меня наслажденія прекраснаго вечера.

Къ бездѣйствію, въ которомъ мы принуждены были жить, присоединились еще сильныя болѣзни въ іюнѣ мѣсяцѣ, происшедшія отъ вредныхъ испареній камыша, который во множествѣ ростетъ по берегамъ Дуная и который начиналъ цвѣсти, а особенно отъ нестерпимыхъ жаровъ, стоявшихъ весь іюль мѣсяцъ; термометръ не-

рѣдко поднимался въ тѣни до 40 градусовъ теплоты, такъ что по пословицѣ, мы не знали куда дѣваться; однажды было 43 градуса. Это до такой степени дѣйствовало на солдатъ, что изъ двухъ полковъ моей бригады ежедневно заболѣвали по 60-ти человѣкъ, а въ одинъ день число ихъ простиралось до ста. Кареи, расположенныя передъ лагеремъ, такъ сказать, таяли до такой степени, что полки сіи, не бывшіе въ сраженіяхъ, и которые имѣли весной каждый съ полторы тысячи человѣкъ, состояли къ концу іюля съ небольшимъ изъ 300 человѣкъ, да и тѣ, блѣдные, какъ тѣни, едва бродили по лагерю. Мы истощили всѣ наши средства, чтобы поставить преграду сему бѣдствію, осматривали ежедневно балаганы и палатки солдатскіе, пробовали ихъ кушаніе, зажигали навозные костры для очищенія воздуха, прекратили всякаго рода ученья, наконецъ полковые командиры на свой счетъ покупали въ Букарестѣ лѣкарства,— но все было тщетно. Къ тому же упущенія по медицинской части непростительныя, напримѣръ при моей бригадѣ только одинъ докторъ, и хотя трудно больные отправляются въ Букарестъ, но за всѣмъ тѣмъ бываетъ въ полковыхъ лазаретахъ до 500 больныхъ, коихъ долженъ врачевать одинъ докторъ, въ помощь котораго имѣется только одинъ цырюльникъ. Ежели вычесть время, которое сей медикъ посвящаетъ больнымъ офицерамъ, посѣщая каждаго въ своей палаткѣ, то спрашивается, сколько времени ему оставалось для пользованія нижнихъ чиновъ, особенно если примемъ въ уваженіе, что, за неимѣніемъ аптекаря, онъ же долженъ былъ составлять и лѣкарства.

Скоро начала обнаруживаться смертность между нижними чинами и офицерами, и при погребеніи сихъ послѣднихъ, всякую недѣлю раза по два случавшихся, раздавалась по лагерю заунывная погребальная музыка.

Мнѣ донесли (утромъ 3-го августа), что наканунѣ умерло у насъ въ лагерѣ въ одинъ день шесть офицеровъ, въ числѣ коихъ и генералъ Лобко. Пусть паду я отъ непріятельской пули, тогда по крайней мѣрѣ смерть моя можетъ быть когда-нибудь полезна будетъ моимъ дѣтямъ, но быть жертвою заразительной болѣзни весьма непріятно. Къ счастію, два полковника пришли ко мнѣ въ это время, и мы сѣли играть въ вистъ.

Къ болѣзнямъ присоединились побѣги, которые хотя и не были значительны, однакоже умножали непріятность нашего положенія. Одинъ солдатъ, пойманный на передовой цѣпи, объявилъ, что онъ бѣжалъ къ туркамъ въ намѣреніи вступить въ службу ихъ и принять магометанскую вѣру. Какъ таковое преступленіе ведетъ за собою смертную казнь, то я призвалъ къ себѣ этого солдата, уговаривалъ его наединѣ запереться въ своемъ показаніи передъ судомъ, но онъ не согласился на совѣтъ мой и на увѣщаніе священника отвѣчалъ, что онъ давно уже въ умѣ своемъ положилъ идти къ непріятелямъ. Побѣги турокъ были значительнѣе нашихъ, и рѣдкій день проходилъ, чтобы къ намъ не являлись переметчики изъ крѣпостей. Хотя должно быть весьма недовѣрчиву къ показаніямъ сихъ бродягъ, однакоже всѣ они единодушно увѣряли, что и въ ихъ гарнизонахъ свирѣпствовали повальныя болѣзни.

Въ семъ положеніи, намъ нельзя было помышлять о какого-либо рода веселостяхъ, которыми обыкновенно разсѣиваютъ однообразіе лагерной жизни. Въ началѣ іюля мѣсяца у насъ бывали званые обѣды, при которыхъ гремѣла музыка, но, по прошествіи двухъ недѣль, обѣды наши прекратились; изъ полковыхъ музыкантовъ осталось только по нѣскольку кларнетистовъ, блѣдныхъ и лихорадочныхъ, которые съ трудомъ извлекали слабые и дрожащіе звуки изъ своихъ инструментовъ. Главное удовольствіе мое состояло въ верховой ѣздѣ, и такъ какъ сильное движеніе есть предохраненіе отъ болѣзней, то я часовъ по пяти не сходилъ съ лошади. Обыкновенно я начиналъ прогулки мои съ передовой цѣпи и часто останавливался у послѣдняго казачьяго ведета. Тутъ являлся ко мнѣ офицеръ, командующій цѣпью, и собиралось около меня нѣсколько человѣкъ, чтó заставляло также и турокъ соединиться въ кучки, чтобы быть готовыми встрѣтить нападеніе съ нашей стороны. Посты наши стояли такъ близко отъ турецкихъ, что непріятелей можно было видѣть въ лицо и различать одежду ихъ. Я ощущалъ какое-то особенное удовольствіе находиться въ самой близости отъ непріятеля, такъ много мыслей представляется воображенію и что-то шевелитъ кровь.

Недалеко отъ нашей цѣпи я увидѣлъ однажды большую землянку, и на вопросъ мой, для какого употребленія она вырыта, я

получилъ въ отвѣтъ, что это церковь. Надобно было въ оную спускаться ступеней 15-ть по весьма дурной лѣстницѣ. Иконостасъ и всѣ церковныя украшенія самой грубой работы, не было ни одного образа, писаннаго красками, священныя иконы отпечатаны на бумагѣ въ такомъ родѣ, какъ въ Москвѣ печатаются для черни картины, изображающія Еруслана Лазаревича и подобныхъ витязей. Нѣсколько разломанныхъ жестяныхъ подсвѣчниковъ и разорванныхъ церковныхъ книгъ валялись на полу; все представляло видъ нищеты и разоренія. Лишь только я поднялся по лѣстницѣ изъ сего подземелья, какъ прямо предъ моими глазами солнечный лучъ блеснулъ на шпицѣ мечети, находившейся въ Журжѣ: такимъ образомъ мнѣ представилось живо торжество исламизма и униженіе въ здѣшнемъ краѣ православія, ибо тѣмъ временемъ, какъ магометанскія мечети высоко возносились въ облакахъ, наши единовѣрцы для отправленія своего богослуженія принуждены собираться въ мрачныхъ подземельяхъ.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ пришла къ намъ изъ-подъ Силистріи Дунайская флотилія, и мы поѣхали ее осматривать.

Катеръ ожидалъ насъ на берегу Дуная, и мы пристали на немъ къ канонерской лодкѣ, на которой находился начальникъ флотиліи. Пили чай, курили сигары, а когда на чистомъ небѣ взошла луна, то подали шампанскаго, и мы, простившись съ гостепріимными моряками, изъ коихъ тоже большая часть была одержима лихорадкою, сѣли на катеръ и поплыли къ берегу Вечеръ былъ необыкновенно прекрасный, а по небу ходили такія живописныя облака, что врядъ-ли кисть художника можетъ вѣрно ихъ изобразить.

Съ прибытіемъ флотиліи, начали у насъ дѣлать приготовленія къ осадѣ Журжи, ибо хотя на сіе не было особеннаго приказанія, но почитали это нужнымъ, полагая, что главнокомандующій для увеличенія успѣховъ своихъ за Балканами, о коихъ мы частію получали извѣстія, захочетъ вырвать изъ рукъ турокъ послѣднюю ихъ крѣпость, лежащую на лѣвомъ берегу Дуная. Для сего пріѣхали къ намъ нѣсколько инженеровъ-офицеровъ, подъ руководствомъ которыхъ начали вязать фашины и туры. Я посылалъ для сихъ работъ по 50-ти человѣкъ изъ каждаго полка и познакомился посредствомъ сего съ инженерными офицерами, которые образованіемъ

своимъ меня удивили. Они воспитанники училища, учрежденнаго государемъ, когда онъ былъ еще великимъ княземъ, и познаніями своими не уступаютъ инженерамъ армій прочихъ европейскихъ державъ; они въ полной мѣрѣ оправдали выгодное мнѣніе объ нихъ императора, которому при началѣ прошлогодняго похода, предвидя многія осады турецкихъ крѣпостей, предлагали выписать прусскихъ или французскихъ инженеровъ, но Его Величество въ семъ отказалъ, объявя, что мы сами имѣемъ достаточное число искусныхъ офицеровъ по сей части. Въ случаѣ, ежели бы осада состоялась, то мнѣ съ бригадою назначенъ былъ самый опасный постъ, то-есть овладѣть островами, лежащими между Рущукомъ и Журжею. Съ сего времени обозрѣніе сихъ острововъ и окрестностей ихъ сдѣлалось предметомъ моихъ любимыхъ прогулокъ и нерѣдко думалъ, глядя на дубовые кусты, которыми они покрыты, что въ тѣни ихъ можетъ быть суждено мнѣ почить вѣчнымъ сномъ.

Въ это время замѣтили, что турки фуражируютъ не съ довольною осторожностью, почему и сдѣлали засаду, на которую передъ свѣтомъ посланы были казаки, и въ случаѣ, ежели бы завязалось дѣло, то моя пѣхота стояла въ готовности подкрѣплять ихъ, однакоже и безъ нея обошлось, и я во все время сшибки простоялъ на высотахъ съ зрительною трубою. Нападеніе казаковъ было быстрое и неожиданное для турокъ, которые тотчасъ обратились въ бѣгство къ крѣпости, откуда по нашимъ сдѣлано было выстрѣловъ до 30-ти изъ орудій. Въ подкрѣпленіе бѣгущимъ вышло въ самомъ скоромъ времени изъ Журжи тысячи двѣ конницы и человѣкъ съ тысячу пѣхоты, но часть сей послѣдней была безъ ружей. Казаки взяли человѣкъ съ десять въ плѣнъ и отбили лошадей съ двадцать, но можно бы было отбить и три орудія, прикрывавшія фуражировъ; къ сожалѣнію, однакоже, наши конные егеря поставлены были въ полуторѣ верстѣ отъ казаковъ, между тѣмъ какъ имъ надлежало находиться въ самомъ близкомъ разстояніи, чтобы воспользоваться плодами внезапнаго нападенія. Видъ горы, съ которой я смотрѣлъ, былъ прекрасный, это маленькое сраженіе представлялось мнѣ какъ балетъ.

Болѣе военныхъ дѣйствій около Журжи я не видалъ, да сверхъ того случилась еще одна тревога, которая также кончилась ничѣмъ.

Однажды ночью меня разбудили и вручили слѣдующую записку отряднаго генерала: «Александръ Ивановичъ! Приготовьтесь, турки изъ Никополя перешли черезъ Дунай, овладѣли Калэ, наши держатся въ Турно. Послѣ тишины бываетъ буря».

Калэ, какъ извѣстно, находится на лѣвомъ берегу Дуная верстъ со сто отъ Журжи, и хотя нельзя было предполагать рѣшительныхъ со стороны турокъ движеній на лѣвомъ берегу сей рѣки въ такое время, когда театръ войны перенесенъ былъ за Балканы, однако надобно было взять мѣры предосторожности, потому что нельзя ручаться за сумасбродство турецкихъ пашей, которые нерѣдко поступаютъ вопреки правиламъ стратегіи, и что незадолго предъ тѣмъ мы получили свѣдѣніе, что скодрскій паша дѣлалъ движеніе отъ Видина къ Никополю внизъ по Дунаю.

Извѣстіе о взятіи Калэ получено было съ нарочнымъ, посланнымъ изъ крѣпости Турно, который, донося о переправѣ черезъ Дунай турокъ, увѣдомилъ въ то же время, что онъ успѣлъ спасти изъ Калэ всѣ пушки, за исключеніемъ одной, которая досталась непріятелю. Впрочемъ, черезъ два дня мы узнали, что турки обратно возвращаются въ Никополь.

Между тѣмъ происшествія въ нашей главной арміи становились день ото дня важнѣе; мы узнали, что, послѣ довольно сильнаго сопротивленія, наши овладѣли переправою на Камчикѣ, перешли безпрепятственно Балканы, заняли города, лежащіе на Фаросскомъ заливѣ, и вступили въ Айдосъ и Сливну. Въ сіе же время знаменитый Гуссейнъ-паша, пребывавшій въ Рущукѣ, получилъ повелѣніе отправиться въ Шумлу. Мы узнали объ отъѣздѣ его отъ переметчиковъ, и сверхъ того оный былъ возвѣщенъ выстрѣлами съ обѣихъ турецкихъ крѣпостей. Это тотъ самый Гуссейнъ, который въ прошломъ году, предводительствуя войсками, велъ столь искусную оборонительную войну, что послѣдствіемъ оной было истребленіе нашей арміи и отступленіе ея въ Валахію. Онъ былъ смѣненъ султаномъ за то, что ему зимою не удалось взять Сизополя.

Мы думали, что Гуссейнъ отправится изъ Шумлы къ Константинополю, чтобы защищать сію столицу, а можетъ быть и для того, чтобы быть вблизи тѣхъ чрезвычайныхъ переворотовъ, которые предстояли Портѣ оттоманской. Мы основывали догадки наши на

извѣщенiи одного дипломатическаго чиновника, жившаго въ Букарестѣ, который увѣдомлялъ о существованiи заговора противъ султана, въ которомъ будто бы участвовалъ и Гуссейнъ: Во всякомъ случаѣ отъѣздъ сего послѣдняго былъ не безъ самыхъ важныхъ причинъ, ибо онъ почитался первымъ полководцемъ своего отечества, а въ критическихъ обязательствахъ, подобныхъ тѣмъ, въ коихъ находилась Турцiя, часто одно лицо рѣшитъ участь государства. Онъ сдалъ начальство Рущука и Журжи Кучуку-Ахмету, котораго мы знали за человѣка весьма посредственнаго, и такъ какъ невозможно было предполагать, чтобы онъ сдѣлалъ противъ насъ вылазку или что-либо предпринялъ, то я намѣренъ былъ въ первыхъ числахъ августа съѣздить въ Букарестъ, чтобы тамъ разсѣяться на нѣсколько дней.

VI.

Предположенiе сiе однакоже не состоялось, по причинѣ неожиданной и совершенной перемѣны моихъ обстоятельствъ, ибо между тѣмъ какъ я полагалъ, что мнѣ не суждено уже брать никакого дѣятельнаго участiя въ походѣ, вдругъ получилъ я 6-го августа вечеромъ повелѣнiе отъ главнокомандующаго изъ Сливны, что̀ за Балканами, отправиться немедленно въ главную квартиру армiи, для какого-то особенно важнаго порученiя, — какъ сказано было въ предписанiи.

Я истощился въ догадкахъ о причинѣ сего вызова; сослуживцы мои полагали, что меня требовали для того, чтобы съ турками трактовать о мирѣ, но я во всякомъ случаѣ принялъ приглашенiе сiе съ чувствомъ особеннаго удовольствiя, потому что присутствiе мое полагали нужнымъ въ главной квартирѣ въ такое время, когда по всѣмъ соображенiямъ готовились важныя происшествiя. Всякая минута была дорога, а потому, проведя ночь въ приготовленiяхъ, я хотѣлъ рано на другое утро ѣхать, но долженъ былъ согласиться принять прощальный завтракъ въ Костромскомъ пѣхотномъ полку, куда собрались меня провожать всѣ офицеры моей бригады, и,

кажется, что они разставались со мною не безъ сожалѣнія, ибо, во время кратковременнаго моего командованія ими, я старался снискивать ихъ привязанность. Съ генералами, находившимися въ лагерѣ, было иначе, въ пожеланіяхъ обнаруживалось лицемѣріе, удивляться нечему, ибо зависть свойственна бѣдному человѣчеству. Дорога моя шла на Гирсово, гдѣ мнѣ надобно было переѣзжать Дунай, а потомъ берегомъ Чернаго моря на Варну, гдѣ я надѣялся узнать, какимъ путемъ слѣдуютъ черезъ Балканы.

7-го августа по утру я оставилъ лагерь подъ Журжею и къ вечеру пріѣхалъ въ Обилешти, которая привела мнѣ на память одинъ изъ блистательнѣйшихъ дней знаменитой жизни графа Милорадовича. Близъ сего мѣстечка, я встрѣтилъ одного офицера, ѣхавшаго изъ Букареста, который мнѣ сказалъ, что въ семъ городѣ разнесся слухъ, будто меня вызываютъ для заключенія мира. Не постигаю, какимъ образомъ я попалъ въ дипломаты; но такъ какъ всякій изъ насъ самолюбивъ, то и для меня сіи букарестскіе слухи пріятны. Слѣдующимъ утромъ я переправился въ Гирсовѣ черезъ Дунай и, вступая на правый берегъ онаго, молилъ Бога, чтобы благополучно опять возвратиться. Съ подобными чувствами за 15 лѣтъ переходилъ я черезъ Рейнъ. За Дунаемъ устроены были русскія почты, наши ямщики, наша упряжь и русскія лошади, которыя при звукѣ колокольчика несли меня во весь опоръ по равнинамъ Булгаріи безо всякаго конвоя, ибо въ нынѣшнемъ году о разбояхъ и нападеніяхъ турокъ нигдѣ не слышно. Такимъ образомъ промчался я мимо Кистенджи, Мангаліи и Коварни, не заѣзжая однакоже въ сіи города по причинѣ свирѣпствовавшей въ нихъ чумы: почты выставлены были въ полѣ и такъ какъ сообщеніе съ жителями было вовсе прервано, а окрестныя селенія прошлаго года выжжены, то, за невозможностью доставать съѣстные припасы, надобно было довольствоваться двое сутокъ однимъ хлѣбомъ.

Такимъ образомъ я пріѣхалъ въ Бальчикъ, разстояніемъ верстъ 40 отъ Варны; тутъ начинаются густые лѣса и горы, и такъ какъ носились слухи, что въ нихъ бываютъ разбои, то я и взялъ съ собою шесть казаковъ. Я нѣсколько часовъ поднимался на превысокія горы, и верстъ черезъ 30 открылся прелестнѣйшій видъ на море, на Варну, на лиманъ Девно, около которыхъ бѣлѣли палатки

расположенныхъ тамъ войскъ. Виноградныя лозы и селенія, тутъ прежде находившіяся, были всѣ истреблены во время осады, и самая Варна представляла самое плачевное зрѣлище, ибо въ ней не было ни одного жителя, ворота городскія были заперты и всѣ дома необитаемы по причинѣ свирѣпствовавшей чумы. Въ крѣпость никого не впускали, чтобы хотя прикосновеніемъ къ какому-либо предмету не усилить погубную болѣзнь, которая только-что начала ослабѣвать въ то время, какъ я проѣзжалъ близъ Варны. Знакомые мнѣ генералы, которые тутъ меня встрѣтили, съ справедливымъ ужасомъ разсказывали мнѣ о заразѣ, бывали дни, въ которые по триста человѣкъ дѣлались ея жертвою. 10-я пѣхотная дивизія, которая здѣсь была расположена, почти вся погибла отъ чумы, ни въ одномъ полку не находилось болѣе полутораста человѣкъ, а въ Витебскомъ пѣхотномъ осталось только 97 человѣкъ.

Я остановился въ лагерѣ подъ Варною часа на два, чтобы подкрѣпить себя пищею и узнать обстоятельно, куда мнѣ направиться въ главную квартиру; я узналъ, что военная дорога проложена на Бургасъ, почему подъ вечеръ я отправился къ рѣкѣ Камчику.

На первой станціи меня, людей моихъ и вещи мои окуривалъ какой-то пьяный лѣкарь. Отсюда при захожденіи солнца я началъ подниматься на отрасль Балканскихъ горъ; лѣсъ былъ такой густой и дорога такая узкая, что коляска моя едва по оной проходила. Вскорѣ сдѣлалось совершенно темно и лошади мои такъ устали, что я принужденъ былъ остановиться на половинѣ станціи у казачьяго пикета, гдѣ я при горѣвшемъ въ черепкѣ салѣ расположился ожидать разсвѣта. Въ третьемъ часу утра я продолжалъ путь мой и вскорѣ пріѣхалъ къ Камчику, который можно назвать настоящимъ ключемъ Балканскихъ горъ. Около сихъ мѣстъ происходили въ прошломъ году жаркія сшибки между нашими войсками и Омеръ-Вріономъ, недалеко отсюда погибъ гвардейскій Егерскій полкъ, кости офицеровъ и солдатъ по сіе время видны на поляхъ, гдѣ прекрасный полкъ сей по неопытности своихъ начальниковъ былъ истребленъ. На Камчикѣ меня и людей моихъ раздѣвали и осматривали, нѣтъ ли на насъ признаковъ чумы; но это дѣлалось съ великою небрежностью, казалось, только для соблюденія формы, а не для того, чтобы дѣйствительно удостовѣриться въ существованіи

чумы, что однакоже можно извинить тѣмъ обстоятельствомъ, что докторъ и большая часть карантинныхъ чиновниковъ были подвержены сильной лихорадкѣ. Они, какъ тѣни, бродили около Камчика, гдѣ все представляло видъ бывшаго недавно тутъ сраженія, въ которомъ турки сопротивлялись нашему переходу черезъ сію рѣку. Подлѣ берега стояли орудія, отбитыя у непріятеля; въ числѣ ихъ я увидѣлъ одну австрійскую пушку съ заряднымъ ящикомъ: въ семъ случаѣ Вѣнскій кабинетъ не поступилъ въ духѣ христіанскаго или такъ называемаго священнаго союза.

Съ Камчика начинаются настоящія Балканы, которыя оканчиваются при селеніи Келелеръ. Сіе пространство, верстъ на сорокъ, вмѣщаетъ въ себѣ болѣе или менѣе крутыхъ и каменистыхъ горъ, покрытыхъ почти повсемѣстно дубовымъ лѣсомъ. Долины, ими образуемыя, уступаютъ швейцарскимъ по красотѣ своей и по обширности; въ нихъ также нѣтъ водопадовъ, но недостатокъ сей замѣняется видами на Черное море, которые въ нѣкоторыхъ мѣстахъ открываются. Въ разсужденіи высоты, Балканы нельзя сравнивать съ Альпами, но переходъ сихъ послѣднихъ для войскъ не столько затруднителенъ, потому что по нимъ проложены дороги, гораздо удобнѣйшія, нежели черезъ Балканы, гдѣ существуютъ только узкія тропинки, покрытыя камнемъ. Здѣсь представляется столь много дефилей, поросшихъ вѣковымъ лѣсомъ и колючимъ кустарникомъ, что, ежели бы нѣсколько тысячъ отважныхъ турокъ вознамѣрились ихъ рѣшительно защищать, то весьма бы трудно было одолѣть ихъ, но турки были столь поражены переходомъ нашихъ черезъ Камчикъ и отважностью, съ которою русскіе устремились на крутизны горъ, что они, не думая объ оборонѣ, предались бѣгству. Когда я поднялся на самую вершину Балкана, то влѣво открылось все пространство Чернаго моря, а вправо хребетъ горъ, на которыхъ расположена Шумла; надъ облаками носятся стаи орловъ; я остановился у прозрачнаго ключа и выпилъ стаканъ хрустальной воды въ честь нашего оружія; меня въ эту минуту одушевляло чувство народной гордости. Такъ ровно за 20 лѣтъ, безвѣстный юноша, я стоялъ на высотахъ Сенъ-Готарда, мечтая о величіи Суворова.

Въ продолженіе всего этого дня зной былъ почти нестерпимый, нельзя было ѣхать иначе, какъ шагомъ, и надлежало часто оста-

навливаться, потому что узкія дороги были покрыты множествомъ воловыхъ подводъ, везшихъ для арміи продовольствіе. Наконецъ, часа въ четыре пополудни я подъѣхалъ къ спуску горы, который простирается верстъ на шесть и оканчивается плодоносною равниною, на которой находится селеніе Келлеръ. Здѣсь графъ Дибичъ служилъ благодарственный молебенъ за счастливый переходъ черезъ Балканы, который теперь занимаетъ всѣ умы въ Европѣ, такъ какъ въ исторіи онъ займетъ безсмертную страницу.

Въ Келлерѣ расположенъ былъ 35-й Егерскій полкъ; благоразумное поведеніе командира онаго, полковника **Семичева**, поселило къ нему въ здѣшнемъ краѣ особенное довѣріе; турки и болгары сосѣдственныхъ деревень возвращаются въ свои жилища, за исключеніемъ мулловъ и богатыхъ турокъ, которые имѣли здѣсь помѣстья; онъ давалъ крестьянамъ воловъ для перевозки сноповъ съ полей, и одинъ болгаръ, ободренный ласковымъ его обращеніемъ, просилъ полковника, чтобы онъ его вола промѣнялъ на другаго казеннаго, который былъ болѣе ростомъ: просьба его была удовлетворена. Бѣдная болгарка, возвращаясь на родину, несла свои пожитки, подъ тяжестью коихъ она изнемогала; Семичевъ, увидя сіе, подарилъ ей лошадь. Таковые и подобные поступки надобно сохранить въ памяти; они причиною, что въ Румеліи было изобиліе въ продовольствіи для нашихъ войскъ и совершенная безопасность; ни одинъ отставшій отъ войска солдатъ не былъ въ пути своемъ подверженъ нападенію, но, напротивъ того, каждый находилъ въ селеніяхъ въ нужныхъ случаяхъ помощь и пристанище. Говоря о семъ предметѣ, долженъ вспомнить, что мы обязаны императору Александру за примѣръ великодушнаго обращенія съ непріятелями.

Садясь въ Келлерѣ въ коляску, я еще разъ взглянулъ на лежавшія позади меня Балканы, на которыя видъ въ Румеліи несравненно величественнѣе, нежели со стороны Булгаріи; хребетъ сей, какъ грозный исполинъ, стоялъ кремнистою стѣною между мною и отечествомъ моимъ. Вечеръ былъ прекраснѣйшій, и я поѣхалъ въ Бургасъ вдоль моря; скоро открылись влѣво при послѣднихъ лучахъ солнца древніе города Ахіоко и Миземврія, гдѣ всѣ жители

остались въ своихъ домахъ, а вдали бѣлѣлись паруса кораблей черноморскаго флота.

Вскорѣ сдѣлалось совершенно темно, но вдругъ горизонтъ освѣтился множествомъ огней; это были такъ называемые чумаки или малороссіяне, употребленные при подвижныхъ магазейнахъ арміи, которые близъ дороги расположились на ночлегъ. Отголоски украинскаго нарѣчія ихъ доходили до меня, звонъ колокольчика, привязаннаго къ моимъ лошадямъ, и наконецъ русскія пѣсни моего ямщика,—все это заставляло забывать, что я находился за Балканами; безопасность была такова, что я не имѣлъ съ собою и прикрытія, и взялъ со станціи только двухъ казаковъ для указанія дороги. Но такъ какъ ее нельзя было различить по причинѣ ночнаго мрака, то я остановился на казачьемъ посту въ селеніи Эски-Бешлы. Мнѣ отвели домъ, занимаемый прежде пашою и стоящій на самомъ берегу моря; шумъ волнъ его скоро погрузилъ меня въ крѣпкій сонъ.

На другое утро часа въ три я пріѣхалъ въ Бургасъ; видъ Фаросскаго залива меня прельстилъ: послѣ залива Неаполитанскаго и Генуэзскаго я ничего въ семъ родѣ красивѣе не находилъ. Бургасъ есть первый настоящій турецкій городъ, который мнѣ случалось видѣть. Улицы узкія и кривыя, мостовая песчаная и нѣтъ ни одного порядочнаго строенія; дома ограждены высокими полуразрушенными заборами; нѣтъ признаковъ, чтобы при построеніи какого-либо зданія прибѣгали къ искусству зодчаго. Я входилъ въ два кофейныхъ дома, которые неопрятностью не уступаютъ русскимъ кабакамъ, съ тою разницею, что вмѣсто водки посѣтителямъ предлагаютъ трубки, кальяны и кофейную гущу, которую пьютъ безъ сахара изъ маленькихъ чашекъ. Обыкновенно въ завоеванныхъ земляхъ побѣдители превращаютъ церкви въ больницы, но здѣсь, какъ и вездѣ, русскіе почтили мечети, онѣ остались неприкосновенными, и наши больные размѣщены были, хотя и не очень выгодно, въ домахъ частныхъ людей. Въ гавани нѣсколько тысячъ турокъ заняты были выгрузкою съ кораблей хлѣба, привезеннаго изъ Одессы; они были веселы и казались довольными своею участью: плѣнъ имѣетъ самъ по себѣ столько непріятнаго, что тѣ, которые имѣютъ несчастіе въ оный попасть, почитаютъ уже себя счастливыми, если они не

подвержены какимъ-либо изнурительнымъ работамъ. Лавокъ съ товарами роскоши или произведеніями Востока, о которомъ въ Европѣ имѣютъ преувеличенныя понятія, какъ я въ томъ въ проживаніи моемъ въ Турціи убѣдился, я тоже не нашелъ въ Бургасѣ, и ежели бы не было русскихъ маркитантовъ, то во всемъ городѣ невозможно бы было купить съѣстныхъ припасовъ.

Въ этотъ день былъ какой-то праздникъ, и я вошелъ въ церковь, мрачную и украшенную образами стариннаго писанія. Служба отправлялась съ нѣкоторою небрежностью, и вообще въ церкви не было того благочестія, какое мы привыкли видѣть въ нашихъ русскихъ храмахъ. Молившіеся смотрѣли съ примѣтнымъ удовольствіемъ на мой мундиръ; это чувство весьма естественно, ибо угнетенные христіане надѣялись, что, съ прибытіемъ нашимъ, положеніе ихъ улучшится.

Изъ церкви я заходилъ къ румелійскому генералъ-губернатору Головину, который былъ убитъ духомъ; ему казалось, что мы зашли уже слишкомъ далеко, и послѣдствія похода ему представлялись въ самомъ мрачномъ видѣ, вѣроятно отъ того, что онъ недавно возвратился изъ Варны, гдѣ при немъ свирѣпствовала чума; онъ сказывалъ мнѣ, что отъ 20-го мая до 20-го іюля погибло отъ нея 3.500 солдатъ и 127 офицеровъ. Отъ него я узналъ о занятіи Адріанополя, но ему не было извѣстно, остановился ли тамъ главнокомандующій или пошелъ далѣе; во всякомъ случаѣ мнѣ надлежало слѣдовать на Адріанополь по военной дорогѣ, проложенной чрезъ Карабунаръ, Кизиль-джи-Клиссы и Буюкъ-Дербентъ, по которой ѣздили съ такою же безопасностію, какъ между Москвою и Петербургомъ, хотя она и лежала въ самыхъ нѣдрахъ Турціи.

По симъ увѣреніямъ, я взялъ съ собою только одного казака проводникомъ, въ тотъ же день поѣхалъ изъ Бургаса въ Адріанополь по дорогѣ, гористой и покрытой кустарникомъ, по которой прежде насъ никто въ экипажахъ не ѣзжалъ, ибо турки, даже самые знатные путешествуютъ верхомъ.

За Карабунаромъ, который есть первая станція, меня застала мрачная ночь, полился сильный дождь, лошади стали, и я былъ въ самомъ непріятномъ положеніи. Къ счастію, проходившіе резервные

баталіоны помогли потащить мою коляску, и такъ какъ они остановились на нѣсколько часовъ въ лѣсу, то и я съ ними расположился тутъ же ночевать. Не прошло пяти минутъ, какъ они зажгли костеръ, запылали тысячи вѣковыхъ дубовъ, лѣсъ освѣтился, темнота ночная исчезла; это представило прелестную картину. Не дождавшись разсвѣта, я продолжалъ путь свой до Кизиль-джи-Клиссы, гдѣ, найдя только двѣ почтовыя лошади, оставилъ свою коляску, а самъ, сѣвши съ однимъ человѣкомъ на перекладную тележку, поѣхалъ далѣе безъ всякаго прикрытія.

Путь мой шелъ по мѣстамъ совершенно пустыннымъ и каменистымъ, поросшимъ кустарникомъ, кое-гдѣ встрѣчались болгары и наши тянувшіеся обозы, и табуны верблюдовъ, на коихъ доставлялось продовольствіе войскамъ.

По мѣрѣ приближенія моего къ Буюкъ-Дербенту возвышался болѣе и болѣе хребетъ горъ, называемыхъ Странжею, по которому пролегаютъ множество тропинокъ, во всѣ стороны идущихъ, а дороги ни одной; о необходимости и о выгодахъ сообщеній посредствомъ дорогъ турки совершенно не имѣютъ никакого понятія; часто по одному и тому же направленію идутъ нѣсколько тропинокъ, одна другой излучистѣе.

Не кстати было бы жалѣть о пропадающей безъ пользы подъ ними землѣ, ибо страна сія не воздѣлана; отъ самаго Бургаса я только видѣлъ близъ одного селенія, именуемаго Буюкъ-Баялыкъ — десятинъ со сто пашни.

Отъ города Буюкъ-Дербента начинается равнина, и верстъ черезъ двадцать мѣстоположеніе становится волнистѣе.

Съ какимъ нетерпѣніемъ спѣшилъ я по послѣдней станціи, однако сколько я ни торопился пріѣхать за свѣтло, но не могъ въ томъ успѣть, солнце закатилось, настала благодѣтельная прохлада, меня застала темнота. Вскорѣ начали вдали показываться огни; сперва въ такомъ маломъ количествѣ, что легко было ихъ пересчитать, а потомъ весь горизонтъ ими покрылся. Это были огни русскихъ и горѣли близъ Адріанополя.

Хотя желаніе узнать причину, зачѣмъ меня вызвали въ главную квартиру было во мнѣ весьма сильно, но чувство любопытства усту-

пало восторгу, овладѣвшему мною при мысли, что знамена наши развѣвались на второй столицѣ Турецкой имперіи.

VII.

Это было 12-го августа и такъ какъ ни одинъ изъ встрѣтившихся мнѣ солдатъ не могъ показать, гдѣ живетъ главнокомандующій, то я остановился у огромныхъ казармъ, находившихся внѣ города, переодѣлся на дворѣ ихъ, блуждалъ, какъ въ лабиринтѣ, по пространнымъ галлереямъ оныхъ, пока наконецъ одинъ услужливый офицеръ не вызвался проводить меня до Эски-Сарая, или Стараго Дворца, гдѣ расположена была главная квартира. Графъ Дибичъ уже спалъ, и я явился къ начальнику штаба его, графу Толю, который объявилъ мнѣ, что по причинѣ болѣзни дежурнаго генерала арміи, генерала Обручева, главнокомандующій выписалъ меня, чтобы исправлять должность его. Такимъ образомъ разрѣшилась для меня загадка поѣздки моей изъ-подъ Журжи, и хотя мнѣ извѣстны были многотрудныя обязанности этого званія, которое на меня возлагали, я тотчасъ согласился принять оное, ибо въ ту минуту почиталъ истиннымъ счастіемъ находиться въ дѣйствующей арміи и въ средоточіи важнѣйшихъ происшествій. Я полагалъ, что буду участвовать въ великомъ сраженіи, которое, по моему мнѣнію, должно было произойти неподалеку отъ Константинополя, ибо я не могъ себѣ представить, чтобы турки до такой степени были нравственно и физически ослаблены, что они, какъ впослѣдствіи оказалось, не возъимѣютъ ни духа, ни возможности съ нами еще разъ сразиться.

Я провелъ съ графомъ Толемъ болѣе часа, онъ мнѣ объяснилъ подробно о состояніи арміи, коей все внутреннее хозяйство поручалось мнѣ. Все, что онъ ни говорилъ мнѣ о болѣзняхъ, свирѣпствовавшихъ въ войскахъ, и о разстройствѣ, которое изъ того произошло во всѣхъ частяхъ управленія, было ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что узналъ вскорѣ, вступя въ управленіе дѣлъ. «Вамъ не будетъ покоя ни днемъ, ни ночью, сказалъ онъ, но вамъ должно

быть лестно, что изъ семидесяти генераловъ, находящихся при арміи, главнокомандующій васъ почелъ достойнѣйшимъ занимать сіе трудное мѣсто». Я отвѣчалъ, что обязанность моя можетъ облегчиться однимъ только обстоятельствомъ, а именно, если разрѣшатъ мнѣ дѣйствовать на основаніи законовъ, т. е. учрежденія большой дѣйствующей арміи, въ которомъ въ прошлогоднемъ походѣ сдѣланы многія измѣненія. — «Они-то, —возразилъ графъ Толь—и были одною изъ причинъ безпорядковъ въ арміи, потому что въ минувшемъ году графъ Витгенштейнъ и начальникъ штаба его, совсѣмъ неопытный въ дѣлахъ, исказили наше учрежденіе и для каждой отдѣльной части управленія, какъ-то почты, полиціи и другихъ, составили особенныя постановленія, отчего всѣ части перепутались».

Я вышелъ отъ графа Толя почти въ полночь; ярко горѣли еще огни въ палаткахъ, расположенныхъ въ вѣковомъ лѣсу подлѣ Эски-Сарая; я облокотился на крыльцѣ дворца и думалъ нѣсколько минутъ о новомъ положеніи своемъ и о томъ, гдѣ проведу ночь. Меня проводили къ генералъ-полиціймейстеру, которому было уже извѣстно о новомъ назначеніи моемъ; онъ и другой чиновникъ тотчасъ приказали разбить мнѣ палатку и снабдили меня подушками, походною мебелью, свѣчками и вкуснымъ ужиномъ.

На другое утро я представился къ главнокомандующему, который поцѣловалъ меня и, послѣ самыхъ лестныхъ привѣтствій, объявилъ мнѣ, зачѣмъ онъ призвалъ. Мнѣ пріятно было видѣть побѣдоноснаго полководца, прославившаго россійское оружіе, и я отвѣчалъ ему, что вмѣняю за истинную себѣ честь служить подъ непосредственнымъ начальствомъ его въ столь знаменитомъ походѣ. Онъ мнѣ тоже повторилъ сказанное графомъ Толемъ о состояніи арміи и присовокупилъ, что ему пріятно было слышать отъ сего послѣдняго, что я намѣренъ былъ придерживаться учрежденія дѣйствующей арміи. «Хотя законы сіи неполные, сказалъ онъ, но мы и за нихъ должны быть благодарны, по крайней мѣрѣ мы имѣемъ въ нихъ что-нибудь положительное». — «Будьте мнѣ помощникомъ, продолжалъ онъ, и приходите ко мнѣ всякій день обѣдать».

Вслѣдъ затѣмъ я возвратился въ свою палатку, которая наполнилась посѣтителями, въ числѣ ихъ были старинные знакомые

и новыя лица; всѣ, какъ водится въ подобныхъ случаяхъ, увѣряли меня въ дружбѣ своей и изъявляли радость видѣть меня въ главной квартирѣ; многіе, узнавшіе, что я пріѣхалъ на телѣжкѣ, только съ однимъ человѣкомъ и что коляска моя осталась сзади, наперерывъ предлагали мнѣ своихъ лошадей, столъ и всякаго рода услуги. Я просилъ только дать мнѣ лошадь, ибо горѣлъ нетерпѣніемъ видѣть Адріанополь, тѣмъ болѣе, что городъ сей поступалъ также подъ мое начальство и что я хотѣлъ воспользоваться нѣсколькими часами свободы, потому что приказъ обо мнѣ не былъ еще отданъ.

Адріанополь принадлежитъ къ числу огромнѣйшихъ городовъ въ Европѣ и расположенъ частію въ долинѣ, частію на возвышеніяхъ на берегахъ Марицы и Тунджи. Неровности мѣстоположенія, по которымъ находятся дома, стоящіе на высокихъ холмахъ, великолѣпныя мечети, которыхъ куполы и минареты смѣло воздымаютъ главы свои въ облака, оригинальная, новая совершенно для европейца архитектура городскихъ зданій, около которыхъ насажены сады, гдѣ растутъ столѣтнія деревья—все это является подъ самымъ чистымъ лучезарнымъ небомъ, какъ очаровательная картина. Между тѣмъ какъ я ею любовался, медленно тянулись болгарскія повозки, запряженныя буйволами, проходили мимо меня турки и армяне въ такихъ одѣяніяхъ, какихъ прежде мнѣ не случалось видѣть, и оживили въ воображеніи моемъ все то, что я нѣкогда читалъ объ азіятскихъ странахъ. Однакоже очарованіе мое начало мало-по-малу исчезать, по мѣрѣ того какъ я въѣзжалъ въ городъ. Улицы такъ узки, что двумъ экипажамъ въ нихъ разъѣхаться нельзя, и онѣ вымощены такъ дурно, что пѣшкомъ не иначе ходить можно, какъ съ трудомъ, а потому всѣ, которые имѣютъ хотя посредственное состояніе, ѣздятъ верхомъ въ сопровожденіи одного или болѣе слугъ, идущихъ пѣшкомъ подлѣ лошади своего господина; чѣмъ кто богатѣе, тѣмъ болѣе около него прислуги. Дома выстроены въ самомъ безобразномъ видѣ, нѣтъ ни одного посредственной или правильной наружности; утвердительно можно сказать, что, судя по домамъ частныхъ людей, зодчество, какъ искусство, здѣсь не существуетъ. Они строятся простыми плотниками, не имѣющими не только никакого понятія о красотѣ зданій, но даже о соразмѣрности частей оныхъ, и состоятъ изъ большихъ деревянныхъ

брусьевъ, между коими промежутки наполняются глиною и мелкими камнями. Большая часть изъ нихъ въ два и три жилья, которыя устроены такимъ образомъ, что второй этажъ выдается на аршинъ надъ первымъ на улицу, а третій этажъ настолько же надъ вторымъ, такъ что во многихъ мѣстахъ изъ третьяго жилья двухъ насупротивъ стоящихъ домовъ можно брать другъ друга за руку. Въ расположеніи оконъ и дверей не соблюдена симметрія, и столярная отдѣлка оныхъ самая грубая. Посреди города находится много кладбищъ; я постигаю причину, по которой безпрестанный видъ послѣдней юдоли человѣчества не поселяетъ въ обитателяхъ Турціи того непріятнаго чувства, какъ въ европейцахъ, ибо чтó значитъ для нихъ жизнь, лишенная наслажденій, происходящихъ отъ просвѣщенія и прелести гражданской образованности.

Общественныя зданія турокъ носятъ на себѣ совсѣмъ другой отпечатокъ, чѣмъ дома частныхъ людей, и должно удивляться, какъ въ одномъ и томъ же городѣ существуютъ и десять тысячъ безобразнѣйшихъ домовъ, и нѣсколько такихъ мечетей, которыя бы сдѣлали украшеніе каждой европейской столицѣ. Фонтаны находятся во множествѣ; нѣкоторые изъ нихъ, не будучи правильны, имѣютъ въ построеніи своемъ нѣчто поэтическое, особенно будучи осѣняемы величественными деревьями; видно, что люди, ихъ сооружавшіе, одушевлены были пламеннымъ воображеніемъ, но не были руководимы истинными началами искусства. Изъ мечетей любопытнѣйшая есть Селимова. Она окружена высокою стѣною и двумя дворами; въ первомъ ростутъ нѣсколько деревъ, а со втораго двора, гдѣ находился мраморный водометъ, виденъ прекрасный фасадъ мечети. Внутренность ея смѣлостію архитектуры, правильностью частей и красотою ихъ, огромностью и вмѣстѣ легкостію купола превзошла мои ожиданія. Этотъ храмъ можно назвать торжествомъ зодчества, на которомъ сосредоточено все удивленіе посѣтителя, ибо вниманіе его не развлекается произведеніями живописи, которая магометанами не терпима въ мечетяхъ. Мѣсто ея заступаютъ позолоченные карнизы, разноцвѣтныя стекла оконъ и стихи изъ Алкорана золотыми буквами, написанные на голубомъ полѣ. Посреди мечети находится фонтанъ, котораго водѣ турки приписываютъ чудотворную силу.

Я встрѣтилъ въ сей мечети имама или священника магометанскаго и одного греческаго монаха съ Аѳонской горы, которые, видя, что стоявшій у мечети караулъ нашъ вышелъ для меня въ ружье, глядѣли на меня съ видомъ уваженія. Я подошелъ къ нимъ и сказалъ имъ столь вразумительно для нихъ, сколько могъ, что одинъ Богъ существуетъ для всѣхъ, для русскихъ, для магометанъ и для грековъ. Имамъ и монахъ съ горы Аѳонской разъ десять это твердили съ примѣтною радостію, показывая на небо и поднимая вверхъ одинъ палецъ въ знакъ того, что есть одинъ только Богъ. Въ сію минуту мнѣ пришли на мысль Петръ Великій и Александръ, которые выдвинули у насъ терпимость вѣры и толь много содѣйствовали и успѣхамъ нашей политики, и нашего оружія; могъ ли я, напримѣръ, не оказать всѣхъ знаковъ наружнаго уваженія въ мусульманскомъ храмѣ послѣ того, что я видѣлъ Александра, стоящаго въ татарскихъ мечетяхъ съ таковымъ же благоговѣніемъ, какъ и предъ алтарями христіанскими. Неоспоримо, что къ дружественному обращенію съ нами турокъ, кромѣ страха россійскаго оружія, способствовало покровительство ихъ мечетямъ. Какую разительную противуположность являетъ оно съ поступками непріятелей въ Россіи, которые оскверняли храмы наши и ругались надъ святынею народа благочестиваго.

Улицы Адріанополя были покрыты болгарами, армянами и турками; сіи послѣдніе ходятъ, имѣя большею частію въ рукахъ трубки, кофейные дома тоже ими наполнялись; они сидятъ въ нихъ поджавши ноги, курятъ, пьютъ горькій кофей и молчатъ, да и гдѣ имъ почерпать для разговоровъ мысли, потому что они ничему не учатся, ничего не читаютъ и ни о чемъ не имѣютъ понятія, кромѣ какъ о нѣкоторыхъ весьма недостаточныхъ народныхъ преданіяхъ. Говорить о дѣлахъ семейныхъ запрещаетъ обычай, ибо все, что до семейства мусульманина относится, есть тайна, дѣла государственныя не выходятъ за стѣны султанскаго дворца, а политика Европы и успѣхи нашего просвѣщенія столь же чужды для турокъ, какъ для насъ происшествія на лунѣ. Многіе ремесленники исправляютъ работы свои на улицахъ, какъ-то портные, сапожники, серебряники, но во всемъ городѣ нѣтъ ни одной книжной лавки, ни одного художника, ни одной вывѣски. Я

болѣе двухъ часовъ ходилъ по городу, всматриваясь съ любопытствомъ въ новость лицъ и предметовъ, мнѣ представившихся, и возвратился въ Эски-Сарай съ чувствами удовлетвореннаго самолюбія, помышляя, что сто тысячъ жителей второй столицы Турціи будутъ находиться подъ моимъ начальствомъ.

Я обѣдалъ у главнокомандующаго; нельзя быть любезнѣе его, но эта любезность истинно солдатская и непритворная. Онъ не имѣетъ дара слова, но во всемъ, что говоритъ, видно, что это происходитъ отъ сердца. Онъ призираетъ турокъ и Махмута.—«Прекрасная минута въ моей жизни», сказалъ онъ, «была, когда я взошелъ на самый верхъ Балкана».—Вѣрю.

Поздно вечеромъ отданъ былъ обо мнѣ приказъ, и на другое утро я вступилъ въ отправленіе своей должности, въ составъ которой входятъ по учрежденію слѣдующія части: караулы внѣшніе, охраняющіе спокойствіе арміи отъ непріятелей, и внутренніе, учреждаемые для наблюденія порядка и благоустройства оной; аудиторіатъ, военная полиція, всѣ армейскіе обозы и военныя сообщенія, госпитали и лѣкаря, полевой почтамтъ, священники, свѣдѣнія о числѣ людей въ арміи и о перемѣнѣ, происходящей въ ономъ, отданіе паролей, лозунговъ и приказовъ, инспекторскіе смотры полковъ, а особливо неисправныхъ, въ которыхъ умножаются число больныхъ, умирающихъ и бѣглыхъ, для открытія причинъ и пресѣченія безпорядкокъ, выдача подорожень, паспортовъ, доставленіе въ лагерь всякаго рода припасовъ, попеченіе о добротѣ пищи солдатъ, надзоръ за маркитантами —словомъ сказать, мнѣ ввѣрялось все хозяйство арміи.

Послѣ того какъ явились ко мнѣ чиновники, коимъ ввѣрены были сіи части, принесли въ мою палатку корзины и мѣшки, въ коихъ находились нѣсколько сотъ нераспечатанныхъ конвертовъ. Какъ изъ нихъ, равно изъ чрезвычайно огромной переписки,—потому что я ежедневно получалъ до двухсотъ бумагъ,—я въ скоромъ времени могъ составить себѣ ясное понятіе объ арміи. Я представляю здѣсь вкратцѣ состояніе, въ которомъ я нашелъ нѣкоторыя изъ главнѣйшихъ частей военнаго управленія:

1) Полевой аудиторіатъ существовалъ только по одному названію, ибо, начиная отъ предсѣдателя, всѣ члены и аудиторы

были больны.—Подсудимыхъ чиновниковъ находилось довольно много при корпусахъ, откуда дѣла поступали на утвержденіе въ главную квартиру и лежали тамъ безъ всякаго производства. Я почелъ первою обязанностію помочь сему злу, ибо представлялъ себѣ живо горестное положеніе тѣхъ лицъ, которыя подверглись суду и по причинѣ остановки дѣлъ въ полевомъ аудиторіатѣ оставались въ безъизвѣстности своего жребія. Недѣли черезъ три судная часть была устроена, я назначилъ изъ полковъ аудиторовъ и штабъ-офицеровъ въ члены аудиторіата.

2) Полевой почтамтъ, буде можно, находился еще въ большемъ разстройствѣ: цѣлыя палатки были завалены письмами, посылками и документами, привезенными изъ Россіи къ разнымъ лицамъ арміи. Всѣ начальники почты были больны, а начальникъ оной лежалъ въ бѣлой горячкѣ, такъ что не существовало описей симъ тысячамъ въ груды сваленныхъ писемъ. Жалобы поступали ко мнѣ ежедневно отъ офицеровъ, лишенныхъ долгое время утѣшенія имѣть извѣстія отъ родныхъ своихъ и близкихъ, находившихся въ Россіи. Я самъ зналъ на опытѣ, какъ мучительно это состояніе, ибо, стоя надъ Журжею два мѣсяца почти, получилъ отъ своихъ домашнихъ только одно письмо, а всѣ прочія, хотя и были ко мнѣ адресованы въ Букарестъ, нашелъ я валявшимися въ Адріанопольскомъ полевомъ почтамтѣ. Я немедленно опредѣлилъ офицеровъ армейскихъ въ помощь почтдиректору и въ непродолжительномъ времени хаосъ писемъ былъ приведенъ въ порядокъ.

Устройство конныхъ почтъ особенно отъ Варны до Адріанополя стоило мнѣ несравненно болѣе труда, ибо во многихъ мѣстахъ станціи существовали только по одному имени. Въ лошадяхъ, повозкахъ, хомутахъ, подковахъ и ямщикахъ былъ величайшій недостатокъ. Я приказалъ у маркитантовъ купить телѣги и лошадей съ упряжью и назначилъ въ ямщики солдатъ, которые хотя поминутно заболѣвали, однакоже бывали тотчасъ замѣняемы другими, за что хотя на меня полковые командиры и негодовали, но я не долженъ былъ уважить, принимая въ соображеніе необходимость безостановочнаго сообщенія. Къ чему послужатъ лучшія распоряженія на войнѣ, ежели исполненія по онымъ будутъ медлительно развозимы по корпусамъ и отрядамъ. На каждыхъ двухъ станціяхъ, я учре-

дилъ походныя кузницы, необходимыя для починокъ телѣгъ, безпрестанно ломавшихся на каменистыхъ дорогахъ Балкана и Странжи, и подковы, складенныя въ множествѣ въ разныхъ отдѣльныхъ мѣстахъ и въ которыхъ до меня претерпѣвали крайнюю нужду, были развезены по всѣмъ станціямъ. Словомъ сказать, часть сія приведена была мною въ такой порядокъ, что курьеры пріѣзжали изъ Петербурга въ Адріанополь въ 10 дней, а одинъ изъ нихъ прискакалъ на восьмыя сутки. Правда, что, кромѣ хлопотъ, это стоило много денегъ, но я находилъ въ главнокомандующемъ во всякое время величайшую готовность не щадить оныхъ нисколько, когда дѣло шло о пользѣ арміи, и онъ не только ни одного раза ничего не убавилъ изъ смѣтъ, мною представленныхъ, но напротивъ того спрашивалъ неоднократно, не мало ли я назначаю денегъ. За то съ генералъ-интендантомъ арміи у меня была настоящая война на счетъ продовольствія фуражемъ почтъ. Не постигая всей важности скораго и безпрепятственнаго сообщенія нашего, онъ мнѣ дѣлалъ на каждомъ шагу затрудненія въ отпускѣ сѣна и ячменя, который производился лошадямъ вмѣсто овса. Однажды онъ мнѣ даже объявилъ формальнымъ отношеніемъ, что онъ отказывается продовольствовать почтовыя станціи сѣномъ посредствомъ подвижныхъ магазейновъ и предложилъ, чтобы я велѣлъ посылать почтовыхъ лошадей за сѣномъ разстояніемъ верстъ на тридцать и болѣе. Мѣра сія была такъ смѣшна, ибо лошади едва имѣли въ сутки нѣсколько часовъ отдохновенія отъ безпрерывной гоньбы, что она подала поводъ къ весьма бранной перепискѣ съ моей стороны, и наконецъ къ жалобамъ главнокомандующему, который приказалъ генералъ-интенданту непремѣнно исполнить мои требованія. Видя мою неуступчивость, сей предложилъ мнѣ наконецъ получать деньги за фуражъ по такимъ низкимъ цѣнамъ, каковыхъ въ Турціи и не существовало, да и покупать въ каменистыхъ ущельяхъ Балкана и Странжи было не у кого; послѣ колкой и бранной переписки, онъ опять долженъ былъ мнѣ уступить.

3) Полиція находилась въ жалкомъ положеніи и устроена была, кажется, не для того, чтобы наблюдать за безпорядками, въ арміи происходившими, и собирать свѣдѣнія о замыслахъ турокъ и о могшихъ возникнуть противу насъ покушеній турокъ, но съ тою

цѣлью, чтобы доносить въ Петербургъ о томъ, что въ арміи происходило. Духъ шпіонства есть, къ сожалѣнію, духъ нашего времени, и въ семъ смыслѣ, по убѣжденію моему, была образована и полиція. Тотчасъ по вступленіи моемъ въ управленіе, фельдмаршалъ сказалъ мнѣ наединѣ, чтобы я остерегался генералъ-полиціймейстера, «онъ человѣкъ вредный», присовокупилъ онъ, и я его не терплю. Я промолчалъ, ибо съ симъ чиновникомъ былъ мало знакомъ, но когда, недѣли черезъ три, фельдмаршалъ повторилъ мнѣ еще выше сказанныя слова, то я отвѣчалъ, что мнѣ, имѣя его подъ непосредственнымъ своимъ начальствомъ, неприлично кажется его опасаться и, что ежели главнокомандующій имъ недоволенъ, то лучше его удалить, тѣмъ болѣе, сказалъ я, что и я отъ него кромѣ вздорныхъ доносовъ ничего не имѣю, то фельдмаршалъ промолчалъ. Кромѣ ничтожныхъ доносовъ о пустыхъ рѣчахъ, произносимыхъ турками въ кофейныхъ домахъ, или о сплетняхъ между маркитантами, я дѣйствительно отъ сего генералъ-полиціймейстера ничего другаго не видѣлъ. Трусливость его характера обнаруживалась при каждомъ донесеніи его лазутчиковъ о мнимыхъ заговорахъ турокъ противу насъ: онъ каждый разъ убѣждалъ меня принимать строгія мѣры и всегда получалъ почти отказы, чѣмъ онъ былъ недоволенъ. Тайные агенты его, которыхъ я иногда приказывалъ приводить къ себѣ, чтобы изустными допросами ихъ повѣрять представляемыя мнѣ записки о происшествіяхъ, были люди самаго низкаго состоянія и безъ всякаго образованія, даже лишенные умственныхъ способностей, коими иногда отличаются простолюдины. Это ли обстоятельство, или врожденное во мнѣ омерзѣніе отъ всякаго рода шпіонства были причиною, что я не обратилъ вниманія на образованіе полиціи, что начальнику ея было прискорбно, а мнѣ послужило вѣроятно ко вреду, потому что я послѣ окончанія войны имѣлъ доказательства, что и за мною въ Адріанополѣ наблюдали и Богъ знаетъ въ какомъ видѣ представляли мои дѣянія и поступки. Между тѣмъ какъ я, основываясь на благородномъ духѣ нашихъ офицеровъ и на безпредѣльной ихъ преданности къ престолу, запретилъ полевому почтъ-директору распечатывать письма ихъ, отсылаемыя въ Россію, я узналъ, что собственныя мои письма къ домашнимъ моимъ не иначе доходили, какъ по вскрытіи ихъ. Если оскорбительна сія недовѣр-

чивость, ибо сіе происходило въ такое время, когда я боролся съ ужаснымъ климатомъ, все вокругъ меня пожиравшимъ, съ болѣзнями, наконецъ, съ самою чумою, то мнѣ по крайней мѣрѣ останется то сладостное утѣшеніе, что я въ сіи минуты, когда многіе изъ моихъ товарищей изнемогали и многіе упадали духомъ, дѣлалъ все, что только силы мои позволяли, и старался ободрять и дѣлать всякаго рода угожденія тому множеству офицеровъ, которые ежедневно ко мнѣ обращались съ нуждами своими.

Доносы полиціи о мнимыхъ замыслахъ турокъ были, какъ я выше сказалъ, большею частію ничтожны; таковы же были извѣщенія о внутреннихъ происшествіяхъ арміи. Къ чести нашихъ солдатъ и офицеровъ должно сказать, что они себя вели въ этомъ походѣ примѣрнымъ образомъ, и слѣдствіемъ сего было, что въ теченіе 1829 года турецкими жителями за Балканами не было сдѣлано по нашимъ ни одного выстрѣла и не было ни драки, ни ссоры. Не болѣе какъ два раза молодые офицеры покусились было влѣзть къ турецкимъ красавицамъ, но и за сіе были строго наказаны. Симъ поступкомъ ограничились всѣ шалости, ибо не стоитъ упоминать о томъ, что нѣсколько разъ казаки и солдаты конныхъ полковъ угоняли въ свой лагерь турецкій скотъ, пасшійся на полѣ; трудно растолковать простому солдату, что и сего въ непріятельской землѣ дѣлать не должно; впрочемъ, угоняемый такимъ образомъ скотъ всегда возвращаемъ бывалъ хозяевамъ.

Карточная игра въ этомъ походѣ почти не существовала, и хотя въ нашей арміи болѣе, нежели гдѣ-либо въ другой, играли въ прежнихъ войнахъ, но въ 1828 году государю угодно было объявить, что онъ игры не жалуетъ, а потому всѣ отъ оной отказались. Что же изъ сего произошло? Подъ Шумлою, гдѣ простояли болѣе двухъ мѣсяцевъ, самые высшіе генералы, не зная, какъ преодолѣть скуку, предались пьянству. Въ 1829 году я не запрещалъ игры, напротивъ, самъ послѣ обѣда съ часъ времени проводилъ за вистомъ, ибо мы жили посреди такихъ бѣдствій, что нѣкоторое развлеченіе становилось истинною необходимостію; для меня же это было средствомъ узнавать много такихъ подробностей, до которыхъ по службѣ или оффиціальнымъ образомъ допытаться было невозможно. Въ арміи, близъ Адріанополя находившейся, только въ одномъ мѣстѣ ме-

тали банкъ, и значительнѣйшій проигрышъ состоялъ въ 5.000 червонныхъ. По моему мнѣнію, игра одушевляетъ военную жизнь, особенно при тѣхъ болѣзняхъ, которыя у насъ свирѣпствовали, когда никто не могъ знать, переживетъ ли онъ завтрашній день.

Я заключу статью о полиціи тѣмъ, что ей правительствомъ приказано было имѣть особенное наблюденіе за офицерами, которые участвовали въ злоумышленіяхъ, обнаруженныхъ въ 1825 году, или по онымъ находились въ подозрѣніи. Списокъ этихъ лицъ былъ мнѣ представленъ генералъ-полиціймейстеромъ.

Первый списокъ.

Пѣхотныхъ полковъ:

Саратовскаго – прапорщикъ Ольшевскій.
Герцога Веллингтона—поручикъ Вильманъ.

Рядовые изъ студентовъ Виленскаго университета:

Колыванскаго—Левжевскій
Казанскаго—Чеховскій.
Уфимскаго—Кузьминскій
Вятскаго—подпоручикъ князь Вадбольскій.
Петровскаго—подпоручикъ Голяминъ.
Егерскаго:
13-го—поручикъ Титовъ.
33-го—рядовой изъ студентовъ Виленскаго университета Лещинскій.
35-го—рядовой оттуда же Бронишевскій.
36-го—маіоръ Мартыновъ.
37-го—полковникъ фонъ-Вольскій.

По кавалеріи:

Гусарскаго Ахтырскаго—поручикъ Годеніусъ.
» —разжалованный въ рядовые Лосевъ.
Принца Оранскаго штабсъ-ротмистръ Поздѣевъ.
» —корнетъ Рославлевъ.

Конно-Егерскихъ:

Сѣверскаго – юнкеръ Заикинъ.
Нѣжинскаго— капитанъ Антроповъ.

Уланскихъ:

С.-Петербургскаго - поручикъ Депрерадовичъ.
» —поручикъ Молчановъ.
» —корнетъ князь Вяземскій.
» —рядовой Вортильякъ.
Харьковскаго—поручикъ Свиньинъ.
» —корнетъ Васильчиковъ.
Смоленскаго—капитанъ Сабуровъ.
Курляндскаго—поручикъ Плещеевъ.

По артиллеріи:

Конной:
№ 27-й роты—прапорщикъ Фридковскій 2-й.
№ 28-й » —поручикъ Нащокинъ.
Пѣшей:
9-й бригады—поручикъ Шультенъ.
12-й (или 11-й) бригады—подполковникъ Пановъ
» —подпоручикъ Тихоновъ.

Инженеры:

Бендерской инженерной команды—поручикъ Бартеневъ.
7-го піонернаго баталіона - прапорщикъ Политковскій
Докторъ, коллежскій совѣтникъ Иконниковъ.

Второй списокъ.

1) Подполковникъ—Хотяинцевъ.
2) » —Фроловъ 4-й, артилл.
3) 35-го Егерскаго—капитанъ Франкъ.
4) Нѣжинскаго конно-егерскаго—капитанъ Антроповъ.
5) Иркутскаго гусарскаго—ротмистръ Паскевичъ.
6) Курляндскаго уланскаго—поручикъ Плещеевъ 1-й.
7) Уфимскаго пѣхотнаго—поручикъ Шторхъ.
8) 18-й артиллерійской роты—прапорщикъ Высочинъ.
9) Разжалованный въ рядовые Александровскаго гусарскаго полка Лосевъ.

Съ начала похода о поведеніи сихъ офицеровъ доносили высшему начальству, но въ продолженіе войны это измѣнилось, и на нихъ не обращали никакого почти вниманія, а только начальникамъ полковъ велѣно было не терять ихъ изъ виду.

22-го августа. Десять дней, какъ я вступилъ въ отправленіе моей новой должности. Я не имѣлъ возможности писать въ журналѣ моемъ, по причинѣ множества и разнообразія предметовъ, которыми мнѣ надо было заниматься. Съ седьмаго часа утра до десятаго вечера, я не знаю покоя. Одинъ часъ отдохновенія бывалъ для меня только обѣденное время у главнокомандующаго, у котораго я постоянно каждый день обѣдаю и почти всегда сижу возлѣ него.

Графъ Дибичъ родился въ 1735 году и вступилъ въ нашу службу въ 1801 году [1]).

Вотъ нѣкоторые изъ любопытныхъ его разговоровъ.

Упоминая о приступѣ Измаила, Дибичъ сказалъ: «C'est assaut est d'une hardiesse extraordinaire». Это выраженіе принадлежитъ исторіи, ибо тотъ, кто первый перешелъ Балканы, конечно, сопричисляется къ отважнѣйшимъ полководцамъ. Онъ присовокупилъ: «Je n'aurai pas fait cet assaut».

Графъ Дибичъ далъ сраженіе при Кулевчѣ съ 20.000; перешелъ Балканы съ 18.000 и занялъ Адріанополь съ 12.000.

Въ журналѣ 1824 года, Михайловскій-Данилевскій помѣстилъ слѣдующую замѣтку о генералѣ Дибичѣ, которую считаю не лишнимъ здѣсь привести: „Возвышеніе сего пруссака было отмѣнно быстрое, но должно отдать ему справедливость, что онъ отлично служилъ на войнѣ, и что, будучи восемь лѣтъ начальникомъ главнаго штаба первой арміи, онъ пріобрѣлъ всеобщую любовь и привязанность, хотя при семъ нельзя не пожалѣть, что онъ не русскій и даже не родился въ Россіи. Онъ въ молодости вывезенъ былъ изъ Берлина, гдѣ воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ и опредѣленъ въ Семеновскій полкъ, изъ коего онъ, по счастію его, вышелъ въ генеральный штабъ по слѣдующему случаю. Надобно знать, что генералъ Дибичъ имѣетъ весьма невыгодную наружность, а какъ ротѣ Семеновскаго полка, которой онъ былъ командиромъ, надлежало идти въ караулъ къ королевѣ прусской во время пребыванія ея въ Петербургѣ въ 1809 году, то вмѣсто его, по причинѣ его не видной фигуры, назначили другаго офицера, красиваго, въ караулъ. Обиженный симъ, Дибичъ вышелъ изъ гвардіи въ генеральный штабъ, что послужило къ его счастію, потому что, находясь во время скоро воспослѣдовавшей съ французами въ 1812 году войны оберъ-квартирмейстеромъ корпуса графа Витгенштейна, онъ имѣлъ случай обнаружить отличныя свои дарованія, возведшія его на высокую степень почестей, и которыя если бы онъ остался въ Семеновскомъ полку, были бы скрыты, потому что онъ не имѣлъ бы случая оныхъ показать, служа во фронтѣ и командуя баталіономъ или даже и полкомъ“.

Н. Ш.

На сихъ дняхъ явились къ намъ турецкіе уполномоченные, которые три дня ждали нашихъ уполномоченныхъ: графовъ Палена и Орлова. Между турецкими находится министръ финансовъ; сіе обстоятельство подавало намъ надежду, что миръ скоро заключится, такъ какъ султанъ избралъ министра финансовъ своего, коему состояніе его казны извѣстно. Во время первой своей аудіенціи у главнокомандующаго, турки казались весьма миролюбивы, но вчера было первое настоящее совѣщаніе между ними и нашими уполномоченными, продолжавшееся шесть часовъ, въ которомъ турецкіе министры удивили насъ. По прибытіи ихъ въ нашу главную квартиру, они объявили, что имѣютъ полномочія, почему мы полагали, что они разрѣшены на все; но вчера, когда объявили имъ на совѣщаніи, что правительство наше въ Европѣ не желаетъ никакихъ пріобрѣтеній, а требуетъ въ Азіи нѣкоторыя земли и 10 милліоновъ червонцевъ въ вознагражденіе за убытки, понесенные во время войны, то турки вдругъ объявили, что они на таковыя требованія не уполномочены, а что они думали, что достаточно подтвердить Аккерманскій трактатъ. Что этотъ отвѣтъ былъ для насъ вовсе неожиданный, то въ доказательство приведу слѣдующее обстоятельство: вчера, когда происходило совѣщаніе посланниковъ, мы сидѣли у главнокомандующаго за обѣдомъ, и онъ сказалъ, что совершенно увѣренъ въ мирѣ и желалъ бы оный заключить дней черезъ восемь, а именно 30-го августа, которое есть тезоименитство покойнаго государя, наслѣдника и въ то же время день рожденія Магомета. Послѣ сихъ словъ его, нельзя было сомнѣваться въ мирѣ, но вечеромъ, когда узнали о сопротивленіи турецкихъ полномочныхъ, перемѣнили мнѣніе и стали говорить, что пойдемъ впередъ дней черезъ пять или шесть. Впрочемъ, дали время на размышленіе туркамъ до сегодняшняго дня, и что будетъ въ сегодняшнемъ засѣданіи, увидимъ.

По моему мнѣнію, вчерашнее упорство турокъ, совершенно противное готовности ихъ заключить миръ, изъявленной въ пріемной ихъ аудіенціи у главнокомандующаго, произошло отъ того, что имъ дали нѣсколько дней осмотрѣться, и что въ ту же минуту, когда они въ полномъ испугѣ пріѣхали изъ Константинополя, не начали совѣщаній. Тогда, вѣроятно, они бы согласились на все; но теперь они увидѣли малочисленность нашу и сильныя свирѣпствующія въ

нашей арміи болѣзни, а потому и начали упрямиться. Къ сему способствовало еще долгое неприбытіе нашихъ уполномоченныхъ, которыхъ турецкіе ждали четыре дня.

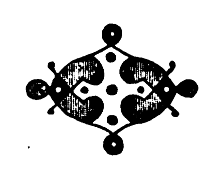
23-го августа. Вчера была вторая конференція, на которой турецкіе министры казались гораздо сговорчивѣе. Наши думаютъ, что турецкіе чиновники имѣютъ полномочіе согласиться на наши предложенія, но что они не хотятъ взять на себя отвѣтственности, и для того просили семь дней срока, чтобы получить отвѣтъ изъ Константинополя, куда они вчера вечеромъ отправили двухъ курьеровъ. Съ нашей стороны, съ цѣлью придать Дивану болѣе страха, велѣно второму корпусу, расположенному въ Кирк-Клисѣ, двинуться къ Визѣ, а отряду, стоящему въ Люлѣ Бургасѣ, идти къ Карнстану, имѣя авангардъ въ Чорлу, а посты свои вправо къ Мраморному морю. Втораго же корпуса авангардъ будетъ въ Сараѣ и піонеры сдѣлаютъ тотчасъ двѣ дороги къ Мидіи—одну изъ Визы, другую изъ Сарая. Такимъ образомъ займется все пространство отъ Мидіи до Родосто и отрѣжется Константинополь отъ европейской Турціи. Главная квартира остается на время въ Адріанополѣ съ седьмымъ корпусомъ; но, вѣроятно, и мы двинемся впередъ, ибо, стоя въ Адріанополѣ, мы будемъ слишкомъ далеки отъ втораго и шестаго корпусовъ. Если же 1-го сентября, который есть день, назначенный для полученія отвѣта изъ Константинополя, извѣстія оттуда не будутъ удовлетворительны, то мы идемъ впередъ.

Великій предстоитъ вопросъ: брать ли Константинополь или нѣтъ? Мнѣ сего весьма бы хотѣлось для славы Россіи, и я полагаю сіе удобоисполнимымъ, потому что я не вижу въ туркахъ никакого патріотизма, въ начальникахъ ихъ благоразумія, и что вообще Оттоманская имперія ничто иное есть, какъ сгнившее дерево. Графъ Толь, съ которымъ я говорилъ вчера насчетъ взятія Константинополя, утверждаетъ, что онъ сочтетъ за несчастіе туда идти, и что главнокомандующій его мнѣнія. «Надобно»,—сказалъ онъ,—«оставить Махмуду une issue par laquelle il pourrait échapper». Сколь я ни уважаю мнѣніе сихъ отличныхъ полководцевъ, однакоже, я съ ними не согласенъ, потому что мы имѣемъ флотъ, который можетъ намъ содѣйствовать и, въ случаѣ возмущенія въ Константинополѣ

противу нашихъ войскъ, можетъ въ нѣсколько часовъ истребить сію столицу.

26-го августа. Сегодня день моего рожденія, въ который я прежде рѣдко бывалъ занятъ, но нынѣ весь день долженъ былъ работать, по истинѣ не для себя; при милліонѣ моихъ занятій, меня одушевляетъ мысль, что труды мои полезны могутъ быть дѣтямъ— чего мнѣ для самого себя остается желать? Честолюбіе удовлетворено, а Юрьево, прекрасное Юрьево, обезпечиваетъ старость мою. Я молю только Бога о дѣтяхъ и труды мои имъ посвящаю. Остается еще пять дней ожидать рѣшительнаго отвѣта изъ Константинополя, т. е. 1-го сентября. Русскіе должны проложить себѣ дорогу до Византіи.

Н. К. Шильдеръ.

Григорій Өедоровичъ Квитка-Основьяненко.

(род. 18 ноября 1778 † 8 августа 1843).

8-го августа 1893 года исполняется пятьдесятъ лѣтъ со дня смерти одного изъ наиболѣе выдающихся малорусскихъ писателей и почтенныхъ общественныхъ дѣятелей начала нынѣшняго столѣтія—Григорія Өедоровича Квитки-Основьяненка. Въ такомъ журналѣ, какъ «Русская Старина», помянуть о дѣятелѣ стараго времени лучше всего словомъ того же стараго времени. Держась такого мнѣнія, печатаемъ здѣсь воспоминанія о Квиткѣ, принадлежащія И. И. Срезневскому, въ юности своей лично знакомому съ авторомъ «Маруси» и глубоко его уважавшему до послѣднихъ дней своей жизни. Первое печатающееся здѣсь воспоминаніе о Квиткѣ написано въ 1843 г., —тотчасъ послѣ смерти Григорія Өедоровича; оно представляетъ собою рѣчь, сказанную И. И. Срезневскимъ надъ гробомъ Квитки на кладбищѣ [1]). Второе воспоминаніе было написано въ 1878 г. по случаю празднованія столѣтія дня рожденія Квитки для прочтенія на торжественномъ обѣдѣ въ честь этого писателя. И. И. Срезневскій не могъ лично принять участіе въ праздновании и на приглашеніе кружка почитателей Квитки долженъ былъ отвѣтить отказомъ присутствовать на торжествѣ; ниже печатающееся письмо его къ Н. И. Костомарову должно было замѣнить собою Измаила Ивановича; оно, какъ видно изъ отчета объ обѣдѣ, было прочтено Д. Л. Мордовцевымъ [2]).

Рѣчь И. И. Срезневскаго надъ гробомъ Г. Ө. Квитки.

Позволь и мнѣ, благородная душа, пролить слезу памяти сердца надъ прахомъ, тобою покинутымъ. Лить слезы надъ этимъ прахомъ имѣетъ право и обязанъ всякій, кто въ себѣ теплитъ искру уваженія къ человѣческому достоинству. Скорбь о потерѣ тебя—скорбь общая, какъ

[1]) См. «Москвитянинъ», 1843 г. № 10 (статья К. М. Сементовскаго).
[2]) «Новое время», 1878, № 981.

и ты самъ, была всѣмъ обща, всѣмъ родная, всѣхъ любила и всѣми была любима. Съ одинаково тяжкимъ чувствомъ преклонились передъ гробомъ, тобою намъ оставленнымъ, и вельможа и селянинъ, и богатый и нищій, и ученый и безграмотный, и судья и подсудимый,—всѣ, какъ одна семья, какъ братство родныхъ и друзей, или облагодѣтельствованные, или наставленные, или утѣшенные—самою ли тобой, свѣтлая душа, или мыслію о тебѣ, о твоей правдивости и чистотѣ, о твоихъ подвигахъ на пользу твоего временнаго, земнаго отечества.

Но тебя уже нѣтъ между нами, небожительница. Прости— и передай Богу силъ и милостей наши слезы и скорбь о тебѣ, какъ молитву благодарности Ему, пославшему тебя гостить между нами!... Намъ же остается воспоминаніе о покойникѣ и могила его. Мы будемъ помнить, что̀ онъ былъ для насъ, будутъ помнить его и потомки наши.

Подумаемъ ли о разсадникѣ воспитанія дѣвицъ въ нашемъ краѣ, роскошно цвѣтущемъ нынѣ подъ благодѣтельнымъ призоромъ государыни нашей,—и вспомнимъ, что онъ, глубоко сознавая необходимость женскаго воспитанія, первый задумалъ объ этомъ заведеніи, первый положилъ ему начало, первый осмѣлился обратиться къ милостямъ царицы [1]).

Подумаемъ ли о народѣ, о томъ, какъ важно для блага общаго распространеніе въ немъ истинъ вѣры и науки, правилъ мысли и жизни,— и вспомнимъ, что онъ одинъ изъ первыхъ въ Украйнѣ сталъ думать объ этомъ, старался всѣми силами содѣйствовать этому, участвовалъ и въ открытіи народныхъ училищъ, жертвовалъ и трудомъ, и имуществомъ для заведенія народной библіотеки, самъ брался за перо и писалъ для народа живымъ народнымъ языкомъ такъ, что заставлялъ и глубоко чувствовать, и глубоко задумываться самаго простаго селянина, не понимавшаго дотолѣ силы слова.

Подумаемъ ли о нашей современной словесности, о даровитѣйшихъ изъ ея дѣлателяхъ,— и вспомнимъ, что онъ былъ въ числѣ этихъ избранныхъ, умѣвъ быть русскимъ и по мысли, и по выраженію, и знаніемъ общества, сознаніемъ его нуждъ и требованій, его достоинствъ и недостатковъ.

Взойдемъ ли въ одно изъ нашихъ святилищъ закона и правосудія,— и вспомнимъ, что и онъ прежде предсѣдалъ тамъ, оживленный любовью къ отечеству, любовью къ людямъ, любовью къ правдѣ,—ни разу не обвинилъ невиннаго, не разъ облегчалъ судьбу виновнаго, или хоть пролилъ надъ нимъ слезу сожалѣнія, —судилъ, возносясь душою къ Подателю святыхъ совѣтовъ.

---

[1]) Рѣчь идетъ объ „Институтѣ благородныхъ дѣвицъ“, основанномъ въ 1812 г. при Харьковскомъ обществѣ благотворенія.

Не забудемъ ни о сиротахъ, имъ призрѣнныхъ, ни о бѣдныхъ, имъ облагодѣтельствованныхъ, ни о страдальцахъ, имъ утѣшенныхъ... Жизнь его вся была служеніемъ Богу и отчизнѣ.

Этого ли мало, чтобы помнить покойнаго, чтобы чтить и благословлять его память, чтобы преклоняться передъ могилой его, этимъ общимъ нашимъ достояніемъ, къ которому сходиться будемъ, какъ сходились къ живому за мыслью и утѣшеніемъ. Не станетъ насъ—поколѣніе поколѣнію передастъ память о незабвенномъ, —и памятникъ, который поставленъ будетъ на гробѣ этомъ, не разъ осѣнитъ своимъ ореоломъ того, кто, зная покойника только по преданію, будетъ цѣнить его память не менѣе современниковъ.

Прости, свѣтлая, благородная душа, до радостнаго утра!

Письмо И. И. Срезневскаго Н. И. Костомарову.

Сердечно уважаемый
Николай Ивановичъ!

Мы оба всею душою сочувствуемъ завтрашнему поминанію Г. О. Квитки-Основьяненка, оба должны бы были принять въ немъ участіе не только по обязанности, но и по праву, по праву близости къ нему и, если оба не примемъ, то по одинаковымъ или сходнымъ причинамъ. Не могу не скорбѣть объ этомъ; но не могу и остаться въ своемъ углѣ безъ всякаго отклика сочувствія тѣмъ, которые не захотѣли остаться равнодушными къ памяти Основьяненка и завтра соберутся въ радушный кружокъ. Пишу свой откликъ вамъ, какъ товарищу того давно прошедшаго и все еще живаго въ сердцѣ житья-бытья, когда мы учились быть людьми и дѣятелями на глазахъ поминаемаго благороднаго и благодушнаго человѣка и дѣятеля.

Прошло уже тридцать пять лѣтъ, какъ его не стало, а для насъ съ вами болѣе сорока лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ мы юношами узнали его и были имъ приголублены. Какъ это давно было! Сколько новыхъ поколѣній явилось на землѣ Русской съ того времени, поколѣній, и чтившихъ Квитку-Основьяненка, какъ одного изъ избранныхъ, изъ немногихъ,—и нежелавшихъ или неумѣвшихъ оцѣнять его убѣжденія и заслуги, —и, наконецъ, возросшихъ въ полномъ невѣдѣніи, что былъ онъ и можетъ ли быть достоинъ воспоминанія. Желаніе почтить завтра память Квитки-Основьяненка заставляетъ думать, что ни поколѣніе его почитателей еще не отжило, ни поколѣнія вольныхъ и невольныхъ его противниковъ и непричастныхъ думѣ о немъ не совершенно овладѣли мыслью мыслящихъ и чувствами чувствующихъ. Можемъ, должны надѣяться, что новыя поколѣнія, взглянувъ на Квитку-Основьяненка, какъ на

дѣятеля минувшаго времени, уже никому не мѣшающаго ни своею личностью, ни своими убѣжденіями и заслугами, оцѣнятъ его безпристрастно и возвратятъ его памяти все, что передъ тѣмъ было у него отнимаемо по какимъ-нибудь прихотямъ ума, вкуса и произвола, возвратятъ ему его достояніе не по какой-нибудь новой прихоти ума, вкуса и произвола, а въ силу правды.

Онъ долженъ быть и будетъ оцѣненъ, какъ писатель даровитый и преданный труду, какъ призванію, писатель двукрылый не только по языку, но и по воодушевленію и по цѣлямъ, какъ писатель самостоятельный значительно болѣе почти всѣхъ его современниковъ, не подражавшій не только иноземцамъ, которые были ему недоступны, но и русскимъ,—по особенному складу ума и вкуса. заполнявшій своими произведеніями, самъ того не зная, пробѣлы въ русской словесности и особеннымъ выборомъ предметовъ, и ихъ постановкой, и особеннымъ прямодушіемъ въ отношеніи ко всему, что трогало его нравственное чувство, и особеннымъ складомъ рѣчи. Нельзя при этомъ забыть, что онъ живо чувствовалъ и давалъ чувствовать необходимость народности въ литературѣ—въ то время, когда о ней почти никто не думалъ, необходимость народности не только въ языкѣ, но еще болѣе въ жизни, въ нравѣ и обычаѣ, въ успѣхахъ благосостоянія и въ примѣненіи общечеловѣческихъ правилъ къ житейскимъ условіямъ русскаго народа. Нельзя также забыть, что онъ всегда и какъ писатель хотѣлъ остаться человѣкомъ—во взглядахъ на людей, на всѣхъ людей, безъ различія бѣдныхъ и богатыхъ, слабыхъ и сильныхъ, простыхъ и знатныхъ, отсталыхъ отъ времени и смѣло идущихъ по дорогѣ современности, и потому не могъ ни унижать человѣка, ни унижаться передъ нимъ, ни злорадствовать, какъ ни безпощадно преслѣдовалъ зло въ нравахъ и обычаяхъ своего времени. Нельзя забыть и того, что онъ первый сталъ употреблять малорусское нарѣчіе въ словесности русской не ради шутки и попытки, а какъ орудіе, сильнѣе всякаго другаго, могшее дѣйствовать на нравственный подъемъ значительной доли русскаго народа, и, начавъ писать этимъ нарѣчіемъ съ самостоятельнымъ умѣньемъ, привлекъ къ уразумѣнію особенностей малорусской доли русскаго народа тѣхъ изъ великоруссовъ, которые этого желали—кого подлинникомъ, кого переводомъ. Какъ ни достойно памяти то, что сдѣлано въ этомъ отношеніи Котляревскимъ и Гулакомъ-Артемовскимъ, современникомъ Основьяненка, все же едва-ли съ нихъ, а не съ него, начался рядъ малорусскихъ писателей, какъ дѣятелей сознательныхъ, посвящавшихъ себя литературѣ, какъ призванію, съ постояннымъ увлеченіемъ работой и его достигаемою нравственною цѣлью.

Домогаясь дѣйствовать на просвѣщеніе народное, какъ писатель, Квитка-Основьяненко былъ не менѣе дѣятельнымъ участникомъ въ

трудахъ по просвѣщенію и другими средствами. Такъ, ему принадлежали и мысль и первыя заботы объ образованіи въ Харьковѣ общества благотворенія, одного изъ первыхъ въ Россіи, и института бѣднѣйшихъ благородныхъ дѣвицъ, также одного изъ первыхъ учрежденій для женскаго образованія. Не менѣе важно было его усердіе въ дѣлѣ учрежденія въ Харьковѣ кадетскаго корпуса, который впрочемъ переведенъ былъ въ Полтаву. И до этого, и послѣ, онъ заботился объ устроеніи театра въ Харьковѣ и успѣлъ въ этомъ. Позже, когда вышло распоряженіе объ учрежденіи во всѣхъ губернскихъ городахъ публичныхъ библіотекъ, Квитка почти что исключительно одинъ хлопоталъ о публичной библіотекѣ въ Харьковѣ и достигъ того, что эта библіотека не только обогатилась значительными приношеніями, но и сдѣлалась— въ залѣ Дворянскаго собранія, гдѣ она помѣщалась,—роскошнымъ мѣстомъ сближенія любителей чтенія и просвѣщенія. Въ ряду дѣлъ общественно-просвѣтительной дѣятельности Квитки нельзя не вспомнить и о его служеніи въ званіи совѣстнаго судьи и предсѣдателя уголовной палаты. Кто былъ близокъ къ нему въ этомъ отношеніи, тотъ можетъ сказать, что онъ былъ изъ тѣхъ защитниковъ правды и сѣятелей добра тамъ, гдѣ оно прежде не было сѣяно, которые по крайней мѣрѣ въ то время были рѣдки. Общественная дѣятельность Г. Ѳ. Квитки ставитъ его рядомъ съ тѣмъ другимъ дѣятелемъ, которому Харьковъ обязанъ за университетъ,—съ В. Н. Каразинымъ.

Жизнь Квитки-Основьяненка, какъ человѣка и какъ писателя, лилась однимъ русломъ и тою же чистой волной любви къ человѣку, къ родинѣ и къ отечеству, къ просвѣщенію, правдѣ и всякому добру. Если бы изъ среды такихъ общественныхъ дѣятелей, какимъ былъ онъ, являлось у насъ болѣе писателей, и если бы изъ среды такихъ писателей являлось у насъ болѣе общественныхъ дѣятелей, то всѣмъ бы жилось лучше, покойнѣе и полнѣе.

Правда ли это? рѣшите своимъ воспоминаніемъ о Квиткѣ, и если правда, то передайте мною здѣсь написанное съ моимъ сочувствіемъ и привѣтомъ тѣмъ, которые соберутся завтра вспомянуть этого, для насъ съ вами, конечно, незабвеннаго писателя-человѣка; а если не полная правда, то дополните своимъ задушевнымъ словомъ.

Вашъ сердечно уважающій [1])

Позволяю себѣ думать, что стоитъ сказать спасибо Г. П. Данилевскому, собравшему въ своей книжкѣ объ Основьяненкѣ очень многое хорошее на память о немъ.

17 ноября 1878 г.

[1]) Подписи нѣтъ, такъ какъ письмо печатается съ черновика.

Сообщилъ **В. И. Срезневскій.**

Всеподданнѣйшая записка графа Нессельроде.

С.-Петербургъ, 20-го ноября 1850 года.

Государь, двадцать пять лѣтъ протекло съ тѣхъ поръ, какъ Ваше Величество взяли въ свои руки кормило имперіи.

Они были богаты и обильны политическими событіями чрезвычайной важности для Россіи и для прочихъ державъ.

Ваше царствованіе, начавшись въ дѣлахъ внутренняго управленія подъ эгидою личной твердости и мужества Вашего Величества, ознаменовалось не менѣе достойнымъ образомъ и въ дѣлахъ внѣшней политики.

Первымъ политическимъ шагомъ Вашего Величества руководили религія и человѣколюбіе.

Единовѣрцамъ нашимъ, грекамъ, угрожала неминуемая гибель отъ меча египтянъ. Они были спасены отъ пагубной для нихъ войны достопамятнымъ протоколомъ, обезпечившимъ Греціи независимый образъ правленія и подготовившимъ почву для всѣхъ послѣдующихъ соглашеній, благодаря которымъ эта страна заняла со временемъ надлежащее мѣсто въ ряду прочихъ державъ.

Персія, нарушившая, при восшествіи Вашемъ на престолъ, безо всякаго повода, условія Гулистанскаго договора, была вынуждена, рядомъ блистательныхъ побѣдъ, подписать миръ въ Туркманчаѣ; Турція наказана за свои несправедливыя притязанія двумя побѣдоносными для насъ кампаніями. Кулевчанская битва, смѣлый переходъ русскихъ войскъ черезъ Балканы, вступленіе ихъ въ Адріанополь, за которымъ почти немедленно послѣдовало заключеніе Адріанопольскаго мира,— вотъ событія, которыя не будутъ забыты исторіей; она превознесетъ еще болѣе умѣренность, съ какою Ваше Величество воспользовались своими побѣдами.

Всеобщее волненіе, вызванное въ 1830 г. паденіемъ старшей линіи Бурбоновъ, дало въ скоромъ времени новое направленіе политикѣ Вашего Величества, сообщивъ Вашему царствованію тотъ характеръ, ко-

торый составитъ отличительную его черту въ будущемъ. Вслѣдствіе этихъ переворотовъ. Ваше Величество сдѣлались въ глазахъ всего міра представителемъ монархической идеи, поддержкою принциповъ порядка и безпристрастнымъ защитникомъ европейскаго равновѣсія. Но эта благородная роль требовала постоянно напряженныхъ усилій и непрестанной борьбы. Ваше Величество съумѣли съ твердостью принять на себя трудныя обязанности, съ нею сопряженныя. Царство Польское, увлеченное заразительнымъ примѣромъ Франціи и Бельгіи, возстало противъ законной власти. Оно было приведено къ повиновенію и отнынѣ связано съ имперіей болѣе надежными и прочными узами. Судьба Голландіи, въ ея распрѣ съ Бельгіей, была предоставлена крайне пристрастному рѣшенію Франціи и Англіи, но хотя отдаленность этой страны отъ насъ и робость нашихъ союзниковъ были причиною того, что она не сохранила неприкосновенными тѣ провинціи, которыя составляли нѣкогда вмѣстѣ съ нею королевство Нидерландское, по крайней мѣрѣ Ваше Величество, своею поддержкою и энергичнымъ настояніемъ, помогли королю выговорить себѣ болѣе выгодныя территоріальныя условія, облегчили бремя его матеріальныхъ жертвъ и заставили измѣнить тѣ статьи договора, которыя были слишкомъ тягостны для его финансовыхъ и торговыхъ интересовъ. Могучая длань Вашего Величества давала себя чувствовать вездѣ, гдѣ были поколеблены престолы и гдѣ общество, потрясенное въ своихъ основахъ, склоняло главу подъ гнетомъ пагубныхъ ученій. Въ революціонныхъ вопросахъ, такъ часто волновавшихъ Испанію, Португалію, Италію, Швейцарію и Германію, Ваше Величество выступали всегда защитникомъ монархическаго принципа, при этомъ Вы брали иниціативу на себя, или предоставляли ее своимъ союзникамъ, смотря по мѣсту, по разстоянію и по бо̀льшимъ или меньшимъ размѣрамъ бѣдствія. Ослабить, по мѣрѣ возможности, пагубный союзъ, возникшій между іюльской монархіей во Франціи и либеральной Англіей, препятствовать примѣненію на практикѣ того принципа невмѣшательства, который эти державы старались навязать кабинетамъ консервативныхъ державъ, всякій разъ какъ по сосѣдству съ ними вспыхивало возстаніе и который сами же онѣ первыя нарушали, поддержать колебавшееся мужество двухъ монархическихъ державъ, выработать совмѣстно съ ними единообразный образъ дѣйствій, склонивъ къ принятію его и второстепенныя державы, подчиненныя ихъ вліянію,—такова была задача, которую преслѣдовали Ваше Величество. Съ этой цѣлью были заключены Мюнхенгрецкій и Теплицкій договоры, которые служили нѣсколько лѣтъ кряду оплотомъ противъ постоянно возраставшихъ волнъ демократіи, дали возможность подавить польское возстаніе въ Краковѣ, Галиціи и Познани при самомъ его возникновеніи и поддерживали внутреннее спокойствіе въ государ-

ствахъ, непосредственно подчиненныхъ нравственному вліянію тройственнаго союза монархическихъ державъ.

Но помимо соціальныхъ вопросовъ въ то же время возникли и серьезныя политическія осложненія, въ коихъ Ваше Величество играли не менѣе дѣятельную и выдающуюся роль. Вы довершили важное дѣло созданія греческаго королевства, давъ ему наслѣдственную династію, границы и средства существованія, которыя Вы увеличили послѣдовательнымъ выпускомъ разныхъ серій займовъ. Вы озаботились принятіемъ мѣръ, необходимыхъ для обезпеченія въ Греціи порядка престолонаслѣдія и для того чтобы согласовать вѣроисповѣданіе монарха съ религіей его подданныхъ. Вы защищали вновь образовавшееся государство отъ основательныхъ, иной разъ, но по большей части слишкомъ суровыхъ требованій Британскаго кабинета, сдерживали стремленія Греціи къ захватамъ и старались поддержать добрыя отношенія этой державы къ сосѣдней съ нею Турціи. Въ то же время возникли затруднительные и щекотливые переговоры съ Англіей, по поводу дѣлъ въ Афганистанѣ и увѣнчались успѣхомъ попытки Вашего Императорскаго Величества примирить эту державу съ Персіей и не допустить ее до разрыва съ султаномъ. Изо всѣхъ вопросовъ, возникавшихъ въ это время на Востокѣ, какъ въ Азіи, такъ и въ Европѣ, особенное вниманіе Вашего Величества обращали на себя, конечно, вопросы, касавшіеся Турецкой имперіи. Тщательно избѣгая связывать себя какими-либо территоріальными гарантіями по отношенію къ государству, близкому къ паденію, чтобы не стѣснить свободу дѣйствій Россіи въ будущемъ, Ваше Величество постоянно держались правила поддерживать въ настоящее время неприкосновенность Оттоманской имперіи, такъ какъ сосѣдство съ этимъ государствомъ, до извѣстной степени ослабленнымъ предъидущими нашими побѣдами, представляетъ нынѣ самыя благопріятныя условія для нашихъ торговыхъ и политическихъ интересовъ. Удивительно отразились превратности судьбы на взаимныхъ отношеніяхъ нѣкоторыхъ государствъ! Та держава, которая считалась нѣкогда естественнымъ врагомъ Турціи, стала нынѣ ея могущественнѣйшей покровительницей и самой надежной союзницей. Въ теченіе шести лѣтъ Турецкой имперіи дважды угрожала почти окончательная гибель отъ возставшаго противъ нея честолюбиваго вассала; оба раза она была обязана спасеніемъ рѣшительному вмѣшательству Вашего Величества. Въ первый изъ этихъ кризисовъ Европѣ пришлось быть свидѣтельницей небывалаго до тѣхъ поръ въ лѣтописяхъ исторіи зрѣлища: наши русскія войска, явившіяся избавителями Турціи, расположились лагеремъ на берегахъ Босфора, въ виду той самой столицы, которую они неоднократно и притомъ еще въ недавнее время, заставляли трепетать въ ея стѣнахъ. Второе событіе, съ перваго взгляда, мо-

жетъ быть не столь выдающееся, имѣло болѣе важныя послѣдствія. Оно окончилось изгнаніемъ изъ Сиріи въ предѣлы Египта той новой арабской державы, которую враги Россіи думали утвердить на Босфорѣ, на мѣсто одряхлѣвшей Порты, въ надеждѣ, что она послужитъ, со временемъ, оплотомъ противъ насъ. Ункіаръ-Скелесскій договоръ, противъ котораго тщетно протестовали Франція и Англія, уничтоженный только для вида, былъ увѣковѣченъ подъ другою формою. Новый договоръ, замѣнившій его, признанный всѣми державами, обезпечиваетъ насъ, впредь, отъ нападенія со стороны моря, воспрещая входъ въ Дарданеллы иностраннымъ военнымъ судамъ. Это осложненіе дѣлъ на Востокѣ имѣло еще одно важнѣйшее для насъ въ то время послѣдствіе. Я говорю о распаденіи англо-французскаго союза, столь враждебнаго нашимъ политическимъ интересамъ и столь пагубнаго для положенія консервативныхъ державъ.

Расторгнутый во время господства партіи виговъ въ 1840 г. и возобновленный съ трудомъ, впослѣдствіи, стараніями Торійскаго министерства, этотъ союзъ влачилъ съ тѣхъ поръ недолговѣчное и безобидное существованіе, прозябая нѣкоторое время подъ кличкою «дружественнаго согласія», пока онъ не разбился, наконецъ, еще съ большимъ трескомъ, о вопросъ объ испанскихъ бракахъ.

Въ государствахъ Европы царствовало, съ этого времени по 1847 г., сравнительное спокойствіе, и Ваше Величество не мало содѣйствовали его упроченію, уничтоживъ, съ согласія союзныхъ Вамъ Пруссіи и Австріи, Краковскую республику, этотъ постоянный очагъ польской крамолы.

Но революціонное пламя, скрытое временно отъ взоровъ восточнымъ вопросомъ и его послѣдствіями, только тлѣло подъ пепломъ. Всѣ настоянія Вашего Величества не могли убѣдить прочія державы въ необходимости подавить его вооруженной силою въ Швейцаріи, въ 1847 г. Вызванное, неожиданно, къ жизни въ Италіи, неосторожностью папы, оно вспыхнуло на слѣдующій годъ съ такою силою, что внезапнымъ его взрывомъ не только была поглощена іюльская монархія, но были потрясены въ своихъ основахъ самыя старинныя и повидимому упрочившіяся монархіи.

Между тѣмъ, государь, со времени этого гибельнаго кризиса, угрожавшаго нашему внутреннему спокойствію и оставившаго насъ среди народовъ и государствъ Европы безъ союзниковъ, Ваше Императорское Величество заняли еще болѣе видное и могущественное положеніе въ сравненіи съ тѣмъ, какое Вы занимали до тѣхъ поръ. Событія 1848 г. придали еще болѣе важное значеніе той роли охранителя и блюстителя порядка, которая возложена на Васъ Провидѣніемъ съ 1830 года. Это было достигнуто тѣмъ спокойствіемъ, съ какимъ Ваше Величество

дали увлечься первымъ послѣдствіямъ бури, разразившейся надъ Европою, не выказывая ни излишней торопливости, ни робости или страха, и выжидая, для того чтобы вступить на сцену, лишь того момента, который Вы, по своей мудрости, сочли для этого наиболѣе подходящимъ. Оставшись одни непоколебимы на развалинахъ древнихъ государствъ континентальной Европы, Вы молча собирались съ силами, чтобы, въ случаѣ надобности, защитить неприкосновенность Вашей территоріи и употребить эти силы на защиту другихъ державъ. Въ то время какъ Великобританія, ставъ на ложный путь въ эгоистичной политикѣ, пользовалась всеобщей неурядицей, чтобы посѣять сѣмена новыхъ раздоровъ, и проявляла свое могущество, лишь притѣсняя второстепенныя державы, Ваше Величество пользовались своею властію только, чтобы всѣхъ успокоивать и умиротворять, и энергично возвышали голосъ въ пользу правыхъ и угнетенныхъ, оказывая имъ нравственную поддержку въ тѣхъ случаяхъ, когда Вы не имѣли возможности поддержать ихъ силою оружія; Вы требовали уваженія къ договорамъ и къ тѣмъ формамъ землевладѣнія, которыя ими были установлены. Вы благоразумно избѣгали возбуждать страсти безплодными заявленіями, но въ то же время Вы дѣйствовали энергично, всякій разъ какъ представлялась къ тому возможность, поражая революціонную анархію вездѣ, гдѣ ей могъ быть нанесенъ ударъ. Такимъ образомъ, вопреки желанію Австріи, вопреки самой Порты, заблуждавшейся на счетъ своихъ собственныхъ интересовъ, Вы подавили силою оружія возстаніе въ Валахіи, направленное будто-бы противъ насъ, но въ дѣйствительности угрожавшее безопасности Турецкой имперіи. Точно также, однимъ могуществомъ Вашего слова Вы ограждали въ Италіи неприкосновенность королевства Обѣихъ Сицилій отъ посягательствъ Великобританскаго правительства, а въ Ютландіи и сосѣднихъ съ нею герцогствахъ Вы поддержали власть короля датскаго противъ высокомѣрныхъ притязаній нѣмецкой демократіи и властолюбія прусскаго правительства, а въ послѣднее время Вы заявили себя рѣшительнымъ защитникомъ независимости Греціи и королевствъ Неаполитанскаго и Тосканскаго, которымъ грозила опасность отъ самовластія главы англійскаго кабинета, и заставили Англію взвѣсить свои поступки, выразивъ, передъ лицомъ всей Европы, порицаніе ея поступкамъ. Благодаря положенію, въ которомъ Ваше Величество находились по отношенію къ Франціи и Великобританіи, Вы дали Австріи возможность завоевать обратно королевство Ломбардо-Венеціанское, спасли ее отъ послѣдствій ея собственной слабости и, отказавшись принять участіе въ какомъ бы то ни было проектѣ посредничества, который могъ лишить Австрію нѣкоторой части ея италіанскихъ владѣній, Вы обезпечили сначала ея тылъ въ борьбѣ съ возстаніемъ въ Венгріи и затѣмъ, подавивъ венгерское возстаніе

силою вашего оружія, Вы упрочили единство австрійской монархіи; возстановивъ съ этой стороны колебавшееся равновѣсіе, Вы возвратили Вѣнскому кабинету полную свободу дѣйствій, и онъ могъ предъявить свое законное право на участіе въ преобразовательной дѣятельности, которой занятъ въ настоящее время бывшій Германскій союзъ.

Роль умиротворителя, возложенная, государь, на Васъ событіями, и которую европейскія державы были вынуждены или поспѣшили признать за Вами, была запечатлѣна, наконецъ, переговорами, начатыми въ Варшавѣ въ присутствіи Вашего Императорскаго Величества. Двѣ великія державы Германіи прибѣгали къ третейскому суду Вашего Величества для рѣшенія ихъ дѣлъ и возникшихъ между ними несогласій. Ваши совѣты и увѣщанія, а равно и тѣ условія, на которыхъ Вы обѣщали имъ свое содѣйствіе, дали возможность немедленно выяснить права и уладить притязанія, до тѣхъ поръ казавшіяся непримиримыми, и ежели народныя страсти не нарушатъ согласія, которое готово, повидимому, установиться между державами, то Вашему Величеству будетъ принадлежать честь спасенія Германіи отъ новой тридцатилѣтней войны, а Европы—отъ всеобщаго переворота.

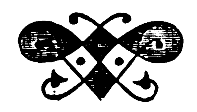
Поэтому, осмѣливаюсь еще разъ повторить, положеніе Россіи и ея монарха, никогда еще, съ самаго 1814 г., не было болѣе славно и могущественно. Исполняя обязанности, которыя Вашему Величеству угодно было возложить на меня, по вступленіи на престолъ послѣ августѣйшаго брата Вашего, я былъ тѣсно связанъ съ историческими событіями послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ, которыхъ я коснулся здѣсь въ общихъ чертахъ, будучи скромнымъ орудіемъ Вашихъ предначертаній и исполнителемъ политическихъ мѣропріятій Вашего Величества; представляя Вамъ, государь, этотъ бѣглый и краткій очеркъ событій, я желалъ бы представить его въ надлежащей полнотѣ и подробности, но, будучи всецѣло поглощенъ переговорами, которые заставили, въ послѣднее время, перенести засѣданія Вашего кабинета въ иное мѣсто, я не могъ, къ величайшему моему сожалѣнію, исполнить этого съ должнымъ вниманіемъ, посвятивъ этому предмету достаточно времени. Не имѣя возможности представить Вашему Величеству болѣе обстоятельнаго и пространнаго очерка событій, да будетъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, позволено остановить особенное вниманіе Вашего Величества на благопріятномъ результатѣ этихъ переговоровъ и почтительнѣйше поздравить Васъ, государь, по этому поводу. Вы не могли завершить болѣе достойнымъ образомъ двадцати-пяти-лѣтній періодъ царствованія, юбилей котораго празднуетъ сегодня вся Россія, а жители отдаленнѣйшихъ ея уголковъ присоединяются къ радости августѣйшихъ членовъ ея семьи. Ваше Величество заслужили, въ теченіе этихъ двадцати пяти лѣтъ, неоднократно признательность Европы, но я смѣло могу сказать, что самымъ

славнымъ годомъ Вашего царствованія можетъ считаться именно годъ Вашего двадцати-пяти-лѣтняго юбилея, полагая, что истинная слава монарховъ заключается преимущественно въ томъ благотворномъ вліяніи, какое они имѣютъ на судьбы міра, въ интересахъ человѣческаго спокойствія.

Провидѣніе, донынѣ столь виднымъ образомъ покровительствовавшее Вамъ, государь, да продолжаетъ изливать свои благодѣянія на Ваше царствованіе и да продлитъ оно еще на многіе годы жизнь Вашу на благо народовъ, которые ввѣрены имъ Вашему Величеству. Это желаніе всенижайше дерзаетъ повергнуть къ подножію престола Вашего Величества слуга, постарѣвшій на службѣ своего отечества и своихъ монарховъ.

Изъ бумагъ **Н. Г. Устрялова**.

Переводъ съ французскаго.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ".

Матеріалы и замѣтки.

I.

Изъ воспоминаній стараго инженера.

Въ 1844 году государь императоръ Николай Павловичъ повелѣлъ устроить шоссе по дорогамъ, идущимъ къ Красному Селу, гдѣ постоянно располагается лагерь и производятся маневры, именно: по старой мостовой отъ д. Лигово (въ 13-ти верстахъ отъ Петербурга), отъ Гатчино, отъ Кипени и отъ Ропши, а также изъ Царскаго Села отъ д. Александровки, чрезъ д. Кофово къ Знаменской мызѣ на Петергофскомъ шоссе.

Зимою 1844—1845 года производились изысканія и составлялись проекты для шоссе отъ Лигова къ Красному Селу и отъ Царскаго Села къ Знаменской мызѣ, прочія шоссе строились впослѣдствіи.

Въ ту же зиму началась заготовка матеріала для этихъ дорогъ и съ ранней весны приступлено къ производству работъ, съ тѣмъ, чтобы Красносельское шоссе окончить къ выступленію кавалеріи въ лагерь, такъ какъ полки кавалергардскій и конно-гвардейскій должны быть размѣщены по слободамъ Павловской и Братошинской, чрезъ которыя пролегаетъ означенная дорога.

Постройка сего шоссе производилась чрезъ подрядъ, подрядчикомъ былъ служившій по министерству внутреннихъ дѣлъ (въ 3-мъ отд.) надворный совѣтникъ Синицынъ; шоссе строилось распоряженіемъ бывшаго 1 округа путей сообщенія, подъ руководствомъ начальника бывшаго IV отдѣленія, инженеръ-подполковника Б., а производителемъ работъ былъ его помощникъ, инженеръ-капитанъ Г., составлявшій и проектъ сего шоссе.

Подрядчикъ, желая, чтобы о немъ говорили, выставилъ рабочихъ разныхъ націй, работавшихъ въ разныхъ мѣстахъ и въ разныхъ костюмахъ; у него были татары, латыши, малороссы въ національныхъ одеждахъ, чухонцы и русскіе артелями въ разнаго цвѣта рубашкахъ и одинаковыхъ по группамъ шапкахъ, а объ выполненіи условія окончить въ срокъ работы мало заботился и наконецъ оказался совершенно неисправнымъ.

Прежняя дорога, мостовая, которая перестраивалась въ шоссе, въ самомъ Красномъ Селѣ, начиная отъ церкви, мимо бывшаго посольскаго дома и по слободамъ Братошинской и Павловской, на протяженіи до 4-хъ верстъ, была чрезвычайно волниста, съ большими возвышенностями и тяжела для проѣзда; посему составитель проекта и предполагалъ сдѣлать продольную профиль шоссе съ правильнымъ уклономъ, для чего потребно было сдѣлать мѣстами довольно значительныя выемки въ полотнѣ, а мѣстами насыпи; этимъ уничтожались имѣвшіяся во множествѣ въ дорогѣ трубы, и проектъ этотъ такъ и былъ утвержденъ, но при составленіи его, по ошибкѣ, не была взята въ соображеніе мѣстность по сторонамъ дороги, гдѣ расположены крестьянскіе дома и дома для начальства и другіе, такъ что нѣкоторые дома остались высоко надъ дорогою, а другіе—внизу оной, и не было возможности изъ домовъ выѣзжать на шоссе, надо было далеко объѣзжать, чтобы попасть на оное.

Весна 1845 года была сильно дождливая, грунтъ же земли подъ дорогою глинистый, а ко времени вступленія войска въ лагерь еще и полотно шоссе не было подготовлено, чрезъ что̀ положительно не было проѣзда, и всѣ эскадроны сказанныхъ полковъ должны были ѣздить на военное поле задами крестьянскихъ избъ, не по дорогамъ.

О такомъ состояніи дороги начальствомъ гвардейскаго корпуса доведено было до свѣдѣнія Его Величества, и государь въ первый же свой пріѣздъ въ Красное Село нарочно поѣхалъ на строющуюся дорогу лично убѣдиться въ томъ, что ему было доложено.

Вслѣдъ затѣмъ государь потребовалъ въ Красное Село бывшаго тогда главноуправляющаго путями сообщенія, графа Клейнмихеля, и лично показалъ ему сдѣланныя при устройствѣ дороги ошибки, приказавъ взыскать за это съ виновныхъ, немедленно работы довести до конца, а все неправильное исправить. Графъ Клейнмихель, будучи огорченъ замѣчаніемъ императора, сильно разсердился на всѣхъ участвовавшихъ какъ въ составленіи и утвержденіи проекта, такъ и на завѣдывавшихъ работами, а каковъ онъ бывалъ въ гнѣвѣ, вѣроятно, всѣмъ извѣстно. Возвратясь въ Петербургъ, онъ приказалъ на другой же день утромъ рано явиться въ Красное Село: начальнику округа инженеръ-полковнику Х., начальнику отдѣленія инженеръ-подполковнику Б., въ вѣдѣніи которыхъ находились работы, и производителю работъ инженеръ-капитану Г., и пріѣхалъ самъ съ состоявшимъ въ то время при немъ инженеръ-маіоромъ Лидерсъ (впослѣдствіи бывшимъ начальникомъ телеграфовъ).

Страшно разсерженный, графъ пѣшкомъ прошелъ все вышесказанное протяженіе дороги вмѣстѣ со всѣми поименованными лицами, указывая имъ на каждомъ шагу все, что̀ нашелъ неправильнымъ, съ пѣною у рта кричалъ, бранилъ первыхъ троихъ, не воздерживаясь ни отъ какихъ словъ и выраженій, въ присутствіи почти всѣхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ двухъ кавалерійскихъ полковъ, вышедшихъ изъ своихъ квартиръ, обѣщая всѣхъ участвовав-

шихъ въ постройкѣ и утверждавшихъ проектъ выгнать изъ службы, и наконецъ приказалъ подполковнику Д. и капитану Г. тотчасъ отправиться на Красносельскую гауптвахту на два мѣсяца, а начальнику округа, полковнику Х., сказалъ: «а ты у меня не смѣй сходить съ дороги, пока шоссе не сдѣлается», прибавивъ: «что̀ бы съ тобою ни сдѣлалось». Продолжать работу велѣлъ, вмѣсто Б., маіору Л., а вмѣсто Г. инженеръ-поручику К.

Напуганные Б. и Г. всѣ два мѣсяца были въ страхѣ и отчаяніи, но, по истеченіи срока ареста, графъ, забывши свой гнѣвъ, оставилъ ихъ на своихъ мѣстахъ службы, по-прежнему былъ къ нимъ милостивъ и расположенъ.

По выступленіи же въ августѣ войска изъ лагеря, всѣ замѣченныя графомъ неправильности было поручено тому же поручику К. передѣлать, а именно: сдѣлать въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прежнія насыпи въ полотнѣ, сдѣлать отъ каждаго дома мощеные спуски на дорогу, устроить противъ домовъ, на краяхъ откосовъ глубокихъ боковыхъ канавъ, сплошныя по обѣимъ сторонамъ шоссе, перила и многое другое, и все на счетъ виновныхъ.

Нѣсколько разъ во время сихъ работъ, для осмотра пріѣзжалъ графъ въ Красное Село и въ концѣ сентября, когда уже немного оставалось окончить, онъ, взявъ за плечо поручика К., указалъ на небо и сказалъ: «видите небо сѣрое, смотрите» и, погрозивъ пальцемъ, прибавилъ: «чтобъ все было окончено до снѣга, который уже собирается».

Вскорѣ все было окончено, и тогда графъ по добротѣ своей не приказалъ относить расходъ по этимъ работамъ на виновныхъ.

А. А. Какушкинъ.

II.

Замѣтка по поводу „Странствованія“ россійскаго унтеръ-офицера Ефремова.

Въ іюльской книжкѣ «Русской Старины» сего года помѣщено любопытное описаніе странствованій и приключеній въ Бухарѣ, Хивѣ, Персіи и Индіи русскаго унтеръ-офицера (потомъ прапорщика) Филиппа Ефремова. Въ дополненіе къ этой статьѣ сообщаемъ слѣдующую замѣтку о самомъ Ефремовѣ и о печатныхъ изданіяхъ его записокъ.

Филиппъ Сергѣевичъ Ефремовъ родился въ Вяткѣ и былъ сыномъ тамошняго консисторскаго секретаря. Въ 1763 году онъ вступилъ въ военную службу и въ 1774 году былъ уже сержантомъ въ одномъ изъ полевыхъ полковъ. Находясь въ отрядѣ, дѣйствовавшемъ противъ Пугачева на Илецкой дорогѣ, Ефремовъ захваченъ былъ въ плѣнъ киргизъ-кайсаками и ими проданъ въ Бухару. Тамъ пробылъ онъ семь лѣтъ. По возвращеніи въ Россію, Ефремовъ

былъ представленъ императрицѣ Екатеринѣ II, 1 мая 1783 года, пожалованъ чиномъ прапорщика и, по представленію графа А. А. Безбородко, въ томъ же году опредѣленъ былъ въ службу въ коллегію иностранныхъ дѣлъ въ число толмачей бухарскаго, персидскаго и другихъ азіатскихъ языковъ; но въ 1785 году уволенъ былъ для опредѣленія къ другой службѣ. Въ 1786 году онъ издалъ въ Петербургѣ описаніе своихъ приключеній особою книжкою, подъ заглавіемъ: «Россійскаго унтеръ-офицера Ефремова десятилѣтнее странствованіе и приключенія въ Бухаріи, Хивѣ, Персіи и Индіи и возвращеніе оттуда черезъ Англію въ Россію»; къ книжкѣ приложенъ былъ словарь 625 бухарскихъ словъ съ русскимъ переводомъ. Въ 1811 году вышло въ Казани третье изданіе этой книжки, исправленное и дополненное. Скончался Ефремовъ въ чинѣ надворнаго совѣтника.

О Ефремовѣ напечатана біографическая замѣтка въ «Словарѣ русскихъ свѣтскихъ писателей» митрополита Евгенія (Москва 1845 г., т. I, стр. 228—229).

III.

Памятники турецкой войны 1828 — 1829 годовъ.

Императоръ Николай Павловичъ, желая увѣковѣчить подвиги русскихъ войскъ во время войнъ въ Персіи, Турціи и Польшѣ, съ 1826 по 1831 гг., повелѣлъ въ декабрѣ 1833 г. соорудить въ Петербургѣ около бывшей Московской заставы (близъ Воскресенскаго Новодѣвичьяго монастыря) чугунныя тріумфальныя ворота. Главное наблюденіе за постройкою этого монумента возложено было на министра финансовъ, графа Е. Ф. Канкрина; планъ, составленный архитекторомъ Стасовымъ, Высочайше утвержденъ 20 апрѣля 1834 г.; расходъ на всю постройку опредѣленъ въ суммѣ около 1 милліона руб. ассиг.; отливка воротъ со всѣми принадлежностями поручена Александровскому заводу; составленіе рисунковъ арматуръ и другихъ украшеній, по Высочайшему повелѣнію, поручено академику Б. И. Орловскому, а вышина воротъ вмѣстѣ съ изображеніемъ трофеевъ на верху ихъ— опредѣлена въ 13 саженъ 8 вершковъ. Закладка этого монумента послѣдовала въ отсутствіе императора Николая Павловича—24 августа 1834 года; въ сентябрѣ 1837 г. всѣ части воротъ были уже отлиты и установлены на мѣстѣ. Въ томъ же 1837 г. 4 іюня государю Николаю Павловичу угодно было начертать собственноручно слѣдующую надпись для помѣщенія на воротахъ: «Побѣдоноснымъ Россійскимъ войскамъ въ память подвиговъ въ Персіи, Турціи и при усмиреніи Польши въ 1826, 1827, 1828, 1829, 1830 и 1831

годахъ»; русскую надпись повелѣно было помѣстить на сторонѣ при въѣздѣ въ столицу, а латинскій ея переводъ, сдѣланный ректоромъ Дерптскаго университета профессоромъ Нейе, находится на противоположной сторонѣ. Іюля 16-го 1837 г. послѣдовало Высочайшее утвержденіе рисунковъ чугунной рѣшетки около воротъ, а 24 сентября государь одобрилъ два слѣпка восьмиугольной медали на сооруженіе этихъ воротъ, вырѣзанной медальеромъ Губе и заслужившей изяществомъ и отчетливостью работы особенную похвалу государя. Лѣтомъ 1838 г. ворота были окрашены подъ бронзу, а 16 октября того же года послѣдовало въ Высочайшемъ присутствіи торжественное открытіе этого памятника. При этомъ случаѣ государь особыми приказами выразилъ свою признательность арміи и флоту, заслужившимъ вѣрною службою и блистательными подвигами этотъ памятникъ монаршей къ нимъ благодарности. Вышеупомянутыя тріумфальныя ворота составляютъ одно изъ красивѣйшихъ сооруженій этого рода; въ общемъ стиль ихъ напоминаетъ аѳинскія пропилеи.

Кромѣ этого главнаго памятника войны съ Турціею въ 1828 — 1829 гг. существуютъ еще и другіе. Въ г. Бѣлградѣ (Бессарабской губ.), въ бывшемъ центральномъ пунктѣ управленія «Задунайскими» (т. е. болгарскими) колоніями на югѣ Россіи, существуютъ два памятника, сооруженные въ память пребыванія императора Николая I въ этомъ городѣ въ 1828 году. Оба монумента (въ формѣ обелисковъ) сооружены по указаніямъ и рисункамъ, даннымъ бывшимъ управляющимъ этими колоніями М. Г. Бутковымъ, а строителемъ ихъ былъ болгарскій колонистъ Сарабѣевъ, награжденный за это (31 мая 1843 г.) серебряною медалью для ношенія на шеѣ на аннинской лентѣ. Одинъ изъ этихъ памятниковъ находится близъ кладбища и на немъ слѣдующія надписи: 1) «Государь Императоръ Всероссійскій Николай I въ присутствіи посланниковъ иностранныхъ державъ съ сего пункта изволилъ дѣлать смотръ Всероссійскимъ войскамъ, шедшимъ за рѣку Дунай 21 мая 1828 года», и 2) «Сооруженъ иждивеніемъ болгарскаго колониста Ангела Николаева Сарабѣева въ 1838 году». Другой памятникъ поставленъ на мѣстѣ военно-походной церкви государя, въ которой онъ слушалъ молебствіе передъ выступленіемъ войскъ въ походъ.

Переправа русской арміи черезъ Дунай въ 1828 г. совершена была 27 мая около болгарскаго селенія Сатуново, въ присутствіи самого государя. Такъ какъ 27 мая православная церковь празднуетъ память св. Ѳерапонта, то тогда же послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ устройствѣ въ 5 верстахъ отъ колоніи Сатуново, при началѣ плотины, церкви во имя св. Ѳерапонта на собственное иждивеніе государя. Этой церкви, по Высочайшему повелѣнію, пожалована была изъ кабинета утварь и назначенъ особый церковный причтъ; кромѣ того было опредѣлено нѣсколько инвалидовъ для прислуги, для содержанія которыхъ пожаловано 90 десятинъ хорошей земли. Нынѣ здѣсь находится монастырь св. Ѳерапонта. Кстати

будетъ замѣтить, что упомянутая выше плотина устроена была передъ самою переправою, и за устройство ея, равно какъ и за другія услуги при переправѣ войскъ два колониста, Михайло Сербиновъ и Паццо Калаянъ, получили въ іюлѣ 1828 года серебряныя медали для ношенія на шеѣ на аннинской лентѣ. Впослѣдствіи на этой плотинѣ разведена была вербовая рощица, которую Высочайше повелѣно было тщательно поддерживать. Въ 1885 году окружное инженерное управленіе Одесскаго военнаго округа поручило подрядчикамъ, инженеръ-технологу Плановскому и одесскому жителю Гайновскому, сооруженіе монумента на мѣстѣ переправы 1828 года по модели, одобренной главнымъ инженернымъ управленіемъ. Но съ самаго начала сооруженія этого памятника начался рядъ неудачъ. Отливка чугунныхъ частей монумента производилась въ Одессѣ въ мастерскихъ общества юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ, но случилось такъ, что многія части приходилось переливать по нѣскольку разъ. Наконецъ, металлическія части памятника привезены были по желѣзной дорогѣ въ г. Рени и тамъ оставлены, такъ какъ подрядчики, въ виду трудности перевозки чугунныхъ тяжестей съ топкаго берега на мѣсто работъ, равно какъ и работъ по устройству фундамента и установкѣ памятника, предпочли отказаться отъ подряда, потерявъ изъ залога около 4.000 руб. Тогда инженерное вѣдомство само взялось за дальнѣйшее устройство монумента и въ 1891 г. съ значительными затрудненіями устроило фундаментъ и установило чугунныя тяжести на мѣстѣ. Главное затрудненіе состояло въ томъ, что по мѣстнымъ условіямъ тяжести (въ 400—500 пудовъ) приходилось поднимать при помощи обыкновенныхъ блоковъ. Всѣ эти работы производились инженеръ-поручикомъ Бойко подъ наблюденіемъ инженеръ-полковника Молчанова. Открытіе и освященіе памятника послѣдовало, по Высочайшему повелѣнію, 6 декабря 1891 г. Памятникъ представляетъ чугунную усѣченную пирамиду, вышиною въ пять саженъ и увѣнчанную позолоченнымъ двуглавымъ орломъ; по сторонамъ монумента четыре турецкихъ орудія времени 1828—1829 гг., на самомъ памятникѣ надпись: «Здѣсь 27 мая 1828 года переправился черезъ рѣку Дунай Императоръ Николай I и указалъ своимъ войскамъ путь къ славѣ и побѣдамъ». На постановку этого монумента по Высочайшему соизволенію ассигновано было около 15 тыс. руб.

Въ г. Поти (Кутаисской губ.) на городской башнѣ, сооруженной въ 1871 г. на развалинахъ бывшей турецкой крѣпости, находится слѣдующая надпись на мраморной доскѣ: «Въ царствованіе Императора Николая I, 15 іюня 1828 года послѣ 6-ти-дневной канонады турецкая крѣпость Поти сдалась русскимъ войскамъ; досталось въ руки побѣдителей 44 орудія, 13 знаменъ, 2 погреба, наполненные порохомъ и снарядами, и весь гарнизонъ».

Въ Одессѣ въ каѳедральномъ Преображенскомъ соборѣ хранится турецкое знамя, пожалованное городу императоромъ Николаемъ I; подъ знаменемъ помѣщена мѣдная доска, на которой выгравированъ рескриптъ на имя быв-

шаго новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора графа (впослѣдствіи князя) М. С. Воронцова; изъ этого рескрипта видно. что упомянутое знамя—изъ числа 6 знаменъ, взятыхъ при овладѣніи четырьмя турецкими судами, на которыхъ находилось подкрѣпленіе для анапскаго гарнизона (940 человѣкъ); въ рескриптѣ особенно замѣчательны слова: «Получивъ сіе извѣстіе во время пребыванія Моего въ Одессѣ, Я жалую городу одно изъ взятыхъ у непріятеля знаменъ для храненія въ здѣшнемъ соборномъ храмѣ. Да будетъ оно навсегда воспоминаніемъ о семъ первомъ успѣхѣ нашего оружія въ войнѣ праведной, къ чести и истинныя пользы Россіи предпріятой.» Это знамя ежегодно выносится на крестномъ ходѣ, учрежденномъ въ память основанія г. Одессы и совершаемомъ 22 августа. Въ томъ же одесскомъ Преображенскомъ соборѣ большой колоколъ (вѣсомъ 1138 пуд. 32 фун.) вылитъ изъ турецкихъ орудій, подаренныхъ городу императоромъ Николаемъ I изъ числа трофеевъ 1828—1829 гг; изъ того же матеріала сдѣланы колокола (вѣсомъ до 300 пуд), находящіеся въ одесскомъ женскомъ Михайловскомъ монастырѣ. Въ Одессѣ замѣчательна еще доска, находящаяся на Практической гавани и поставленная (30 августа 1831 г.) въ воспоминаніе благополучнаго возвращенія императора Николая I, 9 октября 1828 г., изъ покоренной крѣпости Варны на кораблѣ «Императрица Марія» послѣ бурнаго и опаснаго плаванія.

Въ Севастополѣ знаменитый подвигъ капитана А. И. Казарскаго, отбившагося 15 мая 1829 г. на бригѣ «Меркурій» отъ двухъ турецкихъ кораблей, увѣковѣченъ памятникомъ, въ видѣ чугунной триремы на пьедесталѣ, съ надписью «Потомству въ примѣръ». При этомъ слѣдуетъ еще замѣтить, что Высочайшимъ указомъ 28 іюля 1829 г. имя брига «Меркурій» и пожалованный ему георгіевскій флагъ оставлены навсегда въ Черноморскомъ флотѣ.

Въ Петербургѣ въ Преображенскомъ всей гвардіи соборѣ по волѣ Николая I собрана большая часть трофеевъ войны 1828—1829 гг. Здѣсь находится болѣе 500 знаменъ, бунчуковъ, флаговъ и знаменъ, взятыхъ въ сраженіяхъ и крѣпостяхъ въ европейской и азіатской Турціи, булава кошеваго Запорожской Сѣчи и запорожскія знамена и бунчуки; также булава Ягви-паши, жезлъ крѣпости Карса, жезлъ эрзерумскаго сераскира и до 80 замковъ и ключей отъ покоренныхъ крѣпостей и городовъ: Адріанополя [1]), Варны, Эрзерума, Карса, Сизополя, Браилова, Исакчи, Мачина, Гирсова, Тульчи, Турно, Кистенджи, Сливно, Бейбурта, Анапы, Ахалцыха, Ахалкалаки, Баязета, Ольты, Мидіи и друг. Ограда собора состоитъ изъ 104 турецкихъ орудій, также трофеевъ войны 1828—1829 гг.; вокругъ собора стоятъ 12 турецкихъ орудій, взятыя въ крѣпости Варнѣ и первоначально подаренныя императоромъ Николаемъ для монумента въ Варшавѣ въ честь короля польскаго Владислава III, погибша-

[1]) Одинъ изъ ключей г. Адріанополя хранится въ Воскресенской церкви большаго дворца въ Царскомъ Селѣ; подъ нимъ надпись на мѣдной доскѣ: «Ключъ города Адріанополя, взятаго 8 августа 1829 года».

го подъ Варною въ битвѣ съ турками въ 1444 г.; но такъ какъ въ 1831 г. поляки употребили эти орудія противъ русскихъ войскъ при защитѣ Воли подъ Варшавою, то государь повелѣлъ передать ихъ своей гвардіи и поставить вокругъ гвардейскаго собора [1]). Въ ворота церковной ограды собора вдѣланы въ видѣ щитовъ изображенія медалей за войну 1828—1829 гг. Въ Преображенскомъ соборѣ замѣчательна также слѣдующая надпись на иконѣ святителя Николая: «Икона сія въ продолженіе всѣхъ войнъ и послѣдней съ турками въ 1828 году находилась съ генералъ-адъютантомъ, командующимъ всею пѣхотою гвардейскаго корпуса, генералъ-лейтенантомъ и кавалеромъ Карломъ Ивановичемъ Бистромомъ 1-мъ, а при крѣпости Варнѣ, на южной сторонѣ оной, во время атаки, произведенной сильнымъ турецкимъ корпусомъ, подъ начальствомъ паши Омеръ-Віоне, имѣвшаго непремѣнное намѣреніе пробиться въ крѣпость на помощь бывшему въ оной гарнизону, и вмѣстѣ съ тѣмъ при вылазкѣ изъ крѣпости въ тылъ отряда генерала Бистрома, была на барбетѣ редута № 2. Причемъ непріятель, въ десять разъ превосходившій число русскихъ, на всѣхъ пунктахъ отчаяннаго своего нападенія остался побѣжденъ съ значительною для него потерею. Побѣда сія впослѣдствіи покорила намъ крѣпость, не знавшую дотолѣ побѣдителей, и послужила къ успѣху благополучнаго окончанія войны.» Икона эта поступила въ соборъ по завѣщанію самого генерала К. И. Бистрома и замѣчательна еще тѣмъ, что въ 1831 г. она была захвачена польскими мятежниками вмѣстѣ съ прочимъ имуществомъ генерала; имущество было разграблено, но икона возвращена въ цѣлости.

Сохранилось свѣдѣніе, что въ г. Браиловѣ въ 1833 г. 1 іюля (день рожденія почившей императрицы Александры Θеодоровны) происходила закладка монумента въ память завоеванія этого города 6 іюня 1828 г. [2]) Предполагалось соорудить каменный столбъ на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, ядро упало къ ногамъ императора Николая Павловича; при закладкѣ положена была въ землю металлическая доска съ надписью: «Въ достославное царствованіе Императора и Самодержца Всероссійскаго, въ ознаменованіе взятія Россійскими войсками крѣпости Браилова и въ память Высочайшаго пребыванія Государя Императора при осадѣ въ достопамятную войну съ Портою Оттоманскою 1828 года, сооруженъ сей памятникъ, при временномъ управленіи въ княжествахъ полномочнымъ предсѣдателемъ дивановъ, генералъ-адъютантомъ Павломъ Дмитріевичемъ Киселевымъ лѣта отъ Рождества Христова 1833, мѣсяца іюля въ 1-й день».

Что касается памятниковъ на братскихъ могилахъ воиновъ, павшихъ въ

---

[1]) Въ Московской Оружейной палатѣ хранится знамя (байракъ) крѣпости Варны; это знамя пожаловано было въ 1828 г. для храненія въ Варшавѣ, но послѣ 1831 г. взято оттуда.

[2]) «Одесскій Вѣстникъ» 1833 г. № 80.

войну 1828—1829 гг., то въ настоящее время не осталось нигдѣ и слѣда ихъ. Но еще въ половинѣ 1860-хъ годовъ въ Варнѣ были еще цѣлы нѣсколько кургановъ и камни съ крестами, означавшіе русскія могилы, называвшіяся у болгаръ и грековъ «московскими»; мѣстные старожилы съ уваженіемъ показывали еще холмъ, на которомъ во время осады находилась ставка государя Николая Павловича...

Н. Ширяевъ.

IV.

Аракчеевское помѣстье.

Было время, когда въ угоду могучему временщику, графу Аракчееву, сочиняли и въ прозѣ и въ стихахъ восторженныя описанія его помѣстья, села Грузина, находящагося на р. Волховѣ въ 81 верстѣ отъ Новгорода. Самъ Аракчеевъ безъ мѣры гордился тѣмъ, что императоръ Александръ I, посѣтивъ Грузино, въ рескриптѣ отъ 21 іюля 1816 года, назвалъ благоустройство всей Грузинской волости, подаренной Аракчееву Павломъ I въ 1799 году,—«примѣромъ честнаго добраго хозяйства». Но теперь о Грузинѣ только изрѣдка вспоминаютъ въ статьяхъ, посвященныхъ печальной памяти бывшаго его владѣльца; нынѣ проѣзжающіе черезъ это село—по большей части люди дѣловые или богомольцы; достопримѣчательности, здѣсь находящіяся, ихъ мало интересуютъ. Но память о самомъ Аракчеевѣ и о другѣ его, Настасьѣ Минкиной, жива еще не только въ средѣ окрестнаго населенія, но и далеко за предѣлами Новгородской губерніи. Впрочемъ, о самомъ Аракчеевѣ вспоминаютъ безъ злобы; его только называютъ грознымъ вельможею, любившимъ въ особенности порядокъ и нетерпѣвшимъ пьянства, которое, замѣтимъ кстати, въ настоящее время особенно развито въ Грузинѣ. Напротивъ, о Настасьѣ Минкиной и теперь еще говорятъ, какъ о злодѣйкѣ, и ея вліянію приписываютъ всю суровость Аракчеева. Самъ Аракчеевъ скончался въ Грузинѣ 21 апрѣля 1834 года; въ духовномъ завѣщаніи его, утвержденномъ въ 1816 году императоромъ Александромъ I и хранившемся въ Сенатѣ, было сказано, что въ случаѣ смерти Аракчеева прежде избранія имъ «достойнаго наслѣдника» все имѣніе его переходитъ въ казну. Поэтому государь Николай Павловичъ отдалъ Грузинскую волость со всею бывшею тамъ движимостью въ полное и нераздѣльное владѣніе Новгородскому (нынѣ Нижегородскому) кадетскому корпусу, которому перешло также имя и гербъ Аракчеева. Въ настоящее время бывшій домъ Аракчеева и паркъ, находящійся при домѣ, состоятъ въ вѣдѣніи квартирующаго въ Грузинѣ 88 пѣхотнаго Петровскаго полка; съ будущаго года верхній этажъ дома обращается въ офицерское собраніе; лѣтній домъ Аракчеева уже обращенъ въ

дачу для полковаго командира. По мысли Аракчеева находящіеся въ Грузино: соборъ, домъ и паркъ должны были навсегда напоминать о самомъ Аракчеевѣ и его благодѣяніяхъ. Соборъ построенъ Аракчеевымъ въ 1805—1806 годахъ во имя Св. апостола Андрея въ память преданія, что именно въ Грузинѣ апостолъ проповѣдывалъ христіанство въ Новгородской странѣ; поэтому храмъ въ 1811 году наименованъ былъ «соборомъ», а въ 1825 году собору была дана грамота, по которой въ память вышеупомянутаго преданія дозволено совершать въ храмовой праздникъ, въ воскресные и другіе торжественные дни, литургію «при отверстыхъ царскихъ вратахъ даже до причастнаго стиха, при началѣ коего должны онѣ, исключая Святыя Пасхи, быть затворяемы». На содержаніе собора графъ Аракчеевъ положилъ въ томъ же 1811 году «на вѣчныя времена» 12 тыс. руб. ассигн. О проповѣди Св. ап. Андрея въ Грузинѣ напоминаетъ также находящееся вблизи собора колоссальное изображеніе (изъ бронзы) апостола; оно поставлено въ чугунной колоннадѣ и, какъ видно изъ надписи на ней, составляетъ «Награду подданному отъ Государя въ 1820 году». На сторонѣ колоннады, обращенной къ селу, начертаны слова, по преданію, сказанныя Св. Андреемъ въ Грузино: «Благословеніе Божіе да будетъ надъ мѣстомъ симъ отнынѣ и до вѣка». Въ соборѣ до сего времени въ совершенной цѣлости сохраняются изящные памятники: императору Павлу I и офицерамъ Ростовскаго гренадерскаго имени графа Аракчеева полка (павшимъ на полѣ брани въ 1812—1814 годахъ). На памятникѣ Павлу I Аракчеевъ изображенъ самъ,— въ видѣ воина, преклонившагося предъ жертвенникомъ; около этого же памятника—каменная плита надъ могилою Аракчеева; она была положена еще въ 1818 году и тогда же на ней было написано: «Да пребудетъ и прахъ мой у подножія изображенія твоего». Въ храмѣ—на стѣнахъ барельефныя изображенія Петра I, Павла I и Александра I. Подъ изображеніемъ Петра I находится надпись о томъ, что въ 1705 году Грузино было пожаловано князю А. Д. Меншикову. Въ прочихъ мѣстахъ въ соборѣ помѣщены бронзовыя доски съ надписями о царскихъ милостяхъ Аракчееву. Замѣчательна также икона Св. ап. Павла съ портретомъ императора Павла I въ рукахъ. Рядомъ съ могилою Аракчеева была могила его «друга», Настасьи Минкиной, съ слѣдующей надписью: «Здѣсь лежитъ двадцати-пятилѣтній другъ Анастасія, убіенная дворовыми людьми села Грузина за искреннюю ея преданность къ графу». Но существуютъ свѣдѣнія, что была и другая надпись: «Здѣсь похоронено тѣло мученицы Анастасіи, убіенной дворовыми людьми села Грузина за безпредѣльную и христіанскую любовь ея къ графу». Теперь могилы Настасьи нѣтъ; говорятъ, что тѣло ея опущено тутъ же ниже въ землю; по другому преданію, тѣло ея по смерти Аракчеева перенесли на общее кладбище. Передъ могилой Аракчеева изображенъ бронзовый ангелъ, который держитъ образъ, бывшій всегда при графѣ; на шеѣ у ангела находится на золотой цѣпочкѣ образокъ съ надписью: «Двухъ христіанскихъ друзей дни тезоименитства: 5 октября трехъ святителей: Петра, Алексѣя и Іоны, и 29 октября—мученицы Анастасіи; дни

рожденія—23 сентября и 29 марта». Въ ризницѣ собора сохраняется мундиръ л.-гв. Семеновскаго полка, принадлежавшій Александру I и присланный Аракчееву при слѣдующей собственноручной запискѣ императора Николая: «Примите въ знакъ дружбы и благодарности за прошедшіе и будущіе добрые совѣты присылаемый при семъ мундиръ покойнаго нашего благодѣтеля. Вамъ искренно доброжелательствующій Н.—С.-Петербургъ, 23 декабря 1825 г.». Тамъ же въ ризницѣ хранится евангеліе въ складнѣ кованаго серебра; на этомъ евангеліи написано извѣстное завѣщаніе Аракчеева о преміи (въ 1925 году) за лучшее сочиненіе объ императорѣ Александрѣ I.

Въ дворцѣ (зимнемъ домѣ) Аракчеева въ нижнемъ отдѣленіи сохраняется еще много вещей, оставшихся послѣ Аракчеева. Но обои въ комнатахъ теперь новые. Тамъ по-прежнему красуется превосходный бюстъ Александра I на серебряномъ пьедесталѣ въ 3 пуда и $4^1/_2$ фун. вѣсомъ; на одной изъ надписей на пьедесталѣ начертано: «Подножіе сіе къ изображенію назабвеннаго Императора Александра Благословеннаго сдѣлало послѣ его кончины вѣрноподданнымъ слугою графомъ Аракчеевымъ. Да пребудетъ оно въ семъ домѣ и въ сихъ самыхъ комнатахъ для сего назначенія во вѣки вѣковъ. Аминь. А если кто осмѣлится обратить на другое какое употребленіе, то да будетъ ему наказаніе Божіе, какъ въ сей, такъ и въ будущей жизни». На томъ же пьедесталѣ находятся слова изъ послѣдняго письма императора Александра I графу Аракчееву изъ Таганрога, отъ 22 сентября 1825 года: «Прощай, любезный Алексѣй Андреевичъ, не покидай друга и вѣрнаго тебѣ друга». Подъ этими словами отвѣтъ Аракчеева: «прельпни языкъ мой къ гортани моему, аще не помяну тебя во всякъ день живота моего». Цѣлы также бронзовые часы, изображающіе самого Аракчеева. возлагающаго вѣнокъ на мавзолей Александра I; въ прежнее время въ 10 час. 50 мин. по-полудни (часъ смерти государя) растворялись дверцы подъ циферблатомъ и открывался портретъ Александра, причемъ музыка играла трижды «Со святыми упокой»; но теперь внутренній механизмъ часовъ испорченъ; за починку ихъ недавно просили 500 руб.; но отъ мастера потребовали 5.000 руб. залога, вслѣдствіе чего починка часовъ не состоялась. Эти часы сдѣланы были въ Парижѣ и стоили до 27 тыс. руб. Сохраняются также: диванъ, на которомъ почивалъ императоръ Александръ при посѣщеніяхъ Грузина (въ 1810, 1816, 1820, 1821, 1822, 1823, 1824 и 1825 годахъ—всего 11 разъ), кресло съ приспособленіемъ для больной ноги государя, письменный столъ Аракчеева, на которомъ хранятся: карта послѣдняго путешествія Александра I въ 1825 году и портфель съ надписью: «Графъ Аракчеевъ въ теченіе 25 лѣтъ употреблялъ портфель сію для доклада дѣлъ Государю Благословенному Императору, его отцу и благодѣтелю, Александру Павловичу. Она содержала въ себѣ много важныхъ и благодѣтельныхъ для отечества приказаній и учрежденій». На томъ же столѣ лежитъ сафьянный ящичекъ съ надписью: «пули чугунныя, отданныя Государемъ Им-

ператоромъ Александромъ I, при полученіи коихъ сдѣланъ былъ графомъ неосторожный отвѣтъ, за который Его Величество изволилъ показать свое неудовольствіе, почему графъ Аракчеевъ, сознаваясь въ своей ошибкѣ, въ память сего сохранилъ сіи пули». Пули эти элипсической формы, совершенно подобныя голубиному яйцу. Въ нижнихъ комнатахъ сохраняется подъ стекляннымъ колпакомъ фуражка императора Александра I, подаренная Аракчееву въ Царскомъ Селѣ въ 1823 году, и портреты Александра I, матери Аракчеева и его самого; на одномъ изъ послѣднихъ (сдѣланномъ на кости въ Парижѣ въ 1816 году) на оборотѣ надпись: «Моей любезной Настинькѣ». Старинной мебели не много, но она цѣнная и съ бронзою; графской посуды (съ его гербами) уцѣлѣло очень мало. Въ верхнемъ этажѣ замѣчательны только: памятникъ Павлу I (копія съ находящагося въ соборѣ) и портретъ во весь ростъ солдата въ формѣ полка имени Аракчеева. На самомъ верху зданія находится небольшой бельведеръ съ балкономъ, откуда открывается великолѣпный видъ на окрестности. Между первымъ и вторымъ этажами есть еще низенькій средній этажъ; здѣсь, говорятъ, была канцелярія Аракчеева и комната для ареста офицеровъ. Кстати будетъ замѣтить здѣсь, что недобрая память о Настасьѣ до сихъ поръ связана съ нѣкоторыми предметами, находящимися въ графскомъ домѣ. Но преданія эти болѣе чѣмъ сомнительны. Такъ, въ первой комнатѣ нижняго этажа стоитъ кожаный диванъ съ кровавыми пятнами. Сторожъ, показывающій комнаты, говоритъ посѣтителямъ, что на этомъ диванѣ Настасья зарѣзала графскаго лакея, выдавшаго графу ея любовныя шашни, и потомъ сказала графу, что лакей самъ зарѣзался. Но можно предположить, съ гораздо большею достовѣрностью, что диванъ этотъ тотъ самый, на которомъ была зарѣзана сама Настасья. Точно также разсказываютъ, что будто-бы портретъ солдата Аракчеевскаго полка, находящійся въ верхнемъ этажѣ, снятъ былъ съ того любимаго Аракчеевымъ солдата, который также разсказалъ ему правду о Настасьѣ. Преданіе говоритъ, что, по наущенію Настасьи, графъ поставилъ солдата на часы передъ дворцомъ на недѣлю, и солдатъ отъ этого умеръ. Могила отца Настасьи (Ѳедора Минкина, умершаго въ 1809 г.) находится и теперь возлѣ собора; но объ этомъ человѣкѣ не сохранилось никакихъ свѣдѣній и преданій.

Паркъ сильно запущенъ; многія рѣшетки и металлическія украшенія съ памятниковъ украдены. Недавно воры разобрали чугунный цѣпной мостъ. Пруды покрыты плѣсенью, дорожки заросли. Въ своемъ паркѣ Аракчеевъ при жизни поставилъ бюсты государямъ Павлу I и Александру I, монументы: князю Меншикову, своей Настасьѣ (въ видѣ вазы), своимъ собачкамъ («вѣрному Жучку» и «милой Діанкѣ»), садовнику Константинову, умершему въ 1806 году на 125 году отъ роду и т. д. Нѣкоторые изъ нихъ цѣлы, но всѣ пришли отъ времени въ попорченное состояніе. Между прочимъ, означено надписью мѣсто, гдѣ на вольномъ воздухѣ любилъ кушать чай императоръ Александръ во время пребыванія въ Грузинѣ. Для характеристики Аракчеева любопытенъ памятникъ

въ видѣ деревянной бесѣдки возлѣ пруда; на фронтонѣ надпись, гласящая, что бесѣдка сооружена въ память воспитателя графа Аракчеева, генерала-отъ-артиллеріи Мелессино. Близъ берега рѣки Волхова сохраняются развалившіеся отъ времени остатки лодки, на которой переѣзжалъ въ 1810 году черезъ Волховъ императоръ Александръ, лично дѣйствовавшій веслами. Благоговѣя предъ его памятью, Аракчеевъ велѣлъ написать на стѣнѣ грота, гдѣ положена была для храненія лодка, слѣдующія слова: «Да сохранятся на вѣчныя времена сіи драгоцѣнныя вещи, и да будетъ проклятъ всякій тотъ, кто осмѣлится истребить опыя».

На фронтонѣ зимняго дома Аракчеева красуется его девизъ: «Безъ лести преданъ»; насупротивъ дома, вблизи собора, чугунный монументъ, на которомъ аллегорическія фигуры Вѣры, Надежды и Милосердія поддерживаютъ бюстъ Александра I, причемъ Милосердіе вѣнчаетъ его чело вѣнкомъ изъ звѣздъ. Внизу двѣ фигуры: Европы и Россіи; послѣднюю изображаетъ воинъ, чертамъ лица котораго придано выраженіе Аракчеева. На памятникѣ надпись: «Государю Благодѣтелю по кончинѣ его отъ подданнаго въ 1833 году». Вскорѣ послѣ сооруженія этого памятника, Аракчеевъ писалъ одному изъ своихъ друзей: «Теперь я все сдѣлалъ и могу явиться къ Императору Александру съ рапортомъ». Этотъ памятникъ стоилъ около 30 тыс. руб. ассигн.

Въ настоящее время въ Грузинѣ ничто не напоминаетъ аракчеевскихъ порядковъ. Село бѣдно; промышленности нѣтъ; жители больше содержатся заработками на мѣстныхъ спичечныхъ фабрикахъ. Пароходы два раза въ сутки поддерживаютъ сообщеніе между Грузиномъ и Новгородомъ. О такихъ жизненныхъ удобствахъ, какъ напр. хоть сколько-нибудь удобная гостиница, нѣтъ и помина... **Н. Ширяевъ**.

V.

Графъ Н. П. Румянцовъ императору Александру

С.-Петербургъ, 3-го января 1813 года.

Всемилостивѣйшій Государь!

Я получилъ отъ графа Ливена донесеніе, что отъ принца регента было сдѣлано въ парламентѣ предложеніе съ приглашеніемъ подать ему средства ко вспоможенію и облегченію россійскихъ подданныхъ, претерпѣвшихъ разореніе отъ непріятельскаго нашествія; что по сему поводу происходили обыкновенно пренія и что наконецъ оное предложеніе было принято, и на сей предметъ назначено до 200.000 фунтовъ стерлинговъ, кромѣ того, что могутъ принести подписки частныхъ людей въ Англіи.

Графъ Ливенъ, узнавъ о семъ, отозвался, что онъ не входитъ ни въ какія объясненія: будетъ ли таковое предложеніе у насъ принято, полагаетъ однакоже, что оный подвигъ, какъ новое доказательство дружественнаго расположенія, безъ сомнѣнія, будетъ пріятенъ для Вашего Величества.

О всѣхъ сихъ обстоятельствахъ сообщилъ мнѣ также изустно лордъ

Каткартъ, бывшій у меня вчерась на конференціи. Изъ разговоровъ его замѣтно было, что онъ не надѣется, чтобы означенная сумма могла быть переведена сюда вся наличными деньгами, но полагалъ, что въ замѣну оной могутъ быть присланы англійскія издѣлія. Онъ, казалось мнѣ, разсуждалъ, что сіе пособіе должно распространиться исключительно на людей низкаго состоянія, ибо разсчитывалъ, что число ихъ простирается до 50 000 человѣкъ, и что на каждаго можно опредѣлить до 50 рублей деньгами, а остальное вещами нужными наипаче для одѣянія и обуви. Онъ говорилъ, что сообщитъ мнѣ все сіе письменно; но я не получилъ еще сего сообщенія и предварительно испрашиваю Всемилостивѣйшаго позволенія приложить оное здѣсь на случай, если будетъ прислано прежде отправленія сего донесенія.

Я отвѣчалъ лондонскому кабинету, что сей подвигъ, обнаруживая истинное дружелюбіе къ намъ народа англійскаго, конечно, по сему самому заслуживаетъ нашу признательность; но что въ то же время новость и необычайность сего для Россіи предложенія таковы, что я никакъ не могу принять на себя никакого отзыва по сему случаю; но не премину обо всемъ въ подробности донести Вашему Императорскому Величеству и буду ожидать приказанія Вашего.

Представляя все сіе на Высочайшее усмотрѣніе Вашего Величества, я осмѣливаюсь въ то же время умолять Васъ, Всемилостивѣйшій Государь, о Высочайшемъ соизволеніи Вашемъ отклонить сіе предложеніе, имѣющее видъ милостиваго подаянія отъ народа чуждаго и иноплеменнаго великодушнымъ подданнымъ обширной Вашей Имперіи. Я умоляю о семъ, какъ о дѣлѣ, съ коимъ, въ моемъ понятіи, нераздѣльно сопряжены честь и достоинство народа, Вамъ подвластнаго. Мы всѣ готовы жертвовать своими избытками въ пользу пострадавшихъ братій нашихъ и всѣ охотно примемъ новыя повинности, но не допустимъ иностранцевъ, чтобы они когда-либо имѣли поводъ хвастаться или упрекать Россію своими подаяніями. Я осмѣливаюсь присовокупить къ сему, что въ предположеніи англійскаго правительства одѣлять неимущихъ нашихъ одеждами и обувью своего издѣлія легко можетъ скрываться и то намѣреніе, чтобы привить имъ новыя привычки и среди самаго народа и между крестьянами посѣять привязанность вмѣсто отечественной простоты къ тѣмъ иностраннымъ прихотямъ, которымъ одни только англичане удовлетворить въ состояніи.

Я не ищу въ иныхъ земляхъ примѣровъ для государства нашего, но на сей разъ не могу не привести на память подвига императрицы Маріи-Терезіи, которая, въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ и потерявъ почти всѣ свои владѣнія, когда узнала, что въ Англіи приготовляется для нея денежное вспоможеніе, то съ благородствомъ духа, коимъ всегда отличалася, при изъявленіи своей благодарности за таковое намѣреніе, отказалася отъ сего предложенія. Есмь съ глубочайшимъ благоговѣніемъ и проч.

Сообщилъ **Н. К. Шильдеръ**.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

Отъ Совѣта С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества.

Въ торжественномъ собраніи гг. членовъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества, состоявшемся 11 мая 1893 года, по случаю исполнившагося 25-лѣтія существованія Общества, учрежденъ конкурсъ, съ двумя преміями, одной въ 3000 руб. и другой въ 1000 руб., имени А. Ѳ. Гильфердинга, за лучшія сочиненія на слѣдующія темы:

1) „Представить сжатый, но обстоятельный, основанный на возможно-полномъ изученіи доступныхъ источниковъ, при знакомствѣ съ литературою предмета, очеркъ исторіи южныхъ и западныхъ славянъ, начиная съ такъ называемой исторической эпохи ихъ существованія въ Европѣ до 1879 года включительно,—въ связи съ исторіей сопредѣльныхъ народовъ и государствъ. Въ предлагаемомъ очеркѣ должно быть обращено вниманіе не на внѣшнія только политическія судьбы славянскихъ народовъ, но и на внутреннюю ихъ жизнь—церковь, литературу, право и т. п., причемъ съ большею полнотою должны быть изложены тѣ періоды и отдѣльныя событія въ исторической жизни славянъ, которые оставили болѣе глубокій слѣдъ въ судьбахъ той или другой славянской народности, въ общеславянской и общеевропейской исторіи. Очерку долженъ быть предпосланъ обзоръ главнѣйшихъ источниковъ для исторіи южныхъ и западныхъ славянъ и указатель по крайней мѣрѣ важнѣйшихъ пособій для болѣе подробнаго ознакомленія съ тѣмъ или другимъ отдѣломъ славянской исторіи“ (премія въ 3000 р.).

2) „Представить обстоятельный, основанный на точномъ знаніи источниковъ, очеркъ исторіи и современнаго положенія заграничной Руси (Галицкой, Буковинской и Угорской) въ отношеніяхъ—политическомъ, религіозномъ, экономическомъ (за послѣднее время) и пр., причемъ, конечно, больше вниманія должно быть обращено на тѣ стороны и періоды въ историческихъ судьбахъ заграничной Руси, въ которыхъ наиболѣе ярко выразились съ одной стороны упадокъ національной ея жизни, а съ другой и подъемъ народнаго русскаго духа. Предлагаемому очерку слѣдуетъ предпослать указатель источниковъ и пособій. Къ сочиненію, въ случаѣ его печатанія, должна быть приложена карта заграничной Руси» (премія въ 1000 р.).

Сочиненія на вышеизложенныя темы должны быть представлены въ Совѣтъ С.-Петербургскаго Славянскаго Общества (С.-Петербургъ, площадь Александринскаго театра, № 9) обязательно на русскомъ языкѣ, не позже 11 мая 1896 года, безъ обозначенія имени автора, только съ номеромъ или девизомъ.

Обозначеніе имени автора должно быть приложено въ особомъ, наглухо запечатанномъ конвертѣ, на которомъ должны быть прописаны номеръ или девизъ рукописи.

По присужденіи, по докладу Совѣта общему собранію, за лучшія сочиненія премій, таковыя будутъ выданы соискателямъ, по вскрытіи конвертовъ съ ихъ именами, въ собраніи гг. членовъ Славянскаго Общества 14 февраля 1897 года.

Премированныя сочиненія печатаются (въ количествѣ 1200 экз.) на счетъ Славянскаго Общества, которое изъ всего количества печатаемыхъ экземпляровъ получаетъ въ свое распоряженіе 600, а другіе 600 уступаетъ автору [1]).

---

[1]) По соглашенію съ Совѣтомъ Общества авторъ можетъ печатать свое сочиненіе и въ большемъ количествѣ экземпляровъ, но уже на свой счетъ—свыше 1200 экз.

ТРЕТІЙ ТОМЪ ВЫШЕЛЪ И РАЗОСЛАНЪ ПОДПИСЧИКАМЪ
И ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА ЧЕТВЕРТЫЙ И СЛѢДУЮЩІЕ ТОМЫ
ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО РОСКОШНАГО ИЗДАНІЯ:

„ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХЪ“ БРЭМА.

Переводъ подъ редакціею магистра зоологіи **К. К. Сентъ-Илера.**

Изданіе Товарищества „Общественная Польза“.

Съ хромолитографированными рисунками отъ 15 до 20 красокъ и со множествомъ политипажей въ текстѣ. Вновь переработано профессоромъ Пехуэль-Лёше при содѣйствіи доктора Гааке.

☞ **ПЕРЕВОДЪ ПОЛНЫЙ** безъ всякихъ пропусковъ или произвольныхъ сокращеній и сдѣланъ съ новаго третьяго нѣмецкаго изданія.

На ПЕРВЫЙ, ВТОРОЙ и ТРЕТІЙ ТОМЫ подписка прекращена, а продаются по 6 р.. съ перес. 6 р. 50 к. каждый томъ.

Все изданіе будетъ въ **ДЕСЯТИ ТОМАХЪ**, и подписка принимается на каждый томъ отдѣльно.

Лица, желающія подписаться на полученіе **ЧЕТВЕРТАГО** *тома, который будетъ разосланъ въ сентябрѣ 1893 года, высылаютъ нынѣ же 5 руб., съ пересылкой 5 руб. 50 коп. Въ отдѣльной продажѣ* **ПЕРВЫЙ, ВТОРОЙ и ТРЕТІЙ ТОМЫ** *стоятъ 6 руб., съ пересылкою 6 руб. 50 коп.*

═ *Чтобы дать возможность каждому пріобрѣсти это капитальное сочиненіе, не затрачивая разомъ значительной суммы, издатели предлагаютъ подписчикамъ* **четвертый томъ** *получать и выпусками, не ожидая выхода полнаго тома, а потому:*

1) При подпискѣ вносится 1 руб.—2) При высылкѣ 1, 2, 3, 4 и 5 выпусковъ на каждый изъ нихъ будетъ наложенъ платежъ по 1 р., а послѣдній **ШЕСТОЙ** выпускъ будетъ разосланъ **БЕЗПЛАТНО.** ═

Для служащихъ допускается разсрочка, со взносомъ 1 руб. въ мѣсяцъ за поручительствомъ казначеевъ.

На тѣхъ же условіяхъ будетъ открыта подписка и на **слѣдующіе томы.**

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА въ **С.-Петербургѣ** въ **Товариществѣ „Общественная Польза“**, Б. Подъяч., 89 и въ **Москвѣ**, въ магазинѣ Картографическаго заведенія **А. Ильина**, Петровскія линіи № 17.

☞ Подписывающіеся на **IV ТОМЪ** изъ склада Товарищества „Общественная Польза“, Б. Подъяч., 39, на полученіе полнаго тома, за пересылку не платятъ, по выпускамъ же никакихъ уступокъ не дѣлается. Подписавшіеся на полученіе тома выпусковъ не получаютъ ☜

═ Подписывающіеся теперь же на **четвертый** томъ, могутъ подписаться и на **первые** три тома, при чемъ какъ за **первый**, такъ за **второй** и **третій** томы высылаютъ по 5 руб. 50 коп. съ пересылкою.

☞ Желающіе получать томы въ одинаковыхъ прочныхъ переплетахъ съ кожаннымъ корешкомъ и углами приплачиваютъ: городскіе по 1 р. за каждый томъ, иногородные по 1 р. 25 к., выписывающіе же изъ Азіатской Россіи уплачиваютъ по почтовому тарифу за 5 фун.

Digitized by Google

дѣятельность остальныхъ типографій была весьма незначительна.

Вообще обзоръ г. Павленкова содержитъ въ себѣ много интересныхъ данныхъ и выводовъ, и надо пожелать, чтобы онъ продолжалъ свою работу и на будущее время. Подобные обзоры безъ перерыва за нѣсколько лѣтъ, безъ сомнѣнія, пріобрѣтутъ еще большую цѣнность и дадутъ возможность къ болѣе широкимъ обобщеніямъ и выводамъ.

Н. Л.

Опытъ систематическаго каталога инструментальнаго музея С.-Петербургской консерваторіи. Сост. Михаилъ Пѣтуховъ. Съ портретомъ А. И. Рубца, основателя музея, и съ рисунками въ текстѣ. Спб. 1893. 8°.

При С.-Петербургской консерваторіи, въ теченіе многихъ лѣтъ, при содѣйствіи профессора ея А. И. Рубца, собирались различные музыкальные инструменты, обыкновенно приносимые въ даръ самимъ г. Рубцомъ и нѣкоторыми другими лицами. Къ настоящему времени консерваторія уже обладаетъ такимъ собраніемъ этихъ инструментовъ, что его можно пожалуй назвать музеемъ. Въ немъ насчитывается до 54 экземпляровъ разныхъ инструментовъ, въ числѣ которыхъ нѣкоторые имѣются въ двухъ и даже въ трехъ экземплярахъ, такъ что собственно разновидностей будетъ нѣсколько менѣе. И вотъ для этого-то музея г. Пѣтуховъ задумалъ составить систематическій каталогъ, скромно назвавъ свой трудъ „опытомъ". Самую систематизацію онъ довелъ до крайней дробности, подраздѣливъ перечисляемые имъ 54 инструмента на 4 отдѣла (автофоническіе, съ перепонками, духовые и струнные) и далѣе—отдѣлы на виды, а виды на роды. Въ результатѣ получилось, что не только нѣкоторые роды, но даже виды состоятъ всего на всего изъ одного инструмента.

Чтобы придать своему труду болѣе серьезное значеніе, г. Пѣтуховъ снабдилъ его предисловіемъ, въ которомъ, указавъ, что мысль организовать при консерваторіяхъ музеи музыкальныхъ инструментовъ далеко не новая и принадлежитъ концу прошлаго столѣтія, излагаетъ вкратцѣ цѣль организаціи подобныхъ музеевъ, которая, по его мнѣнію, заключается въ томъ, чтобы дать возможность изучать въ натурѣ музыкальные инструменты различныхъ временъ и народовъ, чтобы при помощи этихъ инструментовъ имѣть возможность реставрировать характеръ произведеній тѣхъ композиторовъ, которые писали для этихъ инструментовъ, и, наконецъ, чтобы, изучая характеръ древнихъ инструментовъ, пополнить ими современный оркестръ и тѣмъ достигнуть болѣе богатыхъ звуковыхъ эффектовъ.

Въ доказательство, что пользованіе старинными инструментами не лишено своего историческаго и художественнаго значенія, г. Пѣтуховъ вслѣдъ за предисловіемъ приводитъ двѣ афиши историческихъ концертовъ, состоявшихся въ Брюссельской консерваторіи 13 января 1887 г. и 27 апрѣля 1890 г., изъ которыхъ видно, что упомянутыя въ нихъ композиціи І. С. Баха, Рамо, Тартини и другихъ исполнялись на віоляхъ, клавесинахъ и другихъ современныхъ этимъ композиторамъ инструментахъ.

„Для разумнаго пользованія подобными музеями—говоритъ далѣе г. Пѣтуховъ,—необходимо основательное изученіе находящихся въ нихъ музыкальныхъ инструментовъ, которое можетъ быть значительно облегчено существующими о нихъ сочиненіями и статьями, равно какъ и трудами по музыкальной акустикѣ". Съ этой цѣлью онъ составилъ библіографическій указатель литературы предмета, отведя ему въ своей книжкѣ 10 страницъ и включивъ въ него 151 № указаній на различныя сочиненія, по преимуществу иностранныя. Указатель этотъ не лишенъ, разумѣется, пропусковъ, но во всякомъ случаѣ можетъ быть весьма полезенъ для справокъ. Чтобы облегчить пользованіе этимъ указателемъ, расположеннымъ въ алфавитномъ порядкѣ, составитель сдѣлалъ въ перечнѣ инструментовъ ссылки на соотвѣтствующіе №№ библіографическаго указателя, подъ которымъ помѣщены сочиненія, содержащія въ себѣ свѣдѣнія объ этихъ инструментахъ. Въ этомъ отношеніи трудъ г. Пѣтухова заслуживаетъ полнаго вниманія, какъ пополняющій собою нашу крайне скудную музыкально-библіографическую литературу.

Трудъ этотъ, когда онъ еще находился въ рукописи, составитель принесъ въ даръ музею С.-Петербургской консерваторіи и получилъ весьма похвальный отзывъ: Русское музыкальное общество находило, что „каталогъ" по своей капитальности и практическому значенію представляетъ весьма цѣнный вкладъ въ музей, и приносило составителю за это пожертвованіе свою глубокую признательность; когда г. Пѣтуховъ обратился съ просьбою о выдачѣ ему средствъ на изданіе его труда, то не могъ дождаться никакого отвѣта и рѣшилъ издать книжку на свой собственный счетъ въ ущербъ своимъ далеко не блестящимъ матеріальнымъ средствамъ. Эти подробности мы узнаемъ изъ подлиннаго отзыва Русскаго музыкальнаго общества и изъ объясненій г. Пѣтухова, помѣщенныхъ имъ на первыхъ же страницахъ его книжки. Странно, что Музыкальное общество, столь щедрое на похвалы и обладающее теперь огромными средствами, не могло отыскать какой-нибудь сотни рублей на изданіе книжки, вполнѣ относящейся къ его спеціальности; а между тѣмъ содѣйствовать успѣхамъ музыкальной археологіи и поддерживать нашихъ уже черезъ-чуръ не многочисленныхъ музыкальныхъ археологовъ въ ихъ трудахъ, казалось бы, должно вполнѣ лежать на его обязанности.

Н. Л.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXIV-й. СЕНТЯБРЬ. 1893 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

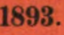
ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ **И. А. Голышева.** Гравировалъ К. Адтъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. «Общественная Польза», Большая Подъяческая, 39.

1893.

IX-я книга „Русской Старины" вышла 1-го сентября 1893 г.

Перекличка альманахамъ. Матеріалы для библіографіи русскихъ литературныхъ альманаховъ и сборниковъ конца XVIII-го и первой половины XIX-го столѣтія (1794 г. по 1850 г.). Составилъ въ селѣ Глѣбовѣ, Подольской губерніи, графъ Е. Путятинъ. Новая Ушица. 1893. 12°.

Настоящій перечень альманаховъ и литературныхъ сборниковъ, по словамъ составителя, представляетъ лишь опытъ приведенія въ извѣстность и классификаціи ихъ, по годамъ изданія, при чемъ обширность предмета принудила его, на первый разъ, ограничиться только однимъ перечисленіемъ ихъ заглавій и нѣкоторыхъ подробностей, не указывая ни содержанія каждаго альманаха, ни авторовъ заключенныхъ въ немъ статей, такъ какъ это сдѣлало бы изданіе слишкомъ объемистымъ и задержало бы его выходъ. Списокъ этотъ составленъ по экземплярамъ, принадлежащимъ графу, и пополненъ лишь нѣкоторыми, недостававшими въ его коллекціи; для этого составитель былъ принужденъ черпать свѣдѣнія изъ библіографическихъ трудовъ и книжныхъ каталоговъ безъ повѣрки въ натурѣ. Эти подробности мы узнаемъ изъ предисловія къ книгѣ, въ концѣ котораго составитель выражаетъ надежду, что его посильный трудъ принесетъ хоть сколько-нибудь пользы, какъ справочная книжка для собирателей русскихъ альманаховъ, а также и для занимающихся книжною торговлею.

Обращаясь къ содержанію труда графа Путятина, мы видимъ, что въ немъ подъ 214-ю №№ перечислено всего 220 (?) альманаховъ, относящихся къ промежутку времени съ 1794 по 1850 годъ. Первоначально они выходили въ свѣтъ весьма рѣдко, затѣмъ изданіе ихъ съ 1823 г. дѣлается довольно постояннымъ и доходитъ до 3 — 8 къ годъ. Наибольшее количество альманаховъ относится къ 1827—1832 и 1839 годамъ, когда ежегодно выходило отъ 10 до 18 названій; а затѣмъ число ихъ начинаетъ снова уменьшаться.

Перечень, составленный графомъ Путятинымъ, расположенъ въ хронологическомъ порядкѣ выхода альманаховъ въ свѣтъ, причемъ дѣтскіе альманахи выдѣлены въ особую группу отъ № 177 до 201; въ концѣ же списка въ приложеніи отъ № 202 до № 214 помѣщены альманахи, опоздавшіе къ перекличкѣ, т. е. пропущенные при составленіи и печатаніи списка, и это несомнѣнно свидѣтельствуетъ, что составитель исполнялъ свой трудъ весьма поспѣшно, если въ короткое время печатанія самыхъ общихъ свѣдѣній о 201 №№ альманаховъ (стр. 5—58) онъ успѣлъ замѣтить 13 пропусковъ; торопливость въ исполненіи труда подтверждается и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ концѣ книжки составителю пришлось помѣстить: добавленіе къ оглавленію (стр. 74), замѣченные пропуски, невѣрности и опечатки (стр. 75) и ошибки въ нумераціи оглавленія, замѣченныя по отпечатаніи книги (на особомъ прибавочномъ листкѣ). Такая торопливость, разумѣется, могла послужить не въ пользу предпринятаго графомъ труда, и кто поручится, что послѣ всѣхъ этихъ замѣченныхъ имъ пропусковъ и ошибокъ не найдется еще не малое количество имъ незамѣченныхъ.

Указанное выше несоотвѣтствіе порядковаго нумера альманаховъ (№№ 1—214) съ числомъ ихъ (220) подъ этими нумерами, объясняется тѣмъ, что составитель, по совершенно непонятнымъ причинамъ, подъ нѣкоторыми №№ помѣстилъ по 2 и 3 альманаха; такъ подъ №№ 174 помѣщены два альманаха: „Сборникъ газеты Кавказъ“ (Тифлисъ) и „Ярославскій литературный сборникъ на 1849 годъ“ (Ярославль), подъ № 176—три: „Литературные вечера“ (Одесса), „На новый годъ“ (Москва) и „Ярославскій литературный сборникъ на 1850 годъ“ (Ярославль) и т. д. Затѣмъ, подводя общій итогъ всѣмъ перечисленнымъ альманахамъ, составитель опредѣляетъ число ихъ въ 218, но и эта цифра не вѣрна, такъ какъ въ исчисленіи пропущено два альманаха за 1797 годъ, указанные въ перечнѣ; пополняя этотъ пропускъ, мы все-таки не получимъ точной цифры, такъ какъ нерѣдки случаи, что два тома одного и того же альманаха составитель показываетъ то подъ однимъ №, то подъ разными; многотомные же альманахи онъ опредѣляетъ счетомъ не по названіямъ, а по томамъ, иногда же по числу лѣтъ изданія, хотя бы въ одинъ годъ и вышло ихъ нѣсколько томовъ. При такомъ разнообразіи въ пріемахъ исчисленія, разумѣется, общій выводъ о количествѣ издававшихся у насъ альманаховъ будетъ весьма неточенъ.

Наконецъ, пересматривая книжку, нельзя не замѣтить, что далеко не всѣ альманахи описаны составителемъ съ подлинныхъ экземпляровъ; многіе заимствованы, какъ онъ впрочемъ и самъ заявляетъ, изъ другихъ библіографическихъ трудовъ и книжныхъ каталоговъ, что, разумѣется, было для него неизбѣжнымъ, при составленіи своего труда

Дозволено цензурою. Спб., 26 Августа 1893 г.

Тип. Тов. „Общ. Польза", В. Подъяч., 39.

И. Вольшевъ

[illegible]

... -Генералъ
... процессъ

... [illegible] ...

... гана
... ждать
... съ тѣмъ
... у него въ этотъ
... Когда я въ 4 часа
... съ утренней
... и прiятной ... [illegible]
... овалъ въ ... [illegible]
... былъ исключенъ ... ар-
... бу. Повидимому, онъ
... обѣдомъ рѣчь за-
... [illegible] ... лся о превосход-
... [illegible] ... ницахъ ... страны. Тогда
... [illegible] ... comme j'aimerais à ... un voyage en
... что я ей сказалъ: «Il se prés... maintenant
... voir ce pays; vous n'avez qu'à ... rendre à
... et suivre la grande expédition qui s'y prépare pour envahir
a Grande Bretagne»[3]). ... съ живостью отвѣтила мнѣ: «Ah,

[1]) См. „Русскую Старину" изд. 1893 года, т. LXXIX, iюль и августъ.

[2]) Какъ бы я желала совершить путешествiе въ Англiю.

[3]) Теперь представляется прекрасный случай увидѣть эту страну: вамъ ... только поѣхать въ Булонь и послѣдовать за великой экспедицiей ... [illegible] ... той для вторженiя въ Великобританiю.

М. Вольшаевъ

Изъ историческихъ записокъ Іоанна-Альберта Эренстрема [1]).

Пребываніе въ Ганноверѣ.—Бесѣды съ французскими офицерами.—Генералъ Мортье.—Безкорыстность Талейрана.—Мнѣніе датскаго юриста о процессѣ Эренстрема.

Прибывъ въ Ганноверъ, я извѣстилъ о моемъ пріѣздѣ капитана Сиридо, который тотчасъ же пришелъ ко мнѣ, чтобы сопровождать меня во всѣ мѣста, которыя я пожелаю осмотрѣть, и вмѣстѣ съ тѣмъ передалъ мнѣ приглашеніе своего генерала обѣдать у него въ этотъ же день, хотя я еще и не былъ съ нимъ знакомъ. Когда я въ 4 часа пришелъ къ генералу, то онъ только-что возвратился съ утренней прогулки со своею женою, очень красивой и пріятной женщиной. Самъ онъ былъ человѣкъ молодой, участвовалъ въ революціонной войнѣ; во время террора, какъ дворянинъ, былъ исключенъ изъ арміи, но потомъ опять призванъ на службу. Повидимому, онъ принадлежалъ къ числу умѣренныхъ. За обѣдомъ рѣчь зашла объ Англіи, и онъ съ похвалою отозвался о превосходныхъ дорогахъ и хорошихъ гостиницахъ этой страны. Тогда жена его воскликнула: «Ah! comme j'aimerais à faire un voyage en Angleterre»[2]). На это я ей сказалъ: «Il se présente maintenant une belle occasion pour voir ce pays; vous n'avez qu'à vous rendre à Boulogne et suivre la grande expédition qui s'y prépare pour envahir la Grande Bretagne»[3]). Она съ живостью отвѣтила мнѣ: «Ah,

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1893 года, т. LXXIX, іюль и августъ.

[2]) Какъ бы я желала совершить путешествіе въ Англію.

[3]) Теперь представляется прекрасный случай увидѣть эту страну: вамъ слѣдуетъ только поѣхать въ Булонь и послѣдовать за великой экспедиціей, предназначаемой для вторженія въ Великобританію.

monsieur, ne me parlez pas de cette expédition»[1]). Нѣсколько усатыхъ офицеровъ, находившихся за столомъ, повидимому, принадлежавшихъ къ революціонной партіи, остались недовольными этимъ восклицаніемъ, носящимъ на себѣ отпечатокъ неодобренія. Я получилъ много доказательствъ, что въ этой части французской арміи преданность къ Бонапарту, по крайней мѣрѣ въ это время, была далеко не общая. Во время разговора съ господиномъ Сиридо, я выразилъ мое уваженіе военнымъ способностямъ этого полководца; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и негодованіе, съ которымъ я читалъ наглую лесть, которою, и не безъ успѣха, старались привести его въ упоеніе. Сиридо отвѣчалъ мнѣ: «Je puis vous assurer, monsieur, qu'il n'y a pas un seul Français éclairé et bien pensant, qui en lisant ces flagorneries n'en soit pas autant degôuté que vous, et qui rempli d'indignation ne se soit tenté de déchirer ces feuilles pour les fouler aux pieds»[2]).

Въ другой разъ, когда я посѣтилъ господина Баталь, одного изъ офицеровъ, съ которыми познакомился въ Касселѣ и у котораго я засталъ многихъ изъ его товарищей, я разсказалъ, что утромъ читалъ послѣдніе номера «Гамбургской газеты», въ которой, между прочими извѣстіями изъ Парижа, находится извѣстіе, что первый консулъ посѣтилъ госпожу Бачіоки. Тогда офицеры со смѣхомъ воскликнули: «Quel nom baroque. Qui est donc cette madame Baziocchi?» — «Quoi, messieurs!» сказалъ я, «vous n'avez pas entendu parler de cette dame? Moi, qui vient du nord, je sais qui elle est, et vous, officiers français, vous l'ignorez ou plutôt vous faites semblant de l'ignorer»[3]). Они увѣряли меня, что никогда прежде не слышали этого имени, и настоятельно просили меня объяснить, что же это за личность.—«Eh bien, messieurs! отвѣчалъ я, «sachez

[1]) О, милостивый государь, не говорите мнѣ объ этой экспедиціи.

[2]) Могу васъ завѣрить, милостивый государь, что нѣтъ ни одного просвѣщеннаго и благомыслящаго француза, который бы, читая это льстивое наушничество, не чувствовалъ къ нему столь же сильнаго отвращенія, какъ и вы, и, въ негодованіи, не былъ бы готовъ изорвать эти газетные листы и истоптать ихъ ногами.

[3]) Какое странное имя! Кто же эта госпожа Бачіоки? Какъ, господа, вы никогда не слыхали объ этой дамѣ? Я, пріѣхавшій съ сѣвера, знаю, кто она, а вы, французскіе офицеры, вы не знаете этого, или, вѣрнѣе, дѣлаете видъ, что не знаете этого.

donc que c'est la soeur du premier consul, qu'elle se nomme Elise Buonaparte, et qu'elle a épousé monsieur Felix Bacciochi, italien; que le premier consul a encore deux soeurs, Caroline et Pauline, et quatre frères, Joseph, Lucien, Louis et Jerôme, et que leur mère Letiti Buonaparte vit encore» [1]). На это офицеры отвѣчали съ новымъ взрывомъ хохота: «Diable! Voilà une énorme parenté! Mais qu'est ce que la France à faire avec toute cette famille là? Il n'y a que le premier consul qui nous intéresse, parcequ'il est chef du gouvernement et parce qu'à la tête de nos armées il a recueilli de la gloire pour elles et pour lui même» [2]). Уже въ слѣдующемъ, 1804 году, французамъ пришлось убѣдиться въ томъ, что имъ надо интересоваться этимъ семействомъ, которому назначено было, нѣсколько времени спустя, быть увѣнчану коронами Испаніи, Неаполя, Голландіи и Вестфаліи, а также и въ томъ, что первый консулъ домогается, чтобы черезъ десятокъ лѣтъ семейство его заняло первое мѣсто въ средѣ самодержавныхъ государей Европы.

Въ одно воскресное утро я сдѣлалъ визитъ командующему французскими войсками, генералу Мортье, впослѣдствіи герцогу Тревизскому. Въ одной изъ пріемныхъ комнатъ ходилъ взадъ и впередъ адъютантъ, довольно отталкивающей наружности, которому я сообщилъ мое желаніе—видѣть генерала; но, взглянувъ вскользь на мой черный фракъ, онъ, не переставая прохаживаться, небрежно отвѣтилъ мнѣ, что я могу явиться въ другой часъ. Однако, находившійся въ комнатѣ ливрейный лакей по-нѣмецки попросилъ меня обождать, пока онъ доложитъ обо мнѣ генералу, который въ это время пошелъ осматривать конюшню. Вскорѣ затѣмъ пришелъ и самъ генералъ и своею любезностью загладилъ невѣжливость адъютанта; въ тотъ же день онъ пригласилъ меня къ себѣ

---

[1]) Хорошо, господа, знайте же, что это старшая сестра перваго консула, что она называется Элиза Бонапартъ, и что она вышла замужъ за господина Феликса Бачіокн, итальянца; что у перваго консула есть еще двѣ сестры: Каролина и Полина, и четыре брата: Іосифъ, Луціанъ, Людовикъ и Іеронимъ, и что мать нхъ, Летиція Бонапартъ, еще жива.

[2]) Чортъ побери, вотъ огромное родство! Но какое дѣло Франціи до всего этого семейсгва? Насъ интересуетъ только первый консулъ, такъ какъ онъ стоитъ во главѣ правленія и, предводительствуя нашею арміею, стяжалъ ей и себѣ славу.

*

обѣдать. Я спросилъ генерала, дозволено ли мнѣ, какъ иностранцу, посмотрѣть на большой воскресный парадъ, имѣющій быть въ это утро? Съ французскою вѣжливостью онъ отвѣтилъ мнѣ: «Nous serons flattés, monsieur, de vous voir au nombre des spectateurs»[1]). Въ парадѣ принимали участіе войска всѣхъ оружій; но движенія ограничились лишь дефилированіемъ мимо генерала послѣ того, какъ онъ, въ сопровожденіи многочисленнаго штаба, проѣхалъ вдоль линіи войскъ. При этомъ парадѣ достойнѣе всего вниманія было отсутствіе всего мелочнаго и машинальнаго, чтὸ во многихъ другихъ арміяхъ какъ бы составляетъ сущность военнаго дѣла; однако, отсутствіе этого во французской арміи не помѣшало ей въ стольких сраженіяхъ стяжать себѣ лавры побѣды. Я подмѣтилъ при этомъ, какъ многіе изъ присутствовавшихъ прусскихъ, брауншвейгскихъ и гессенскихъ офицеровъ, съ какимъ-то состраданіемъ, смотрѣли на эту безъискусственность французскаго парада и движенія войскъ, такъ какъ сами они были до того проникнуты внѣшнею, матеріальною и механическою стороною своей службы, что не могли постичь того духа, который оживлялъ французскія войска.

По окончаніи обѣда, на которомъ присутствовало человѣкъ шестьдесятъ, общество перешло въ гостиную; здѣсь генералъ, ставъ у камина, пригласилъ меня занять подлѣ себя мѣсто и вступилъ со мною въ длинный разговоръ о политикѣ, безъ сомнѣнія потому, что изъ бумагъ моихъ зналъ, что я былъ секретаремъ въ кабинетѣ иностранной переписки шведскаго короля. Онъ старался оправдать вторженіе въ Ганноверъ французовъ и его оккупацію, представивъ ихъ, какъ неизбѣжное слѣдствіе нарушенія Аміенскаго мира. Приписывая Англіи это нарушеніе мира, превозносилъ мирныя склонности Бонапарта, и, въ пылу своего старанія доказать это, нечаянно высказалъ, что главною причиною негодованія перваго консула противъ Англіи было то, что тамъ безнаказанно писалось, рисовалось и издавалось множество пасквилей противъ его дѣйствій и его особы.—«Il est vrai», сказалъ онъ, «que le premier consul ne peut pas compter une longue suite d'illustres ayeux; mais il s'est illustré

---

[1]) Мы будемъ очень польщены, милостивый государь, имѣть васъ въ числѣ нашихъ зрителей.

lui même, et il se trouve à la tête du gouvernement d'un grand État et doit par ces motifs prétendre aux égards d'une nation qui venait de conclure la paix avec lui. Malgré cette paix, que le premier consul de son côté a voulu rendre stable pour le repos du monde, l'état de guerre a continué toujours de la part de l'Angleterre par toutes ces infâmes publications contre le chef de gouvernement de la France. Si chez nous on aurait osé, pendant la paix, attaquer ainsi le roi d'Angleterre et le gouvernement anglais, le premier consul aurait puni avec la dernière sévérité les auteurs, imprimeurs et distributeurs de pareilles horreurs et aurait fait briser les presses, d'où elles avaient émanées»[1]). Я отвѣчалъ на это: «Permettez moi, mon général, de vous faire l'observation que ce, qui eut été possible à cet égard au premier consul, aurait été hors du pouvoir du ministère britanique, car l'Angleterre est un pays libre, qui jouit d'une liberté presque illimitée de la presse, dont comme tout le monde sait, on n'abuse que trop contre les ministres anglais eux mêmes. En apprenant un tel usage de la puissance consulaire en France, les anglais auraient dit, que la liberté dans ce pays eut cedé la place au despoatisme». — «Ah! les anglais ne croient pas, que nous sommes libres, que lorsqu'ils voient les rues de Paris ruisseler de sang humain». — «Pardonnez, mon général, c'était alors qu'ils regardaient les français comme étant courbés sous le joug du despotisme le plus affreux. Mais pour revenir à l'objet de la plainte du premier consul, il lui restait toujours le moyen de faire traduire devant les tribunaux de leur pays les auteurs qui l'avaient offensé, afin de les faire juger et

---

[1]) Правда, что первый консулъ не можетъ похвалиться длиннымъ родомъ знаменитыхъ предковъ; но онъ самъ пріобрѣлъ себѣ знаменитость; стоитъ во главѣ правленія великой державы и, вслѣдствіе всего этого, долженъ требовать уваженія отъ націи, которая только-что заключила съ нимъ миръ. Между тѣмъ, несмотря на этотъ миръ, котораго первый консулъ съ своей стороны желалъ, для спокойствія всего міра, сдѣлать прочнымъ, враждебныя дѣйствія со стороны Англіи продолжались черезъ выпускъ въ свѣтъ всѣхъ этихъ оскорбительныхъ пасквилей и памфлетовъ противъ главы правленія Франціи. Еслибы у насъ во время мира осмѣлились оскорбить короля англійскаго и правительство этой страны подобнымъ образомъ, то первый консулъ съ примѣрною строгостью наказалъ бы издателей и распространителей подобныхъ гнусностей, и велѣлъ бы уничтожить типографіи, гдѣ печатали эти пасквили.

punir d'après les lois»[1]). [Пельтье[2]) тогда уже, вслѣдствіе ноты французскаго посланника въ Лондонѣ, былъ привлеченъ къ суду за одинъ изъ номеровъ своей газезы «Ambigu»; но эта жалоба возбудила всеобщее къ нему участіе, и были открыты подписки для сбора той суммы штрафа, къ которой онъ могъ быть приговоренъ]. — На это генералъ отвѣтилъ съ раздраженіемъ: «Ce n'est qu'une farce scandaleuse! La nation anglaise a bien manifesté dans cette occasion sa haine invétérée contre la France; mais la France est puissante et pourra bien la faire repentir de sa conduite»[3]). — Я закончилъ разговоръ нашъ, сказавъ: «Je ne suis pas appellé à plaider pour l'Angleterre; elle a abusé de sa force maritime pour faire du mal à la Suède, en enlevant ses vaisseaux de commerce et même les vaisseaux de guerre qui les protégaient; mais elle vient tout nouvellement de réparer cette injustice en rendant ce qu'elle avait pris, de sorte que pour le moment nous n'avons aucun sujet de plainte contre elle»[4]). Это мнѣніе, повидимому, не понравилось генералу, который, разумѣется, желалъ, чтобы число враговъ Англіи

---

[1]) Позвольте, генералъ, замѣтить вамъ, что то, что́ было бы возможно, въ такомъ случаѣ, первому консулу, совершенно невозможно для англійскаго правительства, потому что Англія страна свободная, пользующаяся почти неограниченной свободой прессы, чѣмъ, какъ вамъ извѣстно, не рѣдко слишкомъ злоупотребляютъ даже противъ самихъ англійскихъ министровъ. Узнавъ о такомъ употребленіи власти первымъ консуломъ Франціи, англичане сказали бы, что въ странѣ этой свобода замѣнилась деспотизмомъ.—О, англичане только тогда признаютъ насъ свободными, когда по улицамъ Парижа потекутъ,потоки крови.—Извините, генералъ, тогда они считали французовъ подъ гнетомъ самаго страшнаго деспотизма. Но возвратимся къ предмету неудовольствія перваго консула: развѣ онъ всегда имѣлъ полную возможность привлечь къ суду ихъ страны авторовъ оскорбившихъ его, чтобы они были судимы и наказаны по законамъ.

[2]) Французскій эмигрантъ, жившій въ Англіи и писавшій противъ Наполеона I. Замѣт. изд.

[3]) Это не что иное, какъ скандальный фарсъ! Англійская нація проявила въ этомъ случаѣ свою закоренѣлую ненависть противъ Франціи; но Франція могущественна и можетъ заставить ее раскаяться въ такомъ поведеніи.

[4]) Я не чувствую призванія быть защитникомъ Англіи; она во зло употребила могуществомъ своихъ морскихъ силъ, чтобы причинить вредъ Швеціи, захвативъ ея купеческія суда и даже охранявшіе ихъ военные корабли, но она недавно исправила эту несправедливость, возвративъ Швеціи взятое ею, такъ что въ настоящее время у насъ нѣтъ ни малѣйшаго повода къ жалобѣ на нее.

не уменьшалось. Между тѣмъ, когда я уходилъ въ театръ, вмѣстѣ съ комендантомъ, любезно предложившимъ мѣсто въ своей ложѣ мнѣ и прибывшему въ этотъ день изъ Парижа генералу, повидимому, очень дурно воспитанному, генералъ Мортье просилъ меня вечеромъ возвратиться къ нему на балъ. Нѣмецкій спектакль былъ крайне плохъ, а разговоръ обоихъ генераловъ въ ложѣ отвратителенъ, и такъ и отзывался казармою. Когда я возвратился къ генералу Мортье, то засталъ тамъ до сотни молодыхъ офицеровъ и только тѣхъ пятерыхъ дамъ, которыя были на обѣдѣ, а именно: жену генерала Мортье, одну близкую ея знакомую, красавицу генеральшу Дюлолуа и генеральшу Бертье, жену Леопольда Бертье; онъ былъ непріятная личность, а она, какъ слышно было, имѣла дурную репутацію еще до своего замужества. Кромѣ этихъ дамъ-француженокъ, тамъ была еще ганноверская дама, мужъ которой былъ назначенъ мѣстнымъ управленіемъ состоять при иностранномъ генералитетѣ, для наблюденія по дѣламъ реквизиціи. Встрѣтясь съ генераломъ Мортье въ большой залѣ, я выразилъ ему мое удивленіе отсутствію дамъ на балу.—«Ce n'est pas notre faute», отвѣчалъ онъ, «nous avons depuis notre arrivée ici employé tous nos efforts pour captiver la bienveillance des dames de la ville et du pays; mais tous nos soins ont été infructueux. Ces dames restent enfermées chez elles, ne veulent pas communiquer avec nous et n'acceptent pas nos invitations. Il a fallu s'accoutumer à s'amuser sans elles»[1]). Я нашелъ это поведеніе ганноверскихъ дамъ, противъ враговъ ихъ короля, достойнымъ уваженія, хотя и не счелъ нужнымъ высказывать свое мнѣніе объ этомъ. Когда я замѣтилъ, что домъ, занимаемый генераломъ, удобно устроенъ, и выразилъ изумленіе, что въ салонѣ, гдѣ мы находились, висѣли два портрета во весь ростъ англійскаго короля Георга III и его супруги, то генералъ сообщилъ мнѣ, что занимаемый имъ домъ есть частная собственность герцога Кембриджскаго; что тотъ купилъ его у торговца лошадьми и затѣмъ

[1]) Это не по нашей винѣ, съ самаго нашего прибытія сюда, мы употребляли всѣ старанія, чтобы заслужить благосклонность дамъ этого города и страны; но всѣ наши старанія остались тщетными. Эти дамы сидятъ дома взаперти, не хотятъ имѣть съ нами никакихъ сношеній и не принимаютъ нашихъ приглашеній. Надо было привыкнуть веселиться безъ нихъ.

привелъ его въ настоящій видъ; что герцогъ, при вступленіи въ Ганноверъ французской арміи, уѣзжая въ Англію, оставилъ домъ вполнѣ меблированнымъ и при немъ нѣмецкую свою прислугу и поручилъ предложить его для жительства генералу, командующему французскими войсками. Мортье, знавшій, что въ Ганноверѣ есть древній курфюрстскій дворецъ, намѣревался помѣститься въ немъ и послалъ впередъ приказаніе, чтобы дворецъ былъ предоставленъ въ его распоряженіе; но, при въѣздѣ въ городъ, онъ былъ встрѣченъ депутаціей, которая сообщила ему, что дворецъ этотъ занятъ подъ архивы и нѣкоторыя присутственныя мѣста, и что въ немъ очень неудобно жить; тогда какъ домъ герцога Кембриджскаго, предложенный владѣльцемъ для помѣщенія командующаго войсками,--въ полномъ порядкѣ для принятія его. Затѣмъ генералъ прибавилъ: «Je fus très sensible à cette marque de confiance de la part du prince, et je la mériterai par le soin que je prendrai qu'il n'y manque rien lorsque je la quitte, pas même pour la valeur d'une épingle. Cependant il faut avouer que je fus en peu mécontent lorsque j'entrais dans ce salon, et que j'ai apperçus deux grandes espaces vides sur les murailles, couvertes d'une étoffe verte. Je crus que ces places avaient été occupées par des glaces, qu'on avait craint de nous laisser; mais on m'expliqua enfin, avec quelque embarras que c'étaient ces deux portraits là qu'on avait ôté, s'imaginant que dans les circonstances actuelles il ne convenait pas qu'ils restassent. J'ordonnais tout de suite de les replacer, déclarant que nous ne faisons pas la guerre à des portraits et je ne voulais rien déranger dans la maison du fils du roi d'Angleterre»[1]). Это соображеніе вызвало во мнѣ

---

[1]) Я былъ очень тронутъ этимъ доказательствомъ довѣрія ко мнѣ со стороны герцога, и я оправдаю это довѣріе, заботясь о томъ, чтобы въ домѣ, когда я его оставлю, все было въ цѣлости, до малѣйшей бездѣлицы, не имѣющей даже цѣны булавки. Между тѣмъ, надо сознаться, что я былъ не совсѣмъ доволенъ, когда, войдя въ эту залу, увидѣлъ на стѣнѣ два большихъ пустыхъ мѣста, завѣшанныхъ зеленою матеріею. Я подумалъ, что мѣста эти занимали зеркала, и что побоялись оставить ихъ намъ; но мнѣ, наконецъ, съ нѣкоторымъ смущеніемъ объяснили, что мѣста эти занимали два портрета, которые сняли, полагая, что, при настоящихъ обстоятельствахъ, было бы неумѣстно оставить ихъ тамъ. Я тотчасъ же приказалъ вновь ихъ повѣсить, объявивъ, что мы ведемъ войну не противъ портретовъ, и что я не хочу измѣнять что бы то ни было въ домѣ сына англійскаго короля.

большое уваженіе къ образу мыслей французскаго генерала. Балъ затѣмъ начался и долго продолжался такимъ образомъ, что молодые офицеры танцовали другъ съ другомъ.

Гамбургское купечество было очень озабочено близкимъ сосѣдствомъ французской арміи и опасалось, что его сословію тяжело придется почувствовать это сосѣдство. Эти опасенія оправдались во время моего пребыванія тамъ. Такъ какъ курфюршество Ганноверское, обремененное долгами еще съ Семилѣтней войны, не въ состояніи было выполнить возлагаемыхъ на него контрибуцій, а ограниченные его доходы истощались постоянными реквизиціями, для содержанія и обмундированія расположенныхъ тамъ войскъ, то пришлось искать другихъ источниковъ, для пополненія необходимыхъ средствъ. Поэтому Бонапартъ рѣшилъ въ городахъ Гамбургѣ, Любекѣ и Бременѣ сдѣлать заемъ, на имя курфюршества; заемъ этотъ, разумѣется, не могъ быть инымъ, какъ принудительнымъ, и только страхъ передъ французскимъ оружіемъ могъ принудить эти города дать требуемыя деньги. Упомянутый выше, генералъ Леопольдъ Бертье, котораго я видѣлъ въ Ганноверѣ, былъ посланъ изъ Парижа съ порученіемъ—уладить этотъ заемъ. Онъ, въ сопровожденіи своей жены, прибылъ въ Гамбургъ, въ бытность мою тамъ, и былъ именно подходящій человѣкъ для исполненія такого непріятнаго порученія. Тотчасъ по пріѣздѣ туда, онъ потребовалъ, чтобы сенатъ былъ созванъ, и передалъ ему возложенное на него дѣло въ такой формѣ, что о долгомъ разсужденіи не могло быть и рѣчи. Онъ назначилъ цифру долженствующаго быть займа, а равно и какая изъ него часть должна пасть на долю Гамбурга; уплату остальныхъ частей займа пришлось почувствовать городамъ Любеку и Бремену. Напрасны были возраженія гамбургцевъ, что денегъ не имѣется; онъ настаивалъ на томъ, что ихъ можно взять изъ банка; ему пытались разъяснить, что у банка нѣтъ собственныхъ фондовъ; но въ этомъ его нельзя было увѣрить, и онъ окончилъ тѣмъ, что потребовалъ, чтобы на другой день ему данъ былъ категорическій отвѣтъ, и далъ понять, что если требованіе не будетъ немедленно и добровольно исполнено, то городъ займутъ французскими войсками,—величайшее изъ золъ, могущее постигнуть этотъ городъ. Эта угроза не замедлила имѣть желанное дѣйствіе.

Приведенный въ ужасъ сенатъ подчинился насилію и обязался въ опредѣленное непродолжительное время представить требуемую значительную сумму денегъ, что̀ и было на слѣдующій день сообщено прибывшему генералу, въ засѣданіи сената. Достигнувъ такимъ образомъ цѣли возложеннаго на него порученія, онъ имѣлъ еще безстыдство напомнить, что его сопровождаетъ его жена, и что есть обычай, чтобы, при сдѣлкахъ подобнаго рода съ французскими генералами, женамъ ихъ подносили денежный подарокъ pour leurs épingles (!), соотвѣтствующій чину ихъ мужа. Гамбургскому сенату пришлось уступить и этому требованію и избавиться отъ алчнаго посланца подаркомъ его женѣ, сколько припомню, въ 8.000 гамбургскихъ рейхсталеровъ. Получивъ эти деньги, Бертье уѣхалъ въ Любекъ и Бременъ для такой же операціи.

Время это было богато примѣрами такого грабительства. Прусскій министръ-резидентъ въ Гамбургѣ однажды при мнѣ разсказывалъ шведскому резиденту, Пейрону, о слѣдующемъ случаѣ. Депутатъ отъ города Бремена, жившій въ Парижѣ, для охраненія выгодъ своего города, при происходившемъ тогда дѣлѣ о вознагражденіи и секуляризаціи въ Германіи, бразды котораго Франція держала въ своихъ рукахъ, былъ, однажды, приглашенъ къ Талейрану, который спросилъ его, не хочетъ ли ужь городъ его стать въ независимое положеніе и не считаетъ ли онъ для себя ненужнымъ покровительство Франціи. Депутатъ, испуганный такимъ вопросомъ, отвѣчалъ, что онъ, въ сущности, за тѣмъ и посланъ своимъ городомъ, чтобы просить для него покровительства Франціи, и прибавилъ, что не можетъ понять, почему могло возникнуть высказанное имъ подозрѣніе. Это весьма понятно, сказалъ Талейранъ. Всѣ князья и государства Германіи, которые при настоящихъ обстоятельствахъ ищутъ покровительства и защиты Франціи, въ доказательство своего дружелюбнаго образа мыслей, являлись уже съ бо̀льшими или меньшими приношеніями къ г-жѣ Грандъ (Grand), (любовницѣ Талейрана, а впослѣдствіи его женѣ), а она сообщила мнѣ, что и слуху не было о городѣ Бременѣ. Бременецъ, крайне изумленный этимъ беззастѣнчивымъ требованіемъ, отвѣчалъ, что ему не было извѣстно это обстоятельство, что онъ на такого рода случай не получилъ инструкцій отъ своихъ довѣрителей; но что немед-

ленно напишетъ въ свой городъ и попроситъ указанія относительно этого. На это Талейранъ сухо отвѣтилъ, что онъ можетъ дѣлать какія ему угодно проволочки; но что черезъ четыре дня онъ представитъ первому консулу свой докладъ о Германіи, который касается и интересовъ города Бремена, но что рѣшенное тогда останется безповоротнымъ; затѣмъ Талейранъ отпустилъ его. Брменецъ хорошо понялъ значеніе сказаннаго ему, поспѣшилъ удалиться, чтобы на свой страхъ занять значительную сумму денегъ, и на слѣдующее утро отнесъ эти деньги г-жѣ Грандъ, у которой велѣлъ доложить о себѣ, какъ о депутатѣ города Бремена. Онъ сейчасъ же былъ принятъ, засталъ у нея много посѣтителей, запинаясь, изъяснилъ ей цѣль своего прихода и получилъ въ отвѣтъ:— «C'est bien, monsieur, mettez cela sur la table» [1]), послѣ чего онъ сейчасъ же удалился. Весь этотъ разсказъ былъ переданъ бременскимъ депутатомъ прусскому министру-резиденту въ письмѣ, отосланномъ со знакомцемъ. Письмо это было прочитано министру-резиденту Пейрону и мнѣ.

Я нѣкоторое время прожилъ въ Копенгагенѣ; баронъ Оксеншерна былъ тогда тамъ министромъ-резидентомъ, а баронъ Таубе повѣреннымъ въ дѣлахъ. Послѣдній былъ женатъ на одной изъ красивѣйшихъ женщинъ въ Даніи, Муссенкрона, опекуномъ которой былъ повѣренный отъ министерства юстиціи, норвежецъ Кольбіернсенъ. Этотъ юристъ былъ однимъ изъ способнѣйшихъ и заслуженнѣйшихъ людей Даніи. На большомъ обѣдѣ у барона Таубе, я былъ ему представленъ, и онъ въ высшей степени доброжелательно отнесся ко мнѣ. Къ столу онъ повелъ хозяйку дома, но, оставивъ между собою и ею свободное мѣсто, пригласилъ меня его занять. Избравши уже себѣ мѣсто на нижнемъ концѣ стола, я отказывался исполнить его желаніе, но наконецъ долженъ былъ уступить единодушному настоянію хозяйки, хозяина и Кольбіернсена. Когда я занялъ указанное мнѣ мѣсто, то сказалъ сему послѣднему: «Несчастія, постигшія меня въ Швеціи, девять лѣтъ тому назадъ, 23-го сентября и 8-го октября 1794 года, вѣроятно не вполнѣ здѣсь извѣстны, если мнѣ здѣсь оказывается такой большой

---

[1]) Хорошо, милостивый государь, положите это на столъ.

почетъ». Онъ отвѣчалъ: «Напротивъ, они вполнѣ извѣстны, и вотъ «именно поэтому-то мы и хотимъ теперь выразить предъ вами наше полное порицаніе виновникамъ недостойнаго дѣйствія, которому вы под«верглись. Весь вашъ процессъ имѣется въ переплетѣ въ моей библіо«текѣ, и я съ величайшимъ вниманіемъ его изучалъ. Законовѣдѣніе «всегда было любимою моею наукою и полагаю, что я хорошо «знаю законы Швеціи; и при всемъ томъ я никакъ не могу постичь, «какъ въ вашемъ дѣлѣ такъ могли злоупотребить законами для удо«влетворенія частной мести. Вы пали жертвой самаго искаженнаго «примѣненія закона, и гофгерихтъ Швеціи опозорилъ себя этимъ «дѣломъ». Прошу извиненія, отвѣчалъ я, шведскому гофгерихту трудно было произнести другой приговоръ, не поставивъ себя въ нѣкоторомъ родѣ въ враждебныя отношенія къ правительству, явившемуся въ качествѣ обвинителя и съ самаго начала подведшему взводимое на меня преступленіе къ категоріи преступленій по государственной измѣнѣ. Что же иное послѣ этого могли сдѣлать находящіеся въ подчиненіи судьи? только одно — примѣнить уложеніе о наказаніяхъ за такого рода преступленія. Судьи, по моему мнѣнію, болѣе всего погрѣшившіе противъ совѣсти и справедливости, суть члены верховнаго суда, которые позволили увлечь себя, или подкупить для того, чтобы, исполнивъ волю правительствующихъ лицъ, усилить наказаніе, а не смягчить его, какъ слѣдовало того ожидать отъ высшаго судебнаго мѣста. «Это замѣчаніе», сказалъ Кольбіернсенъ,—«вполнѣ справедливо; но все же не уничтожаетъ «утверждаемаго мною, что все это судебное дѣло, отъ начала до «конца, въ глазахъ законовѣда есть не что иное, какъ верхъ без«образія». Затѣмъ онъ вошелъ во многія подробности процесса, причемъ высказалъ полное съ нимъ знакомство. Сознаюсь, что это сужденіе о моемъ дѣлѣ почтеннаго и свѣдущаго юриста доставило мнѣ несказанное удовольствіе и не малое удовлетвореніе за постигшія меня невзгоды.

Пребываніе Густава IV Адольфа въ Баденѣ.—Ожесточеніе короля противъ Наполеона.—Генералъ Армфельтъ.—Коалиція 1805 года.

По отъѣздѣ моемъ изъ Вѣны, генералъ Армфельтъ уѣхалъ оттуда въ Карлсруэ, чтобы явиться къ королю, пожелавшему

его видѣть. Потомъ онъ съ его величествомъ поѣхалъ въ Мюнхенъ и другіе германскіе города и затѣмъ возвратился въ Вѣну. Король, къ несчастію, остался весь слѣдующій 1804 годъ въ Карлсруэ, и справедливо можно признать это его долгое пребываніе въ Германіи, —съ іюля мѣсяца 1803 года до начала 1805 года, когда онъ возвратился въ Швецію,—за одну изъ главныхъ причинъ тѣхъ многихъ ошибокъ, опрометчивыхъ дѣйствій и неразумныхъ распоряженій, которыя впослѣдствіи подготовили его паденіе; отсутствіе его изъ Швеціи случилось въ эпоху, столь богатую событіями, которыя, въ виду его нрава и его преувеличенныхъ понятій о своей власти и своихъ обязанностяхъ, неминуемо должны были воспламенить его страсти, привести къ заблужденіямъ и отклонить отъ истиннаго пути въ то именно время, когда Бонапартъ, нарушая народное право, оскорбляя приличіе и забывая человѣколюбіе, среди мира, въ чужомъ государствѣ, велѣлъ вооруженною рукою схватить и увезти въ Парижъ герцога Энгіенскаго, который тотчасъ по прибытіи туда былъ преданъ военному суду и разстрѣлянъ. Насиліе— возбудившее всеобщее отвращеніе противъ виновника его не только всей Европы, но и всѣхъ благомыслящихъ людей въ самой Франціи, и которое и въ грядущіе вѣка будетъ лежать неизгладимымъ пятномъ на памяти Бонапарта. Естественно, что это страшное злодѣяніе должно было произвести на Густава-Адольфа тѣмъ сильнѣйшее впечатлѣніе, что захватъ принца произошелъ почти на его глазахъ, и въ той мѣстности Германіи, гдѣ король тогда находился. Нельзя въ этомъ случаѣ порицать его чувствъ—какъ человѣка; но открыто высказывать ихъ ему все же слѣдовало воздержаться, въ виду того, что онъ былъ король государства, не имѣвшаго силъ дать вѣсъ его энергично высказываемому негодованію и его протесту противъ этого насилія на германскомъ рейхстагѣ въ Регенсбургѣ. Угроза, безъ силы привести ее въ исполненіе, становится смѣшна. Австрія и Пруссія, а равно и менѣе сильныя государства германскаго союза остались нѣмыми зрителями происшествія, совершившагося въ Этенгеймѣ. Если русскій императоръ, чрезъ присланную этому рейхстагу ноту, и выразилъ свое неудовольствіе противъ перваго консула Франціи, за самоволіе, то герцогъ померанскій, чтобы не подвергать королевства своего—Швеціи, опас-

ности, и слѣдуя примѣру многихъ другихъ государствъ, могъ бы воздержаться отъ высказыванія своихъ чувствъ. Но онъ громогласно выражалъ ихъ. Полковникъ Тавастъ былъ посланъ въ Парижъ, чтобы требовать освобожденія принца; но прибылъ слишкомъ поздно и не былъ принятъ Бонапартомъ. Затѣмъ шведская миссія въ Парижѣ была отозвана, сношенія съ французскимъ правительствомъ были совершенно прерваны, и негодованіе короля противъ Франціи усилилось, вслѣдствіе оскорбительныхъ статей, печатавшихся о немъ во французской оффиціальной газетѣ «Монитеръ». Это негодованіе достигло своего зенита, когда Бонапартъ объявилъ себя императоромъ, вызвавъ въ Парижъ папу, для совершенія надъ нимъ обряда коронованія. Старый маркграфъ Баденскій, владѣнія котораго лежали открытыми для Франціи, уже достаточно доказавшей, что она не уважаетъ правъ собственности другихъ, и глава которой охотно злоупотреблялъ своею силой, ужасаясь тѣхъ непріятныхъ послѣдствій, которыя могли возникнуть для него лично и для его народа—отъ пребыванія шведскаго короля въ Баденѣ, далъ ему замѣтить, что желаетъ его отъѣзда оттуда, но желаніе это долго оставалось безъ дѣйствія. Когда же король наконецъ рѣшился уѣхать, то избралъ возвратный путь въ Швецію чрезъ Стральзундъ и, отплывъ оттуда съ семействомъ своимъ на двухъ яхтахъ, чуть не погибъ отъ бури въ Балтійскомъ морѣ, такъ что вынужденъ былъ отъ шведскаго берега вернуться въ Стральзундъ, и затѣмъ, какъ полагали, не безъ опасности быть захваченнымъ переодѣтыми офицерами французской арміи въ Ганноверѣ, сухимъ путемъ поѣхать чрезъ Мекленбургъ, Голштинію и Данію въ Гельсингборгъ.

Когда печальное извѣстіе о захватѣ и убійствѣ герцога Энгіенскаго получено было въ Вѣнѣ, то оно тамъ, какъ и повсюду, вызвало очень непріязненное чувство къ Бонапарту. Французскій посланникъ Шампаньи, самъ крайне огорченный этимъ дѣйствіемъ Бонапарта, однажды рано утромъ пришелъ къ генералу Армфельту, уже извѣщенному о захватѣ герцога, и, не скрывая своей глубокой скорби объ этомъ возмутительномъ происшествіи, умолялъ Армфельта всѣмъ, что́ для него свято, и изъ любви его къ отечеству, воздержаться отъ всякаго сужденія объ этомъ несчастномъ дѣлѣ; а также просилъ его постараться успокоить раздраженіе короля и

употребить все свое вліяніе къ предупрежденію дѣйствій, могущихъ навлечь бѣдствія на Швецію. Баронъ Армфельтъ отвѣтилъ, что относительно касающагося короля онъ готовъ исполнить желаніе посланника; но что самъ онъ не въ состояніи подавить ужаса, возбужденнаго поступкомъ перваго консула, и не можетъ удержаться не обнаруживать его въ разговорахъ съ другими, и что онъ вполнѣ убѣжденъ, что всякій благомыслящій человѣкъ непремѣнно раздѣляетъ его воззрѣнія.

Во время проѣзда моего черезъ Германію, я посылалъ королю много донесеній о состояніи тамъ умовъ и былъ извѣщенъ первымъ секретаремъ его величества, барономъ Лагербіельке, что они приняты благосклонно и одобрены; хотя, сколько помню, въ одномъ изъ нихъ мною высказано убѣжденіе, что для Швеціи было большимъ несчастіемъ, что Карлъ XII имѣлъ такой полный успѣхъ въ первомъ своемъ сраженіи съ русскими, при битвѣ подъ Нарвою, такъ какъ онъ черезъ то почувствовалъ пренебреженіе къ своимъ противникамъ, что̀ наконецъ имѣло гибельныя послѣдствія для него самого и для государства. Изъ того, что баронъ Лагербіельке вмѣстѣ съ этимъ сообщилъ мнѣ, видно было, что король изъявилъ желаніе, чрезъ улучшеніе моего положенія, существеннымъ образомъ вознаградить меня за претерпѣнныя мною несчастія. Поэтому, въ бытность свою въ Карлсруэ, онъ вознамѣрился назначить меня на вакантное тогда мѣсто генеральнаго консула въ Гельсингэрѣ, о чемъ одновременно должно было быть сдѣлано представленіе отъ начальника канцеляріи и отъ коммерцъ-коллегіи; мнѣ же вмѣстѣ съ тѣмъ приказано было подать объ этомъ прошеніе. Не безъ сожалѣнія и неохотно исполнилъ я это приказаніе, хотя почтенный начальникъ канцеляріи—Эренгеймъ, бывшій долгое время резидентомъ въ Даніи, и поздравлялъ меня съ полученіемъ такого выгоднаго мѣста, доходы котораго мнѣ самому хорошо были извѣстны. Но чтобы, какъ слѣдуетъ, ими пользоваться, мнѣ прежде всего надо было быть тѣмъ, чѣмъ я никогда не былъ и не могъ сдѣлаться, а именно торгашемъ. Мнѣ въ высшей степени противно было вступить на поприще, на которомъ, по обязанностямъ службы и для матеріальнаго обезпеченія себя, постоянно пришлось бы имѣть сношенія съ купечествомъ, даже отчасти быть въ нѣкото-

рой отъ него зависимости; тогда какъ правила ихъ и стремленія не согласовались съ моими воззрѣніями, такъ какъ у меня не было ни малѣйшей склонности къ торговымъ спекуляціямъ и своекорыстнымъ разсчетамъ. Этого моего образа мыслей я не счелъ нужнымъ скрывать въ перепискѣ моей съ барономъ Лагербіельке. Какъ находящійся въ отставкѣ, я не могъ быть включенъ въ списокъ кандидатовъ, представленныхъ на эту должность, о чемъ былъ извѣщенъ какъ правителемъ канцеляріи, такъ равно и государственнымъ совѣтникомъ, барономъ Лиліекранцемъ, занимавшимъ тогда должность предсѣдателя коммерцъ-коллегіи; но это ни мало не мѣшало дѣлу, такъ какъ оба они знали, что я уже назначенъ королемъ. Тревоги мои по поводу этого назначенія уже разсѣялись вслѣдствіе письма, посланнаго мнѣ изъ Гёнкепинга барономъ Лагербіельке, во время возвратнаго пути изъ Германіи, въ которомъ баронъ сообщалъ мнѣ, что король, въ бытность свою въ Гельсингэрѣ, уступая неотступнымъ просьбамъ припавшей къ ногамъ его вдовы покойнаго генеральнаго консула Глоерфельта и ходатайству объ ней генерала Толля, а также узнавъ о моемъ нерасположеніи къ этого рода службѣ, назначилъ на это мѣсто сына покойнаго Глоерфельта; но съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ мнѣ, какъ прежде назначенному на эту должность, уплатилъ 4.000 рейхсталеровъ, послѣ чего только ему выдана будетъ грамота на должность. Молодой человѣкъ былъ очень счастливъ такимъ оборотомъ дѣла, да и мнѣ не менѣе пріятно было, что все такъ устроилось. Чтобы покончить дѣло со мною, Глоерфельтъ поспѣшилъ въ Стокгольмъ, а я предоставилъ ему полную свободу относительно времени платежа. Онъ немедленно уплатилъ мнѣ, подъ мою росписку, 2.000 рейхсталеровъ и выдалъ мнѣ долговое обязательство на остальную сумму, долженствующую быть имъ уплаченной въ три года.

Взявъ отпускъ, генералъ Армфельтъ, лѣтомъ 1805 года, оставилъ свой постъ министра-резидента въ Вѣнѣ, чтобы поѣхать въ Померанію къ королю. Его отсутствіемъ воспользовалась французская партія при австрійскомъ дворѣ, чтобы чрезъ министерство просить короля объ его отозваніи, въ виду того, что Армфельтъ, по своему образу мыслей, во многихъ отношеніяхъ неудобенъ. Сообщая объ этомъ Армфельту, король былъ очень смущенъ и видимо оза-

боченъ этимъ требованіемъ, сдѣланнымъ отъ имени германскаго императора. Выслушавъ сообщеніе короля, генералъ отвѣчалъ, что послѣ такого шага со стороны вѣнскаго кабинета онъ уже не можетъ принести королю какую бы то ни было пользу, занимая постъ, съ котораго его желаютъ удалить. Причина же, почему требуютъ его удаленія, очень хорошо ему извѣстна; она заключается въ личной къ нему непріязни графа Кобенцеля и въ желаніи графа какъ можно долѣе оставаться въ милости у Бонапарта, у котораго генералъ былъ на дурномъ счету. Поэтому генералъ Армфельтъ просилъ короля отозвать его, предоставивъ ему право вернуться въ Вѣну, чтобы онъ могъ добиться личной прощальной аудіенціи у императора. Этого король сперва не хотѣлъ допустить, изъ опасенія, что Армфельтъ какимъ-нибудь образомъ могъ быть компрометированъ; но наконецъ все же уступилъ его настоятельнымъ просьбамъ. Армфельтъ поѣхалъ съ возможною поспѣшностью и какъ бомба влетѣлъ въ Вѣну, гдѣ его противники уже не ожидали его увидѣть. Тамъ онъ чрезъ многочисленныхъ своихъ друзей, особенно между дамами, узналъ всѣ подробности затѣянной противъ него интриги; но такъ какъ ему хорошо извѣстны были люди, съ которыми онъ имѣлъ дѣло, то онъ зналъ, какъ ему дѣйствовать, чтобы въ главныхъ основаніяхъ разстроить интригу. Онъ явился къ графу Коллоредо, самому вліятельному изъ министровъ, и сказалъ ему, что «чрезъ связи свои въ Вѣнѣ, онъ вполнѣ узналъ, какіе лживые навѣты употреблены были для того, чтобы склонить императора просить объ его отозваніи, и что сверхъ того его императорскому величеству совершенно не извѣстно, въ какой формѣ это сдѣлано; что воспользовались его отъѣздомъ, чтобы сдѣлать то, чего не посмѣли бы сдѣлать, не будь онъ въ отсутствіи; что графъ Кобенцель, устроившій все это, хотѣлъ чрезъ то разомъ выразить свою покорность Бонапарту, удовлетворить личному своему неудовольствію противъ него, лишить его возможности откланяться императору, но что онъ теперь вернулся за тѣмъ, чтобы просить о формальной прощальной аудіенціи, и что если ему будетъ въ этомъ отказано, если такимъ образомъ переполнятъ мѣру неприличнаго обращенія съ нимъ, и если, какъ онъ слышалъ, намѣрены лишить его подобающаго ему отличія,—быть награждену портретомъ императора, который онъ, безъ

всякихъ возраженій, готовъ принять даже вдѣланнымъ въ деревянную табакерку и безъ алмазовъ: то онъ твердо намѣренъ огласить во всей Европѣ объ этой продѣлкѣ и поводахъ къ ней, потому что, несмотря на все болѣе и болѣе усиливающуюся власть Бонапарта, есть еще на континентѣ, а особенно въ Англіи, типографіи, не подчиняющіяся его власти, при посредствѣ которыхъ можно огласить истину». Отъ этой угрозы графъ Коллоредо пришелъ въ ужасъ, просилъ генерала успокоиться, осудилъ дѣйствія графа Кобенцеля и обѣщалъ генералу, что всѣ его желанія будутъ исполнены. Графъ получилъ аудіенцію у императора, былъ милостиво и внимательно имъ принятъ, и не упустилъ этого случая облегчить свою душу, сообщивъ императору не только обо всѣхъ противъ него интригахъ, но и высказавъ ему свой взглядъ на характеръ австрійскаго министерства вообще, и получилъ, какъ прощальный подарокъ, табакерку съ портретомъ императора. Положеніе Армфельта при этомъ дворѣ было въ высшей степени необыкновенно и своеобразно. Не будучи въ состояніи при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ удержать своего языка, или воздержаться отъ остраго словца, онъ былъ истиннымъ мучителемъ австрійскихъ министровъ, слабость малодушіе и узкіе взгляды которыхъ онъ никогда не щадилъ и говорилъ о нихъ даже въ большихъ обществахъ. Армфельтъ былъ извѣстенъ своею враждою къ Бонапарту, а потому былъ очень неудобенъ для министра, дрожавшаго при одномъ имени этого завоевателя. Эпиграммы Армфельта повторялись во всѣхъ обществахъ. Слѣдующая быстро разнеслась повсюду. Французскій фрегатъ, преслѣдуемый въ Адріатическомъ морѣ англійскимъ, искалъ спасенія въ Тріестѣ, подъ защитой его батарей, нисколько не подозрѣвая, что можетъ подвергнуться опасности въ этой нейтральной гавани. Между тѣмъ онъ былъ тамъ атакованъ англійскимъ фрегатомъ, взятъ въ плѣнъ и, несмотря на протестъ тамошняго австрійскаго коменданта, уведенъ. Комендантъ послалъ въ Вѣну курьера съ донесеніемъ объ этомъ случаѣ, который, понятно, произвелъ тамъ не малую тревогу. За большимъ обѣдомъ, на которомъ присутствовалъ и Армфельтъ, много распространялись объ этомъ вопіющемъ нарушеніи нейтральныхъ и территоріальныхъ правъ Австріи. Наконецъ кто-то обратился къ генералу Армфельту

съ вопросомъ:—Général, quel parti croyez-vous que le cabinet de Vienne va prendre dans cette occasion?—Ma foi, je l'ignore,—отвѣчалъ онъ,—mais j'en ferai la demande à l'ambassadeur de France dés que je le trouve [1]).

Однако, несмотря на столько справедливыхъ поводовъ къ неудовольствію на него, Армфельтъ все же пользовался большимъ почетомъ при Вѣнскомъ дворѣ. На большихъ вечерахъ у графа Кобенцеля, куда онъ зачастую являлся небрежно одѣтымъ, и подъ часъ даже небритымъ, онъ былъ предметомъ особеннаго вниманія какъ со стороны самого хозяина дома, такъ равно и со стороны его сестры, исполнявшей, за отсутствіемъ графини Кобенцель, въ домѣ брата роль хозяйки. Нунцій папы, испанскій посланникъ, въ особенности же французскій—Шампаньи, а также и большинство членовъ дипломатическаго корпуса были въ дружескихъ съ нимъ отношеніяхъ. Между дамами онъ имѣлъ большую партію и былъ большимъ любимцемъ въ ихъ кругу. Императорская фамилія была къ нему очень внимательна. Императрица отъ матери своей, королевы Неаполитанской, унаслѣдовала очень хорошее мнѣніе о немъ, а императоръ любилъ остроту его разговоровъ. Однажды вечеромъ, въ Лаксенбургѣ, послѣ карусели, устроенной офицерами полка герцога Альберта Саксенъ-Тешенскаго, во дворцѣ давался итальянскій спектакль. Войдя въ маленькую театральную залу, въ которой не было ложъ, баронъ Армфельтъ и мы, пришедшіе вмѣстѣ съ нимъ, заняли мѣсто на отдаленной скамейкѣ, а онъ у самой стѣны. Въ первомъ антрактѣ императоръ всталъ, прошелъ по проходу къ скамейкѣ, на которой тотъ сидѣлъ, и поманилъ его къ себѣ, чтобы поговорить съ нимъ; а когда занавѣсъ опять поднялся, взялъ его за руку и, приведя къ первому ряду скамеекъ, гдѣ сидѣли его министры, указалъ ему мѣсто позади своего кресла. Не думаю, что министры были очень довольны оказаннымъ ему императоромъ вниманіемъ.

Турецкій посланникъ, ѣдущій въ Парижъ черезъ Вѣну, долженъ былъ въ Вѣнѣ остановиться въ отелѣ французскаго послан-

[1]) Какъ вы думаете, генералъ, что въ данномъ случаѣ сдѣлаетъ Вѣнскій кабинетъ?—Клянусь честью, не знаю; но я спрошу объ этомъ французскаго посланника, лишь только увижусь съ нимъ.

ника. Баронъ Армфельтъ случайно сказалъ, что ему очень любопытно было бы взглянуть на этого восточнаго человѣка. Это желаніе Армфельта господинъ Шампаньи запомнилъ, и когда турокъ прибылъ въ Вѣну, то посланникъ далъ ему и его свитѣ обѣдъ на дачѣ, нанятой имъ на лѣто близъ Шёнбруна, и къ обѣду этому пригласилъ генерала Армфельта и гостившихъ у него шведовъ. Между тѣмъ на этотъ обѣдъ, кромѣ турецкаго посланника, приглашены только были графъ Кобенцель и его сестра. Это было одно изъ многихъ вниманій, оказываемыхъ французскимъ посланникомъ барону Армфельту и его соотечественникамъ.

Этотъ посланникъ (Шампаньи) вскорѣ послѣ этого былъ назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, вслѣдствіе чего ему пришлось утвердить своею подписью множество оффиціальныхъ защитительныхъ статей, для оправданія все болѣе и болѣе возраставшей заносчивости Бонапарта и его дерзкихъ посягательствъ на самостоятельность тѣхъ европейскихъ державъ, которыя онъ могъ одолѣть. Эти статьи, переполненныя софизмами и носящія на себѣ печать крайней безсовѣстности, изумляли Европу и запятнали имя министра, отъ имени котораго они обнародывались.

Австрія, кровавыя раны которой еще не зажили послѣ несчастныхъ битвъ съ Франціей, ничего столько не желала, какъ сохраненія мира. Ея долготерпѣніе и уступчивость носили на себѣ печать слабости и безсилія. Она не осмѣлилась, слѣдуя примѣру Россіи и Швеціи, энергично протестовать противъ нарушенія территоріальныхъ правъ Германіи, при захватѣ принца Энгіенскаго. Долго и терпѣливо переносила она потомъ разныя другія оскорбленія. Но когда насилія Бонапарта стали все болѣе и болѣе проявляться, когда условія Люневильскаго мирнаго трактата были имъ попраны ногами, когда, совершенно вопреки этому трактату, цизальпинская республика была превращена въ королевство, корону котораго онъ возложилъ на свою голову; когда онъ покорилъ Геную и Парму, возвелъ сестру свою Элизу въ принцессы Піомбино, а мужа ея Бачіоки въ принцы Луккскіе, то Австрія долѣе не могла уже не уступить уговорамъ Россіи и Англіи, изъ которыхъ первая, находившаяся уже въ явномъ разрывѣ съ Франціей, обѣщала помощь присылкою значительной арміи, а вторая—деньгами. Поэтому вѣнскій кабинетъ

сдѣлалъ всевозможныя усилія, чтобы двинуть большую армію въ Италію, подъ предводительствомъ эрцгерцога Карла, и сосредоточить въ Германіи 80.000 корпусъ, подъ командою генерала Мака. Но эта новая война доставила только властелину Франціи и Италіи случай доказать свои выдающіяся стратегическія способности и свою безпримѣрную дѣятельность.

Воспользовавшись громадными средствами, которыми онъ располагалъ при настоящей своей власти, Бонапартъ быстро двинулъ свои въ Булонѣ собранныя войска къ Дунаю; изъ центра Франціи велѣлъ на почтовыхъ привезти другой отрядъ войскъ къ Рейну и съ такою точностью составилъ обширный операціонный планъ своихъ военныхъ дѣйствій, что чрезъ нѣсколько недѣль австрійская армія при Ульмѣ была разбита и взята въ плѣнъ; дорога въ Вѣну для него открыта, столица эта занята, и сраженіе при Аустерлицѣ въ Моравіи выиграно имъ надъ соединенной русско-австрійской арміей, послѣдствіемъ чего было то, что германскій императоръ былъ вынужденъ просить о перемиріи; русская армія возвратилась въ свое отечество, а въ декабрѣ 1805 года заключенъ былъ Пресбургскій миръ, черезъ который всѣ захваты Бонапарта въ Италіи были признаны державами, венеціанскія владѣнія присоединены къ Итальянскому королевству, Тироль и часть австрійскихъ владѣній въ Швабіи присоединены къ Баваріи, другая ихъ часть—къ Виртембергу, а третья, со включеніемъ Бризгау,—къ Бадену. Курфюрстъ Баварскій и Виртембергскій признаны королями, и они, а также и курфюрстъ Баденскій, объявлены совершенно независимыми правителями подвластныхъ имъ владѣній.

Такой изумительный результатъ войны, черезъ который Австрія лишилась слишкомъ 1.000 квадратныхъ миль своихъ владѣній и трехъ милліоновъ подданныхъ, былъ, безъ сомнѣнія, главнымъ образомъ достигнутъ изъ ряда выходящимъ военнымъ геніемъ Бонапарта; но все же нельзя не признать, что счастье самымъ необыкновеннымъ образомъ благопріятствовало его замысламъ. Не малой, конечно, для него выгодой было и то, что командованіе австрійской арміей въ Германіи ввѣрено было генералу Маку, выказавшему своими распоряженіями полнѣйшее незнаніе относительно движенія своего противника; онъ допу-

стилъ обойти себя самымъ непростительнымъ образомъ съ фланга и окружить, а затѣмъ въ рѣшительную минуту не только не дѣйствовалъ съ надлежащею смѣлостью и сообразительностью, но выказалъ даже какую-то растерянность, что приписывали болѣзненному состоянію, въ которомъ онъ тогда находился.

Осуществленію стратегическихъ плановъ Бонапарта не мало способствовали неблагоразуміе Австріи допустить, чтобы армія Мака двинулась такъ далеко, не дождавшись прибытія русской, а также нерѣшительность Пруссіи съ оружіемъ въ рукахъ отомстить за нарушеніе ея нейтралитета: проходомъ части французской арміи, подъ командою Бернадота, чрезъ прусскія провинціи Анспахъ и Байрейтъ — нерѣшительность, за которую Пруссіи въ слѣдующемъ году дорого пришлось поплатиться. Успѣху Бонапарта въ этой кампаніи не мало содѣйствовало и то, что императоръ Александръ I, первый разъ лично командовавшій своею арміею, поддавшись невѣрному взгляду окружающихъ его, допустилъ склонить себя напасть на французскую армію раньше прибытія уже вблизи находящихся подкрѣпленій. Но величайшимъ его счастьемъ неоспоримо было то, что германскій императоръ немедленно послѣ Аустерлицкаго сраженія просилъ перемирія, на которое Бонапартъ, зная рискованность своего положенія, охотно согласился, потому что, хотя онъ и вышелъ побѣдителемъ изъ этой кровавой битвы, ему все же угрожали большія опасности. Всѣ его военные снаряды были израсходованы, хлѣба для войскъ не было, его магазины и запасы находились въ Вѣнѣ; къ этому городу съ 80.000-ой арміей, форсированнымъ маршемъ, изъ Италіи приближался эрцгерцогъ Карлъ, оттѣснивъ при Кальдьеро Массену. Венгерская армія могла съ нимъ соединиться, ожидаемыя подкрѣпленія изъ Россіи могли прибыть и пополнить потери, нанесенныя русской арміей въ Аустерлицкомъ сраженіи; а Пруссія, армія которой была снаряжена и вполнѣ готова къ бою, рѣшившись немедленно дѣйствовать, могла съ тыла напасть на французовъ и преградить имъ единственный къ отступленію путь черезъ Богемскія горы, такъ какъ, по занятіи эрцгерцогомъ Карломъ Вѣны, путь черезъ этотъ городъ былъ бы имъ отрѣзанъ. Съ принятіемъ перемирія, всѣ эти опасности были устранены. Вслѣдствіе

условій этого перемирія, эрцгерцогъ долженъ былъ, по полученіи о немъ извѣстія, остановиться на томъ мѣстѣ, гдѣ тогда находился, т. е. въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Вѣны. Русская армія послѣ этого возвратилась въ свое отечество, несмотря на то, что на слѣдующій послѣ сраженія день къ ней прибыло подкрѣпленіе въ 12.000 человѣкъ, подъ командою генерала Эссена. Пруссія же была вынуждена чрезъ своего кабинетъ-министра Гаугвица, посланнаго къ Бонапарту съ предложеніями, несогласіе на которыя могло бы повести къ войнѣ, принести поздравленіе побѣдителю и заключить съ нимъ унизительный для нея трактатъ, по которому она уступила княжество Анспахъ Баваріи, а Клеве и Невшатель отдала въ распоряженіе Франціи, и за то получила въ даръ отъ нея всѣ германскія владѣнія англійскаго короля. Могущество Бонапарта такимъ образомъ еще болѣе утвердилось. Декретомъ, даннымъ въ Шёнбрунѣ, Бонапартъ объявилъ, что тесть германскаго императора Франца, король Неаполитанскій, со всѣмъ своимъ потомствомъ, устраняется отъ престола. Для приведенія въ исполненіе этого декрета, послана была французская армія, при которой находился Іосифъ Бонапартъ, возведенный нѣсколько мѣсяцевъ спустя въ короли обѣихъ Сицилій.

Послѣ капитуляціи при Ульмѣ, вслѣдствіе которой австрійская армія въ 25.000 человѣкъ попала въ плѣнъ къ французамъ, высокомѣріе Бонапарта вполнѣ проявилось. Въ то время, какъ войска эти, 20-го октября, дефилировали мимо него къ тому мѣсту, гдѣ складывалось оружіе и начинался ихъ плѣнъ, Бонапартъ, обратясь къ окружающему его австрійскому генералитету, сказалъ тономъ, явно показывающимъ его всѣмъ пренебрегающее высокомѣріе: «Совѣтую брату моему, германскому императору, поторопиться заключить миръ. Наступилъ моментъ, въ который слѣдуетъ вспомнить, что существованію всякаго государства есть предѣлъ. Мысль, что господству Лотарингскаго дома теперь приближается конецъ, конечно, должна его ужасать. Не знаю, зачѣмъ меня втянули въ настоящую войну; я не ищу пріобрѣтеній на континентѣ; мнѣ нужны только военные корабли, колоніи и торговля».

Исторія должна тщательно сохранить память о знаменитомъ стеченіи событій въ это время, ясно доказывавшемъ, какъ Прови-

дѣніе слагаетъ событія, чтобы смирить кичливую гордость людей и доказать непостоянство счастья. На слѣдующій день послѣ того, какъ Бонапартъ велъ такія рѣчи, произошло морское сраженіе при Трафальгарѣ, въ которомъ соединенный французско-испанскій флотъ, состоявшій изъ 33-хъ линейныхъ кораблей, былъ на-голову разбитъ англійской эскадрой, подъ командой адмирала Нельсона и имѣвшей всего 27 кораблей; причемъ 19 линейныхъ кораблей соединеннаго флота были тогда же взяты въ плѣнъ, или разбиты; а 4 корабля, которымъ удалось спастись отъ Нельсона, были чрезъ нѣсколько дней взяты въ плѣнъ англійскимъ адмираломъ Страканомъ. Французскій адмиралъ Вильневъ былъ взятъ въ плѣнъ, а испанскій Гравина ушелъ въ Кадиксъ съ остатками этого многочисленнаго флота, — десятью очень пострадавшими кораблями. Такъ сбылись надежды Бонапарта, возлагаемыя на эти громадныя морскія силы для пріобрѣтенія кораблей, колоній и торговли. Первые достались въ руки непріятеля, или были уничтожены имъ, и надежда достигнуть черезъ нихъ остальнаго исчезла. Но такъ такъ этотъ завоеватель лишился чрезъ то возможности, достигнуть владычества на морѣ, то рѣшилъ сдѣлаться полновластнымъ властителемъ на континентѣ.

Самовластныя дѣйствія Наполеона въ Германіи въ 1806 году.—Война Пруссіи съ Наполеономъ. — Тильзитскій миръ. — Неблагоразумная политика Густава IV Адольфа.—Сближеніе между герцогомъ Карломъ и Армфельтомъ. — Разговоръ Эренстрема съ герцогомъ Карломъ.

Слѣдующій 1806 г. ознаменовался новыми домогательствами Бонапарта расширить свое владычество. Въ Италіи онъ властвовалъ неограниченно, занялъ испанскими войсками основанное имъ государство Этрурію, или Тоскану, завладѣлъ Ливорно, чтобы не допускать тамъ англійской торговли, всячески придирался къ папѣ Пію VII, вѣнчавшему его на царство: завладѣлъ Чевита-Веккіей, наложилъ на германскій вольный городъ, Франкфуртъ-на-Майнѣ, контрибуцію въ четыре милліона, которая взыскивалась при помощи французскихъ войскъ. И когда она была взыскана, то онъ подарилъ этотъ городъ съ

его владѣніями Дальбергу. Затѣмъ Бонапартъ переименовалъ Голландскую республику въ королевство и брата своего Людовика возвелъ на голландскій престолъ. Пасынка своего Богарне женилъ на принцессѣ Баварской Августѣ. Племянницу супруги своей Жозефины, Стефанію Богарне, выдалъ замужъ за кронпринца Баденскаго, а младшаго своего брата Іеронима, хотя тотъ и былъ уже женатъ въ Сѣверной Америкѣ на дѣвицѣ Патерсонъ, намѣревался женить на принцессѣ Виртембергской. Въ раболѣпіи своего сената онъ не только находилъ опору своему могуществу во Франціи, но оно служило еще оправданіемъ его злоупотребленія властію. Въ началѣ этого года французскій сенатъ поднесъ ему титулъ «великаго,», что однако не помѣшало тому же сенату девять лѣтъ спустя объявить его лишеннымъ всякаго права на французскую императорскую корону, чрезъ что вся его необъятная власть, для достиженія и поддержанія которой совершено было столько насилій и впредь еще должно было быть совершено, пролито столько потоковъ человѣческой крови и еще должно было пролиться,—разомъ была уничтожена.

Пруссіи въ этомъ году пришлось пожать горькіе плоды за двуличіе, малодушіе и своекорыстіе политики, которой она придерживалась въ теченіе столькихъ лѣтъ, и особенно послѣ начала французской революціи, и чрезъ которую она навлекла на себя подозрѣніе и неудовольствіе Европы. Она должна была получить возмездіе за свое тѣсное сближеніе съ Франціей, за свое молчаніе при захватахъ Бонапарта, которымъ она содѣйствовала уничтоженію самостоятельности столькихъ государствъ, особенно въ родственной Германіи, за ея безуміе въ предъидущемъ 1805-мъ году не присоединиться честно и смѣло къ Россіи, Австріи и Англіи, чтобы совокупно поставить преграду захватамъ Бонапарта. Правда, она протестовала противъ нарушенія ея нейтралитета, стянула свои войска и приняла угрожающее положеніе; но зато, послѣ битвы при Аустерлицѣ, она поспѣшила вложить мечъ въ ножны, привести свою армію на мирное положеніе, между тѣмъ какъ Бонапартъ оставался вооруженнымъ въ сердцѣ Германіи, и допустила склонить себя заключить новый трактатъ съ Франціей, что помогло цѣли Бонапарта—обезславить Пруссію, которой онъ

по мстительности своей никакъ не могъ простить обнаруженнаго ею желанія—воспользоваться обстоятельствами, еслибы военное счастье измѣнило ему въ войнѣ съ Россіей и Австріей. Поэтому надо было принудить прусскаго короля взять себѣ Ганноверъ, въ вознагражденіе за тѣ земли, которыя были имъ уступлены Бонапарту; черезъ чтò король неминуемо долженъ былъ стать въ враждебныя отношенія къ Англіи, которая немедленно и блокировала всѣ прусскія гавани, овладѣла ея кораблями, въ числѣ около 400-тъ, и уничтожила ея морскую торговлю. Послѣ того, какъ Пруссія такимъ образомъ была скомпрометтирована въ отношеніи къ Великобританіи, Швеціи и Россіи, Бонапартъ уже считалъ излишнимъ долѣе сохранять какое бы то ни было приличіе въ своихъ дѣйствіяхъ противъ этой державы. Онъ постоянно доказывалъ это новыми оскорбленіями. Не ожидая соблюденія формальностей трактата, по нѣкоторымъ пунктамъ относившихся до уступленныхъ земель, онъ велѣлъ въ пользу Баваріи занять 40.000 арміею Анспахъ, Байрейтъ, передалъ герцогства Клеве и Бергъ зятю своему Мюрату, назначивъ его герцогомъ ихъ, и далъ княжество Невшательское, съ титуломъ князя, генералу Бертье; но съ условіемъ, чтобы оба они были вассалами Франціи. Не спрашивая согласія Пруссіи, онъ соединилъ южныя государства Германіи въ зависящій отъ него союзъ, который назвалъ Рейнскимъ союзомъ, и объявилъ себя протекторомъ этого союза. Вскорѣ затѣмъ на германскомъ рейхстагѣ въ Регенсбургѣ, онъ заявилъ, что не признаетъ больше Германской имперіи, вслѣдствіе чего императоръ Францъ былъ вынужденъ отказаться отъ германской короны. Попыткѣ прусскаго короля составить въ сѣверной Германіи союзъ, могущій быть противовѣсомъ Рейнскому, противодѣйствовали, и она осталась безуспѣшной. Между тѣмъ Бонапартъ дѣйствовалъ въ Германіи столь же самовластно, какъ и во Франціи, и наводилъ страхъ и ужасъ, сковывающій всѣ умы. Всякаго, заподозрѣннаго имъ въ томъ, что онъ не одобряетъ его дѣйствій, подвергали преслѣдованіямъ. Книгопродавецъ Пальмъ, за продажу нѣмецкихъ книгъ, противныхъ интересамъ Франціи, былъ арестованъ, отданъ подъ слѣдствіе французской военной коммиссіи, приговоренъ къ смерти и разстрѣлянъ. Вся Германія пришла въ ужасъ отъ этого убійства;

но въ тѣхъ земляхъ, гдѣ расположены были французскія войска, приходилось тщательно скрывать свои чувства. Въ Пруссіи, напротивъ, явно высказывали свое негодованіе. Нація чувствовала себя глубоко огорченной своимъ униженіемъ и громогласно требовала войны, какъ единственнаго средства спасти оскорбленную честь. Правительство долго колебалось, но колебаніе это не улучшило положенія дѣлъ. Всѣ приготовленія къ войнѣ были ошибочны и не полны. Армія была уже не та, что во время **Фридриха** II; долгій миръ невыгодно отразился на ея духѣ; начальствующія лица были или слишкомъ стары, или очень неопытны. Скоро также обнаружилось, что недостаетъ согласія въ рѣшеніяхъ, единства въ дѣйствіяхъ и энергіи въ исполненіи; продовольственная ихъ часть была запущена и велась до непозволительности небрежно. Зато вся кампанія и окончилась однимъ сраженіемъ. 14-го октября прусская армія не только была на-голову разбита въ сраженіи при Іенѣ, но съ этихъ поръ начался для нея длинный рядъ несчастій, слѣдующихъ одно за другимъ, которыя отдали тогда всю прусскую монархію въ руки побѣдителя и заставили прусскаго короля искать убѣжища въ городѣ Мемелѣ, находящемся въ самой восточной части государства, вблизи русской границы. Прусскія крѣпости: Шпандау, Штетинъ, Кюстринъ и даже Магдебургъ, въ которомъ было болѣе 20.000 гарнизона, чрезъ трусость своихъ комендантовъ, одна за другой достались, почти безъ правильной осады, въ руки непріятеля. Современники, свидѣтели этихъ неожиданныхъ катастрофъ, не могли понять, какъ такая сильная военная держава могла такъ внезапно придти къ столь полному упадку, и страхъ прэдъ непобѣдимостью Бонапарта все болѣе и болѣе увеличивался и уничтожалъ всякую надежду избѣгнуть тяжести его желѣзнаго ига. До начала войны Пруссія, хотя и поздно, заключила съ Англіей миръ, а передъ тѣмъ подписала трактатъ съ Россіей, вслѣдствіе котораго могла разсчитывать на военную помощь этой державы. Но едва русская армія успѣла прибыть въ Польшу, какъ уже получено было извѣстіе о несчастномъ исходѣ битвы при Іенѣ, почему ей и пришлось отступить, чтобы приблизиться къ своимъ подкрѣпленіямъ. Французская армія послѣдовала за нею, и Бонапартъ въ Берлинѣ издалъ свой знаменитый декретъ, уничтожающій всякую

морскую торговлю. Имъ Англія была объявлена находящеюся въ блокадѣ, и воспрещалось всякое сношеніе съ этимъ государствомъ, подъ страхомъ строгаго наказанія за неисполненіе повелѣнія. Затѣмъ, вызвавъ своими прокламаціями возстаніе въ Польшѣ, которое хотѣлъ употребить, какъ средство повредить своимъ врагамъ, но не какъ средство для возстановленія несчастной Польши, Бонапартъ уѣхалъ къ своей арміи съ цѣлію подвергнуть русскихъ той же участи, которая постигла Пруссію... [1]).

При Фридландѣ, 14-го іюня, русскіе утромъ считали себя побѣдителями, но вечеромъ, до полуночи, подверглись такому сильному нападенію, что, потерявъ отъ 13 до 14.000 человѣкъ убитыми, были вынуждены отступить, хотя и въ полномъ порядкѣ, къ Тильзиту и Нѣману. Первымъ послѣдствіемъ этого отступленія было паденіе Кенигсберга со всѣми его запасами, а вторымъ—и самымъ чувствительнымъ, необходимость, вслѣдствіе неблагопріятнаго исхода сраженія при Фридландѣ, заключить Тильзитскій миръ, чрезъ чтó, какъ казалось, самостоятельность Европы была безвозвратно потеряна.

Этому злосчастному миру предшествовало четырехнедѣльное перемиріе между русскою и французскою арміями и четыре дня послѣ него—перемиріе между Пруссіей и Франціей. Іюня 13 (25) произошло первое свиданіе императора Александра I съ Бонапартомъ, а на слѣдующій день—сего послѣдняго съ прусскимъ королемъ, въ присутствіи русскаго императора. Іюля 5-го красавица-королева прусская пріѣхала въ главную квартиру Бонапарта, непримиримаго врага своего и Пруссіи, и имѣла съ нимъ продолжительный разговоръ, но не могла поколебать желѣзной воли Бонапарта. Онъ твердо рѣшилъ страшно отомстить Пруссіи и на всегда уничтожить ея могущество. Въ мирномъ договорѣ съ Россіей значилось, что онъ, лишь изъ уваженія къ русскому императору, согласенъ возвратить часть завоеванныхъ имъ прусскихъ земель; всѣ же прусскія владѣнія въ Польшѣ должны были отойти отъ нея; но не для возстановленія Польши, какъ воображали поляки, столь усердно служив-

[1]) Здѣсь авторъ дѣлаетъ краткій очеркъ событій войны 1806–1807 годовъ, который мы упускаемъ. Ред.

шіе Бонапарту въ эту войну, но чтобы образовать герцогство Варшавское, которое потомъ отдано было королю Саксонскому. Бѣлостокъ же, съ 100.000 населенія, подаренъ былъ русскому императору. Данцигъ объявленъ былъ вольнымъ городомъ, и къ нему приписаны земли. Герцогамъ Саксенъ-Кобургскому, Мекленбургскому и Ольденбургскому возвращены были ихъ владѣнія, но въ портовые города послѣдняго посланы были французскіе гарнизоны, которые должны были оставаться тамъ до заключенія мира Франціи съ Англіей. Бонапартъ согласился на предложеніе императора Александра I принять на себя посредничество для примиренія обѣихъ послѣднихъ державъ, подъ условіемъ, чтобы Англія согласилась на миръ не позже, какъ черезъ мѣсяцъ по подписаніи Тильзитскаго мира. Александръ I призналъ братьевъ Бонапарта: Іосифа — королемъ Неаполитанскимъ, Лудовика—королемъ Голландскимъ, Іеронима—королемъ Вестфальскимъ, послѣднее же королевство было создано изъ земель, уступленныхъ Пруссіей на лѣвомъ берегу рѣки Эльбы, и изъ другихъ захваченныхъ Бонапартомъ земель. Былъ также признанъ и Рейнскій союзъ въ томъ видѣ, какъ онъ тогда существовалъ, а равно могущія впослѣдствіи произойти въ немъ измѣненія. Ратификаціи этого мира уже 9-го іюля были обмѣнены. Въ этотъ же день заключенъ былъ и позорный для Пруссіи миръ, чрезъ который она потеряла половину своихъ владѣній и пять милліоновъ подданныхъ. Тильзитскій миръ сдѣлалъ Бонапарта еще могущественнѣе и непобѣдимѣе, чѣмъ прежде. Французы, въ восторгѣ отъ успѣховъ своей арміи на сѣверѣ, забывали о тѣхъ жертвахъ, которыя они понесли отъ двухъ конскрипцій, каждая въ 80.000 человѣкъ, и тѣ, которые понимали эти жертвы, не смѣли заявлять о нихъ. Свобода печати уже не существовала во Франціи, и шпіоны самовластнаго властелина распространены были во всѣхъ ея предѣлахъ и вторгались даже въ семейную жизнь частныхъ людей. Раболѣпный сенатъ являлся только съ ѳиміамомъ къ кичливому деспоту, который поддавался даже самой грубой лести и съ удовольствіемъ позволялъ безстыднымъ льстецамъ называть себя провидѣніемъ вселенной.

Въ Россіи Тильзитскій миръ былъ въ высшей степени не популяренъ и весьма поколебалъ и уменьшилъ уваженіе истинныхъ па-

тріотовъ къ императору Александру I. Во многихъ мѣстностяхъ Германіи находили, что Пруссія понесла только справедливое наказаніе за свою многолѣтнюю, на личныхъ лишь выгодахъ даннаго момента основанную, политику, чрезъ которую общее отечественное благо Германіи было принесено къ жертву; но прусскій народъ, столь много пострадавшій, чести и благосостоянію котораго нанесено было такое жестокое оскорбленіе, дышалъ только местью, и чувство это, подавляемое теперь силою обстоятельствъ, шесть лѣтъ спустя вспыхнуло съ такою силою, что стало однимъ изъ главныхъ двигателей для сверженія ненавистнаго ига Бонапарта.

Въ вышеизложенномъ короткомъ перечнѣ великихъ событій того времени я не упомянулъ объ участіи, принятомъ въ нихъ Швеціей. Я какъ можно долѣе старался избѣгать изображать картину всего неразумія, всѣхъ необдуманныхъ дѣйствій, всей безсвязности плановъ, непоколебимаго упорства въ рѣшеніяхъ и совершеннаго непониманія своихъ силъ и средствъ Швеціи, которыми отличались дѣйствія шведскаго короля въ это время. Если черезъ отсылку прусскому королю знаковъ ордена Чернаго Орла, послѣ того какъ орденъ этотъ пожалованъ былъ убійцѣ герцога Энгіенскаго, король, съ одной стороны, проявилъ рыцарскій духъ, не могущій стерпѣть сотоварищества съ узурпаторомъ французскаго престола, съ человѣкомъ, запятнавшимъ себя такимъ преступленіемъ, какъ это убійство, и если онъ, какъ и случилось дѣйствительно, чрезъ этотъ смѣлый поступокъ пріобрѣлъ уваженіе всѣхъ враговъ Бонапарта, то, съ другой стороны, шведскому королю все же слѣдовало размыслить о той громадной разницѣ, которая существовала между его силами и силами тѣхъ лицъ, которыхъ онъ этимъ хотѣлъ унизить. Какъ бы въ сущности чувства его ни были справедливы, ему все же слѣдовало подавить ихъ, уступая требованіямъ осторожности. Такъ какъ цѣлью короля было, насколько ему возможно, содѣйствовать ограниченію могущества Бонапарта, то онъ тщательно долженъ былъ заботиться о томъ, чтобы быть въ полномъ согласіи съ великими державами, естественными его союзниками въ этомъ дѣлѣ. Но послѣ того, какъ онъ помогъ своему свояку и союзнику, императору россійскому, продажею ему ружей и другаго оружія, онъ не постѣснился отчасти вознаградить себя за эту помощь, само-

вольно конфисковавъ субсидіи, посланныя Россіи Англіею чрезъ его государство.

Затѣмъ когда онъ, вслѣдствіе союза своего съ Англіей, по занятіи Пруссіей Ганновера, объявилъ ей войну, то, не имѣя возможности послать армію для военныхъ дѣйствій противъ этого государства, онъ былъ вынужденъ ограничиться тѣмъ, что блокировалъ прусскіе порты; послѣ этого онъ снова вступилъ въ союзъ съ королемъ прусскимъ, но только такимъ образомъ, что это нисколько не послужило для обоюдной ихъ пользы. Съ Англіей и Даніей онъ тоже вступалъ въ разные споры и пререканія и, будучи характера настойчиваго, не хотѣлъ допустить ни малѣйшей уступки въ своемъ требованіи, если разъ увѣрилъ себя въ томъ, что требованіе это справедливо, между тѣмъ, къ несчастію, взглядъ его нерѣдко былъ ошибоченъ. Послѣ долгихъ споровъ и распрей съ прусскимъ королемъ, затянувшихся и ожесточившихся вслѣдствіе упорства Густава IV Адольфа, шведскимъ войскамъ, наконецъ, дозволено было оставаться въ герцогствѣ Лауенбургскомъ, что̀ было тѣмъ болѣе безполезно, что Англія, для которой это дѣлалось, не желала этого доказательства дружбы къ ней. Когда прусская армія была разбита подъ Іеной и при постоянныхъ потеряхъ отступила къ Эльбѣ и Одеру, то полковнику Маріану, командовавшему небольшимъ отрядомъ шведскихъ войскъ въ Лауенбургѣ, стало невозможно удерживаться тамъ противъ наступающихъ французскихъ войскъ, вслѣдствіе чего ему дано было позволеніе отойти въ Померанію; но позволеніе это прислано было такъ поздно, что отступить пришлось къ морскому берегу, гдѣ отрядъ этотъ, уже посаженный на суда и лишенный возможности защищаться, былъ взятъ въ плѣнъ генераломъ Бернадотомъ, за исключеніемъ его командира, которому удалось спастись.

Всѣ предложенія Франціи объ возстановленіи мира съ Швеціей были съ негодованіемъ отвергнуты. Поэтому Мортье съ 12.000 отрядомъ двинулся къ Стральзунду, который блокировали. Генералъ Армфельтъ командовалъ тогда тамъ войсками, но, несмотря на свое старшинство, подчинялся генералъ-губернатору, барону фонъ-Эссену. Онъ уговорилъ Эссена рѣшиться на вылазку съ двумя отрядами, изъ которыхъ однимъ долженъ былъ командо-

вать генералъ-губернаторъ, а другимъ—генералъ Армфельтъ. Вылазка сдѣлана была 1-го апрѣля 1807 года, въ 50-ти-лѣтіе дня рожденія генерала Армфельта. Мортье въ это время съ большею частію своего отряда ушелъ для осады Кольберга, оставивъ у Стральзунда генерала Гранджана, съ не очень значительными силами. Армфельтъ атаковалъ отрядъ Гранджана, обратилъ его въ бѣгство и вытѣснилъ изъ Помераніи съ потерею плѣнныхъ, магазиновъ и оружія; но начертанный Армфельтомъ планъ дѣйствій не былъ въ точности исполненъ. Генералъ Армфельтъ зашелъ слишкомъ далеко по пути къ Штетину и не былъ поддержанъ генералъ-губернаторомъ. Мортье поспѣшилъ снять осаду Кольберга и, стянувъ всѣ свои силы, 16-го апрѣля напалъ на отрядъ Армфельта, который послѣ двухъ стычекъ вынужденъ былъ отступить. Два дня спустя генералъ-губернаторъ, баронъ фонъ-Эссенъ заключилъ съ генераломъ Мортье десятидневное перемиріе, которое потомъ было продолжено на тридцатидневное. Шведскій главнокомандующій отдалъ французамъ острова Узедомъ и Воллинъ, обязался не посылать подкрѣпленій прусскимъ гарнизонамъ въ Данцигѣ и Кольбергѣ, не дозволять иноземнымъ войскамъ высаживаться въ Помераніи и вообще не оказывать какой бы то ни было помощи врагамъ Франціи. Генералъ Армфельтъ, получившій тяжелыя контузіи въ послѣднихъ стычкахъ, и который притомъ былъ очень недоволенъ бездѣятельностью генералъ-губернатора, 1-го апрѣля сложилъ съ себя командованіе войсками и уѣхалъ въ Стральзундъ.

Вскорѣ затѣмъ король прибылъ изъ Сканіи въ Стральзундъ. Густавъ Адольфъ былъ сперва очень доволенъ храбростью, оказанною Армфельтомъ при вылазкѣ; но потомъ удалось возбудить его неудовольствіе противъ этого генерала за позднѣйшія его дѣйствія, потому Армфельтъ уѣхалъ изъ Германіи и отправился въ Лока, чтобы лѣчиться купаньями. Англійская армія должна была въ это время прибыть въ Померанію, чтобы, въ соединеніи со шведскими войсками и прусскимъ отрядомъ, подъ командою генерала Блюхера, взятаго въ плѣнъ при Любекѣ, но при размѣнѣ плѣнныхъ освобожденнаго за генерала французскаго Виктора,—произвести большую диверсію въ тылу француз-

ской арміи. Король, уже прежде объявившій, что не признаетъ условій тридцатидневнаго перемирія, поспѣшилъ 3-го іюля объявить прекращеніе перемирія, и, два дня спустя, въ Шлатковѣ имѣлъ съ преемникомъ Мортье, генераломъ Брюномъ, оригинальный разговоръ, во время котораго старался склонить этого генерала, обязаннаго революціи своимъ возвышеніемъ, объявить себя и свою армію сторонникомъ Бурбонскаго дома,—шагъ, вызвавшій, и вполнѣ справедливо, всеобщее осужденіе, такъ какъ король имъ компрометтировалъ свое достоинство и долженъ бы былъ предвидѣть, что его старанія останутся безуспѣшными. Между тѣмъ получено было извѣстіе о заключеніи Тильзитскаго мира, вслѣдствіе чего генералъ Блюхеръ чрезъ Узедомъ и Воллинъ возвратился въ прусскую Померанію. Высадившіяся уже на островѣ Рюгенѣ англійскія войска стали готовиться къ отплытію оттуда, и король былъ предоставленъ собственнымъ своимъ силамъ. Тогда французы съ превосходными силами двинулись на шведовъ и принудили ихъ отступить въ Стральзундъ. Въ просимомъ королемъ перемиріи было отказано, съ заявленіемъ, что оно дано будетъ лишь тогда, если крѣпость приметъ французскій гарнизонъ.

И такъ какъ предложеніе это не было принято, то французы стали готовиться къ осадѣ; но раньше, чѣмъ они успѣли довести дѣло до того, чтобы можно было начать обстрѣливаніе крѣпости, король очистилъ Стральзундъ и съ войсками своими отправился на островъ Рюгенъ. Захворавъ, онъ не долго оставался тамъ, но сѣлъ на фрегатъ, чтобы переправиться въ Карлскрону, куда и прибылъ на слѣдующій день. Генералу Толлю поручено было уговориться съ Брюномъ объ эвакуаціи Рюгена, что, вслѣдствіе капитуляціи, заключенной между обоими генералами, немедленно было исполнено. Таковъ былъ исходъ похода въ Германію, предпринятаго съ столь большими надеждами на успѣхъ, повлекшаго къ такимъ значительнымъ расходамъ и не доставившаго не только военной славы, но еще напротивъ того потерю Помераніи.

Во время пребыванія шведской арміи въ Помераніи, и послѣ учрежденія Рейнскаго союза, Густавъ-Адольфъ объявилъ герцогство Померанское независящимъ отъ Германіи, отмѣнилъ существовавшее тамъ законоположеніе и замѣнилъ его шведскимъ, а графа

Путбуса возвелъ въ княжеское достоинство. Въ арміи походъ этотъ вызвалъ не очень-то выгодныя понятія о личной храбрости короля, что крайне вредило ему во мнѣніи народа, высоко цѣнящаго мужество и привыкшаго встрѣчать его въ своихъ короляхъ. Упорствомъ же своимъ и неблагоразумными дѣйствіями король оскорбилъ и раздражилъ своихъ союзниковъ и лишился популярности въ Швеціи чрезъ свою настойчивость продолжать безполезную борьбу, которую онъ, слѣдуя примѣру великихъ державъ, тѣмъ легче могъ прекратить, не роняя своего достоинства, что противникъ его постоянно выказывалъ готовность примириться съ нимъ на выгодныхъ для него условіяхъ. Но Густавъ-Адольфъ разъ навсегда рѣшилъ бороться до послѣдней возможности съ ненавистнымъ ему Бонапартомъ и не хотѣлъ отступиться отъ своего рѣшенія, если бы даже борьба эта стоила ему короны. Безпристрастная исторія, надѣюсь, не поставитъ ему въ упрекъ его личное негодованіе противъ Наполеона Бонапарта, который своими захватами и насиліями, а также нанесенными ему явными обидами далъ Густаву-Адольфу достаточный и справедливый поводъ къ этому. Пришлось же преемникамъ Густава IV Адольфа, нѣсколько лѣтъ спустя, идти по его слѣдамъ въ отношеніи къ Бонапарту, соединиться съ Англіей, Россіей, Пруссіей и Австріей противъ этого узурпатора и этимъ содѣйствовать низверженію его владычества. Но его справедливо можно упрекнуть за его неразсудительность не соображаться съ временемъ и обстоятельствами, за его совершенное незнаніе своихъ силъ, за его, основанныя на слѣпой вѣрѣ къ толкованіямъ Юнга апокалипсиса, сумасбродныя надежды на сверхъестественную помощь, за его опрометчивость, безъ предварительнаго зрѣлаго обсужденія, не посовѣтовавшись съ опытными и разумными людьми, принимать рѣшенія и потомъ съ упорной настойчивостью держаться ихъ до тѣхъ поръ, пока самому ему не вздумается столь же поспѣшно и необдуманно измѣнить ихъ на другія, нерѣдко еще болѣе опасныя, чѣмъ прежнія. Признавая многія его хорошія качества, которыя при другихъ обстоятельствахъ сдѣлали бы его полезнымъ для Швеціи государемъ, его набожность, строгую нравственность, бережливость, справедливость, его благотворительность и строгое исполненіе своихъ обязанностей и пр., все же нельзя не поставить ему въ упрекъ

того, что онъ, въ сношеніяхъ своихъ съ иностранными державами и даже въ отношеніи къ своему народу, ставилъ все лично до него касавшееся выше народныхъ выгодъ и пожертвовалъ ими ради своей гордости. Подвергшись столькимъ несчастіямъ изъ-за преданности моей этому государю, я сильно огорчался, видя, какъ онъ, вслѣдствіе своихъ необдуманныхъ мѣръ, дурно разсчитанныхъ дѣйствій и чрезъ свое нерадѣніе—пріобрѣсти довѣріе своихъ подданныхъ, все болѣе и болѣе лишался ихъ любви, становился предметомъ справедливаго ихъ осужденія и нерѣдко даже ихъ насмѣшекъ, и, какъ казалось, умышленно дѣлалъ все то, что̀ могло повести къ его погибели, столь давно желаемой врагами его отца.

Я въ это время часто видѣлся съ графомъ Угласомъ, который былъ расположенъ ко мнѣ. Хотя въ обществѣ графъ защищалъ всѣ дѣйствія короля, чѣмъ навлекъ на себя большое нерасположеніе, такъ какъ полагали, что онъ присовѣтовалъ и помогалъ исполнять королю всѣ защищаемыя имъ дѣйствія, то наединѣ со мною графъ нерѣдко даже плакалъ, огорченный все болѣе и болѣе опаснымъ и затруднительнымъ положеніемъ, въ которое король, чрезъ свою необдуманность ввергалъ себя. Твердый въ своемъ рѣшеніи—бороться съ Бонапартомъ, но въ дѣйствительности не имѣя на это возможности, король упорно отказывался отъ всѣхъ мирныхъ предложеній, ни мало не принимая въ соображеніе тѣхъ опасностей, которыя чрезъ то угрожали лично ему, его семейству и его государству. Такимъ же образомъ и по той же причинѣ, по которой онъ отослалъ прусскому королю знаки ордена Чернаго Орла, онъ отослалъ русскому императору знаки ордена Андрея Первозваннаго послѣ того, какъ Бонапартъ послѣ Тильзитскаго мира былъ сдѣланъ кавалеромъ этого ордена. Его письмо къ императору объ этомъ предметѣ было отъ 17-го ноября; но онъ тогда еще не зналъ, что Александръ I уже 10-го числа того же мѣсяца предупредилъ его, отославъ ему знаки ордена Серафимовъ, чтобы, какъ онъ выразился, облегчить ожидаемый имъ обмѣнъ этихъ орденовъ. Одинъ изъ самыхъ странныхъ проектовъ, занимавшихъ его въ это время, былъ проектъ разрушить до основанія оперный театръ и заравнять занимаемое имъ мѣсто, въ виду убійства тамъ его отца. Но, быть можетъ, главною цѣлью его было, хотя и испортивъ симметрію пло-

щади Густава-Адольфа и видъ изъ дворца въ эту сторону, устроить болѣе просторный плацъ-парадъ для стокгольмскаго гарнизона. Объ этомъ измѣненіи, при которомъ пришлось бы перемѣстить и статую Густава-Адольфа, король послалъ уже приказаніе изъ Сканіи, причинившее не мало заботъ графу фонъ-Угласу и другимъ высшимъ сановникамъ; но имъ все же удалось оттянуть время исполненія, чрезъ что̀ приказаніе такъ и осталось неисполненнымъ.

Только въ 1807 году, то-есть ровно чрезъ пятнадцать лѣтъ послѣ кончины короля Густава III, герцогъ Карлъ началъ болѣе благосклонно относиться къ Армфельту, столь много пострадавшему во время опекунскаго правленія и такъ жестоко преслѣдовавшемуся герцогомъ. Послѣ вылазки, произведенной изъ Стральзунда 1-го апрѣля этимъ генераломъ противъ французовъ, и успѣха, которымъ она вначалѣ увѣнчалась, герцогъ за обѣдомъ у себя, къ великому удивленію присутствующихъ, съ большою похвалою отозвался о храбрости этого генерала и сказалъ, что Армфельтъ при этомъ случаѣ, а также и во многихъ другихъ случаяхъ въ теченіе послѣдней войны съ Россіей, доказалъ, что онъ доблестный шведъ; что, конечно, онъ имѣлъ причины быть недовольнымъ имъ, но что этотъ послѣдній подвигъ генерала изгладилъ въ умѣ герцога воспоминаніе всѣхъ прежнихъ неудовольствій къ нему и многое т. под. Объ этихъ выгодныхъ отзывахъ, о которыхъ слышавшіе ихъ разсказывали всѣмъ, я сообщилъ барону Армфельту, которому они были подтверждены и графомъ фонъ-Угласомъ. Генералъ поэтому рѣшился въ письмѣ къ герцогу, посланномъ имъ чрезъ графа Угласа, выразить его королевскому высочеству свою глубокую благодарность за изъявленное такимъ образомъ благоволеніе къ нему и свое искреннее удовольствіе за возвращеніе прежней милости. Это мастерски написанное письмо герцогъ съ удовольствіемъ прочиталъ въ пятницу и обѣщалъ на него отвѣтить. Графъ Угласъ предложилъ, чтобы отвѣтъ былъ написанъ въ тотъ же день и переданъ ему съ тѣмъ, чтобы съ почтою, отходящею вечеромъ въ Померанію, послать его по назначенію. Герцогъ отвѣтилъ, что отложитъ это до слѣдующаго почтоваго дня; но графъ Угласъ, опасавшійся, что герцогъ до того времени можетъ измѣнить свое намѣреніе, представилъ ему, ссылаясь на правила масонскаго ордена, что исполненіе хоро-

шаго дѣла не должно быть откладываемо, и такимъ образомъ получилъ обѣщаніе, что письмо будетъ написано въ тотъ же день и прислано ему до 6-ти часовъ вечера. Я въ этотъ день былъ приглашенъ на обѣдъ къ графу Угласу, который передалъ мнѣ свой разговоръ съ герцогомъ и попросилъ меня остаться у него до назначеннаго часа, чтобы видѣть, будетъ ли обѣщаніе исполнено. Въ 6 часовъ явился скороходъ герцога съ запечатаннымъ письмомъ на имя графа и съ небольшимъ, тоже запечатаннымъ, пакетомъ. Въ письмѣ герцогъ писалъ графу, что онъ, вслѣдствіе приведеннаго имъ орденскаго правила, немедленно написалъ отвѣтъ Армфельту и посылаетъ его незапечатаннымъ для того, чтобы графъ до отсылки письма могъ его прочитать; вмѣстѣ съ тѣмъ въ приложенномъ пакетѣ посылаетъ ему свой перстень для запечатанія письма. Письмо герцога было очень любезно и заключало въ себѣ увѣреніе въ забвеніи всего прошлаго. Я поспѣшно снялъ копію съ письма и затѣмъ просилъ, чтобы именно мнѣ, въ виду столь страннаго стеченія обстоятельствъ въ моей жизни, предоставлено было собственнымъ перстнемъ герцога запечатать первое его письмо къ Армфельту, который, какъ и я, подвергся отъ имени его столь жестокому преслѣдованію. Графъ Армфельтъ поспѣшилъ вторымъ письмомъ выразить герцогу свою благодарность за его любезное письмо. Затѣмъ, когда послѣ военныхъ событій 16-го апрѣля, возникли несогласія между генераломъ барономъ Армфельтомъ и генералъ-губернаторомъ барономъ фонъ-Эссеномъ и они стали упрекать другъ друга—одинъ въ излишней осторожности и медленности въ движеніяхъ, а другой въ слишкомъ большой поспѣшности и неосторожности, то герцогъ принялъ сторону Армфельта противъ Эссена, хотя тотъ и находился въ большой милости во время опекунскаго правленія, а теперь пользовался бо̀льшимъ довѣріемъ короля, чѣмъ баронъ Армфельтъ, внезапно впавшій въ немилость.

Послѣ вполнѣ успѣшнаго лѣченія купаніями въ Лока, такъ что Армфельтъ могъ оставить тамъ костыли, съ которыми туда прибылъ, онъ пріѣхалъ въ Стокгольмъ, гдѣ съ такимъ вниманіемъ былъ принятъ обществомъ, что генералъ Клингспорръ, занимавшій тогда должность генералъ-адъютанта при арміи, и адмиралъ баронъ Роялинъ, бывшій генералъ-адъютантомъ при флотѣ, опасались, чтобы

Армфельту не сдѣлана была какая-нибудь овація, могущая вызвать неудовольствіе короля; о чемъ они такъ усердно выражали свое безпокойство, что насмѣшили этимъ всѣхъ. Я тоже въ это время случайно былъ въ городѣ, и хотя мнѣ никогда и въ голову не приходило устраивать какую бы то ни было овацію—я даже ничего не слыхалъ о подобномъ намѣреніи,—тѣмъ не менѣе я все же сталъ предметомъ ихъ подозрѣній, которыя впрочемъ скоро разсѣялись. При прибытіи Армфельта въ Стокгольмъ, герцогъ былъ въ Росербергѣ. Встрѣтясь съ герцогиней у графини Софіи Пиперъ, рожденной фонъ-Ферзенъ, Армфельтъ сообщилъ ей о своемъ намѣреніи поѣхать въ Росербергъ, чтобы тамъ представиться герцогу. Когда герцогиня возвратилась изъ Стокгольма въ Росербергъ, то сказала своему супругу: «Могу тебѣ сообщить, что тебя скоро посѣтитъ необыкновенный гость; угадай кто?» Герцогъ тотчасъ же отвѣтилъ: «Вѣроятно, Армфельтъ, и посѣщеніе его будетъ мнѣ очень пріятно. Видѣла ты его?» Тогда герцогиня сообщила ему о своей встрѣчѣ съ Армфельтомъ у графини Пиперъ и сказала, что хотя въ наружности его и произошла большая перемѣна, но онъ тѣмъ не менѣе сохранилъ еще всю живость своихъ прекрасныхъ глазъ. Нѣсколько дней спустя графъ фонъ-Угласъ праздновалъ въ своемъ имѣніи свою серебряную свадьбу. Онъ пригласилъ на этотъ праздникъ генерала Армфельта съ женою, дочерью и зятемъ, графа Акселя Пипера, а также и меня. Изъ имѣнія генералъ поѣхалъ въ Росербергъ. При отъѣздѣ его туда, я просилъ его, чтобы онъ, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, сообщилъ герцогу мое желаніе удостоиться той же чести, какою онъ теперь пользуется, а именно, имѣть счастье лично представиться его королевскому высочеству. Армфельтъ былъ принятъ герцогомъ очень благосклонно, и у него теперь не было замѣтно и тѣни прежняго ожесточенія противъ генерала, возбужденнаго въ немъ Рейтергольмомъ и такъ долго имъ поддерживаемаго. Когда баронъ Армфельтъ, обѣдавшій у герцога, вечеромъ уѣхалъ въ городъ, то герцогъ сказалъ своему домашнему секретарю Баттраму): «я вполнѣ доволенъ настоящимъ днемъ. Мнѣ было очень пріятно снова увидѣться съ Армфельтомъ, къ которому я всегда питалъ расположеніе. Благодарю Бога, что онъ не былъ схваченъ и заточенъ во время моего управленія государ-

ствомъ. Вы знаете, я не кровожаденъ, а между тѣмъ мнѣ невозможно бы было спасти его отъ плахи. Теперь мнѣ истинно отрадно, что кровь его не пролита, и что мнѣ не въ чемъ упрекать себя». Такимъ образомъ герцогъ самъ засвидѣтельствовалъ свою слабохарактерность, которая вынудила бы его, будь Армфельтъ захваченъ, сдѣлаться орудіемъ для удовлетворенія безпощадной мстительности своего любимца. Такъ какъ герцогъ теперь не находился больше подъ вреднымъ вліяніемъ этого любимца, то онъ и относительно меня смягчилъ свои сужденія. Послѣ продолжительнаго разговора съ глазу на глазъ съ герцогомъ, генералъ Армфельтъ сказалъ ему, что въ имѣніи у него остался несчастный другъ, который жаждетъ случая лично изъявить свое уваженіе его королевскому высочеству. Герцогъ спросилъ, кто же это? Баронъ отвѣчалъ: «королевскій секретарь Эренстремъ», и къ немалому изумленію получилъ въ отвѣтъ: «Ну, такъ зачѣмъ же онъ не пріѣхалъ съ вами?» — «Этого онъ не посмѣлъ сдѣлать, не получивъ предварительно особаго на то разрѣшенія, и притомъ онъ не имѣлъ съ собою такого костюма, который требуется для представленія вашему королевскому высочеству». — «О, въ деревнѣ можно явиться и во фракѣ».

Этотъ отвѣтъ косвеннымъ образомъ разрѣшалъ мнѣ представиться; а потому Баттрамъ, бывшій въ дружбѣ со мною, формальнымъ образомъ просилъ объ этомъ герцога и безъ затрудненія получилъ согласіе; для представленія моего назначенъ былъ тотъ же день, въ который герцогъ долженъ былъ пріѣхать въ городъ, чтобы замѣнить короля при обрядѣ пожалованія въ рыцари. Баттрамъ написалъ мнѣ объ этомъ, но я уже уѣхалъ въ Дьюрэ и получилъ его письмо только по прошествіи назначеннаго срока.

Я извѣстилъ его объ этомъ и выразилъ мое сожалѣніе о томъ, что мнѣ не удалось воспользоваться такою милостью. Вскорѣ затѣмъ онъ исходатайствовалъ назначеніе новаго дня для моего представленія, когда герцогъ по той же причинѣ долженъ былъ снова быть въ городѣ, и такъ какъ я заблаговременно былъ извѣщенъ, то не преминулъ во́-время пріѣхать въ Стокгольмъ. Мнѣ назначено было явиться въ половинѣ двѣнадцатаго, когда, по окончаніи церемоніи, герцогъ вернется въ свою диванную. Баттрамъ ожидалъ моего прибытія, чтобы доложить обо мнѣ, и я немедленно былъ

принятъ. Когда я вошелъ, герцогъ стоялъ посреди комнаты, недавно предъ тѣмъ курилъ, но поставилъ на окно трубку, которая еще дымилась.

Такъ какъ мнѣ казалось, что герцогъ, въ виду событій прошлаго времени, будетъ еще больше меня смущенъ, то я рѣшился быть какъ можно осторожнѣе въ рѣчахъ, чтобы вывести герцога изъ непріятнаго положенія. Поэтому, сдѣлавъ глубокій поклонъ, я почтительнымъ, но непринужденнымъ тономъ сказалъ, что «съ самаго того времени, какъ я достигъ моего оправданія, живѣйшимъ моимъ желаніемъ было представиться его королевскому высочеству, безъ чего я не могъ считать полнымъ возстановленіе моей чести, и что такъ какъ я теперь приношу всеподданнѣйшую мою благодарность за оказанную мнѣ въ этомъ отношеніи милость, то не могу упустить случая выразить мое огорченіе о томъ, что навлекъ на себя неудовольствіе вашего королевскаго высочества, но вмѣстѣ съ тѣмъ считаю долгомъ почтительнѣйше заявить, что у меня никогда не было никакого дурнаго умысла или преступныхъ намѣреній противъ особы вашего королевскаго высочества, чрезъ что́ я бы былъ достоинъ лишиться милости вашего королевскаго высочества, и что именно въ тѣхъ бумагахъ, которыя были причиною моихъ несчастій, и заключалось самое неоспоримое доказательство моего отвращенія къ крамольническимъ дѣйствіямъ, а равно и глубокой моей преданности къ королевскому семейству». Засунувъ обѣ руки въ карманы панталонъ и поводя своими большими глазами, устремленными въ потолокъ, герцогъ отвѣчалъ: «Я знаю, что король возстановилъ вашу честь, и поздравляю васъ съ этимъ. То, что́ случилось прежде, было сдѣлано въ силу обстоятельствъ, потому что всякое благоустроенное правительство должно преслѣдовать все, предпринимаемое для его низверженія».

«—Позвольте мнѣ, всемилостивѣйшій герцогъ, обратить вниманіе вашего королевскаго высочества на то, что невозможно низвернуть правительство письмами, содержащими съ себѣ однѣ идеи, не находящіяся въ связи съ какимъ бы ни было задуманнымъ планомъ или съ приготовленіями къ составленію таковаго; притомъ письма эти вполнѣ подтверждаютъ, что выраженное въ нихъ неудовольствіе не было противъ особы вашего королевскаго высочества, а толь-

ко противъ лица, которому писавшіе ихъ приписывали несчастіе, что они лишились довѣрія вашего высочества».

«— Но нападки на лицъ, пользующихся довѣріемъ правительства, должны быть признаны за нападки на самое правительство».

На это я улыбнувшись отвѣчалъ: «Къ счастію, для несчастныхъ авторовъ этихъ писемъ, выраженный въ ихъ письмахъ образъ мыслей объ упомянутой личности теперь поголовно раздѣляется всей шведской націей, и смѣю прибавить, не въ малой мѣрѣ и самимъ вашимъ королевскимъ высочествомъ. Впрочемъ, я не съ тѣмъ искалъ счастья представиться вашему королевскому высочеству, чтобы защищать минувшее, но лишь для того, чтобы выразить мое удовольствіе о настоящемъ и принести мою всеподданнѣйшую благодарность за оказанную мнѣ вашимъ королевскимъ высочествомъ милость».

Этимъ оборотомъ моей рѣчи герцогъ, повидимому, былъ очень доволенъ; его смущеніе прошло, и, сказавъ: «не будемъ больше говорить объ этомъ», — онъ подошелъ ко мнѣ и началъ говорить о тогдашнихъ политическихъ замыслахъ такъ смѣло и откровенно, какъ будто я всегда принадлежалъ къ близкимъ ему людямъ, и точно никогда не подписывалъ моего смертнаго приговора и моего позора. Разговоръ этотъ продолжался цѣлые два часа съ половиною и продолжался бы еще больше, еслибы капитанъ-лейтенантъ, графъ Класъ Горнъ, глупый и дерзкій, не тѣмъ будь памянутъ, который долго уже дожидался въ пріемной и никакъ не могъ добиться, чтобы Баттрамъ, тоже тамъ находившійся, доложилъ о немъ герцогу, не вошелъ безъ доклада въ кабинетъ герцога, когда я откланивался его королевскому высочеству, который протянулъ мнѣ руку для поцѣлуя и при этомъ крѣпко пожалъ мою. Когда я вышелъ отъ герцога, то встрѣтился съ Баттрамомъ, очень желавшимъ, чтобы продолжался разговоръ мой съ герцогомъ, крайне разсерженнымъ на такъ не во-время ворвавшагося графа. Изъ этого длиннаго разговора съ герцогомъ я приведу только наиболѣе замѣчательное: «Слышали вы, — сказалъ герцогъ, — новость, сообщенную мнѣ за нѣсколько минутъ, что графъ Лилль, прибывъ съ племянниками своими въ Швецію, чтобы тамъ поселиться, высадился въ Кальмарѣ и безъ сомнѣнія сперва поѣхалъ къ королю въ Маль-

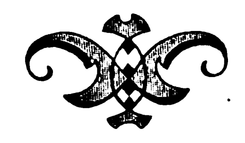
ме?» — «Нѣтъ, ваше высочество, этого я не слышалъ и очень усумнился бы въ томъ, еслибы это извѣстіе получилъ отъ другаго лица». — «А какъ вы находите подобное посѣщеніе? Развѣ Швеція не слишкомъ бѣдна, чтобы содержать подобныхъ гостей? Какимъ непріятнымъ послѣдствіямъ подвергаемся мы, принимая этихъ особъ и давая имъ у себя пріютъ? Какое намъ теперь до нихъ дѣло? Покойный король говорилъ: «Для меня совершенно безразлично, кто царствуетъ во Франціи, только бы возникшее тамъ правленіе настолько упрочилось, чтобы я могъ заключать съ нимъ договоры. Нельзя оспаривать того, что во Франціи теперь такое именно правленіе, и что Бурбонскій домъ на вѣки лишился надежды, снова возвратиться въ это государство». Я не считаю возможнымъ допустить, чтобы цѣлью прибытія французскихъ принцевъ въ Швецію было намѣреніе ихъ тамъ поселиться. Они вѣроятно хотятъ ѣхать въ Англію, чтобы искать защиты противъ всякаго рода козней, которымъ подвергаются на континентѣ». — «Нѣтъ, будьте увѣрены въ томъ, что они намѣрены здѣсь поселиться; а какія будутъ отъ этого послѣдствія? Развѣ у насъ и безъ того не достаточно хлопотъ, чтобы увеличивать ихъ еще этими?» Такъ какъ казалось, что герцогъ ожидаетъ услышать отъ меня какой-нибудь неодобрительный отзывъ о политическихъ дѣстіяхъ короля, а я по многимъ причинамъ не хотѣлъ, чтобы онъ счелъ меня порицателемъ настоящаго правленія, что́ могло усилить внушенное ему обо мнѣ мнѣніе, что я былъ порицателемъ собственнаго его правленія, то, чтобы сразу покончить разговоръ объ этомъ щекотливомъ предметѣ, которымъ я тѣмъ или другимъ образомъ, по несдержанности самого герцога, могъ быть скомпрометтированъ, то я и отвѣчалъ: «Я былъ столь счастливъ, что имѣлъ отца, внушившаго дѣтямъ своимъ правила: «Бойтесь Бога и почитайте вашего короля». Поэтому я ограничиваюсь тѣмъ, что молю Всевышняго защитить короля и государство, благоденствіе которыхъ должно быть нераздѣльно. Я радуюсь всему хорошему, выпадающему на ихъ долю, и глубоко скорблю, если ихъ постигаютъ невзгоды. Что касается Бурбоновъ, то я всегда сочувственно относился къ ихъ несчастіямъ, и хотя знаю, что шведскій королевскій домъ всегда находился въ хорошихъ съ ними отношеніяхъ, все же полагаю, что врядъ-ли Швеціи возможно сдѣлать

что-либо существенное для ихъ пользы, или чтобы она должна была подвергать опасности свое собственное благоденствіе изъ-за тщетнаго старанія возвратить француским принцамъ ихъ права. Впрочемъ, я не хочу скрывать, что не люблю настоящаго правителя Франціи, Бонапарта».— «Кой чортъ можетъ его любить! Но онъ великій полководецъ, и могущество его громадно».—«Тѣмъ менѣе нельзя забывать, что этотъ могущественный деспотъ — убійца герцога Энгіенскаго. Разумѣется, это убійство есть неизгладимое пятно на его памяти и навѣки останется имъ». Затѣмъ герцогъ разсказалъ извѣстный всѣмъ анекдотъ о разговорѣ между Талейраномъ, Ренье, Фуше объ этомъ убійствѣ. Во время этой продолжительной аудіенціи, герцогъ выказалъ большое сочувствіе къ французской системѣ и крайнее недоброжелательство къ королю французовъ; я же съ своей стороны старался соблюдать большую осторожность въ отзывахъ о тогдашнемъ положеніи дѣлъ. Разговоръ нашъ коснулся также убійства короля Густава, причемъ герцогъ, разумѣется, вопреки своему собственному убѣжденію, сказалъ, что и для его убійства былъ заряженъ пистолетъ, и прибавилъ съ изумительнымъ легкомысліемъ: «И знаете ли вы, кто долженъ былъ меня застрѣлить?» — «Нѣтъ, объ этомъ я не имѣю ни малѣйшаго понятія».—«Карлъ Герта». Это сообщеніе, тѣмъ болѣе изумило меня, что этотъ Герта, принадлежа ко двору герцога и къ интимному кружку герцога и герцогини, былъ вообще извѣстенъ, какъ человѣкъ преданный герцогскому дому и конечно былъ неспособенъ на такое злодѣйство. Такъ какъ Герта постоянно пользовался благосклонностью и довѣріемъ герцога, то по истинѣ возмутительно было слышать, какъ по смерти его старались такими позорными подозрѣніями запятнать его доброе имя. Но таковая награда за преданность принцамъ не рѣдкость. Послѣ этого представленія Баттрамъ передалъ мнѣ, что герцогъ сказалъ ему, что онъ остался очень доволенъ разговоромъ со мною, и что въ умѣ его теперь не осталось ни малѣйшаго слѣда сильнаго неудовольствія, возбужденнаго въ немъ Рейтергольмомъ противъ меня. Эта выгодная для меня перемѣна образа мыслей герцога, однако, нисколько не обезпечивала продолжительности его добраго обо мнѣ мнѣнія, потому что, перейди опять власть въ руки герцога, или овладѣй снова его довѣріемъ личность, подобная Рейтергольму,

то такому любимцу, пожелай онъ повредить мнѣ, врядъ-ли бы стоило большаго труда склонить герцога санкціонировать такое же преслѣдованіе противъ меня, какому я уже разъ подвергся. Этотъ принцъ обладалъ умомъ, имѣлъ большія познанія, писалъ легко и толково, говорилъ пріятно; но его безпримѣрная безхарактерность вызывала въ немъ потребность быть руководиму другими, и отъ нихъ зависѣло направить его въ ту или другую сторону.

Сообщила и перевела **Н. С. Иванина**.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВОСПОМИНАНІЯ ВАЛЕРІАНА АЛЕКСАНДРОВИЧА ПАНАЕВА.

IV [1]).

Рождественскіе праздники.

Праздники Рождества для насъ, дѣтей, были самыми веселыми, самыми пріятными, оставившими неизгладимыя впечатлѣнія на всю жизнь. Веселье это обусловливалось тѣмъ, что на эти праздники, дней на 5-ть, на 6-ть, пріѣзжала къ намъ одна помѣщица, Анна Александровна Наумова, съ 6-ю музыкантами, съ своими воспитанницами и не менѣе какъ съ 6-ю или 8-ю сѣнными дѣвушками. Эти дѣвушки привозились для танцевъ и для маскированныхъ забавъ.

Прежде нежели опишу, какъ проводились рождественскіе праздники во время пребыванія у насъ А. А. Наумовой, не безъинтересно разсказать—что былъ за субъектъ эта особа.

Въ то время, къ которому относятся мои воспоминанія, А. А. Наумова была пожилой дѣвой, лѣтъ 50-ти. Она была глухая и кривая. Быть можетъ, въ молодости она и была недурна, но въ означенное время судить объ этомъ было трудно.

А. А. Наумова была чрезвычайно добрая, умная, живая и веселая особа, и была богата. Если она, въ означенные годы, являлась необыкновенно живой и восторженной, то какова же она должна была быть, когда была молода? Въ молодости она до страсти любила верховую ѣзду. Однажды, когда она мчалась вихремъ на конѣ, ея лошадь, испугавшись чего-то, бросилась неожиданно въ сторону, и Анна Александровна свалилась и такъ ушиблась, что съ тѣхъ поръ потеряла одинъ глазъ и слухъ. Это ли обстоятельство

[1]) См. „Русскую Старину„ изд. 1893., т. LXXIX, августъ.

помѣшало ей выйти замужъ, или она сама желала остаться дѣвицей, этого я не знаю.

Оставшись дѣвицей и будучи богата, она посвятила всю свою жизнь весьма доброму дѣлу. Она брала на воспитаніе бѣдныхъ дѣвочекъ, сиротъ, преимущественно изъ дворянскаго званія; давъ имъ извѣстное образованіе, выдавала замужъ и снабжала приданымъ. Въ концѣ-концовъ, она истратила на это все свое состояніе и умерла въ крайности.

Но главною ея страстью была муза. Она писала много стиховъ, сотрудничала въ журналѣ — «Благонамѣренный», издававшемся Измайловымъ, въ которомъ принимали тоже участіе мои дяди — Ив. Ив. Панаевъ (отецъ извѣстнаго литератора Ив. Ив. Панаева), Владиміръ Ивановичъ (идиллистъ), мои тетки, сестры моего отца, и, отчасти, мой отецъ.

Впослѣдствіи А. А. Наумова издала чрезвычайно толстую книгу стихотвореній, подъ заглавіемъ: «Закамская муза».

Жила она въ селѣ «Зюзинѣ», верстахъ въ восьми отъ села «Емельяновки», гдѣ жила моя бабка, Панаева (племянница Державина) съ дѣтьми, изъ которыхъ нѣкоторыя и поименованы предъ симъ.

Вообще, въ этомъ закамскомъ уголкѣ любовь къ литературѣ была въ большомъ ходу. Мои дяди и мой отецъ, во время ихъ студенчества, издавали рукописный журналъ съ картинками, въ которомъ принималъ участіе и товарищъ ихъ, Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ. Картинки въ этомъ журналѣ рисовалъ по преимуществу мой отецъ.

Страсть къ стихотворству у А. А. Наумовой была такъ сильна, что когда отецъ пріѣзжалъ въ отпускъ и когда, потомъ, онъ вышелъ въ отставку и поселился въ 1819 году въ деревнѣ, она затѣяла съ нимъ переписку въ стихахъ. Чтобы вызвать отца на отвѣты, она стала задирать его шуточными, насмѣшливыми посланіями насчетъ воиновъ 12-го года, насчетъ кавалеристовъ, гусаръ и проч. Отецъ же мой дѣлалъ кампанію 12-го года въ лейбъ-уланахъ и потомъ въ гусарахъ. Надо замѣтить здѣсь, что Анна Александровна въ молодости была не равнодушна къ моему отцу. Отецъ мой поднялъ брошенную ему перчатку и принялся отвѣчать Аннѣ Александровнѣ

тоже шуточными посланіями, очень объемистыми, которыя написаны весьма гладкими стихами и не лишены остроумія для данныхъ обстоятельствъ. Ради характеристики извѣстнаго кружка людей того времени, я полагаю не безъинтереснымъ помѣстить стихи моего отца въ моихъ воспоминаніяхъ; при чемъ не надо упускать изъ виду, что они были писаны въ 1817 и 1818 годахъ.

Теперь же, здѣсь, по обширности ихъ, я приведу лишь нѣсколько строкъ изъ одного длиннаго посланія въ защиту коня «Амура», обиженнаго А. А. Наумовой въ стихотворномъ ея посланіи къ моему отцу, и именно того коня, на которомъ онъ дѣлалъ кампанію 12-го года. Послѣ длиннаго описанія достоинствъ, заслугъ, подвиговъ и гибели коня въ бою, слѣдуетъ клятва, которую я и помѣщаю здѣсь.

Глава 4.

Мнѣ окончить не пора ли
Похвалы „Амуру" плесть?
А то скажешь мнѣ: „наврали"
И напутали все лесть.
Нѣтъ! не думай, мила муза,
Что неправду говорилъ,
Пусть попячусь отъ француза,
Не таковъ онъ если былъ.
Пусть прольется съ пуншемъ чаша
И исчезнетъ вовсе ромъ,
Пересохнетъ глотка наша,
Усъ не вьется колесомъ.
Пусть и трубка не дымится,
Я за чаркой подавлюсь,
Сабля остра притупится
И шампанскимъ поперхнусь.
Пусть и шпоры не вертятся
И ужь больше не бренчатъ,
Пусть совсѣмъ и съ ногъ свалятся,
Шагомъ ѣздить мнѣ велятъ.
Пистолетъ пусть осѣчется,
Я въ туза не попаду,
Рука дрогнетъ, затрясется
И съ коня я упаду.
Пускай убыль въ моемъ носѣ
Иль въ ушахъ мнѣ учинятъ [1]),

[1]) Намекъ на то, что Анна Александровна оглохла отъ паденія съ лошади и стала немного гнусить.

Пусть мою пятерку въ штосѣ
Съ оника угомонятъ.
Въ одну талію мой банчикъ
Пусть сорветъ какой-нибудь
Неотесанный болванчикъ,
Неумѣющій и гнуть.
Въ башмакахъ пускай прикажутъ
Мнѣ мазурку танцовать,
Въ первой парѣ пусть укажутъ
Подлѣ франта начинать:
Экосезъ или гросъ-фатеръ,
Попурри иль котильонъ.
Пусть я буду пьяный патеръ,
Иль бульварный фанфаронъ.
Пусть я буду засѣдатель,
Иль безсовѣстный судья,
Криводушникъ, взяткобратель,
Куроцапъ пусть буду я.
Пусть я буду арендаторъ,
Разоряющій крестьянъ,
Плохой буду пусть ораторъ
Или уличный буянъ.
Пусть я буду тратить время
И въ журналы посылать
Прозы и стиховъ беремя
Годныхъ печи растоплять.
Пусть я буду у кокетки
Самый жалкій селадонъ
И, сидя у ней, какъ въ клѣткѣ,
Испускать лишь буду стонъ.
Пусть я буду генераломъ
Безъ заслугъ и безъ ума,
Или жиденькимъ капраломъ,
Гнетъ котораго сума.
Въ часъ рѣшительный пусть струшу,
Улизну передъ врагомъ,
Чести пусть уставъ нарушу
И не встрѣчу ядра лбомъ, —
Если я коню прибавилъ
Незаслуженныхъ похвалъ,
Я бъ его еще прославилъ,
Уважать весь міръ заставилъ,
Да признаться вамъ усталъ,
Отъ того и пересталъ.

А. А. Наумова была, вообще, восторженная патріотка и свой патріотизмъ распространяла и на обитаемый ею край. У нея въ дѣвичей сидѣло до 30 дѣвушекъ, которыя плели великолѣпныя кружева, производили разнаго рода вышиванія, ткали ковры и вообще

занимались изящными рукодѣліями. Однажды она вздумала воспользоваться крапивой, которая росла въ то время въ Казанской губерніи въ страшномъ изобиліи потому, что тогда поземомъ не дорожили и разбрасывали его куда ни попало. Крапива достигала болѣе 2 арш. высоты, и изъ нея Анна Александровна приказала выдѣлывать волокна, какъ изъ пеньки; затѣмъ пряли, ткали полотна и даже платки, не уступающіе, по тонкости своей, батисту. Эти-то издѣлія, а равно изящныя рукодѣлія своихъ сѣнныхъ дѣвушекъ Анна Александровна поднесла государю Николаю Павловичу во время пріѣзда его въ Казань, а потомъ и государю-наслѣднику Александру Николаевичу въ 1837 г., во время его путешествія по Россіи.

Въ то время, когда мы, дѣти, знали Анну Александровну, у нея было двѣ молоденькія воспитанницы, сестры, Анюта и Маша Есиповы. Онѣ были очень хорошенькія. Кромѣ нихъ, были и другія, взрослыя, которыхъ она не успѣла еще выдать замужъ. Анюту и Машу Анна Александровна любила до страсти, и, по слухамъ, онъ, ни прежде, ни послѣ, никого изъ своихъ воспитанницъ не любила такъ, какъ этихъ дѣвочекъ. Вѣроятно, эта исключительная любовь происходила отъ того, что они были хороши собой и взяты изъ хорошаго семейства.

Казанскіе танцмейстеры обучили этихъ дѣвочекъ русской пляскѣ въ совершенствѣ, и онѣ исполняли этотъ танецъ, со всевозможными варіаціями, необыкновенно граціозно. Слава о танцахъ этихъ дѣвочекъ гремѣла по Казани, и онѣ, въ великолѣпныхъ русскихъ костюмахъ, исполняли русскій танецъ на балу дворянскаго собранія, при государѣ Николаѣ Павловичѣ и государѣ-наслѣдникѣ Александрѣ Николаевичѣ.

Вотъ, съ этими-то дѣвочками и пріѣзжала къ намъ Анна Александровна на рождественскіе праздники.

Мы, четыре брата, понятно, были влюблены въ этихъ дѣвочекъ пятый братъ былъ еще малъ. Анна Александровна, конечно, подмѣтила это и играла съ нами на эту удочку. Утромъ, къ чаю, дѣвочки выходили въ простенькихъ платьяхъ; послѣ чая ихъ переодѣвали въ другія, а къ обѣду въ третьи. Послѣ обѣда вновь переодѣвали ихъ два раза.

Съ пріѣздомъ Анны Александровны все въ домѣ приходило въ необычайное движеніе. Съ утра до ночи она ни объ чемъ другомъ не думала, какъ о томъ, чтобы веселить всѣхъ, и дѣтей, и большихъ. Придумывала всякаго рода игры, сочиняла сюрпризы, сама во всемъ принимала участіе и играла съ нами, какъ молоденькая дѣвочка. Каждый день, еще до обѣда, наряжалась сама, наряжала своихъ воспитанницъ, насъ и сѣнныхъ дѣвушекъ, и всякому такому появленію придавала смыслъ, по большей части—юмористическій, соотвѣтствующій данной минутѣ. Разнымъ гаданіямъ не было конца.

Обыкновенно, послѣ обѣда, она уходила отдохнуть на отведенную ей половину и погружалась въ пуховики, въ три яруса, лежащіе на кровати. Эти баснословной величины пуховики она привозила съ собою. Во время этого отдыха она призывала насъ къ себѣ и, лежа въ пуховикахъ, раздавала намъ разныя сласти, которыя привозила тоже съ собою въ большихъ мѣшкахъ. Ей подавали мѣшокъ за мѣшкомъ, и она, не приподымаясь, запускала въ нихъ свою руку и щедро раздавала намъ содержимое въ нихъ.

Утреннія переряжанья, которыя импровизовались ею преимущественно для смѣха, не исключали костюмировокъ вечеромъ. Мы, конечно, за нѣсколько недѣль приготовляли себѣ разные костюмы. Сочиненіе костюмовъ облегчалось тѣмъ, что у насъ хранилось не мало одѣяній екатерининскихъ временъ, а у отца были цѣлы одежды и аммуниціи двухъ полковъ—уланскаго и гусарскаго. Приготовлялись тоже, заранѣе, разнаго вида парики изъ льна, которые умѣла сооружать одна изъ нашей прислуги. Однажды, общими силами, мы сами сработали изъ картона полное рыцарское одѣяніе, выкрасили его сажей на клею и отполировали, какъ желѣзо. На щитѣ и на забралѣ шлема было написано бѣлыми буквами: «memento mori»; въ этомъ костюмѣ щеголялъ старшій нашъ братъ, и мы, за сооруженіе этого костюма, заслужили отъ Анны Александровны чрезвычайное одобреніе.

Но каждый вечеръ оканчивался непремѣнно танцами подъ оркестръ изъ 6 музыкантовъ, привозимыхъ Анной Александровной. На эти танцы одни оставались въ своихъ костюмахъ, другіе же переодѣвались. Кромѣ обыкновенныхъ танцевъ,—кадрили, вальса и мазурки,—танцовали экосезъ, гросъ-фатеръ, попурри, котильонъ и

еще два танца, которыхъ съ тѣхъ поръ мнѣ никогда не случалось видѣть, а именно: манемаскъ и русскій экосезъ. Кромѣ насъ, четырехъ братьевъ, кавалеровъ, бывали всегда два или три постороннихъ мальчика. Но Анна Александровна втягивала въ танцы и большихъ, изъ числа пріѣзжавшихъ къ намъ сосѣдей.

Къ вечеру, Анна Александровна выводила своихъ сѣнныхъ дѣвушекъ, которыя были отлично обучены всѣмъ танцамъ. Всѣ онѣ были одѣваемы одинаково: въ бѣлыхъ коленкоровыхъ или кисейныхъ платьяхъ съ красными кушаками. Передъ началомъ танцевъ, Анна Александровна подходила ко всѣмъ, къ большому и малому, и говорила: «брось гордость, брось дворянскую спѣсь, танцуй съ крестьянкой»; затѣмъ выбирала дѣвушку и подводила ее къ кавалеру. Такимъ образомъ, для танцевъ образовывалось до 12 паръ и болѣе, если пріѣзжали какіе-нибудь ближайшіе сосѣди.

Въ одинъ изъ промежутковъ между танцами, каждый день дѣвочки нашего сердца исчезали и вскорѣ появлялись въ сарафанахъ и восхитительно исполняли русскій танецъ, а иногда появлялись маркизами и танцовали минуэтъ. Этихъ появленій и мы и большіе ожидали всегда съ великимъ нетерпѣніемъ.

Однажды кто-то сообщилъ Аннѣ Александровнѣ, что я умѣю плясать въ присядку и выкидывать колѣнца въ русской пляскѣ. Я никогда не учился русской пляскѣ, а насмотрѣлся въ деревнѣ на пляшущихъ парней и дѣйствительно исполнялъ пляску въ присядку довольно живо. Анна Александровна подходитъ ко мнѣ и говоритъ: «ступай, пляши русскую съ Машей!» Я сталъ кричать ей во все горло, въ ухо, что не умѣю. Она ничего не хотѣла знать и настойчиво требовала, чтобы я плясалъ; я же упорно отказывался, хотя, въ сущности, хотѣлось поплясать съ Машей. Я боялся осрамиться. Маша была ученая танцовщица, извѣстна этимъ всей Казани и танцовала передъ царемъ, и вдругъ я, не ученый, пущусь плясать съ нею; дѣтское самолюбіе противилось этому.

Но Анна Александровна не унималась, пошла къ отцу и потребовала, чтобы онъ приказалъ мнѣ плясать. Хотя мы всегда исполняли слово отца, но на этотъ разъ я отказался. «Не хочешь плясать»—сказалъ отецъ—«такъ ступай въ дѣтскую и не выходи оттуда». Большаго огорченія, конечно, не могло быть для меня. Я

заплакалъ и сказалъ: «буду плясать». Меня тотчасъ же увели, надѣли на меня красную рубашку, и я, еще сквозь слезы съ отчаянія, пустился кружиться въ присядку около Маши, выступающей павой. Посыпались неумолкаемые апплодисменты, и я ободрился. Я почувствовалъ самъ, что дѣло идетъ хорошо, и не понималъ одного— откуда что взялось, ибо прежде я ничего такого не выдѣлывалъ.

Забавы, костюмировки, игры, танцы, гаданья и проч., конечно, ужасно веселили насъ, но главнымъ центромъ веселья были Анюта и Маша. Когда онѣ уѣзжали, то нѣсколько дней чувствовалась ужасная тоска. Старшій мой братъ, Ліодоръ, не на шутку врѣзался въ Анюту. Она была хорошаго роста, стройная, тоненькая, воздушная. Однажды, послѣ ея отъѣзда, Ліодоръ былъ очень скученъ; мы понимали причину и жалѣли его. Между тѣмъ, разъ утромъ, при вставаньи, мы замѣтили, что онъ возится съ своей рукой, стараясь скрыть что-то отъ насъ. Но мы успѣли поднять рукавъ его рубашки и увидѣли на рукѣ имя «Анюта». Вытравилъ ли онъ эти буквы крѣпкой водкой и купоросомъ или чѣмъ другимъ, мы не знали; но я помню, что края каждой буквы были еще красны отъ воспалительнаго состоянія кожи. Эта надпись оставалась у него на рукѣ болѣе года.

Описанные мною рождественскіе праздники глубоко врѣзались въ память у меня и у всѣхъ моихъ братьевъ. Конечно, во всю остальную жизнь не случилось уже веселиться въ эти дни такъ восторженно, такъ искренно.

Если я остановился нѣсколько долго на описаніи означенныхъ праздниковъ, то, главнымъ образомъ, для того, чтобы очертить типъ А. А. Наумовой. Всю жизнь она совершала, воспитаніемъ бѣдныхъ сиротъ, добро, не заботясь о своей будущности, и умерла, какъ я уже сказалъ выше, въ крайности. Помянуть эту женщину я счелъ своею обязанностью.

V.

Отъѣздъ нашъ изъ Нармонки и поѣздка моя въ Петербургъ вмѣстѣ съ Ив. Ив. Панаевымъ.—Остановка въ Москвѣ.—Бѣлинскій и С. Т. Аксаковъ.

Возвращусь теперь къ нити прерваннаго мною выше повѣствованія.

Вскорѣ по пріѣздѣ отца въ Нармонку, произведенъ былъ раздѣлъ недвижимаго имущества, который совершенъ былъ очень быстро потому, что оставалось нѣсколько дней до истеченія законнаго срока для добровольнаго раздѣла.

Послѣ этого мы, вмѣстѣ съ Иваномъ Ивановичемъ Панаевымъ и его женою, отправились въ нашу деревню Городокъ. На обратномъ пути мы заѣхали, дня на два, въ дер. Полянки къ теткѣ, гдѣ и увидѣли опять Р—скаго, пришедшаго еще въ болѣе отвратительное состояніе, чѣмъ онъ былъ въ Нармонкѣ.

Такъ какъ Иванъ Ивановичъ намѣревался ѣхать скоро обратно въ Петербургъ, то рѣшено было, чтобы я ѣхалъ съ нимъ, ибо я долженъ былъ держать весной экзаменъ въ институтъ путей сообщенія, куда я былъ уже, за три года передъ тѣмъ, записанъ кандидатомъ. О томъ, почему я былъ записанъ туда, я буду говорить ниже въ своемъ мѣстѣ. Въ Полянкахъ было рѣшено тоже, что вмѣстѣ съ Иваномъ Ивановичемъ поѣдетъ и сынъ тетки, только-что поступившій въ морской кадетскій корпусъ, двоюродный мой братъ, Иванъ Ѳедоровичъ Лихачевъ, находившійся на лѣто въ отпуску, бывшій впослѣдствіи командиромъ броненоснаго флота и затѣмъ агентомъ морскаго вѣдомства въ Лондонѣ и Парижѣ.

Не помню, сколько именно времени мы пробыли въ Городкѣ до отъѣзда въ Петербургъ, но время это оставило во мнѣ очень пріятное воспоминаніе. Во-первыхъ, послѣ напряженной, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, жизни въ Нармонкѣ, среди постороннихъ людей, дома стало легко и, во-вторыхъ, намъ было очень весело съ нашими молодыми гостями.

Ежедневно, за вечернимъ чаемъ, завязывался между отцомъ и Иваномъ Ивановичемъ оживленный споръ о достоинствахъ прежнихъ и новыхъ литераторовъ. Въ это время имя Гоголя уже на-

чинало греметь, хотя «Мертвыя души» еще не появились. Лермонтовъ тоже возникалъ, а между тѣмъ, въ провинціи еще не всѣ примирились съ Пушкинымъ и продолжали восторгаться повѣстями Марлинскаго, хотя мой отецъ и не былъ изъ числа послѣднихъ. Въ то время Иванъ Ивановичъ признавалъ еще за Кукольникомъ большіе таланты; отецъ же мой ужасно возставалъ противъ него. Но, съ другой стороны, онъ, цѣня высокій талантъ Пушкина, не ставилъ его на ряду съ Державинымъ и не признавалъ высокихъ достоинствъ за «Борисомъ Годуновымъ» Пушкина. Это-то разномысліе относительно «Бориса Годунова» и было поводомъ самыхъ жаркихъ споровъ.

Вслѣдствіе этого, чтеніе этого произведенія, послѣ вечерняго чая, продолжалось если не цѣлую недѣлю, то по крайней мѣрѣ 4 или 5 дней.

Наконецъ пришло время, и надо было отправляться въ Петербургъ.

По предварительной перепискѣ съ однимъ профессоромъ математики въ институтѣ путей сообщенія, полковникомъ Ал. Вик. Полонскимъ, о которомъ я сочту своимъ долгомъ поговорить въ своемъ мѣстѣ, я долженъ былъ поступить сначала къ нему. Отецъ далъ мнѣ письмо къ дядѣ Владиміру Ивановичу, бывшему тогда директоромъ канцеляріи министерства двора, который и долженъ былъ водворить меня у означеннаго профессора. Всѣ деньги за приготовленіе меня 1.400 руб. ассигнаціями вручены были мнѣ въ особой сумочкѣ, которую зашили и надѣли мнѣ на шею подъ одежду. Эти деньги я долженъ былъ передать дядѣ вмѣстѣ съ письмомъ. Я упоминаю объ этомъ обстоятельствѣ потому, что оно обусловило, безъ моей воли, весьма горькія для меня послѣдствія, о которыхъ будетъ сказано ниже. Кромѣ того, я долженъ упомянуть здѣсь и о томъ, что я, по пріѣздѣ въ Петербургъ, долженъ былъ остановиться, до поступленія къ профессору, у другаго дяди, Ивана Матвѣевича Лалаева, брата моей матери.

Изъ Казани мы поѣхали въ двухъ экипажахъ, въ одномъ Иванъ Ивановичъ съ женою, а въ другомъ я съ Лихачевымъ. Погода, во все время переѣзда до Москвы, была отличная, и вообще дорогою намъ было очень весело. У меня остался въ памяти одинъ комич-

ный эпизодъ съ поваромъ, который, исполняя дорогою должность нашей прислуги, ѣхалъ съ нами въ Петербургъ къ дядѣ Владиміру Ивановичу.

Экипажъ, въ которомъ мы ѣхали съ Лихачевымъ, былъ очень маленькая коляска, имѣвшая такіе узкіе козлы, что нашъ лакей, выпивши, частенько рисковалъ упасть съ козелъ подъ колеса. Какъ мы ни усовѣщивали его, все было тщетно, и онъ былъ постоянно пьянъ. Чтобы предупредить катастрофу, оказалось возможнымъ посадить его на передокъ коляски, причемъ ноги должны были быть спущены между этимъ передкомъ и козлами, которые, въ прежнихъ экипажахъ, ставились отдѣльно отъ кузова. Съ этого мѣста онъ не могъ свалиться внезапно, и потому прекратилъ всякую предосторожность, спалъ въ пьяномъ видѣ непробуднымъ сномъ и потерялъ фуражку. На первой затѣмъ станціи мы не нашли купить фуражки, а могли достать лишь зимнюю, высокую, набитую перьями мужицкую шапку, имѣвшую видъ большаго опрокинутаго кувшина. Дѣлать было нечего, мы купили ему эту шапку. Будучи маленькаго роста и надѣвши на себя этотъ киверъ, нашъ лакей былъ дотого смѣшонъ, что мы помирали со смѣху всю слѣдующую станцію, упирая постоянно на то, что онъ вкушаетъ плоды своего пьянства. По видимому, онъ самъ почувствовалъ комичность своей фигуры и не зналъ, что́ ему дѣлать; когда мы пріѣхали на станцію, онъ сталъ просить насъ купить ему фуражку, но мы задумали помучить его и проѣхали такимъ образомъ нѣсколько станцій. Лакей нашъ, всякій разъ, передъ пріѣздомъ на станцію, приходилъ въ совершенное отчаяніе. Дѣйствительно, трудно было представить себѣ комичность его фигуры; маленькій, сидящій сзади козелъ на передкѣ коляски, съ ужаснѣйшей величины киверомъ на головѣ, который былъ къ тому же такъ тяжелъ и великъ, что шаталъ его голову, поглощенный заботою, чтобы не возбудить собою смѣха на станціяхъ, нашъ личарда протрезвился и, наконецъ, во время нашихъ остротъ надъ тѣмъ, какъ на него взираютъ на станціяхъ, онъ схватилъ съ себя свой киверъ и растерзалъ на части, такъ что перья полетѣли по воздуху. Мы наконецъ сжалились и купили ему подходящую фуражку. Съ этого момента онъ до Москвы не напивался болѣе. Впослѣдствіи я много разъ видѣлъ этого человѣка, и онъ не могъ, даже

года черезъ два или три послѣ разсказаннаго эпизода, слышать о немъ равнодушно и приходилъ въ сильное раздраженіе, когда бывало спросишь его: «а что, Григорій, помнишь ли наше путешествіе?»

Я разсказалъ объ этомъ пустомъ эпизодѣ въ виду того, что онъ служитъ подтвержденіемъ той истины, что возбужденіе страха быть смѣшнымъ есть сильнѣйшее орудіе, которымъ можно дѣйствовать съ успѣхомъ даже на простолюдиновъ безъ всякаго образованія.

Въ Москвѣ мы остановились на Тверской площади въ гостиницѣ «Дрезденъ», которая и по сейчасъ существуетъ. Иванъ Ивановичъ предполагалъ пробыть въ Москвѣ не долго, но вышло иначе.

Дѣло въ томъ, что Иванъ Ивановичъ, принявшій живое участіе въ начавшемъ издаваться въ этомъ году журналѣ: «Отечественныя Записки», сталъ убѣждать Краевскаго пригласить въ сотрудники Бѣлинскаго, съ которымъ Иванъ Ивановичъ былъ уже въ перепискѣ. По пріѣздѣ своемъ въ Москву, еще до поѣздки въ Казань, онъ успѣлъ уже устроить соглашеніе Краевскаго съ Бѣлинскимъ, и, передъ отъѣздомъ въ Казань, условился съ послѣднимъ ѣхать въ Петербургъ вмѣстѣ, по возвращеніи изъ Казани. Бѣлинскому почему-то нельзя было немедленно выѣхать изъ Москвы; но главною причиною замедленія выѣзда Ивана Ивановича изъ Москвы было то, что ему было тамъ очень весело. Его и его молодую жену баловали и носили въ то время въ Москвѣ, можно сказать, на рукахъ. Еще ѣхавши въ Казань, Иванъ Ивановичъ сошелся съ семействомъ Аксаковыхъ, чему способствовало то обстоятельство, что Сергѣй Тимоѳеевичъ былъ товарищъ по Казанскому университету отцу Ивана Ивановича и другъ въ юности моего отца.

Сближеніе съ Аксаковыми и съ Бѣлинскимъ сблизило Ивана Ивановича со всею тогдашнею московскою интеллигенціею, что̀ не могло, конечно, не интересовать живо Ивана Ивановича. Черезъ Аксаковыхъ Иванъ Ивановичъ познакомился съ Щепкинымъ и съ Загоскинымъ, извѣстнымъ романистомъ и въ то время директоромъ московскихъ театровъ. Тотчасъ по пріѣздѣ Ивана Ивановича въ Москву, Загоскинъ приказалъ поставить «Отелло», чтобы показать въ этой роли игру Мочалова, такъ какъ во время представленія этой трагедіи, даннаго до отъѣзда Ивана Ивановича въ

Казань, Мочаловъ былъ не въ ударѣ. На этомъ второмъ представленіи присутствовалъ и я. О впечатлѣніи, произведенномъ на меня игрою Мочалова, я выскажусь тогда, когда буду говорить о Каратыгинѣ. Помню, однако, что всѣ говорили, что на этотъ разъ Мочаловъ не выказалъ вполнѣ своего таланта.

Во время пребыванія моего въ Москвѣ, раза два Иванъ Ивановичъ возилъ меня обѣдать къ Аксаковымъ. Сергѣй Тимоѳеевичъ очень меня обласкалъ, много вспоминалъ о моемъ отцѣ и разспрашивалъ о немъ. Изъ дѣтей Сергѣя Тимоѳеевича у меня остался въ памяти только Константинъ Сергѣевичъ, другія дѣти въ то время, должно быть, были въ отсутствіи. Въ числѣ постороннихъ лицъ, обѣдавшихъ у Аксакова, были тогда—Бѣлинскій, Щепкинъ и Загоскинъ. Впрочемъ, Бѣлинскаго я уже не считалъ постороннимъ человѣкомъ, потому что онъ каждый день бывалъ у Ивана Ивановича.

Надо сказать, что Иванъ Ивановичъ имѣлъ несомнѣнную способность обрисовывать людей и знакомить съ ними заочно. Еще въ Казани, до пріѣзда въ Москву, Иванъ Ивановичъ столько говорилъ о Бѣлинскомъ, что я приготовленъ былъ видѣть въ этомъ человѣкѣ нѣчто необыкновенное. Первое наружное впечатлѣніе, при встрѣчѣ съ Бѣлинскимъ, было не совсѣмъ въ его пользу. Бѣлинскій былъ скорѣе дуренъ, чѣмъ хорошъ собою; но въ самое короткое время не только не замѣчалась его некрасота, но добрые привѣтливые его глаза дѣлали лицо его привлекательнымъ.

Вскорѣ сдѣлалось очевиднымъ, что Иванъ Ивановичъ заживется въ Москвѣ довольно долго, а между тѣмъ мнѣ и Лихачеву надо было ѣхать въ Петербургъ. Тогда рѣшено было, что мы поѣдемъ въ дилижансѣ одни. Въ это время Иванъ Ивановичъ получилъ отъ своей матери письмо, въ которомъ она выражала желаніе примириться съ сыномъ и приглашала его, по пріѣздѣ въ Петербургъ, возвратиться къ ней въ домъ съ молодою женою и, зная по письмамъ изъ Казани, что я ѣду съ нимъ, упоминала о томъ, чтобы и я непремѣнно остановился у ней.

Само собою разумѣется, что Иванъ Ивановичъ былъ очень радъ примиренію и по этому случаю настоятельно просилъ меня не останавливаться въ Петербургѣ у другихъ родныхъ, а ѣхать прямо къ

его матери. Съ своей стороны, я былъ тоже радъ этому предложенію, потому что, во-первыхъ, мы, въ бытность нашу въ 1836 году въ Петербургѣ, жили уже у матери Ивана Ивановича; во-вторыхъ, братъ мой Ипполитъ жилъ у ней передъ этимъ два года, и въ третьихъ, она любила жить весело, а слѣдовательно и мнѣ могло быть у нея веселѣе, чѣмъ у другихъ родныхъ.

Кромѣ того, мнѣ представлялось неловкимъ отказать Ивану Ивановичу въ его настоятельной просьбѣ, такъ какъ мнѣ показалось, что онъ желалъ, чтобы я успѣлъ расположить его мать къ молодой его женѣ, которую мы всѣ очень полюбили.

Такимъ образомъ, я рѣшился отступить отъ назначенія, даннаго мнѣ изъ дому — остановиться у дяди Ивана Матвѣевича Лалаева, и далъ слово Ивану Ивановичу, что поѣду прямо къ его матери.

Переѣздъ мой съ Лихачевымъ въ дилижансѣ отъ Москвы до Петербурга сопровождался нѣсколькими комическими эпизодами, обусловившимися, конечно, нашей молодостью и неопытностью, но о нихъ упоминать не стоитъ.

Между прочимъ, помню, что въ дилижансѣ, въ переднемъ открытомъ его помѣщеніи, ѣхалъ молодой армянскій дьячекъ. Этотъ господинъ былъ крайне веселаго нрава и очень забавлялъ насъ на станціяхъ. Одну ночь сдѣлалось такъ холодно, что онъ попросилъ взять его въ карету. Хотя наше отдѣленіе было двухмѣстное, но мы рѣшились пріютить этого господина, предложивъ ему сѣсть въ ноги. Въ благодарность за это, онъ пустилъ въ ходъ всю силу своего остроумія и потѣшалъ насъ всю ночь какъ разсказами, такъ и пѣснями, повторяя то же самое и въ слѣдующія ночи. Тогда еще насъ поразила сила голоса этого господина, а впослѣдствіи оказалось, что онъ, по имени Сукіасовъ, обладалъ необычайной силы теноромъ, отчего и сдѣлался извѣстенъ Рубини и потомъ выдавалъ себя за пріятеля Тамберлика. Увлекшись отзывами о своемъ голосѣ, онъ оставилъ духовное званіе и одно время приглашался въ разные дома въ Петербургѣ для пѣнія, гдѣ я и встрѣчалъ его. Дѣйствительно, онъ бралъ грудью самыя высокія ноты съ такою силою, что, какъ говорится, окна дрожали, и пѣлъ очень вѣрно, причемъ старался подражать Тамберлику; но гнусливый тембръ его

голоса уничтожалъ всякое удовольствіе, которое можно бы было испытывать отъ его пѣнія. Затѣмъ, онъ завѣдывалъ какимъ-то хоромъ пѣвчихъ, кажется, на яхтѣ Юсупова, путешествовалъ на этой яхтѣ по бѣлу-свѣту, а въ концѣ-концовъ вернулся въ первобытное состояніе, т. е. состоитъ опять дьячкомъ при армянской церкви.

Помню, что мы пріѣхали въ Петербургъ часовъ въ 12 ночи, и я отправился прямо къ Марьѣ Екимовнѣ, матери Ивана Ивановича, которая была уже предупреждена письмомъ, что я остановлюсь у ней. Она жила тогда на Грязной (нынѣ Николаевской) улицѣ, занимая отдѣльный домъ Димерта.

Нечего говорить о томъ, что я былъ принятъ чрезвычайно радушно какъ Марьей Екимовной, такъ и дѣвицею, у нея проживавшею. Эта-то дѣвица и послужила Ивану Ивановичу мотивомъ къ изображенію въ своихъ повѣстяхъ типа, пущеннаго имъ въ ходъ подъ кличкою — приживалка, каковая кличка и получила право гражданства, подобно другимъ кличкамъ, пущеннымъ имъ же своими повѣстями въ ходъ, какъ, напримѣръ, хлыщъ и др.

На другой день утромъ пришелъ въ отпускъ мой братъ, Ипполитъ, который былъ уже въ институтѣ путей сообщенія.

VI.

Пріѣздъ мой въ Петербургъ. — Сожительство съ Бѣлинскимъ. — Бѣлинскій выручаетъ меня изъ бѣды.

Мы не видались съ братомъ слишкомъ три года, и радость встрѣчи была великая, тѣмъ болѣе, что мы были съ нимъ ближе всего по возрасту. Вообще говоря, любовь между всѣми нами, братьями, была всегда очень сильна и остается и по сей часъ.

Когда пришелъ братъ, я не былъ еще одѣтъ и за тѣмъ, начавъ одѣваться, затруднился, куда дѣвать находившуюся на мнѣ сумочку съ деньгами. Еслибы оставить ее на себѣ, хотя бы и подъ бѣльемъ, то на груди являлось нѣчто въ родѣ горба. Братъ сказалъ мнѣ, что такъ какъ я въ этотъ день не пойду еще къ дядѣ

Владиміру Ивановичу, которому надлежало передать деньги, то всего лучше отдать спрятать сумочку теткѣ. Я, конечно, послушалъ его, но, когда отдавалъ сумочку теткѣ до завтрашняго дня, у меня ёкнуло что-то въ сердцѣ. Мнѣ казалось, что я поступаю неправильно, что я отступилъ уже отъ одного распоряженія, сдѣланнаго моими родителями, т. е. остановился не тамъ, гдѣ было сказано, и затѣмъ передаю деньги не непосредственно дядѣ, а другому лицу, хотя бы и для того только, чтобы спрятать ихъ. И дѣйствительно неопредѣленное мое сомнѣніе не замедлило оправдаться.

На другой день тетка сказала мнѣ, что ей очень нужно сейчасъ же рублей 300 или 400, чтобы я позволилъ ей взять изъ тѣхъ денегъ, которыя я далъ ей на храненіе, что завтра она пополнитъ ихъ, и что нѣтъ никакой особенной надобности идти мнѣ къ дядѣ Владиміру Ивановичу сегодня.

Хотя я тотчасъ же почувствовалъ, что дѣло мое плохо, но не было никакой возможности быть настолько неделикатнымъ и грубымъ съ моей стороны, т. е. со стороны молоденькаго мальчика, который пользуется гостепріимствомъ тетки. Я, конечно, скрѣпя сердце, далъ свое согласіе. Тотчасъ же, тетушка, вмѣстѣ со своею приживалкою, поѣхали со двора и, вернувшись къ обѣду, привезли цѣлую груду покупокъ, относящихся преимущественно до туалета, такъ что я, какъ ни мало былъ знакомъ съ цѣнами привезенныхъ ими предметовъ, но сообразилъ, что тутъ находится ихъ не на 300 и 400 р. ассиг., а на всѣ привезенныя мною деньги.

На слѣдующій день тетка извинилась, что управляющій ея имѣніемъ, находившимся подъ Петербургомъ, по Невѣ, не привезъ еще ее денегъ и чтобы я подождалъ идти къ дядѣ Владиміру Ивановичу. Такъ прошло нѣсколько дней, и я ни къ кому изъ другихъ родныхъ не шелъ. Наконецъ, я рѣшился идти сперва къ Ив. М. Лалаеву, т. е., къ тому дядѣ, у котораго я долженъ былъ остановиться, чтобы подѣлиться съ нимъ моимъ горемъ.

Хотя этотъ дядя очень любилъ меня, но весьма натурально, что онъ крѣпко пожурилъ меня за то, что я не пріѣхалъ къ нему, какъ тó было назначено и ему о томъ писано.

Прошла цѣлая томительная недѣля; денегъ я не получилъ и къ Влад. Ив. идти не могъ. Въ воскресенье пришелъ братъ, и мы

вмѣстѣ рѣшились напомнить теткѣ. Она стала, конечно, извиняться, жаловаться на своего управляющаго и обѣщала достать непремѣнно деньги на-дняхъ. Но ожиданія мои были тщетны, и я отправился съ повинною головою къ Владиміру Ивановичу, который не могъ не знать, чрезъ Лихачева, что я уже пріѣхалъ въ Петербургъ. Само собою разумѣется, что я получилъ строгій выговоръ за то, что не пере алъ прямо денегъ ему, а потому, — сказалъ дядя—«пеняй самъ на себя».

Положеніе мое было по истинѣ мучительно. Во-первыхъ, дядя могъ думать, что я самъ издержалъ деньги и, во-вторыхъ, для меня дорогъ былъ каждый день.

Мнѣ оставалось для приготовленія въ институтъ всего 6 мѣсяцевъ, а между тѣмъ я долженъ былъ держать экзаменъ въ такомъ объемѣ, какой требовался для поступленія въ университетъ, ибо я хотѣлъ поступить въ тотъ классъ, въ который долженъ былъ перейти къ веснѣ братъ мой Ипполитъ. Я далъ въ этомъ отцу слово и долженъ былъ сдержать его, тѣмъ болѣе, что мы воспитывались на свой счетъ.

Просить дядей вывести меня скорѣе изъ затруднительнаго положенія я не имѣлъ духа, такъ какъ считалъ себя передъ ними виноватымъ; писать домой въ деревню было не мыслимо, тѣмъ болѣе, что отвѣтъ, по тогдашнимъ сообщеніямъ, могъ придти не ранѣе 6 недѣль; а между тѣмъ я ждалъ возвращенія мнѣ денегъ со дня на день. Оставалась надежда на Ивана Ивановича, который долженъ былъ вскорѣ прибыть изъ Москвы. Наконецъ, онъ прибылъ, но у него не оказалось достаточно денегъ для того, чтобы возвратить мнѣ деньги, взятыя его матерью. Такимъ образомъ мнѣ пришлось ждать около трехъ мѣсяцевъ, и это время я прожилъ у Ивана Ивановича въ одной комнатѣ съ Бѣлинскимъ.

Разскажу теперь то, что касается до Бѣлинскаго, въ данное время.

Когда Иванъ Ивановичъ Панаевъ пригласилъ еще въ Москвѣ Бѣлинскаго остановиться у него въ домѣ, онъ разсчитывалъ, что можетъ дать Бѣлинскому не менѣе двухъ комнатъ внизу. Между тѣмъ, въ его отсутствіе, мать распорядилась нижними комнатами занимаемаго ею дома, помѣстивъ тамъ въ двухъ комнатахъ одну

изъ своихъ любимыхъ приживалокъ (другая помѣщалась вверху), и отвела еще двѣ комнаты для домашняго доктора, пріѣзжавшаго два раза въ недѣлю изъ Павловска въ Петербургъ. Затѣмъ, оставалась одна свободная комната, въ которую помѣстили меня. Иванъ Ивановичъ Панаевъ ужасно разсердился, и въ первый же часъ пріѣзда вышла домашняя сцена; но дѣлать было нечего—Бѣлинскаго помѣстили въ той комнатѣ, въ которой помѣщался и я.

Черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ, Бѣлинскій принялся за работу, и комната его наполнилась журналами, книгами, лежавшими и на стульяхъ, и на столахъ, и на диванѣ, и на полу. Днемъ я старался не ходить часто въ эту комнату, чтобы не мѣшать Бѣлинскому; но когда приходило время спать, а равно и утромъ, онъ много со мною разговаривалъ и очень полюбилъ меня. Въ это время онъ подарилъ мнѣ свою грамматику, сдѣлавъ на ней надпись [1]).

Хотя Бѣлинскій занимался и днемъ, но видимо работы его подвигались главнымъ образомъ по ночамъ. Днемъ Бѣлинскій часто засиживался на верху у Ивана Ивановича Панаева, котораго очень многіе посѣщали, и кромѣ того Бѣлинскій въ это-то время любилъ поболтать съ молодою женою Ивана Ивановича и поддразнивать ее, какъ ребенка, потѣшаясь проявленіями ея наивности.

Въ этотъ періодъ времени Иванъ Ивановичъ велъ болѣе домашнюю жизнь. По вечерамъ приходили къ нему близкіе знакомые, и Бѣлинскій, большею частью, присутствовалъ тутъ и сосредоточивалъ на себѣ общее вниманіе, не только потому, что на него смотрѣли въ этомъ кружкѣ съ особеннымъ уваженіемъ, но по манерѣ своей говорить. Бѣлинскій всегда говорилъ съ искреннимъ жаромъ, съ убѣжденіемъ, безъ уклоненій и увертокъ; срединныхъ мнѣній онъ не терпѣлъ, рубилъ съ плеча, и чѣмъ дальше подвигался съ изложеніемъ своего мнѣнія, тѣмъ болѣе разгорячался; видимо. онъ

---

[1]) Эта книга хранилась у меня до 1878 г.; но одинъ изъ бывшихъ петербургскихъ редакторовъ, г. П—чъ, выпросилъ ее у меня на нѣсколько дней, чтобы просмотрѣть эту библіографическую рѣдкость. Вскорѣ послѣ этого сей господинъ очутился за границей. Я обращался къ нему письмами за границу, умоляя возвратить мнѣ дорогое для меня воспоминаніе и обѣщая простить ему денежный его мнѣ долгъ въ нѣсколько сотъ рублей, но письма мои остались безъ отвѣта. По неволѣ приходится подозрѣвать, что моя книга продана бывшимъ редакторомъ какому-нибудь библіофилу

принималъ все къ сердцу; говорилъ не для того, чтобы поговорить или блеснуть своимъ мнѣніемъ, нѣтъ, онъ говорилъ потому, что завязался разговоръ, потому что что-нибудь задѣло его за живое. Предметомъ его рѣчи преимущественно были или безпощадная казнь, или восторженное искреннее восхваленіе какого-либо литературнаго произведенія, общественнаго факта, литератора, или общественнаго дѣятеля.

Было чего наслушаться мнѣ, юношѣ въ 15 лѣтъ, пріѣхавшему изъ провинціи. Это время имѣло огромное вліяніе на всю мою жизнь. Но я по совѣсти скажу, что, будучи развитъ далеко не по лѣтамъ, вслѣдствіе условій жизни, изложенныхъ въ воспоминаніяхъ моего дѣтства, я никогда, и даже въ описываемое мною время, не относился ни къ чьимъ мнѣніямъ раболѣпно, и какъ ни ограниченъ былъ въ то время мой личный критеріумъ, я однако пропускалъ чужія мнѣнія чрезъ собственную критику.

Изъ числа литераторовъ, я помню, что видѣлъ разъ Полеваго, Сахарова, Воейкова и много разъ Кольцова, стихами котораго я наслаждался тогда больше, нежели какими-либо другими, и личность самого Кольцова производила тоже чрезвычайно пріятное впечатлѣніе. Бывалъ также у Ивана Ивановича довольно часто Даль, человѣкъ очень умный, весьма натуральный, на ходули не становившійся и пріятный, живой собесѣдникъ, обладавшій не малой дозой желчи. Помню также, посѣщавшаго тоже Ивана Ивановича, Владиславлева, жандармскаго штабъ-офицера, занимавшагося литературой и издававшаго ежегодно изящные альбомы съ прекрасными картинками и портретами.

Я имѣлъ, конечно, столько такта, чтобы не вмѣшиваться въ разговоры людей взрослыхъ, пользующихся или начинавшихъ пользоваться извѣстностью, но постоянно присутствовалъ на этихъ вечерахъ и съ великимъ удовольствіемъ слушалъ толки и споры. Эти толки и споры подымали во мнѣ мысли, побуждали меня обдумывать многое самому и, въ особенности, читать. Никогда, кажется, я не читалъ такъ много, какъ въ это время, тѣмъ болѣе, что не было никакого другаго дѣла.

Когда, по вечерамъ, никого не было, тогда Иванъ Ивановичъ

читалъ громко молодой своей женѣ преимущественно романы Вальтеръ-Скотта и Купера, и я, конечно, упивался ими.

Всего болѣе врѣзались въ мою память ночи. Бѣлинскій, какъ я уже упомянулъ, работалъ много по ночамъ, часовъ до 4, а иногда и долѣе. Я бывало долго лежалъ и смотрѣлъ на Бѣлинскаго во время его писанія. Меня интересовало наблюдать за нимъ потому, что занятіе его казалось для меня, нѣкоторымъ образомъ, какимъ-то священнодѣйствіемъ. Видимо было, что онъ жилъ въ эти минуты, то радовался, то страдалъ. Его писаніе было плодомъ искренно прочувствованнымъ; оттого-то оно и оставило по себѣ глубокіе неизгладимые слѣды. Часто случалось, что онъ съ видимымъ негодованіемъ и съ какою-то душевною болью отбрасывалъ отъ себя ту или другую книгу. Вѣроятно это было тогда, когда ему приходилось писать библіографію. Занятія его прерывались, время отъ времени, куреніемъ. Тогда онъ накладывалъ себѣ трубку и курилъ ходя, видимо обдумывая что-то.

Такъ какъ въ это время ему приходилось подходить близко къ дивану, на которомъ я спалъ, то я, конечно, закрывалъ глаза и притворялся спящимъ.

Въ теченіе ночи, мнѣ приходилось просыпаться не одинъ разъ и все видѣть Бѣлинскаго работающимъ, который часто кашлялъ такимъ особымъ звукомъ, который указывалъ на забирающуюся уже въ его грудь змѣю.

Тогда еще у меня сжималось сердце отъ мысли, какимъ тяжелымъ трудомъ добываетъ себѣ этотъ человѣкъ, котораго я уже сильно полюбилъ, кусокъ хлѣба. Тогда еще, несмотря на мою юность и неопытный взглядъ на жизнь, мнѣ казалось ничтожнымъ назначенное ему издателемъ «Отечественныхъ Записокъ» вознагражденіе. Я говорю объ этомъ здѣсь, потому что именно, во время сказаннаго мною бодрствованія въ постели, эти мысли приходили мнѣ въ голову всякій разъ, какъ Бѣлинскій закашляется.

Какъ ни интересно было мнѣ тогда наблюдать за Бѣлинскимъ и удовлетворяться этимъ наблюденіемъ, но конечно это побужденіе неминуемо должно бы было скоро притупиться и не поддерживать долѣе моей безсонницы; но въ этомъ играло еще роль мое личное положеніе. Неизбѣжно мнѣ приходили въ голову тревожныя мысли о томъ—

когда же разрѣшится мой вопросъ, когда же поступлю я къ профессору, когда же я начну готовиться въ институтъ; что родители мои ничего не знаютъ о моемъ положеніи, они думаютъ, что я давно принялся за приготовленіе, и я не могу оправдывать себя ни передъ собой, ни передъ другими за свою оплошность. Всѣ эти мысли волновали меня въ такой мѣрѣ, что я чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе утрачивалъ сонъ. Да, ночи эти мнѣ памятны, онѣ стоятъ передъ мною, какъ будто бы это дѣло было вчера.

Изъ этого-то ужаснаго положенія вывелъ меня Бѣлинскій и спасъ меня.

Проживъ въ домѣ три мѣсяца, Бѣлинскій, конечно, понялъ домашнія отношенія и узналъ благородный, честный, но слабый характеръ Ивана Ивановича. Нѣсколько разъ Бѣлинскій спрашивалъ меня, отчего я не учусь и не поступаю въ заведеніе? Я уклонялся отъ отвѣта, такъ какъ дѣло касалось неблаговиднаго поступка моей тетки, считавшейся хозяйкой дома, въ которомъ мы оба жили. Но наконецъ онъ настоятельно пожелалъ знать причину, и я разсказалъ ему все откровенно.

— Почему же вы не обратились къ Ивану Ивановичу? сказалъ онъ.

— Я уже не разъ говорилъ ему и не разъ онъ говорилъ матери, и по этому случаю были уже домашнія сцены; но я все-таки денегъ не получаю, отвѣтилъ я.

— Такъ Иванъ Ивановичъ знаетъ все?

— Да, знаетъ.

Бѣлинскій вспыхнулъ и сказалъ: «пойдемте со мною на верхъ».

Когда Бѣлинскій бывалъ чѣмъ-нибудь взволнованъ, то ходилъ изъ угла въ уголъ.

Придя къ Ивану Ивановичу вмѣстѣ со мною, онъ сталъ быстро ходить по комнатѣ въ продолженіе минуты или болѣе. Затѣмъ остановился и, обратясь къ Ивану Ивановичу, сказалъ рѣзко, указывая на меня:

— Что вы дѣлаете съ нимъ?

Иванъ Ивановичъ догадался, конечно, въ чемъ дѣло, и, сконфузившись, отвѣтилъ:

— Я уже нѣсколько разъ говорилъ матери, она обѣщала от-

дать деньги скоро, но говоритъ, что не могла до сихъ поръ справиться. Еслибы у меня были деньги, я, конечно, сейчасъ далъ бы ихъ.

— Ваша мать не только обобрала его, но она крадетъ его будущность. Какъ вамъ не стыдно, что ваша слабость доходитъ до такихъ предѣловъ. Вы обязаны сейчасъ же достать деньги, займите гдѣ хотите, за какіе бы то ни было проценты, но отдайте ему скорѣе неотложно.

Бѣлинскій говорилъ такъ авторитетно и такъ горячо, что слова эти сильно подѣйствовали на Ивана Ивановича, и онъ тутъ же написалъ записку съ приказомъ управляющему его дачей, близъ стекляннаго завода, немедленно явиться къ нему.

Управляющій дачей былъ прежде крѣпостнымъ, но въ это время былъ уже отпущенъ на волю. Онъ былъ очень красивъ, молодъ и одѣвался щегольски; я всегда видалъ его въ кафтанчикѣ изъ настоящаго бархата съ большой золотой цѣпочкой и въ лакированныхъ сапогахъ. Звали его Василіемъ; онъ былъ въ большомъ почетѣ, имѣлъ для разъѣздовъ свою лошадь съ прекрасной упряжкой и былъ большой плутъ, зажирѣвшій отъ барскаго добра. Такъ какъ этотъ Василій уже нѣсколько разъ говорилъ мнѣ: «подождите, подождите, баринъ, немножко, скоро будутъ деньги»—то я не долженъ бы былъ надѣяться на хорошій результатъ; но на этотъ разъ мнѣ чувствовалось, что теперь настала рѣшительная минута, и потому я ждалъ Василія съ большимъ нетерпѣніемъ и частенько посматривалъ въ окошко. Наконецъ, часу въ седьмомъ, подкатилъ Василій на своей щегольской лошади.

Ивановъ Ивановичемъ было отдано приказаніе камердинеру, чтобы, по пріѣздѣ Василія, его въ ту же минуту, не допуская никуда, провели прямо на его, Ивана Ивановича, половину. Когда Василій прошелъ въ кабинетъ, я остался въ сосѣдней комнатѣ. Иванъ Ивановичъ былъ очень добраго сердца, но былъ горячъ. Въ кабинетѣ разразилась такая буря, что, какъ говорится, стекла дрожали отъ крика Ивана Ивановича и ничего нельзя было разобрать. Наконецъ, я услышалъ: «ты обманщикъ, врунъ, воръ, не чрезъ недѣлю, не чрезъ день, а чтобы сегодня, сейчасъ были деньги, иначе я тебя отправлю къ чорту!» Затѣмъ отворилась дверь, и Ва-

силій, красный, какъ ракъ, вылетѣлъ оттуда, вытолкнутый въ зашей.

Подбѣжавъ ко мнѣ, Василій сказалъ: «поѣдемте, баринъ, сейчасъ со мною». Вѣроятно, онъ побоялся пріѣхать съ деньгами обратно въ домъ, чтобы ихъ не перехватили отъ него на другой половинѣ.

Я обрадовался, и мы покатили съ Васильемъ на его лошади въ Никольскій рынокъ. Тамъ мы вошли въ большую мясную лавку. Оказалось, что хозяинъ былъ арендаторомъ какихъ-то угодій на дачѣ. Василій потребовалъ уплаты денегъ; купецъ сталъ мяться и говорить, что отдастъ послѣ праздниковъ, но Василій,—подобно тому, какъ Иванъ Ивановичъ былъ возбужденъ твердымъ и сильнымъ словомъ Бѣлинскаго, былъ возбужденъ только-что бывшей съ нимъ передрягой,—настоятельно потребовалъ деньги сейчасъ же. Дѣлать было нечего, купецъ открылъ ящикъ и сталъ выкладывать цѣлковые. Когда отсчитали 400 цѣлковыхъ и положили ихъ въ мѣшокъ, Василій передалъ его мнѣ. Я не поѣхалъ домой, и хотя было уже девять часовъ, попросилъ Василія свезти меня прямо къ профессору Полонскому, къ которому я долженъ былъ поступить для приготовленія въ институтъ путей сообщенія.

Пріѣхавъ къ Полонскому, я отдалъ ему деньги, объяснивъ причину, почему я не явился къ нему раньше, и сказалъ, что завтра переѣду къ нему. Но дѣло было передъ праздникомъ Рождества, и потому Полонскій велѣлъ явиться къ нему не ранѣе 7-го января.

Такъ-то я вышелъ изъ мучительнаго, отчаяннаго положенія, благодаря благородной энергіи Бѣлинскаго и тому могучему вліянію, которое онъ имѣлъ на окружающихъ людей. Не спаси меня Бѣлинскій въ самый крайній моментъ, вся моя будущность могла бы быть очень плачевна. Всю жизнь я не забывалъ этого и теперь вспоминаю о томъ съ великою благодарностью, любовью и уваженіемъ къ этому человѣку.

VII.

Приготовленіе мое въ институтъ путей сообщенія у инженеръ-полковника Александра Викентьевича Полонскаго [1]).—Характеристика этой личности и частныхъ приготовительныхъ заведеній того времени.

Такимъ образомъ, я поступилъ къ профессору, полковнику Полонскому, только въ началѣ января 1840 г. для приготовленія въ институтъ путей сообщенія. До экзамена оставалось всего $3^1|_2$ мѣсяца, а надо было держать такой экзаменъ, какой требовался для поступленія въ университетъ, за исключеніемъ латыни и съ тою разницею, что экзаменъ изъ математики былъ особенно строгъ.

Въ то время институтъ былъ закрытымъ заведеніемъ, имѣя четыре класса, а затѣмъ два офицерскихъ класса. Братъ мой, Ипполитъ, находился уже въ институтѣ и весною долженъ былъ перейти въ предпослѣдній классъ, а я къ тому времени долженъ былъ выдержать экзаменъ въ тотъ же классъ, чтобы идти одновременно съ нимъ. Отецъ мой условился объ этомъ перепиской съ Полонскимъ, и послѣдній согласился на это, разсчитывая, конечно, что я поступлю къ нему въ началѣ учебнаго сезона. Въ этихъ-то соображеніяхъ меня и отправили въ Петербургъ, и такъ какъ я долженъ былъ поступить на свой счетъ, то, не попади я въ назначенный классъ, отцу пришлось бы платить за лишній годъ, а это было для него чувствительно.

Въ Казани я подготовлялся изъ математики у молодаго адъюнктъ-профессора А. Попова, который, впослѣдствіи, сдѣлался весьма извѣстнымъ профессоромъ. Онъ находилъ, что я вполнѣ готовъ для требуемаго экзамена, считалъ меня лучшимъ своимъ ученикомъ изъ 40 человѣкъ пансіона, а потому я и самъ получилъ въ томъ увѣренность и полагалъ, что мнѣ предстоитъ лишь освѣжать все пройденное съ Поповымъ.

Какъ ошибался Поповъ, а вмѣстѣ съ нимъ и я, это обнаружилось съ перваго же шага поступленія моего къ Полонскому. Между способами преподаванія математики въ гимназіяхъ и въ институтѣ путей сообщенія лежала цѣлая пропасть. На повѣрку оказалось, что я что-то такое заучилъ, какъ попугай, а существа дѣла не зналъ.

[1]) Отецъ извѣстнаго литератора Леонида Александровича Полонскаго.

Когда я явился къ Полонскому, то между мною и имъ возбудился слѣдующій разговоръ, который твердо помню до сихъ поръ.

— Милый мой,—сказалъ Полонскій, – я обѣщалъ вашему отцу приготовить васъ въ 4-й классъ (предпослѣдній передъ выпускомъ въ офицеры), если только вы будете заниматься такъ же хорошо, какъ занимался у меня вашъ братъ; но вы явились такъ поздно, что объ этомъ и думать нельзя. Я буду васъ готовить въ 5-й классъ и увѣдомлю о томъ вашего отца.

Сердце мое сжалось, и я сказалъ ему:

— Я приготовилъ все, что нужно для поступленія въ 4-й классъ; мнѣ остается только освѣжить пройденное.

— Это говорятъ мнѣ всѣ, которые поступаютъ ко мнѣ, но у насъ другія требованія.—У кого вы готовились?

— У адъюнктъ-профессора Попова въ Казани.

— Ариѳметику вы проходили съ доказательствами?

Я молчалъ, потому что впервые услыхалъ слово: «ариѳметика съ доказательствами».

Полонскій повторилъ свой вопросъ, и я, въ недоумѣніи, продолжалъ молчать.

— Покажите мнѣ то руководство, которое было у васъ для ариѳметики.

Я показалъ ему ту ариѳметику, которая была принята во всѣхъ гимназіяхъ. Увидѣвъ ее, Полонскій улыбнулся и затѣмъ сказалъ:

— У насъ принята въ руководство ариѳметика Бурдона на буквахъ, съ доказательствами.

Я опять вытаращилъ глаза, услыхавъ, что ариѳметика преподается на буквахъ.

— Теперь,—продолжалъ Полонскій — я вижу, что не могу приготовить васъ и въ 5-й классъ, и развѣ, съ трудомъ, приготовлю въ 6-й.

Выходило, что я поступилъ бы на два класса ниже того, на который разсчитывали я и отецъ мой; я обомлѣлъ, слезы ручьемъ полились изъ глазъ, но я не шевелился и стоялъ передъ Полонскимъ, какъ бы преступникъ, приговоренный къ смерти.

Когда онъ увидалъ безмолвно текущія слезы, то потрепалъ меня по плечу и сказалъ:

— Успокойтесь, успокойтесь, мой милый, если сильно поработаете, то, быть можетъ, я и приготовлю васъ въ 5-й классъ.

Но вотъ что сдѣлалъ для меня этотъ благороднѣйшій, наисердечный человѣкъ и замѣчательный педагогъ.

Надо сказать, что въ пансіонѣ у Полонскаго готовилось всего 10 человѣкъ. Для этихъ 10 человѣкъ было три лектора для математики. Одинъ, Быковъ (довольно извѣстный впослѣдствіи практическій инженеръ) готовилъ въ 6-й классъ. Другой, Липинъ (извѣстный своей памятной книгой и таблицами, имъ самимъ составленными по математикѣ, физикѣ и проч. и впослѣдствіи директоръ департамента желѣзныхъ дорогъ) готовилъ въ 5-й классъ, и, наконецъ, самъ Полонскій готовилъ въ 4-й классъ. Это показываетъ, какъ добросовѣстно и серьезно относились тогда частные подготовители къ своему долгу. По всѣмъ прочимъ предметамъ были вообще прекрасные преподаватели и былъ даже гувернеръ, Старчевскій, впослѣдствіи издатель «Сына Отечества».

Недѣли черезъ двѣ послѣ моего поступленія, Полонскій сказалъ мнѣ:

— Вы, вѣрно, мечтаете о четвертомъ классѣ?

— Мечтаю, но что же дѣлать, если это невозможно.

— Я подумалъ объ этомъ; ничего вамъ не обѣщаю, но могу устроить такъ, чтобы дать вамъ къ тому возможность; остальное будетъ зависѣть отъ васъ самихъ. Я распредѣлю уроки такъ, чтобы они не совпадали и вы будете имѣть возможность посѣщать Быкова и Липина, а затѣмъ, послѣ обѣда, будете слушать меня. Вамъ придется выслушивать въ день три лекціи изъ математики. Если осилите, то вамъ и книги въ руки; но повторяю, что вы не должны думать, что я берусь приготовить васъ въ 4-й классъ. Изъ того, что я могъ уже замѣтить и по отзыву Липина, вы можете разсчитывать на 5-й классъ.

Я обрадовался вдвойнѣ; во-первыхъ тому, что представилась возможность приготовиться въ четвертый классъ, и, во-вторыхъ, тому, что я созналъ, что нахожусь въ рукахъ сердечнаго человѣка, который для одного юноши измѣняетъ часы уроковъ, конечно, безъ всякаго ущерба для кого бы ни было.

Можно ли встрѣтить что-либо подобное въ настоящее время?

При этомъ замѣчу, что, несмотря на сердечность этого человѣка, весь режимъ его пансіона былъ особенно строгъ и всѣ сильно боялись его. Но это, послѣ сдѣланнаго имъ для меня блага, не мѣшало мнѣ возлюбить Александра Викентьевича Полонскаго, какъ отца.

Такимъ образомъ, я посѣщалъ въ день 3 лекціи только изъ одной математики. Дѣло пошло на ладъ; у Быкова и Липина я почти постоянно получалъ полные баллы; но Полонскій меня не спрашивалъ: онъ какъ бы игнорировалъ меня на своихъ лекціяхъ, и такъ продолжалось болѣе двухъ мѣсяцевъ. Это ужасно огорчало меня; но, вѣроятно, онъ не хотѣлъ питать меня надеждой, въ которой я могъ обмануться, и, въ то же время, какъ это выяснилось для меня впослѣдствіи, у него былъ педагогическій разсчетъ. Будучи ежедневно въ ожиданіи, что онъ спроситъ меня, и понимая, что отъ моего отвѣта будетъ зависѣть его рѣшеніе и моя участь, я былъ всегда наготовѣ изъ всего пройденнаго, — что̀ вынуждало и пріучило меня къ сосредоточенію, и это отразилось впослѣдствіи благодѣтельно для меня при слушаніи курса высшей математики. Наконецъ, за мѣсяцъ или менѣе до экзамена, когда одинъ изъ учениковъ городилъ по какому-то вопросу околесицу, Полонскій вызвалъ меня и сказалъ: «не можете ли вы отвѣтить мнѣ?» Я отвѣтилъ ему отлично и замѣтилъ, что лицо его просіяло. На другой день онъ объявилъ мнѣ, что, кромѣ общихъ уроковъ, будетъ заниматься еще со мною однимъ. Онъ такъ хорошо подготовилъ меня, что я выдержалъ экзаменъ въ 4-й классъ первымъ изъ 60 человѣкъ, выдержавшихъ экзаменъ въ этотъ классъ.

Экзамены въ то время производились вообще съ особенно строгою обстановкою и торжественностью. Экзаменаторовъ по каждому главному предмету было не менѣе трехъ человѣкъ, кромѣ членовъ экзаменной коммиссіи, состоящей изъ многихъ компетентныхъ лицъ, которыя тоже не рѣдко задавали вопросы. Экзаменаторами были непремѣнно профессора высшихъ классовъ, къ которымъ должны были поступать экзаменующіеся юноши; слѣдовательно, первые были заинтересованы, чтобы эти юноши были хорошо подготовлены для слушанія въ будущемъ ихъ лекцій. Экзамены производились открыто, въ большихъ залахъ, въ присутствіи всѣхъ прочихъ экзаме-

нующихся, и баллы объявлялись тотчасъ же, какъ экзаменующійся отойдетъ отъ доски или стола. При такомъ порядкѣ не мыслимы были самомалѣйшія фаворитства или, обратно, незаслуженныя обиды.

Я остановился немного долго на предметѣ, повидимому, мало интересномъ, т. е. на моемъ приготовленіи въ институтъ; но я считалъ долгомъ характеризовать тѣ небольшія частныя заведенія того времени, которыя были оклеветаны, на которыя напали съ какою-то яростью и которыя были уничтожены, тогда такъ они были, въ большей части случаевъ, благодѣтельны для родителей. Юноша въ маленькомъ закрытомъ заведеніи можетъ быть приготовленъ и лучше, и скорѣе; за нимъ есть надзоръ во всѣхъ отношеніяхъ и его подготовляютъ къ той дисциплинѣ, которой онъ долженъ неуклонно подчиняться въ казенномъ заведеніи, и между тѣмъ юноша чувствуетъ, что онъ еще окруженъ пока попеченіемъ, имѣющимъ нѣкоторое подобіе попеченія родительскаго.

На эти частныя небольшія заведенія напали въ предположеніи, что содержатели ихъ, имѣя связь съ тѣми казенными заведеніями, въ которыя готовятъ юношей, по фаворитству съ другими учителями, могутъ помѣщать туда такихъ своихъ воспитанниковъ, которые не заслуживаютъ того.

Съ самымъ глубокимъ убѣжденіемъ утверждаю, что ничего подобнаго не существовало въ то время въ институтѣ путей сообщенія. Были ли подобныя злоупотребленія по другимъ заведеніямъ, этого я не знаю. Надо обратить вниманіе на самый характеръ заведенія, гдѣ преимущественно требовались математическія познанія. Оцѣнка другихъ отраслей знанія, гдѣ требуется лишь память, конечно, представляетъ большую эластичность. Всегда есть такіе вопросы, которые не могутъ не удерживаться въ памяти, и, наоборотъ, есть такіе, которые вообще трудно сохраняются въ головѣ. Стоитъ лишь задать тотъ или другой вопросъ, чтобы быть почти увѣреннымъ, что послѣдуетъ хорошій отвѣтъ, или—наоборотъ. При оцѣнкѣ же математическихъ познаній подобная эластичность далеко не такъ удобна. Математика требуетъ не памяти, а соображеній и логичности. Какой бы вопросъ ни задать, юноша долженъ оправдать и то и другое. Изъ математими можно срѣзать

но фаворизировать гласно, въ присутствіи сотни людей, невозможно.

По поводу моего приготовленія въ институтъ, я вспомнилъ одно курьезное обстоятельство, не мало способствовавшее моему успѣшному ученію у Полонскаго.

У насъ, воспитанниковъ, не было обыкновенныхъ кроватей, а были деревянные шкафы, изъ которыхъ выкидывалась кровать на ночь, а днемъ убиралась въ шкафъ. Въ этихъ шкафахъ кишѣли миріады клоповъ. Никакими мѣрами не было возможности истребить ихъ. Первую ночь я провелъ на-пролетъ безъ сна; товарищи же должно быть попривыкли и спали какъ нельзя лучше. Не только одно кусанье клоповъ, но эти гады дѣйствуютъ на меня нравственно. Я не имѣлъ духу лечь на другой день въ постель и придумалъ слѣдующее: я поставилъ три табурета къ столу, положилъ на столъ подушку и расположился спать въ халатѣ на этихъ табуретахъ; но на такой мягкой постели долго не проспать, и въ 5 часовъ или ранѣе я проснулся и по неволѣ сталъ заниматься. Такимъ образомъ, я рѣшился продолжать эту систему, и въ теченіе всего времени моего пребыванія у Полонскаго, т. е. въ теченіе 3¹/₂ мѣсяцевъ, я спалъ на табуретахъ, просыпаясь не позже 5 часовъ, и моментально принимался за занятіе. Къ тому времени, когда товарищи вставали, я былъ уже готовъ къ тремъ предстоящимъ каждый день урокамъ изъ математики. Нельзя отрицать, что разсказанное сейчасъ курьезное обстоятельство не мало способствовало моимъ успѣшнымъ занятіямъ у Полонскаго.

VIII.

Семейство Казнныхъ.

Въ самомъ началѣ мая 1840 г. я кончилъ экзаменъ, а явиться въ институтъ долженъ былъ только въ началѣ сентября. Не безъинтересенъ эпизодъ, касающійся этого промежутка времени.

Въ тотъ день, когда экзаменовавшихся собрали, чтобы объявить о пріемѣ выдержавшихъ экзаменъ, и когда я находился еще

въ залѣ института, мнѣ подали письмо, сказавъ, что человѣкъ ожидаетъ отвѣта. Содержаніе письма было слѣдующее:

«Многоуважаемый

Валеріанъ Александровичъ!

«Я очень друженъ съ вашимъ дядюшкой, Владиміромъ Ивановичемъ. Отъ сына моего, Ѳеди, который готовился съ вами, я узналъ, что вы блестящимъ образомъ выдержали экзаменъ, и мнѣ было бы пріятно познакомиться съ вами. Не сдѣлаете ли мнѣ честь пожаловать ко мнѣ сегодня откушать къ 4 часамъ? Экипажъ къ вашимъ услугамъ и будетъ ждать у подъѣзда вашего распоряженія».

«Съ уваженіемъ и проч.

Дмитрій Казинъ».

Мальчику, которому не было еще 16 лѣтъ, и получить такое письмо отъ неизвѣстнаго и почтеннаго человѣка, не могло не быть лестно; тѣмъ не менѣе, я былъ въ нерѣшительности, что отвѣчать. Сынъ Казина, не выдержавшій экзамена, былъ тутъ же въ залѣ. Я показалъ ему письмо. Тогда онъ сказалъ, что отецъ предупредилъ его, что напишетъ мнѣ письмо, и чтобы онъ, съ своей стороны, какъ товарищъ, пригласилъ меня пріѣхать къ нему. Къ четыремъ часамъ мы пріѣхали къ его отцу. Есть, вѣроятно, еще не мало въ живыхъ людей, которые знали Дмитрія Ниловича Казина, бывшаго тогда директоромъ бумажной фабрики дворцоваго вѣдомства, въ Петергофѣ, управлявшаго этою фабрикою на коммерческихъ основаніяхъ. Это былъ, безспорно, чрезвычайно умный и чрезвычайно способный человѣкъ.

До принятія Казинымъ бумажной фабрики въ свое завѣдываніе, она приносила убытокъ. Казинъ взялся за дѣло съ тѣмъ, чтобы въ его пользу отсчитывалось 10% изъ чистой прибыли. Если я не ошибаюсь, то иные годы эти 10% достигали 30.000 р. или 100.000 ассигнаціями. Въ то время было очень мало бумажныхъ фабрикъ, и цѣль казенной фабрики заключалась въ томъ, чтобы способствовать развитію этой отрасли промышленности. Когда число частныхъ фабрикъ увеличилось, тогда Казинъ представилъ проектъ о закрытіи казенной бумажной фабрики въ Петергофѣ и объ обращеніи ея въ гранильную, что̀ и было сдѣлано.

Казинъ имѣлъ на Сергіевской улицѣ небольшой собственный домъ, а жилъ въ Петергофѣ. Онъ принялъ меня съ распростертыми объятіями и относился ко мнѣ, какъ къ взрослому человѣку. Впервые въ жизни я былъ въ незнакомомъ домѣ, но, несмотря на это, мнѣ казалось, что я давно знакомъ съ хозяиномъ.

За обѣдомъ Казинъ завелъ слѣдующій разговоръ:

— Гдѣ вы думаете провести лѣто?

— У меня здѣсь много родныхъ—частью у однихъ, частью у другихъ.

— А что—кто-нибудь изъ вашихъ родныхъ не будетъ ли проводить лѣто въ Петергофѣ?

— Нѣтъ.

— А вы знаете Петергофъ?

— Я не былъ еще нигдѣ въ окрестностяхъ Петербурга.

— Петергофъ, любезнѣйшій Валеріанъ Александровичъ, рай земной: пріѣзжайте на лѣто жить къ намъ.

Такое неожиданное предложеніе смутило меня и показалось сначала шуткой. Помолчавъ немного, я сказалъ, что не могу рѣшить этого вопроса, и мнѣ надо переговорить прежде того съ родными.

— Не безпокойтесь,—сказалъ Казинъ—я переговорилъ уже съ вашимъ дядюшкой; спросите его, и онъ васъ благословитъ.

— У меня есть другіе родные.

— Есть-то есть, я знаю, да Петергофа-то они вамъ дать не могутъ.

Я молчалъ.

Чрезъ нѣсколько минутъ Казинъ возобновилъ разговоръ на ту же тему, обрисовывая фонтаны, паркъ море—словомъ, всячески соблазнялъ меня. Затѣмъ сказалъ:

— Да вотъ что: чрезъ 5 дней я праздную съ своей старухой серебряную свадьбу. Пріѣзжайте къ намъ; понравится — ладно, не понравится — что же дѣлать? Тогда и дадите вашъ отвѣтъ. Въ день праздника я пришлю вамъ въ 9 час. утра коляску.

Въ назначенный день коляска явилась, и я отправился въ Петергофъ.

По пріѣздѣ къ дому, проходя прилегающимъ къ дому садомъ,

я встрѣтилъ красавицу, дѣвушку лѣтъ 17, въ бѣломъ воздушномъ платьѣ и съ роскошными волосами. Дѣвушка эта остановилась, оглядѣла меня и затѣмъ сказала:

— Это вы, Валерушка?

— Я — и я конечно покраснѣлъ до ушей.

— А я Сашенька: мы васъ ждали, папа говорилъ, что вы молодецъ. Пойдемте, я покажу вамъ комнату; вѣдь вы будете жить у насъ—не правда ли?

Комната была близко, въ нижнемъ этажѣ, окнами въ садъ.

— Хорошо ли вамъ будетъ тутъ?

— Отлично — отвѣтилъ я.

Эта прелестная дѣвушка поцѣловала меня въ лобъ и улетѣла; она была вторая дочь Д. Н. Казина.

Я былъ обвороженъ, пораженъ; все мнѣ показалось чѣмъ-то волшебнымъ, сказочнымъ, я сразу плѣнился, сразу врѣзался и моментально предрѣшилъ уже мысленно — отнюдь не отказываться провести лѣто у Казиныхъ, если только послѣдуетъ вторичное приглашеніе.

Праздникъ у Казина былъ на славу. Въ саду была устроена огромная палатка, въ которой былъ накрытъ столъ на 250 человѣкъ. Въ два пріема пароходъ придворнаго вѣдомства привезъ изъ Петербурга массу гостей. Въ то время ходили два частныхъ парохода Берда, допотопнаго устройства, кажется, съ однимъ колесомъ по серединѣ судна, совершавшіе переѣздъ между Петербургомъ и Петергофомъ въ 5 часовъ, и были такъ грязны, что страшно было взойти на нихъ.

Передъ концомъ обѣда выступилъ хоръ, состоявшій изъ всѣхъ членовъ семейства и другихъ родныхъ и интимныхъ знакомыхъ, и спѣлъ гимнъ, спеціально сочиненный для этого случая однимъ тогдашнимъ литераторомъ Борисомъ Ѳедоровымъ и положенный на музыку Иваномъ Петровичемъ Бунинымъ, который былъ извѣстенъ тогда почти всему Петербургу, какъ музыкальный человѣкъ. Это отецъ той Буниной, которая славилась нѣкогда въ петербургскомъ обществѣ своимъ прекраснымъ пѣніемъ.

У меня до сихъ поръ осталось въ памяти первое четырехстишіе означеннаго гимна:

„За день желанный, день отрадный,
Прославимъ милости небесъ,
Онъ вѣстникъ счастья благодатный
Веселье сердцу онъ принесъ,
Веселье сердцу онъ принесъ“ и т. д

Послѣ обѣда, въ той же палаткѣ, была устроена сцена и представлена пьеса, тоже спеціально написанная Өедоровымъ, въ которой играли только всѣ члены семьи Казина, состоящей изъ матери и 12 человѣкъ дѣтей, при чемъ одинъ сынъ былъ еще грудной и введенъ въ пьесу. Помню тоже первое четырехстишіе куплетовъ, пѣтыхъ въ заключеніе пьесы; музыка была тоже Бунина:

„Двадцать пять лѣтъ совершилось
Счастью супружескихъ дней,
Снова оно обновилось
Въ счастьи дѣтей,
Въ счастьи дѣтей“ и т. д.

И въ это время мать, нѣсколько приподымая груднаго ребенка на рукахъ, покачивала его; она была очень хороша собою и, несмотря на то, что имѣла 18 человѣкъ дѣтей, изъ коихъ 12 живыхъ, казалась сестрой своей старшей дочери.

Послѣ спектакля открылся блестящій балъ, подобнаго которому мнѣ не случалось еще видѣть. Затѣмъ ужинъ и опять танцы до 8 ч. утра, и тогда только начали отъѣзжать гости въ Петербургъ на томъ же пароходѣ.

Утомленный и очарованный всѣмъ видѣннымъ мною въ Петергофѣ, я заснулъ мертвымъ сномъ. Когда я всталъ, Казинъ позвалъ меня въ кабинетъ.

— Ну что, понравилось вамъ у насъ?

— Конечно, понравилось — сказалъ я.

— Ну такъ съ Богомъ, по рукамъ.

— Я не могу,—отвѣтилъ я, — у меня есть родной братъ, съ которымъ я желаю непремѣнно провести все лѣто.

— Такъ что же, тѣмъ лучше: вмѣстѣ, вмѣстѣ пожалуйте къ намъ; я слышалъ тоже о вашемъ братѣ отъ Владиміра Ивановича; вѣдь вашъ братъ товарищъ Нилушкѣ (другой сынъ Казина). Отлично, отлично, поѣзжайте за вашимъ братомъ и скорѣе къ намъ; видите, какой у насъ просторъ, не будетъ никому тѣсно.

Черезъ нѣсколько дней мы пріѣхали съ братомъ къ Казинымъ и провели у нихъ все лѣто. Это время составляетъ одно изъ весьма пріятныхъ воспоминаній моей юности.

Лѣто было жаркое, а въ такое лѣто Петергофъ восхитителенъ съ своими фонтанами. Содержался онъ въ то время наилучшимъ образомъ, потому что государь Николай Павловичъ жилъ тамъ все лѣто, а извѣстно, какъ онъ любилъ это загородное мѣсто.

Домъ Казиныхъ былъ постоянно открытымъ домомъ. Каждый день накрывалось на столъ приборовъ 10 лишнихъ. Всѣ знакомые холостые являлись къ обѣду, къ чаю безъ зова, въ особенности офицеры Конно-Гренадерскаго полка, квартировавшаго и по сіе время квартирующаго въ Петергофѣ.

Каждый день придумывались разныя развлеченія: катанья, partie-de-plaisir съ провизіей и самоваромъ, прогулки пѣшкомъ то въ Сергіевскую пустынь, то въ Стрѣльну, то въ Ораніенбаумъ и проч. Но для меня главнымъ attraction была все-таки Сашенька. Я скучалъ, если ея не было, я ревновалъ, когда она болтала съ молодежью: большими кадетами, двоюродными или троюродными братцами и проч., во множествѣ посѣщавшими домъ. При моихъ годахъ, не полныхъ 16 лѣтъ, моя привязанность къ Сашенькѣ была, какъ говорится, самаго платоническаго характера: было весело на душѣ, когда я ее видѣлъ, было отрадно, когда она болтала со мною. Въ это время какой-то художникъ рисовалъ съ нея портретъ въ настоящую величину. Художникъ былъ должно быть не изъ важныхъ: рисованіе этого портрета продолжалось мѣсяца два, и художникъ держалъ Сашеньку часа по два въ бальномъ платьѣ съ цвѣтами и проч. Несмотря на всѣ его старанія, портретъ вышелъ плоховатъ. Часто, во время этого рисованія, Сашенька звала меня сидѣть съ нею для болтовни или для чтенія; это было верхомъ удовольствія для меня, тѣмъ болѣе, что она была всегда весела и отъ природы очень остроумна.

Въ скоромъ времени послѣ нашего пріѣзда въ Петергофъ, братъ мой и я сдѣлались друзьями Сашеньки. Она интересовалась въ то время однимъ молодымъ офицеромъ Конно-Гренадерскаго полка, г. Ю—ъ, и тотъ тоже интересовался ею, но предложенія еще не дѣлалъ. Мы, т. е. я и братъ мой, были ея конфидентами и въ тотъ день,

когда его не было или онъ опаздывалъ придти, мы, исполняя ея желаніе, бѣгали, подъ какимъ-нибудь предлогомъ къ этому офицеру и сообщали Сашенькѣ о томъ, что онъ дѣлаетъ. Ревности у меня къ г. Ю—у не было, напротивъ, я очень сочувствовалъ тому, чтобы онъ сдѣлался женихомъ Сашеньки, потому что за нею сильно ухаживалъ полковой командиръ того же полка, генералъ-маіоръ баронъ К—ъ, человѣкъ слишкомъ 50-ти лѣтъ, который дѣлалъ уже предложеніе, но которому отвѣтили деликатно, что надо-де выждать. Мнѣ казалось ужаснымъ, если Сашенька выйдетъ за этого генерала. Къ концу лѣта Ю—ъ посватался, Сашенька была объявлена невѣстой, вскорѣ вышла замужъ и была очень счастлива.

Наступилъ сентябрь, и мнѣ нужно было явиться въ институтъ путей сообщенія.

Невольно возбуждается вопросъ: что могло побуждать Казина отнестить такъ внимательно, можно сказать сердечно, къ намъ, т. е. двумъ юношамъ, никогда прежде его не знавшимъ? Хотя онъ ни разу не обнаруживалъ своей задней мысли, но, въ концѣ концовъ, мы поняли, что онъ желалъ, чтобы его два сына, порядочные лѣнтяи, провели лѣто съ товарищами, которые могли бы, нѣкоторымъ образомъ, повліять на его сыновей.

Съ отъѣздомъ нашимъ изъ Петергофа, знакомство наше съ семействомъ Казиныхъ хотя и не прекратилось, но мы могли бывать у нихъ лишь разъ или два въ годъ, когда они пріѣзжали на нѣсколько дней изъ Петергофа въ Петербургъ. Но когда мы вышли на дѣйствительную службу, на постройку Николаевской желѣзной дороги, то случилось, что мѣстожительство наше находилось въ 3-хъ верстахъ отъ имѣнія Казиныхъ, куда они въ это время пріѣзжали проводить лѣто, а потому мы очень сблизились съ этимъ семействомъ и сдѣлались какъ бы своими въ ихъ домѣ.

Я остановлюсь еще нѣсколько на описаніи этого семейства, такъ какъ оно представляло рельефный и рѣдкій уже въ то время типъ патріархальнаго режима, и тѣмъ болѣе рѣдкій, что семейство это жило въ свѣтѣ и въ центрѣ нашей цивилизаціи.

Казинъ былъ, въ полномъ смыслѣ слова, патріархъ-деспотъ, но деспотъ необыкновенно тонкій: насилія не было замѣтно, или оно не тяготило членовъ семейства. Все до мельчайшихъ деталей шло

по установленному имъ тону и по его волѣ. Всѣ трепетали его—начиная съ жены, и всѣ искренно любили его, чтó обнаруживалось не только желаніемъ всѣхъ членовъ семьи не доставлять какихъ-либо непріятностей ея главѣ, но и стремленіемъ предупреждать возможность непріятностей отъ другихъ лицъ, за которыя они, разумѣется, не могли нести никакой отвѣтственности. По этому поводу были весьма комическія сцены. Казинъ имѣлъ много предразсудковъ и не любилъ извѣстныхъ разговоровъ. Часто случалось, что кто-нибудь изъ мало знакомыхъ въ домѣ заведетъ подобный разговоръ и вдругъ чувствуетъ, что его дернули за полу сюртука, или ткнули пальцемъ, или кто-нибудь изъ членовъ семьи дѣлаетъ ему гримасу или внезапно прерветъ рѣчь говорящаго и задастъ такой вопросъ, что этотъ господинъ приходитъ въ полное недоумѣніе, иногда до-нельзя комичное, въ особенности для тѣхъ, которые знали, въ чемъ дѣло. Бывало и такъ, что Казинъ, замѣтивъ причину этого недоумѣнія и, чтобы вывести человѣка изъ затрудненія, самъ подшутитъ надъ виновнымъ членомъ семьи; но такъ или иначе цѣль достигалась, и разговоръ прекращался.

Казинъ женился на дѣвушкѣ, когда ей было 13 лѣтъ, и потому могъ воспитать ее по своему желанію, а затѣмъ, конечно, и всѣхъ дѣтей. Все въ домѣ совершалось по манію его магическаго жезла. Онъ большею частью намѣчалъ жениховъ дочерямъ и невѣстъ сыновьямъ, и всѣ единодушно стремились къ намѣченной цѣли. Дочь серьезно влюбилась въ намѣченнаго жениха, а сынъ въ намѣченную невѣсту, и разъ дѣло было направлено по намѣренію патріарха, онъ уже ни во что не мѣшался, бросалъ таинственныя возжи и предоставлялъ всѣмъ такую полную свободу, которая, можно сказать, поражала своею неподдѣльною наивностью. И надо отдать справедливость, что онъ, заботясь объ истинномъ счастьи дѣтей, подбиралъ пары удачно, другъ другу во всѣхъ отношеніяхъ подходящія.

По образцу прежнихъ отдаленныхъ нравовъ, при семействѣ Казиныхъ состояли всегда шуты: ихъ было много, одинъ смѣнялъ другаго. Въ Петергофѣ были одного сорта, а въ деревнѣ другаго, изъ мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ, такъ что я никогда не помню, чтобы домъ Казиныхъ оставался безъ шута. Но надо замѣтить,

что эти шуты бывали и низкой и высокой пробы. Къ числу послѣднихъ можно было относить тѣхъ, которые, не отличаясь ничѣмъ по внѣшности отъ людей общества, служили мишенью для остротъ на ихъ счетъ, и служили этою мишенью именно потому, что они своею находчивостью на отвѣты и своимъ остроуміемъ забавляли всѣхъ.

Какъ одну изъ чертъ патріархальности этого семейства, я вспоминаю одинъ эпизодъ.

Однажды Казинъ очень сильно распекалъ и пушилъ одного чиновника за какое-то важное упущеніе, но не злоупотребленіе, и заключилъ тѣмъ, что чиновникъ убрался вонъ со службы. Мнѣ и брату случилось быть свидѣтелями этой сцены, и намъ стало ужасно жаль этого чиновника. Каково же было наше удивленіе, когда мы увидѣли въ тотъ же день означеннаго чиновника сидящимъ за семейнымъ чайнымъ столомъ! Казина не было дома. Чиновникъ пришелъ проститься съ женою Казина; она посадила его за чай и вмѣстѣ съ дочерьми горевала объ его участи; дѣло доходило почти до слезъ. Всѣ утѣшали его, говоря, что «утро вечера мудренѣе и гнѣвъ быть можетъ смѣнится на милость», и т. п. На Казина никто изъ семьи не могъ и не имѣлъ никакого вліянія, но онъ очень любилъ свою Сашеньку; вѣроятно, она со слезами на глазахъ, сказала словечко отцу, и чиновникъ остался на своемъ мѣстѣ.

Многое можно было разсказать о своеобразной и доброй семьѣ Казиныхъ, но я высказалъ уже достаточно по поводу оригинальнаго моего знакомства съ нею, начавшагося съ моего экзамена въ институтѣ.

IX.

Встрѣча съ Некрасовымъ.

Ко времени моего экзамена для поступленія въ институтъ путей сообщенія относится также первая моя встрѣча съ Некрасовымъ. Къ экзамену надо было представить какой-нибудь рисунокъ, для соблюденія лишь одной формальности. Въ искусствѣ рисованія я

не былъ силенъ и потому обратился къ одному знакомому, нѣкоему Даненбергу, котораго я зналъ уже 3 года въ то время, когда онъ былъ студентомъ въ Казани. Это былъ человѣкъ по истинѣ съ артистической натурой: онъ игралъ отлично на скрипкѣ, на кларнетѣ, на гитарѣ, пѣлъ и превосходно рисовалъ. Вь Казани онъ жилъ вмѣстѣ съ Р—скимъ, когда они оба были студентами. О Р—скомъ и о непостижимой его болѣзни было уже мною разсказано выше. Когда Р—скій былъ еще здоровъ, то Даненбергъ, живя съ нимъ, собралъ изъ товарищей оркестръ и дирижировалъ имъ. Весною, по вечерамъ, этотъ оркестръ собирался, между прочимъ, на дворѣ у Р—скихъ. Дворъ ихъ дома подходилъ къ самому городскому публичному саду, называвшемуся «Черное Озеро», и находился на горѣ. Музыка со двора Р—скихъ очень хорошо могла разноситься по саду, а такъ какъ въ саду никакой музыки не бывало, то означенный студенческій оркестръ привлекалъ въ садъ массу публики. Вообще Даненберга всѣ любили, и это былъ веселый, добрый и задушевный человѣкъ.

Въ то время, къ которому относится настоящій мой разсказъ, Даненбергъ былъ въ Петербургѣ и готовился держать экзаменъ въ академіи художествъ на права архитектора.

Когда мнѣ понадобился рисунокъ къ моему экзамену, я и отправился къ Даненбергу. Передъ этимъ, за недостаткомъ времени, я не былъ у него нѣсколько мѣсяцевъ. Онъ жилъ на Васильевскомъ островѣ въ 4 линіи, занимая одну комнату во второмъ этажѣ, окнами на улицу. Тотчасъ по моемъ приходѣ, Даненбергъ взялъ большой листъ рябой бумаги и началъ рисовать голову толстѣйшимъ, мягкимъ карандашемъ. Въ комнатѣ стояли ширмы, и я слышалъ, что за ширмами есть живое существо.

Менѣе чѣмъ въ часъ рисунокъ подходилъ уже къ концу, и я безпрерывно просилъ, чтобы Даненбергъ дѣлалъ его похуже, дабы могло быть вѣроятіе, что я самъ исполнилъ рисунокъ; но, несмотря на это, онъ вышелъ замѣчательно хорошъ, такъ что когда я подалъ его потомъ профессору рисованія, то онъ расхохотался и сказалъ:—этотъ рисунокъ сдѣланъ не вами, а какимъ-нибудь «художникомъ». Я, конечно, смолчалъ, но формальность представленія рисунка была исполнена.

Во время рисованія Даненберга, вышелъ изъ-за ширмы человѣкъ въ татарскомъ засаленномъ халатѣ, волоча ноги и хлопая туфлями, подошелъ медленно къ окошку и, уткнувъ палецъ въ притолку окна, сказалъ—«три часа, пора поѣсть».

Когда этотъ незнакомецъ скрылся опять за ширмами, я тихонько спросилъ Даненберга о томъ, что значило указаніе пальцемъ на притолку окна? Даненбергъ засмѣялся и сказалъ: «это наши часы; на притолкѣ отмѣчены чертами тѣни отъ переплета окна для солнечныхъ часовъ».

Не окончивъ еще рисунка, Даненбергъ вышелъ въ сѣни, и вслѣдъ затѣмъ принесены были щи; онѣ оказались очень хороши, и мы съ аппетитомъ поѣли ихъ втроемъ.—«Извините»—сказалъ Даненбергъ—«у насъ втораго блюда нѣтъ».

Поѣвши щей, незнакомецъ сказалъ Даненбергу, что ему надо сходить со двора. Даненбергъ тотчасъ же ушелъ за ширму, и я замѣтилъ, что онъ вышелъ оттуда въ туфляхъ. Затѣмъ вышелъ незнакомецъ, уже одѣтый, и спросилъ Даненберга: «что, сегодня свѣжо?» «Да, свѣжо»—отвѣтилъ Даненбергъ. «Такъ я надѣну плащикъ»—сказалъ незнакомецъ.—«Пожалуйста»—отвѣтилъ Даненбергъ.

На все это я обратилъ вниманіе, и когда, по уходѣ незнакомца, мы остались вдвоемъ съ Даненбергомъ, то на мои вопросы онъ разсказалъ мнѣ, что нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ онъ, случайно, познакомился съ этимъ молодымъ человѣкомъ по фамиліи Некрасовымъ, находившимся въ крайнемъ положеніи, и пригласилъ его къ себѣ.

По поводу означенной моей встрѣчи у Даненберга съ Некрасовымъ, совершенно безъизвѣстнымъ тогда молодымъ человѣкомъ, я забѣгу впередъ и разскажу другой эпизодъ, послужившій сближенію моему съ Некрасовымъ и случившійся $7^1/_2$ лѣтъ спустя. Ни фамиліи, ни наружности встрѣченнаго мною одинъ разъ у Даненберга незнакомца я, конечно, въ памяти не удержалъ, такъ что когда, въ 1846 г., я сталъ встрѣчать Некрасова у Ив. Ив. Панаева, еще до основанія «Современника», то мнѣ и въ голову не приходило, что Некрасовъ есть тотъ самый молодой человѣкъ, котораго я видѣлъ у Даненберга только разъ, потому что послѣдній послѣ того скоро покинулъ Петербургъ на всегда.

*

Въ концѣ 1847 года, Некрасовъ жилъ уже вмѣстѣ съ Ив. Ив. Панаевымъ, и они начали въ этомъ году издавать «Современникъ». Я жилъ тогда въ трехстахъ верстахъ отъ Петербурга на Николаевской желѣзной дорогѣ, находившейся еще въ постройкѣ. Къ зимѣ, я пріѣхалъ въ Петербургъ и по пріѣздѣ въ тотъ же день отправился къ Ив. Ив., и въ тотъ же вечеръ собралась тамъ компанія ѣхать ужинать въ ресторанъ Дюссо и затѣмъ кататься на тройкахъ.

Надо сказать, что до половины сороковыхъ годовъ дамы изъ общества никогда, въ Петербургѣ, не ѣздили въ рестораны, но около этого времени былъ данъ толчокъ изъ самыхъ высшихъ сферъ общества, и посѣщеніе ресторановъ вошло въ моду. Современники той эпохи, вѣроятно, помнятъ случившійся въ высшемъ кругу громкій и забавный по этому поводу эпизодъ, который сдѣлался тогда извѣстенъ всему городу.

Въ собравшейся нашей компаніи приняли участіе 4 дамы и 7 мужчинъ: жена Ив. Ив. (нынѣ Головачева), жена поэта Огарева, жена профессора Кронеберга съ сестрой Ковалевской, Некрасовъ, живописецъ Воробьевъ съ братомъ, я съ двумя братьями и седьмаго не помню.

Въ моихъ воспоминаніяхъ находится разсказъ объ одномъ эпизодѣ изъ жизни прелестной, чистой дѣвушки Ковалевской, умершей въ цвѣтѣ лѣтъ. Эпизодъ этотъ, совершившійся передъ нашими глазами, очень крупенъ, серьезенъ и представляетъ большой общій и не индивидуальный интересъ. Но печатать его въ настоящее время еще невозможно.

Когда названная компанія поужинала, то всѣ попросили Некрасова разсказать про свое житье-бытье по пріѣздѣ его юношей изъ Ярославля въ Петербургъ и о претерпѣнныхъ имъ бѣдствіяхъ.

Разсказывая вкратцѣ эту свою исторію, Некрасовъ, между прочимъ, передалъ намъ слѣдующій эпизодъ:

— Когда,—говорилъ онъ,—я истратилъ всѣ деньги и профессоръ, у котораго я жилъ и готовился въ университетъ, пригласилъ меня удалиться отъ него, я попалъ въ критическое положеніе и сталъ пописывать забавные стишки для гостинодворцевъ. Нѣкоторое время я кое-какъ перебивался, но наконецъ пришлось продать

все скудное мое имущество, даже кровать, тюфякъ и шинель, и остались у меня только двѣ вещи: коврикъ и кожаная подушка. Жилъ я тогда на Васильевскомъ острову, въ полуподвальной комнатѣ, съ окномъ на улицу. Писалъ я лежа на полу; проходящіе по тротуару часто останавливались передъ окномъ и глядѣли на меня. Это меня сердило, и я сталъ притворять внутреннія ставни, такъ однако, чтобы оставался свѣтъ для писанія. Однажды прошло уже три дня, какъ я питался однимъ чернымъ хлѣбомъ. Хозяйка объявила мнѣ, что потерпитъ еще два дня, а затѣмъ выгонитъ вонъ. Лежу я на полу, въ пріятномъ расположеніи духа послѣ приговора хозяйки, и пописываю. Вдругъ появляется на порогѣ человѣкъ, большаго роста, очень видный, въ свѣтло-сѣромъ плащѣ, и спросилъ меня:— Здѣсь ли живетъ г. N? Я отвѣтилъ ему раздраженнымъ тономъ, что никакого N тутъ нѣтъ, отвернулся и продолжалъ писать. Вижу, однако, что господинъ въ плащѣ не уходитъ. Подождавъ немного, я ему сказалъ:

— Что вамъ нужно?—небось любуетесь на мою обстановку.

— Признаюсь, отвѣтилъ онъ,—ваша обстановка озадачила меня; хотя я тоже не въ завидномъ положеніи, но у меня есть въ карманѣ 20 руб. и довольно хорошая квартира; не пожелаете ли поселиться у меня? пожалуйте хоть сейчасъ, я живу очень близко отсюда.

— Мнѣ нужно заплатить хозяйкѣ 5 руб., сказалъ я.

— Вотъ вамъ 5 руб., заплатите и идемте со мною.

Я тотчасъ же разстался съ хозяйкой, взялъ подмышку коврикъ и подушку, и мы отправились вмѣстѣ съ господиномъ въ плащѣ. Фамилія этого человѣка была Даненбергъ; мы прожили съ нимъ не малое время; выходили мы со двора поочередно, такъ какъ сапоги мои были негодны, и у меня не было шинели, а у него былъ плащъ. (Этотъ плащъ, довольно оригинальный, я видалъ на Даненбергѣ еще въ Казани).

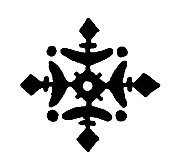
Тогда я вспомнилъ нашу встрѣчу съ Некрасовымъ у Даненберга, вспомнили мы съ нимъ и оригинальные солнечные часы, и вкусныя щи, и послѣ того много, много Некрасовъ разсказалъ еще добраго о Даненбергѣ.

Въ тотъ же вечеръ, послѣ ужина, по просьбѣ компаніи, я про-

челъ наизусть стихи Некрасова, отъ которыхъ я былъ въ восторгѣ и которые не были напечатаны; ихъ я списалъ у Ивана Ивановича Панаева. Это стихотвореніе называлось: «Родина» и появилось въ печати лишь черезъ 9 лѣтъ подъ заглавіемъ: «Старыя хоромы», съ посвященіемъ ихъ, въ первомъ изданіи 1856 г., мнѣ. Почему послѣдующіе издатели выкинули это посвященіе, этого я не знаю. Упомянутый вечеръ и былъ первымъ моимъ настоящимъ знакомствомъ съ Некрасовымъ, и съ этого же вечера, послѣ декламаціи мною его стиховъ, и установились у насъ дружескія отношенія, не прекращавшіяся до послѣдняго дня его жизни.

Валеріанъ Александровичъ **Панаевъ**.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Замѣтка къ статьѣ В. Бильбасова.

(Адріанъ Грибовскій, составитель записокъ о Екатеринѣ II).

Г-нъ В. А. Бильбасовъ, въ статьѣ своей: «Адріанъ Грибовскій», помѣщенной въ январской книжкѣ „Русской Старины“ за 1892-й годъ, на стр. 25-й (въ выноскѣ), дѣлаетъ предположеніе, что «изъ произведеній англійскаго романиста Фильдинга на русскій языкъ былъ переведенъ только „Ionathan Wild“».

Между тѣмъ, въ прошедшемъ столѣтіи напечатаны многіе переводы романовъ Фильдинга.

Укажу слѣдующіе:

1. Повѣсть о Томасѣ Іонесѣ, или найденышъ. Перев. Харламова. Москва. Было 2 изданія.
2. Дѣянія господина Іонаѳана Вильда Великаго. Перев. Сытенскаго. Спб. (Первое изданіе 1772—1773 гг., второе изданіе 1785 г.).
3. Давыдъ простой, или истинный другъ. Спб. 1796 года.
4. Приключенія Іосифа Андревса и пріятеля его Авраама Адамса. Перев. Сытенскаго. Спб. Было два изданія.
5. Несчастія отъ чувствительности. Перев. Н. Н. Москва. 1791.
6. Амелія. Перев. П. Берга. Сбп. 1772—1785.
7. Похожденія Родрика Рандома. Москва. 1788.
8. Способъ быть добродѣтельнымъ, или достопамятныя похожденія кавалера Кильпара. Перев. И. Р. Спб. 1776.
9. Путешествіе Гумфрія Клинкера. Перев. Захарова. 3 части. Спб. 1789.

(Первая часть этой послѣдней книги сочинена Фильдингомъ, а вторая и третья—Смоллетомъ.

А. Вышеславцевъ.

ДУМА РУССКАГО

во второй половинѣ 1855 года.

I.

Грустно! я боленъ Севастополемъ! Лихорадочно думаю съ вечера о предстоящемъ, на слѣдующее утро, приходѣ почты. Лихорадочно ожидаю утромъ принесенія газетъ. Иду навстрѣчу тому, кто ихъ несетъ въ мой кабинетъ; стараюсь получить ихъ безъ свидѣтелей: мнѣ досадно, если кто-нибудь помѣшаетъ мнѣ встрѣтиться наединѣ съ вѣстью изъ края, куда переносится, гдѣ наполовину живетъ моя мысль. Развертываю «Neue Preussische Zeitung», гдѣ могу найти новѣйшія телеграфическія извѣстія. Торопливо пробѣгаю роковую страницу. Ничего! Если же есть что-нибудь, то не на радость. Такъ проходятъ дни за днями! Истинной жизни полминуты въ день. Остальное время я жду этой полминуты или объ ней думаю. Ко всему другому, кромѣ молитвы, сердце черствѣетъ. Всему другому хочется сказать: теперь не время!

Мученикъ Севастополь! такъ назвалъ его на-дняхъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ, весьма немногихъ писателей нашихъ, которыхъ читать, которымъ сочувствовать можно. Эти слова глубоко закоренились мнѣ въ сердце, какъ тяжелая, желѣзная истина. Мученикъ! Долго ли еще будутъ длиться его страданія? Неужели нѣтъ спасенія, и муки неизбѣжно должна повѣнчать могила? Князь Горчаковъ говоритъ: «наши верки страдаютъ». Это значитъ, что дѣло идетъ къ концу, и что онъ близокъ или, по крайней мѣрѣ, что его считаютъ близкимъ. Эти слова не брошены даромъ; но даромъ про-

лита будетъ кровь Корнилова, Истомина, Нахимова и тысячи ихъ сподвижниковъ! Даромъ? Развѣ Севастополь не Россія? Но развѣ тамъ не сосредоточены теперь лучшія силы его, лучшая слава и лучшія надежды? Развѣ тамъ не сходятся нити прошлаго и грядущаго, и не рѣшается вопросъ, сдѣлаемъ ли мы шагъ назадъ, первый со времени Петра Великаго?

Давно ли мы покоились въ самодовольномъ созерцаніи нашей славы и нашего могущества? Давно ли наши поэты внимали хвалѣ, которую намъ

„Семь морей печально плещутъ“...

Давно ли пророчествовали, что

„Богъ отдастъ судьбу вселенной,
„Громъ земли и гласъ небесъ“...

Что̀ стало съ нашими морями? Гдѣ громы земные и горняя благодать мысли и слова? Кого поражаемъ мы? Кто внимаетъ намъ? Наши корабли потоплены, сожжены или заперты въ нашихъ гаваняхъ! Непріятельскіе флоты безнаказанно опустошаютъ наши берега! Непріятельскія арміи безнаказанно попираютъ нашу землю, занимаютъ наши города, укрѣпляютъ ихъ противъ насъ самихъ и отбиваютъ насъ, когда мы усиливаемся вновь завладѣть отцовскимъ достояніемъ! Друзей и союзниковъ у насъ нѣтъ. А если и есть еще друзья, то малочисленные, робкіе, скрытные, которымъ будто стыдно сознаться въ пріязни къ намъ. Одни греки не побоялись этого признанія. Зато ихъ тотчасъ задавили, и мы не могли имъ помочь. Мы отовсюду отрѣзаны; одинъ прусскій король соблаговолилъ оставить намъ нѣсколько калитокъ открытыми для сообщенія съ остальнымъ христіанскимъ міромъ. Вездѣ проповѣдуется ненависть къ намъ; всѣ насъ злословятъ, на насъ клевещутъ, надъ нами издѣваются! Чѣмъ стяжали мы себѣ столько враговъ? Неужели однимъ только нашимъ величіемъ? Но гдѣ это величіе? Гдѣ силы наши? Гдѣ завѣтъ прежней славы и прежнихъ успѣховъ? Гдѣ превосходство войскъ нашихъ, столь стройно грозныхъ подъ Краснымъ Селомъ? Еще недавно они залили своею кровью пожаръ венгерскаго мятежа; но эта кровь пролилась для того только, чтобы впослѣдствіи наши полководцы тревожно озирались на воскресшихъ нашею милостію австрійцевъ? Мы теперь боимся этихъ австрійцевъ. Мы не смѣемъ громко

упрекнуть ихъ въ неблагодарности; мы торгуемся съ ними и, въ виду ихъ, не могли справиться съ турками на Дунаѣ. Европа уже говоритъ, что турки переросли насъ. Правда, Нахимовъ разгромилъ турецкій флотъ при Синопѣ; но съ тѣхъ поръ сколько нахимовскихъ кораблей погружено въ морѣ! Правда, въ Азіи мы одержали двѣ, три безплодныя побѣды; но сколько крови стоили намъ эти проблески счастія! Кромѣ ихъ — всюду утраты и неудачи! Одинъ Севастополь силенъ и славенъ, хотя въ продолженіе десяти мѣсяцевъ надъ нимъ разрываются англійскія и французскія бомбы. И объ немъ нынѣ говорятъ намъ: «наши верки страдаютъ!»

II.

Было ли съ нами и сопровождаетъ ли насъ теперь благословеніе Божіе? Мы всѣ, царь и народъ, усердно призывали Бога на помощь. Въ монаршихъ воззваніяхъ приводились тексты изъ св. писанія; въ отзывахъ разныхъ сословій на эти воззванія выражалась увѣренность въ Божіемъ покровительствѣ; архипастыри нашей церкви, при всѣхъ торжественныхъ случаяхъ, обѣщали намъ побѣду надъ врагами. Но событія доселѣ не оправдали архипастырскихъ обѣщаній. Благословеніе Божіе не знаменуется бѣдствіями. Напротивъ, не должны ли мы видѣть въ нашихъ неудачахъ испытаніе и наставленіе, свыше намъ ниспосланныя? Россія мужественно переноситъ испытаніе. Она безропотно напрягаетъ къ тому всѣ силы свои. Но внемлетъ ли она наставленію и извлечетъ ли изъ него пользу?

Вопросъ о причинахъ, объясняющихъ наши неудачи и нынѣшнее затруднительное положеніе нашего отечества, естественно возникаетъ въ сердцѣ каждаго русскаго. Онъ возстаетъ предъ нами при каждой новой вѣсти о постигающихъ насъ бѣдствіяхъ; онъ терзаетъ насъ, когда мы слышимъ торжествующіе клики Запада. Можемъ ли мы и должны ли мы уклониться отъ разсмотрѣнія этого вопроса? Развѣ намъ запрещено мыслить? Духовная сила мысли, свыше намъ данная, не есть ли одно изъ орудій служенія престолу

и отечеству? Съ вѣрноподданнической покорностію преклоняясь предъ волею царскою и безпрекословно повинуясь установленнымъ ею властямъ, мы, однакоже, не утратили права любить отечество свободною любовью и быть преданными своему государю не по указу, но искренно и непоколебимо, по родному и родовому чувству преданности и по сознанію своего долга предъ Богомъ. «Грядетъ часъ и нынѣ есть», — глаголетъ Господь, — «егда истинніи поклонницы поклонятся Отцу духомъ и истиною: ибо Отецъ таковыхъ ищетъ, поклоняющихся ему» (Іоанн. IV, 23). Православные русскіе государи помнятъ эти слова св. евангелія и сами желаютъ, чтобы ихъ вѣрноподданные служили имъ и Россіи духомъ и истиною.

III.

Зачѣмъ завязали мы дѣло, не разсчитавъ послѣдствій, или зачѣмъ не приготовились, изъ осторожности, къ этимъ послѣдствіямъ? Зачѣмъ встрѣтили войну безъ винтовыхъ кораблей и штуцеровъ? Зачѣмъ ввели горсть людей въ княжества и оставили горсть людей въ Крыму? Зачѣмъ заняли княжества, чтобы ихъ очистить? Перешли Дунай, чтобы изъ-за него вернуться; осаждали Силистрію, чтобы снять осаду; подходили къ Калафату, чтобы его не атаковать; объявляли ультиматумы, чтобы ихъ не держаться, и проч. и проч.? Зачѣмъ надѣялись на Австрію и слишкомъ мало опасались англо-французовъ? Зачѣмъ всѣ наши дипломатическія и военныя распоряженія, съ самаго начала борьбы, были только вынужденными послѣдствіями дѣйствій нашихъ противниковъ? Иниціатива вырвана изъ нашихъ рукъ при первой ошибкѣ, и съ тѣхъ поръ мы словно ничѣмъ не занимались, какъ только приставленіемъ заплатъ тамъ, гдѣ онѣ оказывались нужными. Не скажетъ ли когда-нибудь потомство, не скажутъ ли лѣтописи—тѣ правдивыя лѣтописи, противъ которыхъ цензура безсильна,—что даже славная оборона Севастополя была не что иное, какъ свѣтлый рядъ усилій со стороны повиновавшихся къ исправленію ошибокъ со стороны начальство-

вавшихъ? На каждомъ шагу событія опровергали наши предположенія и оказывались столько же «неожиданными», сколько оборотъ дѣла 4-го августа при р. Черной, о которомъ князь Горчаковъ говоритъ въ своей реляціи. Эта неожиданность продолжается уже свыше двухъ лѣтъ! Сколько шума было въ Россіи о взятіи парохода «Первасъ-Бахри», о взятіи гюйса [1]) съ сѣвшаго на мель и сожженнаго парохода «Тигръ», и въ особенности о прапорщикѣ Щеголевѣ и щеголевской батареѣ! Предусматривали ли тогда, что вскорѣ окажется столько Щеголевыхъ въ Севастополѣ? Когда оцѣнили Бомарзундъ и обѣты его коменданта; когда начали вооружать и чѣмъ вооружили Свеаборгъ, Ревель, Ригу и Динаминдъ; когда принялись за укрѣпленіе самого Севастополя; когда двинули въ Крымъ сперва одну дивизію, потомъ двѣ, потомъ одинъ корпусъ, потомъ другой? Неужели Керчь и Азовское море должны были такъ внезапно и такъ легко достаться въ руки непріятеля? Неужели Анапу надлежало такъ внезапно признать развалившеюся турецкою крѣпостію, и имя генералъ-адъютанта Хомутова должно было столь неожиданно исчезнуть, вмѣстѣ съ нею и съ его отрядомъ, изъ круга нашихъ реляцій?

Въ исполинской борьбѣ съ половиною Европы нельзя было долѣе скрывать, подъ сѣнію оффиціальныхъ самохваленій, въ какой мѣрѣ и въ какихъ именно отрасляхъ государственнаго могущества мы отстали отъ нашихъ противниковъ. Оказалось, что въ нашемъ флотѣ не было тѣхъ именно судовъ, въ сухопутной арміи того именно оружія, которыя требовались для уравненія боя; что состояніе и вооруженіе нашихъ береговыхъ крѣпостей были неудовлетворительны; что у насъ недоставало желѣзныхъ и даже шоссейныхъ дорогъ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо необходимыхъ на тѣхъ неизмѣримыхъ пространствахъ, гдѣ намъ надлежало передвигать наши силы. Европу колебали нѣсколько лѣтъ сряду внутренніе раздоры и мятежи; мы наслаждались ненарушимымъ спокойствіемъ. Несмотря на то, гдѣ развивались въ продолженіе этого времени быстрѣе и послѣдовательнѣе внутреннія и внѣшнія силы?

---

[1]) Носовой флагъ.

IV.

Еще недавно Россія оплакивала непритворными слезами кончину того великаго государя, который около трети столѣтія ее охранялъ, ею правилъ и ее любилъ, какъ она его любила. Преклоняясь предъ его могилою, Россія вспоминала великія свойства его и съ умиленіемъ исповѣдывала величіе кончины его. Эта кончина объяснила, пополнила, увѣнчала его жизнь. Сильный духомъ, сильный волею, сильный словомъ и дѣломъ, онъ умѣлъ сохранить эти силы на смертномъ одрѣ и, обращая съ него прощальный взглядъ на свое царство, на своихъ подданныхъ, на родной край и на великую русскую семью, явилъ себя имъ еще величественнѣе и возвышеннѣе, чѣмъ въ полномъ блескѣ жизненныхъ силъ и самодержавной дѣятельности. Если въ этотъ печальный часъ грозныя тучи повисли надъ нами, если великіе труды великаго вѣнценосца не даровали намъ тѣхъ благъ, которыя были постоянною цѣлію его дѣяній, то ему, конечно, предстояли на избранномъ имъ пути препятствія, которыхъ даже и его сила, и его воля не могли одолѣть.

V.

Время измѣняетъ размѣры относительнаго могущества государствъ. При общемъ стремленіи развивать свои внутреннія и внѣшнія силы, они идутъ впередъ различными путями, и ихъ успѣхи неодинаковы. Въ мирныя времена трудно оцѣнить относительную важность этихъ успѣховъ; но, вмѣстѣ съ первою значительною войною, настаетъ минута точной взаимной оцѣнки. Эта минута теперь настала для насъ.

VI.

Благопріятствуетъ ли развитію духовныхъ и вещественныхъ силъ Россіи нынѣшнее устройство разныхъ отраслей нашего госу-

дарственнаго управленія? Отличительныя черты его заключаются въ повсемѣстномъ недостаткѣ истины, въ недовѣріи правительства къ своимъ собственнымъ орудіямъ и въ пренебреженіи ко всему другому. Многочисленность формъ подавляетъ у насъ сущность административной дѣятельности и обезпечиваетъ всеобщую оффиціальную ложь. Взгляните на годовые отчеты: вездѣ сдѣлано все-возможное, вездѣ пріобрѣтены успѣхи, вездѣ водворяется, если не вдругъ, то по крайней мѣрѣ постепенно, должный порядокъ. Взгляните на дѣло, всмотритесь въ него, отдѣлите сущность отъ бумажной оболочки, то, что̀ есть, отъ того, что̀ кажется, и — рѣдко гдѣ окажется прочная, плодотворная польза. Сверху — блескъ, внизу — гниль. Въ твореніяхъ нашего оффиціальнаго многословія нѣтъ мѣста для истины: она затаена между строками. Но кто изъ оффиціальныхъ читателей всегда можетъ обращать вниманіе на междустрочія?

У насъ самый законъ нерѣдко заклейменъ неискренностію. Мало озабочиваясь опредѣлительною ясностію выраженій и практическою примѣнимостію правилъ, онъ смѣло и сознательно требуетъ невозможнаго. Онъ всюду предписываетъ истину и всюду предопредѣляетъ успѣхъ; но не пролагаетъ къ нимъ пути и не обезпечиваетъ исполненія своихъ собственныхъ требованій. Кто изъ нашихъ начальниковъ, или даже изъ подчиненныхъ, можетъ точно и послѣдовательно исполнить все, что̀ ему вмѣнено въ обязанность дѣйствующими постановленіями? Для чего же вмѣняется въ обязанность невозможное? Для того, чтобы, въ случаѣ надобности, было на кого обратить отвѣтственность! Справедливо ли это? Не въ томъ дѣло, справедливость или несправедливость, точное или неточное соблюденіе закона, смотря по обстоятельствамъ, заранѣе предусмотрѣны. Во главѣ многихъ узаконеній нашихъ надлежало бы напечатать два слова, которыя не могутъ быть переведены на русскій языкъ: «restriction mentale» [1]).

---

[1]) Скрытность въ мысляхъ.

VII.

Всѣ изобрѣтенія внутренней правительственной недовѣрчивости, вся централизація и формалистика управленія, всѣ мѣры законодательной предосторожности, іерархическаго надзора и взаимнаго контролированія различныхъ вѣдомствъ ежедневно обнаруживаютъ свое безсиліе. Канцелярскія формы не предупредили позорной растраты суммъ инвалиднаго капитала и не помѣшали истребить голодомъ, или послѣдствіями голода, половину резервной бригады, расположенной въ одной изъ прибалтійскихъ губерній. Это послѣднее преступленіе или, точнѣе сказать, длинный рядъ гнуснѣйшихъ преступленій даже остается доселѣ безнаказаннымъ. Между тѣмъ возрастающая механизація дѣлопроизводства болѣе и болѣе затрудняетъ пріобрѣтеніе успѣховъ по разнымъ отраслямъ государственнаго управленія. Всѣ правительственныя инстанціи уже нынѣ болѣе заняты другъ другомъ, чѣмъ сущностью предметовъ ихъ вѣдомства. Высшія едва успѣваютъ наблюдать за внѣшнею правильностію дѣйствій низшихъ инстанцій; низшія почти исключительно озабочены удовлетвореніемъ внѣшней взыскательности высшихъ. Самостоятельность мѣстныхъ начальствъ до крайности ограничена; а высшіе начальники, кажется, забываютъ, что довѣріе къ подчиненнымъ и вниманіе, оказываемое ихъ взгляду на дѣло, суть также награды, хотя объ нихъ и не вносится срочныхъ представленій въ комитетъ гг. министровъ.

Недовѣрчивость и неискренность всегда сопровождаются внутренними противорѣчіями. Управленіе доведено по каждой отдѣльной части до высшей степени централизаціи; но взаимныя связи этихъ частей малочисленны и шатки. Каждое министерство дѣйствуетъ, по возможности, особнякомъ и ревностно примѣняется къ правиламъ древней системы удѣловъ. Централизація имѣетъ цѣлію наивозможно большее вліяніе высшихъ властей на всѣ подробности управленія, и на этомъ основаніи значительно стѣсняетъ въ іерархическомъ порядкѣ власть административныхъ инстанцій. Но масса дѣлъ, нынѣ восходящихъ до главныхъ начальствъ, превосходитъ

ихъ силы. Они, по необходимости, должны предоставлять значительную часть этихъ дѣлъ на произволъ своихъ канцелярій. Такимъ образомъ судьба представленій губернскихъ начальниковъ и генералъ-губернаторовъ весьма нерѣдко зависитъ не отъ гг. министровъ, но отъ столоначальниковъ того или другаго министерства. Безжизненное однообразіе распространено даже на историческіе памятники, воздвигаемые на поляхъ сраженій: они распредѣлены на разряды и подведены подъ одинъ образецъ. Между тѣмъ единство высшихъ административныхъ формъ нарушается безъ видимой причины учрежденіемъ 5-го отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. Если эта добавочная инстанція признана излишнею по дѣламъ другихъ министерствъ, то почему она необходима по дѣламъ министерства государственныхъ имуществъ? Дѣйствія этого министерства вообще послѣдовательно противорѣчатъ одной изъ главныхъ цѣлей его учрежденія. Посредствомъ новаго устройства казенныхъ имѣній предполагалось, между прочимъ, указать путь къ необходимому преобразованію поземельныхъ отношеній въ имѣніяхъ частныхъ владѣльцевъ. Но министерство не только не создаетъ потребныхъ образцовъ, но даже вводитъ или сохраняетъ, въ устройствѣ казенныхъ крестьянъ, тѣ именно формы, которыя никогда не могутъ быть приспособлены къ быту крестьянъ въ частныхъ вотчинахъ. Основное, наиважнѣйшее правило, что казна въ предѣлахъ казенныхъ имѣній не что иное, какъ вотчинникъ, подобный всѣмъ другимъ вотчинникамъ, постоянно и преднамѣренно нарушается. Помѣщикъ, лично управляющій своимъ помѣстьемъ, своимъ умомъ и своимъ капиталомъ, въ воздѣлываніи принадлежащей ему земли, есть существо совершенно излишнее по нынѣшней системѣ устройства государственныхъ имуществъ. Даже въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ издавна существовали арендаторскія управленія, составляющія ближайшую аналогическую связь между нормами устройства казенныхъ и частныхъ имѣній, министерство по возможности упраздняетъ эти управленія и предоставляетъ волостнымъ судамъ тѣ предметы вѣдомства, которые прежде принадлежали арендаторамъ, какъ прямымъ представителямъ вотчинной власти.

VIII.

Много ли искренности и много ли христіанской истины въ новѣйшемъ направленіи, данномъ дѣламъ вѣры, въ мѣрахъ къ возсоединенію раскольниковъ и въ отношеніяхъ къ иновѣрнымъ христіанскимъ исповѣданіямъ? Развѣ кроткія начала евангельскаго ученія утратили, въ нихъ витающую, божественную силу? Развѣ вѣротерпимость тождественна съ безвѣріемъ? Развѣ намъ дозволено смотрѣть на религіозныя вѣрованія, какъ на политическое орудіе, и произвольно употреблять или стараться употреблять ихъ для достиженія политическихъ цѣлей? Лѣтописи христіанскаго міра свидѣтельствуютъ, что при подобныхъ усиліяхъ сокрушается премудрость премудрыхъ и опровергается разумъ разумныхъ. Святая церковь не болѣе ли нуждается въ помощи правительства къ развитію ея внутреннихъ силъ, чѣмъ въ насильственномъ содѣйствіи къ обращенію уклонившихся или возсоединенію отпадшихъ? Нынѣшній бытъ нашего духовенства соотвѣтствуетъ ли его призванію, и правильно ли смотрятъ на внутреннія дѣла православной паствы тѣ самые государственные люди, которые всегда готовы къ мѣрамъ строгости противъ иновѣрцевъ или раскольниковъ? О раскольникахъ сказано, что ихъ религіозная жизнь заключается «въ буквѣ, а не въ духѣ». Кажется, что иногда сама православная церковь тяготѣетъ надъ ними «буквою, а не духомъ». Быть можетъ, что еслибы наши пастыри нѣсколько болѣе полагались на внѣшнюю силу вѣчныхъ истинъ, ими проповѣдуемыхъ, и нѣсколько вѣровали въ пользу содѣйствія мірскихъ полицій, то ихъ жатва была бы обильнѣе.

IX.

Вездѣ преобладаетъ у насъ стремленіе сѣять добро силою. Вездѣ пренебреженіе и нелюбовь къ мысли, движущейся безъ особаго на то приказанія. Вездѣ опека надъ малолѣтними. Вездѣ противополо-

женіе правительства народу, казеннаго частному — вмѣсто ознаменованія ихъ естественныхъ и неразрывныхъ связей. Пренебреженіе къ каждому изъ насъ въ особенности и къ человѣческой личности вообще водворилось въ законахъ. Постановленіями о заграничныхъ паспортахъ наложенъ домашній арестъ на свыше 60-ти милліоновъ вѣрноподданныхъ Его Императорскаго Величества. Ограниченіемъ числа обучающихся въ университетахъ стѣснены пути къ образованію [1]). Узаконеніями о службѣ гражданской сглажены, по мѣрѣ возможности, всѣ различія служебныхъ достоинствъ, и всѣ способности одинаково подведены подъ мѣрило срочныхъ производствъ и награжденій.

Одно морское министерство нынѣ руководствуется другими правилами и не обнаруживаетъ, подобно другимъ вѣдомствамъ, безпредѣльнаго равнодушія ко всему, что думаетъ, чувствуетъ или знаетъ Россія. Оно показало, при составленіи морскаго устава, какимъ порядкомъ надлежитъ обсуживать проекты законовъ, и въ «Морскомъ Сборникѣ» подаетъ примѣръ, какъ надлежитъ понимать цензуру. Оно спасло отъ обычной безгласности имена офицеровъ, пролившихъ кровь свою въ настоящей войнѣ. Оно первое приняло чрезвычайныя мѣры къ обезпеченію участи раненыхъ, и первое сознало, что семейства жертвъ, павшихъ въ борьбѣ за отечество, имѣютъ право оплакивать эти жертвы и ими гордиться безъ произвольныхъ отсрочекъ. Все это сдѣлано; но могло ли бы все это быть сдѣлано, еслибы судьбами морскаго министерства нынѣ не правила твердая рука генералъ-адмирала, носящаго титулъ императорскаго высочества?

X.

Неужели результаты нынѣшней системы признаются удовлетворительными? Неужели пагубное вліяніе этой системы доселѣ не доказано ни внѣшними неудачами, ни внутренними недостатками, ни

---

[1]) Это ограниченіе отмѣнено въ апрѣлѣ 1856 года.

всеобщимъ недовѣріемъ къ нашимъ начальствамъ, ни проявляющимся въ виду нынѣшнихъ событій недостаткомъ стойкости въ общемъ направленіи умовъ, ни признаками безнадежности, сопровождающими повсемѣстную, смиренную и покорную готовность къ пожертвованіямъ? Неужели благородство рѣчи несовмѣстно съ благородствомъ подвиговъ, и русскія дворянскія сословія должны говорить языкомъ, въ которомъ слышатся отголоски Золотой орды, рядомъ съ витіеватостію семинарій? Наконецъ, неужели не заключается настоятельнаго поученія въ современномъ, общесознательномъ недостаткѣ знаменитостей? Голосъ народный не превозноситъ ни одного имени и не исповѣдуетъ ни одной громкой славы, кромѣ новыхъ именъ и новой славы севастопольскихъ героевъ. Государственные люди нашего вѣка, въ глазахъ народа, распредѣлены на разряды, подобно казеннымъ памятникамъ, измѣрены табелью о рангахъ, расцѣнены цѣною отличій, помѣщаемыхъ въ памятныхъ книжкахъ. Вѣрноподданная Россія заботливо отличаетъ дѣйствія ихъ отъ воли царской и надѣется не на нихъ, а на Бога и на своего государя.

XI.

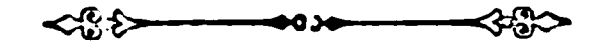
Въ Россіи такъ легко сѣять добро! Русскій умъ такъ воспріимчивъ, русское сердце такъ благородно! Россія—гладкое поле, гдѣ воля правительства не встрѣчаетъ преградъ. Не скажетъ ли оно народу: да будетъ истина межъ нами, и не вспомнитъ ли краснорѣчивыхъ словъ, сопровождающихъ гербъ одного изъ древнихъ русскихъ дворянскихъ родовъ: «Уму нуженъ просторъ!».

XII.

Роковая вѣсть о паденіи Севастополя пронеслась между нами! Россія взираетъ къ вѣнценосному вождю своему съ безмолвною мольбою. Сердце царево въ руцѣ Божіей.

Графъ **П. А. Валуевъ.**

Сентябрь, 1855 года.

ЮЖНАЯ АРМІЯ И КРЫМСКАЯ АРМІЯ

при

КНЯЗѢ МЕНШИКОВѢ.

Воспоминанія о Южной и Крымской арміяхъ (1854 и 1855 годовъ) принадлежитъ перу одного изъ подчиненныхъ князя М. Д. Горчакова. Отдавая во всемъ преимущество князю Горчакову, авторъ нерѣдко уже слишкомъ нападаетъ на князя Меншикова, чтобы еще болѣе возвысить своего любимаго начальника. Многіе недостатки князя Меншикова описаны вѣрно; но забыты многія достоинства и заслуги его по командованію Крымскою арміею.

Статья эта, подъ названіемъ: «Журналъ Севастополя; Крымская армія», была напечатана въ 1858 году въ «Русскомъ заграничномъ сборникѣ», изд. въ Лейпцигѣ. Ред.

Въ первыхъ числахъ іюня мѣсяца 1854 года положеніе армій воюющихъ державъ было слѣдующее:

На лѣвомъ флангѣ театра войны русскія войска, совершивъ блистательную переправу черезъ Дунай, занимали Бабадагскую область, сторожили часть моря и по Траянову валу караулили всѣ подступы, ведущіе въ Добруджу со стороны Балканъ.

Въ центрѣ, главныя силы русской арміи обложили Силистрію. Несмотря на всю странность и неправильность осадныхъ работъ, осада достигала своей цѣли: крѣпость была близка къ сдачѣ.

Туртукай былъ оставленъ непріятелемъ. Незначительныя силы турокъ въ Рущукѣ ничего не предпринимали противъ отряда, сосредоточеннаго у Журжи, и наскоро созданная генералъ-лейтенантомъ Сойմоновымъ флотилія подъ управленіемъ гусарскаго полковника, свободно гуляла по Дунаю отъ Журжи къ Силистріи.

На правомъ флангѣ отрядъ генералъ-лейтенанта Липранди, чтобы принять, въ случаѣ надобности, участіе въ наступательныхъ дѣйствіяхъ на нижнемъ или среднемъ Дунаѣ, или противъ Австріи, былъ

отозванъ изъ Малой Валахіи и притянутъ въ направленіе къ главнымъ силамъ.

Силы Турціи были расположены слѣдующимъ образомъ:

На правомъ флангѣ, въ Варнѣ, Бальчикѣ и частію въ Кюстенджи, находилась армія союзниковъ и флотъ англо-французовъ.

Въ Шумлѣ, въ укрѣпленномъ лагерѣ, сосредоточено было до 60 т. турецкихъ войскъ, при которыхъ находился Омеръ-паша.

Защита Силистріи поручена была 20-ти тысячному гарнизону.

Войска изъ Туртукая направлены были: частію въ Шумлу, частію въ Рущукъ; въ Рущукѣ было до 10 тысячъ.

По Малой Валахіи бродили только незначительные отряды кавалерійскіе; главныя же силы изъ Калафата притянуты были къ Шумлѣ.

Ни турки, ни союзники ихъ ничего не предпринимали. Паденіе Силистріи, котораго, при всей недѣятельной осадѣ, надобно было ожидать, должно было опредѣлить дальнѣйшія дѣйствія арміи противниковъ.

Въ эту эпоху отношенія Россіи къ Австріи были весьма неопредѣлительны. Австрійскія войска стягивались къ границамъ княжествъ; извѣстія же, получаемыя изъ Вѣны, противорѣчили одни другимъ, и случалось такъ, что въ иной день поутру мы видѣли въ Австріи врага, вечеромъ полученная депеша, увѣривъ въ искренности союзника, успокоивала насъ часто на цѣлыя сутки.

3-го іюня, въ день, назначенный для штурма передовыхъ укрѣпленій Силистріи, получено было повелѣніе: остановить штурмъ, снять осаду крѣпости и перейти на правый берегъ Дуная.

Стратегики говорили, что обстоятельства, вынудившія снять осаду Силистріи, требовали направленія нашихъ войскъ къ сторонѣ Молдавіи. Командующій войсками, отдѣливъ самостоятельныя силы, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Лидерса и генерала Ушакова, для охраненія нижняго Дуная и удержанія до времени Бабадагской области, —съ войсками 3-го и 4-го пѣхотныхъ корпусовъ и дивизіею драгунъ [1]), притянувъ отрядъ генералъ-лейтенанта Липранди къ Плоэшти, перешелъ къ с. Мая-Катаржи.

Одновременно съ снятіемъ осады Силистріи, газеты начали твердить о высадкѣ союзныхъ войскъ въ Крымъ.

Измѣнчивая и постоянно предательская политика Австріи останавливала дѣйствія нашей арміи.

Вынуждаемое необходимостью, въ случаѣ разрыва съ Австріею, движеніе нашихъ войскъ въ предѣлы имперіи опредѣлено не было. Къ очищенію княжествъ принимались полумѣры. Всѣ распоряженія наши,

[1]) Одна дивизія драгунъ была въ сѣверной Молдавіи.

находясь въ зависимости отъ шаткой политики Австріи, имѣли характеръ нерѣшимости.

Между тѣмъ турки вздохнули свободно. Отпраздновавъ необъяснимое для нихъ снятіе осады Силистріи, они большими массами потянулись къ Рущуку.

Въ Букарестѣ находились наши склады коммиссаріатскіе, заготовленія провіантскія и госпитали.

Для прикрытія Букареста, отрядъ генералъ-лейтенанта Соймонова оставался въ Журжѣ.

Непріятель, усилившійся въ Рущукѣ, форсировалъ переправу черезъ Дунай противъ Журжи, завладѣлъ островами и лѣвымъ берегомъ Дуная.

Позднія подкрѣпленія потянулись отъ Мая-Катаржи къ Фратешти.

Турки, послѣ дѣла 25-го іюня, утвердились на лѣвомъ берегу Дуная, на пространствѣ между Журжею и Слободзеею, и, подъ покровительствомъ рущукскихъ батарей, возвели свои укрѣпленія.

Главныя силы русской арміи сосредоточились на позиціи у Фратешти; двѣ арміи стояли одна противъ другой; турки сидѣли за окопами, которые мы не рѣшились атаковать.

Между тѣмъ отношенія наши къ Австріи дѣлались болѣе и болѣе непріязненными. Чтобы, въ случаѣ войны съ сею державою, не поставить армію въ невыгодное положеніе противъ двухъ непріятельскихъ армій, было опредѣлено движеніе нашихъ войскъ за Прутъ.

Въ это время въ главную квартиру южной арміи прибылъ свиты Его Величества генералъ-маіоръ князь Меншиковъ.

Свѣдѣнія, болѣе или менѣе достовѣрныя, съ каждымъ днемъ подтверждали газетныя извѣстія, что союзныя войска приступили къ самымъ дѣятельнымъ мѣрамъ для высадки въ Крымъ.

Генералъ-адъютантъ князь Горчаковъ, несмотря на усиленныя приготовленія австрійцевъ и движенія ихъ войскъ къ границамъ Молдавіи, несмотря на 40-ка-тысячную турецкую армію, сосредоточенную на лѣвомъ берегу Дуная, близъ Журжи, нашелъ возможнымъ тотчасъ же отдѣлить отъ своей арміи 16-ю пѣхотную дивизію, съ ея артиллеріею, и направить для усиленія войскъ въ Крыму [1]).

Съ 16-го іюля началось грустное движеніе нашихъ войскъ отъ Букареста къ Пруту. 4-го сентября войска наши окончательно перешли границу.

Движеніе нашихъ войскъ въ предѣлы имперіи было совершено

---

[1]) Отправивъ 16-ю пѣхот. дивизію, генералъ-адъютантъ князь Горчаковъ сблизилъ къ границѣ 6-ю дивизію, предназначая ее для посылки въ Крымъ. Говорятъ, вслѣдствіе отзыва князя Меншикова, это движеніе было остановлено.

какъ на маневрахъ: войска двигались обыкновенными переходами, останавливались въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ были сосредоточены запасы продовольствія, чтобы дать время и возможность различнаго рода транспортамъ прослѣдовать впередъ.

Туркамъ было не до преслѣдованія: полуголодная, полуодѣтая ихъ армія съ жадностью смотрѣла на оставляемый нами край.

На разсвѣтѣ 5-го сентября, въ мѣстечко Скуляны, гдѣ находился главный штабъ южной арміи, отъ князя Меншикова прискакалъ нарочный, съ извѣстіемъ, что англо-французскій флотъ, въ числѣ 106-ти вымпеловъ и до 700 транспортовъ, показался въ виду мыса Лукулла и въ тотъ же день сталъ на якорь у Евпаторіи. Князь Меншиковъ приступилъ къ сосредоточенію войскъ на р. Алмѣ.

Князь Меншиковъ болѣе года начальствовалъ въ Крыму.

Шесть мѣсяцевъ сряду газеты всей Европы, постоянно и во всѣхъ подробностяхъ, описывали мѣры, принятыя союзниками для высадки въ Крымъ.

Завладѣніе Крымомъ, взятіе Севастополя и уничтоженіе Черноморскаго флота—цѣль домогательства союзныхъ державъ.

Не говоря о грустныхъ современныхъ результатахъ, соединенныхъ съ потерею Крыма и взятіемъ Севастополя, одно лишеніе Черноморскаго флота, до совершенства доведеннаго, нравственно отодвигало Россію на полтора столѣтія назадъ.

Являются вопросы: вѣрилъ ли князь Александръ Сергѣевичъ Меншиковъ въ сбыточность высадки союзныхъ войскъ? Допускалъ ли возможность потерять Севастополь и флотъ?

И вѣрилъ и не вѣрилъ.

Вѣрилъ: потому что еще въ первыхъ числахъ іюля онъ находилъ себя слабымъ въ Крыму и прислалъ сына своего въ главную квартиру Южной арміи, для представленія этой слабости князю М. Д. Горчакову (вслѣдствіе чего была отправлена въ Крымъ 16-я пѣхотная дивизія).

Не вѣрилъ: потому что за два дня до высадки союзныхъ войскъ въ Крымъ, онъ писалъ генералъ-адъютанту Анненкову: «Предположенія мои совершенно оправдались: непріятель никогда не могъ осмѣлиться сдѣлать высадку; а по настоящему позднему времени высадка невозможна»....

Обстоятельства доказали, въ какой степени оправдались эти громкія предположенія....

Вѣрилъ: потому что, сознавая невозможность борьбы въ открытомъ морѣ нашего флота съ союзнымъ, чтобы не подвергнуть флотъ случайностямъ, заперъ его въ Севастопольской бухтѣ и часть морскихъ ору-

дій перевезъ въ крѣпость, для защиты которой предназначались моряки....

Не вѣрилъ: потому что въ укрѣпленіяхъ Севастополя, весьма сильнаго со стороны моря и слабаго съ сухаго пути, не было сдѣлано ничего. Болѣе же. чѣмъ за шесть мѣсяцевъ до высадки союзныхъ войскъ въ Крымъ, генералъ-адъютантъ Корниловъ представилъ проектъ укрѣпленія Севастополя. Укрѣпленія эти, по единодушной подпискѣ гг. офицеровъ Черноморскаго флота и нѣкоторыхъ жителей Севастополя, должны были быть выстроены на счетъ подписчиковъ. Князь Александръ Сергѣевичъ съ негодованіемъ отвергъ предложеніе генералъ-адъютанта Корнилова [1]).

«Я не хочу видѣть списка трусовъ!»—сказалъ князь Меншиковъ.

Послѣ неоднократныхъ просьбъ и представленій генералъ-адъютанта Корнилова, подрядчикъ Черноморскаго флота Волоховъ получилъ разрѣшеніе выстроить на собственный свой счетъ башню, для защиты частію самаго рейда со стороны моря и частію для подкрѣпленія Константиновской батареи. Башня Волохова окончена за нѣсколько дней передъ высадкою; во время бомбардированія 5-го октября, она нанесла непріятелю страшный вредъ.

Князь Александръ Сергѣевичъ, во все время командованія своего войсками въ Крыму, изволилъ подшучивать надъ союзниками и надъ дѣйствіями нашихъ войскъ въ Турціи и на Кавказѣ.

Присланный княземъ Михаиломъ Дмитріевичемъ, въ распоряженіе князя Александра Сергѣевича, инженеръ-полковникъ Тотлебенъ, осмотрѣвъ укрѣпленія Севастополя, представилъ командующему войсками въ Крыму всю слабость защиты крѣпости со стороны суши, гдѣ на бастіонахъ было не болѣе 80-ти орудій. Князь Александръ Сергѣевичъ отвѣчалъ, что со стороны крымскихъ татаръ онъ никакихъ покушеній на крѣпость не ожидаетъ.

2-го сентября союзныя войска вышли на берегъ у Евпаторіи. Штабъ-офицеръ, завѣдывавшій слабосильною командою, и присутственныя мѣста города вышли изъ Евпаторіи въ Севастополь.

Князь Меншиковъ, сосредоточивъ свои войска на Алмѣ, писалъ генералъ-адъютанту Кнорригу, командующему отрядомъ въ Николаевѣ: «Въ случаѣ, если непріятель, высадившійся у Евпаторіи, предприметъ движеніе, какъ гласятъ газеты, къ Перекопу, тогда встрѣтится надобность двинуть кавалерію вашу къ Перекопу».

Генералъ-адъютантъ Анненковъ увѣдомляетъ генералъ-адъютанта Кнорринга: «Непріятель сталъ на якорѣ у Евпаторіи, откуда одинаково можетъ угрожать какъ Перекопу, такъ и Одессѣ, то я, при

[1]) Моряки зовутъ князя Меншикова—анаѳемой. Со времени осады Севастополя, войска называютъ князя Меншикова—Измѣнщиковымъ.

всемъ желаніи смѣнить подвѣдомственный вамъ дивизіонъ кавалеріи, расположенный въ Бейкукшѣ, уланами резервной дивизіи, не предвижу къ тому въ настоящее время никакой возможности».

7-го сентября, по приказанію князя Меншикова, два сводные маршевые полка резервной бригады 3, 4 и 5-й легкихъ кавалерійскихъ дивизій и два баталіона резервной бригады 14-й пѣхотной дивизіи выступили изъ Николаева, форсированными маршами, къ Перекопу и Симферополю.

Генералъ-адъютантъ Кноррингъ, разставаясь съ сими войсками, представилъ себѣ неизбѣжную потерю Николаева, для защиты коего оставался отрядъ силою до 6.800 человѣкъ. Генералъ Кноррингъ находилъ несомнѣннымъ, что непріятель: «въ случаѣ удачи подъ Севастополемъ, и въ разѣ неудачи, пойдетъ на Николаевъ. Крѣпости Очаковъ и Кинбурнъ, представляя меньше средствъ, чѣмъ Бомарзундъ, не въ состояніи будутъ остановить сильнаго непріятеля» (письмо гененалъ-адъютанта Кнорринга).

Генералъ-адъютантъ князь Горчаковъ, тотчасъ по прибытіи въ Кишиневъ, сдѣлалъ распоряженіе о направленіи изъ Одессы въ Николаевъ: резервной уланской дивизіи, съ артиллеріею, и 12-й пѣхотной дивизіи изъ Бессарабіи къ Одессѣ и Николаеву, форсированными маршами. Князь Михаилъ Дмитріевичъ писалъ къ генералъ-адъютанту Кноррингу: «что направленіе войскъ къ Николаеву дѣлается не въ видахъ обезпеченія сего города, на который нельзя ожидать нападенія непріятеля, пока онъ занятъ въ Крыму, а для усиленія средствъ князя Меншикова, для защиты края и Севастополя».

12-я пѣхотная и резервная уланская дивизіи, съ прибытіемъ въ Николаевъ, поступили подъ команду князя Александра Сергѣевича. Резервная уланская дивизія прибыла въ Перекопъ 25 и 26-го сентября, и оттуда повернула на Евпаторію. 12-я пѣхотная дивизія прибыла къ Севастополю 4—6-го октября.

7-го сентября, на позиціи за р. Алмою, у князя Меншикова было: 42 баталіона, 16 эскадроновъ и 84 орудія; центръ позиціи находился противъ д. Бурлюкъ.

Въ полдень 8-го сентября непріятель атаковалъ нашу позицію: правое крыло составляли французы, лѣвое англичане. Наступленіе было произведено развернутыми линіями, подъ прикрытіемъ густой цѣпи штуцерныхъ. Лѣвый флангъ нашъ, поставленный, какъ говорятъ, въ двухъ верстахъ отъ морскаго берега, былъ совершенно разстроенъ дѣй-

ствіемъ артиллеріи съ флота. На высотѣ, считаемой недоступною и вслѣдствіе этого незанятой нашими войсками, явилась французская батарея, которая анфилировала всю нашу позицію.

Полагать должно, что смятеніе было общее, отсутствіе порядка повсемѣстное. Войска наши отступили на р. Качу, непріятель остановился на Алмѣ.

Съ нашей стороны убитыми и ранеными выбыло изъ строя 145 офицеровъ и 5.600 нижнихъ чиновъ.

На мѣстѣ оставлено было два орудія; говорятъ, нѣсколько зарядныхъ ящиковъ и фургонъ командующаго войсками въ Крыму, вмѣстѣ съ портфелемъ, въ которомъ заключалась переписка его съ государемъ, достались въ руки непріятеля.

Является рядъ вопросовъ, напримѣръ: долженъ ли былъ князь Меншиковъ принять бой на Алмѣ противъ непріятеля, который, по его же словамъ, былъ почти вдвое сильнѣе?

Имѣли ли войска какую-либо диспозицію для себя? Знали ли начальники частей, гдѣ должны остановить наступленіе въ случаѣ счастливой битвы, куда и какъ должны отступать въ случаѣ неудачи?

Почему, напримѣръ, лѣвый флангъ нашъ попалъ подъ выстрѣлы съ моря; почему высота на лѣвомъ флангѣ считалась нами неприступною, а непріятель занялъ ее свободно?

Отчего часть вагенбурга и фургонъ главнокомандующаго достались въ руки непріятеля?

Какимъ образомъ, напримѣръ, 11-го сентября части артиллерійскаго парка, который слѣдовалъ къ Севастополю, не зная, что непріятель переходитъ на южную сторону города, достались въ руки врага [1])?

На всѣ эти и безчисленное множество другихъ «почему» и «отчего», могли бы отвѣчать только близкіе сотрудники князя и очевидцы происшествій.

Но у князя Александра Сергѣевича нѣтъ сотрудниковъ; онъ не нуждается въ штабахъ, ему не нужно канцеляріи.

Русскій вельможа, стяжавшій славу воина, администратора и дипломата, князь Александръ Сергѣевичъ, извѣстный всему мыслящему русскому міру своимъ широкимъ умомъ, на всѣ учрежденія штабовъ и помощниковъ смотрѣлъ съ усмѣшкою.

Гдѣ-то онъ пріобрѣлъ себѣ въ сотрудники сомнительной репутаціи

---

[1]) За нѣсколько дней до сраженія при Алмѣ, князь Петръ Дмитріевичъ Горчаковъ убѣждалъ князя Меншикова укрѣпить лѣвый флангъ позиціи земляными укрѣпленіями. Предположеніе его не было принято. Князь Меншиковъ находилъ позицію неприступною, между тѣмъ какъ французы, почти безъ сопротивленія, обошли нашъ лѣвый флангъ.

полковника Вунша. Полковникъ Вуншъ, съ титломъ завѣдывающаго штабомъ, представлялъ собою: начальника штаба, генералъ-квартирмейстера, дежурнаго генерала, интенданта и почтъ-директора. Въ лицѣ Вунша сосредоточивался весь причтъ не существовавшихъ управленій.

Весьма понятно, что при подобномъ образованіи арміи, въ какихъ бы силахъ она ни была, порядка существовать не могло; понятно, что войска стали (на р. Алмѣ) на мѣстности, предварительно не осмотрѣнной, стали какъ умѣли, дрались славно, лихо, по-русски, т. е. не знали и что защищали и куда идти впередъ и по какому пути слѣдовать назадъ—на кашу.

Вмѣсто интенданта, былъ въ арміи подрядчикъ, и солдатъ не зналъ, гдѣ его каша. Ни госпиталей, ни перевязочныхъ пунктовъ, ни даже достаточнаго количества носилокъ для раненыхъ не было (объясняется огромное число увѣчныхъ, оставленныхъ на полѣ сраженія).

Но за то армія безъ штабовъ!...

Помнится, сколько восторженныхъ людей въ одинъ голосъ прокричали: «ай-да князь Александръ Сергѣевичъ! вотъ баринъ-то, все самъ!»

Князь Александръ Сергѣевичъ ничего не писалъ князю Михаилу Дмитріевичу; онъ едва, и то вскользь, упомянулъ о дѣлѣ при Алмѣ. Гвардіи поручикъ Мезенцовъ, посланный генералъ-адъютантомъ княземъ Горчаковымъ въ качествѣ курьера въ Крымъ, привезъ въ Кишиневъ извѣстіе о неудачномъ дѣлѣ при Алмѣ.

Поручикъ Мезенцовъ разсказалъ, что войска, которыя онъ видѣлъ на Качѣ, были деморализованы, и что князь Меншиковъ (никогда не здоровавшійся и весьма рѣдко показывавшійся солдатамъ) вообще не доволенъ войсками и говоритъ, и что онъ не надѣется на нихъ [1]).

Богъ не проститъ князю Александру Сергѣевичу за несправедливое обвиненіе русскаго солдата!

Владимірскій пѣхотный полкъ потерялъ убитыми и ранеными до $2^1/_2$ т., три раза отбивалъ свои знамена: значитъ ли это дурно драться?

Чрезъ посредство генералъ-адъютанта Анненкова, князь Михаилъ Дмитріевичъ получилъ смутныя и неясныя свѣдѣнія о дѣлѣ при Алмѣ и о положеніи края.

Татары, жители Евпаторійскаго уѣзда, всѣ возмутились, грабятъ

---

[1]) Адъютантъ князя Александра Сергѣевича Грейгъ, посланный съ донесеніемъ о сраженіи при Алмѣ, доложилъ государю императору, что войска наши бѣжали, что князь Меншиковъ, съ такими войсками, не ручается за побѣду! Посѣщая раненыхъ при Алмѣ, князь Александръ Сергѣевичъ говорилъ: «духу мало, духу мало!»

окрестные города и селенія. Дорога отъ Перекопа до Симферополя не свободна, прямое сообщеніе Симферополя съ Севастополемъ прервано.

Христіанское народонаселеніе бѣжитъ съ полуострова въ Россію. Мѣстное начальство подало постыдный примѣръ этого бѣгства: управленіе Перекопа перешло въ Бериславъ. Таврическій губернаторъ, со всѣмъ управленіемъ и казначействомъ, выѣхалъ изъ Симферополя и былъ возвращенъ туда, отъѣхавъ 30-ть верстъ.

Архіепископъ херсонскій и таврическій Иннокентій[1]), движимый святою любовію къ Россіи, съ самоотверженіемъ древнихъ пастырей спѣшилъ къ войскамъ въ Крыму, чтобы благословить православныхъ на побѣду надъ врагами и раздѣлить съ ними опасности. Князь Александръ Сергѣевичъ пригласилъ архіепископа херсонскаго и таврическаго возвратиться къ своей паствѣ въ Одессу.

Съ архіепископомъ Иннокентіемъ была чудотворная икона Божіей Матери, съ которою пастырь хотѣлъ обойти войска.

Князь Меншиковъ, русскій бояринъ, поручилъ сказать архіепископу, что: «онъ боится скомпрометтировать чудотворную Божію Матерь, опасаясь, чтобы она не попала въ руки непріятеля!»

Съ христіанскою покорностію вернулся Иннокентій изъ Бахчисарая въ Одессу [2]).

9-го сентября, войска князя Меншикова расположились на южной сторонѣ Севастополя.

12-го сентября, князь Меншиковъ, видя, что непріятель можетъ дѣйствовать на его сообщенія со внутренностію имперіи, оставивъ въ гарнизонѣ Севастополя 8-мь резервныхъ баталіоновъ и морскія команды, перешелъ на позицію къ р. Бельбеку.

Князь Меншиковъ, оставляя Севастополь, бросалъ и крѣпость и флотъ на жертву. На вопросъ генералъ-адъютанта Корнилова, что дѣлать съ флотомъ? князь Александръ Сергѣевичъ отвѣчалъ: «положите его себѣ въ карманъ!» Послѣднее его приказаніе заключалось въ томъ: входъ въ бухту загородить, корабли просверлить и изготовить ихъ къ затопленію, морскія орудія снять, а моряковъ опредѣлить на защиту крѣпости.

[1]) Извлеченіе изъ письма архіепископа херсонскаго и таврическаго къ генералъ-адъютанту Анненкову: «Еще повторю: въ Перекопѣ, у воротъ въ Россію, нужно хоть какое-либо начальство, коего вовсе нѣтъ. Губернское начальство само хотѣло бѣжать въ Мелитополь, но удержано княземъ; сердце разрывается отъ жалости отъ такихъ недосмотровъ и нераспоряженій».

[2]) На обратномъ пути въ Одессу, преосвященный Иннокентій остановился въ Бахчисараѣ и объявилъ жителямъ, что онъ будетъ платить за каждаго раненаго, котораго принесутъ ему съ алминскаго поля. Въ теченіе двухъ дней, жители татары доставили архіепископу до 150 человѣкъ русскихъ раненыхъ, оставленныхъ на мѣстѣ сраженія.

Говорятъ, что о движеніи своемъ отъ Севастополя къ Бахчисараю князь Меншиковъ не далъ знать Корнилову. Гарнизонъ и жители съ ужасомъ провѣдали о его отступленіи и громко всѣ называли его измѣнникомъ.

Была минута, когда Черноморскій флотъ хотѣлъ съ самоотверженіемъ броситься въ море и, въ неравной битвѣ, искать счастія или славной смерти. Благоразуміе опредѣлило выйти на берегъ и защищать Севастополь и родной флотъ.

Дивно было смотрѣть на героевъ, обрекшихъ себя на почти безнадежную защиту! Явился генералъ-адъютантъ Корниловъ, и все, съ благоговѣйнымъ любопытствомъ, смотрѣло на любимца Лазарева и Черноморскаго флота. «Товарищи — сказалъ адмиралъ — на насъ лежитъ честь защиты Севастополя, защиты роднаго намъ флота; будемъ драться до послѣдняго! Отступать намъ некуда, сзади насъ море. Всѣмъ начальникамъ частей я запретилъ бить отбой!.. Барабанщики должны забыть этотъ бой!.. Если кто изъ начальниковъ прикажетъ бить отбой – заколите, товарищи, такого начальника, заколите барабанщика, который осмѣлится бить позорный бой!... Товарищи! если бы я́ приказалъ ударить отбой—не слушайте, и тотъ подлецъ будетъ изъ васъ, кто не убьетъ меня!»...

Порывомъ восторга отвѣчали моряки на рѣчь достойнаго начальника, и стоило взглянуть на эти лица, чтобы убѣдиться, что межь ними не было малодушныхъ.

Закипѣла неимовѣрная дѣятельность: орудія свозились на берегъ, батареи росли и вооружались, и 14-го сентября непріятель не засталъ бы уже Севастополя врасплохъ.

13-го сентября непріятель перешелъ фланговымъ маршемъ съ сѣверной стороны Севастопольской бухты на южную и, при содѣйствіи флота, занялъ Балаклаву.

Гарнизонъ Балаклавы составляла рота балаклавскихъ грековъ. Непріятель бомбардировалъ городъ 4 часа.

17-го сентября, князь Меншиковъ съ главнымъ отрядомъ расположился между р. Бельбекомъ и Севастопольскою бухтою, имѣя авангардъ на спускѣ къ Инкерману. Гарнизонъ Севастополя усиленъ; подъ руководствомъ полковника Тотлебена, начались дѣятельныя работы по укрѣпленію Севастополя съ южной стороны. Къ 5-му октября полковникъ Тотлебенъ, съ помощію моряковъ, успѣлъ поставить на бастіоны до 350-ти орудій.

Къ 5-му октября непріятель устроилъ противъ Севастопольскихъ укрѣпленій траншейныя батареи и открылъ сильнѣйшій огонь какъ съ батарей, такъ и съ своего флота. Бомбардированіе продолжалось цѣлый день.

Раненый ядромъ въ ногу, генералъ Корниловъ умеръ отъ раны.

Генералъ-адъютантъ Корниловъ, по общему голосу, принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ русскихъ генераловъ, которые умѣютъ стяжать уваженіе и довѣріе своихъ подчиненныхъ. Достойный ученикъ Лазарева, Корниловъ, имѣвшій личный доступъ къ государю императору, былъ надеждою Черноморскаго флота.

Князь Александръ Сергѣевичъ Меншиковъ не почтилъ памяти героя. Онъ не былъ на похоронахъ генералъ-адъютанта Корнилова.

Вечеромъ 4-го числа были переданы Корнилову слѣдующія слова государя: «Скажи Корнилову, что какъ ни больно и ни тяжко мнѣ свыкаться съ мыслію, но я уже стараюсь готовить себя къ полученію извѣстія о взятіи Севастополя и гибели флота. За симъ мнѣ остается молить Бога сохранить моего Корнилова, для постройки новаго флота»...

Во время бомбардированія, раненъ легко адмиралъ Нахимовъ. Адмиралъ Нахимовъ—типъ оригинальнаго, отмѣнно-честнаго моряка; любимый всѣми, онъ имѣетъ много странныхъ сторонъ.

Государь императоръ, отправивъ въ Крымъ полковника флигель-адъютанта Альбединскаго, приказалъ ему передать поклонъ его и поцѣлуй Нахимову.

Альбединскій исполнилъ порученіе государя. Нахимовъ принялъ царскій привѣтъ со слезами на глазахъ. Черезъ недѣлю позже, Нахимовъ, озабоченный обороною Севастополя, послѣ обхода батарей, возвратился къ себѣ; является флигель-адъютантъ, чтобы передать генералу Нахимову новый поклонъ государя, сообщенный имъ въ письмѣ къ Меншикову.

— Милостивый государь-съ! началъ Нахимовъ,—вы опять съ поклономъ-съ, благодарю васъ покорно-съ; я отъ перваго поклона былъ цѣлый день боленъ-съ; не надобно намъ поклоновъ-съ; попросите намъ плеть! Плеть-съ пожалуйте, милостивый государь, у насъ порядка нѣтъ!...

— Вы ранены? спросилъ кто-то Нахимова.

— Неправда-съ! отвѣчалъ онъ; но, замѣтивъ на лицѣ кровь, прибавилъ: «слишкомъ мало-съ, слишкомъ мало-съ!»

Съ 4-го октября войска, направленныя изъ Одессы и Бессарабіи начали прибывать въ Крымъ. Съ прибытіемъ войскъ къ арміи Меншикова, силы противниковъ уравновѣшивались и общія надежды на спасеніе Севастополя увеличивались.

Князь Меншиковъ или вовсе не писалъ, или писалъ весьма мало къ князю Михаилу Дмитріевичу. Чтобы слѣдить за событіями въ

Крыму, необходимо было туда посылать офицеровъ изъ штаба Южной арміи. Нарочные гг. офицеры, отправляемые въ Крымъ съ депешами, были возвращаемы весьма скоро обратно, не имѣя времени ни познакомиться съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ, ни вывѣдать объ ономъ что-либо и отъ кого-либо. Всѣ, начиная съ князя Меншикова, на каждаго пріѣзжаго смотрѣли какъ на судью или шпіона ихъ дѣйствій.

Цѣль этой записки заключается въ томъ, чтобы показать участіе Южной арміи въ дѣлахъ Крыма. Нельзя судить ни о дѣйствіяхъ князя Меншикова, ни о бездѣйствіи союзниковъ, не бывъ на мѣстѣ и не бывъ посвященнымъ въ тѣ тайны войны, которыя однѣ могутъ объяснить многіе, весьма непонятные результаты.

Обратимся къ князю Михаилу Дмитріевичу Горчакову.

12-е сентября. Дабы остановить мятежное развитіе между татарами прекратить грабежи и убійства шаекъ при отступленіи войскъ на пространствѣ между Перекопомъ и Симферополемъ и бѣгствѣ мѣстныхъ властей, военнымъ начальникомъ Перекопа и смежнаго съ нимъ края назначенъ генералъ-лейтенантъ Богушевскій, въ распоряженіе коего предоставлены два баталіона резервной пѣхоты.

13-е сентября. 2-й резервный кавалерійскій корпусъ, 10-я и 11-я пѣхотныя дивизіи, съ ихъ артиллеріею, изъ Бессарабской области направлены къ Одессѣ; 1-й драгунской дивизіи, съ двумя батареями и Уральскимъ казачьимъ полкомъ, предписано слѣдовать къ Перекопу, откуда дальнѣйшее направленіе сихъ войскъ предоставлено князю Меншикову (прибыли въ Крымъ 12-го октября).

Для успокоенія генералъ-адъютанта Кнорринга, изъ Одессы въ Николаевъ направлены 4 баталіона резервной бригады 12-й пѣхотной дивизіи; 2 баталіона резервныхъ переведены въ Одессу изъ Бендеръ.

Получено извѣстіе, что войска генералъ-адъютанта князя Меншикова могутъ имѣть недостатокъ въ продовольствіи и зарядахъ.

Князь Михаилъ Дмитріевичъ просилъ губернскихъ предводителей дворянства Херсонской и Екатеринославской губерній о немедленномъ перепеченіи и отправленіи въ Бериславъ 15 т. четвертей сухарей, и о сформированіи подвижнаго магазина изъ 1.000 пароконныхъ подводъ. Независимо отъ сего, часть подвижнаго магазина отдѣлена была отъ арміи и, съ полнымъ сухарнымъ запасомъ, направлена въ Крымъ [1])

---

[1]) По распоряженію главнокомандующаго Южной арміею, отправлено въ Крымъ: 15 т. четвертей сухарей отъ херсонскаго дворянства, 15 т. четвертей сухарей отъ военнаго поселенія, 2.000 пароконныхъ подводъ отъ Херсонской и Екатеринославской губерній. Сверхъ того посланы въ Крымъ: одна конная и двѣ воловыхъ полубригадъ, всего 2.191 телѣга, съ 9.110 четвертями сухарей (мѣсячное довольствіе на 36-ти тысячную армію). Все это прибыло въ Перекопъ между 15—25 октября.

Вмѣстѣ съ симъ магазиномъ, въ распоряженіе командующаго въ Крыму, отданъ провіантмейстеръ 4-го пѣхотнаго корпуса, весьма дѣятельный и расторопный чиновникъ.

1-я бригада 6-й легкой кавалерійской дивизіи направлена въ Одессу, чтобы замѣнить тамъ отбывшую въ Крымъ резервную уланскую дивизію. 9-я пѣхотная дивизія расположилась, на мѣстахъ 12-й пѣхотной дивизіи, въ Бессарабскихъ нѣмецкихъ колоніяхъ.

Подвижные артиллерійскіе №№ 11-го, 12-го и 15-го парки были отправлены въ Крымъ.

4-й стрѣлковый баталіонъ, по приказанію князя Михаила Дмитріевича, отъ Одессы до Перекопа и оттуда до позиціи князя Меншикова, былъ доставленъ къ 6-му октября на подводахъ.

Князь Михаилъ Дмитріевичъ, извѣстясь, что при производствѣ работъ по укрѣпленіямъ Севастополя, чувствуется недостатокъ въ желѣзвыхъ лопаткахъ и киркахъ, приказалъ контръ-адмиралу Метлину и генералъ-адъютанту Анненкову достать таковыхъ, сколь возможно болѣе, въ Николаевѣ и Одессѣ, и отправить, сколь возможно поспѣшнѣе, въ Севастополь. «При твердости грунта, шанцовый инструментъ портится—писалъ князь Горчаковъ къ генералъ-адъютанту князю Меншикову; — достать инструментъ въ Севастополѣ трудно, а потому я приказалъ послать вамъ изъ Одессы и Николаева 10 т. желѣзныхъ лопатъ и кирокъ».

2-го октября командиру 4-го пѣхотнаго корпуса предписано съ 10-ю и 11-ю пѣхотными дивизіями, съ артиллеріею, слѣдовать 5-го октября въ Крымъ.

3-го октября князь Меншиковъ писалъ князю Михаилу Дмитріевичу: «что же касается до прибытія 10-й и 11-й пѣхотныхъ дивизій, то я полагаю, что спѣшное прибытіе сихъ войскъ можетъ воздержать непріятеля не только на завоеваніе краемъ, но даже и на завладѣніе Севастополемъ, котораго паденіе, при сильномъ гарнизонѣ, опредѣлить нельзя и скорымъ предполагать не должно; поэтому, счастливая развязка совершенно будетъ зависѣть отъ тѣхъ своевременныхъ подкрѣпленій, которыя ваше сіятельство намъ пришлете, и я полагаю, что эти вопросы такъ важны, что, кажется, стоятъ того, чтобы усиленно и спѣшно двинуть сюда эти войска, что̀ уже не въ кругу моихъ дѣйствій».

Князь Михаилъ Дмитріевичъ ускорилъ движеніе 10-й и 11-й пѣхотныхъ дивизій, войска которыхъ, выступивъ 5-го октября, прибыли на позицію, занимаемую войсками князя Меншикова, между 16 и 23-мъ октября. Два баталіона пѣхоты отъ послѣдняго эшелона оставлены въ Херсонѣ, для обороны сего города.

7-го октября князь Михаилъ Дмитріевичъ писалъ къ князю Меншикову: «полагая, что ваша свѣтлость можете имѣть нужду въ ин-

женерныхъ офицерахъ, я счелъ не лишнимъ командировать къ вамъ двухъ офицеровъ, которые могутъ быть хорошими помощниками полковнику Тотлебену».

Независимо отъ офицеровъ генеральнаго штаба, состоящихъ при 4-мъ пѣхотномъ корпусѣ, изъ главной квартиры въ распоряженіе князя Меншикова командированы: полковникъ Герсевановъ, подполковникъ Батезатулъ и капитанъ Дорожинскій; временно былъ командированъ штабсъ-капитанъ Лавровъ.

Получивъ извѣстіе о бомбардированіи Севастополя и разсчитывая на значительную потерю артиллеристовъ, 10-го октября князь Михаилъ Дмитріевичъ сдѣлалъ распоряженіе объ отправленіи въ Севастополь, на подводахъ: 2-хъ офицеровъ, 15-ти фейерверкеровъ и 180 нижнихъ чиновъ отъ артиллерійскаго гарнизона въ Бендерахъ.

Рота гарнизонной артиллеріи была отправлена изъ Кіева въ Севастополь.

Несмотря на небольшое количество пороховыхъ запасовъ, находящихся въ распоряженіи главнокомандующаго Южной арміею, были отправлены въ Севастополь значительные транспорты съ порохомъ.

Какъ артиллерійская прислуга и лошади артиллеріи преимущественно пострадали отъ огня штуцерныхъ, то князь Михаилъ Дмитріевичъ приказалъ артиллерійскую прислугу замѣнять людьми изъ пѣхоты, обучавшимися при батареяхъ; артиллерійскихъ офицеровъ командировалъ отъ батарей Южной арміи, а лошадей артиллерійскихъ—изъ артиллерійскаго депо.

Въ Херсонъ направлена ½ лабораторной № 2-го роты.

Изъ Перекопа пишутъ, что тамъ не могутъ пріискать мѣста для помѣщенія всѣхъ заготовленій, направленныхъ къ сему пункту, какъ продовольственныхъ, такъ и артиллерійскихъ.

Отъ Южной арміи, для усиленія средствъ въ Крыму, направлены въ Николаевъ три подвижныхъ госпиталя.

Независимо отъ госпиталей, князь Михаилъ Дмитріевичъ командировалъ къ Крымской арміи медиковъ и фельдшеровъ, и приказалъ отправить всѣ имѣющіеся у него запасные медицинскіе инструменты.

Обстоятельства показали, что всѣ подкрѣпленія, направленныя въ Крымъ, прибыли туда своевременно, то-есть прежде, чѣмъ непріятель предпринялъ что-либо рѣшительное противу арміи князя Меншикова. 23-го октября наша Крымская армія имѣла уже численное превосходство надъ войсками союзниковъ.

13-го октября, генералъ-лейтенантъ Липранди атаковалъ непріятельскій лагерь, усиленный 4-мя редутами и служившій прикрытіемъ сообщенія англичанъ съ Балаклавою.

Редуты взяты штурмомъ: 11-ть орудій остались въ нашихъ рукахъ.

Въ жаркой кавалерійской схваткѣ непріятель лишился почти половины своей конницы, бывшей подъ личнымъ начальствомъ лорда Кардигана.

Всѣ возвращающіеся изъ Крыма разсказываютъ, что духъ Севастопольскаго гарнизона геройскій; съ изумительною быстротою исправляется ночью все то, что̀ разрушается въ продолженіе дня. Бомбардированіе крѣпости продолжается, но гораздо слабѣе противу первыхъ дней.

Одновременно съ высадкою союзныхъ войскъ въ Крыму, турецкія войска, расположенныя въ Валахіи, начали стягиваться къ нижнему Дунаю и въ Добруджѣ. Въ Браиловъ 24-го октября сосредоточено было 12.000; по р. Яломицѣ, въ Каларашѣ и Букарестѣ находилось болѣе 35 т. турецкихъ войскъ. Войска сіи имѣли назначеніе дѣйствовать на Бессарабію.

Слабая часть нашихъ войскъ, занимавшая Бабадагскую область, была переведена на лѣвый берегъ Дуная. Тульча, Исакчи и Мачинъ оставлены нашими войсками.

Австрійскія войска стягивались къ нашей западной границѣ и занимали правый берегъ Прута въ Молдавіи.

Весьма естественно, что при такихъ обстоятельствахъ отдѣленіе отъ Южной арміи корпуса пѣхоты, подвижныхъ магазиновъ, госпиталей и проч. весьма чувствительно, и едва-ли бы князь Александръ Сергѣевичъ или кто другой, бывши на мѣстѣ князя Михаила Дмитріевича, дѣйствовалъ съ такимъ самоотверженіемъ.

24-го октября князь Меншиковъ поручилъ генералу Данненбергу: съ 10-ю и 11-ю пѣхотными дивизіями атаковать правый флангъ позиціи, занимаемой англичанами. Для поддержки этихъ войскъ, были прибавлены части изъ 16-й и 17-й пѣхотныхъ дивизій. Повторилась исторія Алмы: никто не зналъ ни цѣли атаки, ни порядка, въ какомъ должны были атаковать войска. Колонны путались, артиллерія одной колонны присоединялась къ другой.

Пѣхота безъ артиллеріи лихо брала завалы и теряла тысячи. Уступая непріятелю въ оружіи, мы не воспользовались преимуществами ни въ полевой артиллеріи, ни въ кавалеріи, которой вовсе не было въ дѣлѣ. Масса артиллеріи, столпившись на площадкѣ, теряла лошадей и прислугу Данненбергъ, подобно тому, какъ въ Ольтеницѣ, не распоряжался ничѣмъ и даже не удержалъ за собою возвышеній, которыя были заняты съ такою потерею!

Потеря наша, говорятъ, до 12-ти т. Только на правомъ флангѣ вылазка Минскаго полка была удачна.

Грустно! изъ строя выбыли почти всѣ полковые и баталіонные командиры, старшіе офицеры. И все это безъ всякаго результата!...

Князь Михаилъ Дмитріевичъ направилъ четыре баталіона: два Камчатскихъ изъ Херсона и два резервныхъ. Посылаетъ изъ своей арміи 20 штабъ-офицеровъ, медиковъ, офицеровъ и шлетъ пороху

Говорятъ, что во время дѣла, князь Александръ Сергѣевичъ неоднократно говорилъ: «я не тактикъ! не мое дѣло вести въ бой; генераловъ нѣтъ»!...

Князь Александръ Сергѣевичъ забылъ, что онъ не тактикъ, а русскій главнокомандующій.

Чтобы далѣе слѣдить за ходомъ дѣлъ въ Крыму съ возможною точностію, ограничимся выписками изъ писемъ тѣхъ лицъ Крымской арміи, которыя, по служебному положенію своему, суть дѣятели славнаго современнаго дѣла.

15-го октября. Нѣсколько дней Севастополь отдыхаетъ послѣ страшнаго бомбардированія. Непріятель пересталъ подвигаться траншейными работами; перестрѣлки почти нѣтъ; работы союзниковъ производятся преимущественно во тьмѣ.

Мнѣ кажется, позиція наша растянута; покойнѣе бы было, если бы держались болѣе въ кучѣ.

Семякинъ назначенъ въ должность начальника штаба и принялся горячо; пора, очень пора! госпитали въ баснословномъ состояніи!

26-го октября. Пишу къ тебѣ на другой день грустнаго дѣла. Подробности всей исторіи раскажутъ тебѣ Греве и Лавровъ. Общій результатъ слѣдующій: высоты, которыя тянутся между Киленъ-балкою и Черною рѣчкою, не удержаны, хотя и были заняты молодецкимъ штурмомъ егерскою бригадою 10-й дивизіи, Екатеринбургскимъ и Охотскимъ полками.

Потеря большая: Соймоновъ убитъ, Вильбоа раненъ, Александровъ, Пустовойтовъ, Бибиковъ ранены; всѣ баталіонные и ротные командиры выбыли изъ строя.

Причина столь ничтожнаго результата, при такихъ пожертвованіяхъ, все-таки отсутствіе порядка, необдуманность предпріятія, недостатокъ свѣдѣній о мѣстности, которая, при недостаткѣ плана, не была никѣмъ предварительно осмотрѣна.

Князь Меншиковъ не хочетъ ничего болѣе предпринимать. Бѣдный Севастополь усталъ; потери ежедневныя велики.

Почти оффиціально извѣстно, что князь Горчаковъ, отправляя 4-й пѣхотный корпусъ въ Крымъ, писалъ князю Меншикову, что «командиръ 4-го пѣхотнаго корпуса генералъ Данненбергъ, при всѣхъ его достоинствахъ, весьма несчастливъ во всѣхъ встрѣчахъ съ непріятелемъ».

Самыя свѣжія тому доказательства—Ольтеницы и Журжа. Какъ личныя несчастія генерала Данненберга обходятся весьма дорого для Русской арміи, то князь Михаилъ Дмитріевичъ предлагалъ князю Александру Сергѣевичу поручилъ генералу Данненбергу: оставаясь въ Симферополѣ, напримѣръ, принять въ свое вѣдѣніе сохраненіе линіи отъ Перекопа—до Севастополя, облегчать своими распоряженіями движеніе войскъ, слѣдующихъ черезъ Крымъ къ Севастополю, заняться устройствомъ госпиталей, призрѣніемъ раненыхъ, которые разсѣялись на цѣлой линіи отъ Севастополя до Перекопа, и «блюсти за порядкомъ въ краѣ». Словомъ, Данненбергу могло быть дано порученіе, спасительное для арміи и края и не оскорбительное для его личности...

Князь Меншиковъ вытребовалъ Данненберга къ себѣ. Съ нимъ онъ совѣтовался, вмѣстѣ съ нимъ придумалъ и вмѣстѣ исполнилъ кровавую катастрофу 24-го октября.

16-го ноября. Непріятель стоитъ на извѣстной тебѣ плоскости между Балаклавой, Инкерманскими развалинами и Херсонскимъ маякомъ. Цѣль его, конечно, Севастополь. Отъ Балаклавы, мимо сел. Кадыкіой, вдоль по Сапунъ-горѣ, къ Черной рѣчкѣ у него возведены сильныя укрѣпленія. На высотахъ, гдѣ происходило горестное дѣло 24-го числа, поставлены батареи и редуты, которые лишаютъ возможности повторить попытку....

24-е число положило конецъ возможности взять непріятеля со стороны Чоргуна, гдѣ 13-го числа успѣшно дѣйствовалъ Липранди. Войска наши разстроились; непріятель, понявшій опасность своего положенія, укрѣпился. Теперь 12-я дивизія, единственная цѣлая часть во всей арміи, стоитъ на Балаклавскихъ высотахъ и не можетъ тронуться съ мѣста.

Французы перестали работать, англичане подаются къ Малахову кургану.

4-го декабря. Дѣла Крымской арміи подвигаются впередъ. Генералъ Семякинъ, мало-по-малу, переходитъ изъ начальника штаба въ дежурные штабъ-офицеры.

*

Вуншъ, правитель канцеляріи, посягнулъ на власть говорливаго начальника штаба. Герсевановъ совершенная ничтожность. В. и К. грязные и мелкіе интриганы.

Наши дѣла не хороши; намъ нужны войска. Мнѣ кажется, что лучше потерять гнилую Бессарабію, чѣмъ Севастополь съ Черноморскимъ флотомъ.

Южная армія сдѣлала дорогой, неоцѣненный подарокъ Крымской арміи—назначеніемъ въ Севастополь генералъ-адъютанта барона Остенъ-Сакена [1]).

Князь Меншиковъ писалъ къ князю Горчакову: «Съ тѣхъ поръ, какъ вы подкрѣпили насъ Ерофеичемъ, мы чувствуемъ себя сильнѣе».

14-го декабря. Потеря наша въ Севастополѣ ежедневно простирается до 60-ти человѣкъ. Наши укрѣпленія ростутъ. Теперь мы заняты устройствомъ ряда редутовъ, которые должны составить систему оборонительныхъ верковъ, чтобы поражать непріятеля, если бы онъ успѣлъ прорваться сквозь первую линію укрѣпленій. Всѣ эти работы идутъ успѣшно. Противу минныхъ непріятельскихъ работъ, если таковыя есть, вырыто 19-ть колодцевъ и проводятся галлереи.

16-го декабря. Гарнизонъ Севастополя имѣетъ до 50-ти т. штыковъ, обсерваціонный корпусъ болѣе 30 т.

Два мѣсяца почти совершенное бездѣйствіе: по три раза въ день набожно смотрятъ на термометръ и молятся.

Союзники что-то пока не напираютъ: ждутъ подкрѣпы; и чѣмъ вся эта драма разыграется, одинъ Господь знаетъ! Подвозы къ врагу ежедневные, а мы едва когда, по морямъ грязей, получимъ что-либо; между нами будь сказано: и хлѣбушка подчасъ такъ въ обрѣзъ, а можетъ быть и хуже!

Солдатушки—чудо; старшимъ Богъ судья!

Изъ Москвы шлютъ въ Крымъ полушубки; изъ Кишинева везутъ въ Севастополь полушубки, рубахи для раненыхъ и чай.

Усердіе повсемѣстное. Полушубки гніютъ отъ дождя и прибудутъ въ Севастополь весною! Чай подмокнетъ!

27-го декабря. Грустно видѣть, съ какимъ равнодушіемъ всѣ смотрятъ на дѣла въ Крыму. Мы говорили: «Надо атаковать; есть еще лазейка, въ которую можно пробраться». Не слушаютъ и возражаютъ: что «будетъ еще потеря и что тогда нечѣмъ будетъ удерживать Крыма».

---

[1]) Дмитрій Ерофеевичъ.

Мы отвѣчаемъ: «Когда Севастополь не будетъ нашъ, то и Симферополя намъ не нужно!»..

Съ паденіемъ Севастополя, Симферополь и виноградники князя Воронцова защищать ей-Богу не стоитъ!

Время дорого! Дорогое время теряется напрасно и даромъ!...

Непріятельскія работы подвигаются и оцѣпили Севастополь со всѣхъ сторонъ.

12-го февраля 1885 года (Выписка изъ письма офицера, посланнаго изъ Южной арміи въ Крымскую). Что сказать вамъ о дорогѣ? Стояли морозы; путь до Перекопа изряденъ. По дорогѣ отъ Перекопа особенно отъ Симферополя до Севастополя, тянутся безпрерывные, огромные обозы; нѣтъ ни хаты, ни корчмы, гдѣ бы можно было имъ пріостановиться; вся дорога представляетъ видъ страшнаго запустѣнія: видишь или команды полубольныхъ людей, выписанныхъ изъ госпиталей, или обозъ, остановившійся отъбезсилія лошадей; повсюду валяется много дохлаго скота, а отъ Бахчисарая до Севастополя—изъ него сдѣлано какъ бы шоссе: примерзшія тѣла прибиты къ землѣ и укатаны! Что будетъ весною? Богу извѣстно! Почтовыя станціи—верхъ неустройства, лошади измучены частой гоньбою; по недостатку въ окрестностяхъ фуража, не кормятся иногда по недѣлѣ; ямщики, не имѣя отдыха, болѣютъ.

Я слишкомъ молодъ и неопытенъ, чтобы быть судьею того, чтó дѣлается въ Крыму. Разскажу вамъ мои впечатлѣнія о сообщу свѣдѣнія, собранныя на мѣстѣ въ Севастополѣ.

Главнокомандующій князь Меншиковъ, чуждый всего того, чтó дѣлается въ Севастополѣ—начало всѣхъ ссоръ, интригъ и недоразумѣній; все свободное время (а у князя Александра Сергѣевича его такъ много!) онъ посвящаетъ на изобрѣтеніе, чтó написать въ Петербургъ; никто не знаетъ, чтó онъ дѣлаетъ, чтó пишетъ, чтó получаетъ въ отвѣтъ и чтó намѣренъ предпринять. Разъ какъ-то князь сказалъ: «Если бы шапка моя знала, чтó буду дѣлать завтра, я бы ее тотчасъ же бросилъ въ воду». Все это могло имѣть смыслъ, если бы князь дѣйствительно что-нибудь дѣлалъ, а то проходятъ мѣсяцы, и ничего. Отправленіе курьера въ Петербургъ составляетъ всѣ заботы князя. Онъ никѣмъ не любимъ, да и странно любить человѣка, явно не принимающаго участія въ общемъ дѣлѣ и тщательно старающагося выказать, что войска наши не надежны и что съ такими войсками нельзя разсчитывать на успѣхъ. Съ солдатами онъ никогда не здоровается; больныхъ и раненыхъ почти никогда не посѣщаетъ, говоря: «за ними такъ много смотрящихъ лицъ, что я боюсь пословицы: у семи нянекъ—дитя безъ глазу!»

У князя обѣдъ въ часъ, но онъ не ѣстъ за общимъ столомъ, а обѣдаетъ одинъ.

Начальникъ штаба генералъ Семякинъ — чрезвычайно дѣятельный, съ познаніями и опытностію, неутомимый человѣкъ. Со вступленіемъ Семякина въ должность, водворился кое-какой порядокъ въ сношеніяхъ князя и распоряженіяхъ: начались отдаваться приказы по арміи. Но при всемъ томъ генералъ Семякинъ успѣлъ заслужить общее къ себѣ нерасположеніе: старшіе его не уважаютъ, младшіе не любятъ. Армія Семякина не знаетъ.

За тѣмъ слѣдуетъ безцвѣтный полковникъ Герсевановъ, исправляющій должность генералъ-квартирмейстера, который говоритъ: «всякую должность надобно понять хорошенько; другіе на этомъ мѣстѣ сами себѣ задаютъ работу». Герсевановъ понялъ свою должность вполнѣ: ни самъ ничего не дѣлаетъ и другимъ дѣлать мѣшаетъ.

О полковникѣ Вуншѣ я слышалъ слѣдующій отзывъ: «ради личныхъ выгодъ, изъ него выйдетъ хорошій интендантъ».

Дѣйствительный статскій совѣтникъ Комовскій, съ причтомъ всѣхъ чиновниковъ и офицеровъ, живущихъ въ Куриной-балкѣ, не заслуживаютъ вниманія.

Дѣятели Севастополя вамъ извѣстны лучше, чѣмъ мнѣ. Позвольте познакомить васъ съ вице-адмираломъ Нахимовымъ или, какъ его зовутъ: звѣзда нашего флота, Нахименко безшабашный.

Нахимову передано мое желаніе быть ему представленнымъ; при случайной встрѣчѣ со мною, онъ сказалъ мнѣ: «Ну, какихъ-съ вы хотите визитовъ? я не такъ-съ интерсссенъ, чтобы стоило много хлопотать о знакомствѣ-съ; вотъ, если хотите-съ, я покажу вамъ корабль «12-ть апостоловъ»: — вотъ эта штука любопытная-съ! а ко мнѣ приходите просто обѣдать-съ».

Много провелъ я пріятныхъ минутъ, слушая оригинальные разсказы Павла Степановича о дѣлѣ при Синопѣ, о дѣлахъ при Алмѣ и Инкерманѣ; въ особенности же поразилъ меня отрывистый разсказъ его о времени передъ высадкой непріятеля въ Крымъ, о самой высадкѣ, о бѣгствѣ князя, о движеніи войскъ съ обѣихъ сторонъ (движеніе это Павелъ Степановичъ называетъ игрою въ жмурки) и о положеніи, въ какомъ тогда былъ Севастополь.

Сколько позволитъ мнѣ память, я передамъ собственныя выраженія Павла Степановича:

«Всѣ газеты-съ начали говорить о высадкѣ англичанъ и французовъ. Помилуйте-съ, какъ можно-съ? да объ этомъ и думать не смѣйте-съ, куда имъ-съ. На всѣ предположенія покойнаго Владиміра Алексѣевича Корнилова не было утвержденія-съ и на сухопутной сторонѣ города не было ни одного орудія-съ! Наконецъ непріятель высадился, свѣ-

дѣніе объ этомъ-съ получено было днемъ-съ. Проснулся на другой день, нѣтъ князя-съ, гдѣ онъ, куда пошелъ, что будетъ дѣлать-съ? никто не знаетъ! Я къ Моллеру и Станюковичу; спрашиваю-съ, они ничего не знаютъ-съ, и возобновили-съ прежній споръ о томъ, чей постъ изъ нихъ важнѣе-съ! Между тѣмъ въ городѣ бездѣйствіе-съ, по городу пройти нельзя: безпорядокъ-съ и отсутствіе дисциплины! Моллеръ, начальникъ гарнизона не показывается-съ! Рукъ нѣтъ-съ, головъ еще меньше-съ! Въ одно и то же время слышу-съ, что князь имѣлъ дѣло на Алмѣ и отступилъ къ Бахчисараю-съ, и вижу-съ колонны англичанъ и французовъ не вдалекѣ отъ Сѣвернаго укрѣпленія. Я думаю себѣ-съ: они узнали, какъ мы сильны (а гарнизонъ укрѣпленія состоялъ изъ двухъ баталіоновъ ластовыхъ) и, взявъ укрѣпленія, пойдутъ въ городъ; гляжу, мимо прошли; ну это не даромъ-съ, они что-нибудь затѣваютъ еще похуже, вѣрно, взорвутъ пороховой погребъ 16.000 пудовъ, да три ластовыхъ часовыхъ-съ. Глядь, опять мимо-съ, усталъ-съ смотрѣть; что же узнаю: наши друзья стали около Балаклавы и заложили первую параллель. Изъ рукъ вонъ! Я истомился, ожидалъ нападенія ихъ на городъ-съ. Пришелъ князь-съ, начали строить фортификацію. А безъ вашего Тотлебена-съ мы пропали бы, непремѣнно-съ пропали бы!»

«Знаете съ, по окончаніи войны, если цѣлъ останусь, первая просьба моя-съ къ государю: позволить мнѣ ѣхать за границу; поѣду-съ и публично передъ всѣми-съ Раглана и Канробера назову ослами-съ!»

Павелъ Степановичъ терпѣть не можетъ военныхъ совѣтовъ и говоритъ: «Умъ хорошъ-съ, а два лучше-съ; ну и зови одного-съ, а то на кличутъ цѣлую стаю, кричатъ, шумятъ-съ, говорятъ вздоръ-съ, потомъ закусятъ и разойдутся-съ, позабывъ, зачѣмъ приходили-съ! Для военныхъ совѣтовъ-съ я разъ на всегда боленъ-съ».

О князѣ Михаилѣ Дмитріевичѣ Павелъ Степановичъ говоритъ съ восторгомъ: «Что намъ? намъ прекрасно-съ: все есть, все прислалъ князь Михаилъ Дмитріевичъ. Чего не хватитъ-съ, пиши къ князю Горчакову, готово-съ. Онъ все далъ-съ: войска далъ-съ, пороху прислалъ-съ, инструментъ подарилъ-съ, провіанту далъ-съ, и все безусловно; вѣдь это не хорошо-съ; вотъ мы и руки опустили, ничего не дѣлаемъ-съ! Оно хорошо-съ; почему не пособить ближнему въ бѣдѣ? да заключи условіе: какъ къ 1-му марта вы, молъ, врага не прогоните, все назадъ беру... А то изъ рукъ вонъ, какъ насъ балуютъ-съ! Службу считаютъ мѣсяцъ за годъ; считай-съ, трудно, правда; но скажи-съ: если къ 1-му марта не прогоните англо-французовъ, начну вычитать за одинъ мѣсяцъ пять лѣтъ-съ».

Князь Меншиковъ живетъ въ Сѣверномъ укрѣпленіи. Павелъ Степановичъ называетъ это укрѣпленіе Кіевомъ. Разъ французы бросили нѣсколько ракетъ въ бухту. Офицеръ прибѣжалъ доложить объ этомъ

вице-адмиралу. «Ничего-съ»—отвѣчалъ Павелъ Степановичъ—«въ Кіевѣ спятъ-съ, пусть ихъ разбудятъ-съ!»

Павелъ Степановичъ предчувствовалъ неудачу 24-го октября. По пріѣздѣ генерала Данненберга, вице-адмиралъ представился командиру 4-го пѣхотнаго корпуса и предложилъ ему свои услуги. 23-го октября, подъ вечеръ, онъ встрѣтилъ въ Севастополѣ генерала Данненберга. «А я къ вамъ, съ визитомъ» — говоритъ Данненбергъ Нахимову. «Ну, ваше высокопревосходительство, никакъ-съ не ожидалъ-съ этого; помилуйте-съ, въ такое время съ визитами-съ ходить? завтра у васъ большое дѣло-съ, вамъ бы заняться дать наставленія своимъ подчиненнымъ, а вы-съ съ визитами ходите!... Но знаете, ваше высокопревосходительство, грѣшный я человѣкъ-съ, а мнѣ кажется — завтра не быть добру-съ!...»

Князь Горчаковъ, получая болѣе и болѣе тревожныя свѣдѣнія о состояніи продовольственной части въ Крыму, подъ предлогомъ ближе ознакомиться съ нуждами арміи и помочь ей своевременно, командировалъ въ Севастополь генералъ-интенданта Южной арміи. Опытный взглядъ генерала З а т л е р а, пріобыкшій къ точному порядку, былъ пораженъ повсемѣстнымъ отсутствіемъ всякой распорядительности.

Въ началѣ войны, въ Крыму, войска фуражировали, грабили въ продолженіе $2^1/_2$ мѣсяцевъ. Около Севастополя, на мѣстности, гдѣ кавалерія не могла принести пользы, были сосредоточены массы кавалеріи, которая оставалась тамъ до тѣхъ поръ, пока не привели лошадей своихъ въ изнуреніе и не уничтожили весь фуражъ въ окрестностяхъ.

Наемныхъ подводчиковъ не удовлетворяютъ деньгами; держатъ ихъ по произволу и отбираютъ воловъ на мясо.

Сообщеніе между Перекопомъ и Симферополемъ находится въ самомъ жалкомъ состояніи; отъ Симферополя до Севастополя почти вовсе нѣтъ проѣзда; нѣтъ ни лошадей, ни фуража, ни ямщиковъ; холодныя, грязныя станціи набиты больными и ранеными офицерами, проѣзжающими чиновниками и курьерами; дорога завалена дохлымъ скотомъ, объ уборкѣ котораго, говорятъ, князь Меншиковъ приказалъ написать въ Петербургъ къ министру внутреннихъ дѣлъ.

Генералъ Затлеръ (наградитъ его Богъ!) представилъ князю Меншикову записку, въ которой, съ солдатскою прямотою, изложилъ горькую будущность, ожидающую крымскія войска.

Генералъ Затлеръ въ полковникѣ Вуншѣ далъ генералъ-интенданта Крымской арміи. Энергическими мѣрами, принятыми на мѣстѣ, бѣдствія отвращены. Дай Богъ, чтобы посѣщеніе генераломъ Затлеромъ Севастополя принесло сему злосчастному городу не временное, а прочное добро!

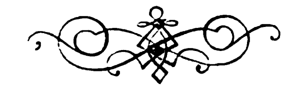

21-го февраля въ Кишиневѣ получено извѣстіе, что главнокомандующій Южною арміею назначенъ главнокомандующимъ арміею въ Крыму. Князю Михаилу Дмитріевичу Горчакову повелѣно отправиться въ Севастополь, поручивъ временное командованіе войсками на Прутѣ генералъ-адъютанту Лидерсу.

Тяжелъ крестъ твой, князь Михаилъ Дмитріевичъ!... Въ случаѣ несчастія, обвинитъ тебя несправедливый современникъ и не оправдаетъ болтливое потомство!

Многомилостиве Господи, сокруши врага подъ нози наша!...

Изъ бумагъ Михаила Максимовича **Попова**.

СОБРАНІЕ
ИСТИННЫХЪ СВѢДѢНІЙ ВЪ БУКАРЕСТѢ,
ВО ВРЕМЯ ПЛѢНА
НИКОЛАЕВСКАГО КУПЦА ПЕТРА НИКИФОРОВА,

съ 17-го іюля 1854 по 17 марта 1855-го г.

Никифоровъ смотритъ съ другой точки, чѣмъ авторъ записки: «Южная армія и Крымская армія при князѣ Меншиковѣ». Здѣсь уже дѣйствія князя Горчакова осуждаются, быть можетъ также не совсѣмъ справедливо, и отдается болѣе справедливости князю Меншикову.

М. М. Поповъ.

Со времени плѣна моего въ Букарестѣ, въ продолженіе восьми мѣсяцевъ, я познакомился съ славянами: служащими въ полкахъ офицерами, нижними чинами и іеромонахами, также съ купцами и другими лицами православнаго исповѣданія. Всѣ они считали меня за дипломата, оставленнаго русскими: это, вмѣстѣ съ единовѣріемъ и одноплеменностію, произвело между нами полное довѣріе, и мы откровенно разсуждали о всѣхъ событіяхъ.

Послѣ конвенціи, заключенной императоромъ Францомъ-Іосифомъ въ декабрѣ 1854 года, разнесся по Букаресту слухъ, что Австрія объявила войну Россіи. Желая узнать истину, я пошелъ къ друзьямъ моимъ, австрійскимъ сербамъ. Они получили повелѣніе быть готовыми къ походу и, еще не зная, куда пойдутъ, пировали передъ портретомъ императора Николая Павловича. На вопросъ мой: что же за радость, если ихъ заставятъ драться съ русскими, братьями по религіи и по крови славянской? они отвѣчали: «Не угадалъ ты, братъ нашъ; мы съ русскими драться не будемъ. А вотъ видишь портретъ государя своего Николая Павловича: мы ему присягаемъ. При первой встрѣчѣ съ рус-

скими, мы станемъ въ ряды ихъ и, съ оружіемъ въ рукахъ, пойдемъ съ ними вмѣстѣ освобождать кущи наши. Пора сбросить ярмо коварства неблагодарнаго дома Аугсбургскаго! Насъ 20 милліоновъ славянъ; мы поддерживаемъ его тронъ и проливаемъ за него кровь свою! Въ 1849 году въ Піемонтѣ мы подавили 18-ть милліоновъ жителей, возстававшихъ противъ него, и изъ насъ, 120-ти тысячъ воиновъ, возвратились въ свои кущи только 18-ть тысячъ. Въ награду за такой подвигъ, онъ отнимаетъ отъ насъ поземельное право, предками его намъ дарованное; отдаетъ земли наши въ аренду католикамъ, стѣсняетъ богослуженіе и обряды нашей восточной церкви; отдаетъ всѣ преимущества передъ нами духовенству католическому, принуждаетъ насъ быть католиками; только своимъ, швабамъ, раздаетъ военные и гражданскіе чины, лишая насъ заслуженнаго, и позволяетъ полиціи тѣснить насъ, какъ иноплеменныхъ еретиковъ! Теперь самое благопріятное время намъ быть вѣрноподданными Россіи. Она займетъ нашу страну, дастъ намъ права наши въ Галиціи, Венгріи и Трансильваніи, отъ Кракова до Венеціи, со всѣми нашими поколѣніями. Всѣ единодушно повторяемъ: будемъ вѣрноподданными Россіи, и всякій противящійся этому да будетъ наказанъ нами! Мы защитимъ свои границы. Мы съ сербами, обитающими во всѣхъ провинціяхъ Австріи и Турціи, съ булгарами и греками, всѣ отъ 7-ми до 70 лѣтъ, оба пола, вооружимся и, съ помощью Божіею, Россіи и арсеналовъ ея, сломимъ рогатую луну! Не защититъ ее союзъ Запада. Богъ поможетъ намъ управиться съ революціонерами и ренегатами; въ короткое время мы заставимъ ихъ убраться въ Мекку и Медину. Константинополь долженъ быть столицею русскихъ царей и императоровъ, а Дарданеллы—морскою гаванью россійскаго флота. Оставимъ нѣмцевъ, съ Вѣною, въ подданствѣ нѣмцевъ же сѣверныхъ; а до того Россія и наши славяне никогда не могутъ быть покойны отъ Австріи, которая Европою поставлена въ посредничество льстить Россіи и угрожать ей оружіемъ нашимъ, пока мы, славяне и венгры, будемъ работниками корыстолюбиваго и двуличнаго дома. Будетъ съ него довольно 180 милліоновъ гульденовъ въ англійскомъ банкѣ, капитала, неправедно стяжаннаго съ насъ! За это Богъ ему судья! Тогда пускай онъ и любимцы его убираются къ друзьямъ своимъ, туда, гдѣ капиталъ ихъ обращается на всемірной выставкѣ!» Послѣ этой рѣчи всѣ мы выпили: одинъ тостъ за императора Николая Павловича, другой за всѣхъ славянъ православныхъ, и всѣ разошлись въ восторгѣ, какъ друзья, какъ дѣти одного отечества.

Рано утромъ 20-го февраля 1855 года, въ гостиномъ ряду купецъ Булгаринъ объявилъ мнѣ печальную вѣсть о смерти императора Николая Павловича. Я не вѣрилъ, пошелъ дальше и другой тоже го-

воритъ! Въ тотъ день получено было разными лицами, изъ Вѣны, 60-тъ депешъ телеграфическихъ, съ громовымъ извѣстіемъ. Скорбь и уныніе распространились между друзьями Россіи. Друзья же Западнаго союза пировали у консуловъ французскаго, англійскаго и сардинскаго. Тамъ они дѣлили Россію на части между собою. Польшѣ отдавали всѣхъ больше: по самый Курскъ. Говорили еще, что во всей Россіи революція. Множество и другихъ ложныхъ новостей присылалось изъ Парижа и печаталось три дня въ «Букарестскомъ вѣстникѣ». Горько это было слушать и читать! Наконецъ получено было извѣстіе о вступленіи на престолъ императора Александра II го.

Вслѣдъ за описаннымъ торжествомъ, союзники еще два дня праздновали, по случаю полученнаго изъ Парижа свѣдѣнія, что главнокомандующимъ въ Крымъ, на мѣсто князя Меншикова, назначенъ князь Горчаковъ. Этотъ пиръ для меня былъ не понятенъ, и я старался узнать причину. Начальникъ полицейской канцеляріи, уроженецъ острова Хіо, бывшій бердянскій 1-й гильдіи купецъ, а нынѣ французскій подданный Маркополій, сообщалъ мнѣ всѣ тайны союзниковъ. Онъ-то объяснилъ мнѣ, почему союзники довольны княземъ Горчаковымъ и за что проклинаютъ князя Меншикова.

Во время Алминскаго сраженія союзники захватили карету, въ которой ѣхалъ адъютантъ князя Меншикова, съ донесеніемъ къ государю. Въ донесеніи сказано было, что войска въ Крыму мало и что Севастополь съ сѣверной стороны не приступенъ, а съ южной не укрѣпленъ. Союзники повѣрили, тогда какъ Севастополь на самомъ дѣлѣ сухопутно не былъ укрѣпленъ ни съ той, ни съ другой стороны. Когда непріятели зашли на южную, а наши войска заняли сѣверную сторону Севастополя и Мекензіеву гору, оставаясь въ сообщеніи съ Россіею, тогда только они увидѣли, что въ это заблужденіе ввела ихъ карета князя Меншикова, такъ много надѣлавшая шума въ Валахіи и во всей Европѣ! Послѣ мимолетной радости о пріобрѣтеніи кареты, союзники скоро разочаровались. Въ прошедшую зиму, въ Валахіи, Шумлѣ, Варнѣ, Адріанополѣ, Галлиполи, Евпаторіи, подъ Севастополемъ и въ Балаклавѣ, отъ русскаго оружія, отъ холеры и разныхъ болѣзней, отъ бурь и всѣхъ стихій, погибло ихъ болѣе 350.000 человѣкъ, кромѣ лошадей и вьючнаго скота, кромѣ разбитія, потопленія и поврежденія большаго числа кораблей изъ ихъ флота. Сверхъ того они не могли уже передвинуться съ южной стороны Севастополя на сѣверную. Вотъ истинная причина, почему они проклинаютъ князя Меншикова и его карету!

Князь же Горчаковъ, по сужденію союзниковъ, былъ когда-то умнымъ человѣкомъ на паркетѣ, между нѣжнымъ поломъ, но съ тупою

саблею, а нынѣ, отъ старости и разсѣянія, потерялъ и саблю свою, и военную энергію. По приходѣ въ Бухарестъ, онъ расположился по квартирамъ, какъ у друзей своихъ, не помышляя, что многіе изъ бояръ Валахіи преданы Западу и что европейцы не дремлютъ. Нѣкто Компеніано, считающійся сумасшедшимъ, ѣздилъ въ Парижъ и Лондонъ; тамъ онъ громко жаловался въ парламентахъ, просилъ вступиться за человѣчество, избавить Придунайскія княжества отъ разоренія и русской тираніи, былъ принятъ съ участіемъ и, возвратившись въ Бухарестъ, находился у всѣхъ въ большомъ уваженіи. Вслѣдъ за тѣмъ бояре удалили изъ военной службы генерала и многихъ штабъ-и оберъ-офицеровъ, преданныхъ Россіи, помѣстивъ на ихъ мѣсто людей, приверженныхъ союзникамъ. Князь Горчаковъ ничего этого не видѣлъ. Неосторожность его простерлась еще далѣе: довѣряя лицамъ продажной чести, онъ, для узнанія предположеній Омеръ-паши, употреблялъ фискаловъ изъ молдаванъ, преданныхъ больше пашѣ, чѣмъ ему, князю Горчакову!

Впослѣдствіи обнаружилось, что фискалъ, изъ молдаванъ, Майсаки писалъ по-турецки въ Шумлу, къ Омеръ-пашѣ, о распоряженіи князя Горчакова, и послалъ туда копію съ дизлокаціи, по которой войска русскія, въ числѣ нѣсколькихъ баталіоновъ пѣхоты, съ кавалеріею и артиллеріей, съ 8-го по 16-е декабря 1853 года должны были выступить изъ Букареста подъ Калафатъ. И дѣйствительно, войска эти вышли въ назначенные дни, подъ проливными дождями, по слякоти и грязи, на помощь нашему малому отряду, состоявшему изъ 3.000 человѣкъ пѣхоты, съ 6-ю орудіями. Этотъ малый отрядъ нашъ былъ атакованъ 18-ти тысячною непріятельскою арміею, съ 24-мя орудіями. Воины наши, 25-го декабря, дрались съ непріятелемъ, какъ львы. Передовой отрядъ, подоспѣвшій изъ Букареста, спасъ сражавшихся; но при всемъ томъ нашихъ выбыло изъ строя около 1.800 человѣкъ! Въ то же время генералъ Анрепъ, по распоряженію князя Горчакова стоявшій въ 30-ти верстахъ отъ мѣста сраженія, занимался церковнымъ парадомъ, слышалъ канонаду и—только по третьему, нарочно посланному къ нему требованію, пошелъ на помощь. Но тогда все было уже кончено! О томъ, что непріятель зналъ приготовленія наши къ этому дѣлу, князь Горчаковъ, еще съ послѣднихъ чиселъ августа, получалъ донесенія отъ отряднаго начальника изъ-подъ Калафата, который съ каждою почтою и съ нарочными присылалъ объ этомъ рапорты. Несмотря на то, князь Горчаковъ, въ продолженіе трехъ съ половиною мѣсяцевъ, не могъ заблаговременно распорядиться, чтобы изъ числа 300 орудій, стоявшихъ по квартирамъ въ окрестностяхъ Букареста, послано было достаточное число артиллеріи къ отряду, который имѣлъ не болѣе шести орудій, а въ дѣлѣ только четыре!

За тѣмъ союзники исчисляли другія заслуги князя Горчакова.

Первое. Въ Ольтеницѣ (въ 50-ти верстахъ отъ Букареста) княземъ Горчаковымъ не была осмотрѣна позиція. Турки, переправясь черезъ Дунай, оттѣснили малый отрядъ казаковъ, укрѣпились въ карантинѣ и начали производить грабежи по селамъ. Тогда только, черезъ два мѣсяца, вздумалъ князь Горчаковъ послать инженера, съ порученіемъ снять позицію на планъ. Но исполненіе, естественно, было невѣрное: инженеръ за нѣсколько верстъ былъ недопущенъ выстрѣлами съ укрѣпленія; на пространствѣ трехъ верстъ находились рвы, болота и волчьи ямы, которыхъ онъ не могъ видѣть. По этой диспозиціи велѣно было идти на приступъ и выгнать турокъ: наши потеряли около 1.700 человѣкъ, не нанеся никакого вреда непріятелю, и отступили!

Второе. Подъ Силистріею два князя, Паскевичъ и Горчаковъ, разсудили сами командовать осадою, удаливъ отъ участія въ этомъ генерала Лидерса, и начали производить канонаду, не обложивъ двухъ воротъ со стороны Туртукая. Между тѣмъ черезъ эти ворóта турки подвозили въ крѣпость съѣстные и боевые припасы, дѣлали вылазки въ тылъ русскимъ, били нашихъ сколько могли и отстояли Силистрію.

Третье. При отступленіи отъ Журжи не были введены въ дѣло 18-ть орудій и нѣсколько баталіоновъ пѣхоты и кавалеріи, стоявшихъ въ 22-хъ верстахъ. Этимъ дана была туркамъ возможность переправиться черезъ Дунай и Журжу, и они, по 14-ти часовомъ бою, оттѣснили русскихъ съ большимъ урономъ отъ Журжи на 10-ть верстъ. Только на другой день послѣ того князь Горчаковъ, съ генераломъ Коцебу, пріѣхалъ туда осмотрѣть позицію Журжи и Слободзеи въ зрительную трубу, и принужденъ былъ, уже по повелѣнію государя императора, слѣдовать въ Россію.

Четвертое. Полковникъ Карамзинъ, съ отрядомъ своимъ и съ помощію нѣсколькихъ ящиковъ шампанскаго, хотѣлъ прогнать турокъ отъ Слатина до Краіово, попалъ въ болото и оставилъ туркамъ три пушки и себя, изрубленнаго.

Поправить всѣ эти ошибки и ободрить войска могъ одинъ только генералъ Шильдеръ. Послѣ неудачнаго приступа подъ Ольтеницею, ночью, онъ поставилъ орудія на островѣ и прогналъ турокъ изъ укрѣпленнаго карантина за Дунай. При этомъ непріятели понесли большую потерю убитыми и потопленными. Потомъ артиллеріею, громившею съ двухъ острововъ, онъ заставилъ молчать Рущукъ, безпокоившій Журжу. Но все это не долго утѣшало русскихъ: тяжелая рана, подъ Силистріею, свела генерала Шильдера въ могилу и лишила ихъ главной опоры въ военныхъ дѣйствіяхъ!

Прискорбно было смотрѣть на воиновъ нашихъ, которые, послѣ частыхъ пораженій, возвращались въ Россію съ уныніемъ и ропотомъ. Между собой они говорили, что русскіе еще никогда не отступали, не сдѣлавъ ничего, и все неудовольствіе свое обращали на князя Паскевича. Разбирая фамилію его, солдаты разсудили, что окончаніе на ичъ означаетъ поляка; что отъ него происходятъ измѣна и отступленіе, и что государь ни о чемъ не знаетъ. «Посмотри—толковали они—коммиссіонеры у насъ поляки и каждый изъ нихъ привезъ съ собой жида; даютъ намъ гнилой провіантъ и почти не кормятъ насъ; некому жаловаться: въ полковыхъ штабахъ адъютантъ, казначей, квартирмейстеръ—всѣ поляки; въ ротахъ фельдфебели жиды; хоть съ голоду умирай! Бывала, братъ, служба не та при генералѣ Лидерсѣ, въ Трансильваніи: всего было довольно, всѣ были сыты и одѣты. Какъ бы и теперь мы съ Лидерсомъ служили, такъ не шли бы назадъ, давно были бы въ Царьградѣ! Вотъ ужь годъ прошелъ, какъ мы здѣсь, а что сдѣлали? только что насъ вездѣ бьютъ! Кажется, и много насъ, да поставятъ тамъ, гдѣ не надобно, и во-время, гдѣ слѣдуетъ, не присылаютъ помощи; даютъ басурману укрѣпляться на пустыхъ мѣстахъ, какъ подъ Ольтеницею, а потомъ—выгоняй изъ крѣпости! Э, братъ, что тутъ толковать! отъ командировъ-поляковъ можно ли ожидать добра».

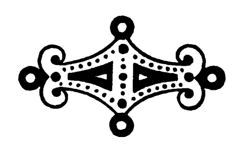
Союзники обо всемъ этомъ знали и два дня, какъ я сказалъ, пировали, надѣясь, что и въ Крыму будетъ то же. Разсуждая о дѣйствіяхъ нашего военнаго совѣта, они говорили: «Когда-то изъ Вѣны гофъкригсратъ посылалъ свои планы сраженій въ итальянскую армію бить французовъ; во время пересылки этихъ плановъ, отъ передвиженія непріятелей и занятія ими другой мѣстности, планы измѣнялись, и французы били нѣмцевъ. Тогда Австрію спасъ С у в о р о в ъ, по планамъ, составлявшимся въ головѣ его. А нынѣ, посмотримъ, кто спасетъ Россію отъ плановъ ея военнаго совѣта? Эти военные совѣтники, съ Горчаковымъ, въ тревогѣ своей, позабудутъ укрѣпить проливы Керченскій и Очаковскій. Когда непріятели завладѣютъ городами въ Черномъ и Азовскомъ моряхъ, разорятъ Севастополь и возьмутъ Крымъ, тогда вся торговля перейдетъ въ руки союзниковъ, по планамъ, втайнѣ составленнымъ Европою еще въ 1836 году, а нынѣ только совершающимся».

По этому-то случаю и происходили пиры въ Букарестѣ. Больно было моему сердцу! Друзья Россіи, видѣвъ радость союзниковъ, осыпали меня вопросами объ укрѣпленіяхъ Очакова и Керченскаго пролива, зная, что я тамошній житель и что я былъ тамъ весною 1853 года. Надобно было увѣрять ихъ въ томъ, чего не было на дѣлѣ!

Ко всему этому надобно прибавить, что во все время моего пребы-

ванія въ плѣну, общій голосъ войска нашего и валахскаго, мѣстныхъ жителей и пріѣзжихъ изъ Трансильваніи, былъ въ пользу генерала Лидерса. Онъ хорошій воинъ, добрый гражданинъ и, въ бытность свою тамъ въ 1848 году, благотворилъ всѣмъ жителямъ. «Если бы онъ былъ главнокомандующимъ въ настоящую войну, то дѣла шли бы лучше»—такъ говорятъ всѣ, а гласъ народа есть гласъ Божій.

Изъ бумагъ Михаила Максимовича **Попова.**

Замѣтка:

Въ январской книгѣ „Русской Старины" за настоящій 1893 г. (стр. 156) помѣщены возраженія севастопольца полковника Лебедева на записки генерала В. И. Денъ; причемъ г-нъ Лебедевъ указываетъ на то, что истребленіе англійской кавалеріи показано г-мъ Денъ 13 октября неправильно и что это произошло 7-го октября и потомъ, что разбѣжавшіяся лошади были не Каргопольскаго, а Веймарнскаго гусарскаго полка.

Между тѣмъ г-нъ Денъ совершенно вѣрно показалъ, что истребленіе англійской кавалеріи было дѣйствительно 13-го октября, а не 7-го, и что разбѣжавшіяся лошади были Каргопольскаго драгунскаго полка. (См. замѣтку въ „Русской Старинѣ" за ноябрь 1878 года, страница 544).

Н. Леоновъ.

ВАДИМЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ПАССЕКЪ

и

его письма къ И. И. Срезневскому [1]).

(1837—1839).

---

1 [2]).

Оттого пишу къ вамъ мало, что хочется написать много; я еще не обжился, не осмотрѣлся и не могу сказать ничего ни добраго, ни худаго. Здѣсь многое отзывается югомъ и Италіей—и еще болѣе движется коммерціей. Жизни много, хорошихъ вещей хоть не смотри.—Къ вашимъ книгамъ еще не приступилъ. Ноты смотрѣлъ, а сказать о нихъ не знаю что; съ будущею почтою пришлю каталогъ: можетъ быть вы или маменька ваша выберете что-нибудь,—тогда найду случай переслать и ноты. Онѣ не болѣе недѣли получены здѣсь.

Мои „Очерки" пошли въ дѣло. До сихъ поръ литографія хороша, а къ будущимъ №№ можетъ усовершенствоваться. Уже дня два пошли заказы въ Парижъ всего необходимаго. Если бы недѣли черезъ 2 получилъ отъ васъ Хмѣльницкаго [3]), то успѣлъ бы еще напечатать.

Поцѣлуйте за меня ручку у милостивой государыни Елены Ивановны [4])—и любите вашего Вадима П.

28 іюл.

Жена моя посылаетъ вамъ поклонъ, а маменькѣ вашей свидѣтельствуетъ почтеніе.

---

[1]) См. „Русскую Старину", изд. 1893 г., май.

[2]) Письма печатаются безъ соблюденія орѳографіи В. В. Пассека.

[3]) Эта статья не была напечатана.

[4]) Е. И. Срезневская—мать И. И. Срезневскаго.

2.

1837 сент. 14.

Давно сбирался писать къ вамъ, Измаилъ Ивановичъ,—и давно, давно не писалъ. Душа была такъ взволнована, что право не могъ свободно взяться за перо. Теперь разскажу вамъ все, что я дѣлалъ и нашелъ въ Одессѣ. Едва я успѣлъ пріѣхать, какъ Лукьянъ обокралъ меня и лишилъ возможности приняться за изданіе [1]). Правда, и денегъ было менѣе двухъ тысячъ, но это было все, съ чѣмъ я хотѣлъ начать мои «Очерки», не затрудняя никого, никѣмъ не одолжаясь и не вводя никого въ рисковое дѣло.

Почти два мѣсяца я перебивался здѣсь всѣми неправдами, остался безъ лошадей и безъ экипажа и началъ литографированіе. Но печатать было нечѣмъ и до половины августа даже негдѣ, потому что въ городской типографіи было такъ много заботъ къ царскому пріѣзду [2]), что они не могли принять ни одного листа: главнымъ ихъ дѣломъ былъ трудъ Скальковскаго [3]), представленный царю: за него онъ получилъ перстень. Теперь же я снова сбился, и къ 2-му или 3-му октября выйдутъ изъ печати мои «Очерки». Въ литографіяхъ начались работы и на второй №. Литографіи здѣсь порядочныя, типографіи—тоже, но бѣдны. Бумага втрое дороже русской, печатанье—вдвое. И черезъ весь этотъ строй я долженъ гнать мое дитя, не имѣя почти возможности прикрыть его грѣшнаго тѣла. Пусть идетъ. По крайней мѣрѣ худшихъ обстоятельствъ не будетъ и, кажется, не можетъ быть, а среди ихъ мы не потерялись: вели дѣло, жили и поддерживали кредитъ. Прибавьте къ этому семейныя заботы—рожденіе маленькаго Вадима, болѣзнь Танюши [4]), хлопоты съ квартирами, прибавьте пожалуй и то, что у насъ убѣжала Полюшка—это старшая дѣвка, думаютъ, что ее сговорили замужъ, — убѣжалъ и кучеръ нашъ Павелъ съ сожительницей, а еще хуже—жена Лукьяна, которая была кормилицей у нашего малютки, бросила его и надѣлала много хлопотъ. Вотъ какія бѣды и здѣсь это не рѣдкость: почти каждый пріѣзжій съ своими людьми терпитъ не менѣе. Бессарабія, турецкая граница, безлюдье степей, бездѣйствіе полиціи—хорошая приманка бѣжать. Здѣсь же такъ много

---

[1]) Въ воспоминаніяхъ жены В. В. Пассека, Т. П. Пассекъ читаемъ: служившій при Вадимѣ восемнадцатилѣтній мальчикъ укралъ у насъ всѣ деньги и скрылся („Изъ дальнихъ лѣтъ", т. II, стр. 275).

[2]) Императоръ Николай Павловичъ вмѣстѣ съ наслѣдникомъ и другими членами царской фамиліи былъ въ Одессѣ въ сентябрѣ 1837 г.

[3]) Вѣроятно „Первое тридцатилѣтіе исторіи города Одессы 1793—1822". Соч. Скальковскаго. Одесса, 1837.

[4]) Татьяна Петровна Пассекъ.

мошенниковъ, которые подговариваютъ обкрадывать и послѣ бьютъ дураковъ и отбираютъ у нихъ деньги и вещи; часто находятъ трупы не только за городомъ, но и въ городѣ—и никто ничему не удивляется, да и некогда: всѣ заняты.

Что вамъ сказать о здѣшнемъ обществѣ? — Всему основа въ городѣ жиды—и жиды не простые, а такіе, что, ежели онъ васъ толкнетъ на дорогѣ, такъ вы съ нимъ не бранитесь, а то и онъ васъ станетъ бранить, а будете драться, и онъ станетъ драться: оттого я и хожу съ толстой палкой или въ форменномъ фракѣ. Этотъ народъ торгуетъ всѣмъ: весь торгъ пшеницей, милліоновъ по крайней мѣрѣ на 20, идетъ черезъ ихъ руки; въ иныхъ магазинахъ сидятъ жиды, съ мелочью жиды, хотите ли что купить, скажите первому жиду, который пройдетъ мимо окна, хотите ли продать; скажите ему же, и у васъ сейчасъ будутъ вещи или покупщики,—хотите ли занять денегъ, извольте: сейчасъ принесутъ, только пусть вашъ знакомый подпишется съ вами на роспискѣ или письмѣ, да извольте заплатить за мѣсяцъ процентовъ 10 или 15.—Русскихъ купцовъ мало и они не въ модѣ. Русскихъ мастеровыхъ, особенно плотниковъ и каменщиковъ много, и они къ царскому пріѣзду получали по 7 и 9 р. ас. въ день: обыкновенная же цѣна вдвое и втрое противу нашихъ и всѣ бѣдны, потому что дорого содержаніе и дешево вино.—Иностранцевъ много: болѣе грековъ и итальянцевъ, за ними караимы, нѣмцы, французы и нѣсколько англичанъ. Восточныхъ мало. Всѣ они завлечены сюда порто-франко, которымъ богатѣютъ на счетъ нашъ. Высшій классъ всѣ около Воронцова [1]). Это нашъ ханъ, и вкусъ, и генералъ-губернаторъ.—Здѣсь много дамъ отставныхъ въ Петербургѣ. Размѣнъ супружескихъ удовольствій въ хорошемъ тонѣ, но, кажется, не безъ нѣкоторыхъ исключеній.—Деньги важная вещь и даетъ право на высшее одесское гражданство. Свѣтской образованности въ этомъ кругѣ много.—Молодежь? Ея много; много людей образованныхъ, начитанныхъ, но всѣ или космополиты или чиновники или такіе, которые ничѣмъ недовольны, считаютъ себя образцами хорошаго тона и безплодно перебиваются день за день, отъ удовольствія къ скукѣ, отъ скуки къ удовольствію, и все это такъ неглиже, какъ будто кого-нибудь одолжаютъ. — Если угодно о книжныхъ подробностяхъ могу написать по вашему желанію. Надо мной смѣялись, что я хотѣлъ пригласить на вечера, гдѣ бы съѣзжалась молодежь не для картъ и не для ресторацiоннаго ужина: клубъ—ихъ центръ, перо (на всѣхъ достанетъ въ годъ одного гусинаго крыла), перо—у всѣхъ или ремесло или far-

[1]) Графъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ—новороссійскій губернаторъ и полномочный намѣстникъ Бессарабской области, впослѣдствіи свѣтлѣйшій князь и генералъ-фельдмаршалъ, главнокомандующій войскъ на Кавказѣ и намѣстникъ кавказскій (1782—1856).

*

niente.—Харьковъ царь народностью передъ Одессой—и любовью ко всему народному.

Цѣны: сажень дровъ 70 р. ас. и болѣе, зимою 100 и 200 р. ас.; рожь 7 р. ас. четв.; пшеница 12 и 13 р. ас. Зелень очень дешева; лучшій арбузъ 15 к., виноградъ 10 и 12 к. фунтъ; деревянное масло 50 к. ф.; свѣчи 36 к. ф.; фрукты довольно дешевы. Квартиры дороже харьковскихъ не много.

Кромѣ воротъ и половъ съ потолками въ городахъ нѣтъ ничего деревяннаго—все известковый камень—и потому, кто захочетъ, тотъ и куритъ на улицѣ трубки и сигары [1]). Дома безъ деревянной работы чрезвычайно дешевы, съ деревянною—очень дороги. Архитектура ближе къ центру города итальянская безъ кровель, съ однѣми террасами, въ два и въ три этажа; окна съ жалузи. Улицы вымощены плитнякомъ или щебнемъ. Подлѣ—море, кругомъ—нагая и каменистая степь. Пароходы большое удобство: черезъ день можно быть въ Крыму, черезъ два—въ Константинополѣ, черезъ недѣлю—въ Вѣнѣ.

Здѣсь я познакомился съ Жуковскимъ [2]) и былъ у Арсеньева [3]). Представилъ ему описаніе Харьковской губерніи [4]); онъ обѣщался представить его наслѣднику и сказалъ, что мнѣ пришлютъ что-нибудь на память [5]); далъ предписаніе на описаніе нѣсколькихъ губерній и сказалъ, что представитъ меня съ «Очерками» наслѣднику. 10 октября по этому случаю я буду въ Екатеринославлѣ.—Въ дѣлѣ «Очерковъ» приняли большое участіе Сперанскій и Ермоловъ [6]).—Благодарю васъ за Изборники [7]) — всѣ, кому я читалъ ихъ, находятъ ихъ оригинальными и дѣльными. На Кавказѣ многіе подписались, въ Москвѣ—тоже и вездѣ ждутъ выхода.— Чѣмъ-то вы надѣлите ихъ на будущіе №№—ожидаю. Статью о возвышенности горъ ожидаю съ картой [8]). Къ моей картѣ приготовлена статья къ 1 № о положеніи и свойствѣ горъ—только; за нею будутъ карты отдѣльной ихъ возвышенности, протяженія и направленія рѣкъ, растительности, жизненности, населенія, а тамъ пойдутъ карты истори-

[1]) До царствованія императора Александра Николаевича куреніе на улицахъ было запрещено.

[2]) Василій Андреевичъ Жуковскій путешествовалъ въ это время по Россіи вмѣстѣ съ наслѣдникомъ Александромъ Николаевичемъ.

[3]) Константинъ Ивановичъ Арсеньевъ (род. въ 1789, ум. въ 1865 г.).

[4]) Статистическое описаніе Харьковской губерніи, составленное В. В. Пассекомъ по порученію министерства внутреннихъ дѣлъ.—См. выше.

[5]) К. И. Арсеньевъ въ это время завѣдывалъ дѣлами статистическаго комитета (1835-1853).

[6]) Знаменитый А. П. Ермоловъ (см. „Воспоминанія праздника въ Одессѣ 6-го сентября 1837 г.“).

[7]) Статья И. И. Срезневскаго (напечатана въ первой книгѣ „Очерковъ Россіи“).

[8]) Такой статьи Срезневскаго въ „Очеркахъ“ помѣщено не было.

ческаго заселенія, распространенія княженій и Московіи. Для всего отдѣльныя карты и статья при каждомъ №.—Наше дитя будетъ русскимъ; за 1-мъ № оно только-что родится, а тамъ должно рости и мужать и становиться народнѣе. Пусть оно не даромъ пройдетъ по тернистому пути.

Танюша вамъ кланяется и свидѣтельствуетъ почтеніе вашей маменькѣ, а я цѣлую ихъ ручку.

Закуримте же прощальныя трубки.

До свиданія. Вашъ Вадимъ [1]).

За одну вашу книгу я получилъ деньги да только не помню, почемъ вы дали ее продавать, т. е. Старину [2]), кажется, по 12 р. ас.; хотѣлъ выписать вамъ «Норму» для фортепьянъ, да у меня не былъ передъ отъѣздомъ Крыловъ [3]), хоть и хотѣлъ зайдти. Какъ-нибудь вышлю.

Здѣсь рояли и фортепьяно вѣнскіе—отличные. Рояль стоитъ 1.200 р. ас., пошлины что-то много, но можно вывезти съ позволенія министра. Играютъ болѣе для голоса, а такъ—очень немногіе. Книгъ, которыя вы записали, нѣтъ нигдѣ, но есть хорошія путешествія въ разныя части Европы съ рисунками одеждъ и домовъ, особенно на сѣверѣ. Впрочемъ, безъ денегъ я не охотно бываю въ книжныхъ лавкахъ.—Вещей прекрасныхъ для роскоши—пропасть: платки, шали, матеріи, блонды, хрусталь, сукно и бронза не дороги и превосходны.

Для царскаго бала здѣсь была убрана биржевая зала, огромная, великолѣпная и надъ моремъ; вездѣ были лучшія бронзовыя люстры и канделябры, колонны, живопись альфреско, статуи съ кошницами, полными фруктовъ, и превосходная мебель и зеркала. Для государыни одна комната была убрана голубымъ атласомъ и сверхъ его бѣлою рѣшеткою, кажется, атласною же на подкладкѣ, и сквозь всѣ рѣшетки пропущены вѣтви южныхъ растеній и винограда съ гроздами, посаженныхъ въ фарфоровыхъ вазахъ; на полу персидскіе ковры, за зеленью вдѣланныя въ стѣны зеркала, между вѣтвями хрустальные бриллiанты—канделябры. Другая комната была обита голубымъ и бѣлымъ атласомъ и обставлена превосходною мебелью и трюмо. Еще нѣсколько комнатъ, и за ними комната великой княгини, роскошно обитая розовымъ атласомъ и драпированная по немъ кисеею, которая вмѣстѣ съ атласомъ сведена была на потолкѣ звѣздою, а изъ нея спущена люстра изъ бѣлаго мрамора въ видѣ распускающагося розана, самой тонкой работы; изъ нея разливался матовый свѣтъ по всей комнатѣ; по мѣстамъ трюмо и диваны. Свѣчи

[1]) Слѣдующее за симъ приписано на поляхъ письма.

[2]) „Запорожская Старина"—изданіе И. И. Срезневскаго.

[3]) Вѣроятно Дмитрій Сергѣевичъ Крыловъ, бывшій въ то время харьковскимъ вице-губернаторомъ.

вездѣ спермацетныя. Милости начинаются. Подробности о царскомъ присутствіи напишу Ивану Матвѣевичу [1]).

Намъ пишите прямо въ Одессу.

3.

Вѣрно просьба къ вамъ будетъ также неожиданна, какъ судьба моихъ «Очерковъ». Они пріѣхали въ Харьковъ печататься: я поручаю ихъ заботливости Ивана Матвѣевича; помогите и вы совѣтомъ и примите на себя корректуру вашихъ статей и моихъ малороссійскихъ пѣсенъ; пусть будетъ правописаніе ваше съ нѣкоторыми измѣненіями— напр.: ненадобно писать що—не могу его видѣть; вѣрнѣе шо или шшо. Въ примѣчаніи моемъ о выговорѣ вы увидите мое желаніе. Легкія перемѣны въ словахъ и проч. позволительны: цензоръ хорошъ и не взыщетъ.

Рисунки и пр. я пришлю съ письмоводителемъ. — Вамъ нельзя не любить «Очерковъ»: они близки вамъ; помогите же имъ—и вѣрьте, что тяжко мнѣ было посылать мое дитя въ далекую сторону.

Вашей маменькѣ вмѣстѣ съ Танюшей свидѣтельствуемъ почтеніе. Вамъ Танюша тоже кланяется, а я жму вамъ руку и еще прошу объ «Очеркахъ».

Вашъ Вадимъ Пассекъ.

27 с. [2])

Съ письмоводителемъ пришлю вамъ ноты.

4.

27 окт.

Такъ вы приняли близко къ сердцу всѣ мои бѣды: благодарю васъ:—отрадно! Но въ чашѣ моей жизни, кажется, еще ихъ довольно, и подъ чудными знаменьями рождаются наши «Очерки»!!

Опять

Надъ моими воротами черна хмара стала.

А къ намъ въ Одессу чума пристала. Да! чума. Вывезъ ее какой-то

[1]) Иванъ Матвѣевичъ Петровъ, харьковскій литераторъ, издатель альманаха „Утренняя Звѣзда“ (Харьковъ, 1833); въ 1837—1838 г. онъ былъ казначеемъ харьковской казенной палаты.

[2]) т. е. сентября.

купецъ та й ще карачи, изъ Турціи въ шубѣ, да и выпустилъ у насъ въ городѣ. Правда, худо ей у насъ въ карантинной жизни, да и самимъ намъ невесело отъ этой жизни, а дѣлать нечего. Мы теперь сидимъ, какъ въ крѣпости: дрова, запасы — все стаскали въ горницы, заперлись да и сидимъ. А «Очерки» сидятъ. Рисунки почти готовы и если окурка не будетъ ихъ портить, то вышлю въ четвергъ на той недѣлѣ, а если будетъ портить, то надобно ждать сорокадневнаго срока. Что будете дѣлать? Радъ бы сказать:

Ой я тую черну хмару перомъ размахаю,

да не знаю, успѣю ли, съумѣю ли.

Но какъ-то я обтерпѣлся—и вижу на дѣлѣ, что слова или лучше мысль: Воля Божья — экъ-беръ Аллахъ Омъ—все это вливаетъ силу—болѣе силъ случайныхъ. Хорошо золото послѣ огня, хороша природа послѣ бури; какъ страстная женщина послѣ первой ночи, крѣпче сидятъ деревья на горахъ. Авось пустятъ корни и «Очерки»—и выростутъ высоко, высоко.—Вы повѣрите, что я говорю тутъ не о себѣ, а объ «Очеркахъ». Любите ихъ, сѣйте и поливайте. Дайте только имъ поправиться...

Истинное участіе—сила и отрада! Цѣлую ручки вашей маменьки; Благодарю васъ.

Да! еще не легко начинать и вести подобныя предпріятія: надобно найти мѣсто, гдѣ бы не искать со свѣчею не только искусства, но матеріаловъ, или, просто говоря: гдѣ вы найдете мѣсто съ хорошими и достаточными типографіями, литографіями, рисовальщиками, карандашами, краскою, бумагою, цензурою, внѣшнею страдною жизнью,—не говорю уже о городскихъ удобствахъ и климатѣ, не говорю и о средствахъ, съ какими все это можно отыскать. Скажите, не странно ли, что дѣлается съ «Очерками»: цензуруются въ Одессѣ, печатаются въ Харьковѣ, а рисунки заготовляются опять въ Одессѣ—каковы промежутки; поневолѣ обратитесь къ почтамъ, къ транспортамъ, къ таможнямъ, а время, а хлопоты и непріятности?... А издержки? Нѣтъ нигдѣ привычки къ большому дѣлу; мало надѣяться на участіе публики, надо публику носить въ своей мысли въ своемъ чувствованіи—извольте же добираться до этого и умомъ и чутьемъ и практическимъ знаньемъ цѣлой нашей части свѣта! извольте имѣть въ виду всѣ мелочи исполненія дѣла; повѣрите ли, что вамъ почти надобно быть и живописцемъ, и литографомъ, и типографомъ, и бумажнымъ фабрикантомъ—и знать, гдѣ и какъ что лучшаго производится. Вы отдадите рисовать видъ,—смотрите, не ошибитесь, кому отдаете: одинъ дѣлаетъ виды съ зданьями, а другой болѣе пейзажи и оба берутся за все оттого, что хотятъ ѣсть; да хорошо, если есть изъ кого выбирать; ну, хорошо, вы отдали рисунокъ, а попробуйте не наблюсти: затушовка будетъ или крупна или мелка оттого, что камни надобно для

каждой тушовки шлифовать пескомъ разной величины, а песокъ везутъ изъ Парижа; а потомъ: то карандаши мягки, то тверды, то сухи, то жирны—и вы того и глядите, что прорискуете или деньги или время. Началось тисненіе—то краска свѣтла, то рыжа, то мастеръ пустилъ рисунокъ въ темномъ, то въ свѣтломъ тонѣ, а это зависитъ отъ того, какъ онъ сильно давитъ станокъ и какъ вы ему даете на водку. Не говорю уже о другихъ мелочахъ, изъ которыхъ выйдетъ и большое дѣло. А много ли мѣстъ и съ такими удобствами? Не говорю: надобно бороться, скрѣпя сердце, твердо идти къ цѣли, которая такъ заманчиво влечетъ къ себѣ, надобно смѣшать, слить эту цѣль съ жизнью—тогда будетъ надежда и успѣхъ. Да будто только и хорошо жить сыру въ маслѣ, будто только и хорошо ѣздить на рессорахъ. По мнѣ лучше на телѣгѣ, чѣмъ въ каретѣ, какъ-то и виднѣе, и свѣжѣе, и крѣпче, и встать легко, и отдохнуть весело, и покурить хочется. Ну что будетъ, то и будетъ. А вы не забывайте вашего Вадима Пассека.

Танюшенька свидѣтельствуетъ почтеніе вашей маменькѣ и вамъ. Наши ребятишки также кланяются. Саша ужь бѣгаетъ и прыгаетъ, а Вадя только дѣлаетъ гримасы.

Весной въ Крыму, въ іюнѣ на Днѣпрѣ, въ іюлѣ въ Харьковѣ и въ Кіевѣ—а тамъ побачимъ.—Теперь не знаю, куда попаду. Хотѣлось въ Бессарабію, да карантины; а къ декабрю, я думаю, будетъ грязь.

Харьковъ въ отношеніи народности—царь противъ Одессы: здѣсь все попондопулы, макарони, арабъ-оглу и подобная братья—или Шлёмки, Дудели съ песиками,—хотѣлось бы видѣть хоть скверную, но національную рожу.

5.

7 ноября.

Итакъ, Измаилъ Ивановичъ, надобно было, чтобъ и въ Харьковѣ встрѣтились препятствія для нашихъ «Очерковъ»—пусть такъ! И здѣсь не лучше: кажется, мудрено будетъ придумать переслать рисунки — такъ крѣпко все заперто, а почта ничего не принимаетъ кромѣ писемъ. Вещи же должны подвергаться долгому очищенію, окуркѣ и разнымъ пыткамъ, какія врядъ ли выдержатъ мои рисунки — пусть такъ!— Знаю, что мы со всѣмъ справимся съ Божіею помощію, но время? Для будущаго это ничто, а въ настоящемъ можетъ мнѣ во многомъ помѣшать. Вы знаете и, конечно, повѣрите, что на этотъ билетъ поставлена и будущность моихъ... Билетъ вѣрный, билетъ выигрышный, а время, а настоящее стѣсненіе обстоятельствъ всѣхъ возможныхъ видовъ и ро-

довъ?— Авось поборимъ! Да, поборимъ! Польза для другихъ, хоть капля пользы, будетъ неизбѣжно, я въ это вѣрю, вѣрю больше, нежели въ свою пользу. Что̀ публикѣ мѣсяцъ, два, пять ранѣе или позже? Это гораздо важнѣй для меня.

Если бы я замедлилъ высылкой рисунковъ (авось нѣтъ), то попросите отъ меня Ивана Матвѣевича и похлопочите сами, чтобы не медлили печатаніемъ, сколько это возможно

Если увидитесь съ И. Ос. Каленчинковымъ [1]), то скажите, что послѣ моего послѣдняго письма къ нему болѣзнь у насъ немного поразвилась.

Не забывайте насъ и что изготовите для 2-й книги—присылайте. О высотѣ горъ съ табличкою или картою я въ надеждѣ на васъ не пишу, да теперь и не могу писать оттого, что всѣ библіотеки заперты. Такія посылки порадуютъ и освѣжатъ меня, а между тѣмъ все подготовлю къ 2-й книгѣ и процензуруемъ какъ-нибудь, а тамъ поскорѣе къ 3-й.

Въ іюлѣ надѣюсь быть у васъ со всѣми моими, затянуться у васъ и съ вами, и крѣпко и сладко, и поцѣловать ручку вашей маменьки съ моими малютками, какъ теперь цѣлую мысленно.

Ухъ, какая даль отсюда до Украйны; кажется, тянутся и тянутся степи и все въ туманѣ, вездѣ пустыня,—даль безбрежная. Ничего, переѣдемъ.

До свиданья. Вашъ Вадимъ.

Запасами богатѣемъ—возрадуйтесь, рисунками тоже—возвеселитесь. Много сценъ изъ быта крымскихъ татаръ—добре [2]).

6

16-го ноября.

Сдѣлайте одолженіе, объясните въ примѣчаніяхъ мнѣніе г. Малтебрена [3]), но какъ—не знаю; если онъ говоритъ рѣшительно то же, что и я (т. е. наоборотъ)—въ такомъ случаѣ можно замѣтить, что-де такой-то географъ-нѣмецъ писалъ объ этомъ, но какъ и до сихъ поръ эта мысль мало знакома публикѣ и не введена въ наши православныя географіи,—такъ мы и рѣшились дескать пересказать ее. А, если я говорю

---

[1]) Иванъ Осиповичъ Каленчинко—впослѣдствіи извѣстный харьковскій врачъ и профессоръ университета.

[2]) Приписано на полѣ.

[3]) Conrad Malte-brun (1775—1826) — извѣстный датскій ученый географъ и политическій писатель; вторую половину своей жизни онъ провелъ во Франціи, почему почти всѣ его сочиненія написаны имъ по-французски.

не совсѣмъ то, что онъ, такъ можно такъ замѣтить, что подобную, или какую-нибудь мысль имѣли иностранные ученые. Можно и объ различіи упомянуть, если это не потребуетъ многихъ строкъ. Также и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ касается до Россіи—и если кто-нибудь говорилъ о ней то же прежде, что мы говоримъ теперь. Благодарю васъ за вниманіе и прошу васъ, ради «Очерковъ» и имени моего (добраго), выведите меня изъ тѣхъ обстоятельствъ, по которымъ кто-нибудь вздумалъ бы или имѣлъ поводъ сказать, что мы молча беремъ чужое. Не надобно мнѣ чужаго: не желаю жены искренняго моего, ни дому ближняго моего, ни осла его, а еще меньше образа мысли его. Лучше буду невѣждой, нежели недобросовѣстнымъ, и стану вводить въ грѣхъ своихъ земляковъ. Нѣтъ, въ этомъ, прошу васъ, не выдавайте меня. Правда, есть граница въ своемъ и чужомъ, но гдѣ найдти ее: берусь и берусь смѣло разложить сочиненіе каждаго автора и указать аналитически, откуда взята каждая часть его творенія (хотя онъ никогда не бралъ),—укажу на мысли его, которыя зовутъ новыми и которыя были высказаны давнымъ давно—такъ или сякъ или эдакъ. Не съ простá ума говорилъ одинъ хохолъ, что сколько онъ книгъ ни читалъ, а обо всемъ уже сказано въ евангеліи. Но есть такія мѣста, которыя могутъ быть дѣйствительно литературнымъ заимствованіемъ или проще кражей. Боже, спаси отъ этого; даже близкое сходство мыслей подозрительно въ наше время. Лучше отказаться отъ своего, нежели чрезъ сходство своего съ чужимъ терять довѣренность и доброе имя. Еще благодарю васъ за замѣчаніе – выгородите меня—и не небрегите этимъ въ досужій часъ: мое худое можетъ быть худымъ для «Очерковъ», а вы, признайтесь,—вижу изъ письма вашего чрезъ Брауна,—вы любите «Очерки» больше, нежели меня: и жаль, и хорошо.

За увѣдомленіе «Наблюдателя» благодарю васъ.

Наше печатанье, какъ пишетъ Иванъ Матвѣевичъ, остановилось за бумагой—не бѣда: такъ много я видѣлъ и испыталъ худаго.

Смѣси прибавлять нельзя безъ здѣшняго цензора, да я до сихъ поръ и не рѣшаюсь помѣщать смѣсь: она обмельчитъ изданіе и можетъ привлечь къ мелочамъ. Мнѣ бы хотѣлось, чтобъ число читателей увеличивалось по общему голосу болѣе изъ нихъ понимающихъ. Притомъ нѣтъ смѣси, которая бы не могла улечься на своемъ мѣстѣ въ статьѣ не сегодня—завтра, или черезъ годъ. Впрочемъ, еще не знаю навѣрное, какъ быть со смѣсью, а этотъ годъ безъ нея. Ко второму № будутъ Окрестности Переяславля [1]), Златыя врата [2]), Произведенія Крыма въ отношеніи минераловъ, Очаковъ и Кинбурнъ, о Курскѣ, Подолинскій

---

[1]) Напечатано въ 3-й книгѣ „Очерковъ“.

[2]) Напечатано во 2-й книгѣ „Очерковъ“.

(съ портретомъ) [1]),—что вы пришлете и что отъ другихъ получу. Не забывайте насъ и не переставайте любить.—Свидѣтельствуемъ почтеніе вашей маменькѣ.—До іюльскаго свиданья.

Вашъ Вадимъ.

А можетъ быть что-нибудь и измѣнится.

Еще получилъ молдаванскія (нашихъ бессарабовъ) пѣсни съ нотами и обѣщаютъ прислать портретъ Тоболтуга, извѣстнаго разбойника, въ родѣ Гаркуши [2]).

7.

11 генваря.

Сдѣлайте одолженіе, достаньте въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ» Миллера о сѣчи запорожской (не помню, въ которомъ году) и дайте Ивану Матвѣевичу, чтобы онъ велѣлъ переписать или хотя выписать писарю, и прислалъ мнѣ [3]).—Въ $^1/_2$ марта сбираюсь выѣхать въ Таврическую губернію и отъ Береславля [4]), гдѣ мнѣ необходимо быть, добраться до сѣчи.—Теперь мнѣ поручены Таврическая и Воронежская губерніи [5]). За послѣднюю не знаю, скоро ли примусь, а за первую—съ марта. Большая часть Азовскаго моря — моя. Днѣпръ отъ моря сѣчи—мой.— Если бы вы могли еще попросить у Г. Ѳ. Квитки ихъ лѣтопись, чтобы выписать нѣсколько словъ, а именно объ войнахъ съ крымцами и урочищахъ въ Таврической губерніи. Сколько помнится мнѣ, то тамъ упоминается о двухъ долинахъ, черной и зеленой. При первой поляки порядочно били казаковъ. Да нѣтъ ли тамъ описанія обыкновеннаго пути въ Крымъ, чрезъ какія мѣста? Пожалуйста — чѣмъ богаты, будьте рады, а здѣсь врядъ ли что успѣю достать въ теперешнемъ положеніи. Въ Черноморьи буду не ранѣе іюня. А въ іюлѣ—чортъ возьми—закуримъ трубки—и я, аще (sic) левъ рыкаяй, разбраню Одессу.

---

[1]) Эти статьи напечатаны не были.

[2]) Приписки на поляхъ.

[3]) „Ежемѣсячныя сочиненія“—научно-литературный журналъ, издававшійся въ 1755—1764 гг. при императорской академіи наукъ подъ редакціею академика Герарда-Фридриха Мюллера. Статья, о которой пишетъ В. В. Пассекъ, вѣроятно, „Извѣстія о запорожскихъ казакахъ“, напечатанныя въ „Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ“ въ 1760 г. (май, стр. 387—444).

[4]) Заштатный городъ Херсонской губерніи—одинъ изъ старинныхъ городовъ края. О немъ есть замѣтка въ 5-ой книгѣ „Очерковъ Россіи“, стр. 216—222.

[5]) Т. е. статистическое описаніе губерній. Этотъ трудъ былъ порученъ Пассеку министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Пассекъ составилъ описаніе, кажется, только Таврической губерніи.

У вашей маменьки цѣлую ручку.—Танюша свидѣтельствуетъ почтеніе.

До свиданья. Вашъ Вадимъ.

Жду весны, какъ крыльевъ.

8.

Хорошо вы подшутили: я только-что успѣлъ написать вамъ о вашемъ молчаніи—смотрю, и ваши статьи на столѣ. Хорошо-съ!—Благодарю васъ.—Пушкаря печатаемъ въ первой книгѣ [1]), Русь—тоже [2]). Кстати нельзя все, вотъ почему: о колядованіи большею частью безъ переводу и на языкѣ, съ котораго я не переведу, а для читателей хочу все сдѣлать доступнѣе и болѣе завлекать въ знаніе, нежели учить. Была бы охота, они больше моего узнаютъ.—Объ осетинцахъ не помѣщаю, потому что будетъ помѣщена о нихъ статья [3]) болѣе всѣхъ статей съ словаремъ и пр. Въ вашемъ счетѣ [4]) и въ нѣкоторыхъ словахъ молитвы есть отличіе отъ того, что помѣщаю изъ Клапрота, который живалъ у осетинцевъ, а потому то и другое помѣщу для сравненія въ статьѣ.—Пѣснь о Вышеградѣ жаль, что нельзя помѣстить—нѣтъ перевода [5]).—Финляндскую пѣсню, Счетъ евреевъ, Колокола помѣстимъ. О кокко можетъ быть въ 1-й, можетъ быть во 2-й, потому что у насъ есть Купала и въ немъ говорится о кокко, но не съ такою подробностью [6]).—Всѣ эти статьи и много своихъ помѣстимъ подъ какимъ-нибудь названіемъ, безъ подписи; вы тоже вѣроятно не погонитесь за этимъ.—Постояннаго названія не будетъ.

У насъ сухо; море, воздухъ, земля—все ожило; птицы несутся ста-

---

[1]) „Мартынъ Пушкарь“ (1657—1658)—статья И. И. Срезневскаго, напечатана въ 1-ой кн. „Очерковъ“ (201—218).

[2]) Вѣроятно, статья И. И. Срезневскаго, напечатанная въ „Прибавленіяхъ къ Московскимъ губернскимъ вѣдомостямъ“, подъ названіемъ „Велика Русь“ (1841 г. № 12); она подписана: Ср.зн.вск.й.

[3]) Статья В. В. Пассека объ осетинцахъ съ приложеніемъ грамматики и словаря осетинскаго языка, составленныхъ по сочиненію Клапрота „Voyage au mont Caucase et en Géorgie“, была помѣщена въ первой книгѣ „Очерковъ“.

[4]) Т. е. числительныхъ осетинскаго языка.

[5]) Вѣроятно, Пѣсня о судѣ Любуши. Она напечатана въ первой книгѣ „Очерковъ“, съ присоединеніемъ небольшой вводной замѣтки и русскаго перевода.

[6]) Кокко называются въ Финляндіи костры, зажигающіеся въ ночь на Ивановъ день (24 іюня). Статьи о кокко въ „Очеркахъ“ не было напечатано, какъ и статей, о которыхъ упомянуто выше.

ницами, воздухъ чудесный, дамы гуляютъ въ лѣтнихъ платьяхъ.—Въ Крымъ, въ Крымъ скорѣе!

Вашъ Вадимъ.

15 ф. [1]).

Танюша кланяется маменькѣ и вамъ.

Ребятишки у насъ славные.

---

9 [2]).

Колесо «Очерковъ» вертится! Невозможность издавать ихъ въ провинціи очевидна! При счастливыхъ обстоятельствахъ они выйдутъ не прежде мая, т. е. будутъ въ столицахъ: такъ медленны и неудачны всѣ сношенія за сотни верстъ, такъ мало средствъ для печатной грамотности. И потому «Очерки» выходятъ въ Петербургѣ. Дѣло объ этомъ устроено. Съ петербургскими я списался; отсюда ѣдетъ человѣкъ—исполнитель нашего изданія, душа честная, испытанная и притомъ человѣкъ, который рисуетъ прекрасно [3]), стало быть, при ходѣ дѣла въ литографіяхъ все будетъ лучше. Расходы изданія обезпечены на все время. А признаюсь, многаго это стоило: нужда, тяжелыя отношенія, неудачи—все испытано! Но теперь ставимъ по-своему и поставимъ. Слава Богу, требованій еще на неизданные «Очерки» много. Много подписалось на Кавказѣ. Скорѣе за непрерываемое дѣло. Жду отъ васъ для 2 №. Хотѣлось бы, чтобъ не менѣе двухъ №№ поѣхали бы въ Питеръ.

Все, что было сдѣлано здѣсь и что стоило до 1.500 р., все въ огонь, все это стоитъ только 50 подписчиковъ и можетъ портить дѣло. Мнѣ теперь, какъ Лотовой женѣ, не должно оглядываться назадъ.

Будьте здоровы. Вмѣстѣ съ Танюшей и ребятами нашими свидѣтельствуемъ почтеніе вашей маменькѣ.

Вашъ Вадимъ.

P. S. Что это московскіе чудаки издаютъ Москвитянина. Вотъ народъ!

---

10 [4]).

Итакъ наши «Очерки» ѣдутъ въ дальній сѣверъ. Христосъ съ ними! Вотъ Егоръ Петровичъ Гардинскій, онъ ихъ принялъ отъ купели. Онъ вамъ болѣе разскажетъ, чѣмъ я напишу.

---

[1]) т. е. февраля.

[2]) Письмо писано въ февралѣ или мартѣ 1838 г.

[3]) Егоръ Петровичъ Гардинскій; о немъ см. выше.

[4]) Письмо это писано въ мартѣ 1838 г.; оно отправлено съ Е. П. Гардинскимъ, который въ мартѣ уѣхалъ изъ Одессы (Т. П. Пассекъ. „Изъ дальнихъ лѣтъ“, т. II, стр. 284).

Съ женой и ребятишками свидѣтельствуемъ почтеніе вашей маменькѣ. Кланяемся и вамъ до личнаго поклона.

Вашъ Вадимъ.

11.

Чудное дѣло, что вы не получили отъ меня отвѣта на ваше письмо о преобразованіи «Очерковъ». Я послалъ сейчасъ же отвѣтъ чрезъ Ивана Матвѣевича [1]) и на мое письмо къ нему получилъ отвѣтъ.

Благодарю васъ и за послѣднее письмо и за отданную статью брату Василію [2]); только, не въ трудъ, спросите его при случаѣ, отправилъ ли онъ ее, а то боюсь, не забылъ бы. Дня черезъ три ѣду изъ Одессы и вывожу Норму. Не правда ли, какъ много чувства въ Qual cor tradisti; по сценѣ это лучшее мѣсто, и не забудете его никогда.

Христосъ воскресе! Цѣлую ручку у вашей маменьки.

До свиданья. Дѣлъ бездна, безъ прибавленій, въ одномъ здѣшнемъ архивѣ 800.000. На дорогѣ дѣла много, а дорога моя чрезъ Вознесенскъ въ Николаевъ, изъ Николаева въ Ольвію, Херсонъ, Крымъ, Черноморье, Ногайскія степи и Днѣпръ въ Харьковъ.

Кончу—и ура, и трубки, и говору, и разговору съ три короба! До свиданія.

Вашъ Вадимъ Пассекъ.
1838, апр. 10.

12.

Посылаю вамъ Норму безъ послѣдняго листочка: утратился. А жаль: тамъ славное мѣсто, гдѣ Норма молитъ отца о прощеніи и дѣтяхъ. Впрочемъ, тамъ такая жалость и страхи, что Богъ съ ними. Ужасти! Васъ за «Гайдамаковъ» [3]) благодарю и земно кланяюсь; только они еще не приходили ко мнѣ, вѣрно гарцуютъ въ степяхъ или въ лѣсахъ. Жилъ у брата въ степяхъ и разрыли одинъ курганъ [4]); нашли кости и желѣзо, и то плохое. Чудаки были старые покойники. Если бы вы вздумали писать что-нибудь къ 3 №, то напишите что-нибудь о Сѣверѣ, объ Руси или какихъ-нибудь неправославныхъ чудакахъ. Мнѣ довольно трудно справляться со всѣмъ среди странствій кочевой жизни безъ вѣр-

---

[1]) Петрова.

[2]) Вас. Вас. Пассекъ—одинъ изъ младшихъ сыновей Василія Васильевича Пассека („Изъ дальнихъ лѣтъ“, т. II, стр. 260).

[3]) Казаки-гайдамаки Уніатской войны (1595—1654)—статья И. И. Срезневскаго; напечатана въ „Очеркахъ“, кн. 3, стр. 121—138.

[4]) У Егора Васильевича Пассека. См. „Изъ дальнихъ лѣтъ“, т. II, стр. 284.

ныхъ средствъ и безъ [1]) многихъ пособій. Не знаешь, дѣлать ли наблюденія или писать статьи, а какъ пойдетъ дѣло къ подбору статей и труднѣе того: югу много, а сѣверу трохи *). Достало бы силъ, да недостаетъ времени и средствъ. Да, 3 и 4 №№: надо вытягиваться. Авось! Въ Одессѣ я нашелъ много пособій въ послѣднее время. Графъ Воронцовъ доставлялъ мнѣ всѣ средства пользоваться матеріалами; далъ письмо въ Крымъ и самъ будетъ тамъ. Это пригодится.

До свиданія. Вашей маменькѣ свидѣтельствую почтеніе свое, Танюшино и ребятишекъ. До свиданія.

Вашъ Вадимъ Пассекъ.

27 апрѣля.

У насъ іюнь въ апрѣлѣ.

9 мая. Хотѣлъ отправить вамъ изъ Николаева, а отправляю изъ Симферополя. Ваши «Гайдамаки» не идутъ. Возьмите, сдѣлайте одолженіе, у брата Василья статью вашу назадъ и пришлите мнѣ посылкой, а то онъ обремененъ службой и не до «Гайдамаковъ» ему. А мое изданіе не ждетъ, особенно при моихъ походахъ.—Николи, а треба. Присылайте ихъ, а адресъ въ С—ль [2]), и только.

Еще вашъ Вадимъ Пассекъ.

*) NB. Писавши статью не объ Украйнѣ, пишите ее не въ ущербъ вашимъ статьямъ объ Украйнѣ, назначаемымъ для «Очерковъ» [3]).

---

13 [4]).

Скажите, Измаилъ Ивановичъ, есть ли кромѣ 4-хъ листовъ статьи Эвецкаго [5]) еще что-нибудь, и у васъ ли это продолженіе или отдали....[6]) Въ среду всенепремѣнно должно отослать 3 №.

Вашъ Пассекъ.

14.

Вчера вы писали, что еще можете поправить что-нибудь въ статьѣ. Только, сдѣлайте одолженіе, нельзя ли не позже вечера четверга. 2-й №

---

[1]) и безъ въ подлинникѣ повторено два раза.

[2]) Т. е. Симферополь; здѣсь Пассеки прожили около мѣсяца у А. А. Уманца („Изъ дальнихъ лѣтъ“, т. III, стр. 273).

[3]) Приписано на полѣ.

[4]) Эта и слѣдующія за нею записки написаны, вѣроятно, осенью 1838 г. и зимою 1838—1839 гг. въ то время, когда Пассеки жили въ Харьковѣ.

[5]) Статья Ор. С. Евецкаго, напечатанная въ 3-й книгѣ „Очерковъ“—„Поѣздка изъ Иркутска въ Кяхту черезъ Байкалъ или Святое море“.

[6]) Слово не разобрано.

назадъ тому двѣ недѣли былъ почти половиною напечатанъ и спрашиваютъ 3-й. Въ картѣ не сдѣлаете ли дополненій. Повѣрьте: 1) завоеваніе Сибири съ краткой ист. у Крашенникова; 2) наши южныя степи—хотя съ Скальковскимъ. При Борисѣ отъ Бѣлгорода до Чугуева и до Царева все было наше. NB. Анапа. NB. Не завоеванныя мѣста на Кавказѣ. Не худо означить и дунайскіе острова (они важны): прикиньте ихъ.

Экземпляръ посылаю съ билетомъ, а объявленіе одолжите хотя свое: не найду нигдѣ.

В. Пассекъ.

Цѣна 35 р. ас. съ пересылкою. Нѣтъ ли въ университетѣ историч. атласа, кажется, Шахматова. Тамъ означено увеличеніе Россіи, по Карамзину.

15.

Отношусь къ вамъ съ мудреною просьбою: не богаты ли вы: не осудите ли меня 250 р. ас. Теперь встрѣтилась неожиданность — необходимость, а гроши будутъ не прежде недѣли: тогда и я буду богатъ и для себя и, если угодно, и для васъ.

16.

Вотъ сегодня и понедѣльникъ, а вы сказали, что если не въ воскресенье такъ въ понедѣльникъ мы наговоримся съ вами. За чѣмъ же дѣло? Чай на столѣ и мы за столомъ и васъ ждемъ.

В. Пассекъ.

---

17 [1].

Ваши слова изумили меня. Дивлюсь и сожалѣю искренно. Въ жизни такъ много утраты, такъ изорвана людьми и обстоятельствовали ткань моей жизни, что жалѣю, скорблю душею о новой утратѣ, если это

[1]) Отвѣтъ на письмо И. И. Срезневскаго о недоразумѣніи, происшедшемъ между нимъ и братомъ Вадима Васильевича, Василіемъ Васильевичемъ Пассекомъ.

правда... Еще не знаю, что сказать вамъ, но вы обижаете меня, говоря, что мой гость беззащитенъ въ моемъ домѣ. Мой кровъ и для врага моего, если онъ вошелъ какъ гость или съ желаніемъ пріюта,—вѣрьте,—безопасенъ отъ всего, что могло бы оскорбить.

Статью прочту, разсмотрю карту и пришлю, если не скажу вамъ отвѣта.

18.

26 авг. 1839.

Радъ провести съ вами, Измаилъ Ивановичъ, нѣсколько часовъ побывалому. Да, многое перебывало со времени нашего знакомства; много радостнаго и горькаго мнѣ въ словѣ колйсь, а теперь подъ часъ хочется, чтобъ и настоящее было колйсь.

Двѣ недѣли я былъ боленъ, и теперь мнѣ позволили только прогуливаться. Оттого я почти всегда дома. Сегодня послѣ обѣда я свободенъ; завтра вечеромъ, я думаю, никого не будетъ у меня, послѣ завтра—тоже, цѣлый день.

Вад. Пассекъ.

---

19 [1].

Душа человѣка ищетъ отзыва въ другой душѣ—и счастливъ, кто дождется его и насладится имъ. Благодарю васъ: въ знакомствѣ съ вами много было для меня отраднаго въ прошедшемъ и надежнаго въ будущемъ... Не знаю отчего, а грустны первыя минуты разлуки съ вами, разлуки, быть можетъ, только продолжительной... Пусть такъ, пусть же Провидѣніе хранитъ васъ для тѣхъ, кто любитъ васъ искренно, кто отъ души желаетъ вамъ добра и даже теперь, въ началѣ вашей общественной дѣятельности, радуется за ваши успѣхи, радуется за вашу

---

[1]) Эта записка написана Пассекомъ на память И. И. Срезневскому передъ его отъѣздомъ въ ученую командировку въ славянскія земли. На пути за границу И. И. Срезневскій заѣзжалъ въ деревню дяди Т. П. Пассекъ А. Н. Кучина—Чертовую, гдѣ въ это время гостили Пассеки. Описаніе посѣщенія Чертовой сохранилось въ письмахъ И. И. Срезневскаго къ его матери. („Живая Старина", 1892, т. I, стр. 10).

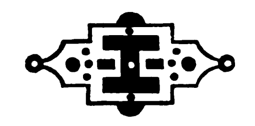
будущность и желаетъ: да горитъ долго и неистощимо свѣтильникъ души вашей и разливаетъ свѣтъ для жаждущихъ свѣта.

Не забывайте въ часы воспоминаній Вадима Пассека.

1839, сентября 27. Чертовая.

Въ раздумьи о разлукѣ съ вами я болѣе чувствовалъ эту разлуку и какъ-то ничего не сказалось о прямой цѣли вашего путешествія, цѣли, которая не можетъ не быть полезною и которая въ вашемъ исполненіи, съ вашимъ патріотическимъ направленіемъ не останется безъ сильнаго вліянія на другихъ. Вы работаете для будущности нашего отечества и болѣе или менѣе содѣйствуете тому, что нѣкогда свершится: когда все, въ чемъ сохранилась капля славянской крови, все будетъ чувствовать однимъ чувствомъ, думать одну думу, идти всей массой и силой къ одной цѣли, руководимой однимъ русскимъ царемъ Съ какой бы радостью помѣстилъ я тогда въ «Очеркахъ» статью вашу о Пражской губерніи и поѣздку по какому-нибудь Бѣлградскому уѣзду. Или это предоставлено только нашимъ дѣтямъ, внукамъ. Дай имъ Богъ.

Сообщилъ **Вс. Срезневскій.**

Замѣтка.

Въ апрѣльскомъ № „Русской Старины", на 31 стр. (15-й строкѣ) значится: „рожденная графиня Литта".

Это невѣрно. Владѣтельница Славянки, графиня Юлія Павловна Самойлова, по рожденію не графиня Литта, но графиня Паленъ. Графъ Юлій Помпеевичъ Литта былъ ея попечителемъ.

Гр. Александръ **Бобринскій.**

Кавказъ съ 1841 по 1866 годъ.

X [1]).

Ставрополь съ 1845 по 1849 годъ.—Вторженіе Шамиля въ Кабарду.—Тревога въ Ставрополѣ по случаю нападенія закубанцевъ на станицу Сенгелеевскую.

Въ августѣ я оставилъ Воздвиженскую съ нѣкоторою грустью, очень естественно, потому, что я разставался съ добрыми сослуживцами, дѣлившими со мной лишенія и опасности.

Въ переѣздѣ отъ этой крѣпости до Ставрополя не случилось со мною ничего особеннаго, кромѣ безвреднаго происшествія, въ описаніи котораго выразится постовая служба и жизнь казаковъ.

Оставалось до сумерекъ болѣе часа, когда я выѣхалъ изъ Ищоръ въ Галюгай; между этими станицами Моздокскаго полка считалось семнадцать верстъ.

— Напрасно выѣхали, лучше остались бы ночевать въ станицѣ— сказалъ ямщикъ-казакъ, приподнимая папаху.

— А почему ты этого желаешь?

— Да не доѣдемъ засвѣтло до Галюгая, того и смотри, что попадешься въ руки чеченцамъ.

— Вѣдь теперь большая вода въ Терекѣ?

— Да развѣ Терекъ удержитъ этихъ окаянныхъ. Вотъ вчера двухъ быковъ увели, да на прошлой недѣлѣ было три тревоги.

— Что же, много чеченцевъ перебили и захватили въ плѣнъ? сказалъ я, улыбаясь.

— Поймаешь этихъ чертей!

— Значитъ, кордонъ дурно держите.

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1893 г. августъ.

*

— Нѣтъ, моздокскіе казаки знаютъ службу,—сказалъ обиженнымъ тономъ ямщикъ. – Вотъ донскіе казаки—тѣ точно неисправны.

Пока велся этотъ разговоръ, со стороны Казбека налетѣли черныя грозныя тучи и, не успѣло закатиться солнце, какъ наступилъ совершенный мракъ, который еще болѣе усиливала сверкавшая молнія. Пошелъ крупный дождь. Нѣсколько разъ мы сбивались съ дороги, задѣвая за пни и попадая въ ямы, а наконецъ совсѣмъ сбились и очутились надъ обрывомъ Терека.

Ничего другаго не оставалось, какъ расположиться на ночлегъ подъ мрачно-грознымъ небомъ, или отыскать постъ, который, по увѣренію ямщика, былъ очень недалеко; только онъ не помнилъ хорошо, вправо или влѣво отъ того мѣста, гдѣ мы находились.

Еще мы были въ раздумьи, въ какую сторону ѣхать, какъ блеснувшая молнія освѣтила вышку поста, находившагося отъ насъ въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ. Однако добраться до поста было не такъ легко. Нужно было объѣхать крутую рытвину, въ которую едва не обрушилась наша повозка. Да и добравшись до поста, не такъ легко было въ него попасть.

Стоявшій на вышкѣ часовой сначала не вѣрилъ, что я проѣзжающій офицеръ, и не хотѣлъ позвать урядника, чтобы отворили ворота, пока я не прикрикнулъ на него.—«И видно, что олухъ донецъ. Нашъ казакъ не сдѣлалъ бы такого невѣжества»—проговорилъ ямщикъ, въѣзжая на дворъ поста. И дѣйствительно на посту было десять донскихъ и три линейныхъ казака.

Войдя въ постовую избу, я былъ пораженъ нечистотою и дымомъ, который началъ ѣсть мои глаза. Вездѣ была течь, только въ уголку было сухо, гдѣ я и размѣстился съ моей походной кроватью. Однако и тутъ было отвратительно безпокойно отъ множества какъ летавшихъ и визжавшихъ въ душной и дымной избѣ, такъ ползавшихъ и прыгавшихъ по грязному земляному полу и закоптѣлымъ турлучнымъ стѣнамъ различныхъ гадинъ и насѣкомыхъ.

— На что это курево? спросилъ я.

— Безъ него нельзя-съ, заѣдятъ комары, оченно злые и большіе,— отвѣчалъ съ ужимкой урядникъ.

— Да этотъ дымъ кусаетъ глаза больнѣе комаровъ.

— Это съ непривычки-съ, а потомъ глаза привыкаютъ, — продолжалъ урядникъ, улыбаясь.

Пока я, въ ожиданіи чая, этого благодатнаго напитка въ дорогѣ, лежалъ съ сигарой на моей постели, вбѣжалъ казакъ и объявилъ о перестрѣлкѣ на сосѣднемъ посту. Немедленно половина казаковъ съ урядникомъ, сѣвъ на осѣдланныхъ лошадей, поѣхали туда, гдѣ происходила перестрѣлка.

— Вотъ какая тяжелая служба казака! Днемъ скачи за проѣзжающимъ, да нарочнымъ, а ночью гоняйся за поганными чеченцами,—проговорилъ ямщикъ, котораго я позвалъ, чтобы дать ему водки да кусокъ курицы.

— Вижу, что тяжелая,—отвѣчалъ я, хотя не вполнѣ согласный съ нимъ, но съ цѣлью заохотить его на дальнѣйшій разговоръ.

— Вотъ эти поганцы-нехристи всегда избираютъ такую погоду для переправы черезъ Терекъ.

— А почему дурная погода имъ такъ нравится?

— Потому что во время темной ночи, вѣтра и дождя, не видно и не слышно, какъ эти черти переправляются.

— И не тонутъ они въ Терекѣ, переправляясь въ такую бурю?

— Кто ихъ знаетъ, кажись, нѣтъ; бурдюкъ спасаетъ; да и большіе мастера плавать-то.

Между тѣмъ на посту все спало; даже и тѣ казаки, которые не ѣздили на тревогу, храпѣли не менѣе другихъ. Утихли дождь, вѣтеръ и громъ. Но зато возня крысъ, пискъ комаровъ и журжаніе другихъ насѣкомыхъ сдѣлались слышнѣе.

Хотя я твердо рѣшился не засыпать, однако усталость пересилила мою рѣшимость, и я не помню, какъ заснулъ; а это дало возможность комарамъ безнаказанно потѣшиться надъ моимъ лицомъ. Зудъ и опухоль едва прошли на третьи сутки, когда я прибылъ въ Ставрополь.

Этотъ городъ по наружности своей почти не измѣнился, только на горѣ воздвигался соборъ, да купецъ Плотниковъ строилъ большой каменный домъ для гимназіи. Но зато произошла перемѣна въ личномъ составѣ начальствующихъ лицъ.

Мѣсто добраго, благороднаго Владиміра Осиповича Гурко заступилъ наказный атаманъ черноморскаго казачьяго войска З—скій, который до того былъ хитеръ и вкрадчивъ, что̀, несмотря на временное назначеніе командующимъ войсками, умѣлъ удержаться на этомъ мѣстѣ въ продолженіе семи лѣтъ, до своей смерти. Онъ дотого умѣлъ ходить на заднихъ лапкахъ и прикидываться тихимъ простячкомъ, что очарованный его скромностію и безграничною покорностію графъ Воронцовъ видѣлъ въ немъ честнѣйшаго и преданнаго слугу царскаго, тогда какъ Николай Степановичъ З—скій радѣлъ болѣе о собственной, нежели общей пользѣ, заботясь извлекать выгоды для своего кармана изъ правыхъ и неправыхъ дѣлъ, что̀ и доказывало оставленное имъ по смерти огромное состояніе.

Однимъ словомъ, Завадовскій не только по привычкамъ, дѣйствіямъ и понятіямъ, но по выговору и манерѣ, былъ чистымъ казакомъ-запорожцемъ, которымъ онъ остался до чина генерала-отъ-кавалеріи. Осыпанный ласками и почестями своего мощнаго патрона, нельзя

сказать, чтобы онъ оставилъ по себѣ добрую память. Да и кажется самъ вельможа-патронъ измѣнилъ свое мнѣніе о немъ послѣ его смерти.

Покорнаго и безропотно трудившагося Ивана Ивановича Норденстама,—вызваннаго въ Тифлисъ, не помню хорошо, для занятія мѣста оберъ-квартирмейстера или помощника начальника главнаго штаба,—замѣнилъ генералъ Филипсонъ. Будучи несравненно дѣльнѣе и сообразительнѣе своего предмѣстника, онъ быстро обнималъ и обсуждалъ самыя сложныя и запутанныя дѣла. Жаль только, что былъ болѣе кабинетнымъ дѣятелемъ и бюрократомъ, нежели практикомъ и боевымъ генераломъ. Притомъ былъ либераленъ не столько по природѣ, сколько потому, что начало своей карьеры привелось ему провести подъ начальствомъ такого начальника, какъ генералъ Раевскій.

Оберъ-квартирмейстеромъ, а слѣдовательно моимъ прямымъ начальникомъ, былъ полковникъ Броневскій, тотъ самый, который, потерявъ руку при штурмѣ Карса, долженъ былъ удалиться съ военнаго поприща. Несмотря на рѣзкость и угловатость своего обращенія, онъ былъ благороденъ, честенъ, справедливъ, понималъ и любилъ военное дѣло даже до увлеченія. Жаль, что судьба опредѣлила ему преждевременно отправиться на покой и проживать лучшіе годы въ деревнѣ, въ кругу своего семейства.

Дежурнымъ штабъ-офицеромъ, не помню былъ ли еще полковникъ Кусаковъ или маіоръ М—скій, тотъ самый, который, послѣ крымской кампаніи, былъ такъ опозоренъ. Во время бытности его дежурнымъ штабъ-офицеромъ, нельзя было предполагать, что онъ дойдетъ до такого безчестія, управляя провіантскими дѣлами, и погибнетъ въ безвѣстности.

Произошла и со мной перемѣна: я уже не былъ старшимъ адъютантомъ, а состоялъ въ числѣ офицеровъ генеральнаго штаба, положенныхъ по штату въ распоряженіи командующаго войсками для разныхъ порученій.

Первое особенной важности порученіе состояло въ поѣздкѣ моей въ Кабарду, во время вторженія въ нее въ апрѣлѣ 1846 года Шамиля. На меня было возложено собрать самыя точныя свѣдѣнія о Кабардѣ и непріятелѣ, отъ которыхъ зависѣли дальнѣйшія распоряженія. Сдѣланныя же командующимъ войсками въ Ставрополѣ распоряженія, какъ лично мнѣ переданныя, такъ и заключавшіяся въ двухъ предписаніяхъ на имя начальниковъ 15-й и 19-й пѣхотныхъ дивизій, генераловъ Гасфорда и Лабынцова, я везъ съ собою. Первому предписывалось, стянувъ въ Моздокъ изъ сосѣднихъ станицъ войска, переправить черезъ Терекъ два баталіона и два орудія, и двинуть ихъ на Сунженскій хребетъ. Генералу Лабынцову предписывалось, принявъ начальство надъ войсками въ окрестностяхъ Георгіевска и Пятигорска, стя-

нуть къ Извѣстному броду на Малкѣ не менѣе двухъ баталіоновъ съ четырьмя орудіями. Независимо этого, въ верховьяхъ Кубани долженъ былъ образоваться летучій отрядъ изъ хоперскихъ и волжскихъ казаковъ.

Съ быстротою фельдъегеря пронесся я 260 верстъ, раздѣлявшія Ставрополь отъ Екатеринограда, лично повидавшись въ Георгіевскѣ съ генераломъ Лабынцовымъ.

Въ этой станицѣ Горскаго казачьяго полка вотъ какія были собраны свѣдѣнія о непріятелѣ: что Шамиль съ ополченіемъ конныхъ, преимущественно чеченцевъ, и съ шестью орудіями, 6-го апрѣля пройдя мимо Назрана и переправившись чрезъ Терекъ между Николаевскою и Урухскою станицами, двинулся по подножію Кабардинскаго хребта въ Черкасское ущелье; что генералъ Фрейтагъ, слѣдившій за Шамилемъ, едва не настигъ его на переправѣ черезъ Терекъ и теперь стоитъ съ пятью баталіонами и восемью орудіями противъ Черкасскаго ущелья; что Шамиль находится въ аулѣ ефендія Шугенова, давно съ нимъ переписывавшагося; что кабардинцы, жившіе на плоскости, большею частію оставили свои аулы и ушли въ горы и то это они сдѣлали или по собственному побужденію, или по принужденію партій, разосланныхъ Шамилемъ по разнымъ направленіямъ.

Сообщивъ всѣ эти свѣдѣнія начальнику 19-ти пѣхотной дивизіи, генералу Лабынцову, въ Георгіевскъ, я отправился съ шестнадцатью казаками въ отрядъ къ генералу Фрейтагу. Переправившись за Малку по старому мосту и проѣхавъ болѣе сорока верстъ, я къ вечеру, весь измученный, добрался до отряда.

Отъ Роберта Карловича я ничего не узналъ новаго, кромѣ нѣкоторыхъ подробностей, касавшихся быстраго и безостановочнаго слѣдованія за Шамилемъ въ Кабарду, съ имѣющимися у него подъ рукою войсками. При этомъ, несмотря на свою сдержанность и молчаливость, онъ высказалъ опасеніе за лѣвый флангъ. Когда же я ему передалъ о сдѣланныхъ командующимъ войсками распоряженіяхъ, а въ томъ числѣ и о направленіи двухъ баталіоновъ изъ Моздока на Сунженскій хребетъ, то онъ успокоился, только не на долго.

— Съ войсками, здѣсь находящимися, я ничего не могу предпринять рѣшительнаго, — заговорилъ Робертъ Карловичъ. Потомъ онъ прерывисто продолжалъ:

— Съ Шамилемъ пришло изъ Чечни до пяти тысячъ, а теперь онъ значительно усилился кабардинцами. Мнѣ нужны войска, чтобы подавить возстаніе. Пусть двигается все въ Кабарду.

— Завтра вы поѣдете за войсками.

Однако, сообразно полученнымъ о непріятелѣ свѣдѣніямъ, на слѣдую-

щее утро я не поѣхалъ обратно, а остался еще на сутки въ Кабардѣ. Ночью же лазутчики дали знать, что Шамиль, не найдя полнаго сочувствія между кабардинцами, а также получа не вполнѣ благопріятныя извѣстія отъ своихъ посланныхъ о закубанцахъ, собирается въ обратный путь, что̀ онъ и исполнитъ если не ночью, то на разсвѣтѣ.

Поэтому генералъ Фрейтагъ, отдѣливъ подъ начальствомъ полковника барона Меллера-Закамельскаго два съ половиною баталіона куринцевъ съ нѣсколькими орудіями и сотнями казаковъ, приказалъ ему спѣшить къ Змейскому посту, гдѣ если не воспрепятствовать Шамилю совершить переправу черезъ Терекъ, то задержать его на мѣстѣ. Самъ же Робертъ Карловичъ оставилъ бивуакъ на Терекѣ въ то время, когда положительно удостовѣрился какъ черезъ лазутчиковъ, такъ и посредствомъ разъѣздовъ, объ отступленіи Шамиля изъ Кабарды.

Баронъ Меллеръ-Закамельскій прибылъ къ Змейскому посту и занялъ тамъ позицію своевременно. Если же онъ дозволилъ Шамилю, прибывшему на Терекъ позже его нѣсколькими часами, — совершить переправу черезъ эту рѣку безпрепятственно и съ ничтожной потерей, то это нужно приписать его излишней осторожности и нерѣшительности.

Не оставляй Меллеръ выгодной позиціи у Змейскаго поста, Шамилю пришлось бы отыскивать переправу на Терекѣ или ниже станицы Урухской, и тогда онъ навѣрное былъ бы застигнутъ самимъ Фрейтагомъ, или броситься черезъ Кабардинскій хребетъ. Въ послѣднемъ случаѣ онъ могъ наткнуться на войска Владикавказскаго округа и, если не потерпѣть худшаго, то потерять свои орудія.

Носились слухи, что Шамиль благословлялъ судьбу, что такъ счастливо кончилась эта, неблагоразумно предпринятая имъ въ Кабарду, экспедиція. На знаю, какъ разсуждалъ объ этомъ, дѣйствительно дерзкомъ, предпріятіи Шамиль, но очевидцы и участники положительно обвиняли Меллера за то, что онъ, увлекшись фальшивой переправой непріятеля нѣсколько ниже Змейскаго поста, сдвинулся съ этой позиціи, а потомъ не поспѣшилъ исправить свою ошибку, изъ боязни большой потери.

Останавливаюсь на этомъ и переношусь въ Ставрополь, куда я прибылъ на третій день по возвращеніи Шамиля изъ Кабарды.

Жаркое и сухое лѣто прошло въ Ставрополѣ тѣмъ же порядкомъ, какъ оно проходитъ и въ другихъ губернскихъ городахъ нашей огромной имперіи, только сплетень было менѣе. Не думайте, чтобы это происходило отъ меньшаго предрасположенія ставропольцевъ къ сплетнямъ и пересудамъ, которые по обыкновенію рождаются отъ бездѣлья.

Ставрополь въ этомъ отношеніи не принадлежитъ къ исключительнымъ губернскимъ городамъ. И въ немъ, какъ въ Казани, Тамбовѣ, Полтавѣ случались любовныя интрижки, пожары, свадьбы, воровства,

а изрѣдка и убійства, и въ немъ нашлись бы охотники переиначить, прибавить свое, а пожалуй и выдумать небывалое, если бы они не интересовались военными происшествіями, совершавшимися на Кавказской линіи. За то эти происшествія перетолковывались вкривь и вкось.

Даже самъ Ставрополь, находящійся въ сорока верстахъ отъ Кубани, былъ непокоенъ отъ частаго появленія закубанцевъ въ его гористыхъ окрестностяхъ, гдѣ они и укрывались. Въ особенности безпокоилъ ставропольцевъ Темный лѣсъ, находящійся на половинномъ разстояніи между этимъ городомъ и Кубанью, дѣйствительно служившій притономъ для непріятеля. Не будь Темнаго лѣса, безъ сомнѣнія, не подвергались бы нападенію прилегающія къ нему станицы Темнолѣсская и Татарская. Не будь такъ лѣсисты и пересѣчены глубокими лѣсистыми балками окрестности Ставрополя, не требовалось бы имѣть такое огромное количество наблюдательныхъ постовъ.

Несмотря на это, ставропольцамъ хотя немыслимо и безразсудно было думать о нападеніи закубанцевъ на ихъ городъ, однако осенью 1847 года такая дума закралась въ слабоумныхъ и трусливыхъ. Недоброжелатели же, которыхъ и въ Ставрополѣ было не мало, старались разжигать такое тревожное настроеніе. Нуженъ былъ поводъ, чтобы произвести самую тревогу, и такой случай не замедлилъ представиться.

Было одно изъ такихъ сырыхъ, туманныхъ октябрьскихъ утръ, которыя очень часты осенью въ Ставрополѣ. Притомъ былъ базарный день. Часть огромной Воробьевской площади, примыкающая къ дому командующаго войсками, обставленная возами и двухколесными арбами съ сѣномъ, дровами, капустой, картофелемъ, пшеницей, овсомъ, гусями и другими предметами потребленія, кишѣла народомъ. Продавцами были казаки и казачки изъ окрестныхъ станицъ; но между ними были и ногайцы, прибывшіе съ Кубани. Покупателями были чиновники съ ихъ женами, офицерскіе денщики съ своими госпожами, отставные солдаты и солдатки. Было также много торговокъ и кулаковъ.

Въ то время, когда базаръ былъ въ полномъ разгарѣ, вдругъ раздались пушечные выстрѣлы, да такіе близкіе и ясные, будто стрѣляли если не на другомъ концѣ площади, то не далѣе, какъ за госпиталемъ.

Народъ боязливо встрепенулся, тѣмъ болѣе, что онъ былъ подготовленъ къ этому нелѣпыми слухами о намѣреніи закубанцевъ напасть на Ставрополь. Къ довершенію же ужаса, кто-то крикнулъ, можетъ быть отъ страха, а можетъ быть и съ злымъ намѣреніемъ: «Черкесы, рѣжутъ!» и мгновенно все бросилось бѣжать съ площади въ городъ.

Встревожилось и начальство, но только не изъ опасенія за Ставро-

поль, а за окрестныя станицы. Не повторили ли закубанцы нападенія на Татарскую станицу, отстоящую отъ города на восемь верстъ?

Поэтому мнѣ приказано было, взявъ конвойную команду, двѣ роты и два орудія, двинуться съ ними по дорогѣ на эту станицу. Но, не пройдя и половины разстоянія, отъ посланныхъ впередъ казаковъ я узналъ, что закубанцы сдѣлали нападеніе не на Татарку, а на Сенгелеевку, отстоящую отъ города верстахъ въ пятнадцати, и что выстрѣлы, произведшіе тревогу въ Ставрополѣ, были слышны въ той сторонѣ, гдѣ находилась эта станица.

Послѣ такихъ свѣдѣній я повернулъ вправо по кратчайшему направленію на Сенгелеевку и, въѣхавъ на высоты, у подножія которыхъ находится эта станица, увидѣлъ, что въ ея окрестностяхъ все спокойно и только по направленію къ Кубани слышалась отдаленная канонада.

Остановивъ роты и орудія для отдыха, я поскакалъ съ конвойной командой впередъ, но, не проѣхавъ и пяти верстъ, встрѣтился съ толпою всадниковъ, десятка въ три.

Это были неслужащіе сенгелеевскіе казаки.

— Здравствуйте, братцы, откуда ѣдете? спросилъ я ихъ.

— Возвращаемся изъ погони за черкесами, которые хотѣли разгромить нашу станицу, да, слава Богу, спасъ насъ бригадный командиръ съ генераломъ Ковалевскимъ.

— А много было непріятеля?

— Много, очень много! Все - конный, да джигиты, — раздалось нѣсколько голосовъ.

— Однако такъ приблизительно тысяча, другая была? спросилъ я ихъ.

— Куда тамъ одна тысяча, было три, четыре тысячи, проговорило опять нѣсколько человѣкъ.

— А что, есть у непріятеля убитые и раненые?

— Какъ же, есть. Много падало съ лошадей, когда стрѣляли въ догонку изъ орудій.

— Вотъ я поѣду съ вами въ станицу, а кто-нибудь изъ васъ разскажетъ, какъ было дѣло.

Скакать за быстро отступающимъ и по пятамъ преслѣдуемымъ непріятелемъ было поздно, да и не было надобности; напротивъ, нужно было успокоить начальство, а потому, осмотрѣвъ Сенгелеевку и собравъ свѣдѣнія о нападеніи на нее закубанцевъ, я поспѣшилъ возвратиться въ Ставрополь.

По собраннымъ свѣдѣніямъ оказалось, что непріятель послѣ круженія возлѣ станицы, что̀ видно было по «сакмѣ или слѣду», сдѣлалъ нападеніе не на разсвѣтѣ, а около десяти часовъ утра. Приписать это его

нерѣшительности нельзя было, потому что въ раскинутой на большомъ пространствѣ и не укрѣпленной Сенгелеевкѣ, похожей въ этомъ отношеніи на другія станицы, онъ не могъ встрѣтить сопротивленія, тѣмъ болѣе, что былъ въ такомъ большомъ сборѣ. Не разсчитывалъ онъ на преслѣдованіе нашихъ войскъ (хотя, какъ увидимъ, онъ въ этомъ обманулся), въ томъ убѣжденіи, что совершенная имъ переправа черезъ Кубань возлѣ Убѣженской станицы не была замѣчена, слѣдовательно, блужданіе вокругъ станицы и промедленіе въ нападеніи на Сенгелеевку должно отнести ни къ чему другому, какъ туману, нанесшему пораженіе непріятелю, спасшему станицу отъ разоренія и такъ сильно напугавшему ставропольцевъ.

И дѣйствительно, густой туманъ былъ причиной, что непріятель, первоначально сбившись съ прямаго пути, долго не могъ отыскать станицы, а опоздавъ нападеніемъ на нее, далъ возможность слѣдившему по «сакмѣ» начальнику праваго фланга, генералу Ковалевскому—уже знакомому намъ, — успѣть подойти къ Сенгелеевкѣ съ пятью сотнями и двумя конно-казачьими орудіями въ моментъ нападенія на нее закубанцевъ съ противоположной стороны.

Такимъ образомъ первая встрѣча нашихъ казаковъ съ закубанцами произошла въ самой станицѣ въ то время, когда они, послѣ долгаго блужданія, бросились на нее съ гикомъ. По этой причинѣ и самое ихъ нападеніе ограничилось только разграбленіемъ двухъ крайнихъ избъ откуда бросился непріятель.

Если же выстрѣлы изъ двухъ орудій, поставленныхъ на высотѣ, обращенной къ Ставрополю, съ той стороны, откуда прибыли казаки и откуда они бросились на непріятеля, были такъ слышны въ этомъ городѣ и такъ напугали его жителей, то это нужно приписать особенному состоянію воздуха.

По пріѣздѣ моемъ передъ сумерками въ Ставрополь, я отправился съ донесеніемъ къ временно командующему войсками, взволнованно ходившему по кабинету, что́ доказывало его красное лицо.

— Здорово, братику, что привезъ добраго или дурнаго? отозвался З—скій, обращаясь ко мнѣ и держа стаканъ съ водою въ рукѣ.

— Ничего, все окончилось, слава Богу, благополучно, отвѣчалъ я. Затѣмъ слѣдовалъ разсказъ съ достаточными подробностями, основанными на собранныхъ свѣдѣніяхъ о нападеніи на Сенгелеевку.

— Благодареніе Господу, что я не опозоренъ, — сказалъ Николай Степановичъ, съ наружнымъ умиленіемъ крестясь передъ образомъ.

— До сей поры не могу успокоиться. Канальское волненіе такъ и давитъ въ груди, добавилъ онъ, допивая стаканъ воды. —Да, братику, канальское волненіе сведетъ меня въ могилу, если буду служить съ та-

кими дурнями, какъ нашъ жандармскій штабъ-офицеръ. Ты знаешь, братику, что онъ зробилъ.

— Нѣтъ, не слышалъ, ваше высокопревосходительство, отвѣчалъ я ему.

— Вмѣсто того, чтобы успокоивать народъ, онъ приказалъ своимъ жандармамъ гнать его съ базара саблями. Ну, хиба былъ бы полякъ, а то русскій, за что я и сказалъ ему въ лицо дурака.

Не знаю, какъ было въ дѣйствительности, но только когда я поскакалъ на дежурной казачьей лошади въ казармы за ротами и орудіями, то едва могъ пробраться на опустѣлую площадь. До того главная улица была загромождена возами, между которыми кричали перепуганные и израненные куры, индѣйки, гуси, поросята, а также валялись лотки съ размятымъ печенымъ хлѣбомъ, разбитыми яйцами, испачканными въ пескѣ печонками и легкими.

Разсказывались разныя смѣшныя, патетическія и даже скандальныя происшествія, случившіяся въ тотъ тревожный для ставропольцевъ день.

Такъ, молоденькая, хорошенькая графиня М., жившая на площади, въ отсутствіе своего безпутнаго мужа, по обыкновенію проводившаго время за картами, съ испуга, въ утреннемъ негляже выбѣжавъ на дворъ, едва не утопилась въ колодцѣ. Одна нервная докторша, выбѣжавъ на улицу, очутилась, въ истерическомъ припадкѣ, въ объятіяхъ мужчины и притомъ, кажется, знакомаго. Одинъ изъ штабныхъ чиновниковъ, перепрыгивая черезъ заборъ на сосѣдній дворъ, гдѣ была миловидная хозяйка, попалъ въ помойную яму.

XI.

Центръ Кавказской линіи въ 1848 году.—Минеральныя воды и жизнь на нихъ какъ въ томъ году, такъ и впослѣдствіи.

Лѣтомъ 1848 г. я имѣлъ возможность ознакомиться съ правымъ флангомъ и центромъ Кавказской линіи.

На меня было возложено осмотрѣть всѣ укрѣпленія и посты этихъ отдѣловъ линіи, и опредѣлить дѣйствительную важность и необходимую величину караула каждаго изъ нихъ, имѣя въ виду уничтоженіе постовъ ненужныхъ и утратившихъ современное свое значеніе. При этомъ присовокуплялось, что составленное на собранныхъ мною данныхъ предположеніе только тогда получитъ надлежащую силу, когда будетъ основано на взаимномъ соглашеніи кордоннаго начальства.

А въ этомъ присовокупленіи и заключался камень преткновенія въ

надлежащемъ исполненіи возложеннаго на меня порученія, потому что по нѣкоторымъ причинамъ для кордоннаго начальства выгоднѣе было имѣть поболѣе постовъ и излишнее число казаковъ, но только не въ дѣйствительности, а на бумагѣ.

Впрочемъ, не о послѣдствіяхъ этого порученія идетъ рѣчь, а о томъ, что оно дало мнѣ возможность ознакомиться въ подробности съ правымъ флангомъ и центромъ Кавказской линіи. Отлагая до времени обзоръ перваго, займусь описаніемъ послѣдняго.

Центръ Кавказской линіи заключался между главнымъ Кавказскимъ хребтомъ, Кабардинскимъ его отрогомъ, верховьями Кубани, Кумою до станицы Верхне-Подгорной, откуда почти прямою чертою—на городъ Моздокъ.

Въ этомъ пространствѣ находились: Большая и Малая Кабарда, общества: Карачай, Уруспій, Чегемъ, Хуламъ, Безенгій и Балкаръ, Владикавказскій, Волжскій и Горскій полки Кавказскаго линейнаго казачьяго войска. Тутъ же находились Кавказскія минеральныя воды съ уѣзднымъ городомъ Ставропольской губерніи Пятигорскомъ

Рѣка Малка раздѣляла мусульманское населеніе отъ христіанскаго, то-есть Большую Кабарду отъ Волжскихъ и Горскихъ казаковъ. Терекъ, по лѣвому берегу котораго отъ Владикавказа до Екатеринограда былъ поселенъ узкой полосой Владикавказскій казачій полкъ, отдѣлялъ Большую Кабарду отъ Малой. Такъ называемыя Черныя горы служили гранью съ одной стороны между Большой Кабардой, а съ другой—между Карачаемъ, Уруспіемъ. Чегемомъ, Хуламомъ, Безенгіемъ и Балкаромъ. Кабардинскій хребетъ съ Урухомъ отдѣлялъ центръ отъ Владикавказскаго военнаго округа. За Кумою же находилась территорія Хоперскаго казачьяго полка и Ставропольская губернія.

Хотя въ центрѣ Кавказской линіи не было явно враждебнаго намъ населенія, но за то со стороны Кубани и Терека прилегали къ нему хищные и воинственные народы. Въ близкомъ сосѣдствѣ отъ Кубани непріязненные намъ бесленеи, башильбаи, бѣглые кабардинцы и другія мелкія общества черкесскаго и абазинскаго происхожденія. За Терекомъ же обитали извѣстные своимъ хищничествомъ чеченцы.

Впрочемъ, нельзя было полагаться на честность и преданность и самихъ кабардинцевъ. Они болѣе ненавидѣли, нежели сочувствовали намъ и, если не могли сопротивляться намъ открыто, то не упускали случая вредить тайно. Если не было со стороны ихъ явныхъ хищничествъ, то они съ осетинами не упускали случая тайкомъ воровать и даже совершать убійства.

Да и не могло быть иначе. Вѣдь кабардинцы были покорены силою оружія и стѣснены были не только въ свободѣ своихъ дѣйствій, но и въ поземельной собственности черезъ устройство на ихъ землѣ нашихъ

укрѣпленій и заведеніе казачьихъ поселеній. Главная же причина, по которой кабардинцы расходились съ нами, состояла въ разности религіи. Поэтому неудивительно, что они, по усмиреніи ихъ Ермоловымъ, частями уходили за Кубань, возставали противъ насъ, какъ это было напримѣръ въ 1846 году, и, наконецъ, большею частію ушли въ Турцію,— въ 1860 году.

По этимъ причинамъ, если въ центрѣ Кавказской линіи не было надобности имѣть войскъ для производства наступательныхъ дѣйствій, такъ какъ для этого составлялись особые отряды на правомъ и лѣвомъ флангахъ той же линіи, или въ Дагестанѣ, то нельзя было не содержать охранныхъ кордонныхъ линій, наблюдательныхъ постовъ и не имѣть на всякій случай опорныхъ пунктовъ.

Кромѣ Кисловодскаго укрѣпленія и отдѣльныхъ постовъ, расположенныхъ вокругъ минеральныхъ водъ и по дорогамъ между Георгіевскомъ, Пятигорскомъ, Желѣзноводскомъ, Есентуками и Кисловодскомъ, существовали отдѣльныя линіи: Кабардинская, Военно-Грузинской дороги и Малкская съ Лѣтне-Кисловодской.

Кабардинская линія, существующая со временъ Ермолова, состояла изъ Нальчикскаго укрѣпленія и постовъ Куркужинскаго, Баксанскаго, Чегемскаго, Урванскаго, Черекскаго и Аргуданскаго, получившихъ свое названіе отъ тѣхъ рѣкъ и рѣчекъ, на которыхъ они были построены.

Нальчикъ, мѣстопребываніе начальника центра, былъ главнымъ опорнымъ пунктомъ, и въ немъ сосредоточивалось все управленіе Кабардою. Черезъ Нальчикъ и поименованные посты пролегало единственно обезпеченное сообщеніе по Кабардѣ, связывающее Военно-Грузинскую дорогу съ Пятигорскомъ и минеральными водами. По этой же дорогѣ, въ случаѣ надобности, можно было секурсировать войсками. Кабардинская линія занималась Донскимъ полкомъ, штабъ котораго располагался въ Нальчикѣ. Въ этомъ же укрѣпленіи находился и одинъ изъ Кавказскихъ линейныхъ баталіоновъ.

Линія Военно-Грузинской дороги содержалась между Владикавказомъ и Екатериноградомъ Владикавказскимъ казачьимъ полкомъ, составленнымъ въ 1832 году изъ двухъ Малороссійскихъ полковъ и расположеннымъ по лѣвому берегу Терека въ станицахъ: Пришибинской, Котляревской, Александровской, Урухской, Николаевской, Ардонской и Архонской. Независимо отъ этого, строилась еще Змѣйская станица на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ находился постъ того же имени, сожженный Шамилемъ въ 1846 году во время вторженія его въ Кабарду.

Кромѣ этихъ укрѣпленныхъ и вооруженныхъ станицъ, въ которыхъ находились и почтовыя станціи, существовало болѣе двадцати постовъ, на которыхъ находящіеся казаки обязаны были наблюдать за дорогой днемъ

частыми пикетами, а ночью конвоировать курьеровъ и проѣзжающихъ, имѣвшихъ открытые листы на конвой. Проѣзжающіе же, не имѣющіе такихъ листовъ, какъ на ночь, такъ и въ туманное время, задерживались на станціяхъ.

Несмотря на такія предосторожности, проѣздъ по Военно-Грузинской дорогѣ не могъ считаться вполнѣ безопаснымъ, и случалось, что проѣзжающіе подвергались хищническимъ нападеніямъ, участниками въ которыхъ хотя и были иногда кабардинцы и осетины, но все сваливалось на чеченцевъ. Были и такіе случаи, правда, рѣдкіе, что угонялся съ пастьбы скотъ, и даже подвергались нападенію станицы, но въ такихъ набѣгахъ исключительно участвовало чеченское населеніе.

Если такъ тревожно и безпокойно было на Военно-Грузинской дорогѣ между Владикавказомъ и Екатериноградомъ въ описываемое время, то невольно подумаешь, что до тридцатыхъ годовъ въ Кабардѣ еще было опаснѣе. Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ оказывалось противное. Это происходило отъ того, что въ Чечнѣ было въ то время покойнѣе, а на Терекѣ не находилось нашихъ поселеній, укрѣпленія же Пришибское, Александровское, Урухское, Николаевское, Архонское и Ардонское не могли въ такой степени приманивать хищниковъ, какъ станицы. Въ нихъ не было скота, не нужно было производить полевыхъ работъ и сѣнокошенія, даже самое сообщеніе производилось инымъ образомъ. Проѣзжающіе и транспорты отъ одного укрѣпленія до другаго отправлялись въ опредѣленные дни, и не иначе, какъ подъ военнымъ прикрытіемъ.

По станицамъ Владикавказскаго казачьяго полка постоянно располагалась пѣхота, что̀ дѣлается и теперь [1], необходимая не столько для охраненія станицъ, сколько для поддержанія дороги въ такомъ состояніи, чтобы по ней не прекращалось сообщеніе. Такая порча дороги происходила отъ разлитія весною и лѣтомъ Терека съ его притоками, въ изобиліи орошающими Осетію и Кабарду, и выступающими изъ береговъ отъ тающаго снѣга на главномъ хребтѣ, а также частыхъ и сильныхъ дождей. Зачастую нужно было укрѣплять берега, строить длинныя дамбы и частые мосты.

Малкская съ Лѣтне-Кисловодской линіей охраняли не только станицы Горскаго и Волжскаго полковъ, но и Кавказскія минеральныя воды.

Начиная отъ впаденія Малки въ Терекъ и до поста Извѣстно-бродскаго, черезъ который пролегала дорога изъ Нальчика, а равно внизъ по Тереку до Моздока, кордонъ содержался казаками Горскаго полка, поселенными въ станицахъ: Екатериноградской, Прохладной, Солдатской, Приближной, Бѣломечетской, Незлобной, Павлодольской, Осе-

[1]) Такъ по крайней мѣрѣ дѣлалось до 1865 года.

тинской и Черноярской. Въ первой станицѣ, бывшей вначалѣ образованія Кавказской линіи областнымъ городомъ, имѣлъ свое пребываніе полковой командиръ.

Посты: Извѣстно-бродскій, Каменно-мостскій, Верхне- и Нижне-Джинальскій—на Малкѣ, Хасаутскій, Эшкаконскій, Бармамытскій, Кумбашинскій, Кумскій, Ахандуковъ и Бечесынскій, расположенные по хребту, отдѣляющему истоки Малки съ Кичмалкой отъ Кумы съ Подкумкомъ, занимались кромѣ пѣхоты казаками Волжскаго полка.

Входящія въ составъ этого полка станицы находились: на Подкумкѣ: Боргустанская, Кисловодская, Есентукская, Горячеводская, Бабуковская и Чурековская (возлѣ Георгіевска); у Желѣзной горы—Желѣзноводская; на Кумѣ: Бекешовская, Суворовская или Карантинная, Александрійская и Верхне-Подгорная. Сверхъ того строились Зольская и Извѣстно-бродская, у постовъ того же имени, а Лысогорская—на половинѣ дороги между Георгіевскомъ и Пятигорскомъ, напротивъ Лысой горы.

Однако пространство между Малкой и Кумою не исключительно было занято казачьимъ населеніемъ. На Подкумкѣ и на большой почтовой дорогѣ находился, бывшій сначала областной, потомъ уѣздный, а наконецъ заштатный городъ съ населеніемъ въ 2 т. душъ. Между Бештау и Кумой жили аулами бештау-кумскіе ногайцы. У подножія Машука былъ расположенъ съ 4 т. населеніемъ уѣздный городъ Ставропольской губерніи Пятигорскъ. Кисловодское укрѣпленіе огибало полукругомъ поселеніе, составленное изъ отставныхъ женатыхъ нижнихъ чиновъ. На половинѣ разстоянія между Желѣзноводскомъ и Пятигорскомъ существовала съ 1804 года шотландская колонія Каррасъ, которая, несмотря на благопріятныя данныя, находилась далеко не въ цвѣтущемъ состояніи.

На Подкумкѣ же возлѣ Лысой горы возникала Константиновская колонія.

Сверхъ того у минеральныхъ источниковъ: сѣрныхъ—въ Пятигорскѣ, щелочныхъ—въ Есентукахъ, желѣзистыхъ—въ Желѣзноводскѣ и кислыхъ—въ Кисловодскѣ, находились принадлежащіе казнѣ гостиницы, ванны, галлереи и парки. Объ этихъ минеральныхъ водахъ я и намѣренъ здѣсь распространиться съ нѣкоторою подробностію, тѣмъ болѣе, что я провелъ на нихъ большую часть курса 1848 года и посѣщалъ ихъ и послѣ того еще два раза.

Въ треугольномъ пространствѣ между Пятигорскомъ, Желѣзноводскомъ и Есентуками заключается такое богатство минеральныхъ источниковъ, что они, по разнообразному составу и цѣлебности своей, смѣло могутъ соперничать съ минеральными водами Германіи.

Изъ горы Машука, у юго-западной подошвы которой расположенъ Пятигорскъ, вытекаютъ разнообразные сѣрные источники, температура

которыхъ колеблется между 22 и 38 градусами Реомюра. Въ немъ ищутъ по преимуществу исцѣленія страждущіе гемороемъ, ревматизмомъ, сифилисомъ, золотухой и разными накожными язвами, сыпями и даже огнестрѣльными ранами.

Желѣзная гора, отстоящая отъ Машука въ шестнадцати верстахъ, обильна желѣзистыми источниками, температура которыхъ заключается между 11 и 40 градусами. Въ нихъ находятъ исцѣленіе по преимуществу паралычные, подагрики, нервные и малокровные.

Станица Есентукская, отстоящая отъ Пятигорска въ восемнадцати верстахъ, извѣстна своими солено- и сѣрно-щелочными источниками, разнообразными по своей силѣ и температурѣ, но нельзя сказать, чтобы они были обильны количествомъ воды. Страждущіе разстройствомъ печени, почекъ, селезенки и, вообще, пищеварительныхъ и дыхательныхъ органовъ находятъ въ нихъ если не полное исцѣленіе, то значительное облегченіе.

Независимо отъ этихъ трехъ группъ, сѣрныхъ, желѣзистыхъ и щелочныхъ минеральныхъ источниковъ, есть еще четвертая группа—Кисловодская, извѣстная своимъ углекислымъ Нарзаномъ. Положительно можно сказать, что такой богатырской воды не существуетъ въ Европѣ. И дѣйствительно, эта вода—богатырская, какъ по кипучести своей, съ которой она клокочетъ въ своемъ резервуарѣ, и силѣ, съ которой вырывается на свободу, такъ и по цѣлительности, съ которой она возстановляетъ слабые и изнуреные организмы. Только съ этой водой нужно осторожно обращаться, а въ особенности полнокровнымъ и тучнымъ, которыхъ она если не убиваетъ, то поражаетъ апоплексіей.

Сѣрные минеральные источники, вытекающіе изъ известково-туфяныхъ горъ, находящихся у подножія Машука съ юго-западной стороны, извѣстны намъ съ прошлаго столѣтія. Посѣщавшіе же ихъ съ ученою цѣлью Гильденштедъ, Палласъ, Клапротъ и другіе, хотя доставили намъ подробныя свѣдѣнія о силѣ и цѣлительности ихъ, однако до временъ Ермолова, кромѣ нѣсколькихъ калмыцкихъ кибитокъ, да землянокъ и турлучныхъ мазанокъ, ничего на нихъ не было.

Это происходило отъ опасности, угрожавшей водамъ отъ черкесъ, жившихъ за Кубанью, и даже бештау-кумскихъ ногайцевъ, къ укрывательству которыхъ способствовала окрестная гористая и лѣсистая мѣстность. Пріѣзжавшіе лѣчиться должны были жить въ Константиногорскомъ укрѣпленіи, отстоящемъ отъ источниковъ въ трехъ верстахъ. и только днемъ, подъ военнымъ прикрытіемъ, а иногда и подъ выстрѣлами могли купаться на открытомъ воздухѣ, потому что не было ни ваннъ, ни навѣсовъ. Столь памятный для Кавказа Алексѣй Петровичъ обратилъ свое вниманіе и на Пятигорскія минеральныя воды.

Въ десяти-лѣтнее управленіе Кавказомъ генерала Ермолова, а также при командующихъ войсками на Кавказской линіи Эмануэлѣ и Вельяминовѣ, сѣрные источники начали быстро обстраиваться. Въ это время явились и тотъ прекрасный бульваръ, болѣе версты длиною, и тѣнистый паркъ съ бесѣдками, гротами, террасами, и обширный казенный садъ съ множествомъ фруктовыхъ деревьевъ. Тогда же выстроились двумя братьями Бенардаци казенная гостиница, два дома для офицеровъ, галлереи съ ваннами на источникахъ Николаевскомъ, Ермоловскомъ, Елисаветинскомъ, Варваціевскомъ, Александровскомъ и Сабанѣевскомъ. Съ тѣхъ же поръ возникъ городъ Пятигорскъ, обращенный въ 1830 году, вмѣсто Георгіевска, въ уѣздный. Будучи расположенъ на живописной мѣстности и состоя изъ красивыхъ построекъ, окруженныхъ зеленью, онъ съ самаго основанія своего безспорно сталъ на ряду съ лучшими нашими городами.

Не меньшее вниманіе,—и не исключительно на Пятигорскъ, а въ особенности на Кисловодскъ, обращалъ князь Воронцовъ. Начиная съ 1845 года, когда онъ былъ назначенъ главнокомандующимъ на Кавказъ, и по 1852-й, Михаилъ Семеновичъ проводилъ лѣтніе мѣсяцы на водахъ, и преимущественно въ Кисловодскѣ, ища укрѣпленія своихъ старческихъ силъ въ богатырскомъ Нарзанѣ и отдохновенія отъ административныхъ и военныхъ заботъ—среди здоровой и живописной мѣстности.

И въ этотъ шести-лѣтній періодъ Пятигорскъ и Кисловодскъ украсились новыми постройками. Въ Пятигорскѣ явились прекрасныя галлереи надъ источниками Михайловскимъ и Елисаветинскимъ, и разведены цвѣтники между послѣднимъ источникомъ и бульваромъ, а также возлѣ Николаевскихъ ваннъ. Въ самомъ городѣ воздвиглись, кромѣ другихъ частныхъ построекъ, въ мавританскомъ стилѣ, домъ Улептона, казармы, караульный домъ и сверхъ того строился красивый изъ мѣстнаго бѣлаго камня храмъ Божій.

Въ Кисловодскѣ кромѣ расширенія парка, заведенія цвѣтниковъ и построенія набережной по обѣимъ сторонамъ Ольховки, съ переброшенными черезъ эту рѣчку нѣсколькими красивыми мостиками, строилась огромная галлерея съ ваннами и новымъ резервуаромъ для Нарзана. На этой постройкѣ сосредоточивалось все вниманіе стараго намѣстника, потому что онъ заботился о сохраненіи всей силы Нарзана, столь для него полезнаго, до того времени ослабляемаго рѣчками Ольховкой и Березовкой, которыя во время разлитія своего отъ дождей, часто тамъ перепадающихъ, мутили и разжижали самую воду и портили прежній резервуаръ.

Не менѣе князя любила Кисловодскъ супруга его не только за здоровый прекрасный его климатъ, но и потому, что онъ пришелся ей по

вкусу и склонностямъ. Да и нельзя было не любить Кисловодскъ —этотъ Кавказскій Интерлякенъ, за его горный климатъ, живописную природу и живительный Нарзанъ. Онъ расположенъ на возвышенной мѣстности, а именно на 3/т. фут. надъ поверхностію моря, и освѣжался частыми дождями, а потому въ немъ не чувствовалось духоты и утомленія, даже среди самаго знойнаго лѣта. Такъ какъ онъ расположенъ между горами, то въ немъ не бываетъ сильныхъ и продолжительныхъ вѣтровъ, а тѣмъ болѣе бурь.

Несмотря на возвышенность Кисловодска и близость главнаго хребта, отъ котораго Эльборусъ,—этотъ гигантъ Кавказа, — отстоитъ на восемьдесятъ верстъ, на его поляхъ растетъ душистая сочная трава и зрѣютъ рожь, ячмень и даже пшеница. Его рощи зелены, а въ садахъ зрѣютъ вкусныя яблоки, груши и сливы. Нѣтъ недостатка въ разныхъ овощахъ. Кромѣ углекислаго Нарзана, Ольховка съ Березовкой, впадающія въ Подкумокъ, снабжаютъ жителей чистой и здоровой водой, вкусной и жирной форелью.

Населеніе Кисловодской территоріи въ 1848 году состояло изъ трехъ отдѣльныхъ частей: Кисловодской станицы, Кисловодскаго укрѣпленія съ поселеніемъ и построекъ, находящихся возлѣ самаго источника.

Кисловодская станица, входящая въ составъ Волжскаго казачьяго полка и отстоящая отъ источника въ четырехъ верстахъ, была поселена въ 1832 году. Кисловодское укрѣпленіе, возвышающееся на лѣвомъ берегу Ольховки, было основано въ 1804 году княземъ Циціановымъ. Находящееся же возлѣ укрѣпленія поселеніе, преимущественно составленное изъ отставныхъ женатыхъ нижнихъ чиновъ, начало образовываться въ тридцатыхъ годахъ.

Казенныя постройки, окружающія самый источникъ, состояли въ то время изъ галлереи съ ваннами, но только не настоящей, каменной, а прежней, деревянной, гостиницы съ небольшимъ паркомъ, и нѣсколькихъ частныхъ дачъ, расположенныхъ по обоимъ берегамъ Ольховки. Всѣ эти казенныя и частныя постройки начались съ двадцатыхъ годовъ, а именно съ того времени, когда императрица Марія Θеодоровна вознамѣрилась провести лѣто въ Кисловодскѣ. До тѣхъ же поръ, искавшіе укрѣпленія и обновленія своихъ силъ въ богатырскомъ Нарзанѣ, извѣстномъ по своей цѣлительности, за нѣсколько десятковъ лѣтъ до построенія Кисловодскаго укрѣпленія, кромѣ калмыцкихъ кибитокъ и холщевыхъ палатокъ, другаго помѣщенія не находили. Не было также и ваннъ для купанья. Притомъ больные, будучи лишены удобствъ относительно помѣщенія, пользованія и даже продовольствія, не могли быть покойны и духомъ, по причинѣ опасности тѣхъ мѣстъ отъ нападенія хищниковъ, къ укрывательству которыхъ столь способствовала гористая и пересѣченная оврагами мѣстность.

*

Въ 1848 году Кисловодскъ, въ которомъ я поселился на іюль и августъ и откуда я совершалъ мои частыя поѣздки по окрестностямъ, для осмотра постовъ передовой Кисловодской линіи, и доѣзжалъ даже до подножія Эльборуса, а также верховьевъ Малки и Кумы,—былъ особенно оживленъ.

Въ этомъ году, правитель Кавказа, пріѣхавъ въ Кисловодскъ ранѣе прочихъ лѣтъ, независимо должностныхъ лицъ, вездѣ ему сопутствовавшихъ и составлявшихъ его дворъ, привезъ съ собою изъ Тифлиса нѣсколько грузинскихъ семействъ, принадлежавшихъ къ тамошней аристократіи. Тутъ были и отжившія и расцвѣтающія грузинскія красавицы въ своихъ національныхъ костюмахъ, а въ числѣ ихъ была и та княгиня, которая сильно шевелила старческое сердце самого правителя. По этой причинѣ старый вельможа-богачъ не жалѣлъ ни денегъ, ни людей, ни средствъ, въ его распоряженіи находившихся для того, чтобы оживить Кисловодскъ. Обѣды, вечера, пикники, поѣздки въ Пятигорскъ, на Бармамытъ и къ подножію Эльборуса, со скачками и джигитовкой казаковъ,—все было исчерпано для удовольствія не только привезенныхъ вельможей дамъ, но и пріѣхавшей за ними прочей тифлисской, грузинской и русской аристократіи. А такая веселая жизнь невольно вліяла и на больныхъ посѣтителей, преждевременно оканчивавшихъ свое лѣченіе и спѣшившихъ въ Кисловодскъ, чтобы быть если не прямыми участниками, то хотя зрителями тамошнихъ удовольствій.

Такъ какъ такая веселая жизнь не ограничилась однимъ курсомъ, а продолжалась до 1852 года, и стоустая молва поспѣшила оповѣстить объ этомъ во всѣ стороны нашей огромной имперіи, — то Пятигорскъ и Кисловодскъ были переполнены какъ здоровыми, такъ и больными посѣтителями, пріѣзжавшими изъ внутреннихъ губерній Россіи.

Не было въ нихъ недостатка годъ, другой и послѣ того, когда одряхлѣвшій вельможа, потерявъ вѣру въ силу Нарзана, оставилъ Кисловодскъ, замѣнивъ его Боржомомъ, мѣстомъ тоже весьма здоровымъ по климату и отстоящимъ отъ Тифлиса только въ 120 верстахъ. Можетъ быть, Кавказскія минеральныя воды не имѣли бы недостатка въ посѣтителяхъ изъ Россіи и послѣ 1854 года, если бы не было Восточной войны?

Однако описанный мною цвѣтущій періодъ Кавказскихъ минеральныхъ водъ, и безспорно лучшій во все время ихъ существованія, не одинаково благодатно отразился на разныя группы. Болѣе прочихъ выигралъ Кисловодскъ, достигшій въ это время такого состоянія, выше котораго онъ можетъ быть и не пойдетъ. По отдаленности своей, суровости и продолжительности зимы, во время которой сообщеніе дѣлается труднымъ и опаснымъ, Кисловодскъ не можетъ разсчитывать ни на увеличеніе осѣдлаго населенія въ значительныхъ размѣрахъ, ни на

развитіе въ немъ промышленности. По свойству и составнымъ частямъ Нарзана, Кисловодскъ не можетъ разсчитывать и на большое число лѣчащихся, въ томъ случаѣ, если будетъ обращено должное вниманіе на пользованіе имъ, потому что эта вода, хотя и богатырская, не для всѣхъ организмовъ одинаково полезна. Слабогрудые, нервные и страждущіе разстройствомъ пищеварительныхъ органовъ не могутъ пить Нарзана, по причинѣ изобилія углекислаго газа. Полнокровные, съ короткими шеями и тучные должны остерегаться въ немъ купаться, изъ опасенія апоплексическаго удара.

Не менѣе Кисловодска выигралъ въ тотъ же періодъ и Пятигорскъ. Жители обогащались на счетъ посѣтителей, бравши съ нихъ громадныя цѣны за квартиры и разные предметы не только прихоти, но потребности. Медики брали съ своихъ паціентовъ, сколько желали; причемъ входило въ разсчетъ не одно лѣченіе и угожденіе больному, что его не отправляли скучать въ Есентуки или Желѣзноводскъ и подвергаться тамъ разнаго рода лишеніямъ и неудобствамъ.

Но болѣе прочихъ обогащались содержатель казенной гостиницы Ноитаки и торговцы разными азіатскими товарами. Первая всегда была полна посѣтителями. Кромѣ обѣда за общимъ столомъ, продолжавшагося нѣсколько часовъ, и игры въ карты на десяткѣ столовъ, никогда не оканчивавшейся ранѣе полуночи, въ этой гостиницѣ давались танцовальные вечера не менѣе раза въ недѣлю, и въ танцующихъ никогда не было недостатка. Устраивался ли пикникъ или заказывался обѣдъ, и Ноитаки былъ всегда распорядителемъ, потому что некому было съ нимъ соперничать. А такъ какъ Ноитаки не упускалъ случая извлечь пользу и за все бралъ въ три-дорога, то и получалъ огромные барыши. Не менѣе наживались и торговцы канаусомъ, мовью, бурсой, коврами, оружіемъ, сѣдлами, уздечками, черкесками, папахами и даже чевяками, потому что посѣтители обоихъ половъ, по пріѣздѣ въ Пятигорскъ, считали обязанностію облечь себя во все азіатское и накупить множество бездѣлушекъ большею частію ненужныхъ.

Въ то время какъ Пятигорскъ и Кисловодскъ обстраивались, веселились и обогащались, Есентукскіе и Желѣзноводскіе источники оставались въ полномъ забвеніи и запустѣніи. Тамъ все оставалось въ прежнемъ видѣ.

Въ Желѣзноводскѣ находились только заѣзжій домъ, калмыцкія и надъ источниками №№ 1 и 2, купальни и турлучный навѣсъ на № 8, построенные еще при А. П. Ермоловѣ. Лѣсъ же, растущій у подножія Желѣзной горы и обращенный нынѣ въ паркъ, находился въ первобытномъ состояніи. Въ немъ пролегало нѣсколько тропинокъ, шедшихъ

къ источнику № 8 отъ заѣзжаго дома и изъ строющейся уже нѣсколько лѣтъ станицы.

На щелочныхъ Есентукскихъ источникахъ находилась только одна купальня, и не было никакого пріюта отъ дождя и защиты отъ палящаго солнца, потому что не было ни навѣса, ни деревьевъ. Настоящая же галлерея, составляющая красу этихъ водъ, тогда еще строилась, а о разведеніи парка никто не заботился, а тѣмъ болѣе казаки, владѣвшіе до того времени землею, на которой находились эти источники.

Жизнь на Есентукскихъ и Желѣзноводскихъ источникахъ была соединена съ огромными лишеніями и неудобствами, начиная съ того, что тамъ приходилось жить въ тѣсныхъ казачьихъ избахъ, въ которыхъ—нечистота, течь, сырость и спертый воздухъ. Однако Есентукская станица, какъ существующая съ двадцатыхъ годовъ, въ этомъ отношеніи стояла несравненно выше въ то время строющейся Желѣзноводской станицы. Притомъ первая состояла изъ 250 дворовъ, между которыми, кромѣ дома полковаго командира, имѣвшаго здѣсь свое пребываніе, выглядывало изъ-за соломенныхъ крышъ нѣсколько домовъ, крытыхъ тесомъ, тогда какъ въ послѣдней было только тридцать шесть недостроенныхъ и неогороженныхъ избъ. Въ заѣзжемъ Желѣзноводскомъ домѣ, начиная съ простой мебели, все было старо, сыро отъ течи, нечисто и безпокойно отъ крысъ и другихъ животныхъ; тамъ вы не только не могли разсчитывать на обѣдъ, но даже затруднялись въ самоварѣ. Въ Есентукахъ тоже не было гостиницы, которая могла бы васъ продовольствовать. Поэтому если съ вами не было кухонной и столовой посуды, повара, пріученнаго готовить не на плитѣ, а на таганѣ, то вамъ по-неволѣ приходилось быть на самой строгой діэтѣ и питаться одной водой да чаемъ съ сухарями, какъ это и дѣлали офицеры и не богатые паціенты, которымъ по роду болѣзней необходимы были щелочныя и желѣзистыя воды и которые при томъ не хотѣли пренебрегать своимъ лѣченіемъ.

Послѣ этого неудивительно, что большинство посѣтителей страшились Есентуковъ и Желѣзноводска, несмотря на то, что въ нихъ-то и заключалось исцѣленіе и укрѣпленіе ихъ силъ. Доктора охотно удерживали своихъ паціентовъ въ Пятигорскѣ: одни независимые отъ службы дѣлали это изъ эгоизма, не желая и себя подвергать неудобствамъ и лишеніямъ тамошней жизни; другіе, состоящіе на службѣ, не желали потерять богатыхъ и выгодныхъ паціентовъ. Они увѣряли своихъ паціентовъ, что польза будетъ и тогда, если, купаясь въ сѣрныхъ Пятигорскихъ ваннахъ, будутъ пить, смотря по роду болѣзни, щелочную или желѣзистую воду, привозимую съ источниковъ въ закупоренныхъ бутылкахъ. Паціенты, въ особенности же прекрасный полъ, напуганные и опечаленные можетъ быть и преувеличенными разсказами о Есен-

тукской и Желѣзноводской жизни, съ полною радостію хватались за такія пріятныя предложенія пользующихъ ихъ медиковъ.—Здѣсь мы можемъ соединять пріятное съ полезнымъ,—разсуждали не только между собою пожилые мужья съ своими женами, но и съ пользующими ихъ докторами.

— Здѣсь мы можемъ слушать ежедневно музыку, гулять по прекраснымъ паркамъ и галлереямъ, купаться въ хорошихъ ваннахъ, ѣздить верхомъ, танцовать, любезничать и даже влюбляться, потому что есть въ кого,—щебетали молоденькія дамочки и даже пожилыя дѣвицы.

— Въ Желѣзноводскѣ и Есентукахъ захандришь отъ тоски и скуки, а пожалуй еще болѣе заболѣешь,— отвѣчали имъ съ улыбками молодые кавалеры.

Между тѣмъ большинство страждущихъ, оставаясь въ Пятигорскѣ, не укрѣплялись и не возстановлялись въ своемъ здоровьи, а напротивъ чувствовали себя еще болѣе разслабленными. Слабогрудые и нервные страдали отъ сѣрнаго запаха, которымъ сильно былъ пропитанъ воздухъ, по неимѣнію въ то время закрытыхъ трубъ для стока излишней воды изъ источниковъ въ Подкумокъ. Подагрики, малокровные а равно страждущіе разстройствомъ печени, селезенки и пищеварительныхъ органовъ не поправлялись, потому что ихъ лѣчили не такъ, какъ бы слѣдовало.

Не мало разстраивалось здоровье пользующихся въ Пятигорскѣ отъ образа жизни и излишества удовольствій. Одни проводили дни и ночи за картами, проигрывались въ коммерческія и азартныя игры; другіе увлекались до излишества танцами, волокитствомъ и любовными интрижками, кончавшимися иногда скандальными ссорами и даже дуэлью. Слѣдовательно, большинство предавалось сильнымъ ощущеніямъ и нерегулярной жизни, столь вреднымъ при лѣченіи минеральными водами.

Но все уповало на богатырскій Нарзанъ. На немъ основывали свои надежды всѣ пріѣхавшіе въ Пятигорскъ для пользованія минеральными водами, не обращая вниманія на родъ болѣзни. По тогдашнимъ понятіямъ достаточно было попить или покупаться, если не въ цѣльномъ, то въ разведенномъ Нарзанѣ одну-другую недѣлю, и силы возстановлялись, а недугъ какъ рукой снимало. Однимъ словомъ, Нарзанъ слылъ за панацею между минеральными водами.

Поэтому всѣ посѣтители Пятигорска только думали и мечтали о іюлѣ мѣсяцѣ, чтобы отправиться въ Кисловодскъ. Желаніе ихъ постепенно раздражалось по мѣрѣ того, какъ провозились черезъ Пятигорскъ разныя вещи и проѣзжали лица, составляющія дворъ правителя. Наконецъ терпѣніе ихъ лопалось, когда и самъ вельможа-богачъ, окруженный огромнымъ конвоемъ и многочисленной свитой, послѣ нѣсколькихъ сутокъ пребыванія въ Пятигорскѣ,—оставлялъ этотъ городъ. Тог-

да безъ удержу все переселялось въ Кисловодскъ, даже и въ томъ случаѣ, когда тамъ было еще и сыро и холодно, какъ это случилось въ 1848 году, когда князь пріѣхалъ туда ранѣе іюля.

Между тѣмъ большинство не обрѣтало спасенія и облегченія отъ недуговъ и въ Кисловодскѣ. Слабогрудые, нервные и страдающіе разстройствомъ пищеварительныхъ органовъ не могли пить Нарзана, по причинѣ обилія углекислаго газа, такъ какъ онъ захватывалъ у нихъ дыханіе, или еще сильнѣе ихъ раздражалъ. Отъ купанья у гемороидальныхъ увеличивались припадки, а полнокровные и тучные поражались апоплексіей. Наконецъ увлекающіеся удовольствіями, и при томъ мало осторожные отъ частыхъ перемѣнъ въ воздухѣ, простуживались и серьезно заболѣвали. Поэтому большинство возвращалось съ Кавказскихъ минеральныхъ водъ разочарованными, недовольными. Оставляя воды, они бранили и жизнь на нихъ, и медиковъ, ихъ пользовавшихъ, и даже самыя воды. Совершивъ же обратное путешествіе, въ осеннюю распутицу, по грязной дорогѣ, съ безпрестанными остановками и непріятностями, они ругали и себя, что ѣздили на Кавказъ лѣчиться.

И во всемъ этомъ была правда, за исключеніемъ диффамаціи водъ, которыя по своей цѣлительности были безупречны и стояли такъ же высоко въ то время, какъ и теперь. Если же больные не обрѣтали исцѣленія, то сами были виновны, потому что не воздерживались отъ удовольствій и не соблюдали гигіеническихъ и діэтическихъ условій. Были также неправы и медики какъ за неправильный методъ лѣченія, такъ и за снисходительность къ паціентамъ и позволеніе имъ различныхъ удовольствій.

Эти нелестные отзывы объ Кавказскихъ минеральныхъ водахъ, распространяемые по Россіи возвращающимися съ нихъ озлобленными и неизлѣчившимися паціентами, были причиной, что не только послѣ Восточной войны, но и послѣ совершеннаго умиротворенія Кавказа, пріѣзжающихъ изъ внутреннихъ губерній Россіи для пользованія было весьма не много.

И дѣйствительно, зачѣмъ ѣздить на Кавказъ лѣчиться, когда жизнь на заграничныхъ водахъ веселѣе, пріятнѣе и дешевле. Зачѣмъ тащиться сотни и даже тысячи верстъ, и испытывать всевозможныя неудобства отъ столь продолжительной ѣзды; зачѣмъ весною и осенью подвергать себя частымъ толчкамъ по рытвинамъ, промоинамъ, выбоинамъ и глубокимъ колеямъ, или непріятнымъ качаніямъ, доводящимъ до одуренія, при переѣздахъ по узкимъ колеблющимся мостикамъ, гатямъ и трясинамъ, закиданнымъ хворостомъ, камнемъ и всякою дрянью; зачѣмъ лѣтомъ глотать пыль, томиться отъ страшной жары и бороться съ мухами, оводами и разными другими насѣкомыми, которыми такъ обильны наши малые, душные, неопрятные станціонные дома. И въ добавокъ ко всему

этому зачѣмъ ссориться съ станціонными смотрителями, чего при всемъ желаніи нельзя избѣгнуть, за умышленныя задержки и за грубое обращеніе ихъ съ вами.

Стоитъ только доѣхать до первой станціи желѣзной дороги, сѣсть тамъ въ вагонъ и, не подвергаясь никакимъ упомянутымъ неудобствамъ и неудовольствіямъ, на третьи или четвертыя сутки быть на самыхъ отдаленныхъ водахъ Германіи, Франціи, Бельгіи, напримѣръ въ Эмсѣ, Висбаденѣ, Гамбургѣ, Баденѣ-Баденѣ, Киссингенѣ, Вильдбадѣ, Виши, Пломбирѣ, Карльсбадѣ, Франценсбадѣ, Спа.

Отправляясь заграницу, нѣтъ надобности брать съ собою прислугу, а тѣмъ болѣе повара. Вы ѣдете туда съ небольшимъ сундукомъ или чемоданомъ, заключающимъ въ себѣ ваше платье и нѣсколько перемѣнъ бѣлья. Тѣмъ болѣе не надо брать съ собою подушекъ и постельнаго прибора. На какія бы заграничныя воды ни пріѣхали, вы найдете за умѣренную цѣну прекрасное помѣщеніе въ отелѣ или chambres-garnies, гдѣ васъ будутъ хорошо кормить и дадутъ вамъ, кромѣ другихъ туалетныхъ принадлежностей, кровать съ пуховиками и чистымъ бѣльемъ.

О ваннахъ, галлереяхъ и паркахъ для гулянья нечего и говорить: заграницею все это доведено до возможнаго совершенства, чистоты и изящества. Только нѣкоторыя изъ этихъ водъ лишены такихъ бѣшеныхъ и разнообразныхъ удовольствій, какъ наши Кавказскія: напримѣръ, въ Франценсбадѣ, Карльсбадѣ и Киссингенѣ запрещаются танцы, пикники, кавалькады, игры въ карты, а все удовольствіе ограничивается прогулкой возлѣ водъ и слушаніемъ музыки. За то и лѣченіе тамъ идетъ полезнѣе и раціональнѣе для больныхъ. Желаете же повеселиться и поволочиться, поѣзжайте въ Баденъ-Баденъ, Виши, Спа и другія имъ подобныя воды, на которыхъ вы могли бы попытать счастье игрою въ рулетку и trente et quarante.

Однако пора оставить заграничныя воды и снова обратиться къ нашимъ Кавказскимъ, во время двухкратнаго моего на нихъ пребыванія. Взглянемъ на эти воды въ 1861 году, когда оканчивалось казенное управленіе ими, и въ 1868 году, послѣ семилѣтняго управленія ими на коммерческомъ основаніи контрагентствомъ.

Въ 1861 году самыя большія перемѣны я нашелъ въ Желѣзноводскѣ. Тамъ кромѣ новыхъ ваннъ на источникахъ Муравьевскомъ и князя Барятинскаго, былъ устроенъ на протяженіи почти двухъ верстъ паркъ, по которому можно было съ пріятностію гулять пѣшкомъ и ѣздить въ экипажѣ. Въ паркѣ же была устроена галлерея надъ источникомъ № 8, и красовался небольшой вокзалъ для игры въ карты и для танцевъ. Сверхъ того, вокругъ исправленной и покрытой желѣзной крышей старой гостиницы, явилось съ десятокъ дачныхъ построекъ, между которыми особенное вниманіе обращала на себя скры-

тая въ зелени дача барона Унгернъ-Штернберга, бывшаго директора водъ. Тутъ же возвышался храмъ Божій.

Зато станица, въ которой жило большинство посѣтителей желѣзныхъ источниковъ, по-прежнему находилась въ жалкомъ состояніи. Прежніе жители ея—солдаты, а потомъ казаки,—не могли жаловаться на денежныя средства. Каждый изъ нихъ въ продолженіе курса получалъ за сырую, безъ пола и мебели избу, не менѣе шестидесяти рублей. Но эти деньги ими пропивались, а не обращались на улучшеніе жилищъ.

На Есентукскихъ источникахъ, красивая галлерея, начавшая строиться съ 1848 года, вокзалъ и двѣ купальни окружали довольно большой и тѣнистый паркъ. Кленъ, ясень, липа, тополь, посаженные четырнадцать лѣтъ тому назадъ, образовали густыя аллеи, столь необходимыя и полезныя для лѣчащихся. Да и самая станица преобразилась въ болѣе нарядный видъ. Кромѣ нѣсколькихъ съ желѣзными крышами домовъ внутри станицы, красивыя дачныя постройки окружали и самые источники.

Съ Пятигорскими и Кисловодскими источниками не произошло особенныхъ перемѣнъ; развѣ разрослись деревья, образовавшія тѣнистые парки и аллеи. Такъ въ первомъ—раскинулись цвѣтники между Елисаветинской галлереей и бульваромъ, а также возлѣ Николаевскихъ ваннъ; въ послѣднемъ оба берега Ольховки покрылись тѣнистымъ паркомъ. Сверхъ того, въ Пятигорскѣ выстроилось десятокъ, другой небольшихъ, но красивыхъ домовъ.

Изъ этого обзора видно, какъ незначительны были перемѣны, происшедшія съ Кавказскими минеральными водами съ 1848 по 1861 г.

Въ семилѣтнее же управленіе ими контрагентства [1]) по наружности еще менѣе сдѣлано усовершенствованій. Въ этотъ періодъ, повидимому, только поддерживалось и ремонтировалось то, что уже существовало.

Однако если контрагентство не украсило водъ новыми постройками, бросающимися въ глаза, то оно не упустило изъ вида такихъ сооруженій, которыя были необходимы и полезны не исключительно для однѣхъ водъ. Такъ, благодаря проведенію крытыхъ трубъ отъ сѣрныхъ источниковъ въ Подкумокъ, живущіе въ Пятигорскѣ не слышатъ теперь непріятнаго, а въ нѣкоторой степени и вреднаго, сѣрнаго запаха; а вслѣдствіе устройства въ Желѣзноводскѣ водопровода съ Бештау, получи-

---

[1]) Хотя служба моя на Кавказѣ окончилась въ 1866 году, но черезъ три года я ѣздилъ на Кавказскія минеральныя воды лѣчиться отъ ревматизма. Проживъ въ Пятигорскѣ май и іюнь мѣсяцы, я вмѣстѣ съ тѣмъ побывалъ и на другихъ группахъ этихъ водъ. Слѣдовательно, могу говорить о дѣятельности контрагентства, какъ очевидецъ. М. О.

лась возможность какъ постоянно тамъ живущимъ, такъ и пріѣзжающимъ туда лѣчиться, пользоваться хорошей ключевой водой, тогда какъ тамъ, кромѣ минеральной, другой воды не было.

Независимо отъ этого сдѣланы контрагентствомъ разныя ученыя наблюденія и изслѣдованія минеральныхъ водъ, а также измѣненъ и усовершенствованъ методъ лѣченія.

Прежде, какъ мы видѣли, всѣ безъ исключенія парились въ сѣрныхъ источникахъ и по преимуществу пили воду изъ Елисаветинскаго или Михайловскаго источниковъ. Только немногіе отправлялись въ Есентуки и Желѣзноводскъ пить и купаться въ щелочныхъ и желѣзистыхъ ваннахъ. Къ августу же все съѣзжалось въ Кисловодскъ, чтобы пить и купаться въ Нарзанѣ, который былъ необходимъ по тогдашнимъ понятіямъ для укрѣпленія силъ всѣхъ лѣчащихся.

Теперь пріѣзжающіе на воды лѣчиться разъѣзжаются съ начала курса по разнымъ водамъ, какія изъ нихъ по роду болѣзни имъ полезны, и не считается непремѣннымъ правиломъ оканчивать курсъ въ Кисловодскѣ. Напротивъ, слабогрудымъ, нервнымъ, гемороикамъ и больнымъ, расположеннымъ къ апоплексіи, положительно воспрещается пить и купаться въ Нарзанѣ.

Чтобы назначеніе водъ было болѣе правильное и соотвѣтствующее роду болѣзни и точнѣе была опредѣлена и самая болѣзнь, пріѣзжающій на воды для пользованія, если желаетъ, можетъ подвергнуть себя предварительно консультаціи докторовъ.

Для этого въ Пятигорскѣ съ начала курса, а именно съ 1-го мая, составляется медицинскій совѣтъ, который ежедневно утромъ засѣдаетъ въ вокзалѣ, находящемся напротивъ Николаевскихъ ваннъ. Тутъ же находятся небольшая библіотека, доступная во время дня для чтенія каждаго, и геогностическій музей, составленный преимущественно изъ мѣстныхъ породъ. Всѣмъ этимъ Кавказскія минеральныя воды обязаны главѣ контрагентства—доктору Смирнову.

Но для столь богатыхъ цѣлительными свойствами, разнообразныхъ и сгруппированныхъ на такомъ близкомъ разстояніи Кавказскихъ минеральныхъ водъ многаго еще недостаетъ. Главное—имъ нужно болѣе удобствъ въ помѣщеніи и дешевизны въ жизни. Имъ нужно поболѣе гостиницъ, да не такихъ, какъ напримѣръ Унтилова и Пожидаева, гдѣ не чисто, нѣтъ приличной меблировки, кровать безъ мягкаго тюфяка и чистаго бѣлья, на которой вы не успокоитесь, а подвергнетесь мученіямъ Тантала отъ невидимыхъ голодныхъ насѣкомыхъ.

Слѣдуетъ обратить на это вниманіе и администраціи минеральныхъ водъ. Ей нужно также озаботиться устройствомъ лучшаго, дешеваго и болѣе правильнаго сообщенія между группами водъ, потому что межд Пятигорскомъ, Кисловодскомъ и Желѣзноводскомъ дороги дурно со-

держимы, а дилижансы, или линейки, не покойны и не помѣстительны; чтобы ѣдущіе въ Пятигорскъ лѣчиться не ждали въ Ростовѣ по недѣлямъ дилижансовъ, по той причинѣ, что содержатели почтовыхъ станцій въ Донской землѣ, по несвоевременному полученію отъ кавказскаго вѣдомства прогоновъ, отказались возить тяжелые дилижансы дирекціи минеральныхъ водъ [1]).

Съ проложеніемъ же желѣзнаго пути на Кавказъ и если онъ пройдетъ мимо Пятигорска, что́, по всему вѣроятію, въ скоромъ времени и осуществится, можно ручаться за несомнѣнное процвѣтаніе Кавказскихъ минеральныхъ водъ.

Однако на самомъ дѣлѣ оказывается, что это мое предсказаніе не вполнѣ оправдалось. Изъ разсказовъ моихъ знакомыхъ, лѣчившихся въ послѣдніе годы на Кавказскихъ минеральныхъ водахъ, видно, что и послѣ открытія желѣзной дороги между Ростовомъ и Владикавказомъ посѣтителями этихъ столь цѣлительныхъ водъ по-прежнему остаются, преимущественно, жители Кавказа, Дона и Новороссійскаго края.

А нельзя сказать, чтобы со стороны дирекціи оказываемо было мало заботливости о Кавказскихъ минеральныхъ водахъ. Посѣщавшіе эти воды мои знакомые съ похвалой отзываются: о хорошемъ состояніи шоссе, проведенномъ отъ станціи желѣзной дороги «Минеральныя воды» до Пятигорска, а равно отъ этого города до Есентуковъ, Кисловодска и Желѣзноводска [2]); что экипажи, перевозящіе посѣтителей по этимъ шоссе, удобны и покойны; въ нихъ нѣтъ недостатка, и они не дороги. Но тѣ же посѣтители жаловались на дороговизну и недостатокъ гостиницъ и chambres-garnies, такихъ хорошихъ, какъ на заграничныхъ водахъ, чтобы въ нихъ было чисто, опрятно и не дуло, или онѣ были бы прилично меблированы, а на кровати съ мягкими тюфяками и чистымъ бѣльемъ можно бы пріятно заснуть и успокоиться. Высказывалось желаніе, чтобы въ гостиницахъ была вѣжливая и въ достаточномъ числѣ прислуга, были бы хорошіе повара и приличная сервировка стола.

— Да помилуйте, на это надо затратить огромные капиталы,

---

[1]) Въ такомъ непріятномъ положеніи находились тѣ изъ ѣдущихъ на Кавказскія минеральныя воды, которые возились до Ростова въ дилижансахъ въ 1863 г., когда я проѣзжалъ черезъ этотъ городъ въ собственномъ экипажѣ на тѣ же воды.

[2]) Разстоянія между этими пунктами слѣдующія: отъ станціи „Минеральныя воды" до Пятигорска не болѣе 25 верстъ; отъ Пятигорска до Есентуковъ 17; а между Есентуками и Кисловодскомъ до 20 верстъ; между же Пятигорскомъ и Желѣзноводскомъ не болѣе 18 верстъ.

а выручки не будетъ, — кричатъ озлобленные содержатели гостиницъ.

— Вы требуете отъ насъ невозможнаго,—вопіютъ съ азартомъ домовладѣльцы.

Совсѣмъ нѣтъ.—Вся суть въ томъ, чтобы не льститься на огромные барыши. Возьмите напримѣръ какой-нибудь отдаленный Рагацъ [1]), что въ Швейцаріи, а какъ тамъ пріятно живется пріѣзжающимъ лѣчиться тамошними водами, или посѣщающимъ изъ любопытства это прелестное мѣстечко, чтобы полюбоваться глетчерами Глариса и живописнымъ Валенштедскимъ озеромъ. Не только въ гостиницахъ, а въ частныхъ домахъ, вы можете отыскать со всѣми удобствами помѣщеніе по-суточно, состоящее изъ одной или нѣсколькихъ комнатъ. Въ такихъ помѣщеніяхъ вы найдете, кромѣ хорошей мебели, кровать съ мягкимъ тюфякомъ и тонкимъ бѣльемъ, а также все необходимое для вашего туалета. Если же что-нибудь изъ находящагося въ комнатѣ будетъ вами испорчено, изломано или разбито, то вы обязаны заплатить, потому что все съ точностію означено на особомъ листѣ, помѣщенномъ въ рамкѣ и подъ стекломъ.

На Кавкавскихъ же минеральныхъ водахъ вы этого не найдете. Домовладѣльцы отдаютъ свои дома, или извѣстное число комнатъ, преимущественно на цѣлый курсъ, за громадную цѣну, съ разными стѣснительными условіями, — и кромѣ посредственной мебели вы не въ каждой квартирѣ найдете необходимыя туалетныя принадлежности. Если же желаете мягко спать и на хорошемъ бѣльѣ, то везите съ собой пружинный матрацъ, подушки, простыни, наволочки и одѣяла, тогда какъ, отправляясь на заграничныя воды, во всемъ этомъ нѣтъ ни малѣйшей надобности. Отъ этого сами домовладѣльцы несутъ убытки, ихъ дома остаются не занятыми; да и посѣтители возвращаются съ водъ не только неудовлетворенными, но недовольными и даже озлобленными.

Несомнѣнно, что въ размноженіи хорошихъ гостинницъ и chambres-garnies заключается главное средство привлеченія массы посѣтителей на такія разнообразныя цѣлительныя минеральныя воды, какъ Кавказскія, и отъ этого будетъ зависѣть процвѣтаніе самихъ водъ и богатство самихъ жителей. Необходимо слѣдовать примѣру заграничныхъ жителей, вѣдь тамъ не одни капиталисты содержатъ гостинницы и меблированныя комнаты. Нужно только не зариться на огромные барыши, а вести свои дѣла съ разсчетомъ, аккуратностію и терпѣніемъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

М. Ольшевскій.

[1]) Въ Рагацѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ Швейцаріи, я пробылъ нѣсколько дней въ 1866 году, когда совершилъ заграничное путешествіе, посѣтивъ почти всѣ европейскія государства.

ЗАПИСКИ Д. И. РОСТИСЛАВОВА.

профессора С.-Петербургской духовной академіи.

XXXIII [1]).

О Рязанской семинаріи прежде моего поступленія.

Во многихъ мѣстахъ я уже говорилъ о Рязанской семинаріи, о ея начальникахъ Іеронимѣ, Полотебновѣ, Иліодорѣ, Гедеонѣ, о томъ, какъ по неволѣ захватывали дѣтей духовныхъ лицъ въ нее чрезъ земскую полицію и пр. и пр., но за всѣмъ тѣмъ, по сообщеннымъ мною свѣдѣніямъ, читателю еще нельзя составить полнаго и яснаго понятія о древнемъ ея состояніи, особенно по ученой и нравственной части. Вотъ почему нахожу нужнымъ поговорить еще о ней, тѣмъ болѣе, что безъ этого въ нѣкоторыхъ мѣстахъ будетъ не совсѣмъ понятно мое описаніе семинаріи въ томъ видѣ, въ какомъ она находилась, когда я въ ней обучался.

Прежде всего, до такъ называемаго преобразованія семинарій въ 1815 г., духовно-учебныя заведенія въ епархіяхъ не раздѣлялись на семинаріи, уѣздныя и приходскія училища; были въ каждой епархіи только однѣ семинаріи, но заключали въ себѣ всѣ классы, которые послѣ отчислены къ училищамъ. Начальство семинаріи состояло изъ ректора и префекта. Первый былъ главный начальникъ семинаріи, а послѣдній—то же, что нынѣшній инспекторъ. Но въ надзорѣ за нравственностью учениковъ инспектору обязаны были помогать всѣ

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1893 г., т. LXXVIII, апрѣль.

учителя, которые и имѣли право налагать наказанія по крайней мѣрѣ за проступки, сдѣланные учениками въ классѣ. Затѣмъ изъ богослововъ выбирался самый лучшій ученикъ и подъ названіемъ сеніора былъ въ родѣ помощника инспектора, и имѣлъ надзоръ за всѣми семинаристами. Затѣмъ ученики каждаго класса, живущіе на казенномъ, подчинены были особенному старшему, тоже изъ богослововъ, называвшемуся пріоромъ. Власть сеніора была очень обширна: онъ имѣлъ право по личному своему усмотрѣнію наказывать розгами учениковъ всѣхъ классовъ до реторики включительно. Пріоръ имѣлъ такую же власть надъ своими подчиненными, если только они не были философами или богословами. Относительно реторовъ и сеніоръ и пріоръ не всѣ и не всегда дерзали пользоваться своими правами, но съ учениками низшихъ классовъ не церемонились; о нихъ мало докладывали и инспектору, а расправлялись сами. Присоедините сюда ректора и инспектора, которые уже безъ всякихъ апелляцій имѣли право лозы и плетей надъ всѣми безъ исключенія семинаристами. Даже сами солидные богословы и философы по мановенію ректора или инспектора растягивались на полу, два или четыре служителя помогали имъ лежать спокойно, а правленская двухвостка или трехвостка разрисовывала педагогическую часть ихъ тѣла.

Невесело было лежать семинаристамъ подъ плетьми и розгами; но и безъ того житье ихъ не отличалось удобствами и въ другихъ отношеніяхъ. Я скажу о деревушкѣ, которая выстроена была въ Рязани для семинаристовъ, а теперь опишу внутренность избъ, изъ которыхъ она состояла и въ которыхъ помѣщались казеннокоштные ученики. Въ этихъ избахъ мебель состояла изъ рундуковъ или залавковъ вдоль всѣхъ стѣнъ. Это было, если смотрѣть сверху, не что иное, какъ лавка, столь обыкновенная и доселѣ въ крестьянскихъ избахъ; пространство между лавкою и поломъ къ срединѣ комнаты закрыто было досками; такимъ образомъ составлялись вдоль всѣхъ стѣнъ ящики, которые раздѣлялись на множество частей, съ дверцою въ каждую. Сюда казеннокоштные ученики какъ бы въ свои сундуки клали разныя свои вещи. Затѣмъ по двумъ продольнымъ стѣнамъ стояли длинные плоскіе столы, которые обыкновенно употребляются въ большихъ солдатскихъ и ученическихъ столовыхъ;

съ другой стороны этихъ столовъ стояли скамьи; все, разумѣется, грубой, топорной работы. Въ промежуткѣ между столами оставалось пространство для учителя, для возни и кулачныхъ боевъ учени ковъ, для стоянья на колѣнахъ и для экзекуцій. Это устройство то же самое, какое у насъ было въ Касимовскомъ училищѣ, съ тѣмъ только различіемъ, что учитель въ Рязани сидѣлъ не на простой лавкѣ, а на рундукѣ, и кромѣ того въ Касимовѣ ученики занимали свои избы только во время классовъ. При каждомъ классѣ въ сѣняхъ была еще особая комната, которая и называется холодною реторикою, философіею и пр., смотря потому, къ которому классу она причислялась; въ нее ученики ставили свои сундуки и на день выносили свои постели, т. е. войлоки и подушки. Ночью же постели вносили въ теплую реторику, философію и пр., и ученики располагались спать кто на рундукахъ, кто на столахъ. Кромѣ того, лѣтомъ для умыванья висѣлъ рукомойникъ, гдѣ-либо въ сѣняхъ съ неизбѣжною для него лоханью; но въ зимнее время рукомойникъ съ лоханью помѣщались уже въ самой классной комнатѣ. Объ опрятности въ такихъ комнатахъ смѣшно даже и думать; грязи въ нихъ было столько, сколько могло набраться и удержаться со времени постройки самыхъ избъ. Ихъ даже и мыть открывалась возможность развѣ только въ каникулярные дни; во всякое другое время они постоянно переполнены были народомъ. Еще смѣшнѣе думать о чистотѣ воздуха въ этихъ уже не комнатахъ, а какихъ-то логовищахъ. Въ учебные дни сидитъ въ нихъ около 6—8 часовъ не менѣе 40, а въ нѣкоторыхъ классахъ даже до 100 человѣкъ, слишкомъ не отличавшихся опрятностью. Въ прочіе часы дня тутъ же остается 20—30 человѣкъ на постоянное жительство, тутъ же и спятъ по лавкамъ и столамъ. Прибавьте сюда лохань съ помоями... О форточкахъ тогда даже едва-ли и понятіе имѣли. Что же это такое было, судите сами и подивитесь тому, какъ въ этой атмосферѣ зловонія жили люди! Но тутъ жили не одни люди; съ ними и на нихъ помѣщалось, право, иногда чуть не безчисленное, по крайней мѣрѣ—трудно исчислимое множество насѣкомыхъ, почти неразлучныхъ спутниковъ неопрятнаго русскаго человѣка. Клопы находили себѣ пріютъ и въ щеляхъ бревенъ, и во мху между ними, и въ залавкахъ; объ истребленіи ихъ нечего было и думать; блохамъ

было раздолье по полу и въ войлокахъ; затѣмъ и собственное бѣлье учениковъ было штабъ-квартирою третьяго рода насѣкомыхъ, которыя любятъ ютиться какъ можно ближе къ тому тѣлу, котораго кровью питаются. Потомъ у учениковъ были изъ животнаго царства болѣе крупныя животныя, которыя дѣлали имъ много хлопотъ и заботъ. Крысы любятъ возиться даже въ тѣхъ комнатахъ, гдѣ не держатъ никакого съѣстнаго. Но у старинныхъ казеннокоштныхъ учениковъ Рязанской семинаріи былъ для нихъ большой складочный магазинъ хлѣбныхъ запасовъ. По премудрому распоряженію начальства, каждому изъ семинаристовъ отвѣшивали извѣстное число фунтовъ хлѣба, и онъ самъ уже долженъ былъ сохранять его и носить въ столовую. Такимъ образомъ, крысамъ было чѣмъ поживиться въ ученическихъ комнатахъ или, лучше, залавкахъ, куда все складывалось. Тутъ дѣло доходило иногда до того, что какой-либо бѣднякъ принужденъ былъ просить насущнаго хлѣба у своихъ товарищей, потому что его собственный былъ съѣденъ общимъ ихъ прожорливымъ врагомъ. Послѣ этого понятно, почему, какъ только наступала сносная теплая погода и продолжалась, семинаристы выбирались на ночь изъ своихъ синтакситъ, реторикъ, философій и пр. на чистый воздухъ и здѣсь на дворѣ, постлавши свой войлочекъ, отдавались въ объятія Морфея подъ открытымъ небомъ. Только иногда, не догадавшись вечеромъ разсчитать, что ночью будетъ дождь, они просыпались частенько подъ ливнемъ, измоченные, и съ шумомъ въ общей суматохѣ искали защиты въ своихъ комнатахъ. На чердакахъ, въ стѣнахъ и холодныхъ своихъ реторикахъ, философіяхъ и пр. они не любили спать, потому что тутъ ихъ безпокоили почти также всѣ тѣ существа, которыя не позволяли имъ спать въ комнатахъ.

Пища казеннокоштныхъ учениковъ не могла быть хорошею даже потому, что на этотъ предметъ назначалась очень небольшая сумма; но и по издавна заведенному обычаю на святой Руси распорядители умѣли и отъ нея отдѣлять порядочную частичку въ свои карманы. Я уже описывалъ, какъ насъ кормили на казенномъ, но когда бывало станешь жаловаться на дурное свое содержаніе, то старики, посмѣиваясь и покачивая головою, говаривали: «Эхъ, молодежь, мо-

лодежь! Плоха у васъ пища! Попробовали бы вы жить на той пищѣ, которою насъ кормили!»

Но нужда научитъ ѣсть не одни калачи, а всякую всячину, которая попадется подъ руку. Рязанскіе голодные семинаристы, какъ народъ изобрѣтательный, какъ голь, хитрая, по пословицѣ, на выдумки,—старались и сами добывать себѣ съѣстные припасы. Нѣкоторые смѣльчаки въ этомъ случаѣ дѣлали нападенія на собственность даже своего начальства. Я уже сказалъ, что для ректора существовалъ тогда особый домъ, который отъ общаго семинарскаго двора отдѣлялся деревяннымъ заборомъ. Бывшій ректоромъ, архимандритъ Антоній, любилъ водить у себя куръ. Пользовался онъ ихъ одними яйцами, дерзалъ ли иногда и на бѣлое ихъ мясо, положительно не могу сказать. Но семинаристы въ послѣднемъ случаѣ ему оказывали очень дѣятельное пособіе. Прямо воровать куръ, перелѣзши заборъ, было опасно; сразу поймаютъ, тѣмъ болѣе, что схваченная курица или пѣтухъ закричатъ и обратятъ вниманіе прислуги. Семинаристы производили свою охоту иначе. Они доставали покрѣпче удочку, привязывали ее къ тоненькой веревочкѣ и, наложивъ на крючокъ приманку, перебрасывали ее черезъ заборъ. Курица, а иногда и пѣтухъ хватали приманку, крючокъ зацѣплялся гдѣ-нибудь во рту; тогда охотникъ при помощи веревочки тащилъ свою добычу, которая, конечно, билась крыльями, но крючокъ большею частью отнималъ у нея возможность кричать. И ректоръ и прислуга его долго не догадывались, куда это пропадаютъ у нихъ куры; подозрѣвали, конечно, семинаристовъ, слѣдили за ними, не перелѣзетъ ли кто-либо черезъ заборъ, не станетъ ли ловить куръ; но ничего не могли подмѣтить. Однажды какъ-то самъ ректоръ сидѣлъ у окна, смотрѣлъ на куръ, бѣгавшихъ по двору. Вдругъ онъ замѣтилъ, что одна курица замахала крыльями, но между тѣмъ по неволѣ двигается къ забору; потомъ начала подниматься какою-то невидимою силою поперекъ него и наконецъ скрылась; тутъ только его высокопреподобіе узналъ, куда дѣвались его куры и пѣтухи.

И до этого открытія семинаристамъ нельзя было утолять свой голодъ однѣми ректорскими курами; птичникъ его высокопреподобія далеко не соотвѣтствовалъ числу голодныхъ желудковъ; послѣ же открытія уженья куръ удочками добыча совершенно прекратилась.

Но и прежде и послѣ этого событія семинаристы употребляли другой способъ добывать себѣ мясную пищу. Въ то время жители Рязани любили въ домахъ своихъ разводить то четвероногое, которое запрещено евреямъ и магометанамъ употреблять въ пищу. Почему же не попользоваться не только поросятинкою, но и свининкою. Отставшіе отъ своей мамаши поросята и забѣжавшіе на семинарскій дворъ рисквали своею жизнію и могли попасть на жаркое ученой братіи. Иногда и цѣлое свиное семейство, не исключая даже мамаши, исчезало на семинарскомъ дворѣ.

Семинаристы заботились и о рыбной пищѣ. Къ этому ихъ особенно побуждало то обстоятельство, что частенько лучшая, чуть не единственная ихъ пища, кромѣ хлѣба, состояла изъ лука съ квасомъ или изъ кваса съ лукомъ въ Петровъ постъ. Въ этомъ отношеніи они тоже любили пожить на счетъ своего начальства, какъ и при добываніи курятины. Архіепископъ Симонъ въ Павловской своей рощѣ вырылъ три пруда, въ которые и впущена была рыба. Она со временемъ очень расплодилась, и владыка нерѣдко дарилъ ее своимъ знакомымъ и любимцамъ. Даже когда я уже учился въ Рязани, еще много водилось рыбы въ прудахъ, хотя они уже значительно обмелѣли и затянулись тиною. Сюда-то семинаристы отправлялись на рыбную ловлю. Для этого избиралась темная и при томъ дождливая ночь. Не доходя до пруда, посылали для рекогносцировки осмотрѣть, нѣтъ ли вблизи него караульнаго, съ которымъ впрочемъ люди подогадливѣе напередъ сговаривались. Убѣдившись, что нѣтъ никакой стражи, рыболовы входили въ прудъ съ хорошимъ бреднемъ; прошедши саженей десять вдоль берега, вытаскивали его, но брали только крупную рыбу, а мелочь пускали опять въ прудъ. Рыбы такъ много водилось, что иногда одна тоня доставляла достаточное количество ея для ухи рыболовамъ не на одинъ день. Потомъ главная забота состояла въ томъ, чтобы не оставить никакихъ слѣдовъ своего пребыванія.

Архіерейскіе пруды могли истощиться; надобно было пожалѣть своего владыку. Тутъ вспоминали, что около Рязани у помѣщиковъ есть тоже рыбные пруды; особенно замѣчательны были въ этомъ отношеніи пруды въ селахъ Голенчинѣ, Храповѣ, Никуличахъ и пр. Рыбы тутъ было не менѣе, нежели въ архіерейскихъ прудахъ; но

*

качеству своему она была даже лучше; въ иныхъ водились даже стерляди. Притомъ и ловли долго считались безопаснѣе, нежели въ Павловской рощѣ. Въ каждомъ селѣ жилъ помѣщикъ и его крестьяне; ну можно ли было подумать, что послѣдніе осмѣлятся воровать рыбу у своего барина, который безъ суда и слѣдствія могъ ихъ отпороть такъ, что самому небу было бы жарко. Мѣстное духовенство также имѣло много причинъ не ссориться съ бариномъ. А о рыболовахъ изъ Рязани и не думали. А они-то втихомолку и пробирались частенько туда. Одно только было дурно, что села, особенно Храпово, находилось далеко отъ города, верстахъ въ 6—7; а между тѣмъ надобно было все дѣло обработать ночью и даже возвратиться въ Рязань рано утромъ; иначе всякій, кто увидитъ рыболововъ на полѣ, догадается, откуда они возвращаются, и укажетъ, какъ ихъ отыскать. Такіе походы происходили даже между 1815—1820 годами; мой дядя Василій Мартыновичъ самъ бывало разсказывалъ, какъ онъ вмѣстѣ со своими товарищами ходилъ нѣсколько разъ въ Никулицкіе пруды; рыбы приносили они каждый разъ на нѣсколько дней.

На всѣ описанные мною промыслы отваживались только взрослые семинаристы, которые бы, въ случаѣ опасности, не только могли убѣжать, но и дать отпоръ своими кулаками. Между тѣмъ я еще не коснулся тѣхъ промысловъ, отъ которыхъ не отказывались и взрослые, но гдѣ дѣйствующими лицами бывала и мелкота. Это подвиги по огородамъ и садамъ; тѣхъ и другихъ и въ городѣ и около него находилось очень много; было, гдѣ поохотиться добрымъ молодцамъ. Впрочемъ, до каникулъ, т. е. до 15-го іюля, добыча не могла быть значительною; конечно, зеленаго луку рви сколько душѣ угодно, но за то и на базарѣ онъ былъ слишкомъ дешевъ, да и не могъ считаться лакомымъ кусочкомъ; игра, по русской пословицѣ, «не стоила свѣчъ». Около Петрова дня или вскорѣ послѣ него много появлялось огурцовъ. Это уже другое дѣло; за ними отправлялись уже съ мѣшками; яблоки еще не созрѣвали; впрочемъ, не пренебрегали и ими; что жъ за бѣда, если они кисловаты и произведутъ оскомину на зубахъ; все-таки не огурцы, а яблоки. По окончаніи каникулъ, сады еще были наполнены уже вполнѣ спѣлыми яблоками; хороши на взглядъ и пріятны на вкусъ; при-

томъ не портятся такъ скоро, какъ огурцы; въ это-то время особенно обнаруживалась браконьерская дѣятельность нашихъ героевъ и большихъ, и малыхъ; одинъ уносилъ изъ сада цѣлую мѣру, другой довольствовался десятками двумя яблоковъ. Въ половинѣ сентября, когда въ рязанскихъ садахъ или все уже было прибрано, или устраивался бдительный надзоръ, браконьеры отправлялись за добычею по окрестнымъ селамъ и деревнямъ, особенно по помѣщичьимъ садамъ, въ которыхъ домовитые хозяева оставляли еще на нѣкоторыхъ яблоняхъ плоды, годные въ лежку, т. е. такіе, которые оставляли про запасъ на зиму. Болѣе скромные и менѣе прихотливые браконьеры послѣ каникулъ довольствовались добываніемъ себѣ моркови, брюквы и рѣпы на огородахъ; конечно, они не такъ вкусны, какъ яблоки, но все-таки наполняютъ желудокъ.

Очевидное дѣло, что семинаристы, вслѣдствіе описанныхъ мною подвиговъ, не могли пользоваться хорошей репутаціей у рязанскихъ жителей и пользоваться ихъ добрымъ расположеніемъ. Прибавьте къ этому то неуваженіе, которое міряне давно уже на Руси обнаруживаютъ къ левіину колѣну, тогда поймете, что въ описываемое мною время трудненько было установиться дружескимъ отношеніямъ между горожанами и семинаристами. Естественнѣе ожидать совершенно противоположнаго. Вражда, конечно, обнаруживалась частными стычками, отдѣльными единоборствами, но главнымъ образомъ достигала своего апогея въ кулачныхъ бояхъ.

Описывая касимовскую свою жизнь, я упомянулъ и о тамошнихъ кулачныхъ бояхъ. Но эта русская забава, народная наша игра, была едва-ли не повсемѣстна, продолжалась и послѣ того времени, даже и теперь еще не вездѣ прекратилась. Когда я, въ 1829 году, пріѣхалъ въ Петербургъ, то сосѣди наши семинаристы вступали въ праздничные дни частенько въ кулачную борьбу съ мастеровыми Стекляннаго Императорскаго завода; кое-какъ семинарское начальство прекратило эти войны въ началѣ тридцатыхъ годовъ. Предшественники наши по академіи разсказывали, что, уже въ царствованіе императора Николая, происходили задорливые кулачные бои близъ Ямской церкви, особенно же на Невѣ, близъ Смольнаго монастыря; тутъ съ одной стороны дѣйствующими лицами были

охтяне, а съ другой—все прибрежье Невы отъ Смольнаго до Невскаго монастыря. Однажды азартъ сражавшихся дошелъ до такой степени, что полиція нашла нужнымъ разогнать ихъ, но ни квартальные, не будочники ничего не могли сдѣлать, даже сами испытывали тяжесть кулаковъ. Тогда нашли нужнымъ подъ надлежащимъ прикрытіемъ двинуть нѣсколько пожарныхъ трубъ, холодная вода которыхъ быстро разогнала разгорячившихся бойцовъ. Объ этомъ говорю я то, что мнѣ разсказывали мои предшественники. Но вотъ и то, что я самъ видѣлъ. Бывши уже на службѣ, я нерѣдко ходилъ въ гости къ своему сослуживцу Вознесенскому, жившему у тестя своего, протоіерея Смольнаго собора Недешева. Прямая дорога была вдоль Невы мимо Калашниковой пристани. Подходя къ Смольному монастырю, я зимою нерѣдко на срединѣ Невы видѣлъ большія кучи народа, двигавшагося то туда, то сюда; но однажды толпа была уже слишкомъ велика, и шумъ отъ нея очень ясно доходилъ до берега. Замѣтивъ будочника, внимательно смотрѣвшаго на толпу, я спросилъ его, что это за народъ? Почтенный блюститель порядка съ улыбкою мнѣ отвѣчалъ: «да это, сударь, штигловцы (т. е. рабочіе съ фабрики Штиглица, не далеко тутъ находившейся) съ охтенскими щупаютъ другъ друга. Да ужь что-то больно расходились!»

— А что же полиція ваша смотритъ, спросилъ я.

— Да что тутъ подѣлаешь? отвѣчалъ онъ мнѣ; вѣдь они каждый праздникъ этимъ занимаются.

Если такъ въ Петербургѣ щупали штигловцы и охтяне бока другъ у друга въ концѣ уже тридцатыхъ годовъ, то можно судить, что происходило за 40 и болѣе лѣтъ въ отдаленныхъ отъ него мѣстахъ. Покойный мой батюшка любилъ хвалить своего учителя словесности, Осипа Евсеевича Срезевскаго. По разсказамъ его, этотъ учитель былъ образованный, умный человѣкъ, знакомый съ сочиненіями тогдашнихъ философскихъ знаменитостей. Я самъ въ концѣ тридцатыхъ годовъ видѣлъ рукописныя его тетради, въ которыхъ онъ изложилъ философію Шеллинга съ тѣмъ, чтобы познакомить русскую публику съ нею, но за смертію не могъ исполнить это. Онъ-то разсказывалъ своимъ ученикамъ, какъ въ то время, какъ онъ учился въ Заиконоспасской духовной академіи,

происходили кулачные бои между его товарищами и студентами университета. Срезевскій былъ очень друженъ съ однимъ изъ университантовъ, едва-ли даже не съ Мерзляковымъ. Друзьямъ не хотѣлось въ кулачныхъ бояхъ щупать другъ друга, и потому они напередъ сговаривались становиться въ рядахъ своихъ отрядовъ такъ, чтобы имъ не было возможности столкнуться другъ съ другомъ.

Какъ же можно было отказаться отъ удовольствія потузить другъ друга гдѣ-либо въ Рязани и ея уѣздахъ. Въ этомъ отношеніи особенно отличались громадныя села Бѣлоомутъ (Зарайскаго) и Ижевское (Спасскаго) уѣздовъ. Первое раздѣлялось р. Окою на двѣ половины; на льду рѣки и происходили кулачные бои. Тутъ, а также и въ Ижевскѣ, бывали даже въ такихъ случаяхъ смертоубійства. Что же касается до Рязани, то тутъ издавна сражавшіеся раздѣлялись на двѣ части; къ одной принадлежали всѣ семинаристы, но имъ почти всегда помогали приказные, которые тогда большею частію по своему происхожденію принадлежали къ духовному званію. Другая часть состояла изъ всѣхъ горожанъ, которые находили удовольствіе въ томъ, чтобы имъ щупали бока кулаками. Но партіи иногда мѣнялись; часто вчерашніе враги дѣлались нынѣ друзьями, и наоборотъ; только семинаристы во всѣхъ этихъ случаяхъ были самыми усердными дѣятелями. Описывать процессъ кулачныхъ боевъ не за чѣмъ; онъ слишкомъ извѣстенъ. Я остановлюсь здѣсь на томъ времени, когда кулачные бои происходили—почти что съ благословенія его высокопреосвященства.

При архіепископѣ Ѳеофилактѣ въ Рязани былъ надстроенъ богачемъ Рюминымъ второй этажъ соборной колокольни, на который и нужно было поднять соборные колокола, висѣвшіе дотолѣ на старой небольшой колокольнѣ. Сначала ихъ сняли со старой колокольни, отслужили чинъ-чиномъ молебенъ, окропили ихъ святою водою и начали поднятіе съ большаго колокола въ 500 пудовъ. Тяжесть, разумѣется, не Богъ знаетъ какая; но отъ недостатка ли усердія въ поднимавшихъ или отъ неумѣнья распорядителей, только колоколъ не двигался съ мѣста. Ѳеофилактъ, лично тутъ присутствовавшій и объяснявшій неудачу поднимателей-волонтеровъ изъ горожанъ, велѣлъ назвать семинаристовъ. Тогда въ семинарскихъ классахъ было очень много взрослыхъ, здоровыхъ ребятъ (я уже

говорилъ, что у насъ въ высшемъ классѣ лѣтъ 6—8 спустя послѣ описываемаго событія были молодцы, которые могли красоваться въ первыхъ шеренгахъ гвардейскаго Преображенскаго полка). Семинаристы привалили всею громадою; имъ объяснили неудачу или неумѣнье горожанъ и сказали, что преосвященный надѣется на ихъ усердіе. Болѣе ничего не нужно было говорить; одержать нѣкотораго рода побѣду надъ горожанами льстило самолюбію семинаристовъ, и они взялись за вороты и веревки съ полнымъ усердіемъ. Колоколъ былъ приподнятъ; архіерей благодарилъ за трудъ и пригласилъ ихъ на слѣдующій день поднимать прочіе колокола. Ободренные вниманіемъ владыки и загордившіеся своимъ успѣхомъ въ дѣлѣ, которое не было исполнено горожанами, они начали надъ ними посмѣиваться. Надобно сказать, что въ то время—какъ я послѣ скажу,—кулачные бои были въ большой модѣ въ Рязани и очень нерѣдко одною изъ сражавшихся сторонъ были исключительно семинаристы; значитъ, поводовъ къ враждѣ у нихъ съ горожанами было много. Даже и теперь еще любятъ почти всѣ сословія посмѣяться надъ кутейниками, ну а тогда трудно было по улицѣ пройти даже священнику, исключая извѣстныхъ лицъ, чтобы кто-либо не закричалъ вслѣдъ ему: кутья прокислая и прочія любезности въ этомъ родѣ. Естественно, что при описываемомъ мною случаѣ издавна накопившіяся враждебныя чувства обнаружились; отъ словъ и перебранокъ скоро дошло до кулаковъ, и начался кулачный бой. Семинаристы были въ полномъ собраніи, дѣйствовали сомкнутою массою и одержали блистательную побѣду, разбивши въ пухъ, какъ они выражались, цѣлый городъ. Горожане рѣшились отомстить за свое пораженіе. Но и семинаристы позаботились подкрѣпить себя союзниками, которыми почти всегда бывали приказные, большею частью происходившіе тоже, какъ и они, изъ духовнаго званія.

На слѣдующій день, по окончаніи послѣ-обѣденныхъ классовъ, явились семинаристы къ соборной колокольнѣ; горожане тоже собрались въ большомъ количествѣ. Сначала занялись поднятіемъ слѣдующихъ по величинѣ за большимъ колоколовъ, но еще много оставалось неподнятыхъ колоколовъ, и надобно было придти еще на третій, кажется, и на четвертый день. Въ каждый день по

окончаніи работы семинаристы вступали въ бой съ своими врагами. Ѳеофилактъ уже зналъ объ этомъ на другой день и, по правдѣ сказать, не сдѣлалъ никакихъ распоряженій, чтобы этого не было; даже нашелъ для себя возможнымъ посмотрѣть на бой. Сраженіе происходило обыкновенно на площадкѣ между соборомъ и колокольнею; побѣжденные горожане отступали за колокольню, спасались чрезъ мостъ и оврагъ, за нею лежащіе, а семинаристы въ подобномъ случаѣ сталпливались въ двухъ дефилеяхъ; одна, небольшая лежала между большимъ соборомъ и оградою Спасскаго монастыря; сюда, впрочемъ, мало спасались, большинство сталкивалось въ довольно широкой дефилеѣ, лежащей между теплымъ и холоднымъ соборомъ и замыкаемой сзади архіерейскимъ домомъ и воротами на дворъ его. Кругомъ же большаго собора находится галлерея, съ которой есть ходъ въ архіерейскій домъ. Съ этой-то галлереи Ѳеофилактъ и наблюдалъ надъ ходомъ сраженій, сохраняя нѣкотораго рода инкогнито, т. е. одѣвшись и закутавшись въ обыкновенную теплую рясу и имѣя на головѣ священническую шляпу или шапку, такъ что можно было только по догадкамъ предполагать въ немъ архіерея; для бóльшаго инкогнито онъ былъ окруженъ еще нѣсколькими лицами изъ бѣлаго и чернаго духовенства. Сраженія происходили съ перемѣннымъ счастіемъ, но однажды какъ-то горожане слишкомъ были сильны, такъ что оттѣснили семинаристовъ на архіерейскій дворъ. Надобно было унизить кичливость побѣдителей.

Ѳеофилактъ узнаетъ, что его протодіаконъ Василій и его дѣти Мартынъ и Никаноръ, оба діаконы, замѣчательные силачи, особенно папаша, и могли бы поправить все дѣло и пораженіе обратить въ побѣду. Они во всѣ дни присутствуютъ, но не смѣютъ помочь семинаристамъ, опасаясь этимъ навлечь неудовольствіе владыки. Минута была критическая; надобно было во что бы то ни стало возстановить кулачную честь духовенства. И вотъ приглашается Василій. «А что, Василій, говорятъ ему, можно прогнать этихъ непрошеныхъ гостей?»

— Какъ же не можно, ваше высокопреосвященство, только позвольте. Я пойду впередъ, а мои Мартышка и Никанорка (такъ онъ звалъ своихъ дѣтей-дьяконовъ) пусть съ боковъ защищаютъ меня, чтобы кто-нибудь сзади не напалъ.

Позволеніе дано. Сраженіе вновь началось. Семинаристы, увидѣвши прибывшій имъ на помощь вспомогательный корпусъ изъ трехъ богатырей, ободрились. Богатыри пошли впередъ. Горожане хотя и знали силу богатырей, но сначала хотѣли было удержать за собою поле сраженія. Къ ихъ несчастію, Василій ломилъ, какъ тогда выражались, все; оберегаемый и вспомоществуемый своими Мартышкою и Никаноркою, онъ шелъ впередъ; семинаристы, воодушевленные присутствіемъ богатырей, ринулись, впередъ. Горожане отступили; на площади между соборомъ и колокольнею произошла новая отчаянная свалка, но богатыри все сломали; горожане бросились чрезъ мостъ, чрезъ оврагъ, а торжествующіе семинаристы возвратились побѣдителями въ свои квартиры.

Надобно сказать, что колокола уже давно были подняты, а кулачные бои продолжались; взаимное ожесточеніе начало принимать опасные размѣры. Въ этомъ случаѣ горожане оказали низкую мстительность. Не могши одолѣть семинаристовъ въ открытомъ, честномъ бою, они стали преслѣдовать по-одиночкѣ замѣчательныхъ бойцовъ между ними. Для этого соглашалось два, три здоровенныхъ горожанина, подстерегали или на извозчикѣ догоняли семинариста и били его, сколько душѣ угодно, даже до увѣчья. Вражда отъ главныхъ силачей перешла къ менѣе сильнымъ, и наконецъ мальчишки мѣщанскіе стали кстати и некстати нападать на мальчишекъ-семинаристовъ. На силу какъ-то и духовному и гражданскому начальству удалось хоть нѣсколько успокоить разыгравшуюся русскую удаль.

Разумѣется, кулачные бои и дѣятельное участіе въ нихъ семинаристовъ не прекратилось съ Ѳеофилактовскою эпохою. При моемъ переходѣ изъ Касимовскаго въ Рязанское училище знаменитыми бойцами въ семинаріи были ученики богословія: Василій Быстровъ и философіи Матвѣй Дроздовъ. Учились они плоховато, послѣдній даже и покончилъ свое научное образованіе среднимъ отдѣленіемъ; но, несмотря на то, за свою силу и приложеніе ея къ кулачнымъ боямъ, они пользовались большимъ уваженіемъ не только въ семинаріи, но даже и между горожанами. При Иліодорѣ и Гедеонѣ участіе семинаристовъ въ кулачныхъ бояхъ почти было прекратилось. Но потомъ мало-по-малу вновь вошло въ обы-

чай. Особенно во время ректорства Θеодотія отличался какой-то силачъ, семинаристъ Павловъ. Θеодотій зналъ это, не только не останавливалъ его, но даже своими шутками почти поощрялъ его богатырствовать. Даже послѣ моей отставки рязанскіе жители частенько щупали другъ друга; въ одну масляницу, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, эти щупанья происходили въ самомъ центрѣ города на огромной площади новаго базара. Даже и теперь (1870 г.) на окраинахъ города иногда молодое поколѣніе Ямской или Троицкой слободы вступаетъ въ битвы съ молодымъ поколѣніемъ горожанъ. Но семинаристы, кажется, совсѣмъ бросили эту народную забаву, хотя въ битвахъ на новомъ базарѣ, о которыхъ я сейчасъ говорилъ, они не составляли самостоятельной партіи, но были сильнымъ вспомогательнымъ корпусомъ для одной воюющей стороны.

XXXIV.

О бывшихъ до моего поступленія въ семинарію учителяхъ ея.

Разсказы, которые мнѣ въ дѣтствѣ приходилось слышать о Рязанской семинаріи, касались не только учениковъ, но и учителей ея. О нѣкоторыхъ изъ нихъ, именно объ Іеронимѣ, Полотебновѣ и Кротковѣ, я уже говорилъ выше. Между тѣмъ было еще нѣсколько учителей, о которыхъ не излишне сказать для характеристики былаго времени. Изъ тѣхъ, которые начали службу еще до такъ называемаго преобразованія, стóитъ упомянуть объ архимандритѣ Иринеѣ и Моргафонѣ.

Ириней преподавалъ философію еще въ то время, какъ мой батюшка учился въ философскомъ классѣ, а началъ службу свою еще гораздо ранѣе; потомъ уже едва-ли не при Θеофилактѣ, по слабости зрѣнія, оставилъ училищную службу и сдѣланъ архимандритомъ одного монастыря. Сколько можно судить по разсказамъ лицъ, слушавшихъ или знавшихъ его, онъ принадлежалъ къ труженикамъ своей науки и изучалъ философію не какъ

школьный схоластикъ, а какъ любознательный человѣкъ. Съ учениками онъ обращался необыкновенно хорошо. Это былъ скорѣе отецъ, даже другъ, нежели суровый педагогъ. Онъ зналъ не одну школьную тогдашнюю философію, но и естественныя науки, физику, астрономію и пр. Ему хотѣлось передать всѣ свои свѣдѣнія, по крайней мѣрѣ, возможно бо̀льшее количество ихъ, но назначенныхъ часовъ въ классѣ недоставало для этого; при томъ многія изъ свѣдѣній принадлежали къ наукамъ, не входившимъ въ програму семинарскую. Вотъ почему онъ любилъ приглашать къ себѣ учениковъ, а лѣтомъ ходить съ ними въ луга и рощи около Рязани, преимущественно изучалъ съ ними ботанику, а въ ясныя, не холодныя ночи занимался астрономіей. Въ комнатахъ его были гербарій, нѣсколько чучелъ животныхъ, нѣкоторые физическіе и химическіе инструменты, при помощи которыхъ онъ производилъ и опыты, для тогдашнихъ семинаристовъ неслыханные и невиданные. Это былъ, можно сказать, своего рода феноменъ для Рязанской семинаріи и даже для Рязани. И потому неудивительно, что еще при жизни его о немъ уже составлялись легендарные разсказы.

Чтобы понять эти разсказы, надобно сказать объ одномъ вѣрованіи, которое въ былое время было обыкновеннымъ чуть не во всемъ духовенствѣ, особенно рязанскомъ. Вѣровали и исповѣдовали, что есть сверхъ-естественное искусство—магія. Она раздѣлялась на черную и бѣлую; та, разумѣется, принадлежала къ вѣдомству нечистой силы, а эта находилась подъ покровительствомъ не злыхъ, а добрыхъ духовъ, только не ангеловъ, на которыхъ лежали другія обязанности. Для изученія той или другой магіи существовали гдѣ-то напечатанныя книги, носившія названія черной или бѣлой магіи. Въ нихъ, разумѣется, помѣщались правила, какъ вызывать злыхъ или добрыхъ духовъ, когда понадобится ихъ пособіе для чего-нибудь, или даже безъ нихъ, при помощи особенныхъ словъ и дѣйствій, производить такія явленія, которыя никакъ не послушаются обыкновенныхъ силъ человѣка и природы. Такія-то двѣ книги Ириней отыскалъ въ Рязанской семинарской библіотекѣ, гдѣ онѣ лежали забытыми или заброшенными въ какомъ-то потаенномъ мѣстѣ. Отецъ архимандритъ, человѣкъ благочестивый, не только не захотѣлъ пользоваться черною магіей,

которая, находясь подъ вліяніемъ нечистой силы, направлена была къ развращенію и гибели рода человѣческаго, но и употребилъ всѣ усилія для истребленія зловредной книги. Разсказываю объ этомъ полезномъ подвигѣ для всего человѣчества. Одинъ варіантъ говоритъ, что едва приступилъИриней къ исполненію своего добраго намѣренія, какъ тотчасъ появилась нечистая сила, чтобы воспрепятствовать этому, но благочестивый отецъ архимандритъ при помощи святой воды и честнаго креста прогналъ нечистую силу и истребилъ пагубную книгу и самый пепелъ ея развѣялъ по вѣтру, такъ что адскимъ силамъ уже не было возможности возстановить книгу. Но другой варіантъ говоритъ, что отецъ архимандритъ не могъ исполнить своего намѣренія, потому что книга, по русской пословицѣ, ни въ огнѣ не горитъ, ни въ водѣ не тонетъ. Ее нашелъ возможность сдѣлать безвредною уже Ѳеофилактъ. Далѣе уже разсказывались самыя фантастическія вещи объ Иринеѣ.

Ириней, какъ честный человѣкъ, оставляя службу при семинаріи, не захотѣлъ воспользоваться найденнымъ имъ въ библіотекѣ неоцѣненнымъ сокровищемъ, онъ добросовѣстно возвратилъ бѣлую магію опять въ библіотеку, гдѣ она и оставалась нѣсколько времени безъ употребленія. Наконенъ узналъ объ ней Ѳеофилактъ; взялъ, прочиталъ и понялъ, какимъ ужаснымъ орудіемъ она можетъ служить въ рукахъ неблагонамѣреннаго человѣка, и уничтожилъ ее.

Въ заключеніе хочу сказать, что дѣйствительно почтенный отецъ Ириней умеръ въ концѣ 30-хъ годовъ, въ 1838 или 1839 году, проживши слѣпымъ въ Спасскомъ монастырѣ и въ большой бѣдности. Но все-таки онъ не оставлялъ своихъ ученыхъ занятій, только уже пристрастился къ богословію. Для этого просилъ кого-либо изъ монаховъ читать ему сочиненія отцовъ церкви и другихъ писателей; онъ слушалъ и разсуждалъ, и послѣднимъ награждалъ своего чтеца; другаго онъ ничего не имѣлъ.

Такъ сказать, антиподомъ Иринея можетъ служить Моргафонъ, котораго ребяческую глупость и выходки я описалъ въ первой части этого сочиненія объ устройствѣ духовныхъ училищъ въ Россіи. Повторять здѣсь то же самое нѣтъ надобности. Но можно прибавить кое-что о томъ, чего тамъ нѣтъ. Уроки Моргафона начинались

иногда часу въ седьмомъ утра, когда въ зимнее время было не только въ комнатахъ, но и на дворѣ очень темно. Ученикамъ очень не нравились его ранніе визиты, и потому они рѣшились его отъучивать отъ нихъ способами, сообразными съ тогдашними грубыми нравами. Высмотрѣвши чрезъ особаго часоваго, что Моргафонъ уже на семинарскомъ дворѣ, они тушили огонь въ своемъ классѣ, а близъ самой двери ставили лохань съ помоями. Моргафонъ, растворивши дверь, видя въ комнатѣ тьму кромѣшную (окна закрывались ставнями снаружи) и слыша храпѣнье и сопѣнье мнимо спавшихъ, останавливался на порогѣ и громкимъ голосомъ говорилъ: «в о с т а н ь т е, с п я щ і е!» Но спящіе не вставали, а еще громче всхрапывали. Тогда н е у д е р ж и м ы й Моргафонъ быстро, по своему обычаю, врывался въ комнату, зацѣплялся за лохань, опрокидывалъ ее и кричалъ уже такъ, что спящимъ нельзя было не проснуться. Вставали, не вдругъ зажигали огонь и находили почтеннаго своего наставника на полу запачканнымъ. Начинались извиненія съ одной стороны, негодованіе—съ другой; все дѣло сваливалось на служителя, который хотѣлъ вынести лохань, дотащилъ о порога, но, не имѣя силъ переставить ее въ сѣни, пошелъ отыскивать помощника, замѣшкался или забылъ, а тутъ почтенный Моргафонъ влетѣлъ и зацѣпился за лохань. Въ другое время измѣняли тактику. На выдавшуюся часть двери, отворявшейся въ сѣни, ставили большую плаху такъ, чтобы она падала внизъ, какъ только отворится дверь. Моргафонъ, по своему обычаю, размашисто растворялъ дверь, плаха падала ему на плечо, на голову или на другія части тѣла, и ежели не зацѣплялась за него, то производила порядочный стукъ. Моргафонъ большею частію тутъ пугался, поворачивалъ назадъ и уже спустя много времени являлся на свою лекцію. Замѣчательно, что тѣ же самые ученики, которые продѣлывали такія штуки со своимъ наставникомъ, были послушными, когда онъ, какъ учитель, находилъ нужнымъ ихъ сѣчь. Одни безпрекословно ложились, другіе садились на лежавшаго и раздѣвали, а дневальный или сѣкуторъ поролъ своего любезнаго товарища какъ нельзя лучше. Моргафонъ любилъ въ этомъ случаѣ припрыгивать и проговаривать: «т а-т а-т а, а г а, д о н я л и!» особенно когда наказываемый отъ сильно и ловко направленнаго удара

сильно вскрикивалъ или поднимался серединою своего тѣла. Причина была простая. Пожалуйся Моргафонъ на продѣлки, которыя съ нимъ дѣлали, виновнаго трудно, даже невозможно было отыскать, а всѣхъ пересѣчь находили неумѣстнымъ. Но скажи тотъ же Моргафонъ, что такой-то не легъ или плохо сѣлъ, ну, тогда виновный на лицо, и правленская плеть научила бы его, какъ слѣдуетъ повиноваться своему учителю.

Въ 1815 году, при преобразованіи Рязанской семинаріи, всѣ прежніе ея наставники удалены, кромѣ учителя риторики Ѳедора Ивановича Срезевскаго; самъ Іеронимъ, какъ я уже выше сказалъ, остался только ректоромъ. Хотя Срезевскій былъ очень дѣльнымъ наставникомъ, но едва-ли бы и онъ удержался на своемъ мѣстѣ, если бы ему не помогъ Ѳеофилактъ. Тогда отъ учителей требовали конспекты наукъ, ими преподаваемыхъ; Ѳеофилактъ пожелалъ самъ прочитать составленный Срезевскимъ конспектъ по словесности, указалъ, какъ исправить, и черезъ это помогъ составителю не только остаться учителемъ, но и сдѣлаться инспекторомъ семинаріи. Мѣста увольненныхъ наставниковъ заняты были только-что кончившими курсъ студентами С.-Петербургской духовной академіи, которыхъ всѣхъ, кажется, было прислано въ Рязань пять человѣкъ. О Полотебновѣ я уже говорилъ; о Красильниковѣ скажу, когда дойду до философскаго класса; о іеремонахѣ Гавріилѣ Городковѣ, бывшемъ послѣ рязанскимъ архіепископомъ, мнѣ придется говорить послѣ.

Теперь замѣчу только, что это была вялая, безжизненная натура, не владѣвшая даромъ слова, не богатая свѣдѣніями, онъ былъ скучнымъ профессоромъ богословія. Тарасовъ самъ по себѣ былъ очень не далекій человѣкъ, но, преподавая гражданскую исторію, онъ не ограничивался однимъ учебникомъ, а читалъ привезенныя имъ академическія записки по исторіи и строгостью, а также и занимательностью умѣлъ заставить учениковъ слушать его и хотя кое-что лишнее упомнить. Но перломъ, драгоцѣнностью между новыми профессорами Рязанской семинаріи былъ Яковъ (кажется) Семеновичъ Магницкій, по прозванію фурсикъ. Я не нашелъ его фамиліи въ спискахъ Московской и Петербургской академіи и потому не могу сказать, гдѣ это сокровище получило окончательное

воспитаніе; только глупѣе и самолюбивѣе его трудно было послать на должность наставника. Онъ не только преподавалъ французскій языкъ, но занималъ также и должность секретаря правленія. Если ученикъ желалъ расположить его въ свою пользу, то стоило только сказать ему: «ваше высокоблагородіе», тогда онъ дѣлался вполнѣ готовымъ къ услугамъ сказавшаго. Но репутація ученика сильно колебалась, если онъ почтеннаго секретаря величалъ только вашимъ благородіемъ. «Да, да, ваше благородіе, слышу, слышу—и вы тоже, пожалуй уже ваше благородіе, и всякій приказный ваше благородіе» и проч. Но Боже сохрани, если ученикъ называлъ его по имени и отчеству. «Да-съ, да-съ, Яковъ Семеновичъ».—«Точно такъ-съ, меня дѣйствительно зовутъ Яковомъ Семеновичемъ; позвольте узнать ваше имя и отчество» и затѣмъ слѣдовала непримиримая ненависть, впрочемъ до тѣхъ поръ, пока всемогущее «ваше высокоблагородіе» не исправляло прежняго промаха. Однажды очень хорошій ученикъ, осиротѣвъ, подалъ г. секретарю просьбу о принятіи его на казенное содержаніе, но намѣренно или случайно назвалъ его Яковомъ Семеновичемъ. Открывается засѣданіе правленія, читаютъ просьбу ученика; такъ какъ ректоръ хорошо зналъ его успѣхи и поведеніе, то онъ и рѣшилъ вмѣстѣ съ прочими членами удовлетворить просьбу ученика. Но Яковъ Семеновичъ возсталъ противъ этого всего силою своего краснорѣчія. «Кого вы принимаете? воскликнулъ секретарь. Дуракъ, отецъ ректоръ, ей Богу дуракъ и негодяй».

— Что̀ вы, Яковъ Семеновичъ, что̀ съ вами сдѣлалось? За что вы такъ ругаетесь? шутливо возразилъ Іеронимъ.

— Да какъ же не ругаться? отвѣчалъ Магницкій, ей Богу, дуракъ, отецъ ректоръ, и негодяй еще.

Дѣло состояло въ томъ, что въ горячности Яковъ Семеновичъ, употребивъ слово дуракъ, не прибавилъ мѣстоименія онъ или фамилію ученика, отчего ректоръ и сдѣлался дуракомъ и негодяемъ. На-силу кое-какъ разъяснили Магницкому собственный его промахъ.

Однажды онъ, сидя одинъ въ присутствіи правленія, позвонилъ; въ канцеляріи не было служителя, поэтому на звонокъ и вошелъ одинъ изъ письмоводителей.

— Вы что? спросилъ Магницкій.

— Вы изволили звать? отвѣчалъ письмоводитель.

— Да развѣ вы должны входить? съ негодованіемъ сказалъ секретарь, — это дѣло служителя.

— Да его нѣтъ, дерзнулъ отвѣтить письмоводитель.

— Ну, нѣтъ, такъ нѣтъ, а вы не смѣете на звонокъ входить, ступайте, занимайтесь своимъ дѣломъ.

Письмоводитель ушелъ; Яковъ Семеновичъ вновь зазвонилъ; служителя все еще не было, но и письмоводители не двигались съ мѣста. Яковъ Семеновичъ вышелъ самъ въ канцелярію.

— А что, гдѣ служитель? спросилъ онъ.

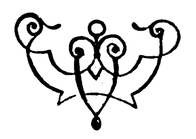
— Ушелъ на кухню, отвѣчали ему.

Яковъ Семеновичъ, не отрывая отъ дѣла письмоводителей, бросился самъ отыскивать служителя, отыскалъ и дорогою, а потомъ въ правленіи, ругалъ его за то, какъ онъ смѣлъ отлучиться, когда тутъ сидитъ г. секретарь.

— Вотъ ты мнѣ нуженъ былъ, а тебя нѣтъ, дѣла остановились.

Служитель оправдывался и все шелъ за Магницкимъ въ самую присутственную комнату. Тутъ разгнѣванный и утомленный секретарь сѣлъ въ кресло, отдохнулъ и потомъ съ торжественностью сказалъ служителю: «поди, подними мое перо». Всѣ хлопоты и остановка въ дѣлахъ произошла именно только отъ этого пера, которое уронилъ на полъ г. секретарь и самъ не хотѣлъ поднять, но за лучшее счелъ сбѣгать на кухню и, отыскавъ тамъ служителя, приказать ему поднять перо. Этотъ пустой человѣкъ былъ уволенъ изъ семинаріи въ 1822 году.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИВАНЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ГОЛЫШЕВЪ.

По поводу истекшаго тридцатилѣтія его учено-литературной и художественной дѣятельности.

(1861—1891).

Читатели «Русской Старины», безъ сомнѣнія, помнятъ появившіяся на ея страницахъ Воспоминанія И. А. Голышева, (т. XXIV и XXV, 1879 года). По этому поводу покойный редакторъ «Русской Старины», М. И. Семевскій написалъ слѣдующую замѣтку:

«Воспоминанія И. А. Голышева (1838—1878 гг.) повѣствуютъ о жизни и трудахъ бывшаго крѣпостнаго крестьянина, основателя литографіи въ селѣ Мстерѣ (Владимірской губерніи), нынѣ извѣстнаго нашего археолога и члена многихъ ученыхъ обществъ. Искренно и глубоко сочувствуя проявленію въ народной сферѣ свѣжихъ, разумныхъ силъ, мы съ удовольствіемъ предоставимъ на страницахъ нашего изданія, мѣсто простодушной исповѣди археолога-самоучки, чествуя въ его лицѣ самородокъ, — силою воли, терпѣніемъ и неослабнымъ трудолюбіемъ преодолѣвшій препятствія, преграждавшія ему путь къ самообразованію. Въ лицѣ почтеннаго И. А. Голышева — умный, одаренный способностями простолюдинъ можетъ увидѣть поучительный примѣръ и живое доказательство великой истины, что дарованіе почти всегда проложитъ себѣ дорогу при твердой волѣ и энергіи».

Первой печатной работою И. А. Голышева была статья въ «Владимірскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ» 1862 года, подъ заглавіемъ: «Нужно ли имѣть хлѣбъ въ запасныхъ магазинахъ крестьянъ тамъ, гдѣ нѣтъ хлѣбопашества». Съ тѣхъ поръ въ печати въ

разныхъ изданіяхъ имъ помѣщено до 500 разныхъ статей, замѣтокъ, сообщеній, матеріаловъ. «Всѣ эти литературныя работы, преимущественно изъ области статистики, этнографіи, исторіи и археологіи, совмѣстно съ отдѣльными изданіями и щедрыми приношеніями старинныхъ вещей и предметовъ, сдѣлали И. А. Голышева членомъ многочисленныхъ ученыхъ обществъ и обратили на себя Высочайшее вниманіе, выразившееся во Всемилостивѣйшихъ наградахъ. 8 іюня 1866 года скромная усадьба «Голышевка» торжественно отпраздновала 25-ти-лѣтній юбилей своего владѣльца, получившаго въ этотъ день со всѣхъ концовъ Россіи осязательныя доказательства того уваженія, какимъ пользуется его имя среди людей, дорожащихъ преуспѣяніемъ отечественной науки» [1]).

Остается намъ пожелать, чтобы истекшее въ настоящее время тридцатилѣтіе научно-литературной и художественной дѣятельности И. А. Голышева было не завершеніемъ ея, а лишь исходнымъ пунктомъ для новыхъ плодотворныхъ работъ.

Н. Ш.

[1]) Е. Шмурло: „И. А. Голышевъ къ 30-ти-лѣтію его научной дѣятельности". — СПбургъ 1891 г. (Изданіе редакціи журнала „Библіографъ". Н. М. Лисовскаго).

А. В. Никитенко и князь Александръ Николаевичъ Голицынъ въ 1824 году.

Въ «Русской Старинѣ» 1889 года въ предисловіи къ дневнику А. В. Никитенко 1826 года сказано, что поступленіе его въ университетъ состоялось безъ особенныхъ затрудненій, благодаря не остывавшему покровительству князя Голицына и другихъ лицъ.

По этому случаю князь А. Н. Голицынъ написалъ Д. П. Руничу нижеслѣдующее письмо, которое вѣроятно и рѣшило судьбу молодаго Никитенки.

С.-Петербургъ, 24-го октября 1824 года.

Податель сего нѣкто Никитенковъ, о которомъ я съ вами буду говорить при первомъ свиданіи, и какъ я надѣюсь въ воскресенье васъ видѣть, то вѣроятно письмо сіе получите послѣ онаго. Сей молодой человѣкъ—былъ крѣпостной графа Шереметьева и нынѣ имъ отпущенъ на волю для посвященія себя наукамъ. Я его вамъ рекомендую съ тѣмъ, чтобы вы обратили вниманіе ваше на сего интереснаго молодаго человѣка и доставили ему способъ слушать лекціи въ университетѣ. Пребываю навсегда съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью

Вашего превосходительства
покорнѣйшій слуга
князь Александръ Голицынъ.

Сообщилъ **Н. К. Шильдеръ.**

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

Матеріалы и замѣтки.

I.

Воспринятіе въ Ярославлѣ въ 1743—46 гг.

женой бывшаго Курляндскаго герцога Бирона Бенигной Тройзенъ и сыномъ ихъ Петромъ православныхъ дѣтей отъ купели св. крещенія и рѣшеніе по сему дѣлу преосвященнаго Арсенія митрополита. (Изъ „Ярославскихъ епархіальныхъ вѣдомостей“ № 27-й 1893 г). [1].

Бирону съ его семействомъ императрицей Елисаветой Петровной ссылка въ Пелымъ была смягчена чрезъ вызовъ его оттуда и водвореніе въ Ярославлѣ. Это было въ 1742 г., и жилъ Биронъ здѣсь цѣлыхъ 19 лѣтъ [2]).

Вскорѣ же по прибытіи въ Ярославль, семейство Бирона познакомилось съ семействомъ фабриканта Ивана Максимовича Затрапезнова, потому что жена Биронова съ большимъ своимъ сыномъ Петромъ уже въ іюлѣ 1743 года были воспріемниками младенца Петра у Михаила Балашева, приходившагося зятемъ Затрапезнову. Въ 1744 году у того же Балашева оня же, Биронова жена и ея старшій сынъ Петръ, были воспріемниками младенцу Маріи. Въ 1745 г. въ іюлѣ мѣсяцѣ они же и у того же Балашева были воспріемниками младенцу Сусаннѣ (который умре); кромѣ нихъ сего младенца воспріемниками были еще обрѣтавшійся тогда въ Ярославлѣ для искорененія воровъ и разбойниковъ полковникъ Ливенъ, да графиня Параскева Юрьевна, жена графа Петра Семеновича Салтыкова (правовѣрная). Въ 1746 г. іюля 5-го новорожденному у Балашевыхъ младенцу Петру воспріемниками были опять тѣ же Биронова жена и ея старшій сынъ Петръ. При всѣхъ этихъ крещеніяхъ кромѣ крещенія въ 1745 г. Биронова жена съ сыномъ воспринимали одни, и другихъ воспріемниковъ правовѣрныхъ не было.

---

[1]) Яросл. Дух. Конс. отъ 1746 г. дѣло по архиву за № 15-мъ.

[2]) Прошенія и письма Бирона и его сыновей изъ Ярославля къ разнымъ лицамъ въ С.-Петербургъ въ „Архивѣ князя Воронцова“ II, 525—48.

Но крестившій съ такими воспріемниками священникъ фабричной Петро-Павловской церкви Никита Ивановъ наконецъ долженъ былъ за сіе поплатиться. Возникло въ Ярославскомъ духовномъ правленіи о семъ дѣло. Балашевъ и іерей Никита были сюда вызваны къ допросу. Тутъ выяснилось, что Балашевъ предъ крещеніемъ еще перваго своего младенца просилъ священника Никиту, что ежель-де возможно и православному греческаго закона исповѣданію будетъ не противно, то бъ онъ, попъ, Биронову жену и большаго сына въ воспріемничество допустилъ. И при томъ онъ, Михаило Балашевъ, не изъ повелѣнія и не изъ принужденія, но разговорами оному попу Никитѣ предлагалъ, что въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ да и въ Ярославлѣ таковые жъ иновѣрные въ православныхъ церквахъ и у правовѣрныхъ христіанъ при крещеніяхъ рождшимся младенцамъ воспріемниками довольно-де допускаемы бываютъ и отъ святыя купели воспринимаютъ.

И по тѣхъ разговорахъ и просьбѣ оный священникъ Никита, разсуждая, что когда-де въ Москвѣ и въ С.-Петербургѣ и въ Ярославлѣ таковые иновѣрные воспріемники допускаются, то знатно-де церкви святѣй противности въ томъ не находится, онымъ Бироновѣ женѣ и сыну ея при крещеніи объявленныхъ младенцевъ быть позволялъ.

Но по взятымъ въ Ярославское духовное правленіе отъ всѣхъ г. Ярославля священно-и-церковнослужителей извѣстіямъ оказалось, что хотя въ нѣкоторыхъ церквахъ при крещеніи младенцевъ воспріемниками иновѣрные и были, но не одни, а съ правовѣрными. То же бывало, конечно, и въ столицахъ. Его архипастырство посему разсуждая, что оный попъ Никита знатно изъ бездѣльной своей корысти то дѣлалъ и къ тому желаніе имѣлъ,—чего ему дѣлать было весьма не надлежало и въ томъ слушаться его, Балашева, было не должно, для того что онъ, Балашевъ, ему, попу, не командиръ, а хотя бы онъ, Балашевъ, ему о томъ и приказывалъ, то и о томъ бы принужденіи надлежало объявить его архіерейству,—за такую его продерзость отъ той церкви отрѣшилъ и повелѣлъ въ Ярославскомъ духовномъ правленіи, при собраніи прочихъ священно-и-церковнослужителей, наказать цѣпками съ прочтеніемъ 50-го псалма, и послѣ того благословилъ ему имѣть служеніе въ Ярославлѣ съ крестца, а объ изобраніи къ той Петро-Павловской церкви на мѣсто его во священника достойнаго и во чтеніи искуснаго человѣка и о представленіи его преосвященскому объявлено было маіору Петру Лакостову вѣдѣніемъ [1]). По епархіи же, чтобъ иновѣрные безъ правовѣрныхъ впредь нигдѣ въ воспріемники допускаемы не были, отъ консисторіи публиковано было указами [2]).

Священникъ же Никита Ивановъ былъ возвращенъ на прежнее свое мѣсто. Преосвященный Арсеній, слушавъ поданной отъ маіора Петра Лакостова че-

[1]) Содержателю фабрики.—Съ нимъ переписку преосвященнаго митрополита по иному поводу см. въ 17-мъ № „Ярославскихъ епархіальныхъ вѣдомостей“ за 1893-й годъ.

[2]) Указъ сей напечатанъ въ тѣхъ же вѣдомостяхъ за 1890-й годъ въ № 6-мъ.

лобитной о попѣ Никитѣ и учиненныхъ о немъ засвидѣтельствованій,—отъ своего ризничнаго о знаніи симъ іереемъ символа, а отъ іеромонаха Серапіона о достоинствѣ священнослуженія,—хотя и признавалъ, что оному попу Никитѣ за его продерзость надлежало бы съ крестца служеніе имѣть вовсе, но разсуждая представленные отъ маіора Лакостова резоны благословилъ 18-го августа 1746 г. оному іерею быть по-прежнему при церкви, что на фабрикѣ и о томъ повелѣлъ дать ему указъ.

Объ обычаѣ семъ допускать инославныхъ до крещенія православныхъ преосвященнымъ митрополитомъ было представлено донесеніемъ Св. Синоду. Но еще до воспослѣдованія резолюціи на сіе отъ Св. Синода преосвященный митрополитъ отъ 26-го августа 1747 г. повелѣлъ отъ консисторіи публиковать по всѣмъ епархіальнымъ церквамъ новыми указами, дабы отъ сего времени священно-и-церковно служители въ воспріемники иновѣрныхъ хотя и съ правовѣрными отнюдь не допускали, а допускали бы однихъ правовѣрныхъ по правилу въ большомъ требникѣ московской печати, на листу 8-мъ наоборотѣ напечатанному тако: «Вѣдати подобаетъ, яко во святомъ крещеніи единъ довлѣетъ воспріемникъ, аще мужскій полъ есть крещаемый; аще же женскій, токмо воспріемница; въ нуждѣ смертнѣй можетъ крещеніе быть и безъ воспріемника» [1]).

II.

Кенигсбергская въ 1758—62 гг. православная церковь;

настоятель ея спасо-ярославскій архимандритъ Тихонъ, его служеніе въ ней и возглашеніе въ ней имени Арсенія, митрополита ростовскаго и ярославскаго. (Изъ „Ярославскихъ епархіальныхъ вѣдомостей" № 29-й 1893 г.).

За смертію, августа 10-го 1760 г., архимандрита Владиміра Каллиграфа, Спасо-Ярославскій монастырь оставался безъ настоятеля. Возникло въ Св. Синодѣ разсужденіе о семъ, а также и о достоинствѣ состоявшаго въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ іеромонаха Тихона, который имѣлъ немаловременное и добропорядочное въ томъ корпусѣ обращеніе и къ произведенію въ означенный Спасо-Ярославскій монастырь во архимандрита оказывался достойнымъ. О семъ іеромонахѣ Тихонѣ, по дирекціи того корпуса, октября 29-го, отъ лица Св. Синода и его императорскому высочеству, великому князю Петру Θеодоровичу, было докладывано, и по докладу сему отъ его высочества о произведеніи того іеромонаха Тихона во архимандрита благоволеніе воспослѣдовало. Св. Синодъ вслѣдствіе сего приказалъ: означен-

[1]) Яросл. Дух. Конс. дѣло отъ 1747 г. за № по архиву 10-мъ.

наго іеромонаха Тихона произвесть въ С.-Петербургѣ въ показанный Спасо-Ярославскій монастырь во архимандрита. Ноября 1-го синодальнымъ членомъ преосвященнымъ Веніаминомъ, епископомъ псковскимъ, іеромонахъ Тихонъ во архимандрита и былъ произведенъ [1]).

Новопроизведенный архимандритъ Тихонъ, по фамиліи Якубовскій, былъ родомъ малороссіянинъ; происходилъ изъ уѣзднаго города Коропа, сынъ мѣщанина; учился онъ сначала въ Черниговѣ, потомъ въ Кіевской академіи, гдѣ и постригся въ монашество. Оттуда опредѣленъ въ кадетскій корпусъ іеромонахомъ. Не имѣя, по произведеніи въ архимандрита, на содержаніе себя въ С.-Петербургѣ и на исправленіе необходимыхъ нужнопотребностей, а равнымъ образомъ и на дорожный до Ярославля проѣздъ, никакихъ денегъ, онъ вошелъ въ Св. Синодъ прошеніемъ о выдачѣ ему изъ доходовъ Св Синода на счетъ Спасо-Ярославскаго монастыря трехъ сотъ рублей. Сіи деньги, по указу Св. Синода отъ 11-го декабря, и рѣшено было ему выдать на условіи возврата ихъ съ случайною денежною оказіею въ Московскую синодальную контору [2]).

Архимандриту Тихону теперь оставалось только ѣхать въ Ярославль. Отъ 10-го января 1761 г. изъ Ростовской духовной консисторіи въ Спасо-Ярославскій монастырь келарю іеромонаху Іосифу да казначею іеромонаху Пимену посланъ былъ уже и указъ о назначеніи къ нимъ новаго архимандрита съ повелѣніемъ прочесть оный при собраніи всей братіи и служителей, а также опубликовать и въ монастырскихъ вотчинахъ. Но вмѣсто встрѣчи самого архимандрита монастырскія власти въ то же время прочли лишь другой указъ консисторіи о высылкѣ изъ синодальныхъ Спасо-Ярославскаго монастыря доходовъ въ Московскую синодальную контору 300 рублей. Архимандритъ же Тихонъ въ С.-Петербургѣ потребовался для исполненія нѣкотораго нужнѣйшаго дѣла, а именно для основанія православной церкви въ прусскомъ столичномъ городѣ Кенигсбергѣ, который въ 1758 г. былъ взятъ россійскими войсками. Туда онъ и отправился и тамъ отправлялъ въ новооснованной церкви священнослуженіе.

Уже изъ Кенигсберга архимандритъ Тихонъ отъ 22-го іюля 1761 г. обратился къ преосвященному митрополиту съ такимъ всенижайшимъ прошеніемъ:

Святѣйшаго Правительствующаго Синода члену, Великому Господину, Господину Преосвященнѣйшему Арсенію Архіепископу, Митрополиту Ростовскому и Ярославскому,

премилосердому Архипастыреви моему,
всенижайшее прошеніе.

«Въ данномъ при виправи мене нижайшаго въ Кенишбергъ, на секретную коммисію Ея Императорскаго Величества, Самодержицы Всероссійскія, изъ Св. Правительствующаго Синода, отъ 8-го декабря прошедшаго 1760-го года,

---

[1]) Яросл. Дух. Конс. отъ 1761 г. дѣло по архиву за № 40.

[2]) Яросл. Дух Конс. отъ 1761 г. въ дѣлѣ за № 40 л. 6—11.

указѣ повелѣно мнѣ нижайшему, ежели доведется по коммисіи, до опредѣленія на мѣсто архимандрита Ефрема другого кого, здѣсь мнѣ остаться службу Божію отправлять по чину и по мѣсту монастыря Спасо-Ярославскаго».

«Но хотя мнѣ нижайшему, въ силу состоявшіяся во ҂од году августа въ ді-й день, блаженныя и вѣчно достойныя памяти Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца, грамоты, чинъ священнослуженія онаго Спасо-Ярославскаго монастыря нѣсколько и извѣстенъ, однакъ я нижайшій того безъ благословенія и повелѣнія Вашего Высокопреосвященства, яко Архипастыря моего премилосердаго, начать не смѣю и по ся поры».

«А что съ прошеніемъ умедлилъ, не утруждалъ, то тому причиною всеминутное ожиданіе моего отсюда спасенія».

«Нынѣ же, когда по обстоятельствамъ разсуждая, что того счастья скоро дождаться не уповаю, а многіи такого священнослуженія здѣсь ожидаютъ, а особливо господинъ губернаторъ здѣшней, Василей Ивановичъ Суворовъ [1]), часто о томъ говорилъ мнѣ, что я бы де многихъ иностранныхъ въ церковь привелъ, ежелибъ де такое священнослуженіе отправляемо было, того ради, ежели ненадежно скоро мене нижайшаго отсюда вовратить, что единственнѣ на высокоотеческой Вашего Высокопреосвященства Архипастырской милости зависитъ, то рабски молю, да благоволитъ Ваше Высокопреосвященство Архипастырское благословеніе прислать съ высокомилостивоотеческимъ повелѣніемъ и предписаніемъ мнѣ нижайшему, во вящшее благолѣпіе и благоговѣніе Богоустроенія здѣсь Греко-Россійскія православныя церкви, служить по силѣ вышеписанныя Великаго Государя Царя и Великаго Князя, блаженныя и вѣчно достойныя памяти, Алексѣя Михайловича, Самодержца Всероссійскаго, грамоты.

«Я же какъ нынѣ возглашаю, такъ въ ономъ служеніи и сугубо еще Вашего Высокопреосвященства имя, яко Архипастыря моего, возглашать должествую, точно какъ бы въ своемъ монастырѣ суще. И сіе съ радостію моею особеннѣйшею творю и творить имѣю, что Ростовской митрополіи, святостію и чудесами нетлѣнныхъ мощей своихъ предсѣдателей многопрепрославленной, нынѣшне(і)й предсѣдатель, святыхъ подражательнѣйше(і)й, мой исто(ы)й Архипастырь, здѣсь Божіимъ изволеніемъ, моими грѣшными устами, въ церквѣ святѣй возглашается. Сіе я за особливѣйшую радость имѣя и всенижайше донося, высокомилостибоотеческой Архипастырской, со всеглубочайшимъ моимъ упокореніемъ рабскимъ, ожидаю резолюціи и святительскаго благословенія.

Вашего Высокопреосвященства,
премилосердаго Архипастыря моего,
всенижайшій рабъ
Тихонъ, Архимандритъ
Спасо-Ярославскій.

—1761 года
Іюля 22 дня.
Кенишбергъ.

[1]) Это отецъ знаменитаго Александра Васильевича Суворова.

Получивъ сіе прошеніе, преосвященный митрополитъ о вышеописанномъ повелѣлъ достовѣрно справиться и немедленно ему предложить.

Оказалось, что подобное священнослуженіе въ Спасо-Ярославскомъ монастырѣ уже имѣлъ архимандритъ Каріонъ (1734—37 гг.) и подобное же священнослуженіе преосвященнымъ митрополитомъ отъ 6-го декабря 1747 г. было дозволено архимандриту Варѳоломею Любарскому. Да и дому его архипастырства экономъ іеромонахъ Амвросій [1]) сказалъ: «въ бытность де его при Ярославской соборной церкви протопопомъ, видалъ онъ, что Спасо-Ярославскаго монастыря архимандриты въ томъ монастырѣ священнослуженіе имѣли на коврѣ съ рипидами и со осѣненіемъ свѣщнымъ, держа въ рукахъ по одной свѣчѣ безъ подсвѣщниковъ».

Преосвященный Арсеній митрополитъ вслѣдствіе этого отвѣтилъ въ Кенигсбергъ архимандриту Тихону такимъ письмомъ за собственноручной подписью:

Преподобнѣйшій Господинъ,
отецъ Архимандритъ Тихонъ,
мой въ Духу Святомъ
братъ возлюбленный!

«Прошеніе Вашего Преподобія, отправленное іюля 22, я получилъ въ Ростовѣ сего августа 17 числъ, и о служеніи прежнихъ архимандритовъ Спасо-Ярославскихъ справливался; и оказалось, что оныя по грамотѣ, въ Вашемъ прошеніи упоминаемой, служивали на коврѣ съ рипидами и со осѣненіемъ свѣщнымъ такъ, что въ рукахъ имѣли по одной свѣчѣ безъ подсвѣщниковъ, каковое служеніе и Вамъ я имѣти позволяю и благословляю, и сія предложивъ навсегда пребываю

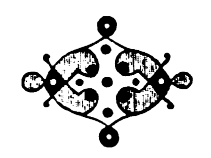
Вашего Преподобія
доброжелатель и пастырь
смиренный Арсеній
митрополитъ Ростовскій и Ярославскій.
—Послано 18 числа августа чрезъ почту [2]).

Только въ 1763 г., т. е. по возвращеніи королю Фридриху нашимъ императоромъ Петромъ III всѣхъ завоеванныхъ нами при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ у Пруссіи древне-славянскихъ областей, не стала болѣе нужна въ Кенигсбергѣ ни православная церковь, ни архимандритъ Тихонъ, который посему прибылъ въ Москву, явился здѣсь въ январѣ мѣсяцѣ въ Св. Синодъ, а за тѣмъ отправился и въ Ярославль. Въ указѣ Св. Синода отъ 18-го февраля 1763 г. на имя преосвященнаго Арсенія митрополита повелѣвалось ему, архимандриту Тихону, «за понесенныя его въ сухопутномъ шляхетскомъ

[1]) О немъ см. въ № 15-мъ „Яросл. епарх. вѣдомостей“ за текущій 1893-й годъ.
[2]) Переписку сію см. Яросл. Дух. Конс. отъ 1761 г. въ дѣлѣ за № 41-мъ

корпусѣ труды и честное житіе имѣть мантію со скрижалями красными». Въ указѣ же архипастырскомъ, во исполненіе присланнаго изъ Св. Правительствующаго Синода, между прочимъ значилось: «такожь по примѣру тѣхъ же прежнихъ архимандритовъ и надъ обрѣтающеюся въ томъ монастырѣ семинаріею ему архимандриту смотрѣніе имѣть яко ректору и въ конторѣ семинарской присутствовать [1]).

Въ 1764 г. января 13-го учреждена была Московская викарная епархія подъ именемъ Сѣвской, и архимандритъ Тихонъ іюля 10/19 былъ опредѣленъ на эту епархію епископомъ, а августа 8 и хиротонисанъ. Декабря 17-го 1767 года переведенъ на каѳедру Воронежской епархіи. Памятникомъ 7-лѣтняго своего управленія епархіею, онъ оставилъ семинарію, основанную его предшественникомъ Іоакимомъ Струковымъ, а имъ возведенную на высшую степень совершенства. При немъ тамъ открыта была каѳедра для преподаванія живыхъ языковъ, для чего имъ вызваны были воспитанники Кіевской академіи. Въ 1775 г. 19-го мая переведенъ на Суздальскую епархію. Управлялъ ею около 11 лѣтъ; скончался въ 1786 г. апрѣля 4-го и погребенъ въ соборѣ. Былъ послѣднимъ епископомъ суздальскимъ и юрьевскимъ. Послѣ него указомъ отъ 6-го мая 1786 г. епархія Суздальская соединена съ Владимірскою, образованною 16-го іюля 1744 г. Извѣстны въ печати его слово и рѣчь при открытіи Суздальскаго намѣстничества. М. 1779 г.

[1]) Напечатанъ въ «Яросл. еп. вѣд.» 1882 г. въ № 9-мъ.

„РУССКАЯ СТАРИНА" въ изд. 1893 г.

ТОМЪ СЕМЬДЕСЯТЪ ДЕВЯТЫЙ.

ІЮЛЬ, АВГУСТЪ, СЕНТЯБРЬ.

Записки и Воспоминанія.

Портреты.

Изслѣдованія.—Историческіе и біографическіе очерки.—Переписка.—Разсказы, матеріалы и замѣтки.

Библіографическія замѣтки о русско-историческихъ книгахъ.

1. Saxe et Moscou. Un médecin diplomate. Laurent Rinhuber de Reinufer par P. Pierling. Paris. 1893. 8°. 160. Дм. Цвѣтаева. (На оберткѣ 7-й книги „Русской Старины“ изд. 1893 г.).

2. Періодическая печать и книжное дѣло въ Россіи въ 1892 году. Сост. Л. Н. Павленковъ. Спб. 1893. 8°. (На оберткѣ 8-й книги „Русской Старины“ изд 1893 г.).
3. Опытъ систематическаго каталога инструментальнаго музея С.-Петербургской консерваторіи. Сост. Михаилъ Пѣтуховъ. Съ портретомъ А. И. Рубца, основателя музея, и съ рисунками въ текстѣ. Спб. 1893. 8°. (Тамъ же).
4. Перекличка альманахамъ. Матеріалы для библіографіи русскихъ литературныхъ альманаховъ и сборниковъ конца XVIII-го и первой половины XIX-го столѣтія (1794 по 1850 г.). Составилъ въ селѣ Глѣбовѣ, Подольской губерніи, графъ Е. Путятинъ. Новая Ушица. 1893. 12°. (На оберткѣ 9-й книги „Русской Старины“ изд. 1893 г.).
5. Саратовскій край. Историческіе очерки, воспоминанія, матеріалы. Изданіе Саратовскаго общества вспомоществованія нуждающимся литераторамъ. Вып. I. Саратовъ. 1893. 8°. (Тамъ же).
6. Слуги печати. Очерки книгопечатнаго дѣла. Съ рисунками на отдѣльныхъ листахъ. А. Бахтіаровъ. Спб. 1893. 12°. Ц. 1 руб. (Тамъ же).

въ провинціи; но жаль, что при этомъ, за очень немногими исключеніями (какъ напр. №№ 169, 176а, 180), нѣтъ отмѣтокъ, какіе именно альманахи принадлежатъ къ послѣдней категоріи (см. №№ 73, 98, 158а и др.), и такимъ образомъ рѣшительно нѣтъ возможности дать себѣ отчетъ, какія свѣдѣнія правдивы и какія требуютъ дальнѣйшей повѣрки.

Вообще можно предполагать, что графъ Путятинъ, предпринявъ составленіе своего труда, почти одновременно началъ его печатать, и при этомъ становится совершенно непонятнымъ, почему составителю понадобилась такая поспѣшность въ этомъ дѣлѣ, тогда какъ, при нѣсколько иномъ разсчетѣ времени, онъ могъ бы свой трудъ тщательно провѣрить въ рукописи и такимъ образомъ избѣжать очень многихъ ошибокъ.

Тѣмъ не менѣе графу Путятину надо отдать справедливость, что онъ первый составилъ перечень альманахамъ до конца первой половины нынѣшняго столѣтія, и съ этой стороны его трудъ заслуживаетъ вниманія. Будемъ надѣяться, что онъ продолжитъ свою работу и постарается избѣжать разныхъ недосмотровъ, сдѣлавъ свой трудъ полезнымъ не для однихъ коллекціонеровъ и книгопродавцевъ, но и для людей науки, поставленныхъ въ необходимость прибѣгать за справками къ библіографическимъ пособіямъ. Недосмотры, разумѣется, неизбѣжны во всѣхъ библіографическихъ трудахъ и въ особенности въ работахъ спѣшныхъ, но едва ли обиліе ихъ извинительно въ настоящемъ трудѣ, для котораго никакіе сроки, казалось бы, не могли быть обязательными.

Н. Л.

Саратовскій край. Историческіе очерки, воспоминанія, матеріалы. Изданіе Саратовскаго Общества вспомоществованія нуждающимся литераторамъ. Вып. I. Саратовъ. 1893. 8°.

Въ сборникъ вошли статьи, касающіяся исторіи мѣстности города Саратова, его топографіи, развитія въ немъ общественной дѣятельности и умственной жизни. Какъ бы введеніемъ служитъ краткій обзоръ исторіи Саратовскаго края сост. С. И. Кедровымъ. Потомъ слѣдуетъ подробная Саратовская лѣтопись, составленная Ф. В. Духовниковымъ и Н. Ф. Хованскимъ, и излагающая событія саратовской жизни съ XIII вѣка до 1890 года. Въ сборникѣ помѣщены черновые наброски покойнаго проф. Г. С. Саблукова, найденные въ его бумагахъ и относящіеся къ исторіи топографіи Саратова. По этому же предмету имѣется статья Ф. В. Духовникова, излагающая топографическія свѣдѣнія, относящіяся къ началу нынѣшняго столѣтія. О саратовской жизни въ 1810—1830-хъ годахъ сообщаются подробности въ запискахъ К. И. Попова. Далѣе въ сборникѣ можно найти рядъ статей Н. Ф. Хованскаго, Ф. В. Духовникова и др., касающихся исторіи печатнаго дѣла въ Саратовѣ и его отдѣльныхъ періодическихъ изданій („Саратовскія губернскія вѣдомости“ и „Саратовскій листокъ“), исторіи книжной торговли, развитія народнаго образованія и т. п. Вообще сборникъ составленъ съ очень интереснымъ подборомъ статей, и надо пожелать ему самаго успѣшнаго распространенія, чтобы издавшее его Общество имѣло возможность скорѣе приступить къ составленію и печатанію послѣдующихъ томовъ.

Н. Л.

Слуги печати. Очерки книгопечатнаго дѣла. Съ рисунками на отдѣльныхъ листахъ. А. Бахтіаровъ. Спб. 1893. 12°. Ц. 1 руб.

Въ небольшой книжкѣ авторъ довольно обстоятельно знакомитъ читателя съ современнымъ положеніемъ различныхъ отраслей дѣятельности, относящихся къ книгопечатному дѣлу. Онъ начинаетъ съ наборщиковъ и словолитчиковъ, знакомитъ съ ихъ работой, потомъ переходитъ къ разсмотрѣнію типографской дѣятельности вообще, приводитъ развитіе ея въ Петербургѣ и, коснувшись въ частности Синодальной типографіи, подробно разсказываетъ ея исторію, описываетъ устройство и даетъ свѣдѣнія о производительности этой типографіи за послѣднее время. Далѣе авторъ сообщаетъ свѣдѣнія о корректурѣ и корректорахъ, о гравированіи и граверахъ, о типографской краскѣ и бумагѣ, о книгахъ для слѣпыхъ и т. п. Особенною подробностью изложенія отличаются главы, посвященныя газетному дѣлу (стр. 80—123), издателямъ и книгопродавцамъ (стр. 177—195) и писателямъ (стр. 196—226). Въ этихъ главахъ приведено не мало любопытныхъ данныхъ, подкрѣпленныхъ цифрами, касающихся развитія дѣятельности и ея экономическаго положенія. Въ общемъ книга составлена интересно и можетъ быть прочтена не безъ пользы, несмотря на свой компилятивный характеръ.

Н. Л.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1893 г.

ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ «Русской Старины», Невскій просп., д. № 20, у Полицейскаго моста, книжный магазинъ **А. Ѳ. ЦИНЗЕРЛИНГА** (бывшій Мелье и К°.). Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ конторы, при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ отдѣленіяхъ конторы при книжн. магазинахъ: въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магаз. **Ф. В. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжн. магазинѣ **Н. Я. Оглоблина.**

☛ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **«Русская Старина»**, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

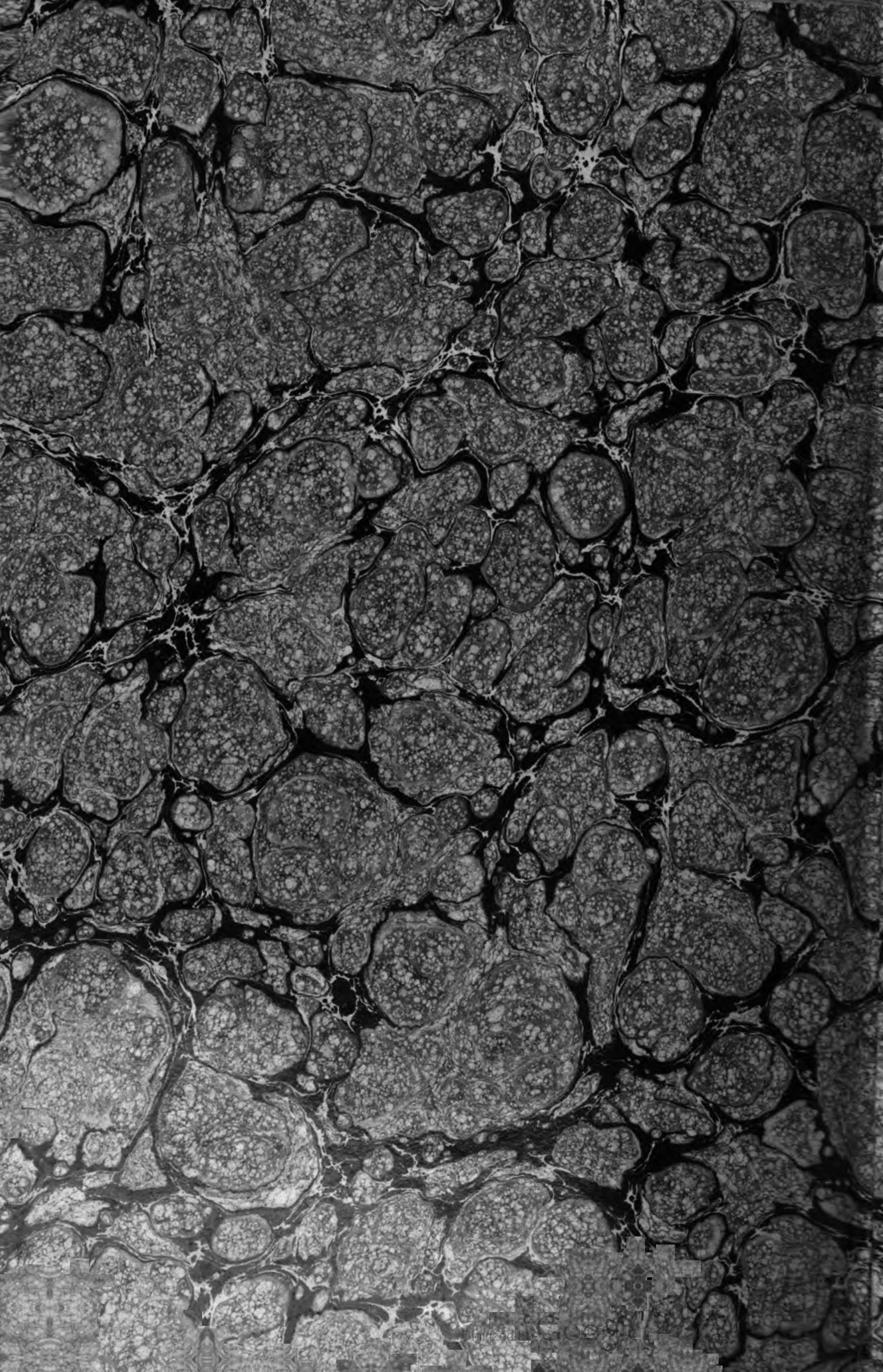
Въ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» помѣщаются:

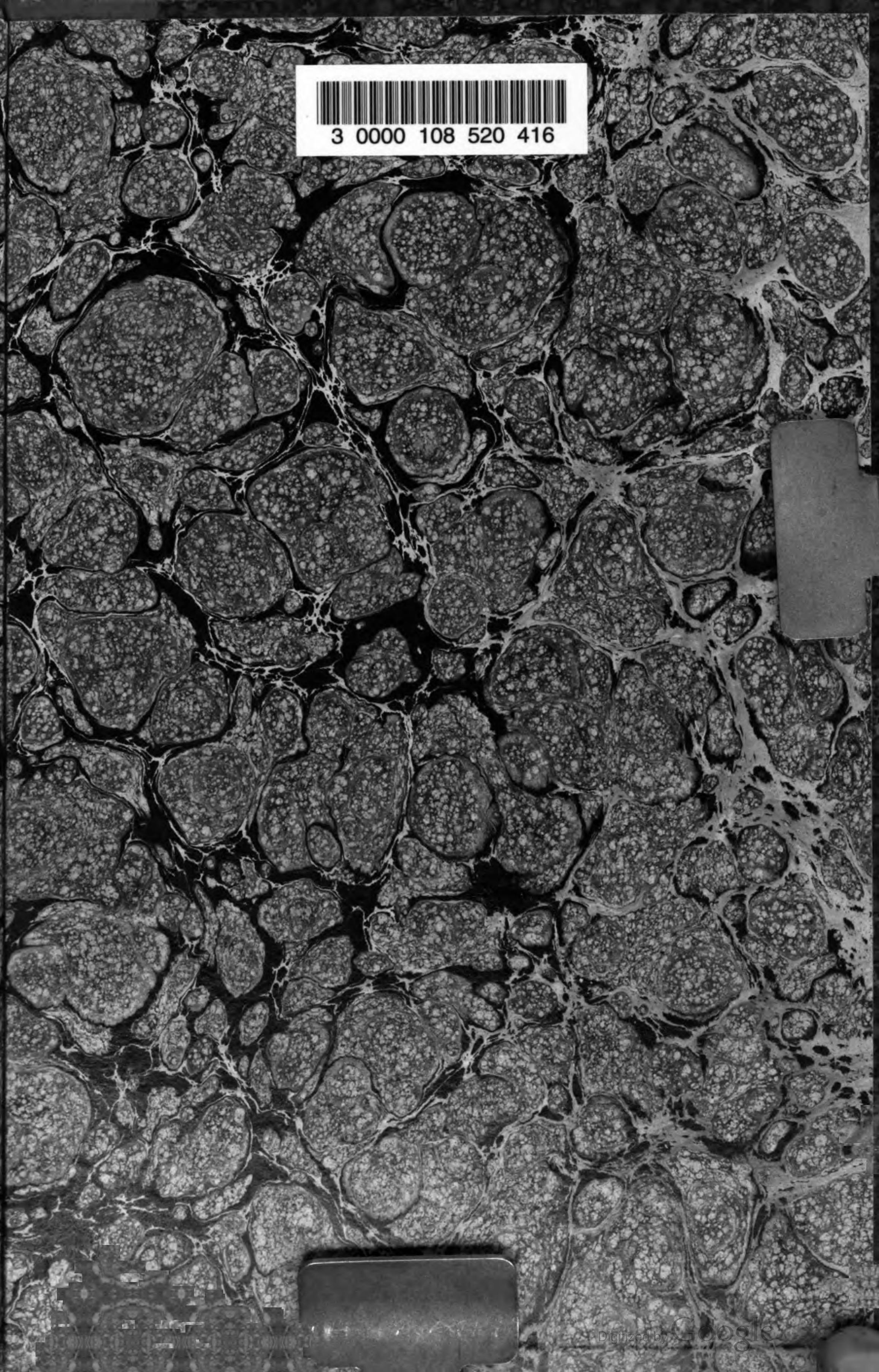
I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получать въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

«Русская Старина» 1870 г., третье изд. (*4 экз.*), съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина» 1876 г., второе изд. (*40 экз.*), съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина» 1877 г., 12 книгъ (*24 экз.*), съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина» 1878 г., 12 книгъ (*22 экз.*), съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина» 1879 г., второе изд. (*3 экз.*), съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина» 1880 г., 12 книгъ (*41 экз.*), съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина» 1881 г., 12 кн., изд. второе (*14 экз.*), съ портр., 9 руб.
«Русская Старина» 1884 г., 12 книгъ (*40 экз.*), съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1885 г., 12 книгъ (*34 экз.*), съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1886 г., 12 книгъ (*3 экз.*), съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1888 г., 12 книгъ (*42 экз.*), съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1889 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1890 г., двѣнадцать книгъ съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1891 г., 12 книгъ (*32 экз.*), съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1892 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 9 руб.

Редакторы-издатели: **Н. Шильдеръ** и **С. Зыковъ.**

3 0000 108 520 416
Digitized by Google

